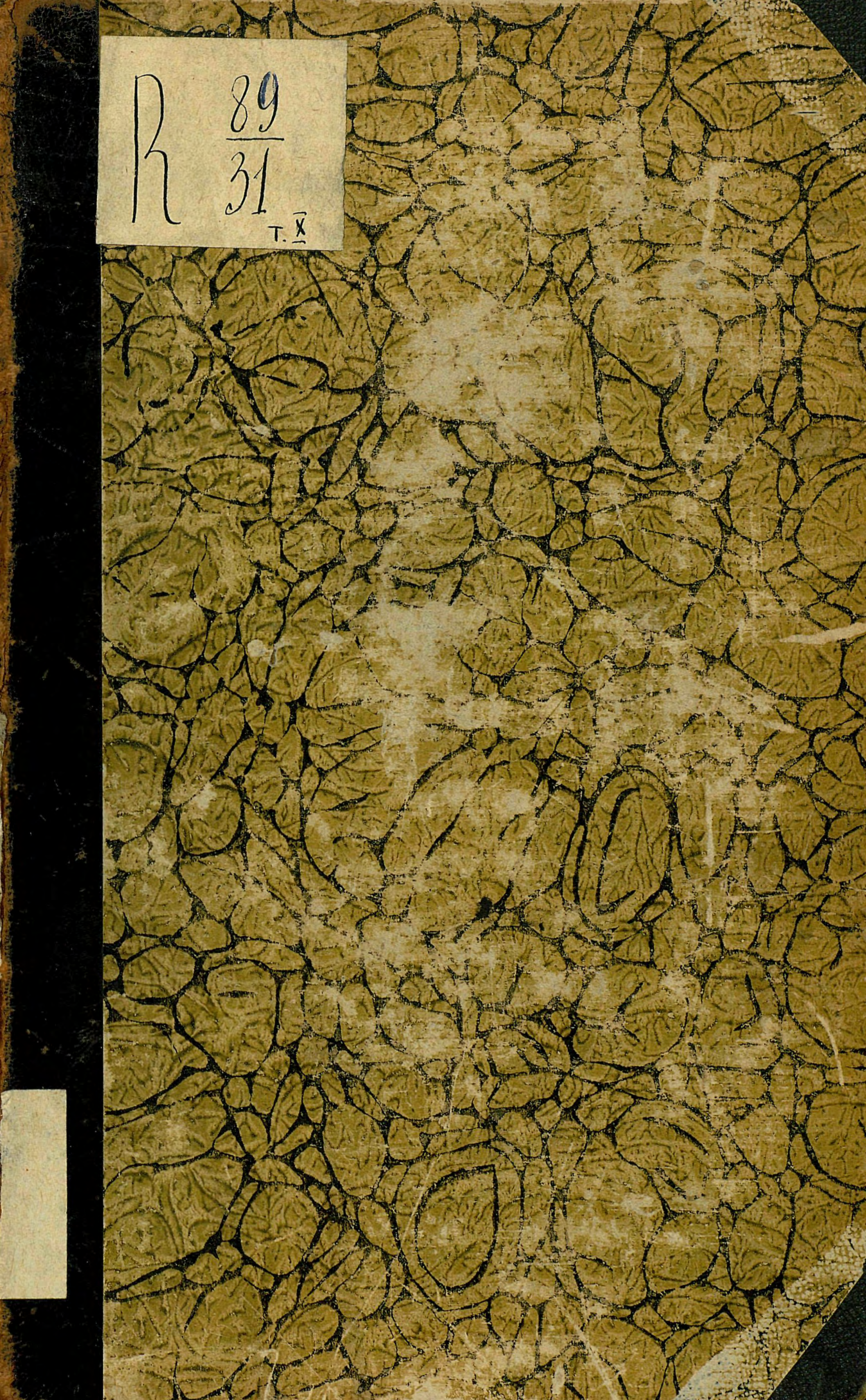


Общедоступная Богословская Библіотека.
ВЫПУСКЪ XXIII.

БОГОСЛОВСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ.

ТОМЪ X.

КИННАМОНЪ-КІОНЪ.

Съ 13-ю рисунками и двумя картами.

Составленъ подъ редакціей

Н. Н. ГЛУБОКОВСКАГО,

Д-ра богословія, ординарнаго профессора С.-Петербургской Духовной Академіи.

ИЗДАНІЕ

преемниковъ † профессора

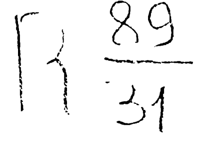
А. П. Лопухина.

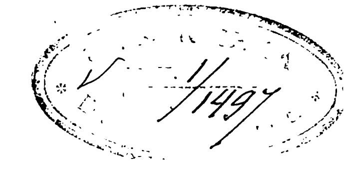
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Безплатное приложеніе къ духовному журналу „СТРАННИКЪ" за

1909 г.

ОГОСЛОВСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДІЯ.





ТОМЪ X.

КИННАМОНЪ-КІОНЪ.

Съ 13-ю рисунками и двумя картами.

Составленъ подъ редакціей

Н. Н. ГЛУБОКОВСКАГО,

Д-ра богословія, ординарнаго профессора С.-Петербургской Духовной Академіи.

ИЗДАНІЕ

преемниковъ † профессора

А. П. Лопухина.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

.ЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ДУХОВНОМУ ЖУРНАЛУ „СТРАННИКЪ" ЗА

1909 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. Спб. акц. общ. печ. и писчеб. дѣла въ Россіи „Слово“: ул. Жуковскаго, 21.
1909 г.

СПИСОКЪ СОТРУДНИКОВЪ

X-го тома „Богословской Энциклопедіи“.

---

1) **Андреевъ**, Иванъ Димитріевичъ, магистръ богословія, экстра-ординарный профессоръ церковной исторіи Спб. Университета (Спб., Петербургская сторона, Песочная улица, д. № 29, кв. 18).

Богоявленскій, Іоаннъ Яковлевичъ, священникъ, кандидатъ богословія, настоятель кладбищенской церкви въ г. Кронштадтѣ С.-Петербургской губерніи.

Бронзовъ, Александръ Александровичъ, докторъ богословія, ординарный профессоръ Спб. Духовной Академіи (Спб., Невскій пр., д. № 182, кв. 3).

Воскресенскій, Григорій Александровичъ, д-ръ богословія, заслуженный орд. проф. Московской Дух. Академіи, членъ-корреспондентъ Императорской Академіи Наукъ (Сергіевскій Посадъ Московской губ., св. домъ).

5) **Глаголевъ**, Александръ Александровичъ, священникъ, магистръ богословія, э.-ординар. проф. Кіевской Дух. Академіи и настоятель Николо-Добринской церкви (Кіевъ, Подолъ, уголъ Боричева тока и Покровскаго проулка, д. № 20—4).

Глубоковскій, Николай Никаноровичъ, д-ръ богословія, ординар. проф. Спб. Дух. Академіи (Спб., Невскій пр., д. № 180, кв. 5). Имъ проредактированы въ этомъ томѣ рѣшительно всѣ статьи, которыя въ нужныхъ случаяхъ исправлены и дополнены, при чемъ ему принадлежатъ и вставки (въ текстѣ и примѣчаніяхъ), помѣщенныя въ угольныхъ скобкахъ [ ], хотя бы онѣ не были отмѣчены его именемъ или инииціалами, какъ это иногда встрѣчается.

Груздевъ, Борисъ Ивановичъ, кандидатъ богословія, справщикъ Спб. Синодальной типографіи (Спб., Кабинетская ул., д. № 15).

Евдокимъ (Мещерскій), магистръ богословія, епископъ каширскій, викарій тульской епархіи, бывшій ректоръ Московской Дух. Академіи (г. Тула).

Егоровъ, Николай Андреевичъ, канд. богословія, псаломщикъ Александро-Невской церкви при Императорской Россійской миссіи въ Копенгагенѣ, въ Даніи (Dänemark, Kopenhagen, Amaliengade 34[II]).

10) **Елеонскій**, Николай Александровичъ, протоіерей, магистръ богословія, заслуженный проф. богословія Московскаго Университета (Москва, зданіе Университета, по Моховой улицѣ).

Жузе, Пантелеймонъ Крестовичъ, магистръ богословія, лекторъ въ Казанской Дух. Академіи (Казань, 1-я академическая ул., д. № 11).

Заринъ, Сергѣй Михайловичъ, магистръ богословія, смотритель Александро-Невскаго Дух. Училища и доцентъ Духовной Академіи въ г. С.-Петербургѣ (Спб., Обводный каналъ, д. № 17*б*).

Здравомысловъ, Константинъ Яковлевичъ, кандидатъ богословія, начальникъ Архива при Св. Синодѣ (Спб., Баскова ул., д. № 6).

Ивановскій, Николай Ивановичъ, д-ръ богословія, заслуж. орд. проф. Казанской Дух. Академіи (Казань, Новая Горшечная ул., св. домъ).

15) **Катановъ**, Николай Θеодоровичъ, магистръ турецко-татарской словесности, э.-орд. проф. Казанскаго Университета (Казань, Переулокъ къ 3-й гимназіи, домъ Губрячкова).

Кисель-Киселевскій, Діонисій, священникъ, настоятель православной церкви въ Садыгора (Буковина въ Австріи.—Oesterreich, Bukovina, Sadagora: Pfarrer Dionisij de Kisiel-Kisielewskij).

Колокольцевъ, Веніаминъ Васильевичъ, магистръ богословія, помощникъ инспектора Казанской Духовной Академіи.

Коржавинъ, Александръ Ивановичъ, кандидатъ богословія, преподаватель Псковской мужской гимназіи (г. Псковъ, Успенская ул., д. Дергачевой).

Крашенинниковъ, Георгій Львовичъ, священникъ, студентъ Оренбургской Дух. Семинаріи, настоятель Казанско-Богородицкой церкви въ г. Уральскѣ и областной миссіонеръ Киргизской миссіи Уральской области.

20) **Ласкѣевъ**, Павелъ Михайловичъ, кандидатъ богословія, старшій ревизоръ Смоленской Контрольной палаты (г. Смоленскъ).

Лебедевъ, Алексѣй Петровичъ, д-ръ церковной исторіи, заслуж. ординар. проф. Московскаго Университета (скончался 14 іюля 1908 года).

Лопаревъ, Хрисанѳъ Меѳодіевичъ, магистрантъ Спб. Университета, помощникъ завѣдующаго рукописнымъ отдѣломъ Императорской Публичной библіотеки (Спб., Садовая ул., д. № 20).

Мацѣевичъ, Левъ Степановичъ, кандидатъ богословія, преподаватель Одесской Дух. Семинаріи въ отставкѣ (Одесса, Слободка Романовка, Психіатрическая больница, павильонъ Атабековой).

Митропольскій, Алексѣй Арсеніевичъ, протоіерей Входо-Іерусалимской Знаменской церкви въ Спб., кандидатъ богословія (Спб., Лиговская ул., д. № 39).

25) **Мухинъ**, Николай Ѳеодосіевичъ, магистръ богословія, э.-ординар. проф. Кіевской Дух. Академіи (Кіевъ, Захарьевская ул., д. № 29).

Петровскій, Александръ Васильевичъ, магистръ богословія, священникъ Успенской Спасо-Сѣнновской церкви (Спб., Садовая ул., д. № 40, кв. 6).

Петровъ, Николай Ивановичъ, д-ръ богословія, заслуженный орд. проф. Кіевской Дух. Академіи (Кіевъ, Ильинская ул., д. № 5).

Писаревъ, Леонидъ Ивановичъ, магистръ богословія, э.-ординар. проф. Казанск. Дух. Академіи (Казань, 1-я академическая ул., д. № 11).

Пономаревъ, Павелъ Петровичъ, д-ръ богословія, э.-орд. проф. Казанской Дух. Академіи (Казань, зданіе Академіи, кв. помощника инспектора).

30) **Поповъ,** Александръ Васильевичъ, кандидатъ Спб. Историко-филологическаго Института, преподаватель прогимназіи въ г. Новомосковскѣ Екатеринославской губ.

Поповъ, Николай Васильевичъ, кандидатъ богословія, священникъ русскихъ православныхъ церквей въ г.г. По и Біарицѣ на югѣ Франціи, въ департаментѣ Нижнихъ Пиринеевъ, France, Basses Pyrénées. Pau (rue Jean Réveille, 18) или Biarritz (Avenue du Palais, 8), église Russe.

Преображенскій, Антонинъ Викторовичъ, кандидатъ богословія, библіотекарь Придворной Пѣвческой Капеллы (Спб., Мойка, д. № 20).

Прохоровъ, Григорій Васильевичъ, кандидатъ богословія, помощникъ инспектора Спб. Дух. Академіи (Спб., зданіе Академіи, Обводный каналъ, д. № 17).

Родосскій, Алексѣй Степановичъ, кандидатъ богословія, библіотекарь Спб. Дух. Академіи (скончался 8 іюня 1908 года).

35) **Рункевичъ,** Степанъ Григорьевичъ, д-ръ церковной исторіи, оберъ-секретарь Св. Синода, членъ Учебнаго Комитета при послѣднемъ и приватъ-доцентъ Спб. Университета (Спб., Кабинетская ул., д. № 17).

Смирновъ, Сергѣй Ивановичъ, магистръ богословія, э.-орд. проф. Московской Дух. Академіи (Сергіевскій Посадъ Московской губ.).

Соболевскій, Алексѣй Ивановичъ, д-ръ русскаго языка и словесности, ординар. академикъ Императорской Академіи Наукъ, заслуженный профессоръ (Спб., Пушкинская ул., д. № 15, кв. 5).

Судаковъ, Анатолій Семеновичъ, кандидатъ богословія, помощникъ инспектора Спб. Дух. Семинаріи (Спб., зданіе Семинаріи, Обводный каналъ, д. № 19).

Соколовъ, Иванъ Ивановичъ, д-ръ церков. исторіи, ординар. проф. Спб. Дух. Академіи, редакторъ „Сообщеній Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества" (Спб., Невскій пр., д. № 139, кв. 3).

40) **Сумцовъ**, Николай Ѳеодоровичъ, д-ръ исторіи русской литературы, орд. проф. Харьковскаго Университета (Харьковъ, Малогончаровская ул., д. № 38).

Титовъ, Ѳеодоръ Ивановичъ, протоіерей, д-ръ церков. исторіи, ординар. проф. Кіевской Дух. Академіи, настоятель Андреевской церкви въ Кіевѣ, редакторъ „Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей" и членъ Консисторіи (Кіевъ, Андреевскій спускъ, д. № 21, кв. 1).

Тодорскій, Павелъ Петровичъ, кандидатъ богословія, помощникъ библіотекаря Спб. Дух. Академіи (Спб., зданіе Академіи, Обводный каналъ, д. № 17).

Троицкій, Сергѣй Викторовичъ, кандидатъ богословія, преподаватель Александро-Невскаго Дух. Училища въ Спб., членъ редакціи „Церковныхъ Вѣдомостей" (Спб., Обводный каналъ, д. № 17*б*).

Тураевъ, Борисъ Александровичъ, д-ръ всеобщей исторіи, орд. проф. Спб. Университета (Спб., Васильевскій Островъ, 2-я линія, д. № 3, кв. 8).

45) **Хахановъ**, Александръ Соломоновичъ, магистрантъ Московскаго Университета, проф. Лазаревскаго Института восточныхъ языковъ въ Москвѣ.

46) **Яворскій**, Василій Степановичъ, магистръ богословія, преподаватель Тульской Дух. Семинаріи (Тула, Жуковская ул., домъ прот. А. Е. Глаголева).

Съ запросами касательно подробностей содержанія статей X-го тома „Богословской Энциклопедіи" (печатавшейся подъ наблюденіемъ помощника библіотекаря Спб. Дух. Академіи П. П. Тодорскаго) читатели приглашаются обращаться непосредственно къ самимъ авторамъ по вышеуказаннымъ адресамъ.

Содержаніе X-го тома „Богословской Энциклопедіи".

К.

(Продолженіе.)

Киннамонъ см. „Корица".

Кинноръ; евр. כִּנּוֹר—Kinnor, у LXX и въ Новомъ Завѣтѣ *κιθάρα* (ср. 1 Кор. **14**, 7. Апок. **5**, 8. **14**, 2. **15**, 2), иногда у LXX—*κινύρα*, какъ и у Іосифа Флавія (Древн. **7**, 12: з: *κινύρα, δέκα χορδαῖς ἐξημμένη τύπτεται πλήκτρῳ*), однажды, въ Пс. **136**, 2—*ὄργανον*, слав.-русск. — „гусли", „цитра", рѣдко—„цѣвница". Это—струнный національный музыкальный инструментъ у древнихъ евреевъ; кинноръ и невелъ (псалтирь) — струнные музыкальные инструменты—составляли главный аппаратъ священной древнееврейской музыки. Кинноръ,—можетъ быть, древнѣйшій изъ музыкальныхъ инструментовъ (изобрѣтеніе его приписывается еще сыну Ламеха Іувалу: Быт. **4**, 21), инструментъ, на которомъ въ своей молодости игралъ Давидъ (1 Цар. **16**, 23. **18**, 10. **19**, 9). По І. Флавію (loc. cit.), кинноръ или „киѳара имѣла десять струнъ, по которымъ ударяли палочкою"; но, вѣроятно, число струнъ киннора было различно, такъ какъ на маккавейскихъ монетахъ изображенъ кинноръ восьмиструнный; на монетахъ Баръ-Кохбы — трехструнный, а на монетахъ Симона Наси (князя)—6-ти струнный; равнымъ образомъ смычекъ могъ не употребляться при игрѣ на киннорѣ, такъ какъ о Давидѣ изъ Библіи (loc. cit. изъ 1 Цар.) извѣстно, что онъ игралъ на киннорѣ рукою или пальцами. По устройству, кинноръ имѣлъ, можетъ быть, сходство съ трехугольною египетскою и греческою лирой *φόρμιγξ*; отъ невла же, по преданію, кинноръ различался мѣстонахожденіемъ резонансирующаго ящика (у киннора послѣдній находился внизу, въ видѣ барабана, у невла — псалтири — вверху). Игра на киннорѣ (и невлѣ) служила выраженіемъ жизнерадостнаго настроенія, а не печали, при которой кинноръ замолкалъ, замѣнялся сѣтованіемъ, вѣшался на вербахъ (Иса. **24**, 8. Плач. **5**, 14. Іез. **26**, 13. Іов. **30**, 31. Пс. **136**, 2. 1Макк. **3**, 45). Оба инструмента употреблялись и при свѣтскомъ пѣніи, напр., на пиршествахъ (Иса. **5**, 12), но гораздо чаще они служили богослужебнымъ цѣлямъ — при торжественныхъ процессіяхъ (1Цар. **10**, 5. 2Цар. **6**, 5. 2Пар. **20**, 28.) и въ храмовомъ богослуженіи (Неем. **12**, 27. 1Пар. **25**, 6), при чемъ къ нимъ иногда присоединяется кимвалъ; а игрою на нихъ всегда аккомпанируется пѣснь хвалы и благодаренія (1Пар. **15**, 16. 2Пар. 5, 12. Пс. **32**, 2. **56**, 9. **70**, 21. **80**, 2. **150**, 3). Однако есть и знаменательныя различія въ употребленіи киннора и невла—псалтири.

Кинноръ имѣетъ гораздо болѣе широкое употребленіе, чѣмъ невелъ, почему первый не рѣдко встрѣчается отдѣльно, чего нельзя сказать о невлѣ. Кинноръ употреблялся въ житейскомъ быту людьми разныхъ положеній до блудницы включительно (Быт. **31**, 27. Іов. **21**, 12. 1Цар. **16**, 16. Иса. **23**, 16); напротивъ, употрбленіе невла въ застольной музыкѣ у прор. Амоса (**6**, 5) представляется оскверненіемъ свящ. инструмента. Повидимому, между кинноромъ и невломъ существовало такое же отношеніе и различіе, какъ между греческими лирой (*φόρμιγξ*) и киѳарой (*κιθάρα*): 1-й инструментъ былъ болѣе древнимъ народнымъ инструментомъ и употреблялся какъ для мірскихъ, такъ и для богослужебныхъ цѣлей, послѣдній же

[Спб. 1909, V, 26—вторникъ.

имѣлъ только или по преимуществу священное и, по крайней мѣрѣ, торжественно важное употребленіе. Кинноръ, какъ и невлъ—псалтирь, долженъ быть удобоносимъ: играли на обоихъ инструментахъ и на ходу (1Цар. **10**, 5. 2Цар. **6**, 5. 1Пар. **16**, 28. Иса. **23**, 16).

О Киннорѣ и др. музыкальныхъ инструментахъ древнихъ евреевъ можно читать въ статьѣ *Kamphausen*'a y Riem, Handwörterbuch des biblischen Alterthums II (Aufl. 2, 1894), S. 1042—1059; ср. *W. Nowack*, Lehrbuch der Hebraischen Archäologie I (Lpzg 1894), S. 272 ff. [См. еще въ библейскихъ «Словаряхъ» и «Энциклопедіяхъ» *W. Smith*'a, *H. Guthe*, *J. Hastings*'a, *T. K. Cheyne*, *F. Vigouraux*].

Свящ. *А. Глаголевъ.*

Киновія или „общежитіе" (κοινός—общій и βίος—жизнь) есть одна изъ формъ монашеской жизни. Первичнымъ и элементарнымъ бытомъ иноческаго міра было анахоретство или одиночный образъ жизни. За нимъ слѣдовало келліотство. Въ противоположность анахоретамъ, подвизавшимся въ совершенномъ одиночествѣ и уединеніи, келліоты жили по-двое, а иногда по-трое въ одно келліи — небольшомъ обособленномъ помѣщеніи, — подъ руководствомъ опытнаго въ духовной жизни старца. Келліотство, какъ вторая—послѣ анахоретства — стадія въ развитіи иноческой системы, было какъ бы семейною жизнію въ монашескомъ мірѣ. Третью стадію въ этомъ развитіи составляла жизнь скитская. Скитомъ или лаврою называлась совокупность нѣсколькихъ келлій на опредѣленной территоріи, находившихся подъ наблюденіемъ и управленіемъ общаго аввы—руководителя. Значитъ, скитъ или лавра представляла своего рода товарищество въ жизни иноческой. Отъ жизни скитской—прямой переходъ къ жизни монастырской или общинному быту въ иноческомъ мірѣ. Монастырь—это своего рода община, отдѣльная корпорація въ ряду другихъ подобныхъ же корпорацій иноческаго міра. Монастырская жизнь въ древнее время отлилась только въ одну форму—общежитіе или киновію. Въ византійскую же эпоху,—наряду съ киновіей, — въ монастыряхъ образовалась новая форма жизни, такъ наз., „идіоритмъ" или своежитіе (См. о немъ въ статьѣ „Аѳонъ": „Энц." II, 216—217). Начало общежитію положилъ преподобный Пахомій Великій († 348 г.), который устроилъ мужскую и женскую киновію въ Тавеннисп (въ верхнемъ Египтѣ) и далъ имъ общежительный уставъ, сообщенный ему,—по сказанію житія,—Ангеломъ. Уставъ преп. Пахомія отличался краткостію, не обнималъ всего строя монастырской жизни, содержалъ частныя, случайныя и отрывочныя предписанія, которыя слѣдуетъ назвать скорѣе нравственными наставленіями, чѣмъ уставными постановленіями, — записанными обычаями, чѣмъ опредѣленными законами,—духовными опытами аввы, чѣмъ возведенною въ теорію дисциплиной. Иной характеръ имѣютъ „Правила" и „Подвижническіе уставы" св. Василія великаго († 379 г.), втораго законоположника киновіи, утвердившаго и распространившаго этотъ родъ монашеской жизни въ обителяхъ Малой Азіи. Общежительный уставъ св. Василія организуетъ цѣлый строй аскетической жизни, утверждаетъ его на принципахъ и основной идеѣ этой жизни, указываетъ разумныя основанія для различныхъ частностей внѣшняго и внутренняго строя подвижничества, находитъ оправданіе для отдѣльныхъ своихъ положеній въ Свящ. Писаніи. Уставы свв. Пахомія и Василія великихъ легли въ основу киновіальнаго строя всего православнаго восточнаго монашества. На этой основѣ возникли, прежде всего, типики знаменитѣйшихъ представителей византійско-восточнаго иночества — іерусалимскій св. Саввы Освященнаго († 532 г.), константинопольскій св. Ѳеодора Студита († 826 г.) и аѳонскій св. Аѳанасія († 1001 г.), а затѣмъ—появился цѣлый рядъ такъ называемыхъ „ктиторскихъ уставовъ" (τυπικὰ κτητορικά). Послѣдніе уставы получили свое начало въ средневѣковой Византіи, гдѣ ктиторы монастырей имѣли обыкновеніе давать устроеннымъ ими обителямъ свои уставы, въ которыхъ и регламентировали внутреннюю ихъ жизнь сообразно своимъ желаніямъ и потребностямъ новой общины. Отличаясь разнообразіемъ содержанія, ктиторскіе уставы въ своихъ принципахъ примыкали къ уставамъ іерусалимскому, студійскому и аѳонскому, а чрезъ посредство ихъ восходили къ своей первооснов—типикамъ Пахомія в. и особенно Василія великаго. Изъ ктиторскихъ общежительныхъ уставовъ византійской эпо-

хи для примѣра можно отмѣтить слѣдующіе: константинопольскаго патріарха Алексія Студита, написанный между 1034—1043 годами для монастыря Успенія Богоматери, Михаила Атталіата (1077 г.) для обители Всемилостиваго Спаса въ г. Редесто, Григорія Бакуріана для Бачковскаго монастыря Богородицы Петрицонитиссы (1084 г.), св. Христодула (1091 г.) для патмосскаго монастыря Апостола Іоанна Богослова, императрицы Ирины для константинопольскаго монастыря Богородицы Благодатной (1114 г.), императора Іоанна Комнина для Пантократорскаго монастыря въ Константинополѣ (1136 г.), императора Мануила Комнина для монастыря τῶν Ἐλεγμῶν въ Константинополѣ (1162 г.), іеромонаха Нила для монастыря Богородицы Махера на Кипрѣ (1210 г.) и другіе. Общежительные уставы свв. Пахомія и Василія великихъ имѣли вліяніе на устройство киновій и на Западѣ, равно какъ въ славянскихъ странахъ и въ Россіи. Въ частности, у насъ общежительный или истинно-монашескій уставъ былъ введенъ препод. Θеодосіемъ печерскимъ, именно — въ видѣ „типика" Студійскаго, который былъ извѣстенъ препод. Θеодосію въ записяхъ краткой, сдѣланной въ Студійскомъ монастырѣ, и подробной, сохранившейся въ уставѣ патріарха Алексія Студита. Типъ киновій,—насколько онъ опредѣлился въ отмѣченныхъ уставахъ,—можно представить въ слѣдующемъ видѣ.

Во главѣ киновіи стоитъ настоятель или игуменъ (προεστώς, προϊστάμενος, ἡγούμενος, καθηγούμενος), въ санѣ обыкновенно іеромонаха или архимандрита (а на Синаѣ — архіепископа съ IX в.). Игумену принадлежитъ дисциплинарно-пасторская и административная власть. Игуменъ есть пастырь и учитель, а лучше сказать — отецъ и духовный предстоятель всѣхъ монаховъ. О всѣхъ нихъ онъ долженъ заботиться, какъ о своихъ дѣтяхъ, какъ о членахъ собственной семьи, ко всѣмъ долженъ относиться съ равною любовію и попечительностію. Прежде всего и главнымъ образомъ онъ заботится о нравственномъ совершенствѣ монаховъ. Онъ главный руководитель всѣхъ вообще и каждаго порознь въ дѣлѣ спасенія, онъ — управитель ихъ душъ (οἰκονόμος τῶν ψυχῶν). Со всей заботой и прилежаніемъ онъ долженъ убѣждать монаховъ, увѣщевать, учить, призрѣвать, больныхъ врачевать, слабыхъ поддерживать, малодушныхъ укрѣплять, согрѣшившихъ возвращать на путь истины. Съ другой стороны, онъ долженъ быть для всѣхъ примѣромъ въ нравственномъ отношеніи, образцомъ строгости и справедливости, осторожности, воздержанія, точности, умерщвленія страстей. Онъ долженъ быть примѣрнымъ исполнителемъ обѣтовъ иночества и нимало не измѣнять достоинству своего положенія и значенію монастыря. Въ видахъ лучшаго выполненія долга пастырства и учительства, игуменъ самымъ ревностнымъ образомъ долженъ слѣдить за поведеніемъ монаховъ. Онъ руководитъ всѣми ихъ дѣйствіями. Безъ его дозволенія и благословенія никто не долженъ былъ ничего дѣлать. Каждый монахъ всегда и всецѣло находится подъ его надзоромъ и властію. Око игумена бодрствовало надъ нимъ отъ момента вступленія въ монастырь до смерти. Самое постриженіе въ монахи совершалось лишь послѣ достаточного испытанія пришельца и всецѣло по желанію и съ согласія игумена. А послѣ постриженія игуменъ имѣлъ право входить въ келлію монаха въ какое угодно время. Онъ постоянно наблюдалъ, не занимаются ли монахи дѣломъ безъ его воли и желанія, не предаются ли бездѣлью или пустословію. Особенно строго игуменъ долженъ слѣдить за исполненіемъ монахами обѣта нестяжательности. Всякія лишнія вещи, найденныя въ келліи монаха, безпрекословно должно отнимать, предавать огню или раздавать бѣднымъ, а виновнаго монаха подвергать наказанію. Игуменъ долженъ заботиться и о матеріальномъ обезпеченіи монаховъ. Въ его распоряженіи находились монастырскія имущества, онъ слѣдилъ за ихъ цѣлостію и употреблялъ на монастырскія нужды. Въ его завѣдываніи были и монастырскія зданія, въ томъ числѣ—храмъ. Онъ заботился объ ихъ благоустройствѣ, предпринималъ,—въ случаѣ нужды,—ремонтъ и поправки. Вообще, на попеченіи игумена состоялъ весь монастырь со всею своею разнообразною жизнію и дѣятельностію. Все совершается здѣсь по его волѣ и желанію; отъ него все исходитъ и къ нему все возвращается. Онъ является центромъ всего общежитія. Но власть игумена не была произвольна или безконтрольна и не имѣла абсолютнаго зна-

ченія. Въ своей дѣятельности онъ долженъ былъ руководиться уставомъ монастыря и строго исполнять его предписанія. Въ случаѣ какихъ-либо нарушеній этого устава, братія монастыря имѣла право чрезъ посредство старѣйшихъ своихъ членовъ и наиболѣе видныхъ должностныхъ монастырскихъ лицъ (эконома, екклисіарха) сдѣлать игумену напоминаніе о заблужденіи и даже увѣщаніе исправиться. Если игуменъ исправлялся, настоятельская власть оставалась за нимъ, въ противномъ же случаѣ онъ лишался власти и замѣнялся другимъ лицомъ. А затѣмъ игуменъ подлежалъ духовной юрисдикціи мѣстной епархіальной власти, отъ которой получалъ утвержденіе въ должности и которой отдавалъ отчетъ въ своей дѣятельности.

Игуменъ былъ главнымъ начальникомъ киновіи, но не единолично несъ бремя монастырскаго управленія. У него былъ цѣлый штатъ помощниковъ, которые завѣдывали различными отраслями монастырской жизни. Должностныя монастырскія лица своимъ избраніемъ были обязаны всецѣло игумену. Послѣдній поставлялъ ихъ въ ту или другую должность единственно силою собственной власти и воли, при чемъ совершался особый литургическій чинъ поставленія. Должностныя монастырскія лица обязаны были дѣйствовать подъ руководствомъ игумена, съ его вѣдома и согласія, и во всемъ отдавать ему отчетъ. Игумену же принадлежало и право смѣщать ихъ. Изъ монастырскихъ лицъ одни завѣдывали монастырской собственностію и хозяйствомъ (экономъ и его помощникъ, епитропъ, наблюдавшій за недвижимыми имуществами киновіи, дохіаръ или казначей, келарь, виночерпій, трапезничій, хартофилаксъ, завѣдывавшій архивомъ и канцеляріею киновіи, и другіе), иные наблюдали за монастырскимъ храмомъ, его принадлежностями и за совершеніемъ богослуженія (екклисіархъ, скевофилаксъ, протоканонархъ и канонархъ, доместикъ, параномарь, кандилаптъ и др.), третьи вѣдали нравственный надзоръ за монахами и водвореніе въ киновіи дисциплины (епистимонархъ, епитиритъ, таксіархъ, афипнистъ—будильщикъ и остіаріи—привратники). Изъ указанныхъ монастырскихъ лицъ главное значеніе имѣли экономъ, екклисіархъ и дохіаръ. Въ позднѣйшее время въ киновіяхъ Востока возникъ игуменскій совѣтъ (ἡγουμενοσυμβούλιον), въ составъ коего входятъ нѣкоторыя изъ должностныхъ лицъ и почетные геронты (старцы) монастыря.

Всѣ монахи киновіи по отношенію къ своему игумену—духовныя дѣти, ученики. Они безпрекословно подчиняются его власти. Слово игумена для всѣхъ есть изъявленіе Господней воли: что бы онъ ни сказалъ, что бы ни повелѣлъ дѣлать,—всегда и во всемъ ему должно оказывать безусловное повиновеніе и послушаніе. Между собою всѣ иноки—братья и друзья. Они всѣ равны и не различаются ни по роду, ни по заслугамъ. Другъ къ другу они питаютъ чувство любви, между собою хранятъ миръ и единомысліе, наслаждаются духовной радостію, сильные носятъ тяготы немощныхъ. У монаховъ въ киновіи все—общее. Они живутъ въ общемъ помѣщеніи. Никто изъ монаховъ не долженъ имѣть частной собственности, какого бы рода она ни была, но каждое личное пріобрѣтеніе должно идти въ общую кассу. У всѣхъ монаховъ должна быть одна и таже, положенная уставомъ, пища въ общей трапезѣ, которую они вкушали вмѣстѣ и въ опредѣленные часы, одна и таже одежда изъ монастырской казны и въ одинаковомъ количествѣ, одинъ и тотъ же порядокъ жизни. Всѣ монахи должны заниматься исключительно молитвою, чтеніемъ божественныхъ писаній и трудомъ, часы которыхъ правильно и точно распредѣлены. Молитву они совершаютъ въ храмѣ, гдѣ ежедневно происходили всѣ положенныя уставомъ церковныя службы, и въ келіяхъ. Трудъ ихъ состоитъ въ ремеслахъ и хозяйственныхъ работахъ. Молитвы они не должны прекращать и во время физическихъ трудовъ, такъ какъ она есть самый благоуханный и пріятный для Господа ѳиміамъ. Монахи киновіи никогда не должны выходить изъ монастыря, но всегда быть въ обители и строго исполнять предписанія устава. Лишь въ крайнемъ случаѣ (напр, для посѣщенія умирающихъ родныхъ и родственниковъ) и съ разрѣшенія игумена монахи могли на короткое время оставлять обитель. Монахъ, если выходилъ изъ монастыря, долженъ былъ соблюдать приличествующую ему скромность, не говорить лишняго, не поднимать глазъ,—особенно при

встрѣчѣ съ женщинами,—но идти съ молитвою на устахъ и съ опущенными взорами. Что касается посѣщенія монастырей мірянами, то оно не возбраняется—въ мужскихъ киновіяхъ мужчинамъ, а въ женскихъ—женщинамъ, но обязательно—съ разрѣшенія игумена или игуменіи, на небольшое время и для дѣйствительной надобности. Безусловно воспрещается женщинамъ посѣщать мужскіе монастыри и мужчинамъ—женскіе. Въ монастыри безпрепятственно могли поступать достигшія совершеннолѣтія и свободныя лица. Поступающій въ монастырь долженъ порвать всѣ связи съ міромъ. Въ силу этого, онъ прежде поступленія долженъ былъ сдѣлать завѣщаніе относительно своего имущества, въ противномъ же случаѣ оно поступало въ собственность монастыря. Впрочемъ, пятою новеллой византійскаго императора Льва VI Мудраго (886—911 г.) узаконялось, что монахъ не лишается права личной собственности и завѣщанія въ томъ случаѣ, если пріобрѣталъ имущество послѣ постриженія. Онъ имѣлъ право быть полнымъ хозяиномъ этого имущества въ томъ случаѣ, если пожертвовалъ что-нибудь монастырю, когда вступалъ въ него, и долженъ былъ дать монастырю третью часть изъ пріобрѣтеннаго, если при постриженіи ничего не внесъ въ его казну. Люди, находившіеся въ брачномъ сожитіи, могли принимать монашество не иначе, какъ одна сторона съ согласія другой. Но признавалось лучшимъ устранять брачное со житіе такимъ образомъ, чтобы обѣ стороны шли въ монастырь. Постриженію предшествовало трехгодичное испытаніе; для людей благоговѣйныхъ и живущихъ подобно монахамъ искусъ сокращался до шестимѣсячнаго срока. Поступленіе производилось въ опредѣленномъ монастырѣ и въ присутствіи игумена, имѣющаго принять постригаемаго и устроить въ братствѣ своего монастыря. Постриженіе должно совершаться даромъ. Никто не въ правѣ требовать отъ стремящагося къ монашеству какого-либо приношенія. Но добровольныя приношенія принимались. Однако жертвователи не должны имѣть никакого преимущества предъ тѣми братьями, которые не сдѣлали киновіи никакого взноса, но должны быть равны со всѣми. Съ другой стороны, они не имѣли права возвращать себѣ то, что разъ было пожертвовано киновіи. Постриженники чужихъ монастырей обыкновенно не принимались въ другія киновіи. По совершеніи постриженія принявшій его дѣлался членомъ киновіи, обязывался никогда не удаляться изъ своего монастыря въ другой и строго исполнять три главные обѣта монашества: послушаніе, нестяжательность и дѣвство. Онъ долженъ жить для Бога, посвящать время молитвѣ, чтенію божественныхъ Писаній, размышленію о Богѣ, труду и благотворительности. Монашескіе обѣты должны имѣть для него вѣчное значеніе. Киновіи обыкновенно имѣли опредѣленный штатъ братства, въ зависимости отъ матеріальныхъ своихъ средствъ. Наконецъ, братія киновіи — или въ полномъ составѣ, или въ лицѣ старѣйшихъ иноковъ — принимаетъ участіе въ избраніи игумена. Утвержденіе новоизбраннаго игумена зависѣло отъ той высшей церковной власти, духовной юрисдикціи которой принадлежитъ тотъ или иной монастырь. Въ такой организаціи киновія существовала на Востокѣ въ пору наибольшаго здѣсь развитія монашества. при чемъ въ различныхъ пунктахъ иночества были тѣ или иныя второстепенныя разности сравнительно съ отмѣченнымъ типомъ, зависѣвшія отъ мѣстныхъ условій въ судьбѣ киновіи, напр., на Аѳонѣ и Синаѣ, на горахъ Метеорскихъ, въ Сиріи и пр. Но основныя черты киновіальнаго быта всегда и вездѣ сохранялись и хранятся неизмѣнно, вплоть до настоящаго времени.

Такимъ образомъ, киновія по своему устройству носитъ, такъ сказать, монархическій характеръ и основывается на принципѣ подчиненія и общиннаго житія. Она,—по сравненію св. Симеона Новаго Богослова (XI в.),—есть своего рода организмъ, главою котораго служитъ игуменъ, а членами—иноки. Какъ въ человѣческомъ организмѣ всѣ члены выполняютъ свои функціи подъ управленіемъ головы, такъ и въ киновіи каждый инокъ дѣйствуетъ по распоряженію игумена. Каждый органъ человѣческаго тѣла способенъ только къ одному назначенію, а голова комбинируетъ разнообразную дѣятельность членовъ и даетъ ей единство и стройность,—такъ и въ киновіи подъ властію одного игумена, совмѣщающаго въ себѣ разнообразныя духовныя совершенства и водворяющаго среди всѣхъ братій послушаніе и повиновеніе, создается благоустроен-

ная община, стремящаяся къ одному назначенію—въ возможной полнотѣ и совершенствѣ осуществить иноческіе идеалы.

Въ исторической судьбѣ киновіи на православномъ Востокѣ особое значеніе принадлежало киновіархамъ. *Киновіархъ* (κοινοβιάρχης) имѣлъ различное отношеніе къ киновіи или къ иноческому общежитію. Такъ, въ Египтѣ, въ монастыряхъ Тавеннисіотскихъ, киновіархъ, по уставу препод. Пахомія, занималъ положеніе „главнаго аввы" всѣхъ девяти, а потомъ тринадцати монастырей, устроенныхъ препод. Пахоміемъ и препод. Θеодоромъ Освященнымъ. Иноки всѣхъ этихъ монастырей составляли одно братство, связанное единствомъ духа, управленія и хозяйства. Каждый изъ тринадцати Тавеннисіотскихъ монастырей имѣлъ своего отдѣльнаго авву или настоятеля, но во главѣ всѣхъ монастырей и ихъ настоятелей былъ первый авва, который всѣми ими завѣдывалъ и управлялъ. Это и былъ „киновіархъ". Первымъ киновіархомъ Тавеннисіотскихъ монастырей былъ препод. Пахомій великій, какъ основатель первыхъ девяти иноческихъ общежитій, ихъ устроитель и руководитель, общій для всѣхъ иноковъ отецъ и начальникъ, законоположникъ египетскаго монашества. Незадолго до своей кончины препод. Пахомій призвалъ настоятелей всѣхъ монастырей и спросилъ ихъ, кого они желаютъ имѣть своимъ аввою или киновіархомъ. Аввы отвѣтили, что это зависитъ отъ воли препод. Пахомія, который и избралъ киновіархомъ Петронія, а послѣдній избралъ своимъ преемникомъ Орсисія, послѣ котораго главнымъ аввою--киновіархомъ былъ препод. Θеодоръ Освященный. Препод Пахомій, какъ общій для всѣхъ авва и киновіархъ, имѣлъ пребываніе сперва въ монастырѣ Тавеннисіотскомъ, а потомъ въ обители Пабо, откуда и управлялъ всѣми монастырями. Киновіархъ или главный авва имѣлъ своею обязанностію неусыпно наблюдать за жизнію въ киновіяхъ, слѣдить за исполненіемъ общежительнаго устава, руководить братствомъ въ дѣлѣ духовнаго преуспѣянія и вообще представлять въ своемъ лицѣ высшую монастырскую власть. Съ этою цѣлію главный авва лично посѣщалъ монастыри, входилъ въ сношенія съ отдѣльными настоятелями и иноками, преподавалъ имъ свои наставленія, разрѣшалъ недоумѣнія и т. п. О всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся фактахъ въ жизни монастырей ихъ настоятели спѣшили сами извѣстить главнаго авву. Послѣдній, въ случаѣ необходимости, обращался и съ письменными посланіями къ аввамъ и инокамъ отдѣльныхъ монастырей. Киновіархъ дважды въ годъ—на Пасху и къ 13-му августу—устраивалъ въ своемъ монастырѣ общія собранія, на которыя являлись всѣ аввы отдѣльныхъ монастырей и почти всѣ братія. Первое собраніе созывалось для совмѣстнаго празднованія свѣтлаго Христова Воскресенія, а второе имѣло цѣлію ревизію общаго монастырскаго хозяйства и разрѣшеніе различныхъ недоумѣній и разногласій, дабы во всѣхъ монастыряхъ царствовали миръ и любовь. Главный авва или киновіархъ самъ избиралъ настоятелей отдѣльныхъ монастырей, которые и являлись его намѣстниками, его окомъ и слухомъ. Аввы монастырей во всемъ отдавали отчетъ своему киновіарху, какъ начальнику всѣхъ общежителей и главному ихъ руководителю.

И св. Василій Великій былъ киновіархомъ для основанныхъ имъ въ Понтѣ общежительныхъ монастырей, для которыхъ онъ начерталъ свой уставъ, въ которомъ онъ водворилъ иноческую жизнь на началахъ киновій, былъ главнымъ руководителемъ и общимъ духовнымъ отцомъ.

Далѣе, палестинское монашество имѣло своего киновіарха въ лицѣ св. Θеодосія († 529 г.), который былъ первымъ устроителемъ пустынной киновіи въ Палестинѣ и придалъ ей самостоятельное и вполнѣ независимое отъ лавры положеніе. Основавши свои киновіи въ шести верстахъ отъ Іерусалима, въ нынѣшней мѣстности Дер-Доси, св. Θеодосій постепенно умножилъ составъ ея братства (до 700 человѣкъ), увеличилъ размѣры монастырскихъ помѣщеній, устроилъ внутри монастыря четыре церкви (для грековъ, грузинъ, армянъ и для братьевъ, одержимыхъ злыми демонами) и сообщилъ весьма прочную внутреннюю организацію своей иноческой общинѣ. Въ основу своего устава св. Θеодосій положилъ уставы св. Василія великаго и препод. Пахомія великаго. Великая и многолюдная киновія св. Θеодосія превзошла по своему внутреннему благоустройству другія киновіи Палестины и стала во главѣ ихъ. Ея основатель и руководитель получилъ наименованіе „Кино-

віарха" въ собственномъ смыслѣ. За свои заслуги для монашества св. Θеодосій Киновіархъ, по распоряженію іерусалимскаго патріарха Саллюстія (486—494 г.), былъ назначенъ старѣйшиною и архимандритомъ великаго общежительнаго иноческаго сословія, обитающаго близъ Іерусалима, главнымъ аввою многочисленныхъ монастырей іудейской пустыни и святого города. Такимъ образомъ, киновіархъ—архимандритъ распространялъ въ Палестинѣ свою власть на все мѣстное монашество и былъ духовнымъ руководителемъ всѣхъ киновій, являясь главнымъ помощникомъ іерусалимскому патріарху въ управленіи палестинскою монашескою общиной. Архимандритъ-киновіархъ имѣлъ право избирать настоятелей отдѣльныхъ монастырей и вѣдалъ общее наблюденіе за религіозно-нравственной жизнію въ палестинскихъ обителяхъ. Вообще права и обязанности архимандритовъ-киновіарховъ, а равно и ихъ избраніе были въ Палестинѣ аналогичны съ положеніемъ главнаго аввы въ Египтѣ. Св. Θеодосій былъ „киновіархомъ" въ собственномъ смыслѣ и по преимуществу, какъ основатель первой и главной киновіи въ Палестинѣ, по образцу которой здѣсь стали устрояться и другія иноческія общины. Но были въ Святой Землѣ киновіархи и въ смыслѣ несобственномъ, оказавшіе тѣ или иныя заслуги для мѣстнаго общежительнаго монашества. Такъ, настоятель монашеской общины въ Виѳлеемѣ авва Маркіанъ (V в.) былъ киновіархомъ для своей обители. Палестинскіе аввы-архимандриты, продолжавшіе дѣло св. Θеодосія Киновіарха, напримѣръ Геласій, Софроній, также являлись киновіархами для мѣстныхъ иноческихъ общежитій.

Въ такомъ общемъ смыслѣ терминъ κοινοβιάρχης встрѣчается въ различныхъ древнихъ памятникахъ аскетичной письменности и примѣнительно къ различнымъ основателямъ, руководителямъ и настоятелямъ монашескихъ общежитій. Такъ, въ „Изреченіяхъ святыхъ отцовъ" (Ἀποφθέγματα τῶν ἁγίων πατέρων) авва Исаакъ говоритъ: „вѣдь я не киновіархъ, чтобы приказывать"... Въ „Лугѣ Духовномъ" (Λειμωνάριον) упоминается „авва Мина киновіархъ" (гл. 146—147).

Для аѳонскаго монашества киновіархомъ былъ препод. Аѳанасій († 1001 г.), основатель образцоваго иноческаго общежитія въ лаврѣ,—хотя въ его житіи этотъ терминъ не встрѣчается.

Въ аѳонскихъ документахъ новѣйшаго времени киновіархомъ называется вообще игуменъ каждаго общежительнаго монастыря. Такъ въ сигилліи константинопольскаго патріарха Каллиника V объ учрежденіи въ 1803 г., киновіи въ русскомъ Пантелеймоновомъ монастырѣ сказано: „игуменомъ и *начальникомъ общежитія* (κοινοβιάρχην) назначить преподобнѣйшаго въ іеромонахахъ господина Савву изъ священнаго скита Ксенофонтова, какъ мужа благочестиваго, неусыпнаго ревнителя, благоразумнаго, достойнаго взять на себя хорошее распоряженіе, благоустроеніе и общежительное управленіе св. монастыря,—способнаго хранить и наученіе монаховъ и состояніе общежитія, дабы онъ наблюдалъ за нимъ, начальствовалъ надъ монашествующими и заботился объ общемъ благозаконіи, порядкѣ и боголюбивомъ поведеніи желающихъ монашествовать общежительно" (*Акты* русскаго на св. Аѳонѣ монастыря св. великомученика и цѣлителя Пантелеймона, Кіевъ 1873, стр. 240 −241; ср. стр. 250). Патріархъ Константій, своимъ сигилліемъ отъ 1833 г. подтвердившій киновію въ Руссикѣ и избраніе настоятелемъ іеромонаха Герасима, также назвалъ его „киновіархомъ"—ἡγούμενος καὶ κοινοβιάρχης (тамъ же, 280—281; ср. 274, 276). Наконецъ, патріархъ Іоакимъ II въ сигилліи отъ 1875 г. утвердилъ архимандрита Макарія „игуменомъ и киновіархомъ" патріаршаго и ставропигіальнаго монастыря св. Пантелеймона на Аѳонѣ (*Ph. Meyer*, Die Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster, Lpzg 1894, S. 267).

Въ заключеніе прибавимъ, что при нѣкоторыхъ русскихъ *лаврахъ* (Александро-Невской въ Петербургѣ, Св.-Троицкой Сергіевой въ Сергіевомъ Посадѣ близъ Москвы) существуютъ небольшіе монастыри или метохи, называемыя *киновіями*. Положеніе такихъ киновій при большихъ лаврахъ имѣетъ особый историческій смыслъ. Дѣло въ томъ, что лавры въ древнее время (напр., въ Палестинѣ) имѣли у подвижниковъ предпочтеніе сравнительно съ другими формами иноческой жизни, такъ какъ совмѣщали въ себѣ выгоды одиночества и общиннаго житія, и признавались наиболѣе цѣле-

сообразными и образцовыми фронтистиріами для подвиговъ; киновіи же (до св. Θеодосія Киновіарха въ Палестинѣ) не считались самостоятельной формой монашеской жизни, наравнѣ съ лаврами, а имѣли обязанностью подготовлять иноковъ къ болѣе совершенной лаврской жизни и находились въ подчиненіи у настоятелей лавры. И на Аѳонѣ киновія возникла послѣ довольно продолжительной борьбы съ другими формами иноческой жизни, которыя признавались болѣе цѣлесообразными и спасительными („Энц." II, 195—197). На Руси монашество возникло и развилось подъ прямымъ воздѣйствіемъ иночества греческаго. Въ киновіяхъ, которыя и теперь существуютъ при нѣкоторыхъ русскихъ лаврахъ, и сохранились, вѣроятно, слѣды указаннаго переходнаго момента въ исторіи восточнаго монашества,—тѣмъ болѣе, что на Руси, до появленія монастырей собственныхъ и настоящихъ, возникли монастыри несобственные, монастырьки или монашескія слободки при приходскихъ церквахъ (академикъ *Е. Е. Голубинскій*, Исторія русской церкви I, 2, изд. второе, Москва 1904, стр. 559), иначе—первоначальныя и не вполнѣ совершенныя киновіи.

Литература.—*Св. Василій великій*, „Правила, пространно изложенныя въ вопросахъ и отвѣтахъ", „Правила, кратко изложенныя въ вопросахъ и отвѣтахъ",„Подвижническіе уставы": см. Творенія въ русскомъ переводѣ при Московской Дух. Акад. ч. V [3-е изд. Сергіевъ Посадъ 1892, гдѣ еще „Предначертаніе подвижничества", „Слово подвижническое и увѣщаніе объ отреченіи отъ міра", три „Слова о подвижничествѣ"]; Annales du musée Guimet, t. XVII: Monuments pour servir à l'histoire de l'Egypte chrétienne au IV siècle. Histoire de saint Pakhôme et des ses communantés. Documents coptes et arabe inédits, publiés et traduits par *E. Amélineau*. Paris 1889; *Memoires* publiés par les membres de la mission archéologique française au Caire, t. IV: Monuments pour servir à l'histoire de l'Égypte Chrétienne aux IV—VII siècles. Texte copte publie et traduit par *E. Amélineau*. Paris 1895; † проф. *П. С. Казанскій*, Исторія православнаго монашества на Востокѣ, ч. I, Москва 1854, ч. II. М. 1856; *его же*, „Общій очеркъ жизни иноковъ египетскихъ въ IV и V вѣкахъ, М. 1872; архимандритъ (епископъ) *Палладій* (Добронравовъ), Св. Пахомій Великій и первое иноческое общежитіе, по новооткрытымъ коптскимъ документамъ, Казань 1899; архимандритъ *Агапитъ*, Жизнь св. Василія Великаго и его пастырская дѣятельность, Спб. 1873; іеромонахъ (нынѣ епископъ) *Θеодосій* (Олтаржевскій), Палестинское монашество съ IV до VI вѣка, Спб. 1896 [есть и второе изданіе г. Кіевъ, 1899]; Θεόδωρος ὁ Στουδίτης, Ὑποτύπωσις καταστάσεως τῆς μονῆς τῶν Στουδίου и Διαθήκη (Migne gr. ser. t. XCIX); проф. *А. Н. Дмитріевскій*, Описаніе литургическихъ рукописей, хранящихся въ библіотекахъ православнаго Востока, т. I: Τυπικά. Кіевъ 1895; академикъ *Е. Е. Голубинскій*, Исторія русской церкви, т. первый, вторая половина тома (Москва ²1904); проф. *И. И. Соколовъ*, Состояніе монашества въ византійской церкви съ половины IX до начала XIII вѣка, Казань 1894. См. также литературу къ статьѣ „Аѳонъ" въ „Энц." II, 236 Въ дополненіе прибавимъ: ἱερομόναχος Γεράσιμος Σμυρνάκης, Τὸ Ἅγιον Ὄρος, Ἀθῆναι 1903; Ὁ Ἄθως καὶ ἡ Χαλκιδική, Ἀθῆναι 1902; ἱεροδιάκονος Κοσμᾶς Βλάχος, Ἡ χερσόνισος τοῦ Ἁγίου Ὄρους Ἄθω καὶ αἱ ἐν αὐτῇ μοναὶ καὶ οἱ μοναχοί, Ἐν Βόλῳ 1903; въ концѣ этой книги (с. 343) помѣщенъ довольно полный указатель литературы объ Аѳонѣ—русской, сербской, болгарской, греческой и западно-европейской. Къ вопросу относятся также: іеромонахъ (архим.) *Θеодоръ* (Поздѣевскій), Аскетическія воззрѣнія препод. Іоанна Кассіана Римлянина, пресвитера массалійскаго, Казань 1902; *Montalembert*, Les moines d'Occident, Paris 1860; *J. Besse*, Les moines d'Orient, antérieurs au concil de Chalcédoine, Paris 1900; *Marin*, Les moines de Constantinopole, Paris 1897; *Nissen*, Die Diataxis der Michael Attaleiates, Jenna 1894; *Nissen*, Die Regelung des Klosterwesens im Rhomäerreiche bis zum Ende des 9 Jahrhunderts, Hamburg 1907. *И. И. Троицкій*, Обозрѣніе источник въ начальной исторіи египетскаго монашества (Сергіевъ Посадъ 1907); Δ. Πετρακάκος, Οἱ μοναχικοὶ θεσμοὶ ἐν τῇ ὀρθοδόξῳ ἀνατολικῇ Ἐκκλησία. Τόμος Α΄. Ἐν Λειψίᾳ καὶ Ἀθῆναις 1907 (трудъ серьезный, съ обширнымъ указателемъ литературы вопроса, даже русской; все изслѣдованіе разсчитано на три тома); проф. *А. А. Спасскій*, Пахомій и Θеодоръ, первые основатели киновитскаго подвижничества по греческимъ и коптскимъ сказаніямъ: критическіе наброски („Богословскій Вѣстникъ" 1908 г. № 1 и 2); *Н. И. С(ахаровъ)*, Киновія и идіоритмъ на Аѳонѣ въ „Сообщеніяхъ Импер., Прав. Палестинскаго Общества" 1908 г. (XIX) I, 58—102.

И. И. Соколовъ.

Киноникъ (κοινωνικός отъ κοινωνία), или причастенъ — стихъ, исполняемый пѣвцами во время пріобщенія священнослужителей. По своему содержанію онъ имѣетъ отношеніе или къ службѣ дня, или воспоминаемаго святого, или праздника, а потому и называется „причастенъ дне", „причастенъ свята-

го“ (Типиконъ, гл. 2,4), „причастенъ праздника“ (Типик., послѣдованіе 8-го сентября). Въ качествѣ составной литургической части, предназначенной занять вниманіе вѣрующихъ во время пріобщенія священнослужителей, причастны извѣстны съ глубокой древности. Такъ, въ литургіи VIII кн. Апостольскихъ Постановленій причастнымъ стихомъ является **33** Пс.: „Благословлю Господа“; въ литургіи, изложенной Кирилломъ іерусалимскимъ, — **23** Пс.: „Вкусите и видите, яко благъ Господь“ (5-ое огласительное слово); онъ же полагается и въ греческой литургіи Ап. Іакова. Въ послѣдующіе вѣка съ распредѣленіемъ по днямъ года памятей святыхъ и праздниковъ былъ выработанъ и установленъ цѣлый кругъ причастныхъ стиховъ. Съ нимъ мы встрѣчаемся прежде всего въ Типиконѣ константинопольской церкви IX—X вв. Наиболѣе обычнымъ причастнымъ стихомъ является въ немъ „Радуйтеся праведніи о Господѣ“. Онъ полагается по преимуществу въ дни памяти мучениковъ (проф. *А. А. Дмитріевскій*, Описаніе литургическихъ рукописей I, стр. 2—4; 6—7; 9—12; 14—15; 47.56.65.66.69.78.80 и др.), а также святыхъ (ibid., стр. 100), Апостоловъ (ibid., стр. 84) и безплотныхъ силъ (ibid., стр. 22). Въ первые дни исполняется, кромѣ него, и другой причастный стихъ—„Хвалите Господа“ (ibid., стр. 71.79.107). Этотъ послѣдній назначенъ равнымъ образомъ для недѣли мясопустной, сыропустной и недѣли Ваій (ibid., стр. 111.113.127). Причастнымъ стихомъ богородичныхъ праздниковъ, ихъ предпразднествъ и попразднествъ служитъ „Чашу спасенія пріиму“ (ibid., стр. 37.48. 57.60.86.98.106.124.141), Рождества Христова—„Избавленіе посла Богъ людямъ своимъ“ (ibid., стр. 37), Богоявленія—„Явися благодать Божія“ (стр. 42), Пасхи — „Тѣло Христово пріимите“ (ibid., стр. 136), Вознесенія—„Взыде Богъ въ воскликновеній“ и „Чашу спасенія пріему“ (ibid., стр. 145), Пятидесятницы—„Духъ твой благій“ (ibid., стр. 148), преждеосвященной литургіи—„Вкусите и видите“ (ibid., стр. 113), великаго четверга—„Вечери Твоея“ (ibid., стр, 131), субботы—„Хвалите Господа“ и „Возста яко спя Господь и воскресе, спасая насъ“ (ibid., стр. 135). Наконецъ, въ дни памяти нѣкоторыхъ святителей поется „Въ память вѣчную“ (ibid., стр. 108). Перечисленные причастные стихи повторяются и въ двухъ другихъ памятникахъ,—синайскомъ Канонарѣ X—XI в. и Типиконѣ константинопольскаго Евергетидскаго монастыря по рукописи XII в. № 788 библіотеки аѳинскаго Университета (*А. А. Дмитріевскій*, ibid., стр. 174—6; 180.182.191.193.195. 197.205—207. 212. 210. 216. 260.278. 281.284.286.288.291.297.305—306.324; 263.265.268—269.407; 320; 358; 559; 586; 595). Одновременно съ этимъ прежніе причастные стихи смѣняются новыми, болѣе соотвѣтствующими воспоминаемымъ событіямъ. Такъ, вмѣсто причастнаго стиха на дни памяти Апостоловъ Типикона константинопольской церкви „Радуйтеся праведніи“ (ibid., стр. 84) въ Уставѣ Евергетидскаго монастыря полагается иной—„Во всю землю изыде вѣщаніе ихъ“ (ibid., стр. 282.285.288.291. 293.299.313.317). Тотъ же причастный стихъ назначается въ первомъ памятникѣ и въ дни памяти безплотныхъ силъ (ibid., стр. 22), во второмъ же—другой—„Творяй ангелы своя духи“ (ibid., стр. 262.308). Въ указанныхъ случаяхъ Евергетидскій Типиконъ воспроизводитъ современный порядокъ. Тоже самое явленіе замѣчается и относительно великопостныхъ причастныхъ стиховъ. Именно, для литургіи первой, второй, четвертой и пятой недѣль въ немъ назначается „Хвалите Господа“ (ibid., стр. 522.525.535. 539), третьей—„Хвалите“ и „Знаменася“ (ibid., стр. 529) и шестой — „Хвалите“ и „Благословенъ грядый во имя Господне“ (ibid., стр., 542). Въ субботу первой и второй недѣли — „Радуйтеся“ и „мертвыхъ“ (ibid., стр. 524,527), пятой—„Чашу спасенія“ (ibid., стр. 538) и шестой — „Изъ устъ младенецъ“ (ibid., стр. 540; ср. Типиконъ констант. церкви IX—X вв. ibid., стр. 115—116.118.124.127).

Какъ въ греческой, такъ и въ древнерусской церкви киноникъ составлялъ единственное пѣснопѣніе, исполняемое во время пріобщенія священнослужителей. Сообразно съ этимъ Высочайшимъ указомъ отъ 10-го мая 1799 г. и 31-го мая 1850 г. было постановлено не замѣнять причастные стихи концертами.

[См. Rev. *William Edward Scudamore* въ A Dictionary of Christian Antiquities ed. by W. Smith und S. Cheetham II (London 1880), p. 908.]

Свящ. *А. Петровскій.*

Кипарисовъ, Василій Өеодоровичъ, докторъ богословія, ординарный профессоръ моск. Дух. Академіи по каѳедрѣ гомилетики и исторіи проповѣдничества. Сынъ священника саратовской епархіи, родился 29 марта 1849 г. Начальное и среднее образованіе получилъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ родной епархіи, а высшее въ моск. Дух. Академіи, куда поступилъ въ 1870 г., зачисленный въ составъ студентовъ XXIX курса (1870—1874 г.). Для спеціальнаго изученія избралъ науки церковно-практическаго отдѣленія. Кандидатское сочиненіе писалъ на тему: „Понятіе о терпимости, индифферентизмѣ и фанатизмѣ на основаніи церковныхъ правилъ и государственныхъ законовъ". Сочиненіе было признано Совѣтомъ Академіи однимъ изъ лучшихъ на курсѣ и удостоено Іосифовской преміи въ 250 руб. („Журн. Сов." 1874 г., стр. 105—106). По окончаніи курса, 11 іюня 1874 г., назначенъ на должность преподавателя греческаго языка въ литовскую Дух. Семинарію. Въ началѣ 1875—1876 уч. г. Совѣтомъ Академіи приглашенъ къ занятію каѳедры гомилетики и исторіи проповѣдничества и пастырскаго богословія. Лекцій по пастырскому богословію не читалъ до 1883 г. Въ лекціяхъ по гомилетикѣ до 1883 г. ограничивался изложеніемъ исторіи проповѣдничества церквей восточной, римско-католической и протестантской. Степени магистра богословія удостоенъ въ 1883 г. за сочиненіе: „О свободѣ совѣсти. Опытъ изслѣдованія вопроса въ области исторіи церкви и государства, съ I по IX в.", вып. I, Москва 1883. Сочиненіе затрогивало одинъ изъ жгучихъ и весьма важныхъ въ церковно-практическомъ отношеніи религіозныхъ вопросовъ (въ отношеніи, напр., раскола, сектантства, иновѣрія). Во время почти всеобщихъ требованій свободы совѣсти въ дѣлахъ вѣры было особенно благопотребно дать точный, опредѣленный, твердо обоснованый, научный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Путемъ изученія обширной церковно-исторической литературы первыхъ девяти вѣковъ авторъ пришелъ къ рѣшительному убѣжденію въ необходимости свободы совѣсти по отношенію къ религіи, ради благоуспѣшности самой послѣдней.—Недостатокъ матеріальнаго обезпеченія вынуждалъ В. Ө., кромѣ должности доцента, занимать разновременно должности помощника секретаря совѣта и правленія (1882—1884 г.), помощника инспектора Акад. (1884—1887 г.). Въ 1889 г. избранъ Совѣтомъ Академіи въ званіе экстраординарнаго профессора. Въ 1897 г. удостоенъ степени доктора богословія за сочиненіе: „О церковной дисциплинѣ", Сергіевъ Посадъ 1897 г. Сочиненіе это находится въ тѣсной связи съ магистерскою диссертаціей. Если первая главнымъ образомъ трактовала о вѣрѣ и рѣшала вопросъ въ смыслѣ свободы совѣсти, то вторая естественно должна была рѣшать его въ смыслѣ возможности ея измѣненія, путемъ выдѣленія изъ каноновъ церкви всѣхъ условныхъ элементовъ, т. е. мѣстныхъ и временныхъ (стр. 214—215). Признаніе свободы совѣсти естественно должно было влечь за собою и другое признаніе свободы въ дисциплинѣ и обрядѣ. Авторъ работалъ надъ своею диссертаціей болѣе 12 лѣтъ, изучилъ за это время поразительную массу церковно-историческаго матеріала, имѣлъ дѣло съ весьма серьезными противниками, какъ Іоаннъ еп. смоленскій и др. Поэтому онъ могъ по праву сказать о своей теоріи: „и это—смѣемъ утверждать—не будетъ противоцерковною теоріей" (стр. 221). Оба рецензента справедливо дали (см. „Журналы Совѣта моск. Дух. Акад." за 1897 г., стр. 304) весьма лестные отзывы о докторской диссертаціи В. Ө. [см. еще спеціальный этюдъ проф. *И. С. Бердникова*, Къ вопросу о церковной дисциплинѣ, Казань 1902, изъ „Православнаго Собесѣдника" за 1902 г.]. 1 янв. 1897 г. В. Ө. Совѣтомъ Академіи былъ избранъ въ ординарные профессоры. Усиленныя занятія наукою подорвали здоровье В. Ө. и 12 іюня 1898 г. онъ былъ уволенъ отъ духовно-учебной службы, согласно прошенію, по разстроенному здоровью. Скончался 28 янв. 1899 г., на 50-мъ году отъ рожденія.

Кромѣ перечисленныхъ ученыхъ трудовъ у В. Ө есть нѣсколько еще другихъ. Обстоятельства ихъ происхожденія опредѣляются, съ одной стороны, тяготѣніемъ В. Ө. еще съ студенческой скамьи къ вопросамъ каноническаго права, съ другой, преподаваніемъ гомилетики. Къ первой категоріи относятся слѣдующія статьи: Католицизмъ и протестантство въ отношеніи къ свободѣ совѣсти („Правосл. Обозр." 1881 г. № 10;

1882 г. №№ 1—2). О вѣротерпимости (ibid. 1883 г. №№ 5—6). Дисциплина древней церкви въ отношеніи къ свободѣ совѣсти. („Приб. къ твор. св. отц.“ 1884 г., XXXIII; 1886 г., XXXVII) и, наконецъ, выходившія подъ различными заглавіями статьи, составившія вмѣстѣ съ предшествующими изслѣдованіями докторскую диссертацію („Бог. Вѣстн.“ 1896—1897 г.). Ко второй категоріи относятся статьи: Объ условіяхъ существованія современнаго русскаго проповѣдничества („Приб. къ твор. св. отц.“ 1884 г., XXXIII; 1885 г., XXXV). Приноситъ ли пользу церковная проповѣдь? („Приб. къ Церк. Вѣдомостямъ“ 1888 г., № 41—43, 46—47). Слово обличенія въ церковной проповѣди (ibid.—1889 г., №№ 28—29). Чѣмъ долженъ руководиться пастырь въ словѣ обличенія? (ibid—№№ 30, 32—33). Митрополитъ Московскій Макарій (Булгаковъ), какъ проповѣдникъ („Бог. Вѣстн.“ 1893 г., I—III). За послѣднее произведеніе автору Совѣтомъ Академіи была присуждена половинная Макарьевская премія въ 250 руб.

В. Ѳ. не оставилъ послѣ себя какой-либо опредѣленной гомилетической теоріи. Лекціи его по гомилетикѣ не напечатаны; онѣ хранятся у его родныхъ. Онъ писалъ по гомилетикѣ немного и отрывочно. Лучшія силы свои отдалъ другой наукѣ, которою занимался съ самой школьной скамьи. Говорятъ даже, что онъ не разъ пытался промѣнять каѳедру гомилетики на каѳедру церковнаго права въ Университетѣ или въ Академіи. Но ему не суждено было добиться этого. Нѣкоторые изъ его гомилетическихъ взглядовъ заслуживаютъ вниманія и уваженія. В. Ѳ. весьма сочувствовалъ отведенію болѣе виднаго мѣста каѳедрѣ гомилетики въ ряду другихъ академическихъ каѳедръ. Сдѣлавшись самостоятельною, она получила характеръ спеціально церковной науки, перестала тонуть въ отдѣлахъ общей риторики, получила возможность расширить программу и увеличить количество учебныхъ проповѣдей. Не смотря на это довольно видное положеніе науки въ ряду другихъ наукъ, В. Ѳ. желалъ, чтобы гомилетика была поставлена еще шире. „Еслибы идеаломъ образованія юношества дѣйствительно было приуготовленіе „проповѣдниковъ слова Божія“, то это будетъ самое большее, чего можно пожелать духовному образованію“. Проповѣдь онъ считалъ одною изъ важнѣйшихъ обязанностей пастыря. Проповѣдь, какъ искусство ораторское, послѣднею цѣлію котораго было умѣнье потрясать души, отрицалъ. Проповѣдь должна изъяснять прежде всего Свящ. Писаніе затѣмъ св. отцовъ, не размѣниваясь на внѣшній блескъ различныхъ западныхъ и русскихъ проповѣдниковъ. Заслуживаетъ вниманія его разсужденіе о причинахъ упадка проповѣди въ настоящее время. Дѣло проповѣдничества существуетъ среди такихъ неблагопріятныхъ условій, что нельзя обвинять пастырей за ихъ молчаніе, за отсутствіе у насъ живого, правдиваго, свободнаго слова. Цѣнны разсужденія его о современности проповѣди, о московскомъ и кіевскомъ направленіи у насъ въ проповѣди. Въ теченіе всей своей жизни В. Ѳ. отличался необыкновеннымъ трудолюбіемъ. О немъ говорили: „ему мало 24 час. въ суткахъ.“ Всѣ ученыя изслѣдованія и небольшія статьи носятъ на себѣ слѣды кропотливаго, усидчиваго, напряженнаго труда, широкаго знакомства съ литературою предмета, о чемъ бы онъ ни велъ свою рѣчь. „Въ лицѣ В. Ѳ. сошелъ въ могилу истинный ученый, достойный представитель богословской науки“ (проф. *И. Н. Корсунскій*). „Широта ученаго кругозора, отвлеченность предмета изученія, тонкость умозрительнаго разъясненія, искусство умозрительнаго сочлененія и связи, точность выраженія, — выдающіяся коренныя черты В. Ѳ.“ (проф. *Н. А. Заозерскій*). Къ исполненію своихъ обязанностей онъ относился весьма строго. На лекціи приходилъ даже во время своей болѣзни, напрягая свои послѣднія силы и едва справляясь со своимъ разбитымъ параличомъ языкомъ. Не рѣдко физическая слабость вынуждала его прерывать лекцію — и студенты безмолвно вслѣдъ за нимъ оставляли аудиторію, не дѣлясь даже ни съ кѣмъ тяжелымъ чувствомъ и безъ того понятнымъ каждому (студентъ Чистосердовъ).

Епископъ *Евдокимъ*.

Кипариссіотъ Іоаннъ, извѣстный съ эпитетомъ „мудреца“ (ὁ σοφός), былъ послѣ Никифора Григоры самымъ выдающимся противникомъ св. Григорія Паламы въ извѣстныхъ спорахъ паламитовъ и варлаамитовъ

(см. „Энц.“ III, 149—157). Обстоятельства жизни Іоанна Кипариссіота совершенно неизвѣстны. Можно лишь полагать, что расцвѣтъ его дѣятельности падаетъ на послѣднюю треть XIV вѣка и что онъ скончался послѣ Никифора Григоры, о которомъ онъ упоминаетъ въ одномъ изъ своихъ трудовъ. Большая часть догматико-полемическихъ сочиненій І. Кипариссіота хранится еще въ рукописяхъ. Парижскій кодексъ № 1246 (отъ XV в.) содержитъ слѣдующія сочиненія Кипариссіота, написанныя противъ Григорія Паламы и его сторонниковъ: 1) Четыре книги паламитскихъ заблужденій, 2) Восемъ книгъ противъ Григорія Паламы и его исповѣданія вѣры, 3) Восемъ книгъ о несозданномъ свѣтѣ противъ Паламы, 4) Три книги объ отступничествѣ паламитовъ. Изъ перечисленныхъ сочиненій Кипариссіота изданы только первая и четвертая книги „Паламитскихъ заблужденій“. Изъ нихъ видно, что Кипариссіотъ имѣлъ обширныя познанія въ богословіи, обладалъ острымъ умомъ и былъ вообще сильнымъ противникомъ Паламы и его послѣдователей. Въ четвертой книгѣ „Паламитскихъ заблужденій“ писатель указываетъ и на свое сочиненіе „О ересяхъ“, которое находится въ томъ же парижскомъ кодексѣ № 1246. Затѣмъ, къ его твореніямъ надо также присоединить пять книгъ противъ Нила Кавасилы, а Фабрицій сообщаетъ, что Кипариссіотъ написалъ и еще одно сочиненіе противъ Паламы, по времени предшествующее всѣмъ другимъ полемическимъ его трактатамъ и по объему равное всѣмъ имъ вмѣстѣ. Наконецъ, въ полномъ видѣ, хотя и въ латинскомъ переводѣ, издано его сочиненіе "Ἔκθεσις στοιχειώδης ῥήσεων θεολογικῶν“, въ которомъ содержится систематическое изложеніе того, что разными богословами высказывалось о Богѣ. Сочиненіе состоитъ изъ десяти отдѣловъ, каждый изъ которыхъ дѣлится на десять главъ. Первая декада говоритъ о богословіи таинственномъ, вторая—о богословіи доказательномъ, третья — о божественныхъ дѣйствіяхъ, четвертая — о происхожденіи божественнаго имени и т. д. Словомъ, сочиненіе представляетъ какъ бы систематическое руководство по догматикѣ, съ схоластическимъ подраздѣленіемъ матеріала. Это внѣшнее сходство труда византійскаго богослова съ аналогичными памятниками западной схоластики дало поводъ переводчику его на латинскій языкъ Турріану видѣть здѣсь вліяніе латинскаго богословія на византійское. Но такое мнѣніе вовсе не подтверждается содержаніемъ сочиненія Кипариссіота, которое представляетъ сводъ воззрѣній исключительно византійскихъ богослововъ, безъ всякаго упоминанія отцовъ и учителей западной церкви. Самый главный авторитетъ для І. Кипариссіота представляетъ Діонисій Псевдоареопагитъ, а затѣмъ онъ цитируетъ свв. Аѳанасія в., Василія в., Григорія Богослова, Григорія великаго, Іоанна Златоуста, Кирилла алекс. и Іоанна Дамаскина. Самымъ раннимъ по времени писателемъ здѣсь называется Іустинъ Мученикъ, при чемъ указываются подложныя его сочиненія, а болѣе поздними Никифоръ, патріархъ константинопольскій, который ошибочно названъ Ѳеодоромъ Начертаннымъ, и Евѳимій Зигавинъ. Что же касается формы разсматриваемаго сочиненія, то она не имѣетъ рѣшающаго значенія и не можетъ быть признана безусловнымъ заимствованіемъ изъ западной схоластической литературы, такъ какъ выборка и систематизація отдѣльныхъ мѣстъ изъ Свящ. Писанія и твореній отцовъ церкви, примѣнительно къ опредѣленной задачѣ, были и въ Византіи довольно обычнымъ литературнымъ явленіемъ. А то обстоятельство, что Кипариссіотъ ограничился одними восточными богословами и не привлекъ къ освѣщенію, яко бы, схоластическихъ вопросовъ и западныхъ богослововъ, ясно показываетъ, что между двумя половинами христіанскаго міра и въ отношеніи богословскихъ воззрѣній существовали различіе и раздѣленіе, которыя, по крайней мѣрѣ, для византійскихъ богослововъ не представлялись легко устранимыми личнымъ воззрѣніемъ и желаніемъ. Во всякомъ случаѣ, на основаніи "Ἔκθεσις'а Іоанна Кипариссіота нельзя ставить тезиза о вліяніи западнаго схоластическаго богословія на византійское. "Ἔκθεσις представляетъ *византійскую* богословскую энциклопедію.

Литература. Первую и четвертую книги „Паламитскихъ заблужденій“ Кипариссіота первоначально издали *Fr. Combefis*, Auctarium novissimum II (1672), 68—105, а потомъ перепечаталъ *Migne*, Patr. gr. CLII, 664—737. "Ἔκθεσις издалъ въ латинскомъ переводѣ *Fr. Turrianus* (Римъ 1581),

перепечаталъ *Migne* gr. CLII, 741—992 (упоминаніе сочиненія „О ересяхъ“ см. col. 721. 785). О Кипариссіотѣ также говорятъ: *Fabricius*, Bibl. gr. XI, 507—512, *J. Langen* въ „Revue internationale de théologie“ III (1895), 300—303, *K. Krumbacher*, Geschichte der byzantinischen Litteratur (München ²1897), § 35. См. также *Nicephorus Gregoras*, Byzantina historia II (Bonnae 1830), *Annotationes*, p. 1287. 1289. 1300. 1305. [*A. Vacant* et *E. Mangenot*, Dictionnaire de théologie catholique III, Paris 1908, col. 2458.]

И. И. Соколовъ.

Киперъ (Lawsonia alba, евр. copher)—растеніе въ формѣ куста, достигающее въ высоту пяти и болѣе аршинъ (4-хъ метровъ). Растеніе это имѣетъ продолговатые листья, мелкіе, состоящіе изъ четырехъ лепестковъ бѣлые и желтоватые цвѣтки, собранные въ кисти, съ ароматнымъ, напоминающимъ резеду, запахомъ. Древесина кипера очень тверда, кора шероховата, покрыта (у одного изъ видовъ растенія—Lawsonia spinosa L.) острыми шипами. Киперъ произрастаетъ, между прочимъ, въ Египтѣ, Остъ-Индіи, Аравіи; въ Палестинѣ онъ встрѣчается нынѣ въ окрестностяхъ Іерихона и въ долинѣ Энгедди (въ пустынѣ Іудиной). Египтянки носятъ на груди букетъ изъ благовонныхъ цвѣтовъ кипера. Въ Остъ-Индіи разводятъ это растеніе, какъ предметъ торговли. Порошокъ (изъ листьевъ и цвѣтовъ) кипера даетъ оранжевую краску; восточныя женщины окрашиваютъ имъ волосы, концы пальцевъ, ногти, нѣкоторыя части лица. Въ Палестинѣ, во времена библейскія, киперъ разводился въ садахъ, какъ ароматное растеніе. О киперѣ, произрастающемъ въ садахъ, о кистяхъ его цвѣтовъ говорится въ кн. Пѣсн. (1, 13.4, 13,14).

См. *Riehm*, HW ²I, S. 283; *Guthe*, KBW., S. 112 [а также въ другихъ Энциклопедіяхъ и Словаряхъ.]

Прот. *Н. Елеонскій.*

Киприлла или *Кирилла*, св. мученица киренская (въ Ливіи), III—IV столѣтія. Она пострадала вмѣстѣ съ Анною (или Агною, Агніею) во времена имп. Діоклитіана. *Память 5 іюля.*

AA. SS. Boll. 5 іюля II, 224; Минологій Василіевъ; Макар. Ч.-Минея; прологъ (4 іюля, подъ Ѳеодоромъ киренскимъ).—*Сергій.*

Хр. Л—въ.

Кипріановичъ Григорій Яковлевичъ—магистръ богословія, писатель. Сынъ древле-православнаго священника виленской губ., присоединившаго къ православію свой уніатскій (крайскій) приходъ — онъ обучался первоначально въ виленскомъ Дух. Училищѣ и литовской Дух. Семинаріи; въ 1867 г., какъ первый студентъ, съ благословенія митрополита Іасифа Сѣмашки, посланъ былъ для дальнѣйшаго образованія въ с.-петербургскую Духовную Академію, гдѣ и окончилъ курсъ на историческомъ отдѣленіи въ 1871 г., въ періодъ ректорства о. І. Л. Янышева, кандидатомъ богословія съ правомъ на степень магистра безъ новаго устнаго испытанія. 23 авг. 1871 г. Кипріановичъ былъ опредѣленъ преподавателемъ латинскаго языка въ самарскую Духовную Семинарію, а спустя ровно годъ переведенъ на ту же должность въ литовскую Дух. Семинарію, гдѣ состоитъ старшимъ преподавателемъ. Одновременно съ должностью старшаго преподавателя Семинаріи Григорій Яковлевичъ занималъ должность смотрителя и преподавателя педагогики въ виленскомъ женскомъ училищѣ духовнаго вѣдомства (1876—1902 гг.), а также — руководителя образцовой при немъ школы для дѣвочекъ (1897 г.). Съ 1896 г. Кипріановичъ состоитъ штатнымъ преподавателемъ педагогики и дидактики въ виленской женской гимназіи вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.

Важнѣйшіе литературные труды Г. Я. Кипріановича: въ журналѣ „Заря“ (1871 г.) рядъ статей подъ заглавіемъ: Очерки политической и домашней жизни грековъ въ средніе вѣка; въ „Православномъ Обозрѣніи“ (1875 г., № 7 за іюль, стр. 378—407; № 8 за августъ, стр. 533—572): Жизнь и ученіе богомиловъ по Паноплін Евѳимія Зигабена и др. источникамъ, — кандидатская диссертація; въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“ (1876 г.) и отдѣльно рядъ историческихъ очерковъ: Русская цивилизація въ Литвѣ до Гедимина; въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ (1878 г.) и отдѣльно: Судьбы религіозно-церковной жизни въ западной Руси и Литвѣ,—рѣчь на торжеств. актѣ по случаю 50-лѣтняго юбилея литовской Дух. Семинаріи; въ „Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“: Митрополитъ Іосифъ Сѣмашко и его сподвижники въ дѣлѣ возсоединенія уніатовъ съ православною

церковію,—рѣчь, произнесенная на торжеств. актѣ по случаю 50-лѣтія возсоединенія уніи (1889 г.); Старшій соборный протоіерей І. Сѣмашко, отецъ митрополита Іосифа (1892 г.); Сорокалѣтіе польскаго возстанія 1863 года и его итоги (1903 г. № 20, 21); Римскій католицизмъ въ западной Россіи,—историческій очеркъ (1904 г. № 23); въ „Христіанскомъ Чтеніи“ (1900 г. мартъ): Къ исторіи возсоединенія уніатовъ,—рѣчь, сказанная въ актовомъ залѣ спб. Дух. Академіи предъ защитою магистерской диссертаціи, подъ заглавіемъ: Жизнь митроп. Іосифа Сѣмашки. Отдѣльно изданныя книги: Очеркъ жизни и дѣятельности Іосифа Сѣмашки, митрополита литовскаго, Вильна 1894 г., стр. 146 (рекомендовано для пріобрѣтенія въ библіотеки Учеб. Комит. и Училищ. Сов. при Св. Синодѣ и Учен. Комит. при Мин. Нар. Просв.); Историческій очеркъ православія, католичества и уніи въ Бѣлоруссіи и Литвѣ съ древн. до настоящаго времени, Вильна 1899 г., изд. 2-е, стр. 304 (см. о немъ у проф. И. Любарскаго въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1899 г., стр. 701—703, а равно въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1901 г., „Церковн. Вѣдомостяхъ“ 1899 г., „Литовск. Епарх. Вѣд.“ и др.). Самымъ обширнымъ трудомъ Кипріановича является: „Жизнь Іосифа Сѣмашки, митрополита литовскаго; и возсоединеніе западно-русскихъ уніатовъ съ православною церковію въ 1839 г.“; о первомъ изданіи, доставившемъ автору степень магистра богословія и удостоенномъ отъ Св. Синода преміи митр. Макарія (въ 1000 р.), см. у проф. С. Ѳ. Платонова („Журналъ Мин. Нар. Просв.“, 1893 г., ноябрь, стр. 191), а о второмъ — у проф. П. Н. Жуковича („Записки Академіи Наукъ“, 1899 г.), признавшаго сочиненіе заслуживающимъ преміи графа Уварова. Кромѣ того, Г. Я Кипріановичъ помѣщалъ въ разное время, начиная еще со школьной скамьи (съ 1866 г.), небольшія статьи историч. содержанія, рецензіи и историческіе документы съ объясненіями ихъ въ „Литовск. Епарх. Вѣд.“, „Виленск. Вѣстн.“, „Памятной книжкѣ виленск. губ.“ въ „Путеводителѣ по г. Вильнѣ“ и др.

[По указу Св. Синода 31 дек. 1907 г. Г. Я. Кипріановичъ назначенъ членомъ издательскаго комитета при Виленскомъ Свято Духовскомъ братствѣ и при издаваемомъ послѣднимъ журналѣ „Вѣстникъ Виленскаго братства“, гдѣ состоитъ постояннымъ сотрудникомъ, какъ и въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“, но еще печатаетъ статьи („Изъ сѣверо-западнаго края“, „изъ Вильны“, рецензіи) въ „Прибавленіяхъ къ Церковнымъ Вѣдомостямъ“ и въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“.—Какъ видимъ Г. Я. Кипріановичъ—писатель не только неутомимый, но и разносторонній, часто касающійся „свѣтскихъ“ темъ и вопросовъ, а потому въ дополнительномъ томѣ Словаря Брокгауза и Ефрона онъ неправильно названъ просто „духовнымъ писателемъ“].

Свящ. *Н. В. П—въ.*

Кипріанъ, св.-мученикъ коринѳскій, III столѣтія. Онъ вмѣстѣ съ Анектомъ и Крискентомъ былъ обращенъ ко Христу юношею Кодратомъ, съ которымъ всѣ они и были обезглавлены въ Коринѳѣ въ царствованіе имп. Декія (249—251 г.). *Память всѣхъ ихъ 10 марта.*

(Макар. Ч.-Минея, Прологъ).

Хр. Л—въ.

Кипріанъ, св.-мученикъ никомидійскій, IV столѣтія. Уроженецъ Антіохіи финикійской, онъ былъ философомъ и волхвомъ и отличался богатствомъ. Снисходя на просьбы нѣкоего Агланда, почувствовавшаго влеченіе къ Іустинѣ, Кипріанъ прибѣгъ къ помощи бѣсовъ, чтобы „присушить“ дѣвицу къ Агланду, но безуспѣшно. Увидѣвъ тщетность своихъ знаній въ волхвованіи, онъ увѣровалъ во Христа, крестился и сжегъ свои волхвовательныя книги. Позже онъ былъ поставленъ во епископа. Мученъ по распоряженію дамасскаго комита и наконецъ обезглавленъ въ Никомидіи на р. Галлѣ, притокѣ Сангарія, 26 или 28 сентября 304 года. Мощи его почиваютъ въ Латеранскомъ соборѣ въ Римѣ. *Память его 2 октября.*

Время жизни мучениковъ одни относятъ ко временамъ имп. Декія (249—252 г.), другіе ко временамъ Клавдія I (268—270 г.). AA. SS. Boll 26 сентября VII, 217; *Migne* gr. CXV, col. 847; *Th. Zahn*, Cyprian von Antiochien und die deutsche Faustsage, 1892 (нач. словами: Τῆς ἐπιφανείας); страданіе, на-инающееся словами: Πολλὰ καὶ μεγάλα, въ изданіи: De sancto Cypriano et de pri-

maera Carthageniensi ecclesia, ed. Blampignon, Paris 1 62; Минологій Василіевъ; Макар. Ч.-Минея („Пророческимъ словесемъ сбывающимъся"; тутъ же и „Покаяніе Кипріаново"); Прологъ.—*Сергій.* [The Catholic Encyclopedia IV, p. 583.]

Хр. Лопаревъ.

Кипріанъ или Киринъ (Квиринъ), св.-мученикъ сицилійскій, IV столѣтія. Уроженецъ южно-итальянскаго города Басты (близъ Сициліи), сынъ италійскаго князя, Кипріанъ вмѣстѣ со своими братьями Алфіемъ и Филадельфомъ былъ крещенъ во Христову вѣру св. Онисимомъ. Во времена имп. Ликинія (307—323 г.) всѣ они были вызваны въ Римъ, гдѣ св. Онисимъ съ Еразмомъ и 14 другими были обезглавлены, а три брата были препровождены къ начальнику Діомиду въ Сицилію, гдѣ, въ Месополѣ леонтинскомъ (въ Леонтинахъ) и приняли мученическіе вѣнцы. Кипріанъ (Киринъ) сожженъ на сковородѣ. Обрѣтеніе мощей мучениковъ имѣло мѣсто въ 1517 г *Памят ьвсѣхъ ихъ 10 мая.*

AA. SS. Boll. май II, 502, 772; Минологій Василіевъ; житіе Евѳаліи (2 марта); Макар. Ч.-Минея („бяху отъ Васанскіа страны"); Прологъ.—*Сергій.*

Хр. Л—въ.

Кипріанъ, св.-мученикъ никомидійскій, неизвѣстнаго времени. Видя, что Стратонъ, Филиппъ, Евстихіанъ и Кипріанъ совращаютъ народъ ко Христу и заставляютъ презирать дѣдовскіе обычаи (напр., однажды театръ былъ совершенно пустой), начальникъ области привлекъ ихъ на судъ, подвергъ разнымъ пыткамъ, отдавалъ ихъ на съѣденіе звѣрей и, наконецъ, велѣлъ бросить ихъ въ огонь. *Память всѣхъ ихъ 17 августа.*

Въ Макар. Ч.-Минеѣ одно заглавіе; Прологъ.

Хр. Л—въ.

Кипріанъ, Фасцій Цецилій, епископъ карѳагенскій, святой отецъ и учитель церкви, извѣстный литературный дѣятель и богословъ III вѣка. Родился въ концѣ II-го или самомъ началѣ III столѣтія, вѣроятно, въ Карѳагенѣ, въ богатой и знатной языческой семьѣ. Главнымъ источникомъ для его жизнеописанія является сочиненіе его діакона Понтія: „О жизни и страданіяхъ св. Кипріана" (Migne, gr. t. III, col. 1483), — сочиненіе несомнѣнно подлинное (Іерон., Каталогъ, гл. 68). Источникомъ служатъ также многочисленныя произведенія самого Кипріана, особенно же его письма. Получивши блестящее литературное и ораторское образованіе, Кипріанъ сдѣлался преподавателемъ риторики въ карѳагенской школѣ и имѣлъ, кромѣ того, широкую адвокатскую практику. Но даровитый адвокатъ, познакомившись съ жизнію христіанъ и ихъ вѣрованіями, подъ вліяніемъ пресвитера Цециліана, скоро вступилъ на новый путь жизни. Онъ сдѣлался христіаниномъ (письмо 1 къ Донату) и, принявши крещеніе (вѣроятно, въ 246 году), обратился къ аскетическому образу жизни (письмо къ Дон., гл. 3—4). По свидѣтельству Іеронима (письмо 33 къ Паммахію; Каталогъ, гл. 53), особенное воздѣйствіе на образованіе нравственно-религіознаго уклада его жизни имѣлъ Тертулліанъ со своими возвышенно-аскетическими твореніями. Черезъ годъ послѣ крещенія Кипріанъ былъ сдѣланъ пресвитеромъ, а въ 249 г.(или въ концѣ 248 г.) онъ, по желанію народа и клира, былъ избранъ на епископскую каѳедру Карѳагена, этой столицы сѣверной Африки. Вмѣстѣ съ этимъ началась его административная и широкая литературно-богословская дѣятельность. Съ самаго момента вступленія на епископію ему пришлось перенести много волненій и невзгодъ вслѣдствіе начавшихся тогда гоненій на христіанъ со стороны императоровъ Декія, Галла и Валеріана. Самъ Кипріанъ почти 2 года (съ января 250 по 23 марта 251 года: см. „О жизни и страданіяхъ" Понтія; письмо 40-е Кипріана) провелъ въ добровольномъ изгнаніи въ одномъ уединенномъ мѣстечкѣ, откуда своими посланіями и поддерживалъ духъ и энергію своей паствы. Гоненія въ то время выдвинули на очередь вопросъ о падшихъ (lapsi), т. е. о такихъ христіанахъ, которые въ той или другой степени (sacrificati, thurificati, libellatici), по малодушію, отрекались отъ христіанства, а въ моменты затишья снова выражали желаніе соединиться съ церковію. Кипріанъ въ данномъ случаѣ былъ сторонникомъ самыхъ строгихъ мѣропріятій, проведеніе которыхъ, по его мнѣнію, должно зависѣть исключительно отъ воли епископа, какъ главы церкви. Между

тѣмъ въ практикѣ жизни въ это время установился обычай, по которому для желающихъ снова соединиться съ церковію было достаточно заручиться только ходатайствомъ за падшихъ со стороны „исповѣдниковъ“ и полученіемъ отъ нихъ особой „отпустительной грамоты“ (libellus pacis), при чемъ эти грамоты раздавались исповѣдниками часто легкомысленно безъ всякаго соображенія со степенью нравственной готовности „падшихъ“ соединиться съ церковію. Противникомъ этого обычая, крайне вредно отзывающагося на нравственномъ настроеніи общества и унижавшаго достоинство и власть церкви „вязать и рѣшить“, Кипріанъ и выступилъ, главнымъ образомъ, въ своихъ трехъ знаменитыхъ посланіяхъ: къ *а) клиру* (*12-е*), *б) мученикамъ и исповѣдникамъ* (*10-е*) *и в) ко всему народу* (*11-е*). Пришлось Кипріану выдержать упорную борьбу и съ расколомъ, возбужденнымъ въ кареагенской церкви Фелициссимомъ и Новатомъ, которые съ своими умѣренными взглядами по вопросу о падшихъ связали чисто іерархическую распрю, имѣющую въ своемъ основаніи главнымъ образомъ личныя отношенія къ Кипріану. Принималъ Кипріанъ нѣкоторое косвенное участіе въ борьбѣ и съ другимъ раскольническимъ движеніемъ, которое было возбуждено въ Римѣ пресвитеромъ Новаціаномъ и являлось собственно отзвукомъ кареагенскаго раскола, если не во взглядахъ по вопросу о „падшихъ“ (—Новаціанъ былъ защитникомъ ригористическихъ отношеній къ падшимъ—), то, по крайней мѣрѣ, по оппозиціи къ личности самого Кипріана, съ одной стороны, и къ личности (друга Кипріана) Корнилія, римскаго епископа, съ другой стороны. Въ борьбѣ съ кареагенскими и римскими раскольниками Кипріанъ и написалъ свои лучшія произведенія: а) „О единствѣ каеолической церкви“ (иначе: „О единствѣ церкви“ или; „О чистосердечіи архіерейскомъ“) и б) „О падшихъ“ (оба въ 251 году), въ которыхъ и рѣшается весьма важный вопросъ о церкви и ея сущности и, въ связи съ этимъ, высказывается ригористическій взглядъ по вопросу о принятіи падшихъ въ общеніе съ церковію. Отзвукомъ борьбы Кипріана съ раскольниками были въ это время два кареагенскихъ собора (251—252 г.), которые были составлены по его собственной инціативѣ и происходили подъ его предсѣдательствомъ. На нихъ рѣшался и вопросъ о „падшихъ“. Заключительную стадію административной и литературной дѣятельности Кипріана составляли его споры съ римскимъ епископомъ Стефаномъ по вопросу о способѣ принятія еретиковъ въ общеніе съ церковію. Кареагенскій епископъ былъ рѣшительнымъ защитникомъ перекрещиванія еретиковъ, вступающихъ въ церковь, въ противоположность взгляду Стефана, который отстаивалъ простое только возложеніе руки епископской на присоединяющагося еретика, какъ на условіе его общенія съ церковію. Плодомъ этихъ очень жаркихъ споровъ со стороны Кипріана и было появленіе цѣлаго ряда произведеній (особенно письма 55, 62, 57, 58, 59, 60, 61 — по кіевск. русскому изд.) и, между прочимъ, собраніе въ Кареагенѣ цѣлаго ряда соборовъ (255 г. два раза, 256 г. — въ маѣ и сентябрѣ). Въ гоненіе императора Валеріана, послѣ цѣлаго года, проведеннаго въ городѣ Керубитѣ въ изгнанничествѣ, Кипріанъ, наконецъ, палъ жертвою языческаго насилія: въ 258 г., 31 августа, въ Кареагенѣ онъ былъ обезглавленъ. Мощи св. мученика, сначала покоившіяся въ Кареагенѣ, въ VII в. были подарены Гарунъ-аль-Рашидомъ Карлу великому и перенесены во Францію, гдѣ и теперь находятся въ городѣ Компаньенѣ въ монастырѣ св. Корнилія. *Память св. Кипріана* въ католической церкви совершается 14 сентября, а *въ православной 31 августа.*

Кромѣ вышеуказанныхъ сочиненій, Кипріанъ по различнымъ поводамъ написалъ еще слѣдующія произведенія, въ формѣ отдѣльныхъ трактатовъ. Прекрасный анализъ и исторію обращенія Кипріана въ христіанство представляетъ его первый по времени написанія (вскорѣ послѣ обращенія въ христіанство) трудъ: «О благодати Божіей» (иначе „Къ Донату“), съ которымъ имѣетъ ближайшую связь произведеніе: „Почему идолы не суть боги“? (иначе: „О тщетѣ идоловъ“ — въ 15 главахъ), которое написано подъ сильнымъ вліяніемъ сочиненій Минуція Феликса („Октавій“) и Тертулліана („Апологетикъ“) и посвящено критикѣ языческаго политеизма. Въ сочиненіи: „Къ Квирину“ (иначе: „Книги свидѣтельствъ противъ іудеевъ“, въ трехъ книгахъ, 248 года) онъ представилъ критику іудейства,

обоснованную главнымъ образомъ на свидѣтельствахъ изъ Свящ. Писанія; это произведеніе впослѣдствіи нѣсколько разъ подвергалось переработкѣ (Коммодіаномъ, Лактанціемъ и Фирмикомъ Матерномъ) и легло въ основаніе трактата: „Противъ игроковъ" (Adversus aleatores), которое неправильно приписывается самому Кипріану. Въ борьбѣ съ обычаемъ, въ силу котораго современныя ему дѣвственницы подъ видомъ духовныхъ сестеръ (subintroductae) проживали въ домахъ клириковъ, было написано сочиненіе: „Къ дѣвственницамъ" (въ 24 главахъ, 249 г.). Въ сочиненіи: „О смертности" (26 гл., 252 г.), написанномъ во время моровой язвы, Кипріанъ даетъ уроки терпѣнія и покаянія, а въ сочиненіи: „Къ Деметріану" (26 гл., 253 г.), написанномъ точно также по поводу моровой язвы, опровергаетъ указаніе язычниковъ на это бѣдствіе, какъ на результатъ гнѣва боговъ. Сочиненіе „О молитвѣ Господней" (36 гл., въ 252 г.), написанное подъ вліяніемъ Тертулліана („О молитвѣ"), посвящено анализу молитвы Господней и обрисовкѣ молитвеннаго образа Христа. Гоненія на христіанъ вызвали написаніе сочиненія: „Къ Фортунату объ увѣщаніи къ мученичеству" (13 гл., въ 253 г.), въ которомъ онъ призываетъ христіанъ къ твердости духа при перенесеніи гоненій. Въ сочиненіяхъ: „О благѣ терпѣнія" (24 гл. — подъ вліяніемъ сочиненія Тертулліана: „О терпѣніи") и „О ревности и зависти", написанныхъ во время споровъ о крещеніи еретиковъ, призываетъ пастырей къ укрѣпленію мира церковнаго. Наконецъ, въ сочиненіи: „О трудѣ и милостыняхъ" (26 гл.) призываетъ христіанъ къ дѣятельной любви къ ближнимъ.

Кромѣ трактатовъ, съ именемъ Кипріана связывается цѣлый рядъ писемъ, числомъ 81, изъ которыхъ 65 принадлежатъ ему самому, а 16 были написаны ему различными другими авторами. Всѣ они появились въ періодъ времени отъ 248 по 258 годъ, въ бытность его епископомъ, и составляютъ результатъ его административныхъ сношеній, съ современниками,—главнымъ образомъ,— по вопросамъ о „падшихъ" и о перекрещиваніи еретиковъ. Особенно замѣчательно письмо 63 (по кіев. изд.), посвященное изъясненію ученія о таинствѣ причащенія. Много писемъ—церковно-каноническаго и пасторологическаго характера.

Сочиненія: „О зрѣлищахъ", „О благѣ цѣломудрія", „О похвалѣ мученичеству", „Къ Новаціану", „Увѣщанія къ терпѣнію"— приписываются Кипріану подъ сомнѣніемъ. Трактаты, связываемые иногда съ именемъ Кипріана,—„Противъ игроковъ", „Разговоръ Язона и Паписка", „О простосердечіи клириковъ" и нѣкоторые другіе, Кипріану ни въ какомъ случаѣ не принадлежатъ. Нѣкоторыя сочиненія Кипріана, извѣстныя ранѣе, до сихъ поръ еще не открыты.

Кипріанъ былъ по преимуществу практическій дѣятель. Все его вниманіе было обращено главнымъ образомъ на упорядоченіе нравственно-религіозной жизни христіанскаго общества. Практическій складъ его характера наложилъ соотвѣтствующій отпечатокъ и на его богословскую дѣятельность. Центральнымъ пунктомъ его богословія былъ вопросъ о церкви,—вопросъ по преимуществу практическій. Полагая цѣлію всей своей административной дѣятельности нравственно-религіозное объединеніе вѣрующихъ въ союзѣ мира и любви, Кипріанъ и въ самомъ рѣшеніи вопроса о церкви особенно оттѣнялъ идею церковнаго единства. Приэтомъ въ противоположность своимъ предшественникамъ (Клименту римскому и Игнатію Богоносцу)—онъ обратилъ преимущественное вниманіе на выясненіе внѣшнихъ условій церковнаго единства. Тогда какъ Климентъ р. полагалъ въ основѣ церковнаго единенія по преимуществу вѣру и любовь, эти внутренно-психологическія основы христіанской жизни вообще и церковнаго союза въ частности, а Игнатій Богоносецъ такою основой считалъ вообще „пастырство" со всѣми его внутренними и внѣшними признаками, — Кипріанъ, наоборотъ, епископскую власть считалъ главнымъ организующимъ началомъ христіанской жизни. Собственно епископская власть, по нему, придаетъ особенную прочность и устойчивость церковному организму. Она существенно необходима для единства церкви. Эту послѣднюю мысль Кипріанъ выдвигаетъ настолько рельефно, что самое понятіе о церкви у него какъ бы совпадаетъ съ понятіемъ о епископской власти. Отсюда былъ у него естественный переходъ къ мысли, что и

единеніе съ церковію для пасомыхъ можетъ мыслиться только при безусловномъ единеніи съ епископомъ церкви. Раскольники и еритики потому не съ церковію и внѣ церкви, что они не подчиняются епископу и не находятся въ общеніи съ нимъ. Чисто внѣшній—по преимуществу юридическій,—взглядъ на церковь и условія ея единства отразился и на воззрѣніяхъ Кипріана по вопросу о дѣйственности таинства крещенія,—этому вопросу, выдвинутому спорами о перекрещиваніи еретиковъ. Дѣйственность таинства крещенія у него обусловливается по преимуществу внѣшнимъ юридическимъ факторомъ епископской власти, въ себѣ сосредоточивающей источникъ благодатныхъ даровъ. Изъ теоріи Кипріана естественно вытекало, что еритиковъ нужно перекрещивать потому, что они внѣ епископской власти и внѣ единенія съ нею. Рѣшеніе вопроса во всякомъ случаѣ одностороннее. Вотъ почему взглядъ Кипріана впослѣдствіи былъ значительно исправленъ въ томъ смыслѣ, что еретиковъ и раскольниковъ перекрещивать слѣдуетъ только тогда, если самая система ихъ вѣроученія разрушаетъ въ то же время нравственно-религіозныя основы дѣйственности таинства крещенія, — православный смыслъ самой формулы крещенія во имя Отца, Сына и Св. Духа (1 всел. соб. пр. 8; 2 всел. соб. пр. 7; 6 всел. соб. пр. 95; Вас. в. пр. 1). Такимъ обр. ученіе Кипріана о церкви и таинствѣ крещенія заключаетъ въ себѣ нѣсколько своеобразную, внѣшне-юридическую окраску и составляетъ совершенно новую ступень въ историческомъ процессѣ раскрытія даннаго ученія.

Источники и пособія. Творенія Кипріана въ первый разъ были изданы Еразмомъ (Basil. 1520). Затѣмъ много разъ ихъ переиздавали: Морелій (Paris. 1562), Памелій (Antwerpen 1568), Ригалтій (Paris. 1648). Феллюсъ и Пирсонъ (Oxford 1682), Балюзій и Маранъ (Paris 1726). Изданіе Балюзія со всѣми его ошибками и недостатками воспроизвелъ и Минь въ своемъ Patr. curs. compl. (s. lat. t. IV, Paris 1844). Новѣйшее и безусловно лучшее, критически провѣренное, изданіе сдѣлалъ Гартель (Wien 1868—1871 въ Corpus script. eccles. lat., vol. III, pars 1—3). Въ Россіи творенія Кипріана издавались только въ переводѣ на русскій языкъ—въ отрывкахъ и по частямъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ (главнымъ образомъ въ «Христ. Чтеніи» за 1825—1847 гг.) и въ полномъ составѣ при Кіевской Дух. Академіи (въ качествѣ приложенія къ журналу: «Труд. Кіевской Дух. Академіи» и отдѣльно въ двухъ томахъ). Лучшія и болѣе полныя изслѣдованія о Кипріанѣ на западѣ представили: *E. Freppel*, St. Cyprien et l'église d' Afrique au III siècle, 1863—1864 (2-е изд. 1865, 3-е изд. 1890). *J. Peters*, Der Cyprian von Karthago, Bischof Kirchenvater und Blutzeuge Christi, in seinem Leben und Wirken dargestellt, Regensburg 1877. *B. Fecttrup*, Der h. Cyprian; sein Leben und seine Lehre dargestellt, Münster 1878. *J. Peters*, Die Lehre d. h. Cyprian v. Enheit der Kirche, gegenüber den beiden Schismen in Karthago und Rom, Luxemburg 1870. *J. H. Reinkens*, Die Lehre d. h. Cyprian v. der Einheit d. Kirhe, Würzburg 1873. *O. Ritschl*, Cyprian v. Karthago und die Verfassung der Kirche, Göttingen 1885. Другія изслѣдованія и статьи о Кипріанѣ см. у *Bardenhewer*'а, Patrol. 1894, S. 202—203, и у *Chevalier*, Répert. des sources hist. 530—531; 2538. *J. A. Faulkner*, Cyprian, the Churchman. Cincinnoto 1906. *Charles Thomas Crutwell*, A Literary History of Early Cristianity II (London 1893), p. 593—612. † Prof *F. J. A. Hort*, Six Lectures on the Ante-Nicene Fathers (London 1895), p. 93—115: Tertullian and Cyprian. *J. Turmel*, S. Cyprien et la papouté pendant la contraverse baptismale въ «Revue catholique des Eglises» 1905, déc., p. 577—599. [См. также *Herzog-Hauck*, R. E. IV³, S. 367—375 (и ср. V, 799); *Wetzer* und *Welte*, Kirchenlexikon III², Sp. 1273—1277. II, 1999. *F. Lichtenberger*, Encyclopédie III, p. 547—549. *W. Smith* und *H. Wace*, A Dictionary of Christian Biography etc. I, p. 737—755. *A. Vacant* et *E. Mangenot*, Dictionnaire de théologue catholique III, Paris 1908, col. 2459—2470. The Catholic Encyclopedia IV, p. 583—589.] Русская литература точно также довольно богата изслѣдованіями и статьями о Кипріанѣ. Таковы: *Жизнь* св. Кипріана Каргагенскаго (введеніе къ изд. его твореній и въ «Труд. Кіевск. Дух. Академіи». 1860 г., I); † проф. *К. И. Скворцовъ*, Св. Кипріанъ во время моровой язвы («Тр. К. Д. А.» 1866 г., № 8); *Жизнь* св. Кипріана Карѳагенскаго («Хр. Чт.» 1825 г., XVII, стр. 237); *Страданія* св. муч. Кипріана Карѳаг. («Воскр. Чт.» IV, 248); архим. *Порфирій*, Св. Кипріанъ еп. Карѳаг. («Приб. къ твор. св. отц.» 1856 г., IV); *Христіанскій* Востокъ и Западъ въ III в.: Оригенъ и Кипріанъ («Хр. Чт.» 1865 г., 1. 3, 227); *Ученіе* св. Кипріана о церкви («Воскр. Чт». XI); *Кипріанъ*, какъ поборникъ единства церкви («Хр. Чт.» 1858 г., I, 28); о. *А. В. Молчановъ* (нынѣ епископъ Алексій), Св. Кипріанъ Карѳагенскій и его ученіе о церкви, Казань 1888 (это—самый полный и обстоятельный анализъ жизни и богословской дѣятельности св. Кипріана на рус. яз.); о. *А. Балановскій*, Взглядъ св. Ки-

пріана на церковь и епископскую власть въ его отношеніи къ вопросу о власти римскаго папы («Прав. Обозр.» 1886 г., III, 596—614.). † *Ф. Фарраръ*, Св. Кипріанъ каре. (глава изъ соч.: «Жизнь и труды св. отцовъ и уч. церкви» въ переводѣ † проф. *А. П. Лопухина*, спб. 1891, стр. 144—192; 2-е изд. 1902 г., стр. 177—236. См. также у преосв. *Филарета* черниговскаго (въ его «Истор. ученіи объ отцахъ церкви» I, изд. 1859 г., стр. 118—132).

Л. Писаревъ.

Кипріанъ — константинопольскій патріархъ—дважды занималъ вселенскій престолъ (1708 г.—май 1709 г. и 7 ноября 1713 г.—28 февраля 1714 г.). Біографическія о немъ свѣдѣнія не сообщаются греческими историками. Извѣстно лишь то, что до патріаршества онъ былъ митрополитомъ Кесаріи каппадокійской, а на патріаршемъ престолѣ заявилъ себя строгимъ и ревностнымъ исполненіемъ обязанностей. Отличаясь простотою въ личной жизни и невзыскательностью во внѣшнихъ условіяхъ быта, онъ и отъ подчиненнаго духовенства требовалъ простоты и скромности и сурово осуждалъ склонность къ внѣшнимъ удобствамъ. Равнымъ образомъ, мірянамъ патріархъ запрещалъ носить богатыя и нарядныя одежды, женщинамъ не позволялъ пользоваться драгоцѣнными украшеніями и т. п. Аскетическая настроенность патріарха и суровыя требованія отъ всѣхъ жить просто и скромно создали ему многочисленныхъ враговъ среди клириковъ и народа,—которые и обратились съ жалобою на него къ правительству и обвиняли энергичнаго первоіерарха въ неспособности къ управленію. Безъ всякаго разслѣдованія вины Кипріанъ былъ низложенъ и удаленъ въ ссылку на гору Аеонъ, гдѣ и жилъ въ Ватопедскомъ монастырѣ вплоть до вторичнаго вступленія на вселенскій престолъ.

Изъ дѣяній перваго патріаршества Кипріана извѣстно, прежде всего, учрежденіе завѣщанія архонта Сервана Кантакузина (въ мартѣ 1708 г.), жившаго въ Унгровлахіи. Этотъ Кантакузинъ не имѣлъ прямыхъ наслѣдниковъ и, опасаясь за судьбу своего богатаго наслѣдства, просилъ патріарха признать за составленнымъ имъ завѣщаніемъ законную силу. Патріархъ совмѣстно съ синодомъ и издалъ соотвѣтствующую грамоту на имя унгровлахійскаго митрополита. Ему же приписывается грамота, изданная на имя священниковъ, іеромонаховъ и діаконовъ, запрещающая имъ носить парадныя одежды и украшенія, подъ страхомъ лишенія сана. Затѣмъ, извѣстившись о томъ, что халдійскій митрополитъ вторгался въ предѣлы епархіи трапезунтской (въ мѣстности Кьюрдунія и Керасунтъ), патріархъ особой грамотой предписалъ ему впредь не допускать нарушенія чужихъ правъ. Въ февралѣ 1708 г. Кипріанъ утвердилъ права ставропигіальнаго монастыря Христа Спасителя Литовіаницы въ Эпирѣ, въ апрѣлѣ присоединилъ къ монастырю Дусика, въ качествѣ метоха, находившійся въ епархіи фанаріо-неохорійской монастырекъ св. Георгія, въ октябрѣ того же года объявилъ ставропигіальнимъ монастырь Іоанна Злотоуста на Милосѣ. Къ 1708 г. относится и опредѣленіе патріарха о томъ, чтобы митрополитъ Арты рукополагалъ клириковъ въ подчиненныхъ ему епископіяхъ Вондицы, Аэта, Ахелоя, Ригонъ и Фотики, гдѣ въ то время каеедры не были замѣщены. Наконецъ, отъ перваго патріаршества Кипріана сохранились двѣ грамоты касательно сбора пожертвованій на нужды Святого Гроба. Одна была отправлена митрополиту Хіоса, а другая — митрополитамъ Кизика, Никомидіи, Никеи, Прусы, Тригліи и Муданія и архіепископу Приконниса и обѣ извѣщали указанныхъ іерарховъ, что для сбора пожертвованій въ пользу Святогробской казны назначено четыре поименованные въ грамотахъ епитропа, — которымъ и слѣдуетъ оказать содѣйствіе въ ихъ трудахъ.

Хотя патріархъ своею суровостью и нажилъ себѣ много враговъ, по винѣ которыхъ потомъ былъ низложенъ, но лучшіе члены церкви константинопольской хорошо понимали, что для нея Кипріанъ, отличавшійся твердостію характера и яснымъ пониманіемъ церковныхъ потребностей, являлся вполнѣ желательнымъ первоіерархомъ. Поэтому, когда патріарха Кирилла IV (1711—1713 г.) удалили съ престола, взоры всѣхъ обратились на Кипріана, который и былъ вызванъ съ Аеона и вторично занялъ вселенскую каеедру. Но вторичное его патріаршество продолжалось около четырехъ мѣсяцевъ. Турецкое правительство, въ своемъ посягательствѣ на права православной церкви

и народа, дошло до того, что наложило опредѣленный денежный налогъ и на самого Кипріана, хотя по берату, получившему начало отъ завоевателя Византіи Магомета II, патріархи освобождались отъ всякихъ податей и повинностей. Разумѣется, Кипріанъ протестовалъ противъ дѣйствій правительства и за это опять былъ изгнанъ на Аѳонъ, гдѣ и скончался въ Ватопедскомъ монастырѣ въ 1714 г. Во второе патріаршество Кипріанъ, между прочимъ, издалъ грамоту о снятіи съ александрійскаго патріарха Самуила отлученія, которому тотъ подвергся отъ вселенскаго патріарха Кирилла IV по несправедливому обвиненію со стороны Космы, епископа клазоупольскаго, претендовавшаго занять александрійскій престолъ. А Космѣ патріархъ распорядился ежегодно выдавать тысячу гросіевъ изъ константинопольской патріаршей казны,—пока онъ не займетъ какую-либо каѳедру. Наконецъ, извѣстно, что Кипріанъ въ 1714 г. пожертвовалъ въ храмъ св. Георгія при патріархіи 30 гросіевъ на поминъ своей души.

Литература. Κομνηνὸς Ὑψηλάντης, Τὰ μετὰ τὴν ἅλωσιν...; Μαθᾶς, Κατάλογος ἱστορικός...: Μ. Γεδεών: 1) Πατριαρχικοὶ πίνακες, 2) Κανονικαὶ διατάξεις, I—II, 3) Χρονικὰ τοῦ πατριαρχικοῦ οἴκου καὶ ναοῦ...; Καλλίνικος Δελικάνης, Πατριαρχικὰ Ἔγγραφα. Т. II—III (см. литературу о патріархахъ Калликикѣ II и Каллиникѣ V въ „Энц.“ VIII, стлб. 45, 58).

И. И. Соколовъ.

Кипріанъ староженскій, основатель нынѣ упраздненнаго Николаевскаго Стороженскаго монастыря, который находился въ новгородской Обонежской пятинѣ при Ладожскомъ озерѣ. Кипріанъ жилъ въ XVI—XVII в.; свѣдѣній о его жизни сохранилось немного. Преданіе гласитъ, что онъ сначала былъ разбойникомъ; потомъ, подъ вліяніемъ преп. Адріана Ондрусовскаго (память 26 августа), обратился на путь покаянія и на мѣстѣ разбойничьяго притона, на Стороженскомъ мысу основалъ иноческую обитель, въ которой постригся самъ и подвизался до смерти. По преставленіи, Кипріанъ погребенъ здѣсь; доселѣ въ с. Сторожномъ, ново-ладожскаго уѣзда, видна могила Кипріана, къ которой стекаются богомольцы.

Кипріанъ не находится въ числѣ канонизованныхъ святыхъ въ „Вѣрномъ мѣсяцесловѣ всѣхъ рус. св.“, Москва 1903. Проф. *Е. Е. Голубинскій* помѣщаетъ его въ числѣ „почитаемыхъ усопшихъ“ (Истор. канон. св., изд. 2-е, стр. 331).

Ср. *Сергій*. Полный мѣсяц. востока. II², стр. 341—342, на 2 ноября. *Н. П. Барсуковъ*, Источники русс. агіогр. стлб. 289—290. † *Димитрій*, Мѣсяцесловъ св., ноябрь (вып. 3-й) 2-го, стр. 8—9 (изд. 1894 г.). *Филаретъ*, Русскіе св., кн. 2-я, стр. 535—536 (изд. 1838 г.). Болѣе подробно у іеромон. (архим.) *Никодима*, Русскіе св. и подвижники благочестія С.-Петербургской епархіи, XIV—XVII вв. Спб. 1901, стр. 32—37.

Ан. С—въ.

Кипріанъ суздальскій отшельникъ, подвизавшій въ юродствѣ. Онъ происходилъ изъ простолюдиновъ, жилъ среди лѣса на небольшомъ островѣ р. Уводи, а въ воскресные и праздничные дни ходилъ молиться въ храмъ сосѣдняго села Воскресенскаго (въ ковровскомъ уѣздѣ, владимир. губ.), гдѣ онъ по кончинѣ (22 іюня 1622 г.) и погребенъ. Въ 1751 г. надъ его гробомъ пристроенъ къ храму придѣлъ въ честь Покрова Божіей Матери, и тогда же положено отправлять торжественно службу 2 октября св. мученику Кипріану, въ память о блажен. Кипріанѣ. Къ могилѣ Кипріана богомольцы приходятъ для служенія панихидъ, особенно 2 октября, когда въ селѣ Воскресенскомъ бываетъ ярмарка.

Кипріанъ не канонизованъ: въ „Вѣрномъ мѣсяцесловѣ всѣхъ рус. св.“ (Москва 1903) его нѣтъ. Проф. *Е. Е. Голубинскій* помѣщаетъ его въ спискѣ „почитаемыхъ усопшихъ“ (Исторія канон. св., изд. 2-е, стр. 331).

Ср. *Сергій*, Полный мѣсяцесл. Востока. II²., стр. 306. *Димитрій*, Мѣсяцесловъ св., на 2-е октября (вып. 2, стр. 21 по изд. 1893 г.) и на 22 іюля (вып. 11, стр. 248—250 по изд. 1901 г.). *Н. П. Барсуковъ*, Источники русс. агіогр., стлб. 290. *Филаретъ*, Русскіе св., кн. 3, 189—191 (изд. 1882 г.).

Ан. С—въ.

Кипріанъ устюжскій, основатель Михайло-архангельскаго монастыря близъ города Устюга, вологодской губерніи. Онъ былъ богатый землевладѣлецъ устюжской волости, рано удалился отъ міра, принявъ постриженіе въ обители Пресв. Троицы въ

г. Гледенѣ, съ именемъ Кипріана. Послѣ основанія города Устюга, куда перешли жители Гледена, Кипріанъ также перешелъ на новое мѣсто и сначала поставилъ малую келію вблизи города. Потомъ, въ 1212 г., уступая просьбамъ гражданъ, онъ началъ строить храмъ и обитель. Устюжане усердно помогали ему въ святомъ дѣлѣ трудомъ и приношеніями, а иные и навсегда оставались въ обители. Съ любовію принималъ всѣхъ Кипріанъ, подавая примѣръ трудовой подвижнической жизни, нестяжательности и смиренія: свои богатыя земельныя угодья онъ отдалъ обители; по общему признанію, будучи „начальникомъ св. обители и пастыремъ Христова стада“, онъ считалъ себя недостойнымъ священнаго сана и навсегда остался простымъ монахомъ. Не ослабѣвая въ трудахъ и подвигахъ, безвыходно пребывая въ обители, Кипріанъ скончался въ преклонныхъ лѣтахъ 29 сентября 1276 г. Гробница его находится въ монастырскомъ храмѣ Преполовенія; близъ гробницы лежитъ камень, служившій подвижнику вмѣсто изголовья. Правед. Кипріанъ принадлежитъ къ числу „почитаемыхъ усопшихъ“ (см. *Е. Е. Голубинскій*, Истор. канониз. св., изд. 2-е, стр. 331. Ср. *Сергій*, Полный мѣсяцесл. Востока, II^2, стр. 303, на 29 сентября). Въ „Вѣрномъ мѣсяцесловѣ всѣхъ рус. св.“ онъ не помѣщенъ.

Филаретъ, Русскіе св., кн. 3, 169—171, на 29 сентября (изд. 1882 г.). *Н. П. Барсуковъ*, Источ. русс. агіогр. стлб. 290. *Димитрій*. Мѣсяцесл. св., вып. 1-й (сент. 29-го, стр. 200—201 (изд. 1893 г.). Свящ. *І. Верюжскій*, Историческія сказанія о Вологодс. св. 53—57. Словарь истор. о св., стр. 146—147 (изд. 1836 г.)

Ан. С—въ.

Кипріанъ, святой—[*16-го сентября преставленіе, 27-го мая обрѣтеніе мощей*, о чемъ см. у профессора Е. Е. Голубинскаго, Исторія кононизаціи святыхъ въ русской церкви, 2-е изд., Москва 1903, стр. 191 сл. 559—560]—митрополитъ всея Россіи, былъ болгаринъ (см. у. проф. Е. Е. Голубинскаго и А. И. Яцимирскаго, а также у архим. Амфилохія въ „Трудахъ 3-го Археологическаго съѣзда“), хотя въ Никоновской Лѣтописи и Степенной книгѣ называется „сербиномъ“ и, по словамъ его племянника Григорія Цамблака (извѣстнаго литовскаго митрополита), происходилъ изъ города Тернова. Безъ сомнѣнія, по влеченію къ монашеской жизни онъ рано поселился на Аѳонѣ и затѣмъ былъ чиновникомъ въ клирѣ константинопольскомъ. Его первое появленіе въ Россію относится къ концу 1373 или началу 1374 г., когда онъ упоминается (Ник. Лѣт. IV, 40) въ качествѣ патріаршаго посла для разслѣдованія отношеній митрополита Алексія къ западно-русскимъ церквамъ по поводу жалобъ Ольгерда на забвеніе его владѣній митрополитомъ Московскимъ и на суровость послѣдняго (Acta II, 118). Въ теченіе этого пребыванія онъ сумѣлъ понять интересы литовскихъ князей, склонилъ ихъ на свою сторону и написалъ отъ лица ихъ просительную грамоту къ патріарху о постановленіи его въ санъ митрополита русскаго со многими обвиненіями на митрополита Алексія, котораго увѣрилъ въ своемъ полномъ расположеніи. Вернувшись обратно, Кипріанъ повелъ дѣло такъ, что былъ избранъ (Acta II, 13—14 и ср. 120) и „поставленъ Филоѳеемъ, паріархомъ цареградскимъ“, въ санъ митрополита кіевскаго и литовскаго, съ правомъ на всю Россію по смерти митрополита Алексія. Это былъ актъ неканоническій (Acta II, 17), и самъ Кипріанъ послѣ вынужденъ былъ затушевывать его туманною фразой: „не вѣмъ, како судьбами, ими же вѣсть Богъ, и азъ смиренный возведенъ быхъ на великій престолъ митрополіи русскія“ (Степ. кн. I, 40).

Получивъ такимъ образомъ въ декабрѣ 1375 г. (или,—по тогдашнему счету съ сентября,—въ началѣ 1376 г.) пока только часть послѣдней, Кипріанъ пожелалъ немедленно же завладѣть всею и съ этою мыслію 9 іюня „выѣхалъ въ Кіевъ“ („Прав. Собес.“ 1860 г., II, 95). Отсюда онъ хотѣлъ проникнуть въ Москву, но тутъ ему „прилучилось мало нѣчто противное“ (Ст. кн. I, 422): вел. кн. Димитрій Іоановичъ (Донской) не принялъ Кипріана, а его хлопоты въ Новгородѣ и Псковѣ остались безуспѣшны. Тогда Кипріанъ рѣшился выжидать въ Кіевѣ благопріятныхъ обстоятельствъ. Смерть св. Алексія († 12 февраля 1378 г.), повидимому, открывала ему свободную дорогу къ достиженію митрополіи московской; однако великій князь избралъ своего кандидата въ лицѣ духовника и любимца своего, спасскаго архимандрита Михаила, по прозванію Митяя.

Несомнѣнно, что извѣстія Никоновской лѣтописи(—и, вѣроятно, не безъ вліянія Кипріана—)объ этомъ лицѣ сильно преувеличены въ дурную для него сторону. Тѣмъ не менѣе, если не поведеніе, то странное и нелегальное положеніе Михаила въ качествѣ неслыханнаго доселѣ намѣстника митрополита, со всѣми правами и привилегіями послѣдняго, вызвало въ Москвѣ немало затрудненій и замѣшательствъ. Кипріанъ счелъ этотъ моментъ удобнымъ для осуществленія своихъ плановъ и въ маѣ 1378 г. двинулся въ Москву въ увѣренности, что найдетъ себѣ энергичную поддержку въ средѣ недовольныхъ Митяемъ и что великій князь долженъ будетъ примириться съ совершившимся фактомъ, который теперь получалъ и каноническое оправданіе. Его надежды казались ему тѣмъ болѣе основательными, что у него были хорошія связи, напр., съ такими людьми, какъ Сергій радонежскій и Ѳеодоръ симоновскій, которымъ онъ и писалъ съ дороги 3-го іюня изъ Любутска (нынѣ село Любудское въ калужскомъ уѣздѣ), приглашая ихъ повидаться съ нимъ, „гдѣ они сами погадаютъ". Но всѣ эти разсчеты не оправдались: великій князь изгналъ прешельца изъ Москвы съ величайшимъ срамомъ, почему Кипріанъ готовъ былъ подозрѣвать замыслы о его „убіеніи или потопленіи". Въ необычайномъ раздраженіи по этому случаю онъ написалъ 23-го іюня новое посланіе тѣмъ же лицамъ, съ изображеніемъ своихъ злоключеній, и положилъ клятву на всѣхъ виновныхъ и причастныхъ къ нимъ, поскольку „аще братъ мой (Алексій) преставился, азъ есмь святитель на его мѣстѣ, моя есть митрополія" („Прав. Собес." 1860 г., II, 94). Въ этомъ убѣжденіи онъ начертываетъ такую программу дальнѣйшихъ дѣйствій: „а ко Царюгороду ѣду оборонитися Богомъ и святымъ патріархомъ и великимъ соборомъ" съ цѣлію извлечь нѣкую пользу и изъ самаго позора своего: „мнѣ ихъ бещестіе большу честь приложило по всей земли и въ Царигородѣ" (idid., 102). Съ одной стороны, ему ничего иного не оставалось, а съ другой—необходимо было предотвратить или отразить вліяніе противниковъ, которые и сами помышляли о поѣздкѣ въ Константинополь. Кипріанъ зналъ еще, что на Москвѣ у него имѣются добрые защитники, въ лицѣ, напр., тѣхъ же Сергія и Ѳеодора, потому что на второе его письмо они отвѣтили „со смиреніемъ и повиновеніемъ и любовію" къ нему (ibid., 103), не взирая на всѣ скорбныя обстоятельства. Посему уже отъ 18-го октября 1378 г. онъ увѣдомлялъ ихъ, что „безъ измѣны ѣдетъ ко Царюгороду". Прибывъ туда, Кипріанъ потомъ былъ ободренъ неожиданнымъ и благопріятнымъ для него оборотомъ дѣлъ. Прежде всего, подвергся опалѣ и былъ свергнутъ съ престола покровитель Митяя патріархъ Макарій, который—по смерти св. Алексія—нарочитано писалъ Димитрію Іоанновичу, чтобы Кипріана ни въ какомъ случаѣ не принимали (Acta II, 120—121); непризнанному пока претенденту на митрополію русскую пришлось даже судить непріятнаго ему патріарха, и это показываетъ, что его прерогативы въ извѣстной мѣрѣ уважались. Затѣмъ и торжественная поѣздка самого Митяя кончилась совершенно плачевно, ибо онъ „волею Божію" померъ почти въ виду Константинополя. Правда, его спутники избрали новаго кандидата, Пимена, архимандрита переяславскаго горицкаго монастыря, вписали его имя на чистый бланкъ за великокняжескою печатью и представили патріарху Нилу для утвержденія въ санѣ митрополита русскаго, но тотъ сначала рѣшительно отказалъ въ этомъ. Однако свита успѣла „закупить" вліятельныхъ лицъ, затративъ громадныя суммы, и въ іюнѣ 1380 г. Кипріанъ соборно былъ лишенъ даже Кіева, съ сохраненіемъ за нимъ (и то по снисхожденію) малой Россіи и Литвы, а митрополитомъ русскимъ назначенъ Пименъ (Acta II, 12). Кипріану ожидать больше было нечего, и въ концѣ 1380 г., не простившись ни съ кѣмъ, онъ направился въ Кіевъ; здѣсь ему и суждено было скоро получить желанное въ награду за свои страданія и усердную ревность. Великій князь отвергъ Пимена, чрезъ игумена Ѳеодора симоновскаго пригласилъ къ себѣ Кипріана, а Пимена потомъ въ концѣ 1381 г. схватилъ въ Коломнѣ и заточилъ въ Чухлому, черезъ годъ переведши въ Тверь (П. С. Р. Л. I, 233; VIII, 32. 42. Ник. Лѣт. IV, 77—78). Кипріанъ не замедлилъ, и въ праздникъ Вознесенія Господня, 23-го мая 1381 г., былъ встрѣченъ и принятъ Москвою съ особою торжественностію. Впрочемъ, и на этотъ

разъ Кипріанъ не долго продержался въ столицѣ и ничего особеннаго не сдѣлалъ, такъ какъ упоминается лишь о поѣздкѣ его въ Новгородъ. Уже подъ 7-мъ октября 1382 г. мы читаемъ: „тояжъ осени не восхотѣ великій князь Димитрій Ивановичъ московскій Кипріана митрополита всея Русіи и имяше къ нему нелюбіе“ (Ник. Лѣт. IV, 139). Въ близкихъ къ изгнанному памятникахъ сообщается только, что это случилось вскорѣ послѣ того, какъ Кипріанъ, вернувшись въ Москву изъ Новгорода предъ самымъ нашествіемъ хана Тохтамыша (8-го августа) и „видя рознство и распрю во градѣ, отойде во Тверь и тамо избысть“ (Ник. Лѣт. IV, 137). Но другой источникъ ясно передаетъ, что „разгнѣвался на него (Кипріана) князь великій Димитрій того ради, яко не сидѣлъ въ осадѣ на Москвѣ, но съѣхалъ въ Тверь, боящеся татарскаго нахожденія“ (П. С. Р. Л. V, 238). Очевидно, великій князь подозрѣвалъ митрополита въ томъ, что онъ не вѣрилъ въ силу русскихъ, почему и искалъ спасенія въ бѣгствѣ, умоливъ гражданъ выпустить изъ города (Ник. Лѣт. IV, 133) и покинувъ его въ ту минуту, когда именно святителю нужно было показать примѣръ бодрости и вдохновлять всѣхъ. Еще болѣе раздражило Димитрія Іоанновича то, что Кипріанъ уѣхалъ подъ кровъ ненавистнаго ему, родственника Ольгердова, Михаила Александровича тверскаго, который посылалъ дары Тохтамышу и получилъ отъ него ярлыкъ. Великій князь рѣшился теперь воспользоваться тѣмъ, что раньше предлагалъ ему патріархъ Нилъ въ своихъ многократныхъ и усердныхъ моленіяхъ за Пимена (Acta II, 120): Кипріанъ (осенью 1382 г.) былъ удаленъ въ Кіевъ, а Пименъ вызванъ изъ заточенія и встрѣченъ съ честію (Acta II, 122. П. С. Р. Л. I, 233; V, 238; VIII, 48. Ник. Лѣт. IV, 139—140). На прежнемъ мѣстѣ Кипріанъ нашелъ преданнаго покровителя въ кіевскомъ князѣ, сынѣ Ольгерда, Владимірѣ, который настолько благоволилъ къ избраннику своего отца, что послѣ не пропустилъ въ Москву поставленнаго въ митрополиты Діонисія суздальскаго и задержалъ его въ Кіевѣ, гдѣ онъ и умеръ 15-го октября 1385 г. Однако Кипріанъ не могъ забыть Москвы и, можетъ быть, уже въ 1383 г. онъ снова предпринялъ „путь трудный“ въ Константинополь съ надеждою „борзо быть у васъ (т. е. при великокняжескомъ московскомъ столѣ) изъ Царягорода“ („Прав. Собес.“ 1860 г., II, 104—106). Но константинопольское пребываніе затянулось и хлопоты не увѣнчались успѣхомъ, когда въ маѣ 1387 г. по неизвѣстнымъ въ точности причинамъ императоръ командировалъ Кипріана въ юго-западную Россію, при чемъ съ него взято было обязательство священнодѣйствовать только въ этихъ предѣлахъ и непремѣнно вернуться на судъ предъ соборомъ (Acta II, 98. П. С. Р. Л. V, 239; VIII, 50. Ник. Лѣт. IV, 151), что̀ онъ и исполнилъ. Что случилось потомъ,—неизвѣстно; но въ концѣ 1387 г. или въ самомъ началѣ 1388 г. было соборно опредѣлено, чтобы „митрополитомъ кіевскимъ и всея Россіи и былъ и назывался киръ Кипріанъ, который до конца своей жизни да завѣдываетъ ею и всѣми областями ея“ (Acta II, 116—119. П. С. Р. Л. IV, 96; V, 243; VIII, 52. Ник. Лѣт. IV, 156—158. 162. 170. 192. Акты ист. I, № 252). Это рѣшеніе патр. Нила подтвердилъ въ февралѣ 1389 г. и его преемникъ Антоній. Тою порой сошли со сцены и недруги и враги Кипріана; 19-го мая 1389 г. умеръ Димитрій Іоанновичъ, а 11-го сентября скончался въ Халкидонѣ Пименъ (Ник. Лѣт. IV, 192). Всѣ препятствія были устранены,—и (какъ кажется) 1-го октября 1389 г. Кипріанъ выѣхалъ изъ Константинополя (ibid., 171), въ февралѣ 1390 г. былъ въ Кіевѣ и на четвертой („средокрестной“) недѣлѣ великаго поста торжественно вступилъ въ Москву (ibid., 192—193. П. С. Р. Л. I, 233; V, 244; VIII, 60). Теперь, черезъ четырнадцать лѣтъ усиленныхъ стараній, онъ получилъ больше, чѣмъ желалъ нѣкогда, ибо фактически соединилъ подъ своею властію раздѣленныя части митрополіи русской и до самой своей смерти управлялъ ими въ качествѣ митрополита всероссійскаго, усердно охраняя авторитетъ патріарха (Acta II, 177.180.181.188.197.282.359).

Съ этого времени начинается періодъ спокойной дѣятельности Кипріана. Къ сожалѣнію, именно о данномъ времени и сохранилось мало извѣстій. Больше таковыхъ осталось касательно епархіалнаго управленія. Мы знаемъ, что еще въ концѣ іюня 1390 г. онъ ѣздилъ въ Тверь къ князю Михаилу

Александровичу и тамъ „отставилъ отъ епископства Евѳимія Висленя“, назначеннаго сюда въ 1374 г. св. Алексіемъ, „по клеветамъ тяжкимъ зѣло и неудобоносимымъ“, хотя въ началѣ и самъ находилъ подсудимаго не совсѣмъ виновнымъ (Ник. Лѣт. IV, 195—196. 197. 198); повидимому, все совершилось по волѣ тверского князя, но дѣлу только придана была соборная санкція; Евѳимій былъ отправленъ въ Чудовъ монастырь и замѣщенъ архидіакономъ (протодіакономъ) митрополичьимъ Арсеніемъ. Но особенно много хлопотъ доставлялъ Кипріану Новгородъ, который рѣшилъ (въ 1385 г., великимъ постомъ) не обращаться къ нему для аппелляціоннаго суда (бывавшаго чрезъ три года на четвертый и длившагося одинъ мѣсяцъ, почему онъ назывался „мѣсячнымъ“), довольствуясь судомъ мѣстнаго архіепископа, какъ бы независимаго отъ митрополичьей власти, и пренебрежительно отнесся къ грамотѣ патр. Антонія, выхлопотанной митрополитомъ предъ своимъ отправленіемъ въ Россію (Ник. Лѣт. IV, 195. 201. П. С. Р. Л. V, 244; VIII, 61). Этотъ отказъ былъ весьма чувствителенъ и въ матеріальномъ отношеніи, отнимая значительный доходъ (м. б., до 200 тыс. руб. ассигнаціями на наши деньги, по Е. Е. Голубинскому). Кипріанъ самъ пріѣхалъ къ непокорнымъ: они приняли его (11-го февраля 1392 г.) торжественно и внимательно слушали его поученія, но относительно главнаго предмета отвѣтили категорическимъ отказомъ. Наложивъ на всѣхъ отлученіе и запретивъ духовенству службы, митрополитъ воротился ни съ чѣмъ и побудилъ патріарха (въ сентябрѣ 1393 г.) адресовать новгородцамъ обширную грамоту, которую тотъ подтвердилъ снова, когда къ нему явились потомъ ходатаи изъ Новгорода (Ник. Лѣт. IV, 200—202. П. С. Р. Л. III, 96; IV, 99; V, 245. Acta II, 181—187. 177—180). Лишь великому князю Василію Димитріевичу „многою ратью“ удалось смирить упрямцевъ, и они изъявили полное послушаніе князю и митрополиту (Ник. Лѣт. IV, 252—254. П. С. Р. Л. IV, 100; III, 96; V, 246. Ст. кн. I, 521. Собр. госуд. грам. II, № 13). Между тѣмъ изъ Константинополя пришелъ посолъ съ упомянутыми грамотами патріарха, и митрополитъ опять (въ великомъ посту 1395 г.) пріѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ и послѣ значительнаго сопротивленія сначала не добился своего (П. С. Р. Л. III, 97. Ник. Лѣт. IV, 257. Ст. кн. I, 522). Для достиженія своихъ цѣлей онъ постарался оградить права новгородскаго святителя надъ псковичами (Акт. истор. I, №№ 9. 10), которыхъ, въ лицѣ міранъ и духовенства, поучалъ касательно ихъ обязанностей (ibid. I, №№ 8. 11). Новгородцы были тронуты такою заботливостію объ ихъ привилегіяхъ, а Кипріанъ „благословилъ съ любовію сына своего Ивана владыку новгородскаго архіепископа и весь великій Новгородъ“ и преподалъ наставленія насчетъ богослуженія и церковнаго управленія (ibid. I, № 11). Хотя вскорѣ и самъ Іоаннъ удостоился въ Москвѣ внимательнаго пріема отъ митрополита, но миръ не былъ прочнымъ. По крайней мѣрѣ, въ 1401 г. Іоаннъ—вмѣстѣ съ луцкимъ епископомъ Саввой (см. стлб. 49)—на соборѣ московскомъ долженъ былъ „отписаться отъ своей епископіи“ „за нѣкія вещи святительскія“ и пробылъ „въ поиманіи“ у Кипріана три года и четыре мѣсяца (Ник. Лѣт. IV, 300—301. 311. П. С. Р. Л. III, 48. 102. 134), вѣроятно, тоже изъ-за „мѣсячнаго суда“.

Наряду съ этимъ Кипріанъ старался держать свое имя не менѣе славно и грозно и въ другихъ подвѣдомыхъ ему областяхъ, а въ частности и въ югозападной Россіи, гдѣ онъ правилъ чрезъ своихъ кіевскихъ намѣстниковъ. Въ январѣ 1396 г. умеръ подозрительною смертію кіевскій князь Скиригайло Ольгердовичъ, и великій князь литовскій Витовтъ получилъ власть надъ Кіевомъ. Могли быть неожиданныя затрудненія, и митрополитъ немедленно отправился въ Смоленскъ вмѣстѣ съ Василіемъ Димитріевичемъ. Витовтъ оказалъ должное почтеніе своему тестю и Кипріану, который смѣнилъ ставленника Пименова Михаила и назначилъ (2-го апрѣля) епископомъ смоленскимъ Кассіана (ср. у Карамз. V, прим. 116). Затѣмъ Кипріанъ поселился въ Кіевѣ, гдѣ и провелъ полтора года (П. С. Р. Л. V, 246. 249; VI, 128; VIII, 61. Ник. Лѣт. IV, 267—268). Можетъ быть, столь долго задерживали его и распространеніе латинства въ Литвѣ (при чемъ Кипріанъ, будто бы, мечталъ вмѣстѣ съ королемъ Ягайломъ о нѣкоей уніи папы съ греками) и внутреннія дѣла православныхъ епархій. О послѣднемъ можно

догадываться потому, что нѣкто (епископъ) Іоаннъ изъ Луцка потомъ предлагалъ Кипріану 300 русскихъ гривенъ и 30 коней за возведеніе его на митрополію галичскую (чего, кажется, онъ и достигъ послѣ), а въ 1401 г. митрополитъ (конечно, не безъ причины) заставилъ епископа луцкаго Савву „отписаться“ отъ епископіи (см. стлб. 48).

Не безъ смущенія вернулся Кипріанъ въ Москву 7-го октября 1397 г., но здѣсь былъ утѣшенъ извѣстіями о новыхъ пріобрѣтеніяхъ для православной вѣры въ предѣлахъ пермскихъ незадолго предъ тѣмъ (26-го апрѣля 1396 г.) скончавшимся въ Москвѣ св. Стефаномъ пермскимъ, просвѣтителемъ зырянъ. Впрочемъ, вскорѣ Кипріану опять пришлось устраивать отношенія съ новгородцами и сноситься съ патріархомъ насчетъ галицкой митрополіи, для которой онъ посвятилъ одного епископа (перемышльскаго); тѣмъ не менѣе, въ общемъ, онъ могъ теперь наслаждаться большимъ спокойствіемъ и почасту жилъ въ уединеніи то въ подмосковномъ селеніи Голенищевѣ (нынѣ Троицкое Голенищево въ 3-хъ верстахъ отъ Москвы; см. о немъ у † прот. *В. И. Жмакина*, Село Троицкое Голенищево близъ Москвы, бывшая патріаршая дача, въ „Прибавленіяхъ къ Церковнымъ Вѣдомостямъ“ 1905 г. № 5 за 29 января, стр. 195—200), гдѣ построилъ храмъ во имя трехъ святителей (Ст. кн. I, 556), то во владимірской области на „святомъ озерѣ,“ также украсивъ это мѣсто церковію Преображенія Господня (Ник. Лѣт. V, 37). Великій князь оказывалъ полное почтеніе митрополиту, (въ 1392-мъ или въ 1404 г.) особою грамотой утвердилъ его высокія права и обезпечилъ съ матеріальной стороны, даровавъ немалыя льготы его вотчинамъ и установивъ съ церквей опредѣленный митрополичій сборъ (Акты археогр. экспед. I, № 9). Лишь въ 1404 г. начали приходить тревожныя вѣсти изъ южной Россіи, и Кипріанъ поѣхалъ туда въ іюнѣ или іюлѣ. Его намѣстникъ архимандритъ Тимоѳей, очевидно, недостаточно охранялъ митрополичьи интересы, либо крайне корыстно злоупотреблялъ своимъ положеніемъ, почему удаленъ былъ вмѣстѣ съ прежними слугами и замѣщенъ Ѳеодосіемъ спасскимъ съ новымъ штатомъ (Ник. Лѣт. IV, 312). Потомъ митрополитъ посѣтилъ Луцкъ и посвятилъ тамъ епископа во Владиміръ-волынскій, въ Милолюбнѣ или Милолюбѣ видѣлся съ королемъ польскимъ Ягайломъ и великимъ княземъ литовскимъ Витовтомъ, по настоянію послѣдняго отрѣшилъ невинно оклеветаннаго въ сношеніяхъ съ ордынскимъ ханомъ Шадибекомъ Антонія туровскаго и отослалъ его на покой въ московскій Симоновъ монастырь (Карамз. V, примѣч. 232. Ник. Лѣт. IV, 315. Татищ. IV, 419—420). 1-го января 1406 года онъ былъ уже въ Москвѣ, 26-го августа торжественно отпраздновалъ день избавленія отъ Тамерлана (въ 1395 г.), посвятилъ симоновскаго архимандрита Иларіона въ Коломну и чрезъ двѣ недѣли рукоположилъ Митрофана во епископа суздальскаго. Но 1-го сентяря 1406 г. онъ слегъ въ постель и въ ночь на 16-е число скончался. Ростовскій архіепископъ Григорій вмѣстѣ съ двумя помянутыми іерархами совершилъ его погребеніе, при чемъ была прочитана и написанная за четыре дня до смерти прощальная грамота почившаго. Тѣло его съ честію было предано землѣ въ Успенскомъ соборѣ (Ник. Лѣт. IV, 312—318; V, 3—7. Ст. кн. I, 557—562. П. С. Р. Л. III, 130; V, 254—256; VI, 130—133; VIII, 70.77—80), гдѣ почиваетъ и понынѣ. Историческая память благосклонно отнеслась къ Кипріану и, цѣня лишь однѣ заслуги, высоко почтила его почти тридцатилѣтнее служеніе. Уже митрополитъ Фотій называлъ его „свято почившимъ“, а въ 1472 году при перестройкѣ собора открыты мощи Кипріана, который и былъ послѣ „канонизованъ“ съ установленіемъ нарочитыхъ празднованій.

Не менѣе былъ почитаемъ Кипріанъ и за свои литературные труды, которые, впрочемъ, требуютъ особаго розсмотрѣнія. Неоспоримо, что онъ былъ большимъ любителемъ книжной мудрости и усердно занимался даже переписываніемъ полезныхъ книгъ, но извѣстія о немъ по этому предмету (Ник. Лѣт. V, 2—3. Ст. кн. I, 558), кажется, сильно преувеличены. В. Н. Татищевъ († 1750 г.) даже утверждаетъ (Истор. Росс. IV, Спб. 1784, стр. 424), что „въ наставленіе душевное (Кипріанъ) преписа соборы бывшіе на Руси, много житія святыхъ русскихъ, и степени великихъ князей русскихъ, (иныя) же въ наставленіе плотское, яко правды и суды и лѣтопись Рускую отъ начала земли Рускія и, многи книги къ тому собравъ, повелѣлъ архимандриту Игна-

тію спасскому докончати, яже и соблюдохъ". Большинство прежнихъ историковъ принимало это свидѣтельство съ довѣріемъ; митр. Макарій (V, 191—193) уже выразилъ основательныя сомнѣнія, которыя оправдываются и детальнымъ разборомъ сообщенія Татищевскаго (см. у проф. Е. Е. Голубинскаго). Что касается соборовъ, то изъ таковыхъ до Кипріана на Руси былъ лишь одинъ владимірскій (1274 г.), почему подразумѣваютъ еще константинопольскій (1301 г.?), гдѣ епископъ сарайскій Ѳеогностъ предлагалъ свои недоумѣнные вопросы; но послѣдній былъ не на Руси, а затѣмъ дѣянія владимірскія, будучи небольшой статьей, не обращались въ отдѣльныхъ спискахъ и помѣщались при Кормчихъ. Говорятъ, что соборно-русскія опредѣленія Кипріанъ именно и присовокупилъ къ своей Кормчей, привезенной имъ изъ Константинополя (Ст. кн. II, 248). О ней, дѣйствительно, упоминается въ разсказѣ о московскомъ пожарѣ 1547 г., но неясно, такъ что или совсѣмъ не передается о правилахъ (Ник. Лѣт. VII, 56), или не устанавливается ихъ принадлежность какому-нибудь лицу (Карамз. VIII, прим. 173). Въ 1627 г. московскій Богоявленскій игуменъ Илія и книжный справщикъ Григорій въ спорѣ съ Лаврентіемъ Зизаніемъ прямо заявляли о переводѣ Кипріаномъ „правильныхъ книгъ христіанскаго закона, греческаго языка правилъ" (у Тихонравова въ „Лѣт." IV, 2, стр. 99), однако слова ихъ подозрительны, ибо славянская Кормчая у насъ была давно. Розенкампфъ (стр. 75) думалъ считать Кипріановскимъ переводомъ правилъ списокъ, найденный имъ въ сводной Кормчей („Лаптевской") 1615 г., но еще † о. А. В. Горскій устранилъ это предположеніе,—тѣмъ болѣе, что и самъ Кипріанъ ссылается на прежній старый Номоканонъ, а вскорѣ послѣ его смерти митрополитъ Фотій въ своей грамотѣ противъ Григорія Цамблака приводитъ до 15 правилъ въ изложеніи сходномъ съ редакціями рязанскою и софійскою, тогда какъ Кормчая Розенкамфа „различествовала отъ всѣхъ прочихъ", хотя, находясь въ Константинополѣ, Кипріанъ, конечно, могъ написать собственноручно копію Кормчей (рязанскаго или іосифовскаго извода, идущаго отъ св. Саввы сербскаго).

Съ именемъ Кипріана до насъ дошло только житіе св. митрополита Петра. Оно составляетъ несомнѣнную его собственность, но дальше мы не имѣемъ права съ увѣренностію утверждать, что „къ нему могли быть приложены и другія исправленныя Кипріаномъ въ слогѣ" (Горскій, 354) и считать таковыми тѣ, которыя помѣщены въ Степенной книгѣ.

Подъ „степенями князей русскихъ" должно разумѣть, безъ сомнѣнія, „степенныя книги". Что въ настоящемъ своемъ видѣ онѣ не Кипріановскаго происхожденія,—это неоспоримо. *Пл. Гр. Васенко* называетъ ихъ „Аѳанасье-Макаріевскими", приписывая иниціативу въ дѣлѣ составленія этого труда митрополиту Макарію, а исполнителемъ считанія Аѳанасія, ранѣе протопопа Андрея, бывшаго съ Іоанномъ Грознымъ въ казанскомъ походѣ, въ 1562 г. принявшаго постриженіе и съ 1564 г. занявшаго митрополичью каѳедру всероссійскую; завершеніе относится къ 1560—1563 годамъ (см. „Книга степенная царскаго родословія и ея значеніе въ древне-русской исторической письменности" I, Спб. 1904, стр. 199. 211—212 и др.). Но академикъ проф. *А. И. Соболевскій* въ „Замѣткахъ о степенной книгѣ" (по поводу сочиненія г. Васенка) въ „Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ", т. LXXXII (1907 г.) скорѣе склоненъ усвоять иниціативу всего предпріятія царю Іоанну Грозному, а не митроп. Макарію, и, различая двухъ творцовъ книги Степенной, перваго усматриваетъ въ знаменитомъ священникѣ Сильвестрѣ и митроп. Аѳанасія признаетъ лишь „собирателемъ" труда; равно онъ сомнѣвается, что послѣдній составленъ въ 1560—1563 г., поскольку это—работа незаконченная. Указываютъ (Горскій, 355; Филар.: Обз. 87 и И. Р. Ц. II, 44, прим. 108) на болѣе краткій списокъ (ркп. Румянц. музея № 415), говоря, что „тринадцатымъ степенемъ и должно было оканчиваться сочиненіе Кипріана", но на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ, ибо тамъ повѣствуется и о дальнѣйшихъ поколѣніяхъ русскихъ князей. Посему всякія догадки о характерѣ и содержаніи Кипріановскихъ „степенныхъ книгъ" совершенно напрасны.

„Правды и суды" обыкновенно относятъ (Горскій, 356) къ русско-византійскимъ законамъ суднымъ и уголовнымъ, принятымъ въ составъ Кормчей, но византійскія постановленія справедливѣе исключить и понимать слова

Татищева въ смыслѣ вообще памятниковъ церковно-гражданскихъ. Однако и въ этомъ случаѣ данное извѣстіе сомнительно, потому что особой Кипріановской Кормчей не было, и въ 1402 г. торжественно былъ одобренъ древній Номоканонъ съ уставами свв. Владиміра и Ярослава и другими узаконеніями церковно-гражданскаго характера. Въ своемъ посланіи противъ Діонисія суздальскаго Кипріанъ упоминаетъ о „записываніи грамотъ“ (Акты истор. I, № 10, стр. 19), но тамъ рѣчь идетъ просто о томъ, что свѣтская власть издаетъ опредѣленія, записанныя на бумагѣ.

„Лѣтопись отъ начала земли русской“, какъ трудъ Кипріана, настолько невѣроятна, что и защитники мнѣнія Татищева говорятъ лишь о „замышленіи“ ея, ибо упоминаніе Троицкой лѣтописи (у Карамз. V, прим. 148) о „лѣтописцѣ великомъ русскомъ“ не имѣетъ никакого отношенія къ этому митрополиту. Гораздо правдоподобнѣе догадка объ участіи митрополита Кипріана въ веденіи записей ему современныхъ. Горскій (356) находилъ ихъ въ Троицкой лѣтописи, открытой Карамзинымъ и погибшей во время Московскаго пожара 1812 г. Она „болѣе всѣхъ другихъ сообщаетъ о княженіи Василія Дмитріевича“ и заключается описаніемъ нашествія Эдигея (1408 г.). Это весьма возможно, хотя и не для всего объема отъ Рюрика, но сохранившіеся отрывки не велики и не достаточно характерны. Съ немалою увѣренностію можно предполагать Кипріановское вліяніе и на Никоновскую лѣтопись; впрочемъ, слѣды сего могутъ быть указаны лишь приблизительно.

Несомнѣнные же труды митрополита Кипріана слѣдующіе.

Прежде всего, этого восемь грамотъ (Акты истор. I, №№ 7—11. 253. 255. Акты археогр. эксп. I, № 11) и четыре письма, изъ коихъ три адресованы преп. Сергію радонежскому съ его племянникомъ и ученикомъ Ѳеодоромъ симоновскимъ и одно неизвѣстному по имени игумену („Прав. Собес.“ 1860 г., II, 84—106). Во всѣхъ ихъ видѣнъ пастырь заботливый и образованный, но все-же они не чисто литературныя произведенія, такъ какъ или имѣютъ частный интересъ и лишь біографически важное значеніе, или занимаются разрѣшеніемъ различныхъ церковно-обрядовыхъ вопросовъ, при чемъ авторъ обнаруживаетъ хорошее знаніе церковныхъ законовъ и искусство въ ихъ толкованіи и примѣненіи.

Болѣе общими наставленіями отличается „посланіе игумену Аѳанасію“ (Акты истор. I, № 253, стр. 474—482), котораго принимаютъ за ученика Сергіева, бывшаго настоятелемъ въ Высоцкомъ монастырѣ, основанномъ въ 1374 г. серпуховскимъ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ. Въ 1382 г. этотъ Аѳанасій сопутствовалъ Кипріану въ Кіевъ и затѣмъ въ Константинополь, гдѣ и остался въ монастырѣ св. Іоанна Предтечи, занимаясь списываніемъ книгъ; какъ кажется, туда и адресовано это письмо, ибо Аѳанасій, повидимому, находился далеко отъ автора. Время его составленія нужно относить ближе къ 1392 г. въ виду высказываемой въ немъ мысли о „послѣднихъ лѣтахъ“, а мысль эта всего естественнѣе могла явиться при началѣ седьмой тысячи лѣтъ отъ сотворенія міра; за это говоритъ и ссылка на „многія попеченія“, что̀ указываетъ на недавнее утвержденіе автора на митрополіи. По своему содержанію это посланіе представляетъ отвѣтъ Аѳанасію, вопросившему „о нѣкоихъ потребныхъ вещехъ“, и потому изложено не особенно связно. Хотя недоумѣнія касались преимущественно общихъ началъ христіанской жизни и дѣятельности, но Кипріанъ съ бо̀льшею охотой занимается разъясненіемъ разныхъ церковно-обрядовыхъ постановленій и обычаевъ, чѣмъ онъ интересовался издавна. Разсужденія его отличаются обстоятельностію и трезвостію воззрѣній, напр., касательно благоразумной сдержанности при употребленіи эпитимій и мудрой осторожности въ принятіи и пользованіи церковными имуществами. Всюду авторъ руководится апостольскими и соборными опредѣленіями безъ послабленій ради утвердившихся порядковъ. Такъ, онъ прямо запрещаетъ совершеніе браковъ монашествующими, хотя примѣры этого на Руси бывали не рѣдко, особенно при вѣнчаніяхъ лицъ княжеской крови, и хотя самъ онъ иногда уступалъ сложившейся практикѣ (Ст. кн. I, 518). Въ Стоглавѣ (гл. 64 и 65) разъясненія Кипріана насчетъ правъ церкви признаются каноническими и включаются въ число соборныхъ постановленій;

митрополитъ Петръ Могила помѣстилъ въ своемъ „Требникѣ“ его правила касательно богослуженія, а нѣкоторыя изъ нихъ вошли и въ „учительное извѣстіе“, печатаемое при нашихъ служебникахъ. — Въ концѣ Кипріанъ обращается къ назидательнымъ темамъ и, говоря о важности самоусовершенствованія и духовнаго бдѣнія, сильнѣйшее побужденіе къ тому находитъ въ близости кончины міра; несомнѣннымъ признакомъ послѣдняго служитъ для него необыкновенное развитіе пороковъ и—особенно—зависти. Это аргументъ новый и оригинальный, но онъ велъ къ слишкомъ рѣзкой суровости обличительнаго направленія, что съ крайностію выступаетъ уже у митрополита Фотія. Необходимость любви христіанской и учительства не просто словомъ, но и дѣломъ развита далеко не столь подробно. Впрочемъ, посланіе написано весьма вразумительно, языкомъ яснымъ и изобразительнымъ, безъ излишней многорѣчивости, и тономъ искреннимъ.

Сходно съ разобраннымъ по замыслу „Посланіе игуменомъ, и попомъ, и діакономъ, и ко мнихомъ и ко всѣмъ православнымъ христіаниномъ“, которое яко бы находится между рукописей Московской синодальной библіотеки и выдается за Кипріановское (м. Евгенія Словарь I, 323; Шевырева Ист. р. слов. III, 210, прим. 10); оно доселѣ не издано.

Нѣкоторые церковные историки утверждаютъ, что прежде существовало немало поученій Кипріана, но намъ извѣстно лишь, что въ бытность свою въ Новгородѣ онъ „нача учити (въ Софійскомъ соборѣ) люди новгородцкія велегласно во всю церковь“ (П. С. Р. Л. IV, 99). Въ Никоновскомъ спискѣ приводятся (IV, 200—201) двѣ рѣчи, сказанныя митрополитомъ въ Новгородѣ и,—по сходству съ изложеніемъ новгородскихъ лѣтописей о тогдашнихъ событіяхъ,—ихъ можно признать довольно точнымъ (хотя бы и фрагментарнымъ) воспроизведеніемъ импровизацій Кипріана. Онѣ немного говорятъ въ пользу его пастырской учительности: въ нихъ слышится голосъ раздраженія, стремленіе подвести непокорныхъ подъ клятву закона, а не духъ любви и кротости, допускающій суровыя мѣры только въ исключительныхъ случаяхъ; при томъ же и новгородцы были не совсѣмъ неправы (митр. Макар. V, 89).

Гораздо выше по своимъ достоинствамъ прощальная грамота Кипріана (Ст. кн. I, 559—562; Ник. Лѣт. V, 3—7, и др.), которую лѣтописцы называютъ твореніемъ „чуднымъ, незнаемымъ и страннолѣпнымъ“; поэтому „по отшествіи сего митрополита и прочіи митрополиты рустіи, и до нынѣ преписовающе сію грамоту, повелѣваютъ во преставленіи своемъ, во гробъ вкладающеся, тако же прочитати во услышаніе всѣмъ“, какъ она была прочитана и при погребеніи ея перваго составителя. Указавъ на свое болѣзненное состояніе, авторъ свидѣтельствуетъ въ началѣ „святую богопреданную апостольскую вѣру и православія истинное благочестіе“, кратко повторяя здѣсь содержаніе „исповѣданій“, дававшихся при посвященіи въ епископскій санъ, а въ заключеніе „всѣхъ православныхъ прощаетъ и благословляетъ, тако же и самъ отъ всѣхъ прощенія и благословенія требуя“, согласно распространенному среди русскихъ и вполнѣ естественному обычаю этого рода. По основнымъ своимъ идеямъ, это завѣщаніе не вполнѣ оригинально, но оно написано хорошо и задушевно и, дѣйствительно, является предсмертнымъ наставленіемъ пастыря-отца своимъ духовнымъ дѣтямъ. А сохраненное Степенною книгой и Никоновскимъ спискомъ „философское дополненіе“ къ этой грамотѣ, съ размышленіями о суетности и скорбности жизни человѣческой и съ указаніемъ необходимости упованія на милосердіе Божіе,—повидимому неподлинно: оно нестройно въ развитіи мыслей и изложено витіевато, темно и по мѣстамъ запутанно.

„Житіе св. митрополита Петра“ (Ст. кн. I, 410—424) написано Кипріаномъ послѣ 23-го мая 1381 г., ибо въ немъ сообщается о встрѣчѣ его на Москвѣ великимъ княземъ Димитріемъ Іоанновичемъ (Ст. кн. I, 424); затѣмъ, авторъ довольно опредѣленно высказываетъ, что бурный періодъ исканій московской митрополіи прошелъ, и онъ утвердился на ней прочно, что было лишь въ 1390 г.; но и теперь онъ приступилъ къ жизнеописанію не сразу и, кажется, уже послѣ 1397 г., потому что ранѣе едва ли располагалъ нужнымъ досугомъ. И сказаніе о Кипріанѣ, дѣйстви-

тельно, сообщаетъ, что это произведеніе составлено имъ въ селѣ Голенищевѣ среди другихъ книжныхъ работъ. Въ основѣ его, несомнѣнно, лежитъ болѣе древнее повѣствованіе о св. Петрѣ, не совсѣмъ увѣренно усвояемое епископу ростовскому Прохору, хотя о своихъ источникахъ авторъ выражается довольно туманно: „елико отъ сказателей слышахъ“. Дополненія касаются только волынскаго происхожденія Петра, тогдашняго состоянія Волыни и замысловъ волынскаго князя объ особой митрополіи при отправленіи въ Царьградъ святителя, но въ замѣну того опускается важное извѣстіе объ избраніи послѣднимъ на митрополію архимандрита Ѳеодора и о пастырской дѣятельности Петра передается короче. Въ этомъ большой недостатокъ разсматриваемаго труда: Кипріанъ не позаботился о собраніи всего матеріала, какой ему могъ быть доступенъ. Повидимому, онъ и не считалъ этого нужнымъ, такъ какъ желалъ лишь „похвалами украсить“ (Ст. кн. I, 558) жизнь святого, для чего часто вдается въ излишнюю витіеватость, а сильное стремленіе „встать подъ сѣнь“ похваляемаго чудотворца увлекало его до нѣкоторой тенденціозности въ интересахъ собственной апологетики. Поэтому Кипріанъ—наряду съ Пахоміемъ Логоѳетомъ—справедливо причисляется (проф. В. О. Ключевскимъ) къ „творцамъ новой (и нездоровой) агіобіографіи на русскомъ сѣверѣ или, по крайней мѣрѣ, къ ея первымъ мастерамъ“, съ которыми сходится и по языку, напыщенному и не всегда вразумительному. Однако его изображеніе болѣе внимательно къ исторической и художественной естественности.

Въ числѣ самостоятельныхъ трудовъ Кипріана должно назвать и его „молитву разрѣшити царя и князя и всякаго христіанина“ (у митроп. Макар. IV, 370—371), написанную имъ въ Луцкѣ и впервые прочитанную при гробѣ луцкаго князя Димитрія. Это родъ „разрѣшительной грамоты“, изложенной въ тонѣ возвышенномъ и умилительномъ.

Не меньше, если не больше, значенія въ исторіи нашего просвѣщенія имѣютъ „списанія“ и переводы (Ник. Лѣт. V, 2. Ст. кн. I, 558) Кипріана, къ чему онъ измлада чувствовалъ склонность и въ чемъ обнаружилъ довольно искусства и пастырской ревности. Эти труды относятся главнымъ образомъ къ церковно-богослужебной области, упорядоченіе которой всегда занимало его вниманіе; онъ ввелъ у насъ (принесенныя изъ Болгаріи) новую редакцію (именно редакцію патр. Филоѳея † 1376 г.) Служебника (надъ которою, повидимому, болѣе или менѣе потрудился самъ), новыя редакціи главныхъ богослужебныхъ книгъ (Евангелія, Апостола, Тріоди и др.) съ текстами болѣе исправными, чѣмъ употреблявшіеся до него и искаженные писцами, а равно ввелъ и новый богослужебный уставъ (іерусалимскій—Саввы освященнаго). Изъ посланія къ псковскому духовенству мы знаемъ, что митрополитъ отправлялъ во Псковъ списки литургіи Іоанна Златоуста и Василія в., чинопослѣдованія крещенія, браковѣнчанія, освященія воды въ первый день августа и обряда православія—съ обѣщаніемъ, по мѣрѣ переписки, препровождать и другія полезныя книги (Акты истор. I, № 8 и ср. № 35 на стр. 69). Переписчикъ рукописи московскаго Успенскаго собора 1403 г. восхваляетъ его за то, что при немъ церковь Божія „исправленіемъ книжнымъ... свѣтлѣется паче солнечныхъ зарей“ (см. проф. *А. И. Соболевскій*, Переводная литература Моск. Руси XIV—XVII вв., Спб. 1903, стр. 13). Совершенно несомнѣнно, что Кипріану принадлежитъ преписаніе „Лѣствицы“ св. Іоанна Лѣствичника (автографъ коей въ Московской Духовной Академіи № 152) и „Псалтыри“, подходящей по составу къ „слѣдованной“. Безспорно также, что Кипріанъ хорошо былъ знакомъ съ трудами своего покровителя патріарха константинопольскаго Филоѳея, но что̀ именно было переведено изъ нихъ нашимъ митрополитомъ, — не можетъ быть опредѣлено съ полною точностію. Всего чаще надписываются его „потруженіемъ“ канонъ и молитва на поганые, канонъ „о гобзинѣ плода“, канонъ молебенъ „о усобнихъ бранехъ иноплеменнымъ“, нѣсколько молитвъ. О переводахъ Кипріана сотрудникъ Максима Грека Нилъ Курлятевъ далъ плохой отзывъ, но таковой не вполнѣ справедливъ, а мнѣніе о „негораздомъ разумѣніи“ Кипріаномъ греческаго языка и совершенно ложно. Вообще же Кипріанъ, будучи „любодѣтельною пчелой“, немало поработалъ на пользу русскаго

просвѣщенія и въ этихъ интересахъ самъ много книжныхъ сокровищъ вывезъ изъ Константинополя и славянскихъ земель и другимъ поручалъ заботы въ этомъ смыслѣ. Въ итогѣ—литературная дѣятельность Кипріана заслуживаетъ не меньшаго почтенія, чѣмъ и пастырская.

Литература о митрополитѣ Кипріанѣ. О. *А. В. Горскій*, Св. Кипріанъ, митрополитъ Кіевскій и всея Россіи (въ VI-й части „Прибавленій къ твореніямъ святыхъ отцовъ", Москва 1848, стр. 295—369). *А. Л.* († Архим. Леонидъ Кавелинъ), Кипріанъ до восшествія на Московскую митрополію (въ „Чтеніяхъ Московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ" 1867 г., кн. II, отд. 1, стр. 11—32). † Проф. *И. Д. Мансветовъ*: О трудахъ митрополита Кипріана по части богослуженія (въ „Прибавленіяхъ къ твореніямъ святыхъ отцовъ" 1882 г. кн. I, стр. 152—205; кн. II, стр. 413—495; кн. III, стр. 71—175); Митрополитъ Кипріанъ въ его литературной дѣятельности, Москва 1882. Архим. (епископъ) *Иннокентій* (Бѣляевъ), Постриженіе въ монашество (Вильна 1899), ч. II, гл. 2. Проф. прот. *М. И. Орловъ*, Литургія св. Василія Великаго (Спб. 1909), стр. LII—LX: „Существенныя свѣдѣнія о литургической дѣятельности митрополита Кипріана". *Н. Н. Г(лубоковскій)*, Св. Кипріанъ, митрополитъ всея Россіи, какъ писатель (въ „Чтеніяхъ въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія" 1892 г., № 2, стр. 358—424 и въ „Русскомъ біографическомъ словарѣ", томъ: Ибакъ-Ключаревъ, Спб. 1897, стр. 636—644). † Прот. *М. С. Боголюбскій*, Московская іерархія: Митрополиты (въ „Чтен. въ Общ. люб. дух. просв." 1894 г., № 9, стр. 454—457). † Митр. *Макарій* въ Исторіи русской церкви (т. IV и V). † Архіеп. *Филаретъ*: Исторія русской церкви (кн. II) и Обзоръ русской духовной литературы (§§ 74—75). Особенно см. у проф. *Е. Е. Голубинскаго*, Исторія русской церкви, т. II (Москва 1900), стр. 297—356 и выше въ рѣчи о св. Алексіѣ и о Митяѣ. Исторіи литературы *Шевырева* (ч. II и III), *Галахова* и *Порфирьева* (ч. I). Ср. у *Пл. Гр. Васенко*, Цит. соч. и брошюра: Трегубовская степенная, Спб. 1907, изъ „Извѣстій отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ" и у *А. И. Яцимирскаго*, Григорій Цамблакъ: очеркъ его жизни, административной и книжной дѣятельности, Спб. 1904. О болгарскомъ происхожденіи Кипріана и его рукописяхъ-автографахъ см. рефератъ архим. († еписк.) *Амфилохія* въ „Трудахъ 3-го Археологическаго съѣзда". Проф. *В. С. Иконниковъ*, Опытъ русской историграфіи, т. II, кн. 2 (Кіевъ 1908), стр. 1308—1349. V. XXXVII—XXXVIII (о Степен. книгѣ). Источники: Acta patriarchatus Constantinopolitani ed. Fr. Miklosсhich et Joh. Müller, II; „Полное собраніе русскихъ лѣтописей", кн. III, IV, V, VI—по указателю; „Никоновская лѣтопись"—ч. IV и V; „Русская Историческая Библіотека" ч. VI; „Степенная книга" I и др.

Н. Глубоковскій.

Кипріанъ (*Старорусенниковъ*), митрополитъ новгородскій, великолуцкій и всего поморья, великороссіянинъ, родился въ концѣ XVI в. и умеръ 17 декабря 1635 года. Въ 1611 г. онъ былъ архимандритомъ новгородскаго Хутынскаго монастыря и много пострадалъ отъ шведовъ за хожденіе въ Москву съ прошеніемъ о помощи. Въ 1620 г. 8 сентября хиротонисанъ въ перваго архіепископа сибирскаго и тобольскаго. Извѣстны труды его по устройству новоучрежденной сибирской епархіи, по обращенію сибирскихъ язычниковъ въ православіе и по обузданію нравовъ сибиряковъ. Въ 1624 г. 15 февр. по государевой и патріаршей грамотѣ вызванъ въ Москву и 12 декабря возведенъ въ санъ митрополита сарскаго и подонскаго, или крутицкаго, въ ближайшіе помощники патріарху Филарету. Въ 1626 г. 20 окт. перемѣщенъ на новгородскую митрополію. Принималъ дѣятельное участіе въ избраніи на патріаршество Іоасафа. Онъ первый положилъ начало „Сибирской лѣтописи", записавши со словъ казаковъ-товарищей Ермака Тимоѳеевича — извѣстія о всѣхъ обстоятельствахъ ихъ прихода въ Сибирь, столкновеніяхъ съ туземцами и др.; имена убитыхъ казаковъ записалъ въ синодикъ соборной церкви. Кромѣ „Кипріановой лѣтописи", или „Записки о походахъ Ермака и его товарищей", извѣстны еще: „Духовная грамота митрополита" (Собр. лѣт. IV, 179; Ш, 188); „Распорядительная его грамота, между прочимъ, объ отобраніи устава, печатаннаго уставщикомъ Логиномъ"; „Переписка его во время сношеній Новгорода съ Швеціей" (Акт. ист. Ш, №№ 186, 221, 228, 333 и дополн. II, №№ 13—15); „Грамота съ запрещеніемъ принимать шведскихъ перебѣжчиковъ" (Опис. Солов. м—ря, ч. Ш, стр. 214); „Канонъ и стихиры въ честь Ризы Господней, подаренной Михаилу Ѳеодоровичу персидскимъ шахомъ Аббасомъ".

Литература. М. *Евгеній*, Словарь, 329; архіеп. *Филаретъ*, Обзоръ, 224; м. *Макарій*, Исторія, т. XI; прот. *Сулоцкій*, Тобол. и Томск. архипастыри; *К. Я. Здравомысловъ*, Іерархи

Новгород. епархіи; „Странникъ“ 1864 г. № 8; „Прав. Обоз.“ 1866 г. № 8, стр. 377; „Чтенія въ Общ. ист. и др. Росс.“ 1862 г. I, 93; „Жур. Мин. Нар. Просв.“ 1849 г. ч. 64, стр. 1—8 и 1854 г. № 2 и мн. др. [ср. и „Русскій біографическій словарь“, томъ „Ибакъ-Кинчаревъ“, стр. 646].

К. Здравомысловъ.

Кипріанъ Жоховскій, уніатскій западно-русскій митрополитъ (1674—1693 г.), родился въ Литвѣ, а образованіе свое закончилъ въ римской коллегіи св. Аѳанасія, при чемъ былъ удостоенъ степени доктора богословія. Съ 1665 г. Кипріанъ Жоховскій становится извѣстнымъ среди дѣятелей западно-русской уніи въ качествѣ архимандрита Дерманскаго и Дубенскаго монастырей. Въ 1668 г. онъ былъ назначенъ архимандритомъ Леотинскаго монастыря, а въ 1671 г. былъ призванъ тогдашнимъ уніатскимъ митрополитомъ Гавріиломъ Колендою въ помощники себѣ въ званіи епископа витебскаго и мстиславскаго и вмѣстѣ коадъютора полоцкой архіепископіи. Послѣ смерти м. Гавріила Коленды въ 1674 г., Кипріанъ Жоховскій былъ избранъ и утвержденъ въ должности уніатскаго митрополита. Кипріанъ Жоховскій до самой смерти сохранилъ за собою и полоцкую архіепископію. Продолжительное время управленія Кипріана Жоховскаго западно-русскою уніатскою церковію, по справедливости, составляетъ одну изъ важнѣйшихъ эпохъ въ исторіи этой послѣдней. Сильный умъ, хорошее образованіе, практическій талантъ организатора и горячая преданность дѣлу побуждали Кипріана Жоховскаго, а современныя историческія условія,—особенно наступившее тогда внутреннее успокоеніе Польши послѣ бывшихъ войнъ и примиреніе ея съ Москвою, — давали ему возможность заняться внутреннимъ устройствомъ и дальнѣйшимъ упроченіемъ западно-русской уніатской церкви. Этой послѣдней цѣли Кипріанъ Жоховскій стремился достигнуть двумя путями: съ одной стороны, возвышеніемъ образовательнаго уровня уніатскаго духовенства и религіозно-нравственнаго состоянія всей вообще своей паствы, а съ другой стороны, обращеніемъ православныхъ западноруссовъ въ унію. Къ 1680 г. положеніе уніи было настолько прочно, по мнѣнію Кипріана Жоховскаго, что онъ задумалъ было предпринять новую попытку обращенія всей западной Руси въ унію, подобную той, какую устроили Ипатій Поцѣй и Кириллъ Терлецкій сто лѣтъ тому назадъ. Въ январѣ 1680 г., съ согласія короля Яна III Собѣсскаго, предположено было устроить Люблинскій съѣздъ и на немъ подготовить новое и, какъ казалось иниціаторамъ дѣла, окончательное и полное, соединеніе Западной Руси съ римскимъ костеломъ. Кипріанъ Жоховскій вмѣстѣ со своими сподвижниками имѣли тѣмъ болѣе права заранѣе торжествовать свою побѣду, что и нѣкоторые изъ среды православныхъ западно-русскихъ епископовъ сочувствовали и содѣйствовали его препріятію. Однако-же православными дѣятелями, особенно православными западно-русскими братствами были своевременно приняты мѣры, благодаря которымъ затѣя Кипріана Жоховскаго не удалась. Кипріанъ Жоховскій старался вознаградить себя за понесенную неудачу тѣмъ, что въ 1689 г. устроилъ весьма торжественное празднованіе столѣтняго юбилея уніи (со времени начала приготовленій ко введенію Брестской уніи 1595 г.) и путемъ насильственныхъ захватовъ превращалъ на унію разные православные монастыри и церкви. Среди православныхъ западно-руссовъ надолго сохранилась память о Кипріанѣ Жоховскомъ, какъ объ одномъ изъ жестокихъ гонителей „благочестія“. Наоборотъ, латино-уніатскіе историки не находятъ словъ для восхваленія великихъ подвиговъ его. Кипріанъ Жоховскій извѣстенъ въ литературѣ своимъ сочиненіемъ подъ заглавіемъ: Colloquium Lublinense, Zamocs 1680, въ которомъ описывается вышеупомянутый Люблинскій съѣздъ 1680 г. Кипріанъ Жоховскій умеръ 2 октября 1693 г. и погребенъ въ Супрасльскомъ монастырѣ.

Литература. † Проф. *И. А. Чистовичъ*, Очеркъ исторіи западно-русской церкви. Спб. 1884, ч. II, стр. 394—396; *Stetelskiego*, Ostatnie prace. Scriptores rerum Polonicarum, t. IV, p. 276 и Dr. *Jul. Pelesz*, Geschichte der Union der ruthenischen Kirche mit Rom, Wien. 1888, Band 2, S. 274—288.

Протоіерей *Ѳ. Титовъ.*

Кипріанъ, въ мірѣ Ксенофонтъ, бывшій расколоучитель, потомъ монахъ Валаамскаго монастыря; умеръ послѣ 1792 г.

Онъ происходилъ изъ крестьянъ Цывозерской волости, Устюжскаго уѣзда и уже въ зрѣломъ возрастѣ сдѣлался послѣдователемъ пастуха Василія Степанова, основавшаго такъ наз. „Пастуховское согласіе“. За распространеніе своего ученія Кипріанъ, по доносу мѣстнаго священника, былъ взятъ полиціей. Фанатичный расколоучитель держался крайне дерзко съ представителями власти и тѣмъ навлекалъ на себя съ ихъ стороны жестокое обращеніе. Его возили въ Устюгъ, Вологду и потомъ помѣстили для увѣщанія въ Александро-Невскую лавру. Здѣсь увѣщанія митр. Гавріила обратили упорнаго раскольника къ православію. Обстоятельства своего обращенія Кипріанъ самъ разсказалъ въ книжкѣ: „Краткая повѣсть о обращеніи изъ раскола многогрѣшнаго Ксенофонта, а по постриженіи во иночество Кипріана...“ и т. д., М. 1798 и 1806 г.

См. „Русскій біографическій словарь“ (Иб.—Кл.), изд. подъ наблюд. *А. А. Половцева*, Спб. 1897, стр. 645—646.

Ан. С-въ.

Кипръ, островъ, лежитъ въ сѣверо-восточномъ углу (подъ 34° 33′ — 35° 41′ сѣверной широты и подъ 32° 17′ — 34° 36′ восточной долготы) Средиземнаго моря, близъ сходящихся между собою береговъ Киликіи и Сиріи. Отъ сѣверной конечности его до ближайшихъ береговъ Киликіи — 46 англійскихъ миль (около 70 верстъ), а отъ восточной конечности до сирійскаго побережья—60 англ. миль (около 95 вер.). Так. обр. съ береговъ Кипра, съ высоты уровня моря можно видѣть всю линію киликійскаго побережья, тогда какъ ливанскія горы, при восходѣ солнца, замѣтны съ Кипра съ возвышенности въ 2.260 футовъ близъ Ларнаки. Наибольшая ширина острова, между сѣверною и южною конечностями его, — 60 англ. миль (около 95 верстъ), наибольшая длина его, между восточною и западною конечностями, — 145 англ. миль (около 219 верстъ). Весь островъ занимаетъ площадь въ 3.707 кв. миль; слѣд., по пространству Кипръ больше Корсики или Крита, но меньше Сициліи или Сардиніи. Островъ состоитъ изъ двухъ горныхъ массивовъ, разъединенныхъ между собою широкою низменною равниной.

Въ древнемъ мірѣ и въ эпоху среднихъ вѣковъ Кипръ былъ извѣстенъ своею мѣдью, получившею свое имя отъ названія острова, и строевымъ лѣсомъ. Залежи мѣди въ средніе вѣка уже истощаются. Желѣзо добывалось на островѣ съ IX-го вѣка до р. Хр., но въ меньшемъ, по сравненію съ мѣдью, количествѣ. Плиній говоритъ (Hist. natur. XXXIV, 2), что въ его время на островѣ добывалось желѣзо только низшаго качества. Въ римскую эпоху здѣсь изготовляли также много стекла (ibid. XXXVI, 193). Лѣсъ не совсѣмъ еще исчезъ въ эпоху римской имперіи, хотя онъ служилъ предметомъ непрерывнаго вывоза съ острова (Страбонъ XIV, 5). На островѣ всегда производилось много вина, масла, аниса. Во время Августа на островѣ урожай хлѣба былъ достаточенъ для собственнаго населенія (ibid, XIV, 5); избытокъ его вывозится и теперь. Ладанъ и смола служили предметомъ вывоза во времена римской имперіи (Плиній, Hist. natur. XII, 74, XIV, 123, XXIV, 34). По свидѣтельству Плинія (ibid. XXVII, 23, 58, 121) и Страбона (III, 15) на островѣ попадались часто также драгоцѣнные камни, добывались также квасцы, гипсъ и соль (Hist. natur. XXXVI, 183; XXXI, 75, 84).

Мѣдь и строевой лѣсъ, пока запасы ихъ не истощились, сообщали острову важное значеніе въ коммерческомъ и культурномъ отношеніи. Въ древнѣйшую эпоху на островѣ было значительное населеніе, стоявшее на довольно развитой ступени культуры. Кипрская мѣдь вывозилась, въ Сирію, Киликію и, по всей вѣроятности въ Египетъ, Малую Азію и даже въ центральную Европу. Вліяніе кипрской керамики сказывалось въ Сиріи и въ Малой Азіи. Кипрскія тонкія издѣлія находятъ въ Египтѣ, южной Палестинѣ, Аѳинахъ, Троадѣ.

Кипръ былъ завоеванъ Тутмесомъ III, фараономъ XVIII-й династіи (1503—1449 г. до р. Хр.), и сдѣлался данникомъ Египта. Въ слѣдующій періодъ исторіи острова на немъ находятъ слѣды Микенской культуры. Столкновеніе съ высшею культурой имѣло важное значеніе для туземнаго населенія. Около этого времени стали разработывать богатые залежи желѣза сначала для украшеній, а затѣмъ для изготовленія оружія и др. предметовъ. Островъ, особенно города

Куріонъ и Саламинъ,—становятся центрами греческой колонизаціи. На островѣ входятъ въ употребленіе примитивный эолическій діалектъ и особенное силлабическое письмо, которое не могло быть вытѣснено греческимъ алфавитомъ до IV-го столѣтія (до р. Хр.). Съ другой стороны, на островѣ находятъ еще болѣе ранніе слѣды воздѣйствія другой культуры. Къ IX-му вѣку относятся открытыя на островѣ финикійскія надписи. Центромъ финикійской культуры былъ городъ Килтіонъ (современная Ларнака). По всей вѣроятности, финикійскія и греческія поселенія, бокъ-о-бокъ другъ съ другомъ, были разсѣяны по всему острову. Килтіонъ, а можетъ быть и весь Кипръ, въ X—VIII вѣкахъ были, по временамъ, данниками Тира (Іосифъ Флавій, Противъ Апіона I, 18; Древности VIII, 5 : 3; X, 14). Затѣмъ, въ 709 г. Кипръ, вмѣстѣ съ Финикіею, былъ завоеванъ Саргономъ. Позднѣе Асаргаддонъ и Ассурбанипалъ упоминаютъ въ числѣ своихъ данниковъ двѣнадцать царей Кипра, изъ коихъ нѣкоторые носятъ греческія имена, а самый островъ въ ассирійскихъ надписяхъ носитъ названіе „Іавна“ (Іонія).

Около 560 г. Кипръ былъ завоеванъ и присоединенъ къ Египту, Амазисомъ (Геродотъ II, 182), а потомъ, послѣ паденія Египта въ 525 г., былъ подчиненъ Камбизомъ Персіи (ibid. III, 19, 21). Въ 501 г. кипрскіе греки, желая выразить свою солидарность съ греческимъ населеніемъ Іоніи, подняли возстаніе противъ персовъ, но безуспѣшно. Возстаніе было подавлено, и въ 480 г. Кипръ снарядилъ 150 кораблей для флота Ксеркса (ibid. VII, 90). Не смотря на возобновлявшіяся попытки присоединить островъ къ Аѳинамъ, Кипръ въ теченіе V-го вѣка остается въ зависимости отъ Персіи, но торговля мѣдью ведется, главнымъ образомъ, съ Аѳинами, доставлявшими, въ замѣнъ, керамическія и бронзовыя издѣлія. Въ началѣ IV-го столѣтія Эвагору удалось поставить Саламинъ во главѣ кипрскихъ государствъ, и онъ произвелъ возстаніе противъ Персіи. Однако финикійскій элементъ былъ противъ него, греки же, по обыкновенію, раздѣлились,—и возстаніе не удалось. Послѣ битвы при Иссѣ, кипрскія государства добровольно подчинились Александру в. и дѣятельно помогали ему при осадѣ Тира и флотомъ и доставкою строевого лѣса. По смерти Александра великаго (въ 323 г.) Кипръ, вмѣстѣ съ Египтомъ, достался Птоломею, но, послѣ морского сраженія и упорной осады Саламина (Діодоръ XX, 759—761), имъ завладѣлъ Димитрій Поліаркетъ. Впрочемъ, въ 295 г. Птоломей снова завладѣлъ островомъ, и онъ надолго остался присоединеннымъ къ Египту. Въ это время мы впервые встрѣчаемъ на островѣ іудейскія поселенія (1 Макк. **15**, 23). Нѣкоторое время (107—89 г. до р. Хр.), при Птоломеѣ Лаѳирѣ, Кипръ представлялъ собою отдѣльное, хотя и зависимое, государство. Въ 58 г. Кипръ былъ присоединенъ къ римскимъ владѣніямъ, въ видѣ залога за ссуду, взятую въ Римѣ Птоломеемъ Авлеатомъ. Затѣмъ онъ былъ присоединенъ къ провинціи Киликіи, а, послѣ сраженія при Акціумѣ, былъ превращенъ Августомъ въ отдѣльную провинцію. Пока на востокѣ Риму угрожала опасность, Кипръ, вмѣстѣ съ сосѣдними областями, принадлежалъ къ числу императорскихъ провинцій и управлялся пропретеромъ (Діонъ Кассій LIII, 12; Страбанъ XIV, 683). Засимъ Кипръ былъ перечисленъ въ разрядъ сенатскихъ провинцій. Изъ проконсуловъ, управлявшихъ Кипромъ, извѣстны: Сергій Павелъ (46 г. р. Хр.; Дѣян. **13**, 7), Юлій Кордъ, Анній Бассъ (52 г.).

Изъ городовъ, бывшихъ важными административными пунктами острова, нужно упомянуть Пафъ въ западной половинѣ острова и Саламинъ на восточной сторонѣ, обязанный своимъ возвышеніемъ близости къ сирійскому побережью. Эти города были соединены между собою двумя дорогами; одна, протяженіемъ въ 4 дня пути, шла внутренними областями острова, а другая, болѣе краткая (три дня пути), — южнымъ побережьемъ.

Іудеи появляются въ большомъ количествѣ на островѣ при Птоломеяхъ. Приливъ ихъ могъ усилиться послѣ того, какъ Иродъ в. взялъ въ аренду кипрскіе мѣдные рудники. (Іосифъ Флавій, Древности XVI, 4 : 5. XIX, 26. 28). По всей вѣроятности, въ Саламинѣ была не одна іудейская синагога (Дѣян. **13**, 5).

Послѣ смерти первомученика Стефана, христіанство проникаетъ въ Кипръ (Дѣян.

11, 19), и вскорѣ послѣ этого кипряне выступаютъ съ проповѣдью христіанства въ Антіохіи (Дѣян. 11, 20). Изъ кипрскихъ христіанъ намъ извѣстны: Мнасонъ, „давній ученикъ“ (Дѣян. 21, 16), и Іосія Левитъ, прозванный Варнавою, другъ и спутникъ Ап. Павла (Дѣян. 4, 36).

Въ 117 г. іудей произвели избіеніе 240 тысячъ язычниковъ и разрушили большую часть Саламина, но были усмирены императоромъ Адріаномъ и изгнаны съ острова (Milman, III, 111—112).

Съ утвержденіемъ христіанства на островѣ, онъ раздѣленъ былъ на 13 епископій. Кипрскій соборъ 401 г., подъ давленіемъ Θеофила александрійскаго, запретилъ чтеніе сочиненій Оригена.

Названіе Кипръ не встрѣчается въ Ветх. Завѣтѣ, но островъ и городъ Китіонъ якобы подразумѣваются тамъ подъ именемъ „Kittim“ (см. ниже „Киттимъ“), каковое названіе Іосифъ Флавій отождествляетъ съ словомъ Кипръ. (Древности I, 6 : 1).

Литература. *Cobham,* An Attempt at a Bibliographie of Cyprus, 1894. *Engel,* Kypros, I—III Bände, Berlin 1841. *Unger* und *Kotschy,* Die Insel Cypern, Wien 1865—1866. *Oberhummer*: Aus Cypern, Berlin 1890—1892; Studien zur alten Geographie von Cypern, München 1891; A Dictionary of the Bible ed. by J. Hastings I, p. 539—540 [Cheyne, Encyclopaedia biblica I, 975—977. «The Jewish Encyclopedia» IV, 400—401. Vigouroux, Dictionnaire de la Bible II 1166—1171. Wetzer und Welte, Kirchenlexikon III, 1266—1273. Vacant et Mangenot, Dictiannaire de théologie' catholique II, 2424—2472. W. Smith, A Dictionary of the Bible I, 376—378. Guthe Kurzes Bibelwörterbuch, S. 112. *Mart. Hagen,* Lexicon Biblicum I, col. 1030—1031. † о. *П. Θ. Солярскій,* Библ. Словарь II, 415—416. Брокгаузъ и Ефронъ, Энц. словарь XV (29), 89—90, гдѣ указана русская литература. *И. А. Артоболевскій,* 1-е путешествіе св. Ап. Павла, Св.-Тр. Лавра 1900, стр. 59 сл. *R. v. Lichtenberg,* Beiträge zur ältesten Geschichte von Kyprus въ «Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft» XI (1906), 2: ср. «Biblische Zeitschrift» V (1907), 1, S. 90].

Н. Мухинъ.

Кипръ — *въ христіанской исторіи.* Прошлая политическая исторія острова представляетъ смѣну властительства здѣсь римлянъ, византійцевъ, сарацинъ, франковъ-латинянъ, турокъ, египетскаго паши Мегмета-Али. Во время берлинскаго конгресса Англія настояла на уступкѣ ей Кипра, подъ предлогомъ временной оккупаціи, которая и дана британскому правительству конвенціей отъ 1—13 іюня 1878 г. Но и теперь островъ находится подъ управленіемъ Англіи, съ признаніемъ номинальнаго владычества высокой Порты. Въ послѣднее время въ греческой печати усиленно защищался проектъ о политическомъ присоединеніи Кипра къ Греціи. По свѣдѣніямъ отъ 1901 года, на островѣ было 237.022 жителей, изъ нихъ 183.239 православныхъ, 51.309 магометанъ, а остальные—католики, протестанты и евреи. Изъ городовъ на Кипрѣ извѣстны: Левкосія (=Никосія, Ледросъ), Ларнаксъ (=Китіонъ), Лемиссосъ (=Немесосъ, Неаполь), Пафъ, Киринія, Фамагуста (=Аммохустъ, Арсиноя), Тамазосъ, Соли, Тримиθунтъ. Въ административномъ отношеніи Кипръ зависитъ непосредственно отъ министра колоній Великобританіи и управляется губернаторомъ, назначаемымъ на пять лѣтъ. На островѣ существуютъ два совѣта — исполнительный, состоящій изъ шести членовъ, назначаемыхъ непосредственно губернаторомъ, и законодательный, состоящій изъ 18 членовъ, въ числѣ которыхъ шесть англичанъ, назначаемыхъ правительствомъ, девять христіанъ и три мусульманина, избираемыхъ жителями на четыре года. Островъ раздѣляется на шесть округовъ, каждый изъ которыхъ именуется по названію своего главнаго города (Левкосія, Ларнаксъ и т. д.), въ которомъ живетъ гражданскій начальникъ округа; окружные начальники назначаются исключительно изъ англичанъ. Въ судебномъ отношеніи Кипръ составляетъ отдѣльный округъ съ судебной палатою (въ Левкосіи), членами которой состоятъ одни англичане; въ другихъ городахъ существуютъ шесть окружныхъ судовъ съ предсѣдателями изъ англичанъ и двумя товарищами предсѣдателя, одинъ изъ которыхъ долженъ быть христіаниномъ, а другой—мусульманинъ; наконецъ, на островѣ имѣется шесть мировыхъ судей, которые назначаются изъ жителей Кипра. Окружные суды засѣдаютъ одинъ или два раза въ годъ въ городахъ округовъ. Населеніе острова занимается хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ, шелководствомъ, выдѣлкою ковровъ, глиняной посуды и кожъ. Главные

предметы вывоза — вино, ячмень, пшеница и особенно южные фрукты, которые отправляются преимущественно въ Англію, Францію, Италію и Россію. Предметы ввоза— ткани, лекарства, техническія принадлежности, табакъ, кофе, сахаръ и т. п., привозимые изъ Египта, Англіи, Австріи, Турціи и Греціи. Культурая жизнь на островѣ постепенно повышается. Здѣсь въ недавнее время издавались или теперь издаются журналы и газеты: „Ἀλήθεια“ (въ Лемиссосѣ), „Σάλπιγξ“ (тамъ же), „Κυπριακός Κῆρυξ“ (тамъ же), „Φωνή τοῦ Κύπρου“ (въ Левкосіи) „Cyprus Gazette (тамъ же,— оффиціальное англійское изданіе), „Times of Cyprus“ (въ Ларнаксѣ), „Ἕνωσις“ (тамъ же), „Χριστιανική Ἀλήθεια“ (въ Левксіи) и другія.

Литература. Σακελλάριος. Τά Κυπριακά, ἤτοι γεωγραφία, ἱστορία, καὶ γλῶσσα τῆς νήσου Κύπρου ἀπὸ τῶν ἀρχαιοτάτων χρόνων μέχρι σήμερον т. I—III. Ἀθῆναι 1891; *Meursius*, Creta, Cyprus, Rhodus sive de nobilissimarum harum insularum rebus et antiquitatibus commentarii, Amstelodami 1675; *Engel*, Kypros, Bd, I—III, Berlin 1841; *Danville*, Mémoire sur la géographie de l'île de Chypre («Mémoires de l'academie des inscription et belles lettres», t. XXXII); *Lacroix*, Iles de la Grèce, Paris 1853; *Cesnola*, Cyprus, its Ancient Cities, Tombs and Temples, London 1877; *Cyprus*: Commercial report, London 1863; *Mis. de Sassenau*, Chypre («Revue de géographie» 1878, t. III); *Deschamps*, Au pays d'Aphrodite, Paris 1897. Дополнительныя свѣдѣнія о литературѣ помѣщены въ библіографическомъ указателѣ слѣдующей статьи.

И. И. Соколовъ.

Кипрская православная церковь.— Островъ Кипръ образуетъ особую автокефальную православную церковь, историческая судьба которой представляется весьма интересной въ научномъ отношеніи и важной.

Исторію кипрской православной церкви можно раздѣлить на *четыре* періода. *Первый* періодъ обнимаетъ время отъ основанія ея и до водворенія на островѣ латинянъ (45—1191 г.), *второй*—совпадаетъ съ эпохою латинскаго господства на Кипрѣ (1191—1571 г.), *третій* періодъ обнимаетъ время турецкаго владычества на островѣ (1571 — 1878 г.) и, наконецъ, *четвертый* періодъ совпадаетъ съ новѣйшимъ временемъ англійскаго протектората надъ островомъ (съ 1878 г. и донынѣ).

I. Христіанство распространилось на Кипрѣ во времена апостольскія и связывается съ проповѣдническою дѣятельностью Апостоловъ Варнавы, родомъ киприянина (Дѣян. **4**, 36—37) и св. Павла, которые были въ городѣ Саламинѣ и проповѣдывали слово Божіе въ синагогахъ іудейскихъ, а потомъ прошли весь островъ до Пафа и обратили ко Христу проконсула Сергія Павла (Дѣян. **13**, 4—13). Кромѣ того, кипряне были въ Іерусалимѣ въ день Пятидесятницы и слышали проповѣдь апостола Петра (Дѣян. **11**, 19—20), а послѣ апостольскаго іерусалимскаго собора многіе христіане, избѣгая гоненій, переселились на Кипръ. Варнава и вторично былъ на Кипрѣ вмѣстѣ съ Іоанномъ, называемымъ Маркомъ (Дѣян. **15**, 37, 39), здѣсь провелъ послѣдніе годы, потерпѣлъ мученическую кончину отъ іудеевъ, которые побили его камнями и былъ погребенъ въ пещерѣ близъ Саламина. Вѣроятно, на Кипрѣ Апостолъ Варнава написалъ и свое „Посланіе“—въ назиданіе тѣхъ изъ своихъ единоплеменниковъ, которые и послѣ принятія христіанства продолжали исполнять обрядовой законъ Моисея. Трудами Апостоловъ Варнавы и Павла на Кипрѣ было основано нѣсколько отдѣльныхъ общинъ, во главѣ которыхъ стояли ихъ ученики. Они продолжали проповѣдническую миссію на островѣ и еще болѣе укрѣпили здѣсь Христову вѣру. Но въ то время, какъ греческое населеніе острова сочувственно относилось къ христіанству, многочисленные іудеи, жившіе на Кипрѣ, оказывали ему сильное противодѣйствіе и, наконецъ, объявили христіанамъ жестокую войну. Въ 116 г. они, подъ предводительствомъ Артеміона, истребили до 24.000 христіанъ и разрушили г. Саламинъ. Римляне жестоко наказали іудеевъ за это возстаніе, носившее и противоправительственный характеръ. Военачальникъ Лисій, посланный императоромъ Траяномъ во главѣ римскихъ легіоновъ, истребилъ на островѣ почти всѣхъ евреевъ: спаслись только тѣ, которымъ удалось бѣжать. Кромѣ того, былъ изданъ законъ (недолго, впрочемъ, примѣнявшійся), которымъ было запрещено іудеямъ поселяться на островѣ. Гоненія на христіанъ со стороны римскаго правительства и іудеевъ сопровождались и на Кипрѣ многочисленными фактами муче-

ничества въ первые вѣка существованія мѣстной церкви, а минологіи называютъ и многихъ святыхъ изъ церковныхъ дѣятелей Кипра. Такъ, Іоаннъ Маркъ, племянникъ Варнавы (Колос. **4**, 10), бывшій его сотрудникомъ и помощникомъ въ устройствѣ кипрской церкви, послѣ мученической его кончины—по нѣкоторымъ сказаніямъ—удалился въ Малую Азію и былъ рукоположенъ въ епископа Аполлоніады, гдѣ мученически и скончался (σὺν λίθοις κρεμασθείς). Затѣмъ, Гираклидисъ, первый епископъ Тамаса, рукоположенный Апостолами Павломъ и Варнавой, построившій много церквей, совершившій много чудесъ и вообще, оказавшій большое вліяніе на распространеніе христіанства на Кипрѣ, мученически скончался въ Саламинѣ (память 17 сентября). Въ Саламинѣ мученически скончался и Аристіонъ, епископъ Кипра. Аристовулъ, братъ св. Варнавы, одинъ изъ 70-ти Апостоловъ Господа, былъ рукоположенъ Апостоломъ Павломъ въ епископа Бретанніи, гдѣ и скончался послѣ многихъ мученій (память 15 марта). Мнасонъ кипрянинъ (Дѣян. **21**, 16) былъ епископомъ острова и скончался здѣсь смертію мученика, усѣченный мечемъ (память 19 марта). Епафрасъ, одинъ изъ 70-ти учениковъ Господа, упоминаемый въ посланіяхъ Ап. Павла къ Колос. **4**, 12 и Филим. 23, былъ первымъ епископомъ Пафа, куда онъ былъ рукоположенъ Гираклидисомъ по повелѣнію св. Варнавы, и также скончался мученически (память 19 іюля). Тихикъ, по повелѣнію Ап. Павла, былъ рукоположенъ Гираклидисомъ въ епископа Неаполя на Кипрѣ. Филагорій, ученикъ Ап. Павла былъ епископомъ на Кипрѣ, гдѣ училъ народъ вѣрѣ Христовой и скончался; память его 9 февраля. Лазарь, послѣ воскрешенія Господомъ, прибылъ по преданію на Кипръ и былъ здѣсь епископомъ Китія, гдѣ и теперь показывается его пустой гробъ, такъ какъ мощи его около 890 г. были перенесены императоромъ Львомъ VI Мудрымъ въ Константинополь. Титъ, ученикъ Ап. Павла, былъ родомъ изъ города Пафа на Кипрѣ, гдѣ потомъ и подвергся мученію. Сергій Павелъ, римскій проконсулъ, обращенный ко Христу Ап. Павломъ, умеръ по преданію епископомъ Нарбонны. Никаноръ кипрянинъ, одинъ изъ семи первыхъ діаконовъ въ Іерусалимѣ, также скончался мученически. Вообще, кипрская православная церковь въ первые вѣка христіанства была прославлена многими святыми и мучениками, имена которыхъ отъ-части сохранены въ историческихъ источникахъ. (см., напр., Хронику Леонтія Махера у Σάθας, Μεσαιωνική Βιβλιοθήκη τ. II, σ. 62—72). Второй и третій вѣка въ исторіи этой церкви были ознаменованы преимущественно горячею привязанностію кипрянъ къ православной вѣрѣ, которая и создала здѣсь многихъ исповѣдниковъ и мучениковъ. Другіе же факты изъ церковной исторіи острова за это время очень темны и рѣдки. Болѣе ясныя свѣдѣнія относятся къ четвертому вѣку.

Древнѣйшій изъ хронографовъ Кипра Леонтій Махера (1410 г.) разсказываетъ, что островъ посѣтила на обратномъ пути изъ Іерусалима равноапостольная царица Елена (327 г.), мать Константина в., вышедшая на берегъ въ мѣстности Маріонъ или Маринъ, на восточной сторонѣ Кипра. Пораженная малонаселенностію нѣкогда цвѣтущаго острова, благочестивая царица построила въ Василопотамѣ и Тогнѣ церкви, которымъ и подарила частицы обрѣтеннаго честнаго креста Господня, а потомъ озаботилась привлеченіемъ сюда населенія изъ сосѣднихъ островъ и возвратила бѣглецовъ, давъ имъ земли для воздѣлыванія. Прибывши въ Константинополь, она рекомендовала этотъ многострадальный островъ особому покровительству императора Константина в. Послѣдній отправилъ сюда новаго правителя въ лицѣ Калокера, который дѣятельно принялся за благоустройство острова. Центромъ церковной жизни на Кипрѣ въ это время сдѣлался городъ Саламинъ или Констанція (на сѣверо-восточной сторонѣ острова), тогда какъ раньше митрополіей былъ городъ Пафъ (на юго-западной сторонѣ). Такъ, на первомъ вселенскомъ соборѣ присутствовали епископъ Пафа—Кириллъ, а Саламина — Геласій, которые въ указанномъ порядкѣ и подписались подъ актами собора. Кромѣ нихъ, съ острова Кипра на этомъ соборѣ присутствовали и другіе двѣнадцать епископовъ, въ томъ числѣ св. Спиридоній тримиѳунтскій, исповѣдникъ, славный смиреніемъ и чудесами, принимавшій участіе въ разсужденіяхъ на соборѣ. Что касается г. Саламина, то онъ, и раньше подвергавшійся землетрясеніямъ,

въ 333 г. былъ почти совершенно разрушенъ весьма сильнымъ колебаніемъ почвы. Едва городъ нѣсколько оправился отъ этого бѣдствія,—въ 343 г. произошло еще болѣе сильное землетрясеніе, отъ котораго пострадали Неокесарія, Родосъ, Римъ, Антіохія и особенно Саламинъ на Кипрѣ. Современный императоръ Флавій Констанцій, сынъ Константина в., сдѣлавшійся съ 342 г. единовластителемъ Востока, наряду съ другими разрушенными городами предпринялъ возстановленіе и Саламина, который и названъ Констанціею, хотя городъ и потомъ удержалъ свое прежнее имя. Украсивъ Констанцію многими прекрасными зданіями, императоръ Констанцій сдѣлалъ его главнымъ городомъ и въ гражданско - церковномъ отношеніи. Къ концу IV в. христіанство утвердилось на всемъ островѣ и вступило въ борьбу съ различными ересями, распространившимися здѣсь. Главнымъ дѣятелемъ въ этой борьбѣ былъ св. Епифаній, епископъ Констанціи (367—403 г.), который воздѣйствовалъ на язычниковъ своими христіанскими добродѣтелями, а еретиковъ поражалъ своими литературными трудами. Изъ его епархіи было много послѣдователей ереси валентиніанъ, во главѣ съ епископомъ Аетіемъ, съ которымъ св. Епифаній часто вступалъ въ пренія. Были на островѣ и другіе еретики—офиты, савелліане, николаиты, симоніане, василидіане, карпократіаны. Въ виду того, что многіе изъ еретиковъ занимали общественныя должности и были богаты, борьба съ ними св. Епифанія имѣла мало успѣха, поэтому онъ обратился къ императору Ѳеодосію I съ просьбою изгнать ихъ съ острова. Получивъ посланіе Епифанія, царь издалъ такой письменный приказъ: если кто не станетъ повиноваться божественнымъ словамъ св. отца Епифанія, епископа кипрской страны, тотъ долженъ удалиться съ острова и жить, гдѣ пожелаетъ; а всѣ тѣ, кои сдѣлаются друзьями и чадами покаянія и исповѣдуютъ предъ общимъ своимъ отцомъ готовность обратиться на путь истины, могутъ остаться на островѣ и слушать поученія сего отца. Послѣ этого развитіе ересей на островѣ значительно уменьшилось. Епифаній долженъ былъ присутствовать на второмъ вселенскомъ соборѣ (331 г.) вмѣстѣ съ епископами Кипра—Юліемъ пафскимъ, Ѳеопемпомъ тримиѳунтскимъ, Тихономъ тамасскимъ и Мнимономъ китійскимъ. Горя ревностію о православіи, Епифаній въ 394 г. путешествовалъ въ Іерусалимъ съ цѣлію убѣдить мѣстнаго епископа Іоанна и его друзей Руфина и Іеронима осудить Оригена, какъ еретика [см. „Энц.“ VI, 983 — 985]. Но онъ склонилъ на свою сторону только Іеронима. Въ 401 г. онъ созвалъ соборъ епископовъ въ Констанціи и осудилъ Оригена. Послѣ этого, узнавъ, что ученіе оригенистовъ распространяется и въ Константинополѣ, онъ отправился сюда, нашелъ благосклонный пріемъ у царицы Евдокіи и сталъ склонять находившихся въ столицѣ епископовъ подписаться подъ опредѣленіями кипрскаго собора о твореніяхъ Оригена. Но эта попытка имѣла мало успѣха тѣмъ болѣе, что на первыхъ порахъ Епифаній разошелся со св. Іоанномъ Златоустомъ, архіепископомъ константинопольскимъ. Онъ скончался на пути изъ Константинополя въ свою епархію (403 г.).

Пятый вѣкъ былъ ознаменованъ борьбою кипрской церкви за свои автокефальныя права. Опираясь на свое апостольское происхожденіе и на мѣстныя традиціи, образовавшіяся въ первые вѣка христіанства, основываясь и на 6 правилѣ I вселенскаго собора („подобно и въ Антіохіи, и *въ иныхъ областяхъ* да сохраняются преимущества церквей“—*ἐν ταῖς ἄλλαις ἐπαρχίαις τὰ πρεσβεῖα σώζεσθαι ταῖς ἐκκλησίαις*), кипрская церковь признавала себя автокефальною, съ правомъ мѣстныхъ епископовъ избирать на соборѣ предстоятеля церкви изъ своей среды. Правами автокефальности кипрская церковь пользовалась не взирая и на то, что Кипръ сперва при императорѣ Адріанѣ, а потомъ при Константинѣ в., послѣ новаго дѣленія имперіи на провинціи, былъ причисленъ къ восточнымъ ея областямъ и въ гражданскомъ отношеніи былъ подчиненъ (вмѣстѣ съ Сиріей, Финикіей, Палестиной и Киликіей) стратигу Антіохіи, который назначалъ на островъ особаго правителя. Но въ пятомъ вѣкѣ патріархи Антіохіи рѣшили воспользоваться политическою зависимостью Кипра отъ мѣстнаго стратига, какъ средствомъ и для церковнаго его подчиненія антіохійскому престолу. Это послужило поводомъ къ различнымъ столкновеніямъ между обѣими церквами.

Прежде всего, когда два епископа Кипра, Троилъ и Өеодоръ, прибыли по своимъ дѣламъ въ Антіохію, то мѣстный архіепископъ Іоаннъ I [429 — 44$1/2$ г.: см. „Энц." VI, 987—995] сталъ принуждать ихъ къ подчиненію антіохійскому престолу, но всѣ его усилія остались тщетными. Затѣмъ, вскорѣ скончался архіепископъ Констанціи Троилъ. Архіеп. Іоаннъ захотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ для подчиненія себѣ кипрской церкви и склонилъ на свою сторону стратига „Востока", Флавія Діонисія. Послѣдній, подъ вліяніемъ архіеп. Іоанна, въ іюнѣ 431 г. написалъ правителю Кипра Өеодору, чтобы онъ всѣми средствами противился избранію новаго епископа для Констанціи, потому что вопросъ о рукоположеніи епископовъ для Кипра будетъ предметомъ обсужденія на созванномъ по повелѣнію императора Өеодосія Младшаго соборѣ въ Ефесѣ; еслибы избраніе епископа Констанціи состоялось до прибытія распоряженія Флавія Діонисія, то Өеодоръ долженъ былъ позаботиться о томъ, чтобы новый епископъ, вмѣстѣ съ остальными кипрскими епископами, отправился въ Ефесъ для оправданія предъ соборомъ; въ случаѣ неисполненія Өеодоромъ этого повелѣнія, онъ и войско, ему подчиненное, должны были внести въ государственную казну по пяти литръ золота. Флавій Діонисій такое же приказаніе послалъ и клиру митрополіи Констанціи, предложивъ не приступать къ избранію новаго епископа до тѣхъ поръ, пока вопросъ объ этомъ не будетъ рѣшенъ на Ефесскомъ соборѣ,—въ противномъ же случаѣ епископы должны предстать предъ этимъ соборомъ для оправданія и суда. Тою порой кипряне приступили къ приготовительнымъ для избранія епископа дѣйствіямъ и, не послушавшись приказа стратига „Востока", избрали на вакантную въ Констанціи каөедру Ригина, который, взявши епископовъ Саприкія пафскаго, Зенона курійскаго и Евагрія солонскаго, а также протопресвитера (πρωτοπαπᾶς) Кесарія, отправился въ Ефесъ—не для оправданія въ своихъ дѣйствіяхъ, а для протеста предъ отцами собора по поводу притязаній антіохійскаго архіепископа на права автокефальной кипрской церкви. Вопросъ объ автокефальнихъ правахъ кипрской церкви разсматривался на седьмомъ засѣданіи Ефесскаго собора и обсуждался въ такомъ родѣ. Прежде всего, епископъ Ригинъ, отъ имени всѣхъ епископовъ Кипра, прочиталъ предъ отцами собора свою жалобу (λίβελλος) на антіохійскаго архіеп. Іоанна (не присутствовавшаго на засѣданіи вмѣстѣ съ другими „восточными" іерархами), который, въ союзѣ съ стратигомъ Діонисіемъ, пытается подчинить себѣ кипрскую церковь. Это есть нововведеніе, противное канонамъ Никейскаго собора и не оправдываемое предшествующею церковною практикой. Флавій Діонисій, позволивъ себѣ вмѣшаться въ церковное дѣло, былъ введенъ въ заблужденіе. Между тѣмъ незаконное вмѣшательство вызвало большую смуту въ епархіи Констаціи. „Мы просимъ,—сказано въ грамотѣ кипрскихъ епископовъ,—припадаемъ къ вашимъ колѣнамъ, чтобы какъ изначала, отъ временъ апостольскихъ, посредствомъ постановленій и каноновъ святѣйшаго и великаго собора въ Никеѣ, нашъ синодъ на Кипрѣ по каноническому рѣшенію пребывалъ внѣ всякой опасности и постороннихъ притязаній и былъ выше всякаго подчиненія, такъ и теперь мы желаемъ, чтобы посредствомъ вашего неподкупнаго и справедливѣйшаго рѣшенія и вашего повелѣнія намъ была воздана справедливость". Затѣмъ Ригинъ, съ разрѣшенія собора, прочиталъ два письменные приказа Флавія Діонисія архонту Кипра и клиру митрополіи Констанціи, послѣ чего соборъ нашелъ необходимымъ выслушать объясненія со стороны епископовъ Кипра, такъ какъ для членовъ собора представлялись не совсѣмъ ясными мотивы вмѣшательства стратига въ кипрское церковное дѣло. На это епископъ Зенонъ сказалъ, что, по свидѣтельству недавно скончавшагося епископа Саприкія, Діонисій, дѣйствительно, написалъ архонту и клиру Кипра письма запрещавшія избирать епископа Саламина безъ участія антіохійскаго архіепископа. На вопросъ, чего же добивался послѣдній, епископъ Евагрій отвѣтилъ: „онъ старался подчинить себѣ нашъ островъ и похитить право хиротоніи, вопреки канонамъ и издревле господствующему обычаю". Соборъ спросилъ, были ли раньше факты хиротоніи епископовъ Констанціи архіепископами Антіохіи; на это епископъ Зенонъ сказалъ, что со временъ апостольскихъ не было ни одного случая такой хиротоніи и вообще іерархи Антіохіи никогда

не являлись на островъ для хиротоніи кипрскихъ епископовъ, которые избирались и хиротонисались всегда мѣстными соборами, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ, въ частности, факты избранія епископовъ Троила и Савина. Выслушавъ эти и другіе доводы кипрскихъ епископовъ въ пользу изначальной автокефальности кипрской церкви, соборъ въ своемъ рѣшеніи (ψῆφος) опредѣлилъ, что начальствующіе (οἱ προεστῶτες) во святыхъ кипрскихъ церквахъ сохраняютъ за собою свободу самостоятельно производить на соборахъ избраніе епископовъ и рукополагать ихъ безъ всякаго посторонняго вмѣшательства, какъ это издревле установлено святыми отцами и мѣстною практикой. Опредѣленіе собора о кипрской церкви составило содержаніе 8-го его правила [1]). Не смотря на ясное опредѣленіе Ефесскаго собора, притязанія антіохійскихъ патріарховъ на самостоятельность кипрской церкви не прекращались. Патріархъ-монофизитъ Петръ Кнафевсъ, вступивъ вторично на антіохійскій престолъ (около 485 г.), пытался снова подчинить кипрскую церковь подъ тѣмъ предлогомъ, что кипряне нѣкогда получили вѣру Христову изъ Антіохіи. Но эти притязанія были отвергнуты архіепископомъ Констанціи Анѳиміемъ, который сослался на Дѣян. **11**, 19 — 26, на господствовавшій на Кипрѣ древній обычай и на опредѣленіе третьяго вселенскаго собора. Къ тому же, въ это время около Констанціи были обрѣтены мощи св. Апостола Варнавы [яко бы] съ Евангеліемъ отъ Матѳея, собственноручно имъ написаннымъ. Воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, епископъ Анѳимій отправился въ Константинополь къ императору Зенону, представилъ ему открытое Евангеліе, описалъ испытанія, коимъ церковь кипрская подвергается со стороны антіохійскаго патріарха и просилъ покровительства и защиты. По распоряженію императора Евангеліе Ап. Варнавы было положено въ дворцовой церкви св. Стефана, а столкновеніе Кипра съ Антіохіей поручено разсмотрѣть константинопольскому патріарху Акакію (471—489 г.) и собору. На соборѣ находился и архіепископъ Анѳимій, указавшій на распространеніе христіанства на Кипрѣ апостольскими трудами св. Варнавы кипрянина, мощи котораго были обрѣтены на островѣ и на другія, уже извѣстныя, привилегіи кипрской церкви, по поводу коихъ представители антіохійскаго патріарха не могли представить основательныхъ возраженій. Соборъ опять высказался въ пользу автокефальныхъ правъ кипрской церкви, а императоръ Зенонъ, въ свою очередь, издалъ грамоту, которою антіохійскому патріарху запрещалось вмѣшиваться въ дѣла кипрской церкви, епископъ Констанціи поставлялся архіепископомъ всего острова съ правомъ носить во время богослуженій красную мантію, держать скипетръ вмѣсто пастырскаго жезла, подписываться красными чернилами, титуловаться—по праву автокефальнаго предстоятеля—„блаженствомъ“—(μακαριότης) и „блаженнѣйшимъ“ (μακαριώτατος); кромѣ того, архіепископъ Констанціи имѣлъ право стоять во главѣ своего синода и совмѣстно съ нимъ избирать и рукополагать епископовъ для Кипра и управлять всѣми церковными дѣлами. Византійскіе историки, разсказывающіе объ этомъ событіи (Ѳеодоръ Чтецъ, Кедринъ, Іоиль, Никифоръ, Каллистъ), признаютъ его началомъ автокефальности кипрской церкви, но, по нашему мнѣнію, болѣе справедливы византійскіе канонисты—Вальсамонъ, Зонара и Аристинъ, которые пріурочиваютъ это начало къ каноническому опредѣленію третьяго вселенскаго собора. Далѣе, изъ исторіи автокефаліи кипрской церкви заслуживаютъ вниманія обстоятельства, вызванныя нашествіемъ на Кипръ арабовъ въ VII вѣкѣ. Въ 647 г. арабскія полчища, подъ предводительствомъ Моавіи, напали на Кипръ и овладѣли Констанціей, въ которой хранились свезенныя со всего острова сокровища, истребили очень много народу, осквернили великолѣпный архіепископскій храмъ во имя св. Епифанія и предали островъ огню и мечу. Узнавъ, что противъ нихъ отправленъ византійскій флотъ, арабы удалились съ острова, а въ слѣдующемъ году опять напали на Кипръ, опустошили почти весь островъ, ограбили г. Пафъ

[1]) Однако касательно всей этой исторіи о кипрской церковной автокефаліи см. у проф. *Ал. П. Лебедева* въ „Душеполезномъ Чтеніи“ 1906 г., № 1, стр. 47—54, а также у профф. *А. И. Алмазова* и *А. И. Бриллiантова* въ „Журналахъ и протоколахъ Предсоборнаго Присутствія“, т. III(Спб. 1907), стр. 253—254. 265—266 и ср. 286,₁.—*Н. Н. Г.*

и снова удалились. Въ послѣдующее время арабы неоднократно дѣлали набѣги на Кипръ, пока византійскій императоръ Юстиніанъ II Ринотмитъ и дамасскій халифъ Абд-ал-Мелекъ не заключили въ 686 г. между собою миръ, по которому они должны были дѣлить поровну доходы съ острова Кипра, а халифъ еще обязался платить въ византійскую казну ежедневно тысячу золотыхъ. Но потомъ халифъ отказался платить Юстиніану II эту дань византійскою монетою, а приказалъ вычеканить золотые арабскаго образца, меньшей сравнительно съ византійскими цѣнности. Это послужило поводомъ къ разрыву договора между Византіей и Дамаскомъ (688 г.). Не надѣясь защитить кипрянъ отъ насилій арабовъ, Юстиніанъ II сдѣлалъ распоряженіе о выселеніи жителей въ провинцію Геллеспонтъ въ Малой Азіи. И вотъ, православное населеніе Кипра, во главѣ съ архіепископомъ Констанціи Іоанномъ, предприняло переселеніе въ основанный близъ Кизика городъ новый Юстиніанополь. Это переселеніе оказалось гибельнымъ и для жителей и для острова, такъ какъ многіе погибли во время морского пути, другіе умерли въ новой колоніи, мало приспособленной на первыхъ порахъ для нормальной жизни, почти всѣ понесли огромные матеріальные убытки, вынужденные оставить на Кипрѣ прекрасныя зданія и обработанныя земли, такъ какъ новыя земли, пожалованныя переселенцамъ близъ Кизика, оказались менѣе удобными, а островъ лишился свойственнаго ему процвѣтанія и благоустройства. Съ архіепископомъ Іоанномъ съ острова выселились и нѣкоторые епископы, другіе же остались здѣсь съ паствою, которою духовно и управляли до возвращенія архіепископа. Дабы архіепископъ Кипра, переселившійся въ Геллеспонтъ по волѣ императора, не лишился древнихъ преимуществъ, Юстиніанъ II призналъ ихъ за Іоанномъ и на новой его каѳедрѣ—въ Юстиніанополѣ, который не только былъ объявленъ автокефальною архіепископіею, но и поставленъ въ церковномъ отношеніи во главѣ всѣхъ епархій Геллеспонта, съ подчиненіемъ архіепископу Юстиніанополя и кизикской митрополіи, съ правомъ архіепископа рукополагать всѣхъ епископовъ Геллеспонта. Состоявшійся въ царствованіе Юстиніана II Трульскій соборъ опредѣлилъ эти права кипрскаго предстоятеля въ 39 своемъ правилѣ. „Такъ какъ братъ и сослужитель нашъ Іоаннъ, предстоятель острова Кипра (сказано въ этомъ правилѣ), вмѣстѣ съ своимъ народомъ, вслѣдствіе варварскихъ нашествій и съ цѣлью освободиться отъ языческаго рабства и вѣрно покоряться скипетру христіаннѣйшей державы, переселился съ упомянутаго острова въ геллеспонтскую область, промышленіемъ человѣколюбиваго Бога и усердіемъ Христолюбиваго и благочестиваго царя нашего: то мы постановляемъ, чтобы неизмѣнными были сохранены преимущества, данныя престолу названнаго мужа богоносными отцами Ефесскаго собора, чтобы Новый Юстиніанополь имѣлъ права Константинополя, боголюбезнѣйшій его епископъ начальствовалъ надъ всѣми епископами Геллеспонтской области и поставлялся соборомъ своихъ епископовъ, по древнему обычаю; предстоятелю Юстиніанополя долженъ подчиняться и епископъ города Кизика и, въ случаѣ необходимости, поставляться отъ него“. Такимъ образомъ, по опредѣленію Труллъскаго собора, архіепископы Кипра и въ новой своей резиденціи не только сохранили прежнія автокефальныя права, утвержденныя за ними Ефесскимъ соборомъ, но и получили въ отношеніи епископовъ Геллеспонта и митрополита кизикскаго тѣ права, которыя издавна принадлежатъ здѣсь константинопольскому патріарху. Это уже было исключительною привилегіей кипрскаго архіепископа, пожалованной ему не безъ содѣйствія императорской власти. Къ томуже она была временной. Въ царствованіе Тиверія II его братъ Ираклій нанесъ (въ 790 г.) пораженіе арабамъ и изгналъ ихъ съ острова Кипра.

Послѣ этого часть кипрянъ возвратилась изъ Геллеспонта на родину. Окончательное же переселеніе архіепископа Новаго Юстиніанополя на Кипръ совершилось въ царствованіе Константина Копронима около 747 г., когда епархіи Геллеспонта и Кизика опять подчинились византійскому патріарху. Прибывши на Кипръ, архіепископъ избралъ своею резиденціей городъ Арсиною (нынѣ Фамагуста или Ἀμμόχωστος), такъ какъ Саламинъ или Констанція была разрушена. Іерархическія его права и привелегіи сохранились прежнія. Оставивъ въ своемъ офи-

ціальномъ титулѣ наименованіе „Юстиніанопольскаго“, архіепископъ сталъ пользоваться древнимъ титуломъ — „Констанціи“ или „Кипра“, употребляя эти наименованія безразлично, какъ видно изъ подписей отцовъ седьмого вселенскаго собора. Съ теченіемъ же времени онъ сталъ именоваться лишь архіепископомъ „Кипра“, а иногда и только въ оффиціальныхъ бумагахъ подписывался—„архіепископомъ Новой Юстиніаны (вмѣсто Юстиніанополя) и всего Кипра“. Въ Арсиноѣ архіепископская каѳедра оставалась до начала XIII вѣка (1215 г.), когда латиняне перенесли ее въ Левкосію. Что касается автокефальныхъ правъ кипрской церкви, то въ византійскую эпоху притязаній на нихъ со стороны антіохійскихъ патріарховъ не было. Лишь по соглашенію между церквами, а не въ знакъ зависимости одной отъ другой, кипрская церковь получала отъ антіохійскихъ патріарховъ св. мѵро. Такая практика продолжалась до 1860 года, когда, вслѣдствіе извѣстной рѣзни христіанъ въ Дамаскѣ и возникшаго отсюда неустройства церковныхъ дѣлъ въ Сиріи, кипрская церковь не могла получать св. мѵро изъ Дамаска. Въ 1864 г. архіепископъ Макарій, вслѣдствіе встрѣтившейся необходимости, обратился къ церкви константинопольской съ просьбою прислать на Кипръ св. мѵро. Просьба была исполнена, и съ того времени кипрская церковь, какъ и всѣ остальныя греческія церкви православнаго Востока, получаетъ св. мѵро изъ Константинополя отъ вселенскаго патріаршаго престола.

Изъ другихъ фактовъ внутренней церковной жизни на Кипрѣ въ византійскую эпоху нужно отмѣтить участіе этой церкви въ важнѣшихъ событіяхъ православнаго Востока, свидѣтельствующее о тѣсномъ, органическомъ ея союзѣ съ остальными автокефальными церквами и о совмѣстной дѣятельности въ вопросахъ каѳолическаго значенія. Такъ, на Ефесскомъ соборѣ 449 г. присутствовалъ Олимпій, архіепископъ Констанціи. Между членами четвертаго вселенскаго собора были кипрскіе епископы — Епифаній солонскій, Епафродитъ тамасскій и Сотиръ ѳеодосіанскій. Во время монофелитскихъ споровъ архіепископъ Констанціи Сергій энергично боролся противъ новой ереси и на частномъ соборѣ осудилъ „экѳесисъ“ Ираклія. Постановленіе собора, анаѳематствующее еретиковъ, было послано Сергіемъ римскому папѣ Ѳеодору I (642—649 г.). Во время иконоборческихъ споровъ горячимъ защитникомъ иконопочитанія и православія былъ архіепископъ Констанціи Георгій, который не ограничился устною борьбой съ еретиками, но и написалъ апологетическій трудъ „Νουθεσία γέροντος περὶ τῶν ἁγίων εἰκόνων“, раскрывъ здѣсь догматы иконопочитанія. Иконоборческій соборъ 754 г. предалъ его анаѳемѣ вмѣстѣ съ константинопольскимъ патріархомъ Германомъ и св. Іоанномъ Дамаскинымъ, но седьмой вселенскій соборъ, утвердившій иконопочитаніе, провозгласилъ Георгію и Іоанну вѣчную память. На седьмомъ вселенскомъ соборѣ, во главѣ съ архіепископомъ Константиномъ, присутствовали епископы—Евстаѳій солонскій, Спиридонъ кипрскій, Ѳеодоръ китійскій, Георгій тримиѳунтскій и Александръ амаѳійскій. На пятомъ засѣданіи собора архіепископъ Константинъ принималъ участіе въ преніяхъ и имѣлъ вліяніе на ходъ соборныхъ совѣщаній. Въ эпоху иконоборчества, когда въ Константинополѣ и другихъ городахъ было поднято гоненіе на монаховъ, какъ защитниковъ иконопочитанія, многіе изъ нихъ, спасаясь отъ преслѣдованія, удалились на Кипръ, хотя и здѣсь внѣшнія условія положенія были въ это время не вполнѣ благопріятны.

Дѣло въ томъ, что, начиная съ VII вѣка, Кипръ сдѣлался легкою добычей для арабовъ, которые, пользуясь отдаленностію острова отъ столицы византійской имперіи и сравнительно слабою его защитой имперскими войсками, дѣлали частые на островъ набѣги, подвергали его систематическому опустошенію, разоряли и грабили города, истребляли жителей и вообще совершали здѣсь всякаго рода безчинства. Первое нашествіе мусульманъ на островъ было въ 632 г. при императорѣ Ираклін, когда Халифъ Абу-Бекръ, пользуясь ослабленіемъ, вслѣдствіе небрежности, военныхъ силъ ромеевъ, взялъ городъ Китій. Въ 647 г. Халифъ Моавія, имѣя флотъ изъ 1.700 кораблей, утвердилъ свое владычество на Кипрѣ, разорилъ Констанцію, а потомъ Пафъ. Въ 747 г. при Константинѣ V Копронимѣ византійскій флотъ отразилъ на-

бѣгъ арабскаго флота, въ числѣ тысячи кораблей устремившагося изъ Александріи на Кипръ, а въ концѣ царствованія Копронима Кипръ опять былъ (около 770 г.) подъ властію Византіи. Въ 790 г. арабы предприняли новое нападеніе на Кипръ, но царица Ирина быстро снарядила византійскій флотъ, который подъ начальствомъ Θеофила, стратига кивиреотскаго, далъ битву арабамъ; послѣдніе вынуждены были отступить, но Θеодоръ былъ взятъ въ плѣнъ и, по приказанію халифа Гарунъ-аль-Рашида, усѣченъ мечемъ. При Никифорѣ I халифъ Гарунъ нарушилъ договоръ съ византійцами (806 г.) и послалъ флотъ на Кипръ, гдѣ были разрушены церкви и монастыри, многіе жители были перебиты, архіепископъ Констанціи былъ взятъ въ плѣнъ, отъ котораго освободился за тысячу динаровъ. Въ 816 г. при царѣ Михаилѣ Рангаве на Кипръ отправились многочисленные бѣглецы—монахи и міряне—изъ Сиріи, спасаясь отъ жестокихъ преслѣдованій арабовъ; одни изъ нихъ на пути были мученически умерщвлены, а другіе благополучно достигли острова; царь приказалъ выдать имъ талантъ золота и оказалъ всякое покровительство. Въ 824 г. послѣ завоеванія арабами острова Крита, опасность грозила и Кипру, но византійскій флотъ, во время снаряженный, устранилъ эту опасность. При императорахъ Василіи I Македонянинѣ (867—886 гг.) и Львѣ VI Мудромъ (886—911 гг.) Кипръ на нѣкоторое время былъ освобожденъ отъ тяжелаго мусульманскаго ига, но потомъ опять подпалъ господству арабовъ и оставался подъ ихъ властію до императора Никифора Фоки, который, отнявши въ 961 г. у арабовъ о. Критъ, въ 964 г. изгналъ ихъ съ о. Кипра. Постоянные набѣги арабовъ на Кипръ и война ихъ съ византійцами крайне неблагопріятно отразились на церковно-общественной жизни острова. Монастыри и храмы или лежали въ развалинахъ, или были ограблены и лишены необходимыхъ священныхъ принадлежностей, духовенство и народъ платили побѣдителямъ подати и налоги за жизнь и за право свободно вѣровать; арабы не вмѣшивались въ религіозную жизнь христіанъ, но послѣдніе покупали эту независимость дорогою цѣной повинностей, униженій и презрѣнія со стороны побѣдителей; для мусульманъ они были народомъ ничтожнымъ и заслуживающимъ истребленія—только правительство, изъ видовъ политическихъ, предотвращало ихъ полную гибель отъ фанатичныхъ солдатъ. Побѣдители и побѣжденные составляли два враждебные лагеря, между которыми не было ничего общаго и сліяніе было совершенно невозможно. Греки старались хранить полный нейтралитетъ и избѣгали всякаго сочувствія въ отношеніи къ византійцамъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ имъ грозила смерть. Но, въ виду частыхъ столкновеній между арабами и византійцами, трудно было такъ или иначе не выразить сочувствіе родному народу, боровшемуся за свободу кипрянъ. Поэтому пораженіе арабовъ часто опрокидывалось на головы ни въ чемъ неповинныхъ жителей Кипра. При такихъ условіяхъ возникшаго положенія христіанъ, совершенно невозможно говорить о какомъ-либо благосостояніи кипрской церкви подъ властію арабовъ. Положеніе это улучшилось когда Кипръ при императорѣ Никифорѣ Фокѣ опять вошелъ въ составъ византійской имперіи и былъ совершенно освобожденъ отъ арабскаго ига. Церковная жизнь вновь расцвѣла на островѣ, храмы и монастыри были возстановлены,—хотя многія драгоцѣнности и библіотеки погибли безвозвратно,—епископскія каѳедры были сполна замѣщены, церковное управленіе вновь было организовано на соборномъ началѣ, попрежнему установились тѣсныя отношенія Кипра къ автокефальнымъ церквамъ православнаго Востока. Между прочимъ, въ это время получило большое развитіе на Кипрѣ и греческое монашество. Въ царствованіе императора Алексѣя Комнина (1081—1118 г.) здѣсь былъ построенъ и нынѣ существующій монастырь Богородицы Кикка или Кокка. Ктиторомъ его былъ монахъ Исаія, которому императоръ далъ икону Богоматери Ἐλεοῦσα и нынѣ пребывающую въ монастырѣ, а также пожаловалъ средства на постройку монастыря; когда монастырь былъ построенъ, царь надѣлилъ его имуществомъ и далъ хрисовулъ, освобождавшій отъ всякихъ повинностей. Монастырь въ теченіе своего продолжительнаго существованія испыталъ много бѣдствій, но и теперь служитъ предметомъ поклоненія христіанъ. Онъ управляется

игуменомъ, пожизненно избираемымъ братіею и утверждаемымъ архіепископомъ острова. Братство въ послѣдніе годы простиралось отъ 40 до 50 человѣкъ. Въ царствованіе Мануила Комнина (1142—1180 гг.) былъ построенъ монастырь Богородицы на горѣ Махера. Ктиторами его были монахъ Игнатій и іеромонахъ Нилъ, впослѣдствіи епископъ Тамасса, которые получили отъ императора гору Махера съ окрестностями, 50 золотыхъ ежегодно и другое вспомоществованіе на постройку монастыря; когда монастырь былъ готовъ, царь объявилъ его свободнымъ и независимымъ отъ мѣстной церковной власти и далъ ему различныя привилегіи. Императоръ Исаакъ Ангелъ, по просьбѣ монаховъ обители Махера, утвердилъ (1186 г.) за ними хрисовулы, данные Мануиломъ Комниномъ, подарилъ имъ садъ изъ царскихъ владѣній въ Левкосіи и 12 золотыхъ. Императоръ Алексѣй III подтвердилъ независимость этого монастыря (1195 г.) и укрѣпилъ за нимъ навѣчно всѣ его недвижимыя имѣнія, съ 24 париками; за эту милость царя монахи возносили во время богослуженія особое молитвенное объ Алексѣѣ прошеніе. Въ 1210 г. іеромонахъ, потомъ епископъ тамасскій, Нилъ далъ монастырю Богородицы Махера свой очень обширный уставъ (изъ 47 главъ), въ которомъ весьма подробно регламентирована вся внутренняя жизнь этой обители. Іеромонахъ Нилъ основалъ въ Тамассѣ и другой — женскій — монастырь и также написалъ для него особый уставъ. Въ царствованіе Исаака II Ангела (съ 1185 г.) былъ устроенъ въ Пафѣ монастырь св. Неофита Затворника и объявленъ ставропигіею. И этотъ монастырь, какъ и Махера, существуетъ понынѣ. Кромѣ того, въ пафской епархіи существуютъ монастыри Богородицы Хрисорригатиссы и Троодитисы, въ киринійской епархіи св. Пантелеимона Мирта и Нерукотвореннаго Спаса, возникшіе въ византійскую эпоху; нынѣ они бѣдны и малонаселенны. Въ византійскія времена на Кипрѣ былъ монастырь съ именемъ Κουτζουβεινίτου (1157 г.: *Miklosich* et *Müller*, Acta VI,106), а въ Левкосіи существовали православныя обители—Пипи, Андрея, Манкана и Сереи-Платронъ. Въ письмѣ константинопольскаго патріарха Германа (1223 г.) упоминается монастырь Апсиѳіонъ. Кромѣ того были извѣстны женскіе монастыри—Паллуріотиссы, св. Македонія, Всѣхъ Святыхъ и Фанеромены. Изъ нихъ монастырь Пипи существовалъ до XVII в., а потомъ былъ обращенъ въ резиденцію архіепископа и остается съ этимъ назначеніемъ до настоящаго времени; церковь св. Іоанна Богослова, здѣсь существующая была построена въ 1662 г. архіепископомъ Никифоромъ. Остальные монастыри частію были въ дальнѣйшее время разрушены, частію обращены въ приходскія церкви, какъ, напр., монастырь Фанеромены.

Кипрская церковь попрежнему была въ общеніи съ другими автокефальными православными церквами. Такъ, архіепископъ кипрскій Іоаннъ присутствовалъ въ серединѣ XII в. на константинопольскихъ соборахъ по поводу заблужденій Сотириха и другихъ, неправильно понимавшихъ слова молитвы въ литургіи—„Ты еси приносяй и приносимый“. У этого Іоанна было и столкновеніе съ константинопольскимъ патріархомъ Лукою Хрисовергомъ (1156—1169 г.), о которомъ разсказываетъ Вальсамонъ. Архіепископъ Іоаннъ низвергъ изъ сана, подчиненнаго ему амаѳунтскаго епископа Іоанна, о чемъ и было сообщено императору Мануилу Комнину. Но такъ какъ изверженіе было произнесено одиннадцатью епископами и самимъ архіепископомъ, между тѣмъ какъ 12-мъ правиломъ Карѳагенскаго собора требовалось, чтобы судъ производился соборомъ изъ 12-ти епископовъ, кромѣ предсѣдателя, то патріархъ Лука Хрисовергъ съ синодомъ, а также царскій синклитъ признали это изверженіе недѣйствительнымъ. Въ тоже время кипрская церковь признавалась въ Византіи автокефальною, какъ это видно изъ сочиненія Нила Доксопатра „О патріаршихъ престолахъ“ (1143 г.) и изъ толкованій Ѳеодора Вальсамона (на 8 пр. III вс. соб., 39-е Трул. соб.), позднѣе (XIV в.)—изъ Синтагмы Матѳея Властаря (Ῥάλλης καὶ Ποτλῆς, Σύνταγμα VI, 258). На островѣ было до 15 епископскихъ каѳедръ въ разныхъ городахъ.

Въ XI и XII в. на Кипрѣ было возстаніе правителей противъ центральной византійской власти, неблагопріятно отразившееся и на положеніи мѣстной церкви. Одно возстаніе было поднято въ маѣ 1040 г. стратигомъ Ѳеофиломъ Еротикомъ и было

подавлено лишь въ 1043 г. Константиномъ Мономахомъ, другое поднялъ Рапсоматисъ въ 1092 г. и т. д. Особенно же ужасна была для кипрянъ тираннія Исаака Комнина, внука императора Мануила. Отличаясь большою жестокостію, онъ безчеловѣчно поступалъ съ жителями острова и совершалъ надъ ними тысячи злодѣяній,—безъ всякой вины мучилъ и убивалъ грековъ, лишалъ ихъ имущества, безчестилъ женщинъ. Императоръ Андроникъ Комнинъ не могъ изгнать тиранна съ острова. Исаакъ II Ангелъ отправилъ противъ него флотъ, но Исаакъ разбилъ его и взялъ византійское войско въ плѣнъ. Господство этого тиранна на Кипрѣ продолжалось до завоеванія его латинянами (1191 г.) и принесло много зла церкви, духовенству и народу (*Никита Хоніатъ*, Исторія).

II. Второй періодъ въ исторіи православной церкви на Кипрѣ (1191—1571 г.) былъ временемъ тяжкихъ для нея испытаній, которымъ она подвергалась со стороны латинянъ. Въ 1191 г. англійскій король Ричардъ Львиное Сердце съ громаднымъ флотомъ и войскомъ отправился въ Св. Землю для освобожденія Гроба Господня отъ рукъ невѣрныхъ. Между Критомъ и Кипромъ буря размѣтала его корабли, а тираннъ кипрскій Исаакъ Комнинъ, бывшій свидѣтелемъ этого несчастія крестоностцевъ, очень жестоко поступилъ съ потерпѣвшими кораблекрушеніе франками, произвелъ грабежъ разбитыхъ бурею судовъ и перебилъ много воиновъ Ричарда. Это рѣшило дальнѣйшую судьбу Кипра. Мстя Исааку, Ричардъ напалъ на Кипръ, разорилъ города Амаѳунтъ и Тримиѳунтъ, а Исаака взялъ въ плѣнъ. Захвативъ островъ, Ричардъ нѣкоторое время владѣлъ имъ, а потомъ продалъ рыцарямъ ордена тампліеровъ за 100.000 золотыхъ, которые, давъ въ уплату 40.000, водворились въ Никосіи. Господство тампліеровъ весьма не понравилась жителямъ Кипра, такъ какъ они воздвигли открытое гоненіе на православіе и принуждали грековъ принимать латинство. Кипріане составили планъ истребить всѣхъ тампліеровъ. Планъ не удался, но вмѣсто того въ апрѣлѣ 1192 г. на островѣ вспыхнулъ бунтъ. При такихъ условіяхъ тампліеры не могли оставаться на Кипрѣ и вынуждены были возвратить его Ричарду, который въ 1193 г. продалъ островъ номинальному іерусалимскому королю Гю [Виту] *Лузиньяну* (Guy de Lusignan); съ обязательствомъ для послѣдняго возвратить тампліерамъ данныя ими 40.000 золотыхъ. Господство династіи лузиньянской продолжалось на Кипрѣ до 1489 г., а потомъ островъ перешелъ подъ власть венеціанцевъ.

Гюи [Витъ] явился на островъ съ 300 представителями французскаго дворянства и съ войскомъ, раздѣлилъ островъ на нѣсколько баронствъ и объявилъ, что права дворянства могутъ принадлежать только лицамъ папинскаго вѣроисповѣданія. Къ православной церкви онъ относился толерантно, предоставилъ народу свободно исповѣдывать свою вѣру и сохранилъ за монастырями и храмами ихъ владѣнія. Въ виду безразличнаго отношенія Гюи къ интересамъ латинства, на островъ прибыли изъ Палестины, Финикіи и другихъ странъ представители иныхъ народностей—грузины, православные сирійцы, латиняне, армяне, марониты, копты и несторіане. Всѣмъ имъ Гюи далъ мѣста для жительства, свободу строить храмы и безпрепятственно исполнять обряды своей вѣры, имѣть своихъ епископовъ и духовенство. Но управленіе Гюи продолжалось недолго: въ 1194 г. власть надъ островомъ перешла къ его преемнику Амори Лузиньянскому († 1205 г.), который круто измѣнилъ политику относительно православной церкви. Амори рѣшилъ утвердить на островѣ латинскую іерархію и пригласилъ сюда латинское духовенство и монаховъ.

На это приглашеніе изъ Палестины и Европы на Кипръ явились монахи различныхъ палестинскихъ орденовъ, благосклонно были здѣсь приняты и заняли господствующее положеніе. Римскій папа Целестинъ III горячо привѣтствовалъ распоряженіе Амори и въ письмѣ отъ 20 февраля 1196 г. хвалилъ его ревность по распространенію на островѣ латинства. Положеніе православной церкви сдѣлались очень тяжелымъ. До латинскаго господства, епископы и клиръ признавали предстоятелемъ церкви своего архіепископа, который вмѣстѣ съ синодомъ и имѣлъ высшую административно-судебную власть на островѣ. Весь народъ православный подчинялся также архіепископу. Церкви, монастыри и епископіи имѣли свои владѣнія и земли, на доходы отъ которыхъ они и содержались; духовенство также получало отъ нихъ свое содержаніе. Латин-

скій клиръ, явившись на островъ, имѣлъ небольшую паству, но у него не было ни храмовъ, ни монастырей, ни имѣній. Но латиняне составляли господствующую часть населенія и находились подъ покровительствомъ правительства острова. И вотъ на Кипрѣ начались всякаго рода безчинства: латиняне стали отнимать у православныхъ церкви и монастыри, захватили ихъ движимыя и недвижимыя имущества, начали преслѣдовать православное духовенство и принуждать народъ къ переходу въ латинство. Затѣмъ, Амори, учредивъ на островѣ, четыре епископіи, надѣлилъ ихъ имѣніями, отнятыми у греческаго духовенства, и обратился къ папѣ Целестину съ просьбою оказать содѣйствіе въ подчиненіи православнаго архіепископа латинскому митрополиту Левкосіи. Но православные оказали противодѣйствіе этой мѣрѣ и остались подъ властію своихъ епископовъ, а епископъ Кипра сохранилъ свою независимость отъ рѣшенія папы,—тѣмъ болѣе, что Амори долженъ былъ оставить островъ и отправиться въ Палестину для военныхъ дѣйствій. Попрежнему епархіальными городами у православныхъ оставались: Тамассосъ, Китій, Амаѳунтъ, Куріонъ, Пафъ, Арсиноя, Соли, Лапиѳъ, Киринея, Китры, Тримиѳунтъ, Левкосія, Арсинея, Карпасій и Киѳрея. Положеніе православныхъ было настолько тяжко подъ властію латинянъ, что они неоднократно обращались къ византійскимъ царямъ съ просьбою объ ихъ освобожденіи отъ ненавистнаго ига. Объ этомъ императоръ Исаакъ II Ангелъ писалъ папѣ Иннокентію III (1199 г.), но въ отвѣтъ на ходатайство папа приказалъ латинянамъ Сиріи принять всѣ мѣры къ удержанію Кипра подъ своей властію. И другія попытки грековъ къ освобожденію острова отъ латинянъ остались тщетными. Каково было положеніе православныхъ въ первые годы латинскаго господства на Кипрѣ,—видно изъ записи современнаго монаха Неофита Затворника о бѣдствіяхъ на островѣ. „Туча закрываетъ солнце и туманъ покрываетъ горы и холмы, на которые и пересталъ падать теплый и свѣтлый лучъ солнца:—такъ и насъ двѣнадцать уже лѣтъ покрываютъ туманъ и облако непрерывно слѣдующихъ несчастій, происходящихъ въ нашей странѣ... Битвы и войны, безпорядки и возстанія, тайныя нападенія и ужасныя столкновенія стали покрывать, какъ облако и туманъ, нашу землю. И вотъ въ теченіе двѣнадцати лѣтъ волны (несчастій) вздымаются все больше и выше. Необычайныя и неслыханныя бѣдствія случались въ этой странѣ: всѣ богатые лишились своихъ богатствъ, прекрасныхъ зданій, родныхъ, рабовъ, слугъ, обиліе стадъ и пастбищъ, плодоносныхъ земель, обильныхъ виноградниковъ, тайно оставили родину и отплыли въ другія мѣста и въ столицу имперіи. А кто не могъ убѣжать, тѣхъ и бѣдствія невозможно изобразить. Кто опишетъ истязанія ихъ, заключенія въ темницы, требованіе денегъ во столько-то тысячъ?.. (Со времени водворенія латинянъ) на Кипрѣ и появились плачъ и крикъ, невыносимый смрадъ, пригнанный съ сѣвера, о чемъ подробно и невозможно разсказать. Положеніе дѣлъ въ нашей странѣ нельзя даже и сравнивать съ волнующимся и бушующимъ отъ сильной бури моремъ,—оно гораздо хуже свирѣпаго моря, такъ какъ на морѣ послѣ бури наступаетъ тишина, а у насъ буря съ каждымъ днемъ увеличивается и конца ея не предвидится...“ А вотъ новѣйшее мнѣніе извѣстнаго ученаго Константина Саѳы. „Конечно, мы не сдѣлаемъ несправедливости,—пишетъ онъ,—если латинское владычество на Востокѣ сравнимъ съ нынѣ давящимъ грековъ турецкимъ игомъ, хотя варварство этой дикой орды составляетъ исключительное во всемірной исторіи явленіе. И сама исторія могла бы, конечно, потребовать болѣе гуманнаго отношенія отъ народовъ, которые, вооружившись для освобожденія оскорбленнаго Гроба Господня, опрокинулись, вопреки ожиданію, на невинныхъ христіанъ. Историкъ показалъ бы себя безсовѣстнымъ, еслибы онъ не заклеймилъ варварскія дѣйствія, совершенныя на Востокѣ культурными христіанами-латинянами, разбойнически захватившими христіанскія владѣнія, обратившихъ въ торговые слитки и на деньги цѣнныя художественныя произведенія древняго искусства, и—что хуже всего—съ торжествомъ сожигавшихъ на кострахъ ни въ чемъ неповинныхъ монаховъ, которые служили одному съ ними Богу, оставались вѣрными отеческимъ преданіямъ, освященнымъ тысячелѣтнею исторіей, и не могли признать нѣкоторыхъ догматическихъ опредѣленій, созданныхъ на Западѣ по чисто эгоистическимъ мотивамъ“.

Подъ управленіемъ Гуго I (1205—1218 г.) или — вѣрнѣе — его жены Алисы кипрская православная церковь подверглась новымъ испытаніямъ. Алиса, управлявшая Кипромъ за отсутствіемъ своего мужа, обратилась къ римскому папѣ Иннокентію III и латеранскому собору (1215 г.) съ ходатайствомъ постепенно сократить до четырехъ число православныхъ епископовъ на островѣ, назначить четырехъ латинскихъ епископовъ въ Никосію, Фамагусту, Пафъ и Лемиссосъ, съ правомъ епископа Никосіи или Левкосіи пользоваться архіепископскимъ титуломъ, предоставить латинскому архіепископу, послѣ смерти греческаго архіепископа Симеона, права духовной юрисдикціи надъ всѣмъ населеніемъ Кипра православнымъ и латинскимъ, при чемъ къ нему же должны были перейдти и имущественныя владѣнія православной архіепископіи; равнымъ образомъ латиняне должны были сдѣлаться собственниками и епархіальныхъ имуществъ грековъ, по мѣрѣ сокращенія ихъ каѳедръ, а греческіе архіереи могли пользоваться потомъ одними доходами отъ духовенства. Вообще, папѣ былъ предложенъ планъ насильственнаго захвата латинянами на Кипрѣ какъ имущественныхъ, такъ и духовныхъ правъ греческаго клира, который постепенно долженъ былъ подпасть подъ власть латинскаго архіепископа. Планъ въ принципѣ былъ одобренъ, и папа Иннокентій III далъ приказъ о его постепенномъ выполненіи. На почвѣ имущественныхъ отношеній у греческаго и латинскаго духовенства на первыхъ же порахъ было много столкновеній, которыхъ не скрываютъ и латинскіе писатели, но при всѣхъ усиліяхъ грековъ защитить свои права и удержать имѣнія церквей и монастырей въ ихъ пользованіи, латиняне мало-по-малу брали верхъ, встрѣчая покровительство и поддержку со стороны королевы Алисы и латинскаго дворянства. Вдохновителемъ церковной политики на Востокѣ былъ папа Иннокентій III, горѣвшій желаніемъ видѣть схизматическую имперію у ногъ своихъ. Онъ непрерывно посылалъ латинскимъ королямъ на Востокъ свои энциклики, въ которыхъ просилъ ихъ не забывать объ интересахъ римской церкви и побуждалъ всѣми средствами содѣйствовать ея торжеству среди схизматиковъ. Но такъ какъ свѣтскіе дѣятели латинства, — по мнѣнію папы, — не совсѣмъ энергично дѣйствовали въ пользу церкви, то папа рѣшилъ прибѣгнуть къ насилію. Его выборъ подходящаго дѣятеля палъ на кардинала Пелагія, котораго папа и отправилъ въ 1213 г. на Востокъ, какъ албанскаго епископа и апостольскаго экзарха съ абсолютною властію, и предписалъ всѣмъ латинскимъ вождямъ отъ Ахаіи до Византіи и Сиріи оказывать ему всякое содѣйствіе. Это былъ надменный, жестокій и взбаломошный человѣкъ, который принесъ мало пользы латинству, но много вреда православію. Потерпѣвъ неудачу въ Константинополѣ, Пелагій прибылъ на Кипръ и занялся здѣсь организаціею латинской церкви и обращеніемъ въ латинство схизматиковъ. Какъ Пелагій дѣйствовалъ на Кипрѣ, — лучше всего можно видѣть изъ слѣдующаго факта. По его приказанію, въ уединенномъ исихастиріи были схвачены тринадцать монаховъ, которымъ и предъявлено было требованіе немедленно отказаться отъ православія и принять латинство. Монахи отвѣтили, что предварительно слѣдовало бы путемъ устныхъ доказательствъ или посредствомъ чудеснаго знаменія убѣдить ихъ въ томъ, что православіе есть заблужденіе, — иначе они останутся навсегда преданными сынами ороодоксіи. Но ни то, ни другое Пелагію не представлялось возможнымъ; поэтому онъ приказалъ ввергнуть монаховъ въ заключеніе, гдѣ они мучились въ теченіе трехъ лѣтъ. Однако они не хотѣли измѣнять вѣрѣ отцовъ и путемъ ренегатства получить свободу. Отчаявшись достигнуть своей цѣли, Пелагій приказалъ устроить костеръ и при торжественной обстановкѣ, въ присутствіи гражданскихъ властей острова и латинскаго духовенства и народа, велѣлъ сжечь несчастныхъ „схизматиковъ“ (1221 г.). Православная церковь причислила этихъ мучениковъ къ лику святыхъ. Этотъ фактъ, вызвавшій усиленную ненависть грековъ къ латинянамъ, долженъ былъ бы убѣдить послѣднихъ въ гнустности ихъ усилій распространить папизмъ среди православнаго населенія Кипра, а испытанія, бѣдствія и столкновенія грековъ съ латинянами продолжались и въ послѣдующее время. Скончался православный архіепископъ Симеонъ (около 1221 г.), и греки, слѣдуя установившемуся обычаю, избрали

его преемникомъ Исаію. Воспользовавшись этою смѣной, латиняне опять стали добиваться подчиненія православнаго архіепископа и епископовъ латинскимъ, дабы свести ихъ на положеніе викарныхъ при латинскихъ архіереяхъ, которые одни и должны пользоваться всѣми правами духовной юрисдикціи, а греческая церковь низводилась на положеніе терпимой. Латинянамъ отъ-части удалось достигнуть своей цѣли, такъ какъ Исаія, тѣснимый этими врагами православія, вынужденъ былъ временно признать надъ собою власть папы. Но затѣмъ онъ раскаялся, оставилъ свою каѳедру и ушелъ въ Никею къ византійскому патріарху Мануилу, предъ которымъ, въ одномъ изъ засѣданій синода, принесъ покаяніе въ заблужденіи и получилъ прощеніе. Но послѣ этого Исаія уже не возвратился на Кипръ. Его преемникомъ былъ избранъ Неофитъ. Это обстоятельство послужило новымъ поводомъ для столкновенія между греками и латинянами, такъ какъ Неофитъ не хотѣлъ подчиниться латинскому архіепископу. Къ тому же папа Гонарій III, узнавъ объ избраніи Неофита, былъ этимъ недоволенъ, а въ отвѣтъ на просьбу кипрскаго короля Генриха I Толстого (1219—1253 г.) разрѣшилъ грекамъ, во избѣжаніе смутъ и междоусобій, поставлять себѣ епископовъ безъ подчиненія ихъ римской каѳедрѣ, писалъ королю, что такое разрѣшеніе было бы нечестіемъ, которое уже осуждено латеранскимъ соборомъ, такъ какъ чудовищно имѣть двухъ епископовъ въ одной церкви съ одинаковыми правами и титуломъ; посему греческій епископъ и клирики Кипра должны безусловно повиноваться латинской іерархіи, которой они подчинены, и обязаны, какъ дѣти послушанія, во всемъ сообразоваться съ своею матерью церковію римской. Воля папы нашла усерднаго исполнителя въ лицѣ кардинала Пелагія. Греческій архіепископъ Неофитъ,—послѣ того какъ отказался признать подъ собою власть папы,—былъ изгнанъ съ о. Кипра, вмѣстѣ со многими греческими клириками, которые остались ему вѣрны. Вмѣстѣ съ тѣмъ было объявлено (14 сент. 1222 г.), что на островѣ, вмѣсто прежнихъ 14 епископій греческихъ, остаются только четыре—въ Никосіи, Пафѣ, Фамагустѣ и Лемиссосѣ, епископы которыхъ должны были чрезъ подаяніе руки (διὰ τῆς χειραφίας) выразить свои вассальныя отношенія къ латинскому архіепископу и дать обязательство въ подчиненіи ему; архіепископъ латинскій получалъ право суда надъ ними и избиранія ихъ преемниковъ. Для бóльшаго униженія греческихъ архіереевъ предъ латинскими, имъ запрещено было жить въ своихъ каѳедральныхъ городахъ, а резиденціи ихъ были назначены въ городкахъ Соли, Арсиноѣ, Карпасіи и Леѳкарѣ. Латинскимъ епископамъ должны были подчиняться secundum Deum et statuta canonum и греческіе игумены, равно отъ нихъ зависѣло опредѣленіе штата иноковъ греческихъ монастырей. Словомъ, греческое духовенство обязано было подчиняться римской церкви, латинскому архіепископу и епископамъ, согласно обычаю іерусалимскаго королевства.

Разумѣется, греки никогда не могли примириться съ такими притязаніями латинянъ, считали оскорбительнымъ и унизительнымъ для себя подчиняться „латинской ереси“, которая давно уже сдѣлалась предметомъ страстной ненависти всего православнаго міра. И вотъ, киприне вступили въ новую борьбу со своими духовными поработителями. Не разсчитывая на свои силы, они обратились за помощію къ византійскому патріарху Герману II (1222 — 1240 г.), имѣвшему свою резиденцію въ Никеѣ. Сюда были отправлены въ качествѣ депутатовъ отъ населенія, епископъ Соли и Леонтій игуменъ монастыря Апсинѳіонъ Леонтій, которые и описали патріарху тяжелое положеніе кипрской церкви и народа. Въ тоже время и архіепископъ Неофитъ оповѣстилъ патріарха о своемъ вынужденномъ удаленіи съ острова и просилъ защиты. Посланные предстали предъ синодомъ византійской церкви и сообщили, что латиняне требуютъ отъ нихъ вассальнаго обязательства (διὰ χειραφίας) въ подчиненіи, усвояютъ себѣ право назначать православныхъ епископовъ, игуменовъ и клириковъ, отъ которыхъ и берутъ за поставленіе деньги, предоставили латинскому архіепископу право суда по аппелляціи по дѣламъ православныхъ клириковъ и мірянъ. Синодъ, обсудивъ критическое положеніе кипрской церкви, рекомендовалъ мѣстному духовенству и народу принять требованіе латинянъ, пока не

минуетъ опасность. Въ то время, когда византійскій патріархъ и синодъ еще совѣщались по кипрскому дѣлу, въ Никею прибыли многія другія жертвы латинскаго гоненія—клирики, монахи и міряне, которые, узнавъ о совѣщаніяхъ синода, явились въ патріархію и въ пламенныхъ рѣчахъ разсказали обо всемъ, что они испытали отъ латинянъ.—„Да просвятится свѣтъ вашъ предъ человѣки,—говорили они,—не только посредствомъ дѣлъ, но и посредствомъ словъ, и пусть для вашего знанія не будетъ ничего темнаго и неяснаго. Мы хорошо узнали латинскую хитрость изъ того, что мы претерпѣли. Мы уже довольно съ ними сталкивались, перенесли большое испытаніе, подвергаясь заключеніямъ, изгнаніямъ изъ отечества, оскорбленіямъ—это остриженіе бороды—и разнообразнымъ злодѣяніямъ. Латиняне одно говорятъ, а другое держатъ въ умѣ. Они требуютъ, чтобы мы клали свои руки въ ихъ руки и всюду утверждаютъ, что это не имѣетъ значенія и послѣдствій, а между тѣмъ это означаетъ не иное что, какъ измѣну отцепреданной вѣрѣ и подчиненіе ихъ церкви со всѣми измышленіями древняго Рима. Постоянно занимаясь военными дѣйствіями, будучи всѣ—какъ свѣтскіе, такъ и духовные—воинственными и хорошо зная военные обычаи, они подачу руки считаютъ знакомъ пораженія и совершеннаго рабства, какъ обыкновенно и дѣлаютъ плѣнники на войнѣ. Итакъ, просимъ васъ ясно опредѣлить, чтобы кипряне не давали рукъ своихъ итальянцамъ [1]), ибо если такъ не будетъ, то явная представится опасность паденія зданія, воздвигнутаго предшествующими архіереями посредствомъ многихъ и усиленныхъ трудовъ“. Это непредвидѣнное вмѣшательство и пламенныя рѣчи жертвъ латинскаго насилія заставили патріарха Германа и синодъ измѣнить свое первоначальное рѣшеніе. Поэтому патріархъ въ посланіи на Кипръ въ 1223 г. писалъ, чтобы они до мученичества оставались вѣрны отеческому ученію, отвергли подчиненіе латинскимъ епископамъ и въ крайнемъ лишь случаѣ соглашались на ихъ денежныя требованія. Въ другомъ синодальномъ посланіи на Кипръ (1229 г.) патріархъ, указавъ на разности между латинскою и греческою церквами, Богомъ заклиналъ православныхъ грековъ и сирійцевъ быть мужественными, избѣгать всякаго общенія съ тѣми, кто по страху, или въ силу матеріальныхъ разсчетовъ отрекся отъ вѣры отцовъ, за исключеніемъ случаевъ искренняго раскаянія измѣнниковъ въ своей ошибкѣ. Между тѣмъ преслѣдованія православныхъ на Кипрѣ не прекращались; патріархъ Германъ, узнавъ объ этомъ и желая хотя бы чѣмъ-нибудь защитить вѣрное стадо отъ грозившей ему отъ латинянъ опасности, призналъ за лучшее обратиться съ посланіями къ римскому папѣ Григорію IX и кардиналамъ (1231 г.). Въ посланіи къ папѣ патріархъ указалъ на бѣдствія, которымъ кипрская церковь подвергается со стороны латинянъ за свои съ ними разности въ вопросахъ вѣры. Существуетъ,—писалъ патріархъ, — пять патріарховъ съ опредѣленными для каждаго границами, установленными издревле и для всѣхъ обязательными. Между тѣмъ въ послѣднее время среди нихъ возникла схизма, начало которой положила дерзновенная церковная рука, ищущая преобладанія и господства въ церкви. Глава церкви есть Христосъ, всякое же домогательство со стороны папы главенства въ церкви противно Его ученію. Оно именно привело къ разногласію даже въ догматахъ, къ упраздненію каноновъ, къ измѣненію отцепреданныхъ обычаевъ, и вотъ между церквами выросло средостѣніе, которое и раскололо ее на двѣ половины, уничтожило миръ и согласіе, вызвало войну противъ грековъ и ненависть противъ всего греческаго, до богослужебнаго греческаго языка включительно. Дѣло дошло и до открытаго гоненія латинянами грековъ на Кипрѣ, гдѣ вновь возродилось мученичество за вѣру и опять не стало мира и единодушія, какъ сообщили патріарху кипрскіе бѣглецы, просившіе у него помощи и защиты противъ жестокихъ гонителей. Хорошо-ли это, свя-

[1]) Эта просьба имѣетъ такой смыслъ. Какъ рыцари и вассалы давали присягу на вѣрность своимъ сюзеренамъ тѣмъ, что, ставъ на одно колѣно, клали свои руки въ ихъ руки и произносили клятву, такъ и латинскіе архіепископъ и епископы на Кипрѣ обязывали православныхъ грековъ къ вассальной отъ нихъ зависимости посредствомъ акта подачи руки (διὰ χειραφίας).

тѣйшій папа, преемникъ Апостола Петра? Объ этомъ ли долженъ возвѣщать ученикъ кроткаго и смиреннаго сердцемъ Христа?— Вѣдь каждый получитъ по дѣламъ своимъ. Правда, римская церковь признаетъ себя правою. Но для того, чтобы съ увѣренностію говорить это, необходимо взглянуть въ зеркало и сопоставить образъ съ дѣйствительностью. Мы, греки, имѣемъ многія, великія и ясныя зеркала въ Евангеліи Христовомъ, посланіяхъ апостольскихъ и писаніяхъ мужей апостольскихъ, которыя и доказываютъ нашу вѣрность вселенской истинѣ. Будемъ молиться, чтобы Господь послалъ всѣмъ намъ Ангела мира. Такимъ образомъ, патріархъ Германъ указалъ причину латинскихъ гоненій на Кипрѣ въ вѣроисповѣдномъ антагонизмѣ и непосредственно самому папѣ далъ понять, что система папскаго главенства въ церкви представляетъ явленіе антихристіанское, съ которымъ никакъ не можетъ примириться церковь православная. Въ посланіи къ кардиналамъ по дѣламъ кипрской церкви патріархъ отмѣчаетъ, что гоненія латинянъ на Кипрѣ обусловливаются ихъ тиранніей и жестокостію, склонностію къ угнетеніямъ и вымогательству со стороны римской церкви, которая изъ матери сдѣлалась мачихою,— любовію латинянъ къ собиранію и увеличенію земныхъ владѣній, золота и серебра. Патріархъ смиренно проситъ кардиналовъ умѣрить несправедливый свой гнѣвъ противъ грековъ на Кипрѣ, а по вопросу о догматическихъ разностяхъ предлагаетъ устроить новое совѣщаніе, въ интересахъ заблуждающейся римской церкви. Римскій папа Григорій IX прислалъ патріарху Герману два отвѣта. Въ одномъ изъ нихъ, написанномъ на латинскомъ языкѣ (1232 г.), онъ распространяется о главенствѣ папы въ церкви и прямо говоритъ, что причиною гоненій греческой церкви на Кипрѣ служитъ ея отдѣленіе отъ церкви римской, а во второмъ отвѣтѣ, написанномъ погречески, Григорій, „рабъ рабовъ Божіихъ", старается доказать на основаніи Евангелія и твореній отцовъ право римской церкви владѣть двумя мечами—духовнымъ и мірскимъ, и требуетъ подчиненія Риму схизматической греческой церкви; одновременно въ Никею были посланы папою четыре латинскихъ монаха для переговоровъ объ уніи.

Послѣ этого преслѣдованія кипрянъ латинянами на нѣкоторое время прекратились, такъ какъ инициаторъ ихъ, кардиналъ Пелагій, оставилъ островъ, а свѣтскіе его правители, занятые междоусобною борьбой, не имѣли ни времени, ни возможности исполнить опредѣленія грознаго папскаго легата относительно греческаго духовенства. Но въ 1240 г. у грековъ опять произошло столкновеніе съ латинянами. Въ этомъ году латинскій архіепископъ Евсторгій, исполняя приказъ папы Григорія IX, сталъ требовать отъ греческихъ епископовъ полнаго себѣ подчиненія, а вмѣстѣ съ тѣмъ побуждалъ ихъ запрещать въ священнослуженіи всѣхъ клириковъ, которые открыто не присягнутъ на вѣрность и покорность римскому папѣ и не осудятъ всѣ догматическія и обрядовыя разности церкви восточной сравнительно съ западною. Насилія латинянъ были такъ невыносимы, что многіе клирики и монахи, во главѣ съ своими епископами, рѣшили покинуть родной островъ и, захвативъ священные предметы, удалились въ киликійскую Арменію. Но латиняне этого и добивались. По распоряженію папы Григорія IX, они поспѣшили завладѣть оставленными греками храмами и монастырями съ имуществомъ, при чемъ гражданская власть острова содѣйствовала имъ въ захватѣ чужого достоянія. При римскомъ папѣ Иннокентіи IV (1243—1254 г.) греки сдѣлали попытку возвратить себѣ церковныя привилегіи, которыми они пользовались въ древности. Особенно они хлопотали предъ папою о возстановленіи на островѣ 14-ти греческихъ епархій, бывшихъ здѣсь до латинскаго господства, объ освобожденіи ихъ отъ подчиненія латинскому клиру и о независимости въ области церковно-религіозныхъ отношеній. Но всѣ ходатайства грековъ имѣли мало успѣха, хотя имъ попрежнему было дозволено имѣть своего архіепископа. Однако положеніе послѣдняго было очень тяжелое, такъ какъ латинскій архіепископъ острова желалъ во всемъ и всюду главенствовать. Въ 1248 году греческій архіепископъ Исаія, не вынося притязаній латинскаго архіепископа, удалился въ Никею, гдѣ и былъ благосклонно принятъ патріархомъ Мануиломъ. Но на Кипрѣ отсутствіе православнаго архіепископа имѣло неблагопріятныя послѣдствія: греки были

объявлены еретиками, ихъ церкви были закрыты, народъ подвергался гоненіямъ. Положеніе церковныхъ дѣлъ нѣсколько улучшилось послѣ возвращенія Исаіи на островъ въ 1249 году, при чемъ со стороны папы Иннокентія IV послѣдовало распоряженіе объ отмѣнѣ сильныхъ мѣръ латинскаго архіепископа противъ грековъ. Воспользовавшись послѣднимъ обстоятельствомъ, греки опять стали ходатайствовать предъ папой о возстановленіи на островѣ 14-ти православныхъ епархій, но получили лишь разрѣшеніе избрать новаго архіепископа (1250 г.). Впрочемъ, и это скромное проявленіе папскаго благоволенія къ грекамъ вызвало сильное противодѣйствіе латинскаго архіепископа въ Левкосіи Гуго Fagiano ревностнаго и страстнаго папскаго клеврета, поставившаго себѣ цѣлію обратить всѣхъ грековъ острова въ католицизмъ. Главное препятствіе въ осуществленіи своего плана латинскій архіепископъ встрѣтилъ въ лицѣ вновь избраннаго греческаго архіепископа Германа, достойнѣйшаго во всѣхъ отношеніяхъ мужа, всѣми уважаемаго за свое благоразуміе и добродѣтели. И вотъ Гуго объявилъ жестокую войну Герману, а также современному королю Генриху I, который не раздѣлялъ неразумныхъ претензій латинскаго архіепископа. Гуго добивался низложенія Германа, но, потерявъ надежду на достиженіе этой цѣли и вообще разочаровавшись въ возможности подчинить греческое духовенство и народъ папской власти, наложилъ на весь островъ интердиктъ (1251 г.) и удалился въ Тоскану. Въ 1253 г., по смерти короля Генриха I, Гуго опять прибылъ на Кипръ и еще сильнѣе напалъ на несчастнаго греческаго архіепископа Германа, подвергалъ его гоненіямъ, требовалъ отъ него отчета въ управленіи, вызывалъ къ себѣ на судъ для оправданія въ несправедливо взводимыхъ на Германа обвиненіяхъ и т. п. Германъ, видя, что его жизнь на островѣ совершенно невыносима, рѣшилъ отправиться въ Римъ съ жалобою къ папѣ на латинскаго архіепископа и съ просьбою защитить его отъ притѣсненій Гуго. Послѣдній, узнавъ объ этомъ, подвергъ Германа отлученію и поспѣшилъ отправить въ Римъ своихъ делегатовъ для оправданія себя отъ обвиненій греческаго архіепископа. Въ своемъ оправданіи предъ папой Гуго указывалъ на то, что еще папа Целестинъ III (1191—1198 г.) издалъ приказъ объ изгнаніи съ Кипра греческихъ епископовъ и объ учрежденіи здѣсь четырехъ латинскихъ архіепископій, а впослѣдствіи папскій легатъ Пелагій сдѣлалъ уступку грекамъ и опредѣлилъ, чтобы на островѣ оставались четыре греческихъ епископа, но съ обязательствомъ для нихъ подчиняться латинскому архіепископу; отсюда Гуго замѣчалъ, что въ Левкосіи, гдѣ онъ жилъ, не долженъ находиться другой архіепископъ. Въ Римѣ было произведено формальное разслѣдованіе дѣла, а потомъ устроенъ былъ и судъ. Но дѣло велось въ высшей степени пристрастно, несправедливо и медленно. Германъ и его клирики очень бѣдствовали въ Римѣ и умоляли скорѣе удовлетворить ихъ просьбу о возстановленіи правъ греческой церкви на Кипрѣ. Наконецъ, послѣ многихъ и долгихъ ходатайствъ грековъ, дѣло о столкновеніи Германа съ латинскимъ архіепископомъ было окончено, но далеко не въ пользу греческой церкви. 3 іюля 1260 года папа Александръ IV издалъ свою знаменитую буллу о кипрской церкви, которая и примѣнялась латинянами вплоть до конца ихъ господства на островѣ. Булла утвердила полное подчиненіе греческой церкви латинскому архіепископу въ Левкосіи. Всѣ церковныя имущества на островѣ признавались,—въ силу этой буллы,—неотъемлемою собственностью латинскаго клира. На островѣ были признаны только четыре греческіе епископа, каѳедры которыхъ, къ томуже, были пересены изъ городовъ въ бѣдныя и незначительныя села острова; такъ, епископъ Левкосіи былъ перемѣщенъ въ село Солонъ и сталъ титуловаться по имени этого села; епископъ Пафа былъ переселенъ въ Арсиною, Аммохоста въ Ризокарпосъ и Немиса въ Левкару около Амаѳунта и также стали именоваться по названію своихъ резиденцій. Латинскій архіепископъ Левкосіи одинъ только признавался въ этомъ званіи и имѣлъ въ подчиненіи у себя и четырехъ греческихъ епископовъ, каждый изъ которыхъ, въ тоже время, подчинялся и латинскому епископу своей каѳедры; латинскіе же епископы, въ свою очередь, пользовались правомъ предстоятельства и въ греческихъ епархіяхъ. Избранный греческимъ

клиромъ епископъ предварительно долженъ былъ получить утвержденіе со стороны кипрскаго короля, а затѣмъ являлся къ латинскому архіепископу и обязанъ былъ принести предъ нимъ присягу въ вѣрности и повиновеніи, послѣ чего и возводился въ епископское достоинство. Клятва же давалась въ такой редакціи: „Я, епископъ... города..., съ этого часа и впредь подчиняюсь престолу латинской церкви, исповѣдуя папу святымъ и подчиняюсь господину моему... архіепископу Левкосіи и его преемникамъ, канонически поставленнымъ. Святѣйшаго папу римской церкви, святительство латинянъ въ Левкосіи и всѣ ихъ каноны постараюсь защищать со всей силой и помогать при сохраненій моего чина (salvo ordine meo); и какъ я стану помогать, такъ да поможетъ мнѣ Богъ и святое Евангеліе". Текстъ этой присяги былъ внесенъ и въ упомянутую буллу папы Александра IV, а каждый греческій кандидатъ епископства послѣ ея произнесенія обязанъ былъ и подписать ея текстъ. Кромѣ того, каждый греческій кандидатъ архіерейства давалъ латинскому епископу своей епархіи и другія частныя обѣщанія и клятвы. Латинскій епископъ устраивалъ для этой цѣли особое засѣданіе духовныхъ лицъ, на которое приглашался и греческій кандидатъ. Сидя среди латинскихъ клириковъ, латинскій епископъ спрашивалъ стоявшаго передъ нимъ греческаго клирика, кандидата на епископскую каѳедру: „подчиняется ли онъ церкви римской"?—„Да, господинъ мой святый,—ради это я и предстою здѣсь". Потомъ, послѣ небольшого молчанія, слѣдовалъ другой вопросъ: „исповѣдуешь ли ты римскаго папу святымъ и святую римскую церковь православною и каѳолическою церковію"? Греческій клирикъ исповѣдывалъ и это. Затѣмъ латинскій епископъ опять спрашивалъ: „Дѣйствительно ли ты обѣщаешься быть впредь вѣрнымъ латинскому епископу Левкосіи во всемъ, признавать его во всѣхъ дѣлахъ и чтить, какъ своего митрополита, и кромѣ того, когда будешь позванъ на соборъ, безпрепятственно являться, а если не исполнишь, то подлежишь наказанію? Когда же прибудетъ отъ папы легатъ, то обѣщаешься ли въ моментъ его прибытія почтить его литаніею и выйдешь для встрѣчи его самъ и всѣ подчиненные тебѣ? Обѣщаешься ли сопутствовать ему и содѣйствовать по возможности во всемъ, чтобы ему угодно ни было, какъ поступали и твои предшественники? Пусть все это будетъ на тебя возложено и ты обѣщайся передъ лицомъ всѣхъ неизмѣнно исполнять.

Въ удостовѣреніе же своихъ словъ и дѣлъ, протяни руку свою и положи на лежащее предъ тобою святое Евангеліе и поклянись, что во всю жизнь свою самъ и подчиненные твои станете соблюдать то, что теперь устно и письменно въ твоемъ присутствіи здѣсь было возвѣщено". По окончаніи присяги, совершался обрядъ возведенія: греческій кандидатъ епископства склонялъ голову предъ латинскимъ епископомъ, а этотъ, положивъ на нее книгу, читалъ относящуюся къ обряду молитву, при чемъ латинскій клиръ пѣлъ: „Слава въ вышнихъ Богу". По окончаніи молитвы, греческій клирикъ кланялся латинскому епископу, цѣловалъ его руку и уста, а епископъ благословлялъ его; потомъ два латинскіе священника сопровождали его вплоть до епископіи и передавали ему церковь, предстоятелемъ которой онъ назначался; они отпирали двери этой церкви и, обратившись къ греческому нареченному епископу, говорили: „Прими эту церковь, которую тебѣ, нареченный епископъ, вручаетъ чрезъ насъ епископъ латинскій". Такъ совершалось возведеніе всѣхъ православныхъ епископовъ Кипра.

Кромѣ того,—по предписанію буллы папы Александра IV,—епископы грековъ и ихъ клирики въ торжественные дни обязаны были являться въ латинскія епископіи для участія въ богослуженіи, при чемъ греческій протоіерей во время литургіи читалъ апостолъ, а греческій епископъ читалъ Евангеліе, обращаясь предварительно къ латинскому епископу съ возгласомъ—„Благослови, владыко, благовѣстителя" и цѣловалъ его руку. Греческіе епископы приглашались для выноса умершихъ латинянъ, а равно для совершенія заупокойныхъ богослуженій; греческіе клирики участвовали въ латинскихъ церковныхъ торжествахъ, получая вознагражденіе наравнѣ съ клириками латинянъ. Далѣе, православные епископы обязаны были являться на соборы, которые время отъ времени устраивались сосѣдними латинскими епископами, а на соборъ, созываемый ла-

тинскимъ архіепископомъ Левкосіи, должны были пріѣзжать греческіе епископы и клирики со всего острова. Греческимъ архіереямъ было предоставлено полное право судить православныхъ мірянъ, но всѣ судебные процессы смѣшаннаго состава, т. е. возникавшіе между православными и латинянами, подлежали вѣдѣнію латинскихъ епископовъ. Наконецъ, несчастному греческому архіепископу Герману папа Александръ IV даровалъ своею буллой небольшую милость, позволивъ ему пользоваться именемъ и честію архіепископа до самой смерти и жить при церкви Ап. Варнавы въ Никосіи. Однако, эта пожизненная привилегія греческаго архіепископа вызвала горячій протестъ со стороны честолюбиваго латинскаго архіепископа Гуго, для котораго пребываніе въ Никосіи греческаго архіепископа было невыносимо и служило причиною постояннаго недовольства. Не добившись отмѣны этой привилегіи, Гуго въ гнѣвѣ принесъ отреченіе отъ каѳедры, удалился въ Тоскану и основалъ здѣсь свой монастырь, назвавши его Левкосіей.

Булла папы Александра IV опредѣлила отношеніе греческой іерархіи къ латинской на триста лѣтъ впередъ, вплоть до завоеванія Кипра турками, и принесла большой вредъ православной церкви. Автокефальная кипрская церковь потеряла свою независимость и была совершенно порабощена пришлою латинскою іерархіею. Латиняне заняли господствующее положеніе на Кипрѣ и высокомѣрно относились къ греческому духовенству и народу. Преемникъ Гуго, латинскій архіепископъ Левкосіи Рафаилъ, въ своемъ воззваніи къ жителямъ Кипра, называлъ латинянъ истинными пастырями острова, греки же съ его точки зрѣнія были только терпимы здѣсь. На островѣ усилились гоненія противъ православныхъ, спасеніе отъ которыхъ они находили лишь въ измѣнѣ вѣрѣ отцовъ. И, несомнѣнно, среди грековъ таковые были. Вмѣстѣ съ тѣмъ на островѣ развивались страшная вражда и ненависть грековъ не только противъ своихъ поработителей, которые посягали на лучшее ихъ достояніе—православную вѣру, но и противъ ренегатовъ, измѣнившихъ вѣрѣ отцовъ. Латинскій архіепископъ острова Рафаилъ былъ не въ силахъ защитить ихъ отъ гнѣва и возмездія со стороны бывшихъ единовѣрцевъ и обратился къ королю Гуго II за помощію. Не ограничившись этимъ, онъ просилъ и папу Урбана IV оказать ему содѣйствіе, объявивъ, что если король Кипра не будетъ рѣвностнымъ его сотрудникомъ въ благоустроеніи острова въ церковномъ отношеніи, то онъ не въ силахъ будетъ обезпечить здѣсь интересы латинской церкви. Папа Урбанъ IV въ письмѣ къ Гуго Антіохійскому (1263 г.) обвинялъ грековъ въ непризнаніи папскаго главенства и приматства римской церкви, осуждалъ за то, что они враждебно относились къ клирикамъ и мірянамъ, измѣнившимъ православію, и горячо призывалъ короля принять строгія мѣры противъ схизматиковъ — подданныхъ его, „рѣшившихся съ большимъ безстыдствомъ причинять зло вѣрнымъ чадамъ латинской церкви и презирающихъ эту церковь“. А каково фактически было положеніе православія на Кипрѣ, можно видѣть, напр., изъ церковныхъ торжествъ, совершавшихся здѣсь въ большіе праздники латинской церкви. Въ эти дни устраивались религіозныя процессіи, для возвеличенія латинской церкви. Въ процессіяхъ обыкновенно несли впереди крестъ православныхъ, за которымъ шло духовенство съ иконою Богоматери и масса народа, преимущественно женщинъ. Далѣе слѣдовали латинскіе монахи, а за ними шли аббисины, несторіане, яковиты, марониты, копты и армяне, при чемъ клирики всѣхъ этихъ участниковъ торжества были облачены въ праздничныя священныя одежды; наконецъ, величественно шествовалъ латинскій архіепископъ, въ сопровожденіи своего клира. Шествіе замыкалось представителями гражданской власти и войска. Вообще, латиняне самымъ торжественнымъ образомъ обставляли свои религіозныя процессіи и принуждали участвовать въ нихъ и грековъ съ ихъ святынями, а греческія церковныя торжества латинянами совершенно игнорировались и даже вызывали съ ихъ стороны всякія противодѣйствія. Но, разумѣется, греки участвовали въ латинскихъ церковно-религіозныхъ процессіяхъ не добровольно, а по принужденію.

Не смотря на тяжелыя внѣшнія условія, греческое духовенство и народъ Кипра энергично защищали свои вѣрованія и не безъ борьбы уступали латинянамъ свои

привилегіи. Время шло, а между тѣмъ римская церковь съ величайшимъ прискорбіемъ убѣждалась, что подчиненный вѣрнымъ ея чадамъ островъ Кипръ весьма медленно воспринимаетъ латинскую вѣру и весьма неохотно отказывается отъ вѣры православной. Были факты и открытаго сопротивленія латинянамъ. Такъ, въ 1313 г. въ Никосіи папскій легатъ, архіепископъ Петръ, вынужденъ былъ спасаться бѣгствомъ отъ греческаго народа, возмущеннаго мѣрами прозелитизма, предпринятыми этимъ слугою Рима. Въ октябрѣ 1326 г. папа Іоаннъ XXII, недовольный противодѣйствіемъ грековъ распространенію „латинской ереси“ на островѣ, убѣждалъ іерусалимскаго латинскаго патріарха Раймунда съ корнемъ вырвать православіе на островѣ, но всѣ его побужденія оказались тщетными. И вотъ, напрасно истративъ много бумаги и чернилъ, римская церковь рѣшила опять прибѣгнуть къ опасному эксперименту легата Пелагія, состоявшему въ насильственной латинизаціи православнаго населенія Кипра. Исполненіе этого рискованнаго предпріятія было возложено на французскаго кармелита Петра Θому, папскаго легата на Востокѣ, о ревности и рѣшительности котораго Римъ имѣлъ самыя достовѣрныя свидѣтельства. Этотъ Θома былъ извѣстенъ на Востокѣ тѣмъ, что въ 1356 г. былъ отправленъ папою Иннокентіемъ IV въ Византію къ императору Іоанну Палеологу для переговоровъ объ уніи между восточною и западною церквами; послѣ этого онъ былъ назначенъ епископомъ Короны и, оказавъ здѣсь латинской церкви большія услуги, былъ въ 1359 г. назначенъ легатомъ апостольской церкви и общимъ экзархомъ для всего Востока, съ правами абсолютной власти, а вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ для ближайшаго завѣдыванія и надзора латинскія восточныя епархіи на Кипрѣ и Критѣ, въ Смирнѣ, Аѳинахъ, Θивахъ, Коринѳѣ, Керкирѣ, на о. Наксосѣ, въ Диррахіи, Навпактѣ и Новыхъ Патрахъ. По свидѣтельству многихъ біографовъ Θомы, онъ съ ревностію, достойною самой высокой похвалы, исполнялъ свои высшія обязанности, постоянно странствовалъ изъ одного, подчиненнаго ему города въ другой, назидалъ и благоустроялъ вѣрующихъ латинянъ, обращалъ въ латинство „схизматиковъ“—грековъ, подвергаясь иногда опасности за свою жизнь со стороны невѣрныхъ. Этого выдающагося представителя латинской церкви на Востокѣ и рѣшено было отправить на Кипръ для насильственной латинизаціи грековъ, въ которой онъ уже былъ испытаннымъ дѣятелемъ. И обстоятельства благопріятствовали такой миссіи Θомы. На Кипрѣ провозглашенъ былъ новый король Петръ I, который самъ пригласилъ папскаго легата Θому для вѣнчанія его на царство. Послѣ совершенія этого чина, Θома совмѣстно съ королемъ составили и планъ насильственнаго обращенія грековъ въ латинство. Въ сопровожденіи многочисленнаго клира, Θома отправился въ храмъ Святой Софіи въ Никосіи, куда подъ какимъ-то предлогомъ пригласилъ греческихъ епископовъ и священниковъ. Послѣдніе, не подозрѣвая ничего дурного, явились въ храмъ. И вотъ, какъ только греки вошли сюда, немедленно были закрыты всѣ двери храма, и находчивый папскій легатъ и его послушные подчиненные стали силою обращать ихъ въ латинство. Поднялся шумъ, раздались крики. Греческій народъ, также пришедшій изъ любопытства къ храму, когда услышалъ крики своихъ епископовъ и священниковъ, бросился на помощь къ нимъ, справедливо полагая, что имъ грозитъ опасность. Но такъ какъ всѣ ходы были закрыты, то народъ сталъ ломать двери. Нѣкоторые поспѣшили положить даже огонь. Предвидѣлось большое несчастіе. Король, узнавъ о смятеніи въ городѣ, послалъ къ храму Святой Софіи своего брата съ другими придворными чинами и съ войсками, которые отворили двери, освободили православныхъ епископовъ и клириковъ и передали ихъ грекамъ. Подъ охраною солдатъ Θома вышелъ изъ церкви и былъ отведенъ въ королевскій дворецъ. Потерпѣвъ неудачу въ насильственной латинизаціи грековъ на Кипрѣ, папскій легатъ вскорѣ уѣхалъ отсюда въ Корону. Латиняне торжественно прославляютъ кипрское дѣяніе Θомы, а греки считаютъ его позорнымъ—тѣмъ болѣе, что Θома требовалъ отъ короля наказать „схизматиковъ“ за противодѣйствіе ихъ насильственному обращенію въ латинство, въ чемъ онъ усматривалъ оскорбленіе римской церкви. Но примѣчательное дѣло: вмѣстѣ съ отъѣздомъ изъ Кипра легата Θомы и съ прекращеніемъ насилія надъ

греками, взаимныя ихъ отношенія съ латинянами постепенно стали улучшаться, борьба мало-по-малу стала прекращаться, взаимная ненависть исчезать... Греки, жившіе до послѣдняго времени въ рабскомъ состояніи, стали получать нѣкоторыя должности, священники и епископы греческіе братски совѣщаются съ свѣтскими должностными лицами о лучшемъ устройствѣ церковныхъ дѣлъ и пользуются ихъ содѣйствіями въ обезпеченіи церковныхъ интересовъ. Латиняне, особенно женщины, стали посѣщать греческія церкви, а латинская знать, слѣдуя греческому обычаю, стала устраивать вѣнчанія и крещенія въ домахъ, а не въ храмахъ. Папа Урбанъ V въ посланіи къ архіепископу Раймунду (отъ 29 мая 1368 г.) обличалъ латинянъ за симпатіи къ грекамъ, за снисходительность въ вопросахъ вѣры и убѣждалъ архіепископа принять мѣры противъ утвердившихся злоупотребленій. Общеніе грековъ съ латинянами in divinis допускалось,—по смыслу постановленія архіепископа Филиппа (1350 г.), — лишь въ случаяхъ необходимости. Но, не смотря на письменныя преграды и запрещенія папъ и ихъ сподвижниковъ, греческое вліяніе на островѣ постепенно стало развиваться, какъ только ослабѣли насильственные пріемы латинизаціи, а факты общенія и мирныхъ отношеній между греками и латинянами стали умножаться. Удивительнѣе же всего то, что въ представленіи кипрскаго народа лузиньянская династія стала пріобрѣтать народный характеръ, особенно послѣ того, какъ король Петръ I женился на Маргаритѣ, происходившей изъ лузиньянскаго дома и бывшей въ первый разъ въ замужествѣ за пелопонесскимъ деспотомъ Мануиломъ Кантакузиномъ; когда она прибыла на Кипръ, греки стали называть ее Βασιλίσσα (царица).

Послѣ того какъ на Кипрѣ водворились латиняне и подчинили себѣ православную церковь, послѣдняя, вслѣдствіи крайне неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій, вынуждена была порвать свои сношенія съ остальными православными церквами Востока, при чемъ кипрскіе православные архіепископы, по винѣ латинянъ, лишены были возможности посылать восточнымъ патріархамъ свои мирныя и общительныя грамоты, сообщать имъ о правахъ своей церкви и просить братскаго ихъ содѣйствія и помощи въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Въ свою очередь, восточные патріархи не всегда имѣли возможность доводить до свѣдѣнія предстоятеля православной кипрской церкви о состоявшихся въ патріархатахъ административныхъ перемѣнахъ и о событіяхъ въ нихъ общецерковнаго значенія. Но, не смотря на внѣшнюю обособленность православной кипрской церкви, внутренно она пребывала въ союзѣ со всею православно-восточною каѳолическою церковію, мыслилась и фактически была членомъ этой церкви и не отсѣкалась отъ каноническаго общенія съ автокефальными православными церквами. Кипрская православная церковь, при всѣхъ бѣдствіяхъ и принужденіяхъ со стороны латинянъ, въ точности хранила святую православную вѣру, не воспринимала латинскихъ ересей, внутренно не подчинялась папѣ, признавая главою церкви Господа Іисуса Христа, не поминала папу и на богослуженіяхъ, какъ своего предстоятеля, и вообще, если и допускала какія-либо нововведенія въ области церковнаго управленія и устройства, то дѣлала это по насилію и недобровольно, внутренно ихъ осуждала и ожидала лишь внѣшнихъ благопріятныхъ условій для возстановленія во всей полнотѣ своего прежняго автокефальнаго устройства и самостоятельнаго положенія. Чтоже касается церкви византійской, то въ представленіи ея іерархіи и членовъ кипрская православная церковъ мыслилась и была автокефальною, ортодоксальной, членомъ единой, святой, соборной и апостольской церкви. Знаменитый византійскій канонистъ XII в. Ѳеодоръ Вальсамонъ, хорошо, конечно, знакомый съ общимъ современнымъ состояніемъ кипрской православной церкви, относитъ ее къ числу автокефальныхъ церквей православнаго Востока (см., напр., его толкованіе на 2 пр. II всел. соб.). Никейскій патріархъ Германъ II (XIII в,), когда кипріяне обратились къ нему съ просьбой о помощи въ виду притѣсненій латинянъ, не воспользовался этимъ случаемъ для заявленія своихъ притязаній на самостоятельность кипрской церкви и, въ противоположность римскимъ папамъ, стремившимся къ господству на Кипрѣ и главенству, отстаивалъ, напротивъ, независимость этой церкви отъ латинскихъ домогательствъ и указывалъ на ея древнее автокефальное достоинство. Мат-

ѳей Властарь (XIV в.) въ своей Синтагмѣ также признаетъ кипрскую церковь автокефальною (Ῥάλλης καὶ Ποτλῆς VI, 258). Наконецъ, къ участію въ обсужденіи и оцѣнкѣ вопросовъ общецерковнаго значенія, возникавшихъ въ Византіи, приглашалась и кипрская церковь. Такъ, во время исихастскихъ споровъ, волновавшихъ византійскую церковь (XIV в.), изъ Константинополя отправлялись относительно ихъ посланія не только къ патріархамъ Антіохіи, Александріи и Іерусалима, но и на Кипръ (*Miklosich* et *Müller*, Acta I, 400). Значитъ, нужны были лишь благопріятныя условія для возстановленія нормальныхъ и каноническихъ сношеній кипрской церкви съ остальными восточными церквами, въ интересахъ духовнаго союза и единства.

Такія благопріятныя условія наступили въ началѣ XV вѣка, когда латиняне, потерпѣвъ въ прежнее время рядъ неудачъ въ насильственной латинизаціи православнаго населенія Кипра, ослабѣли въ своей миссіонерской энергіи и даже пошли на нѣкоторыя уступки православнымъ грекамъ, оказавшимъ большую преданность вѣрѣ отцовъ. На этой почвѣ возникли попытки кипрской церкви присоединиться къ церкви константинопольской, съ цѣлію избѣжать дальнѣйшаго латинскаго ига и обезпечить себѣ правильное внутреннее развитіе въ союзѣ съ Византіей. Въ Константинополь было отправлено кипрскою церковію соотвѣтствующее посланіе. Въ 1405 г. по рѣшенію патріарха Матѳея и синода великой Христовой церкви на Кипръ былъ посланъ съ синодальными грамотами извѣстный своимъ образованіемъ, ревностію по вѣрѣ и краснорѣчіемъ монахъ Студійскаго монастыря Іосифъ Вріенній, чтобы онъ лично ознакомился съ положеніемъ кипрской церкви, побесѣдовалъ съ мѣстными епископами объ освобожденіи ихъ отъ латинскаго ига и о средствахъ соединенія кипрской православной церкви съ византійскою. Іосифъ Вріенній прибылъ на островъ и, ознакомившись съ состояніемъ церковныхъ дѣлъ, не нашелъ возможности возбуждать вопросъ о фактической уніи между церквами. Ревностный монахъ былъ недоволенъ тѣмъ, что греки папу именовали святымъ, вынуждались признавать надъ собою и власть латинскихъ епископовъ и имѣли общеніе съ латинянами. Хотя все это дѣлалось греками по принужденію и насилію, безъ всякаго добровольнаго расположенія и желанія, съ византійской точки зрѣнія, создавшейся на основѣ принципа „акривіи каноновъ“, такое отношеніе грековъ къ латинянамъ было ненормальнымъ и исключало возможность общенія кипрянъ съ византійцами.

Черезъ семь лѣтъ, при византійскомъ патріархѣ Евѳиміи II (1410—1416 г.), кипріане вновь возбудили предъ константинопольскою церковію вопросъ о соединеніи. Православные епископы Кипра опять писали великой Христовой церкви, что они обѣщаются все признавать и исполнять, что исповѣдуетъ великая церковь, и ищутъ единенія съ нею въ виду грозящей имъ опасности со стороны церкви латинской. Патріаршій византійскій синодъ, повидимому, былъ склоненъ исполнить эту просьбу и готовъ былъ придти на помощь православнымъ кипрской церкви, но вліятельный и просвѣщенный монахъ Іосифъ Вріенній, оцѣнившій дѣло со своей точки зрѣнія, явился на соборъ, засѣдавшій въ храмѣ Святой Софіи, и произнесъ блестящую рѣчь противъ соединенія, отмѣтивъ, главнымъ образомъ, практическую неосуществимость его. Онъ указалъ на то, что кипрскіе епископы, безспорно, добиваются искренно соединенія съ церковію византійской и готовы будутъ исполнять всѣ обязательства, данныя ими въ интересахъ единенія, но все ихъ несчастіе заключается въ латинскомъ рабствѣ, не столько церковномъ, сколько политическомъ, отъ котораго Византія пока не въ состояніи ихъ освободить; а вмѣстѣ съ этимъ падаетъ и все значеніе данныхъ ими обязательствъ. Такъ, если византійская церковь отправитъ кипрскимъ епископамъ грамоты съ приглашеніемъ на соборъ, то никто изъ нихъ, при всемъ желаніи своемъ, прибыть въ Византію не можетъ, такъ какъ встрѣтитъ въ этомъ полное противодѣйствіе со стороны латинской власти, не только церковной, но и гражданской. Равнымъ образомъ, при всемъ дерзновеніи православныхъ епископовъ Кипра въ исполненіи благочестивыхъ требованій православія, они не могутъ освободиться отъ участія въ латинскихъ богослуженіяхъ, въ совершеніи погребеній, поминовеній и т. д., и византійцы не имѣютъ возможности обезпечить имъ нормальныя условія для свобод-

ной церковной жизни. А принятіе кипрянъ въ общеніе при настоящихъ условіяхъ, когда они по необходимости соблюдають латинскіе обычаи, будетъ равносильно общенію православной церкви съ латинской, что запрещается канонами. Горячее и краснорѣчивое слово Іосифа Вріеннія повліяло на синодъ, —и вопросъ о соединеніи кипрской церкви съ византійскою опять не получилъ практическаго осуществленія. Въ такомъ исходѣ второй уніанальной попытки важное значеніе имѣло тяжкое политическое условіе Византіи, уже находившейся на краю гибели.

Между тѣмъ кипріоты, хотя въ общественной жизни болѣе или менѣе дружили съ латинянами, въ церковно-религіозномъ отношеніи попрежнему стояли далеко отъ нихъ и тяготѣли къ Византіи, не смотря на неудачныя попытки къ церковному единенію между ними. Въ частности, соборъ Флорентійскій (1439 г.), провозгласившій унію между восточною и западною церквами, не измѣнилъ религіозныхъ отношеній грековъ Кипра къ латинянамъ и не сопровождался благими результатами для церковнаго между ними мира. Греки попрежнему чуждались латинянъ, а послѣдніе имѣли много поводовъ не довѣрять искренности немногихъ грековъ, которые по тѣмъ или инымъ причинамъ склонялись на унію. Въ это время православіе на Кипрѣ пользовалось довольно сильнымъ покровительствомъ королевы Елены. Кипрскій король Іоаннъ II, по смерти первой своей супруги, женился въ 1441 г. на гречанкѣ Еленѣ Палеологъ, дочери Θеодора, деспота пелопонесскаго. Греческая королева, отличавшаяся красотою, умомъ и энергіей, съумѣла захватить въ свои руки правительственную власть, такъ какъ ея слабохарактерный мужъ былъ мало способенъ къ управленію и, подъ воздѣйствіемъ жены, издалъ буллу съ провозглашеніемъ ся въ качествѣ своей соправительницы. Во время управленія Елены греческій языкъ, до того времени лишь терпимый на Кипрѣ, признанъ былъ языкомъ оффиціальнымъ и употреблялся при заключеніи международныхъ договоровъ; правительственныя должности одинаково стали предоставляться грекамъ и франкамъ, греческая церковь, освободившись въ значительной степени отъ угнетавшаго ее ига, стала наравнѣ съ латинской пользоваться имуществами, которыхъ она лишилась по беззаконному произволу латинянъ. Не довольствуясь этими льготами для православной церкви, королева Елена рѣшилась ограничить латинскую церковь въ привилегіяхъ, которыя раньше сохранялись во всей строгости и соблюдались съ какимъ-то благоговѣніемъ. По смерти латинскаго архіепископа на Кипрѣ, королева Елена,—вмѣсто того, чтобы ожидать новаго назначенія архіепископа изъ Рима, —отправила къ папѣ посольство съ просьбою утвердить въ званіи кипрскаго архіепископа предложеннаго ею кандидата — православнаго грека. Папа, отвергнувъ это смѣлое предложеніе, назначилъ архіепископомъ кипра Галезіо де Монтоливъ, славившагося умомъ и религіозной ревностію. Но королева Елена не только отказалась принять назначеннаго папой архіепископа, но и приказала схватить папскаго посла и заключить въ тюрьму. Папа, узнавъ о такомъ дѣйствіи королевы Елены, не пожелалъ, какъ говорятъ латинскіе лѣтописцы, возбуждать къ возстанію склонное къ греческой религіи кипрское царство, но приказалъ главному генералу ордена св. Іоанна Іерусалимскаго на Родосѣ отправиться на островъ Кипръ и убѣдить короля Іоанна согласиться на папское постановленіе, въ противномъ же случаѣ грозилъ ему и духовнымъ и мірскимъ мечемъ Рима. Папскій посолъ, воспользовавшись отсутствіемъ королевы Елены изъ Левкосіи, прибылъ на Кипръ съ латинскимъ архіепископомъ и убѣдилъ Іоанна II не противиться Риму. Елена, узнавъ о согласіи своего слабохарактернаго мужа на принятіе папскаго кандидата на архіепископскую каѳедру, поспѣшила возвратиться въ Левкосію, но, не желая обострять отношеній съ Римомъ, должна была принять и признать Галезіо. Однако мира между ними не было, и Галезіо въ 1442 г. долженъ былъ бѣжать отъ преслѣдованій Елены на островъ Родосъ. Видя возрастающее вліяніе на Кипрѣ греческой церкви, римскій престолъ опять вступилъ съ нею въ борьбу. Папа Николай V въ письмѣ къ архіепископу Кипра и легату Востока Андрею (отъ 3 августа 1447 г.) побуждалъ его болѣе ревностно заняться обращеніемъ грековъ въ латинство, пользуясь, въ случаѣ нужды, помощію и гражданской власти. Но пока во главѣ власти стояла королева Елена Палеологъ († 1458 г.), по-

ложеніе православной церкви на Кипрѣ было довольно благополучно. Она оказывала ей всякое покровительство и содѣйствіе, заботилась о матеріальномъ благополучіи, защищала духовенство и народъ отъ оскорбленій и насилій со стороны латинянъ, украшала храмы и монастыри. Между прочимъ, она построила въ Левкосіи монастырь, который и наименовала Манганскимъ, по названію одноименнаго монастыря въ Константинополѣ. Но покровительственная для православныхъ и грековъ дѣятельность королевы Елены создала ей много враговъ, которые и стали возстановлять противъ королевы ея мужа Іоанна. У Елены была единственная дочь Шарлотта, которую отецъ, по интригамъ враговъ царицы, выдалъ замужъ за португальскаго принца—латинянина Іоанна комибрскаго (1456 г.), а спустя нѣкоторое время онъ объявилъ зятя своимъ соправителемъ. Послѣдній, не любя грековъ, сталъ ихъ сильно преслѣдовать, пользуясь помощію и родосскихъ рыцарей, которыхъ онъ пригласилъ на Кипръ. Ему удалось даже вновь предоставить латинскому клиру первенство и снабдить латинскую церковь имуществами, которыя онъ отнялъ у греческихъ храмовъ и монастырей. Королева Елена вынуждена была вступить съ своимъ зятемъ въ борьбу, вслѣдствіе которой Іоаннъ удалился изъ Левкосіи, а вскорѣ и погибъ (1457 г.), по винѣ своихъ сподвижниковъ, родосскихъ рыцарей. По смерти же Елены и ея мужа Іоанна (около 1458 г.), Кипръ сдѣлался ареной политическихъ распрей, такъ какъ изъ среды лузиньянскаго дома явилось нѣсколько претендентовъ на власть. Положеніе православной церкви въ это время было весьма печально, такъ какъ латиняне опять заняли господствующее положеніе и завладѣли всѣми церковными имуществами. Бѣдствія православныхъ продолжались до конца господства на островѣ лузиньянской фамиліи.

Въ 1489 году островъ Кипръ былъ завоеванъ венеціанцами и находился подъ ихъ властью восемьдесятъ лѣтъ (до 1571 г.). Все время господства либеральныхъ венеціанцевъ было сплошнымъ мученіемъ православнаго населенія острова Кипра. Православная церковь была лишена свободы и имущества, греческое духовенство подчинено латинскому, народъ подвергался насильственной латинизаціи. Венеціанцы закрыли школы острова и не позволяли грекамъ учить своихъ дѣтей родному языку. Притѣсненія и тираннія венеціанцевъ, называвшихся христіанами, были такъ велики, что многіе изъ жителей Кипра предпочитали турецкое иго и бѣжали въ Малую Азію, гдѣ утвердились османскіе турки. Киприне сильно желали побѣды туркамъ и надъ венеціанцами, а когда турки овладѣли городами Никосіей и Фамагустой на Кипрѣ, то это событіе сопровождалось большою радостію греческаго населенія, которое разсчитывало на болѣе сносную жизнь подъ владычествомъ мусульманъ.

Такимъ образомъ, четырехвѣковое господство латинянъ на Кипрѣ было весьма тяжелымъ періодомъ въ исторіи мѣстной православной церкви. Самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ этого является страстное желаніе кипрянъ замѣнить иго христіанъ-латинянъ подчиненіемъ игу мусульманъ-турокъ. А когда островъ былъ покоренъ турками (1571 г.), киприне съ радостію привѣтствовали эту политическую перемѣну. И дѣйствительно, почти весь періодъ латинскаго владычества на Кипрѣ прошелъ въ сплошномъ и прогрессивномъ притѣсненіи православныхъ грековъ съ цѣлію насильственнаго обращенія ихъ въ католицизмъ. Даже одно вынужденное подчиненіе греческой іерархіи латинскому архіепископу и внѣшнее общеніе грековъ съ латинянами возбудили на Востокѣ сомнѣнія относительно чистоты православія на Кипрѣ. Особенно тягостно было положеніе тѣхъ православныхъ грековъ острова Кипра, которые совершали путешествіе въ Іерусалимъ для поклоненія Гробу Господню: іерусалимскіе патріархи и члены Святогробскаго братства уклонялись отъ общенія съ ними, какъ съ иномыслящими. А если имѣть въ виду и различныя бѣдствія—матеріальныя и моральныя, въ которыхъ выражалось господство франковъ надъ греками Кипра, то вполнѣ понятнымъ станетъ желаніе послѣднихъ видѣть здѣсь лучше мусульманскую чалму, чѣмъ папскую тіару. Однако и мусульманское господство сопровождалось большими бѣдствіями для православной церкви на Кипрѣ и было также печальнымъ періодомъ въ ея исторіи.

Духовенство и народъ и въ этотъ періодъ страдали и бѣдствовали не меньше, чѣмъ въ предшествующее время.

III. Кипръ былъ завоеванъ турками болѣе чѣмъ через сто лѣтъ послѣ паденія Византіи (1453 г.). Въ 1570 г. султанъ Селимъ II, намѣреваясь нарушить мирный договоръ съ венеціанцами съ тѣмъ, чтобы завоевать принадлежавшій имъ островъ Кипръ, предложилъ шейхъ-уль-исламу такой вопросъ: позволительно-ли нарушить договоръ съ христіанами и посредствомъ оружія завоевать ихъ земли"? На это шейхъ-ульисламъ издалъ такую фетву: „договоръ съ невѣрными только тогда можетъ имѣть законное значеніе, когда онъ приноситъ пользу исламу". Основываясь на такомъ отвѣтѣ верховнаго толкователя закона и правительственнаго юрисконсульта, султанъ Селимъ II отправилъ на Кипръ войско въ 120.000 человѣкъ и произвелъ большое опустошеніе на островѣ. 9 сентября 1570 г. турки овладѣли городомъ Левкосіей, гдѣ истребили до 20.000 взрослыхъ христіанъ, а до 2.000 мальчиковъ и дѣвочекъ посадили на суда, чтобы отправить всѣхъ въ Константинополь. Матери, чтобы избавить своихъ дѣтей отъ предстоящаго имъ позора, сами умерщвляли ихъ на глазахъ турокъ, а потомъ убивали и себя. А одна гречанка, имя которой исторія не сохранила, подожгла турецкую эскадру съ молодыми плѣнниками и, взамѣнъ сераля и гарема, предпочла погибнуть вмѣстѣ со всѣми. Полное истребленіе постигло и христіанъ городовъ Пафа, Лемисса и Ларнакса, гдѣ были разрушены и христіанскіе храмы. 1 августа 1571 г. турецкія войска овладѣли Фамагустой, а населеніе города, вопреки предварительному договору, было или умерщвлено или отправлено въ Константинополь, гдѣ христіанъ продавали на рынкахъ, какъ животныхъ. Такимъ образомъ, въ концѣ 1571 г. весь островъ Кипръ оказался во власти мусульманъ. Города Левкосія и Фамагуста въ византійскую и франкскую эпоху были украшены многими и богатыми зданіями, частными и общественными, монастырями и церквами, число которыхъ въ одной Левкосіи, — по словамъ греческаго автора Филиппа Георгіу,—превышало 250. Все это перешло во владѣніе турокъ, которые большую часть церквей обратили въ мечети, другія сдѣлали складами и даже конюшнями и лишь немногія изъ нихъ сохранили во владѣніи христіанъ. Между прочимъ, въ Левкосіи турки обратили въ мечеть замѣчательный храмъ Святой Софіи, въ которомъ короновались короли лузиньянскаго дома. Таже участь постигла и одноименной храмъ въ Фамагустѣ. И въ другихъ городахъ острова, церкви и монастыри большею частію были или разрушены, или обращены въ мечети, епископы греческіе и клирики были въ громадномъ числѣ умерщвлены, населеніе также подвергалось или избіенію, или изгнанію. Послѣ завоеванія острова населеніе было обложено податями и повинностями. Всего здѣсь оказалось 85.000 мужчинъ и юношей (въ возрастѣ отъ 14 до 50 лѣтъ), которымъ позволено было за небольшую плату пріобрѣтать на островѣ землю и воздѣлывать ее подъ условіемъ внесенія въ пользу казны и властей десятины урожая, при чемъ эта недвижимость переходила по наслѣдству. Населеніе обязано было платить правительству и поголовную подать—хараджъ. Что касается церковной жизни, то и она подъ управленіемъ турокъ получила новую организацію. Когда завоеватель острова Мустафапаша, устроивъ гражданское его управленіе, отправился съ войскомъ въ Константинополь, православные греки, избрали особую комиссію изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ и послали ее къ великому визирю съ просьбою утвердить состоявшееся между греками и Мустафой-пашей соглашеніе по церковнорелигіознымъ дѣламъ. Ихъ просьба была удовлетворена. Въ силу постановленія визиря, православные христіане получили право исполнять уставы и обряды своей вѣры и имѣть свои церкви, пріобрѣли права покупать находившіеся во владѣніи мусульманъ монастыри, дома, поля и другія доходныя имѣнія и передавать ихъ по наслѣдству, признаны первенствующими изъ всѣхъ жителей острова.

Затѣмъ, христіанамъ опять даровано было право имѣть своихъ самостоятельныхъ епископовъ, во главѣ съ архіепископомъ, поселившимся въ Левкосіи; при архіепископѣ надлежало учредить постоянный синодъ съ высшими правами управленія и суда. Словомъ, на первыхъ же порахъ турецкаго господства кипрская церковь опять получила de jure прежнія свои права и приви-

легіи, возстановила свой прежній административный status, какой имѣла до латинскаго владычества и въ формально-правовомъ отношеніи была поставлена сравнительно въ благопріятныя внѣшнія условія. Латинская же церковь потеряла свое недавнее господствующее положеніе. Въ это время, какъ греческіе епископы и клирики вмѣстѣ съ паствою встрѣтили грозное нашествіе турокъ, не захотѣли оставлять греческій народъ безъ своей поддержки и убѣжденія и за эту приверженность своему дѣлу многіе изъ іерархов и духовенства, игуменовъ и монаховъ частію были убиты, частію взяты въ плѣнъ,—латинскіе клирики въ большомъ числѣ предпочли заблаговременно оставить островъ, а латинскій архіепископъ и совсѣмъ не явился сюда, оставаясь во время войны съ турками въ Венеціи. Когда же островъ былъ завоеванъ, то Мустафа-паша, встрѣтивъ здѣсь почти исключительно греческихъ клириковъ, съ ними и заключилъ предварительное соглашеніе по церковно-религіознымъ дѣламъ. Латинянамъ не позволено было имѣть на Кипрѣ ни церквей, ни домовъ, ни имѣній; поэтому они вынуждены были на первыхъ порахъ посѣщать православные храмы. Каѳедральная латинская церковь св. Николая въ Левкосіи была обращена въ мусульманскую мечеть, а другіе латинскіе храмы сдѣланы складами для хлѣба, имуществъ и т. п.

Фактическое положеніе кипрской церкви на первыхъ порахъ турецкаго господства было не вполнѣ благопріятно. Православнымъ кипрянамъ надлежало избрать новаго архіепископа, предстоятеля церкви. Но во время приготовительныхъ къ этому дѣйствій одинъ арабскій монахъ, родомъ изъ Сиріи, находясь въ Константинополѣ и узнавъ о намѣреніи кипрянъ избрать себѣ архіепископа, захотѣлъ пріобрѣсти архіепископскую на островѣ каѳедру путемъ подкупа турецкихъ властей, которыя въ концѣ XVI вѣка, можно сказать, уже узаконили такой способъ замѣщенія патріаршихъ и иныхъ каѳедръ на православномъ Востокѣ. Предложивъ великому визирю Махмедъ-пашѣ взятку въ 3.000 венеціанскихъ золотыхъ, онъ достигъ цѣли и, въ санѣ епископа, отправился на Кипръ, какъ предстоятель мѣстной церкви. Не надѣясь встрѣтить здѣсь сочувствіе, онъ выпросилъ себѣ у Порты конвой изъ двухъ янычаровъ; кипрскому же пашѣ Мусарефу былъ данъ изъ Константинополя приказъ водворить новаго архіепископа, — если потребуется, — при содѣйствіи войска. Разумѣется, православное населеніе Кипра не приняло этого ставленника Порты. Не стѣсняясь этимъ, онъ требовалъ себѣ отъ грековъ полнаго подчиненія и тиранически расправлялся съ тѣми, кто не хотѣлъ его признавать. Главныя старанія архіепископа-араба были направлены къ тому, чтобы возвратить съ населенія тѣ три тысячи золотыхъ, за которыя онъ купилъ себѣ архіепископскій престолъ. Но власть этого самозванца, явившагося на Кипръ въ періодъ неустройства церковныхъ и общественныхъ дѣлъ, продолжалась недолго. Киприяне въ концѣ 1571 г. отправили въ Константинополь своего кандидата для замѣщенія вакантной архіепископской каѳедры. Въ столицѣ турецкой имперіи въ это время находился и другой претендентъ архіепископской власти, одинъ кипрскій монахъ изъ благородной фамиліи Акре, по имени Тимоѳей, бывшій въ дружественныхъ отношеніяхъ съ современнымъ константинопольскимъ патріархомъ Митрофаномъ III. Этотъ Тимоѳей, при содѣйствіи патріарха, и былъ назначенъ законнымъ архіепископомъ — предстоятелемъ Кипра. Кандидатъ же, рекомендованный кипрскимъ населеніемъ, хотя и былъ поддержанъ турецкимъ правительствомъ въ своихъ домогательствахъ архіепископскаго престола, согласился занять епископскую каѳедру въ Пафѣ. Затѣмъ, игуменъ монастыря Куцовенти или Куцувинита, находившійся въ плѣну у турокъ въ Константинополѣ, а потомъ освобожденный изъ рабства, былъ назначенъ на епископскую каѳедру Лемисса. Наконецъ, одинъ кипрскій монахъ, состоявшій приходскимъ священникомъ храма св. Симеона въ Фамагустѣ, получилъ епископскую каѳедру въ этомъ городѣ. Такимъ образомъ, въ первое же время послѣ завоеванія Кипра турками были замѣщены православными архіереями четыре епископскихъ каѳедры, при чемъ эти каѳедры были перенесены въ города изъ селъ, въ которыхъ онѣ находились во время владычества франковъ. Въ числѣ этихъ епархій не упомянута епархія киринійская,

такъ какъ городъ Кирнвія былъ совершенно разрушенъ турками и отъ него остались однѣ крѣпостныя стѣны, окрестности же его были совершенно пустынны. Въ началѣ XVII вѣка епархія Фамагусты была присоединена къ архіепископіи Левкосіи, а взамѣнъ ея учреждена древняя епархія киринійская. Въ первый разъ послѣ взятія острова имя киринійскаго епископа встрѣчается въ 1609 г. въ письмѣ кипрскихъ епископовъ къ савойскому князю. Въ 1600 году существовала уже и епархія китійская. Первый архіепископъ Кипра Тимоѳей возстановилъ древнее устройство православной церкви и вновь обезпечилъ ей права автокефальности. При немъ былъ учрежденъ синодъ. Пользуясь высшими церковными правами, архіепископъ Тимоѳей получилъ отъ султана и привилегіи гражданскаго представительства предъ Портой за свою паству—подобно тому, какъ константинопольскій патріархъ состоялъ главою (милетъ-баши) своего народа.

Въ послѣдующее время внутренняя жизнь православной церкви на Кипрѣ проходила не совсѣмъ ровно и спокойно. Въ 1592 г., по смерти архіепископа Тимоѳея, на островѣ возникли разногласія изъ-за выбора новаго архіепископа; народъ указывалъ своего кандидата, а епископы рекомендовали другого. Въ этихъ спорахъ большое участіе принималъ Леонтій—Евстратій, игуменъ монастыря св. Іоанна Πίπη въ Левкосіи, ученикъ извѣстнаго греческаго ученаго Максима Маргунія, другъ знаменитаго александрійскаго патріарха Мелетія Пигаса. Этотъ Леонтій обратился къ Мелетію съ письмомъ отъ имени православнаго населенія въ Левкосіи и просилъ его быть посредникомъ въ этомъ дѣлѣ между кипрянами и вселенскимъ патріархомъ. Мелетій въ отвѣтномъ письмѣ Леонтію (1592 г.) высказалъ свою печаль по поводу волненій на островѣ и сообщилъ ему, что онъ немедленно написалъ бы по кипрскому дѣлу вселенскому патріарху, еслибы былъ болѣе освѣдомленъ о немъ, теперь же онъ рекомендуетъ Леонтію руководиться въ своей дѣятельности началами правды и добра, ибо „лучше безмолвствовать въ неизвѣстности, чѣмъ беззаконно похищать знаменитыя каѳедры“. Въ томъ же году Мелетій александрійскій отправилъ посланіе іеромонаху Паисію съ начальниками Лемисса и прочими христіанами по вопросамъ объ опрѣснокахъ и исхожденіи Святаго Духа, которые были возбуждены вышеназваннымъ монахомъ Леонтіемъ и рѣшались имъ несогласно съ ученіемъ православной церкви. Въ этомъ посланіи Леонтій, прибывшій съ Запада, обвиняется въ сочувствіи латинянамъ; но православные, по наставленію Мелетія, должны держаться уже раскрытаго восточною церковію ученія, какъ объ опрѣснокахъ, такъ и объ исхожденіи Святаго Духа, при чемъ патріархъ обстоятельно раскрываетъ то и другое. Это письмо патріарха Мелетія имѣло большое значеніе для кипрскаго духовенства и народа, такъ какъ опредѣлило ихъ въ православныхъ воззрѣніяхъ, и въ послѣдующее время вопросы объ опрѣснокахъ и исхожденіи Святаго Духа болѣе на островѣ не возникали. Но Мелетій и послѣ писалъ на островъ по другимъ церковнымъ дѣламъ и вообще принималъ,—по просьбѣ кипрянъ,—немалое участіе въ ихъ церковно-общественной жизни. Когда онъ былъ еще патріархомъ александрійскимъ, ему была принесена жалоба на кипрскаго архіепископа Аѳанасія, обвиненнаго въ различныхъ преступленіяхъ. Въ частности этотъ Аѳонасій съ корыстной цѣлью разрывалъ на части и сожигалъ старые антиминсы, а потомъ замѣнялъ ихъ новыми, разрѣшалъ незаконные браки, неправильно рукополагалъ клириковъ. По поводу этой жалобы Мелетій отправилъ Аѳанасію посланіе, въ которомъ упрекалъ его за указанные проступки и увѣщевалъ исправиться. Но это посланіе не достигло цѣли, и кипряне снова жаловались на Аѳонасія Мелетію, когда послѣдній былъ мѣстоблюстителемъ константинопольскаго патріаршаго престола (1597 — 1599 г.). Тогда Мелетій послалъ изъ Константинополя на Кипръ экзарховъ, которые и должны были совмѣстно съ кипрскими архіереями произвести разслѣдованіе взведенныхъ на Аѳанасія обвиненій. Экзархи, по уполномочію патріарха, составили на Кипрѣ соборъ изъ мѣстныхъ епископовъ, на который трижды приглашали архіепископа для оправданій, но онъ не явился на соборъ и не представилъ письменнаго оправданія; тогда соборъ осудилъ Аѳанасія на лишеніе архіепископскаго достоинства (1598 г.)

Когда на константинопольскій патріаршій престолъ вступилъ Матѳей II (1599 г.), а Мелетій опять отправился въ Александрію, кипрскія дѣла по прежнему находились въ большомъ неустройствѣ, вслѣдствіе злоупотребленій архіепископа Аѳанасія своею властію. Такимъ положеніемъ дѣлъ рѣшилъ воспользоваться современный антіохійскій патріархъ Іоакимъ, съ цѣлію подчинить себѣ кипрскую церковь, и объявилъ, что кипрскій архіепископъ долженъ судиться у него. Въ свое оправданіе патріархъ Іоакимъ то указывалъ на предоставленіе ему константинопольскимъ патріархомъ права епитропіи относительно Кипра, то ссылался на 37 и 42 правила перваго вселенскаго собора въ арабской редакціи, которыя будто бы предоставляютъ антіохійскимъ патріархамъ право хиротоніи предстоятелей кипрской церкви. Въ своихъ притязаніяхъ на самостоятельность этой церкви антіохійскій патріархъ Іоакимъ старался заинтересовать и александрійскаго патріарха Мелетія. Но просвѣщенный александрійскій патріархъ, хорошо знавшій предѣлы патріаршей власти на Востокѣ и основанія автокефальности кипрской церкви, не оказался единомышленникомъ Іоакима. Онъ, во-первыхъ, рекомендовалъ духовенству и народу Кипра обратиться за братскою помощію въ затрудненіи къ вселенскому патріарху, сохранившему первенство чести среди первоіерарховъ православнаго Востока, и, во вторыхъ, написалъ антіохійскому патріарху Іоакиму посланіе, въ которомъ осудилъ его притязанія на юрисдикцію въ церкви кипрской. Эти притязанія,—писалъ Мелетій Іоакиму,—недостойны патріарха. Тогда какъ Іоакимъ сообщаетъ, будто константинопольскій патріархъ поручилъ ему, какъ епитропу, разсмотрѣть кипрскій вопросъ, современный патріархъ іерусалимскій увѣдомилъ Мелетія, что кипрское дѣло будетъ судиться въ Константинополѣ соборомъ изъ двѣнадцати архіереевъ. Іоакимъ писалъ, что право хиротоній кипрскаго архіепископа принадлежитъ ему въ силу 42 правила перваго вселенскаго собора; но въ такомъ случаѣ, какой смыслъ имѣетъ назначеніе его епитропомъ, какъ онъ увѣдомилъ Мелетія? Да и можно ли признавать законной хиротонію архіепископа Аѳанасія, коль скоро она была совершена патріархомъ константинопольскимъ, а не іерусалимскимъ? Далѣе, антіохійскій патріархъ Іоакимъ ссылается на 42 правило перваго вселенскаго собора, а между тѣмъ православная церковь признаетъ только двадцать каноновъ этого собора, и третій вселенскій соборъ, утвердившій независимость кипрской церкви отъ антіохійскихъ патріарховъ, ничего не говоритъ о 42 правилѣ Никейскаго собора; очевидно, правила свыше двадцатаго суть апокрифическія, поэтому церковь и не признаетъ ихъ; между тѣмъ антіохійскій патріархъ слушаетъ невѣжественныхъ людей и, подъ ихъ воздѣйствіемъ, поступаетъ несогласно съ божественными законами. Да и вообще антіохійскій патріархъ неправъ, когда по кипрскому вопросу обращается за совѣтомъ и помощію къ александрійскому, а не ко вселенскому патріарху. Письмо александрійскаго патріарха Мелетія, отклонившее антіохійскаго Іоакима отъ посягательства на автокефальныя права кипрской церкви, сохранило свое авторитетное для этого вопроса значеніе и на послѣдующее время.

Что касается вселенскаго патріарха Матѳея II, къ которому духовенство и народъ,—по совѣту александрійскаго патріарха Мелетія,—обратились за помощію въ дѣлѣ архіепископа Аѳанасія, то онъ въ іюнѣ 1600 года на соборѣ подвергъ послѣдняго лишенію каѳедры. Сигиллій патріарха по этому дѣлу былъ адресованъ епископамъ святѣйшей архіепископіи Новой Юстиніани—Іакову таманѳскому, Филоѳею пафскому, Веніамину солійскому и Іереміи китійскому, каѳигуменамъ—архимандритамъ и протосинкелламъ, протоіереямъ и викаріямъ, архонтамъ и остальному христоименному народу Кипра. Въ сигилліи сообщается, что къ патріарху и синоду великой Христовой церкви поступила жалоба духовенства и мірянъ Кипра на архіепископа Аѳанасія, который, не смотря на сдѣланныя ему Мелетіемъ, патріархомъ александрійскимъ, предупрежденія о запрещеніи и низложеніи за злоупотребленія властію, продолжаетъ къ прежнимъ грѣхамъ и проступкамъ прибавлять новые и еще большіе и совершать беззаконныя дѣла вопреки канонамъ. Александрійскій патріархъ Мелетій, къ которому кипріяне обращались за помощію, произвелъ и разслѣдованіе обвиненій Аѳанасія, которыя и

подтвердились. Доказано, что архіепископъ рвалъ священные антиминсы съ мощами мучениковъ и взамѣнъ ихъ за подарки и деньги выдавалъ другіе, разрѣшалъ четвертый бракъ, рукополагалъ въ священники двоеженцевъ и троеженцевъ, допускалъ незаконныя сожительства, неправильно совершалъ брачные разводы, разрубилъ топоромъ древній патріаршій тронъ іерусалимскаго патріарха Германа и взялъ находившіяся въ немъ мученическія мощи и т. п. Когда на Аѳанасія была наложена Мелетіемъ епитимія, то онъ, опираясь на покровительство внѣшней (турецкой) власти, отказался ей подчиниться. Затѣмъ Мелетій послалъ на Кипръ экзарховъ священника Іеремію и діакона Анѳима, которые устроили здѣсь помѣстный соборъ для суда надъ Аѳанасіемъ. На соборѣ вновь было произведено самое тщательное разслѣдованіе преступленій Аѳанасія, въ присутствіи многихъ свидѣтелей изъ духовенства и мірянъ. Узнавъ о своемъ низложеніи съ престола, Аѳанасій, при помощи турецкихъ властей, схватилъ патріаршихъ экзарховъ и заключилъ въ тюрьму, гдѣ ихъ подвергли истязаніямъ. Константинопольскій патріархъ Матѳей и его синодъ, ознакомившись со всѣми обстоятельствами дѣла и простирая руку братской помощи кипрянамъ, постановили низложить архіепископа Аѳанасія съ каѳедры, о чемъ и увѣдомили кипрскую церковь особымъ сигилліемъ, который былъ отправленъ на островъ съ патріаршимъ экзархомъ—великимъ архимандритомъ патріархіи Арсеніемъ.

Преемникомъ кипрскаго архіепископа Аѳанасія былъ избранъ Веніаминъ. Его избраніе состоялось при участіи вселенскаго патріаршаго престола, который рекомендовалъ новаго архіепископа, а соборъ кипрской церкви, состоявшій изъ епископовъ, клириковъ и архонтовъ, въ свою очередь, произвелъ каноническое голосованіе и согласился на хиротонію Веніамина. При содѣйствіи вселенскаго патріарха, Веніаминъ въ концѣ 1600 г. получилъ султанскій бератъ о своихъ правахъ и привилегіяхъ и,—въ сопровожденіи константинопольскаго великаго архимандрита Арсенія, снабженнаго патріаршими грамотами,—отправился на Кипръ. Но здѣсь противъ новаго архіепископа сторонники низложеннаго Аѳанасія произвели народное возмущеніе, при чемъ всѣ патріаршія грамоты и султанскій бератъ были объявлены неподлинными, а великій архимандритъ Арсеній—самозванцемъ. Въ виду этого, патріархъ Матѳей II въ январѣ 1601 г. отправилъ на островъ грамоту объ утвержденіи архіепископа Веніамина, объявивъ его избраніе правильнымъ и увѣщевалъ духовенство и народъ Кипра повиноваться ему, какъ законному архипастырю. Въ этой грамотѣ, между прочимъ, упоминаются епископы—Іеремія китійскій, Филоѳей пафскій, Веніаминъ солійскій, епископы Арсино и Курія, монастыри—св. Маманта, близъ мѣстности Корфу и Нерукотвореннаго, почетнѣйшіе клирики—великій экономъ, великій логоѳетъ, великій дикеофилаксъ, великій протэкдикъ, великій протонотарій и „остальные викаріи". Преемникъ Матѳея II, патріархъ Неофитъ II въ августѣ 1602 г., въ свою очередь, обратился къ клиру и народу Кипра съ увѣщательною грамотой въ пользу того же архіепископа Веніамина. Дѣло въ томъ, что спокойствіе на островѣ наступало медленно, такъ какъ низложенный архіепископъ Аѳанасій никакъ не хотѣлъ разстаться съ прежнею властію и возмущалъ духовенство и народъ. Поэтому Веніаминъ самъ поѣхалъ въ Константинополь и, разсказавъ новому патріарху Неофиту о недавнихъ событіяхъ на Кипрѣ, просилъ его умиротворить островъ. Патріархъ и отправилъ синодальное посланіе епископамъ, викаріямъ, епитропамъ и ефорамъ церквей и монастырей Кипра, церковнымъ властямъ и чинамъ, клиру, архонтамъ и народу его, которыхъ и назвалъ православными и послушными чадами восточной, каѳолической и апостольской церкви Константинополя, оказывавшей имъ, во времена опасностей, помощь и покровительство. Въ этомъ посланіи патріархъ сообщаетъ, что забота о мирѣ въ епархіяхъ острова всегда была свойственна великой Христовой церкви. Но въ послѣднее время этотъ миръ нарушенъ зловредными дѣйствіями бывшаго архіепископа Аѳанасія, который открыто возстаетъ противъ новаго архіепископа Веніамина. Однако вѣдь избраніе Веніамина, — пишетъ Неофитъ, — состоялось правильно—на кипрскомъ соборѣ, которому, въ силу его прономій, принадлежитъ право выбирать, кого онъ желаетъ

потому что кипрская церковь „никому не подчинена, кромѣ Бога, и почтена автономіей“. Патріархъ Неофитъ увѣщеваетъ всѣхъ признавать Веніамина законнымъ архіепископомъ и во всемъ ему повиноваться — тѣмъ болѣе, что онъ получилъ и султанскій бератъ. Объ архіепископѣ Веніаминѣ извѣстно, что онъ былъ большимъ любителемъ просвѣщенія, имѣлъ намѣреніе устроить на Кипрѣ высшую школу для клира и народа и по этому поводу велъ переписку съ савойскимъ княземъ, убѣждая его оказать въ этомъ дѣлѣ помощь. Но идея Веніамина объ открытіи кипрскаго университета не получила практическаго осуществленія.

Въ іюлѣ 1618 г. вселенскій патріархъ Тимоѳей II, по просьбѣ кипрскаго архіепископа Христодула и его синода, въ свою очередь подтвердилъ ихъ опредѣленіе о лишеніи сана кипрскаго іеромонаха Кирилла, который съ нѣкоторыми единомышленниками захотѣлъ овладѣть солійскою епископскою каѳедрой, успѣлъ уже получить султанскій бератъ, нанесъ оскорбленіе законному солійскому епископу Макарію и произвелъ большую смуту на островѣ. Въ своей грамотѣ на Кипръ патріархъ Тимоѳей увѣщевалъ всѣхъ признавать Макарія законнымъ пастыремъ, а Кирилла не принимать въ каноническое общеніе.

Въ половинѣ XVII вѣка на Кипрѣ возникло разногласіе между архіепископомъ и епископами по вопросу о границахъ духовной юрисдикціи той и другой стороны. Епископы, вопреки ясному каноническому разграниченію ихъ власти отъ полномочій архіепископа, по невѣжеству или честолюбію стали предъявлять притязанія на равночестность и равноправіе съ архіепископомъ, хотѣли совершать въ епархіи послѣдняго тоже самое, что архіепископъ имѣлъ право дѣлать въ ихъ епархіяхъ, — подписываться въ оффиціальныхъ бумагахъ подобно архіепископу и т. д. Дѣло восходило на разсмотрѣніе и рѣшеніе вселенскаго патріарха Іоанникія, который въ іюлѣ 1751 г. издалъ примѣчательную патріаршую и синодальную грамоту о предѣлахъ каноническихъ отношеній архіереевъ Кипра къ своему архіепископу въ управленіи церковными дѣлами и въ соблюденіи чина во время богослуженій въ архіепископскомъ храмѣ. Патріархъ Іоанникій въ своей грамотѣ указываетъ, прежде всего, на вредъ честолюбія, которое печалитъ братьевъ, нарушаетъ законы, преступаетъ священныя преданія отцовъ, вторгаясь въ чужія области и въ предѣлы чужой власти. Вселенскій патріархъ, имѣя попечительность о всѣхъ помѣстныхъ церквахъ православнаго Востока, не можетъ допустить на Кипрѣ нарушенія со стороны мѣстныхъ епископовъ тѣхъ „вѣчныхъ предѣловъ“, которые установлены святыми отцами. И вотъ, въ патріаршемъ синодѣ были большія объ этомъ разсужденія и было постановлено, чтобы замѣченнымъ на Кипрѣ злоупотребленіямъ впредь не быть. Прономіи кипрскаго архіепископа должны сохраняться непоколебимо, при братскомъ содѣйствіи патріарха и впредь никто изъ епископовъ и іереевъ не долженъ ихъ нарушать, но всѣ обязаны находиться въ границахъ своей власти, полномочій и положенія. Если кто-либо изъ священниковъ прибудетъ изъ своей епархіи въ другую, тотъ обязанъ представить мѣстному предстоятелю свою рекомендательную грамоту и можетъ исполнять здѣсь священнодѣйствія только съ его разрѣшенія, дабы въ церкви Христовой не было смятенія и безпорядковъ. Кромѣ того, архіереи, какія бы прономіи они не имѣли, когда прибудутъ въ архіепископскій городъ Левкосію, пользуются здѣсь отъ священниковъ въ ихъ церквахъ соотвѣтствующею честію; они занимаютъ первое мѣсто послѣ архіепископскаго трона, а кажденіе для нихъ совершается троекратно въ прямомъ направленіи, но не крестообразно. Во время малаго входа, священникъ, прочитавъ молитву по срединѣ церкви, долженъ подойти къ архіерею и дать ему облобызать святое Евангеліе, послѣ чего опять идетъ на средину и говоритъ: *премудрость, прости.* Во время великаго входа священникъ громко долженъ сказать: *да помянетъ Господь Богъ архіерейство твое.* Желая же причаститься святыхъ таинъ, архіерей долженъ войти внутрь алтаря и причащается первый, но не даетъ священнодѣйствующему; антидоръ посылается архіерею на то мѣсто, гдѣ онъ стоитъ, и онъ беретъ его, а потомъ антидоръ посылается священнику, который и раздаетъ его народу. Во время выхода изъ церкви архіерей всѣмъ предшествуетъ. Ничего больше этого іереи и не

должны воздавать архіереямъ. Если же кто-либо изъ іереевъ будетъ предоставлять архіереямъ иныя почести, тотъ долженъ подвергнуться запрещенію въ священнослуженіи на три года, а потомъ, въ случаѣ упорства, и совсѣмъ лишается сана. Почетнѣйшимъ клирикамъ кипрской архіепископіи патріархъ запретилъ воздавать архіереямъ, гдѣ бы то ни было, больше того, что и сколько требуется, и всѣми силами отклонять ихъ отъ несвойственнаго епископскому достоинству; если же клирики добровольно станутъ имъ уступать и не будутъ, по силѣ возможности препятствовать, то будутъ подлежать наказанію до лишенія сана включительно. Кромѣ того, патріархъ запретилъ и архіереямъ требовать больше установленнаго, но предписалъ довольствоваться въ столицѣ Кипра тѣмъ, что имъ принадлежитъ по сану. Входя въ церковь, они не должны требовать, чтобы ихъ встрѣчали пѣніемъ,—не могутъ ни держать жезлъ, ни благословлять народъ, ни возглашать—*миръ всѣмъ*, ни получать кажденія крестообразно, ни благославлять при кажденіи, ни раздавать антидоръ и т. п., такъ какъ все это архіереямъ позволительно совершать лишь въ своихъ епархіяхъ. Такъ—слѣдуетъ поступать архіереямъ въ отсутствіе кипрскаго архіепископа, а въ его присутствіи они тѣмъ болѣе ничего не должны присвоять себѣ, кромѣ лишь стоянія возлѣ него. Когда же архіепископъ пожелаетъ служить вмѣстѣ съ ними, то никто изъ архіереевъ не долженъ одновременно съ нимъ входить въ храмъ, лобызать св. иконы, но всѣ обязаны въ это время стоять въ стасидіяхъ; когда же архіепископъ облобызаетъ иконы, благословитъ народъ и сядетъ на каѳедрѣ посрединѣ храма, то архіереи по двое подходятъ къ нему и, получивъ разрѣшеніе, входятъ въ алтарь для облаченія, за ними получаютъ отъ архіепископа благословеніе священники и діаконы, и вообще епископы во время этого богослуженія не имѣютъ другихъ преимуществъ предъ іереями, какъ только въ одеждѣ и въ томъ, что предшествуютъ имъ и сидятъ вмѣстѣ съ архіепископомъ. Когда же архіепископъ пожелаетъ обозрѣть всю архіепископію, то онъ на всемъ островѣ можетъ все совершать, какъ и въ самомъ городѣ Левкосіи, и никто совершенно не можетъ ему противодѣйствовать. Всѣ должны ему повиноваться и почитать, какъ отца, слушаться и уважать, ни въ чемъ не противиться и не преступать его повелѣній, такъ какъ за это предстоитъ вѣчное осужденіе, — особенно тѣмъ, которые, уклоняясь на сторону „внѣшнихъ", оскорбляютъ святую матерь церковь и, какъ лошаки (ἡμιόνοι), отвергаютъ наставленія, не понимая, что святѣйшій вселенскій престолъ заботится о нихъ и не повинующихся накажетъ, дабы были послушными. Вѣдь соборъ въ Никеѣ повелѣлъ, чтобы хранились древніе обычаи. А древній обычай и состоитъ въ томъ, что архіепископъ и есть архіепископъ въ сонмѣ епископовъ и послѣдніе во всей архіепископіи не могутъ совершать того же самаго, что совершаетъ онъ, но каждый долженъ пребывать въ своихъ собственныхъ предѣлахъ,—ибо власть тѣхъ, кому свойственны дѣло, сила и прономія, не тождественна съ властію вообще. Вѣдь не пустое же имя—архіепископъ, но съ нимъ соединяется и фактическая власть, дабы во святой церкви не было безпорядка и безначальственнаго многовластія. Позоръ бываетъ когда съ женою одной сожительствуютъ многіе, подвергающіеся смерти и физической, и моральной; не тѣмъ ли болѣе нравственную чистоту слѣдуетъ соблюдать въ дѣлахъ духовныхъ, особенно архіереямъ? Посему всѣ они должны соблюдать эту грамоту патріарха, во избѣжаніе наказанія. Повсюду должны сохраняться правила отцовъ и обычаи всѣхъ церквей, особенно церкви великой. Въ заключеніе грамота патріарха говоритъ, что по приказанію архіепископа она должна быть прочитана на всемъ островѣ. Сигиллій патріарха Іоанникія произвелъ глубокое дѣйствіе на духовенство и народъ острова,—и съ того времени точно стали соблюдаться предѣлы юрисдикціи архіепископа и епископа кипрской церкви.

И въ другихъ случаяхъ, когда кипрская церковь просила помощи, церковь константинопольская, какъ первенствующая по чести между всѣми православными церквами Востока и обладавшая наивысшимъ духовнымъ авторитетомъ, съ готовностію и братски оказывала такое содѣйствіе, а иногда и самостоятельно, по личному побужденію вселенскихъ патріарховъ, предотвращала тѣ или другія опасности для право-

славія на Кипрѣ. Такъ, въ іюлѣ 1672 г. костантинопольскій патріархъ Діонисій IV издалъ грамоту о ставропигіальныхъ правахъ монастыря Богородицы Кикка, подписанную также патріархомъ Неофитомъ антіохійскимъ и Досиѳеемъ іерусалимскимъ и архіепископомъ кипрскимъ Никифоромъ. Этотъ Никифоръ въ указанномъ году прибылъ въ Константинополь по личному дѣлу. Въ 1671 г. былъ лишенъ вселенскаго престола патріархъ Парѳеній IV, подвергнутъ отлученію за неправославный образъ мыслей и сосланъ въ изгнаніе на Кипръ. Престарѣлый мѣстный архіепископъ Никифоръ вошелъ, однако, въ общеніе съ нимъ и за это навлекъ на себя негодованіе вселенскаго патріарха Діонисія IV. Послѣдній образовалъ соборъ, при участіи патріарховъ Неофита антіохійскаго и Досиѳея іерусалимскаго и мѣстныхъ митрополитовъ, и подвергъ кипрскаго архіепископа отлученію отъ церкви за общеніе съ изгнаннымъ и осужденнымъ Парѳеніемъ. Такое наказаніе сильно опечалило Никифора, который по старости не былъ въ состояніи оцѣнить должнымъ образомъ положеніе низложеннаго патріарха Парѳенія и, склоняясь на его хитрые происки, вошелъ съ нимъ въ общеніе. И вотъ Никифоръ отправился въ Константинополь и предсталъ на вселенское судилище (οἰκουμενικὸν κριτήριον). На судѣ онъ чистосердечно во всемъ раскаялся и просилъ у собора прощенія. Снисходя къ старости Никифора и трудности предпринятаго имъ путешествія, имѣя въ виду его искреннее раскаяніе и сознаніе въ томъ, что онъ сдѣлался жертвою коварныхъ рѣчей низложеннаго патріарха Парѳенія IV, соборъ возстановилъ его въ архіепископскихъ правахъ и въ посланіи на Кипръ увѣщевалъ духовенство и народъ встрѣтить Никифора со всею любовію и расположеніемъ, съ честію и почтеніемъ, принимать отъ него благословеніе и освященіе и не ставить ему въ вину прежнее общеніе съ Парѳеніемъ.

Архіепископъ Никифоръ, будучи предстоятелемъ автокефальной кипрской церкви и живя въ то время, когда православная восточная церковь возвысила свой голосъ противъ протестантизма и доказывала его несогласіе съ ученіемъ вселенскихъ соборовъ, также призналъ молчаніе неблаговременнымъ и, по примѣру іерусалимскаго собора 1648 г., созвалъ въ 1668 г. соборъ въ Левкосіи. Соборъ состоялся въ апрѣлѣ этого года въ храмѣ св. Архангела, подъ предсѣдательствомъ Никифора и въ присутствіи митрополитовъ Макарія пафскаго, Никифора киринійскаго и Герасима немесскаго, іеромонаха Иларіона Кигала или Цигала, экзарховъ Аммохоста, Арсинои, Курія и Солонъ, многихъ каѳигуменовъ, почетныхъ клириковъ и монаховъ и занимался обсужденіемъ ученія кальвинистовъ. Дѣянія этого собора, осудившаго заблужденія кальвинистовъ, были составлены іеромонахомъ Иларіономъ Кигала, который и сообщилъ ихъ капуцинамъ на Кипрѣ, а эти послѣдніе переслали ихъ во Францію, гдѣ они и были напечатаны на латинскомъ языкѣ. Но на Кипрѣ въ архіепископіи сохранилась, по свидѣтельству Георгіу, греческая копія соборныхъ опредѣленій, которыя касаются таинствъ, архіерейства, св. мѵра, поста, монашества, почитанія иконъ, молитвы и поминовенія усопшихъ. Въ заключеніи соборныхъ опредѣленій сказано, что согласно съ церковію кипрской учатъ и церкви константинопольская, александрійская, антіохійская, іерусалимская и русская, а также народы Болгаріи, Сербіи, Мизіи, Эпира, арабы и египтяне.

Въ 1674 г. архіепископъ Никифоръ по болѣзни и старости отказался отъ власти [1]), и предстоятелемъ кипрской церкви былъ избранъ іеромонахъ Иларіонъ Кигала, отличавшійся большею ученостію въ области наукъ богословскихъ и свѣтскихъ, знавшій,—по словамъ іерусалимскаго патріарха Досиѳея,—всю латинскую мудрость, знакомый съ итальянскимъ языкомъ. Онъ родился въ Левкосіи, учился въ греческой коллегіи въ Римѣ, гдѣ изучилъ богословіе, риторику и и піитику. Потомъ, по порученію римской пропаганды, Иларіонъ отправился на Востокъ для проповѣди, объѣхалъ многія мѣстности и долго жилъ въ Эпирѣ. Возвратившись въ Римъ, онъ былъ назначенъ

[1]) Филиппъ Георгіу говоритъ, что Никифоръ въ 1674 г. скончался (стр. 95). Это невѣрно, такъ какъ изъ протокола объ избраніи въ 1676 г. пафскаго митрополита Нектарія видно, что на избирательномъ соборѣ присутствовалъ и бывшій архіепископъ Никифоръ (Δελικάνης, Πατριαρχικὰ ἔγγραφα II, 662).

учителемъ греческой коллегіи въ Патавіи. Прибывъ затѣмъ въ Константинополь, Иларіонъ былъ удостоенъ великою церковію титула „вселенскаго дидаскала, великаго богослова, равночестнаго епископамъ, господина архидидаскала и экзарха всѣхъ дидаскаловъ“; онъ пользовался одинаковыми съ епископами почестями въ словѣ, письмѣ и на каѳедрѣ, не имѣлъ лишь права носить омофоръ и совершать рукоположенія. Послѣ весьма успѣшнаго исполненія въ Константинополѣ обязанностей вселенскаго учителя, Иларіонъ Кигала прибылъ на Кипръ, принималъ здѣсь участіе на соборѣ 1668 г. противъ кальвинистовъ и составилъ его дѣянія. Въ 1671 г., находясь въ Іерусалимѣ, онъ много помогалъ патріарху Нектарію въ составленіи сочиненія о власти папы, перевелъ для него многія, относящіяся къ вопросу, извлеченія изъ твореній отцовъ и былъ истолкователемъ самыхъ принциповъ папства. Возвратившись на Кипръ, Иларіонъ въ 1674 г. былъ избранъ архіепископомъ. О его управленіи кипрскою церковію нѣтъ почти никакихъ свѣдѣній. Извѣстно лишь, что въ 1676 г. Иларіонъ составилъ соборъ для избранія пафскаго митрополита, при участіи бывшаго архіепископа Никифора, митрополитовъ Леонтія киринійскаго, Варнавы амаѳунтскаго и немесскаго и Леонтія бывшаго пафскаго и въ присутствіи іереевъ и почетнѣйшихъ клириковъ; выборъ палъ на іеромонаха Нектарія. Соборъ и постановилъ, что въ составъ пафской митрополіи долженъ входить и городъ Тримиоунтъ. Иларіонъ скончался въ 1692 г. въ Константинополѣ, куда онъ за нѣсколько лѣтъ до этого времени долженъ былъ удалиться съ острова Кипра вслѣдствіе разногласія съ паствой по вопросамъ вѣры и вслѣдствіе жалобы на него вселенскому патріарху за склонность къ латинскимъ мнѣніямъ. Но послѣдній пунктъ является спорнымъ и непризнаннымъ. Наконецъ, въ Константинополѣ Иларіонъ Кигала написалъ сочиненіе о праздникѣ Пасхи.

Послѣ Иларіона архіепископскую каѳедру на Кипрѣ занималъ Іаковъ I (1679—1689 г.), о которомъ не сохранилось никакихъ свѣдѣній, а послѣ Іакова—Германъ II (1690—1705 г.). При этомъ архіепископѣ вселенскій патріархъ Калинникъ II въ маѣ 1700 г., по просьбѣ немесскаго и китійскаго митрополита Іоанникія, объявилъ приходскимъ или епархіальнымъ монастырь по имени Амасгу. Дѣло въ томъ, что въ 1633 г. мѣстный митрополитъ Леонтій подарилъ этотъ монастырь александрійскому патріарху Герасиму I, который потомъ далъ письменное удостовѣреніе въ томъ, что отказывается владѣть этимъ монастыремъ. Въ такомъ же родѣ заявилъ и александрійскій патріархъ Герасимъ II (1700 г.), въ отвѣтъ на просьбу митрополита Іоанникія. Оба эти документа были засвидѣтельствованы кипрскимъ архіепископомъ Германомъ II, а немесскій митрополитъ Іоанникій обратился къ вселенскому патріарху Калиннику II съ просьбою вновь признать монастырь Амасгу подчиненнымъ епархіальному архіерею. Калинникъ въ этомъ родѣ и опубликовалъ свой сигиллій. Архіепископъ Германъ недобровольно оставилъ каѳедру. Духовенство и народъ острова обратились къ вселенскому патріарху Гавріилу III съ жалобой на его несправедливости и жестокости и просили защиты у великой Христовой церкви. Когда мѣры патріаршаго воздѣйствія на Германа оказались безуспѣшными, на островѣ былъ созванъ соборъ, который и постановилъ лишить его архіепископскаго престола. Затѣмъ кипрскіе митрополиты принуждены были и сами отправиться въ Константинополь, чтобы искать помощи у патріарха Гавріила III противъ безпокойнаго и мстительнаго Германа II. Въ Константинополѣ составился надъ Германомъ патріаршій судъ, лишившій его каѳедры. Потомъ кипрскіе митрополиты составили соборъ и избрали на архіепископскій престолъ бывшаго антіохійскаго патріарха Аѳанасія. По этому дѣлу константинопольскій патріархъ Гавріилъ III отправилъ на Кипръ посланіе, въ которомъ объявилъ о справедливомъ низложеніи Германа II, признавъ дѣйствія избирательнаго собора законными и увѣщевалъ всѣхъ считать Аѳанасія своимъ архипастыремъ, какъ мужа вполнѣ достойнаго предстоятельства въ церкви кипрской. Между тѣмъ бывшій архіепископъ Германъ не захотѣлъ подчиниться соборному рѣшенію, а когда оно было подтверждено и патріаршею грамотой, то онъ поспѣшилъ избрать своимъ преемникомъ священника Іакова, состоявшаго въ бракѣ, при чемъ новый архіепископъ оставилъ свою жену. Германъ даже и хирото-

нисалъ его въ санъ епископа. Іаковъ II, повидимому, нѣкоторое время фактически занималъ архіепископскій престолъ; большое содѣйствіе въ захватѣ власти оказывалъ ему одинъ мірянинъ, по имени Константинъ. На островѣ водворилась церковная смута, такъ какъ одновременно здѣсь оказались три архіепископа: — низложенный Германъ II, поставленный имъ Іаковъ II и избранный соборомъ бывшій антіохійскій патріархъ Аѳанасій. Возстановленію мира и порядка опять-таки содѣйствовала вселенская церковь въ лицѣ патріарха Гавріила III и синода, которые еще разъ обратились къ кипрянамъ съ окружнымъ посланіемъ, осудивъ въ немъ Германа II и Іакова II и повелѣвъ признавать законно избраннымъ архіепископомъ Аѳанасія. Въ свою очередь, Аѳанасій, „Божіею милостью бывшій патріархъ Антіохіи и проедръ святѣйшей архіепископіи Кипра и новой Юстиніаны“, около 1707 г. обратился къ духовенству и народу острова съ пастырскимъ окружнымъ посланіемъ, въ которомъ изложилъ обстоятельства своего избранія на кипрскую каѳедру и преподавалъ всѣмъ свои архипастырскія наставленія. Здѣсь, между прочимъ, сообщается, что митрополиты Кипра нѣсколько разъ жаловались вселенской патріархіи на тиранническое управленіе бывшаго архіепископа Германа. Патріаршій синодъ потребовалъ Германа на судъ, но онъ не явился. Синодъ лишилъ его престола, а потомъ патріархъ Гавріилъ предложилъ кипрскимъ митрополитамъ устроить соборъ для избранія новаго архіепископа. Выборъ собора палъ на Аѳанасія, который, уступая общей просьбѣ, и принялъ избраніе. Извѣщая объ этомъ духовенство и народъ Кипра, Аѳанасій повелѣвалъ возносить за богослуженіемъ его имя и отдавать ему должное повиновеніе.

Послѣ Аѳанасія архіепископомъ кипрской церкви былъ Сильвестръ (1718—1731 г.), который, между прочимъ, въ 1720 г. на свои средства возобновилъ зданіе архіепископіи. Въ 1730 г. онъ, какъ гражданскій представитель (ἐθνάρχης) греческаго народа на островѣ, по общему рѣшенію духовенства и мірянъ отправился съ подчиненными ему архіереями въ Константинополь для ходатайства предъ правительствомъ о нѣкоторыхъ ихъ нуждахъ. Явившись въ столицу турецкой имперіи, Сильвестръ и митрополиты принесли великому визирю жалобу на притѣсненія въ сборѣ податей и вообще на беззаконное управленіе мѣстныхъ турецкихъ властей и смиренно просили у Порты защиты. Но султанъ Махмудъ I призналъ это ходатайство за народное возмущеніе и, считая виновниками его, главнымъ образомъ, современнаго константинопольскаго патріарха Кирилла I, какъ отвѣтственнаго предъ Портой за всю ромейскую райю имперіи, и драгомана Порты христіанина Іоанна Каллимахи, лишилъ перваго престола, удаливъ и въ ссылку на островъ Халки, а второго изгнавъ на островъ Тенедосъ. Затѣмъ гроза разразилась и надъ непосредственными виновниками народнаго „бунта“ на Кипрѣ, архіепископомъ Сильвестромъ и митрополитами, осмѣлившимися обращаться къ правительству съ жалобой на поставленныхъ имъ чиновниковъ. Архіепископъ Сильвестръ и китійскій митрополитъ Іоанникій были сосланы въ Авратъотаси, а митрополиты Іоакимъ пафскій и Никифоръ киринійскій сперва подверглись опалѣ, а потомъ оправдались и получили разрѣшеніе отъ правительства возвратиться на Кипръ. Это обстоятельство послужило поводомъ къ новымъ церковнымъ смутамъ на островѣ. Одинъ іеромонахъ, по имени Варнава Викосъ, державшійся латинскаго образа мыслей (λατινόφρων), воспользовался изгнаніемъ китійскаго митрополита Іоанникія и попытался захватить его каѳедру, при содѣйствіи свѣтской власти и при помощи подкупа (обѣщалъ заплатить 2.000 гросіевъ). Онъ имѣлъ даже дерзость обратиться за содѣйствіемъ къ вселенскому престолу, но патріархъ Паисій II въ 1730 г. подвергъ его отлученію, о чемъ и сообщилъ кипрянамъ. Спустя немного, митрополиты киринійскій Никифоръ и пафскій Іоакимъ, забывъ о благодѣяніяхъ, сдѣланныхъ имъ удаленнымъ въ ссылку архіепископомъ Сильвестромъ, и пренебрегши церковные каноны, захватили — первый архіепископію, а второй китійскую митрополію. Напрасно архіепископъ Сильвестръ писалъ Никифору по поводу самозванства и убѣждалъ его и Іоакима оставить чужія епархіи и возвратиться въ свои: — оба митрополита распоряжались въ архіепископіи и митрополіи китійской, какъ въ своихъ епархіяхъ, надѣлали много долговъ, отняли у церквей

деньги и даже священную утварь и вообще произвелъ большой безпорядокъ въ церковной жизни Кипра. Между тѣмъ, въ 1731 г. архіепископъ Сильвестръ и митрополитъ Іоанникій были возвращены изъ ссылки и получили султанскіе бераты на возстановленіе своихъ правъ. Прибывши въ Константинополь, они обратились къ патріарху Паисію II съ просьбой оказать имъ содѣйствіе въ возвращеніи своихъ епархій. Въ виду этого, патріархъ и синодъ вселенской церкви лишили митрополитовъ киринійскаго Никифора и пафскаго Іоакима епископскаго сана, а христіанамъ Кипра повелѣли признавать Сильвестра архіепископомъ, а Іоанникія—китійскимъ митрополитомъ. Возвратившись въ 1731 г. на Кипръ, Сильвестръ приступилъ къ украшенію живописью каѳедральнаго храма во имя Апостола Іоанна Богослова, но закончить этого дѣла не успѣлъ, вслѣдствіе внезапной смерти. Его преемникомъ по архіепископской каѳедрѣ былъ Филоѳей (1731—1759 г.), человѣкъ образованный и энергичный, пользовавшійся въ Константинополѣ, гдѣ онъ жилъ до архіепископства, славою выдающагося дидаскала. И на Кипрѣ (въ Левкосіи) онъ устроилъ школы греческаго языка и церковнаго пѣнія, помогалъ и всячески поощрялъ народныхъ учителей къ дѣятельности, имѣлъ переписку по церковнымъ и школьнымъ дѣламъ съ извѣстнымъ на Востокѣ дидаскаломъ Іаковомъ Патмосскимъ, былъ большимъ ревнителемъ церковнаго чина и обычаевъ, отличался щедростію и любовію къ благотворенію. Онъ горячо къ сердцу принималъ и народную нужду и, какъ этнархъ, обращался много разъ къ турецкому правительству съ просьбами объ уменьшеніи податей и повинностей съ грековъ острова. Ему даже удалось, путемъ личнаго ходатайства предъ великимъ визиремъ, уменьшить общую сумму хараджа (поголовной подати) съ христіанъ его архіепископіи. Но враги Филоѳея — какъ изъ турокъ, такъ и изъ христіанъ—оклеветали его во взиманіи съ народа по три и пяти гросіевъ безъ особаго на этого правительственнаго фирмана, и великій визирь приказалъ заключить его въ оковы и посадить на Кипрѣ въ тюрьму. Филоѳей потомъ оправдался предъ Портой и былъ признанъ невиннымъ. Но въ 1745 г. съ нимъ произошла новая бѣда: Порта, по дополнительнымъ доносамъ, лишила его престола и сдѣлала приказъ объ избраніи новаго архіепископа. Враги Филоѳея изъ клириковъ и мірянъ поспѣшили найти кандидата для архіепископства въ лицѣ іеромонаха Неофита, а три митрополита константинопольской церкви Іоакимъ, проедръ епархіи Имвроса, Мелетій съ о. Тиноса и Іоанникій меленекскій, устроивъ избирательное собраніе, провозгласили Неофита архіепископомъ новой Юстиніаны и всего Кипра (23 февраля 1745 г.). Но это избраніе было опротестовано одиннадцатью другими митрополитами константинопольской церкви, признавшими распоряженіе правительства объ изгнаніи Филоѳея незаконнымъ и несправедливымъ и не пожелавшими участвовать въ его избраніи. А затѣмъ въ іюнѣ 1745 г. на Кипръ было отправлено изъ Константинополя патріаршее (Паисія II) и синодальное посланіе, которымъ подвергались отлученію незаконно управлявшій церковію архіепископъ Неофитъ и всѣ его сообщники, такъ какъ процессъ его избранія представлялъ рядъ каноническихъ нарушеній. Эти событія крайне неблагопріятно подѣйствовали на здоровье Филоѳея, который къ тому же вынужденъ былъ удалиться съ Кипра въ Дамаскъ. Но онъ не оставлялъ управленія и продолжалъ руководить дѣлами кипрской церкви чрезъ посредство митрополитовъ. Между прочимъ, Филоѳей послалъ въ Константинополь митрополитовъ Іоакима пафскаго, Макарія китійскаго и Никифора киринійскаго для ходатайства предъ правительствомъ объ уменьшеніи налоговъ на жителей Кипра (1754 г.). Ходатайство было отъ-части удовлетворено и, кромѣ того, архіереи получили отъ великаго визиря фирманъ, которымъ за райей Кипра было признано право избрать особыхъ старшинъ (коджабаши) или епитроповъ съ тѣмъ, чтобы они непосредственно обращались къ правительству съ просьбами относительно различныхъ нуждъ Кипра. Возвратившись на островъ, Филоѳей успѣлъ исхлопотать у правительства и нѣкоторыя льготы для монаховъ острова. Но управленіе архіепископа Филоѳея было неспокойно до конца его жизни († 1759 г.). Объ этомъ свидѣтельствуетъ прошеніе, отправленное въ 1759 г. константинопольскому патріарху Серафиму II и синоду и

подписанное митрополитами Макаріемъ, Іоакимомъ и Никифоромъ, священниками въ числѣ 21, должностными клириками и почетными мірянами въ томъ же числѣ. Въ прошеніи отмѣчается попечительность великой Христовой церкви о всѣхъ автокефальныхъ помѣстныхъ церквахъ, особенно кипрской во время возникшихъ здѣсь безпорядковъ, происшедшихъ по винѣ самозваннаго архіепископа Неофита и его злыхъ сообщниковъ. При поддержкѣ великой церкви правое дѣло восторжествовало, и законный архіепископъ Филоѳей остался у власти. Но, удрученный болѣзнями, онъ три раза отказывался отъ архіепископской каѳедры, однако, митрополитъ, клиръ и народъ удержали его. Это лишь содѣйствовало благу кипрской церкви, такъ какъ Филоѳей извѣстенъ своими административными способностями и всѣ клирики и міряне острова весьма довольны его управленіемъ. Но въ послѣднее время объявились новые враги этого выдающагося архипастыря, которые опять стали повсюду дѣйствовать въ пользу незаконнаго архіепископа Неофита. Они снова обратились за помощью къ великой Христовой церкви, но она ихъ отвергла. Митрополитъ, представители клира и мірянъ Кипра просятъ великую Христову церковь, чтобы она и впредь поддерживала ея законнаго архипастыря, отсѣкала негодные члены отъ общей матери церкви и всѣми средствами оказывала помощь и покровительство церкви кипрской, которую возмущаютъ ея враги.

Преемникомъ архіепископа Филоѳея былъ Паисій (1759—1766 г.), также одинъ изъ лучшихъ архипастырей Кипра по образованію и нравственнымъ качествамъ. Онъ былъ родомъ изъ Киланія (на Кипрѣ) и въ теченіе 32 лѣтъ служилъ въ архіепископіи въ званіи діакона и архимандрита. Во время непродолжительнаго (7 лѣтъ) управленія кипрскою церковію онъ совершилъ много важныхъ и полезныхъ дѣлъ, хотя и перенесъ много страданій. Между прочимъ, островъ въ 1760 г. постигла чума, произведшая здѣсь полное опустошеніе въ населеніи. Архіепископъ Паисій приложилъ всѣ усилія къ уврачеванію страданій народа. Въ 1761 г. онъ послалъ въ Константинополь китійскаго митрополита Макарія и дидаскала іеромонаха Ефрема для ходатайства предъ правительствомъ объ уменьшеніи податей съ христіанскаго населенія. Китійскій митрополитъ скоро возвратился на островъ, а дидаскалъ Ефремъ отправился на великую лавру на Аѳонѣ и привезъ отсюда главу св. Михаила Синнадскаго, дабы предотвратить на будущее время бѣдствіе на островѣ. Но едва миновала эта бѣда, какъ враги Паисія оклеветали его предъ Портой, которая и осудила его на изгнаніе. Паисій долженъ былъ бѣжать въ Бейрутъ, находившійся подъ управленіемъ автономнаго князя Ливанской горы. По требованію турецкаго правительства, архіепископомъ Кипра былъ избранъ іеродіаконъ Кипріанъ, исполнявшій обязанности дидаскала въ Константинополѣ. Но онъ не былъ хиротонисанъ въ епископа и согласился управлять кипрскою церковію лишь временно. Это былъ клирикъ просвѣщенный, избранный потомъ (1766 г.) на патріаршую александрійскую каѳедру. Но на Кипрѣ, въ виду исключительныхъ обстоятельствъ, онъ не успѣлъ сдѣлать ничего полезнаго. Онъ не могъ и примирить здѣшнія партіи, одна изъ которыхъ продолжала признавать своимъ архіепископомъ Паисія и не входила въ общеніе съ Кипріаномъ. Послѣдній даже прибѣгъ къ мѣрамъ строгости,—заставивъ нѣкоторые церкви и монастыри вносить повышенные налоги, обложивъ повинностями и частныхъ лицъ, но все-таки вынужденъ былъ оставить островъ. Паисій недолго оставался въ Бейрутѣ и, послѣ удаленія Кипріана, возвратился на Кипръ и вторично занялъ архіепископскій престолъ. Бѣдствія были удѣломъ и этой половины управленія Паисія.

Въ 1764 году на островъ явился новый турецкій паша Османъ, который сильно тѣснилъ христіанъ и требовалъ съ церквей и монастырей большіе налоги. Паисію и архіереямъ пришлось испытать много страданій, такъ какъ ихъ попытки принести на Османа жалобу не увѣнчались успѣхомъ. На этой почвѣ потомъ произошелъ на островѣ бунтъ, для усмиренія котораго прибыли турецкія войска. Столкновеніе населенія и солдатъ сопровождалось убійствами, а затѣмъ послѣдовало разслѣдованіе дѣла съ неизбѣжными вымогательствами и насиліями турецкихъ властей. Паисію, какъ отвѣтственному предъ Портой представителю народа, пришлось много перестрадать и испытать

большія бѣдствія. Онъ ѣздилъ въ Константинополь для защиты христіанъ предъ Портой, собиралъ деньги для уплаты наложенной пени, защищалъ церкви и монастыри отъ посягательства турецкой администраціи. Внѣшнія бѣдствія не позволяли Паисію всецѣло посвятить себя благоустройству внутреннихъ дѣлъ церкви. Но онъ имѣлъ переписку съ дидаскаломъ Іаковомъ патмосскимъ и патріаршимъ епитропомъ въ Іерусалимѣ Неофитомъ относительно внутренняго положенія церкви. Удрученный бѣдствіями и болѣзнями, подъ вліяніемъ страха отъ турокъ за свою жизнь, Паисій по совѣту врачей въ ноябрѣ 1766 г. оставилъ Левкосію и переѣхалъ въ Скалу, гдѣ 1 января 1767 г. скончался и былъ погребенъ въ храмѣ св. Лазаря.

По смерти Паисія общимъ голосомъ и рѣшеніемъ духовенства и народа на кипрскую архіепископскую каѳедру былъ избранъ пафскій митрополитъ Хрисанѳъ (1767—1810 г.). Внѣшнее положеніе кипрской церкви и при этомъ архіепископѣ было весьма печально. Виновники этого были турецкіе начальники острова, которые немилосердно эксплоатировали мѣстныхъ христіанъ и старались какъ можно больше собрать съ нихъ налоговъ деньгами и натурою. Въ 1775 году правителемъ острова былъ Хаджи Баки-ага, который, вопреки всѣмъ распоряженіямъ султановъ, обложилъ каждаго христіанина налогомъ въ восемъ гросіевъ. Архіепископъ Хрисанѳъ и архіереи заявили протестъ противъ такого произвола, но Баки-ага приказалъ взимать налогъ силою. По просьбѣ народа, всѣ архіереи тайно отправились въ Константинополь съ жалобою на притѣсненія и несправедливости паши. Узнавъ объ этомъ, Баки-ага, съ согласія великаго визаря, издалъ приказъ схатить ихъ и отправить на Аѳонъ. Архіепископъ Хрисанѳъ едва успѣлъ избавиться отъ ссылки, скрывшись въ домѣ голландскаго консула въ Смирнѣ; митрополиты также принуждены были искать пріюта у своихъ смирнскихъ друзей. Между тѣмъ, Баки-ага получилъ изъ Константинополя разрѣшеніе избрать новыхъ архіереевъ для Кипра и немедленно приступилъ къ этому дѣлу въ отсутствіе Хрисанѳа и митрополитовъ, укрывшихся въ Смирнѣ. Вселенскій патріархъ Гавріилъ IV (1780—1785 г.), по требованію Порты, вынужденъ былъ даже написать антіохійскому патріарху Даніилу, чтобы онъ отправилъ на Кипръ трехъ подчиненныхъ ему епископовъ для „хиритоніи новаго архіепископа и трехъ находящихся подъ его властію архіереевъ, какъ уже предъизбранныхъ“. Объ этомъ Даніилу писалъ и Баки-ага. Но антіохійскій патріархъ понялъ, что въ этомъ дѣлѣ есть неправда и насиліе, и отказался командировать на Кипръ своихъ архіереевъ. Между тѣмъ, изъ Смирны былъ отправленъ китійскій митрополитъ Мелетій, которому и удалось исхлопотать у Порты разрѣшеніе архіепископу Хрисанѳу и архіереямъ Кипра пріѣхать въ столицу. Явившись къ султану и великому визарю, они представили убѣдительныя доказательства несправедливаго управленія Баки-аги и просили смѣстить его. Просьба ихъ была уважена. Архіепископъ Хрисанѳъ и пафскій митрополитъ немедленно возвратились на Кипръ, а митрополитъ китійскій и киринійскій и драгоманъ Кипра остались въ столицѣ впредь до окончанія суда надъ Баки-агой. Судебный процессъ они выиграли, доказавъ, что Баки-ага жестоко грабилъ христіанъ, но денегъ своихъ обратно не получили отъ правительства, а, напротивъ, сдѣлали новые долги во время процесса. Возвратившись на островъ, архіепископъ Хрисанѳъ и архіереи нашли все здѣсь въ крайне печальномъ положеніи. Четыре архіерейскія каѳедры, по винѣ Баки-аги, имѣли громадный долгъ въ 484.836 гросіевъ, изъ которыхъ на архіепископію падала сумма въ 193.934 гросія. Населеніе бѣдствовало отъ голода, церковныя дѣла были въ упадкѣ, назначенные Баки четыре новые архіерея (игуменъ обители Махера Іоанникій—архіепископъ, игуменъ обители Паллургіотиссы Іоакимъ—митрополитъ Пафа, игумень монастыря св. Лазаря Хрисанѳъ—митрополитъ Китія и экзархъ киринійской каѳедры Іоанникій—митрополитъ Кириніи), собравъ около себя единомышленниковъ, не хотѣли отказаться отъ власти. По ходатайству архіепископа Хрисанѳа, великая Христова церковь лишила священства всѣхъ этихъ лицъ, добивавшихся архіерейства изъ честолюбія, беззаконно и разбойнически, послѣ чего они раскаялись и отказались отъ своихъ притязаній. А затѣмъ, мало-по-малу, и другія церковныя дѣла стали приходить въ нормальное положеніе. Баки-ага, по смерти

великаго визаря Халиль-паши, опять сталъ добиваться власти на Кипрѣ. Узнавъ объ этомъ, многіе жители острова отправились въ Константинополь и предъ зданіемъ Порты устроили демонстрацію по поводу предполагаемаго назначенія Баки, заявивъ, что, если оно состоится, жители совсѣмъ убѣгутъ съ Кипра и островъ опустѣетъ. Правительство послѣ этого отказалось отъ назначенія Баки.

При архіепископѣ Хрисанѳѣ вселенскій патріархъ Прокопій I въ 1787 г. издалъ сигиллій о возобновленіи ставропигіальнаго достоинства монастыря Богородицы Кикка и о порядкѣ жизни въ немъ иноковъ и управленіи; сигиллій подписали и патріархи Ѳеодосій бывшій константинопольскій и Аврамій іерусалимскій [1]). Патріархъ Герасимъ III въ февралѣ 1795 г. издалъ сигиллій о ставропигіальныхъ правахъ монастыря Богородицы Махера, регулировавшій и внутреннюю здѣсь жизнь монаховъ, а также управленіе.

Архіепископъ Хрисанѳъ черезъ 25 лѣтъ управленія кипрскою церковію, достигъ почтенной старости и впалъ въ болѣзни, такъ что не могъ и совершать багослуженія. Созвавши въ 1791 г. соборъ архіереевъ и клириковъ, онъ сообщилъ имъ о своемъ рѣшеніи отказаться отъ власти и провести остатокъ своей жизни на покоѣ. Но соборъ не согласился съ такимъ рѣшеніемъ архіепископа Хрисанѳа и постановилъ избрать для него епископа помощника съ тѣмъ, чтобы онъ ежегодно обозрѣвалъ епархію епископа, какъ епитропъ, и совершалъ богослуженія и всѣ архипастырскія обязанности. Такимъ „викарнымъ“ архіереемъ былъ сдѣланъ одинъ іеромонахъ, получившій титулъ епископа тамасскаго. Черезъ десять лѣтъ епископъ Хрисанѳъ опять возобновилъ свою просьбу объ удаленіи съ каѳедры, такъ какъ тамасскій епископъ былъ перемѣщенъ на другую самостоятельную каѳедру, — но митрополиты и клиръ опять отвергли ходатайство своего престарѣлаго и больного архіепископа; особенно хлопотали въ этомъ дѣлѣ митрополиты пафскій и китійскій, оба—племянника Хрисанѳа. Соборъ рѣшилъ опять избрать помощника архіепископу—въ лицѣ вновь хиротонисаннаго тримиѳунтскаго епископа Спиридона. Однако усилія родственниковъ Хрисанѳа во чтобы то ни стало удержать его на престолѣ,—хотя церковныя дѣла пришли въ большой упадокъ, — возстановили противъ нихъ, а также и противъ самого архіепископа многихъ клириковъ и мірянъ. Въ результатѣ возникла борьба, окончившаяся тѣмъ, что архіепископъ Хрисанѳъ и китійскій митрополитъ Хрисанѳъ, по распоряженію турецкаго правительства, были лишены своихъ каѳедръ и удалены въ ссылку на островъ Евбею. Вниманіе большинства кипрянъ послѣ этого было сосредоточено на іеромонахѣ Кипріанѣ, который состоялъ экономомъ архіепископіи. Это былъ просвѣщенный, умный и дѣятельный клирикъ, пользовавшійся общимъ расположеніемъ за свои разнообразныя услуги родинѣ. Въ 1804 г., когда городъ Левкосія, вслѣдствіе столкновенія съ турецкимъ пашей, подвергся правильной осадѣ со стороны турецкихъ войскъ, іеромонахъ Кипріанъ, во главѣ посольства, назначеннаго растерявшимся населеніемъ, вступилъ съ турками въ переговоры и достигъ временнаго съ ними соглашенія, спасшаго городъ отъ разгрома, а жителей отъ истребленія, послѣ же добился заступничества за грековъ у европейскихъ консуловъ. Кипріанъ принималъ главное участіе и въ управленіи церковными дѣлами архіепископіи, такъ какъ архіепископъ Хрисанѳъ, вслѣдствіе болѣзни и старости не могъ ими заниматься. Около Кипріана образовалась сильная партія, которая, вѣроятно, и подготовила насильственное удаленіе престарѣлаго Хрисанѳа съ архіепископской каѳедры съ тѣмъ, чтобы предоставить ее молодому, образованному и энергичному Кипріану.

Кипріанъ единогласно былъ избранъ архіепископомъ, но хиротоніи принять не могъ, такъ какъ его предшественникъ по каѳедрѣ Хрисанѳъ, насильственно низложенный съ престола распоряженіемъ турецкаго правительства, не принесъ каноническаго отреченія отъ власти, да и не соглашался дать его, въ виду вмѣшательства Порты въ церковное дѣло. При такихъ обстоятельствахъ архіереи Кипра и вновь избранный архіепископъ обратились за совѣтомъ къ архіепископу Синая Константію

[1]) Ставропигіальныя права этого монастыря были потомъ подтверждены вселенскимъ патріархомъ Кирилломъ VI въ сентябрѣ 1815 г.

(впослѣдствіи—вселенскому патріарху) временно находившемуся въ Ларнакѣ, и просили его указать имъ выходъ изъ затрудненія. Константій рекомендовалъ имъ обратиться за содѣйствіемъ къ константинопольской церкви, которая одна компетентна дать разрѣшеніе на хиротонію Кипріана. 28 іюня 1810 г. митрополиты Кипра (Хрисанѳъ пафскій и Евгеній киринійскій), должностные клирики архіепископіи (экономъ Николай, сакелларій Христодулъ, риторъ Давидъ, примикирій Христодулъ, сакеллій Савва) и другіе священники обратились къ великой Христовой церкви съ прошеніемъ, гдѣ указавъ на изгнаніе кипрскаго архіепископа Хрисанѳа и китійскаго митрополита Хрисанѳа, которому (изгнанію) ихъ подвергло турецкое правительство, и на избраніе ихъ преемниками іеромонаха эконома Кипріана и архимандрита Мелетія, просили дать разрѣшеніе пребывающему на островѣ синайскому архіепископу Константію вмѣстѣ съ другими архіереями хиротонисать ихъ въ епископскій санъ. 15 іюля того же года патріархъ Іеремія III и синодъ особою грамотою, отправленною на имя синайскаго архіепископа Константія, предложили ему и двумъ кипрскимъ митрополитамъ, по просьбѣ клира и народа кипрской церкви, хиротонисать Кипріана въ санъ архіепископа острова и Мелетія въ санъ китійскаго митрополита.

Архіепископъ Кипріанъ (1810—1821 г.) былъ выдающимся архипастыремъ кипрской церкви. Онъ упорядочилъ теченіе церковныхъ дѣлъ на островѣ, энергично защищалъ народъ отъ притѣсненій турецкихъ властей, заботился о просвѣщеніи духовенства и народа. Между прочимъ, 1 января 1812 г. онъ учредилъ въ Левкосіи при архіепископіи греческую школу, посвященную Св. Троицѣ, для обученія греческой молодежи въ духѣ православной церкви и для подготовки клириковъ. Школа имѣла большое значеніе для греческаго населенія, образовательный уровень котораго былъ вообще не высокъ, и привлекала учащихся со всего острова. Но всѣ плоды неустанныхъ и разнообразныхъ трудовъ Кипріана по благоустройству церковно-общественной жизни на островѣ были грубо уничтожены турками въ 1821 г., при чемъ мученически скончался и самъ архіепископъ съ другими іерархами и клириками. Когда возникло греческое возстаніе противъ турокъ, населеніе Кипра находилось внѣ общенія съ нимъ и не считало для себя удобнымъ примкнуть къ этому опасному движенію. Греческое населеніе острова, хотя и вдвое превосходило по численности населеніе мусульманское, но было безоружно, затѣмъ оно жило разобщенно и, наконецъ, было окружено мусульманскимъ населеніемъ (Египта, Сиріи и Киликіи), которое всегда могло подавить греческое возстаніе. Тѣмъ не менѣе, когда въ Константинополѣ начался терроръ, то и на Кипръ былъ посланъ приказъ отобрать у христіанъ и то немногое оружіе, которое они имѣли. Муселлимъ острова Кучукъ-Мехмедъ исполнилъ приказъ правительства, а затѣмъ, желая обогатиться на счетъ кипрскихъ христіанъ, отправилъ въ Константинополь списокъ лицъ, которыхъ, по его мнѣнію, слѣдовало предать смерти за поддержку и сочувствіе мятежникамъ. Въ списокъ было занесено 486 человѣкъ, въ томъ числѣ архіепископъ, три митрополита, игумены всѣхъ монастырей, почетные клирики проэстосы всѣхъ греческихъ кинотовъ острова. Порта утвердила списокъ въ цѣломъ объемѣ и приказала Кучукъ-Мехмеду умертвить всѣхъ названныхъ въ каталогѣ лицъ, а имущество ихъ конфисковать. Мехмедъ началъ съ того, что въ іюнѣ 1821 г. заключилъ представителей общинъ въ тюрьму, а всѣхъ архіереевъ вызвалъ въ Левкосію, потребовалъ отъ нихъ заложниковъ въ лицѣ почетнѣйшихъ должностныхъ клириковъ и задержалъ въ городѣ тѣхъ и другихъ. Въ іюлѣ въ Левкосію были созваны всѣ турецкіе начальники острова, посвящены въ распоряженіе султана и получили приказъ его исполнить. 9 іюля Левкосія была мѣстомъ ужаснѣйшихъ событій. Съ утра ворота города были закрыты и туркамъ было дано повелѣніе избивать христіанъ. Прежде всего были обезглавлены три митрополита—Хрисанѳъ пафскій, Мелетій китійскій и Лаврентій киринійскій. Кучукъ-Мехмедъ сперва увѣрилъ архіепископа Кипріана въ безопасности, а потомъ самъ привелъ его къ висѣлицѣ, устроенной на вѣтвяхъ смоковницы. На сосѣднемъ

платанѣ былъ повѣшенъ его архидіаконъ и секретарь. Въ тотъ же день были обезглавлены три проэстоса христіанъ, а на слѣдующій день были умерщвлены игумены монастырей и многіе изъ гражданъ. Избіеніе христіанъ продолжалось десять дней. Изъ болѣе или менѣе выдающихся жителей острова отъ смерти спаслись только тѣ немногіе, которые прибѣгли къ покровительству иностранцевъ и европейскихъ консуловъ. Почти все движимое и недвижимое имущество умерщвленныхъ епископовъ, клириковъ и христіанъ, а равно церквей и монастырей было расхищено и конфисковано мусульманами и Кучукъ-Мехмедомъ. Вскорѣ послѣ убійства архіереевъ Кучукъ-Мехмедъ пригласилъ къ себѣ задержанныхъ заложниковъ—архіерейскихъ клириковъ, одѣлъ ихъ въ особыя одежды и объявилъ гражданскими преемниками умерщвленныхъ іерарховъ; посадивъ ихъ потомъ на муловъ, на которыхъ прибыли въ Левкосію архіереи, Мехмедъ отправилъ ихъ, въ сопровожденіи отряда солдатъ, въ архіепископію. Христіане, получивъ отъ мусульманъ трупы умерщвленныхъ епископовъ и другихъ жертвъ турецкаго звѣрства, похоронили ихъ въ оградѣ храма Фанеромены, гдѣ они и оставались до 1872 года, когда храмъ былъ вновь построенъ и кости мучениковъ были погребены въ предѣлахъ алтаря.

Когда на Кипрѣ наступило относительное спокойствіе, клирики различныхъ епархій обратились къ великой Христовой церкви съ просьбою помочь имъ въ замѣщеніи вакантныхъ архіерейскихъ каѳедръ. Они сообщили, что уже намѣтили для этой цѣли вполнѣ компетентныхъ лицъ, и просили вселенскаго патріарха снестись съ патріархомъ антіохійскимъ, чтобы послѣдній прислалъ на островъ трехъ подчиненныхъ ему архіереевъ для хиротоніи новыхъ кипрскихъ епископовъ. Вселенскій патріархъ Евгеній, напуганный бѣдствіями бывшаго въ Константинополѣ террора, отвѣтилъ кипрскимъ клирикамъ, что вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ просьба ихъ трудно исполнима, и совѣтовалъ имъ на время успокоиться, пока великая церковь не укажетъ, что слѣдуетъ имъ дѣлать. Клирики поблагодарили патріарха за будущую о нихъ попечительность, но и сообщили его святѣйшеству, что кипрская церковь, какъ автокефальная, издревле пользуется правомъ избирать и хиротонисать епископовъ соборомъ своихъ іерарховъ, но въ данномъ случаѣ—положеніе исключительное, и не будетъ никакого соблазна, если на Кипръ прибудутъ архіереи изъ сосѣдней Финикіи и, съ согласія своего патріарха и по просьбѣ кипрскихъ клириковъ, совершатъ хиротонію мѣстныхъ епископовъ; разумѣется, предварительно будетъ испрошено разрѣшеніе турецкаго правительства. Послѣ второй просьбы кипрянъ патріархъ Евгеній обратился къ антіохійскому патріарху Серафиму съ предложеніемъ послать на Кипръ трехъ подчиненныхъ ему митрополитовъ для хиротоніи вновь избранныхъ трехъ епископовъ. Одновременно и кипряне обратились къ Серафиму съ аналогичною просьбою. Антіохійскій патріархъ командировалъ на островъ митрополитовъ Іоанникія епифанійскаго, Геннадія селевкійскаго и Меѳодія емесскаго, которые, прибывъ въ Левкосію, хиротонисали въ архіепископа Кипра іеромонаха Іоакима, эконома монастыря Апостола Варнавы, въ митрополита Пафа—архидіакона Панарета, въ митрополита Китія—архимандрита Леонтія и въ митрополита Кириніи — экзарха Дамаскина. Всѣ четыре хиротоніи были совершены въ декабрѣ 1821 г. Вновь избранные іерархи были признаны и турецкимъ правительствомъ, и каждый изъ нихъ вслѣдъ затѣмъ вступилъ въ управленіе своей паствой.

Архіепископъ Іоакимъ (1821—1824 г.) не отличался выдающимися достоинствами, хотя, какъ и другіе епископы острова, принадлежалъ къ лучшимъ представителямъ кипрскаго духовенства своего времени. Онъ, между прочимъ, прекрасно зналъ турецкій языкъ. Онъ недобровольно оставилъ архіепископскій престолъ, такъ какъ между нимъ и паствой возникли разногласія. Духовенство и народъ Кипра, недовольные Іоакимомъ, обратились съ жалобою къ турецкому правительству и обвинили его въ административной неопытности, въ неумѣніи и нежеланіи учить народъ, въ неспособности къ гражданскому представительству. Порта препроводила эту жалобу въ синодъ великой Христовой церкви. По этому поводу вселенскій патріархъ Анѳимъ III и синодъ въ сентябрѣ 1823 г. отправили

на Кипръ три посланія — одно клиру и народу съ увѣщаніемъ прекратить споръ съ архіепископомъ и холодныя и недоброжелательныя къ нему отношенія, замѣнивъ ихъ любовію и послушаніемъ, второе къ архіепископу Іоакиму съ сообщеніемъ о жалобѣ клира и народа и о недовольствахъ Порты этимъ, а также съ увѣщаніемъ принять всѣ мѣры къ правильному исполненію своихъ обязанностей, и третье—къ митрополитамъ Кипра, которымъ была поставлена на видъ нетактичность ихъ дѣйствій въ столкновеніи между паствой и архіепископомъ, ибо они,—вмѣсто того, чтобы благотворно воздѣйствовать на народъ,—индифферентно относились къ столкновенію и не принимали никакихъ мѣръ къ его прекращенію; патріархъ и синодъ рекомендовали имъ содѣйствовать примиренію между враждующими сторонами. Въ другомъ посланіи къ архіепископу Іоакиму (отъ 27 сентября 1823 г.) патріархъ Анѳимъ и синодъ выражали свое удовольствіе по тому поводу, что на Кипрѣ наступило нѣкоторое умиротвореніе, и рекомендовали архіепископу продолжать свою политику въ примирительномъ направленіи, такъ какъ правительство готовится къ реформамъ, а великая церковь, въ свою очередь, будетъ прилагать усилія къ созданію наиболѣе благопріятныхъ условій для жизни ромейской райи. Въ ноябрѣ (17) того же года патріархъ Анѳимъ III писалъ клиру и народу Кипра, предлагая съ любовію встрѣтить новаго антіохійскаго патріарха Меѳодія, отправляющагося къ своей паствѣ. 28-го декабря 1823 г. патріархъ рекомендовалъ архіепископу Іоакиму распорядиться, чтобы киприяне не чинили препятствій французскимъ купцамъ въ производствѣ торговли, на что жаловался французскій консулъ. Въ 1824 г. между архіепископомъ и паствой существовали прежнія разногласія, и патріархъ Анѳимъ выражалъ скорбь церкви по поводу непрекращающихся здѣсь безпорядковъ. Но Іоакимъ не отвѣчалъ патріарху на его увѣщательныя грамоты, а патріархъ не разъ выражалъ свое неудовольствіе и недоумѣніе по поводу этого молчанія. Въ срединѣ 1824 г. Іоакимъ принесъ каноническое отреченіе отъ архіепископской власти.

Его преемникъ Дамаскинъ (1824—1827 г.), бывшій митрополитъ киринійскій, имѣлъ постоянныя столкновенія съ правителемъ Кипра Али-Рухи, очень жестоко и несправедливо относившимся къ христіанамъ. Рухи оклеветалъ архіепископа—защитника предъ Портой, по распоряженію которой Дамаскинъ былъ сосланъ въ Спарту. Константинопольскіе патріархи Хрисанѳъ I и Агаѳангелъ I имѣли съ Дамаскиномъ переписку по дѣламъ ставропигіальнаго монастыря Киkка и по поводу долговъ архіепископіи частнымъ лицамъ. Въ маѣ 1827 г. патріархъ Агаѳангелъ обратился къ духовенству и народу Кипра съ запрещеніемъ вступать въ бракъ съ армянами и угрожалъ отлученіемъ какъ непосредственнымъ виновникамъ, такъ и лицамъ, содѣйствовавшимъ такимъ бракамъ; имѣлись въ виду, главнымъ образомъ, тѣ случаи, когда православныя женщины, поступая въ услуженіе къ армянамъ, измѣняли вѣрѣ отцовъ.

Великая церковь не забывала о Дамаскинѣ и въ изгнаніи и оказывала ему моральную и матеріальную помощь. Дамаскинъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ изгнанія, возвратился на Кипръ и получилъ въ управленіе китійскую митрополію, проедромъ которой и состоялъ до самой смерти своей.

Преемникомъ Дамаскина былъ Панаретъ (1827—1840 г.), перемѣщенный на архіепископскую каѳедру съ митрополичьей каѳедры Пафа. Панаретъ заявилъ себя, прежде всего, заботами о внѣшнемъ благосостояніи ромейской райи Кипра. Въ 1830 г. онъ созвалъ собраніе изъ представителей народа, на которомъ была избрана четырехчленная коммиссія и отправлена въ Константинополь для ходатайства о нуждахъ бѣдныхъ жителей острова. Коммиссія успѣшно выполнила свое дѣло и получила шесть опредѣленій султана о милостяхъ къ бѣднякамъ и добилась прощенія долга съ острова до 700.000 піастровъ. Въ 1837 г. Панаретъ, по общему рѣшенію клира и народа, послалъ въ Константинополь новую епитропію, которая исхлопотала уменьшеніе годовыхъ податей съ острова до 3.179.082 піастровъ (или гросіевъ по 8 коп.); кромѣ того, жители острова должны были платить 480.000 гросіевъ турецкому пашѣ и 120.000 начальнику военнаго гарнизона. Панаретъ и лично ходатайствовалъ предъ Портой о различныхъ общественныхъ и экономиче-

скихъ нуждахъ христіанъ и, большею частію, достигалъ своихъ цѣлей, пользуясь содѣйствіемъ вселенскихъ патріарховъ Агаѳангела I, Константія I и Григорія VI. Между прочимъ, патріархъ Константій въ своемъ посланіи въ іюлѣ 1830 г. рекомендовалъ Панарету заботиться объ успокоеніи умовъ на Кипрѣ. въ виду возникшихъ здѣсь общественныхъ движеній. Тотъ же патріархъ извѣстилъ Панарета (4 апрѣля 1831 г.), что правительство готовится оказать острову новыя милости по поводу его ходатайства и т. д. Впрочемъ, въ одномъ посланіи 1831 г. патріархъ сообщилъ архіепископу, что на него принесена жалоба за бездѣятельность, и рекомендовалъ ему усердно заниматься дѣлами архіепископскаго престола. Далѣе, архіепископъ Панаретъ возстановилъ въ Левкосіи греческую школу (въ 1830 г.), которая прекратила существованіе въ 1821 г., пригласивъ сюда дидаскаломъ питомца народной школы въ Константинополѣ Онуфрія Микеллида и вообще заботился о просвѣщеніи клира и мірянъ острова. Когда на Востокѣ распространилось антицерковное ученіе Ѳеофила Капри, то Панаретъ распространялъ на островѣ окружныя противъ него посланія, составленныя вселенскимъ патріархомъ Григоріемъ VI. Архіепископы имѣли переписку съ вселенскими патріархами по дѣламъ брачнымъ и монастырскимъ. Между прочимъ, патріархъ Константій I по мотивамъ „экономіи" разрѣшилъ бракъ въ шестой степени кровнаго родства (дочери консула Антонія Вондикіана), приказавъ совершить его тайно, во избѣжаніе соблазна. Но архіепископія по прежнему была обременена долгами. Объ общемъ же положеніи кипрской церкви въ это время можетъ свидѣтельствовать и такой фактъ. Христіане Венеціи подарили нѣсколько колоколовъ монастырямъ св. Маманта, Нерукотвореннаго Спаса и св. Пантелеймона. По этому поводу австрійскій консулъ Антолій Капрара обратился къ Портѣ съ просьбою разрѣшить монастырямъ пользоваться подаренными колоколами. 2 августа 1840 г. патріархъ Анѳимъ IV увѣдомилъ консула, что разрѣшенія на это правительствомъ не дано, такъ какъ христіане турецкой имперіи могутъ пользоваться въ храмахъ только билами.

Среди кипрскихъ бѣглецовъ 1821 г. былъ, между прочимъ, архіепископскій экзархъ Іоанникій, который благополучно прибылъ въ Парижъ, гостепріимно здѣсь былъ принятъ и даже получалъ отъ французскаго правительства 250 франковъ ежемѣсячно на свое содержаніе. Когда въ Парижъ пріѣхалъ извѣстный турецкій дѣятель Решидъ-паша, то онъ, познакомившись съ Іоанникіемъ, взялъ его съ собою въ Константинополь, а потомъ отправилъ въ 1839 г. на Кипръ, назначивъ жалованье въ 1.000 гросіевъ ежемѣсячно. Въ это время положеніе кипрскаго архіепископа Панарета сдѣлалось уже непрочнымъ, такъ какъ онъ имѣлъ неосторожность вмѣшаться въ борьбу двухъ мѣстныхъ партій и возстановилъ противъ себя народныхъ представителей. Враждебная Панарету партія, желая добиться его низложенія, сгруппировалась около Іоанникія и рекомендовала его правительству, какъ достойнаго претендента архіепископской власти. Это ей и удалось достигнуть при содѣйствіи Порты, и Панаретъ вынужденъ былъ принести отреченіе отъ власти (13 октября 1840 года) и удалился въ монастырь св. Честнаго Креста. Его сторонники дважды потомъ пытались возстановить его на престолѣ, но всякій разъ встрѣчали сильное противодѣйствіе со стороны партіи Іоанникія и турецкихъ чиновниковъ. Между прочимъ, вселенскій патріархъ Германъ IV, въ отвѣтъ на просьбу димогеронтовъ и прокритовъ острова, ходатайствовавшихъ въ пользу возвращенія Панарета, 9 августа 1842 г. писалъ, что по дѣлу будетъ произведено разслѣдованіе на мѣстѣ и христіане, какъ истинные сыны церкви, обязаны говорить на допросѣ одну только правду. Панаретъ въ глубокой старости скончался въ монастырѣ Честнаго Креста.

Архіепископъ Іоанникій (1840—1849 г.), по примѣру своихъ предшественниковъ, защищалъ свою паству отъ притѣсненій турецкихъ чиновниковъ, посылалъ въ Константинополь своихъ представителей (1842 г.) для ходатайства о нуждахъ народа, не разъ писалъ вселенскимъ патріархамъ объ этихъ нуждахъ и просилъ помощи и содѣйствія предъ Портой (напр., въ 1845 году—патріарху Мелетію III), самъ путешествовалъ въ Константинополь (1848 г.) для непосредственной защиты интересовъ своей паствы. Но во времена Іоанникія политическое зна-

ченіе кипрскаго архіепископа уменьшилось и не имѣло прежнихъ границъ. Такъ, раньше архіепископъ имѣлъ возможность облегчать положеніе бѣдныхъ христіанъ при сборѣ податей, который производился при содѣйствіи уполномоченныхъ отъ архіепископіи, а теперь сборами стали завѣдывать исключительно турецкіе чиновники, которые безжалостно взыскивали налоги и повинности и съ бѣдныхъ христіанъ. Далѣе, архіепископъ Іоанникій прислалъ патріарху Герману IV 5.000 гросіевъ на содержаніе вновь открывавшейся богословской школы въ монастырѣ Св. Троицы на Халкѣ, хотя финансовое положеніе архіепископіи было очень стѣсненное.

По смерти Іоанникія, его преемникомъ былъ избранъ Кириллъ (1849 — 1854 г.), родственникъ архіепископа-мученика Кипріана. Онъ отличался опытностію въ церковныхъ дѣлахъ и пользовался уваженіемъ народа за свои гражданскія заслуги, такъ какъ не разъ путешествовалъ въ Константинополь для ходатайства о мѣстныхъ общественныхъ нуждахъ. 2 мая 1849 г. патріархъ вселенскій Анѳимъ IV привѣтствовалъ Кирилла съ избраніемъ и выражалъ увѣренность въ плодотворности его управленія кипрскою церковію. И о Кириллѣ дѣйствительно извѣстно, что на архіепископской каѳедрѣ онъ оказался на высотѣ призванія и успѣшно руководилъ церковною жизнію острова. Но управленіе его, вслѣдствіе кратковременности, не могло ознаменоваться дѣлами выдающагося значенія. Онъ скончался въ 1854 году вслѣдствіе перенесенныхъ имъ сильныхъ волненій, вызванныхъ опасеніями за свою жизнь и за судьбу греческаго народа. Когда началась крымская война, — на Кипрѣ были распространены анонимные листки, призывавшіе грековъ къ возстанію. Составителемъ ихъ былъ, какъ впослѣдствіи оказалось, учитель греческой школы въ Левкосіи Епаминондъ Франкудисъ, жившій въ архіепископіи. Лишь только турки узнали объ этихъ листкахъ, немедленно потребовали у властей отобрать у христіанъ оружіе и принять мѣры къ подавленію готовящагося возстанія. Хотя реальныхъ его признаковъ не было, но общественное мнѣніе стало обвинять Кирилла въ сочувствіи мятежу и въ покровительствѣ его участникамъ. Кириллу стоило большихъ трудовъ убѣдить мусульманъ въ томъ, что греки и не думаютъ о возстаніи, а воззваніе къ нему есть дѣло одного лица. Онъ предотвратилъ надвигавшуюся на народъ бѣду, но самъ отъ волненій заболѣлъ и въ іюнѣ 1854 г. скончался въ монастырѣ Ираклида.

Счастливѣе Кирилла былъ его преемникъ архіепископъ Макарій (1854 — 1865 г.). Онъ 27 лѣтъ служилъ въ архіепископіи діакономъ, былъ человѣкъ разумный и осторожный и въ теченіе 11 лѣтъ мирно и благополучно правилъ церковію. Главное свое вниманіе Макарій сосредоточилъ на просвѣщеніи клира и народа. Въ Левкосіи онъ покровительствовалъ школамъ—греческой, для которой назначилъ трехъ учителей, и взаимнаго обученія, увеличивъ ея средства. Въ городѣ не было женской школы, и Макарій, при содѣйствіи синаита-протосникелла Григорія и митрополитовъ іерусалимской церкви (уроженцевъ Кипра) Мелетія петро-аравійскаго и Филимона газскаго, открылъ такую школу въ 1857 г., обезпечивъ ея существованіе постоянными взносами церквей, монастырей и христіанъ архіепископіи. Макарій на собственныя средства обучалъ стипендіатовъ въ школахъ Аѳинъ. Архипастырь поощрялъ и христіанъ подчиненныхъ ему городовъ и селъ къ устройству школъ, и при его нравственномъ содѣйствіи во многихъ мѣстахъ Кипра были открыты училища греческія, взаимнаго обученія и женскія. Въ 1862 — 1863 г. онъ перестроилъ зданіе архіепископіи, въ частности—домъ для синодальныхъ засѣданій. И въ гражданско-политическомъ отношеніи дѣятельность Макарія была успѣшна. Онъ удачно ходатайствовалъ предъ правительствомъ по дѣламъ народа, находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ турецкими властями и даже пользовался уваженіемъ ихъ и мусульманскаго населенія острова. Съ вселенскими патріархами онъ находился въ перепискѣ по дѣламъ ставропигіальныхъ монастырей на Кипрѣ и дѣйствовалъ примѣнительно къ ихъ распоряженіямъ. Макарій скончался 4 августа 1864 года въ Левосіи отъ холеры, свирѣпствовавшей на Кипрѣ,—такъ какъ не хотѣлъ и на короткое время оставить свою паству, за которую онъ, какъ пастырь добрый, и душу свою положилъ.

Когда скончался архіепископъ Макарій,

многіе изъ жителей городовъ, боясь холеры, оставили свои дома и удалились въ села на возвышенныхъ мѣстахъ острова. Поэтому избраніе новаго архіепископа было отложено на три мѣсяца, пока болѣзнь не прекратилась. Затѣмъ три митрополита и представители всего острова устроили избирательное собраніе, на которомъ архіепископомъ былъ избранъ схолархъ школы въ Левкосіи Софроній (1865—1900 г.). Софроній принадлежалъ къ числу наиболѣе выдающихся архіепископовъ острова. Онъ отличался обширнымъ образованіемъ, прекраснымъ даромъ слова и пользовался большою любовію народа за помощь въ несчастіяхъ и содѣйствіе всякому доброму дѣлу. Вступивъ на архіепископскій тронъ, Софроній первой своей заботой имѣлъ религіозно-нравственное просвѣщеніе паствы. Онъ съ большой ревностію занимался проповѣдью слова Божія въ городахъ и селахъ своей епархіи, которую ежегодно обозрѣвалъ для непосредственнаго ознакомленія съ дѣлами и для поученія народа. Онъ и поощрялъ христіанъ строить школы, слѣдуя въ этомъ отношеніи по стопамъ своего предшественника. Въ первые годы управленія Софронія христіане Кипра много страдали отъ бездождія, засухи и саранчи. Архіепископъ вмѣстѣ съ турецкими властями принималъ мѣры борьбы съ саранчою, ходатайствовалъ предъ правительствомъ о снабженіи жителей хлѣбомъ и сѣменами и вообще проявилъ удивительную энергію въ защитѣ интересовъ ромейской райи. Ему удалось также добиться выдѣленія Кипра въ административномъ отношеніи изъ номархіи острововъ и образовать здѣсь самостоятельный округъ съ правами непосредственнаго обращенія администраціи и народа къ турецкому правительству. За свою дѣятельность архіепископъ пользовался уваженіемъ даже мусульманъ. Извѣстенъ бератъ, данный архіепископу Софронію султаномъ Абдулъ-Азисомъ въ 1865 г. относительно его правъ и преимуществъ. Интересно ознакомиться съ этимъ документомъ, который проливаетъ свѣтъ на характеръ и предѣлы власти архіепископовъ Кипра и вообще на положеніе мѣстной церкви въ эпоху турецкаго здѣсь владычества.

Софроній наслѣдовалъ архіепископію Кипра согласно древнему обычаю. Находящіеся подъ его юрисдикціею мѣстные митрополиты, епископы, игумены, священники, монахи всѣ христіане, по древнему обычаю и религіозной обязанности, должны признавать его архіепископомъ и не должны выходить изъ-подъ послушанія ему. Никто другой не можетъ препятствовать Софронію въ его архіепископскомъ достоинствѣ, вмѣшиваться въ его дѣла и причинять ему безпокойство. Никто безъ высочайшаго повелѣнія не можетъ изъять изъ его власти издревле подчиненные архіепископу Кипра церкви и монастыри. Никто не долженъ вмѣшиваться въ дѣла его епархіи, имѣющей установленныя издревле границы и права. Безъ письменнаго разрѣшенія архіепископа никто не занимаетъ мѣсто митрополита или епископа, не допускается и пріобрѣтеніе или уменьшеніе ихъ правъ. Когда христіанинъ желаетъ жениться или развестись по своимъ религіознымъ правиламъ, то въ этомъ посредствуетъ архіепископъ или его епитропы, назначенные царскимъ опредѣленіемъ, и никто другой не вмѣшивается и не принимаетъ въ этомъ участія. Если кто-либо изъ монаховъ и остальныхъ христіанъ посвятитъ предъ смертію что-либо бѣднымъ церквамъ или архіепископу, согласно своимъ религіознымъ обычаямъ, то онъ, архіепископъ, принимаетъ это въ присутствіи свидѣтелей христіанъ. Когда подчиненные архіепископу митрополиты, епископы, игумены, священники и остальные монахи нарушатъ свои религіозныя обязанности и совершатъ преступленіе, то они наказываются архіепископомъ соотвѣтственно религіознымъ правиламъ, дабы раскаялись и исправились, и никто другой не имѣетъ права вмѣшиваться въ эти дѣла. Если кто-либо изъ священниковъ и патріаршихъ епитроповъ противозаконно совершитъ бракъ, безъ разрѣшенія и согласія архіепископа, то онъ подвергается суду и наказанію. Когда, согласно религіознымъ правиламъ, надлежитъ удалить или замѣнить митрополитовъ, епископовъ, священниковъ, монаховъ и игуменовъ, то архіепископъ поступаетъ примѣнительно къ религіознымъ своимъ правамъ, при чемъ объ этомъ сообщается въ столицу имперіи; вновь назначенныя или перемѣщенныя духовныя лица вносятъ въ государственную казну установленныя пошлины и получаютъ султанскій бератъ на свои мѣста и необходимыя священныя повелѣнія. Архіепископъ имѣетъ

право получать съ митрополитовъ, клириковъ, монаховъ и христіанъ установленные денежные взносы; турецкіе чиновники, въ случаѣ необходимости, содѣйствуютъ ему въ ихъ взиманіи. Всѣ взносы отъ христіанъ, церквей и монастырей должны безпрепятственно доставляться архіепископу. Архіепископъ имѣетъ право водворять въ монастыряхъ тѣхъ монаховъ, которые изъ любви къ мірскимъ интересамъ оставляютъ ихъ и поступаютъ несогласно съ церковно-религіозными предписаніями. Въ случаѣ опасности, грозящей архіепископу и митрополитамъ, они съ цѣлію избѣжать ее могутъ переодѣваться (μετασχηματίξωνται), а въ случаѣ необходимости турецкіе чиновники и солдаты съ оружіемъ въ рукахъ должны защищать ихъ жизнь. Никто не долженъ насильственно обращать христіанина въ мусульманскую вѣру. Подчиненные архіепископу митрополиты, въ случаѣ необходимости поѣхать по своимъ дѣламъ въ столицу, могутъ сдѣлать это лишь съ разрѣшенія архіепископа, и никто другой не долженъ ему препятствовать въ этомъ. Если митрополиты и епископы будутъ платить архіепископу свой каноническій взносъ не деньгами, а тканями и одеждами, то турецкія власти и таможенные чиновники не должны безпокоить архіепископскихъ епитроповъ какими-либо повинностями и пошлинами, когда они будутъ отправлять эти предметы по назначенію. Турецкіе чиновники не должны предъявлять никакихъ требованій о пошлинахъ и повинностяхъ за принадлежащіе архіепископу виноградники, на вино, масло, медъ и другіе продукты, данные ему по древнему обычаю христіанами. Священныя земли, принадлежащія церквамъ архіепископіи, виноградники, метохи, пастбища, священные источники (агіазмы), мельницы, инвентарь и т. д.—все это находится во владѣніи и завѣдываніи архіепископа, и никто другой не предъявляетъ на нихъ права. Когда отъ имени пашей, кади и наибовъ будетъ представлено прошеніе противъ того или другого митрополита или епископа Кипра съ обвиненіемъ его въ дурной жизни и съ ходатайствомъ объ изгнаніи или низложеніи ихъ, то предварительно необходимо произвести разслѣдованіе обвиненія, а потомъ по дѣлу издается высокій фирманъ, безъ котораго вся жалоба не имѣетъ силы. Но и въ случаѣ изданія фирмана обвиняемые могутъ обращаться къ правительству съ своими прошеніями и разъяснять пункты ихъ обвиненій. Если христіане при жизни своей посвятятъ церкви или завѣщаютъ въ пользу архіепископа, митрополитовъ и епископовъ какія-либо вещи, согласно обычаямъ своей вѣры, то ихъ наслѣдники обязаны исполнить посмертную волю жертвователей. Никто не долженъ препятствовать митрополитамъ, епископамъ или ихъ уполномоченнымъ получать съ христіанъ установленные каноническіе взносы. Когда между двумя христіанами возникнетъ споръ относительно брака или развода или другихъ дѣлъ, то архіепископъ съ согласія ихъ разбираетъ возникшее дѣло. Когда христіане, по обрядамъ своей вѣры, приносятъ присягу или подвергаются церковному наказанію, то турецкія судебныя власти не имѣютъ права вмѣшиваться въ эти дѣла и причинять какое-либо безпокойство. Безъ согласія и разрѣшенія архіепископа и митрополитовъ находящіеся подъ ихъ духовной юрисдикціей священники не могутъ совершать браки, несогласные съ религіозными опредѣленіями и канонами. Когда умираютъ митрополиты, епископы, монахи и монахини, не имѣющіе наслѣдниковъ, то все ихъ имущество получаетъ архіепископъ, а турецкіе чиновники не должны предъявлять на него правъ казны. Если кто-либо изъ сильныхъ людей станетъ требовать, чтобъ былъ совершенъ бракъ вопреки церковнымъ опредѣленіямъ, то ихъ насиліе должно быть отвергнуто. Равнымъ образомъ не должны удовлетворяться и требованія какихъ-либо сильныхъ людей о перемѣщеніи священниковъ съ одного прихода въ другой. Никто не долженъ препятствовать архіепископу въ томъ случаѣ, когда онъ для наказанія или исправленія христіанъ подвергаетъ ихъ отлученію. Когда умираютъ лица, находившіяся подъ церковнымъ отлученіемъ за незаконный бракъ или по другой винѣ, то никто изъ судебныхъ и гражданскихъ властей острова не долженъ заставлять священниковъ совершать отпѣваніе и погребеніе умершихъ по христіанскому обряду. Никто не долженъ препятствовать архіепископу перемѣщать и вообще наказывать епископовъ и священниковъ за церковно-религіозные проступки. Когда христіане по завѣщанію оставляютъ въ пользу церкви, мона-

стыря и архіепископа третью часть своего имущества, то онъ безпрепятственно долженъ получать это отъ наслѣдниковъ. Когда по опредѣленію гражданскаго суда предстоитъ задержать священника, монаха или монахиню, то это задержаніе должно производиться чрезъ посредство архіепископа. Когда монахи, не принадлежащіе къ какой-либо одной церкви или монастырю, станутъ переходить съ мѣста на мѣсто и производить соблазнъ, то архіепископъ имѣетъ право ихъ задержать и наказать. Архіепископъ имѣетъ долгъ ежегодно контролировать денежные отчеты епитроповъ церквей и монастырей и, въ случаѣ замѣченныхъ неправильностей, можетъ требовать чрезъ гражданскій судъ возмѣщенія виновными причиненныхъ убытковъ, а также смѣщать однихъ епитроповъ и назначать другихъ и никто не имѣетъ права препятствовать ему въ этомъ. Никто изъ гражданскихъ чиновниковъ не долженъ препятствовать митрополитамъ и епископамъ въ исполненіи ихъ обязанностей и причинять имъ какіе-либо убытки. Въ случаѣ ихъ смерти, преемникамъ ихъ, согласно древнему обычаю, должны быть выданы царскіе бераты. Архіепископъ Кипра безъ вины не лишается власти и не замѣняется другимъ лицомъ, пользующимся покровительствомъ гражданскихъ властей. Прошенія архіепископа, представляемыя правительству, должны приниматься, а его ходатайства по религіознымъ дѣламъ должны благосклонно выслушиваться. Относительно кандидатовъ архіепископства у правительства не должно быть и малѣйшаго подозрѣнія, такъ какъ епископами избираются лица свѣдущія, преданныя религіознымъ обязанностямъ, правоспособныя во всѣхъ отношеніяхъ и безукоризненныя съ гражданско-политической точки зрѣнія. Никто изъ гражданскихъ чиновниковъ не долженъ препятствовать архіепископу держать въ рукѣ жезлъ, ѣхать на конѣ или мулѣ. Вопреки волѣ архіепископа никто не долженъ являться къ нему на служеніе и причинять безпокойство своими требованіями. Вообще, въ дѣлахъ религіознаго управленія архіепископъ долженъ быть свободенъ и независимъ отъ всякихъ постороннихъ притязаній.

Архіепископъ Софроній пережилъ конецъ турецкаго владычества на Кипрѣ, отразившагося крайне неблагопріятно на положеніи мѣстной православной церкви, и былъ первымъ (и пока единственнымъ) первоіерархомъ ея въ новую эпоху ея исторіи—подъ англійскимъ протекторатомъ острова.

IV. Въ 1878 году Кипръ былъ оккупированъ Англіею. Православная кипрская церковь освободилась отъ трехвѣковаго мусульманскаго ига и съ радостію привѣтствовала политическое покровительство христіанскаго государства. Но, къ сожалѣнію, эта радость была непродолжительна, и греки скоро стали проклинать тотъ часъ, когда, — вмѣсто мусульманскаго полумѣсяца, — всюду сталъ развѣваться англійскій флагъ. Изъ видовъ политическихъ англичане потворствовали и покровительствовали туркамъ и неблагосклонно относились къ грекамъ, игнорировали нужды православной церкви, открыли широкій доступъ на островъ протестантизму и даже латинству. Въ 1889 г. кипрскій архіепископъ Софроній путешествовалъ въ Англію и былъ торжественно здѣсь встрѣченъ. Англиканское духовенство воспользовалось этимъ визитомъ для новыхъ переговоровъ о соединеніи православной и англиканской церквей, но дальше словъ дѣло не пошло, такъ какъ отъ греческой церкви были потребованы нѣкоторыя уступки. Господство англичанъ сопровождается усиленіемъ на Кипрѣ протестантизма. Здѣсь учреждено протестантское общество „The Cyprus Society“, которое имѣетъ задачею помогать православнымъ епископамъ въ воспитаніи ихъ клира. Но, разумѣется, такая помощь для православной церкви не пріемлема. Далѣе, одинъ англиканскій пасторъ наблюдаетъ за школами христіанскими и мусульманскими. Англичане стараются увѣрить грековъ, что имъ хорошо живется подъ покровительствомъ Англіи, но греки держатся особаго на этотъ счетъ мнѣнія и въ послѣднее время стали усиленно стремиться къ соединенію съ королевствомъ греческимъ.

Въ концѣ XIX вѣка на Кипрѣ было,—какъ и теперь есть,—четыре епархіи: одна архіепископія и три митрополіи. Каѳедра архіепископа находится въ г. Левкосіи, а въ составъ его епархіи входятъ и слѣдующіе города: Кипръ, Карпасія, Саламинъ, Фамагуста, Тримиѳунтъ и Тамазосъ. Полный титулъ представителя кипрской церкви такой: „Блаженнѣйшій архіепископъ Новой Юстиніани и всего Кипра“. Въ 1895 г.

при архіепископіи были слѣдующія должностныя лица: архимандритъ, вѣдавшій внутреннія ея дѣла, экзархъ, заботившійся о дѣлахъ внѣшнихъ, архидіаконъ, исполнявшій различнаго рода служенія, и экономъ; три первые клирика, по полномочію архіепископа, также разсматривали частныя дѣла христіанъ и примиряли враждовавшихъ, а кромѣ того обозрѣвали монастыри. Общее число священниковъ архіепископіи, брачныхъ и безбрачныхъ, простиралось отъ 280 до 300 человѣкъ. Изъ монастырей въ предѣлахъ архіепископіи одни находились довольно въ хорошемъ состояніи, а другіе были въ упадкѣ. Изъ первыхъ: монастыри Кикка и Махера относятся къ разряду ставропигіальныхъ и имѣютъ игуменскіе совѣты, которые управляютъ имуществомъ монастырей и заботятся объ экономическихъ дѣлахъ. Въ составѣ братства (отъ 15 до 30 человѣкъ) они имѣютъ архимандритовъ, протосинкелловъ, іеромонаховъ, іеродіаконовъ и монаховъ, которые и несутъ различные труды при монастырѣ по назначенію игуменскаго совѣта. Въ монастырѣ соблюдается общежительный уставъ. Въ архіепископіи также существуютъ монастыри—Апостола Варнавы, Апостола Андрея и Палліургіотиссы, имѣющіе отъ 4 до 7 монаховъ. Упраздненные монастыри сохранили за собою имущество, которое отдается въ аренду на вполнѣ гарантированныхъ условіяхъ; доходы съ этихъ имѣній идутъ на улучшеніе ихъ, а также на бѣдныхъ, школы, митрополіи, такъ какъ киприяне теперь бѣдны и даютъ въ пользу церкви лишь третью часть того, что давали раньше. По сообщенію архіепископа Софронія отъ 1894 г., тогдашнее положеніе кипрской церкви было печально во всѣхъ отношеніяхъ, въ частности—экономическомъ. Его блаженство уповалъ, что въ будущемъ оно улучшится и „несчастные“ киприяне будутъ жить въ болѣе благопріятныхъ религіозныхъ и нравственныхъ условіяхъ. Но Софроній скончался († 22 мая 1900 г.), не дождавшись этого счастливаго времени. Послѣ его кончины, вызвавшей общее сожалѣніе, церковныя дѣла на Кипрѣ ухудшились. Достаточно сказать, что преемникъ Софронія не избирался въ теченіе семи лѣтъ. Относительно вообще избранія кипрскаго архіепископа нужно сказать, что оно въ турецкую эпоху производилось митрополитами и представителями отъ духовенства и мірянъ. Утвержденіе новоизбраннаго зависѣло отъ султана, который выдавалъ ему и бератъ о правахъ и привилегіяхъ. Хиротонію новоизбраннаго совершали мѣстные митрополиты—члены синода. Управленіе церковными дѣлами архіепископъ производитъ не единолично, а совмѣстно съ постоянно находящимся при немъ синодомъ. За богослуженіемъ онъ поминаетъ „всякое епископство православныхъ“, а митрополиты возносятъ имя архіепископа.

Далѣе, пафская митрополія состоитъ изъ городовъ—Пафа, Килокедара, Авдима и Хрисокха съ ихъ округами. Пафскій митрополитъ занимаетъ первое мѣсто въ ряду подчиненныхъ кипрскому архіепископу іерарховъ. Онъ именуется „преосвященнымъ митрополитомъ Пафа, всечестнымъ и экзархомъ Арсиніи и Ромеонъ“. Въ 1894 г. при митрополитѣ Епифаніи всѣхъ священнослужителей въ епархіи 240, изъ нихъ 225 пресвитеровъ и 15 іеродіаконовъ; монаховъ „великосхимниковъ“ въ епархіи не было, а имѣлись одни „рясофоры“. Изъ 225 пресвитеровъ, 205 принадлежали къ брачному духовенству и занимали мѣста въ 96 селахъ; остальны же двадцать были іеромонахи, вѣрнѣе— „рясофоры“. Доходы митрополіи получались отъ имѣній и отъ добровольныхъ пожертвованій христіанъ. Въ предѣлахъ пафской епархіи имѣются монастыри: св. Неофита, Богородицы Χρυσοῤῥοϊτίσσης и Богородицы Τρωοδιτίσσης. Первый монастырь подчиненъ архіепископу, а остальные мѣстному митрополиту. Каждый монастырь управляется своимъ игуменомъ, который обязанъ во всемъ отдавать отчетъ своей духовной власти. Митрополиту въ управленіи церковными дѣлами помогаетъ архимандритъ и экзархъ; при немъ состоитъ и іеродіаконъ. Въ приходахъ—церковнымъ имуществомъ завѣдуютъ епитропія изъ прихожанъ, утверждаемыхъ митрополитомъ. По смерти митрополита Епифанія пафская каѳедра до настоящаго времени пребываетъ вакантною.

Митрополія китійская въ 1894 г. состояла изъ городовъ Ларнакса и Лемисса и около 100 селъ. Всѣхъ священниковъ въ епархіи было 174 и іеродіаконовъ 18, а именно: митрополія имѣла 2 священниковъ и 3 іеродіаконовъ, городъ Ларнаксъ—10 священниковъ и 3 іеродіакона, городъ

Лемиссъ—6 священниковъ и 3 іеродіакона, монастырь св. Георгія—2 священника и 1 іеродіакона, монастырь Ставровунія — 1 священника и 1 іеродіакона, а во всѣхъ селахъ было 153 священника и 7 іеродіаконовъ. Приходское духовенство городовъ имѣетъ достаточный доходъ отъ прихожанъ, а клирики селъ принуждены имѣть и частныя занятія, какъ и прихожане ихъ, дабы болѣе или менѣе сносно существовать. Всѣми церквами городовъ и селъ завѣдуютъ епитропіи, избираемыя прихожанами на одинъ или два года, утверждаемыя митрополитомъ и обязанныя отдавать отчетъ приходу и церковной власти. Митрополитъ именуется проедромъ Амаѳунта, новаго города Лемисса и Курія. Нынѣ каѳедру Китія занимаетъ преосвященный Кириллъ.

Киринійская митрополія состоитъ изъ городовъ Киринін, Морфу и Соли. Митрополитъ (нынѣ—Кириллъ) именуется и проедромъ Соли. Въ епархіи имѣются до 180 клириковъ.

По свѣдѣніямъ отъ 1905 г. греческихъ церквей на Кипрѣ было 607, монастырей штатныхъ и упраздненныхъ до 37, греческихъ школъ 287, учащихся 19.111. Общее содержаніе школъ стоило 5.761 англійскихъ лиръ въ годъ. Въ Левкосіи для противодѣйствія протестантской пропагандѣ существуетъ общество „Ὀρθοδοξία“, которое издаетъ религіозно-нравственныя книги и устраиваетъ народныя чтенія и бесѣды. Клиръ въ образовательномъ отношеніи до послѣдняго времени стоялъ невысоко: бѣдствія латинскаго владычества и мусульманскаго ига сказываются и донынѣ. Матеріальное его положеніе также оставляетъ желать многаго. Впрочемъ, архіепископъ и митрополитъ получаютъ такъ наз. каноническіе взносы (*τὰ κανονικά*) отъ всѣхъ церквей своихъ епархій, филотимонъ или подарки отъ духовенства, плату за совершеніе богослуженій въ приходахъ (*τὰ λειτουργικά*), десятину отъ произведеній земли (*αἱ ζητεῖαι*), доходы отъ недвижимыхъ имѣній и отъ монастырей. Но сельское духовенство терпитъ большую нужду.

Новѣйшія церковныя событія на Кипрѣ представляютъ рядъ крупныхъ нестроеній, вызванныхъ борьбою партій изъ-за вакантнаго архіепископскаго престола. Возникъ такъ наз. кипрскій церковный вопросъ, имѣющій и свою литературу. Благопріятное рѣшеніе вопроса ожидается только въ настоящее время. Извѣстно, что еще въ маѣ 1900 г. скончался предстоятель кипрской церкви, архіепископъ Софроній, и съ того времени церковь остается безъ своего наначаловождя,—хотя, по установившемуся на Кипрѣ обычаю, новаго архіепископа надлежало избрать лѣтомъ того же 1900 года. На островѣ Кипрѣ образовались двѣ партіи, одна—во главѣ съ киринійскимъ митрополитомъ Кирилломъ, а другая—во главѣ съ китійскимъ митрополитомъ Кирилломъ. Каждая изъ этихъ партій выставила своего кандидата на вакантную архіепископскую каѳедру острова, при чемъ наиболѣе достойнымъ претендентомъ, по мнѣнію духовенства, былъ киринійскій митрополитъ Кириллъ, предсѣдатель священнаго синода кипрской церкви, почтенный и уважаемый дѣятель, строгій исполнитель церковныхъ каноновъ и постановленій, желавшій произвести избраніе архіепископа по издавна дѣйствовавшему здѣсь церковному уставу, не смотря на новыя политическія условія въ положеніи острова, вызванныя протекторатомъ Англіи. Но избраніе на архіепископскую каѳедру киринійскаго митрополита не входило въ планы другой партіи, преимущественно изъ мірянъ и проводившей кандидатуру китійскаго митрополита Кирилла. Но этотъ претендентъ имѣлъ мало шансовъ на полученіе предстоятельства въ кипрской церкви. И вотъ онъ предпринялъ борьбу изъ-за престола, принесшую кипрской церкви много вреда. Онъ прежде всего привлекъ на свою сторону губернатора Кипра, который, по мотивамъ политическимъ, принялъ участіе въ неподлежащемъ его компетенціи церковномъ дѣлѣ и, конечно, сталъ защищать кандидатуру китійскаго митрополита. Когда же помощь свѣтской власти оказалась недостаточною, китійскій митрополитъ апеллировать къ вселенскому патріарху Константину V, прося его защиты и помощи. Но патріархъ не нашелъ возможнымъ поддержать кандидата, котораго не одобрилъ синодъ. Въ кипрское церковное дѣло постарались вмѣшаться не только протестанты, но и латиняне, получившіе свободный доступъ на Кипръ послѣ его подчиненія Англіи, и еще больше обострили отношенія между двумя партіями. И чѣмъ дальше шло время,

тѣмъ страсти разгорались сильнѣе, и вопросъ простой и ясный запутывался и осложнялся болѣе и болѣе. Въ виду того, что митрополитъ китійскій опирался на покровительство правительственной власти и на содѣйствіе свѣтскихъ лицъ, воспользовавшихся актомъ избранія новаго архіепископа, какъ средствомъ для осуществленія своихъ національно-политическихъ стремленій, митрополитъ киринійскій вмѣстѣ съ синодомъ, въ свой очередь, обратился къ посредничеству великой Христовой церкви и просилъ патріарховъ—сперва Константина V, а потомъ Іоакима III оказать кипрской церкви свое братское содѣйствіе въ затруднительномъ ея положеніи. Оба патріарха съ полнымъ сочувствіемъ отнеслись къ этой просьбѣ и постарались оказать кипрскому синоду свое возможное содѣйствіе. На островъ неоднократно посылались изъ Константинополя экзархи для примиренія партій (напр., въ 1901 г.—іеродіаконъ Димитрій Георгіадисъ, профессоръ богословской школы на Халки), кипрскому синоду предлагались нейтральные кандидаты на архіепископскую каѳедру изъ среды іерарховъ другихъ престоловъ (напр., Іоакимъ, митрополитъ меленикскій, Филаретъ, митрополитъ дидимотихскій, архимандритъ вселенскаго престола Григорій Константинидисъ, Мелетій, архіепископъ киріакопольскій—въ Палестинѣ), къ совмѣстному обсужденію кипрскаго церковнаго вопроса были привлечены и патріархи іерусалимскій Даміанъ и александрійскій Фотій. Патріархъ Іоакимъ III посылалъ на Кипръ посланія къ духовенству и народу и приглашалъ всѣхъ къ миру и единенію,—но все было напрасно: китійскій митрополитъ и его сторонники, стремясь во что бы то ни стало захватить архіепископскій престолъ въ свои руки, отвергали всякую помощь и содѣйствіе со стороны греческихъ патріарховъ, тормозили правильное движеніе избирательнаго процесса и сводили на нѣтъ всѣ стремленія противной партіи руководиться въ этомъ актѣ церковными канонами и опредѣленіями. Такъ дѣло это тянулось до 1907 года. Излишне говорить, что церковныя дѣла на Кипрѣ, вслѣдствіе семилѣтняго административнаго кризиса, пришли въ большое неустройство, духовенство и народъ подѣлились на враждебныя партіи, борьба которыхъ крайне неблагопріятно отражалась на церковно-религіозной жизни острова, церковной смутой воспользовались инославные миссіонеры и масоны и опутали многихъ изъ православнаго населенія сѣтью своихъ религіозныхъ воззрѣній. Но мало того,—въ началѣ 1907 г. въ области кипрскаго церковнаго вопроса возникли новыя осложненія, грозившія православной кипрской церкви опасными послѣдствіями. 24-го марта 1907 г. изъ города Левкосіи священный синодъ кипрской церкви прислалъ константинопольскому патріарху Іоакиму III слѣдующую телеграмму: „Политическіе единомышленники китійскаго митрополита Кирилла представили въ законодательный совѣтъ, состоящій изъ англичанъ, турокъ и грековъ, проектъ закона объ избраніи архіепископа, противный священнымъ канонамъ православной церкви, лишающій ее правъ, которыя усвояются некомпетентнымъ мірянамъ. Священный синодъ Кипра, подвергаясь притѣсненію, проситъ у великой церкви содѣйствія для устраненія опасности“. Эта телеграмма вызвала въ патріархіи большую скорбь и недовольство лицами, рѣшившимися въ церковномъ дѣлѣ поступать противоканонически и беззаконно. Извѣстно, что законодательный совѣтъ Кипра состоитъ изъ членовъ христіанъ и нехристіанъ, при чемъ православныхъ здѣсь только половина общаго числа,—находится подъ предсѣдательствомъ губернатора-англичанина, имѣетъ совершенно особое политическое назначеніе и, естественно, по самой природѣ своей и въ силу многоразличныхъ каноническихъ основаній, не можетъ вмѣшиваться или участвовать въ преобразованіи церковныхъ дѣлъ православной церкви на Кипрѣ, въ частности же не имѣетъ ни малѣйшаго права касаться избранія архіепископа и остальныхъ духовныхъ пастырей острова. Къ тому же, починъ привлеченія законодательнаго совѣта острова къ участію въ церковныхъ дѣлахъ принадлежитъ лицамъ, которыя, какъ митрополитъ китійскій и его сторонники, всѣми средствами препятствовали вмѣшательству въ избраніе мѣстнаго архіепископа со стороны остальныхъ патріаршихъ престоловъ, мотивируя это тѣмъ, что такимъ вмѣшательствомъ будто бы нарушаются или умаляются права автокефальной кипрской церкви, хотя всѣмъ было ясно, что восточные патріархи не про-

являли ни малѣйшихъ притязаній на права этой церкви, а лишь старались оказать ей братскую помощь въ затруднительномъ положеніи, какъ это много разъ бывало и раньше не только на Кипрѣ, но и въ патріархатахъ іерусалимскомъ, антіохійскомъ и александрійскомъ. Однако, теперь тѣ же самыя лица, привлекши къ участію въ составленіи церковнаго устава гражданское законодательное учрежденіе, полухристіанское и полуправославное, колебали и самыя основныя начала устройства православной церкви на Кипрѣ. Что касается новаго законопроекта объ избраніи архіепископа кипрской церкви, внесеннаго въ законодательный совѣтъ острова членомъ его Киріакидомъ, то онъ, дѣйствительно, составленъ въ прямое нарушеніе церковныхъ правилъ и постановленій и колеблетъ автокефальное достоинство кипрской церкви, имѣющей свой административный, законодательный и судебный высшій органъ въ постоянномъ священномъ ея синодѣ. Въ виду этого, священный синодъ, въ составѣ предсѣдателя киринійскаго митрополита Кирилла, игуменовъ монастырей Кикка Герасима и Махера—Митрофана и архимандрита архіепископіи Филоѳея, заявилъ свой протестъ относительно законопроекта, представивъ его губернатору Кипра, какъ предсѣдателю законодательнаго совѣта. Въ своемъ докладѣ синодъ заявляетъ, что онъ больше всѣхъ скорбитъ по поводу продолжительнаго вдовства кипрской церкви и весьма сильно желаетъ, чтобы оно, какъ можно, скорѣе окончилось. Однако, вновь составленный законопроектъ, подлежащій разсмотрѣнію гражданскаго законодательнаго совѣта, вмѣсто успокоенія церкви и пользы для изстрадавшихся православныхъ жителей острова, принесетъ новый раздоръ и вредъ и послужитъ поводомъ для дальнѣйшей церковной схизмы. Избраніе епископовъ всегда было и будетъ дѣломъ церковнымъ, какъ это видно изъ Новаго Завѣта и изъ церковныхъ каноновъ, сила и значеніе которыхъ для церкви обязательны.

Между тѣмъ, новый законопроектъ совершенно игнорируетъ каноны церкви и сообщаетъ предмету чуждый ему характеръ, нарушая основные принципы всего акта; поэтому англійское правительство не должно обращать на него вниманія. Такъ, по предписанію новаго закона, „два митрополита, или одинъ изъ нихъ, издаютъ окружное посланіе и объявляютъ объ избраніи избирателей архіепископа на основаніи каталоговъ, которые они получатъ отъ губернатора“. Это постановленіе, по мнѣнію членовъ синода, противорѣчитъ правамъ высшей церковной власти на Кипрѣ, именно священнаго синода, которому издавна принадлежитъ каноническое право дѣлать объявленія объ избраніи епископовъ (2 прав. II всел. соб., 34 и 35 апост., 6 и 7 пр. I всел. соб.). Церковь кипрская всегда имѣла свой синодъ, одною изъ обязанностей котораго и было заботиться объ избраніи, хиротоніи и интронизаціи епископовъ и церковныхъ начальниковъ. И въ самыя критическія эпохи исторіи кипрской церкви этотъ чинъ и обычай дѣйствовали и соблюдались. А когда скончался кипрскій архіепископъ Софроній, то синодъ, по своему праву и обязанности, принялъ на себя заботы о замѣщеніи двухъ вдовствовавшихъ каѳедръ—архіепископской и митрополичьей въ г. Пафѣ. Объ этомъ синодъ оффиціально сообщилъ англійскому правительству и опубликовалъ окружное посланіе къ православному населенію Кипра. Послѣ этого синодъ оповѣстилъ уставъ для избранія архіепископа и издалъ новое по этому поводу окружное посланіе, въ силу котораго въ епархіяхъ были произведены выборы избирателей. Дѣло пошло нормальнымъ порядкомъ и давно было бы закончено, если бы митрополитъ китійскій, домогавшійся архіепископскаго престола, не предложилъ представить дѣло на рѣшеніе великой константинопольской церкви, разсчитывая затормозить выборы и найти тотъ или иной путь къ предстоятельству. Священный синодъ кипрской церкви, высоко цѣня каноническое общеніе съ остальными православными автокефальными церквами, согласился съ этимъ и сталъ спокойно ожидать продолженія дѣла. Константинопольскій патріархъ, получивъ просьбу о содѣйствіи кипрской церкви, призналъ необходимымъ предложить кипрское церковное дѣло на обсужденіе и остальныхъ патріарховъ Востока. А затѣмъ восточные патріархи постановили общее рѣшеніе, возложивъ избраніе архіепископа Кипра на мѣстный священный синодъ примѣнительно къ составленному имъ канонизму. И англійскій министръ колоній, какъ это видно изъ сообщенія губернатора

Кипра на имя председателя синода отъ 18 сентября 1902 года, призналъ право избранія архіепископа также за синодомъ. Между тѣмъ, въ новомъ законопроектѣ о синодѣ не говорится ни слова:—онъ проектируетъ предоставить распоряженіе объ избраніи архіепископа двумъ или даже одному (конечно, китійскому) митрополиту, въ прямое нарушеніе каноновъ православной церкви, обычаевъ и постановленій автокефальной кипрской церкви, общаго рѣшенія ad hoc восточныхъ патріарховъ. Значитъ, законопроектъ въ самой основѣ своей несостоятеленъ и ложенъ и никоимъ образомъ не можетъ быть принятъ священнымъ синодомъ. Далѣе, новый законопроектъ, вопрѐки церковнымъ правиламъ и постановленіемъ, предоставляетъ въ избраніи архіепископа слишкомъ большое участіе свѣтскимъ чиновникамъ и вообще мірянамъ, а нѣкоторыхъ представителей гражданской власти ставитъ даже выше всякой власти церковной. Этого по принципу никакъ нельзя допустить въ церкви православной, гдѣ церковная іерархія всегда занимала и должна занимать особое мѣсто и имѣетъ исключительное значеніе, которое никакъ нельзя замѣнить какимълибо представительствомъ міринъ или свести на ту или иную роль гражданской власти. Въ церкви православной, въ случаѣ какихълибо непреодолимыхъ затрудненій въ рѣшеніи церковныхъ вопросовъ, издревле установился обычай обращаться къ братской помощи другихъ помѣстныхъ церквей и въ ихъ содѣйствіи находить выходъ изъ встрѣтившихся коллизій. Что же касается участія въ избраніи кипрскаго архіепископа міринъ, о которомъ говорится въ законопроектѣ Киріакида, то по этому поводу умѣстно привести 30-е апостольское правило, которое гласитъ: „Аще который епископъ, мірскихъ начальниковъ употребивъ, чрезъ нихъ получитъ епископскую въ церкви власть, да будетъ извержевъ и отлученъ, и вси сообщающіеся съ нимъ“ (ср. 2 пр. IV всел. соб., 3 и 5 пр. VII всел. соб., 13 лаод.). Ясно, значитъ, что новый законопроектъ, какъ антиканоническій, не можетъ быть принятъ. Особенно враждебными православной церкви нужно признать 29 и 30 параграфы новаго законопроекта, редактированные такимъ образомъ: „Кандидатъ, получившій большинство голосовъ, считается законно избраннымъ (на каѳедру архіепископа) со стороны клира и народа греческой православной общины острова и согласно съ установленіями автокефальной греческой православной церкви Кипра. Результатъ избранія немедленно сообщается предсѣдателемъ избирательнаго собранія губернатору Кипра, а греческому православному народу острова—избраннымъ архіепископомъ посредствомъ надлежащаго объявленія“. Здѣсь рѣчь идетъ вовсе не объ избраніи архіепископа, главы и предстоятеля автокефальной православной церкви и начальновождя многочисленной православной паствы, а какъ будто объ избраніи предсѣдателя какого-либо общества или политическаго клуба. Законопроектъ совершенно умалчиваетъ объ оцѣнкѣ и испытаніи кандидатовъ архіерейства, обыкновенно производимыхъ высшей церковной властію соборно, о хиротоніи новоизбраннаго и его интронизаціи или торжественномъ посажденіи на престолѣ. Законопроектъ даже и не подозрѣваетъ, что по церковнымъ правиламъ сперва указываются три кандидата для замѣщенія той или иной епископской каѳедры, а затѣмъ соборъ или синодъ избираетъ одного изъ нихъ. А если кандидатъ для епископства будетъ избранъ изъ міринъ, то вѣдь предварительно необходимо провести его по всѣмъ степенямъ священства, соблюдая опредѣленные сроки для каждой степени. Наконецъ, кто совершаетъ хиротонію новоизбраннаго архіепископа и какъ происходитъ его интронизація?—Объ этомъ законопроектъ также хранитъ абсолютное молчаніе. Вообще, новый уставъ объ избраніи кипрскаго архіепископа грубо противорѣчитъ церковнымъ канонамъ, обычаямъ и порядкамъ автокефальной кипрской церкви и, вмѣсто рѣшенія крупнаго и сложнаго вопроса, создаетъ лишь новыя затрудненія и осложненія, которыя поведутъ къ большимъ нестроеніямъ въ церковной жизни Кипра и создадутъ весьма опасную схизму.—Островъ Кипръ въ предшествующей своей исторіи испыталъ уже много бѣдствій. Но греческій народъ, его населявшій, всегда, какъ зеницу ока, хранилъ св. православную вѣру. Новый законопроектъ объ избраніи архіепископа, составленный Киріакидомъ, представляетъ не иное что, какъ походъ противъ православія на Кипрѣ, попытку оторвать греческій народъ отъ этого достоянія отцовъ и отъ каноническаго общенія съ остальными православными

церквами, къ прямой гибели кипрскаго православнаго населенія. Но священный синодъ кипрской церкви, заявляя свой протестъ противъ этого враждебнаго ей законопроекта, выражаетъ увѣренность, что гуманное и справедливое англійское правительство не утвердитъ и не введетъ въ дѣйствіе этотъ уставъ и не дастъ миролюбивому православно-христіанскому народу Кипра повода къ возстанію.

Такимъ образомъ, синодъ кипрской церкви подвергъ новый законопроектъ объ избраніи архіепископа обстоятельной критикѣ, съ которою законодательный совѣтъ острова не могъ не считаться. Со своей стороны, вселенскій патріархъ Іоакимъ III, ознакомившись съ новымъ канонизмомъ и имѣя въ виду просьбу кипрскаго синода, отправилъ ему и китійскому митрополиту Кириллу слѣдующую отвѣтную депешу: „Церковь константинопольская не одобряетъ всякое дѣло, несогласное съ священными канонами и устройствомъ церковнаго управленія, желая сестрѣ своей церкви кипрской единомыслія и помощи свыше на этомъ пути“. Вслѣдъ затѣмъ церковныя обстоятельства на Кипрѣ круто измѣнились. Китійскій митрополитъ Кириллъ, долго враждовавшій съ мѣстнымъ священнымъ синодомъ, наконецъ, примирился съ нимъ и согласился единодушно дѣйствовать въ избраніи новаго архіепископа острова. Объ этомъ радостномъ событіи въ серединѣ апрѣля 1907 г. синодъ извѣстилъ вселенскаго патріарха Іоакима III и опять просилъ его принять, вмѣстѣ съ остальными греческими патріархами, участіе въ избраніи архіепископа кипрской церкви. По этому поводу патріархъ вошелъ въ сношеніе съ блаженнѣйшими Даміаномъ іерусалимскимъ и Фотіемъ александрійскимъ; было постановлено отправить на островъ экзарховъ отъ имени предстоятелей греческихъ церквей, которые и помогутъ церкви кипрской выйти изъ продолжительнаго и опаснаго кризиса.

Въ силу соглашенія между греческими патріархами, лѣтомъ 1907 года на островъ Кипръ прибыли—блаженнѣйшій Фотій, патріархъ александрійскій, экзархъ вселенскаго патріарха анхіальскій митрополитъ Василій и экзархъ іерусалимскаго патріарха архимандритъ Мелетій Метаксакисъ. Задача этихъ представителей греческихъ церквей состояла въ содѣйствіи синоду кипрской церкви въ каноническомъ избраніи архіепископа. Сначала между этими представителями и кипрскимъ священнымъ синодомъ установились мирныя отношенія, при чемъ патріархъ Фотій и іерусалимскій экзархъ архимандритъ Мелетій находились въ полномъ согласіи и съ константинопольскимъ экзархомъ митрополитомъ Василіемъ, который, по руководству данной ему инструкціи, поддерживалъ сторону киринійскаго митрополита Кирилла, какъ дѣйствовавшаго, въ теченіе всего кризиса, на строго каноническомъ основаніи и въ защиту внутренней свободы кипрской церкви. Но въ концѣ 1907 года патріархъ Фотій перешелъ на сторону китійскаго митрополита Кирилла, который опять сталъ въ оппозицію къ синоду кипрской церкви и началъ домогаться архіепископскаго престола. Іерусалимскій архимандритъ Мелетій, нарушивъ данную ему патріархомъ Даміаномъ инструкцію—дѣйствовать въ союзѣ съ экзархомъ константинопольской церкви, также примкнулъ къ партіи Фотія и китійскаго митрополита Кирилла. И вотъ, вопреки всеобщему ожиданію, представители восточныхъ церквей опять принесли на Кипръ раздоръ, вмѣсто мира, и вновь подняли на островѣ партійную борьбу изъ-за архіепископскаго престола, нѣсколько затихшую въ предшествующее время. Борьба получила весьма страстный и даже ожесточенный характеръ, вышла за предѣлы кипрской церкви и взволновала почти весь греческій Востокъ, такъ какъ участниками столкновенія теперь явились александрійскій патріархъ и патріаршіе экзархи константинопольскій и іерусалимскій, за которыми стояли святѣйшій Іоакимъ III и блаженнѣйшій Даміанъ. Вся греческая печать оживленно начала обсуждать церковныя дѣла на Кипрѣ, а православное населеніе этого острова вновь подѣлилось на двѣ партіи и съ повышенною энергіею вступило во взаимныя пререканія о томъ, быть ли архіепископомъ Кипра митрополиту китійскому, или киринійскому. Китійскій митрополитъ Кириллъ, поддерживаемый патріархомъ Фотіемъ и іерусалимскимъ архимандритомъ Мелетіемъ, а также мірянами и англійскимъ правительствомъ, настойчиво домогался избранія на архіепископскій престолъ, тогда какъ киринійскій митрополитъ Кириллъ,

поддерживаемый константинопольскимъ экзархомъ митрополитомъ Василіемъ, синодомъ кипрской церкви и духовенствомъ, отклонялъ отъ себя кандидатуру и просилъ великую Христову церковь принять мѣры къ избранію архіепископа изъ среды іерарховъ константинопольскаго и иныхъ патріаршихъ престоловъ. Вообще, партія китійскаго митрополита руководилась въ своихъ притязаніяхъ преимущественно національно-политическими мотивами, тогда какъ партія киринійскаго митрополита держалась строго церковныхъ и каноническихъ основаній. На сторонѣ китійскаго митрополита былъ и представитель англійскаго правительства на Кипрѣ, ибо при содѣйствіи этого митрополита предполагалось ввести на островѣ новый церковно - административный законъ. Дѣло о разсмотрѣніи и введеніи въ дѣйствіе новаго церковно-административнаго закона опять сдѣлалось предметомъ обсужденія народныхъ представителей, при чемъ были замѣтны симпатіи большинства къ законопроекту, хотя онъ враждебно относится къ православной церкви. При такомъ положеніи дѣлъ киринійскій митрополитъ Кириллъ и синодъ кипрской церкви умоляли патріарха Іоакима III и его синодъ поспѣшить съ дѣломъ избранія новаго архіепископа Кипра, такъ какъ въ началѣ 1908 г. на островѣ долженъ былъ приступить къ своимъ занятіямъ народный совѣтъ, который на первую очередь и поставилъ новый законъ объ избраніи кипрскаго архіепископа. Кстати, патріархъ Фотій и архимандритъ Мелетій, сторонники китійскаго митрополита, къ празднику Рождества Христова выбыли съ острова. Константинопольская церковь, склоняясь на просьбы кипрскаго священнаго синода, вошла въ сношеніе съ іерусалимскимъ патріархомъ Даміаномъ по поводу избранія кипрскаго архіепископа изъ среды своихъ іерарховъ и, такимъ образомъ, признала необходимымъ оказать кипрской церкви свое братское содѣйствіе въ затруднительномъ положеніи, имѣя въ виду аналогичные факты въ прошломъ. Между тѣмъ, патріархъ Фотій, проведшій на Кипрѣ всю вторую половину 1907 года, въ началѣ 1908 г. опять рѣшилъ отправиться на островъ, дабы во что бы то ни стало посадить на архіепископскій престолъ острова киринійскаго митрополита. Узнавъ объ этомъ, синодъ кипрской церкви цѣлымъ рядомъ телеграммъ и посланій просилъ константинопольскаго патріарха Іоакима III воспрепятствовать Фотію вторично пріѣзжать на островъ, такъ какъ это прибытіе грозитъ церкви новыми осложненіями въ области ея мѣстныхъ интересовъ; въ тоже время синодъ самымъ настойчивымъ образомъ просилъ патріарха Іоакима III и константинопольскій синодъ возможно скорѣе избрать архіепископа для кипрской церкви. Патріархъ Іоакимъ III телеграфировалъ блаженнѣйшему Фотію, что вторичный его пріѣздъ на Кипръ нецѣлесообразенъ, поскольку полномочія патріаршихъ экзарховъ уже окончились. Но Фотій настоялъ на своемъ и отправился на Кипръ, при чемъ проѣздомъ посѣтилъ Яффу и имѣлъ съ іерусалимскимъ патріархомъ Даміаномъ секретное совѣщаніе по кипрскому дѣлу. Результатомъ этого свиданія было то, что патріархъ Даміанъ уклонился отъ участія въ избраніи кипрскаго архіепископа, несмотря на приглашеніе константинопольскаго патріарха. Но Фотій прибылъ на Кипръ уже тогда, когда архіепископъ былъ избранъ. Константинопольскій патріархъ Іоакимъ III и его синодъ, уступая усиленной просьбѣ синода кипрской церкви и желая оказать ей братскую помощь въ весьма тяжеломъ положеніи, 19 февраля 1908 г. приступилъ къ выборамъ кипрскаго архіепископа. Кандидатами были три митрополита: киринійскій Кириллъ, анхіальскій Василій и кассандрійскій Ириней. Синодъ единогласно избралъ на архіепископскую каѳедру Кипра киринійскаго митрополита Кирилла. Вѣсть объ этомъ избраніи произвела на островѣ, какъ и естественно, двойственное впечатлѣніе: сторонники китійскаго митрополита были крайне недовольны этимъ избраніемъ, грозили церкви новыми бѣдами и напастями и рѣзко осуждали константинопольскаго патріарха Іоакима III, тогда какъ сторонники новаго архіепископа торжествовали и благодарили святѣйшаго Іоакима. Въ первое время послѣ избранія архіепископа на Кипрѣ были и народныя волненія, но отвѣтственность за нихъ должна падать вовсе не на константинопольскаго патріарха (какъ старались представить дѣло враги кипрской церкви), а на сильныхъ и вліятельныхъ покровителей китійскаго митрополита, которому не удалось занять архіепископскій престолъ. Новый архіепископъ, подъ вліяніемъ смутъ на островѣ

и давленія извнѣ сначала отказывался отъ престола, а потомъ принялъ избраніе. Но это не создало умиротворенія на островѣ, гдѣ попрежнему продолжались волненія и смуты изъ-за архіепископскаго вопроса. Синодъ кипрской церкви, признавая избраніе Кирилла правильнымъ, совмѣстно съ нимъ велъ защиту церкви отъ притязаній англійскаго правительства, зашедшаго, въ теченіе восьми лѣтъ, слишкомъ далеко въ своемъ вмѣшательствѣ въ церковныя дѣла, не подлежащія его компетенціи, и потерявшаго возможность выхода изъ затрудненія безъ ущерба для своего престижа. Между прочимъ, кипрскій священный синодъ 10 марта 1908 г. отправилъ англійскому министру колоній оффиціальный протестъ по поводу нарушенія англійскимъ правительствомъ правъ автокефальной кипрской церкви, обвинивъ его и въ поощреніи смутъ на островѣ, раздирающихъ эту церковь въ теченіе восьми лѣтъ. Въ другомъ оффиціальномъ документѣ (отъ 22 марта) на имя того же министра синодъ заявилъ протестъ по поводу занятія правительствомъ зданій архіепископіи, состоявшагося безъ достаточнаго основанія, въ угоду лишь героямъ мятежной уличной толпы. Англійское правительство, въ свою очередь, не находило возможнымъ оставить занятую имъ позицію въ отношеніи къ постороннему для него дѣлу, попрежнему добивалось возведенія на архіепископскую каѳедру угоднаго ему кандидата—китійскаго митрополита, не признало Кирилла въ достоинствѣ архіепископа кипрской церкви и подвергало его возмутительному допросу и понужденію съ цѣлью заставить отказаться отъ архіепископской каѳедры. Но архіепископъ Кириллъ былъ несклоненъ къ уступкамъ и не подчинился произвольному дѣйствію иностранной державы. На его сторонѣ была и значительная часть кипрскаго населенія. 27 марта 1908 г. въ городѣ Левкосіи состоялось общее собраніе народа, сдѣлавшее слѣдующія опредѣленія: 1) собраніе выражаетъ глубокую благодарность константинопольскому патріарху Іоакиму III и его священному синоду за каноническое избраніе архіепископа Новой Юстиніаны и всего Кипра; 2) собраніе объявляетъ, что главнымъ виновникомъ бѣдствій и раздоровъ кипрскаго народа является китійскій митрополитъ Кириллъ; 3) собраніе заявляетъ, что поведеніе китійскаго митрополита всегда было и теперь остается противохристіанскимъ и соблазняетъ православныхъ жителей острова. Что касается китійскаго митрополита Кирилла, то онъ, опираясь на поддержку англійскаго правительства, также не отказывался отъ архіепископской каѳедры. Далѣе, константинопольскій патріархъ Іоакимъ и его синодъ занимали въ началѣ 1908 г. относительно кипрскаго вопроса ясное и опредѣленное положеніе. Избравши для кипрской церкви архіепископа, по просьбѣ мѣстнаго синода, и оказавши ему братское содѣйствіе въ затруднительныхъ обстоятельствахъ и для блага православія на островѣ, великая Христова церковь имѣла и основанія, и возможность привести кипрскую церковь въ полное умиротвореніе и обезпечить ей и дальнѣйшее спокойное состояніе. Іерусалимскій патріархъ Даміанъ,—по свойству его характера и церковной политики,—и въ кипрскомъ церковномъ вопросѣ обнаружилъ колебаніе и нерѣшительность. Сначала онъ раздѣлилъ взглядъ константинопольскаго патріарха на это дѣло, а потомъ уклонился отъ единомыслія съ нимъ. Однако, патріархъ Даміанъ заявилъ протестъ по поводу новаго закона объ избраніи архіепископа Кипра, поддерживаемаго англійскимъ правительствомъ, за что патріархъ Іоакимъ высказалъ ему свою благодарность. Александрійскій патріархъ Фотій сталъ въ прямую оппозицію къ новому кипрскому архіепископу, не призналъ его избранія законнымъ и заявилъ по этому поводу протестъ предъ константинопольскимъ патріархомъ. Затѣмъ Фотій перешелъ отъ словъ къ дѣлу. Въ сентябрѣ 1908 г. онъ образовалъ патріаршій синодъ, коего въ александрійской церкви давно уже не было, а въ октябрѣ отправилъ на Кипръ митрополитовъ Михаила птолемаидскаго и Христофора аксомскаго, а также Нектарія халепійскаго (въ Сиріи), которымъ и поручилъ заняться избраніемъ новаго кипрскаго архіепископа, совершенно игнорируя Кирилла, уже избраннаго константинопольскою церковію предстоятелемъ церкви кипрской. Получилось крайне соблазнительное зрѣлище, какого давно не видѣлъ православный Востокъ, даже въ самыя тяжелыя времена турецкаго ига; александрійскій патріархъ, безъ всякаго участія другихъ восточныхъ патріарховъ, готовился къ избранію архіепископа для автокефальной

церкви, противъ желанія синода, при громкомъ протестѣ архіепископа, большей части духовенства и народа острова, но за-то въ угоду своему властолюбію, съ цѣлію подорвать авторитетъ константинопольскаго патріарха, сдѣлать пріятное и англійскому правительству, дружба съ которымъ такъ необходима Фотію въ Египтѣ. Нужно при этомъ имѣть въ виду, что съ архіепископомъ Кирилломъ, какъ съ законнымъ представителемъ, уже вошли въ каноническія сношенія церкви константинопольская, элладская и сербская. Не смотря, конечно, на угодливость предъ англійскимъ правительствомъ, Фотію пришлось вступить въ унизительныя для православнаго патріарха сношенія съ англійскимъ комиссаромъ Кипра по вопросу о каноническомъ достоинствѣ двухъ его митрополитовъ (Михаила и Нектарія) и доказывать ихъ правоспособность въ исполненіи экзаршескихъ полномочій. Одновременно и часть духовенства Кипра вмѣстѣ съ народомъ отказалась признавать авторитетъ патріарха Фотія и его экзарховъ въ разрѣшеніи мѣстнаго архіепископскаго вопроса; поэтому митрополиты александрійской церкви фактически не могли приступить къ исполненію возложеннаго на нихъ патріархомъ порученія и въ теченіе полугода бездѣйствовали на Кипрѣ, оставивъ и свои епархіи въ Египтѣ безъ архипастырскаго своего надзора и попеченія. Тѣмъ временемъ константинопольскій патріархъ Іоакимъ III и синодъ извѣстили патріарховъ Фотія александрійскаго и Даміана іерусалимскаго, что 1) патріархъ Фотій долженъ воздержаться отъ всякаго единоличнаго дѣйствія въ кипрскомъ вопросѣ; 2) китійскій митрополитъ Кириллъ долженъ письменно отказаться отъ всякаго домогательства архіепископскаго престола на Кипрѣ, а его партія должна письменно сообщить тремъ восточнымъ патріархамъ, что она станетъ воздерживаться отъ избранія его, и 3) при такомъ несомнѣнномъ и миролюбивомъ настроеніи, ради мира на островѣ и для прекращенія дальнѣйшихъ бѣдствій, могущихъ поколебать церковь Кипра, константинопольская церковь соглашается посовѣтовать и указать избранному ею архіепископу Кириллу на пользу принести письменное каноническое отреченіе, а партія его должна безъ возраженія принять это отреченіе. Такимъ образомъ, константинопольская церковь условно намѣтила будущій путь своихъ дѣйствій въ кипрскомъ вопросѣ, о чемъ патріархъ Іоакимъ 16 декабря 1908 г. увѣдомилъ и „блаженнѣйшаго архіепископа Новой Юстиніаны и всего Кипра, высокопреосвященнаго Кирилла“. Однако и до конца марта 1909 года архіепископскій вопросъ на Кипрѣ еще не получилъ окончательнаго рѣшенія и дѣло остается безъ движенія: митрополиты александрійской церкви все еще пребываютъ на Кипрѣ, китійскій митрополитъ Кириллъ и его партія не представили письменнаго отказа отъ притязаній на архіепископство, патріархъ Фотій въ январѣ 1909 г. выбылъ изъ Александріи въ Константинополь для совмѣстнаго обсужденія съ патріархомъ Іоакимомъ III церковныхъ вопросовъ кипрскаго, іерусалимскаго, возникшаго послѣ низложенія съ престола блаженнѣйшаго Даміана (13 декабря 1908 г.), антіохійскаго и другихъ, а кипрскій архіепископъ Кириллъ пребываетъ во главѣ синода и предстоятельствуетъ въ церкви... Впрочемъ, англійское правительство усиливается произвести новые выборы архіепископа для православной автокефальной церкви на Кипрѣ. При господствующихъ въ послѣднее время нестроеніяхъ въ церковной жизни православнаго Востока, усилія инославной гражданской власти, при благосклонномъ содѣйствіи александрійскаго патріарха Фотія, могутъ оказаться и нетщетными.

Архіепископскій вопросъ болѣе восьми лѣтъ сосредоточивалъ на Кипрѣ всеобщее вниманіе и отвлекалъ мѣстныхъ церковныхъ дѣятелей отъ другихъ серьезныхъ и важныхъ дѣлъ. Тѣмъ не менѣе, кипрскій священный синодъ во главѣ съ киринійскимъ митрополитомъ Кирилломъ, имѣя въ виду недостаточность образовательнаго уровня мѣстнаго приходскаго духовенства, еще въ сентябрѣ 1907 г. открылъ специальную священническую школу въ г. Левкосіи. Эта школа является нынѣ единственнымъ духовно-учебнымъ заведеніемъ на всемъ островѣ. Помѣщеніемъ для нея служатъ опустѣвшія зданія загороднаго монастыря св. Параскевы. Курсъ обученія въ этой школѣ назначенъ въ три года. Здѣсь преподаются науки общеобразовательныя и богословскія. Учителями въ школѣ за небольшую плату согласились быть преподаватели главной кипрской гимназіи (Παγκύπριον)— г. г. Папаіоанну и Папапорфиріу, іерокириксъ

архіепископіи о. Филаретъ и другіе. Въ школѣ преподаются также педагогика и дидактика, дабы воспитанники, по примѣру учащихся въ духовной школѣ на о. Самосѣ, могли, по окончаніи ученія и до полученія должностей клириковъ, состоять учителями въ начальныхъ народныхъ школахъ. Обученіе и содержаніе учащихся предлагаются безплатно, при чемъ всѣ воспитанники обязаны жить въ интернатѣ. Всѣ они даютъ обязательство въ томъ, что, по окончаніи ученія и по достиженіи каноническаго возраста, сдѣлаются священниками. Средства на содержаніе школы собраны изъ пожертвованій кипрской архіепископіи, митрополій, монастырей и церквей на островѣ, а также изъ добровольныхъ приношеній благотворителей. Но вообще въ послѣднія тридцать лѣтъ греческое народное просвѣщеніе на Кипрѣ сдѣлало большіе успѣхи. Такъ, въ 1906 году на всемъ островѣ существовало 325 мужскихъ и женскихъ греческихъ школъ съ 412 учителями и учительницами, тогда какъ до англійскаго протектората островъ съ 140.000 жителей—грековъ имѣли 72 мужскихъ школы и 4 женскихъ. Между прочимъ, теперь въ Левкосіи существуетъ гимназія, а въ Ктиматѣ, Ларнаксѣ и Немесосѣ имѣются прогимназіи. Въ Левкосіи и двухъ послѣднихъ городахъ устроены и женскіе институты. Всѣ школы содержатся, главнымъ образомъ, на средства греческихъ кинотовъ Кипра, а правительство англійское отпускаетъ изъ своей казны лишь 80.000 франковъ, такъ что своими успѣхами греческое просвѣщеніе на островѣ обязано вовсе не англичанамъ, а самимъ грекамъ.

Въ заключеніе необходимо добавить, что изъ проживавшихъ народностей на Кипрѣ, кромѣ грековъ, жили сирійскіе арабы, грузины и абиссины. Сирійцы поселились здѣсь еще во время крестовыхъ походовъ, группировались около Никосіи и Фамагусты, въ гражданскомъ отношеніи зависѣло отъ свѣтскаго магистрата, называвшагося „reis", а въ церковно-религіозномъ они объединились съ греками и составляли единую по ученію и обрядамъ общину. Никейскій патріархъ Германъ II, отправившій на Кипръ нѣсколько посланій, обращался въ нихъ къ ромеямъ и сирійцамъ, какъ къ членамъ одной православной церкви. Грузины, жившіе на Кипрѣ въ небольшомъ числѣ, имѣли монастырь около Аламина, въ округѣ Мазота, а также въ другихъ мѣстахъ острова. Они находились въ тѣсномъ религіозномъ общеніи съ греками, отличались преданностію православной церкви и питали полное нерасположеніе къ латинянамъ [1]). Наконецъ, абиссины, сосредочившись около Никосіи, управляемой епископомъ, который посылался изъ Абиссиніи, и на чужбинѣ не переставали держаться нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядовъ своей родины. Многочисленна была на Кипрѣ и церковь латинская, которая имѣетъ свою исторію.

Литература. Исторія православной церкви на Кипрѣ разработана въ научномъ отношеніи весьма мало и еще ждетъ своего объективнаго, трудолюбиваго и талантливаго изслѣдователя. Изъ немногихъ опытовъ этой исторіи заслуживаютъ вниманія: К. Σάθας, Μεσαιωνικὴ Βιβλιοθήκη, τ. II (въ предисловіи помѣщена обстоятельная исторія Кипра до 1489 г., легшая въ основу изслѣдованій и другихъ ученыхъ), Ἐν Βενετίᾳ 1873; Φίλιππος Γεωργίου, Εἰδήσεις ἱστορικαὶ περὶ τῆς ἐκκλησίας τῆς Κύπρου, Ἀθήνησιν 1875 (книга составлена подъ сильнымъ вліяніемъ К. Саѳы въ первой своей части, доведена до указаннаго года изданія, написана съ любовію и вообще очень полезна для историка; для нашей статьи она послужила въ качествѣ одного изъ главныхъ пособій); *J. Hackette*, History of the Orthodox Church in Cyprus from the Coming of the Apostles Paul and Barnabas to the Commencement of the Britich Occupation (45—1878), London 1901 (книга богата содержаніемъ, обильно заимствованнымъ изъ греческихъ источниковъ, но проникнута протестантскимъ духомъ и не всегда объективно излагаетъ исторію православной церкви); *Aurelio Palmieri*, Eglise de Chypre (въ Dictionnaire de théologie catholique par *A. Vacant* et *Mangenot*, t. II, Paris 1905, 2425—2449). **Источники** для исторіи кипрской церкви: Σάθας, Μεσαιωνικὴ Βιβλιοθήκη, τ. II: 1) Περιγραφὴ τῆς σεβασμίας καὶ βασιλικῆς μονῆς τοῦ Κύκκου, 2) Τυπικὴ διάταξις Νείλου ἱερομονάχου καὶ καθηγουμένου καὶ κτήτορος τῆς σεβασμίας μονῆς τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου τοῦ Μαχαιρᾶ (*Miklosich* et *Muller*, Acta et diplomata graeca, t. V, Vindobonae 1887, p. 392—432), 3) Νεοφύτου πρότερον μοναχοῦ καὶ ἐγκλείστου περὶ τῶν κατὰ τὴν χώραν Κύπρον σκαιῶν, 4) Νόμοι καὶ διατάγματα περὶ τῶν ἐν τῇ νήσῳ Κύπρῳ ἑλλήνων, 5) Διήγησις τῶν ἁγίων τριῶν καὶ δέκα ὁσίων πατέρων τῶν διὰ

---

[1]) Ср. къ сему у проф. *Н. Я. Марра* въ „Журналахъ и Протоколахъ Предсоборнаго Присутствія", т. III (Спб. 1907), стр. 119*а* отдѣла „Объ устроеніи церковныхъ дѣлъ на Кавказѣ".—*Н. Н. Г.*

πυρὸς τελειωθέντων παρὰ τῶν λατίνων ἐν τῇ νήσῳ Κύπρῳ, 6) Γερμανοῦ πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως ἐπιστολαὶ δύο πρὸς τοὺς κυπρίους, 7) Γερμανοῦ πατριάρχου ἐπιστολὴ πρὸς τὸν πάπαν Γρηγόριον καὶ ἡ πρὸς αὐτὴν ἀπάντησις, 8) Λεοντίου Μαχαιρᾶ ἐξήγησις τῆς γλυκείας χώρας Κύπρου, 9) Γεωργίου Βουστρωνίου χρονικὸν (1456—1501). Κλήμης Καρναπᾶς, Ἀνέκδοτα κυπριακὰ ἔγγραφα τοῦ ΙΗ' αἰῶνος (въ предисловіи кратко излагается и исторія православной церкви Кипра), Ἐν Ἀμμοχούστῳ 1904. Ἀρχιμ.. Καλλίνικος Δελικάνης, Τὰ ἐν τοῖς κώδιξι τοῦ πατριαρχικοῦ ἀρχειοφυλακείου σωζόμενα ἐπίσημα ἐκκλησιαστικὰ ἔγγραφα τὰ ἀφορῶντα εἰς τὰς σχέσεις τοῦ οἰκουμενικοῦ πατριαρχείου πρὸς τὰς ἐκκλησίας Ἀλεξανδρείας, Ἀντιοχείας, Ἱεροσολύμων καὶ Κύπρου (1574 — 1863). Ἐν Κωνσταντινούπολει 1904. Μανουὴλ Γεδεών, Κανονικαὶ διατάξεις, τ. II, σ. 384 — 390. Κωνσταντινούπολις 1889. Древне-христіанскіе и византійскіе историки: *Евсевій*, *Сократъ*, *Созоменъ*, *Θеодоритъ*, *Θеофанъ*, *Константинъ Порфирородный*, *Кедринъ*, *Анна Комнина*, *Киннамъ*, *Зонара*, *Іоиль*, *Никита Хоніатъ*, *Георгій Акрополитъ*, *Никифоръ Каллистъ*, *Никифоръ Григора*, *Георгій Пахимеръ*, *Іоаннъ Кантакузинъ*, *Михаилъ Глика* и другіе. Канонистъ *Θеодоръ Вальсамонъ* и др. Къ общей исторіи православной церкви на Кипрѣ относятся: *Steffano Lusignano:* 1) Chronograffia et breve historia universale: dell'isole de Cipro. Bologna 1573, 2) Raccolta di cinque discorsi intitolate Corone per compendiare in sè cose appartenenti a gran re ea prencipi, Padova 1577, 3) Histoire générale des roiaumes de Hiérusalem, Cypre, Arménie et lieux circonvoisins, Paris 1613, 4) Description de toute l'isle de Chypre. Paris 1580, 5) Chronique et brieve histoire général de l'isle et roiaume de Chypre, depuis l'an CXLII après le déluge universel, jusques à l'an de notre Sauveur Jesus—Christ MDLXXII. *Loredano*, Histoire dé ré Lusigniani, Venetia 1653. Ροδινός, Περὶ ἡρώων, στρατηγῶν, φιλοσόφων. ἁγίων καὶ ἄλλων ὀνομαστῶν, ὁποῦ εὐγήκασι ἀπὸ τὸ νησὶ τῆς Κύπρου, Rome 1658. Δοσίθεος, πατριάρχης Ἱεροσολύμων, Ἱστορία περὶ τῶν ἐν Ἱεροσολύμοις πατριαρχευσάντων, Εν Βουκουρεστίῳ 1715. *Le Quien*, Oriens christianus; I—III (Paris 1740 squ.). *Pococke*, A Description of the East, London 1743. *Dominique Jauna*, Histoire générale des roiaumes de Chypre, de Iérusalem, d'Armenie et d'Egypte, t. I—II (Leiden 1747). Ἐφραίμιος πατριάρχης Ἱεροσολύμων, Ἡ περιγραφὴ τῆς σεβασμίας καὶ Βασιλικῆς μονῆς τοῦ Κύκκου, ἤτοι διήγησις περὶ τῆς ἐν Κύπρῳ ἀποκομίσεως τῆς θαυματουργοῦ ἁγίας εἰκόνος τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου τῆς λεγομένης Κυκοτίσσης, Ἐνετίῃσι 1751. Ἐφραίμιος π. Ἱερ., Τυπικὴ διάταξις τῆς κατὰ τὴν νῆσον Κύπρον σεβασμίας καὶ Βασιλικῆς μονῆς τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου, Μαχαιράδος ἐπιλεγομένης, Ἐνετίῃσι 1756. Ἀρχιμανδρίτης Κυπριανός: Τυπικὴ διάταξις Νεοφύτου τοῦ ἐγκλείστου, Ἐνετίῃσι 1779 (второе изданіе въ Левкосіи 1893); 2) Ἱστορία χρονολογικὴ τῆς νήσου Κύπρου, ἐρανισθεῖσα ἐκ διαφόρων ἱστοριῶν καὶ συντεθεῖσα ἁπλῇ φράσει, Ἐνετίῃσι 1788 (второе изданіе въ Левкосіи 1902). *Reinhard*, Vollständige Geschichte des Königreichs Cypren, Erlangen 1766; Ἰωσὴφ Βρυέννιος, Τὰ εὑρεθέντα, τ. II: Μελέτη περὶ τῆς τῶν κυπρίων πρὸς τὴν ὀρθόδοξον ἐκκλησίαν μελετηθείσης ἑνώσεως, Ἐν Λειψίᾳ, 1768. *Mariti*, Voyages dans l'isle de Chypre, Neuwied 1791. *Neale:* 1) History of the Holy Eastern Church, London 1850; 2) The Patriarchate of Alexandria, I—II (London 1874). *Annali Veneti* dall'anno 1457 al 1500 del senatore Domenico Malipiero («Archivio storico italiano», 1843, t. VII, p. 590—612). *Mas-Latrie:* 1) Notice sur la situation actuelle de l'île de Chypre («Archives des missions scientifiques et littéraires», 1850, t. I, p. 161—183, 502—556); 2) Histoire de l'île de Chypre sous le règne des princes de la maison de Lusignan, t. 1—3 (Paris 1861 — 1865); 3) L'île de Chypre, sa situation présente et ses souvenirs du moyen âge, Paris 1879; 4) Documents nouveaux servant de preuves à l'histoire de l'île de Chypre, Paris 1882. Ἀθανάσιος Κομνηνὸς Ὑψηλάντης, Τὰ μετὰ τὴν ἅλωσιν, Κωνσταντινούπολις 1870. Κ. Σάθας: 1) Νεοελληνικὴ φιλολογία, Ἀθῆναι 1868; 2) Τουρκοκρατουμένη Ἑλλάς, Ἀθῆναι 1869. *Stanley*, Lectures on the History of the Eastern Church, London 1908. *Adrian Fortescue*, The Orthodox Eastern Church, London 1907. *Louis Bréhier*, L'église et l'Oriet au moyen âge: Les croisades, Paris 1907. *Achille Luchaire*, Innocent III: La question d'Orient, Paris 1907. *J. d'Orcet*, Paphos, ses monastères et la fête de Venus («Revue britannique», 1874, t. V). *Harris*, Cyprus, its Past, Present and Futur, London 1878. *Backer*, Cyprus as J saw it in 1879, London 1879. *Hamilton*, Cyprus, its History, its Present Ressources and Futur Prospects, London 1878. *Davidson*, Cyprus, its Place in Bible History, London 1878. Βοντιζιάνος, Ἱστορία τῆς νήσου Κύπρου, Ἀθῆναι 1877. *Sassenay*, Chypre: Histoire et géograpfie, Paris 1878. *Max Ohnefalsch-Richter:* 1) Cypern, ein Kulturbild aus dem Jahre, 1883 («Unsere Zeit» 1884, Bd. I, S. 346—366, 778—796: церкви и монастыри); 2) Kypros Bd. I—II (Berlin 1892), *Massaruni*, Cipro antica et moderna («Nuova Antologia» 1888, t. III, p. 41—70, 255—279). *Lenorman*, Kittim: Etude ethnographie biblique («Revue des questions historique» 1885, t. XXXIV). *Levkosia*, the Capital of Cyprus, London 1881. Παπαδάκης: 1) Ἡ μονὴ τῆς Πελλαπαΐδος ἐν Κύπρῳ («Ἕσπερος» 1882, σ. 290 κτλ.); 2) Ἡ μονὴ τοῦ Κιτίου («Ἕσπερος» 1884). *Warren*, The Ritual Ordinance of Neophytus, and an Account of the Misfortunes of Cyprus by Neophytus and the Condition of the Island in His Time («Archaeologia» 1882, t. XLVII, p. 1—40). *Herquet*, Cyprische Königsgestalten des Hauses Lusignan, Halle 1881. *Sandford*, Our

Church in Cyprus, Oxford 1886. Παΐσιος, Ἐγχειρίδιον τοπογραφίας καὶ ἱστορίας τῆς νήσου Κύπρου, 1887. Κυπιάδης, Ἀπομνημονεύματα τῶν κατὰ τὸ 1821 ἐν τῇ νήσῳ Κύπρῳ τραγικῶν σκηνῶν, Ἀλεξάνδρεια 1888. Εὐαγγελίδης, Ἐγχειρίδιον χωρογραφίας καὶ γενικῆς ἱστορίας τῆς Κύπρου, Ἀλεξάδρεια, 1885. *Philippe de Navarre* et *Gérard de Monreal,* Les gestes des chyprois, Genéve 1877 («Societé de l'Orient latin»). Βασίλειος, Βιογραφία, θάνατος καὶ κηδεία τοῦ μυτροπολίτου Κυτίου Κυπριανοῦ, Ἀλεξάνδρεια 1887. Χρ. Παπαδόπουλος: 1) Αἱ ἐν Κύπρῳ χριστιανικαὶ ἀρχαιότητες («Σωτήρ», Ἀθῆναι 1888, τ. XI, σ. 275—277, τ. XIII, σ. 153—158; 2) Ὀλίγα περὶ τῆς ἐν Κύπρῳ ἐκκλησιαστικῆς ἀρχιτεκτονικῆς («Σωτήρ» τ. XIII, σ. 222—224); 3) Περιγραφὴ μονῶν τινῶν τῆς νήσου Κύπρου μετὰ τῶν ἐν αὐταῖς χειρογράφων («Σωτήρ» τ. XIII—XIV); 4) Μελέται περὶ τῆς ἐκκλησίας τῆς Κύπρου («Ὁμόνοια ἐν Ἀλεξανδρείᾳ» 1889, № 2607—2610). Ἀθανάσιος Παπαδόπουλος Κεραμεύς: 1) Αἱ νέαι ἐν Κύπρῳ ἀνασκαφαί («Νεολόγος» Κωνσταντινούπολις, 9 янв. 1886, № 4996); 2) Ὀλίγα περὶ Κιτίου («Νεολόγος», 19 дек. 1886, № 5264, 2 авг. 1895, № 7836—7837); 3) Περὶ τινῶν χειρογράφων τῆς ἄρτι ἀποτεφρωθείσης μονῆς τῆς Μαχαιράδος ἐν Κύπρῳ («Νεολόγου Ἑβδομαία Ἐπιθεώρησις» 1892, σ. 830 κτλ.). *Sathas,* Cipro nel medio evo («Nuovo archivio veneto» 1893, t. VIb). *Deschamps,* Quinze mois a l'île de Chypre («Tour du mond", nouvelle série, 3-e année, 1897). *Cobham,* Excerpta Cypria, Nicosie 1895. *Я. И. Смирновъ,* Христіанскія мозаики Кипра („Византійскій Временникъ" 1897 т. VI, стр. 1—93). Ἀ. Παπαδόπουλος Κεραμεύς, Περὶ τινὸς συγγραφῆς Ἀρκαδίου ἀρχιεπισκόπου Κύπρου, μνημονευθείσης ἐν τοῖς πρακτικοῖς τῆς ἑβδόμης οἰκουμενικῆς συνόδου („Византійскій Временникъ" 1894, т. I, стр. 601—612). *Richter,* Cyprus, the Bible and Homer, London 1893. *Petit,* Vie et ouvrages de Néophyte le reclus („Echos d'Orient, 1898—1899, p. 257 etc.). *Duckwort,* Church of Cyprus, London 1900. *Farcinet,* Le rois de Jerusalem et de Chypre de la maison de Lusignan, Fontenay-le-Comte 1900. *Cobham,* A Handbook of Cyprus, London 1901. Χρ. Παπαδόπουλος, Ὁ ἐν Ἀμμοχώστῳ καθεδρικὸς ναὸς τοῦ ἁγίου Νικολάου («Ταχυδρόμος» 1902, № 1235). Проф. *И. И. Соколовъ*: 1) Очерки исторіи православн. греко-восточн. церкви въ XIX в., Спб. 1901 (и во II т. Истор. христ. церкви въ XIX в., изд. проф. А. П. Лопухина, Спб. 1901); 2) Состояніе монашества въ византійской церкви съ половины IX до начала XIII вѣка (842—1204), Казань 1894. Παξιμάδας, Ἱστορία τοῦ συγχρόνου ἐκκλησιαστικοῦ ζητήματος τῆς Κύπρου, Ἀθῆναι 1902; † еп. *Арсеній* (Иващенко), Лѣтопись церковныхъ событій и гражданскихъ, поясняющихъ церковныя, отъ Р. Х. до 1898 г. Спб. ²1899. Ἀγαθάγγελος Νινολάκης, Ἡ πρὸς τοὺς Κρῆτας ἀλληλογραφία Μελετίου τοῦ Πηγᾶ, ἡ προσετέθη καὶ τὸ περισπούδαστον ἔργον αὐτοῦ «Κατὰ τῆς ἀρχῆς τοῦ πάπα. Χανία 1908. Κ. Σάθας, Κυπριακὰ ἱστορήματα (въ сочиненіи Λόγοι καὶ ἄρθρα 1878—1902, τ. 478 κτλ.), Ἀθῆναι 1902. Проф. *С. А. Терновскій,* Очерки изъ церковно-исторической географіи. Области восточныхъ патріарховъ православной церкви до IX вѣка, вып. I, Казань 1899. Ἀκολουθία Σπυρίδωνος ἐπισκόπου Τριμυθοῦντος, Ἐνετίῃσι 1880. Ἀκολουθία τῶν ὁσίων Ἀναστασίου, Χαρίτωνος, Αὐξεντίου καὶ Κενδέα, τοῦ ἀποστόλου καὶ εὐαγγελιστοῦ Λουκᾶ, τοῦ ἁγίου Δημητριανοῦ Κυθήρης καὶ Κωνσταντίνου μάρτυρος, νῦν τὸ πρῶτον ἐκδοθεῖσαι σπουδῇ καὶ δαπάνῃ τοῦ ἀρχιεπισκόπου πάσης Κύπρου κ. κ. Χρυσάνθου, δ' ἐπιστασίας δὲ τοῦ Κυπριανοῦ ἀρχιμανδρίτου, διορθωθεῖσαι ὑπὸ τοῦ ἱεροδιακόνου Ἀνθίμου, τῶν κυπρίων, Ἐνετίῃσιν 1779. Πέτρος Παπαγεωργίου, Βίος καὶ πολιτεία τοῦ ἁγίου Δημητριανοῦ, ἐπισκόπου Κυτρίδων ἐν Κύπρῳ («Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια» 1907, № 18, отъ 4 мая, σ. 269—271. Ср. «Byzantinische Zeitschrift» 1907 (XVI), Heft. 1—2, S. 204—240: *H. Grégoire,* Saint Démétrianos, évêque de Chytri (île de Chypre). *Sathas,* Vies des saints de l'église de Chypre, Gênes 1884. Ἀ. Διομήδης Κυριακός, Ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία, τ. I—III (Ἀθῆναι ²1897). Χαρίλαος Παπαϊωάννου, Κατάλογος τῶν χειρογράφων τῆς βιβλιοθήκης τῆς ἀρχιεπισκοπῆς Κύπρου, Ἀθῆναι 1906. *F. Oberhummer,* Die Inseln Cypern, München 1903. Σῖμος Μενάρδος: 1) Περὶ τῶν ὀνομάτων τῶν κυπρίων (Ἀθηνᾶ 1904, XVI, 257—294); 2) Ὁ Διγενῆς τῆς Κύπρου («Ἀκρίτας» I, 295—300). «Ἐκκλησιαστικὴ Ἀλήθεια» 1901, №№ 43, 44, 46; 1902, №№ 5—7, 11, 18, 31. 46, 51; 1903, № 33; 1904, №№ 12, 37; 1907, №№ 13—16. Другія библіографическія указанія сообщаютъ: *Reinhard,* Vollständige Geschichte des Königreiches Cypern, S. I—XX; *Oberhummer,* Bericht über Geographie von Griechenland («Jahresbericht über die Fortschritte der classischen Alterthumwissenschaft, Bd. LXIV, S. 347—446, Bd. LXIX, S. 251—286, Bd. LXXVII, S. 29—96); *Claude Delaval Cobham,* An attempt at a bibliography of Cyprus, Nicosie 1900. (Здѣсь указано до 700 сочиненій, относящихся къ Кипру); *Bibliographie de l'Orient latin,* («Archives de l'Orient latin» 1881, I, Paris); Σακελλάριος, Τὰ Κυπριακά, τ. I, σ. ιβ' — κδ'. Ἀθῆναι 1891; *Hackett,* указ. соч., стр. XV — XVIII; *А. Palmieri,* указ. изслѣд., стлб. 2469—2471; † prof. *Hermann Usener,* Der heilige Tychon, Leipzig und Berlin 1907. Διάκονος Φιλάρετος Κουρίτης, Ἡ ὀρθόδοξος ἐκκλησία ἐν Κύπρῳ ἐπὶ φραγκοκρατίας, 1907. Φραγκούδης, Ἱστορία τοῦ ἀρχιεπισκοπικοῦ ζητήματος Κύπρου. Ἐν Ἀλεξανδρείᾳ 1908. Ὑπόμνημα μητροπολίτου Κιτίου κ. Κυρίλλου πρὸς τοὺς σεπτοὺς πατριαρχικοὺς ἐξάρχας περὶ τοῦ ἀρχιεπισκοπικοῦ ζητήματος ἀπὸ τοῦ θανάτου τοῦ ἀρχιεπισκόπου Σωφρονίου μέχρι σήμερον (1900—1907). 1908. Δύο πατριαρχικαὶ ἐπιστολαὶ περὶ τοῦ ζητήματος τῆς ἁγιωτάτης ἐν Κύπρῳ ἐκκλησίας. Ἐν Λευκωσίᾳ (Κύπρου), 1907. О кипрскомъ церковномъ вопросѣ новѣйшаго

времени см. *наши* статьи въ «Прибавл. къ Церк. Вѣдом.» 1908, №№ 5, 7, 11, 19, 21, 25, 29, 41, 49 и въ «Странникѣ» 1909 г., № 1, стр. 79—91. [*F. Nau*, La légende dis saints évêques Héraclide, Mnason et Rhodon ou l'apostolicité de l'église de Chypre; Une lettre apocryphe de Paul et Barnabé aux Cypriotes въ „Revue de l'Orient chrétien“ 1907, p. 125—138. *H. Delehaye*, Saints le Chypre въ „Analecta Bollandiana“ 1907, 2, p. 161—301 и отдѣльно. Rev. *H. T. F. Duckworth*, The Church in Cyprus, London 1900. Sir *I. T. Hutchinson* and *C. Delaval Cabham*, A. Handbook of Cyprus, London 1907. The Catholic Encyclopedia IV (London 1908), p. 589—591. The History of the Orthodox Church of Cyprus въ «The Church Quarterly Review» LVI, 112 (July 1903), p. 313—328. The Archbishopric of Cyprus ibid. LXVII, 133 (October 1908), p. 121—133. Академикъ *В. В. Латышевъ*, Матеріалы для исторіи архіепископіи Синайской горы: „Православный Палестинскій Сборникъ“, выпускъ LVIII, 2-я полов. (Спб. 1909), стр. 20, 21, 77, 89, 133, 134, 138, 160, 261, 283, 284, 289, 290, 341, 394, 397, 398, 401, 465 и соотвѣтствующія страницы греческаго оригинала въ 1-й половинѣ LVIII выпуска.] *И. И. Соколовъ.*

Кипрская Латинская церковь была организована папою Целестиномъ III (1191—1198 г.). Впрочемъ, представители латинскаго клира появились на Кипрѣ гораздо раньше, прибывши сюда изъ Сиріи,—въ Левкосіи (=Никосіи) былъ и небольшой штатъ каноников; латиняне имѣли на островѣ и нѣсколько церквей, но строго организованной латинской іерархіи здѣсь не было; затѣмъ, и греки весьма враждебно относились къ латинянамъ и не разъ дѣлали попытки совершенно вытѣснить ихъ отсюда. Существенную услугу въ дѣлѣ водворенія латинянъ на Кипрѣ оказалъ король Амори II Лузиньянскій, который въ 1195 г. отправилъ въ Римъ лаодикійскаго архидіакона просить папу Целестина даровать латинской церкви на островѣ законное устройство. Папа исполнилъ эту просьбу и буллою отъ 20 февраля 1196 года поручилъ архидіаконамъ Лаодикіи и Лидды озаботиться устройствомъ латинской церкви на Кипрѣ. Архіепископская латинская каѳедра была учреждена въ Левкосіи и ея юрисдикціи были подчинены епископіи Пафа, Лемисса и Фамагусты. Латинская архіепископія имѣла въ своемъ составѣ древне-греческія епархіи Левкосіи, Тримиѳунта, Китія, Лапиѳа, Киринія, Китра, Соли и Тамасса; епархія пафская обнимала территорію греческихъ епархій Пафа и Арсиноя; епархія лемисская равнялась по пространству древне-греческимъ епархіямъ Курія и Амаѳунта; наконецъ, фамагустская латинская епархія обнимала епархіи Саламина и Карпасіи. Первымъ латинскимъ архіепископомъ былъ Алэнъ, избранный представителями латинской церкви острова въ 1196 г. и утвержденный папою. Буллою отъ 13 декабря 1196 г. папа Целестинъ III утвердилъ привилегіи и владѣнія архіепископа, предоставивъ въ пользованіе ему села Орниѳосъ и Афандію и давши ему право собирать десятину въ 17-ти мѣстностяхъ; архіепископу даровано право носить и палліумъ за богослуженіемъ въ большіе праздники. Затѣмъ, по предписанію указанной папской буллы, клирики не могли, безъ согласія митрополита, уступать свои бенефиціи другимъ или передавать ихъ по наслѣдству. Вторымъ латинскимъ архіепископомъ былъ, по сообщенію Lebuien'a, Дюранъ (Durand), а вѣрнѣе—Тьерн (Thierry, Terry, Terricus), какъ говоритъ Mas-Latrie. Онъ управлялъ латинскою церковію въ 1206—1211 г. Въ это время латинскій патріархъ въ Константинополѣ Ѳома Морозини пытался подчинить своей власти церковную область Кипра, но эта попытка не увѣнчалась успѣхомъ. По этому поводу папа Иннокентій III сдѣлалъ распоряженіе, чтобы латинскій архіепископъ или самъ прибылъ въ Римъ для защиты своихъ правъ, или прислалъ своихъ делегатовъ. Однако, кипрская церковь сохранила свою автокефальность. Въ 1211 г. клирики Левкосіи избрали на архіепископскую каѳедру Дюрана, но этотъ выборъ не былъ одобренъ папою. Противъ новаго архіепископа были представлены различныя обвиненія, разслѣдованіе которыхъ было папою поручено іерусалимскому патріарху Альберту; въ дѣло затѣмъ вмѣшался кипрскій король Гуго I Лузиньянскій, и по этому поводу папа Иннокентій III отправилъ нѣсколько посланій на Кипръ; въ результатѣ же Дюранъ совсѣмъ фактически не занималъ архіепископской каѳедры. Въ 1217 году архіепископскую каѳедру на Кипрѣ занялъ Евсторгій, который въ теченіе продолжительнаго своего управленія (до 1250 г.) оказалъ большія услуги латинской церкви. Онъ усердно защищалъ ея права, былъ опытнымъ и пре-

даннымъ церкви администраторомъ, заботился о дисциплинѣ и просвѣщеніи клира, благоустроялъ матеріальный быть духовенства, закончилъ постройку храма святой Софіи въ Левкосіи, заложеннаго бывшимъ іерусалимскимъ патріархомъ Альбертомъ и т. д.

Двѣ конвенціи въ Лемиссѣ (1220 г.) и Фамагустѣ (1222 г.) регулировали отношенія между баронами и клиромъ по предмету о десятинахъ и подчинили греческій клиръ латинской церкви. Въ силу этихъ конвенцій латинская знать обязана была платить церкви десятину со всѣхъ доходовъ отъ своихъ владѣній, а клиръ со своей стороны обѣщалъ оставить за дворянами въ свободномъ пользованіи тѣ владѣнія, которыя нѣкогда принадлежали греческимъ церквамъ и монастырямъ. Указанныя обязательства бароновъ оказались очень для нихъ тяжелыми и въ царствованіе Алисы они апеллировали по этому дѣлу къ папѣ, но ихъ ходатайства оставлены безъ послѣдствій. Сохранилось нѣсколько документовъ, относящихся ко времени Евсторгія и свидѣтельствующихъ о ревности римскаго престола увеличить матеріальное благосостояніе латинской церкви на Кипрѣ, устранить злоупотребленія и поддержать дисциплину. Такъ, папа Гонорій III (1216 — 1227 г.) рекомендовалъ архіепископу Евсторгію не увеличивать безъ необходимости число церквей, подчинить латинскимъ епископамъ несторіанъ и яковитовъ, поселившихся на островѣ, назначить къ церквамъ священниковъ въ дополненіе къ существующему штату и т. д. Но и при Евсторгіи на Кипрѣ было мало латинскихъ школъ какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ, духовенство не отличалось образованіемъ, и невѣжество служило источникомъ всякаго рода ошибокъ, какъ въ средѣ клира, такъ и въ народѣ, число приходовъ не соотвѣтствовало общей численности латинскаго населенія. Преемникомъ Евсторгія на архіепископской каѳедрѣ былъ Гуго Фагіано (посвященъ въ епископа 9 апр. 1251 г.), отличавшійся ревностію въ управленіи церковію. Онъ часто обращался къ клиру съ наставленіями относительно усерднаго исполненія обязанностей, энергично защищалъ права церкви отъ притязаній королевской власти и дворянъ, проводилъ жизнь строгую, но въ то же время былъ крайне несправедливъ къ грекамъ и пренебрежительно относился къ православію. По смерти Гуго въ Тосканѣ, архіепископскую каѳедру въ Левкосіи занялъ Бертранъ, а потомъ Рафаилъ, при которомъ состоялся соборъ по вопросу объ отношеніи латинянъ къ грекамъ. При Іоаннѣ Анконскомъ, францисканцѣ (1288 г.), іерусалимскій латинскій патріархъ пытался лишить кипрскую церковь ея привилегій и доходовъ, и эти попытки, вслѣдствіе слабости и снисходительности архіепископа, могли бы увѣнчаться успѣхомъ, если бы папа Урбанъ IV буллою отъ 26 апрѣля 1291 г. не прекратилъ узурпаціи іерусалимскаго патріарха. Изъ архіепископовъ послѣдующаго времени болѣе другихъ извѣстенъ доминиканецъ Іоаннъ del Conte (1312 — 1319 г.), назначенный папою Климентомъ V. При немъ кипрская церковь жила спокойно, но среди духовенства стала развиваться роскошь, съ которою архіепископъ и вступилъ въ борьбу. Онъ энергично настаивалъ на соблюденіи клиромъ дисциплины, запретилъ духовенству заниматься торговлей, сдѣлалъ нѣсколько распоряженій относительно религіозно-нравственной жизни народа, благоустроилъ зданіе архіепископіи, отличался любовью къ бѣднымъ, покровительственно относился къ народу и щедро помогалъ во время народныхъ бѣдствій. Но эта ревность о церкви латинской по обыкновенію крайне неблагопріятно отразилась на положеніи церкви греческой, на счетъ и въ ущербъ которой преимущественно и совершались Іоанномъ дѣянія, прославляемыя латинскими писателями. Съ роскошью латинскаго клира боролся и архіепископъ Илія de Nabinaux, назначенный 16 ноября 1332 г. папою Іоанномъ XXII. Но и онъ въ своихъ распоряженіяхъ горько жаловался на то, что его декреты остаются мертвою буквой и что честолюбіе и любовь къ богатству попрежнему господствуютъ въ нравахъ духовенства. Архіепископъ Филиппъ I de Chambarlhac (1344 г.) получилъ отъ папы Климента VI различныя привилегіи, между прочимъ, по судебнымъ дѣламъ, архіепископъ Реймонъ de la Pradel (1366 г.), по предписанію папы Урбана V, долженъ былъ предохранять латинянъ отъ посѣщеній греческихъ церквей, Андрей Родосскій (1447 г.), доминиканецъ, игралъ выдающуюся роль на Флорентійскомъ соборѣ и извѣстенъ своими попытками рас-

пространить унію и на Кипрѣ, архіепископъ Людовикъ Perez Fabrice (1447 г.) былъ рѣшительнымъ противникомъ венеціанской политики на Кипрѣ, а архіепископъ Бенедиктъ Soranzo (1484 г.) подвергся гоненіямъ со стороны венеціанцевъ за разномысліе въ вопросахъ церковно-религіознаго характера. Послѣднимъ архіепископомъ Кипра предъ завоеваніемъ его турками былъ Филиппъ Mocénigo, возведенный въ это достоинство папою Піемъ IV въ концѣ 1559 г. и извѣстный своими заботами о повышеніи религіозно-нравственной жизни въ народѣ. Въ XVI в. папскій престолъ вступилъ съ венеціанскою республикой въ соглашеніе по церковнымъ дѣламъ и предоставилъ ей право патроната надъ архіепископіей въ Левкосіи. При избраніи новаго архіепископа венеціанское правительство представляло папѣ четырехъ кандидатовъ, изъ которыхъ онъ выбиралъ одного.

Всѣхъ латинскихъ архіепископовъ на Кипрѣ въ періодъ 1196 — 1571 годовъ было 34. Латинскіе писатели хвалятъ ихъ за ревность въ исполненіи обязанностей и за защиту права церкви отъ притязаній и вмѣшательства гражданской власти. Но, съ другой стороны, извѣстно, что нѣкоторые архіепископы (Гуго Фагіано, Gerard de Langres, Іоаннъ del Conte), вслѣдствіе столкновеній съ свѣтскимъ правительствомъ, вынуждались оставлять островъ на болѣе или менѣе продолжительное время, когда и паства оставалась безъ архипастырскаго надзора и руководства; другіе знали о кипрской церкви лишь по доходамъ, которые получали отъ нея, сами не являясь на островъ (Конрадъ Карачьоли 1402 г., Стефанъ Карраръ 1406 г., Гуго II Лузиньянскій, Антоній Тунето, Іоаннъ Brusato), вслѣдствіе чего дисциплина среди духовенства падала и народные нравы грубѣли; третьи архіепископы, преимущественно изъ знатныхъ фамилій родомъ, больше занимались государственными дѣлами, чѣмъ церковными, проводили свѣтскую жизнь и пренебрежительно относились къ церковно-религіознымъ интересамъ.

Что касается взаимныхъ отношеній латинской церковной и гражданской власти на Кипрѣ, то со времени организаціи здѣсь латинской церкви между этими сторонами не было мира и согласія. Правители изъ Лузиньянскаго дома, по видамъ политическимъ, признавали нецѣлесообразнымъ пренебрежительно относиться къ православнымъ грекамъ и оскорблять ихъ религіозныя чувства. Между тѣмъ латинскіе епископы, руководясь своими задачами, не находили возможнымъ всегда согласоваться съ политикою гражданскихъ властей, не рѣдко шли въ разрѣзъ съ ея видами и упрекали потомъ королей въ систематическомъ пренебреженіи болѣе важныхъ интересовъ церкви. Одновременно шла жестокая вѣроисповѣдная борьба латинянъ противъ грековъ, сопровождавшаяся грубыми оскорбленіями послѣднихъ и насиліями надъ ними. Свѣтское правительство не всегда сочувствовало сильной сторонѣ и становилось по временамъ на защиту грековъ. Отсюда возникала усиленная вражда латинской іерархіи противъ королей и знати, пытавшихся поставить ее въ должныя границы. Далѣе, кипрская латинская іерархія вела борьбу и съ папскими легатами, о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленные документы папъ о правахъ и привилегіяхъ архіепископовъ и епископовъ на Кипрѣ. Особенно же большія притязанія на самостоятельность кипрской церкви заявляли латинскіе патріархи въ Іерусалимѣ, которые приглашались въ качествѣ третейскихъ судей, для коронаціи королей, для искорененія большихъ злоупотребленій и т. п., а въ дѣйствительности выходили изъ предѣловъ своихъ полномочій и пытались подчинить себѣ кипрскую церковь. Такъ, патріархъ Рауль de Grandville (1291), пользуясь слабостью архіепископа Іоанна Анконскаго, вторгся въ границы его юрисдикціи, исполнялъ епископскія обязанности въ его епархіи, получалъ его доходы. Папа Николай IV написалъ ему рѣзкое по этому поводу обличеніе. Въ 1481 г. архіепископъ Викторъ долженъ былъ разъяснить папѣ Сиксту IV, что кипрскій архіепископъ никогда не подлежалъ юрисдикціи іерусалимскаго патріарха. Особенно часто нарушались права архіепископовъ послѣ того, какъ патріархи въ Іерусалимѣ имѣли лишь титулярное значеніе и вынуждались оставлять Палестину; въ послѣднемъ случаѣ они обыкновенно водворялись на Кипрѣ, а нѣкоторые изъ нихъ занимали даже архіепископскую каѳедру (легатъ Петръ de Pleine-Chassaigne XIV в., Илія de Nabinaux). При защитѣ своихъ правъ отъ притязаній іерусалимскихъ па-

тріарховъ, кипрскіе архіепископы указывали на то, что латинская церковь на островѣ автокефальна, какъ автокефальна и церковь греческая, отъ которой первая унаслѣдовала свою независимость. Другой причиной столкновеній между латинскимъ духовенствомъ и свѣтскимъ правительствомъ служилъ имущественный вопросъ. Дѣло въ томъ, что латинскіе епископы желали овладѣть всѣми имуществами, которыя раньше принадлежали греческой церкви, но встрѣтили въ этомъ корыстолюбіи противодѣйствіе со стороны и грековъ, и королей, и дворянъ, а съ другой стороны свѣтскіе собственники на Кипрѣ, обязанные платить латинской церкви десятину и другіе налоги, весьма неаккуратно исполняли это обязательство, а потомъ вступили съ латинскою іерархіею въ упорную изъ-за десятины борьбу, тянувшуюся въ теченіе всего періода латинскаго господства на островѣ. Напрасно архіепископы и епископы Кипра обращались къ папамъ съ жалобами на королей и бароновъ, тщетно и сами папы писали послѣднимъ грозныя посланія, требуя подчиненія церковной власти;—имущественные разногласія и споры составляли устойчивую особенность въ латинской церковной жизни вплоть до завоеванія Кипра турками.

Однако и среди борьбы изъ-за матеріальныхъ разсчетовъ латинское духовенство не забывало о своихъ обязанностяхъ. Вопросы дисциплины и разностей между греческой и латинской церквами обсуждались на общихъ собраніяхъ латинскихъ епископовъ, но архіепископы и отдѣльно дѣлали постановленія по поводу тѣхъ или другихъ недостатковъ въ церковно-общественной жизни. Такъ, Гуго въ 1253 г. издалъ постановленіе о томъ, что міряне должны повиноваться клирикамъ и оказывать имъ почтеніе, а другими постановленіями регулировалъ отношенія между клириками, предписалъ имъ усердно исполнять свои обязанности, осудилъ ростовщичество и грозилъ повиннымъ въ немъ церковнымъ наказаніемъ. Въ 1298 г. архіепископъ Gérard de Langres вмѣстѣ съ епископами Пафа и Лемисса составилъ нѣсколько дисциплинарныхъ правилъ относительно совершенія таинствъ, сбора десятинъ и т. д. Другіе архіепископы регулировали жизнь приходскую, дѣлали распоряженія о школахъ, правахъ духовенства, монастырей, смѣшенныхъ бракахъ, исполненіи клириками своихъ обязанностей. Къ концу латинскаго владычества на Кипрѣ, мѣстная латинская церковь достигла значительнаго благоустройства въ своей внутренней жизни. Въ частности, латинское монашество на Кипрѣ представляло внушительную моральную силу. Монахи появились здѣсь главнымъ образомъ, во время короля Гюи Лузиньянскаго († 1194 г.), а затѣмъ число ихъ постепенно умножалось вслѣдствіе постояннаго притока новыхъ иноковъ изъ Палестины и Сиріи. Здѣсь были августинцы, бенедиктинцы, кармелиты, картезіанцы, доминиканцы, францисканцы, премонстрансты и другіе монахи. Центромъ монашества былъ столичный городъ Левкосія, гдѣ жили представители всѣхъ указанныхъ латинскихъ орденовъ. А затѣмъ, доминиканскіе монастыри были въ Фамагустѣ, Лемиссѣ и Вальвѣ, францисканскіе — въ двухъ первыхъ городахъ и въ Пафѣ, кармелиты жили въ Фамагустѣ, Лемиссѣ и близъ Апелемидіи, августинцы въ двухъ первыхъ городахъ и т. д. Монашескіе ордена дали латинской церкви многихъ епископовъ и архіепископовъ, оказали латинской церкви большія услуги въ разныхъ отношеніяхъ. Но нравственность монаховъ не всегда стояла на высокомъ уровнѣ, и поэтому поводу духовная власть сдѣлала рядъ распоряженій съ цѣлью подчинить иноковъ монастырскимъ уставамъ. Кромѣ того, латинскіе монахи запятнали себя грубымъ и дерзкимъ отношеніемъ къ православной церкви и ея вѣрнымъ чадамъ. Они поселились почти исключительно въ греческихъ монастыряхъ, которые и отняли у прежнихъ ихъ собственниковъ—православныхъ монаховъ, овладѣли чужими имуществами, безсердечно выгоняли греческихъ монаховъ изъ ихъ владѣній, отнимали у нихъ святыни, стремились подчинить греческихъ иноковъ своей власти, оскорбляли православную вѣру и вообще причиняли православнымъ инокамъ неисчислимыя бѣды—моральныя и матеріальныя—своими нехристіанскими по отношенію къ нимъ дѣйствіями. Этого пятна на латинскомъ монашествѣ Кипра не могутъ смыть и тѣ его заслуги для латинской церкви, о которыхъ любятъ распространяться католическіе писатели, забывающіе обращать вниманіе на другую сторону восхваливаемыхъ ими историческихъ фактовъ.

Ненавистное для грековъ латинское иго было низвержено турками, которые, овладѣвъ сперва Левкосіей, а потомъ Фамагустой, съ яростію направились на латинянъ (1571 г.), овладѣли ихъ церквами и монастырями и обратили ихъ въ мечети, перебили очень много клириковъ и монаховъ, другихъ взяли въ плѣнъ, иныхъ загнали въ отдаленныя мѣста острова, два латинскіе епископа (Контарини пафскій и доминиканецъ Серафимъ лемисскій) пали смертію мучениковъ. Вообще, оказавъ нѣкоторое снисхожденіе грекамъ и оставивъ въ ихъ пользованіи нѣкоторые православные храмы, турки безъ всякаго милосердія и пощады истребляли латинянъ и ихъ достояніе, такъ что отъ цвѣтущей латинской церкви послѣ завоеванія острова масульманами ничего не осталось. Здѣсь въ первое время турецкаго владычества не было даже ни одного латинянина; по крайней мѣрѣ, латиняне скрывали свою вѣру и выдавали себя за православныхъ. Но въ 1572 г. францисканцы уже возвратились на Кипръ и заняли въ Ларнаксѣ церковь св. Лазаря. Они исполняли обязанности духовниковъ у латинскихъ купцовъ, поселившихся на островѣ, а также латинскихъ паломниковъ, отправлявшихся въ Святую Землю; постепенно францисканскій монастырь св. Лазаря сталъ благоустрояться и пріобрѣлъ отъ купцовъ и паломниковъ достаточныя средства. Въ концѣ XVI в. въ Левкосіи была единственная латинская церковь, служившая нуждамъ западно-европейскихъ купцовъ. Въ 1636 г. при папѣ Урбанѣ VIII на Кипрѣ водворился францисканецъ Іоаннъ-Баптистъ де Тодя, который и занялся здѣсь пропагандой католицизма. Онъ устроилъ въ деревнѣ Марги церковь для маронитовъ, изъ которыхъ многіе перешли въ прежнее время въ исламъ. Затѣмъ ему удалось сдѣлаться епископомъ Пафа. Въ Левкосіи онъ возстановилъ церковь въ францисканскомъ госпиталѣ св. Креста и основалъ монашескую общину, получивъ на это денежное вспомоществованіе изъ Венеціи. Въ 1667 г. кустодія Святой Земли объявила францисканскій госпиталь въ Левкосіи своею собственностію, такъ какъ она нуждалась въ коллегіи, где юные миссіонеры могли бы изучать греческій языкъ. Пропаганда въ Римѣ, въ свою очередь, потребовала, чтобы францисканцы оставили монастырь. Послѣдніе устроили церковь близъ храма св. Креста и продолжали свое миссіонерское дѣло. Оно было довольно успѣшно и велось среди маронитовъ, армянъ и даже турокъ. Общее число католиковъ простиралось до 2.000 человѣкъ. Но въ концѣ XVII в. миссія францисканцевъ пришла въ полный упадокъ. Въ послѣдующее время латиняне на Кипрѣ были подчинены духовной юрисдикціи апостольскаго патріаршаго викарія въ Константинополѣ. Въ 1762 году Сирія, Палестина и островъ Кипръ были выдѣлены изъ константинопольскаго викаріата и образовали самостоятельный латинскій викаріатъ, подъ именемъ алеппскаго. Въ 1848 г. Палестина и Кипръ образовали іерусалимскій патріархатъ и подчинены латинскому патріарху св. города. Первый патріархъ Іерусалима, извѣстный Валерга, организовалъ на островѣ миссію на новыхъ началахъ. Онъ послалъ сюда миссіонеровъ и монаховъ различныхъ орденовъ и учредилъ здѣсь нѣсколько школъ. Между прочимъ, на островѣ занимаются пропагандой монахини ордена Явленія св. Іосифа, которыя имѣютъ здѣсь свои школы, церковь и госпиталь въ Ларнаксѣ. Въ 1905 г. всѣхъ сестеръ этого ордена было 11, въ ихъ школахъ обучалось 107 человѣкъ, изъ нихъ 50 безплатно, въ своемъ госпиталѣ онѣ давали пріютъ и лечили больныхъ. Кромѣ того сестры ордена наблюдали за дѣтскимъ пріютомъ, устроеннымъ въ Ларнаксѣ францисканцами Кустодіи. Послѣдніе основали здѣсь и монастырь, церковь котораго служитъ нуждамъ мѣстнаго латинскаго прихода. Въ Ларнаксѣ есть другая латинская церковь св. Іосифа, построенная въ 1882 году. Въ 1877 г. латинскій патріархъ въ Іерусалимѣ Бракко послалъ сестеръ ордена св. Іосифа въ Левкосію, гдѣ онѣ и основали школу, въ которую поступаютъ для обученія дѣти лучшихъ фамилій города. Въ 1888—1889 г. онѣ устроили новое зданіе для своей школы и занялись еще уходомъ за больными. Въ 1905 г. община имѣла 5 сестеръ и 42 ученицы, изъ нихъ 22 безплатныхъ. Францисканцы въ этомъ городѣ имѣютъ приходъ въ составѣ болѣе 300 человѣкъ, церковь св. Креста и школы. Монахини францисканскаго ордена занимаются пропагандой въ Лемиссѣ. Вообще латинская пропаганда на островѣ постепенно усиливается, не встрѣчая никакого противодѣй-

ствія со стороны англійскаго правительства, которое безразлично относится къ вопросамъ вѣры. Лишь православная церковь испытываетъ на себѣ всѣ невзгоды англійскаго индифферентизма и латинскаго фанатизма, такъ какъ миссія латинскаго ордена имѣетъ въ виду прежде всего „схизматиковъ"-грековъ и направлена, главнымъ образомъ, противъ православія.

На Кипрѣ еще въ VIII в. водворились марониты, число которыхъ постепенно умножалось и въ XIII в. дошло до 800.000 человѣкъ. Нынѣ они (въ гораздо меньшемъ числѣ) живутъ въ Левкосіи, Ларнаксѣ, Фамагустѣ, Лемиссѣ и Пафѣ, имѣютъ свои храмы, монастыри и школы, говорятъ на новогреческомъ языкѣ, подчиняются въ церковномъ отношеніи латинскому маронитскому патріарху Ливана.

Кромѣ того, на островѣ живутъ—армяне, которые также имѣютъ свои храмы и монастыри и подчиняются армянскому патріарху въ Іерусалимѣ; яковиты, подчиненные антіохійскому яковитскому патріарху; копты, находящіеся въ зависимости отъ каирскаго патріарха; несторіане или халдеи, подчиненные халдейскому митрополиту Тарса; такъ называемые *linobambaci*, вѣрованія которыхъ представляютъ смѣсь христіанства съ мусульманствомъ, и евреи, водворившіеся на островѣ подъ покровительствомъ англичанъ, но вопреки желанію коренного туземнаго населенія. Общее число представителей всѣхъ указанныхъ вѣроисповѣданій, большею частію, невелико, хотя нѣкоторые изъ нихъ водворились на Кипрѣ еще въ византійскую эпоху или въ періодъ латинскаго господства на островѣ.

Литература. Исторія латинской церкви на Кипрѣ изложена въ X—XII главахъ книги *J. Hackett*'а, A Histori of the Orthodox Church of Cyprus etc., London 1901, а также въ статьѣ *A. Palmieri*, L'église latine („Dictionnaire de théologie catholique" par Vacant et Mangenot, t. II, col. 2449—2472), гдѣ указана и литература, къ которой относятся: *Joannes Cotovicus*, Itinerarium hierosolymitanum et syriacum, Antwerpiae 1619; *Riccardo*, Constitutio cypria Alaxandri papae III graece nunc primum reperta latineque reddita ac notis illustrata, Romae 1636; *Dandini*, Missione apostolica al patriarca e maroniti del monte Libano e sua pellegrinazione a Gierusalemme, Cesena 1656; *Ducange*, Le familles d'outre-mer, edit. Rey, Paris 1869; *Mas-Latrie*: 1) Premier et second rapport sur sa mission en Chypre („Archives des missions scientifiques et littéraires" 1850, t. I); 2) Documents nouveaux servant de preuves à l'histoire de l'île Chypre sour le règne des princes de la maison de Lusignan („Collections des documents inédits sur l'histoire de France: Mélanges historiques", t. IV. Paris 1882); 3) Un chapitre à supprimer dans l'Oriens christianus („Comptes rendus de l'Académie des incriptions et belles-lettres" 1896, t. XXIV); 4) Nouvelles preuves de l'histoire de Chypre (Bibliothéque de l'école des chartes, 1872); 5) Histoire des archevêques latins de l'île de Chypre („Archives de l'Orient latin", t. II, Paris 1884, p. 207—328); 6) Les patriarches latins de Jérusalem („Revue de l'Orient latin" 1893, t. I). *Rosi*, La difesa di un archivescovo di Cipro proletto da Pietro Bembo („Rendiconti dei Lincei", t. VI); *Seesselberg*, Das Prämonstratenser-Kloster Delapais auf den Insel Cipern, Berlin 1901; *Trudon des Ormes*, Liste des maisons et de quelques dignitaires de l'ordre du Temple en Syrie, en Chypre et en France, d'après les pièces du procès („Revue de l'Orient latin" 1900, t. VII); *Enlart*: 1) L'art gothique champenois dans l'île de Chypre („Revue de Champagne et de Brie", 1898); L'art gothique et la renaissace en Chypre, t. I—II (Paris 1899); 3) L'abbaye de Lapais en Chypre („L'ami des monuments et des arts" 1898, № 62); 4) Les monuments français de l'île de Chypre, église métropolitaine de Sainte-Sophie à Nicosie (ibid. 1898, p. 259—278); *Die Lage* der katholischen Kirche auf Cypern („Das heilige Land" 1878, S. 157, 184 ff.); *Die englischen* Katholiken auf Cypern (ibid. 1879, S. 103 ff.); *Galt*, Die maronistiche Hierarchie (ibid. 1880. S. 122 ff.); *Oberhummer*: 1) Aus Cypern: Tagebuchblätter und Studien („Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde", Bd. III, Berlin 1890, S. 183. 420 ff.); 2) Der Berg des heiligen Kreuzes auf Cypern, Ausland 1892; *Desimoni*, Actes passés à Famagouste devant le notaire génois lamberto di Sambuceti („Revue de l'Orient latin" 1893, t. I); *Album* missionis Terrae Sanctae, t. II. Milan 1893; *Liber* peregrinationis fratris Jacobi de Verona, ed. Röhricht („Revue de l'Orient latin" 1895, t. III, p. 176—180); *Nicolai de Marthono notarii*, Liber peregrinationis ad loca sancta (ibid., p. 627—638); *Parraud*, Vie de saint Pierre Thomas, de l'ordre de carmes, patriarche titulaire de Constantinople, legat de la croisade de 1365, Avignon 1895; *Enlart*, Notes sur le voyage de Nicolas de Martoni en Chypre („Revue de l'Orient latin" 1896, t. IV); *Diehl*, Les monuments de l'Orient latin (ibid. 1897, t. IV, p. 293 suw.); *L'église* grecque en Chypre („La Terre Sainte" 1902, t. XIX, p. 205—208); *Pascal*, Histoire de la maison royale des Lusignans, Paris 1896; *Bérard*, Cypris: Chronique de l'île de Chypre au moyen âge, Paris 1902; *Chamberlayne*, Lacrymae Nicosienses: Recueil d'inscriptions Junéraires, la

plupart françaises, suivi d'un armorial chypriote, et d'une description topographique et archéologique de la ville de Nicosie, Paris 1894; *Giuseppe dela Santa*, Alcuni documenti per la storia della chiesa di Limisso in Cypro durante la seconda meta del secolo XV („Nuovo archivio veneto" 1898, t. XCVI, p. 150—187); *Röhricht*: 1) Regesta regin hierosolymitani, MXCVII—MCCXCI, Insbruck 1893; 2) Additamenta, Insbruck 1904; *Golubovitch*, Il trattatto di Terra Santa e dell'Oriente di frate Francesco Suriano, Milano 1900; *Kohler*, Mélanges pour servir à l'histoire de l'Orient latin et des croisades, Paris 1900; *A. Palmieri*: 1) De monasteriis ac sodalibus ord. erem. s. Augustini in insula Cypri („Analecta augustiniana" 1905, t. I, p. 118 etc.); 2) Una versione greco della constitutio cypria di Alessandro IV („Bessarione", 2-e série, 1905, t. VIII, p. 141—149); *J. Delaville le Roulx*, Les hospitaliers en Terre Sainte et à Chypre (1100—1310), Paris 1904; Греко-униты острова Кипра XIII—XVI в. въ „Духовномъ Вѣстникѣ" за 1866 г.

И. И. Соколовъ.

Кира, преподобная подвижница сирійская, V столѣтія. Родомъ изъ сирійскаго города Веруи, она вмѣстѣ съ Мариною проводила суровый отшельническій образъ жизни, носила вериги, посѣтила Іерусалимъ для поклоненія Гробу Господню, а равно храмъ св. всехвальной Ѳеклы. Почила въ мирѣ послѣ 50-тилѣтней подвижнической жизни, ок. 450 года. *Память ея 28 февраля.*

См. *Ѳеодоритъ Киррскій*, Исторія боголюбцевъ; Макар. Ч.-Минея („Корра", „бѣста отъ града Вѣроуя киликійска"). Прологъ.

Хр. Л—въ.

Киргизы и ихъ религія. Подъ именемъ *киргизовъ* у насъ извѣстны 2 племени, изъ которыхъ одно называется *киргизъ-кайсаками* или,—правильнѣе,—*казакъ-киргизами*, а другое *кара-киргизами* или *бурутами* (а не бурятами, какъ сказано на стр. 893 „Энциклопедическаго Словаря" Ф. Павленкова, Спб. 1899); второе племя называется еще и *дикокаменными киргизами*, такъ какъ занимаетъ горные хребты Тянь-Шаня и смежные съ ними хребты семирѣченской и сыръ-дарьинской областей. Оба киргизскія племени въ подданствѣ и у Россіи и у Китая. Кара-киргизовъ насчитывается всего до 850.000, а казакъ-киргизовъ до 2 милліоновъ. Послѣднее племя занимаетъ степи въ астраханской губерніи и въ областяхъ: уральской, тургайской, акмолинской, сыръ-дарьинской, семирѣченской, семипалатинской, самаркандской и закаспійской. (Киргизы-казаки, или киргизъ-кайсаки раздѣляются на нѣсколько родовъ—„рыу"; таковы по роду: адаевцы, табынцы и пр.—*Г. К.*). Оба племени по языку—чистые тюрки, по религіи—мусульмане суннитскаго исповѣданія *) и ханефитскаго законоположенія, т.-е., другими словами, у нихъ дѣла религіознаго характера и мелкія рѣшаются по преимуществу по законовѣдѣнію Абу-Ханифы Нума́на бенъ Са́битъ, жившаго съ 699 по 767 годъ отъ р. Хр. и дѣйствовавшаго въ Месопотаміи; дѣла же уголовнаго характера рѣшаются двояко: или по обычному праву, если виновное и пострадавшее или убитое лица—киргизы, или по закону государственному, если одно изъ такихъ лицъ—изъ другого племени. Исламъ пустилъ болѣе глубокіе корни у киргизовъ, живущихъ смежно или вмѣстѣ съ сартами и татарами, которые издавна проповѣдуютъ и навязываютъ имъ исламъ. Мѣстами общественнаго моленія служатъ въ селеніяхъ и городахъ татарскія и сартскія мечети (въ киргизскихъ степяхъ также встрѣчаются теперь мечети съ минаретами и молитвенные дома.—*Г. К.*). Не смотря на номинальное исповѣдываніе ислама, у киргизовъ, отдаленныхъ отъ вліянія сартовъ и татаръ, сохраняются до сихъ поръ

---

*) Въ совѣщаніи по дѣламъ вѣры 1906 г. членъ Государственнаго Совѣта В. П. Череванскій въ обстоятельной запискѣ убѣдительно доказывалъ, что русскихъ киргизовъ лишь татары хотятъ выставить истинными поклонниками Магомета, дабы этимъ пріемомъ закрѣпостить ихъ въ своей религіи. В. П. Черевавскій раскрываетъ, что киргизы никогда не были мусульманами, и отнюдь не управляются на основаніи постановленій шаріата, для этой цѣли они прибѣгаютъ къ „адату", т.-е. своду обычаевъ, что же касается исповѣдуемой киргизами религіи, то они прежде шаманили, а затѣмъ понемногу переходятъ въ мусульманство. Авторъ предостерегаетъ правительство отъ вторженія въ степь мусульманства, которое, по его мнѣнію, мертвитъ все, съ чѣмъ сталкивается, и если коранъ захватитъ киргизовъ, то они погибнутъ для цивилизаціи и культуры; необходимо ввести въ степи русскіе законы, измѣнивъ ихъ примѣнительно къ мѣстнымъ обычаямъ населенія (см. „Новое Время" № 10.753 за 20-е февраля 1906 г., стр. 3, стлб. 3—4 въ „Хроникѣ"; ср. ibid. № 10.758 за 25-е февраля).—*Н. Н. Г.*

остатки прежней ихъ религіи, шаманства. Наиболѣе крупнымъ остаткомъ надобно считать: знахарей, называемыхъ баксами [1]) и играющихъ ту же роль, какъ и шаманы у восточно-сибирскихъ племенъ; далѣе, зажиганіе свѣтильниковъ вокругъ кибиточнаго огня; потомъ, гаданіе на жженной бараньей лопаткѣ и, наконецъ, встрѣчу перваго грома постукиваніемъ угловъ кибитки ковшемъ по теченію солнца. Все это у киргизовъ держится еще потому, что слова и фразы, сопровождающія то или другое дѣйствіе, приправляются именами Мухаммеда (Магомета), Хасана и Хусейна и др. лицъ мусульманской религіи. Обряды при нареченіи имени, обрѣзаніи, женитьбѣ и погребеніи всѣ справляются по мусульманскому положенію, но дѣла, касающіяся владѣнія, отчужденія, раздѣла имущества и развода—по адату, т.-е. по обычаю [2]). Такимъ образомъ, выходитъ, что и русскіе, и китайцы предоставляютъ киргизамъ судиться и рядиться, если только нѣтъ уголовщины по отношенію къ не киргизамъ, и справлять свои обряды, какъ имъ угодно. (Въ виду этого у нихъ дѣла рѣшаются иногда самосудомъ, проявляющимся въ формѣ „баранты", т. е. грабежа скота и родовой мести; при чемъ бываетъ и такъ, что, напр., за убійство одного человѣка цѣлый родъ возстаетъ на другой родъ и мститъ до тѣхъ поръ, пока не нанесетъ тяжкихъ бѣдствій противнику—*Г. К.*). Вмѣстѣ съ исламомъ къ киргизамъ проникли и тѣ заговоры и молитвы, повѣрія и легенды, которыя у строгихъ мусульманъ, въ родѣ турокъ, считаются „отреченными" и противными древнему, наиболѣе чистому, исламу; такъ, напр., киргизы вѣрятъ въ духовъ горъ, водъ, степей, жилищъ и огня и спасаются отъ нихъ разными нашептываніями [3]). Таблицъ съ разными душеспасительными заговорами и молитвами особенно много печатается въ казанскихъ литографіяхъ (см. „Дѣятель" за 1903 г., стр. 235—240 и 360—365). Здѣсь же, въ Казани, киргизы получаютъ и большую часть своихъ религіозныхъ книгъ и книгъ литературныхъ, писанныхъ по-арабски и по-татарски [1]); напр., біографіи ветхозавѣтныхъ патріарховъ, пророковъ, судей и царей, начиная съ Адама и кончая Іисусомъ Христомъ (Иса и Айса); біографіи Мухаммеда, его родни и сподвижниковъ и пр. Киргизамъ извѣстно также сказаніе о 7 ефесскихъ отрокахъ (асха́-буль-кахфъ). По вліянію корана и его комментаріевъ киргизы признаютъ, подобно другимъ мусульманамъ, въ числѣ святыхъ и Александра великаго (Искандэръ Зуль-карнéйнъ, Александръ Двурогій), который, по нимъ, вмѣстѣ съ пророкомъ Иліей (Кыдыръ) ходилъ искать источникъ „живой воды", т. е. воды безсмертія. Имя „Кыдыра" спасаетъ человѣка отъ опасности, Соломона (Сулейманъ) — отъ злыхъ духовъ, семь ефесскихъ отроковъ—отъ враговъ, кредиторовъ, огня и воды (а хлѣбъ — отъ саранчи), Ноя (Нухъ) — отъ потопленія, Іисуса Христа—отъ злыхъ людей, а Іосифа (Юсуфъ) — отъ результата дурныхъ сновъ. Подобно сартамъ и татарамъ, киргизы прибѣгаютъ къ заступничеству скрытыхъ отъ чужого взора амулетовъ, которые носятъ то въ кушакахъ, то за пазухами, то въ волосахъ (женщины), то подмышками, то держатъ въ щеляхъ и углахъ жилищъ и пр. Первою по качеству поучительною книгою у киргизовъ, понятно, считается коранъ (а затѣмъ шаріатъ—мусульманскій катехизисъ, въ которомъ изложены главныя обязанности мусульманъ въ отношеніи религіи.—*Г. К.*). Коранъ употребляется и для гаданія, какъ и у сартовъ. Изъ другихъ способовъ гаданія, оставшихся у киргизовъ отъ прежнихъ временъ, извѣстны,—кромѣ гаданія на бараньей лопаткѣ, существующаго нынѣ также у монголовъ, урянхайцевъ и инородцевъ—тюрковъ томской, енисейской и иркутской губ.,—также гаданія: по цвѣту пламени,

[1]) „Баксы", главнымъ образомъ, сохранились у племенъ кочующихъ, т.-е. въ теченіе цѣлаго года переходящихъ съ мѣста на мѣсто; напр., въ уральской обл. у адаевцевъ и табынцевъ.—*Г. К.*

[2]) Въ дѣлахъ, которыя рѣшаются по адату—обычаю, главную роль играютъ *біи*, т.-е. народные судьи въ рѣшеніи этихъ дѣлъ. Въ біи избираются, обыкновенно, родовые старшины.—*Г. К.*

[3]) Самая употребительная молитва при изгнаніи духовъ,—это изреченіе корана: *Аузю билляги мина шайтани раджимъ* т.-е. „Прибѣгаю къ Богу за помощію отъ діавола, побиваемаго камнями". Изреченіе это—въ видѣ печатнаго листка — приклеивается, обыкновенно, въ домахъ надъ косяками дверей.—*Г. К.*

[1]) Письменность у киргизовъ только татарская, а самобытной киргизской нѣтъ; нарѣчія разныя.—*Г. К.*

въ которое бросается сало, по звѣздамъ, по экскременту овецъ и по камешкамъ. При рѣшеніи дѣлъ религіозныхъ и мелкихъ житейскихъ киргизы пользуются, — кромѣ „Большого Законовѣдѣнія" (фикхъ а́кбаръ) вышеупомянутаго Абу-Ханифы, называемаго обыкновенно „Имамъ Азамъ", т.-е. великій имамъ,—сочиненіями: „Гида́я" (руководительство) Алія-бенъ-Абибекръ изъ Ферганы, умершаго 1197 г. по р. Хр., „Джа́міур-руму̀зъ" (собраніе намековъ) Мухаммеда Кахистани, умершаго 1557 г., и нѣкоторыми другими, писанными на араб. языкѣ, почему обыкновенно выигрываетъ та сторона, гдѣ удачнѣе и яснѣе истолкуютъ соотвѣтствующее дѣлу мѣсто. Молитвы, омовенія и посты соблюдаются по правиламъ ислама̀, причемъ, какъ и другимъ мусульманамъ, даются льготы; напр., 5 положенныхъ въ сутки молитвъ можно читать и порознь и вмѣстѣ, когда порознь не удается; если воды для омовенія подъ руками нѣтъ, или если она дорога, напр. въ пустынѣ, то вмѣсто воды можно употребить песокъ; постъ соблюдается лишь днемъ и т. д. Отъ молитвъ, омовеній и постовъ можно откупиться также пшеницей или другимъ хлѣбомъ: напр., 1 молитва стоитъ $4^1/_4$ фунта пшеницы по толкованію въ кн. „Джа́міур-руму̀зъ". Въ школахъ учатъ по корану хефтье́ку т. е $^1/_7$ корана, шаріату и другимъ книгамъ, печатающимся въ Казани и касающимся исключительно религіи. Кромѣ собственно мусульманскихъ школъ—медресе и мектеде [1]) — у киргизовъ имѣются и русскія, напр., въ астраханской губ., уральской и тургайской областяхъ. (Школы эти открываются съ разрѣшенія русскаго правительства, и въ нихъ преподаютъ тѣ же предметы, что и въ начальныхъ школахъ русскихъ—одноклассныхъ и двухклассныхъ; въ нѣкоторыя школы допущены и муллы для преподаванія мусульманскаго вѣроученія.

Татары и сарты, проникающіе въ самые отдаленные и глухіе уголки киргизскихъ степей въ качествѣ весьма невыгодныхъ для киргизовъ сначала мелочниковъ-торгашей, а потомъ и скоро зажиточныхъ торговцевъ, по своей привычкѣ сбывать среди киргизовъ гнилую или ничтожную вещь въ тридорога, зорко слѣдятъ за обрусеніемъ киргизовъ въ русскихъ школахъ, стараются всѣми мѣрами враждебно настроить киргизовъ какъ противъ русскихъ школъ, такъ и вообще противъ русскихъ, и убѣдительно внушаютъ киргизамъ поступать въ русскія школы лишь при томъ условіи, если допущенъ будетъ въ школу мусульманскій мулла; а этотъ послѣдній старается поставить въ школѣ дѣло такъ, что киркизскіе мальчики, обыкновенно, *показно и механически* изучаютъ въ школахъ русскій языкъ и другіе предметы, большую же часть времени и все вниманіе свое удѣляютъ изученію мусульманскаго вѣроученія; такъ, за урокомъ русскаго языка или ариѳметики часто можно найти у ученика киргиза за партой мусульманскую книгу: хефтьекъ, шаріатимани и др.—*Г. К.*). Киргизы, живущіе около русскихъ городовъ и селеній, охотнѣе отдаютъ своихъ дѣтей въ русскія школы, чѣмъ живущіе внутри степей или около татаръ и сартовъ. (Но вообще киргизы—большіе охотники учиться въ русскихъ школахъ, даже въ миссіонерскихъ—церковно-приходскихъ школахъ; почему крайне жаль, что на открытіе русскихъ школъ среди киргизовъ, отпускается мало казенныхъ средствъ.—*Г. К.*). Еще медленнѣе того идетъ обращеніе киргизовъ въ православіе. (Въ настоящее время имѣется нѣсколько киргизскихъ миссій, главнымъ образомъ, въ епархіяхъ астраханской, омской и оренбургской. Всѣ эти миссіи подчинены мѣстнымъ епархіальнымъ комитетамъ, а послѣдніе въ свою очередь подчинены московскому православно-миссіонерскому обществу.

Изданіе книгъ на инородческихъ языкахъ для миссіонерскихъ учрежденій главнымъ образомъ вѣдаютъ переводческая коммиссія православнаго миссіонерскаго общества и братство св. Гурія въ Казани.—*Г. К.*). Нынѣ имѣются евангелія, учебники, буквари, словари, священная исторія обоихъ завѣтовъ, житія нѣкоторыхъ святыхъ и даже служебникъ. Всѣ эти изданія вышли въ количествѣ отъ 300 до 3.000 экз.

[1]) Высшія мусульманскія школы имѣются въ Стамбулѣ (Константинополѣ), Каирѣ, Бухарѣ; въ большой славѣ также медресе въ Карагалинскомъ (иначѣ — Сіидскомъ) посадѣ оренбургскаго уѣзда.—*Г. К.*

Библіографія о киргизахъ имѣется въ слѣдующихъ книгахъ: 1) *А. Е. Алекторовъ,* Указатель книгъ, журнальныхъ и газетныхъ статей и замѣтокъ о курги-

захъ (Казань 1900, 970+14); 2) *В. И. Межовъ,* Туркестан. сборникъ: сборникъ сочиненій и статей, относящихся до Средней Азіи вообще и туркестанскаго края въ особенности (Спб. 1878—1888. 184+166+134 стр.); 3) *В. И. Межовъ,* Библіографія Азіи, томы I и II (Спб. 1891—1894, 389+257 стр.); 4) *А. Н. Харузинъ,* Библіограф. указатель при сочиненіи „Киргизы Бунеевской орды" (Москва 1889, 60 стр.); 5) *H. Lansdell,* библіографическ. указатель при сочиненіи „Wissenschaftlicher Anhang zu Russisch—Central—Asien" (Leipzig 1885, 26 стр.); 7) *П. П. Семеновъ,* подъ словами „Киргизъ-кайсаки" „Киргизы" во II т. „Географическо-статистическаго словаря Россійской Имперіи" (Спб. 1865). Въ этихъ 7 указателяхъ приведено нѣсколько тысячъ названій книгъ и статей, въ которыхъ говорится о киргизахъ, ихъ религіи и бытѣ. (Ср. еще *А. В. Васильевъ,* Матеріалы къ характеристикѣ взаимныхъ отношеній татаръ и киргизовъ съ предварительнымъ краткимъ очеркомъ этихъ отношеній). [См. также статьи „Киргизъ-кайсаки" проф. *А. М. Позднѣева,* и „Киргизы" *А. Е. Яновскаго,* въ „Энцикл. Словарѣ" Брокгауза и Ефрона, полут. XXIX, стр. 95—101 и 101—108), а изъ болѣе старыхъ трудовъ, напр., *А. Левшина,* Описаніе киргизъ-казачьихъ или киргизъ-кайсацкихъ ордъ и степей, 1—3 тома, Спб. 1832. *Н. Неводничанскій,* Матеріалы къ выясненію взаимоотношеній уральскихъ казаковъ и киргизъ-кайсаковъ, Спб. 1907. Корреспонденція въ „Новомъ Времени" № 11.786 за 3 января 1909 г. изъ Степного Туркестана г. *В. С. В.*, который описываетъ киргизовъ со стороны привилегированныхъ „манановъ" по отношенію къ „бухарамъ", или простонародью.]

Н. Катановъ *).

Киреме́ть (*кереметъ*) происходитъ, по всей вѣроятности, отъ арабскаго кара́мать (= уваженіе, почитаніе, обожаніе, чудо) и перешло къ чувашамъ, черемисамъ, вотякамъ и другимъ язычникамъ-инородцамъ отъ татаръ-мусульманъ или непосредственно отъ арабовъ, которые когда-то имѣли живыя торговыя сношенія съ инородцами волжско-камскаго края. Подъ словомъ киреметь инородцы-язычники разумѣли,—по мнѣнію однихъ,—культъ предковъ или духи умершихъ, а по мнѣнію другихъ —культъ непонятныхъ имъ силъ природы какъ благотворныхъ, такъ и злыхъ и разрушительныхъ, что̀ видно изъ сохранившихся на языкахъ вышеупомянутыхъ инородцевъ молитвенныхъ обращеній къ кереметямъ. Однако, въ настоящее время подъ „киреметь" язычники-инородцы разумѣютъ почти исключительно разрушительныя явленія природы, злыхъ предковъ и, главнымъ образомъ, духи извѣстныхъ разбойниковъ, наводившихъ при жизни паническій страхъ на мирное населеніе того или другого округа. Съ цѣлью умилостивить злыхъ кереметей и какъ бы подкупить ихъ, язычники-инородцы приносятъ имъ всевозможныя жертвоприношенія. Жертвы эти приносятся и на дому, и въ лѣсахъ, оврагахъ и другихъ потаенныхъ мѣстахъ. Мѣста, освященныя особымъ присутствіемъ той или другой кереметн, сохраняются по возможности въ тайнѣ и профанамъ не открываются. Въ каждой мѣстности живетъ особая киреметь, которая является полновластною госпожей въ своемъ округѣ. Въ существованіе кереметн вѣруютъ не только полудикіе язычники волжско-камскаго края, но отъчасти и православные изъ нихъ, большинство которыхъ и до сихъ поръ остаются въ сущности язычниками, такъ что неудивительно, если свои старо-языческія понятія о киремети они цѣликомъ перенесли на святыхъ православной церкви и на ихъ иконы.

См. о киремети: *В. Магницкій,* Матеріалы къ объясненію старой чувашской вѣры (Казань 1881); *его же* , Изъ быта чувашъ казанской губерніи („Этнограф. Обозрѣніе" кн. XVIII). *Ф. Фуксъ,* Записки о черемисахъ и чувашахъ (Казань 1840). Проф. *Сбоевъ,* Изслѣдованія объ инородцахъ казанской губерніи (Казань 1856). Прот. *В. Вишневскій,* Изъ записокъ миссіонера о религіозныхъ повѣрьяхъ чувашъ. Проф. *Н. Смирновъ,* Черемисы: историко-этнографическій очеркъ (Казань 1889). *Н. И. Золотницкій,* Невидимый міръ по шаманскимъ воззрѣніямъ черемисъ (Казань 1877). о. *М. Васильевъ,* О кереметяхъ у чувашъ и черемисъ (Казань 1904).

П. Жузе.

Кирена см. „Киринея".

Киренаика, прежде Кирена (Κυρήνη), первая греческая колонія въ верхней Ливіи, по Плинію (Hist. Nat. V, 5) находилась въ одиннадцати римскихъ миляхъ отъ моря (около $15^1/_4$ верстъ), по Страбону (Географія XVII, 3 : 20) — въ восмидесяти стадіяхъ отъ Аполлоніи (= 14 верстъ). Ее

*) Нѣкоторыя дополненія и вставки принадлежатъ свящ. *Георгію Крашенинникову.*

основалъ Баттусъ, съ острова Θеры, согласно указанію дельфійскаго оракула и владѣлъ ею въ продолженіе 40 лѣтъ. Послѣ него здѣсь царствовалъ 16 лѣтъ сынъ его Аркезилай. За все это время колонія почти не увеличивалась. Только при внукѣ основателя колоніи Баттусѣ II она быстро усилилась благодаря большому наплыву новыхъ колонистовъ изъ грековъ (Геродотъ IV, 153 сл.) и сдѣлалась богатѣйшимъ и славнѣйшимъ городомъ сѣверной Африки послѣ Карθагена. Кромѣ грековъ населеніе ея состояло еще изъ ливійцевъ и римлянъ, а при Птоломеѣ Лагѣ сюда пришли и іудеи (Іосифъ Фл., Противъ Апіона II, 4). Іудеи быстро размножились здѣсь и пріобрѣли большое значеніе (Іосифъ Фл., Древности XIV, 7 : 2. XVI, 6 : 1; 1 Макк. 15, 23). Впослѣдствіи нѣкоторые киринейскіе іудеи возвратились въ Іерусалимъ и во времена Христа уже имѣли здѣсь свою синагогу (Дѣян. **6**, 9); многіе изъ нихъ сдѣлались христіанами (Дѣян. **11**, 20, **13**, 1). Симонъ, отецъ Александра и Руθа (Марк. **15**, 21), несшій крестъ Спасителя (Мθ. **27**, 32. Мрк. **15**, 21. Лк. **23**, 26), былъ киринейскимъ іудеемъ. По преданію, здѣсь проповѣдовалъ Евангелистъ Маркъ (ср. Мрк. **15**, 21). Сульпицій Северъ (Dialog. I, 5) такъ восхваляетъ нравы киринейскихъ христіанъ: „Они не покупаютъ и не продаютъ. Они не знаютъ, что такое обманъ и воровство. Они не имѣютъ ни золота, ни серебра, которыя считаютъ смертоносными, да и не желаютъ имѣть ихъ“. Первымъ епископомъ здѣсь, по преданію, былъ Луцій киринеянинъ (ср. Дѣян. **13**, 1. Рим. **16**, 21). Вмѣстѣ съ Синезіемъ, послѣднимъ великимъ своимъ представителемъ (410—415 г.), Киренаика сходитъ съ исторической сцены. Нынѣ Киренаика находится подъ владычествомъ магометанъ. Развалины ея привлекаютъ особенное вниманіе путешественниковъ и ученыхъ (ср. *Belley* въ „Memoires de l'Academie des inscript.“, Paris 1774, XXXVII, 363 сл.; *Guil. Gesenius*, De inscript. phoenicograeca in Cyrenaica nuper reperta... Halae 1825; *Gottschick*, Gesch. d. Gründung d. hellen. Staates in Kyrenaika, Lpzg 1858). Во время крестовыхъ походовъ Киренаика сдѣлалась каθедрою латинскаго епископа, но ни одинъ епископъ не жилъ тамъ. Теперь у католиковъ Dioecesus Cyrenensis считается въ числѣ епархій in partibus infidelium. См. ниже „Киринея или Кирена“.

Литература. *Le Quien*, Oriens christ. II, 622. III, 1151 сл.; *Wiltsch*, Kirchl. Geogr. und Statistik II, 306 сл.; *Guthe*, Kurzes Bibelwörterbuch, 381; архим. († еп.) *Михаилъ*, (Лузанъ), Толковый Апостолъ на Дѣян. **2**, 6. **11**, 13; † о. *П. Θ. Солярскій*, Опытъ библ. словаря II, 417; архим. *Никифоръ*, Библейская Энциклопедія II (М. 1892), стр. 142. [Библейскіе и церковно-историческіе Словари и Энциклопедіи, напр., *Vigouroux, Hastings, Cheyne*. Ср. у † проф. *Ст. Вас. Ешевскаго*, Сочиненія, ч. I (Москва 1870), стр. 133 („Киренаика была страною чисто греческаго образованія“), 234—235 и въ магистерской диссертаціи *А. А. Остроумова*, Синезій философъ, епископъ птолемаидскій, Москва 1879, стр. 21—33 и др.]

С. Троицкій.

Киренскій свято-троицкій монастырь, иркутской еп., мужской, см. „Энц.“ V, 1035—1036.

Киренское викаріатство, иркутской еп., см. „Энц.“ V, 1032—1033.

Кирикъ и Кирика Вопрошаніе. Памятникъ половины XII ст., извѣстный съ этимъ именемъ—произведеніе трехъ новгородскихъ духовниковъ: Кирика, Саввы и Иліи. Заглавіе первой части, которое обычно распространяется и на весь памятникъ, слѣдующее: „се есть въпрошание Кюриково, еже въпраша епископа ноугородьского Нифонта и инѣхъ“. Вторая часть надписывается: „Савины главы“, третья: „Ильино въпрошаніе“. Вопрошаніе сохранилось въ ркп. конца XIII в. (Новг. Кормч. Моск. Синод. Б-ки № 132) и позднѣйшихъ. Первая часть представляетъ сплошной текстъ, вторая и третья раздѣлены на статьи, при чемъ каждая часть имѣетъ отдѣльный счетъ ихъ. Принято думать, что всѣ части памятника принадлежатъ Кирику, какъ автору, что Савва и Илія были епископами, которыхъ Кирикъ вопрошалъ, какъ Нифонта, на которыхъ намекаетъ и надписаніе памятника („и инѣхъ“). Однако, вѣрнѣе предполагать съ покойнымъ А. С. Павловымъ, что Савва и Илія были такими же вопрошателями и духовниками, какъ и Кирикъ, и что памятникъ, такимъ образомъ, представляетъ соединеніе трехъ однородныхъ произведеній одного и того же времени и

мѣста. А вмѣстѣ соединены они потому, что содержатъ отвѣты преимущественно одного и того же новгородскаго владыки Нифонта (1130—1156 г.).

Біографическія свѣдѣнія объ авторахъ скудны и неустойчивы. Принято думать, что авторъ „Вопрошанія“ есть одно и то же лицо съ іеродіакономъ Кирикомъ, доместикомъ монастыря преп. Антонія римлянина, написавшимъ пасхалію въ 1136 (6644) г., гдѣ есть нѣкоторыя автобіографическія данныя. Принимая это предположеніе, о Кирикѣ можно сказать слѣдующее. Онъ родился въ 1110 г., 26 лѣтъ въ санѣ діакона занималъ должность доместика (уставщика и регента) въ новгородскомъ монастырѣ преп. Антонія. Принялъ санъ іеромонаха, получилъ должность духовника и сталъ писать „Вопрошаніе“ Кирикъ только послѣ 1136 г.; умеръ ранѣе 1156 г. Такимъ образомъ первая часть „Вопрошанія“ явилась между 1136—1156 гг.

Авторъ второй части „Вопрошанія“ Савва былъ бѣлымъ священникомъ и духовникомъ. Въ „главахъ“ его встрѣчаемъ заимствованіе изъ „Вопрошанія“ Кирика; значитъ, Савва зналъ его произведеніе, а можетъ быть и самого автора и во всякомъ случаѣ писалъ свои записки не раньше Кирика. Съ своими вопросами Савва обращался исключительно къ епископу Нифонту.

„Ильино вопрошаніе“, по предположенію, принадлежитъ Иліѣ, священнику у святого Власія на Волосовѣ улицѣ, который былъ возведенъ потомъ въ новгородскіе владыки и сдѣлался первымъ архіепископомъ Новгорода. Въ исторіи Илія извѣстенъ болѣе своею архипастырскою дѣятельностію.

Такимъ обр., въ этихъ трехъ новгородскихъ духовникахъ мы должны видѣть выдающихся людей епархіи, жившихъ въ самомъ Новгородѣ, вращавшихся около епископа и, навѣрно, хорошо знакомыхъ между собою. Но изъ всѣхъ ихъ для насъ живѣе и отчетливѣе представляется фигура Кирика, „Вопрошаніе“ котораго гораздо обширнѣе, чѣмъ оба остальныя вмѣстѣ. Отвѣтственное положеніе духовнаго отца обязывало Кирика интересоваться вопросами каноническаго порядка и считаться съ нравами и бытомъ общества. Его духовная семья была разнообразна по составу и вопросы духовнической практики, а также жизнь окружающей среды не рѣдко повергали Кирика въ недоумѣніе, что дѣлать. Онъ принужденъ былъ искать отвѣта прежде всего въ книгахъ. Но мало начитанный, неразвитой и благоговѣвшій предъ книгой, Кирикъ плохо различалъ достоинство книгъ. Онъ не разъ ссылался на каноническія посланія Василія в., на отвѣты Тимоѳея алекс., на правило Іоанна Постника, въ которыхъ, впрочемъ, не все понималъ вслѣдствіе темноты перевода или лаконичности статей, наконецъ—на древнѣйшій славянскій епитимейникъ „Заповѣдь святыхъ отецъ“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Кирикъ безусловно довѣрялъ такимъ произведеніямъ, которыя назывались „худыми номоканунцами“: апокрифическое правило митр. Георгія или „уставъ бѣлеческій“, писанье какого-то Ѳеодоса, записавшаго нѣкоторыя каноническія постановленія неизвѣстно какого митрополита, „нѣкоторая заповѣдь“ и другіе епитимейники. Кирикъ усердно обращается съ вопросами къ живымъ авторитетамъ, что было въ обычаяхъ времени. Чаще всего онъ ходилъ къ своему епархіальному епископу—знаменитому Нифонту, задавалъ ему свои недоумѣнные вопросы, чтобы записать отвѣты владыки; спрашивалъ и многихъ другихъ лицъ,—начиная съ кіевскаго митрополита Климента Смолятича и кончая епископскимъ чернецомъ Лукой—Овдокимомъ. Заинтересовавшись какимъ-нибудь вопросомъ, Кирикъ старался добиться его рѣшенія отъ многихъ компетентныхъ лицъ. Живые авторитеты для него были такъ же многочисленны, какъ и письменные. Его довѣрчивость и неразборчивость сказались и здѣсь.

Въ „Вопрошаніи“ не мало разсѣяно чертъ, рисующихъ бесѣды Кирика съ своимъ владыкой и отношенія ихъ между собою. Встрѣтится Кирику затрудненіе въ его практикѣ, замѣтитъ онъ какой-нибудь странный обычай или узнаетъ о непонятномъ ему распоряженіи владыки,—онъ идетъ къ Нифонту. Кажется, Кирикъ готовился къ бесѣдамъ и являлся съ книгами, читалъ изъ нихъ владыкѣ, требуя обсужденія или толкованія. Нифонтъ не рѣдко соглашался съ прочитаннымъ, разъяснялъ Кирику практическое приложеніе разныхъ статей, иногда же рѣшительно осуждалъ книги. На этихъ аудіенціяхъ попросту присутствовалъ домовый священникъ Нифонта и вставлялъ свое слово. Бывали тутъ и другія лица. Вообще, здѣсь незамѣтно строгаго этикета. Кирикъ не стѣс-

няется возражать епископу, пуская въ ходъ свою эрудицію. Задавъ владыкѣ вопросъ и не дождавшись его мнѣнія, онъ иногда предлагалъ свое собственное рѣшеніе. И епископъ соглашался съ своимъ собесѣдникомъ, даже хвалилъ его, когда онъ думалъ или дѣйствовалъ правильно; Кирикъ же ударялъ ему челомъ. Но подъ-часъ Нифонтъ смѣялся надъ вопрошателемъ и укорялъ его, приходя въ удивленіе отъ его аргументаціи, настойчиво запрещалъ, сильно гнѣвался или отмалчивался. Видно, что новгородскій владыка обладалъ живымъ темпераментомъ, былъ вспыльчивъ,—и собесѣдникъ приводилъ его въ гнѣвъ своимъ довѣріемъ къ сомнительнымъ источникамъ, возмущалъ своею казуистикой, такъ что Нифонтъ запрещалъ ему дальнѣйшіе разспросы. Но, вообще, отношенія между Кирикомъ и Нифонтомъ, очень хороши. Кирикъ былъ близокъ къ Нифонту и имѣлъ возможность наблюдать его. Владыка не смотрѣлъ свысока на своего наивнаго собесѣдника: онъ ему разъясняетъ скрытую цѣль нѣкоторыхъ распоряженій своихъ, входитъ въ личныя дѣла Кирика и даетъ ему совѣты, когда тотъ ихъ проситъ. Кирикъ платитъ владыкѣ великимъ уваженіемъ, записываетъ не только его слова и настроеніе при бесѣдахъ, но и происшествія частной жизни Нифонта, подтверждающія его рѣчи.

Плодомъ бесѣдъ Кирика съ своимъ владыкой и съ другими церковными дѣятелями, наблюденій надъ современной жизнію и начитанности въ тогдашней канонической и апокрифической письменности и было его *Вопрошаніе*. Заглавіе памятника не совсѣмъ точно. Здѣсь содержатся не одни вопросы,—хотя ихъ большая часть,—но вмѣстѣ съ тѣмъ положенія, неизвѣстно откуда взятыя, или выписки изъ нужной книги. „Вопрошаніе“ Кирика представляетъ собою рядъ замѣтокъ и набросковъ въ памятной книжкѣ дѣлового человѣка. Вѣроятно, статьи заносились хронологически по мѣрѣ того, какъ Кирикъ добывалъ по вопросу точное указаніе,—и не приводились въ систему. Отъ того памятникъ отличается черновымъ характеромъ своей редакціи.

Записки Кирика отвѣчаютъ на три вопроса, касающіеся того класса, къ которому онъ принадлежалъ, именно—класса древняго духовника: 1) Въ чемъ онъ полагалъ сущность нравственной жизни вѣрующаго, стражемъ которой былъ поставленъ? 2) какъ смотрѣлъ на человѣческій грѣхъ, который принималъ на свою душу? и 3) на тѣ средства противъ грѣха, которыя онъ предписывалъ своимъ духовнымъ дѣтямъ?

I. У Кирика было опредѣленное этическое міросозерцаніе. Въ его основѣ лежитъ идея чистоты, понимаемой почти исключительно въ физическомъ смыслѣ. *Сущность нравственныхъ обязанностей* христіанина Кирикъ видитъ главнымъ образомъ въ его отношеніяхъ къ христіанской святынѣ. Его взглядъ развивается такъ. Церковь принесла съ собою святыню таинствъ, храма и всѣхъ предметовъ богослужебнаго употребленія. А между тѣмъ человѣкъ нечистъ и можетъ осквернить святыню. Источникъ нечистоты его въ плоти. Отсюда задачи: какъ сохранить отъ человѣческой скверны христіанскую святыню, а человѣку избѣжать грѣха, и какъ получить прощеніе за грѣхъ разъ онъ произошелъ. Кирикъ думалъ, что церковь имѣетъ такую норму, подъ которую можно подвести всю жизнь человѣка во всѣхъ подробностяхъ ея и мелочахъ, и что противъ нарушеній христіанской нравственности въ церкви опредѣлено точное наказаніе. Съ его точки зрѣнія, нѣтъ дѣйствій нравственно безразличныхъ даже въ житейскомъ обиходѣ. Поэтому вопросы Кирика носятъ казуистическій характеръ и имѣютъ направленіе подъ опредѣленнымъ угломъ зрѣнія.

II. *Кирикъ защитникъ чистоты.* Такъ какъ нечистота человѣка, по его представленію, проистекаетъ изъ двухъ источниковъ—изъ похоти и изъ употребленія пищи, то бо́льшая часть казусовъ нравственной жизни, его интересующихъ, сводится къ нечистотѣ перваго или второго порядка. Въ основѣ вопросовъ о половой нечистотѣ лежитъ представленіе, что супружескія отношенія—только терпимое зло, что во избѣжаніе грѣха эти отношенія христіанъ можно регламентировать самымъ точнымъ образомъ. Два существа обращаютъ особенное вниманіе Кирика въ вопросахъ этого дѣла: священникъ, часто соприкасающійся со святынею, и женщина, часто нечистая. Изъ „Вопрошанія“ *священникъ* узнавалъ, какъ онъ долженъ вести себя съ женою, если у него служба черезъ день, гдѣ стоять ему въ церкви послѣ ночи, проведенной съ женою, какъ посту-

пать въ случаѣ ночного оскверненія и что дѣлать ему, если жена измѣнитъ.—Въ вопросахъ Кирика о *женщинѣ* сквозитъ ясная мысль о ея особенной нечистотѣ. Нѣкоторыя болѣзни дѣлаютъ ее нечистою и лишаютъ права вступать въ церковь, цѣловать евангеліе, ѣсть антидоръ. Рожденіе ребенка разсматривалось, какъ явленіе, оскверняющее не только мать, но даже и ту храмину, гдѣ оно произошло, а равно и женщинъ, присутствующихъ при родахъ. Женщину, нужную въ церковномъ хозяйствѣ, очень осторожно допускали до святыни. И вотъ почему наши древнія церковныя правила много занимаются просвирнею. Такъ, нашъ древній духовникъ доходилъ до мысли о женщинѣ, какъ сосудѣ нечистоты, и у Саввы, женатаго священника, является знаменитый вопросъ владыкѣ: „аще случиться платъ женьскый въ портъ вшити попу, достоитъ ли въ томъ служити портѣ?“ Своимъ отвѣтомъ владыка вскрылъ тайную мысль духовника о нечистотѣ женщины: „ци погана есть жена?“

Вопросомъ о пищѣ Кирикъ занимается также довольно подробно. Какъ и въ половую сферу онъ стремится внести сюда строгую регламентацію. Нѣкоторые роды пищи воспрещаются совершенно (мясо, бѣлки, удавленина, кровь и молозиво, т. е. первое молоко послѣ родовъ). На извѣстныя дни церковнаго года даются точныя предписанія насчетъ стола. Посты строго должны быть соблюдаемы, такъ что даже младенецъ можетъ нарушать только одинъ первый постъ своей жизни, на второй его отнимали отъ груди. Постъ очищаетъ человѣка, приготовляетъ его къ святынѣ. Особенно строгое воздержаніе требовалось предъ причащеніемъ св. Таинъ и послѣ. Кирикъ убѣжденъ, что пріобщаться можно только натощакъ, и его смущали даже грудныя дѣти, которыя не могутъ поститься. Человѣка, приступающаго къ великому таинству, оскверняетъ даже мысль о пищѣ, даже намеки на процессъ ѣды. Отсюда непозволительно пріобщаться св. Таинъ, если человѣкъ „яйцемъ толчетъ въ зубы до обѣдни“ въ день св. пасхи, когда древне-русскіе христіане обыкновенно пріобщались.

III. *Средствами прощенія* были—выполненіе епитиміи самимъ вѣрующимъ и служеніе литургій его духовнымъ отцомъ. Представленіе древне-русскаго духовника объ *епитиміи* значительно расходилось со взглядомъ на нее церкви, какъ на врачество отъ болѣзни совѣсти. Епитиміи онъ считалъ актомъ юридическимъ, совершенно внѣшнимъ. Состоя въ воздержаніи отъ мяса, молока и меда, въ удаленіи отъ святыни и въ исполненіи предписанныхъ молитвъ и поклоновъ, она представлялась Кирику тяжелою повинностью. Епитиміею наказывали гораздо чаще за грѣховное дѣяніе, чѣмъ за намѣреніе. Какъ отбываніе повинности, ее переносили для молодыхъ на старость, когда возрастъ человѣка избавлялъ его отъ того грѣха, который наказывался епитиміею. Епитимію раздѣляли: жена помогала мужу „терпѣть епитимью“ или мужъ женѣ, братъ помогалъ брату, другъ другу, вся семья участвовала въ несеніи епитиміи своего главы. Это раздѣленіе дозволялъ и Нифонтъ.

Также оригинально понималось Кирикомъ и другое средство избавиться отъ грѣховъ—*служеніе литургій*. Неизвѣстно, съ какого времени возникъ на Руси, а можетъ быть перешелъ изъ Греціи, обычай служить сорокоустъ по живымъ. Только извѣстно, что поддерживали его „чревоугодники попы“, т. е. духовники, для которыхъ сорокоусты были доходною статьей. Значитъ, сорокоустъ Кирикъ понимаетъ, какъ средство примиренія съ Богомъ, опять-таки чисто внѣшнимъ, юридическимъ образомъ. Новгородскій владыка не осуждаетъ его. Отдавая предпочтеніе сорокоусту послѣ смерти человѣка, онъ говоритъ Кирику, что нельзя отказать, разъ приносятъ сорокоустъ при жизни, „спасенія хотяче души своей“, и совѣтуетъ ему пользоваться случаемъ въ интересахъ назиданія. Принимая сорокоустъ, духовникъ долженъ поучать вѣрующаго: „брать, еслибы ты не грѣшилъ! Смотри, мертвецъ не грѣшитъ“.

Въ неразрывной связи съ мыслію о спасительности сорокоуста по живымъ стоитъ *обычай замѣнять епитимію обѣднями*. Кирикъ раздѣляетъ это мнѣніе, подтвержденіе которому нашелъ въ какомъ-то худомъ номоканунцѣ. Руководство Кирика указывало и пропорцію между срокомъ епитиміи и количествомъ литургій: 10 литургій шли за 4 мѣсяца епитиміи, 20 за 8 мѣсяцевъ, 30 за цѣлый годъ. Но еп. Нифонтъ высказался рѣшительно противъ такого обычая, разсуждая, что въ такомъ случаѣ было бы легко спастись людямъ знатнымъ и богатымъ, которые могли заказывать сколько

угодно литургій и жить въ свое удовольствіе.

Содержаніе нравственной жизни христіанина, по Кирику, сводится къ требованію физической чистоты: жить по-христіански, значитъ не оскверняться и не осквернять святыни. Такимъ образомъ, съ *формальной стороны* къ нравственной жизни вѣрующаго предъявлялось требованіе, чтобы она текла по обязательной церковной нормѣ. Кирикъ не развился до возвышеннаго содержанія нравственныхъ идей новозавѣтнаго ученія и до уваженія человѣческой совѣсти, какъ единственнаго руководителя нравственной жизни и рѣшителя ея казусовъ. По своимъ этическимъ воззрѣніямъ, какъ проповѣдникъ чистоты и строгій номистъ, Кирикъ стоитъ на точкѣ зрѣнія Ветхаго Завѣта, вліяніе котораго замѣтно въ „Вопрошаніи“. Но какъ ни было низко міросозерцаніе Кирика, мы не имѣемъ никакого права смотрѣть на него свысока, что замѣтно въ сужденіяхъ о немъ ученыхъ. Кирикъ является если не впереди, то по крайней мѣрѣ, въ уровень со своимъ вѣкомъ. Міровоззрѣніе этого простого грамотѣя выросло на очень распространенной тогда пенитенціальной письменности—отъ-части апокрифическаго характера. Кирикъ хорошо усвоилъ ея взгляды, только не ставъ выше ихъ. Но его нельзя винить за послѣднее. Развитію Кирика не помогала живая среда, изъ которой онъ вышелъ, и та паства, на которую онъ дѣйствовалъ. „Вопрошаніе“ Кирика охватываетъ рядъ задачъ и вопросовъ времени: вотъ почему оно много трактуетъ о пищѣ и наполнено нецензурными подробностями о половой жизни; его ближайшая задача уяснить церковную дисциплину во всѣхъ ея деталяхъ. Вся философія Кирика состоитъ изъ ближайшихъ принциповъ и основъ, осмысливающихъ эти вопросы и задачи (идея физической чистоты и номизмъ).

Но міровоззрѣніе, развитое въ „Вопрошаніи“, имѣло на Руси распространеніе болѣе обширное по времени и мѣсту. Кирикъ—типъ. Степень его развитія и характеръ міросозерцанія свойственны древне-русскому духовнику всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ. Изъ дух. отцовъ послѣдующаго времени можно подробно характеризовать со стороны міросозерцанія только двухъ—Іосифа волоколамскаго и протопопа Аввакума. И это были хорошіе ученики Кирика, не ставшіе выше своего учителя. Масса духовниковъ жила понятіями Кирика, потому что она имѣла дѣло съ тѣми же руководствами—епитимейниками. Неизвѣстные авторы и редакторы послѣднихъ стояли на степени развитія Кирика, пользовались тѣми же самыми сомнительными источниками, которые были подъ руками новгородскаго духовника. Нѣкоторые исповѣдные вопросы въ этихъ руководствахъ навѣяны „Вопрошаніемъ“ Кирика, и по нимъ проходитъ красною нитью основная идея міровоззрѣнія Кирика о физической чистотѣ.—Насколько типично міросозерцаніе Кирика, можетъ свидѣтельствовать слѣдующій фактъ. Мы знаемъ, что его „Вопрошаніе“ представляетъ нѣсколько вопросовъ, относительно которыхъ мнѣніе автора совершенно расходится съ воззрѣніями его епископа. И вотъ, слѣдя за судьбою этихъ вопросовъ въ нашихъ епитимейникахъ и другихъ памятникахъ, мы видимъ, что взгляды Кирика переживаютъ воззрѣнія его владыки. Очевидно, для древне-русскаго духовника были не по плечу воззрѣнія новгородскаго епископа XII в. И въ „уставѣ блаженнаго Нифонта“, какъ называли въ древности „Вопрошаніе“, онъ считалъ для себя болѣе обязательными мнѣнія Кирика.

Вопрошаніе Кирика издано два раза: *К. Калайдовичемъ* въ „Памятн. Росс. Словесн. XII в.“ (съ пропусками) и проф. *А. С. Павловымъ* въ „Русск. Истор. Библіотекѣ“ т. VI (въ полномъ видѣ). О Кирикѣ можно читать: 1) у митр. *Евгенія*, Кирика діакона и доместика новгор. Антоніева мон. ученіе, имже вѣдати человѣку числа всѣхъ лѣтъ, въ „Трудахъ Общ. Ист. и Др.“ ч. IV, кн. I; также въ Словарѣ Историч. ч. I подъ словами: Кирикъ и Нифонтъ; 2) въ Исторіи Р. Церкви *Филарета* т. I; 3) *Макарія* т. III, гл. V; 4) проф. *Е. Е. Голубинскаго* т. 1, 2 пол. по 2 изд. стр. 421—461; 5) въ статьѣ *Гр. Малышкина*, О Кирикѣ писателѣ XII в. и его сочиненіяхъ въ „Смол. Еп. Вѣд.“ 1868 г. № 20 и 1869 г. №№ 4 и 5; 6) въ очеркѣ *С. И. Смирнова*, Древне-русскій духовникъ, Серг. Пос. 1899 г., гл. III. [Проф. *В. Н. Бенешевичъ*, „Отвѣты епископа Нифонта Кирику въ изложеніи Герберштейна въ „Русской Исторической Библіотекѣ“, изд. Императ. Археограф. Ком., т. VI, изд. 2, ч. 1 (Памятники древне-русскаго каноническаго права XI—XV в.), Спб. 1908 г.]

С. Смирновъ.

Кирикъ, св. мученикъ тарсійскій (въ Киликіи), III столѣтія. Во время гоненія Іулитта вмѣстѣ съ 3-хлѣтнимъ сыномъ Кирикомъ отправилась изъ своей родины Иконіи въ Селевкію; отсюда она, спасаясь отъ преслѣдованія, прибыла въ Тарсъ. Здѣшній суровый игемонъ Александръ потребовалъ ихъ на судъ, разбилъ голову Кирику и обезглавилъ мать его Іулитту. Соборъ мучениковъ совершался въ придѣлѣ ихъ близъ Архистратига Михаила въ Аддахъ. Въ Константинополѣ былъ монастырь во имя св. Кирика, а въ Фасалидѣ, близъ Іерихона (въ Іудеѣ), стоялъ храмъ въ честь этихъ мучениковъ. Мощи св. Кирика въ XII и слѣдующихъ столѣтіяхъ находились во св. Софіи Цареградской. Оксеррскій епископъ Аматоръ (388 — 418 г.) часть мощей мучениковъ принесъ въ Оксерръ изъ Антіохіи, но ученые Болландисты различаютъ нашихъ мучениковъ отъ мучениковъ антіохійскихъ. *Память св. Кирика и Іулитты 15 іюля.*

Analecta Bollandiana I, 194 (AA. ss. Boll. 16 іюня III, 17); иконійскаго епископа Ѳеодора посланіе о мученичествѣ ихъ у *Комбефиса*: Illustrium Christi martyrum lecti triumphi, Parisiis 1660; *Mai*, Nova Patrum Bibliotheca VI, 2 (1853), p. 417; *Migne* gr. CXX, col. 165; славянская минея; Макар. Ч.-Минея („повелѣвшу твоему преподобству честными твоими книгами", съ молитвою Іулитты); прологъ—*Сергій*. [*W. Smith* and *H. Wace*, A Dictionary of Christian Biography I, p. 759].

Хр. Л—въ.

Кирилла см. выше „Кирилла", „Энц." X, 25.

КИРИЛЛИЦА и ГЛАГОЛИЦА. Кириллица есть ничто иное, какъ дополненное нѣсколькими новыми буквами греческое уставное письмо, извѣстное изъ греческихъ богослужебныхъ книгъ IX—XI вв. (старшая изъ нихъ, дошедшая до насъ съ датою,— Порфиріевская Псалтырь 862 г.). Кирилловскія буквы для звуковъ общихъ славянскому языку съ греческимъ въ древнѣйшихъ памятникахъ не только сходны, но иногда даже тожественны съ соотвѣтствующими греческими. Что до кирилловскихъ буквъ для звуковъ неизвѣстныхъ или сравнительно мало извѣстныхъ греческому языку, то относительно б можно сказать, что это — одна изъ разновидностей β, встрѣчающаяся въ греческихъ рукописяхъ (напр., въ Псалтыри 862 г.; надобно имѣть въ виду, что греки византійской эпохи произносили β въ большинствѣ словъ какъ *в*, въ меньшинствѣ, особенно послѣ μ—въ λαμβάνω и т. п., — какъ *б*). Буква ѕ, писавшаяся въ древнѣйшихъ памятникахъ, какъ ζ перечеркнутое посрединѣ вполнѣ или отчасти (см. въ таблицѣ II снимокъ съ нея между буквами ж и з, взятый изъ Евангельскихъ Листковъ Ундольскаго XI в.), и произносившаяся, какъ сложный согласный *дз*,—повидимому, одна изъ разновидностей греческаго ξ, не рѣдкая въ греческихъ рукописяхъ VIII—IX в. (напр., въ Стихирарѣ VIII—IX в.; см. снимокъ въ The Palaeografical Society, 2-я серія, № 4, London 1888). Буквы ц и ш по формѣ и значенію такъ близки къ еврейскимъ צ и ש (и къ ихъ самарянскимъ варіантамъ), что въ восточномъ ихъ происхожденіи трудно сомнѣваться; профессоръ Д. А. Хвольсонъ въ палеографической таблицѣ при его „Сборникѣ еврейскихъ надписей" (Спб., 1884), показываетъ, что еврейское ש въ IX—X в. иногда писалось почти тожественно со славянскимъ ш. Буква щ, произносившаяся въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ, какъ *шт*, представляетъ вязь (соединеніе, лигатуру) буквъ ш и т, изъ которыхъ вторая подписана подъ первой (рядомъ съ буквой — вязью щ: хощеши, употребляются простыя буквы шт: хоштеши; а изрѣдка вмѣсто щ пишется ш съ надписаннымъ надъ нимъ т). Буква ю— представляетъ сокращеніе ιоу = греч. ιου; другія іотированныя буквы (см. таблицу II) по своему составу повторяютъ греческія ια, ιε (произносились, какъ наши *я*, *е*), или подражаютъ имъ. Остальныя буквы кириллицы для звуковъ неизвѣстныхъ греческому языку уже неясны по своему происхожденію. О ж можно думать, что это есть видоизмѣненіе своей сосѣдки буквы ѕ въ ея вышеуказанной древнѣйшей формѣ; надобно имѣть въ виду, что греки славянскій звукъ *ж* передавали черезъ свое ζ, также какъ и славянскій звукъ *з*. Буква ч въ ея древнѣйшей формѣ чаши (см. таблицу II) такъ близка къ ц, что можетъ быть видоизмѣненіемъ послѣдней; не лишне замѣтить, что греки славянскіе звуки *ц* и *ч* передавали однимъ и тѣмъ же сочетаніемъ τζ. О буквахъ ъ, ь, ѣ можно сказать лишь то, что онѣ од-

ного происхожденія; то же можно сказать объ ꙗ и ѧ (послѣдняя буква въ нѣкоторыхъ древнѣйшихъ памятникахъ имѣетъ двѣ формы, см. таблицу II). Буква ы (обычно пишется ъı (см. таблицу II), рѣже ъи, ьи)—несомнѣнно сложная.

Буквы кирилловской азбуки, точно также какъ и буквы греческія, кромѣ звуковаго, имѣютъ еще числовое значеніе, т. е. употребляются какъ цифры. Кириллица здѣсь слѣдуетъ рабски за своимъ греческимъ оригиналомъ, и въ ней только буквы греческаго происхожденія, въ порядкѣ греческой азбуки, означаютъ числа: а = 1, в = 2, г = 3, д = 4, е = 5, з = 7, и = 8, ѳ = 9, і = 10 и т. д., а новыя буквы для славянскихъ звуковъ (кромѣ ѧ = 900 на мѣстѣ сходной съ нимъ греч. сампи) остаются безъ числоваго значенія. При этомъ для означенія 6 употребляется греч. стигма, (потомокъ древней дигаммы), а для означенія 90—греч. коппа (см. на табл. II двѣ послѣднія буквы), изъ которыхъ потомъ стигма, замѣнивъ собою древнѣйшія формы буквы зѣло, приняла на себя также звуковое значеніе этой послѣдней, а коппа съ теченіемъ времени была замѣнена сходной съ нею буквой—ч.

Порядокъ буквъ кирилловской азбуки въ древнѣйшее время—тотъ же, что и греческой. Новыя буквы помѣщаются главнымъ образомъ въ концѣ азбуки, въ видѣ дополненія. Мы имѣемъ нѣсколько древнихъ церковно-славянскихъ стихотвореній или молитвъ, имѣющихъ азбучный акростихъ; одна изъ нихъ, наиболѣе сохранившаяся, принадлежитъ Константину Болгарскому, ученику славянскихъ первоучителей, жившему въ второй половинѣ IX в. и въ первой половинѣ X в. (см. „Константинъ Болгарскій") и составляетъ „прологъ", или предисловіе къ переведенному имъ сборнику словъ Іоанна Златоуста („Учительное Евангеліе").

Первые стихи этого стихотворенія (въ русской окраскѣ):

Азъ словъмь симь молюся Богу:
Боже вьсея твари и зиждителю
Видимыимъ и невидимыимъ,
Господа Духа посъли живущаго,
Да вдъхнеть въ сьрдьце ми слово,
Еже будеть на успѣхъ вьсѣмъ,
Живущиимъ въ заповѣдьхъ ти.
И т. д.

Изъ этой „азбучной молитвы" и подобныхъ ей стихотвореній видно, что порядокъ буквъ кирилловской азбуки IX—X в. мало отличался отъ современнаго. Можно отмѣтить отсутствіе въ ней буквы *у* (въ древности писавшейся оу) и замѣну ея буквою *v* (писавшейся ү).

Число буквъ въ кириллицѣ древнѣйшаго времени было болѣе значительно, чѣмъ въ современной. Стихотвореніе Константина состоитъ изъ 40 стиховъ, изъ которыхъ последніе четыре, несомнѣнно, не имѣютъ связи съ акростихомъ; слѣдовательно, его азбука состояла изъ 36 буквъ. Черноризецъ (монахъ) Храбръ, почти современникъ славянскихъ первоучителей (—въ его время еще живы были люди, видѣвшіе первоучителей), въ своей статьѣ „О письменехъ" (т. е. буквахъ) говоритъ, что св. Константинъ взялъ изъ греческой азбуки 24 буквы и къ нимъ прибавилъ 14 новыхъ буквъ „по словенску языку"; онъ перечисляетъ эти 38 буквъ. Любопытно, что въ его спискѣ нѣтъ ни ѳ, ѯ, ни щ и ы (сложенныхъ изъ слав. буквъ), ни іотированныхъ буквъ (кромѣ ю). Къ сожалѣнію, статья Храбра дошла до насъ въ сравнительно позднихъ спискахъ, лучшій изъ которыхъ, XV в., не смотря на хорошую сохранность текста, представляетъ нѣкоторыя неясности, и потому о нѣсколькихъ буквахъ кирилловской азбуки, значащихся у Храбра, приходится недоумѣвать.

Каждая буква кириллицы издревле имѣла особое названіе, слѣдуя и здѣсь своему греческому оригиналу. Названіе первой буквы—*азъ* = я, мѣстоименіе 1-го лица; вторая буква носитъ названіе *букы* = буква (женск. рода); третья называется *вѣдѣ* = знаю (1-е лицо ед. ч.); четвертая *глаголи* = говори (2-е л. повел. накл.); седьмая—*живѣте*= живите (2-е л. повел. накл.) и т. д. Обыкновенно буква имѣетъ такое названіе, которое ею начинается, но, конечно, есть исключенія. Такъ *еръ*, *ерь* (значеніе этихъ названій намъ уже неясно) оканчиваются тою буквою, которую они означаютъ; *ижица* (буква безъ надобности взятая изъ греческой азбуки, какъ не имѣвшая для себя соотвѣтствующаго греческому υ славянскаго звука) имѣетъ свое названіе (отъ *ижица*, часть ига = ярма) по сходству своей формы съ этимъ предметомъ; *юсъ*, можетъ быть,—поздняя (средне-болгарская) форма слова *усъ*;

ять, можетъ быть,—существит. женск. р., съ значеніемъ ѣзда (ѣ въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ могло произноситься какъ *я*); *фертъ* (древн. *фрътъ*) и *хѣръ*, можетъ быть,—греч. слова, φόρτος и χείρ, употреблявшіяся у древнихъ болгаръ, жившихъ въ греческомъ сосѣдствѣ. Тѣ буквы, которыя теперь не имѣютъ названія: ш, ю, ѱ, въ древности его могли имѣть; во всякомъ случаѣ въ акростихѣ Константина стихъ для ѱ начинается словомъ *печаль*, а въ статьѣ Храбра названіе этой буквы сокращенно передано черезъ *пъ*; въ одномъ изъ Скитскихъ Патериковъ (иногда называемомъ Азбучнымъ; Троицк. Лавры № 701, Рум. Муз. № 307), переведенномъ въ древности, мы читаемъ такія названія: „ѳита еже есть твердо веліе", ѡ—„онъ великій".

Мы не имѣемъ ни одного памятника, писаннаго кириллицей, который бы дошелъ до насъ въ подлинникѣ отъ временъ слав. первоучителей. Древнѣйшій изъ дошедшихъ—надпись болгарскаго царя Самуила 993 г., сдѣланная на надгробномъ камнѣ—при могилахъ его отца, матери и брата въ церкви близь озера Преспы въ Македоніи. Слѣдующіе за нею кирилловскіе памятники, собственно церковно-славянскіе или древне-болгарскіе, написанные въ разныхъ мѣстностяхъ древней Болгаріи, лишены датъ и только по особенностямъ письма (по палеографическимъ признакамъ) относятся къ XI в. Это—Саввино Евангеліе (или Саввина Книга), очень неполное; Евангельскіе Листки Ундольскаго (два листа), Супрасльская рукопись (Четья-Минея на мартъ мѣсяцъ), Хиландарскіе Листки (два отрывка словъ Кирилла іерусалимскаго). Позднѣйшихъ памятниковъ, XII и XIII вв., писанныхъ кириллицею въ древней Болгаріи, такъ называемыхъ средне-болгарскихъ, уже относительно много; съ XIV в. однородные памятники пишутся не только въ Болгаріи, но и въ румынскихъ земляхъ—Молдавіи, Валахіи и Буковинѣ. Старшіе кирилловскіе памятники, написанные въ древней Сербіи и Босніи, начинаются съ конца XII в. Древняя Русь стала пользоваться кириллицею, повидимому, еще до крещенія св. Владимира, со времени появленія первыхъ христіанъ въ Кіевѣ (при Игорѣ); древнѣйшій русскій ея памятникъ, означенный годомъ, — великолѣпное Остромирово Евангеліе, написанное, вѣроятно, въ Кіевѣ для новгородскаго посадника Остромира въ 1056—1057 годахъ. Есть основаніе думать, что кириллица имѣла нѣкоторое распространеніе въ Моравіи (гдѣ дѣйствовали Константинъ и Меѳодій) и изъ нея въ Чехіи; во всякомъ случаѣ Martyrologium Odonis, латинская рукопись XII в., находящаяся теперь въ бенедиктинскомъ монастырѣ въ Райградѣ, близь Брюнна (въ Моравіи), имѣетъ приписки одного изъ своихъ читателей, сдѣланныя въ XII или XIII в. кириллицею (между прочимъ, начало одного изъ словъ Іоанна Златоуста въ обычномъ церк.-слав. его переводѣ).

Употребляясь въ разныхъ странахъ православнаго славянскаго міра, кирилловская азбука имѣла нѣкоторое разнообразіе какъ въ своемъ составѣ, такъ — особенно — въ формѣ буквъ, смотря по мѣсту и времени, въ зависимости отъ особенностей языковъ и діалектовъ тѣхъ славянъ, которые ею пользовались.

Болгары X—XIII вѣковъ знали ее въ наибольшей полнотѣ и въ наибольшей близости формъ буквъ къ ихъ греческимъ оригиналамъ. Это не мѣшало имъ пользоваться то большимъ, то меньшимъ числомъ буквъ. Въ однѣхъ ихъ рукописяхъ есть и ъ, и ь, въ другихъ только ъ, въ третьихъ только ь. Однѣ рукописи имѣютъ іотированныя буквы ѥ, ѭ, ѩ, въ другихъ ихъ нѣтъ. Однѣ рукописи имѣютъ букву ѕ въ одной изъ ея формъ, другія не имѣютъ, и т. д. Форма буквъ у нихъ была также не вполнѣ одна и та же. Такъ, ы пишется то ъı, то ьı; рядомъ съ вязью щ употребляется шт; буквы ц и щ въ однѣхъ рукописяхъ стоятъ на строкѣ, въ другихъ имѣютъ (какъ у насъ) нижнюю черту подъ строкою, и т. д. Болгары конца XIV в. уже перестали употреблять іотированныя буквы (кромѣ ꙗ и ю); и формы буквъ подъ ихъ перомъ значительно уклонились отъ формъ XI в. Что до сербовъ, то ихъ рукописи отличаются отсутствіемъ буквъ ѫ и ѧ (юсовъ простыхъ и іотированныхъ) и буквы ъ (у нихъ обыкновенно только ь); сербы-боснійцы не употребляли сверхъ того буквы ꙗ, пользуясь вмѣсто нея буквою ѣ. Формы буквъ у сербовъ также имѣютъ свои особенности (всего больше у сербовъ-боснійцевъ). Русскіе рано утратили буквы ѫ, ѭ, ѩ; формы буквъ, не смотря на извѣстную устойчивость русскаго письма,

также понемногу измѣнились. Древнія русскія рукописи сохраняютъ первоначальный *уставной* видъ буквъ; съ XIV в. въ нихъ появляются сперва болѣе бѣглое письмо *полууставъ*, а затѣмъ вполнѣ бѣглое—*скоропись*. Московскій полууставъ XVI в. послужилъ образцомъ для шрифта московскихъ печатныхъ книгъ этого времени, который сохраняется до сихъ поръ въ нашихъ церковныхъ книгахъ (см. ниже въ особой статьѣ о „Книгахъ и Книжномъ дѣлѣ"). При Петрѣ I, по иниціативѣ великаго государя, рядомъ съ церковнымъ шрифтомъ былъ введенъ въ употребленіе въ печати для книгъ свѣтскаго содержанія *гражданскій шрифтъ*, представляющій въ *общемъ* небольшое видоизмѣненіе церковнаго шрифта; онъ былъ изготовленъ впервые въ 1707 г. голландскимъ мастеромъ—„словолитцемъ". Первая книга, напечатанная этимъ шрифтомъ въ Москвѣ,—Геометрія 1708 г.

Кириллица, въ общемъ одна и та же, сохраняется теперь всѣми славянами православными и уніатами. Черноризецъ Храбръ относитъ составленіе кириллицы св. Константиномъ-Кирилломъ къ 6363 г. отъ сотворенія міра, когда жили Борисъ князь болгарскій, Растицъ (т. е. Ростиславъ) князь моравскій и Коцель князь блатенскій (паннонскій). Эта дата, вполнѣ заслуживающая вѣры, можетъ быть переведена на современное лѣтосчисленіе двояко: или 855 г. (если считать отъ сотворенія міра до рождества Христова, какъ считали одни греки,—5508 лѣтъ), или же 863 г. (если считать то же время, вмѣстѣ съ другими греками,—въ 5500 лѣтъ). Историческія данныя, сообщаемыя житіями свв. Кирилла и Меѳодія и другими источниками, заставляютъ рѣшительно остановиться на 863 г. (Бодянскій и Дювернуа, игнорировавшіе Храбра, на основаніи этихъ данныхъ пришли къ 862 г.).

Рядомъ съ кириллицею издревле существуетъ другая славянская азбука—**глаголица**. Памятники, ею написанные, почти столь же древни, какъ и кирилловскіе; ничего глаголическаго, подобнаго надписи 993 г., нѣтъ; но, напр., Зографское Евангеліе XI в. ничѣмъ не уступаетъ упомянутому выше Саввину Евангелію. Къ сожалѣнію, всѣ глаголическіе тексты, до насъ дошедшіе (Зографское Ев., Ассеманово или Ватиканское Ев., Маріинское или Григоровичево Ев., Синайская Псалтырь, Синайскій Требникъ, Клоцовъ сборникъ со словами Іоанна Златоуста и другихъ отцовъ), не имѣютъ даты, и мы лишь по особенностямъ письма и языка можемъ считать ихъ написанными въ XI в.

Глаголическія буквы въ полномъ ихъ составѣ не имѣютъ сколько-нибудь значительнаго сходства ни съ одною изъ извѣстныхъ азбукъ. Изъ многочисленныхъ попытокъ ученыхъ указать источникъ глаголицы ни одну нельзя считать удачною. Большинство ученыхъ въ настоящее время держится теоріи происхожденія глаголицы отъ греческой скорописи (минускульнаго письма) VIII—IX в.,—теоріи, впервые выставленной Тэйлоромъ,—и вѣритъ, 1) что глаголица—то письмо, которое вошло въ употребленіе у славянъ, сосѣдившихъ съ греками и принявшихъ христіанство еще до славянскихъ первоучителей (Храбръ сообщаетъ, что эти славяне „римскими и греческими писмены нуждаахуся писати словенску рѣчь безъ устроя"); 2) что она была Константиномъ приспособлена къ звукамъ славянскаго языка, и 3) что она древнѣе кириллицы, а потому именно ей должно принадлежать названіе кириллицы. Но эта теорія не выдерживаетъ критики. Сколько грубыхъ натяжекъ ни дѣлается, чтобы объяснить, напр., глаголическое *б* изъ вязи (соединенія) греческихъ скорописныхъ μβ, *ж* изъ ϑϑ, *з* изъ ϑ, *ц* изъ ζ, *ч* изъ τσσ, *ш* изъ σσ,—ничего удовлетворительнаго не получается; во всякомъ случаѣ игнорируется тотъ фактъ, что греки, учители славянъ, около IX в. держались уже извѣстной системы при передачѣ славянскихъ звуковъ греческими буквами и довольно послѣдовательно изображали звуки *б* через β (Βούλγαρος, Βορίσης), *ж* черезъ ζ (ζουπάνος = жупанъ), *ц* и *ч* черезъ τζ (Κοτζίλης=Коцьлъ, Κριβίτζοι= Кривичи), *ш* черезъ σ (Βουσεγραδέ=Вышеградъ). Свидѣтельство Храбра о составленіи Константиномъ азбуки изъ греческихъ буквъ съ прибавленіемъ новыхъ, имъ изобрѣтенныхъ, письменъ—говоритъ вполнѣ ясно, что во времена Храбра, черезъ какія-нибудь 50 лѣтъ послѣ кончины славянскаго первоучителя Меѳодія (885 г.), видѣли въ Константинѣ составителя кириллицы. Молчаніе Храбра о другой славянской азбукѣ рядомъ съ кириллицею указываетъ

на неизвѣстность ему чего-нибудь похожаго на кириллицу. Мы не знаемъ, гдѣ жилъ Храбръ; какъ видно изъ его статьи, онъ взялся за перо, чтобы показать противникамъ славянской азбуки и письменности,— грекамъ и грекоманамъ,—что славянская азбука, составленная святымъ человѣкомъ Константиномъ (какъ это извѣстно „всѣмъ“ славянскимъ книжнымъ людямъ), нисколько не ниже греческой азбуки, честь изобрѣтенія основаніе думать, что Храбръ лучше чѣмъ кто другой могъ знать о древнѣйшей славянской азбукѣ, ея происхожденіи и ея творцѣ. Не мѣшаетъ имѣть въ виду, что кирилловская надпись царя Самуила 993 г. свидѣтельствуетъ о томъ, что въ концѣ X в. въ Македоніи, сравнительно близко отъ Солуня, кириллица была наиболѣе обычнымъ, если не единственнымъ славянскимъ письмомъ.

Таблица I.

Ⰰ(1)ⰰ, Ⰱ(2)ⰱ, Ⰲ(3)ⰲ, Ⰳ(4)ⰳ, Ⰴ(5)ⰴ, Ⰵ(6)ⰵ, Ⰶ(7)ⰶ, Ⰷ(8)ⰷ, Ⰸ(9)ⰸ,
А(1)а, Б б, В(2)в, Г(3)г, Д(4)д, Є(5)є, Ж ж, Ѕ(6)ѕ, З(7)з,

Ⰺ(10)ⰺ, Ⰹ(10)ⰹ, Ⰻ(20)ⰻ, Ⰼ(30)ⰼ, Ⰽ(40)ⰽ, Ⰾ(50)ⰾ, Ⰿ(60)ⰿ, Ⱀ(70)ⱀ,
І(10)і, I(10)i, И(8)и, Ђ ђ, К(20)к, Л(30)л, М(40)м, Н(50)н,

Ⱁ(80)ⱁ, Ⱂ(90)ⱂ, Ⱃ(100)ⱃ, Ⱄ(200)ⱄ, Ⱅ(300)ⱅ, Ⱆ(400)ⱆ, Ⱇ(500)ⱇ,
О(70)о, П(80)п, Р(100)р, С(200)с, Т(300)т, Оу(400)оу, Ф(500)ф,

Ⱚ(500)ⱚ, Ⱈ(600)ⱈ, Ⱉ(700)ⱉ, Ⱋ(800)ⱋ, Ⱌ(900)ⱌ, Ⱍ(1000)ⱍ, Ⱎ ⱎ,
Ѳ(9)ѳ, Х(600)х, Ѡ(800)ѡ, Щ щ, Ц(900)ц, Ч(90)ч, Ш ш,

Ⱏ, Ⱏⰺ, Ⱏⰹ, Ⱏⰻ, Ⱐ, Ⱑ ⱑ, Ⱖ ⱖ, Ⱔ ⱔ, Ⱗ ⱗ, Ⱗ ⱗ,
ъ, ъі, ы, ъи, ь, Ѣ ѣ, Ю ю, Ѧ(900)ѧ, Ѫ ѫ, Ѩ ѩ,

Ⱙ ⱙ, Ⱛ ⱛ,
Ѭ ѭ, Ѵ(400)ѵ, Ѯ(60)ѯ, Ѱ(700)ѱ, Ҁ(90).

которой принадлежитъ язычникамъ; слѣдовательно, Храбръ писалъ тамъ, гдѣ славянская азбука и письменность подвергались нападкамъ и нуждались въ защитѣ, гдѣ греки были сильны, гдѣ славянскіе книжники жили рядомъ съ греческими. Мы вправѣ предположить, что мѣстомъ, гдѣ жилъ Храбръ, былъ греческій Солунь, окруженный славянскими селами, пользовавшійся славянами, какъ рабочими, прислугой и т. п., дававшій въ своихъ монастыряхъ пріютъ монахамъ славянамъ; иначе говоря, есть

Мы не беремся дать какое-нибудь новое объясненіе глаголицѣ, но не можемъ не указать на близость ея къ кириллицѣ и на возможность видѣть въ ней искусственно передѣланную кириллицу. Глаголическія буквы, въ общемъ, не лишены сходства съ кирилловскими (а черезъ нихъ иногда и съ греческими уставными). Если кирилловская буква проста по своимъ составнымъ элементамъ, то столь же проста и соотвѣтствующая ей глаголическая (сравни *е*, *о*, *п*, *р*); если кирилловская, напротивъ, отличается слож-

ностью своей фигуры,—то же можно сказять и о глаголической (сравни *г*, *д*, *л*, *м*, *т*). Что особенно важно, это—значительное сходство новыхъ букьъ кириллицы съ ихъ глаголическими сестрами, особенно *б*, *ж*, *ц*, *ч*, *ш*, *щ*, *ю*, могущее получить объясненіе лишь при допущеніи вліянія кириллицы на образованіе глаголицы, а не наоборотъ (см. выше сказанное о кирилл. *б*, *ц*, *ш*, *щ*, *ю*). Не лишне также замѣтить, что гдѣ кириллица, вслѣдъ за греческою азбукой, безъ всякой надобности имѣетъ сложныя буквы (оу, ы), тамъ и въ глаголицѣ сложныя буквы; какъ кириллица заключаетъ въ себѣ совсѣмъ не нужныя для славянскаго языка, совершенно лишнія греческія буквы (ι, ν, ѡ), такъ дѣлаетъ то же самое и глаголица.

Во всякомъ случаѣ связь глаголицы съ кириллицею не подлежитъ сомнѣнію.

Глаголическія буквы, подобно кирилловскимъ, имѣютъ также числовое значеніе. Въ то время какъ кириллица слѣдуетъ здѣсь вполнѣ за своимъ греческимъ оригиналомъ, глаголица имѣетъ естественный порядокъ, такъ что въ ней *а* = 1, *б* = 2, *в* = 3, *г* = 4 и т. д., но—что любопытно—въ означеніи первыхъ сотенъ обѣ азбуки совпадаютъ (*р* и въ той и въ другой = 100, *с* = 200, *т* = 300, *г* = 400, *ф* = 500, *х* = 600).

Порядокъ буквъ въ глаголицѣ—тотъ же, что и въ кириллицѣ; названія глаголическихъ буквъ—тѣ же, что и кирилловскихъ. Это видно изъ такъ называемаго Abecenarium bulgaricum, глаголической азбуки съ названіями ея буквъ въ латинской рукописи XII вѣка.

Изъ древнѣйшихъ глаголическихъ памятниковъ, выше названныхъ, два—Зографское и Ассеманово Евангелія — имѣютъ кирилловскія приписки своихъ читателей, показывающія, что ими пользовались болгары, привыкшіе къ кириллицѣ. Въ Синайской Псалтыри въ крупномъ письмѣ (въ заглавіяхъ) есть кирилловскія буквы. Въ свою очередь въ древнихъ кирилловскихъ книгахъ встрѣчается глаголица Такъ, въ среднеболгарскомъ Охридскомъ Апостолѣ XII в. въ кирилловскомъ текстѣ то отдѣльныя слова, то цѣлыя строки написаны глаголицею.

Очевидно, глаголица употреблялась тамъ же, гдѣ и кириллица. Изслѣдованіе языка древнѣйшихъ глаголическихъ текстовъ показываетъ, что главные изъ нихъ—Зографское и Ассеманово Евангелія и Синайская Псалтырь—написаны въ древней Болгаріи, всего скорѣе—въ Македоніи. Святцы при Ассемановомъ Ев. имѣютъ имена нѣсколькихъ мѣстныхъ солунскихъ и струмицкихъ святыхъ (сверхъ того, Климента, епископа величскаго, автора ряда церк.-славянскихъ поученій), что указываетъ на происхожденіе писца этого Евангелія изъ Солуня или изъ близкаго къ этому городу мѣста. Что до Маріинскаго Ев. и Клоцова сборника, то разсѣянные въ ихъ языкѣ сербизмы говорятъ за написаніе ихъ въ области сербовъ или хорватовъ. Два глаголическіе памятника—Пражскіе отрывки (два листа съ стихирами восточной церкви въ обычномъ церк.-славянскомъ переводѣ съ греческаго) и Кіевскіе отрывки (также два листа съ отрывкомъ богослужебнаго текста по западному обряду въ переводѣ съ латинскаго)—по даннымъ ихъ языка написаны у западныхъ славянъ:—первый въ Чехіи, второй едва ли не въ Польшѣ, что указываетъ на употребленіе глаголицы въ предѣлахъ епархіи первоучителя Меѳодія. Такимъ образомъ, въ XI и XII вв. глаголица была въ употребленіи въ Болгаріи, Сербіи и Хорватіи, въ Моравіи и Чехіи, можетъ быть въ Польшѣ. О Россіи этого времени мы имѣемъ данныя лишь отрицательныя. Русскіе писцы, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, умѣли читать глаголицу и могли переписать глаголическую книгу кирилловскимъ письмомъ; но сами не пользовались глаголицею. Лишь въ видѣ исключеній мы встрѣчаемъ въ русскихъ книгахъ XI—XII в. отдѣльныя глаголическія буквы среди кирилловскаго текста. Такъ, въ отрывкѣ Евгеніевской Псалтыри XI в. (20 листовъ) есть три глаголическія буквы (инціалы); въ сборникѣ словъ Григорія Богослова XI в. есть одна глаголическая буква, и др. Только въ Московскихъ глаголическихъ отрывкахъ, изъ сборника поученій XII в. (два листа), глаголическія буквы разсыпаны по всему кирилловскому тексту. Въ XV—XVI в. русскіе грамотники еще сохраняли понятіе о глаголицѣ и иногда пользовались ею для криптографіи (тайнописи).

Глаголица также имѣла нѣкоторое разнообразіе и въ своемъ составѣ, и въ своихъ формахъ, смотря по мѣсту и времени, въ зависимости отъ особенностей языковъ употреблявшихъ ее славянъ. Старшіе памятники

имѣютъ круглую, или болгарскую глаголицу; младшіе, съ XII—XIII в., почти исключительно хорватскіе, пользуются уже угловатою, или хорватскою глаголицей, близкой по типу къ латинскому готическому письму и, вѣроятно, происшедшей подъ вліяніемъ послѣдняго. Глаголическія рукописи XIV и XV в., по большей части богослужебныя (часто съ тѣми же церк.-славянскими текстами, которые употреблялись въ то время въ Болгаріи, Сербіи и Россіи), довольно многочисленны; первая печатная глаголическая книга (служебникъ) появилась въ Венеціи въ 1483 г. Въ концѣ XIV в. на короткое время, вмѣстѣ съ богослуженіемъ на церковно-славянскомъ языкѣ, глаголица перешла отъ хорватовъ къ чехамъ и черезъ чеховъ къ полякамъ, но ни у тѣхъ, ни у другихъ не удержалась, оставивъ по себѣ слѣдъ лишь въ нѣсколькихъ глаголическихъ рукописяхъ чешскаго происхожденія.

Въ настоящее время глаголица сохраняется у тѣхъ немногихъ хорватовъ Адріатическаго побережья и на островахъ Адріатическаго моря, которые, будучи католиками, еще пользуются богослуженіемъ на церковно-славянскомъ языкѣ и извѣстны подъ именемъ „глаголяшей“. Эти хорваты пользуются церковными книгами новѣйшей глаголической печати. Хорватское преданіе приписываетъ составленіе (или изобрѣтеніе) глаголицы блаженному Іерониму. Но изъ сказаннаго нами выше можно видѣть, что это преданіе не имѣетъ никакой цѣны. Поэтому остается довольствоваться догадками о творцѣ (или творцахъ) глаголицы и о времени ея появленія. Мы считаемъ вѣроятною лишь одну изъ нихъ: глаголица составлена ученикомъ (или учениками) первоучителя Меѳодія въ предѣлахъ его моравской епархіи во время поднятаго здѣсь латинниками (нѣмцами и ихъ сторонниками славянами) гоненія на славянское богослуженіе и славянскую письменность, ради спасенія этого богослуженія и этой письменности, такъ какъ главною причиной гоненія былъ явно греческій характеръ кирилловскаго письма, исчезнувшій при замѣнѣ кириллицы глаголицею. Объ этомъ гоненіи, принудившемъ часть учениковъ Меѳодія бѣжать изъ Моравіи, разсказываетъ намъ греческое житіе Меѳодіева ученика Климента Словенскаго (см. ниже статью: „*Климентъ еп. словенскій*“).

Таблица II.

А Б В Г Д Є Ж Ѕ З И І К Л М Н Ѯ О П Р С Т

ОУ Ф Х Ц Ч Ш Щ Ъ Ы Ь Ѣ Ѫ Ѧ Ю Ѳ

Ѵ Ѱ Ѡ Ꙗ Ѥ Ѭ Ѩ [illegible] ⁘—

Къ таблицамъ.

Таблицы: I представляетъ глаголическую и кирилловскую азбуку древняго типа во взаимномъ звуковомъ и числовомъ соотвѣтствіи,—какъ ихъ принято изображать въ современной печати; II заключаетъ въ себѣ кирилловскую азбуку изъ Остромирова Евангелія 1056—1057 г., дополненную отдѣльными буквами изъ другихъ древнихъ руко-

писей. Такъ, *зѣло* (между *ж* и *з*) взято изъ Листковъ Ундольскаго XI в., второй *юсъ малый* (передъ *ю*)—изъ Саввина Евангелія XI в., іотированный *ѣ* (6-я буква отъ конца)—изъ Святославова Сборника 1073 г., *л* и *н* съ крючками (5-я и 4-я буквы отъ конца)—изъ Мстиславова Евангелія начала XII в.; послѣдніе три знака—двѣ формы цифры 6 (употреблявшіеся также въ значеніи буквы *зѣло*) и коппа=90.

Литература.—† Проф. *О. М. Бодянскій*, О времени происхожденія славянскихъ письменъ (Москва 1855); Московскіе глагольскіе отрывки („Чтенія въ общ. ист. и древн." 1859, № 1).—† Проф. *Д. Ѳ. Бѣляевъ*, Исторія алфавита и новое мнѣніе (Тэйлора) о происхожденіи глаголицы (Казань 1886). *С. Г. Вилинскій*, Сказаніе черноризца Храбра о письменахъ славянскихъ („Лѣтопись историко-филологич. общ. при Новоросс. Унив.", т. IX).—† *А. Е. Викторовъ*, Послѣднее мнѣніе Шафарика о глаголицѣ („Лѣтописи русской литературы и древности", изд. проф. Н. С. Тихонравовымъ, т. II и III). Prof. *W. Vondrak*,—Zur Frage nach der Herkunft des glagolitischen Alphabets („Arch. für slav. Philol.", т. XIX). *Geitler*, Die Albanesischen und slavischen Schriften. Wien 1883. Проф. *Н. К. Грунскій*, Памятники и вопросы древнеславянской письменности, т. I, Юрьевъ 1904 (Кіевскіе и Пражскіе глагол. листы). † Проф. *А. Л. Дювернуа*, О годѣ изобрѣтенія славянскихъ письменъ („Чтенія въ общ. ист. и древн." 1862, № 2). Изслѣдованія по русскому языку; изд. Академіи Наукъ, т. I. Спб. 1885—1895 (статья Храбра). Кирилло-Меѳодіевскій сборникъ, изд. † *М. П. Погодинымъ*, Москва 1865. Проф. *Е. Ѳ. Карскій*, Очеркъ славянской кирилловской палеографіи (Варшава 1901); Надпись Самуила 993 г. („Русск. Филолог. Вѣстн." 1889 г., № 4). † Архим. *Леонидъ* (Кавелинъ), О родинѣ и происхожденіи глаголицы и объ ея отношеніи къ кириллицѣ („Сборникъ Ак. Наукъ", т. LIII). Меѳодіевскій юбилейный сборникъ, изд. подъ редакціею орд. проф. *А. С. Будиловича* (Варшава 1885). Проф. *Вс. Ѳ. Миллеръ*, Къ вопросу о славянской азбукѣ („Журн. Мин. Нар. Пр." 1884, № 3). *В. А. Погорѣловъ*, Замѣтка по поводу сказанія Храбра о письменахъ („Извѣстія Отдѣленія русск. яз. и словесн. Ак. Наукъ" 1901, кн. 4). Проф. *А. И. Соболевскій*: Древній церковно-славянскій языкъ. Фонетика (Москва 1891); Церковно-славянскія стихотворенія конца IX—начала X вѣковъ („Библіографъ" 1892 г.); Церковно-славянскія стихотворенія IX—X вѣковъ и ихъ значеніе для изученія церк.-слав. языка („Труды XI Археологич. Съѣзда въ Кіевѣ", т. II); Къ исторіи древнѣйшей церк.-слав. письменности („Русскій Филол. Вѣстн." 1902 № 1); Славяно-русская палеографія, конспектъ лекцій, читан. въ Спб. Археологическомъ Институтѣ, два курса (Спб. 1908). † Акад. *И. И. Срезневскій*, Древніе глаголическіе памятники сравнительно съ памятниками кириллицы (Спб. 1866); Славяно-русская палеографія XI—XIV вѣковъ. Лекціи (Спб. 1885). *Taylor*, Ueber den Ursprung des glagolitischen Alphabets („Arch. für slav. Philologie", т. V). Профф.: *Ѳ. И. Успенскій*, *Т. Д. Флоринскій* и *Л. Милетичъ*. Надпись царя Самуила („Извѣстія Русскаго Археологическ. Института въ Константинополѣ", т. VI). Проф. *И. В. Ягичъ* (*V. Jagić*), Четыре палеографическія статьи, Спб. 1884 (разборъ теоріи Гейтлера); Glagolitica, Würdigung neuentdeckter Fragmente, Wien 1890 (рецензія Т. Д. Флоринскаго въ „Кіевск. Университ. Извѣстіяхъ" 1890 г., № 11); Zur Enstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache, Wien 1900 (рец. Т. Д. Флоринскаго тамъ же 1901, № 4).

А. Соболевскій.

Кириллова книга. Это не—произведеніе св. Кирилла іерусалимскаго, отца церкви IV вѣка. Названіе книги искуственное, придуманное издателями. Это—русскій сборникъ XVII вѣка, въ коемъ помѣщены разныя статьи догматико-полемическаго содержанія противъ латинъ, лютеранъ и армянъ. Названіе „Кирилловй книги" дано этому сборнику отъ первой статьи, представляющей толкованіе 15-го огласительнаго слова св. Кирилла. Толкованіе составлено западнорусскимъ ученымъ Стефаномъ Зизаніемъ, однимъ изъ противниковъ уніи съ латинствомъ. Толкованіе Зизанія было написано на бѣлорусскомъ нарѣчіи и напечатано въ Вильнѣ, въ 1596 году, подъ названіемъ: „Казанье св. Кирилла патріарха іерусалимскаго о антихристѣ". Экземпляръ его имѣется въ библіотекѣ казанской Дух. Академіи. Переведенное на языкъ церковно-славянскій, оно и помѣщено первою статьей въ названномъ сборникѣ. Цѣль толкованія Зизанія была та, чтобы доказать, что римскій папа есть антихристъ, или „наивысшій его предотеча". Мысль объ этомъ предносилась въ то время и у другихъ ревнителей православія юго-западной Россіи и достигала до Аѳонскихъ монастырей (см. Посланія аѳонскаго монаха Іоанна Вишенскаго въ „Актахъ юго-западной Россіи", т. 2-й).

Всѣхъ главъ или статей въ Кирилловой

книгѣ 48. Изъ нихъ 15 направлены противъ латинства: 25—27 и 34—46. Наиболѣе примѣчательныя статьи „о римскомъ отпаденіи, како отступиша отъ православныя вѣры“ (25) и „римскихъ ересѣхъ“ (26). Обѣ эти статьи переведены съ греческаго и суть произведенія неизвѣстныхъ греческихъ писателей-полемистовъ. Противъ ереси армянской помѣщены 4 статьи: 30—33 гл. Противъ лютеранъ тоже 4 статьи: главы 11, 12, 19 и 29. Остальныя статьи имѣютъ болѣе положительный характеръ. Въ этомъ отношеніи особенно выдается глава 47, состоящая изъ нѣсколькихъ статей древнихъ авторитетныхъ писателей: Фотія патріарха константинопольскаго посланіе къ князю Болгарскому, Символъ Аѳанасія александрійскаго, Отвѣты Анастасія патріарха антіохійскаго и Кирилла александрійскаго и Максима исповѣдника и Истолкованіе молитвы „Господи Іс҃е Христе Боже нашъ“

Всѣ эти разнообразнаго содержанія и далеко неодинаковаго достоинства статьи и собраны были въ одну книгу съ упомянутымъ названіемъ протопопомъ московскаго Архангельскаго собора Михаиломъ Роговымъ и напечатанную въ Москвѣ въ патріаршество Іосифа (1644 г.).

Поводомъ къ изданію полемической противъ разныхъ современныхъ ересей книги послужило желаніе царя Михаила Ѳеодоровича выдать свою дочь за датскаго принца Вольдемара, но при томъ условіи, если онъ приметъ православную вѣру. Начались по этому обстоятельству религіозныя пренія между лютеранскимъ пасторомъ и православными священниками,—въ числѣ коихъ принималъ участіе и Михаилъ Роговъ (Сборн. Солов. библ. № 1604, л. 134). Пренія остались безрезультатны и были для царя непріятны. Онъ и повелѣлъ поэтому составить „предобрую книгу (обличенія на ереси) отъ различныхъ святыхъ отецъ учиненную во единъ купъ совокупити и яко корабль многимъ богатствомъ наполнити туго“ (Послѣсл., л. 560 об.).

Но богатство отъ святыхъ отецъ въ сборникѣ Рогова слишкомъ незначительно; да и какого-нибудь серьезнаго значенія въ обличеніи ересей книга и въ свое время не имѣла, а теперь и рѣчи о томъ быть не можетъ. Но со времени появленія раскола Кириллова книга получила у насъ свое особенное, спеціальное значеніе. Какъ напечатанная до лѣтъ патріарха Никона, она явилась наряду съ другими (Большой Катихизисъ, Книга о Вѣрѣ и т. п.) однимъ изъ источниковъ „истинно-древняго благочестія“, т. е. старообрядства и раскола. Съ этой стороны она не потеряла своего значенія и до настоящаго времени. Понятно отсюда, что особенно въ прежнее время, лѣтъ за полтораста и болѣе назадъ, она была предметомъ преувеличенныхъ, но противорѣчивыхъ отзывовъ со стороны раскольническихъ писателей, съ одной стороны, и православныхъ писателей, съ другой, такъ что насколько первые восхваляли ее не по достоинству, настолько послѣдніе порицали все, что и не заслуживаетъ жестокихъ порицаній. По отзывамъ первыхъ, въ ней положены словеса „меда сладчайшія, въ ней нѣсть лжи на святыхъ, нѣсть людемъ обману и прелести, но отъ многихъ священныхъ писаній утверждаетъ люди во благочестіи, объясняетъ и утверждаетъ восточное православіе и научаетъ священной богословіи“ (Поморскіе отв. 37—39). По причинѣ такого уваженія и такой восторженной похвалы Кириллова книга въ XVIII столѣтіи была вновь напечатана старообрядцами (Гродна 1786 г.). Съ другой же стороны, еще патріархъ Никонъ потребовалъ протопопа Михаила къ отвѣту и, по словамъ протопопа Неронова, лишилъ его скуфьи и даже проклялъ за еретическія мысли въ изданной имъ книгѣ (Житіе Неронова). Затѣмъ православные полемисты XVIII стол. давали о Кирилловой книгѣ самые рѣзкіе отзывы, которые, главнымъ образомъ, относились къ Стефану Зизанію, съ именемъ котораго соединяли всю книгу (Ѳеофилактъ Лопатинскій въ „Обличеніи раскольнич. неправды“, л. 138 и дал.).

Въ послѣднее время взглядъ на нее до того смягчился, что она печатается въ московской единовѣрческой типографіи и употребляется миссіонерами для борьбы съ расколомъ. И на самомъ дѣлѣ, въ т. н. Кирилловой книгѣ, наряду съ совершенными нелѣпостями и старообрядческими мнѣніями и установленіями, не мало и такого, что даетъ миссіонерамъ оружіе въ борьбѣ съ расколомъ.

1) Въ числѣ нелѣпыхъ сказаній, мнѣній

и обличеній латинства встрѣчаются такія, будто папа Левъ гугнивый (Левъ IX) повелѣлъ попамъ имѣть по седми женъ, а наложницъ — кто сколько хочетъ, а также и безъ епитиміи грѣхи прощать, или что Божію Матерь латины не называютъ Богородицею,—какъ разъ все наоборотъ. Къ довершенію всего въ статьѣ „о римскихъ ересяхъ“ помѣщенъ обличительно циническій разсказъ о томъ, почему латинское духовенство брѣетъ бороды (гл. 26).—Не менѣе нелѣпъ обличительный разсказъ объ армянахъ, что у нихъ установленъ постъ Арціурцевъ,—въ честь съѣденной волками собаки ихъ учителя *Арцы* (собаку звали *Урцы*), а также и о „арменскомъ причастіи“ (главы 31 и 32).

2) Раскольники пользуются, главнымъ образомъ, статьею о крестномъ знаменіи (л. 180 об.), въ подтвержденіе двуперстнаго сложенія, чтеніемъ символа вѣры (л. 506),—въ частности, безпоповцы указываютъ изъ статьи Зизанія тѣ строки, гдѣ говорится, что „антихристъ *прежде* своего пришествія вездѣ жертвенники и жертву истребитъ“ (л. 32) и нѣкоторыми другими. Послѣднее мѣсто разсмотрѣно въ нашемъ „Критическомъ разборѣ...“, стр. 310—311.

3) Православные полемисты находятъ въ свою очередь мѣста о вѣчности священства (л. 77), о вѣчномъ же приношеніи Христовой жертвы, заимствован. изъ „Толковаго Апостола“ (лл. 37,351), о кратковременномъ царствованіи послѣдняго антихриста (л. 48 об.) и по нѣкоторымъ вопросамъ обрядовымъ (лл. 285, 552, 554).

Изслѣдованіе о Кирилловой книгѣ баккалавра *Александра Ильича Лилова,* Казань 1858 (печаталось и въ „Прав. Собесѣдникѣ“).

Н. Ивановскій.

Кирилловъ, А. А., редакт. „Донск. Е. Вѣдом.“, ср. „Энц.“ V, 22.

КИРИЛЛЫ СВЯТЫЕ восточные 1—5:

1) **Кириллъ,** св. епископъ катанскій, I столѣтія. Антіохіянинъ родомъ, ученикъ св. Апостола Петра, отъ котораго получилъ и санъ епископскій въ сицилійскомъ городѣ Катанѣ. Кириллъ занимался обращеніемъ язычниковъ ко Христу и творилъ много чудесъ: между прочимъ, горькую воду источника молитвою сдѣлалъ сладкою. Видя это чудо, обратился въ христіанство и катанскій начальникъ, родомъ грекъ. Св. Кириллъ почилъ въ мирѣ въ почтенной старости. Тѣло его положено было въ Сициліи. *Память его 21 марта.* Макар. Ч.-Минея; прологъ.

Хр. Л—въ.

2) **Кириллъ,** св. священномученикъ гортинскій, III столѣтія. По доносу своихъ рабовъ Ѳеофана и Ѳеохириста онъ былъ схваченъ и заключенъ въ темницу. Здѣсь во снѣ онъ услышалъ голосъ: „Кириллъ, требую, чтобы ты былъ въ Римѣ“. Это говорилъ преподобный Филоксенъ. Когда Кириллъ увидѣлся съ Филоксеномъ, послѣдній сказалъ: „ты примешь два вѣнца—епископскій и мученическій; иди въ Римъ и утверждай тамъ вѣру“. Когда наступило гоненіе, Кириллъ хотѣлъ ѣхать въ Іерусалимъ; но проѣзжая мимо Пелопоннеса, онъ услышалъ голосъ: „не миновать Крита, такъ какъ здѣсь есть нужда въ тебѣ“. Въ возрастѣ 60 лѣтъ Кириллъ былъ поставленъ въ архіепископы Крита и митрополиты Гортины и правилъ каѳедрою 25 лѣтъ. Затѣмъ схваченный игемономъ Агриппиномъ (или Лукіемъ), онъ за исповѣданіе Христа перенесъ много мученій и, наконецъ, по приказанію игемона Адріана былъ обезглавленъ въ мѣстности „Раксъ“ на 90 или 95 году жизни, въ царствованіе императора Декія (249—251 г.), или Максиміана (286—308 г.). *Память его 9 іюля.*

AA. ss. Boll. 9 іюля II, 684--687; славянская минея; Типикъ Великой Церкви (А. А. Дмитріевскій, I, 88); Никодимовъ Συναξαριστής; Макар. Ч.-Минея; прологъ.

Хр. Л—въ.

3) **Кириллъ,** св. мученикъ севастійскій, IV столѣтія. Это одинъ изъ 40 мучениковъ севастійскихъ, пострадавшихъ въ 320 году. См. „Іоаннъ“ (въ „Энц.“ VI, 869—870). *Память его 9 марта.*

Хр. Л—въ.

4) **Кириллъ,** св. мученикъ иліопольскій, IV столѣтія. Въ царствованіе имп. Юліана, во время гоненія на христіанъ, когда былъ мученъ ареѳусійскій епископъ Маркъ, вмѣ-

стѣ съ нимъ страдалъ и діаконъ Кириллъ за разореніе идольскихъ кумирень. Ему разсѣкли утробу, и всѣ внутренности его вышли наружу. *Память его 29 марта.*

АА. ss. Boll. мартъ III, 774; Григорій Богословъ, Слово противъ Юліана Отступника; Өеодоритъ Киррскій (Исторія Боголюбцевъ, кн. III, гл. 6); Макар. Ч.-Минея („Уже благочестію просіавшю Христовою благодатію и еллинстѣй прелести потемнѣвши, въ времена Константина Великаго"); прологъ.—*Сергій.*

Хр. Л—въ.

5) **Кириллъ Филеотъ**, св. подвижникъ византійскій, XI—XII столѣтія. Киріакъ (мірское имя Кирилла) родился на өракійскомъ берегу Чернаго моря въ мѣстечкѣ Филеасъ, не далеко отъ Византіи, въ 1015 году. По достиженіи возраста онъ отъ руки мѣстнаго архіепископа былъ поставленъ въ чтецы. Въ званіи клирика онъ имѣлъ такой успѣхъ, что Деркскій архіепископъ пожелалъ имѣть его у себя. Въ 1035 году Киріакъ женился и сталъ отцомъ семейства. Почувствовавъ въ себѣ призваніе къ подвижнической жизни, онъ поступилъ на судно, на которомъ три года плавалъ по рѣкѣ Дунаю. Съ ранняго возраста въ немъ проявилась наклонность къ юродству, которой не понимали ни его жена, ни другія близкія къ нему лица. „Однажды,—разсказывалъ святой своему ученику и біографу Николаю Катаскепину,—когда мы плыли по рѣкѣ, я началъ плакать, бить себя по лицу, и заявилъ, что эта рѣка, какъ я узналъ, вытекаетъ изъ рая и обтекаетъ всю землю; и заключилъ, что она есть хартія, содержащая написанные грѣхи мои". Путешественники только смѣялись передъ такимъ откровеніемъ. Затѣмъ Киріакъ хотѣлъ было бросить свою жену и дѣтей и предаться отшельнической жизни, но уступилъ просьбамъ семейства и остался въ своей келліи, наложивъ на себя желѣзныя вериги. Изъ своего уединенія онъ однажды ходилъ въ Константинополь для поклоненія въ храмѣ Влахернской Богоматери, каковой путь считался въ 36 или 40 миль. Во время голода и моровего повѣтрія Киріакъ оставилъ семьѣ послѣдній хлѣбъ, а самъ отправился опять въ Константинополь. Изнемогая отъ голода и трудностей дороги, святой помолился,—и Господь даровалъ ему пищу. Вознеся благодарственныя молитвы въ храмѣ Богоматери, онъ прибылъ въ мѣстечко Неаполь. Здѣшній кураторъ освѣдомился о личности пришельца, но не получивъ отвѣта, прибилъ его; впрочемъ, сообразивъ, что это юродивый, кураторъ просилъ у него прощенія. Во второе свое пребываніе въ столицѣ Киріакъ познакомился съ инокомъ Иларіономъ, а черезъ послѣдняго съ Анною Комниною, матерью будущаго императора Алексѣя I Комнина (1081—1118 гг.), которая послѣ одной бесѣды убѣдила Киріака взять отъ нея нѣсколько денегъ. Затѣмъ святой отправился въ г. Хоны съ намѣреніемъ лично поклониться на томъ мѣстѣ, гдѣ совершилось чудо Архистратига Михаила. Отсюда онъ прибылъ въ предмѣстье Византіи Стенъ, въ мѣстечко Неаполь, гдѣ въ монастырѣ св. Филиппа жилъ его духовный отецъ. Слава о блаженномъ Киріакѣ распространилась далеко, и многіе міряне и даже наиболѣе благочестивые изъ игуменовъ стали посѣщать его. Въ это время два его родственника, въ чаяніи исцѣленія отъ своихъ болѣзней, ѣздили въ старый Римъ для поклоненія мощамъ св. Апостоловъ; а братъ Киріака Михаилъ постригся въ церкви Спаса, принявъ во иночествѣ имя Матөея, и создалъ свой монастырь, для устроенія котораго приходилъ туда самъ святой. Въ 1086 году, во время печенѣжскаго нашествія на Өракію, инокъ Матөей укрылся въ крѣпости Деркской, а Киріакъ ушелъ въ болѣе пустынное мѣсто залива и жилъ тамъ до удаленія непріятеля. Съ этого времени святой уже не возвращался въ свою семью, но, уйдя въ монастырь Спаса, принялъ тамъ постриженіе подъ именемъ Кирилла. Здѣсь онъ прожилъ молчальникомъ три года. Видя одного христолюбца, шедшаго въ Анхіалъ, Кириллъ далъ ему 11 камилавокъ собственнаго издѣлія съ тѣмъ, чтобы тотъ продалъ ихъ себѣ на хлѣбъ; но христолюбецъ, забывъ о порученіи, возвратилъ эти камилавки святому. Блюденіе чистоты вѣры сказалось у Кирилла при встрѣчѣ его съ армяниномъ: результатомъ ихъ бесѣды было присоединеніе армянина въ лоно православной каөолической и апостольской церкви. Живя въ уединенномъ мѣстѣ залива, Кириллъ былъ часто осаждаемъ пришельцами; для избѣжанія этого онъ покинулъ свою обитель. Источникъ воды, устроенный святымъ, ока-

зался цѣлебнымъ; агіографъ Кирилловъ Николай Катаскепинъ свидѣтельствуетъ, что онъ самъ пилъ изъ него воду и выздоровѣлъ отъ боли въ желудкѣ. Молитвами святого получили исцѣленіе жители Филеаса Клапá и Мелимаврá. Въ числѣ почитателей Кирилла былъ извѣстный Константинъ Хиросфактъ, сначала преторъ Еллады и Пелопониса, а потомъ проедръ, одинъ изъ близкихъ чиновниковъ при дворѣ имп. Алексѣя Комнина, богатый землевладѣлецъ, имѣнія котораго были разбросаны въ разныхъ мѣстахъ, и одно изъ нихъ находилось вблизи Кирилловой обители; это послѣднее Константинъ Хиросфактъ принесъ въ даръ святому. Другимъ виднымъ человѣкомъ, имѣвшимъ связи съ Кирилломъ, былъ Евмаѳій Филокалисъ, начальникъ „критскаго флота", т. е. византійскаго флота, крейсировавшаго въ критскихъ водахъ. Онъ былъ хромъ на обѣ ноги; отличался благочестіемъ и поддерживалъ дружбу съ филеотскимъ аскетомъ. И многіе изъ членовъ царствующаго дома Комниновъ считали за честь видѣться съ Кирилломъ и бесѣдовать съ нимъ по вопросамъ нравственнымъ, по вопросу о спасеніи души. Въ 1108 году, когда имп. Алексѣй Комнинъ велъ войну съ Боэмундомъ Тарентскимъ и когда неизвѣстность исхода этой борьбы угнетала многихъ, Николай Катаскепинъ рѣшился обратиться къ своему учителю съ вопросомъ: „авва, кто достоинъ знать воистину, съ какимъ успѣхомъ совершитъ походъ свой царь нашъ?" Кириллъ отвѣтилъ ему: „достойный и истину знаетъ Богъ, а вотъ я скажу тебѣ, что я видѣлъ нѣсколько дней тому назадъ,—отъ Бога ли это, или отъ демоновъ. По исполненіи мною ночного славословія, имѣя обычай поминать въ немъ царей, недостойный, я началъ возносить моленія Богу о царѣ Алексѣѣ со слезами и душевнымъ напряженіемъ; ибо кто не молится за такого человѣка? Потомъ произнеся Трисвятое и исполнивъ псаломъ „Господи, силою Твоею возвеселится царь", я сѣлъ на свою постель и, думая о немъ, предавался размышленію о степени вѣроятности побѣды. И заснувъ не много, я вижу, что я отправлялся въ нѣкое ровное и освѣщенное мѣсто и, вглядываясь пристально туда и сюда, вижу по правую сторону царскую палатку, имѣющую видъ церкви, и множество военнаго народа около нея, а внутри ея — царя, сидящаго на высокомъ и царскомъ тронѣ. Взглянувъ же въ лѣвую сторону, вижу страшное море со множествомъ небольшихъ судовъ, разбивающее ихъ и разбрасывающее по берегу. Лежалъ же превеликій черный песъ съ налитыми кровью глазами, смотрѣвшій какъ бы на императора; держалъ же его на цѣпи нѣкій блестящій мужъ. Потомъ вскорѣ я вижу, что тотъ же блестящій воинъ влечетъ насильно пса и, подойдя, повергаетъ его къ стопамъ благочестивѣйшаго царя нашего. Какъ я думаю,— закончилъ свою рѣчь Кириллъ,— царь Алексѣй подчинитъ Боэмунда". Дѣйствительно, пророчество святого оправдалось. Знакомство имп. Алексѣя съ Кирилломъ началось слѣдующимъ образомъ. Однажды Алексѣй бесѣдовалъ съ однимъ инокомъ, хорошимъ знакомымъ Кирилла. Монахъ упомянулъ имя Кирилла, и императоръ спросилъ: „кто этотъ авва Кириллъ? и если онъ таковъ, какъ ты о немъ говоришь, то какъ я его не знаю?" И монахъ отвѣтилъ: „кто я, несмысленный, чтобы могъ говорить о немъ и свидѣтельствовать объ истинѣ, ибо глаза достовѣрнѣе ушей,— я такъ вѣрю, что Богъ свидѣтельствуетъ о немъ, какъ объ истинномъ своемъ рабѣ". Услышавъ объ этомъ, царь немедленно послалъ къ святому своего родственника, протостратора Михаила Дуку, котораго Кириллъ принялъ сначала не особенно гостепріимно. Святой, повидимому, находилъ безсмыслицу въ общеупотребительномъ въ иноческомъ обиходѣ возгласѣ „благослови, отче", особенно въ устахъ мірянина; онъ возмущался собственно словомъ „отче" и до тѣхъ поръ не впускалъ къ себѣ Михаила, пока тотъ не назвалъ его „аввою". Пробесѣдовавъ съ аскетомъ всю ночь, Михаилъ утромъ явился къ императору и разсказалъ ему о Кириллѣ въ восторженныхъ выраженіяхъ. Тогда имп. Алексѣй рѣшился лично посѣтить подвижника. „Итакъ царь отправился къ преподобному со всѣмъ семействомъ. Когда они наклонили главы, благословили другъ друга и обнялись, царь не хотѣлъ сѣсть, пока старецъ, убѣжденный его величествомъ, не сѣлъ первымъ. Затѣмъ онъ сказалъ: „почто прибылъ сюда, благочестивѣйшій государь, къ негодному старику, не имѣющему ничего хорошаго?" Слухи о словахъ и дѣлахъ моихъ достигли и до

твоей державы“... И царь сказалъ: „ты знаешь, авва, что меньшее украшается лучшимъ: ибо мнѣ ввѣрена Богомъ (хотя и недостойно) такая власть; заботами о ней я днемъ и ночью занятъ и обезпокоенъ настолько, что иногда некогда вспомнить и о Богѣ. Не слѣдуетъ ли мнѣ почитать боящихся Бога, каковы бы они ни были по внѣшности? Мало того, но еще ходить къ нимъ и такъ сказать запасаться ихъ святыми молитвами для просвѣтленія помраченной души моей и для благоуспѣшности войска; ты знаешь, что многое можетъ дѣйственная молитва праведнаго, хотя моя безпечность не позволяетъ мнѣ дѣйствовать по святымъ вашимъ молитвамъ; но я вѣрю въ то, что вашими святыми молитвами это дѣлается возможнымъ; таково мое настроеніе; и отовсюду ясно, что всѣхъ избравшихъ мірскую и высокую жизнь, хотя бы они и отличались благоприличіемъ, много почтеннѣе тѣ, которые посвятили себя монашескому и отшельническому житію“... Въ знакъ своего особаго благоволенія Алексѣй при прощаніи съ Кирилломъ снялъ свое платье и отдалъ его братіи; за нимъ послѣдовали и вся его семья и свита. Кромѣ того Алексѣй далъ Кириллу для раздачи бѣднымъ пять литръ и для монастыря одну литру золота, послѣ чего вернулся въ столицу. Эти пять литръ Кириллъ роздалъ впослѣдствіи бѣднымъ, когда страну посѣтилъ голодъ; а братія продала царскія одежды за большія деньги опять тому же императорскому семейству. Св. Кириллъ скончался 2 декабря 1110 года въ глубокой старости, въ возрастѣ 95 лѣтъ. *Память его 2 декабря.*

Житіе св. Кирилла, написанное его ученикомъ и землякомъ Николаемъ Катаскепиномъ, сохранилось въ греческой рукописи Аѳонскаго Каракаллова монастыря № 42, 1341 года. Въ сокращенномъ видѣ оно напечатано въ „Великомъ Синаксаристѣ“ К. Дукаки (Дукакиса). Въ 1896 г. мы лично читали на Аѳонѣ это житіе въ упомянутой рукописи и извлекли изъ него важнѣйшія историко-біографическія данныя («Византійскій Временникъ» IV, 378—401); наконецъ, въ 1904 году мы получили изъ Каракаллова монастыря полную копію этого интереснаго памятника и имѣемъ въ виду напечатать ее. На славянской почвѣ это житіе не было извѣстно.

Хр. Лопаревъ.

Кириллъ, архіепископъ іерусалимскій, св. отецъ церкви IV вѣка, извѣстенъ главнымъ образомъ по своимъ огласительнымъ (catecheses) и тайноводственнымъ (catech. mystagogica) словамъ. 1) Родился Кириллъ въ 315 году, „въ нѣдрахъ іерусалимской церкви“. Аскетъ по жизни, Кириллъ въ 345 году еп. Максимомъ рукоположенъ былъ во пресвитера іерусалимской церкви и въ этомъ санѣ въ 347 или 348 году говорилъ свои знаменитыя слова (во дни святой четыредесятницы) къ готовящимся ко крещенію и (въ праздничные дни св. пасхи) къ новокрещеннымъ (Catech. **18**, 32—33),—слова, останавливающія вниманіе многихъ западныхъ богослововъ, а также нѣкоторыхъ русскихъ (Проф. *И. В. Чельцовъ*, Собраніе символовъ и вѣроизл., Спб. 1869, стр. 37—38) тѣмъ, что въ нихъ нѣтъ слова: ὁμοούσιος, хотя Кириллъ произносилъ ихъ послѣ 1 вселенскаго никейскаго собора, употребившаго это слово. По смерти еп. Максима, въ 350 или 351 году, Кириллъ посвященъ былъ во епископа іерусалимскаго Акакіемъ, еп. кесарійскимъ. Въ 351 году, „въ святые дни пятидесятницы“, 7 мая „около третьяго часа“ (или—по нашему счисленію—около 9 часовъ утра) на небѣ явилось великое небесное знаменіе, простиравшееся надъ Іерусалимомъ отъ Голгоѳы до Елеона; сіяніе его было сильнѣе сіянія самого солнца; не одинъ или двое, но все народонаселеніе города созерцало видѣніе это, продолжавшееся въ теченіе нѣсколькихъ часовъ; объятый страхомъ и вмѣстѣ радостію, народъ толпами стекался въ св. церковь—прославлять Господа. По этому поводу Кириллъ отправилъ „Посланіе къ благочестивому царю Констанцію“ о бывшемъ знаменіи креста изъ лучей свѣта. Въ періодъ времени съ 357 г. по 378 г. Кириллъ былъ трижды лишаемъ каѳедры. Въ первый разъ онъ принужденъ былъ оставить каѳедру по проискамъ Акакія, еп. кесарійскаго, который,—вопреки 7 правилу 1 вселенскаго собора,—хотѣлъ было воспользоваться принадлежащей іерусалимскому епископу (епископу Эліи) честію первенства между областными епископами. Произошедшая по этому поводу ссора между Акакіемъ и Кирилломъ осложнилась еще требованіемъ Акакія отъ Кирилла согласиться на мнѣнія аріанъ. На состоявшемся, по требованію Акакія, мили-

тинскомъ соборѣ въ 357 г. Кириллъ, не смотря на твердое противодѣйствіе насилію аріанъ, партіею Акакія былъ объявленъ лишеннымъ каѳедры за то, что „онъ во время голода продалъ въ пользу бѣдныхъ церковныя вещи“. Изгнанный силою изъ Іерусалима, Кириллъ нашелъ себѣ пріютъ у еп. Силуана въ Тарсѣ, гдѣ пробылъ до 359 года, когда соборомъ селевкійскимъ былъ возстановленъ въ своихъ правахъ, а недоброжелатель его Акакій былъ осужденъ, какъ аріанинъ. Вторично Кириллъ былъ лишенъ каѳедры съ ссылкою въ заточеніе въ 360 году соборомъ Евдоксія константинопольскаго, открытаго аріанина, сообщника Акакія. Въ 361 г. импер. Юліанъ однако возвратилъ Кирилла своей паствѣ.

Въ управленіе Кирилла іерусалимскою церковію послѣ этой ссылки произошла извѣстная въ исторіи попытка возстановленія храма іерусалимскаго (іудейскаго), сдѣланная префектомъ по приказу самого импер. Юліана, но не допущенная волею Божіей, когда огонь пожиралъ работу вмѣстѣ съ дѣлателями неправды. Для вразумленія слѣпцовъ Кириллъ указывалъ на пророчества Даніила **9**, 26—27 и Спасителя у Матѳ. **24**, 2. Наконецъ, въ третій разъ Кириллъ былъ изгнанъ изъ Іерусалима импер. Валентомъ въ 367 г. Эта послѣдняя ссылка продолжалась до 378 г.— съ печальными послѣдствіями для іерусалимской паствы, выразившимися въ раздорахъ въ силу преобладанія неправославной власти, такъ что по возвращеніи изъ ссылки, по приказанію импер. Ѳеодосія великаго въ 378 г., Кириллъ долженъ былъ трудиться надъ водвореніемъ мира—въ большинствѣ случаевъ съ успѣхомъ. Подвергаясь изгнаніямъ дома, на Востокѣ, Кириллъ вмѣстѣ съ тѣмъ вызвалъ противъ себя неудовольствіе на Западѣ, гдѣ почему-то сомнѣвались въ его православіи. Въ 381 году Кириллъ присутствовалъ на 2 вселенскомъ соборѣ. Подписавъ здѣсь осужденіе еретикамъ, признававшимъ Св. Духа вмѣстѣ съ Сыномъ Божіимъ тварью (Дѣян. вс. соб., рус. пер., т. I, изд. 2-е, Казань 1887, стр. 112), Кириллъ тѣмъ самымъ освободилъ себя отъ подозрѣнія относительно его православія. Скончался Кириллъ въ 386 году. *Память Кирилла* празднуется православною церковію *18 марта*.

2) Въ основу 18 огласительныхъ словъ, предваряемыхъ словомъ предогласительнымъ,—по свидѣтельству самого Кирилла, (Catech. **9**, 4; **10**, 4; **11**, 1; **18**, 22), древній символъ вѣры іерусалимской церкви (или просто ἡ πίστις), истолковываемый однако съ тою особенностію, что,—сообразно съ цѣлію ознакомить просвѣщаемыхъ раньше всего съ тѣмъ, что имъ предстоитъ пережить и принять предъ и при самомъ вступленіи въ лоно христіанства,—члены о покаяніи и крещеніи раскрываются *прежде* другихъ членовъ символа вѣры. Такимъ образомъ, первыя три поученія представляютъ изъ себя ни что иное, какъ истолкованіе словъ символа: *и во едино крещеніе покаянія во оставленіе грѣховъ* (Cateches. **18**, 22), въ частности, первое поученіе говоритъ объ обновленіи, или освобожденіи отъ грѣха, второе— о покаяніи и третье—о крещеніи, какъ средствахъ освобожденія отъ грѣха. Сказавъ затѣмъ въ четвертомъ словѣ о предметахъ христіанскаго вѣдѣнія, а въ пятомъ о вѣрѣ догматической и дѣятельной, Кириллъ съ шестого поученія до 18 включительно раскрываетъ уже символъ вѣры съ самаго его начала, постепенно переходя отъ одного члена къ другому, въ томъ порядѣ въ какомъ онъ *устно* исповѣдывался въ іерусалимской церкви. Шестое поученіе именно раскрываетъ слова символа: *вѣрую во единаго Бога*, 7-е—слова: (Бога) *Отца*, 8-е— *Вседержителя*, 9-е—*Творца неба и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ*, 10-е—*и во единаго Господа Іисуса Христа*, 11-е—*Сына Божія Единороднаго, Иже отъ Отца рожденнаго прежде всѣхъ вѣкъ, Имъ же вся быша*, 12-е—*воплотившагося и вочеловѣчившагося*, 13-е—*распятаго и погребеннаго*, 14-е—*и воскресшаго изъ мертвыхъ въ третій день и восшедшаго на небеса, и сѣдящаго одесную Отца*, 15-е—*и грядущаго со славою судити живымъ и мертвымъ, Его же царствію не будетъ конца*, 16-е и 17-е—*и въ Духа Святаго Утѣшителя, глаголавшаго пророки*, и 18-е— *и во едину, соборную церковь и въ воскресеніе плоти, и въ жизнь вѣчную*. Смотря на символъ вѣры (или просто на вѣру=живое преданіе церкви), какъ на краткое въ „немногихъ словахъ“ объясненіе всего вѣдѣнія благочестія, заключающагося въ

Ветхомъ или Новомъ Завѣтѣ (Catech. **5**, 12), Кириллъ раскрываетъ символъ путемъ соотношенія членовъ вѣры съ тѣми или другими мѣстами свящ. Писанія. Вслѣдствіе этого методъ Кирилла естественно принялъ форму метода: Sacra parallela, который въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ цѣляхъ апологетики захватываетъ еще указанія на „священныя“ языческія басни. „Чрезъ Дѣву Еву вошла смерть, надлежало чрезъ Дѣву же, а лучше сказать, отъ Дѣвы явиться Жизни; какъ ту обольстилъ змій, такъ сей благовѣтствовалъ Гавріилъ“ (Catech. **12**, 15). „Изъ ребра мужа безъ матери Ева родиться могла, а изъ утробы дѣвической безъ мужа ужели младенецъ родиться не можетъ?“ (Catech. **12**, 29). „Еллинамъ заградимъ уста собственными ихъ баснями. Вы говорящіе, что бросаемые камни превращались въ людей, почему утверждаете, что невозможно родить дѣвѣ? Вы баснословящіе, что изъ мозга родилась дочь, почему считаете невозможнымъ родиться сыну изъ дѣвическаго чрева? Вы стоящіе за свою ложь, будто бы Діонисъ родился изъ бедра вашего Дія, почему отвергаете наше истинное ученіе?“ (Catech. **12**, 27). Въ результатѣ соотношенія символа вѣры съ библейскими выраженіями, понимаемыми Кирилломъ въ большинствѣ случаевъ буквально, получилась у него *догматика*.

Въ 5 тайноводственныхъ словахъ Кириллъ не *обосновываетъ* уже, какъ въ 18 огласительныхъ словахъ, а только *изъясняетъ* затронутые здѣсь предметы преданія (παραδόσεις; Mystag. **5**, 23). Такимъ путемъ онъ изъясняетъ слѣдующіе обряды крещенія, мѵропомазанія и евхаристіи, составляющіе въ своей совокупности образы совершенія этихъ таинствъ: образъ совершенія крещенія: входъ просвѣщаемыхъ въ притворъ—мѣсто совершенія крещенія; обращеніе ихъ лицомъ къ западу; простертіе ими руки и отрицаніе отъ сатаны: „отрицаюсь тебя, сатана, и всѣхъ дѣлъ твоихъ и всея гордыни твоей и всего служенія твоего“; обращеніе отъ запада на востокъ (отъ тьмы къ свѣту); произношеніе словъ: „вѣрую въ Отца и Сына и Св. Духа и во едино крещеніе покаянія“; помазаніе заклинательнымъ елеемъ отъ волосъ до ногъ; подведеніе къ св. купели божественнаго крещенія; опросъ каждаго просвѣщаемаго: вѣруетъ ли онъ въ Отца и Сына и Св. Духа и произношеніе исповѣданія вѣры и троекратное погруженіе въ воду съ „изникновеніемъ“ изъ воды послѣ каждаго погруженія. Мѵропомазаніе, совершавшееся тотчасъ послѣ крещенія, состояло въ помазаніи освященнымъ, чрезъ призваніе Св. Духа, мѵромъ чела, ушей, ноздрей и персей крестившагося. Образъ совершенія евхаристіи: умовеніе іереемъ (предстоятелемъ) и пресвитерами, окружающими Божій жертвенникъ, своихъ рукъ водою, поданною діакономъ; возгласъ діакона: „пріимите другъ друга“, и „облобызаемъ другъ друга“; возгласъ іерея: „горѣ сердца!“ отвѣтъ народа: „имамы ко Господу“; опять возгласъ іерея: „благодаримъ Господа“; отвѣтъ народа: „достойно и праведно“; воспоминаніе, о небѣ, землѣ, морѣ, солнцѣ, лунѣ, звѣздахъ о всей разумной, видимой и невидимой твари, объ Ангелахъ, архангелахъ, силахъ, господствахъ; началахъ, властяхъ, престолахъ, херувимахъ, серафимахъ съ повтореніемъ серафимской пѣсни: „святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ“; молитва о ниспосланіи Св. Духа на предлежащіе дары (τὰ προκείμενα), да сотворитъ Онъ хлѣбъ тѣломъ Христовымъ, а вино кровію Христовой (что представляетъ изъ себя совершеніе духовной—безкровной умилостивительной жертвы); моленіе надъ этою умилостивительною жертвою Богу объ общемъ мирѣ церквей, о благосостояніи міра, о царяхъ, о воинахъ, о поборникахъ, о сущихъ въ немощахъ, о труждающихся и, однимъ словомъ, о всѣхъ требующихъ помощи; воспоминаніе, далѣе, преждеусопшихъ: патріарховъ, пророковъ, Апостоловъ, мучениковъ—съ надеждою, чтобы Богъ, по молитвамъ и предстательству ихъ, пріялъ наше прошеніе, а также поминовеніе отцовъ и епископовъ, и вообще всѣхъ преждеусопшихъ христіанъ—съ вѣрою, что великая польза будетъ душамъ, о которыхъ приносится моленіе, когда предлагается святая и страшная жертва; чтеніе затѣмъ молитвы: „Отче нашъ, Иже еси на небесѣхъ“; возгласъ іерея: „Святая Святыхъ“; отвѣтъ народа: „единъ Святъ, единъ Господь Іисусъ Христосъ“; приглашеніе къ пріобщенію святыхъ Таинъ словами Псалмопѣвца: „вкусите и видите, яко благъ Господь“ (Пс. **33**, 9), и самое пріобщеніе сперва Тѣла, а потомъ чаши или крови Господней. Концемъ евхаристіи служила благодарственная молитва Богу, сподобившему пріобщиться „толикихъ тайнъ“. Въ рѣчи

объ евхаристіи Кириллъ очевидно ясно учитъ о претвореніи (μεταβάλλειν) хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христа (Catech. **23**, 7) и объ евхаристіи, какъ жертвѣ.

Другія сохранившіяся сочиненія Кирилла:—упомянутое уже „Посланіе къ импер. Констанцію", „Бесѣда о разслабленномъ при купели" и три гомилетическіе фрагмента: первые два изъ „Бесѣды о претвореніи Господомъ воды въ вино" и третій изъ слова на Ін. **16**, 28: „азъ иду ко Отцу Моему". Такъ называемая Кириллова книга (см. выше особую статью) Кириллу іерусалим. не принадлежитъ, представляя изъ себя произведеніе XVII столѣтія; хотя глава ея объ антихристѣ, правда, воспроизводитъ, за немалыми исключеніями, 15 огласительное поученіе Кирилла.

3) *Значеніе* твореній Кирилла опредѣляется тѣмъ, что они сообщаютъ извѣстныя данныя для наукъ: Свящ. Писанія и Свящ. Преданія, догматики, литургики и гомилетики. Для Свящ. Писанія цѣнными служатъ, главнымъ образомъ, свѣдѣнія о канонѣ богодухновенныхъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта (Catech. **4**, 33—36). Руководясь, впрочемъ, въ данномъ случаѣ мотивомъ— практикой іерусалим. церкви: указать для домашняго чтенія лишь то, что читается въ церкви (ὅσα μὲν ἐν ἐκκλησίαις μὴ ἀναγινώσκεται ταῦτα μηδὲ κατὰ σαυτὸν ἀναγίνωσκε. Migne gr. XXXIII, col. 500—501), Кириллъ, надо думать, въ перечнѣ книгъ Новаго Завѣта опустилъ Апокалипсисъ, — неудобопонятную, а потому не читаемую въ церкви (*П. П. Пономаревъ*, Изъ исторіи Св. Преданія въ „Прав. Соб.", январь 1903 г. *П. А. Юнгеровъ*, Общее истор.-кр. введ. въ свящ. ветх. книги, Казань 1902 г., 161—162. *Н. К. Дагаевъ*, Исторія ветхозав. канона, Спб. 1898 г.). Въ отношеніи Свящ. Преданія творенія Кирилла содержатъ въ себѣ свидѣтельства какъ объ апостольскомъ преданіи въ духѣ св. Иринея ліонскаго, творенія котораго извѣстны Кириллу (Cat. **16**, 6), такъ о преданіи собственно отеческомъ, т. е. о тѣхъ положеніяхъ отцовъ, которыя, по времени появленія въ свѣтъ не относясь къ апостольскому вѣку, однако составляютъ изъ себя истину церкви, если въ содержаніи своемъ находятъ подтвержденіе въ Свящ. Писаніи. „Не просто вѣрь мнѣ (=учителю церковному),—писалъ (Catech. **4**, 17) по этому поводу Кириллъ, устанавливая принципъ для оцѣнки истинности собственно отеческихъ сужденій,—„если на то, о чемъ возвѣщаю, не получишь доказательства изъ божественныхъ писаній" (*П. Пономаревъ*, указ. соч. Свящ. *І. Филевскій*, Ученіе прав. церкви о Свящ. Преданіи, Харьковъ 1902, стр. 285—295). Представляя въ 18 огласительныхъ поученіяхъ своего рода опытъ собранія догматовъ въ одно цѣлое съ ясно оттѣненною здѣсь идеей, что догматика есть ничто иное, какъ соотношеніе Свящ. Преданія=живого ученія церкви со Свящ. Писаніемъ, творенія Кирилла входятъ въ извѣстной мѣрѣ въ областъ науки догматическаго богословія (*Макарій*, Прав.-догм. богословіе, т. I, Спб. 1850, стр. 52—53. Проф. *И. В. Чельцовъ*, указ. соч., стр. 30—41 и т. п.); затѣмъ они сообщаютъ данныя для догматическаго ученія: о благодати и свободѣ (Проф. *А. Л. Катанскій*, Ученіе о благодати Божіей въ твор. др. св. оо. и уч. церкви до бл. Августина, Спб. 1902, стр. 137—150), о таинствахъ крещенія, мvропомазанія и евхаристіи, условіяхъ ихъ дѣйствительности и дѣйственности (Свящ. *Ал. Голосовъ*, Ученіе св. Кирилла іерусал. о таинствахъ, Самаркандъ 1901; *А. Кирилловъ*, Догматическое ученіе о таинствѣ евхаристіи въ твор. двухъ катих. IV в.: св. Кирилла іерусалим., представ. школы антіох. и св. Григорія нисск., представителя школы александр., Новочеркаскъ 1898). Литургика почерпаетъ изъ твореній Кирилла свѣдѣнія объ образѣ совершенія указанныхъ таинствъ въ древнѣйшей церкви. Значеніе твоереній Кирилла для гомилетики ясно само собою.

На ряду съ положительнымъ отношеніемъ къ твореніямъ Кирилла въ наукѣ встрѣчаются и сомнительные взгляды, касающіеся неподлинности твореній Кирилла, его ученія и дѣятельности. Мысль о неподлинности твореній Кирилла, особенно защищавшаяся кальвинистомъ Удэномъ безспорно явилась на почвѣ того, что творенія Кирилла благопріятствуютъ не протестантству или реформатству, а именно православію. Внутреннія, заимствуемыя изъ самыхъ твореній Кирилла, и внѣшнія свидѣтельства, однако, основательно ниспровергаютъ указанную мысль (Архіеп. *Филаретъ*, Историческое ученіе объ отцахъ церкви II, Спб. 1859, стр. 94), утверждая вмѣсто нея подлинность твореній Кирилла. По взгляду, имѣющему

дѣло съ ученіемъ Кирилла, предполагается, что будто бы Кириллъ былъ сторонникомъ полуаріанской партіи (оміевъ), а не исповѣдникомъ православія, или что, по меньшей мѣрѣ, онъ нѣкоторое время колебался между полуаріанствомъ и православіемъ въ ученіи о Сынѣ Божіемъ. Въ качествѣ основанія для такого предположенія приводятъ то, что Кириллъ не употребляетъ въ Catechеs. термина единосущный, хотя онъ жилъ послѣ 1 вселенскаго собора, что въ ученіи о Сынѣ Божіемъ онъ, напротивъ, допускаетъ (Catech. 9, 9: Migne gr. XXXIII, col. 700) выраженіе о подобіи Сына Отцу: Θεός... ἀληθινὸς ὢν ὁ Πατὴρ, ὅμοιον (similem) ἑαυτῷ ἐγέννα τὸν Υἱόν, Θεὸν ἀληθινόν. Означенное предположеніе опровергается какъ борьбою Кирилла съ Акакіемъ, державшимся аріанскихъ мыслей,—его исповѣданіемъ единосущія на 2 вселенскомъ соборѣ, такъ, главнымъ образомъ, тщательнымъ анализомъ ученія Кирилла, откуда видно, что съ выраженіемъ: „Сынъ подобенъ Отцу" Кириллъ соединяетъ мысль о соественности Сына Божія съ Отцомъ (Migne gr. XXXIII, col. 700—701: φυσικὸς υἱός), что, неупотребляя термина „единосущный" въ огласительныхъ и тайноводственныхъ словахъ, Кириллъ, однако, пользуется имъ въ „Посланіи къ импер. Констанцію" (Migne gr. XXXIII, col. 1175: ὁμοούσιον Τριάδα), что, наконецъ, терминъ „единосущный" Кириллъ не внесъ въ символъ вѣры іерусалимской церкви, вѣроятно, вслѣдствіе малой еще распространенности въ то время символа никейскаго, когда, поэтому, не было еще нужды передѣлывать древнія вѣроизложенія по образцу вѣроизложенія никейскаго.—Наконецъ, за послѣднее время высказывается мнѣніе, что Кириллъ будто бы былъ авторомъ никеоцареградскаго символа, переработавшимъ для этого еще до 2 вселенскаго собора символъ іерусалимской церкви на почвѣ символа никейскаго: F. J. A. Hort, А. Гарнакъ, отъ-части Шмидтъ; см. о нихъ у проф. *Ал. П. Лебедева*, О символѣ... 2 вс. собора въ Собр. цер.-истор. соч. III, стр. 285—322.—О нашемъ символѣ вѣры въ „Бог. Вѣст.", январь—февр. 1902 г. и отд. [а также см. у него въ книгѣ, Изъ исторіи вселенскихъ соборовъ IV и V вѣковъ, Москва 1882, стр. 227—233]. Соединенное съ признаніемъ подлинности твореній Кирилла и его православія, это мнѣніе имѣетъ значеніе въ критикѣ двухъ указанныхъ предположеній ученыхъ, но—взятое въ своемъ существѣ—оно тоже чуждо прочныхъ фактическихъ основаній (Проф. *Ал. П. Лебедевъ* указ. соч.).

Литература. *Migne*, Partol. curs. complet., s. gr., t. XXXIII: изданіе твореній Кирилла со свѣдѣніями о его жизни, ученіи и подлинности твореній. *Bardenhewer*, Patrologie, 1894, S. 249—252, съ указаніемъ изданій и изслѣдованій твореній Кирилла. [*A. Vacant* et *E. Mangenot*, Dictionnaire de théologie catholique III, Paris 1908, col. 2527—2577. The Catholic Encyclopedia IV, London 1908, p. 595—596.]. Переводы твореній Кирилла—славянскій архіеп. *Амвросія*, Москва 1772 г.; русскіе 1822 г. (ярославской Дух. Семинаріи). 1855 и 1891 г.г.—московск. Дух. Акад. [2-е изданіе со введеніемъ † проф. *Ал. П. Лебедева*.]. Архіеп. *Филаретъ*, Историческое ученіе объ отцахъ церкви, Спб. 1859, стр. 89—98. [*Herzog-Hauck*, RE. IV³, S. 381—384 и ср. IV, 812; V, 799. *W. Smith* and *H. Wace*, A Dictionary of Christian Biography I, p. 760—763]. *П. Пономаревъ*.

Кириллъ, архіепископъ александрійскій, св. отецъ и учитель Восточной церкви первой половины V столѣтія († 444). Его имя и вся церковно-общественная и литературная дѣятельность тѣсно связаны съ извѣстнымъ въ исторіи христіанской церкви противонесторіанскимъ движеніемъ, жизненнымъ нервомъ котораго были долгіе споры о лицѣ Христа, какъ Искупителя и Спасителя міра, о способѣ соединенія въ единой личности Христа божеской и человѣческой природъ. Значеніе и положеніе св. Кирилла ал. вполнѣ справедливо приравнивается къ положенію св. Аѳанасія в. Какъ этотъ послѣдній былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ великую эпоху противоаріанскихъ споровъ, такъ и св. Кириллъ ал. былъ главнымъ вдохновителемъ церковнаго самосознанія во времена несторіанскихъ движеній, смѣнившихъ собою аріанскую смуту. Замѣчательно, что и на этотъ разъ доминирующее значеніе принадлежало александрійской церкви въ лицѣ ея виднаго представителя, какимъ дѣйствительно и былъ св. Кириллъ ал. и по своей административной, и, главнымъ образомъ, по литературной дѣятельности. Св. Кириллъ ал.—безусловно великій отецъ Восточной церкви. О его жизни до временъ выступленія въ 412 году въ званіи архіепископа александрійской церкви намъ извѣстно очень мало. Сохранились

только краткія свѣдѣнія, что онъ приходился племянникомъ знаменитаго Θеофила, архіепископа александрійскаго, и еще въ молодости прекрасно изучилъ Свящ. Писаніе и творенія лучшихъ представителей христіанской учености—Діонисія ал.,—Аθанасія в., Василія в., Амфилохія икон., Аммона адріанопольскаго, Іоанна Златоуста (о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленныя выдержки изъ твореній указанныхъ отцовъ въ его сочиненіяхъ). Нѣкоторое время онъ былъ строгимъ подвижникомъ нитрійскихъ монастырей (письмо 25 къ Кириллу Исидора Пелус.). По желанію Θеофила, Кириллъ вступилъ въ клиръ ал. церкви, среди которой пользовался большою популярностію, какъ назидательный проповѣдникъ. Когда въ 412 году скончался Θеофилъ, александрійскіе христіане предпочли Кирилла всѣмъ прочимъ кандидатамъ и выразили желаніе видѣть его архіепископомъ александрійской церкви. Такимъ образомъ, въ 412 г. началась его церковно-общественная дѣятельность въ званіи епископа. По своему характеру она раздѣляется на два періода: а) *донесторіанскій*, до 428 г., обнимающій первые семнадцать лѣтъ его епископскаго служенія, и б) *несторіанскій*, до 444 года,—года его смерти,—посвященный, главнымъ образомъ, на борьбу съ Несторіемъ и его ересью.

Еще до борьбы съ несторіанствомъ, св. Кириллъ ал. проявилъ энергичную административно-научную дѣятельность. Главнымъ образомъ, онъ боролся съ *новаціанствомъ* (Сократъ, Ц. И. VII, 7), *іудействомъ и язычествомъ*. Особенно упорна была его борьба съ язычествомъ, которое въ данное время пользовалось покровительствомъ александрійскаго префекта-язычника Ореста и вдохновлялось философскою дѣятельностію извѣстной Ипатіи, женщины-философа. Ипатія, находившая административную поддержку въ Орестѣ, считалась оплотомъ язычества и вызывала чувство недовольства въ христіанскомъ населеніи. Это чувство негодованія не рѣдко отливалось въ форму открытыхъ столкновеній между язычниками и христіанами. Во время одной демонстраціи Ипатія была убита. Нѣкоторые историки (Шреккъ, Толандъ, Арнольдъ и др.), на основаніи свидѣтельствъ древняго языческаго писателя Дамасція, считаютъ самого Кирилла ал. непосредственнымъ вдохновителемъ убійства Ипатіи, но другіе болѣе безпристрастные ученые (Коппаликъ; см. подробнѣе въ его сочиненіи: Cyrillus von Alexandrien: eine Biographie nach den Quellen gearbeitet, 1881) совершенно оправдываютъ Кирилла ал. въ непосредственномъ и даже косвенномъ участіи въ убіеніи Ипатіи, считая это злодѣяніе дѣломъ такъ называемыхъ *параволановъ*,—этихъ членовъ погребальной общины, которые на ряду съ выполненіемъ погребальной профессіи отличались крайнею разнузданностью своихъ нравовъ и являлись постоянными участниками всевозможныхъ возмущеній. Замѣчательно, что историкъ Сократъ (въ Церк. Ист.), при своемъ враждебномъ отношеніи къ Кириллу ал., оправдываетъ его въ убійствѣ Ипатіи. Ни разу не возводили на него вину въ этомъ злодѣяніи и всѣ его многочисленные несторіанскіе оппоненты, старавшіеся отыскать темныя стороны въ его жизни и дѣятельности. Кириллъ ал. дѣйствовалъ въ борьбѣ съ язычествомъ, а равно — съ іудействомъ и новаціанствомъ исключительно мирными средствами нравственнаго воздѣйствія путемъ слова и убѣжденій. Уже въ донесторіанскій (до 428 г.) періодъ Кириллъ ал. написалъ цѣлый рядъ сочиненій, которыя обнаруживаютъ въ немъ недюжинные литературные таланты и глубокую богословскую эрудицію. Главное вниманіе Кирилла ал. за этотъ періодъ было обращено на изученіе Свящ. Писанія. *Кассіодоръ* (Lib. de inst. div. lit. t. II, p. 508 г.) и *Никифоръ Каллистъ* (Hist. eccles. кн. XIV, гл. 14) свидѣтельствуютъ, что Кириллъ ал. объяснилъ въ своихъ трудахъ все Свящ. Писаніе. Если объединить всю экзегетическую литературную производительность св. отца, то она сводится къ слѣдующимъ результатамъ: 1) „О поклоненіи Богу духомъ и истиною"—трактатъ въ 17 книгахъ (Migne gr. t. LXVIII), въ которомъ раскрывается главная мысль, что Христосъ отмѣнилъ законъ Моисея только въ буквѣ, а не по духу; характеризуя въ послѣдовательномъ изложеніи таинственный духовный смыслъ всѣхъ постановленій Моисеева обрядоваго закона, св. отецъ представляетъ связную исторію божественнаго домостроительства нашего спасенія. 2) „Изящныя изреченія" (Γλαφυρὰ у Migne gr. t. LXIX, col. 1—678)—сочиненіе (въ 13 книгахъ), составляющее продолженіе предыдущаго трактата; въ немъ,

на основаніи Пятокнижія Моисея, дѣлается попытка представить связную исторію ветхозавѣтной церкви отъ Адама до Іисуса Навина, съ оттѣненіемъ выдающихся фактовъ ветхозавѣтной исторіи, характеризующихъ христіанскую идею божественнаго домостроительства о спасенія людей. Эту же идею проводитъ онъ и въ дальнѣйшихъ истолковательныхъ трудахъ. 3) „Толкованіяхъ на книги пророка Исаіи“ (Migne gr. t. LXX), 4) „Толкованіяхъ на 12 малыхъ пророковъ“ (на Захарію и Малахію у Migne gr. t. LXXII, col. 9 — 364, а на остальныхъ 10-ти въ LXXI-мъ томѣ) и 5) „Толкованіяхъ на Псалмы“ (Migne gr. t. LXIX, col. 699—1247), по 19-й Пс. включительно. Всѣ эти толкованія сохранились въ полномъ видѣ. Извѣстны также отрывки его толкованій и на другія ветхозавѣтныя книги—на пророка Іезекіиля, книги Царствъ, Пѣснь Пѣсней, пророка Іереміи, Варуха и Даніила (Migne gr. t. LXIX, col. 679—1294; t. LXX, col. 1451—1462). Изъ новозавѣтныхъ книгъ сохранились толкованія на Евангелія Луки и Іоанна (изъ 12-ти книгъ послѣдняго имѣются нынѣ только 7-я и 8-я *) Migne gr. t. LXXIII—LXXIV, col. 9—756), а въ незначительныхъ отрывкахъ также толкованія на Евангеліе Матѳея, на Дѣянія Апостольскія, на посланія Ап. Павла къ Коринѳеямъ (первое и второе), къ Евреямъ и Римлянамъ, на соборныя посланія Ап. Іакова, Петра (первое и второе), Іоанна (первое) и Іуды (Migne gr. t. LXXIV, col. 758—1024). Во всѣхъ своихъ толкованіяхъ Кириллъ ал. придерживается александрійскаго метода: усматриваетъ не только историческій, но и духовно-таинственный смыслъ. Въ новозавѣтныхъ толкованіяхъ особое вниманіе обращаетъ на уясненіе ученія о лицѣ Сына Божія, что вызывалось, конечно, потребностями противоаріанской борьбы.

Этими же потрбностями было вызвано написаніе имъ и спеціальныхъ догматико-полемическихъ трактатовъ, изъ которыхъ теперь извѣстны слѣдующіе три: 1) „Сокровище ученія о Святой и Единосущной Троицѣ“ (Migne gr. t. LXXV, col. 9—656), 2) „Семь собесѣдованій о Святой и Животворящей Троицѣ“ (Migne gr. t. LXXV, col. 657 — 1124) и 3) „Книга о святой и Животворящей Троицѣ“ (Migne gr. t. LXXV, col. 1124 — 1146). Въ этихъ произведеніяхъ главною темою служитъ раскрытіе ученія о Божествѣ Сына Божія и Св. Духа противъ лжеученія Евномія и духоборцевъ. Особенно цѣнны его разсужденія по вопросу о Св. Духѣ. Къ нимъ обращаются очень часто католики для доказательства своего ученія о Filioque, хотя самое обоснованіе филіоквистическихъ тенденцій не выдерживаетъ строго научной критики (см. объ этомъ въ сочиненіи † проф. А. Ѳ. Гусева, Старокатолическій отвѣтъ на наши тезисы по вопросу о Filioque и пресуществленіи, Казань 1903 стр. 77 сл., гдѣ можно найти и католическое, а также старокатолическое, толкованіе мѣстъ изъ сочиненій св. Кирилла ал., по вопросу о Filioque). Первое и третье изъ указанныхъ сочиненій по преимуществу положительнаго характера: они посвящены выясненію основъ положительнаго христіанскаго ученія о Сынѣ и Св. Духѣ. Третье же сочиненіе—полемическаго содержанія и посвящено критикѣ евноміанскихъ положеній. Между прочимъ, „Сокровище ученія...“ замѣчательно еще въ томъ отношеніи, что въ немъ проглядываютъ первые проблески позднѣйшаго схоластицизма: здѣсь цѣлый рядъ подраздѣленій—вопросовъ и отвѣтовъ, мельчайшихъ доказательствъ и обоснованій.

Съ момента распространенія въ обществѣ несторіанскихъ заблужденій (съ 428 г.) начинается второй и послѣдній періодъ жизни и дѣятельности св. Кирилла ал. Борьба съ несторіанствомъ и его заблужденіями съ этихъ поръ поглощаетъ все вниманіе св. отца до самаго конца его жизни. Св. Кириллъ началъ борьбу съ Несторіемъ—лишь только прошла первая молва объ его заблужденіи, лишь только его злополучныя рѣчи, произнесенныя въ Константинополѣ въ порицаніе термина „Богородицы“ (θεοτόκος), проникли въ Египетъ, въ различные египетскіе монастыри и произвели здѣсь среди монаховъ сильную смуту. Александрійскій пастырь, блиставшій своимъ богословскимъ образованіемъ, умомъ и начитанностію и въ то же время отличавшійся неусыпною пастырскою дѣятельностію и энергіей, сразу замѣтилъ своимъ тонкимъ умомъ, что въ основѣ на-

*) По *Mahé* (La date du commentaire de s. Cyrille sur s. Jean въ „Bulletin de littérature ecclesiastique“ 1907, 2, p. 41 — 45), толкованіе на Евангеліе Іоанна составлено св. Кирилломъ до 428 года.—*Н. Н. Г.*

падокъ Несторія на терминъ „Богородица" лежитъ вовсе не простое недомысліе, а цѣлая доктрина, посылки которой заключаютъ въ себѣ положенія, противныя общему духу христіанскаго міросозерцанія. И вотъ, желая предостеречь отъ лжеученія Несторія весь христіанскій міръ и, въ частности, монаховъ подчиненныхъ ему египетскихъ монастырей, онъ посылаетъ одно за другимъ свои первыя противонесторіанскія сочиненія во всѣ концы римской имперіи. Прежде всего онъ предостерегаетъ отъ ереси *особымъ окружнымъ посланіемъ*, которое прямо предназначалось монахамъ нитрійскихъ монастырей. Далѣе такъ называемое *пасхальное посланіе*, которое ежегодно разсылалось александрійскимъ епископомъ въ силу постановленія никейскаго собора (325 г.), съ извѣщеніемъ о днѣ празднованія Пасхи, точно также содержало въ себѣ подобное предостереженіе. А послѣ того какъ св. Кириллу ал. сдѣлалось извѣстно, что Несторій не только не прекращалъ своей пропаганды, а, напротивъ, сдѣлалъ даже порученіе пресвитеру Фотію написать особое опроверженіе на указанныя выше посланія, получившія въ это время широкое распространеніе, — тогда св. Кириллъ ал. нашелъ нужнымъ сдѣлать предостереженіе уже самому Несторію и съ этою цѣлью написалъ ему дружественное письмо съ указаніемъ на его неправомысліе.

Конечно, во всѣхъ этихъ случаяхъ,— какъ показываетъ самый тонъ указанныхъ посланій,—александрійскій пастырь руководился благими цѣлями: онъ желалъ предостеречь отъ вновь нарождающагося заблужденія, въ смыслъ котораго, можетъ быть,— особенно на первыхъ порахъ — проникали очень немногіе. Нельзя думать, что оппозиція Кирилла въ данномъ случаѣ носила личный характеръ. До выступленія Несторія съ своимъ заблужденіемъ Кириллъ ал. находился съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, и когда получилъ извѣстіе объ избраніи (въ 428 г.) Несторія на каѳедру Константинополя, то выразилъ письменно свое чувство восторга по поводу такого избранія. Словомъ, ясно, что Кириллъ ал. дѣйствовалъ безкорыстно. Но въ Константинополѣ при дворѣ на дѣло взглянули иначе. Тамъ на внутренніе мотивы дѣятельности Кирилла ал. обратили менѣе всего вниманія и выказали недовольство по поводу того, что Кириллъ своими посланіями производитъ въ церкви новыя смуты. Были недовольны главнымъ образомъ тѣмъ, что только что установившееся въ церкви спокойствіе—послѣ упорныхъ аріанскихъ споровъ—снова нарушается. Конечно, подобное недовольство двора было произведено не безъ участія Несторія, который въ виду надвигающейся на него бури прежде всего долженъ былъ и, конечно, счелъ нужнымъ заручиться симпатіями двора по отношенію къ себѣ и антипатіями—по отношенію къ Кириллу ал. Пущены были въ дѣло и обычные въ данномъ случаѣ наговоры. Нашлись и какія-то обвинители св. Кирилла ал. изъ числа лицъ, проживавшихъ въ Константинополѣ и недовольныхъ его распоряженіями, какъ патріарха, въ сферѣ компетенціи александрійской церкви. Кратко сказать, началась все таже интрига, невинною жертвой которой былъ одно время и Аѳанасій в.

Когда св. Кириллъ ал. получилъ извѣстіе изъ Константинополя о подобномъ положеніи дѣла, то счелъ необходимымъ снова заявить себя защитникомъ истины и противникомъ заблужденія. Въ данномъ случаѣ онъ снова написалъ Несторію *второе письмо*; въ очень сдержанномъ широколюбивомъ тонѣ, авторъ убѣждалъ здѣсь своего противника оставить соблазнъ и отказаться отъ своихъ заблужденій. При этомъ Кириллъ ал. въ очень подробныхъ чертахъ излагаетъ и свои положительныя воззрѣнія по затронутому Несторіемъ вопросу и подтверждаетъ ихъ ссылками на Свящ. Писаніе и на произведенія христіанской письменности. Несторій съ своей стороны обвинялъ св. Кирилла ал. главнымъ образомъ въ томъ, что онъ самъ-де является еретикомъ и проводитъ по затронутому вопросу взгляды Аполлинарія. По мнѣнію Несторія, Кириллъ ал. говоря объ ἕνωσις καθ' ὑπόστασιν яко бы утверждаетъ тѣснѣйшее—до безразличія— соединеніе и сліяніе двухъ природъ во Христѣ. Въ виду этого Кириллъ ал. въ данномъ письмѣ и старается, между прочимъ, показать несправедливость такого обвиненія со стороны Несторія. Кириллъ ал. ясно показалъ своему противнику, что онъ говоритъ объ ἕνωσις не въ смыслѣ κρᾶσις, не въ смыслѣ поглощенія въ единой личности

Христа особностей какъ божеской, такъ и человѣческой природы, а лишь въ томъ смыслѣ, что эти природы нельзя представлять себѣ раздѣленными до полнаго разобщенія, при которомъ только и можно говорить о чисто внѣшнемъ механически-нравственномъ сочетаніи природъ, какъ это выходитъ съ точки зрѣнія ученія Несторія.

Св. Кириллу ал. въ то же время необходимо было такъ или иначе оправдаться и передъ дворомъ и разсѣять всѣ предубѣжденія его, навѣянныя по поводу несторіанскаго движенія; посему онъ счелъ за лучшее обратиться и къ представителямъ державной власти съ особыми посланіями. И вотъ, одновременно съ вышеуказаннымъ письмомъ (вторымъ) къ Несторію, онъ написалъ свои *три книги о вѣрѣ* (Migne gr. t. LXXVI, col. 1133—1420),—это свое первое болѣе или менѣе обширное произведеніе по поводу несторіанскаго лжеученія. Данное сочиненіе, представляющее подробное изложеніе собственно вѣроучительной стороны несторіанскихъ споровъ, съ приведеніемъ доводовъ „за“ и „противъ“, и было отослано (въ 430 г.) въ Константинополь императору Ѳеодосію II, при чемъ *первая книга* предназначалась спеціально для самого императора, а *двѣ послѣднія*—его супругѣ Евдокіи и тремъ сестрамъ—царевнамъ: Пульхеріи, Аркадіи и Маринѣ. Однако Кириллъ ал. не только не достигъ цѣли этимъ своимъ сочиненіемъ, но даже возбудилъ въ императорѣ еще новое неудовольствіе, между тѣмъ женская половина двора была болѣе отзывчивою на призывъ истины и приняла явно сторону св. Кирилла ал. Тою порою Несторій продолжалъ сѣять свои сѣмена и пріобрѣлъ себѣ довольно многочисленную партію приверженцевъ, которые, если и не вполнѣ раздѣляли его собственныя воззрѣнія, то, по крайней мѣрѣ, были рьяными противниками положеній св. Кирилла ал. Особенно Дороѳей, митрополитъ мизійскій, дошелъ въ своемъ противоборствѣ Кириллу ал. до крайнихъ предѣловъ и даже предалъ анаѳемѣ всѣхъ, дерзающихъ исповѣдывать св. Дѣву Богородицею. Такой дерзкій поступокъ послѣдователя Несторія произвелъ удручающее впечатлѣніе на православную партію, и многіе епископы константинопольскаго діоцеза прямо и рѣшительно отложились отъ Несторія, покровительствовавшаго Дороѳею. Так. обр. обстоятельства борьбы Кирилла ал. и Несторія еще болѣе осложнились. Къ этому времени, можно думать, и относится еще новое произведеніе Кирилла, подъ заглавіемъ: „Пять книгъ противъ Несторія“ (Migne gr. t. LXXVI, col. 9—248), въ которомъ онъ поставляетъ своею цѣлію еще разъ опровергнуть всѣ тѣ заблужденія, которыя были высказаны Несторіемъ въ его собственныхъ рѣчахъ. Въ этомъ сочиненіи св. Кириллъ ал. особенно подробно касается какъ опроверженія положеній несторіанскихъ доктринъ, такъ—равнымъ образомъ—и изложенія и выясненія своихъ собственныхъ воззрѣній, которыя онъ попрежнему обстоятельно обосновываетъ на свидѣтельствахъ Свящ. Писанія и святоотеческой литературы.

Благодаря всѣмъ этимъ произведеніямъ св. Кирилла ал.—съ одной стороны—и рѣчамъ Несторія—съ другой стороны—уже и Востокъ и Западъ познакомились, наконецъ, съ характеромъ споровъ и съ сущностію затронутыхъ вопросовъ. Словомъ, теперь каждый уже могъ разобраться въ истинѣ и сообразно со своими убѣжденіями примкнуть къ той или другой партіи. И, дѣйствительно, въ данный моментъ весь христіанскій міръ, какъ и во времена аріанскихъ споровъ, явно былъ раздѣленъ на два противоположные лагеря. Во главѣ православныхъ дѣйствовалъ св. Кириллъ ал., а во главѣ противной партіи—Несторій съ цѣлымъ сонмомъ іерарховъ, все больше представителей антіохійскаго школьнаго богословія; среди послѣднихъ особенно выдавался бл. Ѳеодоритъ, еп. киррскій, знаменитый богословъ той эпохи, бывшій нѣкоторое время для несторіанцевъ ученымъ оплотомъ.

Когда, такимъ образомъ, для самого Кирилла ал. и для всѣхъ его оппонентовъ стало ясно, что соглашеніе между враждебными партіями не можетъ быть достигнуто путемъ одной только переписки и литературной полемики,—вся эта борьба переносится уже на почву административныхъ мѣропріятій, къ которымъ литературная полемика между сторонами является лишь простой иллюстраціей и добавленіемъ.

Прежде всего, св. Кириллъ ал. завелъ сношенія по спорнымъ вопросамъ съ римскимъ папой Целестиномъ, которому онъ

вмѣстѣ со своимъ письмомъ, подробно излагающимъ суть дѣла, представилъ строго обоснованныя положенія своихъ собственныхъ взглядовъ по затронутому вопросу. Обратился къ Целестину и Несторій. Но римская церковь, по разсмотрѣніи дѣла, рѣшительно встала на сторону взглядовъ Кирилла ал. и осудила Несторія, пославши ему увѣщаніе оставить свои заблужденія въ десятидневный срокъ. Вслѣдъ за римскимъ соборомъ составился помѣстный соборъ въ александрійской церкви, на которомъ дѣло было рѣшено точно также не въ пользу Несторія. По представленію Кирилла ал., а равно и Целестина римскаго, такіе же соборы должны были составится въ Антіохіи и Іерусалимѣ. Состоявшійся антіохійскій соборъ подъ предсѣдательствомъ Іоанна антіохійскаго, хотя и не высказался „за" Кирилла ал., но все-таки нашелъ нужнымъ сдѣлать предостереженіе Несторію относительно крайностей его ученія.

Однако Несторій, не смотря на всѣ эти заявленія со стороны соборовъ римскаго, александрійскаго и антіохійскаго, продолжалъ упорствовать и своими рѣчами разжигалъ страсти константинопольскаго населенія. При такихъ обстоятельствахъ св. Кириллъ ал., вслѣдъ за рѣшеніемъ александрійскаго собора, и послалъ своему упорному противнику *третье письмо*, уже не отъ своего лица, а отъ лица александрійскаго собора, и съ своей стороны присоединилъ къ письму *двѣнадцать анаѳематизмовъ*, т. е. двѣнадцать положеній, къ которымъ сводились всѣ заблужденія Несторія, съ опроверженіемъ самыхъ положеній. Эти *анаѳематизмы* такъ же, какъ и всѣ предшествующія сочиненія св. Кирилла ал. только еще болѣе разожгли страсти и самого Несторія и его послѣдователей. По порученію Несторія явились даже опроверженія на эти анаѳематизмы, написанныя Андреемъ самосатскимъ и Ѳеодоритомъ кирскимъ; изъ нихъ особенно послѣдній выступилъ рьянымъ противникомъ положеній св. Кирилла ал. Самъ Несторій, между прочимъ, выступилъ предъ лицомъ константинопольскаго населенія съ обличительною рѣчью, направленной точно также противъ Кирилла ал. И замѣчательно, что всѣ эти противники александрійскаго богослова одинаково ставили ему въ упрекъ сродство его ученія съ воззрѣніями Аполлинарія. Вотъ почему св. Кириллъ ал. со своей стороны нашелъ умѣстнымъ снова выступить противъ своихъ оппонентовъ со словомъ обличенія и защиты, и на этотъ разъ написалъ въ защиту своихъ анаѳематизмовъ и въ опроверженіе упрека въ аполлинаризмѣ одно за другимъ три сочиненія, изъ которыхъ *одно* было направлено противъ Андрея самосатскаго (Ἀπολογητικὸς τῶν δώδεκα κεφαλαίων), *другое* предназначалось въ опроверженіе доводовъ Ѳеодорита киррскаго (Ἐπιστολὴ πρὸς Εὐόπτιον πρὸς τὴν παρὰ Θεοδωρίτου κατὰ τῶν δώδεκα κεφαλαίων ἀντίρρησιν), а *третье* было послано уже впослѣдствіи къ отцамъ ефесскаго вселенскаго собора (Ἐπίλυσις τῶν δώδεκα κεφαλαίων; Migne gr., t. LXXVI col. 293—312; 315—386; 386—452), въ качествѣ разъясненія къ вышеуказаннымъ анаѳематизмамъ.

Так. обр. представители двухъ противоположныхъ богословскихъ направленій не достигли соглашенія ни путемъ литературно-полемическихъ сношеній, ни путемъ помѣстно-соборныхъ административныхъ рѣшеній. Въ виду этого та и другая партія одинаково обратились къ мысли о созваніи вселенскаго собора, который и былъ составленъ 431 года въ Ефесѣ. Съ 431 года, именно съ момента собранія третьяго вселенскаго собора, противонесторіанскій споръ вступаетъ въ новый фазисъ своего развитія. Теперь рѣшеніе спорныхъ вопросовъ отдается уже на компетенцію вселенскаго голоса церкви. Казалось бы, что такая, повидимому, рѣшительная, исключительная мѣра должна была бы разомъ закончить дѣло и подавить несторіанское волненіе. Но въ дѣйствительности оказалось совсѣмъ иначе. Исторія дѣяній ефесскаго вселенскаго собора и затѣмъ исторія послѣдующихъ богословскихъ споровъ представляютъ изъ себя позорище самой ожесточенной борьбы между двумя враждебными богословскими партіями. Только уже къ концу тридцатыхъ годовъ церковный миръ былъ, наконецъ, возстановленъ. Мы не будемъ слѣдить за всѣми перипетіями противонесторіанской борьбы, за всѣми фазисами ея развитія, а скажемъ только, что св. Кириллъ ал. во всей этой борьбѣ былъ строгимъ охранителемъ началъ православнаго ученія и, подобно св. Аѳанасію в., для тор-

жества истины не останавливался на полумѣрахъ ни предъ какою личною опасностію. Ему, какъ и св. Аѳанасію в., пришлось выдержать сильную оппозицію со стороны самого императора, перетерпѣть даже заключеніе подъ стражу вмѣстѣ съ другими представителями православія (Мемнономъ ефесскимъ), но все-же въ концѣ концовъ выйти побѣдителемъ изъ продолжительной и часто неравной распри. И эта побѣда была въ значительной степени результатомъ его литературныхъ произведеній, которыя онъ попрежнему продолжалъ писать для разъясненія истины. Когда Кириллъ ал. ѣхалъ еще въ Ефесъ въ сопровожденіи пятидесяти іерарховъ подчиненнаго ему Египта, то онъ изъ города Родоса писалъ къ своему александрійскому клиру два письма, въ которыхъ онъ просилъ у него молитвъ, могущихъ подкрѣпить его силы въ предстоящей борьбѣ съ врагами истины. Подобныя, сильно дѣйствующія, посланія св. Кириллъ ал. писалъ и въ послѣдующее время и при томъ не только въ Александрію, но и въ Константинополь. А въ Ефесѣ онъ уже самъ лично—съ живымъ словомъ—выступалъ предъ лицомъ ефесскихъ гражданъ и предъ лицомъ цѣлаго сонма іерарховъ, собравшихся на вселенскій соборъ, съ цѣлію разсѣять тѣ спорные вопросы, которые были предметами занятій ефесскаго собора и которые, вообще, составляли предметъ спора въ данный моментъ. Такихъ ефесскихъ рѣчей въ настоящее время извѣстно *семь*. Всѣ онѣ частію догматическаго содержанія и стремятся, съ одной стороны, къ опроверженію несторіанскихъ положеній, а съ другой—къ защитѣ православнаго ученія. Такъ какъ его противники попрежнему продолжаютъ обвинять его въ прикосновенности къ заблужденію Аполлинарія, то онъ не разъ направляется въ этихъ рѣчахъ и противъ указанныхъ обвиненій, высказывая опроверженіе и осужденіе аполлинаріанской ереси. Так. обр. всѣми этими рѣчами св. Кириллъ ал. ясно давалъ понять, что его собственныя воззрѣнія по затронутому вопросу не имѣютъ ничего общаго какъ со взглядами Несторія, такъ и со взглядами Аполлинарія. Несомнѣнно, что результатомъ этой богословской борьбы св. Кирилла ал. было то, что на его сторону склонилось большинство представителей ефесскаго собора (числомъ около 200), его взгляды были признаны православными, а воззрѣнія Несторія объявлены еретическими и достойными осужденія. Но замѣчательно, что представители несторіанской партіи, не смотря на всѣ эти довольно ясныя осужденія св. Кирилломъ ал. аполлинаріанства, еще долгое время продолжали разглашать объ его еретичествѣ. Главнымъ предметомъ нападокъ съ ихъ стороны въ данномъ отношеніи попрежнему продолжали служить его пресловутыя „анаѳематизмы“, въ которыхъ онъ, по ихъ мнѣнію, явно допускалъ неясность мыслей, граничащую, по ихъ убѣжденію, съ мнѣніями ереси Аполлинарія. Вотъ почему и св. Кириллъ ал. не умолкалъ и уже послѣ окончанія засѣданій ефесскаго собора, въ отповѣдь своимъ литературнымъ противникамъ, написалъ въ разное время еще цѣлый рядъ полемическихъ произведеній; изъ нихъ въ настоящее время извѣстны слѣдующія: „О воплощеніи Бога Слова“ (Migne gr. t. LXXV, col. 1413—1420),—очень коротенькое, но въ то же время очень выразительное сочиненіе, въ которомъ въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ онъ рѣшаетъ вопросъ о тайнѣ воплощенія; далѣе, сочиненіе подъ заглавіемъ: „О единствѣ Христа“ (Migne gr. t. LXXV, col. 1253—1362), въ которомъ св. Кириллъ ал.,—на томъ основаніи, что Христосъ есть Сынъ Божій и Сынъ Давидовъ,—признаетъ общеніе свойствъ человѣческаго и божественнаго естества въ единой божественно-человѣческой личности Христа; потомъ—сочиненіе подъ заглавіемъ: „Разсужденіе съ Несторіемъ“ (Migne gr. t. LXXVI, col. 249—256),—это маленькое произведеніе, спеціально посвященное рѣшенію того вопроса, что Марія есть не человѣкородица, а Богородица. Къ этому послѣднему сочиненію прямо примыкаетъ еще трактатъ, подъ заглавіемъ: „Противъ тѣхъ, которые не желаютъ признавать святую Дѣву Богородицею“ (Migne gr. t. LXXVI, col. 256—292). А въ своемъ спеціальномъ трудѣ подъ заглавіемъ „О воплощеніи Единороднаго“ (Migne gr. t. LXXV, col, 1369—1412), св. Кириллъ ал. обращаетъ свое вниманіе на раскрытіе общихъ библейскихъ названій, которыя прилагаются къ личности Христа и такъ или иначе освѣщаютъ вопросъ объ Его воплощеніи.

Не смотря на то, что св. отецъ во всѣхъ этихъ произведеніяхъ высказался съ достаточною ясностію, — для предубѣжденнаго противъ него Θеодосія виновность Кирилла ал. въ произведенныхъ смутахъ и даже приверженность къ ереси Аполлинарія продолжали казаться фактомъ несомнѣннымъ. Вотъ почему св. отецъ въ то время, когда императоръ освободилъ его изъ заключенія и далъ ему возможность отправиться къ своей паствѣ, нашелъ благовременнымъ еще разъ попытаться раскрыть истину предъ очами самого императора и оправдать свои собственныя убѣжденія, а также оттѣнить заблужденія Несторія. Съ этою цѣлію онъ написалъ лично къ самому императору свое второе апологетико-полемическое сочиненіе подъ заглавіемъ: „Апологетическая рѣчь къ благочестивѣйшему царю Θеодосію“ (Migne gr. t. LXXVI, col. 453—488). Каковъ былъ въ частности результатъ даннаго сочиненія,—неизвѣстно; но тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что къ концу 30-хъ годовъ отношенія императора къ св. Кириллу ал. явно измѣнились, и самъ „Александріецъ“ предсталъ предъ его очами въ своемъ истинномъ видѣ. Θеодосій теперь уже замѣтно склоняется на сторону Кирилла ал. и предпринимаетъ цѣлый рядъ административно-дипломатическихъ мѣръ, направленныхъ къ тому, чтобы привлечь къ его воззрѣніямъ всѣхъ враждующихъ съ нимъ представителей антіохійской партіи. Да и сами антіохійцы (Θеодоритъ киррскій, Іоаннъ антіохійскій), утомленные въ долгой борьбѣ съ призраками неправославія св. Кирилла ал., къ концу 30-хъ годовъ, видимо, перемѣняютъ свои взгляды на своего противника. Итакъ, всеисцѣляющее время произвело, наконецъ, свое благодѣтельное воздѣйствіе и обѣ противныя партіи подали другъ другу руку примиренія. И замѣчательно, что св. Кириллъ ал. въ моментъ этого примиренія представлялъ изъ себя торжествующаго побѣдителя. Онъ, со своей стороны, согласился на признаніе антіохійскаго символа, составленнаго отцами антіохійской партіи, но только потому, что онъ былъ вполнѣ православнымъ исповѣданіемъ вѣры въ божественно-человѣческое лицо Искупителя міра, но въ то же время Кириллъ ал. не отказался отъ своихъ сочиненій и въ частности отъ своихъ „анаθематизмовъ“, а также и отъ осужденія Несторія, какъ еретика. Отцы же антіохійской партіи (Іоаннъ, Θеодоритъ, Павелъ емесскій и др.) должны были признать не только самое исповѣданіе вѣры св. Кирилла ал., особо составленное имъ и посланное въ Антіохію, какъ образецъ истинно-православной вѣры, но еще подписаться подъ осужденіемъ и самой личности Несторія. Послѣдній,—какъ извѣстно,—въ 435 г., былъ единогласно и уже окончательно осужденъ всею христіанскою церковію и долженъ былъ въ полной безызвѣстности закончить свою жизнь († въ 440 г.). Послѣ всѣхъ упорныхъ трудовъ св. Кириллъ ал. долженъ былъ наконецъ, насладиться, результатами достигнутаго имъ торжества истины и въ мирѣ и спокойствіи дожить остатокъ дней своихъ. И въ этотъ предсмертный періодъ своей жизни онъ успѣлъ написать новое замѣчательное произведеніе, которое на этотъ разъ было посвящено общему опроверженію взглядовъ знаменитаго императора Юліана-богоотступника. Юліанъ умеръ еще въ 363 г. и плодомъ своей богоотступнической, направленной противъ христіанства, литературной дѣятельности, оставилъ обширное произведеніе подъ заглавіемъ: „Рѣчи противъ христіанъ“. Теперь это сочиненіе почти все утрачено (за исключеніемъ незначительныхъ отрывковъ, изданныхъ Neumann'омъ), но тогда—во времена самого Юліана—имѣло большое распространеніе среди общества и заключало въ себѣ очень обстоятельное и рѣзкое опроверженіе христіанства, при томъ главнымъ образомъ на основаніи источниковъ самого же христіанскаго вѣроученія. Несомнѣнно, оно производило очень много соблазновъ не только среди язычниковъ, но и среди самихъ христіанъ, однако до временъ св. Кирилла ал. оно не было опровергнуто представителями христіанской вѣры. Только св. Кириллъ ал.,—спустя цѣлое полустолѣтіе со временъ его выхода въ свѣтъ,—написалъ на него (вѣроятно, въ 433 г., а по мнѣнію Баронія—въ 439 г.) обширное, обстоятельное и сильное опроверженіе въ двадцати книгахъ, подъ заглавіемъ: „Объ истинной религіи христіанъ противъ Юліана“ (Migne gr. t. LXXVI, col. 557—1064). Изъ числа двадцати книгъ этого сочиненія до нашего времени сохранились въ полномъ видѣ только первыя десять книгъ, посвя-

щенныя опроверженію первой части (изъ 3) указаннаго сочиненія Юліана. Этотъ противникъ христіанства, главнымъ образомъ упрекая христіанъ въ томъ, что они не слѣдуютъ ни закону Моисееву, ни ученію философовъ, при этомъ старается доказать превосходство философскаго языческаго ученія какъ предъ ветхозавѣтнымъ, такъ и предъ новозавѣтнымъ ученіемъ. По его мнѣнію, несостоятельность христіанства явствуетъ еще и изъ того, что между основами его ученія—именно между Ветхимъ и Новымъ завѣтомъ—существуетъ полное противорѣчіе. Для доказательства этого положенія Юліанъ приводитъ цѣлый рядъ выдержекъ изъ текста Свящ. Писанія Н. и В. завѣтовъ, при чемъ выказываетъ чисто внѣшнее буквальное пониманіе этого текста, которымъ онъ пользуется бо̀льшею частію въ формѣ отрывочныхъ безсистемныхъ положеній. Въ виду этого и св. Кириллъ ал. значительную долю своего сочиненія отводитъ выясненію подлиннаго смысла приводимыхъ Юліаномъ мѣстъ Свящ. Писанія, и на основаніи внутренняго значенія ихъ доказываетъ возвышенность христіанскаго вѣроученія и превосходство его предъ языческою философіей. — Сочиненіе это было посвящено самому императору Θеодосію и за свои внутреннія и внѣшнія качества заслужило похвалу современниковъ. Даже бл. Θеодоритъ—его антагонистъ—превозносилъ это сочиненіе своими похвалами, и, между прочимъ, частію на немъ основалъ свое примиреніе съ знаменитымъ александрійцемъ.—Кромѣ означеннаго апологетическаго сочиненія, св. Кириллъ ал. въ послѣдніе годы своей жизни написалъ еще полемическое произведеніе направленное противъ заблужденія антропоморфитовъ, этихъ лжеучителей, которые имѣли ложное представленіе о существѣ Божіемъ, не лишенномъ, будто бы, нѣкоторой тѣлесности, и не вѣрили въ то же время въ освящающую силу божественныхъ даровъ, оставляемыхъ до слѣдующаго дня. Противъ этихъ лжеучителей, распространявшихъ свое ученіе главнымъ образомъ среди монаховъ горы Каломонской, св. Кириллъ ал. и написалъ свое произведеніе подъ заглавіемъ: „Противъ антропоморфитовъ“ (Migne gr. t. LXXVI, col. 1065—1132). Фесслеръ (Instit. patr. II, 563 sq.) считаетъ это сочиненіе неподлиннымъ, но безъ достаточныхъ основаній.—Значительная доля литературной производительности отлилась у Кирилла также въ форму обычныхъ *церковныхъ бесѣдъ* и *писемъ*. Изъ множества рѣчей, о которыхъ упоминаютъ его современники, до нашего времени сохранилось 46. Изъ нихъ 29 такъ называемыхъ *пасхальныхъ посланій* или пасхальныхъ рѣчей (Migne gr. t. LXXVII, col. 391—396) были написаны имъ въ качествѣ обычныхъ пастырскихъ посланій, обычно разсылавшихся александрійскими пастырями предъ праздникомъ Пасхи. Большинство другихъ рѣчей посвящено рѣшенію различныхъ догматическихъ вопросовъ и, между прочимъ, вопросу объ отношеніи естествъ въ личности Христа и о названіи Маріи Дѣвы Богородицею. Такимъ образомъ, многія изъ рѣчей св. Кирилла ал. (особенно семь вышеупомянутыхъ ефесскихъ бесѣдъ) прямо и непосредственно примыкаютъ къ его противонесторіанской полемико-догматической дѣятельности. Что касается писемъ св. Кирилла, то ихъ всего сохранилось до нашего времени 68. Изъ нихъ нѣкоторыя только въ отрывкахъ; бо̀льшая часть на греч. яз., а незначительная часть въ переводѣ на лат. яз. (Migne gr. t. LXXVII col. 9—390). Всѣ письма главнымъ образомъ составляютъ отзвукъ полемической противо-несторіанской дѣятельности Кирилла ал. и имѣютъ весьма важное значеніе, какъ историческіе документы, могущіе пролить значительную долю свѣта на противонесторіанскую эпоху христіанской жизни. Многія изъ нихъ не лишены значенія и въ догматическомъ отношеніи, въ особенности тѣ три письма, которыя были написаны св. Кирилломъ ал. къ Несторію, а также и тѣ, которыя составляютъ результатъ его переписки съ Іоанномъ антіохійскимъ, Θеодоритомъ и другими антіохійскими отцами.

Среди такой многотрудной дѣятельности и протекла жизнь св. Кирилла ал., этого главнаго дѣятеля бурной противонесторіанской эпохи. Св. александрійскій пастырь, одинъ изъ достойныхъ преемниковъ св. Аθанасія в., умеръ по однимъ даннымъ въ 444 году (вѣроятно, 9 іюня), а по другимъ—въ 445 г. (28 января). *Латинская церковь чтитъ его память 28 января, а православная 8 іюня и 18 января* (Acta sanct. Bolland. in 28 Jan).

Св. Кириллъ ал. при всемъ обиліи своей литературной производительности, имѣетъ главное и выдающееся значеніе, какъ литературный противникъ еретика Несторія. Его противонесторіанскія сочиненія, посвященныя детальному выясненію догматическаго вопроса объ образѣ соединенія двухъ естествъ въ единой личности Богочеловѣка Христа, составляютъ цѣлую эпоху въ исторіи христіанской мысли, при чемъ въ рѣшеніи даннаго вопроса св. Кириллъ ал. имѣетъ для христіанскаго самосознанія особый авторитетъ. Высокое уваженіе къ нему древней церкви, какъ учителю вѣры по данному вопросу, засвидѣтельствовали сами вселенскіе соборы. 3-й—ефесскій и 4-й—халкидонскій — всел. соборы два посланія св. отца къ Несторію и одно (4-е) къ Іоанну антіохійскому признали правиломъ вѣры для всѣхъ временъ.

Спрашивается: если богословская дѣятельность св. Кирилла по суду послѣдующаго общаго христіанскаго самосознанія была признана православною, то почему же она встрѣтила такую сильную оппозицію въ самый моментъ разгара несторіанской борьбы, при томъ со стороны такихъ представителей христіанской мысли, какимъ былъ особенно ученѣйшій Θеодоритъ киррскій? Почему потребовалась столь упорная борьба двухъ довольно многочисленныхъ партій—партіи александрійцевъ и партіи антіохійцевъ,—прежде чѣмъ восторжествовала истина Кирилловыхъ воззрѣній? Да ужели и самые враги Кирилла были безусловно ослѣплены и выказали полную несправедливость по отношенію къ этому св. отцу, когда обвиняли его въ аполлинаріанскихъ заблужденіяхъ?

Разгадка несторіанской распри двухъ враждующихъ лагерей—александрійцевъ и антіохійцевъ, — а вмѣстѣ съ тѣмъ и отвѣтъ на всѣ вышепоставленные вопросы скрывается прежде всего въ самомъ характерѣ и направленіи этихъ двухъ богословскихъ школъ. Школа александрійская,—къ составу которой принадлежали Кириллъ ал. и цѣлый рядъ его послѣдователей, развивала свои воззрѣнія, главнымъ образомъ, на почвѣ платоновскаго идеализма, а школа антіохійская, — къ составу которой принадлежали Іоаннъ антіохійскій, Θеодоритъ киррскій, самъ Несторій и пр.,—наоборотъ, особенно питалась реализмомъ Аристотеля. Отсюда вполнѣ естественно, что главнымъ опредѣляющимъ началомъ богословствованія александрійцевъ была абсолютная идея божества, антіохійцы же, наоборотъ, на первый планъ выдвигали отношенія божества къ міру, такъ сказать, реально-внѣшнюю сторону божественной жизни. Въ частности, въ рѣшеніи вопроса объ отношеніи естествъ въ личности Христа Спасителя, александрійская школа всегда особенно рельефно оттѣняла божественную сторону и при этомъ выдвигала мысль о строгомъ *единствѣ* двухъ объединенныхъ природъ Христа, ἕνωσις καθ' ὑπόστασιν, какъ выражается св. Кириллъ ал., а антіохійская школа, наоборотъ, всегда преимущественное вниманіе сосредоточивала на человѣческой природѣ Христа и выдвигала на первый планъ идею строгаго *различія* (διαίρεσις) между Его природами. При одностороннемъ развитіи указаннаго принципа, александрійская школа естественно предрасполагала, а, въ случаѣ перехода въ крайность, и дѣйствительно приводила своихъ послѣдователей къ такимъ мистическимъ воззрѣніямъ на взаимное отношеніе и соединеніе двухъ естествъ во Христѣ, при которыхъ человѣческое естество понималось далеко не во всей полнотѣ и истинѣ аттрибутовъ дѣйствительной Его человѣчности: — человѣческое естество Христа при крайнемъ развитіи основного принципа александрійскаго богословія, дѣйствительно, представлялось имъ умаленнымъ въ существенныхъ своихъ свойствахъ и униженнымъ въ своей субстанціальности, или же и существенно измѣненнымъ и преображеннымъ въ какой-то иной высшій видъ бытія. Какъ бы то ни было, но еретическія воззрѣнія Аполлинарія, а затѣмъ Евтихія были именно такими крайностями, которыя развились на почвѣ александрійскаго богословія. Въ понятіи и ученіи Кирилла ал. о взаимномъ отношеніи и соединеніи во Христѣ двухъ естествъ, конечно, не было подобныхъ крайностей. Но при неустановившейся еще точной богословской терминологіи и въ пылу полемики противъ несторіанства, стремившагося возвести человѣческое естество Христа на степень самостоятельной и отдѣльной отъ Его божества личности, и у Кирилла ал. не разъ срывались съ языка такія фразы, въ которыхъ критика словъ и разсудочная діалектика, присущая богословамъ антіохійской школы, могла усмотрѣть своего рода крайности, приближающія богословіе Ки-

рилла ал. къ заблужденію Аполлинарія. Такъ, напр., св. Кириллъ ал. не рѣдко употреблялъ такія выраженія, какъ: „два естества въ Іисусѣ Христѣ составляютъ одно", или: „божеское и человѣческое существо само по себѣ, до соединенія своего въ Іисусѣ Христѣ, существенно различны, но *въ* соединеніи и *по* соединеніи своемъ составляютъ одно существо". Конечно, для подозрительныхъ антіохійцевъ, всегда ревниво и подозрительно относившихся къ превыспреннымъ созерцаніямъ александрійской школы, всѣ эти и подобныя выраженія св. Кирилла ал. легко могли показаться выраженіемъ ученія о *сораствореніи* и *сліяніи* естествъ до уничтоженія ихъ особностей. И мы знаемъ, что такія не совсѣмъ точныя фразы Кирилла ал. въ послѣдствіи времени, дѣйствительно, послужили для монофизита Евтихія исходнымъ пунктомъ и опорою монофизитскихъ его мечтаній. Да и въ „анаѳематизмахъ" св. Кирилла ал., которыя были направлены имъ прямо и непосредственно противъ крайнихъ мнѣній и выраженій Несторія, и которыя, вслѣдствіе этого, были составлены, большею частію, въ формѣ противоположенія двухъ, одно другому противныхъ предложеній,—вполнѣ естественно (уже въ силу односторонняго направленія ихъ, особенно при крайней сжатости мысли) встрѣчались и такія положенія (напр., во 2 и 3 анаѳематизмахъ), гдѣ богословами Востока, принадлежащими къ антіохійской школѣ, предчувствовался страшный и ненавистный призракъ монофизитства. Отсюда и возникли тѣ бурные споры, которые составляютъ душу несторіанскихъ движеній. И св. Кириллу ал. нужно было много и долго объясняться, чтобы успокоить встревоженное воображеніе ученыхъ богослововъ Востока и довести ихъ до сознанія, что его воззрѣнія не заключаютъ въ себѣ ереси, а что ересью является ученіе Несторія. Впрочемъ, нужно замѣтить, что и самое ученіе Несторія, а, слѣдовательно, и міровоззрѣніе Ѳеодора мопсуетійскаго, послужившее для него основою, не были лишены нѣкоторой доли истины. Хорошую и здравую сторону несторіанства составляла именно идея *неслїянности* естествъ во Христѣ,—та идея, которая и была такъ дорога антіохійскимъ богословамъ и изъ-за которой они вели столь упорную борьбу съ призраками монофизитства у Кирилла ал. Антіохійцы были настолько наэлектризованы идеею неслїяннаго отношенія двухъ природъ въ личности Христа, что за нею не видѣли—и не видѣли очень долго—того крайняго развитія, какое получила эта идея въ доктринѣ Несторія. Словомъ, обѣ враждующія партіи долго боролись взаимно съ призраками: съ одной стороны—съ призраками несторіанства, а съ другой стороны—съ призраками аполлинаризма и монофизитства. Но какъ св. Кириллъ ал. былъ менѣе всего аполлинаріаниномъ, такъ и антіохійцы—особенно Ѳеодоритъ, Андрей самосат., Іоаннъ антіохійскій,—не были несторіанами въ собственномъ смыслѣ этого слова, а боролись только за идею неслїянности естествъ,—за ту именно идею, носителемъ и защитникомъ которой въ ея чистомъ и нетронутомъ видѣ—представлялась имъ и самая личность Несторія. Что, дѣйствительно, антіохійцы (Ѳеодоритъ, Іоаннъ антіох.) были чужды крайнихъ взглядовъ Несторія, за исключеніемъ одной только его идеи о неслїянности естествъ,—показываетъ уже самый символъ этихъ антіохійскихъ отцовъ, составленный въ 435 г.,—тотъ символъ, съ которымъ согласился и св. Кириллъ ал., и который, такимъ образомъ, послужилъ соединительнымъ мостомъ къ примиренію александрійцевъ и антіохійцевъ.

Впрочемъ, немаловажное вліяніе на поддержаніе споровъ оказала также и самая личность св. Кирилла ал. Кириллъ былъ племянникомъ Ѳеофила александрійскаго,—этого честолюбиваго, гордаго іерарха, стяжавшаго себѣ печальную память осужденіемъ св. Іоанна Златоуста. Самъ Кириллъ, вмѣстѣ со своимъ дядей, тоже принималъ очень дѣятельное участіе въ дѣлѣ осужденія этой уважаемой антіохійцами личности. Естественно, что антіохійцы, къ которымъ принадлежали Іоаннъ антіох., Андрей самосатскій и Ѳеодоритъ,—не могли не относиться къ личности св. Кирилла ал. съ значительною долей предубѣжденія и не видѣть въ немъ дѣятельнаго продолжателя ненавистнаго имъ Ѳеофила. Конечно, подобное предубѣжденіе по отношенію къ личности Кирилла ал.,—честнаго, гуманнаго, самоотверженнаго, стойкаго защитника истины ради самой же истины,—было неосновательно. Но, какъ бы то ни было, нужно было время, чтобы изгладить тѣ непріятныя впечатлѣнія, которыя соединялись для антіохій-

цевъ съ мнѣніемъ объ Іоаннѣ Златоустѣ этого знаменитаго борца истины.

Наконецъ, нельзя не отмѣтить и того факта, что св. Кириллъ ал. ужъ слишкомъ энергично и рьяно взялся за дѣло искорененія ереси Несторія. А эта энергичность его дѣятельности—особенно при существованіи двухъ вышеуказанныхъ главныхъ причинъ—точно также не могла не возбуждать значительной доли неудовольствія въ подозрительныхъ антіохійцахъ.

Значеніе Кирилла ал. въ догматическомъ отношеніи главнымъ образомъ сосрдоточивается въ ученіи о боговоплощеніи,—въ ученіи объ отношеніи и способѣ соединенія въ единой личности Христа божеской и человѣческой природъ. Раскрытіе даннаго ученія обусловливалось въ его твореніяхъ противоположною точкой зрѣнія Несторія.

Несторій объективную и реальную сторону въ личности Христа усматриваетъ въ раздѣльномъ существованіи самыхъ природъ Его; при чемъ единство ихъ онъ допускалъ только въ мысли и представленіи. Св. Кириллъ ал., наоборотъ, считалъ реальнымъ самое единство природъ, а различіе ихъ представлялъ чѣмъ-то идеальнымъ, мыслимымъ. Отсюда стремленіе выставить какъ можно рельефнѣе и отчетливѣе единство личности Христа при различіи природъ въ ея объективной реальности—и составляетъ центръ тяжести всѣхъ его богословскихъ изысканій по данному вопросу. Въ этомъ отношеніи его значеніе въ исторіи христіанскаго вѣроученія можно приравнять къ значенію Аполлинарія, только съ тѣмъ различіемъ, что у послѣдняго стремленіе выяснить истину единства личности Христа, при существованіи двухъ природъ, разрѣшилось ересью: Аполлинарій въ концѣ концовъ—въ погонѣ за идеею единства лишилъ человѣческую природу Христа цѣлости и полноты, и призналъ въ ней только тѣло человѣческое и душу, а духъ, или разумъ замѣнилъ въ ней Божественнымъ Словомъ. Св. Кириллъ ал. избѣгъ этой крайности Аполлинарія и установилъ такую точку зрѣнія на вопросъ, при которой истина единства личности Христа не идетъ въ разрѣзъ съ признаніемъ цѣлости и полноты какъ божественной, такъ и человѣческой природъ. Слѣдовательно, онъ установилъ такую точку зрѣнія, которая исключала также и крайность ученія Несторія. Послѣдній, увлекаясь идеею различія природъ во Христѣ, настолько разобщилъ ихъ, что въ концѣ концовъ превратилъ ихъ въ два самостоятельныя лица,—и Христосъ, такимъ образомъ, оказался у него двухприроднымъ и въ тоже время двухличнымъ существомъ. Кириллъ же ал.,—повторяемъ,—наоборотъ, мыслилъ двѣ природы во Христѣ въ такомъ тѣсномъ, нераздѣльномъ, строго гармоническомъ сочетаніи и единствѣ, что имѣлъ полное право говорить только о единой личности Христа Искупителя. По его собственнымъ словамъ, чрезъ непостижимое соединеніе и объединеніе двухъ разносущныхъ и неподобныхъ природъ образовалась единая личность. Мы знаемъ,—говоритъ онъ,—только единаго Христа и Господа Іисуса, Сына Божія, который въ одно и тоже время есть и *Богъ и человѣкъ*. Единство Бога и человѣка въ личности Христа настолько совершенно и неразрывно, что въ Немъ Единородный и Перворожденный является однимъ и тѣмъ же; Единородный такъ же, какъ и Логосъ, рожденный изъ существа Бога Отца, соединились настолько тѣсно, что мы должны исповѣдывать Христа не только „*Богомъ по существу*, но и *человѣкомъ по плоти*“. При этомъ нельзя мыслить ни о какомъ разобщеніи этихъ природъ; такъ что Еммануила (—это любимое наименованіе св. Кириллъ ал. употребляетъ для обозначенія единой богочеловѣческой личности Христа—) нельзя уже болѣе представлять себѣ въ отдѣльности ни Богомъ, ни человѣкомъ, а только Богочеловѣкомъ. Правда, для обыкновеннаго сознанія человѣка и послѣ своего соединенія природы Христа кажутся еще двумя различными сущностями, но уже настолько тѣсно связанными одна съ другой, что должны представляться въ то же время единымъ цѣлымъ, сохраняющимъ только особенности той и другой. Слѣдовательно, это единство природъ должно понимать не въ томъ смыслѣ, что между ними произошли полное смѣшеніе, полное сліяніе и поглощеніе одной природы другою,—какъ это допускалъ въ приложеніи къ теоріи Кирилла ал. его противникъ Несторій. Подобнаго сліянія и смѣшенія природъ въ единой личности Христа св. Кириллъ ал. совершенно не допускалъ. Что это дѣйствительно такъ,—доказываетъ въ значительной степени его ученіе о неизмѣняемости божественнаго существа. Богъ не-

измѣняемъ по природѣ, слѣдовательно, и Сынъ Божій, Божественное Слово, соединившись съ человѣкомъ,—Христомъ, не могъ слиться съ человѣческою природой послѣдняго до степени полнаго смѣшенія, полнаго поглощенія божеской природы человѣческою природой. Что Богъ, даже въ томъ случаѣ, когда снизошелъ до человѣческой природы и сдѣлался так. обр. плотію, не пересталъ быть Богомъ; что онъ, сдѣлавшись человѣкомъ, все равно остается самъ по себѣ Богомъ, при томъ Богомъ абсолютнымъ, вѣчно и неизмѣнно тожественнымъ,—это положеніе составляетъ, можно сказать, главный и существенный пунктъ во всей теоріи св. Кирилла ал.,—такой пунктъ, къ которому онъ возвращается и который защищаетъ всякій разъ, когда его противники упрекаютъ его въ допущеніи мысли о сліяніи и смѣшеніи природъ.

Если же, такимъ образомъ, св. Кириллъ ал. былъ чуждъ идеи сорастворенія божества съ человѣчествомъ, т. е. идеи поглощенія божества человѣчествомъ Христа, то онъ былъ чуждъ и какъ разъ обратной крайности, именно идеи поглощенія человѣчества Христа божествомъ Божественнаго Слова, — какъ это выходило съ точки зрѣнія умозрѣній Аполлинарія. По ученію св. Кирилла ал., человѣкъ Христосъ, сдѣлавшись Богомъ, не пересталъ быть въ то же время и человѣкомъ въ полномъ смыслѣ этого слова, въ полномъ составѣ его природы. Если мы допустимъ и признаемъ справедливымъ противоположное мнѣніе, граничащее съ заблужденіемъ Аполлинарія, то тогда, — по мнѣнію св. Кирилла ал., — нужно будетъ признать призрачнымъ и самое воплощеніе Бога Слова, тогда потеряетъ истинный смыслъ и самое дѣло искупленія; слѣд., тогда нужно встать на докетическую точку зрѣнія. Такимъ образомъ, св. Кириллъ ал. одинаково твердо держался какъ того положенія, что Христосъ есть *истинный и совершенный Богъ*, такъ и того положенія, что онъ есть столь же *истинный и совершенный человѣкъ*.

Правда, аполлинаристы, при такомъ пониманіи общаго состава единой личности Христа, могли поставить св. Кириллу ал. въ упрекъ то, что въ данномъ случаѣ признаніе цѣлостности двухъ природъ во Христѣ должно повести къ мысли о двухличности, о двухъипостасности Христа; словомъ, они могли изобличить его въ крайности несторіанства. Но св. Кириллъ ал., постоянно имѣя въ виду подобное возраженіе и съ цѣлію опровергнуть и отвергнуть крайность несторіанскаго представленія о двухличности Христа, открыто и ясно заявлялъ въ своихъ сочиненіяхъ, что *двойственность* полныхъ и совершенныхъ природъ должно представлять себѣ тѣсно объединенною въ единой личности Христа. Такое объединеніе,—по его мнѣнію,—нужно представлять не только въ мысли, въ идеѣ,—какъ этого хотѣлъ Несторій и какъ это выходило съ точки зрѣнія его общихъ посылокъ, — но именно *объединеніемъ и единеніемъ реальнымъ*, при которомъ съ личностію Христа нельзя соединять представленія о двухъ, но только объ одномъ Христѣ. Христосъ составляетъ единое лицо и именно единое лицо Богочеловѣка; при чемъ и двойственность природъ и единство лица во Христѣ, — по мнѣнію св. Кирилла ал., — нужно мыслить совершенно реально.

Признавши, так. обр., положеніе о реальномъ объединеніи въ личности Христа двухъ реально существующихъ природъ—божеской и человѣческой, св. Кириллъ ал., вполнѣ естественно, долженъ былъ провести также мысль о реальномъ общеніи свойствъ этихъ двухъ присущихъ Христу природъ.

Но, однако, въ данномъ случаѣ мы встрѣчаемся уже съ такимъ пунктомъ ученія св. Кирилла ал., при которомъ онъ чувствовалъ большое затрудненіе и, видимо, самъ опасался, какъ бы ему при своемъ ученіи о единствѣ личности Христа, не впасть въ противорѣчіе съ самимъ собою. Если Богъ родился, какъ человѣкъ, то не можетъ ли показаться въ то же время, что, въ виду тѣснаго общенія человѣка съ Богомъ, и родился-то точно также *самъ Богъ*, т. е. Богъ по Своему божеству? Вѣдь, если единство, какъ такое, можетъ быть истинно реальнымъ и существеннымъ только тогда, когда все, прилагаемое къ Богу, мы должны относить въ то же время и къ человѣку,—то не слѣдуетъ ли отсюда прямо и естественно заключеніе, что все, чѣмъ обладаетъ человѣкъ и что свойственно ему по природѣ, должно съ такимъ же правомъ быть отнесено и къ Богу? Но св. Кириллъ ал., насколько рѣшительно допускаетъ вы-

раженіе „Богородица“ въ его полномъ догматическомъ значеніи въ приложеніи къ личности св. Дѣвы Маріи, насколько рѣшительно полагаетъ это выраженіе въ основу всѣхъ своихъ догматическихъ построеній,— настолько же осторожно онъ умалчиваетъ о томъ, чтобы признать рожденіе Бога по существу при посредствѣ св. Дѣвы. Во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій онъ прямо и рѣшительно возстаетъ противъ той мысли, что Сынъ Божій, будто бы, только при посредствѣ Маріи въ первый разъ родился. Рожденіе Бога Слова по божественному естеству нельзя мыслить въ актѣ рожденія Христа Дѣвою Маріей уже по одному тому, что признаніе такого рожденія прямо противорѣчило бы вѣчности и неизмѣняемости божественнаго существа. Так. обр., какъ въ приложеніи къ Сыну Божію нельзя говорить, что Богъ родился по божественному существу, точно такъ же нельзя говорить въ приложеніи къ нему и того, что Богъ страдалъ, умеръ, возрасталъ, былъ обрѣзанъ и пр. Во всѣхъ этихъ случаяхъ св. Кириллъ ал. выражается, что Богъ страдалъ, какъ человѣкъ; Богъ умеръ, возрасталъ, былъ обрѣзанъ и т. д., какъ человѣкъ.

Но,— спрашивается,— если Богу нельзя приписывать того, что свойственно Христу, какъ человѣку, то не значитъ ли это уничтожать единство и общеніе свойствъ двухъ присущихъ Христу природъ? Не значитъ ли это уничтожить жизненность основного принципа всей христологіи св. Кирилла ал.? Св. отецъ устраняетъ силу этого возраженія указаніемъ самаго момента, когда Сынъ Божій соединился съ человѣкомъ Іисусомъ. По его общему положенію, таинство воплощенія имѣетъ двѣ стороны: идеальную и реальную. До момента зачатія Дѣвою Сына-Христа Божественный Логосъ еще только въ идеѣ, въ представленіи Божественнаго разума имѣлъ совершить воплощеніе; тогда,— стало быть,—и самое соединеніе Логоса со Христомъ было еще только идеальнымъ, умопредставляемымъ, промыслительнымъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, οἰκονομικός, какъ онъ выражается. Послѣ же зачатія св. Дѣвою человѣка-Христа совершилось уже реальное соединеніе Логоса со Христомъ; только съ этого момента Сынъ Божій вступилъ въ тѣсное существенное общеніе съ рожденнымъ сыномъ Маріи и составилъ съ нимъ единую личность Богочеловѣка. Слѣдовательно, только съ этого момента существенно-реальнаго объединенія двухъ природъ—божественной и человѣческой въ единой личности Христа — наступило и самое общеніе свойствъ той и другой природы.

Утверждая положеніе о богочеловѣчествѣ Христа, св. Кириллъ ал. долженъ былъ рѣшить также и спеціальный вопросъ о *способѣ ипостаснаго* соединенія божества и человѣчества. Разрѣшить вполнѣ эту непостижимую тайну,—по его мнѣнію,— невозможно, но приблизить, хотя нѣсколько, къ человѣческому сознанію можно. Поэтому св. Кириллъ ал. обращается къ нѣкоторымъ аналогіямъ и при помощи ихъ старается, насколько возможно, выяснить, какимъ именно образомъ Богъ и человѣкъ соединились между собою въ одну ипостась Сына Божія, не раздѣляя и не сливая при этомъ своихъ разныхъ природъ. Между прочимъ, онъ сравниваетъ ипостасное единеніе съ отношеніемъ огня къ горючимъ матеріаламъ. Огонь неразрывно соединяется съ горючимъ веществомъ, такъ что отдѣлить его совершенно невозможно; но, при этомъ единеніи огня и вещества, оба элемента все-таки остаются совершенно различными, такъ что ни огонь не есть вещество, ни вещество не есть огонь. Подобно этому неразрывному и неслiянному единенію огня и вещества, св. Кириллъ ал. и думалъ представить себѣ единеніе и сближеніе божества и человѣчества во Христѣ. Само собою понятно, что грубый примѣръ не могъ точно выяснить подлинной мысли церковнаго ученія. Огонь уничтожаетъ горючее вещество, между тѣмъ какъ божество Спасителя не уничтожаетъ Его человѣчества, а только соединилось съ нимъ въ такое же неразрывное единеніе, въ какомъ находятся между собою огонь и вещество горящаго свѣтильника. Чтобы точнѣе выразить свою мысль о возможности неизмѣннаго существованія соединенныхъ воедино природъ Спасителя, св. Кириллъ ал. обращается еще къ другой аналогіи,— къ сравненію этой истины съ истиною соединенія тѣла и души въ единствѣ личности человѣка. Душа и тѣло человѣка составляютъ въ немъ двѣ сущности, совершенно различныя, которыя, сохраняя всѣ свои особенности и свойства, въ то же время тѣсно соединены между собою, но при томъ

такъ, что взаимно не поглощають другъ друга. Точно такъ же нужно мыслить и способъ сочетанія и единенія природъ въ лицѣ Спасителя. Онѣ составляютъ едино въ личности Христа, онѣ—ἕνωσις καθ' ὑπόστασιν, но въ то же время онѣ нераздѣльно-несліянны между собою и, так. обр., не претворяясь одна въ другую и не поглощаясь взаимно одна другою, составляютъ собственно двѣ природы, а не одно общее претворенное существо. Спаситель жилъ совершенно человѣческою жизнію; слѣдовательно, Его человѣческая природа отъ соединенія съ божествомъ не потерпѣла никакого измѣненія, не сдѣлалась какою-либо другою въ сравненіи съ общею человѣческою природой, такъ что всѣ необходимыя человѣческія отправленія нашей природы были въ той же мѣрѣ присущи человѣчеству Сына Божія, въ какой онѣ присущи и намъ. Въ Немъ не слились и не отожествились божество и человѣчество, а остались разными природами, каждая съ своими естественными свойствами, такъ что какъ свойство тѣла нельзя представить въ Словѣ, Которое было въ началѣ, такъ, наоборотъ,—и свойствъ Божества нельзя мыслить въ природѣ плоти. Соединенныя во едино природы Христа существовали, хотя и неразрывно (ἀδιαιρετῶς) въ силу ипостаснаго единства божества и человѣчества (ἕνωσιν καθ' ὑπόστασιν), однако и *несліянно* (ἀσυγχύτως) въ силу ихъ совершеннаго различія по сущности и свойствамъ.

Такимъ образомъ, въ противоположность ученію своего противника Несторія, св. Кириллъ ал. настаивалъ на той мысли, что Іисусъ Христосъ есть истинный и совершенный Богъ, а въ противоположность аполлинаріанской точкѣ зрѣнія, въ которой его самого обвиняли антіохійцы,—онъ утверждалъ, что въ лицѣ Іисуса Христа истинный и совершенный Богъ вступилъ въ единеніе съ истиннымъ и совершеннымъ человѣкомъ.

Но противники св. отца усматривали въ такой постановкѣ и формулировкѣ ученія неразрѣшимыя противорѣчія; самый фактъ воплощенія—въ смыслѣ ученія св. Кирилла ал.—имъ представлялся невозможнымъ. Основанія этой невозможности сводились собственно къ слѣдующимъ тремъ положеніямъ: а) воплощеніе унижаетъ собою божество; б) оно подвергаетъ страданію Безстрастнаго и в) оно ограничиваетъ вещественными формами плоти Безпредѣльнаго. — Св. Кириллъ ал. разрѣшаетъ всѣ эти возраженія. Касаясь перваго изъ нихъ, онъ совершенно законно ставитъ слѣдующій вопросъ: въ чемъ же собственно нужно усматривать это униженіе? Еслибы мы предложили этотъ вопросъ древнимъ гностикамъ, то они, конечно, увѣрили бы, что божество унижается отъ соприкосновенія съ принципомъ зла — матеріей, и потому вполнѣ согласились бы дать Спасителю не матеріальное, а какое-нибудь другое, особенное тѣло. Св. Кириллъ ал. эту гностическую точку зрѣнія, отъ-части присущую аполлинаріанамъ, а отъ-части и Несторію, опровергъ указаніемъ полной безцѣльности такого рода воплощенія. По его мнѣнію, чтобы дѣйствительно исцѣлить больного, нужно, конечно, давать лекарство не здоровому, а самому больному; больнымъ же былъ человѣкъ; слѣдовательно, и въ воплощеніи нужно было воспринять Богу для уврачеванія обыкновенную человѣческую природу. Въ противномъ случаѣ и самое дѣло искупленія потеряло бы свое реальное значеніе и само по себѣ было бы дѣломъ призрачнымъ и не достигающимъ цѣли. И, наоборотъ, если бы дѣло искупленія было совершено не самимъ воплотившимся Богомъ, а только человѣкомъ—носителемъ божества,—то тогда и самое искупленіе было бы невозможно, потому что оно представлялось бы только дѣломъ человѣческимъ, имѣющимъ лишь нравственную силу и принудительность.

Впрочемъ, противникамъ св. Кирилла ал. казалось унизительнымъ не столько то, что Богъ воплотился, сколько то, что Онъ повиновался повелѣніямъ, подчинялся человѣческимъ законамъ и несъ крестъ. Въ этомъ они видѣли крайнее униженіе божества и вмѣстѣ съ тѣмъ препятствіе къ Его воплощенію. Но св. Кириллъ ал. замѣчаетъ, что въ фактѣ истиннаго и ипостаснаго соединенія Бога съ человѣкомъ проявилось вовсе не униженіе, а, напротивъ, необычайное дѣйствіе божественной силы, которое вполнѣ справедливо составляетъ предметъ вѣчнаго удивленія для всѣхъ разумныхъ веществъ. Вотъ почему всѣ проповѣдники христіанства указываютъ преимущественное чудо таинства воплощенія въ томъ, что Богъ явился во плоти, что Слово стало плотію, и явило, такимъ образомъ, преизбытокъ Своей боже-

ственной силы. Итакъ, воплощеніе не унижаетъ божества, потому что подъ кажущимся покровомъ униженія съ невыразимою силой сіяетъ Его вѣчная слава.

Но если самый фактъ воплощенія не унижаетъ божества, то не унижается ли божество тѣмъ, что оно въ данномъ случаѣ, принявши истинную плоть человѣка, должно жить измѣнчивою жизнію этой плоти и потому само должно какъ бы страдать и измѣниться? Въ такомъ видѣ противники св. Кирилла ал. выставляли второе возраженіе противъ его ученія о воплощеніи Слова.

Разбирая это второе возраженіе, св. Кириллъ ал. прежде всего попытался установить точное понятіе страсти, страданія. По его мнѣнію, страстію нужно называть далеко не все то, что обыкновенно называется этимъ именемъ. Обыкновенно мы называемъ страстными всѣ измѣненія, какія происходятъ въ нашей жизни и природѣ: рожденіе, голодъ, жажду, печаль, гнѣвъ, сонъ, смерть и т. д., между тѣмъ какъ всѣ эти дѣйствія природы не могутъ быть страстными. Съ этой точки зрѣнія св. отецъ и разсматриваетъ самые факты человѣческой жизни Спасителя, на которые указывали, какъ на унижающіе божество факты страсти. По мнѣнію св. Кирилла ал., въ рожденіи Бога Слова, а равнымъ образомъ и во всѣхъ дѣйствіяхъ, и проявленіяхъ усвоенной имъ человѣческой природы, какъ „дѣйствіяхъ природныхъ", нѣтъ ничего унижающаго достоинство божественной сущности. Постыденъ только порокъ, а не природа; слѣдовательно, только общеніе съ порокомъ было бы недостойно Божества. Вотъ почему, отвергая причастіе Слова Божія пороку, св. Кириллъ ал. въ то же время не усматривалъ ничего невозможнаго и унижающаго для божественнаго Слова въ самомъ фактѣ Его воплощенія и въ самомъ обитаніи Его въ человѣческомъ тѣлѣ. Тѣмъ болѣе, что и самое рожденіе, по его мнѣнію, совершилось абсолютно безстрастно и непорочно. Слѣдовательно, высота божества вполнѣ сохранилась и въ человѣческомъ рожденіи Спасителя.

Опровергнувши два указанныя возраженія, св. Кириллъ ал. касается далѣе и третьяго возраженія, по которому воплощеніе Бога Слова, будто бы, должно вести къ ограниченію безпредѣльнаго Бога. Впрочемъ, св. Кириллъ ал. опроверженіемъ этого возраженія занимается очень мало въ виду его крайней нелѣпости въ самой его основѣ; да это возраженіе и вообще было неприложимо къ ученію св. отца. Послѣдній, проводя мысль объ ипостасномъ единеніи въ личности Христа двухъ естествъ, и не думалъ даже говорить объ ограниченіи божественнаго естества. По нему, Богъ Слово какъ до воплощенія, такъ и по воплощеніи одинаково есть безпредѣльный и неограниченный Богъ. А чтобы прояснить возможность пребыванія въ конечномъ человѣкѣ безпредѣльнаго Бога, св. Отецъ снова обращается къ сравненію этого пребыванія съ отношеніемъ души къ тѣлу. Тѣло, противоположное духу по своей природѣ, строго ограничено своими матеріальными очертаніями и постоянно находится въ извѣстныхъ предѣлахъ; между тѣмъ духъ, свободный отъ всякихъ матеріальныхъ очертаній, хотя и связанъ неразрывно со своимъ матеріальнымъ тѣломъ, однако, имѣетъ полную возможность своею мыслію выступать за предѣлы своего ограниченнаго бытія, возноситься до небесъ, погружаться въ бездны, проходить всю широту вселенной. Дѣйствительно, на основаніи этого примѣра можно сдѣлать вполнѣ вѣрное предположеніе, что если ограниченная по своей природѣ душа, не смотря на свою связь съ опредѣленными очертаніями тѣла, все-таки до нѣкоторой степени представляется безграничною по своей мысли, то тѣмъ болѣе безграничное въ собственномъ смыслѣ божество, не смотря на свое соединеніе съ человѣчествомъ, должно быть безграничнымъ не только въ мысли, но и по природѣ.

Въ тѣсной логической связи съ христологіею св. Кирилла ал. находится его ученіе о таинствѣ евхаристіи, которое служитъ теперь предметомъ оживленнаго спора между старокатолическими и православными богословами (см. у проф. *П. И. Пономарева*, Ученіе св. Кирилла объ евхаристіи въ „Прав. Собесѣдн." 1903 г., стр. 659—736). Какъ и въ христологіи, св. Кириллъ ал. оттѣняетъ по преимуществу духовную сторону таинства, но въ то же время ясно и очень опредѣленно учитъ о реальномъ присутствіи истиннаго тѣла и крови Христовыхъ въ евхаристическихъ дарахъ. Особенно важное мѣсто, гдѣ изображаются ученіе св. Кирилла ал. во всей полнотѣ и ясности, находится въ Толк.

на Ев. Матѳея (Migne gr. t. LXXII, col. 452). „Господь ясно сказалъ: *сіе есть тѣло Мое и сія есть кровь Моя*, чтобы ты не счелъ того, что видишь, просто за образъ, но чтобы ты зналъ, что предлагаемое тебѣ несомнѣнно *превращается* (μεταποιεῖσθαι) нѣкіимъ таинственнымъ образомъ въ тѣло и кровь Христа. Пріобщаясь ихъ, мы воспринимаемъ въ себя животворящую и освящающую силу Христа. Ибо должно, чтобы Онъ чрезъ Св. Духа, какъ прилично Богу, сорастворялся въ насъ дѣйствительно съ нашими тѣлами чрезъ святую Его плоть и драгоцѣнную кровь, что мы подлинно и получаемъ въ животворящемъ благословеніи *какъ бы въ хлѣбѣ и винѣ* съ тою цѣлью, чтобы мы не смущались, видя предлагаемыя плоть и кровь на святыхъ церковныхъ жертвенникахъ". Такимъ образомъ ясно, что мысль о простой только консубстанціаціи (въ духѣ старокатолическаго ученія) совершенно не приложима къ ученію объ евхаристіи св. Кирилла ал.

Литература. *Источники и пособія*. 1) Изданія твореній св. Кирилла. Первое полное, до сихъ поръ считающееся лучшимъ и относительно очень исправнымъ, изданіе твореній св. Кирилла было сдѣлано въ 1638 г. *J. Aubert*'омъ (Paris) въ 7 томахъ; оно же было переиздано затѣмъ и въ Cursus patr. compl. *Migne*'я (1843—1859 г.), гдѣ твореніямъ К. отведены 68—77 томы греческой серіи. Существеннымъ дополненіемъ къ изданіямъ *Aubert*'a и *Migne*'я являются частичныя изданія отдѣльныхъ произведеній св. Кирилла ал. Изъ нихъ особенно важное значеніе имѣютъ: изданія—а) *K. J. Neumann*'a (Lpzg 1880), который въ своемъ собраніи фрагментовъ изъ сочиненія Юліана Отступника (Juliani imperatoris librorum contra christianos quae supersunt) издалъ также и сочиненіе Кирилла: „Противъ Юліана" (p. 42—63; 64—87); б) *Ph. Ed. Pusey*'я, который въ отдѣльности издалъ: Epistulae tres oecumenicae, Libri quinque contra Nestorium, XII Capitum explanatio. XII Capitum defensio utraque, Scholia de incarnatio Unigeniti (Oxonii 1875), De recta fide ad imperatorem, De incarnatione Unigeniti dialogus, De recta fide ad princessas, De recte fide ad augustas, Quod unus Christus dialogus, Apologeticus ad imperatorem (Oxonii 1877), Tractatus ad Tiberium diaconum duo или Contra antropomorphitas (въ связи съ изданіемъ Комментарія на св. Іоанна, Oxford 1872: Vol. III, p. 476—607), in XII prophetas (Oxonii 1868, 2 voll.), фрагменты изъ Коммент. на посл. къ Римл., 1 и 2 Кор. и Евр., Дѣян. Ап., Іакова, 1 и 2 Петра, 1 Іоанна и Іуды (Oxonii 1872, p. 441—451, съ критическими замѣчаніями на изданіе Миня), Epistulae tres oecumenicae (ibid.); в) *R. Smith*'a (цѣлый рядъ сирійскихъ фрагментовъ изъ Коммент. на Ев. Луки съ переводомъ ихъ на лат. яз.: Commentarii in Lucae evangelium.., Oxonii 1858; Oxford 1859, voll. 2); г) *W. Wright*'a (тоже сирійскіе фрагменты изъ Коммент. на Ев. Луки, London 1874), д) *Pitra* (сочиненіе Liber thesaurorum de sancta et consubstantiali trinitate въ Analecta sacra et class., Paris 1888, pars 1, p. 38—46).—Въ переводѣ на русскій языкъ сочиненія св. Кирилла ал. издаются при московск. Дух. Акад. (выпущено 1—12 т., но изданіе еще не совсѣмъ закончено). 2) Важнѣйшія монографіи и статьи о св. Кириллѣ въ западной литературѣ: *J. Koppalik*, Cyrillis von Alaxandrien: eine Biographie nach Quellen gearbeitet, Mainz 1881 (исключительно біографія и обзоръ литер. дѣятельности; объ этой книгѣ см. обстоятельную рецензію проф. *Ал. П. Лебедева* въ „Приб. къ твор. оо. Церкви" 1882, ч. 30, стр. 546 сл. [а также † проф. *В. В. Болотова* въ „Христ. Чтеніи" 1883 г., т. I]). *A. Largent*, Etudes d'histoire ecclesiastique. St. Cyrille d'Alexandrie et le concile d'Ephese, Paris 1892. *Hefele*, Conciliengeschichte (2 Aufl.), II, 141—288: „Die Dritte allgemeine Synode zu Ephesus in Jahre 431". *E. Michaud*, S. Basile de Cesarée et S. Cyrille d'Alexandrie sur la question trinitaire („Revue internat. de theol." 1898, p. 354—371) (важна, какъ извлеченіе свидѣтельствъ о Св. Троицѣ въ интересахъ католическаго и старокат. ученія о Filioque). *Schäfer*, D. Christologie d. h. Cyrillus von Alexandrien in d. rom. Kirche 432—534. („Theol. Quartalschrift" 1895, 3, S. 421—447). *Behrmann*, Die Christologie d. h. Cyrill. o. Alexandrien, Heidesheim 1902. N. Παγίδας, Κύριλλος ὁ Ἀλεξανδρείας ἀρχιεπίσκοπος, Lipsiae 1884. [Dr. *Eduard Weigl*, Die Heilslehre des heiligen Kyrill von Alexandrien въ „Forschungen zur christlichen Literatur und Dogmengeschichte herausg. von A. Ehrhard und J. P. Kirsch V, 2—3 Mainz 1905,—(ср. „Theologishe Rundschau" X, 1: Januar 1907, S. 23—26). *W. Smith* and *H. Wace*, A Dictionary of Christian—Biography I, p. 763—773. *Herzog-Hauck*, RE. IV³.S, 377—381. *J. Mahé*, Les anathématismes de Saint Cyrille d'Alexandrie et les evêques orientaux du patriarchat d'Antioche въ „Revue d'histoire ecclesiasti que" VII, 3 (15 Juillet 1906), p. 505—442; *его же*, T'eucharistie d'après saint Cyrille d'Alexandrie ibid. VIII, 4 (15 Octobre 1907), p. 677 — 696, *F. C. Conybeare*, The Armenian Version of Revelation and Cyril of Alexandria's [Scholia on the incarnation and Epistle on Easter, London 1907. *J. Mahé*, S. J., La date du commentaire de saint Cyrille d'Alexandrie sur l'Evangile sailon saint Jean въ „Bulletin de littérature ecclésiastique" 1907, p. 40—45. *A. Vacant* et *E. Mangenot*, Dicіontnaire de théologie catholique III, Paris 1908, col. 2476—

2527. Prof. *J. Sickenberger*, Fragmente—der Homilien der Cyrill von Alexandrien zum Lukasevangelium въ „Texte und Untersuchungen" III Reihe, IV Band. Heft I, Lpzg. 1908. The Catholic Encyclopedia IV, p. 592—595]. 3) Статьи о св. Кириллѣ ал. въ русской литературѣ: † іером. *Порфирій*, Св. Кириллъ, архіепископъ александрійскій, въ „Приб. къ твор. св. отц." 1854, ч. XIII (біографія и обзоръ сочиненій). *Св. Кириллъ александрійскій* и Целестинъ папа въ борьбѣ съ несторіанствомъ („Духовн. Бесѣда" 1872 г.). *Жизнь* св. Кирилла александрійскаго въ „Христ. Чтен." 1840 г., II, 356.—*Св. Кириллъ* александрійскій, какъ проповѣдникъ („Руков. для сельск. паст." 1877 г.), Проф. *П. П. Пономаревъ*, Ученіе св. Кирилла, архіепископа александрійскаго, объ евхаристіи въ „Прав. Собесѣдн." 1903 г., май, стр. 659—694; іюнь, стр. 695—736 (статья написана по поводу этюда проф. Мишо: St. Cyrille d'Alex. et l'Eucharistie въ „Revue intern. de theol." 1902, p. 599—614; 675—692). † Проф. *А. Ѳ. Гусевъ*. Старокатолическій отвѣтъ на наши тезисы по вопросу о Filioque и пресуществленіи, Казань 1903. (Здѣсь приводится, между прочимъ, апологетическій анализъ ученія св. Кирилла ал. о св. Духѣ и евхаристіи, стр. 77 сл.). *Филаретъ*, арх. черниговскій. Историческое ученіе объ отцахъ церкви II (1859), стр. 91—115. *Я. Алфіоновъ*, Императоръ Юліанъ и его отношеніе къ христіанству, Казань 1877 (въ связи съ антихристіанскою дѣятельностію Юліана разсматривается отъ-части и апологетическая дѣятельность св. Кирилла ал. противъ Юліана). Проф. *Ал. П. Лебедевъ*, Вселенскіе соборы IV и V вв.: обзоръ ихъ догматической дѣятельности въ Собр. сочиненій, изд. 2, Сергіевскій Посадъ 1896, (въ 3 т. характеризуется догмат. дѣятельность 3-го вселенскаго собора и въ связи съ этимъ дѣятельность св. Кирилла ал.).— Проф. *Н. Н. Глубоковскій*, Блаж. Ѳеодоритъ епископъ киррскій: его жизнь и литерат. дѣятельность, I—II т., Москва 1890. Здѣсь можно найти много цѣнныхъ историч. указаній, характеризующихъ церковно-общественную и литературную дѣятельность Кирилла алекс. [а равно переводъ писемъ блаж. Ѳеодорита—со введеніемъ и примѣчаніями—того же проф. *Н. Н. Глубоковскаго* (Св.—Тр. Сергіева Лавра 1908) и ср. его статью „Іоаннъ, архіеп. антіохійскій", въ „Энц." VI, 987—995].

Проф. *Л. Писаревъ*.

Кириллъ Скиѳопольскій—выдающійся греческій агіографъ VI вѣка. Во многихъ житіяхъ святыхъ, составленныхъ Кирилломъ, содержатся и автобіографическія свѣдѣнія. Изъ нихъ видно, что Кириллъ родился въ галилейскомъ (въ Палестинѣ) городѣ Скиѳополѣ въ 514 году и еще въ молодыхъ годахъ, живя въ домѣ родителей, почувствовалъ влеченіе къ иноческой жизни, подъ вліяніемъ палестинскихъ подвижниковъ, приходившихъ въ Скиѳополь. Одинъ изъ нихъ, знаменитый Савва Освященный, предвидя значеніе Кирилла, назвалъ его „своимъ ученикомъ, сыномъ пустынныхъ отцовъ" и обратилъ на него вниманіе скиѳопольскаго митрополита. Подъ руководствомъ послѣдняго Кириллъ и посвятилъ себя монашеской жизни. Его постриженіе состоялось въ одномъ изъ монастырей Скиѳополя, гдѣ юный подвижникъ и прожилъ до 543 года, а потомъ,—съ разрѣшенія духовнаго своего отца, аввы Григорія,—отправился въ Іерусалимъ. Здѣсь онъ,—по совѣту своей матери,—сдѣлался на нѣкоторое время ученикомъ подвижника Великой лавры Іоанна Молчальника [см. „Энц." VI, 883—884], подъ руководствомъ котораго не только усовершался въ аскетизмѣ, но и противостоялъ заблужденіямъ послѣдователей Оригена, имѣвшихъ успѣхъ среди современнаго палестинскаго монашества. Затѣмъ Іоаннъ Молчальникъ направилъ Кирилла въ лавру св. Евѳимія (въ Іудейской пустынѣ, близъ Іерусалима), которая была,—по его мнѣнію,—наиболѣе удобною для подвиговъ. Но Кириллъ,—по юности и суетности,—преслушалъ волю своего руководителя и направился къ Іордану въ одинъ изъ здѣшнихъ монастырей. Это непослушаніе юнаго подвижника было наказано шестимѣсячною болѣзнію, перенесши которую, Кириллъ рѣшился водвориться въ лаврѣ св. Евѳимія. Прибывъ туда (въ концѣ 543 или въ началѣ 544 г.), Кириллъ со всѣмъ пыломъ юности предался аскетическимъ подвигамъ. Онъ часто посѣщалъ и своего духовнаго отца—Іоанна Молчальника, предъ которымъ раскрывалъ свою душу, пользуясь его пастырскими врачеваніями и назиданіями. Здѣсь Кириллъ прожилъ около десяти лѣтъ. Когда пятый вселенскій соборъ осудилъ заблужденія оригенистовъ, часть коихъ была изгнана и изъ палестинской Новой лавры, то въ число тѣхъ 120 иноковъ, которые должны было водвориться въ этой лаврѣ вмѣсто удаленныхъ оригенистовъ, былъ включенъ и Кириллъ. Здѣсь онъ пробылъ два года (554—555), а потомъ перешелъ въ Великую лавру Саввы Освященнаго (въ Іудейской пустынѣ), устроилъ

здѣсь себѣ келлію, гдѣ и жилъ до самой смерти, послѣдовавшей около 557 года.

Такимъ образомъ, Кириллъ почти цѣлую жизнь провелъ среди палестинскихъ монаховъ. Любовь къ подвижничеству и глубокое уваженіе къ выдающимся его представителямъ побудили Кирилла, вскорѣ послѣ принятія монашества, посвятить свои силы и труды описанію подвиговъ и дѣятельности великихъ аскетовъ и устроителей иночества въ Святой Землѣ. Къ этому поощрялъ Кирилла и его духовный отецъ Іоаннъ Молчальникъ, который, высоко цѣня аскетическіе подвиги свв. Евѳимія и Саввы, совѣтовалъ своему ученику составить полезныя о нихъ сказанія. Кириллъ былъ вполнѣ подготовленъ къ труду агіографа. Онъ обладалъ достаточнымъ образованіемъ и способностію къ литературной дѣятельности, а главное—находился въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ для всесторонняго ознакомленія съ состояніемъ палестинскаго монашества въ V—VI вѣкахъ и съ дѣятельностію выдающихся его представителей, для собиранія необходимаго матеріала и критики его. Онъ былъ близокъ къ Іоанну Молчальнику и другимъ ученикамъ Саввы Освященнаго, жилъ въ Великой лаврѣ и киновіи св. Евѳимія, имѣлъ возможность бесѣдовать съ свидѣтелями подвиговъ и жизни палестинскихъ аскетовъ, непосредственно многое изучать и провѣрять. Въ прологѣ къ житію Саввы Освященнаго монахъ Кириллъ умоляетъ читателей вѣрить всему, что онъ уже сказалъ или скажетъ о палестинскихъ подвижникахъ, такъ какъ писатель старался съ точностію упоминать о времени, мѣстахъ, лицахъ и именахъ и вообще съ полнымъ усердіемъ изслѣдовалъ истину своего повѣствованія. И на такое довѣріе со стороны читателей Кириллъ имѣетъ полное право, потому что онъ, дѣйствительно, сдѣлалъ все возможное для успѣшнаго выполненія сложной и важной задачи агіографа. Первымъ его трудомъ было житіе Евѳимія Великаго († 473 г.). Къ составленію этого житія Кириллъ приступилъ тотчасъ же послѣ водворенія въ монастырѣ св. Евѳимія. Со времени кончины этого подвижника минуло уже около 80 лѣтъ, но въ обители хранились и преемственно передавались многія сказанія о жизни и трудахъ его, причемъ,—наряду съ разсказами достовѣрными,—поддерживались и распространялись сказанія легендарныя. Писателю предстояло „выбирать изъ многаго немногое“. Съ цѣлію собрать вполнѣ достовѣрныя свѣдѣнія, Кириллъ отыскивалъ въ разныхъ мѣстахъ Іудейской пустыни ближайшихъ къ св. Евѳимію подвижниковъ и обращался къ нимъ за душеспасительными и достовѣрными сказаніями о великомъ аскетѣ. Большую часть разсказовъ о жизни св. Евѳимія Кириллъ получилъ отъ отшельника Киріака, постриженника этого св. аввы, долгое время жившаго съ его учениками, отъ которыхъ онъ и слышалъ достовѣрныя и точныя свѣдѣнія о его жизни и подвигахъ. Затѣмъ, не мало свѣдѣній Кириллу сообщили Іоаннъ Молчальникъ и пресвитеръ Ѳалалей, на основаніи разсказовъ Саввы Освященнаго. „Житіе иже во святыхъ отца нашего Евѳимія Великаго“ оказалось трудомъ вполнѣ удачнымъ какъ по содержанію, достовѣрному и правдивому, такъ и по изложенію, чуждому риторическихъ украшеній, простому и ясному. Вторымъ произведеніемъ Кирилла было „Житіе преподобнаго отца нашего Саввы Освященнаго“ († 531 г.), стоившее автору сравнительно меньшаго труда, такъ какъ во время его составленія въ памяти современниковъ еще были живы подвиги преподобнаго и его заслуги для палестинскаго монашества. Ученики и сподвижники св. Саввы сообщили Кириллу достовѣрные и обширные разсказы о немъ, почему это житіе содержитъ больше упоминаній о мѣстахъ, лицахъ, именахъ и времени, а также имѣетъ большій объемъ. Кромѣ того, Кириллъ составилъ житія — Іоанна Молчальника, епископа колонійскаго, преподобнаго Киріака Отшельника († 556 г.), Ѳеогнія, епископа вити-лійскаго, раньше—палестинскаго монаха, Аврамія, ученика св. Саввы и епископа кратійскаго и аввы Ѳеодосія Киновіарха († 529 г.). Составленныя Кирилломъ житія палестинскихъ подвижниковъ имѣютъ весьма важное значеніе для исторіи монашества во Святой Землѣ. Сообщая весьма обстоятельныя и достовѣрныя свѣдѣнія объ отдѣльныхъ дѣятеляхъ палестинскаго монашества, эти житія изображаютъ и общій строй монашеской жизни во Святой Землѣ, сообщаютъ историческія данныя о мѣстныхъ монастыряхъ, ихъ возникновеніи и

устройствѣ, объ общемъ ходѣ развитія иночества, его идеалахъ, задачахъ и способахъ ихъ осуществленія, о значеніи монашества въ церковной жизни и о благотворномъ его вліяніи на мірское общество и т. п. Не безъ основанія ученый Узенеръ назвалъ литературное наслѣдіе Кирилла „исторіею палестинскаго монашества". Но житія, написанныя Кирилломъ, имѣютъ значеніе и вообще для церковной исторіи Востока, такъ какъ въ нихъ содержатся цѣнныя свѣдѣнія объ іерусалимскихъ епископахъ V и VI вѣковъ, объ оригенистскихъ волненіяхъ, о взаимныхъ отношеніяхъ восточныхъ патріарховъ и ихъ представителей въ эпоху монофизитскихъ споровъ, имѣются важныя данныя и для церковной хронологіи V—VI столѣтій. Къ формальнымъ достоинствамъ житій слѣдуетъ отнести отсутствіе риторическихъ украшеній, простоту рѣчи и безыскусственность изложенія. Въ житіяхъ св. Евѳимія (гл. 84) Кириллъ прямо называетъ себя „невѣдущимъ словъ и оборотовъ" и говорить, что онъ хотѣлъ совсѣмъ „оставить хартіи" и отказаться отъ литературнаго труда, но былъ подвигнутъ къ этому дѣлу особою помощію святыхъ Евѳимія и Саввы.

Въ виду высокаго значенія житій монаха Кирилла, богатства и цѣнности церковно-историческаго ихъ содержанія, ученый Узенеръ склоненъ былъ предполагать, что сохранившіяся житія составляютъ часть обширнаго агіографическаго труда, выполненіе котораго было предпринято Кирилломъ по заранѣе намѣченному плану. Такой же взглядъ на дѣятельность Кирилла высказанъ и въ „Исторіи византійской литературы" Крумбахера. Его реальное обоснованіе можно усматривать въ томъ, что всѣ житія изображаютъ цвѣтущій періодъ монашеской жизни въ Палестинѣ, а—съ другой стороны—по идейному значенію и внутренней взаимной связи, ихъ можно раздѣлить на двѣ части, изъ коихъ первую составляютъ житія свв. Евѳимія, Саввы и Ѳеодосія, а вторую—остальныя. Но, повидимому, преждевременная смерть помѣшала Кириллу исполнить свою задачу. Однако и сохранившееся литературное наслѣдіе Кирилла, отличающееся достовѣрностію разсказовъ, точностію хронологическихъ указаній, исторической предусмотрительностію, правильностью и широтою аскетическихъ понятій и простотою изложенія, даетъ этому писателю почетное мѣсто среди византійскихъ агіографовъ.

Литература. Цѣльнаго изданія житій, написанныхъ Кирилломъ, еще нѣтъ, хотя оно совершенно необходимо. Въ частности, *житіе св. Евѳимія* издалъ *Montfaucon*, Analecta graeca I (Paris 1688), 1—99; русскій переводъ его сдѣланъ † проф. *И. В. Помялевскимъ* въ „Палестинскомъ Патерикѣ", вып. 2 (Изданіе „Имп. Правосл. Палест. Общества"), съ добавленіемъ изъ Метафраста и славянской рукописи Соловецкой библіотеки № 648 (814). *Житіе св. Саввы* опубликовалъ *Cotelerius*, Ecclesiae graecae monumenta III (Paris 1686), 220—376; русскій переводъ—въ „Христіанскомъ Чтеніи" 1823, ч. XII, стр. 95—284 и въ „Палестинскомъ Патерикѣ", вып. 1. (ср. Κλεόπας Κοικυλίδης, Βίος καὶ πολιτεία τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Σάββα, Іерусалимъ 1905 г. и въ журналѣ „Νέα Σιών" за 1904—1905 г.). *Житіе Іоанна Молчальника* издано въ Acta Sanctorum (Болландистовъ), Mai III; русскій переводъ † *И. В. Помяловскаго* въ „Палестинскомъ Патерикѣ", вып. 3. *Житіе Киріака Отшельника* издано въ Acta Sanct., Septembris t. VIII; русскій переводъ † *И. В. Помяловскаго* въ „Пал. Патерикѣ", вып. 7. *Житіе препод. Ѳеодосія* опубликовалъ † Prof. *Hermann Usener*, Der heilige Theodosios: Schriften des Theodoros und Kyrillos, Lpzg 1890; исправленія и дополненія къ этому изданію предложилъ *Karl Krumbacher*, Studien zu den Legenden des hl. Theodosios, München 1892; русскій переводъ † *И. В. Помяловскаго* въ „Палестинскомъ Патерикѣ", вып. 8. *Житіе препод. Ѳеогнія* издали *P. J. van den Gheyn* въ Analecta Bollandiana X (1891 г.) и *А. И. Пападопуло-Керамевсъ* въ „Православномъ Палестинскомъ Сборникѣ", вып. XXXII, Спб. 1891, съ русскимъ переводомъ † *Г. С. Дестуниса*. *Житіе Авраамія Кратійскаго* опубликовалъ архим. *Клеопа Кикилидисъ* въ журналѣ „Νέα Σιών" за 1906 г. (Іерусалимъ) по кодексу № 494 Синайской библіотеки, дополненному древнимъ арабскимъ переводомъ житія, который издалъ д-ръ *G. Graf* въ іезуитскомъ бейрутскомъ журналѣ „L'Orient" (1905, мартъ). *Древне-славянское житіе Саввы Освященнаго* издалъ † *И. В. Помяловскій* (Спб. 1890) съ греческимъ оригиналомъ и введеніемъ.

Пособіями, кромѣ указанныхъ трудовъ *Узенера*, *Крумбахера* и *Gheyn*'а, могутъ также служить: *Fr. Loofs*, Leontius von Byzanz, Lpzg 1887, S. 274—297 (здѣсь рѣчь идетъ о хронологіи Евѳимія и Саввы и объ оригенизмѣ Леонтія), *A. Ehrhard*, Das griechische Kloster Mâr Sabba (въ „Römische Quartalschrift" VII (1893), *K. Krumbacher*, Geschichte der byzantinischen Litteratur, München 1897; іеромонахъ (нынѣ епископъ) *Ѳеодосій* (Олтаржевскій), Палестин-

ское монашество съ IV до VI вѣкъ. Спб. 1896 [2-е изд. Кіевъ 1899]. Κλεόπας Κοικυλίδης, Βιβλιογραφικὸν δελτίον въ „Νέα Σιών“, 1906, ὀκτώβριος, 362—365; *H. Gregoire*, La vie anonyme de s. Gerasime въ „Byzantinische Zeitschrift“ XIII, 1904, S. 114—135: по поводу Βίος τοῦ ἁγίου Γερασίμου въ изданіи *А. И. Пападопуло-Керамевса* Ἀνάλεκτα τῆς ἱεροσολυμιτικοῖς σταχυολογίας, τ. IV, σ. 175—174. Πετρούπολις 1897. [*A. Vacant* et *E. Mangenot*, Dictionnaire de théologie catholique III, Paris 1908, col. 2581—2582].

И. И. Соколовъ.

Св. Кириллъ философъ (до принятія, за 50 дней до смерти, иночества носившій имя *Константина*), первоучитель славянскій, родился въ 827 г. въ главномъ городѣ македонской области византійской имперіи Ѳессаловикѣ (Солуни). Отецъ его, Левъ, занималъ въ родномъ городѣ должность друнгарія (δρουγγάριος), т. е. помощника областного военнаго начальника. Въ многочисленной семьѣ Льва одинъ изъ старшихъ сыновей былъ Меѳодій, а самый младшій Константинъ. Древніе источники не говорятъ опредѣлительно о томъ, кто были по происхожденію отецъ и мать Константина, греки или славяне,—и вопросъ этотъ рѣшается учеными различно. Большинство ученыхъ считаетъ ихъ (—по нашему мнѣнію, совершенно основательно—) греками. Но были голоса и за славянское происхожденіе родителей Константина какъ въ древнее время („Успеніе св. Кирилла философа“), такъ и въ новое (*М. П. Погодинъ* — въ Кирилло-Меѳодіевскомъ Сборникѣ, М. 1865, 96—105). Аѳонское преданіе, записанное Арсеніемъ Сухановымъ въ XVII в., называетъ славянскихъ первоучителей славянами по отцу и греками по матери (тамъ же, 269, подстрочное примѣчаніе *Григоровича*). По мнѣнію проф. *А. С. Будиловича*, они не были ни греками, ни славянами въ тѣсномъ смыслѣ, а грекославянами въ отношеніи какъ физическомъ, такъ и духовномъ („Нѣсколько мыслей о греко-славянскомъ характерѣ дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія“, Варшава 1885 г., 1—5). Акад. *А. И. Соболевскій* отвергаетъ мысль о существованіи въ VIII—IX в. особаго греко-славянскаго типа и говоритъ, что „въ святыхъ братьяхъ мы должны признать представителей того космополитическаго христіанства, для котораго нѣтъ варваровъ и іудеевъ и которое во всѣхъ людяхъ видитъ служителей Христа“ („Кирилло-Меѳодіевскіе вопросы“—въ „Кіев. универ. Извѣст.“ 1885 г., сент., 298). По характеру братья Константинъ и Меѳодій довольно отличались одинъ отъ другого. Старшій, Меѳодій, довольно долгое время былъ начальникомъ славянской области („княженія“). Природа же Константина была по преимуществу созерцательная: онъ не чувствовалъ охоты къ свѣтской жизни. „Константинъ, человѣкъ исключительный по своей натурѣ, - говоритъ акад. *Е. Е. Голубинскій*,—съ самаго дѣтства давалъ ожидать въ себѣ не чиновника и не человѣка отъ міра сего, а чтителя христіанской мудрости созерцательной и дѣятельной“ (Ист. рус. ц., I: 2, изд. 2-ое, М. 1904 г., 335). Когда онъ достигъ семилѣтняго возраста и сталъ уже учиться грамотѣ, то—по сказанію его житія т. н. паннонскаго (гл. 3)—видѣлъ, какъ разсказывалъ самъ отцу съ матерью, замѣчательный сонъ, будто бы стратегъ (главный областной начальникъ), собравъ предъ нимъ дѣвицъ со всего города, сказалъ ему: выбирай себѣ подругу, и онъ, посмотрѣвъ, выбралъ одну, блиставшую красотой и дорогими одеждами; ее звали Софія, мудрость. Надѣленный отъ природы исключительно блестящими талантами, Константинъ весьма рано началъ проявлять ихъ; на школьной скамьѣ первоначальнаго училища грамотности онъ превосходилъ всѣхъ своихъ товарищей успѣхами, памятью, остротою мысли, такъ что всѣ удивлялись ему. Въ одно время отрокъ вышелъ было съ своимъ ястребомъ на охоту, но вѣтеръ занесъ его птицу, и огорченный Константинъ оставилъ навсегда эту забаву, привязавшись еще усерднѣе къ ученію. Его особенно плѣняло изученіе твореній св. Григорія Богослова, и онъ еще въ юности написалъ у себя на стѣнѣ, подъ знаменіемъ креста, похвалу св. Григорію въ слѣдующихъ словахъ: „о Григоріе, тѣломъ человѣче, а душею Ангеле! ты бо тѣломъ человѣкъ еси, и Ангелъ явися. Уста бо твоя, яко единъ отъ Серафимъ, Бога прославляютъ и всю вселенную просвѣщаютъ правыя вѣры наказаніемъ. Тѣмъ же и мене, припадающа къ тебѣ любовію и вѣрою, пріими и буди ми просвѣтитель и учитель“ (Жит. гл. 3). Уносясь за Григоріемъ Богословомъ въ его богословскія созерцанія, юный Константинъ не всегда могъ постигать глубину ихъ и впа-

далъ въ великое уныніе. Просилъ онъ и умолялъ случившагося въ Солуни странствующаго ученаго книжника подѣлиться съ нимъ своимъ знаніемъ, предлагая ему за это всю долю своего наслѣдства послѣ отца († 841 г.), но ученый грамотѣй не могъ или не хотѣлъ исполнить просьбу юноши. Опечаленный,—весь онъ предается молитвѣ, чтобы Богъ помогъ исполниться желанію его сердца, и молитва его скоро была услышана.

Въ 842 г. скончался императоръ Ѳеофилъ, оставивъ престолъ 3-лѣтнему сыну Михаилу III подъ опекою матери Ѳеодоры и сановниковъ: логоѳета Ѳеоктиста и кесаря Варды, брата императрицы. Ѳеоктистъ, видимо, хорошо зналъ семью Константина, а можетъ быть состоялъ съ нею и въ родствѣ. Зная о страстномъ желаніи Константина учиться, Ѳеоктистъ вызвалъ его ко двору, чтобы дать ему возможность продолжить образованіе, а впослѣдствіи воспользоваться имъ въ дѣлѣ воспитанія царя. Въ константинопольской высшей придворной школѣ, незадолго предъ тѣмъ основанной Вардою, Константинъ изучилъ въ первые три мѣсяца грамматику, а потомъ принялся за другіе предметы, изучалъ ариѳметику, геометрію, астрономію, музыку, Гомера, т. е. вообще древнюю поэзію, діалектику и философію, которая тогда раздѣлялась на внѣшнюю, обнимавшую вообще мірскія науки и особенно эллинскую философію, и внутреннюю, т. е. христіанское богословіе. Въ числѣ своихъ учителей онъ имѣлъ знаменитаго ученаго Льва, бывшаго ранѣе митрополитомъ солунскимъ, и еще болѣе знаменитаго Фотія, впослѣдствіи патріарха константинопольскаго. Даровитый и прилежный ученикъ дѣлалъ быстрые успѣхи во всѣхъ наукахъ, и въ частности въ грамматикѣ и философіи, превосходя всѣхъ своихъ сверстниковъ: еще во время ученія усвоено ему было названіе „философа". Вмѣстѣ съ успѣхами въ философіи Константинъ пріобрѣлъ и искреннюю дружбу ея знаменитаго профессора, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ ватиканскій библіотекарь Анастасій, выражаясь, что „Константинъ философъ, великой святости мужъ, былъ fortissimus amicus Фотія". (Предисловіе къ описанію константинопольскаго собора 869 г.). Сильно полюбилъ его и логоѳетъ Ѳеоктистъ, у котораго въ домѣ онъ и жилъ во время ученія. Не имѣя собственныхъ дѣтей и желая какъ бы усыновить Константина, онъ задумалъ женить его на своей крестницѣ и создать ему блестящую карьеру. Но Константинъ рѣшительно отказался отъ предложенія Ѳеоктиста, разсчитывая, по окончаніи ученія, поселиться гдѣ-нибудь въ уединеніи, чтобы вести образъ жизни, свойственный своимъ наклонностямъ, и предаться своимъ любимымъ занятіямъ съ полной свободой. Чтобы удержать его въ столицѣ, поставили его въ священники (холостого) и назначили патріаршимъ хартофилаксомъ и библіотекаремъ въ Св. Софіи. Однако, не долго пробылъ онъ на своей должности, тайно оставилъ столицу и укрылся въ одномъ изъ монастырей на прибрежьѣ Мраморнаго моря. Нашли его едва чрезъ шесть мѣсяцевъ, и такъ какъ онъ, не смотря на всѣ настоянія, не хотѣлъ принимать прежней должности, то (по выраженію его житія) „умолили" его принять должность учителя въ той же высшей придворной школѣ и учить философіи внѣшней и внутренней, т. е. эллинской и христіанской,—чрезъ что еще болѣе упрочилось за нимъ названіе „философа".

Въ бытность Константина профессоромъ философіи, на него возлагаемы были правительствомъ два порученія, требовавшія особой діалектической способности. Это—два богословскіе диспута, одинъ—домашній, другой—международный. Первый диспутъ—съ представителемъ иконоборства, низложеннымъ константинопольскимъ патріархомъ Іоанномъ или Янніемъ. Гордый своею ученостью и своимъ прошлымъ, низложенный патріархъ, въ поддержаніе своей чести, разглашалъ, что онъ побѣжденъ только насиліемъ, а не силою доказательствъ, и что „препрѣть" его никто не можетъ. Такими рѣчами нѣкогда сильный патріархъ производилъ соблазнъ, тѣмъ болѣе опасный, что, не смотря на послѣдовавшее возстановленіе иконопочитанія, противниковъ его было не мало. Чтобы пресѣчь соблазнъ, Константинъ призванъ былъ держать преніе съ иконоборствующимъ бывшимъ патріархомъ въ особомъ назначенномъ для сего собраніи. Упорный патріархъ и молодой философъ состязались, и первый долженъ былъ замолчать. Второй диспутъ Константина—съ магометанами относится, по житію, къ 851 г. (когда исполнилось Константину 24 года). Въ этомъ году прибыло въ Константинополь посольство отъ сарацинъ съ вызовомъ

Святые первоучители славянскіе Кириллъ и Меѳодій.
Православное авторизованное изображеніе, изданія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.

для пренія о божественности Св. Троицы и съ приглашеніемъ для этого человѣка, который могъ бы состязаться съ ними о семъ догматѣ, не допускаемомъ магометанскою вѣрою. Выборъ палъ опять на Константина съ присоединеніемъ къ нему въ помощь просвѣщенныхъ мужей асикрита (секретаря) и Георгія Полаши. Вмѣстѣ съ своими спутниками Константинъ предпринялъ далекое и опасное путешествіе въ тогдашнюю столицу

арабской имперіи Багдадъ къ калифу Джафаръ Мутаваккилю (847—861 г.). Житіе довольно подробно излагаетъ пренія Константина съ учеными представителями магометанства (ученою „чадью“ и книжною, учившеюся и геометріи, и астрономіи, и прочимъ наукамъ) о предметахъ, касающихся различія въ вѣрѣ и обычаяхъ. Константинъ вышелъ и здѣсь побѣдителемъ, избавился и отъ смертной опасности, когда сарацины, въ чувствѣ досады за неудавшійся споръ, хотѣли было погубить его отравою, и здравымъ возвратился въ свою страну.

По возвращеніи изъ сарацинской миссіи, Константинъ нѣкоторое время продолжалъ преподавать философію, а потомъ, такъ какъ жизнь при дворѣ и близъ двора была не по его настроенію, снова оставилъ столицу, и прожилъ нѣкоторое время гдѣ-то въ уединенномъ мѣстѣ, при чемъ, по житію, показалъ себя въ своемъ поведеніи не только философомъ, но и великимъ нищелюбцемъ и подвижникомъ, а потомъ отправился къ своему брату Меѳодію въ его олимпійскій монастырь (около 852 г.). Гдѣ находился этотъ монастырь? Извѣстны два Олимпа— ѳессалійскій и малоазійскій. Прежде думали, что Олимпъ паннонскихъ житій — Олимпъ ѳессалійскій. Это мнѣніе защищаетъ акад. *А. И. Соболевскій* (Кирилло-Меѳодіевскіе вопросы, 298—299). Но другіе ученые высказались за Олимпъ малоазійскій, находившійся на берегу Мраморнаго моря, въ Виѳиніи (акад. *Е. Е. Голубинскій*, Ист. рус. ц. I:2, изд. 2-е, 335; *А. С. Будиловичъ*, Нѣск. мыслей о греко-слав. хар. дѣят. свв. К. и М., 14—15; проф. *И. И. Малышевскій*, Свв. Кириллъ и Меѳодій, первоучители славянскіе, Кіевъ 1886 — приложеніе въ концѣ книги: „Олимпъ, на которомъ жили свв. Константинъ и Меѳодій“, 441—479). Было пущено въ ходъ также мнѣніе (неосновательное), будто подъ Олимпомъ житій паннонскихъ слѣдуетъ разумѣть не Олимпъ, а Аѳонъ. Мнѣніе это высказано впервые *Пигулевскимъ* въ его сочиненіи: „Дѣятельность свв. Константина (Кирилла) и Меѳодія среди ѳракійскихъ, македонскихъ и булгарскихъ славянъ, Кіевъ 1862“, повторено въ томъ же году о. *Лебединцевымъ* въ „Кіевскихъ Еп. Вѣдомостяхъ“ № 16, и усвоено *В. А. Бильбасовымъ* въ его изданіи: „Кириллъ и Меѳодій“, ч. 2, Спб. 1871, 161.—Въ Олимпѣ прожили братья нѣсколько лѣтъ въ подвигахъ молитвы и въ книжныхъ занятіяхъ, пока не вызваны были въ Константинополь для отправленія въ миссію хозарскую.

Миссіонерская дѣятельность Константина въ первую доморавскую пору его жизни — можетъ быть потому, что сосредоточивалась въ мѣстностяхъ отдаленныхъ отъ цивилизованнаго міра, бѣдна источниками для своей исторіи, мало разработана и представляетъ много спорныхъ вопросовъ. Достаточно сказать, что раздавались сомнѣнія даже въ дѣйствительности путешествій Константина на Востокъ (а также и диспута Константина съ патріархомъ Іоанномъ). Высказавъ мысль, что „книги“ Константина, содержавшія подробное изложеніе его бесѣдъ или преній, переведенныя братомъ его Меѳодіемъ съ греческаго на славянскій языкъ и раздѣленныя на 8 словъ (о чемъ— въ 10 гл. житія К.), были не отчетъ или донесеніе о хозарской миссіи, а нарочитое полемическое сочиненіе Константина противъ иконоборства, іудейства и магометанства, составленное имъ, какъ опытнымъ полемистомъ, въ защиту вѣры и въ интересахъ константинопольской церкви, покойный проф. *А. Д. Вороновъ* поставилъ вопросъ: „насколько исторической правды въ этихъ преніяхъ, даже болѣе: насколько достовѣренъ споръ св. Константина съ патріархомъ Янніемъ и насколько достовѣрны различныя его миссіи? Не потому ли и возникли извѣстія о нѣкоторыхъ изъ этихъ дальнихъ миссій, что были извѣстны пренія св. Константина, т. е. не сочиненіе ли его дало поводъ къ легендѣ объ этихъ миссіонерскихъ преніяхъ?“ (Кириллъ и Меѳодій; Главнѣйшіе источники для исторіи свв. Кирилла и Меѳодія, Кіевъ 1877, 60—61, примѣч. 3-е). Сомнѣнія проф. Воронова, правда, не раздѣляются большинствомъ ученыхъ, но во всякомъ случаѣ они доказываютъ настоятельную необходимость спеціальныхъ изслѣдованій по вопросу о миссіонерской дѣятельности Константина на Востокѣ. Новыя и любопытныя данныя по вопросамъ о сарацинской и хозарской миссіяхъ Константина находимъ въ недавно обнародованномъ изслѣдованіи акад. *В. И. Ламанскаго:* Славянское житіе св. Кирилла, какъ религіозно-эпическое произве-

деніе и какъ историческій источникъ: критическія замѣтки (Памяти Добровскаго)—въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1903 г.,апрѣль, май, іюнь, декабрь; 1904 г., январь, апрѣль, май и слѣд. По изслѣдованіямъ почтеннаго ученаго, византійское посольство къ сарацинамъ дѣйствительно состоялось, но не въ 851 г., едва ли было въ Багдадѣ, и во всякомъ случаѣ не для объясненія халифу догмата о Св. Троицѣ. Были въ этомъ посольствѣ и асикритъ Фотій, впослѣдствіи знаменитый патріархъ, и Георгій, и Константинъ философъ. Арабскіе историки *Табари* (839 — 923 г.) и *Масуди* († 956—958 г.) сообщаютъ любопытныя свѣдѣнія о взаимныхъ отношеніяхъ арабовъ и Византіи въ правленіе Мутаваккиля съ 851 по 861 г. Кромѣ извѣстій военныхъ попадаются свѣдѣнія о перемиріяхъ и посольствахъ по случаю обмѣна плѣнныхъ. Табари и Масуди сохранили извѣстія о перемиріи и обмѣнѣ плѣнныхъ въ 845 г. Передъ тѣмъ обмѣна плѣнныхъ не было съ 809—811 г., а слѣдующее за перемиріемъ 845 г. происходило, по свидѣтельству арабскихъ историковъ, въ концѣ 855—въ началѣ 856 г. Такъ называемая сарацинская миссія Константина была ни что иное, какъ посольство византійское, отправленное къ сарацинамъ для заключенія перемирія и для обмѣна плѣнныхъ. Въ 851—853 г. не могло быть посольства изъ Византіи къ арабамъ и предметомъ посольства не могло быть преніе о Св. Троицѣ, потому что тогда происходили военныя дѣйствія между Византіей и арабами. Въ 855—856 г. дѣйствительно состоялось отправленіе посольства, при чемъ Константинъ философъ былъ взятъ въ эту поѣздку къ арабамъ какъ знатокъ языка славянъ, игравшихъ немаловажную роль въ военныхъ дѣйствіяхъ арабовъ съ византійцами. И византійскіе и арабскіе писатели говорятъ о поселеніяхъ славянъ въ Малой Азіи, начиная съ VII в. Славяне состояли въ военной службѣ у арабовъ. По догадкѣ акад. Ламанскаго, Константинъ философъ уговоренъ былъ ѣхать съ посольствомъ въ 855 г. не потому лишь, что онъ былъ близокъ къ одному изъ главныхъ участниковъ его, асикриту Фотію, и къ вліятельному при дворѣ логоѳету Ѳеоктисту. Правительство византійское желало попытать счастья, не удастся ли состоявшихъ на службѣ у арабовъ славянъ и такъ или иначе помусульманенныхъ обратить въ христіанство. Что касается приводимыхъ въ житіи Константина бесѣдъ его съ сарацинами, то рѣчи эти — по Ламанскому — внесены были въ первоначальный текстъ житія гораздо позже его написанія, въ XII—XIII в., изъ разныхъ обличительныхъ статей противъ мусульманства, весьма распространенныхъ въ старой славянской письменности („Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1903 г., апрѣль, 352—359) [1]).

Хозарская миссія отмѣчена въ итальянской легендѣ и въ т. н. паннонскомъ житіи Константина. Но первая касается хозарской миссіи только слегка, такъ какъ прямое содержаніе ея составляетъ исторія открытія и перенесенія въ Римъ мощей св. Климента, папы римскаго. Въ паннонскомъ же житіи Константина исторія хазарской миссіи излагается подробно и обстоятельно. Сказаніе о посольствѣ къ хозарамъ начинается здѣсь съ повѣствованія о томъ, какъ въ Константинополь пришли послы отъ хозарскаго кагана и объявили императору, что хотя народъ ихъ и вѣдаетъ единаго вышняго Бога и покланяется Ему, но держится нѣкоторыхъ постыдныхъ обычаевъ, при чемъ, съ одной стороны, евреи убѣждаютъ ихъ принять ихъ вѣру и правила, а, съ другой стороны, сарацины, обѣщая имѣть съ ними миръ и даже обѣщая имъ подарки, неотступно твердятъ, что ихъ вѣра лучше всѣхъ,—и что вслѣдствіе этого каганъ, держась существовавшей доселѣ между греками и хозарами дружбы и уважая истекающую отъ Бога власть греческаго императора, испрашиваетъ у него въ этомъ дѣлѣ совѣта и проситъ прислать къ нему какого либо книжнаго человѣка, для пренія съ евреями и сарацинами, обѣщая, въ случаѣ пораженія ихъ, принять вѣру греческую... Хозары, народъ собственно туранскаго племени, представляли изъ себя къ VIII—IX в. смѣсь племенъ тюркскихъ, финнскихъ и славяно-русскихъ. Не удовлетворяясь болѣе

[1]) [Соображенія противъ В. И. Ламанскаго см. у проф. *Е. Е. Голубинскаго*: По поводу перестроя В. И. Ламанскимъ исторіи дѣятельности Константина философа, первоучителя Славянскаго, въ „Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности“, XII (1907), 2, стр. 368—380].

язычествомъ, хозары въ VIII в. приняли государственною религіей іудейство, можетъ быть по политическимъ разсчетамъ — какъ нейтральную между христіанствомъ и мусульманствомъ. Но къ іудейской религіи принадлежали только каганъ и его приближенные. Прочіе были или мусульмане, или язычники. Іудейство не получило въ Хозаріи значенія единой вѣры, духовно объединяющей и скрѣпляющей политическій союзъ разноплеменныхъ народовъ, не пріобрѣло прочнаго положенія въ хозарскомъ государствѣ, и отсюда обыкновенно объясняютъ тотъ религіозный кризисъ, который былъ причиною появленія хозарскихъ пословъ въ Византіи. Просьба хозаръ о присылкѣ учителя шла, какъ видно, отъ хозаръ-язычниковъ, вызванная тѣмъ, что евреи и мусульмане, хваля, тѣ свою вѣру, а эти — свою, старались привлечь ихъ каждый въ свою вѣру, чѣмъ поставляли ихъ въ затруднительное положеніе по вопросу о религіи. Но жили въ Хозаріи и христіане, которые также могли подать мысль о посольствѣ въ Константинополь. Императоръ Михаилъ III вызвалъ Константина изъ Олимпа, передалъ ему рѣчь хозарскую и предложилъ идти къ хозарамъ для объясненія имъ существа христіанской вѣры и для защиты догмата о Св. Троицѣ. Константинъ выразилъ полную готовность на такой апостольскій подвигъ, хотя бы даже пришлось умереть за вѣру Христову. Съ Константиномъ пожелалъ идти и братъ его Меѳодій. Снабженные отъ царя всѣмъ необходимымъ для пути, братья отправились Чернымъ моремъ и прибыли въ Херсонъ. Тутъ они остановились на нѣкоторое время, желая,—по выраженію итальянской легенды (гл. 2), — обучиться языку хозарскому. Здѣсь, — по сказанію паннонскаго житія, — научился Константинъ еврейскому языку и еврейскимъ книгамъ, а также самарянскому языку и самарянскимъ книгамъ, при чемъ обратилъ въ христіанство и крестилъ двухъ самарянъ: отца, приносившаго ему самарянскія книги, и его сына. Здѣсь же—по сказанію того же житія (гл. 8)—„нашелъ онъ евангеліе и псалтирь, писанныя русскими письменами, нашелъ и человѣка, говорящаго русскою рѣчью, бесѣдовалъ съ нимъ, воспринялъ отъ него силу русской рѣчи и примѣняя къ своей рѣчи письмена русской, гласныя и согласныя, трудясь надъ этимъ съ молитвою къ Богу въ сердцѣ своемъ, скоро сталъ читать и объяснять русское евангеліе, такъ что многіе удивлялись этому и хвалили Бога“. Это загадочное мѣсто житія служило и служитъ предметомъ многихъ споровъ въ наукѣ (см. ниже). Пребываніе въ Херсонѣ ознаменовано было также еще однимъ важнымъ въ исторіи церкви событіемъ. По сказанію паннонскаго житія и итальянской легенды, Константинъ, услыхавъ, что мощи св. Климента, папы римскаго (сосланнаго въ Херсонъ и утопленнаго здѣсь по приказанію Траяна), все еще находятся въ морѣ,—съ помощью херсонскаго архіепископа Георгія и клира предпринялъ трудъ отыскать мощи, сѣлъ на корабль и дѣйствительно нашелъ ихъ. Упоминая о семъ событіи, паннонскій жизнеописатель ссылается на сказаніе объ обрѣтеніи мощей св. Климента, говоря: „якоже пишетъ (т. е. — должно думать Константинъ), въ обрѣтеніи его“ (о семъ словѣ скажемъ ниже, въ обзорѣ литературной дѣятельности св. Кирилла). Вскорѣ послѣ обрѣтенія мощей, когда братья собирались уже въ дальнѣйшій путь, хозарскій воевода осадилъ христіанскій городъ, сосѣдній ли съ Херсономъ, или можетъ быть самый Херсонъ. Узнавъ объ этомъ Константинъ отправился къ этому воеводѣ и успѣлъ расположить его къ христіанству и освободить городъ. На пути братья подверглись нападенію со стороны кочевавшихъ здѣсь племенъ Угровъ, которые, впрочемъ, не причинили имъ никакого вреда. Достигнувъ Азовскаго моря, сѣли они на корабль и отправились въ Хозарію къ Каспійскимъ воротамъ кавказскихъ горъ (Каспійскія ворота — portae Caspiae древнихъ—полагаютъ между Кизляромъ и Дербентомъ). Прибывъ ко двору кагана, какъ надобно думать, въ г. Итилѣ (нынѣшней Астрахани), братья были приняты тамъ съ подобающею честію. Вскорѣ по прибытіи начались пренія о вѣрѣ. Константину пришлось состязаться и съ хозарами, и съ іудеями, и съ сарацинами. Пренія продолжались нѣсколько дней, въ присутствіи кагана. Прежде всего былъ споръ съ „мужемъ хитрымъ и лукавымъ“ изъ хозаръ—по выраженію паннонскаго житія (гл. 9),—Константинъ объяснилъ хозарамъ догматъ о Богѣ единомъ по существу, но троичномъ въ лицахъ. Коснувшись затѣмъ іудейской религіи

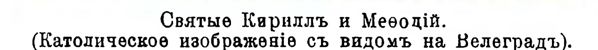
и ея отношенія къ христіанству, указалъ превосходство Новаго Завѣта предъ Ветхимъ. Пререкаясь съ евреями, Константинъ въ одномъ мѣстѣ указалъ на слова Акилы, котораго переводъ Ветхаго Завѣта съ еврейскаго на греческій языкъ былъ въ особенномъ уваженіи у евреевъ (паннонскаго житія глава 9 въ концѣ). Побѣдоносно отразивъ нападенія іудейскихъ ученыхъ, Константинъ также побѣдоносно отразилъ возраженія мусульманъ, которымъ онъ въ истинномъ свѣтѣ изобразилъ пророческую роль Магомета. Каковы были послѣдствія этихъ религіозныхъ преній? По итальянской легендѣ, весь хозарскій народъ былъ обращенъ въ христіанство (гл. 6). По свидѣтельству же паннонскаго житія (гл. 11), дано позволеніе всѣмъ, кто хочетъ, креститься, и крестилось до 200 человѣкъ, а обращающимся изъ грековъ въ вѣру хозарскую, или іудейскую, или магометанскую объявлена смертная казнь. Каганъ написалъ императору греческому грамоту, въ которой весьма благодарилъ за Константина и извѣщалъ, что дозволилъ всѣмъ желающимъ изъ своего народа креститься, присовокупивъ обѣщаніе, что современемъ, быть можетъ, и самъ крестится. Провожая Константина, каганъ предлагалъ ему богатые дары, но вмѣсто нихъ философъ выпросилъ свободу плѣннымъ греческимъ христіанамъ, которыхъ найдено и отпущено до 20-ти. Религіозныя пренія Константина въ Хозаріи занимаютъ почти 1/3 пространнаго или т. н. паннонскаго его житія (въ лучшемъ изданіи житія—Fontes rerum bohemicarum, T. I: Vitae Sanctorum, Praha 1871, подъ редакціею *Фр. Палацкаго* съ чешскимъ переводомъ *Первольфа*,—изъ 38 страницъ всего житія на долю хозарскихъ преній приходятся страницы 13—24), но на самомъ дѣлѣ они были еще обширнѣе и пространнѣе. Авторъ паннонскаго житія послѣ изложенія преній съ іудеями замѣчаетъ, что онъ передалъ лишь немногое изъ этихъ преній, которыя пространно изложены въ книгахъ Константина и переведены (съ греческаго) на славянскій языкъ, съ раздѣленіемъ ихъ на восемь частей или словъ. До насъ однако не дошло ни греческаго подлинника, ни славянскаго перевода книгъ преній. Различныя толкованія и предположенія по поводу вышеозначенной замѣтки о книгахъ Константина изложены въ книгѣ покойнаго проф. *И. И. Малышевскаго*: „Святые Кириллъ и Меѳодій первоучители славянскіе, Кіевъ 1886“, стр. 60—63.

На возвратномъ пути изъ Хозаріи Константинъ, для утоленія нестерпимой жажды, молитвою преложилъ соленую воду въ сладкую. Въ Херсонѣ предрекъ близкую кончину тамошняго архіепископа. Въ окрестностяхъ г. Филлы (Φύλλα, „во Фульстѣ языцѣ“) пресѣкъ суевѣрное уваженіе къ одному великому дубу, срубивъ самое дерево (паннонскаго житія гл. 12). Возвратившись въ Константинополь, Константинъ жилъ здѣсь при церкви свв. Апостоловъ (служившей усыпальницей для императоровъ) до времени вызова его въ новую миссію, моравскую. Въ это время, по сказанію житія (гл. 13), Константинъ объяснилъ на одномъ потирѣ или чашѣ „Соломоня дѣла“ въ церкви св. Софіи надпись, которой до него никто не могъ понять. Разсказъ объ этомъ, не связанный ни съ предшествующимъ, ни съ послѣдующимъ содержаніемъ житія, обыкновенно пропускается въ біографіяхъ свв. Кирилла и Меѳодія. Въ Четьи-Минеи св. Димитрія Ростовскаго онъ совсѣмъ не упоминается. Въ самой подробной біографіи славянскихъ первоучителей—въ вышеназванномъ трудѣ проф. *И. И. Малышевскаго*—имѣется только краткое упоминаніе на страницѣ 122-й въ примѣчаніи. Не лишне замѣтить, что въ древнерусскихъ сборникахъ разсказъ о чашѣ встрѣчается и отдѣльно отъ житія св. Кирилла, въ формѣ самостоятельнаго сказанія. Въ отдѣльныхъ мѣстахъ апокрифа содержится и толкованіе пророческихъ соломоновыхъ стиховъ. Толкованіе одно и тоже. Въ литературѣ извѣстны три списка, изданные акад. *И. И. Срезневскимъ* (Свѣдѣнія и замѣтки о малоизв. и неизв. памятникахъ, № XL), проф. *И. Я. Порфирьевымъ* (Апокрифическія сказанія о ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ въ „Сборникѣ Отд. рус. яз. и слов. Импер. Ак. Наукъ“, т. XVII, № 1), и *Петровымъ* (Апокрифическое пророчество царя Соломона о Христѣ, по списку XIII в.—въ „Памятникахъ древней письменности“, Спб. 1894, № *CIV*).

Хозарская миссія славянскихъ первоучителей вызываетъ — въ цѣломъ и въ частяхъ — не мало вопросовъ и недоумѣній.

Одни считаютъ все сказаніе объ этой миссіи легендой. Такъ, по *Шлецеру*, „Кириллъ не былъ въ Хозаріи. Въ его время хозары считались извѣстнѣйшимъ и важнѣйшимъ народомъ тамошнія страны. Византійскіе историки знаютъ ихъ очень коротко, самый даже дворъ имѣлъ съ ними частыя сношенія: но нигдѣ не видно ни малѣйшаго слѣда, чтобы сіи грубые азійцы приняли христіанскую вѣру; они оставались тѣмъ, чѣмъ были, до самаго ихъ истребленія. Здѣсь доказательство молчанія сильно“ (*Несторъ*, Русскія лѣтописи на древне-славянскомъ языкѣ, II; перевелъ съ нѣмецкаго Д. Языковъ, Спб. 1816, 556). Другіе выбираютъ только то, что подходитъ къ ихъ теоріямъ (напр., *Д. И. Иловайскій* въ „Розысканіяхъ о началѣ Руси“, М. 1876, 132—155; акад. *Вл. И. Ламанскій* въ вышеупомянутыхъ критическихъ статьяхъ его: „Славянское житіе св. Кирилла, какъ религіозно-эпическое произведеніе и какъ историческій источникъ“. О взглядѣ Ламанскаго скажемъ ниже). Третьи ученые—и ихъ большинство—признаютъ дѣйствительность главныхъ фактовъ, передаваемыхъ житіемъ Кирилла и итальянскою легендой о хозарской миссіи. Сторонникомъ этого „прямого“ взгляда на дѣло заявилъ себя пок. проф. *И. И. Малышевскій* въ статьѣ: „Евреи въ южной Руси и Кіевѣ въ X—XII вѣкахъ“ („Труды Кіев. Дух. Акад.“, 1878 г., т. II, 595) и потомъ въ самой біографіи первоучителей славянскихъ (Кіевъ 1886). Къ числу самыхъ спорныхъ вопросовъ въ біографіи св. Кирилла принадлежитъ, безъ сомнѣнія, сказаніе его т. н. паннонскаго житія о найденныхъ въ Херсонѣ „русскомъ“ евангеліи и „русской“ псалтыри. Это—по выраженію акад. *И. В. Ягича*—истинный „crux interpretum“ („Archiv für slavische Philologie“ IV, 1880, 314). „Вотъ мѣсто—восклицаетъ *Платоновъ*,—составлявшее и составляющее истинную пытку, „для изыскателя славянской древности и письменности!“ (Жизнь и подвиги первоучителей славянскихъ Кирилла и Меѳодія въ „Дух. Вѣстникѣ“ 1862 г., т. II, Харьковъ, 328). Даемъ краткій перечень мнѣній по этому вопросу. Открывшій паннонскія житія прот. *А. В. Горскій* подозрѣвалъ здѣсь вставку или дополненіе русское („Москвитянинъ“ 1843 г., ч. III, № 6, 409, тоже и въ „Кирилло-Меѳод. Сборникѣ“, стр. 9). Проф. *О. М. Бодянскій* также склонялся „считать извѣстіе о русскихъ письменахъ скорѣе позднѣйшей вставкой въ житіе Кирилла, чѣмъ существенной частью онаго“ (О времени происх. слав. письм., 101). По *Ягичу*, интерполяція эта могла быть очень древнею, и вѣроятно уже въ XI или XII в. внесена была въ текстъ житія („Archiv für slav. Philol.“ 1876, B. I, 143—144, примѣч. 7-е). *Шафарикъ* въ предисловіи къ изданію житія св. Константина, допуская позднѣйшія поновленія и вставки въ житіи, не относитъ, однако, къ такимъ вставкамъ извѣстіе о русскомъ евангеліи и псалтыри, потому что—говоритъ онъ—здѣсь слово „русскій“ указываетъ не на славяно-руссовъ, а на варяго-руссовъ въ Тавридѣ, преемниковъ готскаго богослуженія. Здѣсь русскія письмена — готскія“ (Památky drevniho pisemnictví Jihoslovanův. U Praze 1851 IV и 2-е изд. 1873 г.). Мнѣніе Шафарика, какъ увидимъ, особенно прочно укоренилось въ наукѣ. Но и противъ него высказались нѣкоторые ученые, видѣвшіе въ „русскихъ“ письменахъ не готскія, а славяно-русскія, какъ акад. *И. И. Срезневскій* („Извѣстія Импер. Акад. Наукъ по Отд. русс. яз. и слов.“ 1853 г., I, 296 и „Труды I-го археолог. съѣзда“, т. I, стр. CXV), *Гильфердингъ* (Собр. соч. I, Спб. 1868, 309), *Будиловичъ* (Нѣск. мыслей о греко-слав. хар. дѣят. свв. Кир. и Меѳ., 27—29), или болгаро-славянскія, какъ *Иловайскій* (Розыск. о началѣ Руси, 138—141). Акад. *А. И. Соболевскій* въ разборѣ вышеприведенной статьи Будиловича приходитъ къ тому заключенію, что въ „русскихъ письменахъ“, найденныхъ Кирилломъ въ Херсонѣ, нельзя видѣть ни азбуки славянской, ни алфавита Ульфилы, т. е. готскаго („Кіев. Унив. Изв.“ 1885 г., сент., 300—301). *Григоровичъ* полагалъ, что св. Кириллъ нашелъ въ Херсонѣ глаголицу (Статьи, касающіяся древняго славянскаго языка, Казань 1852, 67—69). Такъ и по словамъ епископа *Порфирія*, Константинъ досталъ въ Херсонѣ евангеліе и псалтирь, написанныя росскими буквами, т. е. глаголитскими (Отрывокъ изъ путешествія еп. Порфирія Успенскаго въ Аѳонскіе монастыри и скиты въ 1856 году. О св. Кириллѣ

просвѣтителѣ славянъ моравскихъ и въ „Труд. Кіев. Дух. Акад." 1877 г., октябрь, 95). *Гедеоновъ* предполагалъ, что Кириллъ нашелъ въ Херсонѣ переводъ евангелія и псалтыри, писанный славянскими рунами (Варяги и Русь II, Спб. 1876, стр. CXI, примѣч. 292). Къ этому мнѣнію склоняется проф. *А. С. Архангельскій* (Свв. Кириллъ и Меѳодій и совершенный ими переводъ Св. Писанія, Казань 1885, 8—9 и приложеніе, 26). Большинство же ученыхъ приняли и защищаютъ мнѣніе Шафарика, что найденныя въ Херсонѣ „русскія" письмена суть готскія, именно: *Миклошичъ*, *Рачки* (Fontes rerum bohemicarum I, 1, стр. 12, примѣч. 1), *Леже* (Cyrille et Méthode, Paris 1868, 67—68), *Платоновъ* (Жизнь и подвиги первоуч. слав. въ „Дух. Вѣстникѣ" 1862, II, 330), *К. И. Невоструевъ* (Кир.-Меѳ. Сборникъ, 224), *Е. Е. Голубинскій* (Ист. рус. церкви, I: 1, 2 изд., М. 1901, 49 и I: 2, 2 изд., М. 1904, 336, примѣч. 3), *И. И. Малышевскій* (Свв. Кириллъ и Меѳодій, 46—51), *В. Г. Васильевскій* („Журн. Мин. Нар. Просв." 1903, апр.,—въ статьѣ Ламанскаго, стр. 376—379), *Pastrnek*, Dějiny slovanskych apostolu Cyrilla a Methoda, Praha 1902, 52—53, — у Ламанскаго въ „Журн. Мин. Нар. Просв." 1903, апрѣль, 363). Акад. *Ламанскій*, подвергнувъ критическому разбору мнѣніе Голубинскаго и Васильевскаго, пришелъ къ слѣдующему заключенію: нѣтъ достаточныхъ данныхъ къ тому, чтобы отожествлять готовъ съ руссами. „Готы и скандинавы IX вѣка не только въ этнографическомъ отношеніи, но и въ отношеніи языка, при всей своей единоплеменности, должны были быть настолько далеки другъ отъ друга, что не только двадцати, тридцати, но можетъ и ста лѣтъ было бы мало, чтобы слиться имъ въ одинъ народъ". „Русское и готское никогда синонимами не были. Слѣдовательно, слова житія Кириллова объ евангеліи и псалтыри, писанныхъ русскими письменами, никоимъ образомъ не могутъ быть объясняемы — готскими письменами". Просьба изъ Хозаріи въ Византію о присылкѣ духовнаго лица и о готовности принять христіанство шла, по Ламанскому, не отъ кагана и правительства хозарскаго (еврейскаго и мусульманскаго), а отъ страны и народа. Кромѣ собственныхъ хозаръ, тюрковъ, евреевъ, Хозарія заключала въ себѣ цѣлый рядъ славянскихъ племенъ—язычниковъ, изъ коихъ къ половинѣ IX в. многіе приняли христіанство. Посольство въ Византію было отъ Аскольдовой руси, и вскорѣ послѣ нападенія на Константинополь, въ концѣ 860 — въ началѣ 861 г. Варяги



Святые Кириллъ и Меѳодій.
(Католическое изображеніе съ видомъ на Велеградъ).

Аскольдовы были натравлены и подкуплены азіатскими мусульманами для нападенія на Константинополь. Постигшія русь бѣдствія подъ Константинополемъ такъ сильно на нихъ подѣйствовали, что они разувѣрились и въ помощи своихъ родныхъ боговъ и въ помощи великаго Аллаха, и подъ вліяніемъ свѣжаго сильнаго впечатлѣнія поспѣшили обратиться къ Византіи съ изъявленіемъ готовности покориться христіанскому Богу. Принимая показаніе черноризца Храбра объ изобрѣтеніи славянскихъ письменъ и начальномъ переводѣ священныхъ книгъ Константиномъ философомъ въ 855 г., Ламанскій утверждаетъ, что славянскіе первоучители отправились въ Хозарію уже со списками изготовленныхъ переводовъ. Имѣя при себѣ евангеліе и псалтырь своего перевода, писанныя „*словенскими письмены*“, Константинъ философъ не искалъ, не случайно обрѣлъ человѣка, а, имѣя своими спутниками посланцевъ Аскольда, одному или нѣсколькимъ изъ нихъ (руси) читалъ свой славянскій переводъ. Позднѣйшій редакторъ житія Кириллова вставилъ въ первоначальный его текстъ вымышленную моравскимъ или паннонскимъ патріотизмомъ басню объ изобрѣтеніи славянской азбуки и о началѣ перевода евангелія въ 863 г. передъ самымъ отъѣздомъ въ Моравію, и, значитъ, совершенныхъ Константиномъ философомъ исключительно для моравanъ („Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1903 г., ч. 346, стр. 382; ч. 347, стр. 156, 350, 358—360). Здѣсь не лишне замѣтить, что мысль о началѣ просвѣтительной дѣятельности Константина философа у славянъ ранѣе моравской миссіи раздѣляли, кромѣ Ламанскяго, и другіе ученые, именно: *Гильфердингъ* (Собр. соч. I, 299 — 303 и Кир.-Меѳ. Сборникъ, 146—153), *Срезневскій* (Славянско-русская палеографія XI—XIV в., Спб. 1885, 60, 68—69), *Архангельскій* (вышеупом. соч., стр. 7—8). Проф. *П. А. Лавровъ* въ обширной библіографической статьѣ о сочиненіи акад. Ягича „Zur Enstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache“, (Wien 1900), сказавъ, что, до обнародованія пространныхъ житій Кирилла и Меѳодія, начало дѣятельности ихъ относили къ Болгаріи, въ примѣчаніи говоритъ слѣдующее: „Нужно замѣтить, что при такомъ представленіи дѣла выигрываетъ много вопросъ объ обращеніи Ростислава въ Константинополь даже съ точки зрѣнія паннонскаго житія. Въ самомъ дѣлѣ, для чего обращается Ростиславъ къ Византіи? Чтобы вмѣсто непонятной для народа проповѣди на чужомъ нѣмецкомъ языкѣ получить такихъ учителей, которые бы могли вести дѣло проповѣди на родномъ языкѣ. Когда теперь полагаютъ, что Кириллъ и Меѳодій ранѣе этого призыва для славянъ византійской имперіи и Болгаріи ничего не сдѣлали, священнаго писанія не переводили и литургіи на славянскомъ языкѣ не устанавляли, является страннымъ, на чемъ-же основывались надежды Ростислава? При настоящемъ взглядѣ на ходъ дѣла приходится отвергать точную дату Храбра о изобрѣтеніи алфавита въ 855 г. Не мало затрудненій возникаетъ и при рѣшеніи вопроса, когда было установлено славянское богослуженіе у болгаръ, о чемъ нигдѣ нѣтъ упоминанія. Невольно рождается сомнѣніе, не придается ли въ данномъ случаѣ вѣры разсказу житія Кирилла больше, чѣмъ бы это слѣдовало“ (см. „Извѣстія Отд. рус. яз. слов. Импер. Ак. Наукъ“ 1901 г., VI, I, 245—246).

Отправленіе Константина и Меѳодія въ Моравію произошло по слѣдующему поводу. Въ 862 г. моравскій князь Ростиславъ, посовѣтовавшись съ своими родичами и боярами, прислалъ посольство къ царю Михаилу съ такою рѣчью: „люди наши отверглись поганства и держимъ мы теперь законъ христіанскій, но не имѣемъ учителя, который бы сказалъ намъ истинную вѣру христіанскую на нашемъ языкѣ, чтобы и другія страны, взирая на насъ, подобились намъ. Итакъ пришли къ намъ, царь, такого учителя и епископа, ибо отъ васъ добрый законъ исходитъ на всѣ страны“. Такъ въ пространномъ или паннонскомъ житіи Кирилла. Въ житіи Меѳодія прибавляется слѣдующее: „прибыли къ намъ многіе учители христіанскіе изъ волоховъ (итальянцевъ), грековъ и нѣмцевъ и учатъ насъ различно. А мы, славяне—люди простые и не имѣемъ никого, кто бы насъ наставилъ на истину и понятно научилъ насъ“. Императоръ Михаилъ III созвалъ соборъ или совѣтъ, и, пригласивъ на него Константина, далъ ему выслушать рѣчь пословъ и сказалъ: „слышалъ, философъ, эту рѣчь; знаю, ты не

такъ здоровъ, но этого дѣла никто другой не можетъ совершить такъ, какъ ты; дамъ тебѣ многіе дары; возьми брата твоего игумена Меѳодія, и идите; ибо вы солуняне, а солуняне всѣ чисто говорятъ пославянски". Константинъ овѣчалъ: „я слабъ тѣломъ и боленъ, но радъ идти туда, если они (моравскіе славяне) имѣютъ буквы (т. е. книги) на своемъ языкѣ". Царь, продолжаетъ житіе Кирилла,—сказалъ на это: „дѣдъ мой и отецъ мой и иные многіе, искавши этого, не обрѣли; какъ я могу обрѣсть?" Философъ сказалъ: „кто же можетъ писать бесѣду на водѣ или навлечь на себя еретическое имя?" Смыслъ этихъ словъ: опасно проповѣдывать безъ письменной подкладки, потому что изъ одной устной передачи догматовъ вѣры могутъ выдти еретическія заблужденія, и тогда вина падетъ на проповѣдника. Царь съ Вардою сказали: „если ты восхочешь (изобрѣсть буквы славянскія), то можетъ дать тебѣ это Богъ, дающій всѣмъ просимое съ вѣрою и отверзающій толкущимъ". Философъ согласился идти. По обычаю, онъ уединился на молитву съ братомъ Меѳодіемъ и съ другими споспѣшниками, которые были одного духа съ ними. И вскорѣ Богъ, слышащій молитвы рабовъ Своихъ, явилъ просимое, далъ Константину составить славянскія письмена, и онъ началъ писать евангельскія слова: „Искони бѣ Слово, и Слово бѣ у Бога, и Богъ бѣ Слово и прочая". Царь возрадовался и прославилъ Бога съ своими совѣтниками. Константинъ и Меѳодій, съ новопереведенными священными книгами, отправились въ Моравію, неся съ собою царскіе дары и грамоту къ князю Ростиславу. Такъ излагается дѣло это въ паннонскихъ житіяхъ, но, по изысканіямъ авторитетныхъ ученыхъ, не такъ происходило въ дѣйствительности. Моравы,—говоритъ акад. Е. Е. Голубинскій,—незадолго передъ тѣмъ принявшіе христіанство, никакъ не могли возымѣть желаніе слушать богослуженіе на своемъ славянскомъ языкѣ, т. е. возстать противъ порядковъ римской церкви. Съ другой стороны и греки IX в. совершенно такъ же, какъ латиняне, были самымъ рѣшительнымъ образомъ за то, чтобы у всѣхъ народовъ ихъ греческой церкви богослуженіе совершалось на одномъ греческомъ языкѣ. Такимъ образомъ моравы не могли обращаться къ грекамъ съ просьбой перевести для нихъ греческія богослужебныя книги на ихъ славянскій языкъ. На самомъ дѣлѣ причиной моравскаго посольства въ Византію была возгорѣвшаяся тогда ожесточенная борьба моравовъ съ нѣмцами за независимость, а цѣлію—заключеніе желательнаго для моравовъ въ интересахъ ихъ борьбы политическаго и церковнаго союза съ греками. Отправленный во главѣ церковной миссіи въ Моравію, принятую подъ власть константинопольскаго патріарха, Константинъ по собственной инціативѣ рѣшилъ дать моравамъ богослуженіе въ переводѣ на ихъ народный языкъ (*Голубинскій*, Ист. рус. церкви, I:2, изд. 2-е, М. 1904, 326—328).

По прибытіи въ Моравію, Константинъ и Меѳодій были съ честію приняты княземъ Ростиславомъ въ его столицѣ. Ростиславъ собралъ учениковъ и далъ въ обученіе св. братьямъ и ихъ споспѣшникамъ. Подъ учениками должно разумѣть не только малолѣтнихъ, но и людей взрослыхъ, которые, немедленно послѣ обученія славянской азбукѣ и грамотѣ, могли бы быть поставлены въ священники и прочія церковныя должности. Продолжая начатый раньше переводъ, Константинъ съ Меѳодіемъ перевелъ кругъ богослужебныхъ книгъ и службъ, утрени, часовъ, вечерни, литургіи и обучилъ имъ моравскихъ учениковъ. И отверзлись, — говоритъ житіе Кирилла,—уши глухихъ къ слушанію книжныхъ словъ и службъ, и у нѣмыхъ сталъ ясенъ языкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, посѣщая города и села, Константинъ и Меѳодій лично проповѣдывали св. ученіе. „И ради быша словѣни, яко слышаша величья Божья своимь языкомь", — замѣчаетъ русскій лѣтописецъ Несторъ. Между тѣмъ, вскорѣ послѣ прибытія Константина и Меѳодія въ Моравію, моравы снова вынуждены были возвратиться подъ власть папы, отъ котораго они отложились было къ патріарху константинопольскому. Св. братья, однако, и послѣ сего не возвратились въ Константинополь, а остались въ Моравіи, чтобы въ качествѣ частныхъ лицъ-миссіонеровъ, продолжать дѣло просвѣщенія славянъ западныхъ. За свое нововведеніе пришлось вынести имъ тяжелую борьбу съ латино-нѣмецкимъ духовенствомъ, борьбу, начавшуюся тотчасъ по вступленіи ихъ на моравскую почву, тянувшуюся всю ихъ жизнь, не окончившуюся и послѣ ихъ смерти. Латино-нѣмецкіе епископы и патеры враждо-

вали противъ дѣла Константина и Меѳодія, и какъ представители нѣмецкаго королевства Людовика, имѣвшаго притязаніе на верховенство надъ славянскими княжествами, грозившее быть устраненнымъ чрезъ усиленіе чувства національной самобытности у славянъ при богослуженіи на родномъ языкѣ и чрезъ имѣвшее явиться народное духовенство, — враждовали изъ боязни за свою власть и доходы. Князь Ростиславъ не могъ оказать поддержки св. братьямъ, такъ какъ въ 864 г., осиленный королемъ Людовикомъ нѣмецкимъ, принужденъ былъ дать обязательство покорности и вѣрности, тяготѣвшее надъ нимъ два года. Боролся Константинъ съ своими врагами, какъ Давидъ съ иноплеменниками — по выраженію житія, поражая ихъ словами Писанія, и назвалъ ихъ треязычниками. Въ тоже время обличалъ различныя суевѣрія и дурные языческіе обычаи, еще жившіе въ народѣ, отъ какихъ не только не умѣли отучить его латино-нѣмецкіе пастыри, заботливые болѣе о своей власти и доходахъ, чѣмъ о духовномъ благѣ чуждаго имъ по племени народа, но которымъ и сами потворствовали, какъ люди своего вѣка и чуждые высшаго духовнаго просвѣщенія. Черезъ 40 мѣсяцевъ Константинъ и Меѳодій отправились съ учениками для ихъ поставленія въ церковныя степени къ латинскому митрополиту, которому принадлежала въ то время церковная власть надъ Моравіей, именно къ митрополиту венеціанскому, при чемъ на пути имѣли довольно продолжительную остановку въ Паннонін у одного подручнаго нѣмцамъ славянскаго князя, Коцела блатенскаго, имѣвшаго столицу въ городѣ Мосбургѣ при озерѣ Блатнѣ. Коцелъ съ честію принялъ св. братьевъ и удержалъ у себя, полюбопытствовалъ видѣть и полюбилъ славянскія книги, самъ научился имъ, далъ св. братьямъ 50 учениковъ для обученія этимъ книгамъ, и, много почтивъ, съ почетомъ проводилъ въ дальнѣйшій путь. Ни отъ Ростислава, ни отъ Коцела не взяли они ни золота, ни серебра, ни другой какой вещи, а только испросили у обоихъ князей свободу 900 плѣннымъ. Венеціанскій митрополитъ-патріархъ Виталисъ Партиципацціо († 873 г.), вмѣсто посвященія учениковъ Константина, собралъ на него многочисленный соборъ изъ епископовъ митрополіи, священниковъ и монаховъ, который потребовалъ у него отвѣта: какъ онъ дерзнулъ перевести богослужебныя книги на славянскій языкъ, когда ничего подобнаго не сдѣлали ни Апостолы, ни папы римскіе, ни великіе святые отцы и когда надлежитъ славить Бога только тремя языками: еврейскимъ, греческимъ и латинскимъ? Константинъ отвѣчалъ своимъ судьямъ горячимъ обличительнымъ словомъ: указавъ на то, что предъ Богомъ одинаково равны всѣ люди и всѣ народы, сославшись на исторію и современную дѣйствительность въ доказательство того, что на самомъ дѣлѣ христіанское богослуженіе совершалось и совершается вовсе не на трехъ только языкахъ, и приведши мѣста изъ Свящ. Писанія о томъ, что Евангеліе должно быть проповѣдано всѣмъ народамъ на понятныхъ для нихъ языкахъ (о чемъ особенно въ 1 Кор. 14), онъ прямо назвалъ своихъ судей книжниками и фарисеями-лицемѣрами, затворяющими передъ людьми царство небесное. О посвященіи учениковъ въ церковныя должности не могло быть и рѣчи. Св. братьямъ не оставалось другого исхода, какъ искать защиты своему дѣлу въ Римѣ, гдѣ между тѣмъ папа Николай уже услышалъ о нихъ и куда онъ и позвалъ ихъ. Это было до ноября 867 г. Братья, однако, прибыли въ Римъ уже при преемникѣ Николая († 13 ноября 867 г.) Адріанѣ II, вступившемъ на папскій престолъ 14 декабря того же 867 г. Услышавъ, что св. братья несутъ мощи св. Климента, папа вышелъ имъ навстрѣчу за городъ съ римскимъ клиромъ и народомъ, съ крестомъ и свѣчами. Торжественное внесеніе мощей въ городъ ознаменовано, по житію Константина (гл. 17), разными чудесами. Благосклонно принялъ папа отъ св. братьевъ и славянскія книги, освятилъ ихъ и положилъ въ церкви св. Маріи, называемой *Фанти* (φάτνη, ясли), т. е. S. Mariae ad praesepe, и по этимъ книгамъ пѣли литургію. Потомъ папа повелѣлъ епископамъ Формозу и Гавдерику посвятить славянскихъ учениковъ, приведенныхъ св. братьями, и были посвящены три священника и два анагноста (чтецы). Тогда же посвященъ во священники и братъ Константина игуменъ Меѳодій, остававшійся дотолѣ простымъ монахомъ (ибо въ Греціи въ то время допускалось, чтобы ставимы были игуменами монастырей и простые монахи). По посвященіи, въ первый день пѣли славян-

скую литургію въ церкви св. Петра, гдѣ на алтарѣ положено было славянское евангеліе, въ другой—въ церкви св. Петрониллы, въ третій—въ церкви св. Андрея; затѣмъ пѣли еще ночью литургію въ церкви учителя народовъ св. ап. Павла надъ его гробомъ, при чемъ участвовали въ служеніи епископъ Арсеній, одинъ изъ семи кардиналовъ, и Анастасій — библіотекарь. Не смотря, однако, на всѣ эти знаки чествованія св. братьевъ и ихъ славянскихъ книгъ, нашлись въ римскомъ духовенствѣ и противники ихъ, болѣвшіе треязычною ересью, будто богослуженіе можетъ быть отправляемо только на трехъ языкахъ Пилатовой надписи. Папа предложилъ тогда вопросъ на обсужденіе въ собраніи, куда призваны и св. братья для защиты своего дѣла. Константинъ въ своей защитѣ повторилъ то, что уже говорилъ въ Венеціи. Папа—по житію Меѳодія (гл. 6)—осудилъ пилатниковъ и треязычниковъ, даже проклялъ. Нѣмецкіе ученые *Фридрихъ и Гётцъ* въ послѣднее время отвергаютъ достовѣрность этихъ фактовъ (о почестяхъ, оказанныхъ св. братьямъ въ Римѣ, и о признаніи папою Адріаномъ II славянской литургіи), считая ихъ позднѣйшими прикрасами, но безъ достаточныхъ основаній, какъ это показалъ акад. *Ягичъ* (*Friedrich*, Ein Brief des Anastasius Bibliothecarius an den Bischof Gaudericus von Velletri über die Abfassung der „Vita cum translatione Clementis Papae“: eine Quelle zur Cyrillus und Methodius Frage, München 1892 г.; *Goetz*, Geschichte der Slavenapostel Konstantinus (Kyrillus) und Methodius, Gotha 1897 г. 148—152; *Jagić*, Zur Enstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache, Wien 1900 г. См. „Изв. Отд. рус. яз. и слов. Импер. Ак. Наукъ“ 1901 г., VI: 1, библіогр. статью проф. П. А. Лаврова, стр. 250—251). Конечно, весьма трудно предполагать, что благосклонность папы Адріана II была искреннею. Поэтому,—говоритъ акад. *Голубинскій*,—необходимо думать, что въ умѣ его знаменитаго предшественника, который позвалъ Константина въ Римъ, явились по отношенію къ послѣднему и его славянскимъ книгамъ особые планы, которые требовали показать благосклонность къ одному и къ другимъ, и что Адріанъ II, являя эту благосклонность, дѣйствовалъ по мыслямъ Николая. Такимъ планомъ для Николая могло быть то, чтобы руками Константина устроить миссію для обращенія славянскихъ народовъ въ католическое христіанство и чтобы при этомъ славянскія книги (которыя впослѣдствіи можно было запретить во всякое время) употребить, какъ средство для успѣшнѣйшаго привлеченія народовъ къ христіанству и католичеству (Ист. рус. ц., I, 2, 2-е изд. М. 1904 г. 338).

Изнуренный подвижническими и книжными трудами и далекими путешествіями, Константинъ въ Римѣ заболѣлъ, и, послѣ годичнаго пребыванія въ немъ, скончался 42 лѣтъ отъ роду 14 февраля 869 г., принявъ за 50 дней до смерти монашеское постриженіе съ именемъ Кирилла. Меѳодій хотѣлъ было отнести останки усопшаго, согласно волѣ матери относительно мѣста погребенія обоихъ братьевъ, въ свой монастырь въ Солуни, но римскіе епископы обратились къ папѣ съ представленіемъ, что если ему—Константину послѣ его путешествій по многимъ землямъ суждено было Богомъ умереть въ Римѣ, то и надлежитъ ему быть погребену въ немъ, какъ знаменитому мужу. Папа согласился съ представленіемъ епископовъ и въ свидѣтельство своего особеннаго къ нему уваженія приказалъ было, отступая отъ существовавшаго обычая, положить его въ церкви св. Петра, въ усыпальницѣ самихъ папъ. Но когда Меѳодій обратился съ просьбою къ папѣ, что если уже хотятъ погребсти его въ Римѣ, то пусть погребутъ въ церкви св. Климента, съ мощами котораго онъ пришелъ въ него: въ этой церкви и положили его по правую сторону алтаря, при чемъ погребеніе совершено съ такою торжественностію, съ какою погребались только сами папы. При гробѣ его начали твориться многія чудеса съ самой минуты погребенія, и римляне, видя это, стали еще болѣе почитать почившаго праведника, написали икону его надъ гробомъ и засвѣтили надъ нимъ неугасимую лампаду.

Передъ смертію св. Кириллъ крѣпко завѣщалъ своему брату Меѳодію не возвращаться на родину, а оставаться у славянъ и продолжать начатое сообща дѣло учительства и просвѣщенія славянъ. „Мы съ тобою, — говорилъ онъ, — были, какъ пара воловъ, ведущихъ одну борозду! И я падаю на своей чертѣ,—день мой кончился. А ты, я знаю, сильно любишь гору (гдѣ

въ монастырѣ жилъ Меѳодій); но, ради своей горы, не оставляй трудовъ ученія своего: этимъ ты можешь еще лучше спастись" (Житіе Меѳодія, гл. 7). Меѳодій свято исполнилъ завѣтъ своего брата.

Литературная дѣятельность св. Кирилла. Пространное или т. н. паннонское житіе св. Кирилла, упоминая объ обрѣтеніи въ Херсонѣ мощей св. Климента, ссылается на особое сказаніе о семъ событіи, говоря: „якоже пишеть въ обрѣтеніи его". Извѣстное „Слово на пренесеніе мощемъ преславнаго Климента, историческу имуще бесѣду", произнесенное въ день памяти обрѣтенія 30 января, съ большою вѣроятностію можетъ быть усвояемо св. Кириллу. Недавно открытое и въ 1892 г. обнародованное мюнхенскимъ профессоромъ Фридрихомъ письмо Анастасія библіотекаря къ епископу Гавдерику свидѣтельствуетъ, что св. Кириллъ написалъ на греческомъ языкѣ три сочиненія, относящіяся къ св. Клименту: историческую повѣсть, торжественное слово и стихотворную похвалу. Первыя два сочиненія, — можно думать, — и лежатъ въ основаніи вышеоименованнаго „Слова", какъ показываетъ его заглавіе: „Слово... историческу имуще бесѣду". Раньше этого открытія данное „Слово" усвояли св. Кириллу *Шафарикъ*, *Бодянскій* и особенно *Викторовъ*, противъ доводовъ котораго возражалъ *Вороновъ* (см. „Сборникъ Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ" 1893 г., т. 54, прилож. № 3, статью акад. Ягича, стр. 14 — 16). Напечатано впервые въ Кирилло-Меѳодіевскомъ Сборникѣ, М. 1865, 319—326, изъ Макарьевскихъ Четьихъ-Миней по списку московской Синодальной библіотеки, мѣсяцъ январь, подъ 23 числомъ. Въ рукописи московской Духовной Академіи № 91 (фундам.) помѣщено на лл. 677 — 683 подъ 30 января тоже слово въ болѣе древнемъ текстѣ (напр., въ акад. спискѣ: литанїа етера, к҆ каѳоликию црькь, преслобами, а въ синод.: литїа нѣкая, въ соборноую цркви, преслобоущии..). По этой рукописи Слово издано *Ив. Франкомъ* въ „Запискахъ товарищества имени Шевченка", кн. 60.

По свидѣтельству того же паннонскаго житія, св. Кириллъ описалъ свои пренія, въ Хозаріи съ іудеями и магометанами въ особомъ сочиненіи, которое потомъ, послѣ его смерти, архіепископъ Меѳодій перевелъ съ греческаго на славянскій языкъ и раздѣлилъ на восемь словъ. Это сочиненіе въ настоящее время неизвѣстно.

Величайшая заслуга св. Кирилла для славянъ въ томъ, что онъ—по выраженію акад. Голубинскаго—„возъимѣлъ мысль и ревность и нашелъ въ себѣ мужество составить славянскую азбуку и перевести греческія богослужебныя книги на славянскій языкъ—въ то время, когда никто объ нихъ не думалъ, когда никто не находилъ ихъ нужными, когда всѣ были противъ нихъ" („Приб. къ твор. св. отц.", М. 1885, ч. 36, стр. 203—204). Литературная дѣятельность славянскихъ первоучителей направлена была главнымъ образомъ на переводъ Свящ. Писанія и богослужебныхъ книгъ. При семъ паннонскія житія и другіе памятники отдѣляютъ ранніе труды св. Кирилла отъ позднѣйшаго труда Меѳодія. По свидѣтельству паннонскаго житія, св. Кириллъ, какъ только изобрѣлъ письмена, началъ „бесѣду писати евангельскую: Искони бѣ Слово, и Слово бѣ у Бога, и Богъ бѣ Слово и прочая", т. е. началъ переводить евангеліе недѣльное или апракосъ (отъ греч. ἄπρακτος), раздѣленное на чтенія по недѣлямъ на цѣлый годъ, начиная съ пасхи. Пришедши въ Моравію, вскорѣ весь церковный чинъ преложи и научи (учениковъ) утрени, и годинамъ обѣднѣи и вечернеи, повечерію и тайнѣй службѣ" (литургіи). Паннонское житіе св. Меѳодія, повѣствуя объ окончаніи перевода библейскихъ книгъ съ греческаго на славянскій языкъ, въ слѣдъ за симъ прибавляетъ: „Псалтирь бо бѣ токмо и евангеліе съ апостоломъ и избранными службами церковными съ философомъ преложилъ первѣе". Іоаннъ экзархъ болгарскій, жившій во время болгарскаго царя Симеона (888 — 927 г.), слѣд. когда жили ученики славянскихъ первоучителей, удалившіеся изъ Моравіи, свидѣтельствуетъ, что „святый человѣкъ Божій Константинъ, философъ нарицаемый, много трудовъ понесъ, строя письмена славянскихъ книгъ и отъ Евангелія и Апостола прелагая изборъ" (Прологъ или предисловіе къ переводу богословія Іоанна Дамаскина). Папа Адріанъ II, по смерти св. Кирилла (869 г.), въ особомъ посланіи къ славянскимъ князьямъ Ростиславу, Свято-

полку и Коцелу говоритъ, что папа посылаетъ къ нимъ Меѳодія, „да онъ научитъ ихъ, сказая книгою на ихъ языкѣ, по всему церковному чину исполнь, и съ святою мшею (missa), рекше съ службою и съ крещеніемъ“ (посланіе сохранилось на славянскомъ языкѣ въ паннонскомъ житіи Меѳодія). Такимъ образомъ результатомъ трудовъ св. Кирилла былъ переводъ евангельскихъ и апостольскихъ чтеній, псалтири и избранныхъ вседневныхъ службъ: утрени, часовъ, литургіи, повечерія и послѣдованія таинствъ. Этотъ начальный трудъ перевода библейскихъ и богослужебныхъ книгъ продолжалъ, по смерти св. Кирилла, братъ его Меѳодій въ теченіе шестнадцатилѣтней епископской дѣятельности своей въ Моравіи.

Кромѣ вышеуказанныхъ трудовъ, въ древней славяно-русской письменности, отъ-части и въ новой наукѣ усвояется св. Кириллу не мало литературныхъ произведеній, каковы: Слова историческаго и нравоучительнаго содержанія (въ числѣ ихъ т. н. солунская легенда и „проглась святаго евангелія“), „Написаніе о правой вѣрѣ“, апологи и притчи. Но всѣ эти произведенія—одни съ несомнѣнностію, другіе съ наибольшею вѣроятностію—должны быть считаемы непринадлежащими св. Кириллу, славянскому первоучителю.

См. критическій обзоръ ихъ у проф. *А. Д. Воронова*, Кириллъ и Меѳодій, стр. 222—265. Здѣсь и литература по данному вопросу. Укажемъ нѣкоторые труды, вышедшіе послѣ изданія книги Воронова (Кіевъ 1877): акад. *А. Н. Веселовскій*, Замѣтки по литературѣ и народной словесности, Спб. 1883. Къ вопросу объ апологахъ св. Кирилла; проф. *Е. Питуховъ*, Къ вопросу о Кириллахъ-авторахъ въ древней русской литературѣ, Спб. 1887, въ „Сборн. Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ“, т. 42, № 3; *М. В. Безобразова*, Изреченія св. Кирилла въ „Изв. Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ“ III: 4, Спб. 1898; *А. И. Соболевскій*, Шестодневъ Кирилла философа въ „Изв. Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ“, VI: 2, Спб. 1901.

Источники. Въ исторіи христіанскаго просвѣщенія славянскаго племени и въ частности въ той отрасли научныхъ изысканій, которая именуется славянскою филологіей или славистикой, біографія свв. Кирилла и Меѳодія занимаетъ самое видное,—можно сказать,—центральное мѣсто, такъ какъ съ нею связаны многіе первостепенные вопросы, какъ-то: о характерѣ первоначальнаго христіанскаго просвѣщенія и богослуженія у славянъ, о началѣ славянской письменности, о происхожденіи и взаимномъ отношеніи двухъ славянскихъ азбукъ—кирилловской и глаголической, о родинѣ или народности употребленнаго ими для письменности языка и т. п. Но строго научное изложеніе жизни и дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія представляетъ много существенныхъ трудностей. Нельзя сказать, чтобы мало было источниковъ для ихъ біографіи: ихъ довольно—оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ, на латинскомъ, славянскомъ и греческомъ языкахъ. Нельзя сказать и того, чтобы источники эти мало были разрабатываемы наукою. Нѣтъ,—кирилло-меѳодіевская литература, особенно за послѣднее время, послѣ юбилеевъ 1862, 1869 и 1885 гг. чрезвычайно разрослась. Но именно источники біографіи свв. Кирилла и Меѳодія и представляютъ существенныя затрудненія для изслѣдователя, благодаря крайнему разнорѣчію своихъ показаній. „Жизнь и подвиги солунскихъ братьевъ,—справедливо замѣчаетъ *Лавровскій*, — принадлежатъ къ разряду тѣхъ историческихъ явленій, которыя наиболѣе богаты позднѣйшими прибавленіями, смѣшеніями и извращеніями, согласно съ народными преданіями, съ далеко не всегда твердымъ знаніемъ дѣла переписчиками и сократителями и, наконецъ, съ личными взглядами и интересами составителей позднихъ памятниковъ“ (Св. Кириллъ и Меѳодій, какъ православные проповѣдники и учители у западныхъ славянъ, въ связи съ современною имъ исторіею церковныхъ несогласій между востокомъ и западомъ въ „Духовномъ Вѣстникѣ“, Харьковъ 1863, т. V, 119). *А. Викторовъ* такъ очерчиваетъ это взаимное противорѣчіе источниковъ. „По однимъ источникамъ,—говоритъ онъ,—Кириллъ и Меѳодій были греки, по другимъ славяне; по однимъ старшій изъ братьевъ былъ Меѳодій, по соображенію съ другими Кириллъ; по однимъ только послѣдній путешествовалъ къ хазарамъ, по другимъ оба. Изобрѣтеніе славянской грамоты одни источники приписываютъ Кириллу, другіе Меѳодію, третьи обоимъ, и при томъ самыя свидѣтельства объ этомъ,

при своей неопредѣленности, даютъ возможность подъ именемъ славянскихъ письменъ разумѣть однимъ изслѣдователямъ—азбуку кирилловскую, другимъ—глаголитскую. Мѣстомъ изобрѣтенія славянской азбуки одни источники называютъ Царьградъ, другіе Моравію, третьи Болгарію, четвертые наконецъ Херсонъ, гдѣ будто бы Кириллъ нашелъ уже готовыя письмена. Временемъ изобрѣтенія славянской грамоты по однимъ извѣстіямъ былъ 852-й годъ, по другимъ—855, по третьимъ—858—861, по четвертымъ 862, по пятымъ — 865-й и т. д. Дѣятельность Кирилла и Меѳодія въ Моравіи по однимъ источникамъ продолжалась 3 года, по другимъ 3 года съ половиною, по третьимъ 4 года съ половиною, по инымъ наконецъ, апостолы славянскіе вовсе не были въ Моравіи, а дѣятельность ихъ ограничивалась одною Болгаріею. Точно такія же противорѣчащія свидѣтельства существуютъ о санѣ Кирилла и о времени посвященія его и Меѳодія въ епископы, о мѣстѣ епископской каѳедры послѣдняго, о времени кончины Кирилла, о мѣстѣ и времени кончины Меѳодія, о характерѣ дѣятельности проповѣдниковъ въ Болгаріи, о числѣ переведенныхъ ими книгъ, о славянскомъ нарѣчіи, на которое сдѣланъ былъ переводъ, и проч. и проч.“ (Кир.-Меѳод. Сборникъ, 351—352). Въ виду этого существенно необходимою является критика источниковъ. Только предварительно предпосланная должная критическая оцѣнка источниковъ можетъ предложить изслѣдователю вѣрный путь добраться до истины среди огромной массы показаній разнорѣчивыхъ.

Критикѣ источниковъ посвящены слѣдующіе труды: *I. Добровскій*, Кириллъ и Меѳодій, словенскіе первоучители. Историко-критическое изслѣдованіе; переводъ съ нѣмецкаго, М. 1825 (оригиналъ вышелъ въ Прагѣ, въ 1823 г.); проф. *О. М. Бодянскій*, О времени происхожденія славянскихъ письменъ, М. 1855, стр. 1—170; *Лавровскій*, Св. Кириллъ и Меѳодій, какъ православные проповѣдники и учители у западныхъ славянъ—въ „Дух. Вѣстникѣ“, Харьковъ 1863, т. V, стр. 83—120; *Викторовъ*, Кириллъ и Меѳодій: новые источники и ученые труды для исторіи славянскихъ апостоловъ въ „Кир.-Меѳод. Сборникѣ“, стр. 343—440; *Бильбасовъ*, Кириллъ и Меѳодій по документальнымъ источникамъ и по западнымъ легендамъ, ч. 1—2, Спб. 1868—1871; *Вороновъ*, Кириллъ и Меѳодій: главнѣйшіе источники для ихъ исторіи, Кіевъ 1877; *Ягичъ*: Вновь найденное свидѣтельство о дѣятельности Константина философа, первоучителя славянъ св. Кирилла (письмо ватиканскаго библіотекаря Анастасія къ епископу веллетрійскому Гавдерику) въ „Сборн. Отд. рус. яз. и слов. Импер. Ак. Наукъ“ т. 54, № 3, Спб. 1893, и Zur Enstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache, Wien 1900, въ „Denkschriften der K. Akad. der Wiss. in Wien; Philos.-histor. Classe, B. XLVII (содержаніе этого труда Ягича изложено и разобрано въ статьѣ проф. *Лаврова* въ „Изв. Отд. рус. яз. и слов. Импер. Ак. Наукъ“ 1901 г., VI: I, 242—324; см. и статью акад. *Ламанскаго*, тамъ же VI: 4, 312—339); *Ламанскій*, Славянское житіе св. Кирилла, какъ религіозно-эпическое произведеніе и какъ историческій источникъ: критическія замѣтки (памяти Добровскаго) въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1903, апрѣль, май, іюнь, декабрь и 1904, январь, апрѣль, май и слѣд.

Изъ *оффиціальныхъ* документовъ о дѣятельности св. Кирилла вмѣстѣ съ Меѳодіемъ по переводу библейскихъ и богослужебныхъ книгъ съ греческаго на славянскій языкъ упоминаютъ:

а) *Посланіе папы Адріана II (867—872 г.) къ славянскимъ князьямъ Ростиславу, Святополку и Коцелу.*

Посланіе дошло до насъ въ славянскомъ переводѣ, въ паннонскомъ житіи Меѳодія. Какъ вполнѣ достовѣрный источникъ, оно, въ латинскомъ переводѣ Миклошича, издано *Дюммлеромъ* (Die pannonische Legende vom heiligen Methodius въ „Archiv für Kunde österreichischer Geschichts-Quellen“, Wien 1854, B. XIII) и *Эрбеномъ* (Regesta Bohemiae et Moraviae, pars I-ma, Pragae 1855). Возраженія нѣмецко-католическихъ писателей: *Гиннеля, Фридриха* и *Гётца*, а также чеха *Вондрака* противъ подлинности этого посланія (какъ и посланія папы Іоанна VIII отъ 880 г.) разобраны—перваго—учеными *Рачки* („Arkiv za jugoslov. povjestnicu, „Zagreb 1857, кн. IV, 281—298) и *Лавровскимъ* (Св. Кир. и Меѳ., какъ правосл. пропов. и учители у зап. славянъ, 109—118), остальныхъ трехъ—проф. *Лавровымъ* („Визант. Временникъ“, Спб. 1900, т. VII, 116—120, 132—134) и акад. *Ягичемъ* (Zur Enstehungsgeschichte der Kirchenslav. Sprache).

б) *Посланіе папы Іоанна VIII къ Святополку отъ іюня 880 г.*

Изданія: *Boczek*, Codex diplomaticus et epistolaris Moraviae, Olomucii 1836. t. I;

Erben, Regesta diplomatica nec non epistolaria Boh. et Moraviae, Pragae 1855, pars I; *Ginzel*, Geschichte d. Sloven. apostel Cyrill und Method.., Leitmeritz 1857, въ приложеніи, 59—62. Папа здѣсь между прочимъ одобряетъ письмена, изобрѣтенныя Константиномъ философомъ и соглашается на славянское богослуженіе съ тѣмъ, чтобы евангеліе читалось сначала по-латини. Посланіе это призналъ было подложнымъ *Блумбергеръ* въ 1824 г. въ разборѣ сочиненія Добровскаго о Кириллѣ и Меѳодіѣ (въ рус. переводѣ книги Добровскаго см. стр. 134—140), но самъ Блумбергеръ отказался отъ своихъ возраженій послѣ того, какъ стараніями Палацкаго найдено было въ 1837 г. въ библіотекѣ монтекассинскаго монастыря въ числѣ другихъ и это посланіе въ древнѣйшемъ пергаментномъ экземплярѣ конца X или начала XI вѣка (напечатано отсюда въ книгѣ *Рачки*, Viek i djelovanje sv. Cyrilla i Methoda slovjenskih apostolov, U Zagrebu 1857, 337—339). Посланіе это содержится и въ знаменитомъ Британскомъ сборникѣ папскихъ писемъ начала XII в., каковой сборникъ открытъ былъ въ 1879 г. англійскимъ ученымъ Бишопомъ и обслѣдованъ *Эвальдомъ* въ „Neues Archiv der Geselschaft für ältere deutsche Geschichtskunde“, B. V, 1880. См. ст. *Воронова*, Научное движеніе по вопросу о св. Кириллѣ и Меѳодіи въ „Труд. кіев. Дух. Акад.“ 1881, № 8, 391—416).

Оффиціальный отъ-части характеръ имѣютъ три свидѣтельства ватиканскаго библіотекаря Анастасія, аббата римской церкви, современника и большого почитателя св. Кирилла.

Первое—въ предисловіи къ его описанію константинопольскаго собора 869 г., *второе*—въ письмѣ къ Карлу Лысому, 875 г., по поводу пересылки ему сочиненій Діонисія Ареопагита, и *третье*—въ письмѣ къ епископу веллетрійскому Гавдерику, 875—879 г. Первыя два свидѣтельства напечатаны у Гинцеля въ прилож., 43—44; письмо къ епископу Гавдерику издано и обслѣдовано проф. *Фридрихомъ* и *Ягичемъ* (см. „Сборникъ Отд. рус. яз. и слов. Импер. Ак. Наукъ“, т. 54, № 3). О немъ еще ст. *А. Л. Петрова*, Письмо Анастасія библіотекаря, новый источникъ по Кирилло-Меѳодіевскому вопросу („Журн. Мин. Нар. Пр.“ 1893 г. № 1). Въ своихъ отзывахъ о Константинѣ философѣ, какъ о мужѣ великой святости (magnae sanctitatis vir), о мужѣ великомъ и апостольской жизни (vir magnus et apostolicae vitae—въ письмѣ къ Карлу Лысому, vir apostolicae vitae—въ письмѣ къ еп. Гавдерику), Анастасій библіотекарь выражалъ, — можно думать—общее представленіе о св. Кириллѣ, сложившееся о немъ въ средѣ людей ближе знавшихъ его тогда въ Римѣ.

Изъ *неоффиціальныхъ* источниковъ первое мѣсто по важности и исторической достовѣрности занимаютъ:

а) Паннонскія житія Кирилла и Меѳодія: „*Мѣсяца февруаріа въ ДІ, житіе и жизнь и подвизи иже въ святыхъ отьца нашего Константина философа, прьваго наставника и учителя словѣньску языку*“ (рукопись фундаментальной библіотеки моск. Дух. Акад. XV в. № 19, л. 365) и „*Мѣсяца априля въ S день память и житіе блаженнаго отьца нашего и учителя Меѳодія, архіепископа моравъска* (рукоп. моск. Дух. Акад. XVI в. № 63, л. 120). Обѣ рукописи, №№ 19 и 63,—съ замѣтками на поляхъ и ссылками на другія рукописи бывшаго ректора моск. Дух. Академіи прот. А. В. Горскаго, которому принадлежитъ честь открытія этихъ житій и указанія на ихъ глубокую важность, какъ историческаго источника (извѣстная статья Горскаго въ „Москвитянинѣ“ 1843, № 6 и въ „Кир.-Меѳод. Сборникѣ“).

Въ древне-русской письменности они, впрочемъ, были извѣстны уже давно и служили для нашихъ предковъ источникомъ свѣдѣній о славянскихъ первоучителяхъ. О житіи св. Кирилла философа упоминается въ извѣстномъ Сборникѣ 1076 г. въ статьѣ, содержащей похвалу чтенію книжному. Лѣтописецъ Несторъ свои извѣстія объ изобрѣтеніи славянской грамоты, о переводѣ свящ. книгъ и проч. заимствовалъ изъ паннонскихъ житій. Послѣдующіе лѣтописцы, составители и дополнители славянскихъ хронографовъ также пользовались этими житіями. Они вошли, какъ составная часть, во всѣ редакціи русскихъ Четьихъ-Миней и во многіе сборники, бывшіе въ столь большомъ употребленіи въ старинной русской письменности. Въ концѣ XVII в. болѣе ученымъ образомъ воспользовался паннонскими житіями св. *Димитрій Ростовскій*, составившій на основаніи ихъ свое жизнеописаніе славянскихъ первоучителей для изданныхъ имъ Четь-Миней, гдѣ и помѣщено оно подъ 11 мая: „Въ тóйже дéнь житіѐ и труды преподóбныхъ отéцъ нáшихъ, Меѳодїа и Кóнстантíна, наречéннаго Кνрíлла, епíскоповъ Морáвскихъ, оучителей Славéнскихъ“; на полѣ: От различныхъ харатейныхъ Чéтїй сокращéннѣ“ (Книга житій святыхъ за май, въ изд. 1837, Мо-

сква, лл. 150—167; лл. 167 об.—169 о ко-зáрѣхъ, — на полѣ: Козáры что̀ бяху, и что̀ о нихъ; л. 169 об. о Меѳóдіи; л. 169—170 о Кѵріллѣ фїлосо́фѣ). — Оба житія въ первый разъ были изданы *Шафарикомъ* въ его Památky dревního písemnictví Jihoslovanův, V Praze 1851 (2-е изд. 1873 г.); потомъ—*Бодянскимъ* въ „Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древн. Рос.“ 1863 : II; 1864 : II; 1865 : I и 1871 : I (16 списковъ житія Кирилла и 8 списковъ—Меѳодія, — всего же списковъ житія св. Кирилла извѣстно 17 [сводное изданіе житій св. Кирилла подготовляется профессоромъ спб. университета *П. А. Лавровымъ*] см. у Воронова, Главн. источники для исторіи свв. Кирилла и Меѳодія, стр. 65, примѣч. 1); *Палацкимъ* въ Fontes rerum bohemicarum, t. I: Vitae sanctorum, Fasc. I, Praha 1871 и *Пастрнкомъ* въ Dějiny slovanskych apoštolu Cyrilla a Methoda, V Praze, 1902 (оба житія въ возстановленномъ древне-славянскомъ текстѣ съ латинскимъ переводомъ).

Результатъ изслѣдованія прот. Горскаго относительно важнаго историческаго значенія паннонскихъ житій на первыхъ порахъ согласно приняли какъ русскіе ученые (преосв. Филаретъ и Макарій, Шевыревъ), такъ и западные (Дюммлеръ, Шафарикъ). Но вскорѣ рядомъ съ многочисленными представителями положительнаго направленія по вопросу о паннонскихъ житіяхъ, развивавшими воззрѣнія Горскаго, явились сторонники и противоположнаго направленія, отрицавшіе въ большей или меньшей степени историческое значеніе обоихъ житій и главнымъ образомъ житія Кириллова. Таковы:

Муральтъ (Essai de Chronographie Byzantine, St. Pétersbourg 1853), *Гинцель* (Geschichte der Slavenapostel Cyr. und Method., 1857), *Бильбасовъ* (Кир. и Меѳ., ч. 2, 1871, 14), о. *Мартыновъ* (въ журналѣ „Revue des questions historiques“, 71-e livraison, Paris 1884, p. 124 — въ статьѣ объ итальянской легендѣ), *Фридрихъ* (Ein Brief des Anastasius Bibliothecarius an den Bischof Gaudericus von Velletri, München 1892), *Гётцъ* (Geschichte der Slavenapostel Konst. und Methodius, Gotha 1897), *Брюкнеръ* (Co sądzic o „Zywotach Cyryla i Metodego? въ „Kwartalnik Historyczny“, XXII). Въ новѣйшее время акад. *Ламанскій* призналъ важность житія Константинова вообще, а не во всѣхъ частностяхъ и подробностяхъ („Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1903, ч. 346, стр. 346).

Высокую важность паннонскихъ житій признавали и отстаивали *Ундольскій*, *Шафарикъ*, *Лавровскій*, *Викторовъ*, *Голубинскій*, *Вороновъ*, *Малышевскій*, *Лавровъ*, *Ягичъ* и др. *Ундольскій* и *Шафарикъ* („Чтен. въ Общ. ист. и древн. рос.“ 1848, № 7) и въ новѣйшее время проф. *Лавровъ* склоняются къ мысли, что авторомъ Кириллова житія былъ св. Климентъ епископъ Величскій († 916 г. Лавровъ въ предисловіи къ изданію Поученій Климента Словенскаго, М. 1895 и въ „Визант. Временникѣ“ 1900 г., VII 129—131). По словамъ Викторова, „не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію глубокая древность и высочайшая степень исторической достовѣрности этихъ памятниковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ огромная важность ихъ для исторіи Кирилла и Меѳодія“ (Кир.-Меѳ. Сборн., 404—405). *Голубинскій* называетъ паннонскія житія Константина и Меѳодія „единственно первоначальными и достовѣрными“ (Ист. рус. ц. I: 2, 2-е изд., М. 1904, стр. 333).

б) Самая важная изъ латинскихъ легендъ—*Итальянская*: *Vita SS. Cyrilli et Methodii cum translatione S. Clementis*. Содержитъ сказаніе о перенесеніи мощей св. Климента, папы римскаго, изъ Херсона въ Римъ и нѣсколько извѣстій о жизни и дѣятельности обрѣтателя мощей—Константина философа, отъ-части и Меѳодія.

Изданія: Acta Sanctorum *Bolland*. Martii Tom. II, Antverpiae 1668, *Ginzel*, Geschichte d. Slavenapostel Cyr. und Method, въ прилож. 1—11; Кир.-Меѳод. Сборникъ, 327—342 (съ русскимъ переводомъ); *Бильбасовъ*, Кир. и Меѳ. II, 220—227 и 314—320 (съ русскимъ переводомъ); Fontes rerum bohemic., T. I., 93—99 (съ чешскимъ переводомъ); *Goetz*, Geschichte d. Slavenapostel Konst. und Methodius, 247—254. Со времени изданія въ Acta Sanctorum и до открытія паннонскихъ житій (1843 г.) итальянская легенда считалась главнымъ и основнымъ источникомъ для исторіи Кирилла и Меѳодія и усвоялась епископу веллетрійскому Гавдерику († 898 г.). Съ пятидесятыхъ годовъ XIX в. значеніе ея было поколеблено русскими учеными. *Викторовъ* въ 1858 г. пространно и убѣдительно доказывалъ, что она основана на славянскомъ паннонскомъ житіи св. Кирилла (Кир.-Меѳ. Сборникъ, 414—440). *Голубинскій* приписалъ ее не Гавдерику, а Льву Марсиканскому, епископу остійскому, жившему въ концѣ XI, въ нач. XII в. (Ист. рус. ц., I : 2, 2-е изд., 333). *Вороновъ* пошелъ дальше и доказывалъ (Главн. источн. ист. свв. К. и М., 316—331), что авторъ итальянской легенды пользовался сочиненіемъ до

миниканца Іакова де-Ворагине [род. около 1230 г.], епископа генуэзскаго (1292—†1298 или 1299 г.] и писалъ въ первой четверти XIV в. [см. „Энц." VI, 159—160]. *Лавровскій* также относилъ итальянскую легенду къ XIII—XIV в. (Италіанская легенда: критическій обзоръ изслѣдованій и мнѣній о ней; значеніе ея для исторіи жизни и дѣятельности славянскихъ первоучителей въ „Журн. Мин. Нар. Просв." 1886, іюль и авг., стр. 17—59 и 234—275). Напротивъ, нѣмецко-католическіе ученые: Гинцель, Фридрихъ, Гётцъ, а также Бильбасовъ, о. Мартыновъ, Ягичъ (въ указанныхъ выше сочиненіяхъ) признавали и признаютъ итальянскую легенду первоначальнымъ, вполнѣ достовѣрнымъ и надежнымъ источникомъ. На основаніи недавно найденнаго письма Анастасія библіотекаря къ епископу Гавдерику Ягичъ устанавливаетъ связь легенды съ жизнеописаніемъ св. Климента, составленнымъ по порученію еп. Гавдерика, а что касается отношенія ея къ славянскому житію Кирилла, то, по Ягичу, „итальянская легенда и кирилловская не стоятъ въ какой-либо зависимости другъ отъ друга, а, напротивъ, та и другая брали матеріалъ независимо другъ отъ друга изъ тѣхъ же третьихъ источниковъ, каждая пользуясь ими по собственному усмотрѣнію" („Сборникъ Отд. рус. яз. и слов. Импер. Ак. Наукъ", т. 54, стр. 24). Новый трудъ объ отношеніяхъ итальянской легенды къ житію Кирилла это—*Ив. Франко* „Cyrillo-Methodiana („Arch. für slav. Philol." XXVIII, 1906 г.).

Позднѣе итальянской легенды и на основаніи ея составлены латинскія легенды: *моравская* (Legenda Sanctorum Cyrilli et Methodii patronorum Moraviae) и *чешская* (первая глава легенды о св. Людмилѣ, супругѣ чешскаго герцога Боривоя).

По мнѣнію Добровскаго, первая составлена въ концѣ XIV в., а вторая въ концѣ XIII в. Обѣ легенды изданы въ Acta Sanctorum (мартъ, t. II, p. 22—23 и подъ 16 сентября); другія изданія: *Dobrovsky*, Kritische Versuche, die ältere bohmische Geschichte von spätern Erdichtungen zu reinigen, I: Boriwoy's Taufe, Prag 1803, 70—73, и Mährische Legende von Cyrill und Method, Prag 1826; *Ginzel* въ Прилож. 12—20; *Бильбасовъ*, II, 228—237, 247—248 и русскій переводъ—320—326, 329—330; Fontes rerum bohem., I, 100—107 (Моравская легенда).

в) Греческія житія св. Климента, епископа величскаго, ученика Кирилла и Меѳодія,—

пространное, приписываемое въ заглавіи архіепископу Ѳеофилакту: „Жизнь и дѣянія, исповѣданіе и отъ-части повѣствованіе о чудесахъ иже во святыхъ отца нашего Климента, архіепископа болгарскаго, сочиненіе, написанное святымъ и славнымъ Ѳеофилактомъ, архіепископомъ первой Юстиніаны и всей Болгаріи, и магистромъ риторовъ въ Константинополѣ" (издано по тексту, обнародованному въ 1847 г., въ Вѣнѣ, Миклошичемъ, съ переводомъ на русскій языкъ, въ юбилейномъ изданіи московскаго Университета: „Матеріалы для исторіи письменъ", М. 1855), и *краткое*: „Память иже во святыхъ отца нашего архіерарха и чудотворца Климента епископа Болгаріи въ Охридѣ" (найдено *Григоровичемъ* въ 1847 г.—въ Охридѣ и тогда же издано вмѣстѣ съ русскимъ переводомъ въ „Журн. Мин. Нар. Просв." ч. LIII, 1847 г., I, 1—28). Оба житія изданы также у Бильбасова—съ русскимъ переводомъ; въ Fontes rer. bohem., изданы 14 главъ (всѣхъ же главъ 29). Краткое житіе—т.-н. *охридская* легенда—найдено Григоровичемъ въ греческой рукописи XIII в. и стоитъ въ тѣсной связи съ пространнымъ (это—*болгарская* легенда). Пространное житіе св. Климента въ первой части содержитъ съ большею или меньшею подробностію свѣдѣнія о жизни обоихъ славянскихъ первоучителей (въ частности о св. Кириллѣ главы 1—3). *Вороновъ*, разобравъ мнѣнія предшествовавшихъ ученыхъ, полагавшихъ, что житіе это составлено въ X в. болгариномъ—на славянскомъ языкѣ, относитъ его къ произведеніямъ архіепископа Ѳеофилакта конца XI—нач. XII в. (стр. 109—139), съ чѣмъ совершенно не согласенъ акад. *Голубинскій*, по мнѣнію котораго это житіе написано много позднѣе Ѳеофилакта, въ Болгаріи, во время господства въ ней грековъ (Ист. рус. ц., 1 : 2, 2-е изд., М. 1904, 333—334).

г) Отрывочныя свидѣтельства славянскихъ писателей:

Іоанна экзарха болгарскаго (Калайдовичъ, Іоаннъ экз. болг. М. 1824), черноризца *Храбра* (тамъ же), лѣтописца *Нестора*, славянскія *проложныя житія* Кирилла и Меѳодія, XIII—XVI в. (нѣкоторыя изъ этихъ житій изданы *Погодинымъ* въ приложеніи къ русскому переводу книги Добровскаго: Кириллъ и Меѳодій, М. 1825, 103—107, и въ Fontes rer. bohemic. 69—75; одно изъ нихъ „*Успеніе св. Кирилла философа*", найденное Гильфердингомъ въ сп. XV—XVI в. южнославянскаго извода издано имъ же въ „Извѣстіяхъ II Отд. Имп. Акад. Наукъ" 1858 г., т. VI, л. 24, стр. 381—386), болгарскій синодикъ XIV в. († проф. *Дриновъ*, Новый церк.-слав. памятникъ съ упоминаніемъ о славянскихъ первоучителяхъ въ „Ж. М. Нар. Пр." 1885), древнеславянскіе *каноны и службы* въ честь свв. Кирилла и Меѳодія, *похвалы* имъ (изданы въ Кир.-Меѳ. Сборн., 235—318, въ Font rer. bohemic. 53—68, въ Свѣдѣніяхъ и Замѣткахъ о малоизвѣстныхъ

и неизвѣстныхъ памятникахъ И. И. Срезневскаго—„Записки Имп. Акад. Наукъ", т. IX, въ „Русск. Филол. Вѣстн". 1893 г., № 2, въ „Памятникахъ Древней Письменности" № CVII, въ „Извѣстіяхъ Отдѣл. русск. яз. Имп. Ак. Наукъ" 1907 г., кн. 3, см. въ „Христ. Чтеніи" 1893 г., № 5—6 статью *Андр. Петрова*, „Чествованіе свв. славянскихъ апостоловъ Кирилла и Меѳодія въ древне-русской церкви (по служебнымъ минеямъ и мѣсяцесловамъ, до 1682 года).

Исторія жизни и дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія имѣетъ *обширную литературу*. Надъ нею, какъ видно изъ предшествующаго, трудились многіе русскіе и иностранные ученые, именно: Архангельскій, Безобразова, Бильбасовъ, Бодянскій, Будиловичъ, Васильевскій, Веселовскій, Викторовъ, Вороновъ, Гедеоновъ, Гильфердингъ, Голубинскій, Горскій, Григоровичъ, Иловайскій, Калайдовичъ, Лавровскій, Лавровъ, Ламанскій, Лебединцевъ, Малышевскій, Невоструевъ, Петровъ, Пигулевскій, Платоновъ, Погодинъ, епископъ Порфирій, Порфирьевъ, Пѣтуховъ, Соболевскій, Срезневскій, Ундольскій; Blumberger, Boczek, Dobrovsky, Dummler, Erben, Ewald, Ginzel, Goetz, Jagic, Leger, Martinoff, Miklosich, Palacky, Pastrnek, Racki, Szafarik, Schlözer, Friedrich, Vondrak. Укажемъ еще слѣдующіе труды: — *Филаретъ*, еп. рижскій (впослѣдствіи архіеп. черниговскій), Кириллъ и Меѳодій, славянскіе просвѣтители, М. 1846 (перепечатано въ „Кир.-Меѳод. Сборникѣ", 1865 г.); *Макарій*, архим. (впослѣдствіи митрополитъ московскій), Исторія христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра, какъ введеніе въ исторію русской церкви, Спб. 1846, стр. 188—259; *С. Соболевскій*, Притчи святаго Кирилла-философа, учителя славянскаго въ „Кир.-Меѳ. Сборникѣ"; *Сухомлиновъ*, О псевдонимахъ въ древней русской словесности въ „Изв. Ак. Наукъ", т. IV [Изслѣдованія по древней русской литературѣ академика М. И. Сухомлинова (1828—1901), Спб. 1908, стр. 177—81]; *Виноградскій*, О фрескахъ подземной базилики св. Климента въ Римѣ—въ „Сборникѣ Общества древне-русскаго искусства", 1866 г.; *И. Платоновъ*: Изслѣдованіе объ апологахъ или притчахъ св. Кирилла въ „Журн. Мин. Нар. Просв." 1868 г., май и Анти-энциклика или братское слово православнаго славянина къ славянамъ-католикамъ, по поводу изданія папою Львомъ XIII буллы о празднованіи памяти свв. Кирилла и Меѳодія, Харьковъ 1882; *И. С. Пальмовъ*: Памятники кирилло-меѳодіевской старины въ Чехіи и Моравіи (Сборникъ статей, изд. учениками В. И. Ламанскаго, Спб. 1883), — Кирилло-меѳодіевскія преданія у юго-западныхъ славянъ латинскаго обряда („Христ. Чт." 1885, май—іюнь) и подробный отзывъ о сочиненіи Малышевскаго: Святые Кириллъ и Меѳодій, первоучители славянскіе, Кіевъ 1886 („Христ. Чт." 1888, іюль—августъ); *Н. О. Красносельскій*, Церковь св. Климента въ Римѣ и соединенныя съ нею воспоминанія о славянскихъ апостолахъ („Правосл. Собесѣдникъ", 1885 г. кн. 4); акад. *Ѳ. И. Успенскій*, На память тысячелѣтней годовщины славянскихъ просвѣтителей, Одесса 1885; *Меѳодіевскій* юбилейный сборникъ, изданный Импер. варшавскимъ Университетомъ къ 6 апрѣля 1885 г. подъ редакціею орд. проф. *А. С. Будиловича*, Варшава 1885 г. (содержитъ статьи Лавровскаго, Будиловича, Перфольфа, Кулаковскаго, К. Грота и Зигеля); *Серебренниковъ*, Отношенія свв. Кирилла и Меѳодія къ западной церкви въ „Чтен. Общ. люб. дух. просв.", М. 1885, мартъ и слѣд. кн.; *М. Г. Попруженко*, Замѣтки по кирилло-меѳодіевскому вопросу въ „лѣтописи историко-филолог. Общества при Импер. новороссійскомъ Унив. II: Визант. Отд." 1, Одесса 1892; здѣсь между прочимъ о сочиненіяхъ кардинала Бартолини, патера Пресутти и др., вызванныхъ изданною въ 1880 г. энцикликой папы Льва XIII „Grande Munus"); *Яцковскій*, Хазарская миссія свв. Кирилла и Меѳодія („Вѣра и Разумъ" 1893 г., ч. 2, отд. церковный, стр. 49—66); *А. Петровъ*, Спорные вопросы миссіонерской дѣятельности св. Кирилла философа на Востокѣ, Одесса 1894, и—Пятидесятилѣтіе научной разработки славянскихъ источниковъ для біографіи Кирилла и Меѳодія (1843—1893): посвящается памяти А. В. Горскаго, М. 1894. *W. Wattenbach*, Beiträge zur Geschichte der christlichen Kirche in Mähren und Böhmen, Wien 1849; *W. Stulc*, Zivot swatych Cyrilla a Methodia apostolov slowanskych, W Brine 1857; *J. Bily*, Dejiny sv. apostolü slovanskych Cyrilla a Methodia, V Prage 1863; *Tisucnica* slovjenskih apostolah sv. Cirila i Metoda, V Zagrebu 1863 (статьи: Fr. *Racki*, Knjizevan rad sv. Cirila i Methoda; *V. Jagic*, Evangjelije u slovenskom prievodu. Historicko-Filologicki nacrt; *M. Mesic*, Sluzba sv. Cirila i Metoda); *J. Hergenröther*, Photius, Patriarch von Constantinopel: sein Leben, seine Schriften und das griechische Schisma, Regensburg 1867; *B. Dudik*, Neuentdeckte Fresken aus dem Leben der heil. Apostel Cirill und Method in Rom. Wien 1869; *Csell-Fels*, Römische Ausgrabungen: die Unterkirche von s. Clemente, Hildburghausen 1870; *Zakrzewski* Malowidla w podziemnej bazylice sw. Klemensa w Rzymie („Rozprawy"), историко философск. отдѣл. краковск. Ак. Наукъ, серія II, т. 20, 1903 г.; *G. Wilpert*, Le pitture della basilica, primitiva di San Clemente („Mélanges d'Archéologie et d'Histoire publiés par l'Ecole Française de Rome" т. 26) *T. Gromnicki*, Swieci Cyryl i Metody, W Krakowie 1880; еп. *Никодимъ Милашъ*, Славенски апостоли Кирил и Методије и истина православља, поводом римског декрета у 1880—1881 противу православне цркве,

Задар 1881; *Ягичъ*, Вопросъ о Кириллѣ и Меѳодіи въ славянской филологіи (Рѣчь, читанная въ публичномъ собраніи Второго Отдѣл. Импер. Ак. Наукъ 5 апр. 1885 г.), Спб. 1885. Въ томъ же 1885 г. вышли два библіографическіе указателя литературы о свв. Кириллѣ и Меѳодіѣ:—*И. Токмакова* въ Москвѣ и *Н. Л. (исовскаго)* въ С.-Петербургѣ. Съ 1885 г. новыя книги и статьи о свв. Кириллѣ и Меѳодіѣ указываются въ журналѣ „Библіографъ“ и съ 1904 г. въ журн. Новости богословской литературы“. Новѣйшая библіографическая работа *М. Г. Попруженко*, Матеріалъ для библіографіи по Кир.-Меѳ. вопросу („Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1905 г. № 5). [Для полноты библіографіи см. еще статью проф. *N. Bonwetsch*'а—Realencyklopädie von Herzog-Hauck IV³. Lpzg, 1898, S. 384—389; The Catholic Encyclopedia IV, p. 592].

Г. Воскресенскій.

КИРИЛЛЫ, патріархи константинопольскіе 1—7:

1) **Кириллъ I Лукарисъ**, патріархъ константинопольскій (1612—1638 г.г. со многими перерывами), родился на о. Критѣ 1 ноября 1572 года отъ бѣдныхъ родителей, но ведшихъ свое происхожденія изъ благородной фамиліи. До принятія монашества носилъ имя Константина. Первоначальное образованіе получилъ подъ руководствомъ одного клирика. Впослѣдствіи взялъ его на свое попеченіе родной его дядя, извѣстный александрійскій патріархъ Мелетій Пига. Послѣдній озаботился дать ему европейское образованіе, для чего молодой человѣкъ былъ отправленъ въ Италію и другія просвѣщенныя страны (см. ниже стлб. 330—331). Эти путешествія онъ совершалъ, будучи уже монахомъ, при чемъ получилъ новое имя Кирилла. Въ 1595 году Мелетій, по возвращеніи Кирилла изъ заграницы, посвятилъ его сначала во діакона, а потомъ во священника (іеромонаха). Вскорѣ Кириллъ возводится въ санъ архимандрита и посылается съ цѣлію укрѣпленія православія и его приверженцевъ въ тогдашнее польское королевство. Повидимому, это происходило въ томъ же году. Въ качествѣ посланника съ христіанскаго Востока, Кириллъ титулуетъ себя такъ: Ego Cyrillus Lucari, magnus (?) archimandrita Alexandriae ecclesiae et exarchus (?) B. B. (очевидно, блаженнѣйшихъ) patriarcharum Matthei Constantinopoleos, et Meletii Alexandriae sedium, delegatus in regnum Poloniae nuncius (?) et deputatus, при этомъ онъ прибавляетъ: obedientiae mea senioribus meis, non autem ulla levitate, aut curiositate incitatus in has partes veni [ср. у Крыловскаго стр. 15—16 приложеній: „Посланіе (отъ 26 мая 1601 г.) Кирилла, великаго архимандрита и экзарха Александрійскаго, къ Львовскому Ставропигіальному братству съ убѣжденіемъ крѣпко стоять въ православной вѣрѣ и съ епископомъ Гедеономъ Балабаномъ имѣть любовь и миръ“]. Въ Польшѣ, имѣя своимъ назначеніемъ охранять православіе, Кириллъ велъ борьбу какъ съ уніатами, такъ и съ іезуитами, вообще вооружался противъ началъ папизма. Въ александрійскомъ патріархатѣ онъ считался іерокириксомъ [см. „Энц.“ VI, 323—324], а въ Вильнѣ былъ преподавателемъ. Въ 1603 году умеръ Мелетій Пига и на его мѣсто выбранъ въ патріархи Александріи Кириллъ. Въ 1612 году тотъ же Кириллъ призванъ былъ къ управленію церковію константинопольскою и получилъ уже султанскій бератъ; но, по интригамъ нѣкоторыхъ митрополитовъ константинопольской патріархаріи, долженъ былъ покинуть столицу и возвратиться въ Каиръ (тогдашнюю резеденцію александрійскаго патріарха), гдѣ и продолжалъ оставаться патріархомъ. Въ 1621 году онъ снова избранъ былъ въ патріархи Константинополя и занялъ каѳедру здѣсь. Патріаршествованіе его въ Константинополѣ было исполнено превратностей: онъ пять разъ возводился на патріаршую каѳедру и четыре раза низводился. Такимъ образомъ, его патріаршествованіе происходило съ большими или меньшими перерывами, въ теченіе коихъ каѳедру занимали другія лица. Кириллъ принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ патріарховъ XVII вѣка. Онъ заботливо относился къ такъ называемой патріаршей школѣ въ столицѣ. Его стараніями учителемъ въ этой школѣ сдѣлался очень образованный грекъ Ѳеофилъ Коридаллей. Правда, этотъ Коридаллей, какъ и самъ Лукарисъ, своими симпатіями склонялся въ пользу протестантства, но не видно, чтобы онъ въ этомъ отношеніи злоупотреблялъ своимъ положеніемъ преподавателя и увлекалъ своихъ учениковъ на сторону протестантства. Кириллъ извѣстенъ тѣмъ, что ему удалось открыть въ Константинополѣ греческую типографію для печатанія православныхъ греческихъ книгъ. Управленіе типографіею онъ поручилъ монаху

изъ Корфу Григорію Метаксѣ и началъ издавать книги для опроверженія тѣхъ многочисленныхъ сочиненій, которыя распространялись іезуитами во вредъ православія. Іезуиты всполошились и оклеветали его предъ турецкимъ правительствомъ, какъ хулителя магометанской религіи; въ доказательство же ссылались на катехизическое сочиненіе самаго Кирилла, въ которомъ онъ дѣйствительно опровергалъ магометанское ученіе, но это сочиненіе не было печатано въ Константинополѣ, а было издано въ Лондонѣ,—гораздо раньше. Судьба греческой типографіи была печальна. Турки, разгнѣвавшись на Кирилла, послали своихъ солдатъ, которые до основанія разрушили типографію и уничтожили всѣ типографскія принадлежности, а управитель ея Метакса долженъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ. Кириллъ самъ не пострадалъ только потому, что за него заступился бельгійскій посланникъ: какъ извѣстно, Кириллъ въ минуту жизни трудную всегда искалъ защиты у иностранныхъ посланниковъ въ Константинополѣ, и рѣдко обманывался въ ихъ услугахъ,—въ особенности со стороны посланниковъ протестантскихъ государей. Въ заслугу Кириллу слѣдуетъ поставить то, что онъ первый ввелъ въ константинопольской греческой церкви лѣтосчисленіе отъ года рождества Христова, такъ какъ здѣсь еще оставалось устарѣлое лѣтосчисленіе отъ сотворенія міра. Это произошло въ 1628 году. Вообще же мы должны сказать, что правленіе Кирилла константинопольскою церковію очень не богато выдающимися событіями. Нравственное состояніе константинопольскаго духовенства не только не поднялось, но даже значительно понизилось. Кирилла иногда прямо называютъ (—такъ поступаетъ, напр., Доѳисей, патр. іерусалимскій—) „сокрушителемъ добрыхъ нравовъ", ибо онъ и себѣ и прочимъ клирикамъ позволялъ носить шелковыя и другія не принятыя одежды; кромѣ того, онъ будто бы сквозь пальцы смотрѣлъ на то, что нѣкорые клирики (безбрачные) завели себѣ женщинъ сожительствующимъ (τὰς συνεισάκτους), т. е. такихъ, которыя являлись подозрительными съ точки зрѣнія скромности и цѣломудрія. Кириллъ умеръ въ 1638 году насильственною смертію. Онъ былъ оклеветанъ предъ султаномъ Муратомъ IV, какъ опасный и достойный казни измѣнникъ. По приказанію султана, онъ сначала былъ заточенъ въ одну крѣпость близъ Константиноля, а потомъ задушенъ и тѣло его брошено было въ море. Кончина его въ одномъ греческомъ сказаніи (о немъ см. въ слѣд. статьѣ стлб. 343—345) осѣнена многими чудесами, но сказаніе это—плодъ досужей фантазіи одного слѣпого приверженца Кириллова.

Γεδεών, Πατριαρχικοὶ πίνακες, Константинополь 1890, стр. 547—550. 565. Μαθᾶ, Κατάλογος τῶν πατριαρχῶν ἐν Κωνσταντινουπόλει, Аѳины 1884 (изд. 2-е), стр. 120—121. 123. Историческій списокъ патріарховъ Константинопольской церкви (не безошибочный переводъ сейчасъ названнаго сочиненія по первому его изданію), Спб. 1862, стр. 114 сл. † Проф. *И. И. Малышевскій*, Александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ и его участіе въ дѣлахъ русской церкви II (Кіевъ 1872), приложеніе 1, стр. 60. 68. 159. † Проф. *Ал. П. Лебедевъ*, Исторія греко-вост. церкви подъ властью турокъ, Спб. 1904, стр. 231. 311. 402 [см. и ниже при слѣдующей статьѣ стлб. 346—348. Акад. *В. В. Латышевъ*, Матеріалы для исторіи архіепископіи Синайской горы: „Православный Палестинскій Сборникъ" вып. LVIII, 2-я пол. (Спб. 1909), стр. 23—25. 27. 30. 31. 34. 42—44. 51. 54. 211. 213. 250. 265. 290. 326. 402 (и соотвѣтствующія страницы греческаго оригинала въ 1-й половинѣ LVIII выпуска). *Ph. Meyer* въ Realencyklopädie von Herzog-Hauck XI³, Lpzg. 1902, S. 682—690. *А. Брянцевъ*, Патріархъ Кириллъ Лукарисъ и его заслуги для православной церкви, Спб. 1870. Проф. *Пл. Н. Жуковичъ*, Сеймовая борьба православнаго западнорусскаго дворянства съ церковной уніей (до 1609 г.), Спб. 1901, стр. 181. 187. 222. 224. 296. 316. 439. 440. 592. *К. В. Харламповичъ*, Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка, отношеніе ихъ къ инославнымъ, религіозное обученіе въ нихъ и заслуги ихъ въ дѣлѣ защиты православной вѣры и церкви, Казань 1898, стр. 109. 211. 212. 222. 251. 253. 254. 255. 258. 264. 265. 266. 267. 274. 309. 310. 323. 324. 343. 352. 353. 359. 367. 387. 388. 391. 394. 407. 408. 470. *А. С. Крыловскій*, Львовское Ставропигіальное братство: опытъ церковно-историческаго изслѣдованія (Кіевъ 1904), особенно въ „приложеніяхъ" на стр. 15—16. 41—44. 67—71. 99—101. Ἀρχιμ. Χρυσοστόμος Παπαδόπουλος, Ἱστορικαὶ μελεταί, Ἐν Ἱεροσολύμοις 1906, гдѣ на стр. 207—233 трактатъ: Κύριλλος ὁ Λούκαρις καὶ ἡ ἐν Ῥώμῃ ἑλληνικὴ σχολὴ τοῦ ἁγίου Ἀθανάσιου. *Его же* Κύριλλος Λούκαρις, Ἐν Τερέστῃ 1907. Ἰεζεκιήλ Βελαντπόδης, Ὁ πολύφημος καὶ πολύσωφος Κύριλλος ὁ Λούκαρις οἰκουμενικὸς πατριάρχης (съ изображеніемъ его), Ἐν Ἀθήναις 1907 (см. въ *Ph. Meyer* въ «Theol. Literaturzeitung» 1908, 23, Sp. 653—654)].

Ал. Лебедевъ

Кириллъ Лукарисъ *и вопросъ о его православіи.*—Сношенія греческой церкви съ протестантами, достигшія значительнаго развитія въ XVI-мъ вѣкѣ при константинопольскомъ патріархѣ Іереміи II-мъ, не только не ослабѣваютъ въ дальнѣйшемъ XVII вѣкѣ, но еще расширяются, усложняются и вызываютъ знаменательныя движенія въ греческой церкви. Начало XVII-го вѣка было особенно благопріятно для сношенія грековъ съ протестантами. Въ это время усиливается вліяніе на Порту правительствъ западныхъ протестантскихъ народовъ — англичанъ, голландцевъ, шведовъ. Послы этихъ протестантскихъ правительствъ получили большой вѣсъ въ глазахъ главнѣйшихъ представителей Порты. Это преимущественно должно сказать о посольствахъ англійскомъ и голландскомъ. Порта и вообще благосклонно относилась къ протестантскимъ державамъ, а въ свою очередь послы этихъ державъ, находясь въ Константинополѣ, покровительствовали греческой церкви, видя ее непріязненно настроенною противъ папства, что было пріятно представителямъ протестантскихъ государей. Между протестантскими послами и греческою церковію устанавливались вообще добрыя отношенія, а это располагало грековъ къ болѣе обстоятельному и близкому ознакомленію съ протестантскимъ строемъ мысли и съ ученіемъ протестанскихъ религіозныхъ обществъ. Наиболѣе важнымъ средствомъ къ такому ознакомленію служили путешествія на Западъ жаждущихъ просвѣщенія грековъ. Примѣры такихъ путешествій умножились къ концу XVI-го вѣка и возросли въ началѣ XVII-го. Путешествовавшіе съ научною цѣлію греки избирали мѣстомъ своего пребыванія чаще всего протестантскія страны, въ которыхъ, какъ и естественно, они находили ученыя учрежденія и ученыхъ профессоровъ протестантскаго направленія. Выборъ этихъ именно странъ опредѣлялся прежде всего тѣмъ, что греки, если пускались въ ученое путешествіе съ ясно сознанными намѣреніями, избѣгали такихъ западныхъ центровъ просвѣщенія, въ которыхъ господствовала папская ферула. Не рѣдко, при томъ же, путешествующіе по Западу, греки предпринимали это трудное дѣло съ прямымъ намѣреніемъ отыскать для себя орудія, наиболѣе пригодныя въ борьбѣ съ притязательнымъ и неугомоннымъ римско-католицизмомъ. Въ виду всего этого греки, желавшіе изучать науки, больше всего устремлялись въ Англію, Германію, Швейцарію, Голландію. Такъ было и съ Кирилломъ Лукарисомъ. Родственникъ его извѣстный александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ, заботившійся о послѣднемъ,—по достиженіи имъ двѣнадцатилѣтняго возраста—отправилъ юношу на Западъ, гдѣ только и можно было тогдашнему греку получить основательное научное образованіе. Сначала Кириллъ учился въ Венеціи: здѣсь имъ пріобрѣтено было образованіе, подготовлявшее его къ прохожденію высшаго курса наукъ, для чего онъ переправляется въ Падую ради занятій въ тамошнемъ университетѣ. Этотъ городъ принадлежалъ венеціанской республикѣ, а потому здѣсь наука мало была стѣснена по отношенію къ свободѣ преподаванія: папскій гнетъ, котораго такъ опасались и боялись греки того времени, тутъ отсутствовалъ. У кого же и чему учился Кириллъ въ Падуѣ? Насколько правительство здѣсь обнаруживало заботливость о нравственномъ поведеніи учащихся, настолько же оно оставляло безъ вниманія характеръ и направленіе учащихъ. Уже объ Яковѣ Забореллѣ, падуанскомъ профессорѣ, у котораго раньше учился Мелетій Пига, извѣстно, что это былъ скептикъ, и о немъ говорили даже, что онъ не вѣрилъ въ безсмертіе души. А о Цезарѣ Кремонини, считавшемся первымъ философомъ своего времени, привлекавшимъ къ себѣ сердца своихъ учениковъ, врагѣ вновь возникшаго ордена іезуитовъ, ходатайствовавшемъ предъ правительствомъ страны о закрытіи іезуитскихъ школъ въ венеціанской республикѣ—о немъ сами ученики утверждали, что онъ не питалъ вѣры въ безсмертіе души и держался превратныхъ мыслей о промыслѣ Божіемъ и происхожденіи міра. Другой знаменитый падуанскій профессоръ того времени Пикколомини представлялъ собою обратную крайность, ибо былъ жаркимъ приверженцемъ папизма. Изъ двухъ этихъ преподавателей Кириллъ, повидимому, отдавалъ предпочтеніе Кремонини. Но, конечно, вліяніе этого послѣдняго не могло быть благотворнымъ на умы слушавшихъ у него уроки. Кириллъ оставался въ Падуѣ до 23-лѣтняго возраста.

Его занятія главнымъ образомъ сосредоточивались на тѣхъ сторонахъ философской науки, на которыя въ то время принято было обращать особенное вниманіе,—на діалектикѣ, метафизикѣ и этикѣ въ духѣ аристотелизма. Кромѣ того, онъ изучилъ здѣсь древнегреческій, латинскій и итальянскій языки. Что касается богословскихъ знаній, то сомнительно, чтобы онъ могъ въ это время освоиться съ этою отраслію науки [1]). Чрезъ нѣсколько времени, въ санѣ уже архимандрита, Кириллъ,—кажется, по собственной инипіативѣ,—предпринялъ вторичное путешествіе на Западъ, именно въ страны протестантскія. Въ началѣ XVII-го вѣка Кириллъ Лукарисъ отправляется въ Женеву и Виттенбергъ,—два извѣстнѣйшіе центра протестантизма, при чемъ вѣроятнѣе, что уже изъ Виттенберга онъ перебрался въ Женеву. Виттенбергъ въ это время еще твердо хранилъ преданія главы протестантизма и считался Дельфами лютеранской Германіи. Безъ сомнѣнія, Кириллъ проживалъ въ названномъ городѣ у кого-либо изъ профессоровъ университета, такъ какъ тогда было въ обычаѣ, что профессора брали себѣ по возможности больше нахлѣбниковъ изъ числа студентовъ. Философское образованіе въ Виттенбергѣ въ началѣ XVII-го вѣка ограничивалось исключительно учебниками Меланхтона и вообще было очень недостаточнымъ. Еще въ XVI вѣкѣ раздавались жалобы на то, что въ лютеранскихъ университетахъ изгонялась почти всякая философія. Въ богословіи здѣсь господствовали принципы лютеранизма, все же, что носило печать кальвинизма, подвергалось преслѣдованію. Нужно думать, что Кириллъ не долго оставался въ Виттенбергѣ. Но, во всякомъ случаѣ, онъ принятъ былъ здѣсь очень предупредительно; ему оказываема была и помощь матеріальная и при томъ значительная (по сообщенію Льва Алляція). Изъ этого города Кириллъ отправляется въ Женеву. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что Женева въ концѣ XVI го вѣка стала кальвинистическимъ Римомъ, а его теологи священной коллегіей кальвинизма. Такимъ процвѣтаніемъ разсматриваемый городъ обязанъ къ особенности талантамъ тамошняго профессора Деодати. И здѣсь Кириллъ Лукарисъ имѣлъ возможность расширить и обогатить кругъ своихъ богословскихъ познаній, равно какъ пріобрѣлъ вполнѣ достаточное знакомство съ религіозными доктринами, составлявшими характеристическую особенность реформатской церкви [1]).

Вся западная наука, какъ римско-католическая, такъ и протестантская допускала и допускаетъ, что Кириллъ Лукарисъ, ставшій потомъ константинопольскимъ патріархомъ, является въ исторіи греческой церкви сторонникомъ протестантскихъ воззрѣній. Основаніемъ для такого научнаго отношенія къ Кириллу Лукарису служатъ многочисленныя письма его къ нѣкоторымъ представителямъ протестантизма того времени, письма—своимъ содержаніемъ, а также существующее подъ его именемъ „Исповѣданіе вѣры“, какъ извѣстно, протестантскаго или точнѣе кальвинистическаго характера. Впрочемъ, указанное воззрѣніе можно находить у значительнаго числа греческихъ и русскихъ писателей и ученыхъ.

Вотъ прежде всего слова Досиѳея, патріарха іерусалимскаго (XVII в.): „Кириллъ Лукарисъ былъ тайный еретикъ, какъ это открылось изъ многочисленной его корреспонденціи,—конечно, скрытной и веденной воровски“ [2]); еще: въ „молодости Кириллъ оказалъ пользу каѳолической церкви въ различныхъ мѣстахъ, въ особенности тогда, когда, будучи отправленъ въ Россію александрійскимъ патріархомъ Мелетіемъ, много и сильно ратовалъ за православіе, но подъ конецъ своей жизни умолкъ и не вступилъ въ надлежащую борьбу противъ кальвинистовъ, а потому показалъ себя зломудрымъ и недостойнымъ престола и сана; онъ, какъ разрушитель нравовъ и какъ злоумышлявшій противъ православія, не можетъ получить никакой пользы отъ того, что его гробъ находится въ церкви“; при этомъ Досиѳей прибавляетъ, что одинъ изъ почитателей Кирилла, пресвитеръ Евгеній изъ Этоліи, человѣкъ пропитанный кальвинизмомъ, со-

---

[1]) Pichler, Geschichte des Protestantismus in d. orientalischen Kirche im 17 Jahrhund. (München 1862), S. 45—47. 50.

[1]) Pichler. ibid., S. 61—64.

[2]) Ἱστορία περὶ τῶν ἐν Ἱεροσολύμοις πατριαρχευσάντων..., стр. 1171 (кн. 11, гл. 10),

чинилъ канонъ и вообще цѣлую службу въ честь Кирилла, какъ святого, однако былъ отлученъ за это отъ церкви [1]). Въ другомъ своемъ сочиненіи, написанномъ въ 1694 г., тотъ же Досиѳей помѣщаетъ имя Кирилла Лукариса между именами Лютера, Кальвина и другими, пользовавшимися дурной репутаціей [2]). Греческій писатель Александръ Элладій (кон. XVII и нач. XVIII в.) пишетъ: „люди ученые не станутъ отрицать, что Кириллъ былъ пропитанъ мнѣніями Іоанна Кальвина“; „Кириллъ былъ ученикъ Кальвина, а не сынъ церкви греческой“, подтверждая такое свое сужденіе выдержками изъ писемъ Кирилловыхъ къ нѣкоторымъ протестантамъ [3]). Ученый греческій архимандритъ Андроникъ Димитракопулъ († 1872 г.) не находилъ основаній обѣлять Кирилла, когда ему приходилось выразить свое мнѣніе о послѣднемъ, и не усматриваетъ возможности приписывать составленіе извѣстнаго „Исповѣданія“ злонамѣреннымъ людямъ, желавшимъ повредить названному константинопольскому патріарху [4]). Греческій ученый нашего времени Маркъ Реніерисъ, касаясь личности Лукариса, тоже не сомнѣвается, что тяготѣющее надъ нимъ обвиненіе принадлежитъ къ области историческихъ фактовъ, а для характеристики его онъ влагаетъ отъ себя слѣдующія слова въ уста Кирилла Лукариса (слова, которыхъ послѣдній, можетъ быть, никогда и не произносилъ): „теперь должно рѣшиться будущее христіанскаго міра: изъ гигантской борьбы долженъ выйти побѣдителемъ или папизмъ или протестанство; Нотара (извѣстное историческое лицо) нѣкогда говорилъ: „лучше видѣть въ Константинополѣ турецкую чалму, чѣмъ латинскую тіару, я же (Кириллъ) скажу: лучше видѣть здѣсь протестаномудрствующаго патріарха, чѣмъ жалкаго іезуита“, въ другомъ мѣстѣ М. Реніерисъ замѣчаетъ: „издавъ извѣстное Исповѣданіе, Кириллъ тѣмъ самымъ явно протянулъ руку кальвинизму“ [1]). Что касается русскихъ ученыхъ, то и между ними можно находить такихъ, которые не становятся на сторонѣ защитниковъ правовѣрія Кирилла Лукариса. Такъ, † проф. И. Е. Троицкій присоединяется къ возрѣніямъ приведеннымъ выше о. Димитракопула [2]). Не стремится сколько-нибудь защитать Кирилла, хотя къ этому - былъ очень прямой поводъ, и извѣстный нашъ ученый преосвящ. Порфирій (Успенскій) [3]).

Однако, другіе изъ ученыхъ и писателей безо всякаго колебанія становятся на сторону апологетовъ Кирилла Лукариса и стараются очистить его отъ всякихъ обвиненій въ неправославіи. Такъ поступаетъ большинство современныхъ намъ греческихъ историковъ. Константинъ Саѳа, принимая во вниманіе отзывъ о Кириллѣ іерусалимскаго патріарха Ѳеофана (нач. XVII в.), именуетъ его „мудрѣйшимъ патріархомъ“ и замѣчаетъ, что Кириллъ „былъ настолько далекъ отъ ереси, что это во истину такой архіерей, котораго, согласно слову Ап. Павла (Евр. 7, 26), можно называть преподобнымъ, незлобивымъ“ и проч. Этотъ писатель отрицаетъ принадлежность Лукарису,—изданнаго съ именемъ послѣдняго,—Исповѣданія, считая его подлогомъ. А на возможное возраженіе, почему въ такомъ случаѣ патріархъ не заявилъ публично объ этомъ подлогѣ, Са а говоритъ, что для Кирилла было не безопасно рѣшиться на такой шагъ, имѣвшій разгнѣвать протестантское посольство въ Константи-

[1]) Παπαδοπούλου Κεραμέως Ἀνάλεκτα ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας, т. I (Спб. 1891), стр. 278; въ этомъ томѣ напечатаны, между прочимъ, отрывки изъ Досиѳеевой „Исторіи іерусалимскихъ патріарховъ“, въ свое время почему-то въ нее не вошедшіе; у насъ приводится изъ 12-й главы 11 книги.

[2]) *Legrand,* Bibliographie hellénique III (Paris 1895), p. 35 (здѣсь помѣщенъ отрывокъ изъ сочиненія Досиѳея: Ἐγχειρίδιον κατὰ Ἰωάννου τοῦ Καρυοφύλλου).

[3]) *Helladii* Status praesens ecclesiae Graecae (Спб. 1714), p. 242. 246.

[4]) Проф. *И. Е. Троицкаго,* Учено-литературные труды архиманд. Андроника Димитракопула („Христ. Чтен.“ 1873, III, 622).

[1]) Ῥενιέρης, Μητροφάνης Κριτόπουλος καὶ οἱ ἐν Ἀγγλίᾳ καὶ Γερμανίᾳ φίλοι αὐτοῦ (Аѳины 1893), стр. 100. 104.

[2]) „Христ. Чтен.“ 1873, III, 622—623.

[3]) Еп. *Порфирія* Первое путешествіе въ Аѳонскіе монастыри II, отд. 2 (Москва 1880), стр. 229—231 (здѣсь приведено у автора очень интимное письмо Кирилла къ архіепископу кантербюрійскому, не чуждое похвалъ по адресу того вѣроиспо вѣданія, къ которому принадлежалъ послѣдній).

нополѣ, на которое онъ опирался въ борьбѣ съ іезуитами, всячески вредившими этому патріарху, но что онъ намѣревался сдѣлать заявленіе о такомъ подлогѣ впослѣдствіи, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ [1]). Изъ числа греческихъ ученыхъ нашего времени приведемъ сужденіе профессора церковной исторіи въ аѳинскомъ университетѣ Діомида Киріака; это сужденіе, при всей его краткости, можетъ однако служить типическимъ образчикомъ воззрѣній греческой богословской науки. „Въ 1629 году,—пишетъ онъ,—появилось въ Женевѣ кальвинистическаго характера «Исповѣданіе восточной церкви» съ именемъ Кирилла. Неизвѣстно, — заявляетъ Киріакъ, —кто написалъ это Исповѣданіе. Вѣроятнѣе всего, его издали іезуиты, чтобы возбудить къ патріарху непримиримую вражду. Кириллъ, впрочемъ, не преминулъ объявить на слозахъ, что онъ не былъ авторомъ «Исповѣданія», да и проповѣди, которыя онъ произносилъ до этого случая и послѣ него, свидѣтельствовали, что онъ не держался ложнаго ученія [2]). При томъ невѣроятно, чтобы столь благоразумный человѣкъ, какъ Кириллъ, могъ разсчитывать, что путемъ такого легкомысленнаго обмана (т. е. путемъ обнародованія «Исповѣданія» протестантскаго характера съ именемъ патріарха) возможно было въ самомъ дѣлѣ обратить восточную церковь въ протестантство. А если же Кириллъ письменно не заявилъ о томъ, что онъ не былъ авторомъ «Исповѣданія», то такъ поступилъ онъ изъ деликатности предъ своими многочисленными протестантскими друзьями и изъ чувства признательности къ посольствамъ протестантскихъ державъ въ Константинополѣ, расположеніемъ каковыхъ посольствъ онъ дорожилъ въ тяжелой борьбѣ съ іезуитами и папизмомъ“. Киріакъ, впрочемъ, не молчитъ о той близости къ протестантамъ, какая отличала этого патріарха; онъ замѣчаетъ: „его отношенія къ теологамъ — кальвинистамъ были извѣстны, поскольку онъ не таилъ ихъ, и въ столицѣ“ (Константинополѣ); но въ чемъ заключались эти отношенія, какъ смотрѣть на переписку его съ подобными теологами, историкъ не объясняетъ [1]).— Нѣкоторые русскіе богословы съ своей стороны присоединяются къ голосу сейчасъ указанныхъ греческихъ ученыхъ. Авторъ монографіи о Кириллѣ Лукарисѣ, архимандритъ (архіеп.) Арсеній (Брянцевъ) пишетъ: „протестанты, какъ оказалось, вели знакомство съ этимъ патріархомъ между прочимъ и съ тою цѣлію, чтобы склонить его, а затѣмъ и его церковь къ церковному единенію съ собою; но со стороны Кирилла никогда не видно было сочувствія этому. Съ твердымъ упованіемъ на Бога и съ совершеннымъ довѣріемъ къ своей паствѣ, Кириллъ, единственно по нуждамъ церкви, дозволилъ себѣ вступить въ сношенія съ протестантскими государями и ихъ представителями на Востокѣ... Сильное слово его почти не умолкало. Изъ устъ его съ церковной каѳедры слышались постоянно святыя истины вѣры и обличеніе неправомыслящихъ“ [2]). Авторъ отвергаетъ принадлежность Кириллу какъ извѣстнаго «Исповѣданія вѣры», такъ и всѣхъ писемъ его къ протестантамъ, наиболѣе компрометирующихъ этого патріарха. Съ такою же рѣшительностію принимаетъ подъ свою защиту Лукариса и † проф. И. И. Малышевскій. Вотъ его слова: „Подозрѣнія въ протестантствѣ касательно Лукариса были такъ серьезны, что перенесены были съ его лица и на всю восточную церковь, причинили немало соблазновъ и смутъ. Дѣйствительно, Кириллъ выражался, что желаетъ такого единенія съ протестантами, которое основывалось бы на единомъ краеугольномъ камнѣ Іисусѣ Христѣ. Однако онъ не становился на протестантскую точку зрѣнія, твердо стоялъ за догматы и существенныя установленія православной церкви. Что

[1]) *Σάθα*, Νεοελληνικὴ φιλολογία (Аѳины 1868), стр. 246—247.

[2]) По поводу проповѣдей Кирилла будетъ умѣстно привести слѣдующее замѣчаніе извѣстнаго ученаго ректора моск. Дух. Академіи протоіерея *А. В. Горскаго*: „Церковныя поученія (Кирилла Лукариса) не представляли удобства для проповѣданія новыхъ (т. е. протестантскихъ) мнѣній“, см. „Прибавл. къ твор. св. отцовъ“, т. 24 (1871 г.), стр. 603.

[1]) Κυριάκου Ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία III, (Аѳины 1898), стр. 93—94.

[2]) Арх. *Арсеній*, Патр. К. Лукарисъ и его заслуги для церкви; изд. 2-ое (Симферополь 1881), стр. 204—206. Ср. о немъ „Энц.“ I, 1068.

касается до пресловутаго «Исповѣданія вѣры», явившагося за подписью Кирилла въ 1631 г. (?) и проникнутаго протестантскими мнѣніями, то въ подложности его не можетъ быть сомнѣнія. Есть мнѣніе, что его выпустили іезуиты, чтобы, выставивъ Кирилла еретикомъ, найти между греками пособниковъ своей злобы противъ него. Мы однако склоняемся, пишетъ авторъ, къ другому мнѣнію, что это «Исповѣданіе» сочинено кѣмъ-либо изъ протестантовъ или грековъ (?), единомышленныхъ съ ними, и оглашено подъ именемъ Кирилла и что оно, быть можетъ (?), не сразу получило окончательную редакцію". Онъ же утверждаетъ, что въ массѣ изданныхъ писемъ Кирилла нашли себѣ мѣсто и подложныя письма, выражая сожалѣніе, что подлинныя письма его далеко не всѣ изданы[1]).

Къ какому же изъ приведенныхъ двухъ противоположныхъ мнѣній слѣдуетъ присоединяться? Дѣло, повидимому, крайне трудное, но изслѣдователя исторіи Кирилла Лукариса выводитъ изъ затрудненій и ставитъ на торную дорогу очень извѣстный французскій ученый Эмиль Легранъ, выпустившій въ свѣтъ (на франц. языкѣ) пятитомное изданіе подъ заглавіемъ: „Эллинская библіографія или систематическое описаніе сочиненій, обнародованныхъ греками въ XVII-мъ вѣкѣ" (Парижъ 1894—1903 г.), гдѣ находимъ документы и свѣдѣнія, проливающіе обильный свѣтъ на занимающій насъ вопросъ. Оказывается, что въ воззрѣніяхъ на Кирилла права западная наука, а вмѣстѣ съ нею и тѣ изъ восточныхъ писателей, которые соглашались съ нею въ данномъ случаѣ или по крайней мѣрѣ, не считали справедливымъ отстаивать обратныхъ воззрѣній. Новое даетъ Легранъ прежде всего по вопросу о такъ называемомъ „Исповѣданіи вѣры" Кирилла, —Исповѣданіи явно протестантскаго характера. Нужно сказать, что это произведеніе Кирилла издано было двукратно при его жизни: разъ на латинскомъ языкѣ и разъ на греческомъ. Первое появилось въ 1629 г. въ Женевѣ, не только отъ имени Кирилла, но и отъ имени прочихъ восточныхъ патріарховъ. Французскій ученый имѣлъ подъ руками это самое первое изданіе (впослѣдствіи „Исповѣданіе" это не разъ было перепечатано) и въ немъ на послѣдней страницѣ нашелъ слѣдующую замѣтку, сдѣланную тоже на лат. языкѣ: „эта копія списана съ автографа, написаннаго собственною рукой патріарха Кирилла, которую я очень хорошо знаю, оригиналъ остается у меня, при чемъ я удостовѣряю, что копія буквально сходна съ оригиналомъ, какъ показываетъ сдѣланное мною сличеніе; затѣмъ слѣдуетъ подпись имени Корнелія Гагена, голландскаго протестанта, находившагося въ это время при посольствѣ въ Константинополѣ (I, стр. 267—268). Конечно, можно бы думать, что замѣтка эта по ея содержанію есть плодъ фантазіи и злонамѣренности. Но такое предположеніе оказывается не основательнымъ при ознакомленіи съ документами и свѣдѣніями касательно греческаго изданія Кириллова „Исповѣданія". Греческая редакція этого послѣдняго (съ латинскимъ переводомъ) появилась въ 1633 году и опять въ Женевѣ. Произведеніе это напечатано было, повидимому, послѣ продолжительнаго обсужденія этого дѣла. До насъ сохранилось что-то въ родѣ настоящихъ протоколовъ, въ которыхъ записывались различныя стадіи предпринятаго печатанія. Эмиль Легранъ пишетъ: „въ архивахъ женевской консисторіи находится нѣсколько документовъ, касающихся опубликованія этого изданія *Исповѣданія вѣры.* Они помѣщены въ регистрѣ Общества пасторовъ и профессоровъ женевской церкви и школы". Затѣмъ ученый французъ приводитъ цѣликомъ нѣкоторыя изъ протокольныхъ записей, которыя велись указаннымъ Обществомъ. Вотъ, напримѣръ, одна, помѣченная: „пятница, 2 декабря, 1631 года. Господинъ Деодати (профессоръ женевскаго университета), нашъ братъ, доложилъ, что онъ получилъ письмо г-на Лежера (протестантскаго пастора при голландскомъ посольствѣ въ Константинополѣ) и полное *Исповѣданіе* константинопольскаго патріарха и что названный патріархъ добровольно сдѣлалъ надписаніе на немъ и посвященіе женевскому Обществу. Разсуждали о тщательномъ напечатаніи этого Испов-

[1]) Александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ (Кіевъ 1872), стр. 569—571; впрочемъ, не видно, чтобы авторъ имѣлъ случай близко изучать исторію Кирилла Лукариса.

данія. Такъ какъ оно написано на греческомъ языкѣ, то опредѣлено было перевести его на латинскій и французскій языки и для этой цѣли назначались профессора теологіи и г-нъ Лоренсъ. Что же касается посвященія его Обществу, то оно найдено было излишнимъ". Другая запись изъ тѣхъ же протоколовъ. „Пятница, 22 марта 1633 года. Заявлено, что печатаніе *Исповѣданія* патріарха окончено. Въ Обществѣ шло разсужденіе о томъ, нужно ли присоединить къ нему какое-либо предисловіе; Общество нашло это нужнымъ и поручило составить предисловіе Деодати и Леклерку. Признали за благо, чтобы изданіе Исповѣданія помѣчено было именемъ города Женевы". Приведя эти и еще нѣкоторые отрывки изъ протокольныхъ записей Общества, Легранъ пишетъ: „большинство грековъ, писавшихъ о Кириллѣ Лукарисѣ, не соглашаются принимать, чтобы авторомъ *Исповѣданія* было то лицо, чье имя оно носитъ. Съ ихъ точки зрѣнія невозможно, чтобы патріархъ константинопольскій позволилъ себѣ измѣнить православію! Но этотъ вопросъ (если только это еще вопросъ),—замѣчаетъ Легранъ,—очень нетрудно распутать. Женевская публичная библіотека владѣетъ греческимъ оригиналомъ *Исповѣданія вѣры*, написаннымъ рукою самого Кирилла Лукариса. Мы, думаемъ, что fac-simile первой страницы этого драгоцѣннаго документа будетъ въ состояніи разсѣять всѣ сомнѣнія на этотъ счетъ (здѣсь же французскій ученый печатаетъ fac-simile первыхъ восьмнадцати строкъ оригинала, на греческомъ языкѣ). И пусть лица, отрицающія подлинность *Исповѣданія*,—продолжаетъ Легранъ,—въ особенности изъ числа тѣхъ, которыя находятся въ Константинополѣ, возьмутъ на себя трудъ сравнить этотъ очень хорошо извѣстный почеркъ съ автографами Кирилла, имѣющимися въ ихъ распоряженіи, напримѣръ съ манускриптами (№ 263) въ библіотекѣ святогробскаго метоха (въ Константинополѣ). Мы увѣрены, что послѣ минутнаго сличенія тождество этихъ двухъ почерковъ откроется для нихъ во всей ясности". Затѣмъ тотъ же ученый пишетъ: „оригиналъ *Исповѣданія вѣры* Кирилла Лукариса находится въ Женевѣ между греческими рукописями" [при этомъ онъ дѣлаетъ такое описаніе рукописи, какое принято дѣлать въ подобныхъ случаяхъ] и обращаетъ вниманіе на слѣдующую замѣтку, имѣющуюся на 24 страницѣ этого оригинала: „Αὐτόγραφον. Confessio Cyrilli patriarchae gr. sine locis scripturae [1]) manu propria autoris ex Musaeo D. Deodati in Bibl. publ. translata autoritate publica". Изъ этой приписки видно, что издатели старались и на будущее время предохранить себя отъ естественнаго подозрѣнія въ подлогѣ напечатаннаго ими *Исповѣданія* [2]). Заканчивая передачу свѣдѣній о манускриптѣ этого послѣдняго, Легранъ говоритъ; „къ этому оригиналу приложена копія съ него, а въ концѣ ея читаются слѣдующія слова (на греческомъ языкѣ), написанныя рукою Кирилла: «настоящій списокъ согласенъ съ оригиналомъ, начертаннымъ нашею рукою. Въ спискѣ такимъ образомъ буквально воспроизведено вышеписанное. И пусть никто въ этомъ не сомнѣвается». Слѣдуетъ собственноручная же подпись патріарха: „Кириллъ патріархъ константинопольскій" (Legrand I, 315—319).

Въ 1873 году † проф. И. Е. Троицкій при одномъ случаѣ говорилъ: „къ сожалѣнію, въ извѣстномъ кружкѣ греческихъ ученыхъ обвиненіе католиковъ и протестантовъ въ поддѣлкѣ сочиненій разныхъ греческихъ богослововъ сдѣлалось своего рода конькомъ, на которомъ они слишкомъ часто и весьма неосторожно выѣзжаютъ. Рѣчь идетъ здѣсь между прочимъ и объ *Исповѣданіи* Кирилла Лукариса. Обыкновенно къ нему обращаются всякій разъ, когда не оказывается другихъ средствъ опровергнуть то или другое, почему-либо не нравящееся автору (т. е. греку), мнѣніе объ извѣстномъ богословѣ, тотъ или другой взглядъ на него, основанный на томъ или другомъ его произведеніи. Безъ дальнихъ околичностей они спѣшатъ обозвать это

---

[1]) Sine locis sprípturae, т. е. безъ ссылокъ на Свящ. Писаніе, относящихся къ тому или другому пункту разсматриваемаго исповѣданія,—ссылокъ, которыя помѣщены въ печатномъ изданіи его, но не находятся въ оригиналѣ.

[2]) Тоже стремленіе ясно видно въ предисловіи къ 1-му изданію *Исповѣданія* (*Legrand* 1, 316).

произведеніе подложнымъ и дѣлу конецъ". „А что, если отыщется,—замѣчаетъ этотъ ученый,—автографъ и несчастнаго *Исповѣданія* Кириллова, какъ отыскался [въ 60-хъ годахъ XIX в. оправдавшій его отъ подозрѣній въ преданности къ протестантству] автографъ (александрійскаго патріарха, современника Лукарисова) «Исповѣданія» Митрофана Критопула"? [1]). И вотъ предчувствіе автора вышеприведенныхъ строкъ исполнилось! Кажется, въ настоящее время вопросъ о подлинности *Исповѣданія* Кирилла вышелъ—и притомъ навсегда—изъ области тягостныхъ сомнѣній и мучительнаго недоумѣнія...

Греческіе писатели, писавшіе о Кириллѣ Лукарисѣ и не признававшіе подлинности „Исповѣданія" этого послѣдняго, вмѣстѣ съ тѣмъ обыкновенно, безъ дальнихъ разсужденій отвергали и подлинность изданной на Западѣ „переписки" этого патріарха съ его протестантскими друзьями. Они, конечно, поступали правильно со своей точки зрѣнія: если „Исповѣданіе" Кириллово подлогъ, то, въ значительной мѣрѣ служащая иллюстраціей къ этому Исповѣданію, переписка его съ протестантами, свѣдѣнія о которой шли съ Запада, должна была раздѣлять общую участь съ первымъ документомъ. Значитъ, когда теперь разъяснено современное научное положеніе вопроса объ „Исповѣданіи", и намъ можно было бы и не входить въ какія-либо подробности касательно указанной переписки Кирилла съ западными иновѣрцами: если должно быть признано подлиннымъ „Исповѣданіе", то нѣтъ причинъ относиться скептически и отвергать подлинность и переписки. Но есть сему и фактическія подтвержденія. Легранъ снова издалъ почти всю переписку Кирилла съ представителями протестантства и притомъ на основаніи лучшихъ источниковъ. Такъ, 14 писемъ Кирилла къ Давиду де-Вильгельму, писанныя частію на латинскомъ, а частію на итальянскомъ языкахъ, переизданы Леграномъ, по его словамъ (IV, 313), „на основаніи ихъ оригиналовъ, сохранившихся въ университетской библіотекѣ въ Лейденѣ", то есть, какъ нужно думать, на основаніи автографовъ патріарха константинопольскаго. Одно изъ латинскихъ писемъ Кирилла къ голландскому теологу Юитенбогаэрту (Uytenbogaert) переиздано Леграномъ, какъ онъ говоритъ, съ автографа, принадлежащаго вышеназванной библіотекѣ, а другое такое же письмо переиздано по копіи, сохранившейся въ женевской публичной библіотекѣ (ibid. IV, 291—292). Въ припискѣ къ одному письму Кирилла, сохранившемуся въ копіи, читаются, по сообщенію Леграна, слѣдующія любопытныя слова: „это есть копія письма Кирилла, патріарха константинопольскаго, писаннаго его собственною рукой къ достопочтеннѣйшимъ сенаторамъ (швейцарской) республики и уважаемому Обществу пасторовъ и профессоровъ женевской церкви и университета; копія буквально сходна съ оригиналомъ. Въ этомъ удостовѣряемъ мы нижеподписавшіеся отъ имени цѣлаго вышеназваннаго Общества". Затѣмъ слѣдуютъ подписи: Превостъ, Деодати, Спангеймъ и стоитъ дата: Женева, 3 апрѣля, 1637 (ibid. IV, 456). Нѣкоторыя письма Кирилла, имѣющія интересъ въ нашемъ вопросѣ, изданы французскимъ ученымъ еще въ первый разъ, и опять-таки, по словамъ его, „на основаніи оригинала или по крайней мѣрѣ,—прибавляетъ осторожный издатель,—съ копіи, сдѣланной самимъ Кирилломъ Лукарисомъ" (ibid. IV, 329). Такимъ образомъ во вновь изданныхъ письмахъ Кирилла мы находимъ не иное что, какъ документы высокой важности для исторіи этого патріарха константинопольскаго [1]).

---

[1]) См. „Христ. Чтен." 1873, III, 623—627.

[1]) Греческіе писатели и вообще защитники Кирилла Лукариса, изъявляющіе стремленіе снять съ него обвиненіе въ приверженности къ протестантизму (каковы, напр., церк. историкъ Мелетій митр. аѳинскій, и проф. Малышевскій) указываютъ на одно мѣсто изъ письма Кирилла къ Юитенбогаэрту, писаннаго въ 1612 году, въ которомъ находятъ ясно выраженное осужденіе протестантскихъ нововведеній. Вотъ это мѣсто: „восточную церковь упрекаютъ въ невѣжествѣ (ἀμάθεια), находя, что знанія и философія перешли въ другія мѣста. Но Востокъ теперь тѣмъ и счастливъ, что неученъ: вслѣдствіе этого онъ не знаетъ тѣхъ губительныхъ вопросовъ, которые поражаютъ слухъ въ настоящее время: ему остаются неизвѣстны новые чудовищные вымыслы (αἱ καινοτομίαι), которыхъ скорѣе нужно бояться, а не принимать ихъ" (Aymon, p. 128). Но намъ удалось

Защитники православія Кирилла взираютъ на насильственную смерть этого патріарха, какъ на святое мученичество, которое будто бы сопровождалось чудесами. Но нужно знать, кто оставилъ намъ описаніе смерти Кирилла и съ какимъ намѣреніемъ оно сдѣлано. Описателемъ кончины Кирилла былъ грекъ Наѳанаилъ Канопій. Уроженецъ острова Кипра, онъ состоялъ протосинкелломъ при патріархѣ Кириллѣ Лукарисѣ. Подобно этому послѣднему, Канопій показывалъ себя приверженцемъ протестантизма. Посѣщалъ Англію и Голландію, и въ послѣдней, прельстившись дарами и лестными обѣщаніями, принялъ на себя трудъ перевода на греческій языкъ богословскихъ наставленій (т. е. Institutiones) Іоанна Кальвина[1]) съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы потомъ распространить это сочиненіе между греками. Отъ этого-то Канопія и дошло до насъ любопытное описаніе смерти Кирилла Лукариса, находящееся въ греческомъ письмѣ его къ кальвинскому пастору Антону Лежеру. „Письмо это,—по увѣренію Пихлера,—почитается кальвинистами, какъ своего рода апостольское посланіе". Содержаніе письма Канопія таково. „Страшнѣйшее несчастіе постигло насъ, такъ какъ Кириллъ Контарисъ (сдѣлавшійся преемникомъ Лукариса по смерти его), это орудіе діавольское, еще разъ разбойнически низвергъ съ патріаршей каѳедры святѣйшаго и православнѣйшаго патріарха и—ужаснись солнце, подвигнись земля, возрыдай учитель [такъ наименованъ здѣсь кальвинистъ—пасторъ Лежеръ], смѣшай свои слезы съ нашими!—убилъ праведника, мужа благочестиваго, который столь долго времени былъ убѣжищемъ благочестія (т. е. конечно, кальвинизма); увы, кто дастъ главѣ моей воду и очамъ моимъ источники слезъ, чтобы я могъ непрестанно оплакивать этого мужа, котораго погубили нечестивые паписты [самъ Кириллъ тоже любилъ выставлять папистовъ крайними интриганами]; увы, увы исчезли мои тѣлесныя силы и моя душа не въ тѣлѣ моемъ". Затѣмъ повѣствуется, при какихъ обстоятельствахъ Кириллъ Контарисъ возвелъ обвиненіе на патріарха въ политическомъ преступленіи, и султанъ далъ приказаніе умертвить его. Послѣ этого Канопій продолжалъ такъ: „Пятеро палачей съ Ахметомъ Агою во главѣ неожиданно схватили престарѣлаго патріарха и повели его въ укрѣпленный замокъ на западномъ берегу Босфора. Я посѣтилъ его здѣсь и выпросилъ у него позволеніе спастись бѣгствомъ въ Англію [симпатіи Лукариса всегда склонялись въ пользу протестантской Англіи, сюда же онѣ склоняются и у его протосинкелла]; но такъ какъ изъ боязни предъ стражей онъ не рѣшился писать письмо, то отправилъ меня къ англійскому посланнику. Едва я счастливо избѣжалъ стражи, какъ около девяти часовъ пришли къ нему 15 янычаровъ, два судьи и палачъ, и такъ какъ Варавва (т. е., конечно, Кириллъ Контарисъ) получилъ свободу, то Іисуса (!) повели на смерть [авторъ очевидно дерзаетъ проводить параллель между Господомъ Христомъ и Лукарисомъ!]. Подъ тѣмъ предлогомъ, что у семибашеннаго замка, въ Санъ-Стефано, приготовленъ корабль, на которомъ его отправятъ въ ссылку, они посадили патріарха на лодку. Блаженный патріархъ не вѣрилъ ихъ словамъ, а потому палъ на колѣни и со слезами вознесъ молитву Богу. Когда на заходѣ солнца прибыли они въ назначенное мѣсто, сдѣланъ былъ роздыхъ, а съ наступленіемъ ночи патріархъ былъ удавленъ рукою палача. Одежды они сняли съ него и раздѣлили между собою [опять уподобленіе Христу] и продали ихъ на слѣдующее утро на городскомъ рынкѣ, говоря, что это одежды патріарха. Но какъ скоро народъ, турки (!), іудеи (!), христіане и армяне (!) услыхали объ этомъ, поднялся плачъ и воз-

---

уяснить, что на языкѣ Кирилла „новшество" въ религіозномъ смыслѣ, означало не новыя вѣрованія протестантовъ, а нововведенія, допущенныя въ папской церкви. Въ этомъ убѣждаютъ слѣдующія слова Кирилла, находящіяся въ письмѣ его, писанномъ нѣсколько позже: „Съ давняго времени она (папская церковь) начала домогаться приматства..., выдумала многія новшества (innovationes), какъ изъ источниковъ забили новые догматы (nova dogmata), которые подтверждались указами, декретами, буллами" (*Legrand* IV, 337). Что же касается протестантскихъ новшествъ, то Кириллъ съ тѣхъ поръ, какъ сталъ сближаться съ протестантами, не обнаруживаетъ никакого страха предъ этимъ явленіемъ.

[1]) Ζαβίρα, Νέα Ἑλλάς (Аѳины 1872), стр. 476. По словамъ Саѳы (стр. 403), Канопію поручали перевести „наставленія" Лютера, но это, очевидно, ошибка.

станіе противъ новаго узурпатора (т. е. Кирилла Контариса), который, не довольствуясь тѣмъ, что незаконнымъ образомъ захватилъ каѳедру, погубилъ еще законнаго патріарха. Многіе христіане пошли къ убійцѣ и взывали: Пилатъ, отдай намъ мертваго для погребенія [опять приноровленіе къ евангельскому разсказу]. Но преступникъ дѣлалъ видъ, что онъ ничего не знаетъ о случившемся; напрасно они просили также и каймакана (турецкій сановникъ), благорасположеніемъ котораго пользовался убійца. Въ слѣдующую же ночь приказано было бросить тѣло убитаго въ море. Однакожъ чудесная тѣнь, которая вздымалась надъ святымъ тѣломъ, указала его христіанамъ, и они тайно извлекли его изъ моря и погребли въ монастырѣ св. Андрея, пока, по изгнаніи Контариса, преемникъ послѣдняго (Парѳеній I) не отдалъ ему торжественно погребальныхъ почестей. Такъ исповѣдникъ истины—заканчиваетъ Канопій—воспріялъ вѣнецъ мученичества 26 іюня, 1638 года" (см. Pichler, S. 175—177 и ср. у архим. Арсенія стр. 180—182).—Въ устахъ протестантскаго богослова описаніе страданій Кирилла за истину и его исповѣдничества имѣетъ одинъ смыслъ и очень ясный.

Въ 1905 г. іерусалимскій архимандритъ *Хризостомъ Пападопулосъ* въ іерусалимскомъ журналѣ „Новый Сіонъ", а затѣмъ отдѣльною брошюрой издалъ,—какъ думаетъ издатель,—очень важный документъ, долженствующій служить къ оправданію Кирилла Лукариса въ приверженности къ протестантизму, именно—„Апологію" его, съ которою онъ обратился въ 1634 году къ „братству св. Дѣвы" въ Леонтополѣ (во Львовѣ) въ Малороссіи (?) и „ко всѣмъ православнымъ". Документъ этотъ намъ лично извѣстенъ лишь во французскомъ переводѣ, сдѣланномъ самимъ архимандритомъ Пападопуло и помѣщенномъ въ „Revue internationale de théologiae" (1906 г., кн. апрѣль—іюнь, стр. 327—330). Какъ смотрѣть на этотъ документъ? Онъ столь блѣднаго содержанія, что не можетъ послужить въ пользу Кирилла. Кириллъ Лукарисъ въ этой своей „Апологіи" говоритъ о „лжеапостолахъ" его времени, но подъ такими лжеапостолами разумѣетъ только римско-католиковъ, а отнюдь не протестантовъ; не указываетъ тѣхъ протестантскихъ заблужденій, въ которыхъ онъ обвинялся, и не выражаетъ несогласія съ ними; ни словомъ не говоритъ о приписываемомъ ему кальвинистическомъ *Исповѣданіи вѣры*, не смотря на то, что оно сдѣлалось извѣстно съ 1629 года. Свое православіе Кириллъ Л. высказываетъ здѣсь болѣе, чѣмъ нерѣшительно. Онъ говоритъ: „мы всегда сохраняли догматы православной церкви", но ничѣмъ этого не доказываетъ. Кириллъ Л. утверждаетъ, что онъ исповѣдуетъ „символъ вѣры и принимаетъ семь вселенскихъ соборовъ", но вѣдь ни символъ, ни эти соборы не имѣли въ виду протестантизма (кальвинизма) и его заблужденій. А затѣмъ о своемъ православіи Кириллъ Л. говоритъ только общими фразами. Вотъ примѣры. „По милости Божіей, мы всегда напаяли нашу паству сладкою и чистою водою, ученіемъ истиннымъ и евангельскимъ" (а не церковнымъ?). „Всесвятой духъ, Іисусъ Христосъ, вся наша паства и въ особенности св. соборъ (?)—свидѣтели за меня". „Кто возвѣщаетъ вамъ иное Евангеліе въ сравненіи съ тѣмъ, какое возвѣщали мы вамъ, будемъ ли это мы сами или Ангелъ съ небеси, тому — анаѳема [ср. Гал. **1**, 8]. Извѣстно, что находятся люди чуждые намъ,—это тѣ, кои, принимая видъ Ангела свѣтлаго (ср. 2 Кор. **11**, 24), проповѣдуютъ не Евангеліе, а разрушеніе и распаденіе" (la ruine et la destruction). Нужно сказать, что переводъ Пападопуло очень плохъ. По нашему сужденію, эта „Апологія" есть пустой звукъ. Такихъ писаній Кирилла Л., вѣроятно, откроется еще не мало. Но всѣ они,—послѣ обнародованныхъ Леграномъ документовъ высокой цѣны и непререкаемой подлинности, — будутъ свидѣтельствовать лишь о двуличности Кирилла Лукариса, разъ онъ столъ уклончиво говорить о своемъ православіи въ то время, когда его стали рѣшительно обвинять въ измѣнѣ этому послѣднему.

Литература. Важнѣйшими источниками при изученіи вопроса служатъ слѣдующія изданія: 1) *Aymon*, Monuments authentiques de la religion des Grecs (la Haye 1708), гдѣ напечатана серія писемъ Кирилла къ разнымъ протестантамъ.—2) *Legrand*, Bibliographie hellénique; особенно: томъ IV-й (Paris 1896). Здѣсь многіе изъ тѣхъ документовъ, которые ранѣе были напечатаны у Aymon'a, перепечатаны въ болѣе исправ-

номъ видѣ и къ нимъ прибавлено много новыхъ. Книга Леграна сдѣлалась необходимѣйшимъ и лучшимъ источникомъ свѣдѣніи о Кириллѣ. Самъ этотъ ученый придаетъ большое значеніе своему изданію въ этомъ отношеніи, и съ нимъ нужно согласиться. Жаль только, что Легранъ не сдѣлалъ очерка жизни Кирилла Лукариса, на что читатели въ правѣ были бы разсчитывать. Сколько знаемъ, не смотря на важность разсматриваемаго тома Легранова изданія, онъ еще никѣмъ прежде насъ не былъ использованъ въ интересахъ изученія греческой церкви; аѳинскій профессоръ церковной исторіи Киріакъ въ изданной имъ въ 1898 году „Церковной Исторіи" (о немъ мы упоминали выше) не показываетъ знакомства съ изданіемъ Леграна, даже съ первымъ томомъ его, явившимся еще въ 1894 году), очень немаловажнымъ въ вопросѣ о Кириллѣ Лукарисѣ.— Изъ отдѣльныхъ монографій, посвященныхъ изученію Кирилла, упомянемъ три. *Pichler*, Geschichte des Protestantismus in der orientalischen Kirche im XVII Jahrhundert oder: der Patriarch Cyrillus Lucaris und seine Zeit (München 1862). Сочиненіе Пихлера представляетъ собою типъ западныхъ воззрѣній на Кирилла, въ силу которыхъ онъ изображается человѣкомъ, наклоннымъ къ протестантизму и, въ частности, къ кальвинизму. Оно написано съ большимъ знаніемъ дѣла и не потеряло своей цѣны, не смотря на то, что оно появлялось больше 40 лѣтъ тому назадъ. Вредитъ книгѣ главнымъ образомъ суровый и несправедливый тонъ, въ какомъ католическій изслѣдователь говоритъ о греко-восточномъ патріархѣ. Многія сужденія, выраженныя въ книгѣ и имѣвшія проблемматическій характеръ, послѣ появленія изданія Леграна получаютъ болѣе опредѣленности и становятся болѣе надежными. Вообще же оба эти произведенія въ значительной степени подкрѣпляютъ и проясняютъ одно другое. Изучать ихъ слѣдуетъ вмѣстѣ и въ связи. Архим. *Арсенія* (Брянцевъ, нынѣ архіеп. харьковскій), Патр. Кириллъ Лукарисъ и его заслуги для православной церкви (изд. 2-е, Симферополь 1881); первое изд. подъ именемъ свящ. А. Брянцева въ Спб. 1870. Это сочиненіе представляетъ собой типъ воззрѣній, усвоенныхъ большинствомъ греческихъ (восточныхъ) ученыхъ, въ силу которыхъ Кириллъ признается неповиннымъ въ симпатіяхъ къ протестантизму. Авторъ начитанъ и пишетъ съ одушевленіемъ. Въ особенности хорошо изложены біографическія извѣстія. Послѣ Леграна на многое приходится смотрѣть иными глазами, чѣмъ какъ смотритъ авторъ, но въ этомъ послѣдній не виноватъ: наука идетъ впередъ—и въ этомъ ея задача.— *Еграфъ Матѳ. Овсянниковъ* [нынѣ протоіерей, ректоръ витебской Духовной Семинаріи], Патр. Кириллъ Лук. и его борьба съ римско-католическою пропагандой на Востокѣ, части 1 и 2 (Новочеркасскъ 1903). Сочиненіе это написано во вкусѣ архим. Арсенія и кіевскаго профессора Малышевскаго и, если не ошибаемся, начато авторомъ подъ руководствомъ послѣдняго, давненько уже скончавшагося, но изъявившаго въ свое время одобреніе труду о. Овсянникова. Даже снисходительная критика (какова критика „Церк. Вѣдомостей", см. 1903 г., № 32) признала эту книгу не имѣющею „характера объективности" и представляющею собою „панегирикъ Кириллу". Должна появиться въ свѣтъ 3-ья часть сочиненія о. Овсянникова, но появленіе ея, судя по первымъ частямъ, будетъ анахронизмомъ. О Кириллѣ находятся свѣдѣнія у † проф. *А. П. Лебедева*, Исторія грековосточной церкви подъ властію турокъ (Спб. 1904, изд. 2-е), стр. 624—627, 633—673 и друг. [† О. *Ѳ. А. Павловичъ*, Патр. Кириллъ Лукарисъ въ борьбѣ съ іезуитами въ „Духовной Бесѣдѣ" за 1859 г. Δημ. Σίμον Μπαλάνου 'Η ὁμολογία Κυρίλλου τοῦ Λουκάρεως, 'Εν 'Αθήναις 1906, стр. 32; этотъ молодой греческій ученый пришелъ по разсматриваемому вопросу къ тѣмъ же выводамъ, что и проф. Ал. П. Лебедевъ, достигшій своихъ результатовъ прежде и независимо отъ работы Дм. Баланова. См. еще 'Ιεζεκίηλ Βελαντίωτος: 'Ο ἐθνομάρτυς πατρίαρχης Κύριλλος ὁ Λούκαρις, 'Εν 'Αθήναις 1906.; 'Ο κατὰ Κυρίλλου τοῦ Λουκάρεως Οἰκουμενικοῦ Πατριάρχου ἄδικος ἀναθεματισμός (ibid. 1906). Вышеупомянутый *Хриз. Пападопулосъ* помѣстилъ еще обширную апологію Кирилла Лукариса, съ обзоромъ его жизни, въ тріестской греческой газетѣ „Νέα 'Ημέρα" 1907 г., №№ 1701—1709. P. *Avrelio Palmieri* O. S. A; Dositeo patriarca greco di Gerusalemme (1641—1707), Fvonze 1909, глава 2. Ср. также въ сочиненіи еп. ромоскаго *Мелхиседека*, О православной церкви въ борьбѣ съ протестантизмомъ и въ особенности съ кальвинизмомъ въ XVII вѣкѣ и о двухъ соборахъ въ Молдавіи противъ кальвинистовъ, о чемъ см. у еп. *Арсенія*, Изслѣдованія и монографіи по исторіи Молдавской церкви, Спб. 1904, стр. 500—501].

Ал. Лебедевъ.

Кириллъ Лукарисъ и приписываемая ему „Наука о противной уніи". Кириллъ Лукарисъ извѣстенъ между прочимъ своими близкими отношеніями къ православной юго-западной Руси [см. выше стлб. 325—326]. Онъ былъ первымъ ректоромъ Острожскаго училища послѣ преобразованія его въ академію въ 1580—81 г., явилъ себя защитникомъ православія на Брестскомъ соборѣ", гдѣ участвовалъ въ каче-

ствѣ „экзарха“ александрійскаго патріарха, въ 1600 г. снова былъ посланъ александрійскимъ патріархомъ (Мелетіемъ Пига) въ западную Россію, которую вскорѣ (въ январѣ 1601 г.) онъ долженъ былъ оставить въ виду безуспѣшности миссіи и въ виду возможной опасности со стороны латиноуніатъ. Сдѣлавшись патріархомъ, Кириллъ Лукарисъ продолжалъ принимать нѣкоторое участіе въ дѣлахъ западно-русской церкви, о чемъ свидѣтельствуютъ его отвѣтъ (отъ 25 марта 1614 г.) Львовскому братству о гармоничномъ пѣніи псалмовъ въ церкви, грамота (отъ 29 мая 1620 г.) съ увѣщаніемъ крѣпко стоять въ православной вѣрѣ, отгонять отъ себя нераскаявшихся преступниковъ и заступаться за бѣдныхъ, требующихъ помощи, посланіе (отъ іюля 1629 г.) о лишеніи имъ архіерейства Мелетія Смотрицкаго и отлученія отъ церкви [см. *А. С. Крыловскій*, Львовское Ставропигіальное братство, Кіевъ 1904, стр. 42—44. 67—71. 99—101], а также упоминаемое въ книгѣ Захаріи Копыстенскаго „О вѣрѣ“ Кирилловo посланіе 1614 г. Этому архипастырю, всю свою жизнь боровшемуся противъ католицизма и въ особенности противъ іезуитовъ, приписывается и еще одинъ написанный на русскомъ языкѣ любопытный памятникъ, дошедшій до насъ въ сборникѣ Румянцевскаго музея № 376 (изданъ въ VI книгѣ „Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца“) и озаглавленный такъ: „Святаго Кирилла, экзарха Александрійскаго, игумена, Наука о противной уніи, противъ благочестивыхъ священниковъ православныхъ ясное указаніе“. „Наука о противной уніи“ состоитъ изъ 4-хъ главъ. Первая глава надписывается вышеуказаннымъ заглавіемъ, которое вмѣстѣ съ тѣмъ относится и ко всей книгѣ. Содержаніе ея слѣдующее. Авторъ книги, опредѣляя унію, какъ соединеніе двухъ исповѣданій—греческаго и латинскаго, и указывая на ея недавнее происхожденіе, подробнѣе останавливается на личности и дѣятельности Поцѣя; послѣдняго онъ считаетъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ введенія уніи въ Западной Россіи и старается выставить въ самомъ неблагопріятномъ освѣщеніи, конечно, не удерживаясь на высотѣ безпристрастія и справедливости. Унія въ глазахъ автора „Науки“ является дѣломъ нечестивымъ, о которомъ пророчествовалъ пророкъ Даніилъ, дѣломъ самаго антихриста, при чемъ свою мысль, что унія не угодна Богу, авторъ подтверждаетъ ссылкою на бывшія въ Брестѣ, Владимірѣ-Волынскомъ и Слонимѣ чудеса (послѣднее—слонимское—чудо въ сентябрѣ 1617 г.). При спутанности и ошибочности многихъ сообщаемыхъ въ первой главѣ историческихъ свѣдѣній, обращаетъ на себя вниманіе обстоятельное изложеніе львовскаго событія 1604 г. (пріѣздъ Поцѣя во Львовъ и его столкновеніе съ Гедеономъ Балабаномъ), въ общемъ подтверждаемое другими источниками и дополняющее ихъ. Во второй главѣ, озаглавленной: „Реляція о скрытыхъ штукахъ Езуитскихъ“, авторъ переходитъ къ порицанію и къ посрамленію іезуитовъ, въ которыхъ видитъ творцовъ уніи. Въ числѣ болѣе или менѣе достовѣрныхъ свѣдѣній о порокахъ іезуитовъ и папскаго двора находятъ себѣ мѣсто во второй главѣ „Науки“ и такія нелѣпости, какъ изгнаніе іезуитовъ изъ Парижа за то, что „въ постѣ великомъ кохалися“,—что въ „сажавкѣ“ при ихъ монастырѣ найдено вмѣсто рыбы 40.000 дѣтскихъ головъ,—что праздникъ Богоявленія Господня замѣненъ въ католической церкви праздникомъ трехъ королей по той причинѣ, что миѳическая паписса Іоанна [ср. „Энц.“ VI, 738—741] родила ребенка во время богоявленскаго крестнаго хода и что тѣмъ же обстоятельствомъ объясняется и установленіе въ римской церкви поста въ субботу. Самое происхожденіе іезуитскаго ордена авторъ понимаетъ такимъ образомъ, что іезуиты образовались изъ остатковъ крестоносцевъ, разбитыхъ королемъ польскимъ Ягелломъ въ 1410 году 7 іюля. Содержаніе третьей главы достаточно указывается уже однимъ ея надписаніемъ: „О гоненіи на церковь Божію отъ апостатовъ многомятежнаго міра сего и о спасеніи православныхъ христіанъ“... и состоитъ главнымъ образомъ изъ разсужденій о разныхъ еретическихъ заблужденіяхъ, волновавшихъ церковь; здѣсь авторъ обнаруживаетъ нѣкоторое знакомство съ церковной исторіей. Наконецъ, четвертая глава „О разности костелной зъ святою апостолскою церковію“ занята совершенно безсистемнымъ и бездоказательнымъ перечнемъ разностей, существующихъ между церковію православной и римско-католической,

каковыхъ разностей авторъ насчитываетъ 47, перечисляя маловажныя отличія и иногда упуская существенныя (напр., главенство папы). Краткаго знакомства съ содержаніемъ „Науки", которая является сочиненіемъ болѣе полемическимъ, чѣмъ ученымъ, уже достаточно, чтобы сильно заподозрить ея принадлежность патріарху Кириллу Лукарису. Прежде всего, въ самомъ заглавіи книги Кириллъ Лукарисъ называется не архимандритомъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ до вступленія на патріаршую каѳедру, а игуменомъ,—называется далѣе, святымъ, чего бы самъ о себѣ онъ никакъ не могъ сказать. Если, далѣе, мы обратимъ вниманіе на титулъ, усвоенный въ надписаніи книги Кириллу Лукарису („экзархъ Александрійскій"), который могъ бы принадлежать ему во время отъ Брестскаго собора до того момента, когда онъ окончательно оставилъ Россію (именно, въ январѣ 1601 г.) и уже болѣе не возвращался въ нее, то мы должны написаніе „Науки" отнести къ промежутку между Брестскимъ соборомъ и годомъ отъѣзда его изъ Россіи. Во всякомъ случаѣ написать „Науку" Кириллъ Лукарисъ могъ никакъ не позже 1603 г., когда онъ сдѣлался патріархомъ александрійскимъ, ибо утверждать, что Кириллъ Лукарисъ, будучи патріархомъ, именуетъ себя въ названіи книги игуменомъ и „экзархомъ" патріаршимъ, значитъ допускать явную и безцѣльную нелѣпость. Но здѣсь-то и ждетъ насъ главное затрудненіе: какимъ же образомъ могла быть книга написана до 1603 г., когда въ ней разсказывается о пребываніи во Львовѣ Поцѣя въ 1604 г., упоминается преслѣдованіе православныхъ со стороны фанатика Крупецкаго, который только въ 1611 г. вступилъ въ Перемышль въ качествѣ перемышльскаго епископа, и передается слонимское „чудо", бывшее въ 1617 г.? Но такое доказательство непринадлежности разсматриваемой книги Кириллу Лукарису не будетъ имѣть никакого значенія при малѣйшемъ сомнѣніи въ подлинности одного лишь заглавія, на сопоставленіи котораго съ содержаніемъ книги и построена вся вышеизложенная аргументація. Поэтому, обратимся къ разсмотрѣнію другихъ характерныхъ чертъ „Науки". Замѣчательно, что Львовское событіе 1604 г., очевидцемъ котораго Кириллъ Лукарисъ не былъ, передается авторомъ „Науки" съ поразительною вѣрностію и подробностями, между тѣмъ событія, несомнѣннымъ очевидцемъ коихъ былъ Кириллъ Лукарисъ, или замалчиваются (напр., Брестскій соборъ), или же передаются авторомъ въ извращенномъ видѣ (напр., онъ преемникомъ митрополита Онисифора называетъ Поцѣя, а не Рагозу, какъ бы слѣдовало). Далѣе, авторъ „Науки" допускаетъ не рѣдко такіе анахронизмы, такія ошибки въ области исторіи, которыя не могли выйти изъ-подъ пера Кирилла Лукариса, получившаго высшее образованіе въ падуанскомъ университетѣ и бывшаго ректоромъ и учителемъ Острожскаго училища съ обширнымъ сравнительно курсомъ ученія (см. „Тр. Кіев. Дух. Акад." 1867 г. февраль, стр. 183—184). Мы уже имѣли случай упомянуть про эти наивныя мнѣнія автора „Науки" о происхожденіи ордена іезуитовъ, объ установленіи субботняго поста въ римской церкви, объ изгнаніи іезуитовъ изъ Парижа за то, что „въ постѣ великомъ кохалися" и т. д. Не обладавшій достаточною эрудиціей и критическимъ талантомъ, авторъ „Науки" былъ все-же довольно начитанный человѣкъ и церковно-религіознымъ направленіемъ своего образованія напоминалъ московскаго начетчика; употребляемыя въ „Наукѣ" типичныя русскія народныя выраженія и сравненія (напр., названіе іезуитовъ „вызуитами", потому что они людей „зъ розуму вызуваютъ"—сравненіе уніатовъ съ цыганами, „гуляющими" въ ярмарочный день на хромыхъ лошадяхъ и т. д.) прямо изобличаютъ въ ея авторѣ русскаго человѣка. Можно пойти даже дальше и установить съ нѣкоторою вѣроятностію на основаніи содержанія книги мѣсто (вблизи Львова) и время (около 1622 г.[1]) написанія книги. Ясно, что „Наука" не могла принадлежать Кириллу Лукарису и только приписана ему съ цѣлію придать книгѣ большій авторитетъ, подобно тому какъ, напр., Зизаній свою полемику противъ римской церкви издалъ подъ заглавіемъ: „Казаніе св Кирилла Іерусалимскаго объ антихристѣ". Такой подлогъ вообще не былъ рѣдкостію въ то время и обѣ враждующія

[1]) Ибо авторъ существованіе уніи опредѣляетъ 30-ю годами, а началомъ ея, повидимому, считаетъ 1592 г.

стороны одинаково прибѣгали къ подобнымъ средствамъ.

См. подробнѣе у *В. В. Перепечина*, „Наука“ св. Кирилла Лукариса о противной уніи, Минскъ 1894.

А. В. П—въ.

2) **Кириллъ II Контарисъ** трижды занималъ вселенскій патріаршій престолъ (въ октябрѣ 1634 г., 1635—1636 и 1638—1639 г.г.). Онъ оставилъ дурную о себѣ память, такъ какъ служилъ орудіемъ іезуитской пропаганды въ церкви константинопольской и былъ выдвинутъ іезуитами въ качествѣ противника извѣстному вселенскому патріарху Кириллу I Лукарису. Кириллъ Контарисъ получилъ образованіе въ іезуитской коллегіи въ Галатѣ, былъ человѣкъ довольно свѣдущій въ богословіи, но дерзкій и надменный, не пренебрегавшій никакими средствами въ достиженіи своихъ цѣлей. До патріаршества онъ занималъ митрополичью каѳедру въ Веріи. Когда, по интригамъ іезуитовъ, Кириллъ Лукарисъ оставилъ патріаршую каѳедру въ четвертый разъ, то его врагамъ удалось,—при помощи подкупа турецкихъ властей, — возвести на вселенскій престолъ своего сторонника Кирилла Контариса, но онъ числился патріархомъ только нѣсколько дней (5—11 октября 1634 г.), ибо духовенство и народъ не хотѣли признавать его предстоятелемъ константинопольской церкви. А затѣмъ Кириллъ Лукарисъ доказалъ предъ турецкимъ правительствомъ несправедливость его обвиненія іезуитами въ дружбѣ съ „франками“ и въ посягательствѣ на права Порты и снова занялъ патріаршій престолъ. Кириллъ Контарисъ, по распоряженію Порты, былъ сосланъ, — вмѣстѣ со своимъ союзникомъ, амасійскимъ митрополитомъ Захаріею,—на островъ Тенедосъ. Захарія вскорѣ здѣсь и скончался, а Кириллу Контарису, при помощи іезуитовъ, удалось получить свободу и снова занять митрополичью каѳедру въ Веріи. Однако онъ попрежнему остался самымъ упорнымъ и горячимъ противникомъ Кирилла Лукариса и не переставалъ интриговать противъ него предъ турецкимъ правительствомъ, пользуясь поддержкой со стороны всемогущихъ тогда въ Турціи іезуитовъ. Послѣ пятаго низложенія Кирилла Лукариса, Кириллъ Контарисъ во второй разъ занялъ вселенскій патріаршій престолъ и оставался на немъ 16 мѣсяцевъ (съ марта 1635 до іюля 1635 г.). Онъ жестоко преслѣдовалъ сторонниковъ своего предшественника и сдѣлался, вслѣдствіе этого, виновникомъ большихъ нестроеній въ церкви константинопольской. Между прочимъ, Кириллъ Контарисъ, вопреки обычаю, не подписывался „Кириллъ, Божіею милостію архіеп. Константинополя, Новаго Рима и вселенскій патріархъ“ но или—„Кириллъ изъ Веріи, Божіею милостію“... и пр., или—„Архіеп. Константинополя Божіею милостію Кириллъ изъ Веріи“. Изъ дѣяній второго патріаршества Кирилла Контариса извѣстны: сигилліи о возведеніи въ ставропигіальное достоинство монастырей Богородицы Хрисоподаріотиссы въ епархіи Древнихъ Патръ (въ октябрѣ 1635 г.) и Вулкана въ меѳимнской епархіи, объ одномъ метохѣ Иверскаго монастыря на Аѳонѣ (17 іюня 1635 г.) и о Бачковскомъ монастырѣ близъ Филиппополя. Положеніе константинопольской церкви при Кириллѣ Контарисѣ было весьма печально, какъ это хорошо видно изъ постановленія мѣстнаго священнаго синода въ маѣ 1635 г. объ учрежденіи при патріархіи „экономической епитропіи“. Архіереи, члены синода, свидѣтельствуютъ здѣсь, что вся православная церковь была обременена долгами, при чемъ кредиторы въ высшей степени дерзко и жестоко обращались со своими должниками—митрополитами и клириками, многіе изъ которыхъ, не вынося оскорбленій, вынуждены были скрываться въ горахъ и пропастяхъ, а народъ невыносимо страдалъ подъ бременемъ всякаго рода налоговъ и поборовъ, — епископіи оставались безъ обитателей, храмы Божіи опустошались и разорялись, всюду были плачъ и стенанія. Съ цѣлію избавить греческое духовенство и народъ отъ смерти, синодъ рѣшилъ образовать при патріархіи особую епитропію—въ составѣ семи членовъ, въ томъ числѣ четырехъ архіереевъ и трехъ клириковъ. Эта епитропія или коммиссія должна была собирать всѣ поступавшіе въ казну патріархіи взносы, за исключеніемъ назначенныхъ спеціально для патріарха Кирилла Контариса, расходовать деньги на нужды церкви, уплачивать долги и вести самую точную и полную запись всѣхъ своихъ денежныхъ операцій. Далѣе, одинъ патріархъ, силою своей власти, не долженъ былъ лишать митрополита, священника и клирика

занимаемыхъ ими мѣстъ, но при патріархіи была учреждена другая коммиссія изъ четырехъ архіереевъ-администраторовъ, которая предварительно и должна была разсматривать каждое дѣло о назначеніи, перемѣщеніи и устраненіи отъ должности, а потомъ это дѣло восходило на обсужденіе синода. Значитъ, синодъ постановилъ, чтобы безъ участія членовъ этой коммиссіи не происходило ни одно избраніе митрополита или архіепископа, въ противномъ же случаѣ избраніе будетъ недѣйствительно. Безъ вѣдома и согласія членовъ коммиссіи нельзя было и посылать въ епархіи экзарховъ, епитроповъ и архимандритовъ для сбора пожертвованій и для разслѣдованія тѣхъ или иныхъ дѣлъ. Синодъ и запретилъ клирикамъ передавать по своему усмотрѣнію другимъ лицамъ предоставленныя имъ оффикіи, т. е. должности эконома, скевофилакса, сакелларія и т. д. Члены епитропіи обязаны были и наблюдать за живущими въ патріархіи, дабы они не позволяли себѣ излишней роскоши и не возбуждали въ другихъ соблазна своимъ поведеніемъ. Члены коммиссіи были избраны на одинъ годъ съ вознагражденіемъ по усмотрѣнію великой церкви, а по минованіи года надлежало избрать другихъ семь лицъ. Въ случаѣ смерти кого-либо изъ членовъ, остальные шесть имѣли право избрать взамѣнъ его другого, по своему желанію. Наконецъ, синодъ постановилъ, что если кто-либо изъ архіереевъ или *самъ патріархъ* будетъ противодѣйствовать избранной коммиссіи въ исполненіи ея обязанностей, митрополиты имѣютъ право лишить ихъ каѳедры и даже сана; строгое наказаніе постигнетъ и всякаго клирика и мірянина, если они не подчинятся распоряженію епитропіи.—Представленный документъ, подписанный и патріархомъ Кирилломъ Контарисомъ, имѣетъ важное значеніе: свидѣтельствуя о бѣдственномъ состояніи великой Христовой церкви, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, что священный ея синодъ не довѣрялъ Кириллу Контарису и, съ цѣлью оградить церковь отъ будущихъ посягательствъ патріарха на ея права въ угоду покровительствовавшимъ ему іезуитамъ, создалъ административную епитропію съ довольно пространными полномочіями и даже подчинилъ ей и самого патріарха. Тѣмъ не менѣе, Кириллъ Контарисъ обнаружилъ въ своей дѣятельности полный разладъ съ задачами епитропіи. Митрополитъ имѣлъ всѣ основанія къ обвиненію его предъ Портой въ корыстолюбіи, за которое Кириллъ Контарисъ былъ лишенъ патріаршаго престола и сосланъ на о. Родосъ. Въ третій разъ онъ занялъ престолъ уже послѣ смерти Кирилла Лукариса, однимъ изъ виновниковъ которой, будто бы, и онъ былъ. Въ это патріаршество (съ 20 іюня 1638 г. до средины 1639 г.) константинопольская церковь также была въ бѣдственномъ состояніи: корыстолюбивый патріархъ не щадилъ ея средствъ для себя, хотя долженъ былъ еще заплатить Портѣ большую контрибуцію за свое возстановленіе на престолъ; патріархія, архіереи, духовенство и народъ были обременены долгами; церковная жизнь много страдала отъ мстительности патріарха, продолжавшаго жестоко преслѣдовать сторонниковъ Кирилла Лукариса. Изъ его постановленій за третье патріаршество извѣстно, прежде всего, каноническое опредѣленіе (1639 г.), запрещавшее архіереямъ пріѣзжать и жить въ Константинополѣ безъ патріаршаго разрѣшенія. Затѣмъ, онъ издалъ сигиллій (въ маѣ 1639 г.) о возстановленіи давно упраздненной митрополіи Браилова и Измаила, а другимъ сигилліемъ (въ іюлѣ 1638 г.) утвердилъ права монастыря Богородицы въ Монемвасіи на его владѣнія. Греческій народъ былъ возмущенъ жестокостію и измѣной Кирилла Контариса православію и обвинилъ его предъ султаномъ Мурадомъ IV въ клеветничествѣ и злодѣяніяхъ, за что, по приказанію султана, былъ низложенъ съ престола, отправленъ въ ссылку въ Карѳагенъ и на пути задушенъ.

Литература. Γεδεών, Πατριαρχικοὶ πίνακες, Κωνσταντινούπολις 1884; Μαθᾶς, Κατάλογος ἱστορικὸς τῶν ἐπισκόπων καὶ πατριαρχῶν τῆς Μεγάλης τοῦ Χριστοῦ Ἐκκλησίας, Ἐν Ναυπλίῳ 1837; Μελέτιος μητροπολίτης Ἀθηνῶν, Ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία, τ. Ш, Ἐν Βιέννῃ 1784; Ἀθανάσιος Κομνηνὸς Ὑψηλάντης, Τὰ μετὰ τὴν ἅλωσιν, Κωνστ. 1870; Μ. Γεθεών, Κανονικαὶ διατάξεις, τ. I, Κωνστ. 1888; Ἀρχιμ. Καλλίνικος Δελικάνης, Πατριαρχικῶν ἐγγράφων τόμος τρίτος, Κωνσταντινούπολις 1905.

И. И. Соколовъ.

3) **Кириллъ III**, по фамиліи *Спаносъ*, дважды занималъ патріаршій престолъ (1652 и 1654 г.г.). Онъ былъ родомъ изъ г. Ксанѳы, состоялъ сперва митрополитомъ

Коринеа, но Кирилломъ Лукарисомъ былъ лишенъ этой каеедры; въ іюлѣ 1635 г. снова занялъ ее, въ январѣ 1637 г. былъ перемѣщенъ въ Филиппополь, откуда также на нѣкоторое время былъ удаленъ; снова водворившись въ Филиппополѣ, въ 1650 г. занялъ митрополичью каеедру въ Тырновѣ. 25 мая 1652—г. при содѣйствіи турецкихъ властей,—онъ занялъ вселенскій патріаршій престолъ. Однако ни архіереи, ни народъ не хотѣли признавать его своимъ первоіерархомъ, такъ какъ онъ занялъ престолъ неканонически. Не смотря на всѣ усилія Кирилла III добиться своего признанія со стороны церкви, это ему не удалось,—и онъ, проживъ въ патріархіи двадцать дней, долженъ былъ удалиться отсюда. Въ половинѣ марта 1654 г. Кириллъ III вторично проникъ въ патріархію въ качествѣ претендента патріаршей власти, но оставался здѣсь лишь двѣ недѣли, ибо церковь опять не признала его вступленіе на престолъ правильнымъ, а съ другой стороны, не имѣлъ возможности заплатить Портѣ необходимый пескезій. По приказанію султана Махмеда IV, Кириллъ III былъ сосланъ на о. Кипръ, гдѣ и скончался.

Литература М. Γεδεών, Πατρ. πίν., Ὑψηλάντης, Μαθᾶς и μητρ. Μελέτιος въ указ. сочиненіяхъ

И. И. Соколовъ.

4) **Кириллъ IV** занималъ патріаршій престолъ съ 4 декабря 1711 до конца октября 1713 г. Онъ родился на островѣ Лесбосѣ въ достаточной греческой семьѣ, былъ человѣкъ образованный и нравственный, хорошо зналъ Свящ. Писаніе, до патріаршества былъ митрополитомъ Кизика. Съ цѣлію улучшить матеріальное положеніе патріархіи, Кириллъ IV въ 1711 г. путешествовалъ въ Яссы для сбора милостыни и, между прочимъ, издалъ здѣсь патріаршую грамоту о неприкосновенности монастырскихъ имуществъ. Въ томъ же году онъ своимъ сигилліемъ подтвердилъ ставропигіальныя права монастыря пророка Иліи на Санторинѣ (въ августѣ), а другимъ сигилліемъ опредѣлилъ границы ретимнской епископіи. Въ виду того, что филадельфійскій митрополитъ Мелетій Типалдъ, управлявшій греческою общиной въ Венеціи, вышелъ изъ повиновенія патріарху, Кириллъ IV удалилъ его изъ Венеціи. Въ 1713 г. одною изъ грамотъ онъ подтвердилъ ставропигіальныя права монастыря прор. Иліи Рустика на Критѣ (въ августѣ), а другою присоединилъ обитель Великой Панагіи (Богородицы) на Критѣ и ея метохъ Кенуріонъ къ мѣстной епископіи Петры. Въ томъ же году патріархъ и синодъ постановили—ежегодно выдавать изъ средствъ великой Христовой церкви одну тысячу гросіевъ александрійскому патріарху Космѣ, жившему въ Константинополѣ и оказавшемуся въ крайне бѣдственномъ матеріальномъ положеніи, такъ какъ онъ,—вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ, — не имѣлъ возможности отправиться въ Египетъ, назначенная денежная субсидія должна была выдаваться Космѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не получитъ для управленія и содержанія какую-либо епархію въ предѣлахъ константинопольскаго патріархата. Далѣе, современный антіохійскій патріархъ Аеанасій обратился къ вселенскому Кириллу съ запросомъ относительно поста и брака. Дѣло въ томъ, что нѣкоторые жители Сиріи, крайне затрудняясь исполненіемъ поста св. Апостоловъ по недостатку постной пищи, просили своего патріарха разрѣшить имъ пользоваться молокомъ и масломъ; а съ другой стороны ему были представлены ходатайства о разрѣшеніи вступать въ бракъ съ родственниками, такъ какъ въ нѣкоторыхъ селахъ антіохійскаго патріархата очень трудно было заключать браки съ лицами, не находившимися ни въ родствѣ, ни въ свойствѣ между собою. Затрудняясь разрѣшеніемъ этихъ недоумѣній, антіохійскій патріархъ представилъ ихъ на судъ вселенскаго Кирилла IV. Послѣдній обсудивъ вопросы совмѣстно съ находившимися въ Константинополѣ александрійскимъ патріархомъ Хрисаноомъ и своимъ синодомъ, отвѣтилъ (7 ноября 1711 г.) въ томъ смыслѣ, что онъ не находитъ возможнымъ измѣнять церковыя по указаннымъ вопросамъ постановленія и вводить въ церковную практику какія-либо нововведенія, но предлагаетъ антіохійскому патріарху руководить принципомъ „икономіи“ и снисхожденія примѣнительно къ каждому частному случаю, коль скоро его блаженство замѣчаетъ, что строгое и точное исполненіе правилъ можетъ повести къ душевной гибели тѣхъ или другихъ нарушителей церковныхъ постановленій; но все это находится въ предѣлахъ компетенціи предстоятеля антіохійской церкви. Въ

мартѣ 1713 г. Кириллъ IV обратился съ грамотами къ митрополитамъ Филиппополя и Софіи по поводу сбора въ ихъ епархіяхъ милостыни на нужды Гроба Господня. Сохранились также двѣ грамоты Кирилла IV, отправленныя въ Украйну,—одна разрѣшительная на имя Димитрія Орленко съ женою Маріей, сыномъ Павломъ и дочерями Θеодорой, Анной, Маріей, Параскевой и Меланіей (1712 г.), а другая—запорожскому гетману, въ отвѣтъ на его письмо, въ которомъ выражались чувства любви и благоговѣнія запорожцевъ къ вселенскому патріаршему престолу и испрашивались гетманомъ молитвы и благословенія его святѣйшества (16 янв. 1712 г.). Пользуясь уваженіемъ и любовію со стороны восточныхъ патріарховъ и украинскаго гетмана, патріархъ Кириллъ IV, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, не могъ расположить къ себѣ турецкаго султана Ахмеда, который смотрѣлъ на патріархію и на частую смѣну греческихъ патріарховъ, какъ на доходную государственную статью. Находясь съ войсками въ Адріанополѣ, султанъ вызвалъ сюда и вселенскаго патріарха. Великій визирь, воспользовавшись военнымъ временемъ и опираясь на авторитетъ султана, потребовалъ отъ патріарха денегъ на нужды государства и значительно увеличилъ налоги съ грековъ и патріархіи въ пользу казны. Кириллъ IV опротестовалъ такое требованіе и за это подвергся личному оскорбленію. При такихъ условіяхъ патріархъ не нашелъ возможнымъ оставаться на престолѣ и, полагая, что его преемникъ успѣшнѣе оградитъ свободу и неприкосновенность церкви отъ посягательствъ мусульманскаго, отказался отъ управленія церковію.

Литература. *М. Гедеонъ*, Πατρ. πίν., Μαθᾶς указ. соч., Ὑψηλάντης, указ. соч., Μελέτιος, указ. соч., Ἀρχιμ. Καλλίνικος Δελικάνης, Πατριαρχικὰ ἔγγραφα, т. II, К. 1904, т. III, К. 1905.

И. И. Соколовъ.

5) **Кириллъ V** дважды занималъ патріаршій престолъ (окт. 1748—май 1751 и 7 сент. 1752—16 янв. 1757 г.г.). Онъ родился въ Навпліи, учился въ школахъ Философа въ Димитсанѣ и на о. Патмосѣ, въ молодости служилъ въ Константинополѣ при патріархіи, потомъ занялъ мелениксую митрополичью каѳедру, въ 1745 г. былъ перемѣщенъ въ Никомидію, откуда и былъ возведенъ на патріаршій престолъ. Историкъ Макрей очень хвалитъ Кирилла V за нравственныя качества, называя его добродѣтельнымъ, любознательнымъ, строгимъ исполнителемъ церковныхъ постановленій, свѣдущимъ въ Свящ. Писаніи и проч. Но другіе историки (Кумасъ, Ипсилантисъ) иначе оцѣниваютъ личность и труды Кирилла V и считаютъ его однимъ изъ малодостойныхъ патріарховъ константинопольской церкви. По нашему мнѣнію, правда—въ серединѣ: Кириллъ V, имѣя несомнѣнныя личныя достоинства, силою внѣшнихъ обстоятельствъ иногда вынуждался поступать несогласно съ благомъ церкви. Такъ, въ его патріаршество долги сильно возрасли, но извѣстно, что турецкія власти потребовали отъ Кирилла V увеличенныхъ взносовъ на государственныя и личныя нужды. Затѣмъ, Кириллъ V горячо поддержалъ предъ Портой жалобу жителей Кипра на притѣсненія въ сборѣ податей и вообще на беззаконное управленіе мѣстныхъ турецкихъ властей и за это навлекъ на себя недовольство султана, которое и привело потомъ къ низложенію его съ престола. Но съ другой стороны, патріарху не удалось предотвратить волненія въ церкви, вызванныя лжепророкомъ Авксентіемъ. Изъ другихъ дѣяній Кирилла V, прежде всего, извѣстно каноническое опредѣленіе о разводѣ, вслѣдствіе сумасшествія жены, изданное въ 1748 г. по поводу частнаго случая на о. Митилинѣ; въ документѣ сдѣлано предписаніе о раздѣлѣ имущества разведенныхъ супруговъ. Въ слѣдующемъ году патріархъ отправилъ посланіе православнымъ жителямъ Сифна и Микона по поводу ихъ общенія въ вѣрѣ съ латинянами, такъ какъ они полагали, что между православіемъ и латинствомъ нѣтъ никакого различія; патріархъ при этомъ рѣзко обличилъ въ невѣжествѣ этихъ жителей и кратко разъяснилъ имъ отличіе католичества отъ православія. Въ февралѣ 1749 г. патріархъ особымъ сигилліемъ присоединилъ къ митрополіи Христіанополя патріаршую экзархію Идрополицу съ двумя ея земельными участками и тремя монастырями — съ тѣмъ условіемъ, чтобы мѣстный митрополитъ ежегодно выдавалъ изъ средствъ епархіи 60 гросіевъ архонту церквей Марку, который раньше завѣдывалъ этою экзархіей.

Въ 1750 г. патріархъ сигилліемъ приписалъ село Гарасари къ халдійской митрополіи (въ январѣ), а другимъ сигилліемъ утвердилъ обмѣнъ владѣніями между митрополитами Ефеса и Смирны (въ февралѣ). Кромѣ того, онъ утвердилъ ставропигіальныя права монастырей—Архистратига Михаила въ Калавритахъ (въ маѣ 1749 г.), Богородицы Ампелакіотиссы въ Лидорикіи (въ іюнѣ 1749 г.), Предтечи въ Веріи (въ августѣ 1750 г.) и Бачковскаго близъ Филиппополя.

При содѣйствіи Кирилла V состоялось умиротвореніе православнаго населенія халепійской епархіи, входившей въ составъ антіохійскаго патріархата; здѣсь водворился епископъ Максимъ, уклонившійся въ латинство и смущавшій совѣсть православныхъ; патріархъ Кириллъ V, къ которому населеніе обратилось съ просьбою о помощи, изгналъ Максима изъ епархіи и на вакантную каѳедру избралъ бывшаго птолемаидскаго митрополита Софронія, строгаго ревнителя православія (1750 г.). Наконецъ, въ 1749 г. Кириллъ V издалъ окружное посланіе, приглашая свою православную паству къ пожертвованіямъ въ пользу обѣднѣвшей вселенской патріархіи. Тѣмъ не менѣе, Кириллъ V вынужденъ былъ въ маѣ 1751 г. оставить патріаршую каѳедру, вслѣдствіе возникшихъ въ константинопольской церкви религіозныхъ смутъ, прекратить которыя онъ оказался не въ силахъ. Лишенный престола, онъ былъ удаленъ на о. Халки, гдѣ и жилъ на пожалованную ему правительствомъ пенсію.

Второе патріаршество Кирилла V прошло въ большихъ волненіяхъ, вызванныхъ вопросомъ о перекрещиваніи латинянъ при переходѣ ихъ въ греко-восточную церковь. Виновникомъ движенія былъ монахъ Авксентій, который сталъ проповѣдывать народу о заблужденіяхъ латинянъ и съ особенной настойчивостію говорилъ противъ дѣйствительности латинскаго крещенія. Проповѣдникъ имѣлъ многочисленныхъ послѣдователей, такъ какъ вопросъ о латинствѣ имѣлъ жизненное на Востокѣ значеніе, въ виду господствовавшей здѣсь инославной пропаганды. Патріархъ Кириллъ V принципіально сочувствовалъ основному выводу изъ проповѣди Авксентія—о необходимости перекрещиванія латинянъ. Движеніе получило столь острый характеръ, что потребовалось сказать авторитетное по возбужденному вопросу слово отъ лица церкви. Въ 1756 г. въ Константинополѣ состоялся соборъ въ присутствіи патріарховъ—вселенскаго Кирилла V, александрійскаго Матѳея и іерусалимскаго Парѳенія и многихъ архіереевъ,—на которомъ и было составлено опредѣленіе (ὅρος) святой Христовой церкви о перекрещиваніи латинянъ. Затѣмъ, патріархъ Кириллъ V издалъ въ 1752 г. сигиллій о томъ, что метохъ св. Николая въ Каламаріи, именуемый Вамвросъ, составляетъ собственность русскаго на Аѳонѣ монастыря св. Пантелеймона. Въ іюнѣ 1754 г. патріархъ образовалъ новую архіепископію изъ двухъ экзархій— Зарнаты и Акова, при чемъ архіепископъ этой епархіи долженъ былъ ежегодно давать 130 гросіевъ Суцосу и Критію, подъ управленіемъ которыхъ были эти двѣ экзархіи. Въ мартѣ 1755 г. Кириллъ V возстановилъ на Хіосѣ экзархію изъ мѣстностей Пиргія и Волисса и предоставилъ митрополиту Арты право хиротонисать подчиненныхъ ему епископовъ Вондицы, Фотики и другихъ. Кириллу V принадлежитъ нѣсколько сигилліевъ относительно монастырей. Такъ, онъ объявилъ ставропигіальными монастыри Пресвятой Троицы на Олимпѣ (въ мартѣ 1753 г.), Живоноснаго Источника на необитаемомъ островѣ Пипери, Преображенія въ мѣстности Трикери на островѣ Алата, Благовѣщенія въ г. Патрахъ (въ ноябрѣ 1754 г.), св. Анны на островѣ Кеосѣ (въ январѣ 1755 г.), св. Николая Пещерника въ Артѣ, Богородицы Хрисоподаріотиссы и Успенія въ Патрахъ (въ маѣ 1755 г.), обителей τῶν Μουνδῶν и свв. Безсребренниковъ на островѣ Хіосѣ (въ сентябрѣ 1755 г.) и Богородицы Вронта на Самосѣ. Въ апрѣлѣ 1753 г. патріархъ подчинилъ митрополиту Крита монастырь Гувернета. Въ томъ же году онъ объявилъ ставропигіею бывшій епархіальный монастырь Христа на о. Принкипо и предоставилъ его въ завѣдываніе и управленіе столичной корпораціи ремесленниковъ, которая и надѣлила его многими имуществами. Нѣсколько документовъ были изданы по дисциплинарнымъ и имущественнымъ дѣламъ аѳонскихъ монастырей. Въ патріаршество Кирилла V столичная греческая корпорація торговцевъ бакалейными товарами на свои средства построила (1753 г.)

въ Константинополѣ больницу для православнаго населенія города. Другую греческую больницу основалъ въ Адріанополѣ филантровъ Димитрій—Іосифъ. Церковно-религіозное движеніе, поднятое монахомъ Авксентіемъ, сопровождалось большими смутами, такъ какъ по винѣ его былъ низложенъ съ престола предшественникъ Кирилла патріархъ Паисій II, а равно противъ него дѣйствовали и нѣкоторые митрополиты. Положеніе Кирилла V, сочувствовавшаго проповѣди Авксентія, оказалось непрочнымъ на престолѣ. 16 января 1757 г. онъ, по волѣ султана Османа III, былъ лишенъ власти и сосланъ на Синай. Спустя нѣкоторое время, Кириллъ получилъ разрѣшеніе прибыть въ Константинополь, а потомъ былъ удаленъ на Аѳонъ, гдѣ и поселился въ скитѣ св. Анны. На Св. Горѣ Кириллъ V, между прочимъ, имѣлъ столкновеніе съ знаменитымъ дидаскаломъ аѳонской академіи Евгеніемъ Вулгарисомъ. Патріархъ здѣсь и скончался и былъ погребенъ возлѣ храма скита св. Анны.

Литература. Кромѣ сочиненій, указанныхъ выше, свѣдѣнія о Кириллѣ V сообщаютъ: Σέργιος Μακραῖος, Ὑπομνήματα ἐκκλησιαστικῆς ἱστορίας (1750—1800) Ἐν Βενετίᾳ 1877 (у Σάθας, Μεσαιωνικὴ Βιβλιοθήκη, τ. III); Κ. Κούμας, Ἱστορίαι τῶν ἀνθρωπίνων πράξεων, τ. ΙΒ'. Ἐν Βιέννῃ 1832; Μ. Γεδεών, Κανονικαὶ διατάξεις, τ. Ι, Κωνστ. 1888; Ἀρχιμ. Καλλίνικος Δελικάνης, Περιγραφικὸς κατάλογος τῶν ἐν τοῖς κώδιξι τοῦ Πατριαρχικοῦ, Ἀρχειοφυλακείου ἐπισήμων ἐκκλησιαστικῶν ἐγγράφων περὶ τῶν ἐν Ἄθῳ μονῶν, Κωνστ. 1902; проф. *Ал. П. Лебедевъ*, Исторія греко-восточной церкви подъ властію турокъ, Спб. [2]1903.

И. И. Соколовъ.

6) **Кириллъ VI** занималъ патріаршій престолъ съ 5 апр. 1813 до 13 декабря 1818 г. Въ мірѣ Константинъ Сербетцоглу, онъ родился въ 1775 г. въ Адріанополѣ въ небогатой греческой семьѣ, учился у мѣстнаго учителя Георгія, а потомъ нашелъ себѣ покровителя въ лицѣ адріанопольскаго митрополита Каллиника, который приблизилъ его къ себѣ, сдѣлалъ секретаремъ митрополіи, постригъ его въ монахи и посвятилъ въ санъ іеродіакона. Въ званіи секретаря, онъ былъ правою рукою своего покровителя и съ успѣхомъ выполнялъ трудныя обязанности своего отвѣтственнаго положенія, но въ тоже время усердно занимался своимъ самообразованіемъ. Въ началѣ 1801 г. Кириллъ былъ сдѣланъ архидіакономъ ефесской митрополіи, а когда бывшій митрополитъ Каллиникъ занялъ патріаршій престолъ (17 іюня 1801 г.), Кириллъ занялъ должность великаго архидіакона патріархіи. Ревностно исполняя свои прямыя обязанности, Кириллъ не оставлялъ и научныхъ занятій, завязавъ тѣсныя сношенія съ профессорами народной школы на Фанарѣ. Въ 1802 г. онъ напечаталъ первый свой ученый трудъ, опубликовавъ въ одномъ сборникѣ неизданныя поэтическія произведенія византійскихъ писателей: Ѳеодора Птохопродрома, Писиды Георгія и Никифора Каллиста Ксанѳопула, вмѣстѣ съ каталогомъ вселенскихъ патріарховъ. Въ сентябрѣ 1803 г. Кириллъ былъ хиротонисанъ въ епископы и занялъ митрополичью каѳедру въ Иконіи. Здѣсь для образованнаго и энергичнаго архипастыря открылось широкое поле дѣятельности. Онъ усердно защищалъ мѣстную „ромейскую райю“ отъ произвола и насилія турецкихъ властей, систематически поучалъ ее истинамъ православной вѣры и нравственности, открывалъ народныя школы и привлекалъ на должности учителей наиболѣе способныхъ и усердныхъ клириковъ и мірянъ. Въ тоже время онъ продолжалъ и свои научныя занятія и между прочимъ собралъ здѣсь историческій, географическій и археологическій матеріалъ для спеціальнаго труда объ иконійской области. Впослѣдствіи онъ, на основаніи этого матеріала, издалъ географическую карту иконійской области („Πίναξ χωρογραφικὸς τῆς μεγάλης ἀρχισατραπίας Ἰκονίου, Ἐν Βιέννῃ 1812) и историческій къ ней комментарій (Ἱστορικὴ περιγραφὴ τοῦ προεκδοθέντος χωρογραφικοῦ πίνακος κτλ., Κωνστ. 1815). Иконійскою епархіей Кириллъ управлялъ до 1810 г., когда былъ перемѣщенъ въ родной городъ Адріанополь, по просьбѣ его жителей. И здѣсь онъ заявилъ себя энергичнымъ защитникомъ своего народа и усерднымъ его просвѣтителемъ. Когда вселенскій патріархъ Іеремія IV [см. „Энц.“ VI, 303—305] отказался по болѣзни отъ патріаршескаго престола, священный константинопольскій синодъ единогласно избралъ его преемникомъ адріанопольскаго митрополита Кирилла, который 5 апрѣля 1813 г. торжественно и вступилъ на патріаршій престолъ. Его избраніе было радостно привѣтствовано грече-

скимъ духовенствомъ и народомъ. На патріаршемъ престолѣ Кириллъ VI, какъ верховный представитель „ромейской райи", защищалъ ее, гдѣ нужно, отъ насилія и произвола турокъ и былъ ея покровителемъ и ходатаемъ предъ Портой. Въ виду злоупотребленій при заключеніи браковъ среди христіанскаго населенія о. Скопела, патріархъ особымъ сигилліемъ (1814 г.) опредѣлилъ условія снабженія невѣстъ приданымъ, безъ нанесенія большого ущерба родителямъ и всей семьѣ. Онъ также заботился о постройкѣ и благоустройствѣ филантропическихъ учрежденій въ Константинополѣ и провинціальныхъ городахъ, о благолѣпіи приходскихъ храмовъ и правильномъ веденіи ихъ денежной отчетности. Въ 1814 г. при патріархіи была образована спеціальная комиссія подъ предсѣдательствомъ деврскаго митрополита Анѳима, которая обязана была посѣщать храмы и монастыри константинопольской архіепископіи, ревизовать ихъ денежныя дѣла и заносить приходскіе отчеты въ особый кодексъ, хранившійся въ патріархіи; въ свою очередь, епитропы храмовъ обязаны были отдавать въ своей дѣятельности отчетъ предъ общимъ собраніемъ прихожанъ. Патріархъ Кириллъ VI былъ озабоченъ улучшеніемъ матеріальнаго положенія и патріархіи. Въ 1818 г. общій ея долгъ простирался до 1.936.000 гросіевъ (гросій нынѣ=8 коп.). Съ цѣлію изыскать необходимыя для покрытія долга средства и предотвратить угнетавшій патріархію финансовый кризисъ, Кириллъ VI въ этомъ году устроилъ спеціальное по дѣлу совѣщаніе, въ присутствіи 18 архіереевъ, 13 свѣтскихъ представителей народа и епитроповъ спеціальной церковно-народной казны. Собраніе постановило: 800 пунговъ (пунгъ или кошелекъ [кисе]=500 піастровъ или гросіевъ) долгу оставить за патріаршею казною, а остальные 3072 пунга разложить на всѣ епархіи патріархата соотвѣтственно ихъ матеріальному благосостоянію, о чемъ патріархъ и синодъ увѣдомили всѣхъ архіереевъ. Кромѣ того, по опредѣленію синода былъ повышенъ взносъ отъ приходскихъ храмовъ въ пользу патріархіи, дабы изыскать новую статью для уплаты долговъ. Но такой внутренній заемъ лишь отъ-части и на самое короткое время улучшилъ матеріальное состояніе патріархіи. Изъ другихъ административныхъ распоряженій Кирилла VI извѣстны сигилліи о соединеніи нѣкоторыхъ епархій (напр., Ниссавы и Ниссы) или образованіи новыхъ (напр., Триполицы) и т. п. Патріархъ Кириллъ VI ревностно охранялъ и церковные каноны. Между прочимъ, онъ запрещалъ браки въ пятой степени свойства, не позволялъ православнымъ вступать въ браки съ инославными, подвергъ церковному наказанію одного епископа, который за одною литургіей совершалъ рукоположеніе многихъ священниковъ и діаконовъ вмѣстѣ (ἀγεληδόν) и т. д. Патріархъ былъ одушевленъ горячими заботами о благоустройствѣ и монашеской жизни въ патріархатѣ и сдѣлалъ въ этомъ отношеніи много полезнаго. Онъ издалъ много сигилліевъ о ставропигіальныхъ правахъ монастырей, обезпечивалъ имъ свободу во внутренней жизни, независимость отъ постороннихъ давленій, неблагопріятныхъ для иноческой жизни, и право на владѣніе собственностію. Затѣмъ, Кириллъ VI возвелъ къ киновію монастыри Каракалла на Аѳонѣ и св. Анастасіи Фармаколитріи (Узорѣщительницы) въ ардамерійской епархіи, въ которыхъ раньше существовало идіоритмическое (своежительное) устройство, крайне неблагопріятно отразившееся на ихъ благосостояніи. Другія распоряженія Кирилла VI касаются возвышенія монастырской дисциплины. Кириллъ VI заявилъ себя большими трудами въ пользу народнаго просвѣщенія. Самъ человѣкъ образованный и ученый, прекрасный знатокъ языковъ греческаго и турецкаго, наукъ богословскихъ и свѣтскихъ, авторъ учено-литературныхъ трудовъ, краснорѣчивый проповѣдникъ, корреспондентъ и частый собесѣдникъ выдающихся современныхъ греческихъ ученыхъ,—Кириллъ VI устраивалъ новыя школы и поддерживалъ старыя, заботился о лучшей постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла, входилъ въ матеріальныя нужды школъ и учителей, строго охранялъ доброе направленіе въ школьномъ дѣлѣ. Между прочимъ, онъ учредилъ при патріархіи духовно-пѣвческую школу (1815 г.), назначилъ лучшихъ учителей въ великую народную школу, урегулировалъ взаимныя отношенія между евангелическою школой и филологическою гимназіей въ Смирнѣ, издалъ очень много сигилліевъ объ устройствѣ и организаціи школъ

въ различныхъ городахъ, и селахъ патріархата и поощрялъ архіереевъ, киноты и частныхъ лицъ заботиться объ ихъ матеріальномъ благосостояніи и успѣшномъ выполненіи назначенія. Патріархъ Кириллъ VI считается однимъ изъ ктиторовъ патріаршей типографіи въ Константинополѣ, которую онъ возстановилъ въ 1814 г., заключивъ договоръ относительно ея завѣдыванія съ двумя арендаторами—Корессіемъ и Аргирамомъ. Патріархъ внимательно относился къ вновь выходившимъ въ свѣтъ книгамъ богословскаго содержанія, находился въ сношеніяхъ съ знаменитымъ Константиномъ Экономосомъ и велъ, въ частности, переписку съ нимъ по поводу катихизиса, содѣйствовалъ изданію „Новаго Синаксаря“ Никодима Агіорита, слѣдилъ за богословско-философскимъ споромъ между двумя современными греческими учеными дидаскаломъ—іерокириксомъ Дороѳеемъ Вулизма и профессоромъ философіи въ ясскомъ лицеѣ Степаномъ Дунка. Изъ сочиненій самого Кирилла VI, кромѣ упомянутыхъ выше, извѣстны: — апологія клира восточной церкви, въ виду современныхъ либеральныхъ о немъ сужденій, и изслѣдованія эпиграфическаго матеріала классической и христіанской эпохи, напечатанныя въ журналѣ „Λόγος Ἑρμῆς“. Какъ достойнѣйшій во всѣхъ отношеніяхъ администраторъ и архипастырь, Кириллъ VI могъ бы долго занимать вселенскую каѳедру, еслибы на возведеніе и смѣну константинопольскихъ патріарховъ не вліяли и второстепенныя политическія обстоятельства. Виновникомъ его низложенія былъ валашскій господарь Александръ Суцосъ, который, неожиданно получивъ господарство, желалъ имѣть въ Константинополѣ сильнаго сотрудника и защитника, но не разсчитывалъ на покровительство строгаго и добродѣтельнаго патріарха и поэтому сталъ интриговать противъ Кирилла VI предъ Портой. Интрига удалась, и Кириллъ VI 13 декабря 1818 г. принесъ „дорбовольное“ отреченіе отъ престола. Въ письменномъ отреченіи патріархъ съ полнымъ правомъ говоритъ, что интересы церкви, народа и общества онъ всегда ставилъ выше собственныхъ и совершенно свободенъ отъ упрековъ во властолюбіи и честолюбіи, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ вся его дѣятельность въ Иконіи, Адріанополѣ и Константинополѣ. Оставляя патріаршую каѳедру, онъ уходитъ съ сознаніемъ исполненнаго долга. Въ концѣ 1818 г. Кириллъ VI поселился въ родномъ городѣ Адріанополѣ, гдѣ и жилъ частнымъ образомъ, занимаясь науками и пользуясь общимъ уваженіемъ. Когда возникло возстаніе грековъ противъ турокъ (1821 г.), Кириллъ VI стоялъ въ сторонѣ отъ народнаго движенія и не принималъ въ немъ участія. Тѣмъ не менѣе Порта обратила на него вниманіе, такъ какъ онъ возвышался надъ другими греками своими личными достоинствами, — тѣмъ болѣе, что послѣ казни патріарха Григорія V синодъ избралъ Кирилла VI его преемникомъ по престолу. И вотъ, изъ Константинополя былъ посланъ въ Адріанополь приказъ повѣсить бывшаго патріарха Кирилла VI, хотя за нимъ не было никакой личной вины. Это жестокое и несправедливое приказаніе было исполнено 18 апрѣля 1821 г., когда Кириллъ VI и былъ повѣшенъ на воротахъ адріанопольской митрополіи. Такимъ образомъ, патріархъ Кириллъ VI принесъ на алтарь православной церкви и въ жертву родному свободолюбивому народу не только многоразличные и плодотворные свои труды, но и самую жизнь.

Литература. Очеркъ дѣятельности Кирилла VI, составленный на основаніи архивныхъ матеріаловъ, помѣщенъ въ нашей книгѣ „Константинопольская церковь въ XIX вѣкѣ“, т. I, Спб. 1904. См. также Ἀρχιμ. Καλλίνικος Δελικάνης, Πατριαρχικὰ ἔγγραφα, τ. II, Κωνστ. 1904; τ. III, К. 1905.

И. И. Соколовъ.

7) **Кириллъ VII** занималъ патріаршій престолъ съ 24 сентября 1855 до 1 іюня 1860 г. До патріаршества онъ былъ митрополитомъ Эноса и Амасіи. Образованіемъ и энергіей не отличался, тѣмъ не менѣе сдѣлалъ много важнаго и полезнаго для греческой церкви и народа. Онъ заботился объ улучшеніи матеріальнаго положенія вселенской патріархіи и съ этою цѣлію принималъ мѣры къ погашенію обременявшихъ ее долговъ, а съ другой стороны располагалъ епархіальныхъ архіереевъ къ аккуратному взносу ихъ долговъ въ пользу церковно-народной казны. Браки и семейная жизнь, церковное богослуженіе, организація приходовъ, поведеніе духовенства, устройство и дѣятельность епитропій храмовъ — все это служило предметомъ многихъ окруж-

ныхъ посланій, изданныхъ Кирилломъ VII на имя духовенства и народа. Въ виду усиленія католической и протестантской пропаганды въ патріархатѣ, Кириллъ VII посылалъ въ епархіи миссіонеровъ, учреждалъ школы, побуждалъ архіереевъ энергичнѣе заниматься проповѣдію, издавалъ окружныя посланія, въ которыхъ раскрывалъ опасность прозелитизма и увѣщевалъ народъ держаться вѣры отцовъ. Патріархъ Кириллъ VII извѣстенъ и трудами въ пользу народнаго образованія. Въ декабрѣ 1857 г. онъ особымъ посланіемъ побуждалъ духовенство и народъ открывать школы греческія и взаимнаго обученія, мужскія и женскія. Учителями въ нихъ должны быть люди вѣрующіе и нравственные, хорошо извѣстные архіерею. Христіане должны избѣгать дидаскаловъ малоизвѣстныхъ и подозрительныхъ, потому что они часто служатъ инославной пропагандѣ. При патріархѣ Кириллѣ VII былъ опубликованъ (1856 г.) общій уставъ для православныхъ греческихъ школъ. Онъ много заботился о благоустройствѣ Халкинской богословской школы, утвердилъ въ 1857 г. новый (третій) уставъ для нея, предписалъ киноту Аѳона и митрополитамъ Ѳракіи и Македоніи, Болгаріи, Эпира, Сербіи, Молдавіи и Валахіи командировать для обученія въ этой школѣ способныхъ и нравственныхъ юношей, увеличилъ доходъ ея съ епархіи до 218.500 гросіевъ (вмѣсто прежнихъ 144.500 гр.), располагалъ и частныхъ лицъ къ пожертвованіямъ школѣ. Онъ содѣйствовалъ распространенію въ духовенствѣ и народѣ „Киріакодромія“ Никифора Ѳеотоки, приказывалъ архіереямъ и кинотамъ открывать школы, рекомендовалъ благонадежныхъ учителей и т. п. Внутренняя жизнь монастырей, ихъ могущественныя права, отношеніе къ епархіальной власти также служили предметомъ попеченій Кирилла VII. Много тревогъ причинилъ патріарху пресловутый вопросъ о монастыряхъ и владѣніяхъ въ Молдавіи и Валахіи, преклоненныхъ святымъ мѣстамъ Востока. Румынское правительство воздвигло систематическое гоненіе противъ монаховъ и ихъ имущество подвергло конфискаціи въ пользу казны. Особенно беззаконно было отношеніе къ монастырямъ и ихъ метохамъ со стороны князя Александра Кузы (съ 1859 г.), рѣшившагося совершенно лишить ихъ всѣхъ владѣній. Какъ извѣстно, онъ и сдѣлалъ это, не смотря на горячіе протесты патріарха Кирилла VII, совмѣстно съ другими собственниками молдавлахійскихъ имуществъ. Въ патріаршество Кирилла VII получилъ жгучій интересъ и болгарскій церковный вопросъ. Въ епархіяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ возникли безконечные споры грековъ и болгаръ о чтеніи и пѣніи за богослуженіемъ, о правѣ пользованія тою или другою церковію, о рукоположеніи низшаго духовенства и архіереевъ изъ болгаръ и т. п. Патріархъ по возможности примирялъ эти разногласія, но прекратить возникшаго церковно-народнаго движенія болгаръ не могъ. 28 марта 1858 г. болгары подали Портѣ прошеніе объ отдѣленіи ихъ въ церковномъ отношеніи отъ вселенскаго патріарха, а 3 апрѣля того же года, въ день Воскресенія Христова, макаріупольскій епископъ Иларіонъ за литургіей помянулъ,—вмѣсто патріарха, — всякое православное епископство, чѣмъ формально и положилъ начало своей независимости отъ патріарха. Послѣ этого болгарскій церковный вопросъ получилъ очень бурное теченіе. Наконецъ, въ патріаршество Кирилла VII произошла знаменательная церковно-административная реформа и были составлены т. н. „Общіе канонисмы“. Патріархъ Кириллъ VII не желалъ этой реформы, противодѣйствовалъ ей и въ періодъ составленія новыхъ административныхъ уставовъ (1850—1860 г.) велъ себя крайне неопредѣленно. Ему недоставало мужества, настойчивости и послѣдовательности въ дѣйствіяхъ. Повидимому, патріархъ Кириллъ VII не вполнѣ понималъ и значеніе реформы. Поэтому у него было много враговъ, которые добились его низложенія. Положеніе Кирилла VII было поколеблено и тѣмъ, что онъ, безъ согласія іерусалимскаго патріарха, 25 ноября 1859 г. хиротонисалъ новаго синайскаго архіепископа Кирилла. Не имѣя возможности выйти изъ трудностей патріаршаго служенія, патріархъ 1 іюня 1860 г. принесъ „добровольное“ отреченіе отъ престола, удалился на о. Халки, гдѣ и скончался 13 марта 1872 года.

Литература. Очеркъ дѣятельности Кириллы VII, составленный на основаніи архивныхъ матеріаловъ, помѣщенъ въ нашей книгѣ „Константинопольская церковь въ

XIX в.", т. I. См. также Ἀρχιμ. Καλλίνικος Δελικάνης, Πατριαρχικὰ ἔγγραφα, т. II—III.

И. И. Соколовъ.

Кириллъ II, *патріархъ іерусалимскій*, занималъ престолъ въ 1845—1872 г.г. Онъ родился въ 1794 г. на островѣ Самосѣ въ греческой семьѣ простого званія, рано лишился родителей, воспитывался сперва у одной своей родственницы, а въ 1806 г. поступилъ въ духовную школу, устроенную при митрополіи самосскимъ митрополитомъ Даніиломъ. Какъ способный и нравственный юноша, Кириллъ (въ мірѣ Константинъ) обратилъ на себя вниманіе митрополита Даніила, который приблизилъ его къ себѣ и позаботился дать достаточное образованіе. Въ 1814 г. Кириллъ принялъ монашество и вскорѣ былъ рукоположенъ во діакона и священника. Желая посвятить себя на служеніе Гробу Господню, Кириллъ оставилъ Самосъ и отправился въ Константинополь къ находившемуся здѣсь іерусалимскому патріарху Поликарпу. Послѣдній благосклонно принялъ Кирилла и въ 1818 г. отправилъ его въ Іерусалимъ, гдѣ онъ и вступилъ въ среду Святогробскаго Братства. Въ теченіе 12 лѣтъ Кириллъ состоялъ рядовымъ членомъ послѣдняго и своимъ безупречнымъ поведеніемъ, кротостію и снисходительностію пріобрѣлъ общее уваженіе со стороны дѣятелей и членовъ іерусалимской патріархіи. Между прочимъ, Кириллъ, какъ добросовѣстный и дѣятельный членъ братства, неоднократно путешествовалъ въ Константинополь къ іерусалимскимъ патріархамъ Поликарпу и Аѳанасію (съ 1827 г.) для исполненія тѣхъ или иныхъ порученій отъ имени синода Сіонской церкви. 13 ноября 1830 г. Кириллъ,—по волѣ патріарха Аѳанасія и избранію священнаго синода,—былъ хиротонисанъ въ архіепископа Севастіи. Съ этого времени Кириллъ пріобрѣлъ большое вліяніе на дѣла іерусалимской церкви. Дѣло въ томъ, что іерусалимскій патріархъ Аѳанасій,—по примѣру своихъ предшественниковъ,—жилъ большею частію въ Константинополѣ для непосредственнаго ходатайства и защиты предъ турецкимъ правительствомъ интересовъ своей церкви. Въ Іерусалимѣ же всѣми дѣлами церкви управляли намѣстники, назначенные патріархомъ. Архіепископъ Кириллъ, вмѣстѣ съ двумя другими іерархами, и исполнялъ обязанности такого намѣстничества, при чемъ онъ, какъ болѣе молодой, способный и дѣятельный, преимущественно несъ на себѣ бремя разнообразнаго и труднаго служенія. Онъ почти одинъ управлялъ дѣлами Святогробскаго Братства, являлся предъ турецкими властями ходатаемъ и защитникомъ по дѣламъ церкви и народа, защищалъ права православной церкви на святыя мѣста отъ притязаній латинянъ. Постепенно Кириллъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ всю власть патріаршаго намѣстника и съ успѣхомъ исполнялъ это почетное представительство. Въ 1840 г. онъ заналъ лиддскую архіепископскую каѳедру и по прежнему стоялъ во главѣ высшаго церковнаго управленія въ Святой Землѣ. Своею энергіею, осторожностію и опытностію въ управленіи онъ пріобрѣлъ общее уваженіе со стороны не только христіанъ, но и мусульманъ и сдѣлался наиболѣе вліятельнымъ членомъ Святогробскаго Братства и въ представленіи инославныхъ дѣятелей въ Палестинѣ. Поэтому, когда скончался іерусалимскій патріархъ Аѳанасій (16 декабря 1844 г.), то первымъ кандидатомъ для замѣщенія вакантнаго престола Сіонской церкви былъ признанъ лиддскій архіепископъ Кириллъ. Синодъ іерусалимской церкви единогласно избралъ его на каѳедру Іакова брата Господня, султанъ Абдулъ-Меджидъ утвердилъ это избраніе, — и 15 марта 1845 г. въ храмѣ Воскресенія торжественно была совершена интронизація новаго іерусалимскаго патріарха Кирилла II. Съ этого времени начался второй періодъ дѣятельности Кирилла II, на пользу іерусалимской церкви и Святогробскаго Братства.

Въ противоположность своимъ предшественникамъ, Кириллъ II постоянно жилъ въ Іерусалимѣ и непосредственно управлялъ дѣлами церкви, лишь изрѣдка и на короткое время уѣзжалъ въ Константинополь. Затѣмъ, онъ не рѣдко предпринималъ путешествіе по Палестинѣ, знакомился на мѣстахъ съ нуждами своей паствы и старался немедленно исполнить ея просьбы по благоустройству мѣстной церковно-общественной жизни. Это также было крупною особенностію въ отношеніи Кирилла II къ народу, такъ какъ туземцы обыкновенно

никогда не видѣли не только патріарха, но и своихъ архіереевъ, проживавшихъ въ Іерусалимѣ и не находившихъ нужнымъ лично обозрѣвать свои епархіи. Первое путешествіе Кирилла II по Святой Землѣ, совершенное въ 1846 г., произвело весьма благопріятное впечатлѣніе на арабовъ и сильно встревожило инославныхъ миссіонеровъ, также не привыкшихъ къ визитаціямъ палестинскихъ православныхъ іерарховъ. Въ тоже время оно обогатило патріарха многими новыми познаніями относительно современныхъ церковныхъ нуждъ Св. Земли и отъ-части опредѣлило дальнѣйшую его дѣятельность въ положеніи предсѣдателя Сіонской церкви (см. „Дѣло Архива Св. Синода" № 131, отъ 17 августа 1846 г.). Оно показало его блаженству, что ближайшая его задача должна состоять въ религіозно-нравственномъ просвѣщеніи туземнаго населенія. И вотъ, патріархъ построилъ въ Іерусалимѣ мужскую и женскую начальныя школы для мѣстнаго населенія, основалъ школу въ Назаретѣ, двѣ въ Яффѣ и постепенно открылъ цѣлую сѣть народныхъ училищъ въ городахъ и селахъ Св. Земли,—особенно тамъ, гдѣ школъ никогда не было. Въ 1855 г. патріархъ открылъ богословскую школу въ монастырѣ Креста близъ Іерусалима для подготовки просвѣщенныхъ служителей церкви. Эта школа,—какъ извѣстно,—существуетъ и въ настоящее время и принесла громадныя услуги дѣлу духовнаго возрожденія Палестины, такъ какъ служила и теперь является главнымъ разсадникомъ образованныхъ клириковъ и учителей для іерусалимской церкви. Далѣе, патріархъ Кириллъ II заботился объ организаціи систематическаго проповѣдничества въ епархіяхъ патріархата и открылъ на средства патріархіи нѣсколько постоянныхъ должностей іерокириксовъ, [см. „Энц." VI, 323—324], знакомыхъ съ арабскимъ языкомъ и способныхъ проповѣдывать слово Божіе для туземнаго населенія. При патріархіи была учреждена греческая и арабская типографія для печатанія церковныхъ и религіозно-нравственныхъ книгъ примѣнительно къ мѣстнымъ потребностямъ. Патріархъ Кириллъ II заявилъ себя весьма ревностнымъ въ постройкѣ новыхъ храмовъ и возстановленіи старины, изыскивалъ средства на это дѣло, жертвовалъ деньги изъ суммъ патріархіи, привлекалъ доброхотныя даянія и не рѣдко обращался къ россійскому Св. Синоду съ ходатайствами о матеріальной помощи для постройки храмовъ и въ свое довольно продолжительное патріаршество оказалъ и въ этомъ отношеніи большія услуги іерусалимской церкви. Между прочимъ, онъ воздвигъ соборъ въ Назаретѣ, перестроилъ церковь въ Яффѣ, вновь построилъ монастырь на горѣ Ѳаворѣ, расширилъ зданіе патріархіи, построилъ великолѣпный храмъ во имя св. Георгія Побѣдоносца въ Лиддѣ, на мѣстѣ развалинъ древняго храма, заключавшаго въ себѣ подлинную могилу св. великомученика и т. д. Борьба съ католическою и протестантскою пропагандою также составляла предметъ его архипастырскихъ попеченій. Проповѣдничество, православные храмы и школы оказывали не малую въ этомъ отношеніи услугу патріарху, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ во время своихъ путешествій по Св. Землѣ, а равно и въ постоянныхъ поученіяхъ къ народу раскрывалъ опасность прозелитизма, разоблачалъ средства и пріемы инославной пропаганды и увѣщевалъ всѣхъ крѣпко держаться православія. Такъ какъ инославные миссіонеры привлекали православныхъ въ свои сѣти и посредствомъ даровой врачебной помощи, то патріархъ, отъ-части для противодѣйствія прозелитизму, отъ-части—въ виду дѣйствительной потребности, устроилъ въ Іерусалимѣ прекрасную и обширную больницу, снабдивъ ее хорошо оборудованною аптекой и всѣмъ необходимымъ для хорошаго ухода и леченія больныхъ. Охрана святыхъ мѣстъ, принадлежащихъ грекамъ, отъ посягательствъ со стороны латинянъ и армянъ также характеризуетъ архипастырскую дѣятельность Кирилла II. Наконецъ, онъ съ успѣхомъ боролся съ постояннымъ въ прежнее время финансовымъ кризисомъ патріархіи и къ концу своего патріаршества съумѣлъ не только заплатить крупные долги, обременявшіе Святогробскую казну, но и составить солидный денежный фондъ для будущихъ экономическихъ операцій Святогробскаго Братства. Вообще, Кириллъ II ознаменовалъ свое патріаршество выдающеюся архипастырскою и практическою дѣятельностью и, безспорно, оказался энергичнѣе и лучше другихъ іерусалимскихъ

патріарховъ послѣдняго времени. Тѣмъ не менѣе онъ не до конца своей жизни оставался на патріаршемъ престолѣ, но вынужденъ былъ недобровольно оставить его. Причина отреченія находилась въ связи съ отношеніемъ Кирилла II къ болгарскому церковному движенію. Въ іюлѣ 1872 г. патріархъ прибылъ изъ Іерусалима въ Константинополь для присутствованія на соборѣ, созванномъ для обсужденія и рѣшенія болгарскаго церковнаго вопроса. Извѣстно, что этотъ соборъ объявилъ болгарскую церковь схизматическою. Постановленіе собора представлялось Кириллу II несогласнымъ съ духомъ православія и несоотвѣтствующимъ основному характеру и смыслу болгарскаго церковнаго движенія. Поэтому Кириллъ II уклонился отъ дальнѣйшаго участія на соборѣ и отказался подписать его опредѣленіе, а потомъ и совсѣмъ уѣхалъ изъ Константинополя, предполагая своимъ пребываніемъ въ Іерусалимѣ оградить Святогробское Братство отъ постороннихъ вліяній. Этотъ поступокъ Кирилла II вызвалъ бурю негодованія почти во всемъ греческомъ мірѣ, былъ истолкованъ въ смыслѣ измѣны національнымъ интересамъ и послужилъ поводомъ къ различнымъ выходкамъ противъ личности патріарха и оскорбленіямъ какъ въ Константинополѣ, такъ и на пути въ Іерусалимъ (напр., въ Смирнѣ). Прибывши въ Іерусалимъ, Кириллъ II и здѣсь встрѣтилъ почти общее недовольство его отношеніемъ къ болгарскому церковному вопросу, а потомъ — и открытое ему неповиновеніе со стороны синода и Святогробскаго Братства. Началась глухая борьба между патріархомъ и Святогробскомъ Братствомъ, перешедшая въ открытое возмущеніе противъ Кирилла II со стороны духовенства и народа. Оно окончилось тѣмъ, что противники Кирилла II созвали въ патріархіи соборъ, объявили его схизматикомъ и низложили съ патріаршаго престола, а турецкое правительство, подъ вліяніемъ возникшихъ въ Іерусалимѣ смутъ, распорядилось тайно отправить его въ Константинополь, куда Кириллъ II, 80-лѣтній старецъ, измученный душевными тревогами, болѣзнями и продолжительнымъ морскимъ путешествіемъ, и прибылъ 25 декабря 1872 г. Здѣсь онъ поселился въ домѣ Константинидиса, одного изъ вѣрныхъ своихъ друзей, и жилъ на пенсію, назначенную ему турецкимъ правительствомъ. Въ послѣдніе годы своей жизни низложенный патріархъ имѣлъ утѣшеніе видѣть признаки раскаянія со стороны тѣхъ, кто были виновниками несправедливаго его удаленія отъ власти. Въ 1877 г., не задолго до кончины Кирилла II, іерусалимскій патріархъ Іероѳей и священный его синодъ, извѣстившись о крайне опасномъ состояніи здоровья блаженнѣйшаго Кирилла II, издали патріаршую и синодальную разрѣшительную грамоту по случаю прискорбнаго его низложенія. Грамота эта, подписанная патріархомъ и членами синода, вновь признавала Кирилла II членомъ Святогробскаго Братства. Она была вручена умиравшему патріарху кизикскимъ и никейскимъ митрополитами. „Мы увѣрены, — писала по этому поводу газета Βυζαντίς, — что это событіе произведетъ самое лучшее впечатлѣніе на греческій народъ, потому что *всѣ* раздѣляютъ тѣ *справедливыя* похвалы, которыя вся греческая печать дружно расточала бывшему іерусалимскому патріарху до 1872 г., и всѣ еще помнятъ, какою любовію и сочувствіемъ всего греческаго народа пользовался этотъ патріархъ“. Однако и теперь находятся противники свѣтлой памяти замѣчательнаго іерусалимскаго патріарха, которые не могутъ простить ему отношенія къ болгарскому церковному вопросу. Аѳинскій профессоръ Діомидисъ-Киріакосъ въ своей „Церковной исторіи“ (III, 65) говоритъ, что участіе Кирилла II въ болгарскомъ вопросѣ уничтожило всю прежнюю славу этого мужа. Но богословская школа Креста, храмы и монастыри, устроенные Кирилломъ II, и теперь свидѣтельствуютъ о прежнихъ *справедливыхъ* ему похвалахъ со стороны грековъ. Изъ завѣщанія патріарха Кирилла II видно, что онъ послѣдніе годы провелъ въ бѣдности. Внезапно и вынужденно оставивъ Іерусалимъ, патріархъ имѣлъ при себѣ всего сто піастровъ (8 р.), такъ что долженъ былъ сдѣлать долги. На пенсію, выдаваемую изъ турецкаго правительства, онъ содержалъ двухъ стипендіатовъ — въ Парижѣ и Петербургѣ. Денегъ послѣ себя Кириллъ II не оставилъ, а вещи и одежды, въ томъ

числѣ двѣ панагіи, полученныя отъ русскихъ императоровъ Николая I (1841 г.) и Александра II (1859 г.), и крестъ, пожалованный австрійскимъ императоромъ, онъ завѣщалъ Святому Гробу, членамъ Святогробскаго Братства и школамъ на о. Самосѣ. Кириллъ II скончался въ ночь съ 17 на 18 августа 1877 г. и былъ погребенъ въ Константинополѣ на средства Гроба Господня.

Литература. 'Αρχιμ. Χρυσόστομος Παπαδόπουλος, Ἡ ἐκκλησία Ἱεροσολύμων κατὰ τοὺς τέσσαρας τελευταίους αἰῶνας (1517—1900), 'Αθῆναι 1900; 'Αρχιμ. Καλλίνικος Δελικάνης, Τὰ ἐν τοῖς κώδιξι τοῦ Πατριαρχικοῦ 'Αρχειοφυλακείου σωζόμενα ἐπίσημα Ἐκκλησιαστικὰ 'έγγραφα, τ. II, Κωνσταντινούπολις 1904, епископъ *Порфирій* (Успенскій), Книга бытія моего, особенно т. I и II, Спб. 1894—1895; Διομήδης-Κυριακός, 'Εκκλησιαστικὴ ἱστορία, τ. III, 'Αθῆναι 1898; Ἡ ὀρθόδοξος ἐκκλησία, τὸ σχίσμα καὶ ὁ πατριάρχης Ἱεροσολύμων Κύριλλος Β', Κωνσταντινούπολις 1873; ἱεροδιάκονος Γρηγόριος Παλαμᾶς, Ἱεροσολυμιὰς ἤτοι ἐπίτομος ἱστορία τῆς ἁγίας πόλεως Ἱεροσολύμων. Ἱεροσολ. 1864; Β. Καλλίφρων, 'Εκκλησιαστική, 'επιθεώρησις, περίοδος Β', τόμοι 4—7, Κωνσταντινούπολις 1873—1874, περίοδος Γ', τ. 7. Κωνστ. 1879; † архимандритъ *Антонинъ* (Капустинъ), Низложеніе іерусалимскаго патріарха Кирилла (см. „Сообщенія Импер. Правосл. Палестинскаго Общества“ XII (за 1902, стр. 75 и сл.); *С. Брановская*, Іерусалимскій патріархъ Кириллъ II, переводъ съ французскаго („Русскій Паломникъ“ 1894 г., № 28); проф. *И. И. Соколовъ*. Очерки исторіи православной греко-восточной церкви въ XIX вѣкѣ, Спб. 1901 (и у него же во второмъ томѣ изданной † проф. А. П. Лопухинымъ „Исторіи христіанской церкви въ XIX вѣкѣ“, Спб. 1901).

И. И. Соколовъ.

КИРИЛЛЫ святые русскіе 1—11:

1) **Кириллъ** св. одинъ изъ пяти праведныхъ братьевъ *Алфановыхъ* или *Сокольницкихъ* (Никита, Кириллъ, Никифоръ, Климентъ и Исаакій). О жизни ихъ почти не сохранилось свѣдѣній. Полагаютъ, что они были не изъ простого званія; быть можетъ, находились въ родствѣ съ извѣстнымъ по лѣтописямъ воеводою Яковомъ Алфаномъ, который навлекъ на себя и на своихъ родичей преслѣдованія новгородцевъ за сношенія съ Москвою (въ 1398 г.). Жизнь братьевъ съ нѣкоторою вѣроятностію можно относить къ XIV и началу XV в. Въ концѣ XIV в. ими былъ построенъ, или возобновленъ недалеко отъ Новгорода Сокольницкій Николаевскій женскій монастырь, въ которомъ св. братья и были погребены. Послѣ пожара, истребившаго въ 1775 г. Сокольницкій монастырь, останки св. братьевъ были перенесены въ сосѣдній монастырь Антонія Римлянина, гдѣ они почиваютъ и донынѣ въ Богословскомъ придѣлѣ главнаго храма въ одной общей ракѣ. Братья Алфановы почитаются, какъ святые канонизованные; *память ихъ 4 мая и 17 іюня* (Вѣрный мѣсяц. всѣхъ рус. св., М. 1903, стр. 15. Ср. *Сергій*, Полный мѣсяц. Востока II[2], 131 и 184).

Сказаніе о явленіи мощей св. братьевъ и о чудесахъ ихъ, написанное въ началѣ XVII в. (Рук. № 158 Румянц. муз. и др.), отражаетъ скудное и смутное преданіе о чудотворцахъ, сохранившееся въ Новгородѣ. См. проф. *В. О. Ключевскій*, Древнерус. житія св., стр. 464—465. Ср. *Н. Барсуковъ*, Источники рус. агіогр., стлб. 33—34. Преосв. *Филаретъ*, Русскіе св., кн. 2-я 260—261, на 17-е іюня (изд. 1882). Проф. *Е. Е. Голубинскій*, Исторія канон. св., изд. 2-е, стр. 147. Словарь историческій о св., стр. 154—155. *Димитрій*, Мѣсяцесловъ св., 17-го іюня, вып. 10, 139—141 (изд. 1900 г.).

Ан. С—въ.

2) **Кириллъ астраханскій игуменъ**, основатель астраханскаго Троицкаго, нынѣ упраздненнаго, монастыря. Онъ посланъ былъ Іоанномъ Грознымъ вскорѣ послѣ покоренія Астрахани съ порученіемъ устроить въ этомъ городѣ монастырь, что онъ и исполнилъ. Пробывъ игуменомъ основаннаго имъ монастыря около 9 лѣтъ, скончался въ 1576 г. Онъ не канонизованъ, но *память его въ Астрахани чтится 18 марта.* Надъ могилой Кирилла находится каменная красивой архитектуры часовня.

Димитрій, Мѣсяцесловъ св. на 18 марта и 10-е іюля. *Сергій*, Полный мѣсяц. Востока II[2], прил. 3-е, стр. 563. *Е. Е. Голубинскій*, Истор. канониз. св., изд. 2-е, стр. 331, *Н. Барсуковъ*, Источники рус. агіогр., стлб. 286—297.

Ан. С—въ.

3) **Кириллъ**, преподобный Бѣлозерскій, XIV—XV столѣтія. Игуменъ знаменитаго, основаннаго имъ, Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря и видный литературный дѣятель, преподобный Кириллъ родился въ Москвѣ ок. 1337 г. и при крещеніи былъ нареченъ

Космою. Принадлежа къ высшему московскому классу, онъ по смерти родителей сначала состоялъ въ должности казначея у своего родственника Тимофея Васильевича Вельяминова, окольничаго великаго князя Димитрія Донского. Религіозно настроенный, онъ любилъ посѣщать московскіе монастыри и вздыхалъ о тишинѣ иноческой обители. Познакомившись съ благочестивымъ старцемъ, преподобнымъ Стефаномъ Махрицскимъ, Косма еще болѣе сталъ тосковать о „пустыни". Въ почтенномъ возрастѣ онъ, наконецъ, порвалъ связь съ міромъ и ушелъ въ Симоновъ монастырь къ основателю его архимандриту Ѳеодору, родственнику преподобнаго Сергія Радонежскаго. Ѳеодоръ принялъ Косму въ обитель и послѣ нѣкотораго искуса постригъ его во иночество подъ именемъ Кирилла. Это было до 1380 года. Симоновъ монастырь славился въ то время строгостію своего устава, почему выборъ препод. Кирилломъ этой именно обители для подвижничества становится довольно характернымъ. Какъ новоначальный инокъ, Кириллъ былъ отданъ въ послушаніе старцу Михаилу, бывшему позже епископомъ смоленскимъ, и находился подъ его духовнымъ началомъ значительное время. Затѣмъ по повелѣнію архимандрита и Михаила Кириллъ въ теченіи девяти лѣтъ исполнялъ службу въ монастырской поварнѣ; проходилъ ее весьма старательно, мало ѣлъ самъ, прислуживалъ братіи и, вообще, годенъ былъ на всякое дѣло. Неудивительно послѣ этого, что онъ сдѣлался любимцемъ у всѣхъ. Препод. Сергій Радонежскій оказывалъ ему также извѣстное вниманіе, преподавая ему разные совѣты. Со времени пребыванія Кирилла въ Симоновомъ монастырѣ въ немъ стала замѣчаться склонность къ юродству. Видя это, отцы велѣли преподобному усугубить постъ и монастырскія работы, а между собою говорили, что Кириллъ дѣлается юродивымъ съ цѣлію „быть премудрымъ Богу". Сдѣлавъ значительные успѣхи въ иноческой жизни, преподобный по повелѣнію старца Михаила былъ рукоположенъ въ санъ іеромонаха. Никогда братія не видала его празднымъ: онъ вѣчно былъ занятъ то однимъ, то другимъ дѣломъ, проводя время или въ молитвѣ, или среди любимыхъ имъ книжныхъ занятій, углублявшимся въ смыслъ Свящ. Писанія и твореній св. отцовъ, или, наконецъ, входящимъ во всѣ стороны жизни монастырской братіи. Когда (ок. 1388—1390 г.) архимандритъ Ѳеодоръ былъ поставленъ на архіепископію ростовскую и когда, вѣроятно, Михаилъ былъ уже возведенъ въ санъ епископа смоленскаго, Кириллъ по общему согласію братіи былъ избранъ во игумена Симонова монастыря. Теперь онъ обратилъ особенное вниманіе на монастырскую библіотеку. Самъ любя книжное дѣло, онъ и другихъ поощрялъ къ занятіямъ по перепискѣ рукописей. Кромѣ того, онъ прилагалъ особое рвеніе и заботы о душевномъ спасеніи братіи. Но видя, что монастырская дисциплина ослабѣла и недовольный этимъ ослабленіемъ, Кириллъ сложилъ съ себя санъ игумена. Его преемникъ Сергій Азаковъ въ непродолжительномъ времени столкнулся съ преподобнымъ въ вопросахъ монастырской жизни и обихода, вслѣдствіе чего Кириллъ покинулъ обитель и ушелъ въ монастырь Рождества Богородицы „Старое Симоново" (близь Симонова монастыря), гдѣ началъ безмолвствовать. Задумавшись надъ выраженіемъ Акаѳиста Божіей Матери „странно рожество видѣвше, устранимся міра", Кириллъ сталъ помышлять о полномъ уединеніи. И услышалъ онъ голосъ: „Кириллъ, иди на Бѣлоозеро, и тамъ найдешь добрый покой". Преподобный распахнулъ окно келліи на сѣверъ и увидѣлъ небесный свѣтъ въ сторонѣ Бѣлаозера. Исполнившись радости, онъ повѣрилъ видѣніе своему духовному брату Ѳерапонту, бывшему позже основателемъ Бѣлозерскаго Ѳерапонтова монастыря, и вмѣстѣ съ нимъ ушелъ на Бѣлоозеро. Здѣсь, на берегу Сиверскаго озера, верстахъ въ семи отъ р. Шексны, они увидѣли мѣсто удобное для безмолвія и въ 1397 г. построили небольшую хижину. Впрочемъ, Кириллъ вскорѣ удалился отъ Ѳерапонта и по близости отъ него выкопалъ себѣ въ землѣ особую пещеру. Выборъ мѣста для обители оказался очень удачнымъ. Расположенная близь историческаго Словинскаго волочка или волоковаго пути, близь артеріи колонизаціоннаго движенія (изъ Понизовья въ предѣлы Бѣлоозера), обитель уже при жизни преподобнаго достигла значительнаго благосостоянія. Слава объ основателѣ этой обители быстро распространилась, и его стали навѣщать многіе съ просьбою принять ихъ подъ начало. Кириллъ долго не соглашался

на это, однако потомъ уступилъ в сталъ принимать братію. Князья считали высокою честію состоять въ общеніи съ Бѣлозерскимъ игуменомъ. Симоновскій книголюбецъ,—Кириллъ и въ своемъ монастырѣ поддерживалъ въ братіи любовь къ книжному дѣлу; онъ имѣлъ даже спеціальнаго дьяка, на обязанности котораго лежало писать книги и учить дѣтей „грамотной хитрости"; и многіе иноки монастыря трудились надъ перепискою рукописей и положили основаніе знаменитой Кирилло-Бѣлозерской библіотекѣ. Кириллъ построилъ церковь во имя Успенія Богородицы, создалъ монастырь и далъ ему (будто бы) свой уставъ, похожій на уставъ Симонова монастыря, со строгимъ общежитіемъ, личною нестяжательностію и вотчиннымъ строемъ. Игуменомъ его онъ состоялъ около 30 лѣтъ, до самой кончины, и творилъ много чудесъ. Онъ скончался отъ эпидемической болѣзни 9 іюня 1427 года, въ возрастѣ 90 лѣтъ, и погребенъ съ правой стороны Успенской церкви. Надъ мощами его находится Кирилловская церковь, построенная въ 1585—1587 годахъ и заново перестроенная въ XVIII вѣкѣ. Изображеніе преподобнаго, написанное при жизни его преп. Діонисіемъ Глушицкимъ, сохранилось донынѣ; его можно видѣть въ упомянутой ниже книгѣ проф. Никольскаго о Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, въ самомъ началѣ. (Преп. Кириллъ канонизованъ и сталъ общепочитаемымъ святымъ русской церкви, наряду съ другимъ знаменитымъ подвижникомъ пр. Сергіемъ Радонежскимъ, не позднѣе, какъ съ 1447—1448 года. Мощи преподобнаго не были открываемы и доселѣ остаются подъ спудомъ. См. проф. *Е. Е. Голубинскій*, Исторія канонизаціи святыхъ, изд. 2-е, стр. 74; преосв. *Димитрій*, Мѣсяцесловъ святыхъ, іюль [вып. 10-й], стр. 55—61 по изд. 1900 г.; † преосв. *Филаретъ*, Русскіе святые, кн. 2, стр. 206—222.—*Ан. С—въ*).

Память его 9 іюня.

Первоначально препод. Кириллъ поселился въ Бѣлозерской „пустыни" на холмѣ, на мѣстѣ нынѣшняго Ивановскаго монастыря. На склонѣ этого холма (къ сѣверо-западу отъ нынѣшней церкви св. Іоанна Предтечи) онъ водрузилъ деревянный крестъ и соткалъ сѣнь изъ деревьевъ; вмѣстѣ съ Ѳерапонтомъ онъ выкопалъ въ землѣ келлію. По уходѣ преп. Ѳерапонта, Кириллъ подъ крестомъ построилъ деревянную часовню. Со времени поселенія здѣсь иноковъ вмѣсто землянки для игумена было построено деревянное помѣщеніе. Основаніе общежительной обители было положено преподобнымъ на полуостровѣ, врѣзавшемся въ Сиверское озеро. Устройство ея съ самаго начала носило замѣтные слѣды подражанія московскимъ монастырямъ. При третьемъ преемникѣ Кирилла игуменѣ Трифонѣ обитель подверглась перестройкамъ, придавшимъ ей типичную наружность лавры или большого монастыря. Послѣ нѣкотораго перерыва, строительная дѣятельность въ монастырѣ возобновилась въ концѣ XV вѣка. Съ этого времени стали появляться каменныя зданія — и архитектура монастыря, подъ вліяніемъ каменщиковъ, получила отпечатокъ стиля монастырей Понизовья и ростовско-ярославской области; особенно систематически каменныя постройки стали возводиться со второго десятилѣтія XVI столѣтія. Съ 30-хъ годовъ, когда Кирилло-Бѣлозерскій монастырь былъ снисканъ вниманіемъ московскаго великокняжескаго двора, онъ вступилъ въ постоянныя сношенія съ Москвою, украшался и богатѣлъ. Грозный и его сыновья имѣли здѣсь свои келліи, которыя постоянно обогащали; сюда стекались богатые бояре, принимавшіе иночество и оставлявшіе здѣсь значительныя средства. Въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка у нѣкоторыхъ старцевъ изъ богатыхъ постриженниковъ были келліи, имѣвшія нѣсколько комнатъ и, кромѣ того, помѣщенія для прислуги. Однѣ изъ нихъ приняли форму клѣти съ подклѣтями, другія сохраняли форму избы и т. д. Особеннымъ размѣромъ и вмѣстительностью отличались келліи старца Іоны (Шереметева) и старца Леонида Ширшова. Рядомъ съ появленіемъ каменныхъ построекъ стали появляться и каменные могильные памятники, не смотря на то, что дѣйствовавшій до XIV вѣка въ древней Руси Студійскій богослужебный уставъ (въ редакціи патр. Алексія) и воспрещалъ погребать по монастырямъ. Во время пятилѣтней осады Кириллова монастыря, во второмъ десятилѣтіи XVII вѣка, зданія внѣ монастырской стѣны были разрушены, но самый монастырь выдержалъ осаду и не пострадалъ. Особенною достопримѣчательностью Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря была его драгоцѣн-

ная рукописная библіотека, большая по количеству рукописей и единственная въ своемъ родѣ по рѣдкости нѣкоторыхъ старыхъ памятниковъ древне-русской литературы. Съ древняго времени эта библіотека сдѣлалась цѣлію ученыхъ путешествій. Поѣздка проф. С. Шевырева въ 1847 году только частію выяснила всю важность и цѣнность этого собранія. Впослѣдствіи библіотека была перенесена въ с.-петербургскую Духовную Академію и нынѣ занимаетъ въ ней особое мѣсто. Изслѣдователи древне-русской литературы постоянно имѣютъ надобность рыться въ этомъ собраніи и не рѣдко даже доселѣ открываютъ въ ней драгоцѣнные памятники. Въ послѣднее время капитальнымъ трудомъ по изученію Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря явилась книга проф. Н. К. Никольскаго; пока вышло только начало сочиненія, трактующее о житіи преп. Кирилла и о строеніяхъ его монастыря.

Книголюбецъ, преп. Кириллъ еще въ Симоновомъ монастырѣ занимался перепискою рукописей. До насъ дошло 17 манускриптовъ, писанныхъ имъ собственноручно: 7 Евангелій, Апостолъ, Псалтирь, 3 книги правилъ, Лѣствица, четыре канонника. Переписка эта, несомнѣнно, обогощала умъ игумена все новыми и новыми познаніями какъ въ области святоотеческой письменности, такъ и въ области собственно свѣтской. Такъ, онъ дѣлалъ выписки изъ физики Галена о происхожденіи грома и молніи, о падающихъ звѣздахъ, объ устройствѣ земли, о землетрясеніяхъ, о четырехъ стихіяхъ и о моряхъ. Какъ самостоятельный писатель, преп. Кириллъ извѣстенъ своими посланіями къ современнымъ ему князьямъ, въ которыхъ изъ-подъ простого и незатѣйливаго языка ясно проглядываютъ сердечность, искренность и теплота. Изъ этихъ посланій сохранилось только три, къ тремъ братьямъ: къ московскому великому князю Василію Димитріевичу (ок. 1399—1402 г.), къ можайскому удѣльному князю Андрею Димитріевичу (1408 или 1413 г.) и къ звенигородскому удѣльному князю Георгію (Юрію) Димитріевичу (до 1422 г.). Первое посланіе имѣетъ главною цѣлію примиреніе великаго князя съ родственниками его, князьями суздальскими. Побуждая князя къ твердости въ дѣлахъ правленія, Кириллъ дѣлаетъ сравненіе съ кормчимъ, управляющимъ кораблемъ: какъ на корабляхъ, когда наемникъ (гребецъ) соблазнится, малый вредъ творитъ плавающимъ съ нимъ, а когда кормчій соблазнится, то всему кораблю производитъ гибель; тоже должно сказать и о князьяхъ: если кто изъ бояръ согрѣшитъ, не производитъ вреда всѣмъ людямъ, но только себѣ одному, но если самъ князь согрѣшитъ, то дѣлаетъ вредъ всѣмъ людямъ, ему подвластнымъ. Ты же, господине, со многою твердостію храни себя въ добрыхъ дѣлахъ; возненавиди всякую власть, влекущую тебя на грѣхъ. „Да слышелъ есми, господине Князь Великій, что смущеніе велико межу тобою и сродники твоими, князми суждальскими. Ты, господине, свою правду сказываешь, а они свою; а въ томъ, господине, межи васъ хрестьяномъ кровопролитіе велико чинится. Ино, господине, посмотри того истинно, въ чемъ будетъ ихъ правда предъ тобою, и ты, господине, своимъ смиреніемъ поступи на себе (=уступи); а въ чемъ будетъ твоя правда предъ ними, и ты, господине, за себе стой по правдѣ. А почнуть ти, господине, бити челомъ, и ты бы, господине, Бога ради, пожаловалъ ихъ, по ихъ мѣрѣ; занеже, господине, тако слышелъ есмь, что доселѣ были у тебе въ нужи, да отъ того ся, господине, и возбранили. И ты, господине, Бога ради, покажи къ нимъ свою любовь и жалованье, чтобы не погибли въ заблуженіи въ татарскихъ странахъ, да тамо бы не скончались“. Во второмъ посланіи заключаются разныя наставленія—быть правдивымъ въ своей вотчинѣ, не принимать поклеповъ, заботиться, чтобы не было мзды неправедной, разбоя, татьбы, а для этого самому не лѣниться давать управу хрестьянамъ. „Судъ бы, господине, судили праведно, какъ предъ Богомъ, право; поклеповъ бы, господине, посуловъ не имали, довольны бы были уроки своими... И ты, господине, внимай себѣ, чтобы корчмы въ твоей вотчинѣ не было; занеже, господине, то велика пагуба душамъ: хрестьяне ся, господине, пропиваютъ, а души гибнутъ. Такоже, господине, и мытовъ бы у тебя не было, понеже, господине, куны неправедныя; а гдѣ, господине, пригоже дати труда ради. Такоже, господине, и разбоя бы и татбы въ твоей вотчинѣ не было. И аще не уймутся своего злаго дѣла, и ты ихъ вели наказывати своимъ наказаніемъ, чему будутъ достойни. Тако же,

господине, уймай подъ собою люди отъ лаянія, понеже то все прогнѣваетъ Бога; и аще, господине, не подщашися всего того управити, все то на тебѣ взыщется: понеже властитель еси своимъ людемъ, отъ Бога поставленъ. А крестьяномъ, господине, не лѣнись *управы давати самъ*: *то, господине, выше тебѣ отъ Бога вмѣнится и молитвы и поста*. А отъ упиванія бы есте уймались, а милостынку бы есте по силѣ давали: понеже, господине, *поститись не можете, а молитися лѣнитеся,—ино въ то мѣсто*, господине, *вамъ милостыня вашъ недостатокъ исполнитъ*". Въ третьемъ посланіи, написанномъ по случаю болѣзни супруги князя Юрія Димитріевича, читаемъ: „А что, господине, скорбишъ о своей княгинѣ, что въ недузѣ лежитъ: ино, господине, воистину вѣмы, яко нѣчто смотрѣніе Божіе и человѣколюбіе его бысть на васъ, чтобы есте исправились къ нему... А мы, господине, грѣшніи отъ всея душа ради Бога молить о ней, чтобы ея помиловалъ и облегчилъ отъ болѣзни тоя тяжкія. И аще ли, господине, такъ пребудетъ въ недузѣ томъ; то воистину, господине, вѣжь, яко нѣчто добродѣтелей ея ради хощетъ Богъ упокоити ю отъ маловременныя сея и болѣзненыя жизни къ оному нестарѣющемуся блаженству". Въ отвѣтъ на запросъ князя, можетъ ли онъ посѣтить Бѣлозерскаго игумена, Кириллъ пишетъ: „А что еси, господине князь Юрьи, писалъ ко мнѣ грѣшному, яко *издавна жадаю видѣтися съ тобою*, — ино, господине, Бога ради, ие мозп того учинить, что ти къ намъ ѣхати; занеже, господине, вѣмъ, яко нѣчто моихъ ради грѣховъ, то искушеніе пріидетъ на мя, аще поѣдешъ ко мнѣ: занеже, господине, извѣстую ти, не мочно ти насъ видѣти: покиня, господине, и монастырь, да ступлю прочь, куды Богъ наставитъ. Понеже, господине, вы чаете мене здѣсе, что язъ добръ и святъ; ано, господине, воистину всѣхъ есми человѣкъ окаяннѣе и грѣшнѣе и всякаго студа исполненъ. И ты, господине князь Юрьи, не подиви иа насъ о семъ: понеже, господине, слышу, что божественное писаніе самъ вконецъ разумѣеши и чтешъ, и вѣдаешъ самъ, каковъ намъ вредъ приходитъ отъ похвалы человѣческія, но и паче же намъ страстнымъ. Аще кто, господине, воистину святъ и чистъ сердцемъ, ино и тѣмъ повреженіе бываетъ отъ тоя тяготы; а намъ, господине, еще всякой страсти повиннымъ, велика спона души отъ того. Еще, господине, самъ сего поразсуди; понеже твоея вотчины въ сей странѣ нѣтъ, и только ты, господине, поѣдешъ сѣмо, ино вси человѣцы начнутъ глаголати: *Кирила дѣля токмо поѣхалъ*. Былъ, господине, здѣсе братъ твой князь Андрей; ино, господине, его вотчина, и намъ пришла нужа: нелзѣ намъ ему, своему господину, челомъ не ударити. А язъ, господине, аще и грѣшенъ есми, а радъ Бога молити и Пречистую его Матерь съ своею братьицею о тебѣ, о нашемъ господинѣ, и о твоей княгинѣ, и о твоихъ дѣткахъ и о всѣхъ крестьянѣхъ, иже подъ властію твоею, якоже ти, господине, и прежъ сего писахъ". Кромѣ этихъ трехъ посланій существуетъ еще одно поученіе преподобнаго, остающееся неизданнымъ, духовное завѣщаніе братіи, молитвы и уставъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря; впрочемъ, принадлежность послѣдняго сочиненія преподобному сомнительна.

Житіе преп. Кирилла, составленное въ концѣ XV вѣка Пахоміемъ Логоѳетомъ, остается пока неизданнымъ; тоже должно сказать и о сокращенномъ житіи его и о похвалѣ ему. Біографическія данныя о преподобномъ имѣются еще въ житіяхъ преп. Ѳерапонта и Мартиніана Бѣлозерскихъ, которыя также неизданы; въ печати существуетъ только одно проложное сказаніе (**Никольскій**, Кир.-Бѣлоз. мон., стр. XXXIV—XXXVII; Прологъ, подъ 9 іюня). Посланія Кирилла изданы въ Актахъ историческихъ I, №№ 12, 16, 27 (извлеченія изъ нихъ въ Исторической христоматіи проф. *Ѳ. И. Буслаева*, М. 1861, стр. 927—932).— См. ***В. В. Звѣринскій***, Матеріалы для историко-топографическаго изслѣдованія о православныхъ монастыряхъ въ Россійской имперіи, съ библіографическимъ указателемъ II: Монастыри по штатамъ 1764, 1786 и 1795 г. (1892) № 867), стр. 166—175; ***Н. Барсуковъ***, Источники русской агіографіи, Спб. 1882 г., стлб. 297—306. ***В. О. Ключевскій***, Древне-русскія житія святыхъ; архим. ***Варлаамъ***, Описаніе историко-археологическихъ древностей и рѣдкихъ вещей, находящихся въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, М. 1859 (изъ „Чтен. Общ. и Древн. Россійскихъ"); *его-же* Обозрѣніе рукописей собственной библіотеки преп. Кирилла Бѣлозерскаго („Чтенія" 1860, II, 3, стр. 1—369); проф. *С. Шевыревъ*, Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь въ 1847 г., М. 1850, 2 части; митр. *Макарій*, Исторія русской церкви,

т. IV и V; *Н. К. Никольскій*, Кирилло-Бѣлозерскій монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. (1397 — 1625 г.г.) I, 1: объ основаніи и строеніяхъ монастыря, Спб. 1897 г.; „Русскій біографическій словарь, изд. Имп. Русскаго Историческаго Общества, томъ „Ибакъ - Ключаревъ“, Спб. 1897 г., стр. 655 — 657 (подъ словомъ *Кириллъ*).

Хр. Лопаревъ

4) **Кириллъ вельскій** — тіунъ одного изъ новгородскихъ намѣстниковъ въ вологодскомъ краѣ, жившій до покоренія Новгорода Москвою (въ 1478 г.). Сохранилось преданіе, что Кириллъ, спасаясь отъ гнѣва своего господина, который хотѣлъ его убить, бросился въ р. Вагу около нынѣшняго г. Вельска вологодской губ. Раскаявшійся бояринъ приказалъ отыскать его тѣло и похоронить на берегу рѣки. Гробъ потомъ былъ вымытъ водою и въ немъ нашли тѣло совершенно неповрежденнымъ и даже одежда оказалась цѣлою. Жители г. Вельска съ честію поставили нетлѣнное тѣло въ особой часовнѣ. Въ виду совершившихся при гробницѣ чудесъ, само собою, безъ церковной канонизаціи, установилось мѣстное *празднованіе блаж. Кириллу 9 іюня* и мощи его были поставлены въ церкви св. Николая. Но послѣ того, какъ около половины XVIII в. во время пожара мощи вмѣстѣ съ церковью сгорѣли, празднованіе было прекращено мѣстнымъ духовенствомъ, какъ кажется, по сознанію его произвольности.

См. *Голубинскій*, Исторія канониз. св., изд. 2, стр. 150. *Димитрій*, Мѣсяцесл. св., 9 іюня, вып. 10, стр. 66—68 (изд. 1900 г.). Свящ. *І. Верюжскій*, Историч. сказ. о Вологодскихъ св., стр. 366—375.

Ан. С—въ.

5) **Кириллъ пустынникъ вологодскій**; о жизни его не сохранилось свѣдѣній (см. о. *Верюжскій*, Историческія сказанія о жизни Вологод. св., стр. 693). Имя его находится въ нѣкоторыхъ древнихъ святцахъ. Проф. *Е. Е. Голубинскій*, сообщая, что онъ подвизался неизвѣстно когда на берегу Кубенскаго озера и погребенъ въ Спасо-Каменскомъ монастырѣ, помѣщаетъ Кирилла въ числѣ усопшихъ, на самомъ дѣлѣ не почитаемыхъ (Исторія канониз. св., изд. 2-е, стр. 359).

Ан. С—въ.

6) **Кириллъ препод. новоезерскій**, основатель Кириллова Новоезерскаго монастыря, находящагося въ новгородской губерніи, въ бѣлозерскомъ уѣздѣ (въ 30-ти верстахъ къ юго-западу отъ Бѣлозерска), на Красномъ островѣ Новаго озера. Онъ происходилъ отъ богатыхъ родителей, дворянъ Бѣлыхъ; родился въ г. Галичѣ костромской губерніи. Очень рано почувствовалъ Кириллъ влеченіе къ иноческой жизни, а потому еще въ молодыхъ годахъ (около 20 лѣтъ) онъ тайно отъ родителей удалился къ преп. Корнилію Комельскому и отъ него принялъ постриженіе. Съ любовію отдался юный инокъ новой жизни, усердно исполняя всѣ ея требованія. Слухъ о молодомъ подвижникѣ дошелъ и до родителей Кирилла, которые уже считали его умершимъ. Слѣдуя примѣру сына, они также приняли иноческій образъ.

Послѣ смерти родителей, раздавъ оставшееся отъ нихъ имѣніе бѣднымъ и отпустивъ слугъ на волю, преп. Кириллъ окончательно порываетъ всѣ связи съ міромъ. Съ благословенія св. Корнилія онъ оставилъ его обитель и потомъ не мало времени провелъ въ глухихъ лѣсахъ сѣвера, испытывая всѣ невзгоды и лишенія отшельнической жизни; по временамъ онъ посѣщалъ святыя мѣста Новгорода и Пскова. Наконецъ, по указанію свыше, онъ пришелъ на Новоозеро и здѣсь на острову поставилъ себѣ хижину,— начало обители. Это было въ 1517 г. Своими руками трудился св. подвижникъ надъ устроеніемъ храма и помѣщеній для братіи. Скоро около него собралось немалое число любителей благочестія, и такимъ образомъ возникъ монастырь. Среди молитвенныхъ подвиговъ и заботъ объ устроеніи и обезпеченія основанной имъ обители преп. Кириллъ скончался 4 февраля 1532 года, еще при жизни сподобившись дара прозорливости и чудесъ. Мѣстное почитаніе его памяти, — надо думать, — началось вскорѣ послѣ его смерти, въ виду совершившихся отъ него чудесъ. Общецерковное празднованіе преп. Кириллу было установлено послѣ открытія его мощей 7 ноября 1648 г. при копаніи фундамента для новой церкви, строившейся по обѣту спасеннаго отъ бѣды боярина Морозова. 22 августа 1652 г. мощи были перенесены въ новопостроенный храмъ, гдѣ и донынѣ почиваютъ

открыто. *Память преп. Кирилла совершается 4 февраля и 7 ноября* (см. Вѣрн. мѣсяц. всѣхъ рус. св., М. 1903 стр. 9 и 43).

Житіе преп. Кирилла, по мнѣнію проф. *В. О. Ключевскаго* (Древнерус. житія св., стр. 319 - 321), написано въ началѣ XVII в. монахомъ его монастыря, на основаніи изустныхъ разсказовъ учениковъ преподобнаго и записокъ о его чудесахъ. Оно встрѣчается въ рукописяхъ XVII и XVIII в.в., напр., въ Милютинскихъ Ч.-Минеяхъ на 4 февраля (см. *Н. Барсуковъ*, Источн. рус. агіогр., стлб. 307). Сохранилось также слово на обрѣтеніе мощей, написанное очевидцемъ событія въ половинѣ XVII в.; напечатано въ „Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн.“ 1864 г., кн. III. Есть и служба преп. Кириллу, помѣщаемая въ служебной минеѣ на 4 февраля; списки см. у *Барсукова*, стр. 308. Сокращенное житіе преп. *Кирилла печатается* въ Прологѣ на 4 февраля.

См. *Филаретъ,* Русскіе св., кн. 1, стр. 154—163 (изд. 1882). *Димитрій,* Мѣсяцесловъ св., февраль (вып. 6), стр. 44—45 (изд. 1897 г.). *Е. Е. Голубинскій,* Исторія канонизаціи св., изд. 2-е, стр. 129 — 130. *Сергій,* Полный мѣсяцесловъ Востока, II², стр. 33 и 347.

Ан. С—въ.

7—8) **Кириллъ І-й и ІІ-й,** епископы *ростовскіе*; они занимали каѳедру одинъ за другимъ. Первый былъ поставленъ епископомъ въ 1216 году; оставилъ каѳедру въ 1229 году; постригшись въ схиму съ именемъ Киріака, скончался 17 апрѣля 1230 г. Кириллъ 2-й управлялъ ростовскою епархіей очень продолжительное время, — съ 1230 г. и почти до самой смерти 21 мая 1262 года. Онъ заявилъ себя широкою и плодотворною дѣятельностію въ тяжелое время первыхъ лѣтъ татарщины. Отъ татарскаго нашествія Кириллъ сначала укрылся на Бѣлоозеро. Возвратившись оттуда, похоронилъ вел. кн. Юрія Всеволодовича, убитаго въ несчастной битвѣ съ татарами на р. Сити. Потомъ, приблизительно въ теченіи 10-ти лѣтъ, до прибытія во Владиміръ митрополита Кирилла, онъ управлялъ епархіями сѣверо-восточной Руси, прилагая всѣ усилія къ устроенію дѣлъ церковныхъ, пришедшихъ въ разстройство послѣ татарскаго раззоренія: возстановлялъ церкви, ставилъ священниковъ и т. п. Благотворное вліяніе оказывалъ Кириллъ и на дѣла гражданскія, не разъ примиряя князей. Скончался онъ въ глубокой старости, погребенъ въ ростовскомъ соборѣ. Имя его находится въ нѣкоторыхъ древнихъ святцахъ (см. *Сергій*, Полный мѣсяцесл. Востока II², прил. 3-е, стр. 563), ср. *Голубинскій*, Исторія канониз. св., изд. 2-е, стр. 359).

См. „Чтенія въ Общ. любител. духовн. просвѣщ.“ 1890 г., отд. 4-й, стр. 90—93.

Ан. С—въ.

9) **Кириллъ сырьинскій**, основатель Сырьинской Успенской, нынѣ упраздненной, пустыни въ каргопольскомъ уѣздѣ олонецкой губерніи. Былъ сынъ священника Чекуевскаго прихода въ Онежскомъ краѣ; въ мірѣ назывался Киріакомъ. Рано оставшись сиротою, нашелъ пріютъ въ обители Александра Ошевенскаго, гдѣ принялъ постриженіе и подвизался довольно продолжительное время. Наученный здѣсь грамотѣ, онъ отъ новгородскаго архіепископа получилъ священный санъ и нѣкоторое время священствовалъ, сначала въ селѣ Кенозерѣ, а потомъ въ родномъ селѣ, отсюда переселился на близъ лежащую Сырью гору, гдѣ и основалъ обитель въ честь Успенія Божіей Матери. Скончался въ глубокой старости. Время его жизни остается неизвѣстнымъ. Можно предполагать, что онъ жилъ и дѣйствовалъ въ концѣ XV и въ началѣ XVI в. Праведный Кириллъ не канонизованъ; онъ чтится служеніемъ панихидъ. Мощи подъ спудомъ въ Успенской церкви упраздненнаго монастыря.

См. проф. *Е. Е. Голубинскій;* Исторія канониз. св., изд. 2-е, стр. 331. *Сергій,* Полный мѣсяцесл. Востока II², стр. 124, на 28 апрѣля; ср. прил. 3-е, стр. 563. *Никодимъ,* Архангельскій патерикъ, Спб. 1901, стр. 79—81.

Ан. С—въ.

10) **Кириллъ преп. челмскій или челмогорскій**, основатель нынѣ упраздненнаго Покровскаго монастыря на Челмѣ горѣ въ 50 верстахъ отъ Каргополя, олонецкой губерніи. Мѣстомъ начальныхъ подвиговъ

преп. Кирилла былъ новгородскій монастырь Антонія Римлянина, въ которомъ онъ принялъ постриженіе. Отсюда, ища уединенія, онъ удалился въ пустынный олонецкій край и здѣсь поселился на горѣ Челмѣ. Мѣсто было дикое, но красивое. Преп. Кириллъ сначала выкопалъ себѣ въ горѣ пещеру, а потомъ построилъ келію и при ней часовню. Окрестные жители чудскаго племени недружелюбно встрѣтили пришельца; всячески ему досаждали, желая его прогнать. Но святой отшельникъ побѣдилъ ихъ злобу своею кротостію и смиреніемъ и сдѣлался апостоломъ Христовой вѣры среди окрестныхъ жителей—финновъ. Подъ вліяніемъ примѣра его святой жизни и кроткихъ наставленій „вси чудяне пріяша св. крещеніе". Преп. Кириллъ скончался въ преклонныхъ лѣтахъ 8 декабря 1367 г. или 1368 г. (нѣкоторые, впрочемъ, время жизни преп. Кирилла относятъ къ XV—XVI в.), проживъ на Челмской горѣ 52 года. Мощи его подъ спудомъ въ церкви упраздненнаго монастыря. *Память 8 сентября.*

Въ „Вѣрномъ мѣсяц. всѣхъ рус. св." (М. 1903 г., стр. 45) Кириллъ челмскій помѣщается на 8 декабря, какъ святой канонизованный.—Въ рукописяхъ встрѣчается житіе преп. Кирилла, написанное не раньше конца XVI в.; Сказаніе о чудесахъ написано священникомъ Іоанномъ во 2-й половинѣ XVII в.; есть также служба преп. Кириллу (см. *В. О. Ключевскій,* Древне-рус. житія св., стр. 320—322. Ср. *Н. Барсуковъ,* Источн. рус. агіогр., стлб. 309). *Филаретъ*, Русскіе св., кн. 3, 537—542). *Димитрій*, Мѣсяцесловъ св., декабрь (вып. 4-й), стр. 96—98 (изд. 1895 г.). *Сергій,* Полный мѣсяцесл. Востока II², 379. „Христіан. Чтеніе" 1889 г., мартъ: (здѣсь напечатано *Докучаевымъ-Басковымъ* Житіе преп. Кирилла и сказаніе о чудесахъ съ предварительными замѣчаніями, стр. 469 сл.). [См. еще Минеи-Четьи на русскомъ языкѣ, книга дополнительная 1, Москва 1907, стр. 503—511].

Ан. С—въ.

11) **Кириллъ и Марія** († 1337 г.), праведные родители преп. Сергія Радонежскаго, погребенные въ Хотьковомъ Покровскомъ монастырѣ (въ 10-ти верстахъ отъ Троицкой Сергіевой лавры). Тѣла ихъ покоятся въ трапезѣ монастырскаго собора; надъ ними устроена богато украшенная гробница. *Почитаются* служеніемъ панихидъ, особенно *28 сентября*; къ этому числу богомольцы стекаются во множествѣ изъ Троицкой лавры—послѣ праздника преп. Сергія (25 сент.).

См. Проф. *Е. Е. Голубинскій*, Исторія канониз. св., изд. 2-е. стр. 331. *Димитрій*, Мѣсяцесл. св., сентябрь (вып. 1-й), стр. 198—199 (изд. 1893 г.).

Ан. С—въ

Кириллъ I-й—митрополитъ кіевскій и всея Руси. Онъ не упоминается въ русскихъ лѣтописяхъ, почему большинство изслѣдователей по исторіи русской церкви совсѣмъ не говорятъ о немъ, не признавая его существованія. Вслѣдствіе этого получается различный счетъ кіевскихъ митрополитовъ Кирилловъ: Кирилломъ I-мъ считаютъ того Кирилла, который состоялъ митрополитомъ съ 1224-го по 1233 г. и былъ въ Россіи вторымъ съ этимъ именемъ (см. преосв. *Макарія*, Исторія русск. церкви III, 15; *Карамзина* III, 151. 155. 157), а Кирилломъ II-мъ называютъ Кирилла, занимавшаго митрополичью каѳедру съ 1242-го по 1281 г. и бывшаго по счету третьимъ.

М. Кириллъ I значится въ кіево-софійскомъ помянникѣ, которымъ пользовался Захарія Копыстенскій, намѣстникъ и потомъ архимандритъ печерскій († 1626), при составленіи каталога митрополитовъ въ своей „Палинодіи" (написана въ 1621 г., напечатана въ 1878 г. въ „Русск. истор. Библіотекѣ" т. IV, кн. 1); этотъ Кириллъ отмѣчается также въ московскихъ спискахъ митрополитовъ: при Никоновой лѣтописи (Полн. собр. лѣт., т. IX, стр. XIII, а по старому отдѣльному изданію т. I, прилож., стр. 3), напечатанномъ въ „Лѣтописяхъ Археографической Коммиссіи" (Вып. 3, отд. III, стр. 41) и читаемомъ въ волоколамской рукописи библіотеки московской Дух. Академіи № 529 (л. 659). Годы служенія и жизни Кирилла I не извѣстны, но на основаніи указанныхъ источниковъ онъ долженъ быть помѣщенъ между м. Ѳеопемптомъ, упоминаемымъ въ 1039 г., и м. Иларіономъ, поставленнымъ въ 1051 г.

Проф. *Е. Е. Голубинскій,* Истор. рус. цер. 1-ая полов. тома I (изд. 2-е, Москва 1901), стр. 285—286.—Глава изъ „Палинодіи" З. Копыстенскаго, въ которой содержится каталогъ митрополитовъ, напечатана въ

изслѣдованіи *Ф. А. Терновскаго*, Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси. вып. 2 (Кіевъ 1876), стр. 200 сл.

Свящ. *Н. В. П—въ.*

Кириллъ II—митрополитъ кіевскій и всея Руси (нѣкоторыми изслѣдователями признаваемый за Кирилла 1-го) [1]. По свидѣтельству лѣтописей онъ былъ родомъ грекъ и пришелъ на Русь изъ Никеи (Новгородская лѣт. подъ 1233 г.). О поставленіи его Лаврентьевская лѣтопись повѣствуетъ такъ: „въ лѣто 1224 поставленъ бысть митрополитомъ въ святой Софьѣ (въ) Кіевѣ блаженный Кириллъ Гречинъ, мѣсяца Генваря въ 6, въ праздникъ Богоявленья“. Это даетъ основаніе предполагать, что Кириллъ II былъ посвященъ въ самой Россіи. По отзыву той же Лаврентьевской лѣтописи, онъ былъ „учителенъ зѣло и хитръ ученью божественныхъ книгъ“. Кириллъ II былъ предпослѣднимъ митрополитомъ за періодъ домонгольскій; скончался въ 1233 г. Наименованіе „блаженнаго“, прилагаемое къ Кириллу II-му въ Новгородской и Лаврентьевской лѣтописяхъ, заставляетъ думать, что это былъ замѣчательный и выдающійся изъ ряда другихъ митрополитъ.

Проф. *Е. Е. Голубинскій*, Исторія русской церкви 1-я полов. томъ I (изд. 2-е, Москва 1901), стр. 289—290, 292, 318; митр. *Макарій*, Исторія рус. церкви III, 15; *Карамзинъ*, III, 151, 155, 157; Русскій біографическій словарь *А. А. Половцева*, (Спб. 1897), стр. 663.

Свящ. *Н. В. П—въ.*

Кириллъ III, митрополитъ кіевскій и вся Руси († 1280) былъ преемникомъ несчастнаго Іосифа, убитаго татарами при взятіи Кіева въ 1240 г. Князь галицкій Даніилъ, самый сильный изъ князей южно-русскихъ, позаботился объ избраніи новаго законнаго митрополита, устранивъ епископа угровскаго Іоасафа, пытавшагося было самовольно занять митрополію. Какимъ образомъ былъ избранъ Кириллъ, однимъ ли Даніиломъ или съ другими князьями и съ согласія ли русскихъ епископовъ, равно и то, кто былъ Кириллъ III до посвященія, въ какомъ году было самое избраніе,—свѣдѣній обо всемъ этомъ не сохранилось. Лѣтопись въ 1243 г. называетъ Кирилла уже митрополитомъ. Въ 1246 г. кн. Даніилъ, утвержденный ханомъ въ своемъ княжескомъ достоинствѣ, отправилъ Кирилла III въ Грецію, чтобы получить утвержденіе въ санѣ отъ патріарха. Путешествіе пришлось Кириллу III прервать. Король венгерскій Бела, чрезъ владѣнія котораго ѣхалъ митрополитъ, убѣдилъ послѣдняго вернутся обратно, чтобы помочь заключенію мира между нимъ и Даніиломъ. Послѣ этого Кириллъ III отправился вторично въ Никею, гдѣ въ это время находился патріархъ Мануилъ II. Когда и какъ вернулся Кириллъ III на Русь,—тоже нѣтъ свѣдѣній; лишь подъ 1250 г. лѣтопись сообщаетъ о поѣздкѣ Кирилла въ Черниговъ, Рязань, Суздальскую землю для устройства дѣлъ церкви.

Южная Русь была такъ опустошена и раззорена татарами, что митрополитъ Кириллъ III не нашелъ удобнымъ поселиться ни въ одномъ изъ городовъ ея; не поселился онъ и въ Галицкой землѣ, такъ какъ это слишкомъ удалило бы его отъ Сѣверной Руси. Потому онъ избралъ Владиміръ Суздальскій, гдѣ и жилъ, сохраняя титулъ митрополита кіевскаго. Кириллъ III прожилъ такъ около 27 лѣтъ, почти все время совершая поѣздки по разнымъ областямъ русской земли. Онъ ревностно старался устроить свою паству послѣ всѣхъ ужасовъ татарскаго погрома: митрополитъ Кириллъ III проходилъ „грады и веси по обычаю своему учаше, наказуяше, исправляше“, какъ выражается лѣтописецъ.

Кириллъ III былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ великаго князя Александра Ярославича Невскаго, иногда сопровождалъ его въ походахъ, напр., до Копорья въ походѣ Александра съ новгородцами на Финляндію. Кириллу III удалось заслужить довѣріе у татаръ. Когда была произведена первая перепись народа татарами, церковь русская со всѣми своими имѣніями была освобождена отъ дани. Былъ данъ ханомъ Менгу-Темиромъ въ 1267 г. ярлыкъ, утверждавшій

[1] Густынская лѣтопись раздѣляетъ этого Кирилла на двухъ Кирилловъ—первый съ 1225 г., второй съ 1230; по мнѣнію проф. Голубинскаго (op. cit., стр. 283), такое раздѣленіе сдѣлано въ названной лѣтописи произвольно и ошибочно.

привилегіи духовенства. Въ 1261 г. Кирилъ III успѣлъ испросить у хана позволеніе учредить православную епархію въ Сараѣ, гдѣ постоянно жило множество русскихъ. Епископомъ былъ поставленъ Митрофанъ.

Желая дать руководство при рѣшеніи церковныхъ дѣлъ, митрополитъ Кириллъ III выписалъ изъ Болгаріи чрезъ деспота Іакова Святислава славянскій списокъ Номоканона съ толкованіями Зонары. Но такъ какъ нѣкоторые изъ греческихъ законовъ, заключавшихся въ переведенной Кормчей, не соотвѣтствовали условіямъ тогдашней жизни, то для рѣшенія этого вопроса, а равно и другихъ вопросовъ церковно-общественной жизни русскаго государства митрополитъ Кириллъ III рѣшилъ собрать около 1274 г. владимірскій соборъ епископовъ. Первенствовалъ на соборѣ самъ Кириллъ III, открывшій соборныя засѣданія рѣчью, въ которой говорилъ о необходимости для святителей блюсти каноны, выражалъ безпредѣльную любовь къ своей паствѣ, нарисовалъ картину печальнаго состоянія Руси подъ тяжкимъ иновѣрнымъ игомъ монголовъ. За рѣчью слѣдовали соборныя разсужденія, самый ходъ которыхъ для насъ остался неизвѣстнымъ. Результатомъ соборныхъ совѣщаній было 12 правилъ. Соборъ запрещалъ „святокупство“ и разные дары, „уроки“ при посвященіи въ церковныя степени, требовалъ посвящать по достаточномъ испытаніи поведенія кандидатовъ; соборъ обратилъ вниманіе на безпорядки, вкравшіеся въ совершеніе литургіи и таинствъ крещенія, миропомазанія, постановилъ „безчинно живущихъ священниковъ“ извергать, воспретилъ безчинныя народныя игры въ праздники, бои, убиваемыхъ на нихъ подвергъ проклятію; въ заключеніи соборъ іереевъ призывается ревностно проходить свое служеніе. „Правило“ съ соборными опредѣленіями митрополитъ Кириллъ III разослалъ по всѣмъ епархіямъ. Правило было составлено Кирилломъ III, только послѣдняя часть, существующая отдѣльно и подъ другимъ заглавіемъ („поученіе къ попомъ“), вѣроятно не принадлежитъ ему. Скорѣе авторомъ „поученія“ былъ Кириллъ II, епископъ ростовскій, современникъ Кирилла кіевскаго. Можно думать, что послѣдній, изыскивая мѣры къ поднятію нравственнаго уровня духовенства и разсылая „правило“ съ соборными опредѣленіями по епархіямъ, разрѣшилъ присоединить и означенное „поученіе къ попомъ“, чтобы оно служило руководствомъ для духовенства. Правило, какъ и поученіе, имѣли практическое значеніе, были внесены въ Кормчіе.

Впервые „правило“ было открыто Н. М. Карамзинымъ и издано „Московскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ“ въ „Русскихъ Достопамятностяхъ“ 1815 г. ч. I, 106—115.

Въ 1274 г. былъ поставленъ Кирилломъ III на владимірскую каѳедру епископъ Серапіонъ, кіевскій постриженникъ, знаменитый своими проповѣдями; самъ же Кириллъ III переѣхалъ въ Кіевъ. Здѣсь онъ продолжалъ устраивать дѣла церковныя, рукоположилъ новгородскаго епископа Климента (1276 г.); особенное вниманіе обратилъ на защиту церкви отъ латинянъ, отъ притязаній папы Николая III, давшаго своему легату Филиппу, епископу фирманскому, право распоряжаться въ Галиціи, Волыни и сосѣднихъ странахъ... Вѣроятно, съ цѣлію защиты отъ папскихъ притязаній Кириллъ III сносился съ константинопольскимъ патріархомъ Іоанномъ Веккомъ чрезъ Ѳеогноста сарайскаго, но, узнавъ отъ послѣдняго объ уклоненіи патріарха въ унію съ Римомъ, прервалъ съ нимъ сношенія.

Предъ концомъ своей жизни престарѣлый святитель еще разъ отправился для обозрѣнія сѣверныхъ епархій. Извѣстенъ одинъ случай изъ его архипастырской поѣздки. Кириллъ III узналъ, что ростовскій епископъ Игнатій по какимъ-то навѣтамъ приказалъ удалить изъ соборнаго городскаго храма тѣло недавно имъ самимъ здѣсь погребеннаго князя ростовскаго Глѣба Васильковича. Митрополитъ Кириллъ III кротко, но вмѣстѣ и властно поставилъ на видъ неблаговременность его пастырской ревности. „Кайся до смерти“—говорилъ онъ.—Когда живъ былъ князь, ты дѣлилъ съ нимъ трапезу и принималъ дары, а теперь осуждаешь мертвеца, прежде суда Божія.“ Митрополитъ отрѣшилъ было Игнатія отъ священнослуженія за злоупотребленіе церковной властію, но по ходатайству племянника покойнаго разрѣшилъ запрещеннаго епископа.

Во время своего путешествія Кириллъ III

скончался въ городѣ Переяславлѣ въ 1280 г. Тѣло его было перевезено въ Кіево-Софійскій соборъ.

Митрополитъ Кириллъ III своею неутомимой дѣятельностію по благоустройству русскаго общества въ одну изъ самыхъ тяжкихъ эпохъ русской исторіи заслужилъ глубокое уваженіе. Карамзинъ говоритъ, что едва ли какой другой митрополитъ превосходилъ Кирилла пастырскими добродѣтелями.

Митрополиту Кириллу III приписываются, кромѣ „правила", еще и другія сочиненія, перечисленныя въ „Обзорѣ духовной литературы" архіеп. Филарета, но они въ дѣйствительности ему не принадлижатъ.

Литература: М. *Макарій*, Исторія рус. церкви т. IV и V. Проф. *Е. Е. Голубинскій*, Исторія рус. церкви т. II, 1-ая половина. *Н. М. Карамзинъ*, Ист. госуд. рос. т. IV. „Прибавл. къ творен. св. отц." 1843 г. I, 414: „Кириллъ II, митр. кіевскій и всея Россіи". „Православн. Собесѣдн." 1865 г. I, 51: „Правило митрополита Кирилла II". „Владим. Епарх. Вѣдомости" 1867 г. № 22: „Кириллъ III, митрополитъ кіево-владимірскій и всея Руси и владимірскій соборъ 1274 г. Арх. *Филаретъ*, Обзоръ духовной литературы. Лучшее изд. „Правила" въ VI т. „Русск. историч. Библіотеки".

Б. Груздевъ.

Кириллъ VI, митрополитъ всероссійскій, до избранія на митрополію былъ архимандритомъ Троице-Сергіева монастыря (съ 1566 г.). Въ 1568 г. онъ былъ избранъ на каѳедру московскаго митрополита на мѣсто святого Филиппа, но въ противоположность послѣднему отличался слабою волею и былъ безмолвнымъ свидѣтелемъ жестокостей Іоанна Грознаго. При немъ лютость царя достигла крайнихъ предѣловъ: цѣлые города (Клинъ, Коломна) грабили и опустошали. Въ 1571 г. крымскій ханъ Девлетъ-Гирей сжегъ Москву. Митрополитъ спасся въ Успенскомъ соборѣ. Умеръ Кириллъ IV 8 февраля 1572 г., погребенъ въ Новинскомъ монастырѣ.

Литература. † Прот. *М. С. Боголюбскій*, Московская іерархія („Чтен. въ Общ. люб. дух. просвѣщенія" 1894 г., сентябрь, 447). *Антоній* (Знаменскій), архіеп. ярославскій, О московскихъ іерархахъ (Рукопись новгородской Дух. Семинаріи № 6830).

Б. Груздевъ.

Кириллъ Туровскій, епископъ, святой, принадлежитъ къ числу знаменитѣйшихъ нашихъ духовныхъ писателей дотатарскаго времени. Свѣдѣнія о его жизнедѣятельности (не смотря на то, что его сочиненія пользовались широкою извѣстностію въ древней Руси и житіе его было составлено очень рано, быть можетъ, однимъ изъ современниковъ его), отличаются крайнею неопредѣленностію и сбивчивостію. О времени его жизнедѣятельности, напр., можно съ несомнѣнностію утверждать только то, что Кириллъ жилъ въ XII в. Всѣ же другіе вопросы, касающіеся времени его жизни, могутъ быть рѣшаемы только предположительно, на основаніи сложныхъ заключеній. Время рожденія Кирилла полагаютъ обыкновенно не позже 1139 г.; посвященіе его во епископа могло совершиться не раньше 1146—1147 г. и не позже 1169 г. Еще болѣе трудно—хоть сколько-нибудь приблизительно—установить время кончины Кирилла Туровскаго. Есть мнѣніе, что онъ, оставивъ епископство, удалился на покой и умеръ послѣ 1182 г. Впрочемъ, это послѣднее мнѣніе далеко не общепринято. Болѣе положительныя свѣдѣнія имѣются о мѣстѣ рожденія и служенія Кирилла. По сказанію проложнаго житія, онъ былъ сынъ богатыхъ родителей и родился въ Туровѣ, въ которомъ былъ потомъ епископомъ и отъ имени котораго получилъ свое прозваніе. Въ дѣтствѣ и отрочествѣ Кириллъ, при неизвѣстныхъ намъ обстоятельствахъ, получилъ настоящее и хорошее образованіе. Въ житіи говорится, что онъ въ молодыхъ лѣтахъ „прилежалъ исключительно ученію Божіихъ книгъ". Это житійное свидѣтельство нельзя понимать въ томъ смыслѣ, что Кириллъ былъ самоучкою и, слѣдов., однимъ изъ тѣхъ образованныхъ начетчиковъ, какими была такъ богата наша древняя Русь. Противъ этого предположенія рѣшительно говорятъ сохранившіяся подлинныя сочиненія Кирилла Туровскаго, обличающія въ немъ положительно образованнаго человѣка. Можно думать, что родителямъ Кирилла, какъ богатымъ людямъ, посчастливилось пріискать для своего сына одного изъ тѣхъ греческихъ учителей, которые,—при отсутствіи правительственныхъ и общественныхъ школъ,—были единственными насадителями и распространителями просвѣщенія у насъ въ древ-

ней Россіи. Независимо отъ хорошаго образованія, Кириллъ Туровскій, несомнѣнно, обладалъ выдающимся ораторскимъ и писательскимъ талантомъ, равно какъ и обширною начитанностію въ древне-христіанской письменности. Принявъ монашество и будучи еще простымъ инокомъ, Кириллъ заявилъ себя поученіями къ братіи, которую онъ побуждалъ къ послушанію своему игумену. Въ это же время онъ занимался усердно литературнымъ трудомъ. Позже Кириллъ отдался высшему аскетическому подвигу столпничества. Слава, которая была слѣдствіемъ этихъ трудовъ и подвижнической жизни Кирилла, привлекла къ нему вниманіе кіевскаго митрополита, поставившаго его епископомъ въ Туровѣ, по просьбѣ князя и жителей послѣдняго. Въ санѣ епископа Кириллъ Туровскій,—по сказанію житія его,—обличалъ „ересь Ѳеодора епископа", что,—по свидѣтельству лѣтописи,—имѣло мѣсто около 1169 г.

Особенную извѣстность среди современниковъ и память въ исторіи Кириллъ Туровскій пріобрѣлъ своими сочиненіями. Вопросъ о подлинныхъ сочиненіяхъ Кирилла Туровскаго весьма сложный и имѣетъ свою обширную литературу. Подлинныя произведенія Кирилла Туровскаго раздѣляются, по своему содержанію и способу изложенія, на три разряда: 1) церковныя слова и поученія; 2) нравоучительныя статьи, и 3) молитвы. Несомнѣнно подлинныхъ церковныхъ словъ Кирилла Туровскаго въ настоящее время насчитывается около 8. Но даже по признанію такого осторожнаго изслѣдователя, какъ проф. Е. Е. Голубинскій, Кириллъ Туровскій могъ написать гораздо больше словъ. Сохранившіяся подлинныя слова Кирилла Туровскаго характеризуютъ его, какъ представителя искусственно-витіеватаго церковнаго краснорѣчія. Усвояемое ему иногда имя „русскаго Златоуста XII в." въ дѣйствительности можетъ быть признано за нимъ только съ большими ограниченіями,—именно въ томъ только смыслѣ, что Кириллъ Туровскій былъ, дѣйствительно, замѣчательнымъ и выдающимся славнымъ проповѣдникомъ у насъ въ XII в. Но произведенія его во многомъ существенно отличаются отъ проповѣдей Іоанна Златоуста. Отличительную черту проповѣдей Кирилла Туровскаго составляетъ почти совершенное отсутствіе въ нихъ ученія и назиданія. Проповѣди его въ громадномъ большинствѣ своемъ относятся къ разряду торжественныхъ праздничныхъ словъ, въ которыхъ не столько изъясняется, сколько образно и картинно излагается воспоминаемое въ тотъ или другой праздникъ церковное событіе. — Нравоучительныя статьи Кирилла Туровскаго сохранились въ видѣ поученій, обращенныхъ имъ или ко всѣмъ вообще христіанамъ, или къ однимъ только мірянамъ, или же, наконецъ, къ однимъ только инокамъ. Сужденія ученыхъ по вопросу о количествѣ несомнѣнно подлинныхъ нравоучительныхъ сочиненій Кирилла Туровскаго весьма разнообразны. Рѣшеніе этого вопроса въ значительной степени осложняется тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣкоторые изслѣдователи безъ надлежащей критической провѣрки приписываютъ Кириллу Туровскому многія поученія, встрѣчающіяся въ памятникахъ древней русской письменности съ именемъ Кирилла, безъ точнаго при этомъ обозначенія, какого именно Кирилла Туровскаго, или ростовскаго, или Бѣлозерскаго и т. д. Наиболѣе осторожные ученые изъ всѣхъ нравоучительныхъ сочиненій, обыкновенно приписываемыхъ Кириллу Туровскому, съ полною несомнѣнностію усвояютъ ему одно только „сказаніе о черноризьчестѣмъ чину".— Кромѣ церковныхъ словъ и нравоучительныхъ сочиненій, Кириллу Туровскому приписывается обыкновенно еще множество молитвъ, встрѣчающихся въ памятникъ древне-русской письменности съ именемъ Кирилла. Однако-же вопросъ о подлинности молитвъ, приписываемыхъ Кириллу Туровскому, еще болѣе сложенъ и запутанъ, чѣмъ вопросъ о другихъ произведеніяхъ его.

Литература. а) Сочиненія Кирилла Туровскаго напечатаны были въ разное время въ слѣдующихъ изданіяхъ: Памятники россійской словесности XII вѣка, изданные К. Калайдовичемъ (М. 1821 г.), Рукописи гр. А. С. Уварова т. II: Памятники словесности, вып. I, Спб. 1858 (съ предисловіемъ † академ. М. И. Сухомлинова); Памятники древне-русской учительной литературы вып. I (Спб. 1894) (съ предисловіемъ проф. А. И. Пономарева); Молитвы на всю седмицу св. Кирилла, епископа Туровскаго („въ Правосл. Собесѣдникѣ" 1857 г. кн. 1—2). Отдѣльныя сочиненія, приписываемыя Кириллу Туровскому, были, кромѣ того, напечатаны въ „Прибавл. къ твореніямъ св. отцовъ"

1859 г., т. X; „Извѣст. Императорск. Академіи Наукъ“ по отдѣленію русскаго языка и словесности 1859 г. т. III, 1855 г. т. IV вып. 4; 1856 г. т. V вып. 6; 1860 г. т. VIII вып. 4; Исторія русской церкви м. *Макарія*, т. III; въ русскомъ переводѣ сочиненія Кирилла Туровскаго напечатаны были въ изданіи: „Творенія святого отца нашего Кирилла Туровскаго, съ предварительнымъ очеркомъ исторіи Турова и туровской іерархіи до XIII в.“. Кіевъ 1880 (изданіе преосв. Е в г е н і я). б) П о с о б і я: М. *Макарій*, Исторія русской церкви т. III, изд. 1888 г., стр. 125—181; проф. *Е. Е. Голубинскій*, Исторія русской церкви т. I полов. 1 (по 2-му изд. М. 1901) стр. 794—810; архіеп. *Филаретъ* (Гумилевскій), Обзоръ русской духовной литературы. (Спб. 1884), стр. 34—37 и † академ. *А. Н. Пыпинъ*, Исторія русской литературы т. I Спб. 1898 г. стр. 101—102. [Ср. и Русскій біографическій словарь, томъ „Ибакъ-Ключаревъ“ стр. 647—655.]. Изслѣдованія по древней русской литературѣ академика М. И. Сухомлинова (1828—1901), Спб. 1908, стр. 273—349].

Протоіерей *Ѳ. Титовъ*.

Кириллъ Терлецкій, епископъ (сначала православный, а потомъ уніатскій) луцкій и острожскій (1585—1607 г.), былъ сынъ небогатаго русскаго православнаго шляхтича Семена Терлецкаго. Систематическаго школьнаго образованія онъ, повидимому, не получилъ. Занимая въ свѣтскомъ званіи должность въ одномъ изъ мѣстныхъ судебныхъ учрежденій, Кириллъ Терлецкій хорошо изучилъ законодательство и судебные порядки, каковыя знанія онъ съ блестящимъ успѣхомъ впослѣдствіи прилагалъ къ дѣлу, ведя многочисленные судебные процессы. Принявъ духовное званіе, Кириллъ Терлецкій въ 1560-хъ годахъ занималъ должность протопопа соборной церкви г. Пинска. Потерявши жену, онъ принялъ монашество и въ 1572 г. былъ назначенъ епископомъ пинскимъ и туровскимъ. Въ теченіи 12-лѣтняго управленія пинскою епархіею Кириллъ Терлецкій былъ главнымъ образомъ занятъ судебными процессами, которые велъ изъ-за недвижимыхъ имѣній своей каѳедры. Будучи чрезвычайно корыстолюбивымъ человѣкомъ, Кириллъ Терлецкій въ 1585 г. выхлопоталъ себѣ у короля переводъ на самую богатую среди тогдашнихъ западно-русскихъ архіерейскихъ каѳедръ—луцкую. Въ Луцкѣ на первыхъ порахъ Кириллъ Терлецкій заявилъ себя, какъ дѣятельный архипастырь, чѣмъ заслужилъ даже расположеніе выдающихся ревнителей православія, напр. кн. Острожскаго. Впрочемъ, скоро опредѣлилось, что дѣятельность Кирилла Терлецкаго была направлена преимущественно на пріобрѣтеніе имущества и денегъ. Съ другой стороны обнаружился крайне безнравственный образъ жизни Кирилла Терлецкаго. Поэтому, не смотря даже на то, что константинопольскій патріархъ Іеремія II, посѣтившій тогда лично Западную Русь, въ 1589 г. назначилъ Кирилла Терлецкаго своимъ экзархомъ и облекъ его особенными полномочіями и правами, отъ него отшатнулись истинные ревнители православія. Скоро въ Западной Руси началось общее движеніе народа, которымъ руководили въ данномъ случаѣ западно-русскія православныя братства, противъ недостойныхъ епископовъ, къ числу коихъ принадлежитъ и Кириллъ Терлецкій. Это было однимъ изъ ближайшихъ поводовъ образованія давно уже подготовлявшагося въ Западной Руси (особенно среди высшей іерархіи) теченія въ пользу соединенія западно-русской православной церкви съ римско-католическимъ костеломъ. Однимъ изъ первыхъ убѣжденныхъ и дѣятельныхъ піонеровъ этого теченія изъ числа западно-русскихъ православныхъ епископовъ былъ Кириллъ Терлецкій. Онъ же успѣлъ склонить на сторону уніатскаго движенія и владиміро-волынскаго епископа Ипатія Поцѣя, который затѣмъ сталъ главнымъ руководителемъ дѣла. Вмѣстѣ съ Ипатіемъ Поцѣемъ Кириллъ Терлецкій въ 1595 г. отправлялся въ Римъ для представленій папѣ условій, на которыхъ Западная Русь желала принять унію съ католическою церковію. Вынужденно или, быть можетъ, и добровольно Кириллъ Терлецкій съ Ипатіемъ Поцѣемъ въ засѣданіи священной коллегіи въ Римѣ 23 декабря 1595 г. приняли отъ лица всѣхъ остальныхъ западно-русскихъ архіереевъ унію совсѣмъ не на тѣхъ условіяхъ, на какихъ они были уполномочены сдѣлать это. Извѣстно, что православная западно-русская церковь отвергла такую унію, привезенную ей изъ Рима Кирилломъ Терлецкимъ и Ипатіемъ Поцѣемъ, и на соборѣ отлучила даже Кирилла Терлецкаго, лишивъ его сана. Но Кириллъ Терлецкій остался на своемъ мѣстѣ въ качествѣ уніатскаго луцкаго епископа. Достигнувъ того, чего онъ собственно и искалъ,

упрочивъ свое положеніе на богатѣйшей архіерейской каѳедрѣ и пользуясь покровительствомъ польскаго правительства и папы, Кириллъ Терлецкій почти совсѣмъ пересталъ интересоваться уніею, весь погрузившись въ матеріальныя заботы. До смерти Кириллъ Терлецкій велъ,—къ соблазну и православныхъ и уніатовъ,—образъ жизни, совершенно недостойный не только епископа, но даже и простого христіанина. Умеръ Кириллъ Терлецкій въ 1607 г. Латиноуніатскіе историки обыкновенно превозносятъ Кирилла Терлецкаго, какъ величайшаго „ревнителя (zelanta) святой уніи"; но даже и изъ нихъ наиболѣе правдивые не могутъ умолчать о недостойномъ поведеніи его.

Литература. М. *Макарій*, Исторія русской церкви IX (Спб. 1879), гл. IV, стр. 478—674; † проф. *М. О. Кояловичъ*, Литовская церковная унія I, Спб. 1859; Проф. *П. Н. Жуковичъ*, Сеймовая борьба православнаго западно-русскаго дворянства съ церковной уніей (до 1609 г.), Спб. 1901, особенно отд. I, гл. 4—10 и отд. II, гл. X—XIV; О. *Левицкій*, Кириллъ Терлецкій, епископъ луцкій и острожскій, Кіевъ 1885; *Его же* Южно-русскіе архіереи въ XVI—XVII в.в. въ „Кіевск. Старинѣ" 1889 г., кн. I, стр. 49—100; *Stebelskiego*, Ostatnie prace: scriptores rerum Polonicarum, t. IV, p. 288 и 328 и Dr. *Jul. Pelesz*, Geschichte der Unien der ruthenischen Kirche mit Rom, W. 1878, B. 1, S. 511—556, B. 2, S. 68..

Протоіерей *Ѳ. Титовъ.*

Кириллъ (*Завидовъ*), митрополитъ ростовскій и ярославскій († 7 мая 1619 г.). Съ 1580—1594 г. Кириллъ былъ игуменомъ новгородскаго Антоніева монастыря, присутствовалъ на соборѣ 1589 г. о возвышеніи епархій; 31 іюля назначенъ архимандритомъ Троицкой лавры; 18 марта 1605 г. посвященъ въ митрополита ростовскаго, присутствовалъ при смерти Бориса Годунова.

Митрополитъ Кириллъ управлялъ епархіею въ самое смутное время для Россіи въ эпоху самозванцевъ. Лжедимитрій удалилъ его, поставивъ на его мѣсто Филарета. Кириллъ поселился въ Троице-Сергіевой лаврѣ, но, во время плѣна Филарета, ярославцы въ 1615 г. опять пригласили къ себѣ Кирилла, который и управлялъ до смерти. Имя Кирилла во вторичное управленіе епархіею упоминалось впереди другихъ іерарховъ, при перечисленіи ихъ, такъ какъ за смертію патріарха Гермогена, Кириллъ считался высшимъ духовнымъ лицомъ въ Россіи. Кириллъ выступалъ при всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ государственной жизни: онъ участвовалъ въ приглашеніи на царство Михаила Ѳеодоровича, встрѣчалъ его при въѣздѣ въ Москву, присутствовалъ при коронаціи. Много трудовъ положилъ Кириллъ въ дѣлѣ устройства своей епархіи: онъ основалъ Аѳанасьевскій монастырь въ Ярославлѣ, строилъ церкви, напр., великолѣпный храмъ, уцѣлѣвшій и понынѣ, въ Спасо-Песоцкомъ монастырѣ надъ могилою его основательницы княгини Маріи. При митрополитѣ Кириллѣ было въ Ярославлѣ моровое повѣтріе, во время котораго обрѣтенъ чудотворный образъ Нерукотвореннаго Спаса и воздвигнута для него „обыденная церковь", существующая доселѣ. Митрополитъ Кириллъ умеръ 7 мая 1619 г. и похороненъ въ ростовскомъ соборѣ подлѣ южной стѣны.

Литература. „Іерархія ростовско-ярославской паствы въ преемственномъ порядкѣ съ 992 г. до настоящаго времени"; изд. ярославск. попечительствомъ о бѣдныхъ духовнаго званія, Ярославль 1864 г. „Лѣтописецъ о ростовскихъ архіереяхъ", изд. *Якушкина* (1869 г.). „Лѣтописецъ ростовскихъ архіереевъ", изд. *Титова* (Спб. 1890). Рукописный сборникъ *Антонія* (Знаменскаго) архіеп. ярославскаго „О московскихъ іерархахъ" (рукопись новгородской Дух. Семинаріи № 6830). Историческое и хронологическое описаніе іерархіи ярославской и ростовской, составленное въ 1842 г. прот. *М. Гумилевскимъ* (Рукоп. ярославской Дух. Сем. № 9855). *К. Головщиковъ*, Ростовско-ярославскіе іерархи („Ярославск. Еп. Вѣд." 1893, 1894 и 1895 г.г.).

Б. Груздевъ.

Кириллъ Транквилліонъ-Ставровецкій († 1646) былъ вначалѣ „дидаскаломъ", т. е. учителемъ и проповѣдникомъ слова Божія въ разныхъ западно-русскихъ братствахъ, особенно Замостьскомъ, Львовскомъ и Виленскомъ. Впослѣдствіи онъ былъ игуменомъ въ Любартовскомъ монастырѣ (въ 1619 г.). Сочиненія его, невполнѣ согласныя съ православно-церковнымъ ученіемъ, вызывали осужденія автора ихъ. Подъ вліяніемъ недовольства, или, быть можетъ, и по другимъ побужденіямъ, Кириллъ Транквилліонъ-Ставровецкій измѣнилъ православію и

перешелъ въ унiю. Въ награду за измѣну православiю ему было предоставлено мѣсто архимандрита въ Черниговскомъ монастырѣ, гдѣ онъ,—по выраженiю одного автора,— и „здохъ року 1646“. Особенную извѣстность Кириллъ Транквиллiонъ-Ставровецкiй прiобрѣлъ въ Западной Россiи и даже въ Москвѣ своими многочисленными вѣроучительными и нравоучительными сочиненiями. Изъ его сочиненiй извѣстны слѣдующiя: 1) Евангелiе учительное, или слова на воскресные и праздничные дни, въ томъ числѣ и на дни нѣкоторыхъ святыхъ (изд. въ Рахмановѣ 1619 и 1668 г.г., въ Уневскомъ монастырѣ въ 1696 г.); 2) Зерцало богословiя (изд. въ Почаевскомъ монастырѣ въ 1618 г. и въ Уневскомъ мон. въ 1692 г.); это „Зерцало богословiя“ представляетъ опытъ догматики; 3) Листъ отца Кирилла, Любартовскаго игумена, писанный въ 1619 г. до всѣхъ христiанъ вообще, или окружное посланiе, убѣждающее православныхъ западно-руссовъ „держать твердо святую непорочную христiанскую вѣру“; 4) Перло драгоцѣнное, писанное стихами и содержащее въ себѣ похвалы Богоматери, Ангеламъ, Апостоламъ, также лекарство противъ семи грѣховъ, о страшномъ судѣ и кончинѣ мертвыхъ (изд. въ Черниговѣ 1646 г. и въ Могилевѣ 1690 г.). Сочиненiя Кирилла Транквиллiона-Ставровецкаго не пользовались вниманiемъ и тѣмъ болѣе любовiю православныхъ западно-руссовъ. Сначала отдѣльныя лица (напр., Iовъ Княгиницкiй и Θеодосiй игуменъ Скитскiй), а потомъ и соборъ кiевскiй обличили и отвергли неправославныя сужденiя Кирилла Транквиллiона-Ставровецкаго. Въ Москвѣ, куда со временемъ проникли сочиненiя Кирилла Транквиллiона-Ставровецкаго, они также были осуждены.

Литература. Архiеп. *Филаретъ* (Гумилевскiй), Обзоръ русской духовной литературы I (Спб. 1884), стр. 187—188; проф. *С. Т. Голубевъ,* Кiевскiй митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники (Опытъ историческаго изслѣдованiя), I (Кiевъ 1883), Прилож. № XXXV, прим. стр. 231—234.

Протоiерей *Θ. Титовъ.*

Кириллъ Шумлянскiй, епископъ переяславскiй (послѣднiй православный луцкiй епископъ † 1726 г.), былъ сынъ прежвяго луцкаго епископа Аθанасiя Шумлянскаго. Онъ служилъ раньше при дядѣ своемъ—львовскомъ епископѣ Iосифѣ Шумлянскомъ (см. „Энц.“ VII, 467—471), и былъ, по всей вѣроятности, унiатомъ. Кирилла Шумлянскаго, какъ кандидата на луцкую епархiю, указалъ волынянамъ самъ король польскiй. Духовенство и дворянство луцкой епархiи избрали его своимъ владыкою, но предварительно потребовали отъ него обѣщанiя быть православнымъ. Не смотря на то, что король польскiй выдалъ ему утвержденiе на епископство, какъ унiату, Кириллъ Шумлянскiй пожелалъ принять посвященiе во епископа отъ кiевскаго митрополита, что было вполнѣ согласно и съ договоромъ вѣчнаго мира между Россiею и Польшею. Списавшись предварительно съ кiевскимъ митрополитомъ Iоасафомъ Кроковскимъ (см. „Энц.“ VII, 177—180), Кириллъ Шумлянскiй въ 1711 г. получилъ посвященiе епископское въ Кiевѣ. Это посвященiе Кирилла Шумлянскаго въ Кiевѣ отъ рукъ православнаго митрополита было величайшимъ огорченiемъ для унiатовъ, которые еще со времени перехода Дiонисiя Жабокрицкаго въ унiю (въ 1702 г.) считали луцкую епархiю своею. Унiаты, во главѣ съ митрополитомъ своимъ Гергiемъ Винницкимъ, сильно всполошились и стали принимать мѣры къ тому, чтобы удалить Кирилла Шумлянскаго съ луцкой каθедры и снова завладѣть луцкою епархiей. Они обратились за совѣтомъ къ папѣ. Папа писалъ Августу II. Король, подъ сильнымъ воздѣйствiемъ папы, издалъ 17 октября 1711 года свою грамоту, которою строго требовалъ отъ всего духовенства и дворянства русскаго луцкой епархiи, чтобы Кирилла Шумлянскаго никто изъ нихъ не признавалъ за епископа и не оказывалъ ему никакого послушанiя и уваженiя. Съ изданiемъ и обнародованiемъ этой королевской грамоты, положенiе Кирилла Шумлянскаго, подвергавшагося разнымъ преслѣдованiямъ со стороны унiатовъ, сдѣлалось невозможнымъ. Онъ оставилъ Луцкъ и удалился въ Кiевъ, чтобы искать себѣ защиты и покровительства у русскаго государя. Послѣднiй, къ сожалѣнiю, въ то время былъ сильно занятъ тяжелою войной съ Турцiей и Швецiей, а потому и не могъ тогда же обратить серьезное вниманiе на дѣло и на жа-

лобы Кирилла Шумлянскаго. Нѣсколько позже, въ 1714 году, русское правительство отправляло царскую грамоту и требовало отъ польскаго короля возстановленія Кирилла Шумлянскаго въ его правахъ луцкаго епископа. Но эти требованія нашего правительства остались безъ удовлетворенія и даже, кажется, безъ отвѣта. Луцкая епархія совсѣмъ перешла во власть уніатовъ, которые еще въ 1711 г. назначили своего управителя ею, а въ 1715 г. посвятили въ Луцкъ и своего епископа Іосифа Выговскаго. Кириллъ Шумлянскій остался навсегда жить въ Россіи. Онъ былъ назначенъ въ 1715 г. епископомъ переяславскимъ и бориспольскимъ, при чемъ ему въ управленіе была предоставлена часть кіевской митрополіи—епархія, расположенная на лѣвой и на правой сторонѣ р. Днѣпра. Кириллъ Шумлянскій былъ коадъюторомъ (викаріемъ) кіевскаго митрополита, впрочемъ, съ правами извѣстной самостоятельности. Послѣ смерти кіевскаго митрополита Іоасафата Кроковскаго († 1 іюля 1718 г.) до 1722 года, до назначенія въ Кіевъ архіепископомъ Варлаама Ванатовича, Кириллъ Шумлянскій управлялъ дѣлами кіевской епархіи. Кириллъ Шумлянскій скончался 30 ноября 1726 года.

Литература. а) Источники: письма Кирилла Шумлянскаго и другіе акты и документы, касающіеся жизнедѣятельности его, напечатаны въ слѣд. изданіяхъ: „Архивъ Ю.-З. Р.“ ч. I, т. IV (см. по указателю) и Памятники православія и русской народности въ Западной Россіи въ XVII—XVIII в. в., изданные кіевскою Духовн. Академіею, подъ редакціею о. профессора *Θ. И. Титова*, т. II, Кіевъ 1905 (см. по указателю). б) Пособія: † проф. *И. А. Чистовичъ*, Очеркъ исторіи западно-русской церкви II (Спб. 1884), стр. 292—293; о. проф. *Θ. И. Титовъ*, Русская православная церковь въ польско-литовскомъ государствѣ въ XVII—XVIII в.в. (1686—1795 г.г.), т. II: Западная Русь въ борьбѣ за вѣру и народность въ XVII—XVIII в.в. (Кіевъ 1905), гл. II, стр. 190—192.

Протоіерей *Θ. Титовъ*.

Кириллъ (Флоринскій) — архимандритъ Троице-Сергіева монастыря [1]), со времени основанія этой обители 65-ый ея настоятель (проф. *Е. Е. Голубинскій*, Преподобный Сергій Радонежскій и созданная имъ Троицкая Лавра; жизнеописаніе препод. Сергія и путеводитель по Лаврѣ, Сергіевъ Посадъ 1892, стр. 140). Онъ родился въ началѣ XVIII столѣтія въ г. Харьковѣ; обучался въ харьковскомъ коллегіумѣ и для продолженія образованія, въ 1729 г., посланъ былъ въ „нѣмецкія страны“, гдѣ оставался до 1732 г. По возвращеніи изъ-заграницы въ Харьковъ, онъ поступилъ въ монашество и въ ноябрѣ 1732 г. опредѣленъ учителемъ піитики въ харьковскомъ коллегіумѣ; 22 февраля 1733 г. рукоположенъ въ іеродіакона, а 13 мая того же года въ іеромонаха. Въ харьковскомъ же коллегіумѣ о. Кириллъ былъ учителемъ философіи и съ 1 сент. 1735 г. — префектомъ. 6 іюля 1736 г. онъ былъ переведенъ въ префекты московской славяно-греко-латинской Академіи и при ректорахъ Антоніи Кувѣчинскомъ († въ апрѣлѣ 1737 г.), Митрофанѣ Слотвенскомъ († 7 декабря 1752 г.) и Платонѣ Левицкомъ читалъ богословіе. По смерти Антонія ему было поручено управленіе Заиконоспасскимъ монастыремъ до опредѣленія ректора, а въ агустѣ 1737 г. ему же ввѣрено начальствованіе надъ Симоновымъ монастыремъ (Дѣло архива моск. Синод. Конторы 1737 г., № 249). Въ іюлѣ 1741 г. о. Кириллъ назначенъ былъ ректоромъ славяно-греко-латинской Академіи и архимандритомъ Заиконоспаскаго монастыря. Управляя Академіею, онъ сдѣлалъ попытку освободить преподаваніе въ ней отъ схоластическаго направленія. Будучи ректоромъ Академіи, арх. Кириллъ принималъ участіе въ дѣлѣ изданія Библіи и имѣлъ другія порученія отъ Св. Синода; такъ, въ 1742 г. онъ получилъ для разсмотрѣнія службу, написанную по случаю явленія чудотворнаго Руденскаго образа Богоматери. (Исторія славяно-греко-латин. Академіи † о. *С. К. Смирнова*, Москва 1855, стр. 130—131). Въ сентябрѣ 1742 г. онъ былъ опредѣленъ архимандритомъ Троице-Сергіева монастыря, послѣ Амвросія Дубневича, и 1 октября того же года открылъ въ монастырѣ троиц-

[1]) Арх. Кирилла Флоринскаго не слѣдуетъ смѣшивать съ еп. сѣвскимъ Кирилломъ Флоринскимъ или Фліоринскимъ (род. 1729 г., † 24 сент. 1795 г.), который не былъ писателемъ.

кую Семинарію. Для учениковъ этой Семинаріи Кириллъ написалъ правила: какъ вести себя; правилами его руководствовались и послѣ него въ семинаріи и читали ихъ ученикамъ каждую субботу (Исторія троицкой лаврской Семинаріи † о. *С. К. Смирнова*, Москва 1867, примѣч. на стр. 12—13). Архимандритъ Кириллъ скончался 9 января 1744 г. (ibid., стр. 8).

Кромѣ помянутыхъ правилъ для учениковъ троицкой Семинаріи, арх. Кириллу принадлежатъ: I) проповѣди: на день рожденія Императрицы Елизаветы 18 декабря 1741 г., на недѣлю Ваій 11 апр. 1742 г. и на освященіе храма въ Заиконоспасскомъ монастырѣ 15 іюля 1742. г.; II) „Установленія Богословская"—краткіе богословскіе тезисы или положенія на русскомъ языкѣ, предназначавшіеся для диспутовъ (напечатаны въ 4-мъ приложеніи къ Исторіи московской славяно-греко-латинской Академіи † о. *С. К. Смирнова*, Москва 1855, стр. 409—418), и III) Theologia positiva et polemica, tradita in Mosquensi Academia a Cyrillo Florinsky (1737—1740), т. е. „Богословіе положительное и полемическое, преподанное въ московской Академіи Кирилломъ Флоринскимъ". Экземпляръ этого сочиненія, писанный собственною рукою Кирилла, хранится въ библіотекѣ московской Дух. Академіи подъ № 243.—Въ названной богословской системѣ арх. Кирилла прежде всего замѣчателенъ строгій, систематическій порядокъ: „Богословіе онъ начинаетъ ученіемъ о религіи и Свящ. Писаніи, что̀ у схоластиковъ занимало мѣсто въ концѣ системы. Въ полемической части замѣтно болѣе стремленіе къ борьбѣ съ римско-католиками; изложеніе отличается ясностію; мѣсто нравственнымъ приложеніямъ дано у него обширное: за разрѣшеніемъ вопроса у него слѣдуетъ: облегченіе, исправленіе, наставленіе и утѣшеніе" (Исторія московской славяно-греко-латинск. Акад., стр. 153—154).

Литература. Преосв. *Филаретъ*, Обзоръ, стр. 309—311. † прот. *С. К. Смирновъ*, „Исторія московской славяно-греко-латинской Академіи, Москва, 1855, стр. 91, 119—121, 123—125, 138, 152—154, 198—199; Исторія троицкой лаврской Семинаріи, Москва 1867, стр. 6—8, 12—13, 24—25; Дѣло архива Св. Синода: 1736 г. № 292, 1737 г. № 279, 1738 г. № 446, 1744 г. № 212. Проф. *Е. Е. Голубинскій*, Препод. Сергій Радонежскій и создан. имъ Троицкая Лавра, Сергіевъ Посадъ 1892, стр. 140; Русск. біографическій словарь, томъ „Ибакъ-Ключаревъ", Спб. 1897, стр. 662.

Свящ. *Н. В. П—въ*

Кириллъ Стефановичъ, игуменъ пинскаго богоявленскаго монастыря (1753—1756), представляетъ замѣчательный типъ игумена заграничнаго (т. е. находившагося въ Польшѣ) монастыря кіевской митрополіи—епархіи второй половины XVIII в. Въ немъ удивительнымъ образомъ совмѣщались самыя добрыя и худыя стороны характера. Постриженникъ Ябловенскаго Св.-Онуфріевскаго монастыря, онъ былъ впослѣдствіи игуменомъ этой же обители. Въ 1753 г., послѣ тщательной ревизіи всѣхъ заграничныхъ монастырей своей епархіи, кіевскій митрополитъ Тимоѳей Щербацкій замѣнилъ нѣкоторыхъ игуменовъ этихъ монастырей другими, а иныхъ вновь назначилъ. Въ это же время Кириллъ Стефановичъ былъ опредѣленъ игуменомъ пинскаго Богоявленскаго монастыря, который представлялъ одинъ изъ самыхъ видныхъ пунктовъ борьбы Западной Руси за вѣру и народность въ XVIII в. Кириллъ Стефановичъ, повидимому, имѣлъ многія данныя для того, чтобы сдѣлаться хорошимъ игуменомъ: онъ былъ человѣкъ умный, хорошо зналъ порядокъ польскаго судоустройства и судопроизводства и, при большой энергіи, обладалъ бойкимъ перомъ. Однакоже онъ не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ и ожиданій. Пинское Богоявленское братство, въ лицѣ нѣкоторыхъ своихъ членовъ, приняло его съ самаго начала весьма недружелюбно, какъ назначеннаго къ нимъ самимъ митрополитомъ, безъ ихъ предварительнаго выбора, какъ молодого еще человѣка, не всегда аккуратно исполнявшаго игуменскія и священнослужительскія обязанности. Начались обычныя въ такихъ случаяхъ прискорбныя столкновенія, жалобы, слѣдствія и судьбища. Однажды братчики при слѣдователяхъ говорили прямо въ глаза своему игумену Кириллу Стефановичу, что онъ когда „не упражнялся сномъ внутри монастыря, то по недѣли три и больше внѣ монастыря бѣгалъ за заяцами и протчею звѣриною съ стрельбою, а монастырь безъ радѣтеля и даже всякаго паробка оставлялъ". Другая часть монастырской братіи и мірскихъ братчиковъ

отзывалась о Кириллѣ Стефановичѣ совсѣмъ иначе и хвалила его. Кириллъ Стефановичъ сначала самъ было скрылся въ сосѣдній Дятловицкій монастырь, но потомъ снова возвратился въ Пинскъ. Въ 1756 г. онъ былъ уволенъ отъ должности игумена и посланъ „подъ началъ“ въ Яблоченскій монастырь, гдѣ, кажется, и умеръ.

Литература а) источники: Памятники православія и русской народности въ Западной Россіи въ XVII—XVIII в. в., т. I. Акты по исторіи заграничныхъ монастырей кіевской епархіи XVII—XVIII в. в. въ 3-хъ частяхъ, изданіе кіевской Духовной Академіи, подъ редакціею о. профессора *Ѳ. И. Титова*, Кіевъ 1905 (см. по указателю); б) пособія: о. проф. *Ѳ. И. Титовъ*, Русская православная церковь въ польско-литовскомъ государствѣ въ XVII—XVIII в. в., (1686—1795 г.), т. I: Заграничные монастыри кіевской епархіи XVII—XVIII в. в., Кіевъ 1905 (см. по указателю).

Протоіерей *Ѳ. Титовъ*.

Кириллъ (*Богословскій - Платоновъ*), архіепископъ каменецъ-подольскій и брацлавскій, по своей разнообразной церковно-административной и духовно-просвѣтительной дѣятельности въ должности ректора Семинаріи и Академіи и въ епископскомъ санѣ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, оставилъ и въ современникахъ и въ потомствѣ глубокую память о себѣ, какъ выдающемся іерархѣ второй половинѣ XVIII и первой XIX вѣка. Онъ былъ сынъ священника села Воздвиженскаго,—что въ 12 верстахъ отъ Троице-Сергіевой Лавры по дорогѣ къ Москвѣ,—родился 14 мая 1788 года. Девяти лѣтъ Кириллъ (въ мірѣ Константинъ) поступилъ въ троицкую лаврскую Семинарію, получивъ при поступленіи фамилію „Богословскаго“. Какъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ Семинаріи, воспитывавшійся на стипендіи митр. Платона, онъ послѣ Семинаріи поступилъ въ петербургскую Духовную Академію, а по окончаніи академическаго образованія магистромъ 1-го курса былъ оставленъ при академіи баккалавромъ церковной исторіи. 27 лѣтъ Константинъ Богословскій „по влеченію сердца“ принялъ монашество съ нареченіемъ имени Кириллъ и былъ вскорѣ назначенъ ректоромъ полтавской Семинаріи, а въ 1819 году ректоромъ московской Духовной Академіи. Лекціи свои по Догматическому богословію Кириллъ читалъ на русскомъ языкѣ, что было новостію для того времени. Чтенія его отличались,—по свидѣтельству историка,—замѣчательною теплотою чувства и свойственнымъ ему аскетическимъ направленіемъ. Изъ тѣхъ же сторонъ характера и убѣжденій Кирилла вытекали заботы его, какъ ректора Академіи, объ исполненіи религіозныхъ обязанностей студентами и объ ихъ религіозно-нравственномъ воспитаніи. Въ бытность ректоромъ Академіи Кириллъ принималъ дѣятельное участіе въ переводѣ на русскій языкъ Свящ. Писанія, и за труды по богословію, за усердіе въ проповѣдываніи слова Божія и, главнымъ образомъ, за опытъ истолкованія посланія Апостола Павла къ Евреямъ ему была дана степень доктора богословія. Въ 1824 г. Кириллъ былъ назначенъ епископомъ дмитровскимъ, викаріемъ московской епархіи, а съ 1827 г.—епископомъ вятскимъ и слободскимъ. Епископское служеніе Кирилла въ Вяткѣ было запечатлѣно архипастырскою милостію его, отеческою нѣжностію къ сиротству, бѣдности, снисходительностію къ немощамъ и заблужденіямъ чадъ своихъ, близостію и доступностію для всѣхъ; богослуженіе, отправляемое имъ, отличалось торжественностію и назидательностію. Здѣсь же онъ заявилъ себя усерднымъ миссіонеромъ въ дѣлѣ распространенія православія въ средѣ иновѣрнаго населенія епархіи. Съ грустію разставались вятчане съ своимъ архипастыремъ, когда его въ 1832 г. назначили архіепископомъ въ Каменецъ-Подольскъ. Подолія, гдѣ и послѣ присоединенія ея къ Россіи шла борьба православія съ римскимъ католицизмомъ, открывала широкое поле дѣятельности для новаго преосвященнаго, призывала его къ разнообразному труду, требовала отъ него неутомимой энергіи, высоконравственнаго авторитета и умѣнья дѣйствовать примѣнительно къ условіямъ мѣстной жизни. И Преосв. Кириллъ много сдѣлалъ для возвышенія православія въ подольскомъ краѣ и для благоустройства епархіи: онъ содѣйствовалъ улучшенію положенія духовенства,—этой опоры православія,—и возвышенію его вліянія на общество, бесѣдовалъ съ католическими епископами и при ежегодномъ обозрѣніи епархіи со всѣми католиками, расположенными къ православію, обращалъ

вниманіе на матеріальное обезпеченіе, на образованіе и поведеніе низшихъ клириковъ и особенно заботился объ улучшеніи православнаго богослуженія, построенія церквей и благоустроеніи бѣдныхъ монастырей и духовно-учебныхъ заведеній подольской епархіи. Напряженные труды и постоянныя заботы преосвященнаго Кирилла разстроили его здоровье. Для лѣченія онъ ѣздилъ въ Крымъ, но ничто не могло возстановить надорванный организмъ. Въ 1839 преосвященный заболѣлъ опасно. Въ это же время онъ былъ вызванъ въ Петербургъ для присутствованія въ Синодѣ, и такъ какъ просимая имъ отсрочка отъѣзда не была дана, то въ 1840 г., полубольной, выѣхалъ въ Петербургъ. Прожилъ онъ въ Петербургѣ недолго 28 марта 1841 года онъ тихо, безъ страданій, скончался, держась за икону. Погребенъ онъ въ Александро - Невской Лаврѣ, въ Θеодоровской церкви.

Въ личной своей жизни прѣосв. Кириллъ былъ строгимъ аскетомъ. Деньги онъ всѣ раздавалъ бѣднымъ, и въ Петербургѣ, напр., въ послѣдніе дни своей жизни не имѣлъ денегъ на покупку даже недорогого лѣкарства, узнавъ о чемъ, Государь прислалъ своего придворнаго медика и далъ пять тысячъ руб. на лѣченіе. Преосвященный былъ всегда и всѣмъ доступенъ, со всѣми кротокъ, христіански терпѣливъ и справедливъ. Хорошій портретъ покойнаго пожертвованъ родственницею преосвященнаго Кирилла (В. А. Бѣляевой) въ тульскую Палату Древностей.

(По личнымъ качествамъ, по кроткой, братолюбивой и боголюбивой душѣ, онъ былъ человѣкъ выше похвалъ; а какъ архипастырь онъ былъ замѣчательнымъ проповѣдникомъ. Гомилетическіе труды его въ свое время были прекрасны и не разъ издавались; такъ, имъ напечатаны: а) Собраніе словъ, говоренныхъ къ вятской паствѣ—1832 г., но было еще нѣсколько изданій; б) Поучительныя слова и рѣчи къ подольской паствѣ—въ 2 томахъ, Москва 1837; в) Поучит. слова на воскресные праздники къ подольской паствѣ, Москва 1840). Полное собраніе его проповѣдей (въ трехъ частяхъ, Москва 1854) издано вмѣстѣ съ краткимъ жизнеописаніемъ преосвященнаго, составленнымъ его племянникомъ † проф. московской Дух. Академіи П. С. Казанскимъ, при чемъ жизнеописаніе было просмотрѣно митрополитомъ Филаретомъ, къ которому преосв. Кириллъ былъ близокъ. Въ рукописи сохранились докторская диссертація преосвященнаго, нѣсколько проповѣдей и уроковъ по богословію.

Литература: Обширная біографія его *П. Троицкаго*, въ „Подольск. Епарх. Вѣд.“ за 1863 и 1864 г. г. Статьи объ немъ О. *А. А. Бѣляева* въ „Душеполезн. Чтеніи“ за 1888 г. № 6, 10, 11 и 12: 1) „Архіепископъ каменецъ-подольскій и брацлавскій Кириллъ“ и 2) Переписка митрополита Филарета съ архіеписк. каменецъ-подольскимъ Кирилломъ“; прот. *С. К. Смирновъ*, Исторія московск. Дух. Академіи. „Вятскія“ и „Подольскія Епарх. Вѣдомости“, лѣтъ службы преосвященнаго въ Вяткѣ и Каменецъ-Подольскѣ. [См. „Русскій біографическій словарь“, томъ „Ибакъ-Ключаревъ“, стр. 657—658; *А. А. Титовъ*, Архіепископъ каменецъ-подольскій Кириллъ и отзывъ его, въ какомъ смыслѣ должно разумѣть книгу „Пѣснь Пѣсней“ и что она содержитъ въ „Душеполезномъ Чтеніи“ 1907 г. № 11, стр. 386—397. † *А. С. Родосскій*, Библіографическій словарь студентовъ первыхъ XXVIII-ми курсовъ с.-петербургской Духовной Академіи: 1814—1869 г. г., Спб. 1907, стр. 189—200].

В. Яворскій (и *А. Родосскій*).

Кириллъ (*Василій Николаевичъ*) **Наумовъ,** епископъ мелитопольскій начальникъ русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ (1823 — 1856 гг.), родился 25 декабря 1823 г. въ бѣдной семьѣ діакона одной изъ приходскихъ церквей г. Калуги. По окончаніи низшаго и средняго образованія въ духовныхъ школахъ г. Калуги, онъ поступилъ въ с.-петербургскую Дух. Академію, а послѣ окончанія академическаго курса и принятія монашества, въ 1847 г. былъ опредѣленъ на службу въ родную Академію, гдѣ послѣдовательно въ теченіи 10 лѣтъ проходилъ должности: бакалавра. и затѣмъ профессора по каѳедрѣ нравственнаго богословія и, наконецъ, инспектора Академіи. Въ 1857 г. Кириллъ Наумовъ былъ назначенъ на учрежденную тогда должность русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ, съ возведеніемъ въ санъ епископа и съ присвоеніемъ ему наименованія мелитопольскимъ. Нашей миссіи, во главѣ которой былъ поставленъ Кириллъ Наумовъ, указывалась весьма высокая задача въ видѣ

возстановленія непосредственныхъ духовныхъ сношеній нашей церкви съ православнымъ Востокомъ и поднятія значенія Россіи на православномъ Востокѣ, гдѣ оно (значеніе), вслѣдствіе только что закончившейся тогда войны Россіи съ Турціей и съ большею половиной Западной Европы, было сильно подорвано. Кириллъ Наумовъ замѣтно и существенно выдѣляется изъ ряда другихъ начальниковъ нашей іерусалимской миссіи, бывшихъ прежде и послѣ него, уже тѣмъ, что онъ одинъ среди нихъ былъ въ санѣ епископа и, кромѣ того, въ теченіи нѣкотораго времени оставался единственно оффиціальнымъ представителемъ русскаго церковнаго и гражданскаго правительства въ Іерусалимѣ. Появленіе на православномъ Востокѣ и въ Іерусалимѣ русскаго епископа (—уже одно это было невиданное дотолѣ на православномъ Востокѣ явленіе—) съ такими исключительными полномочіями вызвало особенное оживленіе въ отношеніяхъ русской и восточныхъ православныхъ церквей и частію оживило уже прежде существовавшіе вопросы, а частію само вызвало новые вопросы. При Кириллѣ Наумовѣ и благодаря его живому участію въ дѣлѣ, совершилось 26 ноября 1860 г. возсоединеніе сирійско-египетскихъ уніатовъ съ православною церковію. При немъ и по его участію оживились сношенія съ сиро-халдейскими несторіанами, окончившіяся, — хотя уже и послѣ его удаленія съ Востока и даже послѣ его смерти, — возсоединеніемъ ихъ съ православною церковію (25-го марта 1898 г.). При Кириллѣ Наумовѣ и благодаря ему завязались у насъ сношенія съ абиссинцами. Наконецъ, при немъ же и благодаря ему было много сдѣлано для улучшенія быта русскихъ поклонниковъ въ Святой Землѣ и для утвержденія русскаго положенія во Св. Градѣ. Такимъ образомъ, сравнительно весьма кратковременное (1858—1863 г.) пребываніе и дѣятельность Кирилла Наумова въ Іерусалимѣ составили, по справедливости, маленькую, но важную эпоху въ исторіи многовѣковыхъ сношеній Россіи съ православнымъ Востокомъ. Все это, понятно, вызываетъ глубокій интересъ къ личности и дѣятельности Кирилла Наумова на православномъ Востокѣ. Интересъ къ его дѣятельности и сочувствіе къ ней и его личности усиливается еще отъ того, что дѣятельность Кирилла Наумова проходила на православномъ Востокѣ среди самыхъ неблагопріятныхъ условій и закончилась въ полномъ смыслѣ слова трагически. Не говоря уже о протестантахъ и латинянахъ, прочно водворившихся во Св. Градѣ до прибытія сюда Кирилла Наумова и старавшихся всѣми мѣрами вредить дѣлу православія,—противъ пребыванія въ Іерусалимѣ русскаго епископа, имѣвшаго руководить русскихъ паломниковъ во Св. Землѣ и защищать ихъ, были и нѣкоторые изъ своихъ—православныхъ. Правда, православные греки, которые сначала были враждебно настроены противъ Кирилла Наумова, впослѣдствіи, ближе познакомившись съ его личностію и дѣятельностію, почти совершенно примирились съ фактомъ его пребыванія въ Іерусалимѣ и даже сдѣлались его друзьями, защитниками и покровителями. Но, къ сожалѣнію, скоро нашлись болѣе серьезные и непримиримые противники у Кирилла Наумова въ лицѣ представителей русскаго правительства (консула) и общества (агента „общества пароходства и торговли“). Эти представители русскаго правительства и общества явились въ Іерусалимѣ вскорѣ послѣ водворенія здѣсь нашей духовной миссіи, при чемъ они были призваны служить отъ-части тому же самому дѣлу, какому служила и наша духовная миссія во главѣ съ начальникомъ ея. Сфера дѣятельности этихъ представителей разныхъ вѣдомствъ и учрежденій Россіи въ Іерусалимѣ не была строго разграничена, почему между ними открылись неизбѣжныя сначала столкновенія, а затѣмъ и настоящая прискорбная борьба. Въ 1859 г. между 25 апрѣля и 10 мая Іерусалимъ посѣтилъ великій князь Константинъ Николаевичъ, который, разслѣдовавши недоразумѣнія, возникшія между русскими дѣятелями во Св. Градѣ, указалъ предѣлы и границы дѣятельности, заботливости, правъ и обязанностей начальника нашей духовной миссіи и русскаго консула. По этому разграниченію, начальникъ духовной миссіи—епископъ изъ единственнаго и главнаго представителя русской церкви и даже русскаго правительства въ Іерусалимѣ долженъ былъ превратиться въ самаго скром-

наго настоятеля малочисленной духовной миссіи, главныя и почти единственныя обязанности котораго заключались въ совершеніи богослуженія и нравственномъ наблюденіи за нашими поклонниками. Само собою разумѣется, что Кириллу Наумову было трудно и даже почти невозможно примириться съ такимъ положеніемъ — тѣмъ болѣе, что оно рѣшительно противорѣчило инструкціи, данной ему правительствомъ нашимъ, при отправленіи его на православный Востокъ, совершенно не соотвѣтствовало его высокому епископскому сану и устанавливалось не столько желаніемъ и видами нашего правительства, сколько дѣятельностію низшихъ органовъ его, дѣйствовавшихъ на мѣстѣ. Кириллъ Наумовъ пытался удержать за собою, по возможности, то почетное положеніе, съ какимъ онъ явился на православный Востокъ. Въ этомъ и заключался главный источникъ всѣхъ послѣдующихъ прискорбныхъ столкновеній и борьбы между Кирилломъ Наумовымъ и консуломъ, приведшихъ дѣло къ роковой развязкѣ. Въ 1863 г. Кириллъ Наумовъ былъ уволенъ отъ должности начальника іерусалимской миссіи и опредѣленъ въ Спасскій монастырь въ Казани. Кириллъ Наумовъ желалъ получить разъясненіе такого рѣшенія касательно его личности, но это только еще болѣе усилило недовольство высшей власти противъ него, такъ какъ возникло мнѣніе, будто онъ отказывается повиноваться Св. Синоду. Въ началѣ 1864 г. Кириллъ Наумовъ выѣхалъ изъ Іерусалима, а 7 іюля того же года былъ въ Казани, гдѣ онъ въ тиши монастырской келліи проводилъ истинно подвижническую жизнь въ теченіи $1^1/_2$ лѣтъ. Кириллъ Наумовъ скончался 10 февраля 1866 г. на 42 году жизни, а черезъ 13 или 17 дней послѣ того былъ погребенъ въ церкви Спасскаго монастыря во имя свят. Кипріана и Іустины. Имя Кирилла Наумова и доселѣ хранится въ памяти нѣкоторыхъ православныхъ народовъ Востока, напр., арабовъ. Въ Казани память Кирилла Наумова чтится, какъ праведнаго подвижника. Кириллъ Наумовъ извѣстенъ въ нашей богословской литературѣ слѣдующими сочиненіями: 1) Минуты уединенныхъ размышленій; 2) Жизнь святого благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго; 3) Акаѳистъ сему св. князю, и 4) Пастырское богословіе, за которое авторъ былъ удостоенъ ученой степени доктора богословія. Извѣстны еще любопытныя письма его съ Востока [есть нѣкоторыя въ рукоп. въ библіотекѣ Спб. Дух. Академіи].

Литература. а) Источники: 1) матеріалы, касающіеся жизнедѣятельности Кирилла Наумова и особенно служенія его на православномъ Востокѣ, въ рукописномъ видѣ, хранятся въ архивѣ Св. Синода и въ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Спб.; 2) нѣкоторыя письма его были напечатаны въ „Русской Старинѣ", „Духовномъ Вѣстникѣ" и др. журналахъ: б) Пособія: на основаніи этихъ и другихъ источниковъ составленная монографія о. прот. *Ѳ. И. Титова*, Преосвященный Кириллъ Наумовъ, епископъ мелитопольскій, бывшій начальникъ русской духовной миссіи въ Іерусалимѣ:—очеркъ изъ исторіи сношеній Россіи съ православнымъ Востокомъ. — Кіевъ, 1903 [а лестный отзывъ объ этой книгѣ см. у проф. *Ал. П. Лебедева*, Исторія греко-восточной церкви подъ властію турокъ; второе изданіе въ „Собраніи сочиненій" Ал. П. Лебедева, т. VIII, Спб. 1903, стр. 848, прим. 2-е]. О „Пастырскомъ богословіи" преосв. Кирилла Наумова см. у іером. (еп.) *Иннокентія* (Пустынскаго), Пастырское богословіе въ Россіи за XIX вѣкъ, Св.-Тр. Сергіева Лавры 1899, стр. 124—136. † *А.С. Родосскій*, Біографическій словарь студентовъ первыхъ XXVIII-ми курсовъ с.-петербургской Духовной Академіи, Спб. 1907, стр. 200—202.

Протоіерей *Ѳ. Титовъ.*

Кириллъ (Ляшевецкій), епископъ † 1770 г., см. „Энц." III, 840.

Кириллъ (Орловъ), епископъ, † 1890 г., см. „Энц." III, 849—850 и V, 346.

Кириллъ (Лопатинъ) архимандритъ, магистръ богословія, въ мірѣ Константинъ Михайловичъ, родился въ с. Рябиновскомъ, вятск. у. въ 1868 г. Первоначальное образованіе получилъ въ вятскомъ Дух. Училищѣ, вятской Дух. Семинаріи, отсюда въ 1880 г. былъ назначенъ въ казанскую Дух. Академію. На 4-мъ курсѣ принялъ монашество. Въ 1893 г., по окончаніи курса, былъ назначенъ инспекторомъ с.-петербургской Дух. Семинаріи, въ 1894 г. инспекторомъ московской Дух. Академіи, въ 1895 г. ректоромъ казанской Дух. Семинаріи, въ 1899 г. рек-

торомъ астраханской Дух. Семинаріи. Скончался 24 ноября 1900 г. въ Астрахани.

Изъ печатныхъ трудовъ о. Кирилла можемъ указать слѣдующіе: 1) Ученіе св. Аѳанасія александрійскаго о Св. Троицѣ, (Казань 1894 г.), это—магистерская диссертація. Авторъ ея,—по отзыву † проф. Д. В. Гусева,—„обладаетъ широкой богословской эрудиціей, способностію къ отвлеченному мышленію и къ тонкому богословскому анализу. Онъ обстоятельно ознакомился не только съ твореніями и ученіями св. Аѳонасія, но и съ богословскими воззрѣніями главнѣйшихъ изъ церковныхъ писателей первыхъ трехъ столѣтій. Онъ изучилъ всѣ лучшія ученыя пособія по данному предмету изъ области новѣйшей богословской литературы, при чемъ пользовался ими весьма вдумчиво и разборчиво. Ученіе св. Аѳанасія и церковныхъ писателей предыдущей эпохи онъ не просто только передаетъ и излагаетъ, но обыкновенно комментируетъ его и анализируетъ, всегда старается освѣтить его и указать подлинный его духъ и смыслъ. Авторъ писалъ свое сочиненіе по строго обдуманному и вполнѣ цѣлесообразному плану, который онъ выдержалъ до самаго конца. Языкъ сочиненія—точный, ясный и опредѣленный, вполнѣ соотвѣтствующій высотѣ и важности предмета. Все сочиненіе проникнуто строго православнымъ духомъ“. (Протоколы каз. Дух. Академіи 1893 г., стр. 253). 2) Противники монашескихъ обѣтовъ—Іовиніанъ и Вигилянцій и обличеніе ихъ лжеученій бл. Іеронимомъ (Спб. 1894),—это семестровое сочиненіе, писанное авторомъ на 3-мъ курсѣ Академіи. 3) „Пастырскія наставленія и завѣтныя пожеланія моимъ воспитанникамъ“. (Астрахань 1900) цѣль этихъ „Пастырскихъ наставленій“—оживить и закрѣпить въ памяти воспитанниковъ завѣты школы, воспитавшей ихъ. Въ „Извѣстіяхъ по Казанской Епархіи“ (1895—1899 г.г.) и въ „Астраханскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ (1899 и 1900 г.г.) о. Кириллъ напечаталъ не мало словъ и поученій, сказанныхъ имъ въ семинарскихъ храмахъ.

В. Колокольцевъ.

Кириллъ, авторъ апологовъ. Съ XIV столѣтія извѣстенъ сборникъ нравоучительныхъ притчей — Speculum sapientiae beati Cyrilli episcopi. Содержаніе притчей состоитъ въ изображеніи правилъ нравственности и добродѣтели чрезъ сопоставленіе дѣйствій и отношеній, существующихъ въ животномъ и неодушевленномъ мірѣ. Сочиненію предпослано введеніе, въ которомъ объясняется побудительная причина къ такому изложенію правилъ, предпочтительно примѣрамъ или нравоучительнымъ историческимъ разсказамъ, при чемъ дѣлается обращеніе къ „возлюбленному“, подъ которымъ надобно разумѣть всякаго требующаго и ищущаго наставленія, по подобію притчей Соломоновыхъ и Сираховыхъ, которыя авторъ и имѣлъ ближайшимъ образомъ въ виду при своихъ наставленіяхъ: тамъ, какъ извѣстно, увѣщанія обращены къ неопредѣленному лицу „сына“ или „чада“. Въ томъ же введеніи указывается основаніе къ раздѣленію сочиненія по четыремъ главнымъ добродѣтелямъ, узаконеннымъ философіею Платона: благоразумію, великодушію, справедливости и умѣренности. По четыремъ добродѣтелямъ и самое сочиненіе, состоящее изъ 95 притчей, раздѣляется на четыре части или книги. Въ первой, заключающей 27 притчей, сочинитель старается внушить любовь къ мудрости и просвѣщенію, и ратуетъ противъ неразумія и невѣжества въ разнообразныхъ его видахъ; во второй части, также изъ 27 притчей, проповѣдуетъ великодушіе и смиреніе и бичуетъ гордость и надменность; въ третьей—изъ 30 притчей—выставляется во всемъ превосходствѣ правда и рисуются во всемъ безобразіи и суетѣ жажда богатства, сребролюбіе и роскошь; въ четвертой, содержащей 11 притчей, восхваляется господство надъ страстями и предается поруганію плотоугодіе. Наставленія заимствованы или изъ Свящ. Писанія, или изъ ученія отцовъ церкви, древнихъ философовъ и богослововъ, хотя они называются по именамъ рѣдко. Изъ Эзопа заимствованы басни двѣ-три. Есть нѣкоторое сближеніе съ индійскими или персидскими баснями, именуемыми „Гитопадесъ“, которыя сдѣлались извѣстны въ Европѣ въ XV в. и были переведены на разные языки; равно нѣкоторыя притчи напоминаютъ извѣстный нѣмецкій народный романъ (—басню) „Рейнеке-Фуксъ“. Въ заглавіи каждой притчи выставляется предметъ или содержаніе ея, а иногда и дѣйствующія лица. Разсказъ, обыкновенно са-

мый простой и краткій, какъ будто бы сдѣланъ единственно для того, чтобы служить только точкою отправленія для нравоученія, которое одно и занимаетъ почти все пространство притчи. Все сочиненіе заключается эпилогомъ, въ которомъ, между прочимъ, присоединяется къ имени сочинителя названіе „Doctor Graecorum, тутъ кратко излагается все содержаніе апологовъ.

Въ притчахъ авторъ постоянно дѣлаетъ очень удачныя сближенія между явленіями въ природѣ нравственно-разумной и въ неразумной и неодушевленной: весь міръ у него является училищемъ нравственности; въ наставленіяхъ его объединяются и правила Свящ. Писанія, и возвышенные взгляды разныхъ мыслителей древности, въ особенности Платона. Неудивительно поэтому, если книга была очень популярна и выдержала нѣсколько изданій, была переведена (въ прозѣ и въ стихахъ) на нѣмецкій и славянскій языки (чешскій—Никласомъ Конакомъ).

Многіе ученые занимались вопросомъ объ авторѣ притчей. Одни считаютъ авторомъ Кирилла александрійскаго, другіе—Кирилла іерусалимскаго; І. Добровскій — епископа XIII в. Кирилла (Cyrillus Episcopus, alias Quidenon, laureatus poёta) на основаніи рукописи вѣнской публичной библіотеки. Іезуитъ Бальбисъ приписалъ притчи Кириллу солунскому, первоучителю славянъ, будто бы написавшему ихъ на греческомъ языкѣ. Мнѣніе было потомъ повторено Стродовскимъ, Андри, у насъ въ Россіи С. Соболевскимъ („Русскій Архивъ“ 1864 г., кн. 11.), О. Коларемъ (тамъ же). Первыя два мнѣнія оставлены, послѣднее подверглось серьезному разбору со стороны И. Платонова и П. Лавровскаго. Послѣдніе нашли, что притчи или апологи ни по внутреннему духу, ни по складу рѣчи не могутъ принадлежать св. Кириллу солунскому, ни даже вообще греко-славянскому міру. Способъ выраженія—чисто схоластическій; языкъ не переводный, а первоначальный латинскій; въ сочиненіи встрѣчаются термины, которымъ не найдемъ соотвѣтствующихъ въ греческомъ и которые свойственны латинскому языку въ средніе вѣка, напр., causalitas, virtualitas, principalitas, substantialis, prudentialiter, gaudiosa feliciosittas, inconsummata deliciositas и т. п. Все это термины средневѣковой науки, тогда какъ греческій языкъ, недоступный для средневѣковой науки, остался при терминологіи Платона и Аристотеля, съ небольшой прибавкой философскихъ выраженій неоплатониковъ. Платоновъ полагаетъ, что названіе „святаго“ (sancti) подставлено, подложно, чтобы придать сочиненію больше значенія и хода. Тоже значеніе—привлечь вниманіе публики—имѣетъ и прибавка „Doctor Graecorum“.

Что касается мѣста происхожденія апологовъ, то, по мнѣнію Платонова, вѣроятнѣе относить ихъ появленіе къ Германіи, гдѣ болѣе всего любили такой образъ нравственныхъ поученій въ XV в. Рѣшить опредѣленнѣе вопросъ о лицѣ, къ которому относятся притчи, Платоновъ отказывается, но Лавровскій въ своей статьѣ „объ авторѣ Кирилловыхъ апологовъ“ принялъ мнѣніе Добровскаго, что авторомъ притчей былъ Кириллъ, епископъ гвидонскій, жившій въ XIII в. и извѣстный, какъ laureatus (коронованный) латинскій поэтъ.

Литература. *С. А. Соболевскій*, Притчи св. Кирилла Философа, учителя славянскаго („Русск. Архивъ“ 1864 кн. 11; ср. „Кирилло-Меѳод. Сборн.“ *Погодина* 1865 г.); *О. И. Коларь,* О притчахъ св. Кирилла (тамъ же); *И. Платоновъ,* Изслѣдованіе объ апологахъ или притчахъ св. Кирилла въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1868 г., № 5 (CXXXVIII); *П. А. Лавровскій,* Дѣйствительно ли св. Кириллъ солунскій—авторъ латинскихъ апологовъ въ „Ж. М. Н. Просв.“ 1868 г. № 7 (CXXXIX).

Б. Груздевъ.

Киринея или **Кирена**—главный городъ греческой колоніи *Киренаики* (или *Кентаполя*—со времени Птоломеевъ), основанной дорянами въ 29-хъ годахъ VII ст. до р. Хр. въ сѣверной Африкѣ, къ западу отъ Египта, тамъ, гдѣ нынѣ находится плоская плодородная возвышенность *Барка.* Съ 308 г. до р. Хр. Киринея съ ея округомъ находилась въ зависимости отъ египетскихъ Птоломеевъ, съ 96 г. перешла во владѣніе римлянъ и съ 75 г. была преобразована въ римскую провинцію. Въ Киринеѣ обитало, со времени Птоломея 1-го, очень много іудеевъ, представители которыхъ состояли членами іерусалимской синагоги (Дѣян. **6**, 9). Въ Евангеліи, въ исторіи страданій Христа Спасителя, упомянутъ іудей изъ Киринеи, *Симонъ*: когда Спаситель изнемогъ подъ тяжестію креста, римскіе воины принудили

Симона нести крестъ Христовъ (Мѳ. **27**, 32. Мрк. **15**, 21. Лук. **23**, 26). Нѣкоторые изъ киринейцевъ—іудеевъ, находившихся въ Іерусалимѣ въ день Пятидесятницы (Дѣян. **2**, 10), обратились ко Христу и затѣмъ проповѣдывали Евангеліе въ Антіохіи съ великимъ успѣхомъ. По словамъ кн. Дѣяній, *была рука Господня съ ними, и великое число, увѣровавъ, обратилось ко Христу* (Дѣян. **11**, 20, 21).—Въ числѣ пророковъ и учителей юной антіохійской церкви находился нѣкто *Луцій Киринеянинъ* (Дѣян. **13**, 1) бывшій, по преданію, первымъ епископомъ въ Киринеѣ. См. „*Киренаика*" выше стлб. 202—204.

См. у *Riehm* HW². I, S. 283—284; *Guthe* KBW., S. 381—382 [и въ другихъ Словаряхъ и Энциклопедіяхъ: *Smith*, *Vigouroux*, *Hastings*, *Cheyne*, а также у *J. Hastings*, A Dictionary of Christ and the Gospels I, Edinburgh 1906, p. 405; *Mart. Hagen*, Lexicon, Biblicum I, col. 1033. Catholic. Encyclopedia IV, p. 591—592; *А. А. Остроумовъ*, Синезій философъ, епископъ птолемаидскій, Москва 1879, стр. 22 сл.]

Прот. *Н. Елеонскій*.

Киринъ или *Квиринъ*, св. мученикъ римскій, III столѣтія. Вмѣстѣ съ Мариномъ, Мароою и другими онъ пострадалъ въ Римѣ въ 269 году. *Память его 6 іюля*.

AA. SS. Boll. январь II, 214 и 25 марта III, 545; славянская минея.—Ср. *Berthold*, Austria sancta I, 61; Archiv für österreich. Geschichtsquellen* 1849, III, 283; *Pertz*'овъ Archiv X, 635; *Rettberg*, Deutschlands Kirchengeschichte II, 264.

Хр. Л—въ.

Киріакія, св. мученица никомидійская, III—IV столѣтія. Дочь Дороѳея и Евсевіи, она во время Діоклитіанова гоненія была отправлена въ Никомидію къ кесарю Максиміану, оттуда къ виѳинскому претору Иларіону. Она непреклонно переносила всѣ мученія и мирно почила среди пытокъ. *Память ея 7 іюля*. (Макар. Ч.-Минея; Прологъ). *Хр. Л—въ*.

Киріакія, св. мученица Кесаріи палестинской, неизвѣстнаго времени. Вмѣстѣ съ Калеріею (Валеріею) и Маркіею она замучена была кесарійскимъ преторомъ. *Память ея 6 іюня*.

AA. SS. Boll. іюль I, 622; Василіевъ Минологъ; Прологъ; въ Петровомъ и Стишномъ Прологѣ пять женъ: Мароа, Марія, Кирія, Валерія и Маркія. О св. Киріакѣ, Валеріи, Маркіи и другихъ, мученикахъ *африканскихъ*, см. въ AA. SS. Boll. 16 іюня III, 37.

Хр. Л—въ.

Киріакъ, св. мученикъ италійскій, II столѣтія. Это былъ сынъ Еспера и Зои; всѣ они были рабы римлянина Катала и жены его Тетродіи, купленные въ Памфиліи. Киріакъ и братъ его Ѳеодулъ убѣдили своихъ родителей, что имъ, какъ христіанамъ, не возможно служить язычникамъ. Узнавъ о томъ, Каталъ велѣлъ имъ съѣсть идоложертвенной пищи, но святые бросили ее псамъ. Послѣ разныхъ мученій они были сожжены въ царствованіе имп. Адріана (118—138 г.). Въ печи они всѣ оказались лежащими лицомъ на востокъ. Соборъ ихъ совершался во св. ихъ „мученіи". *Память всѣхъ ихъ 2 мая*. (Макар. Ч.-Минея; Прологъ).

Хр. Л—въ.

Киріакъ, св. мученикъ Пергіи памфилійской, III—IV столѣтія. Это одинъ изъ 9 мучениковъ, земледѣлецъ занятіемъ, обезглавленъ во времена имп. Діоклитіана и игемона Флавіана. См. „Катунъ" въ „Энц." IX, 268. *Память его 1 августа*.

Хр. Л—въ.

Киріакъ, св. воинъ, IV столѣтія. Это одинъ изъ семи братьевъ, уроженцевъ Востока, воинствовавшихъ въ Антіохіи съ 200.000-чнымъ воинствомъ, съ Родопомъ во главѣ. По переходѣ во Ѳракію они были зачислены въ легіонъ („легеандръ") и принимали участіе въ войнѣ со скиѳами, перешедшими Дунай. Скиѳскимъ княземъ былъ тогда Мароѳъ, который вызывалъ враговъ на единоборство. Противъ него вышелъ св. Орентій, побѣдилъ князя и обезглавилъ его. Имп. Максиміанъ готовъ былъ одарить Орентія, но когда послѣдній заявилъ, что онъ побѣдилъ Мароѳа помощію Божіею, а не помощію идоловъ, онъ подвергся опалѣ: всѣ братья были сосланы по разнымъ мѣстамъ. Изъ нихъ Киріакъ былъ отведенъ въ мѣстечко Зингамъ (на восточномъ берегу Чернаго моря), въ Алазонской области, гдѣ и почилъ въ мирѣ 14 іюля. *Память его 24 іюня*.

AA. SS. Boll. іюль IV, 809; Никодимовъ Συναξαριστής; Макар. Ч.-Минея; Прологъ.
Хр. Л—въ.

Киріакъ, св. мученикъ римскій, IV столѣтія. Это былъ діаконъ при римскомъ папѣ Маркеллѣ (308—310 г.), пострадавшій вмѣстѣ съ послѣднимъ. На Западѣ онъ считается пособникомъ противъ злыхъ духовъ. *Память его 7 іюня.*

Хр. Л—въ.

Киріакъ или *Іуда*, св. священномученикъ іерусалимскій, IV столѣтія. По кончинѣ іерусалимскаго патріарха Макарія (313—333 г.) онъ занималъ престолъ св. Іакова брата Господня и обрѣлъ крестъ Господень, переданный имъ царицѣ Еленѣ. Онъ дожилъ до временъ имп. Юліана Отступника. Отправившись въ походъ на персовъ, Юліанъ по пути посѣтилъ Іерусалимъ и, узнавъ о Киріакѣ, поборникѣ Христовой вѣры, потребовалъ его къ допросу. Встрѣтивъ отпоръ своимъ вожделѣніямъ, императоръ велѣлъ отрубить ему правую руку за то, что она много писала противъ языческихъ боговъ, и лить въ уста ему расплавленное олово; наконецъ святой былъ пронзенъ копьемъ. Вмѣстѣ съ нимъ пострадала и мать его Анна, повѣшенная за волосы и растерзанная. *Память его 28 октября.*

AA. SS. Boll. май I, 439; Макар. Ч.-Минея. Прологъ. Въ спискахъ іерусалимскихъ патріарховъ имени Киріака однако не встрѣчается.—*Сергій.* [Prof. *Guidi* въ „Revue de l'Orient chrétien" 1904, p. 79—95; 311—332; 1906, p. 337—351, гдѣ изданы переводы сирійскій, коптскій и эѳіопскій житія св. Киріака, а поэтическій см. и у *А. И. Пападопуло Кермевса* въ „Православномъ Палестинскомъ Сборникѣ", т. LVII].

Хр. Лопаревъ.

Киріакъ, св. отшельникъ палестинскій, VI столѣтія. Коринѳянинъ родомъ, сынъ пресвитера Іоанна и матери Евдоксіи и племянникъ епископа Петра, Киріакъ состоялъ сначала въ санѣ чтеца. 18 лѣтъ отъ роду онъ прибылъ въ Іерусалимъ и принялъ постриженіе отъ руки св. Евѳимія великаго. Проводя суровую отшельническую и подвижническую жизнь, онъ обличалъ Оригена и его единомышленниковъ. Обладая даромъ прозорливости, онъ вѣдалъ человѣческія тайны, заочно исцѣлялъ больныхъ и творилъ много чудесъ. Почилъ въ 556 году въ глубокой старости, въ возрастѣ около 109 лѣтъ. *Память его 29 сентября.*

Житіе его, написанное его современникомъ Кирилломъ скиѳопольскимъ, въ AA. SS. Boll. 29 сентября VIII, 147; проф. *И. В. Помяловскій*, Житіе Киріака отшельника („Пам. Древней Письменности", 1890 г.); славянская минея; Метафрастово житіе его у Migne gr CXV, 919; Палестинскій патерикъ, вып. VII (1895 г.); Василіевъ Минологій; Макар. Ч.-Минея („Благословляющихъ тя, рече Богъ къ Аврааму, благословлю и проклинающихъ проклену"); Прологъ. Въ обоихъ послѣднихъ памятникахъ святой пріуроченъ ко временамъ имп. Ѳеодосія (I-го, IV вѣка).

Хр. Л—въ.

Киріакъ, св. мученикъ александрійскій, неизвѣстнаго времени. За исповѣданіе Христа онъ вмѣстѣ съ другими былъ схваченъ преторомъ Валеріемъ и обезглавленъ. Мощи мученика были положены въ Александріи. *Память его 6 сентября.* Прологъ.

Хр. Л—въ

Киріакъ, миѳическій *папа*, время жизни котораго относятся къ 238 г. Впервые имя его дѣлается извѣстнымъ 1155 г. въ легендѣ о св. Урсулѣ. Хронисты XIII вѣка, опираясь на авторитетъ Елизаветы Шёно (см. „Энц." V, 417—418), внесли это имя въ свои хроники. Впослѣдствіи приверженцы Бонифація VIII оправдывали примѣромъ Киріака отреченіе Целестина V. Легенда возникла такимъ образомъ. Въ 1155 г. при раскопкахъ на кладбищѣ св. Урсулы въ Кёльнѣ найдено было много мужскихъ труповъ и надгробныхъ надписей кардиналовъ, епископовъ и священниковъ и въ частности слѣдующія: S. Cyriacus, Papa Rom., qui cum gaudio suscepit sacras virgines et cum iisdem reversus martyrium suscepit S. Alina V. Аббатъ Герлахъ усумнился въ подлинности надписи и не безъ основанія: надпись несомнѣнно была поддѣлана съ цѣлію объяснить нахожденіе мужскихъ труповъ на ager Ursulanus, которое считалось кладбищемъ монахинь. Герлахъ послалъ надпись Елизаветѣ Шёно, которая такъ разъяснила ее: Когда Урсула съ дѣвами пришла въ Римъ, Киріакъ былъ папою (19-мъ по счету) уже

годъ и одиннадцать мѣсяцевъ; ночью онъ получилъ божественное указаніе отказаться отъ своей дѣятельности и идти вмѣстѣ съ дѣвами, такъ какъ и его и ихъ ожидаетъ мученичество, а вмѣсто себя велѣлъ избрать Антера (см. „Энц.“ I, 794—795); римскій клиръ будто бы настолько былъ недоволенъ его отказомъ, что имя его вычеркнуто было изъ списка папъ. Попытки отнести время его правленія къ царствованію Максиміана или Максимина Ѳракійца до епископа Антера (235—236 г.) — безуспѣшны. См. † *Döllinger*, Papstfabeln, München 1863, 45 сл. [*Herzog-Hauck*, RE. IV³. S. 375—376.].

С. Троицкій.

Киріакъ, патріархъ константинопольскій, занимавшій каѳедру съ начала 596-го года до конца октября 606-го года, преемникъ знаменитаго Іоанна IV Постника.— Императоръ Маврикій, высоко чтившій послѣдняго, долго искалъ ему пріемника и въ концѣ концовъ остановилъ свой выборъ на Киріакѣ, пресвитерѣ и экономѣ храма св. Софіи. Этотъ выборъ вызвалъ у епископовъ, участвовавшихъ въ посвященіи новаго патріарха, восторженное восклицаніе: *сей день его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь* (Пс. **117**, 24). Вліяніе на императора Маврикія Киріаку принадлежало въ той же мѣрѣ, какъ и Іоанну Постнику. Даже тиранъ Фока, ни передъ чѣмъ не останавливавшійся, долженъ былъ склониться предъ твердостію патріарха Во время смятенія, кончившагося избіеніемъ приверженцевъ Маврикія и умерщвленіемъ его самого, царица съ тремя дочерьми укрылась въ храмѣ Св. Софіи. Фока приказалъ взять оттуда женщинъ. Но Киріакъ рѣшительно воспротивился этому и позволилъ вывести несчастныхъ только послѣ клятвъ Фоки, что имъ не будетъ причинено никакого вреда. Въ наслѣдство отъ предшественника Киріаку достался извѣстный споръ о титулѣ „вселенскій“. Папа Григорій вел. былъ живъ и не замедлилъ повести съ новымъ патріархомъ борьбу, которую велъ съ Іоанномъ Постникомъ. По обычаю Киріакъ отправилъ въ Римъ представителей съ увѣдомленіемъ о вступленіи на каѳедру и съ изложеніемъ вѣры. Папа поступилъ очень сурово. Прежде всего онъ выразилъ порицаніе епископамъ, которые осмѣлились слишкомъ радоваться вступленію на каѳедру Киріака. Затѣмъ онъ запретилъ служить своему константинопольскому апокрисіарію до тѣхъ поръ, пока онъ не откажется отъ титула „вселенскій“. Въ письмахъ къ Маврикію, патріархамъ антіохійскому, александрійскому и къ Киріаку снова Григорій заговорилъ о culpa elationis, verbum superbiae, stultum vocabulum. Патріархъ антіохійскій попрежнему видѣлъ во всемъ этомъ одинъ вздоръ (nulla causa). Маврикій также не признавалъ основательнымъ производить scandalum per appelatione frivoli nominis. Григорій не отступалъ и при одномъ случаѣ разъяснялъ, что принятіе патріархомъ константинопольскимъ титула „вселенскій“ есть одинъ изъ признаковъ пришествія антихриста. Киріакъ съ своей стороны остался непреклоннымъ. Григорій ничего не добился, пока живъ былъ Маврикій. Со вступленіемъ на престолъ Фоки положеніе дѣлъ измѣнилось. Киріакъ былъ сторонникъ Маврикія и обличалъ Фоку за жестокости. Между тѣмъ апокрисіарій Григорія защищалъ эти жестокости. И самъ Григорій выразилъ радость по поводу вступленія на тронъ новаго императора-убійцы. Чего бы добился Григорій при такихъ обстоятельствахъ,—сказать трудно. Но онъ вскорѣ умеръ. При его преемникѣ Сабиніанѣ дѣло о титулѣ „вселенскій“ прекратилось. Но преемникъ Сабиніана Бонифацій III, бывшій апокрисаріемъ въ Константинополѣ при вступленіи Фоки на престолъ, возобновилъ домогательства. Біографъ этого папы сообщаетъ, что онъ obtinuit apud Phocam principem, ut sedes apostolica beati Petri apostoli caput esse omnium Ecclesiarum, id est, ecclesia Romana, quia ecclesia Constantinopolitana primam se omnium Ecclesiarum scribebat. Практическаго значенія этотъ законъ не имѣлъ. Его вліяніе сказалось, можетъ быть, только въ томъ, что съ половины VII-го вѣка и папы стали именоваться „вселенскими“. Іерархи константинопольскіе во всякомъ случаѣ отъ этого титула не отказались.

Литература: *Mansi*, Sacr. conc. collectio nova et amplissima t. IX—X. *Migne*, Patrol. ser. lat. t. CXXVIII. *Baronii*, Annales ecclesiastici cum critice Pagii ad an 596—597 sqq. † *Hergenröther*, Potius, Bd. I. *Pichler*, Geschichte der Kirchlichen Trennung zwischen Orient und Occident, Bd. II. † проф. *Т. В.*

Барсовъ, Константинопольскій патріархъ и его власть надъ русскою церковію. Проф. *И. Д. Андреевъ*, Констант. патріархи отъ Халкидонскаго собора до Фотія, вып. I [*W. Smith* and *H. Wace*, A. Dictionary of Christian Biography I, p. 758—759. *Herzog-Hauck*, RE. IV³, S. 376].

Проф. *И. Андреевъ*.

Киріакъ *митрополитъ карѳагенскій при папѣ Григоріѣ VII* [22 апр. 1073 г. —25 мая 1085 г.; см. „Энц." IV, 671—675]. Онъ, между прочимъ, отказывался совершать неканоническія посвященія, за что подвергся обвиненію со стороны своего клира предъ сарацинскимъ эмиромъ, а этотъ потребовалъ его къ себѣ и велѣлъ жестоко бичевать. Григорій VII, къ которому Киріакъ обратился за помощію, утѣшаетъ его, хвалитъ его мужество и убѣждаетъ терпѣливо переносить испытанія; въ то же время онъ высказываетъ жестокое порицаніе по адресу обвинителей Киріака, и подъ угрозою отлученія призываетъ ихъ къ покаянію.—Когда нѣсколько позднѣе,—именно въ 1076 г.— Григорій VII назначилъ Серванда архіепископомъ Иппона Царскаго (Hippo Regius), то онъ далъ ему рекомендательныя письма къ эмиру тунисскому и архіепископу карѳагенскому Киріаку. Въ этихъ письмахъ Григорій VII призываетъ эмира и Киріака къ миру и единенію со вновь назначеннымъ архіепископомъ Сервандомъ въ цѣляхъ поддержанія установившихся въ сѣверной Африкѣ церковныхъ отношеній.

См. *Herzog-Hauck*, RE. IV³ S. 376, гдѣ относительно Киріака дѣлаются ссылки, на *Gregorii* Registr. I, 22. 23; III, 19. 39; *Jaffè*, Regesta Pontif. ad an. 1073, 15 Sept. Nr. 3557 sq. и 1076, Juni.

Гр. Пр—въ.

Киріакъ сырьинскій, см. Кириллъ сырьинскій, выше стлб. 390.

Киріаѳаимъ—1) городъ за Іорданомъ къ востоку солнца, данный въ удѣлъ колѣну Рувимову (Числ. **32**, 37, І. Нав. **13**, 19). Но сыны Рувимовы не всегда владѣли имъ; ко времени плѣна вавилонскаго онъ уже принадлежалъ моавитянамъ. О немъ, какъ моавитскомъ городѣ говорятъ пророки Іеремія и Іезекіиль и предвозвѣщаютъ его разрушеніе (Іер. **48**, 1, 23, Іезек. **25**, 9). У пр. Іезекіиля Киріаѳаимъ называется городомъ, стоящимъ на границѣ, открытой для сыновъ востока (Іезек. **25**, 9, 10), т. е. на восточной границѣ моавитской земли (*съ боку Моава*), на краю Сирійско-аравійской пустыни, откуда именно и являлись, въ направленіи къ западу, полчища враговъ-разрушителей. Если такъ, то Каріаѳаимъ былъ расположенъ на равнинѣ, сливавшейся съ пустынею, и потому нѣтъ достаточныхъ основаній полагать, какъ это дѣлаетъ Раумеръ (Raumer, Palästina, 4 Aufl... Karte), что древній Киріаѳаимъ находился тамъ, гдѣ нынѣ указываютъ развалины *Курейіатъ* (*Kureiyat*), т. е. въ сѣверозападной части горъ Аваримскихъ. Здѣсь, въ горахъ, ближе къ Мертвому морю, нежели къ пустынѣ, не могла проходить восточная граница моавитской земли.—Современные изслѣдователи еврейскаго текста Библіи говорятъ, что Киріаѳаимъ упомянутъ уже въ Быт. **14**, 5: на равнинѣ Киріаѳаима Кедорлаомеръ поразилъ емимовъ. Правда, въ указанномъ цитатѣ по русскому тексту (равно и по LXX-ти) слово *Шаве* признано составною частію собственнаго имени; но *шаве*, какъ имя нарицательное, значитъ *плоскость*, *равнина;* поэтому вмѣсто: въ *шаве-Киріаѳаимъ*, основательно читать *на равнинѣ Киріаѳима*.—2) Киріаѳаимъ—городъ въ колѣнѣ Нефѳалимовомъ, данный сынамъ Гирсоновымъ, изъ племенъ левитскихъ, и назначенный мѣстомъ убѣжища для невольныхъ убійцъ (1 Парал. **6**, 62, 76). У І. Нав. **21**, 32 Киріаѳаимъ въ колѣнѣ Нефѳалимовомъ названъ сокращенно: *Карѳанъ* (см. „Карѳанъ", Энц." IX, 78).

См. *Keil* und *Delitzsch*, Commentar I, 1, 2, Aufl., S. 149; *Riehm* HW²., S. 848; *Guthe*, KBW., S. 363 [и въ другихъ Словаряхъ и Энциклопедіяхъ *Smith*, *Vigouroux*, *Hastings* *Cheyne*, *M. Hagen*].

Прот. *Н. Елеонскій*.

Киріаѳъ—городъ въ удѣлѣ Веніаминовомъ (І. Нав. **18**, 28). Киріаѳъ не слѣдуетъ отожествлять (какъ это дѣлаетъ *Guthe*, KBW., S. 363) съ Киріаѳъ-Іаримомъ (онъ же Киріаѳъ-Ваалъ). Послѣдній хотя и находился на границѣ удѣловъ Іудина и Веніаминова, но въ библейскомъ текстѣ дважды и прямо названъ городомъ Іудинымъ (І. Нав. **15**, 20, 60; **18**, 14).

Прот. *Н. Елеонскій*.

Киріаѳъ-Арба см. „Хевронъ".

Киріаѳъ-Іаримъ или **Киріаѳъ-Ваалъ** (kirjat baal—„городъ Ваала"; καριαθβαάλ, καριαθ—Βαάλ; Cariathbaali; Каріаѳъ-Ваалъ;—kirjat Jearim—„городъ лѣсовъ, лѣсной городъ"; πόλις Ἰαρίν, πόλις Ἰαρίμ, Καριαθιαρίν, Καριαθιαρίμ; Cariathiarim; Каріаѳіаримъ, „поле дубравы"). Этотъ городъ до завоеванія земли Ханаанской принадлежалъ, по Нав. **9**, 17, къ союзу городовъ Гаваонитскихъ; у Нав. **15**, 60, **18**, 14 числится городомъ колѣна Іудина. Здѣсь во времена Судей стояли станомъ Данитяне на пути въ Лаисъ (Суд. **18**, 12). Здѣсь же, „на вершинѣ въ домѣ Аминадава" находился въ продолженіи 20 лѣтъ ковчегъ завѣта по возвращеніи его отъ Филистимлянъ (1 Цар. **6**, 21, **7**, 1, Пс. **132**, 6); отсюда Давидъ перенесъ его въ Іерусалимъ (2 Цар. **6**, 1 Пар. **14**, 5, 2 Пар. **1**, 4). Отсюда былъ родомъ пророкъ Урія (Іерем. **26**, 20). Между возвратившимися изъ плѣна вавилонскаго были и жители Киріаѳъ-Іарима (Неем. **7**, 29, 1 Ездр. **2**, 25, 2 Ездр. **5**, 19); по 1 Пар. **2**, 50, 52, область Ефраѳа, къ которой причисляется Киріаѳъ-Іаримъ, была занята потомками Халева.

Мѣстоположеніе Киріаѳъ-Іарима точно нельзя обозначить, хотя относительно этого существуютъ нѣкоторыя свѣдѣнія. По Нав. **15**, 9, **18**. 15, онъ лежалъ на границѣ Іудина и Веніаминова колѣнъ, на западъ отъ Нефѳоа, къ востоку отъ Кесалона, къ югу отъ Веѳ-Орона, по 1 Цар. **6**, 21 выше Веѳсамиса въ нынѣшней bagu es-Sarar, по Суд. **18**, 12 на востокъ отъ Цоры и Естаола, выше этихъ мѣстъ; по Іос. Флавію **6**, 1 : 4) вблизи Веѳсамиса. Кондеръ на основаніи словъ Нав. **15**, 10, что Кесалонъ былъ расположенъ къ западу отъ Киріаѳъ-Іарима, раздѣляетъ эту мысль Іос. Флавія о близости Киріаѳъ-Іарима къ Веѳсамису и находитъ древній Киріаѳъ-Іаримъ въ Kirbet arma на югъ отъ wadi es-Sarar:—мѣстность съ развалинами стѣнъ, виноградниками, цистернами, пещерами, представлявшая нѣкогда укрѣпленіе (Memoirs—III, 43). Если такъ то граница колѣна Іудина должна проходить слишкомъ далеко къ югу. Между тѣмъ, по Евсевію (Onomasta въ изд. Paul de Lagarde 271; 109) и Іерониму, Киріаѳъ-Іаримъ находился въ 9 римскихъ миляхъ (13,5 килом. или 12½ верст.) на пути изъ Іерусалима въ Діосполь. Посему Робинсонъ (Neuere biblische Forschungen in Palästina, 1852, S. 205) считаетъ болѣе вѣроятнымъ находить Киріаѳъ-Іаримъ въ нынѣшнемъ Karjet el-ineb, обыкновенно сокращенно el-karje, или abu-ros въ 12 килом. (11¼ верст.) отъ Іерусалима на пути въ Яффу:—большое селеніе съ каменными домами расположено на крутомъ склонѣ горы (ср. 1 Цар. **9**, 1, 2 Цар. 6, 3), окруженное рощами маслинъ и туговыхъ деревьевъ. Въ XII в. крестоносцами здѣсь была построена церковь; но послѣ она была заброшена, съ XVI в. служила конюшнею, а теперь на ея мѣстѣ находятся только развалины (Keil u. Del. на Нав. S. 74; проф. *А. А. Олесницкій*, Св. Земля II, стр. 260—261).

Свящ. *И. Богоявленскій.*

Киріаѳъ-Сеферъ, Киріаѳъ-Санна, Давиръ. Первыя два изъ приведенныхъ названій суть древнія названія одного палестинскаго города, подъ которыми онъ былъ извѣстенъ въ то еще время, когда въ Палестинѣ господствовали хананеи. Позднѣе этому городу было дано, также хананеями, наименованіе *Давиръ* (І. Нав. **15**, 15, 49. Суд. **1**, 11). І. Навинъ, постепенно покоряя южную часть Палестины, овладѣлъ, послѣ Хеврона, также Давиромъ и истребилъ все живущее какъ въ самомъ Давирѣ, такъ и въ городахъ ему принадлежавшихъ. Впрочемъ, хананеи вскорѣ взяли обратно и Хевронъ, и Давиръ. Это случилось, вѣроятно, въ то время, когда І. Навинъ и израильтяне предприняли завоеваніе сѣвернаго Ханаана (І. Нав. **11**, 6—8). Занятіе было совершено племенемъ енакимовъ, которые хотя и были истреблены въ горахъ Іудиныхъ, но оставались еще въ сосѣднихъ городахъ филистимскихъ — въ Газѣ, Геѳѣ и Азотѣ (І. Нав. **11**, 21, 22). Поэтому-то Халевъ, получившій въ удѣлѣ Іудиномъ часть—именно: города Хевронъ и Давиръ,—долженъ былъ снова завоевывать эти города. Вѣроятно, покореніе Давира представляло особенныя турудности, и потому Халевъ объявилъ, что онъ отдастъ *Ахсу*, дочь свою, въ жены тому, кто поразитъ *Киріаѳъ-Сеферъ* (*Давиръ*) и возьметъ его. Гоѳоніилъ, сынъ Кеназа, брата Халевова, взялъ городъ, и Ахса стала женою героя. Ахса, оставляя

родительскій домъ, просила у отца, чтобы онъ далъ ей поле къ югу отъ Давира, а также „источники верхніе и нижніе". Просьба ея была исполнена (І. Нав. **15**, 15—19).—Давиръ съ его предмѣстьями данъ былъ отъ колѣна Іудина сынамъ Аарона священника (І. Нав. **21**, 15. 1 Парал. **6**, 58).—Существуетъ нѣсколько различныхъ предположеній относительно мѣстонахожденія библейскаго Давира. Наиболѣе вѣроятнымъ изъ нихъ можно признать предположеніе путешественника ванъ-де-Фельде (van-de-Felde). По мнѣнію послѣдняго, древній Давиръ былъ расположенъ тамъ, гдѣ нынѣ развалины *Дильбе* (Dilbeh). Развалины эти находятся къ юго-западу отъ Хеврона, въ 2-хъ часахъ пути отъ него на вершинѣ холма. Въ развалинахъ существуетъ родникъ, вода котораго, съ помощію водопровода, направляется въ прудъ при подошвѣ холма. Это—именно „источники верхіе и нижніе", испрошенные Ахсою у отца, для орошенія даннаго ей южнаго поля скуднаго влагою.—Названія, подъ которыми въ давнія времена былъ извѣстенъ *Давиръ*, значатъ; *Киріаѳъ Сеферъ* = „городъ письменъ или книгъ" (LXX: πόλις γραμμάτων славянск: градъ письменъ)— *Киріаѳъ-Санна* = (быть можетъ, по мнѣнію Рима) „городъ ученія" (LXX тоже: πόλις γραμμάτων, славянск.: градъ письменъ). Изъ этихъ названій,—во всякомъ случаѣ изъ перваго,—можно вывести то заключеніе, что въ Ханаанѣ до появленія тамъ израильтянъ (такимъ образомъ издавна) уже процвѣтала письменность.—Слѣдуетъ замѣтить, что съ именемъ *Давиръ* упомянутъ въ Библіи другой городъ; онъ также принадлежалъ удѣлу Іудину, но находился на сѣверной границѣ удѣла (І. Нав. **15**, 7). У І. Нав. **13**, 26 говорится, повидимому, о третьемъ городѣ съ именемъ *Давиръ*, находившемся за Іорданомъ къ востоку; но здѣсь скорѣе разумѣется г. *Лодаваръ*, 2 Цар. **9**, 4. 5, **17**, 27 (см. „Лодаваръ").

Keil u. *Delitzsch*, Commentar II, 1 (1863), S. 84—85; *Riehm*, HW². I, S. 304—305 [и въ другихъ Энциклопедіяхъ и Словаряхъ].

Прот. *Н. Елеонскій.*

Киріена, св. мученица росская, начала IV столѣтія. Уроженка киликійскаго города Тарса, она была схвачена игемономъ Маркіаномъ и въ нагомъ видѣ обведена вокругъ Тарса; затѣмъ вмѣстѣ со св. Іуліаніею отведена въ киликійскій городъ Росъ (къ сѣверу отъ Антіохіи сирійской), гдѣ обѣ были брошены въ пламя. *Память обѣихъ 1 ноября.* (Минологій Василія: Макар. Ч.-Минея; Прологъ).

Хр. Л—въ.

Киріонъ или **Кирій**, св. мученикъ севастійскій, IV столѣтія. Это одинъ изъ 40 севастійскихъ мучениковъ, пострадавшихъ въ 320 году во время имп. Ликинія въ г. Севастіи. *Память его 9 марта.* См. Прологъ (безъ имени).

Хр. Л—въ.

Киріонъ, католикосъ грузинскій въ VI в. При немъ состоялось отдѣленіе грузинской церкви отъ армянской. Общеніе между этими церквами восходитъ къ IV в., ко времени Григорія Просвѣтителя. Поводомъ послужило слѣдующее обстоятельство. Когда армянъ при Аркадіи покорилъ Ферозъ (Хасро Фарвизъ), царь персидскій, то онъ сталъ угрожать имъ переселить, если они не откажутся отъ греческаго вѣроисповѣданія. Армянскій царь и католикосъ Нерсесъ склонили покорно свою выю. Ферозъ прислалъ имъ изъ Сиріи іаковитовъ во главѣ Абдибоса, которые стали распространять въ народѣ свое ученіе. Это-то и вызвало неудовольствіе въ Грузіи. Католикосъ Киріонъ при этомъ подалъ поводъ армянскому католикосу Моисею заподозрить себя въ приверженности къ грекамъ и халкидонскому ученію (451 г.), которое армяне отвергали. Киріонъ запретилъ въ грузинской Сомхегіи (Арменіи) армянское богослуженіе и ввелъ его на грузинскомъ языкѣ, но изъ уваженія къ католикосу Моисею, по желанію послѣдняго, удалилъ епископа Хужика, чтобы не доводить обострившіяся отношенія до разрыва. Неудовольствовавшись этимъ, Моисей прибылъ въ Тифлисъ и обличилъ Киріона въ томъ, что принялъ Халкидонскій соборъ. Обличеніе его не имѣло успѣха, и онъ вынужденъ былъ бѣжать ночью изъ Грузіи и письменно сталъ нападать на Киріона. Преемникъ Моисея Авраамъ продолжалъ непріязненныя отношенія къ Киріону. Послѣдній не пожелалъ явиться лично предъ Авраамомъ, низложилъ

епископа Цортавскаго, сочувствовавшаго армянамъ и послалъ письменное изложеніе своего вѣроисповѣданія, которое окончательно повлекло разрывъ между армянскою и грузинскою церквами. Въ 596 г. на Двинскомъ соборѣ армянская церковь предала проклятію Киріона и грузинъ. „Мы приказали объ иверцахъ,—писалъ Авраамъ къ агванамъ,—отнюдь не имѣть съ ними общенія ни въ ѣдѣ, ни въ дружбѣ, ни въ кормленіи дѣтей. Не ходить молиться къ Мцхэтскому кресту, ни къ кресту Манглиса, не принимать ихъ въ наши церкви, удаляться отъ браковъ съ ними; только покупать и продавать имъ, какъ евреямъ". На нарушающихъ эти завѣты, католикосъ призываетъ проклятіе. (См. *Моисей Каганкатаваци*, Ист. Агвнъ; *Бакрадзе*, Исторія Грузіи; Писатель X в. Хтанесъ и др.). Въ исторіи Грузіи Киріонъ извѣстенъ подъ именемъ Свимеона. Онъ былъ католикосомъ при Бакурѣ III (557—570) и умеръ при Гварамѣ Куропалатѣ (575 — 600 г.). [Ср. у *А. Аннинскаго*, Исторія армянской церкви до XIX вѣка, Кишиневъ 1900, стр. 78 сл.].

А. Хахановъ.

Киріонъ—епископъ, историкъ, духовный писатель. Въ мірѣ Георгій Іеронимовичъ Садзагеловъ, онъ родился въ г. Тифлисѣ 10 ноября 1854 г.; по происхожденію—грузинъ (картвелъ), изъ духовнаго званія. Предки его преемственно болѣе двухъ вѣковъ служили православной церкви и были дѣятельными миссіонерами среди кавказскихъ горцевъ—осетинъ и ингушей. По завершеніи образованія въ тифлисской Духовной Семинаріи, въ 1876 г. онъ поступилъ въ кіевскую Духовную Академію, на историческое ея отдѣленіе. Послѣднее въ годы студенчества Г. І. Садзагелова имѣло лучшихъ, сравнительно съ другими отдѣленіями кіевской Академіи, и даровитыхъ профессоровъ, каковы: † И. И. Малышевскій, † Ф. А. Терновскій, М. Г. Ковальницкій (нынѣ Димитрій, архіепископъ херсонскій), А. В. Розовъ, † Н. С. Тумасовъ и † А. Д. Вороновъ. Находясь подъ обаяніемъ личностей названныхъ профессоровъ, особенно же первыхъ трехъ, студентъ Садзагеловъ полюбилъ занятія церковно-историческими вопросами, и эта любовь опредѣлила характеръ его послѣдующей учено-литературной дѣятельности, которая посвящена главнымъ образомъ прошлымъ судьбамъ церкви въ родномъ ему краѣ.

Въ 1880 г. Г. І. Садзагеловъ кончилъ курсъ Академіи со степенью кандидата богословія и 1 августа того же года былъ назначенъ помощникомъ инспектора одесской Духовной Семинаріи; въ 1883 г. опредѣленъ на должность помощника смотрителя въ телавское Духовное Училище; въ 1885 г. перемѣщенъ на таковую же должность въ горійское Духовное Училище; въ 1890 г. переведенъ преподавателемъ кутаисскаго Духовнаго и Епархіальнаго Женскаго Училищъ, а съ 1891 г. до постриженія въ монашество состоялъ учителемъ тифлисскаго Духовнаго Училища; 2 ноября 1896 г. Г. І. Садзагеловъ постриженъ въ монашество преосв. Владиміромъ, экзархомъ Грузіи, нынѣ митрополитомъ московскимъ и коломенскимъ, и получилъ имя Киріона; 6 ноября того же года онъ посвященъ въ іеромонахи, 9 декабря—назначенъ настоятелемъ Квабтахевскаго Успенскаго монастыря съ возведеніемъ въ санъ игумена, а съ 31 декабря—благочиннымъ монастырей грузинской епархіи и инспекторомъ школъ „Общества возстановленія православія на Кавказѣ"; 10 мая 1898 г. игуменъ Киріонъ возведенъ въ санъ архимандрита, а 27 іюня того же года назначенъ епископомъ алавердскимъ, вторымъ викаріемъ грузинской епархіи и 23 августа хиротонисанъ въ тифлисскомъ Сіонскомъ каѳедральномъ соборѣ. Одновременно съ симъ преосвящ. Киріонъ былъ назначенъ наблюдателемъ за преподаваніемъ закона Божія и религіозно-нравственнымъ направленіемъ обученія воспитанниковъ православнаго исповѣданія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Вѣдомства Императрицы Маріи и Министерства Народнаго Просвѣщенія, состоящихъ въ грузинской епархіи; 12 августа 1900 г. онъ былъ опредѣленъ епископомъ горійскимъ, первымъ викаріемъ грузинской епархіи, а 23 сентября того же года назначенъ сверхштатнымъ членомъ грузино-имеретинской Синодальной конторы. Состоя викаріемъ грузинской епархіи, преосвящ. Киріонъ нѣкоторое время исполнялъ обязанности предсѣдателя комитета тифлисскаго церковно-археологическаго Музея, надъ развитіемъ и обогащеніемъ котораго весьма много потрудился. Въ бытность преосвящ. Киріона предсѣдателемъ комитета названнаго Музея, послѣд-

Епископъ Киріонъ.

ній какъ бы возродился въ своемъ существованіи: число памятниковъ древнѣйшей грузинской христіанской культуры значительно въ немъ увеличилось; количество однихъ грузинскихъ рукописей главнымъ образомъ пергаментныхъ, возросло въ немъ до 1.000; въ свѣтъ стали выходить научные рефераты и изслѣдованія, обратившіе на себя вниманіе не только русскихъ столичныхъ ученыхъ сферъ, но и заграничной печати.

10 марта 1902 г. преосвящ. Киріонъ былъ назначенъ епископомъ балтскимъ, викаріемъ подольской епархіи; 3 мая 1903 г.— епископомъ новомиргородскимъ, вторымъ викаріемъ херсонской епархіи; 4 ноября того же года переименованъ въ перваго викарія херсонской епархіи, а 23 апрѣля 1904 г.— опредѣленъ епископомъ орловскимъ и сѣвскимъ; въ концѣ 1905 г. переведенъ по собственному желанію на епископскую каѳедру въ г. Сухумъ; 25 января 1907 г. перемѣщенъ въ г. Ковно викаріемъ литовской епархіи; 15 февраля 1908 г. по прошенію уволенъ на покой съ назначеніемъ ему жительства въ Куряжскомъ монастырѣ, а по опредѣленію Св. Синода 20 декабря 1908 г. переведенъ въ Санаксарскій монастырь, тамбовской епархіи. Преосвящ. Киріонъ состоитъ съ 1896 г. членомъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества; съ 1899 г.—членомъ церковно-археологическаго общества при кіевской Духовной Академіи и Общества возстановленія православія на Кавказѣ; въ 1903 г. онъ избранъ въ почетные члены каменецъ-подольскаго историческаго и церковно-археологическаго Музея.

На всѣхъ мѣстахъ своего служенія преосвящ. Киріонъ старался и старается оживить занятія по церковной исторіи и археологіи, особенно же по разработкѣ богатаго историко-археологическаго матеріала родной ему Грузіи и грузинской церкви. Неутомимо работая самъ въ этой области, онъ поощряетъ и другихъ къ тому же. Возбудивъ своими изслѣдованіями у отечественныхъ нашихъ ученыхъ интересъ къ грузинской церковной исторіи и археологіи, онъ выдвинулъ, какъ уже вполнѣ назрѣвшій, вопросъ объ учрежденіи самостоятельной каѳедры грузинской церковной исторіи при с.-петербургской Духовной Академіи, каковой вопросъ, благодаря сочувственному отношенію митрополита Антонія, на половину уже осуществленъ. [Преосвящ. Киріонъ является увлеченно-рѣшительнымъ защитникомъ совершенной автокефаліи грузинской церкви, въ каковомъ смыслѣ упорно дѣйствовалъ въ Коммиссіи по грузинскимъ церковнымъ дѣламъ при Предсоборномъ Присутствіи, гдѣ былъ членомъ].

Преосвящ. Киріону принадлежатъ слѣдующія многочисленныя книги и брошюры, касающіяся главнымъ образомъ исторіи грузинской церкви: 1) Описаніе Никозской Михаило - Архангельской церкви, 1888; 2) Историко-археологическій очеркъ Метехскаго храма, 1893; 3) Историческій очеркъ Оконской чудотворной иконы Божіей Матери; 4) Исторія Промскаго Вознесенскаго храма, 1896; 5) Пять дней въ Карталиніи, 1897; 6) Ананурскій Успенскій соборъ и его окрестныя достопримѣчательности, 1898; 7) Повѣствованіе о чудодѣйственномъ камнѣ Давидгареджійской пустыни; 8) Св. Давидъ III-й Возобновитель, царь Грузіи (1089—1125), Тифлисъ 1899; 9) Жизнь и подвиги св. Антонія столпника, чудотворца Мартмкопскаго, Тифлисъ 1899; 10) Або, мученикъ Тифлисскій, Тифлисъ, 1899; 11) Назрѣвшій вопросъ (ко дню столѣтія присоединенія Грузіи къ Россіи), 1900; 12) Заслуги грузинскаго монашества и монастырей для отечественной церкви и общества, 1900; 13) Двѣнадцативѣковая религіозная борьба православной Грузіи съ исламомъ, 1900; 14) Восковая свѣча въ греко-грузинской церкви, 1901; 15) Крестъ св. Нины въ связи съ вопросомъ о значеніи креста въ древности; 16) Двѣ святыни въ Кахетіи; 17) Давидъ Гареджели и его лавра, Тифлисъ 1901; 18) Краткій очеркъ исторіи Грузинской церкви и экзархата въ XIX вѣкѣ, Тифлисъ 1901; [въ засѣданіяхъ II отдѣла Предсоборнаго Присутствія по грузинскимъ церковнымъ дѣламъ самъ авторъ не призналъ полной объективности послѣдняго труда, какъ изданія юбилейнаго: см. „Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія“ т. III, Спб. 1907 г., стр. 35]. Въ журналѣ „Пастырь“ преосвящ. Киріономъ напечатаны слѣдующія статьи и изслѣдованія: 1) Характеръ грузинской (иверской) церкви и ея значеніе для православія (1886 г., № 3);2) Къ вопросу о

грузинской церковной исторiографiи (1886 г. №№ 20 и 21, 1887 г. № 2); 3) Краткiй очеркъ грузинской церковной исторiи (1887 г., №№ 9—11); 4) Iудеи—распространители мессiанскихъ идей въ древней Иверiи и принесенiе ими хитона Господня въ Мцхетъ (1888 г., №№ 1—3); 5) св. равноапостольная Нина, просвѣтительница Грузiи (кандидатская диссертацiя, 1888 г. №№ 16 и 18, 1899 г. №№ 1, 4, 5 и 6); 6) Св. царь Мирiанъ Хосрiани, первый христiанскiй вѣнценосецъ Грузiи (1889 г. №№ 23—24 и 1890 г. №№ 1 — 2); 7) Переводъ священно-богослужебныхъ книгъ на грузинскiй языкъ и значенiе его для церкви грузинской (1892 г., №№ 2 и 4); 8) Исторiя одного изъ гвоздей, которымъ пригвожденъ былъ ко кресту Господь нашъ Iисусъ Христосъ (1892 г. №№ 1—2); 9) Послѣднiй эпизодъ изъ вѣковой борьбы православной Грузiи съ мусульманами-шiитами (1895 г. №№ 23 — 24 и 1896 г. №№ 1 — 6); 10) Воскъ и восковая свѣча (1896 г. № 13). Въ „Духовномъ Вѣстникѣ Грузинскаго Экзархата": 1) Никозскiй храмъ и его древности (1881 г. № 2); 2) Описанiе Мешехскаго четвероевангелiя (1892 г. № 10); 3) Религiозно-политическiя сношенiя православной Грузiи съ единовѣрной Россiей (юбилейный №); 4) Осетинская духовная коммиссiя и ея дѣятельность (ibid.) и др. Въ сборникѣ „Весь Кавказъ" (Тифлисъ 1903 г.): 1) Состоянiе христiанства въ Абхазiи въ первой четверти XIX столѣтiя и попытка организацiи въ ней миссiонерскаго дѣла въ 1831—1834 г.г.; 2) Ананурская атлешга; 3) Мцхетскiй храмъ и его реставрацiя; 4) Народные обычаи и ихъ значенiе; 5) Харистикарная система и ея влiянiе на церковно-поземельныя отношенiя въ древней Грузiи; 6) Новый варiантъ творенiя Александра Сергѣевича Грибоѣдова. [Въ „Журналахъ и Протоколахъ Предсоборнаго Присутствiя" т. III (Спб. 1907 г.) четыре доклада въ пользу грузинской церковной автокефалiи (стр. 43—58)]. Кромѣ того, преосвящ. Кирiону принадлежитъ множество монографiй и статей, печатавшихся на русскомъ и грузинскомъ языкахъ въ „Мцкемси", „Иверiи", „Моамбѣ", „Кавказѣ", „Новомъ Обозрѣнiи", „Тифлисскомъ Листкѣ", „Кавказскомъ Обозрѣнiи", „Трудахъ Московскаго Археологическаго Общества" и въ „Епархiальныхъ Вѣдомостяхъ"—Подольскихъ, Херсонскихъ и Орловскихъ.

См. статью *А. Натроева* въ „Дух. Вѣстн. Груз. Экзархата" 1898 г., № 17; газ. „Югъ" 1904 г. №№ 1761 и 1763; „Орловскiя Епархiальныя Вѣдомости" 1904 г. №№ 20 и 35. Составъ св. правит. всероссiйскаго Синода и россiйской церковной iерархiи на 1905 г., Спб. 1905 г., стр. 170—171. Въ очеркѣ горiйскаго викарiатства, карталинской и кахетинской епархiй въ „Энц." IX, 49—50.

Свящ. *Н. В. П—въ*.

Киркегордъ.—Сёренъ Обюе Киркегордъ или какъ обыкновенно называютъ въ его Данiи, *Сёренъ Киркегордъ*—въ отличiе отъ его брата Петра Христiана Киркегорда, бывшаго епископомъ ольборгскимъ,—выдающiйся датскiй богословъ, философъ и моралистъ, который вызвалъ въ свое время сильное движенiе въ обществѣ своими сочиненiями и влiянiе котораго до сихъ поръ отражается на многихъ сторонахъ церковно-общественной жизни, Данiи и, можетъ быть, еще надолго будетъ удерживать свою силу въ будущемъ. Оригинальный во всемъ—въ своей внѣшности, въ образѣ жизни, въ складѣ ума, въ манерѣ писанiя и развитiя своихъ идей—Киркегордъ оставилъ послѣ себя около 30 томовъ своихъ сочиненiй, составляющихъ, по признанiю датскихъ критиковъ и бiографовъ, „цѣлую литературу въ литературѣ", по своей своеобразности, глубинѣ, искренности, плѣнительности и возбудительности не находящую себѣ равной въ какой-нибудь другой литературѣ, и для постиженiя которой нужна серьёзная работа „чуть не подвигъ цѣлой жизни". Въ настоящее время интересъ къ нему пробудился съ новой силой, и его произведенiя особенно усердно изучаются въ Германiи.

Сёренъ Киркегордъ родился въ Копенгагенѣ 5-го мая 1814 г. Отецъ его былъ человѣкъ съ недюжинными природными способностями, который, благодаря собственному труду и энергiи, выбился изъ бѣдности и сдѣлался богатымъ купцомъ Копенгагена. Онъ былъ строго религiознаго направленiя, нѣсколько тяжелый и своеобразный въ жизни и имѣлъ большое влiянiе на своего сына Сёрена. Въ молодости отца былъ одинъ случай, оставившiй неизгладимое впечатлѣнiе на всю его послѣдующую жизнь; а именно: пася овецъ въ одномъ изъ пустынныхъ мѣстъ Ютландiи,

онъ однажды, измученный холодомъ и голодомъ и тоскою одиночества, взошелъ на холмъ и „произнесъ хулу на Бога“. Этого случая онъ никогда потомъ не могъ забыть, и не смотря на свое послѣдующее внѣшнее благополучіе, онъ всегда былъ задумчивъ,— точно у него камень лежалъ на душѣ и онъ чувствовалъ на себѣ гнѣвную руку Божію... Сына своего отецъ старался воспитать „въ страхѣ Божіемъ“ и въ строгой религіозности. Впослѣдствіи Сёренъ Киркегордъ, узнавшій эту роковую тайну жизни отца, не разъ выражался, что „въ долголѣтіи отца—прожившаго до 82 лѣтъ—и въ его внѣшнемъ благополучіи онъ видитъ не благословеніе Божіе, а скорѣе проклятіе“. При чтеніи же сочиненій С. Киркегорда невольно навязывается то впечатлѣніе, что представленіе „о Богѣ любви и милосердія“, у него какъ бы пересиливается представленіемъ о Богѣ—Судіи и Мздовоздаятелѣ, о Богѣ, „живущемъ во свѣтѣ неприступномъ“, мысль о Которомъ должна вызывать „священный ужасъ“ и благоговѣніе.

Родившійся отъ довольно престарѣлыхъ уже родителей (отцу его было тогда 57 лѣтъ, а матери 45),—Сёренъ Киркегордъ былъ мальчикомъ слабого, болѣзненнаго тѣлосложенія и не по дѣтски былъ серьёзенъ, задумчивъ и самозаключенъ: „я никогда не былъ ребенкомъ“—говорилъ онъ самъ о себѣ. Но въ его тщедушномъ тѣлѣ скрывались большія дарованія, ясный глубокій умъ и необыкновенно богатая творческая фантазія. Развитію послѣдней, вѣроятно не мало способствовала оригинальная система его домашняго воспитанія. Такъ, его отецъ часто вмѣсто того, чтобы пустить ребенка погулять, продѣлывалъ съ нимъ своеобразныя прогулки по комнатамъ своего дома, представляя и разсказывая своему сыну, что они идутъ не черезъ комнаты, а по такой или иной улицѣ, что мимо нихъ проѣзжаютъ экипажи, омнибусы, что на улицѣ, происходитъ такая-то сцена, что они встрѣчаютъ такого-то знакомаго, раскланиваются съ нимъ, разговариваютъ и т. д.,—и все это, съ такою живостію и правдоподбностію, что послѣ какой-нибудь получасовой ходьбы по комнатамъ сынъ чувствовалъ утомленіе, точно онъ дѣйствительно прошелъ нѣсколько верстъ по городу среди шума и гама уличной толкотни. Сынъ скоро вошелъ во вкусъ подобныхъ прогулокъ и самъ началъ подражать отцу въ фантазированіи, такъ что, наконецъ, прогулки ихъ стали принимать характеръ соревнованія между отцемъ и сыномъ на почвѣ изобрѣтательности и живости фантазіи. Въ школѣ Сёренъ Киркегордъ рѣзко выдѣлялся среди другихъ своею замкнутостію. Онъ не принималъ участія въ дѣтскихъ играхъ товарищей, а на нападки и издѣвательства со стороны послѣднихъ всегда отвѣчалъ такою ѣдкою остротой и насмѣшкой, которыя иногда приводили его къ рискованному положенію становиться предметомъ кулачной расправы. Здѣсь нельзя не видѣть у мальчика зачатка того юмора и ироніи, которыми такъ блещутъ его произведенія. Перейдя въ Университетъ, С. Киркегордъ поступилъ на богословскій факультетъ. Занимаясь чтеніемъ древнихъ святоотческихъ назидательныхъ твореній, онъ одновременно съ тѣмъ углубился теперь въ чтеніе и изученіе греческой философіи и миѳологіи, нѣмецкихъ философовъ, въ особенности Гегеля, и романтической поэзіи. Исторія мало интересовала Киркегорда. Онъ не чувствовалъ особой склонности и къ точнымъ и естественнымъ наукамъ. Подобно Сократу, онъ признавалъ, что „люди интереснѣе, чѣмъ деревья“. Его особенно интересовала и привлекала внутренняя жизнь человѣка, вопросы о духѣ и о духовной жизни, ея законахъ, цѣляхъ и проявленіяхъ... Въ этомъ случаѣ Сократъ былъ его любимымъ мыслителемъ. „Сократъ! Сократъ! Сократъ! писалъ Киркегордъ — Да, можно назвать твое имя три раза; было бы немного назвать его и десятъ разъ, если бы это могло помочь сколько-нибудь. Думаютъ, что міръ нуждается въ республикѣ, и думаютъ, что нужны новый общественный порядокъ и новая религія; но никто не думаетъ о томъ, что только Сократъ есть тотъ, въ которомъ нуждается міръ, запутавшійся въ многознаніи“. Изъ этихъ-же словъ можно уже видѣть, что политическіе и соціальные вопросы не занимали Киркегорда. Когда война съ нѣмцами увлекала и волновала всѣ умы датчанъ, Киркегордъ спрашивалъ: „кто теперь думаетъ о томъ, чтобы дать отвѣтъ свой Богу?“. Равнымъ образомъ онъ оставался глухъ къ моднымъ либеральнымъ вѣяніямъ его времени и на всю свою жизнь остался консерваторомъ въ политикѣ, не-

навидя всякаго рода насильственныя выходки противъ власти и авторитета.

Но за-то въ вопросахъ внутренней, духовной жизни человѣка, Киркегордъ не боялся держаться своего мнѣнія и былъ большой полемистъ. Такимъ образомъ, первый свой печатный трудъ изъ бумагъ еще живущаго, изданныхъ противъ его воли (1838 г.), онъ посвящаетъ вопросу о геніи, полемизируя съ извѣстнымъ баснописцемъ Андерсономъ и доказывая вопреки ему, что геній является не какъ тихій, благодушный „игрокъ на скрипкѣ", но „какъ грозовая туча, идущая противъ бури". Незадолго во выхода въ свѣтъ этого сочиненія умеръ отецъ Киркегорда, котораго послѣдній такъ глубоко любилъ. Со смертію отца Киркегордъ потерялъ единственнаго близкаго къ себѣ человѣка. Въ 1840 г. Киркегордъ выдержалъ государственный экзаменъ, а черезъ годъ уже представилъ въ качествѣ магистерской диссертаціи сочиненіе: „Понятіе иронія, съ постояннымъ обращеніемъ вниманія на Сократа" (1841 г.), въ которомъ онъ сопоставляетъ романтическую иронію, основанную на противоположеніи конечному лишь фантастически-вымышленнаго безконечнаго, имѣющаго очевидно меньшую реальную цѣнность въ сравненіи съ первымъ, и иронію Сократа, основанную на противопоставленіи ничтожеству конечнаго внутренней безконечности личности. Разсматривая, такимъ образомъ, личность, какъ самую цѣнную реальность, Киркегордъ здѣсь уже намѣтилъ центральный пунктъ своего первоначальнаго творчества, а именно, „мысль о безконечномъ значеніи личности". Но личность, какъ реальность, предполагаетъ еще другую высшую реальность—Бога и вопросъ объ ихъ взаимоотношеніи, вопросъ о религіи...

Среди подобныхъ размышленій и изслѣдованій Киркегордъ переживалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, одно событіе, имѣвшее рѣшающее значеніе въ его жизни и открывшее затѣмъ шлюзы его громаднаго творчества: въ сентябрѣ 1840 г. онъ обручился съ одной очень миловидной и жизнерадостной дѣвушкой. Но въ октябрѣ 1841 г. онъ же самъ и расторгъ это обрученіе, ибо ни по своему физическому, ни по душевному складу, съ своей постоянной тоской и самоанализированіемъ, онъ не призналъ себя подходящимъ къ подобному браку. Чтобы успокоить свою мятущуюся душу послѣ разрыва съ страстно любимой имъ дѣвушкой и, въ тоже время, чтобы освободиться отъ разговоровъ и сплетенъ общества, не понимавшаго его поступка и видѣвшаго теперь въ Киркегордѣ лишь безжалостнаго экспериментатора, разбившаго счастіе дѣвушки,—онъ на время уѣзжаетъ за-границу и здѣсь съ нимъ происходитъ душевный кризисъ. Киркегордъ всегда чувствовалъ себя „одинокимъ", „особеннымъ", не подходящимъ подъ общій уровень толпы. Въ обрученіи онъ сдѣлалъ попытку пріобрѣсти твердую почву въ реальной жизни и „быть, какъ всѣ прочіе". Попытка не удалась. Теперь само собою представился вопросъ: что же дальше? что онъ долженъ дѣлать? Деньги у него были, такъ какъ онъ получилъ наслѣдство отъ отца; слѣдовательно, служить и занимать какую-либо должность онъ не имѣлъ нужды, да на это у него не было пока и охоты. Но внутри его бродили силы могучія, страстныя движенія и смѣлыя мысли, которымъ нуженъ былъ выходъ. Онъ могъ бы быть поэтомъ, но задачи поэта въ его глазахъ были лишь „шуткой и ребячествомъ". И вотъ, всегда занимавшіе его вопросы духовной жизни и съ дѣтства привитая религіозность поставили его теперь лицомъ къ лицу съ христіанствомъ. Предъ нимъ открылся теперь высокій подвигъ жизни—„христіанское образованіе современниковъ". Но Киркегордъ не имѣлъ въ виду апологію христіанства; теорія здѣсь неумѣстна. По словамъ Киркегорда, „если бы даже самая поразительная ученость и усидчивость, если бы даже всѣ головы критиковъ сидѣли на одной шеѣ и то, въ данномъ случаѣ—никогда не пришли бы далѣе, чѣмъ только къ приблизительному". „Христіанство протестуетъ противъ всякой объективности. То, о чемъ оно спрашиваетъ, есть субъективность, только въ ней христіанство есть истина". Слѣдовательно, задача сводится къ религіозному образованію личности, къ тому, чтобы научить человѣка не мыслить только, а жить похристіански, показать ему, какъ онъ долженъ „воплотить въ своей жизни христіанство". Киркегордъ какъ самъ былъ „одинокъ", такъ „къ одинокому" онъ хочетъ теперь держать рѣчь свою. Но онъ не хочетъ этого дѣлать, какъ Апостолъ Евангелія съ открытою проповѣдью его. Люди не хо-

тятъ проповѣди, и ихъ нужно брать такъ, какъ они есть. Поэтому Киркегордъ избираетъ методъ сократовскій и ведетъ читателя къ намѣченной цѣли путемъ показанія несостоятельности его привычныхъ воззрѣній и убѣжденій; и это дѣлаетъ онъ съ паѳосомъ поэта, возбуждающимъ страсть, необходимую для воспринятія истины и съ юморомъ и ироніей философа, препятствующими останавливаться лишь на объективномъ (холодномъ) восхищеніи истиною. Болѣе того, привыкши всегда скрывать свой внутренній міръ отъ нескромныхъ глазъ посторонняго, Киркегордъ старается въ своей письменности поставить какъ можно далѣе въ сторонѣ даже свою авторскую личность и пишетъ поэтому при разнаго рода вымышленныхъ обстоятельствахъ и подъ разными оригинальными псевдонимами, какъ-то: Викторъ Эремита, Константинусъ Константиніусъ, Іоганнесъ де-Силенціо, Климакусъ, Николаусъ Нотабене и т. п.; хотя съ другой стороны, при чтеніи его произведеній въ выводимыхъ имъ типахъ и положеніяхъ иногда не трудно видѣть лишь разнообразное варіированіе его собственной личности и его собственнаго, пережитаго имъ, опыта. И это вполнѣ естественно, ибо внутренній міръ Киркегорда былъ для него самого преимущественнымъ источникомъ творчества.

Такимъ образомъ, выступаетъ теперь Киркегордъ съ цѣлымъ рядомъ замѣчательныхъ произведеній, заставившихъ встрепенуться современниковъ, „словно — говоря словами Киркегорда — дикая птица пролетѣла надъ головами ручныхъ!“...

Въ февралѣ 1843 года вышло въ свѣтъ въ высшей степени оригинальное большое сочиненіе, озаглавленное: „Или—или“, приписанное нѣкоему Виктору Эремитѣ. Въ немъ Киркегордъ на примѣрахъ свободной любви и любви брачной развиваетъ и представляетъ на выборъ читателю два жизневоззрѣнія: эстетическое и этическое. Эстетика всегда кончаетъ пустотою и отчаяніемъ, ибо она полагаетъ интересы жизни внѣ человѣка и, слѣдовательно, внѣ его власти. Этика отличается большею устойчивостію и увѣренностію, ибо она основывается на внутреннихъ движеніяхъ души и проникаетъ конечныя отношенія абсолютнымъ понятіемъ долга. Но разъ на этой почвѣ возникаетъ понятіе виновности и грѣховности, то возникаетъ высшая стадія жизни — религія. „Религія подобна спасительному поясу, который дѣлаетъ человѣка легче всего міра“. Къ этой книгѣ приложено религіозное разсужденіе на тему: „Назидательное въ той мысли, что предъ Богомъ мы всегда неправы“, которое оканчивается словами: „Только та правда, которая назидаетъ, есть правда для тебя“.— Далѣе слѣдовали „Два назидательныя слова“, которыя, подобно послѣдующимъ многочисленнымъ сочиненіямъ этого рода—отличаются простотою, дышатъ ровнымъ христіанскимъ духомъ и имѣютъ цѣлію постепенное возвышеніе читателя отъ привычныхъ взглядовъ и воззрѣній въ болѣе высшія сферы идеала. Въ слѣдующемъ сочиненіи: „Страхъ и трепетъ“ на примѣрѣ „отца вѣрующихъ“— Авраама объясняется сущность вѣры, какъ парадокса. Намѣреніе Авраама принести въ жертву, зарѣзать собственнаго сына съ точки зрѣнія обычной морали является непонятнымъ, преступнымъ намѣреніемъ. Но Аврамъ рѣшается на него „въ силу частнаго, личнаго отношенія къ Богу“, въ силу вѣры, чрезъ которую вѣрующій возвышается надъ общимъ: „субъективность,—значитъ,—выше дѣйствительности“. Въ сочиненіи „Повтореніе“ подъ вымышленною фигурой поэта, который ради высшей „духовной дѣйствительности“ отказывается отъ ежедневнаго повторенія обычныхъ житейскихъ сценъ и порываетъ съ невѣстою, Киркегордъ анализируетъ психологическую исторію своего разрыва.

Послѣ ряда словъ — „Три назидательныя слова“, „Два назидательныя слова“ (1844), „Три назидательныя слова“—Киркегордъ, въ строго философскомъ разсужденіи „Философскія мелочи“—снова останавливается на своемъ пониманіи христіанства, какъ вѣры въ абсурдъ (идея Богочеловѣка). Здѣсь всякая спекуляція — одно воображеніе, предметъ вѣры, доступенъ лишь въ субъективномъ переживаніи. Въ сочиненіи „Понятіе: боязнь“ представляется глубокомысленная феноменологія грѣха. Въ поэтическомъ произведеніи: „Предисловіе“ Киркегордъ отдаетъ себѣ дань, какъ поэту, и яркими красками изображаетъ счастіе новобрачнаго, обѣщающаго своей женѣ писать лишь предисловіе... Слѣдовавшія „Четыре поучительныя слова“ (1845) отличаются особою красотою, глубиной и задушевностію.

Въ большомъ сочиненіи „Стадіи на жизненномъ пути“ Киркегордъ глубже уясняетъ идею сочиненія „Или—или“, рѣзче разграничиваетъ этическую и религіозную стадію и глубже оцѣниваетъ бракъ, хотя во взглядѣ на женщину онъ здѣсь не далеко отступаетъ отъ обычнаго эстетико-романтическаго взгляда. Издавъ „Три слова на задуманные случаи“ Киркегордъ, наконецъ, пишетъ послѣднее большое произведеніе этого періода: „Заключительная ненаучная приписка къ философскимъ мелочамъ“ (въ февралѣ 1846 г.), гдѣ какъ бы подводится итогъ всему сказанному. Историческое и философское обоснованіе христіанства, по Киркегорду, невозможны. Ни довѣріе Грундтвига къ обѣтамъ крещенія, ни гигантская попытка Гегеля представить философію христіанства не достигаютъ цѣли... Всякая универсальная система—безуміе: въ абстракціи можетъ быть представлена лишь логическая система, а система бытія доступна лишь Богу. Спекуляція лишь отвлекаетъ человѣка отъ его главнаго дѣла, отъ заботы о вѣчномъ искупленіи души. Въ христіанствѣ исходнымъ пунктомъ является сознаніе грѣха, центральнымъ—вѣра въ парадоксъ (Тертулліановское: credo, quia absurdum) и существеннымъ признакомъ — страданіе или мученичество, проистекающее отъ необходимости обосновывать вѣчное блаженство на такомъ историческомъ фактѣ, который ставитъ крестъ надъ мыслію. Вѣрующій не получаетъ новаго разума для воспринятія парадокса, и потому радостная вѣра служитъ свидѣтельствомъ, что истиннаго общенія съ Богомъ нѣтъ. Сочиненіемъ „Литературное сообщеніе“ заканчивается этотъ періодъ письменности.

Киркегордъ теперь чувствовалъ долгъ свой исполненнымъ. Онъ уже помышлялъ о священническомъ мѣстѣ гдѣ-нибудь въ глуши, вдали отъ свѣта, какъ вдругъ случилось новое событіе, сразу перемѣнившее его намѣреніе и давшее толчекъ къ новому богатому литературному творчеству. А именно по незначительному поводу Киркегордъ сдѣлался предметомъ насмѣшекъ и каррикатуръ въ юмористическомъ журналѣ „Корсаръ“, который своими болѣе или менѣе безвкусными издѣвательствами надъ тонкой, нѣсколько сгорбленною фигурой Киркегорда, надъ его несоразмѣрными брюками, надъ его псевдонимами, его невѣстой и т. п. достигъ, наконецъ, того результата, что всѣ уличные мальчишки смѣялись надъ Киркегордомъ и показывали на него пальцами, когда онъ проходилъ по улицѣ. Для такой нѣжно-чувствительной и воспріимчивой натуры, какъ Киркегордъ, это происшествіе было страшнымъ ударомъ,—и оно значило для него очень многое. Доселѣ, страстно полемизируя съ учеными и мудрецами, Киркегордъ въ глубинѣ души всегда чувствовалъ влеченіе и симпатію къ простому, безхитростному народу и втайнѣ онъ находилъ въ этомъ нѣкоторое „смягченіе своего одиночества“, нѣкоторую реальную связь съ міромъ. Но вотъ на него напалъ „Корсаръ“, и никто не заступился за него, всѣ оставили его, и та толпа, которую онъ старался образовать и которой старался открыть глаза, пошла теперь за „Корсаромъ“ и, слѣдовательно, она не знала его и знать не хочетъ. Итакъ, его проповѣдь осталась „гласомъ вопіющаго въ пустынѣ“ и вмѣстѣ съ тѣмъ подъ нимъ разрушена послѣдняя реальная почва его душевнаго равновѣсія и мужества жизни. Киркегорду оставалось теперь одно—искать утѣшенія въ своей христіанской письменности. Онъ увидѣлъ въ этомъ происшествіи перстъ Божій, зовущій его на новую проповѣдь. Только его проповѣдь теперь иная. Онъ закончилъ свою прежнюю письменность, мыслію о мученичествѣ въ христіанствѣ; но это мученичество было, такъ сказать, интеллектуальное, теоретическое, обусловленное вѣрою въ парадоксъ. Теперь же Киркегордъ увидѣлъ въ христіанствѣ другое мученичество—реальное, практическое. Изъ случая съ „Корсаромъ“ Киркегордъ увидѣлъ, что толпа не только глупа и низка, но что она и „зла“ и что всякій свидѣтель истины будетъ осмѣянъ, гонимъ и преслѣдуемъ. Такъ говоритъ христіанство, и всякій истинный христіанинъ есть непремѣнно мученикъ среди толпы, страдалецъ. И вотъ Киркегордъ снова выступаетъ съ цѣлымъ рядомъ произведеній уже строго-религіознаго характера, въ которыхъ Сократъ уже всецѣло уступаетъ мѣсто Христу и въ которыхъ проводится идеалъ послѣдованія Христу въ любви, въ страданіи и въ самоотреченіи к постепенно все болѣе и болѣе выясняется идеалъ страдальца-аскета. Произведенія этого періода: „Назидательныя слова въ различномъ духѣ“ (въ

февралѣ 1847 г.), „Дѣла любви“, „Христіанскія рѣчи“, „Лилія въ полѣ и птица подъ небомъ“ (1849), „Два этико-религіозныя изслѣдованія“, „Болѣзнь къ смерти“. „Первосвященникъ—Мытарь—Грѣшница: три слова при причащеніи въ пятницу“, „Упражненіе въ христіанствѣ“ (1850), „Назидательное слово“ (1851), „Два назидательныя слова при причащеніи въ пятницу“, „О моей сочинительской дѣятельности“ и, наконецъ, „Для самоиспытанія, рекомендованное современникамъ“.

Въ этомъ рядѣ произведеній авторъ съ постоянно возрастающею глубиной и искренностію довелъ идеалъ христіанства до такой высоты, что теперь, наконецъ, само собою возникалъ вопросъ объ отношеніи къ этому идеалу современнаго христіанства и его представителей. Во главѣ датской церкви стоялъ тогда уважаемый всѣми выдающійся церковный проповѣдникъ и организаторъ, епископъ зеландскій Мюнстеръ. Съ дѣтства Киркегордъ относился съ большимъ уваженіемъ къ Мюнстеру, въ особенности потому, что онъ былъ „духовнымъ пастыремъ его отца“, который питалъ къ Мюнстеру безграничную преданность. Но теперь Киркегордъ видѣлъ, что примасъ датской церкви не соотвѣтствуетъ его идеалу христіанина; теперь онъ въ немъ видѣлъ лишь человѣка, „всю свою жизнь наслаждавшагося среди общаго почета и уваженія, въ благоразумномъ согласіи съ обманомъ чувствъ“. Втайнѣ Киркегордъ надѣялся, что Мюнстеръ признаетъ справедливость его ученія и вмѣстѣ съ тѣмъ, „свою отдаленность отъ идеала“. Если бы Мюнстеръ сдѣлалъ это, Киркегордъ былъ бы успокоенъ и пошелъ бы дальше въ своемъ творчествѣ, ибо въ головѣ его уже предносились туманные абрисы новыхъ темъ для изслѣдованія: о примиреніи, объ оставленіи грѣховъ, о благодати... Но Мюнстеръ молчалъ. Уважая память своего отца, молчалъ и Киркегордъ, и три года съ его именемъ было тихо.

Но вотъ 3 января 1854 года умеръ Мюнстеръ. Въ слѣдующее воскресеніе проф. Мартенсенъ, проповѣдуя въ дворцовой церкви, назвалъ почившаго Мюнстера „свидѣтелемъ истины, однимъ изъ истинныхъ свидѣтелей истины, звеномъ въ священной цѣпи, которая простирается отъ дней Апостоловъ до нашихъ дней“. Этого для Киркегорда было довольно. Больше терпѣть онъ не могъ. Для него теперь было ясно, что оффиціальная церковь не признаетъ его ученія и что его борьба, имѣвшая для него значеніе смысла жизни, не тронула „христіанизма“, который разрушилъ и отмѣнилъ „истинное христіанство“, лишь въ принципѣ признавалъ его высшіе идеалы и въ то же время живя и дѣйствуя по болѣе низменному идеалу. Киркегордъ немедленно написалъ возраженіе; но держалъ его еще у себя 9 мѣсяцевъ, пока проф. Мартенсенъ оффиціально былъ назначенъ преемникомъ Мюнстера по каѳедрѣ епископской, и затѣмъ въ декабрѣ 1854 г. въ журналѣ „Отечество“ (Faedrelandet) напечаталъ свою статью подъ заглавіемъ: „Былъ ли епископъ Мюнстеръ свидѣтелемъ истины?“ Здѣсь Киркегордъ открыто заявляетъ, что Мюнстеръ въ своей проповѣди „замолчалъ, опустилъ нѣчто наиболѣе рѣшающее въ христіанствѣ..., что свидѣтель истины есть тотъ человѣкъ, съ котораго сдерутъ кожу, котораго измучатъ, будутъ влачить изъ одной темницы въ другую и котораго, наконецъ, повѣсятъ на крестѣ, или обезглавятъ, или сожгутъ и бездушное тѣло котораго будетъ брошено палачемъ въ одно изъ непотребныхъ мѣстъ“. Епископъ Мартенсенъ возразилъ ему, назвавъ его „Терситомъ, пляшущимъ на могилѣ героя“. Киркегордъ былъ еще болѣе возбужденъ. Съ этого времени, не обращая вниманія ни на какія возраженія, Киркегордъ выпускаетъ одну статью за другою—въ „Отечествѣ“, въ Летучихъ Листкахъ и, наконецъ, въ собственномъ періодическомъ изданіи „Мгновеніе“ (Ojeblikket), котораго вышло 9 тетрадей, въ коихъ онъ громитъ „христіанизмъ“, уничтожившій „христіанство“, объявляетъ протестантизмъ „неправдою, нечестностію, искаженіемъ истины“, нападаетъ на духовенство, обряды, таинства, переходитъ далѣе къ Новому Завѣту и говоритъ, что Ап. Павелъ уже отступилъ отъ чистоты идеала. Неизвѣстно, до чего бы договорился Киркегордъ въ своихъ страстныхъ нападкахъ на церковь, но чрезмѣрное душевное напряженіе въ этой борьбѣ надорвало и безъ того хрупкій его организмъ. Киркегордъ не выдержалъ: 2-го октября 1855 года онъ слегъ въ госпиталь, а 11-го ноября того же года онъ мирно скончался, съ твердою вѣрой на

милость Божію и въ надеждѣ, что его смерть будетъ споспѣшествовать его дѣлу.

Послѣ смерти Киркегорда были изданы слѣдующія его сочиненія: „Газетныя статьи“ (1857), „Точка зрѣнія на мою сочинительскую дѣятельность“ (1859), „Судите сами“ (1876) и „Оставшіяся бумаги“ — 8-й томъ дневника (1869—1881 г.).

Насколько былъ силенъ слѣдъ, оставленный Киркегордомъ въ духовной жизни его ближайшихъ современниковъ, объ этомъ можно судить изъ отзывовъ различныхъ лицъ. Такъ, на второмъ „Скандинавскомъ Церковномъ Съѣздѣ“ (въ 1859 г. въ Люндѣ) священникъ Бледель въ рѣчи о состояніи датской церкви замѣтилъ, что „священники его времени имѣли опытнаго наставника въ лицѣ С. Киркегорда, изъ твореній котораго вышелъ могучій живительный духъ.., и что многіе священники при чтеніи этихъ сочиненій были совершенно потрясены и сдвинуты съ своей старой оффиціальной половинности и теплохладности“. Но на третьемъ подобномъ же съѣздѣ (въ Христіаніи въ 1861 г.) священникъ Вексельсъ. говоря о норвежской церкви, съ прискорбіемъ отмѣтилъ тотъ фактъ, что сочиненія С. Киркегорда получили широкое распространеніе въ Норвегіи и „подорвали добрыя отношенія между пастырями и ихъ пасомыми“. Иначе взглянули на дѣло свѣтскіе люди. Извѣстный литературный критикъ Г. Брандесъ въ 1877 г. писалъ о Киркегордѣ: „Онъ не думалъ о томъ, что въ то время, какъ онъ стоялъ на валу и защищалъ крѣпость противъ безвредныхъ спекулянтовъ (разумѣются, вѣроятно, Мюнстеръ, Мартенсенъ...), *свободомыслящіе* протѣснились за его спиною и завоевали мѣсто“. А новѣйшіе издатели полнаго собранія сочиненій С. Киркегорда, признавая его великимъ мыслителемъ и классикомъ датской прозы, въ тоже время пишутъ: „для нашего времени болѣе и болѣе становится яснымъ, что Киркегордъ не только одинъ изъ величайшихъ мыслителей XIX вѣка, но что онъ долженъ занять мѣсто между весьма немногими избранными умами, жизнедѣятельность которыхъ обозначаетъ поворотный пунктъ въ религіозномъ развитіи человѣчества“. Очевидно, такимъ образомъ, что каждый признаетъ значеніе Киркегорда сообразно со своимъ вкусомъ и со степенью своего пониманія и развитія.

Мы же, отбросивъ у Киркегорда его литературу послѣдняго „періода борьбы съ церковью“, какъ выраженіе и проявленіе извѣстнаго болѣзненнаго развитія, безвременно сведшаго его въ могилу, литературу, не вытекающую изъ громаднаго предыдущаго творчества автора (Киркегордъ—въ 47 году имѣлъ серьезное намѣреніе сдѣлаться священникомъ, т. е. представителемъ церкви, вызывавшей жестокія огорченія въ предсмертный годъ своей жизни), отбросивъ, говоримъ, эту литературу, мы будемъ имѣть предъ собою, хотя, быть можетъ, и не всегда непогрѣшимую, но безспорно глубоко содержательную, оригинальную, страстную и назидательную проповѣдь христіанскаго идеала и христіанскаго *аскетизма* среди протестантизма. Съ послѣдней стороны Киркегордъ всего менѣе могъ быть понятенъ въ Даніи, какъ странѣ протестантской, ибо для протестанта аскетизмъ является чѣмъ-то устарѣлымъ, ограниченнымъ, подавляющимъ все „естественное и человѣческое“.

Литература. *Sören Aabye Kierkegaard*, Полное собраніе его сочиненій, начатое изданіемъ съ 1901 г. подъ редакціей Dr. A. B. Drachman'a, Prof. Dr. J. L. Heiberg'a и библіотекаря Н. О. Lange; *Dr. L N. Helveg*, «Den danske Kirkes Historie efter Reformation», IX, 1880; *L. Koch*, «Den danske Kirkes Historie i Aarene 1817—1854»; *Его же*, Fra Grundtvigianismens og den indre Mission Tid. 1848—1898; *H. Martensen* (противникъ Киркегорда), Den Christelige Etick I—II, 1879; *Carl Koch*, Sören Kierkegaard, Tre Foredrag 1898; *Georg Brandes*, «Sören Kierkegaard. En kritisk Forestilling i Grundrids, 1877; *K. Kroman* i «Dansk biografisk Lexikon» IX, 1895; *Cl. Wilkens* i Salmonsens st. ill. Konversationslexikon for Norden» 10,1900; *Fr. Nielsen* (ученикъ Киркегорда) in «Realencyklopedie für protestantische Theologie und Kirche» von Herzog-Hauck X^3, 1901. [см. еще у *Eduard Platzhoff*, Soeren Kierkegaard въ «Theologische Rundschau» IV (1901), 4, S. 135—148; 5, S. 179—187; 6, S. 219—226. Нѣмецкій переводъ *J. v. Reincke*, Ausgewählte christliche Reden mit Anhang über K.'s Familie, Privatleben etc., 1901. Rev. *Alexander Grieve*, Sören Kirkegaard въ «The Expository Times» XIX, 5 (February 1908), p. 205—209. см. также у *П. Г. Ганзена* въ „Энц. Словарѣ“ Брокгауза и Эфрона полут. XXIX, стр. 124—127, см. еще *Ганзена* же ibit. полут. XIX, стр. 157]. (Наиболѣе обстоятельный о Киркегордѣ трудъ принадлежитъ современному извѣстному философу датскому—*Гёффдингу (Höffding), Sören Kierkegaard als Philosoph* (Frommans «Klassiker der Philosophie“, 1896). Лестный отзывъ

Гёффдинга заслужила статья *Хр. Шремпфа*, Kierkegaards Stellung zu Bibel und Dogma («Zeitschrift für Theologie und Kirche» I, S. 179—229). Сравн. статья *Геффдинга* въ «Archiv für Geschichte der Philosophie» (1888, II Bd). См. о Киркегордѣ въ различныхъ курсахъ исторіи философіи, въ особенности въ «Исторіи новѣйшей философіи (Очеркъ исторіи философіи отъ Канта до нашихъ дней) проф. копенгагенскаго Университета *Гаральда Гёффдинга* (Спб 1900 г., стр. 240—243; здѣсь выясняется міровоззрѣніе Киркегорда талантливо и сжато). Ср. *Фалькенберга*, Исторія новой философіи (Спб. 1894 г., стр. 507—508; здѣсь кратко намѣчено положеніе Сёрена Киркегорда въ ряду другихъ, современныхъ ему, представителей датской философіи). Одинъ изъ оппонентовъ Киркегорда датскій же философъ *Георгъ Брандесъ* (род. въ 1842 г.) написалъ критику на представителя „строгаго дуализма знанія и вѣры" (чѣмъ былъ Киркегордъ). При русскомъ переводѣ извлеченій изъ сочиненія Киркегорда «Одно изъ двухъ» помѣщено *предисловіе* изъ критики *Брандеса* („Сѣверный Вѣстникъ" 1886 г. №5, стр. 104—127). О. Проф. *Т. И. Буткевичъ* далъ изслѣдованіе: „Датскій философъ Серенъ Киркегордъ, какъ проповѣдникъ этическихъ началъ въ развитіи личности" („Вѣра и Разумъ" 1886 г., № 16, стр. 182—225) ~~№ 21, стр. 498—522~~). Ср. проф. *Н. И. Карѣева*, Мысли объ основахъ нравственности (Спб. 1895, стр. 163: „*С. Киркегоръ*"; здѣсь дается краткая характеристика переведеннаго на русскій языкъ сочиненія Киркегорда: „Наслажденіе и долгъ", Спб. 1894 г.). Вообще, датская богословская—философская литература мало извѣстна не только у насъ, но и въ Западной Европѣ, вслѣдствіе чего она игнорируется даже въ такихъ трудахъ, каковы, напр., по исторіи этики труды: Gass'a, Luthardt'a, Фуллье, Іодля, Фризо, Sidgwick'a, Вундта и др. *Ch. Schrempf*, Sören Kierkegaard. Ein unfreier Pionier der Freiheit. Mite. Vorwort v. H. Höffding, Frankfurt. a. M. 1907.—Проф. *А. А. Бронзовъ*).

Н. Егоровъ.

Кирпичниковъ Александръ Ивановичъ, историкъ всеобщей и русской литературъ и археологъ, род. въ 1845 г. въ Мценскѣ въ купеческой семьѣ, учился въ московской первой гимназіи и москов. Университетѣ; изъ профессоровъ наибольшее вліяніе на Кирпичникова произвелъ Ѳ. И. Буслаевъ. Кирпичниковъ очень близко стоялъ къ Буслаеву, пользовался его совѣтами, библіотекой и навсегда сохранилъ глубокое къ нему уваженіе. Буслаевъ былъ первымъ его наставникомъ и руководителемъ въ дѣлѣ изученія духовной поэзіи и церковнаго искусства. Въ 1873 г. Кирпичниковъ защитилъ магистерскую диссертацію „Поэмы ломбардскаго цикла", въ 1879 г. докторскую—„Св. Георгій и Егорій Храбрый", съ 1883 г. обратился къ изученію исторіи церковнаго искусства и спеціализировался на живописныхъ изображеніяхъ Пр. Дѣвы Маріи. Кирпичниковъ занималъ послѣдовательно каѳедры исторіи всеобщей литературы въ 3-хъ университетахъ—харьковскомъ, новороссійскомъ и московскомъ. Во время пребыванія въ Одессѣ въ концѣ 80-хъ годовъ развились его интересы къ изученію византійскаго и древне-русскаго искусства, при содѣйствіи и подъ вліяніемъ проф. Н. П. Кондакова. Скончался А. И. Кирпичниковъ 30 апрѣля 1903 г. въ Москвѣ. Если не считать большого, но не совсѣмъ удачнаго изслѣдованія о повѣсти о Варлаамѣ и Іосафѣ (строгая критика акад. А. Н. Веселовскаго въ „Вѣст. Европы" 1876 г. декабрь и въ „Журн. Мин. Нар. Пр." 1876 г. іюль), то къ духовной литературѣ могутъ быть отнесены ст. „Источники нѣкоторыхъ духовныхъ стиховъ" (въ „Журн. Мин. Нар. Пр." 1877 г.) и диссертація „Св. Георгій" (въ „Журн. Мин. Нар. Пр." 1878—1879 г. и отдѣльно въ 193 стр.). Въ первой главѣ диссертаціи, самой трудной и вмѣстѣ съ тѣмъ самой лучшей, собраны и критически разобраны редакціи житія св. Георгія, опредѣлена древнѣйшая, и житіе отдѣлено отъ чуда о змѣѣ. Во 2-ой гл. излагаются объясненія легендъ, мнѣнія разныхъ западныхъ ученыхъ. Остальныя главы, 3 и 4, посвящены славянорусскому Егорію Храброму въ преданіяхъ, обрядахъ и духовныхъ стихахъ. Главныя заслуги Кирпичникова состоятъ въ томъ, что онъ первый охватилъ сказанія о св. Георгіи во всей ихъ органической цѣлости и представилъ генезисъ легенды отъ ея основы, коренящейся въ религіозныхъ представленіяхъ Востока, до житія и его развѣтвленій и далѣе до его различныхъ отраженій и преображеній въ народной поэзіи. Диссертація Кирпичникова вызвала обширный и весьма цѣнный „Отчетъ" акад. А. Н. Веселовскаго, въ 228 стр., въ 37 т. „Записокъ И. Акад. Наукъ" 1891 г. Такимъ образомъ, уже въ первыхъ своихъ трудахъ, въ особенности въ докторской диссертаціи, Кирпичниковъ подошелъ близко къ темамъ, дававшимъ сюже-

ты иконописи; отсюда, естественно, было перейти къ изученію иконографіи. Усиленная дѣятельность въ этомъ направленіи обнаруживается съ 1883 г., когда въ „Русской Мысли“ № 7 была напечатана Кирпичниковымъ популярная статья о Рафаэлѣ Санціо, въ „Историч. Вѣстн.“ № 10 также популярная статья „Древне-христіанскія катакомбы“, составленная по соч. Шультце и въ „Журн. Мин. Нар. Пр.“ ч. 228 спеціальная статья „Сказанія о житіи Дѣвы Маріи и ихъ выраженіе въ средневѣковомъ искусствѣ“. Дальнѣйшія изслѣдованія по иконографіи показали, что Кирпичниковъ специализировался на изученіи иконописныхъ изображеній Пр. Богородицы. Съ первыхъ же шаговъ обнаруживается стремленіе Кирпичникова связать изученіе иконописи съ соотвѣтствующими литературными явленіями, житіями, легендами, церковными пѣснопѣніями, апокрифами, духовными стихами. Работа поведена была серьезно, съ обстоятельнымъ изученіемъ западно-европейскихъ источниковъ. Съ цѣлію историческаго опредѣленія иконописныхъ изображеній Пр. Дѣвы Кирпичниковъ посѣщалъ библіотеки и музеи въ Берлинѣ, Парижѣ, Римѣ, Венеціи, совѣтовался съ выдающимися западными специалистами. Результатомъ такихъ изученій было значительное число открытій, напр.. итальянской рукописи XV в.—„Исторія Іоакима и Анны“, открытой въ библіотекѣ св. Марка въ Венеціи (изд. въ „Журн. Мин. Нар. Пр.“ 1883 г., ч. 228), лицевой рукописи XIII в. итальянскаго происхожденія, съ иконографической біографіей Богородицы; рукопись эта была найдена Кирпичниковымъ въ парижской Національной библіотекѣ и подробно имъ описана въ „Журн. Мин. Нар. Пр.“ 1892 г. № 8. Какъ энергично принялся Кирпичниковъ за изученіе иконографіи Богородицы, видно изъ того, что въ тотъ же 1893 г., одновременно со статьею о сказаніяхъ о житіи Дѣвы Маріи, въ 1 т. „Художеств. Новостей“ появилась ст. Кирпичникова „Миніатюры часослововъ Имп. Публичной библіотеки по отношенію къ легендѣ о Мадоннѣ“. Въ 1884 г. въ Академію Наукъ представлена была программа Кирпичникова о задуманныхъ имъ по иконографіи работахъ и поставленныхъ цѣляхъ. „Моя работа,—говоритъ Кирпичниковъ,—должна преслѣдовать три цѣли: 1) изложить исторію выработки и видоизмѣненій поэтически-художественнаго образа и легенды о Богоматери на Западѣ и на Востокѣ, иначе сказать, представить опытъ идеаловъ христіанской Европы, насколько они выражаются въ поэтическихъ и художественныхъ изображеніяхъ Богоматери; при этомъ спеціальной моей цѣлью будетъ выяснить отношеніе русской поэзіи и искусства къ византійскому и западно-европейскому; 2) уяснить нѣкоторые вопросы христіанской археологіи и словесности (вліяніе апокрифовъ, словъ, гимновъ) и 3) выяснить общій теоретическій вопросъ о взаимодѣйствіи поэзіи и искусства“. Всѣ послѣдующія статьи Кирпичникова имѣютъ характеръ подготовительныхъ работъ или иконографическихъ этюдовъ. Работы цѣльной и стройной по этой части Кирпичниковъ не оставилъ. Статьи его, однако, въ совокупности даютъ богатый матеріалъ и для исторіи искусства, и для исторіи литературы. Во 2 и 3 томахъ „Трудовъ VI Археологич. Съѣзда“ 1887 г. Кирпичниковъ далъ двѣ статьи: —„Успеніе Богоматери въ легендѣ и искусствѣ“ и „Иконографія Вознесенія Христова“. Въ первой статьѣ данъ обстоятельный обзоръ легендъ объ Успеніи Богородицы и соотвѣтствующихъ изображеній въ восточныхъ и западныхъ памятникахъ искусства; во второй—обзоръ изображеній Вознесенія Христова. Въ ст. о Вознесеніи находятся дѣльныя страницы объ образѣ Оранты. Авторъ доказываетъ возможность одновременнаго существованія двухъ значеній фигуры Оранты, какъ Богоматери и церкви. Въ статьѣ объ Успеніи находятся замѣчанія о поясѣ Пр. Богородицы въ легендахъ народной поэзіи и иконографіи; при этомъ указаны нѣкоторые византійскіе источники (слово Германа VIII в.). Въ „Журн. Мин. Нар. Пр.“ 1893 г. № 11 и въ „Энцикл. Слов.“ Брокгауза и Ефрона (№ 19) того же 1893 г. помѣщены статьи Кирпичникова объ иконѣ „Деисусъ“ (Спаситель, Богоматерь и Предтеча). Обѣ статьи взаимно дополняютъ одна другую: объяснены названія (изъ δέησις —моленіе), наиболѣе старыя свидѣтельства VII в., составъ композиціи простой и сложный, широкое распространеніе на Западѣ и въ Россіи XVII ст. Въ томъ же 1893 г. въ „Лѣтоп. истор.-филол. общ. при Имп. Новорос. Униврс.“ напечатана ст. Кирпичникова „Чу-

десныя статуи Константинополя“ (статуя Судьбы, статуя Юстиніана и др.). Въ „Древностяхъ Моск. Археол. Общ.“ 1894, XV, Кирпичниковъ помѣстилъ небольшую ст. „Къ иконографіи Сошествія Св. Духа“, въ которой отведено немало мѣста входящимъ въ нѣкоторыя композиціи этого рода изображеніямъ Богородицы. Изъ частностей выдаются замѣчанія о фигурѣ Космоса, въ значеніи царя міра сего. Въ ст. „Этюды по иконографіи Рождества Христова“ въ VII т. „Запис. Имп. Рус. Археол. Общ.“ 1894 г. Кирпичниковъ останавливается на легендахъ о путешествіи св. семейства въ Виѳлеемъ и соотвѣтствующихъ иконописныхъ изображеніяхъ. Изъ частностей выдаются замѣчанія о сказаніяхъ о снѣ Богородицы. Въ 1896 г. въ „Чтен. въ Имп. Общ. Ист. и Древн. при Москов. Унив.“ Кирпичниковъ помѣстилъ статью „Русское сказаніе о Лоретской Богоматери“, любопытный памятникъ XVI в. Тексту подъ заглавіемъ „Повѣсть о храмѣ св. Богородицы въ немъ же родися отъцъ Іоакима и Анны“ предшествуетъ предисловіе. Въ повѣсти интересный мотивъ о переходѣ церкви съ мѣста на мѣсто. Въ 1894 г. въ „Памятн. древн. письменности“ № CV было издано Кирпичниковымъ „Сужденіе Дьявола противъ рода человѣческаго“,— переводная съ польскаго повѣсть XVII ст. Начало исторіи сходно съ „Потеряннымъ Раемъ“ Мильтона. Въ повѣсти, состоящей изъ 21 главы, находятся разсказы демонологическаго содержанія. Встрѣчаются повѣрья и суевѣрія. Отзывъ Кирпичникова объ изслѣдованіи проф. С. В. Соловьева „Къ легендамъ объ Іудѣ“ (1895 г.), напеч. въ „Записк. Новорос. Универс.“ 1896 г., представляетъ лишь краткую передачу содержанія книги, безъ признаковъ спеціальнаго изученія этого предмета. Сравнительно болѣе велики и болѣе содержательны рецензіи на соч. Диля о византійскомъ искусствѣ, напечатанныя въ 4 № „Визант. Времен.“ 1895 г., и еще лучшая рецензія соч. проф. Н. В. Покровскаго объ отраженіи Евангелія въ иконографіи, изд. въ VII т. „Зап. Имп. Рус. Археол. Общ.“ 1895 г. Наиболѣе интересныя данныя относятся къ композиціи Благовѣщенія. Въ „Журн. Мин. Нар. Пр.“ 1897 г., VII, напечатана публичная лекція „Историческій обзоръ иконописныхъ изображеній Богоматери“. Въ статьѣ говорится о ростѣ культа Богородицы, о литературныхъ источникахъ ея иконописныхъ изображеній. Этотъ сжатый конспектъ иконографіи Богородицы представляется очень полезнымъ и интереснымъ для лицъ, ищущихъ самообразованія и какъ пособіе для высшихъ училищъ. Одною изъ лучшихъ статей Кирпичникова представляется „Взаимодѣйствіе иконописи и словесности народной и книжной въ „Трудахъ VIII археол. съѣзда“ 1895 г. (т. I). Авторъ доказываетъ, что иконографія служитъ посредствующимъ звеномъ между письменностію, съ одной стороны, и народной поэзіей, съ другой. Сначала приводятся примѣры вліянія словесности на иконопись, затѣмъ сравнительно малочисленныя примѣры вліянія иконописи на словесность, преимущественно на духовные стихи. По содержанію къ этой статьѣ близко примыкаетъ маленькая замѣтка „Особый видъ творчества въ древней русской литературѣ“ въ 4 кн. „Журн. Мин. Нар. Пр. “за 1890 г. Здѣсь говорится о вліяніи народной поэзіи на прологи и минеи въ сказаніи объ одномъ чудѣ св. Димитрія. Кромѣ того, къ исторіи христіанской живописи или къ христіанскимъ древностямъ принадлежатъ слѣдуюдующія небольшія статьи Кирпичникова: „Любопытная лицевая рукопись парижской Національной библіотеки“ въ 8 № „Журн. Мин. Нар. Пр.“ 1892 г., „Zur byzantischen Miniaturmalerei“ въ „Byz. Zeitschr“. IV, рецензіи на „Die Psalterillustration“ въ „Визант. Врем.“ 1896 г., III—IV, популярныя статьи о древне-христіанскихъ катакомбахъ въ „Истор. Вѣстн.“ 1883 г. № 10 и „Очеркъ исторіи Херсонеса и его участія въ крещеніи Руси“ въ „Истор. Вѣст.“ 1888 г., IX, „Двѣ недѣли на островѣ Халкѣ“ въ „Журн. Мин. Нар. Пр.“ 1887 г., IX, „Гдѣ взять матеріалъ для исторіи византійской литературы“, въ „Журн. Мин. Нар. Пр.“ 1889 г., V, рецензія на „Истор. визант. литер.“ Крумбахера въ „Визант. Врем.“ 1902 г., IX, „Переписка монаха Іакова съ императрицей“ въ „Лѣтоп. Одесск. Ист.-Филол. Общ.“ 1892 г., біографія и оцѣнка трудовъ Филимонова въ „Археол. Изв. и Замѣт.“ VII и Буслаева въ 1 ч. „Очерк. по ист. русск. литер.“ Къ циклу статей о Богородицѣ примыкаетъ ст. „Богородица въ народной поэзіи“ въ „Юбилейн. сборн. въ честь проф. В. Ѳ. Миллера“ (стопа Богородицы на камнѣ,

ревность Іосифа и др.). Какъ преподаватель-профессоръ. Кирпичниковъ содѣйствовалъ развитію интереса къ изученію христіанской археологіи и искусства совѣтомъ, указаніемъ источниковъ, сообщеніемъ многихъ свѣдѣній изъ круга личныхъ изученій и наблюденій. Изучивъ богатства западныхъ библіотекъ, ознакомившись на мѣстѣ съ древностями Византіи и Аѳона, Кирпичниковъ давалъ своимъ слушателямъ богатый научный матеріалъ и вовлекалъ ихъ въ кругъ излюбленныхъ имъ научныхъ интересовъ.

Біографіи и оцѣнку трудовъ Кирпичникова см. въ XIV т. „Сборн. Харьк. Истор.-Филол. Общества" 1905 г. (сводъ статей о Кирпичниковѣ); проф. *Шепелевича*, „Каѳедра ист. всеоб. литер. въ Харьк. Унив." 1897 г., спец. изслѣд. проф. *Е. К. Рѣдина*, „А. И. Кирпичниковъ. Обзоръ его трудовъ по ист. искусства" (Харьковъ 1905); спец. ст. *Л. Д. Воронцовой*, „А. И. Кирпичниковъ, какъ изслѣдователь русской иконографіи" (съ хорошимъ портретомъ) въ „Древност. Труд. И. Моск. Археол. Общ." 1904 г. XX, вып. 3; проф. *Н. Ѳ. Сумцова*, Памяти А. И. Кирпичникова (Харьковъ 1905). [*В. Лазурскаго*, Научная дѣятельность проф. Кирпичникова въ „Запискахъ Новороссійскаго Университета" XCIV (1903), стр. 61—72].

Профессоръ *Н. Ѳ. Сумцовъ*.

Кирхарешетъ (Иса. **16**, 7. 11. 4 Цар. **3**, 25), или *Кирхаресъ* (Іер. **48**, 31. 36)—то же, что *Киръ-Моавъ* (Иса. **15**, 1). См. „Киръ-Моавъ" ниже стлб. 472—473.

Прот. *Н. Е.*

Киръ—мѣстность, изъ которой вышли нѣкогда арамеи (Ам. **9**, 7), поселившіеся, между прочимъ, въ Дамаскѣ и въ которую они должны были, согласно предсказанію пр. Амоса (**1**, 5), снова возвратиться, въ качествѣ плѣнниковъ. Предсказаніе исполнилось. Ассирійскій царь Ѳеглаѳфелласаръ (Титглат-Пилезеръ), покоривши Дамаскъ и его царство, плѣнныхъ жителей Дамаска—арамеевъ переселилъ въ Киръ (4 Цар. **16**, 9). Гдѣ находилась мѣстность *Киръ*,—съ точностію неизвѣстно. Обыкновенное мнѣніе таково, что эту мѣстность слѣдуетъ искать на Кавказѣ, въ Грузіи, на рѣкѣ Курѣ; нѣкоторые (напр. Furrer) полагаютъ, что библейскій *Киръ* то же, что *Киросъ* (Κῦρος) грековъ—округъ, съ многочисленными развалинами, въ холмистой мѣстности, лежащей на востокъ отъ горъ Амана, на сѣверо-западъ отъ Антіохіи. Но едва-ли это такъ. Приведенныя мнѣнія основываются лишь на созвучіи въ названіяхъ; между тѣмъ въ западныхъ странахъ, гдѣ власть ассиріянъ никогда не была продолжительною и прочною и гдѣ къ нимъ относились непріязненно,—помѣщеніе плѣнныхъ было бы для ассирійской монархіи, несомнѣнно, опаснымъ. Вѣроятнѣе всего, что *Киръ* находился въ самой Ассиріи, какъ ея неразрывная часть, и при томъ на восточныхъ окраинахъ монархіи. Такъ, въ 4 Цар. **15**, 29. **16**, 9 повѣствуется о западныхъ походахъ Ѳеглаѳфелласара, царя ассирійскаго, во время которыхъ онъ покорилъ сѣверную часть царства израильскаго и Дамаскъ, при чемъ плѣнныхъ сыновъ Израилевыхъ переселилъ въ Ассирію; но, конечно, въ Ассирію же отправилъ онъ и дамасскихъ плѣнниковъ-арамеевъ, гдѣ и назначилъ для нихъ водворенія мѣстность *Киръ*. Далѣе: у Иса. **22**, 6 говорится о совмѣстномъ приготовленіи къ военному походу и самомъ походѣ жителей Елама и Кира; но страна еламитянъ лежала на востокъ отъ Ассиріи; поэтому естественно предположить, что ассирійская область *Киръ* находилась на восточныхъ окраинахъ ассирійскаго царства.

См. у *Schenkel*, BL. III, 1871, S. 534; *Riehm*, HW². I, S. 845; *Schrader*, KAT.³, S. 32—29 [у *Smith, Vigouroux, Hastings, Cheyne*].

Прот. *Н. Елеонскій*.

Киръ—(Kurus, Κῦρος въ древности переводили „Солнце"; м. б. съ эламск. Kuri—„пастырь"), основатель персидской міровой державы. Свѣдѣнія о немъ почерпаются: а) изъ двухъ клинописныхъ вавилонскихъ текстовъ, т. наз. анналовъ Набонида и Кирова цилиндра, вторая часть—котораго содержитъ манифестъ Кира покоренному Вавилону; б) изъ книгъ пр. Исаіи, пр. Даніила, (сл.-русск. 1-й кн.) Ездры (между прочимъ подлинный указъ Кира о возвращеніи іудеевъ); в) греческихъ и римскихъ писателей: Геродота, Ктесіи (частію въ переработкѣ Николая дамасскаго), Юстина, отъ-части Ксенофонтовой Киропедіи и др. Самъ Киръ въ манифестѣ называетъ себя „сыномъ Камбиза, великаго царя, царя Аншана, внукомъ Кира, великаго царя,

царя Аншана, потомкомъ Шишинса (Теисна), великаго царя, царя Аншана, отъ древней царской крови". Аншанъ въ вавилонскихъ текстахъ означаетъ, кажется, область Сузъ. Очевидно, предки Кира, воспользовавшись разгромомъ послѣдняго при Ассурбанипалѣ, расширили изъ Пасаргадъ свои владѣнія, и изъ вождей племени персовъ сдѣлались господами значительной области, принявъ древній славный титулъ съ его политическими притязаніями на господство надъ переднею Азіей. Но легенды, образовавшіяся около великаго царя, представили первоначальную исторію Кира въ иномъ свѣтѣ. Геродотъ сообщаетъ персидскую версію, въ которой къ сказанію, встрѣчающемуся едва-ли не у всѣхъ народовъ о дѣтствѣ великихъ людей и основателей, присоединены также преданія дома Гарпага; Ктесія разсказываетъ враждебную Киру мидійскую легенду, весьма благосклонную къ Астіагу мидійскому, при дворѣ котораго нѣкоторое время Киръ жилъ и противъ котораго онъ возсталъ, опираясь между прочимъ на своего приспѣшника Ивара (Οἰβάρης, вавил. Угбару). Киръ началъ царствовать въ Персидѣ 559 г. до р. Хр. Подъ 550 г. хроника Набонида сообщаетъ: „Иштувегу (Астіагъ) собралъ свои войска и двинулся противъ Кураша, царя Аншана, но противъ него возстало его войско, взяло его и выдало Курашу. Тотъ вступилъ въ Экбатану, царствующій градъ, взялъ серебро, золото и проч. и унесъ въ Аншанъ". Въ другомъ мѣстѣ Набонидъ радуется, что Киръ, низложивъ Астіага, далъ ему возможность пройти въ Харранъ. Но онъ напрасно ликовалъ: уже подъ 547 г. хроника говоритъ: „въ мѣсяцѣ Нисанѣ двинулся Курашъ, ц. Персіи, съ войскомъ и перешелъ Тигръ подъ Арбелами". Такимъ обр., превращеніе мидійскаго царства въ мидо-персидское имѣло послѣдствіемъ большую энергичность завоевательной политики: новый народъ вступилъ въ права и унаслѣдовалъ традиціи Элама и Мидіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ и внѣшнія условія могли только вызвать новое государство на завоеванія. Крезъ мидійскій думалъ воспользоваться переходнымъ моментомъ и,—въ союзѣ съ Вавилономъ, Египтомъ и греками,—уничтожить персовъ, пока они не стали на ноги, и перешелъ въ наступленіе за рѣку Галисъ. Киру былъ выданъ планъ ефесцемъ Еврибатомъ, и онъ поспѣшилъ 547 за Тигръ. Покоривъ на пути промежуточныя области, онъ послѣ нѣсколькихъ битвъ и осады взялъ въ 546 г. Сарды; Крезъ попался въ плѣнъ, и его царство обращено въ провинцію. За этимъ послѣдовало покореніе или добровольное подчиненіе греческихъ городовъ и нѣкоторыхъ острововъ, Каріи, Ликіи, Киликіи. Послѣдняя сохранила своихъ туземныхъ царей; м. б. Киръ еще раньше привлекъ на свою сторону ея царя Сіэннесія, владѣвшаго горными проходами. Слѣдующія 6 лѣтъ Киръ употребилъ на подчиненіе иранскихъ племенъ на крайнемъ Востокѣ до Туркестана: постройка укрѣпленныхъ городовъ (напр., Киропогя на Яксартѣ) должна была упрочить за персами господство въ тылу, чтобы спокойно приступить къ главной задачѣ:—покоренію культурныхъ странъ Запада. Положеніе дѣлъ въ Вавилонѣ къ этому времени достаточно выяснилось; Набонидъ (Набунахидъ), не смотря на все благочестіе, не угодилъ жрецамъ, а для халдеевъ былъ и совсѣмъ нежелателенъ; для роли защитника города отъ надвигающейся бѣды онъ не годился, и пришлось во главѣ войска поставить его сына Валтасара (Бел-шаръ-уссуръ). Начиная съ 7 года своего царствованія (549 г.), Набонидъ сидѣлъ въ г. Темѣ и не являлся въ столицу даже для обычныхъ церемоній въ новый годъ. Процессій, положенныхъ на этотъ день, не могло состояться; народъ и жрецы роптали. Наконецъ, въ 539 г., когда Киръ уже двигался на Вавилонъ, Набонидъ пріѣхалъ въ столицу и даже велѣлъ собрать въ нее великихъ боговъ изъ различныхъ религіозныхъ центровъ, чувствуя себя при нихъ спокойнѣе. Но это еще болѣе возбудило противъ него какъ жрецовъ вавилонскаго Мардука, не желавшихъ непрошенныхъ гостей, такъ и жрецовъ послѣднихъ, негодовавшихъ на этотъ своеобразный вавилонскій „плѣнъ". Итакъ, Киръ могъ опереться на вавилонское духовенство, а также на народы, томившіеся въ плѣну. Настроеніе іудеевъ намъ извѣстно изъ кн. пр. Исаіи (глл. **13, 40—55**); устами великаго пророка они воспѣвали торжественную пѣснь Господу, помиловавшему свой народъ и уготовавшему ему новый исходъ чрезъ пустыню. Киръ является прообразомъ Мессіи, помазанникомъ, избранникомъ Божіимъ, пастыремъ, орломъ съ Востока. При такихъ усло-

віяхъ Киру было нетрудно сокрушить Вавилонское царство. Въ мѣсяцѣ өаммузѣ онъ побѣдилъ при Оописѣ, 14-го числа Сиппаръ сдался безъ боя, 16-го тишри Угбара вошелъ безъ боя въ столицу. Національнымъ святынямъ былъ оказанъ почетъ и защита отъ насилія. 3-го мархешвана (октябрь) Киръ вступилъ въ Вавилонъ и вошелъ тотчасъ въ роль законнаго вавилонскаго царя. Онъ принялъ древній вавилонскій титулъ, объявилъ себя ставленникомъ Бела и Набу, разослалъ вывезенныхъ Набонидомъ боговъ по ихъ городамъ и издалъ манифестъ, въ которомъ выставлялъ себя радѣтелемъ Вавилона и боговъ, оскорбленныхъ Набонидомъ. Къ этому жрецы Мардука присоединили предисловіе, нѣкоторыя мѣста котораго удивительно по тону приближаются къ кн. пр. Исаіи (напр., **44**, 28). Въ манифестѣ говорится также, что цари-вассалы Вавилона „отъ верхняго моря до нижняго" принесли ему дань и лобызали его ноги. Онъ возстановилъ разрушенные города и вернулъ въ нихъ боговъ ихъ. Эта милость, вѣроятно, была оказана Сидону и, какъ намъ хорошо извѣстно, іудеямъ и Іерусалиму. Лѣтомъ 538 г. въ Экбатанѣ Киръ издалъ дошедшій до насъ (1 Ездр. **6**, 3—5) указъ „о домѣ Божіемъ въ Іерусалимѣ"; размѣры его были точно указаны, расходы должны были производиться изъ подати іудеевъ; сосуды, похищенные Навуходоносоромъ, возвращались и князь возстановленной так. образомъ іудейской общины Шешбассаръ, м. б., сынъ Іехоніи) получилъ этотъ указъ для исполненія (1 Ездр. **1**). Покоривъ семитическій Западъ, Киръ попалъ подъ вліяніе его культуры, сохранилъ существованіе Вавилонскаго царства, придавъ завоеванію характеръ личной уніи. Новый титулъ „Царь странъ", принятый имъ, указывалъ на господство надъ Азіей, какъ комплексомъ древнихъ царствъ

Съ 1-го нисана (20 марта) 538 г. клинописныя таблички частныхъ дѣловыхъ документовъ, найденныя въ изобиліи въ Вавилонѣ изъ банка Эгиби, датируютъ 1-й годъ Кира „царя Вавилона, царя странъ", и доходятъ до 27 числа 4-го мѣс. 9 года, т. е. 530 г., а въ іюлѣ 530 г. уже они датируются по Камбизу. Объ этихъ послѣднихъ годахъ Кира намъ ничего неизвѣстно. Очевидно, мѣры, принятыя фараономъ Амазисомъ для защиты Египта, удержали Кира отъ попытки завоевать эту страну, тѣмъ болѣе, что потребовались новые походы въ иранскія области. Въ одномъ изъ такихъ походовъ, по Беросу—на даховъ, по Ктесіи на дербиковъ, по Геродоту—на массагетовъ, Киръ нашелъ себѣ смерть на 71 году жизни. Гробница его въ Пасаргадахъ на Мургабской долинѣ. Она состоитъ изъ небѣленаго монументальнаго зданія подъ двускатною крышей съ дверью въ египетскомъ стилѣ, помѣщеннаго на шести ступеняхъ и окруженнаго оградой съ портиками и садомъ. Гробъ покоился на золотомъ ложѣ и былъ окруженъ сосудами и драгоцѣнностями. Все это было разграблено греческими офицерами Александра македонскаго. Здѣсь же, невдалекѣ былъ скромный дворецъ Кира. До настоящаго времени сохранилась плита съ барельефомъ, представляющимъ обожествленнаго генія Кира въ ассирійской одеждѣ и египетскомъ головномъ уборѣ; надпись, вѣроятно, болѣе поздняго происхожденія, гласитъ: „Я Киръ, царь, Ахеменидъ". Впрочемъ эти остатки нѣкоторыми относятся къ Киру младшему. У всѣхъ народовъ Киръ оставилъ благодарную память: персы называли его отцомъ, евреи сравнивали съ Мессіей, греки приписывали ему всѣ добродѣтели и даже говорили, что при немъ въ Персіи была „свобода" (ἐλευθερία). Ксенофонтъ избралъ его образцомъ правителя въ своей „Киропедіи". Современная исторія, признавая за нимъ извѣстную долю азіатскаго деспотизма и лукавства, тѣмъ не менѣе, не колеблясь помѣщаетъ его наряду съ наиболѣе свѣтлыми личностями исторіи и видитъ въ немъ перваго достойнаго представителя арійской расы.

Временемъ Кира датированы главы **10-12** и **14** кн. прор. Даніила: откровеніе объ эллинистическихъ царствахъ, исторія Вила и дракона.

Литература. *Kretschmer*, Kritische Geschichte des Perseskönigs Cyrus, Brünn 1867. *Evers*, Emporkommen d. pers. Reiches unter Cyrus, Berl. 1885. *Его-же*, Der histor. Wert d. griech. Berichte über Cyrus, Berlin 1888. *Schubert*, Herodots Darstellung der Kyrossage, Breslau 1890. *Floigl*, Cyrus nach d. neugefundenen Keilinschriften, Lpzg 1881. *Amiaud*, Cyrus, roi de Perse. *Hagen*, Keilinschriftturkunden für Geschichte des Königs Cyrus, Lpzg 1891. *Prasek*, Geschichte der

Meder und Perser I, Gotha 1906. *De latire,* Cyrus dans les monuments, Le Muséon 1888. *Strassmaier,* Inschriften von Cyrus, König v. Babylon, Lpzg 1890.† Проф. *В. В. Болотовъ,* Валтасаръ и Дарій Мидянинъ „Христ. Чт.", 1896 г., т. II, стр. 279—341 [ср. у *Е. Благонравова,* Плѣнъ вавилонскій и его значеніе въ исторіи іудеевъ, Москва 1902, стр. 237—246. а также ср. у *В. Д. Попова,* Возвращеніе іудеевъ изъ плѣна вавилонскаго и первые годы ихъ жизни въ Палестинѣ до прибытія Ездры въ Іерусалимъ (458 г.), Кіевъ 1905. Кромѣ комментаріевъ и трудовъ по библейской исторіи—см. еще напр.. Rev. *Arthur* Carr, Cyrus, the Lord's Anointed, «The Expositor» 1904, XI, p. 335—345. XII, p. 414—421. *B. Linder* у Herzog-Hauck IV[3], S. 389—391. Rev. Prof. *Archibald Henry Sayce* у *J. Hastings,* A Dictionary ot the Bible I. p. 541—542 и ср. p. 229 (*F. Hommel*), Proff. *T. K. Cheyne* and † *W. H. Kosters* въ Encylopaedia Biblica I, col. 978—982. Prof. *Eugéne Paunier* у *F. Vigouroux,* Dictionnaire de la Bible I, col. 1191—1194. Bishop. *Br. F. Westcott* въ A Dictionary of the Bible ed. by *W. Smith* I, 379—380, Rev. *T. H. Weir* въ „Westminster Review" за мартъ 1908 г., гдѣ дѣлается попытка доказать, что „рабъ Іеговы" у Иса. LIII есть именно Киръ: см. The Expository Times" XIX, 7 (April 1908), p. 291—294].

Б. Тураевъ.

Киръ, св. мученикъ александрійскій, IV столѣтія. Родомъ александріецъ, Киръ состоялъ въ званіи врача; затѣмъ, поселившись около Аравійскаго моря, онъ принялъ монашество. Услышавъ о чудесахъ его, прибылъ къ нему изъ Іерусалима въ Александрію едесскій уроженецъ Іоаннъ, званіемъ также врачъ, и поселился вмѣстѣ съ нимъ. Исцѣляя безвозмездно болѣзни, оба безсребренника попутно поучали народъ истинамъ христіанской вѣры. Когда одна христіанка Аѳанасія съ тремя дочерьми была привлечена къ суду, святые Киръ и Іоаннъ явились вмѣстѣ съ нею и убѣждали ее мужественно отстаивать истину христіанства. За это они и сами были осуждены на смерть посредствомъ усѣченія главъ. Мощи святыхъ во время гоненія скрывались вѣрными; но въ царствованіе имп. Аркадія (395—408 г.) при александрійскомъ патріархѣ Ѳеофилѣ (385—412 г.) мощи были найдены и положены въ храмѣ, потомъ перенесены въ Мануѳъ (около Канопа-Абукира), позже въ Римъ и, наконецъ, въ Мюнхенъ. Соборъ ихъ совершался въ константинопольской мѣстности Фоpакіи (въ Аркадіанахъ). *Память ихъ 28 іюня* и *31 января.*

AA. SS. Boll. 31 января II, 1084—1095. Мученичество ихъ, по словамъ кардинала Баронія, составлено Петромъ, который написалъ его по просьбѣ Григорія, сына консула Іоанна. По Болландистамъ, мученичество написано іерусалимскимъ патріархомъ Софроніемъ (Mai, Spicilegium Romanum III, IV). Похвальнымъ словомъ послѣдняго пользовался св. Іоаннъ Дамаскинъ. Макар. Ч.—Минея („Богоначальное намъ слово сущаа истина Христосъ Богъ нашъ"); Прологъ (подъ 31 января время жизни мучениковъ пріурочено къ царствованію имп. Діоклитіана, а подъ 28 іюня—къ царствованію имп. Ѳеодосія великаго; поэтому одни пріурочиваютъ кончину ихъ къ 311 году, другіе къ концу IV столѣтія). *Сергій.* [См. еще Analecta Bollandiana vol. XXV, fasc. 3 (Julii 1906); *P. Peeters,* Miraculum SS. Cyri et Johannis in urbe Monembasia. Ср. у *W. Smith,* A. Dictionary of Cristian Biography III, p. 423. The Catholic Encyclopedia IV, p. 597. † Prof. *Ernst Luzius,* Die Anfänge des Heiligenkultus, Tübingen 1904, S. 262—266].

Хр. Лопаревъ.

Киръ, св. патріархъ константинопольскій, VII—VIII столѣтія. Въ санѣ монаха и пресвитера Киръ жилъ затворникомъ на Амастридскомъ островѣ (около Пафлагоніи), потомъ, повидимому, подвизался въ константинопольскомъ Хорскомъ монастырѣ. Онъ предсказалъ сверженному имп. Юстиніану II возстановленіе власти. И когда Юстиніанъ II дѣйствительно скоро занялъ престолъ, онъ низвелъ патріарха Каллиника и въ сентябрѣ 705 г. возвелъ на его мѣсто Кира. Во второмъ году патріаршества послѣдняго (въ 706—707 г.) были изданы акты VI вселенскаго собора. Во время шестилѣтняго правленія каѳедрою Киръ боролся съ ересью моноѳелитскою и защищалъ вселенскіе соборы пятый и шестой, особенно, когда имп. Филиппикъ пытался дискредитировать послѣдній. За это Филиппикъ въ январѣ 712 г. низвелъ его съ престола, назначивъ преемникомъ ему Іоанна. Киръ удалился въ Хорскій монастырь, гдѣ скончался, какъ кажется, 8 января 714 года, гдѣ и похороненъ. Соборъ его совершался въ Хорскомъ монастырѣ и во св. Софіи въ воскресенье, ближайшее къ 8-му января. *Память его 8 января.*

Theophanes, Chronographia, ed. de Boor I, 362, 374—376, 381, 382; *Niceptorus*, Opuscula historica, ed. de Boor, p. 42: Μηναῖον (Βενετία, 1843, σ. 94). *Sequien*, Oriens christianus I, 234.

Хр. Л—въ.

Киръ,—греческій монофелитскій патріархъ, занимавшій патріаршій престолъ Александріи въ VII вѣкѣ,—какъ церковно-историческій дѣятель, замѣчателенъ собственно тѣмъ, что принималъ выдающееся участіе въ осуществленіи плановъ императора Ираклія, стремившагося къ достиженію уніи между монофизитами и православною церковію. Въ арабскихъ источникахъ Киръ фигурируетъ обычно подъ именемъ Мукáукиса или Мукáукаса. Что Киръ и Мукаукисъ— одна и таже личность, это съ достовѣрностію установлено только въ послѣдніе годы научными работами главнымъ образомъ Butter'a (The Arab Conquest of Egypt and the Last Thirty Years of the Roman Dominion, Oxford 1902, p. 508, sqq: Appendix C on the Identity of (al Mukaukas.) Въ первый разъ мы встрѣчаемъ Кира въ Фазисѣ, митрополіи въ области лазовъ, въ Колхидѣ, на берегу Чернаго моря. Киръ былъ митрополитомъ названнаго города, когда въ 626 году, въ періодъ своего продолжительнаго пребыванія въ этихъ странахъ, возвращаясь съ успѣшнаго похода противъ персовъ, императоръ Ираклій, встрѣтившись съ Киромъ въ Фазисѣ, постарался возбудить въ этомъ іерархѣ сочувствіе къ монофелитскимъ идеямъ, которыя уже распространялъ съ осторожностью Сергій, патріархъ константинопольскій. Въ этомъ случаѣ патріархъ содѣйствовалъ политическимъ планамъ императора. Въ то время византійское государство тѣснили персы (а съ 634 года и арабы). Императоръ имѣлъ несомнѣнный политическій интересъ стремиться достигнуть примиренія многочисленныхъ монофизитовъ, жившихъ въ восточныхъ и юговосточныхъ предѣлахъ его царства, съ государственною церковію. Въ этомъ отношеніи вниманіе императора болѣе всего—естественно—привлекалъ Египетъ, который, безъ всякаго преувеличенія, былъ гнѣздомъ монофелитства: на 300.000 православныхъ приходилось тамъ 6.000.000 или—по крайней мѣрѣ—5.000.000 монофелитовъ. *Hefele*, Concielien geschichte, Bd. III (Ausg. 1858), S. 119). Заимствованная изъ писаній т. наз. Діонисія Ареопагита (Migne gr. III, col. 107), формула — μία θεανδρικὴ ἐνέργεια, которую императоръ намѣревался положить въ основу уніи, сначала показалась Киру непріемлемою, и онъ обратился за совѣтомъ къ патріарху Сергію. Сергій и Киръ обмѣнялись письмами (Mansi, t. XI, col. 557—561; ср. col. 524—528. См. Дѣянія вселенскихъ соборовъ, издан. въ русск. переводѣ при казанск. Дух. Акад., т. VI, изд. 2, Казань 1882, стр. 194—195). Въ своемъ отвѣтѣ Сергій старался окончательно утвердить Кира въ монофелитскихъ идеяхъ, какія ему уже внушилъ императоръ; въ этихъ видахъ патріархъ прислалъ ему всѣ документы, относившіеся къ этому вопросу (Mansi, t. XI, col. 525—528; ср. Дѣянія вселенскихъ соборовъ, изданныя въ русскомъ переводѣ при казанской Дух. Акад. VI², стр. 178—179; ср. стр. 180), которые Киръ чрезъ нѣсколько лѣтъ соединилъ, чтобы пріобрѣсти себѣ приверженцевъ. Такъ Кира склонили къ тому, что онъ одобрилъ декретъ императора Аркадію, архіепископу кипрскому, и письмо патріарха Сергія тому же Аркадію,—два документа, въ коихъ запрещалось говорить о двухъ дѣйствіяхъ въ Господѣ Іисусѣ Христѣ послѣ соединенія двухъ природъ. Въ благодарность за такое усердіе Киръ получилъ патріаршій престолъ въ Александріи, который былъ предложенъ ему императоромъ послѣ смерти Георгія II (по другимъ извѣстіямъ, оставившаго свой постъ, вслѣдствіе страха или измѣны, при приближеніи арабовъ) между маемъ и августомъ мѣсяцами 631 года, по Гутшмиду (Kleine Schriften II, Lpzg. 1890, S. 478), или осенью того же года—по Бутлеру (L. cit., p. 176). Киръ прибылъ въ Египетъ съ правами вице-короля. Соединяя въ своихъ рукахъ обѣ власти—свѣтскую и духовную, Киръ поставилъ своею опредѣленною программою устроить унію между египетскими монофизитами и византійскою оффиціальною церковію. Къ осуществленію своего намѣренія Киръ стремился изо всѣхъ силъ, не отступая предъ преслѣдованіями и другими жестокими мѣрами. Однако его жестокости, не достигши возвращенія диссидентовъ, въ результатѣ только возстановили туземцевъ противъ византійскаго владыче-

ства и подготовили наступленіе господства арабовъ. Тѣмъ не менѣе съ двусмысленною (по существу монофелитскою) формулой (Mansi, t. XI, col 564 — 568. Ср. Дѣянія вселенскихъ соборовъ въ русск. переводѣ VI², стр. 195—197) Киръ въ началѣ имѣлъ нѣкоторый успѣхъ. Седьмой изъ 9 членовъ этой формулы содержалъ слѣдующее: одинъ и тотъ же Христосъ и Сынъ, совершавшій дѣла, свойственныя Богу и человѣку, однимъ богомужнымъ дѣйствованіемъ (μιᾷ θεανδρικῇ ἐνεργείᾳ, Mansi, t. XI, col. 565D. Ср. Дѣянія въ русск. переводѣ VI², стр. 196). Компромиссъ былъ охотно принятъ ѳеодосіанами,—значительною фракціей монофизитской партіи въ Египтѣ. Ѳеодосіане, подписавшіе эту формулу 3 іюня 633 года, открыто говорили, что не они пришли къ Халкидонскому собору, а Халкидонскій соборъ къ нимъ. (Ср. Анастасій пресвитеръ, Περὶ τοῦ κατ'εἰκόνα καὶ καθ' ὁμοίωσιν у Mai, Script. Vett. Nov. Coll. VII, p. 194; Ѳеофанъ, Χρονογραφία по Ed. de Boor, Lipsie 1883, p. 330, 14. Vita Maximi у Migne gr. XC, col. 77D). Не смотря на это, Киръ писалъ патріарху Сергію: „извѣщаю, что всѣ клирики, держащіеся ученія такъ называемыхъ ѳеодосіанъ въ семъ христолюбивомъ градѣ Александріи, вмѣстѣ съ блистающими въ достоинствахъ и войскахъ, а также съ принадлежащими къ народу, тысячами присоединились въ третій день іюня къ нашей святѣйшей каѳолической Божіей церкви и причастились вмѣстѣ съ нами непорочныхъ Божіихъ таинъ“... Mansi, t. XI, col. 561—564. Ср. въ русск. перев. Дѣян. VI², стр. 195). Въ такомъ же тонѣ и патріархъ Сергій сообщалъ Гонорію, что „весь христолюбивый александрійскій народъ, а съ нимъ почти весь Египетъ, Ѳиваида и Ливія и прочія провинціи египетскаго діоцеза стали одно стадо Христа истиннаго Бога нашего“ (Ibid., col. 532C; Ср. въ русск. перев. Дѣян. VI², стр. 181). И такой—якобы дѣйствительно блестящій результатъ—былъ достигнутъ, по словамъ Сергія, благодаря „благоразумію и плодотворной осмотрительности“ Кира (Ibid.). Напрасно Софроній, ученый палестинскій монахъ, со слезами протестовалъ противъ пожертвованія правдою въ интересахъ мира. Въ формулѣ Софроній видѣлъ открытое допущеніе ереси Аполлинарія (Ep. ad. Petrum, Migne gr. XCI, col. 143). Киръ ссылался на то, что когда дѣло идетъ о спасеніи многихъ душъ, должна примѣняться уступчивость и даже приспособляемость (т. наз. οἰκονομία). Софроній, не теряя времени, отправился въ Константинополь и здѣсь настаивалъ на устраненіи изъ формулы выраженія μία ἐνέργεια предъ патріархомъ Сергіемъ. Но послѣдній успокоилъ Софронія относительно православія своего собрата (Migne gr. XCI, col. 133, 333; Mansi, t. XI col. 529 sqq; Ср. русск. перев. Дѣян. VI², стр. 180 слѣд.), а Киру выразилъ благодарность (Mansi, t. X, col. 972—976). Такъ какъ унія была основана не на устраненіи, а лишь на игнорированіи реальнаго различія между православными и монофизитами въ догматическомъ ученіи, то она не могла быть прочною и продолжительною. Скоро унія потеряла всякое значеніе, и ее пренебрежительно называли „водяной уніей“ (ἕνωσις ὑδροβαφής). Между тѣмъ Софроній сдѣлался патріархомъ іерусалимскимъ. Папа Гонорій, введенный въ заблужденіе письмами Сергія, въ 634 году принялъ сторону Кира противъ Софронія и запретилъ употреблять на будущее время выраженіе „одно“ или „два“ „дѣйствія“. (Mansi, t. XI, col. 529 sqq.; ср. Дѣянія въ русск. переводѣ VI², стр. 180—184: копія съ посланія Сергія константинопольскаго къ Гонорію, папѣ римскому, и стр. 184—187: отвѣтное посланіе Гонорія). Однако нѣсколько позже Гонорій отнесся къ Софронію болѣе внимательно и справедливо. Папа просилъ Софронія не употреблять впредь выраженія „два дѣйствія“; въ свою очередь, онъ обѣщалъ просить Кира не употреблять болѣе выраженія „одно дѣйствіе“). Mansi, t. XI, col. 580—581; Ср. русскій переводъ, Дѣян. VI², стр. 203—204). Гонорій одобрялъ Кира за его ревностныя старанія въ пользу соглашенія, но упрекалъ за введеніе догматическихъ опредѣленій, не санкціонированныхъ церковію, и выражалъ свое безпокойство по поводу того, что занимаются богословскими тонкостями, не благопріятствующими истинному богопочитанію. Въ результатѣ вопросъ оставался не выясненнымъ, и Киръ могъ хвалиться, что римскій дворъ—за него. Осенью 638 года распря по догматическимъ вопросамъ въ Египтѣ возгорѣлась съ новою силою по поводу изданнаго Иракліемъ догматическаго эдикта, называемаго Ἔκθεσις, который былъ

составленъ Сергіемъ въ 636 году (Mansi, t. XI, col. 9). Опредѣленіе было формально принято александрійскимъ соборомъ подъ предсѣдательствомъ Кира, который приказалъ читать ἔκθεσις публично и благодарилъ Сергія за его изданіе особымъ письмомъ (Mansi, t. X, col. 1004 sqq.), написаннымъ въ октябрѣ или ноябрѣ 638 года. Вообще приверженность Кира къ монооелитизму неоспорима, и св. Максимъ Хризопольскій, а равно и соборы Латеранскій 649 г. и Константинопольскій (шестой вселенскій) 680—681 гг. Mansi, t. X, col. 872—873, 988, 989. и др.) всегда представляютъ Кира, какъ одного изъ родоначальниковъ и главъ монофелитской ереси (см., напр., Mansi, t. X, col. 199A. 213D. 292E. 357B. 500D. 553D. 556E. 557D. 573C. 636A. 700A. 709D. 732E.; ср. въ русскомъ переводѣ Дѣяній VI², стр. 62. 94. 166. 191. 192. 193. 200. 202. 204. 230. 244. 259. 264. 267). Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ замѣтить, что Киръ, по всей вѣроятности, не узналъ объ осужденіи, которое папы, преемники Гонорія, произнесли на послѣдователей ученія объ одномъ дѣйствіи и одной волѣ въ Іисусѣ Христѣ.

Послѣдніе дни Кира были заняты борьбою съ арабами. Его положеніе и титулъ вице-короля Египта обязывали его принять мѣры политическія и военныя противъ завоевателей. Египетъ подвергся нападенію войскъ Омара, подъ предводительствомъ генерала Амру, въ іюнѣ 638 года. Киръ склонилъ Амру отозвать свои войска обѣщаніемъ ежегодной уплаты дани и надеждою устроить его бракъ съ дочерью императора Евдокіей. Узнавъ объ этихъ унизительныхъ условіяхъ, Ираклій съ негодованіемъ отозвалъ Кира въ Константинополь. Только извѣстіе объ осадѣ Александріи спасло его жизнь. Киръ былъ уполномоченъ заключить миръ съ Амру. Но Киръ прибылъ слишкомъ поздно: послѣ четырнадцатимѣсячной осады городъ палъ и оказался во власти арабовъ. Это случилось 22 декабря 640 года. Киръ недолго пережилъ эту катастрофу: онъ скончался 21 марта 641 года.

Литература. О роли Кира въ монофелитскомъ вопросѣ см. статью *S. Vailhe*, Sophrone le sophiste et Sophrone le patriarche въ „Revue de l'Orient chrétien“ 1902, p. 36—41; о значеніи его политическомъ и религіозномъ въ Египтѣ см. *A. Butler*, The Arab Conquest of Egypt and the Last Thirty Years of the Roman Dominion (Oxford 1902); *I. Karabacek*, Der Mokaukis von Aegypten въ „Mittheilungen aus der Sammlung der Papyrus Erzherzog Rainer“, Wien 1886—1887 Bd. I—II; *F. M. Esteves Pereira*, Vida de abba Samuel do mosteiro do Kalamon Versao Ethiopica, Lisboa 1894, p. 49. *E. Amelineau*, Fragments coptes pour servir à l'histoire de la conquête de l'Egypte parles arabes. Extrait du Journal Asiatique, Paris 1889, pp. 39. 40, 10. 48, 7, 9, 45, 49; *S. Vailhé* въ Dictionnaire de théologie catholique... par A. Vacant и E. Mangenot III (Paris 1908), col. 2582—2584; A Dictionary of Christian Biography, Literature, Sects and Doctrines... by *William Smith* and *Henry Wace*, vol. I (London 1877), p. 774—775; † *W. Möller—G. Krüger*, Monotheleten въ Realencyklopädie von Herzog—Hauck XIII³, S. 401—413; *Peters*, Monotheleten въ Kirchenlexicon von Wetzer und Welte VIII², 1799—1801, 1807. [*Hefele*. Concielien Geschichte, Bd. III. The Cotholic encyclopedia IV, p. 597—598; *Ал. П. Лебедевъ*, Вселенскіе соборы VI, VII и VIII вѣковъ въ Собраніи сочиненій, т. IV, СПБ. 1904, стр. 81—93. Дѣянія вселенскихъ соборовъ, т. VI, изд. 2-е, Казань 1882. *Галинъ*, Св. Софроній, патріархъ іерусалимскій, Кіевъ 1853, стр. 15—31; *Поповичъ*, Патріархъ Софроній, какъ богословъ, Кіевъ 1890, стр. 12—14]; † проф. *В. В. Болотовъ*, Изъ исторіи императора Ираклія. Кто былъ „аль-мукаукисъ“? Что значитъ слово „аль-мукаукисъ“? Оттискъ изъ XIV тома „Византійскаго Временника“ 1907 г. стр. 1—6; относительно хронологіи „Chronologica“, ibid., стр. 31—39.

С. Заринъ.

Киръ-Моавъ, Кирхаресъ, Кирхарешетъ, Керакъ, Харакъ. (kir moab — „укрѣпленіе Моава“; τεῖχος τῆς Μωαβίτιδος; murus Moab—„стѣна Моавитская“. Kir hares, kir hareschet —„городъ глины, кирпичей, черепковъ“; τεῖχος ἐνεκαινίσας; murus cocti lateris; „стѣну обновилъ еси“. Kirheres; κειράδας αὐχμοῦ; murus fictilis; Кираіады смущенія; Χάραξ; Charak; у Птоломея—Χαράκμωβα, у Стефана Виз.—Χαρακμῶβα).

Это былъ одинъ изъ трехъ главныхъ городовъ моавитскихъ, каковы—кромѣ Кирхарешета—Аръ-Моавъ (Иса. **15**,1) и Раввавъ-Моавъ. Когда цари Іорамъ и Іосафатъ воевали съ моавитянами, то они разрушили все въ Моавіи, кромѣ Кирхарешета, куда скрылся моавитскій царь Меса (Меша) и гдѣ онъ былъ осажденъ израильтянами. Находясь въ крайне стѣсненномъ положеніи,

Меса принесъ въ жертву своего первороднаго сына, наслѣдника престола, на стѣнахъ Кирхарешета. Это навело тогда ужасъ на израильтянъ, и они отступили отъ города (4 Цар. **3**, 24—27). Въ христіанское время въ Кирхарешетѣ была епископская каѳедра; на іерусалимскомъ соборѣ 556 г. упоминается епископъ Харакмова Димитрій.

Киръ Моавъ есть нынѣшній el-Kerak („крѣпость“), расположенный на полуостровѣ Мецраа (въ восточной части Мертваго моря) на высотѣ 1026 метр. надъ уровнемъ моря, при рѣкѣ Kerak, которая въ сѣверной бухтѣ полуострова впадаетъ въ Мертвое море. Это мѣстоположеніе el-Kerak соотвѣтствуетъ признакамъ 4 Цар. **3**, 21, 24 сл., по которымъ это мѣсто должно лежать недалеко отъ южной границы Моавіи противъ Идумеи и должно быть укрѣпленнымъ мѣстомъ. И дѣйствительно, bagu el-ahsi („ручей, усаженный ивами“) образуетъ южную границу Моавіи, а el-Kerak представляетъ сильную естественную крѣпость. El-Kerak лежитъ на скалистой возвышенности; до ея вершины прежде можно было достичь только пройдя два горные туннеля. Благодаря такому своему положенію, Киръ-Моавъ представлялъ собой очень сильную крѣпость. Во времена римскаго господства эти мѣстности причислялись къ Сиріи, и Кирхарешетъ по своему положенію и прочному укрѣпленію былъ ключемъ ко всей Сирійской пустынѣ. До вторженія сарацинъ, въ Киръ-Моавѣ процвѣтала торговля. Здѣсь тянулись караваны съ товарами, и здѣсь сосредоточивалась торговля между Египтомъ, Аравіею и Сиріей. Но со времени сарацинъ все начало приходить здѣсь въ упадокъ. Впрочемъ, еще и въ эпоху крестовыхъ походовъ Киръ-Моавъ служилъ для крестоносцевъ важной крѣпостію, равно таковою же былъ онъ и для египетскихъ султановъ. Абульфеда, арабскій писатель XIII—XIV вв. называетъ его неприступнымъ. Теперь взорамъ путешественника представляются развалины крѣпостныхъ стѣнъ. Эти стѣны ведутъ свое начало отъ среднихъ вѣковъ (двѣ главныя башни на сѣверо-западѣ и сѣверо-востокѣ); только нижнія части стѣнъ болѣе древняго происхожденія. Сохранились остатки древнихъ колодцевъ, цистернъ и прудовъ. Населеніе (около 20.000, среди нихъ 2.500 греческихъ христіанъ) полудикое и грубое (*Фюрстъ* I, p. 446; II, p. 314, *Keil* u. *Del.* на 4 Цар. S. 229).

[См. у *Hastings*, *Cheyne*, *Vigouroux*, *Guthe*, *W. Smith*, † о. *П. Ѳ. Солярскаго*, † архим. *Никифора*].

Свящ. *И. Богоявленскій*.

Кирѣевскій И. В. Имя Ивана Васильевича Кирѣевскаго (род. 1806 г. † 1851 г.) будетъ памятно въ лѣтописяхъ нашей церковно-общественной жизни, какъ одного изъ первыхъ основателей славянофильства,—такого направленія нашей общественной мысли, которое, отличаясь сыновнею преданностію православной церкви, особенно выдвигало значеніе православія для развитія самыхъ разнообразныхъ сторонъ государственной, общественной и духовной жизни русскаго народа.

Съ внѣшней стороны жизнь И. В. Кирѣевскаго представляется жизнію неудачника. Шести лѣтъ отъ роду онъ теряетъ отца. Оставшись на попеченіи матери, И. В. Кирѣевскій получаетъ блестящее образованіе. Въ теченіе двухъ лѣтъ (по 1815 г.) онъ находился подъ непосредственнымъ вліяніемъ В. А. Жуковскаго, близкаго родственника его матери, жившаго въ эти годы въ ихъ родовомъ имѣніи Долбино (бѣлевскаго уѣзда, тульской губерніи). Съ этого времени связи Жуковскаго и И. В. К. не прерываются вплоть до дня смерти перваго. Мать И. В. К. въ 1817 г. вышла замужъ за Елагина. Послѣдній былъ человѣкомъ философски образованнымъ и съумѣлъ привить самый серьезный интересъ къ философіи въ юношѣ. Съ 1822 г. И. В. К. учится въ Москвѣ у лучшихъ профессоровъ, которые приходятъ къ нему на домъ для чтенія лекцій. Въ 1824 г. И. В. К. поступаетъ на службу въ московскій Архивъ иностранной коллегіи, гдѣ попадаетъ въ общество, выдающихся по образованію и талантливости, молодыхъ людей. Служба въ Архивѣ, конечно, не могла удовлетворить запросовъ души молодого И. В. К., и онъ уже въ ея первые годы убѣжденно говоритъ о томъ, что его настоящее призваніе—литературное поприще. Свои задачи на этомъ поприщѣ онъ намѣчаетъ въ такихъ словахъ: „Мы возвратимъ права истинной религіи, изящное согласимъ съ нравственностію, возбудимъ любовь къ правдѣ, глупый либерализмъ замѣнимъ уваже-

ніемъ законовъ и чистоту жизни возвысимъ надъ чистотою слога".

Въ 1830 г. И. В. К. ѣдетъ въ заграничное путешествіе по совѣту врачей. Причиной разстройства его здоровья была неудачная любовь. Заграницею И. В. К., не смотря на данныя обстоятельства, живо интересуется всѣмъ, и въ особенности науками, изъ коихъ философія, богословіе и исторія, предпочтительно предъ другими, привлекаютъ его вниманіе. Онъ слушаетъ по этимъ предметамъ лекціи въ Берлинѣ и Мюнхенѣ; знакомится также съ профессорами и въ числѣ ихъ съ знаменитымъ Гегелемъ и Шеллингомъ. Пребываніе И. В. К. заграницею продолжалось около года. Возвратившись въ Россію, онъ берется за изданіе журнала подъ названіемъ „Европеецъ". Изданіе это, однако, на второмъ номерѣ останавливается, такъ какъ правительство заподозрило его въ намѣреніи вести политическую пропаганду. Жуковскій едва спасъ И. В. К. отъ административной высылки. Послѣ этого событія И. В. К. въ теченіе 12 лѣтъ не обнаруживаетъ никакой общественной и литературной дѣятельности. Въ 1834 г. онъ женится на давно любимой дѣвушкѣ и проводитъ мирную жизнь въ своемъ родовомъ помѣстьѣ Долбино. Въ сороковыхъ годахъ И. В. К. дѣлаетъ новую попытку выступить на арену общественной дѣятельности, но опять неудачно. Онъ ищетъ каѳедры философіи при московскомъ Университетѣ и получаетъ отказъ. Желаніе высказать вполнѣ созрѣвшія и глубоко продуманныя въ деревенской тиши философскія убѣжденія въ И. В. К., однако, было настолько настойчиво, что онъ рѣшается взяться за редактированіе журнала „Москвитянинъ", издаваемаго Погодинымъ. Цензура, боязнь и тяжелый характеръ издателя, впрочемъ, заставляютъ И. В. К. отказаться и отъ этого дѣла послѣ первыхъ трехъ книжекъ журнала; только въ 1852 г. онъ впервые высказываетъ свои религіозно-философскія убѣжденія въ статьѣ „О характерѣ просвѣщенія Европы по его отношенію къ просвѣщенію Россіи". Статья была помѣщена въ „Московскомъ Сборникѣ", издаваемомъ славянофильскимъ кружкомъ; она навлекла цензурное запрещеніе на „Сборникъ" и И. В. К. опять замолчалъ. Между тѣмъ въ содержаніи статьи не было и тѣни чего-либо антиправительственнаго.

Сущность статьи заключается въ слѣдующемъ. Европейское просвѣщеніе,—по мнѣнію И. В. К.,—выросло изъ раціоналистическаго начала и представляетъ собою его послѣдовательное и законченное развитіе. Раціонализмъ, какъ начало культуры, Западъ воспринялъ отъ древняго Рима, въ государственныхъ и правовыхъ формахъ котораго такъ замѣтно преобладаніе юридическихъ нормъ надъ нравственною сущностію. Католичество и схоластика, протестантство и новая философія суть послѣдовательные фазисы развитія одного принципа—раціонализма. Въ противоположность Западу Востокъ всегда симпатизировалъ не раціонализму, а „цѣльному мышленію" при которомъ разсудокъ (ratio) не является единственнымъ провозвѣстникомъ истины и законодателемъ жизни. Отсюда постоянныя симпатіи на Востокѣ къ Платону, въ противоположность симпатіямъ западныхъ христіанъ —Аристотелю. Православіе—въ противоположность католичеству и протестантству—чуждается раціонализма и заключаетъ въ себѣ иныя начала жизни и философскаго знанія.

Послѣ запрещенія „Сборника" И. В. К. опять уѣзжаетъ къ себѣ въ деревню, гдѣ и живетъ почти по самый день смерти. Пользуясь близостію Долбина къ Оптиной пустыни, И. В. К. въ теченіе своего пребыванія въ деревнѣ дѣятельно поддерживалъ связи съ иноками этой обители. Онъ помогалъ имъ въ изданіи святоотеческихъ твореній. Извѣстный оптинскій старецъ Макарій былъ духовникомъ И. В. К. Насколько этому обстоятельству И. В. К. придавалъ важное значеніе,—видно изъ слѣдующихъ строкъ его письма къ Кошелеву. „Существеннѣе всякихъ книгъ и всякаго мышленія,—писалъ онъ,—найти святого православнаго старца, который бы могъ быть твоимъ руководителемъ, которому ты бы могъ сообщить каждую мысль свою и услышать о ней не его мнѣніе болѣе или менѣе умное, но сужденія св. отцовъ".

Третью и послѣднюю попытку выступить на литературное поприще И. В. К. дѣлаетъ въ 1851 г., когда славянофильскій кружокъ задумалъ издавать журналъ „Русскую Бесѣду". Въ этомъ журналѣ онъ помѣщаетъ статью „о возможности и необхо-

димости новыхъ началъ для философіи". Эта статья наряду съ той, содержаніе которой мы передавали, представляется наиболѣе важною для характеристики философскихъ воззрѣній И. В. К. Какъ и въ предыдущей статьѣ,—здѣсь И. В. К. убѣждаетъ отказаться отъ пагубнаго раціонализма и собрать всѣ свои отдѣльныя силы, находящіяся въ „обыкновенномъ положеніи" человѣка „въ состояніи разрозненности и противорѣчія въ одну недѣлимую цѣльность". Примѣнительно къ принципу познанія, это должно выражаться въ томъ, чтобы „человѣкъ не признавалъ своей отвлеченной логической способности за единственный органъ разумѣнія истины, чтобы голосъ восторженнаго чувства, несоглашеннаго съ другими силами духа, онъ не почиталъ безошибочнымъ указаніемъ правды, чтобы внушенія отдѣльнаго эстетическаго смысла, независимо отъ развитія другихъ понятій, онъ не считалъ вѣрнымъ руководителемъ для разумѣнія высшаго міро-устройства;—даже, чтобы господствующую любовь своего сердца, отдѣльно отъ другихъ требованій духа, онъ не почиталъ за непогрѣшительную руководительницу къ постиженіи высшаго блага; но чтобы постоянно искалъ въ глубинѣ души того внутренняго корня разумѣнія, гдѣ всѣ отдѣльныя силы сливаются въ одно живое и цѣльное зрѣніе ума". Но и одного цѣльнаго мышленія, однако,—по мнѣнію И. В. К.,—недостаточно для обладанія истины;—нужно еще божественное откровеніе, которое при посредствѣ цѣльнаго мышленія „выразумѣвается" человѣкомъ и служитъ для него „руководительной звѣздой" на пути разума къ истинѣ. Отсюда задача философіи заключается въ томъ, чтобы, собравъ всѣ богооткровенныя и святоотеческія истины, проникнуться ихъ смысломъ и продумать въ отношеніи къ нимъ „всѣ запросы современной образованности, всѣ логическія истины, добытыя наукой, всѣ плоды тысячелѣтнихъ опытовъ разума среди его разносторонних дѣятельностей и, наконецъ, изъ всѣхъ этихъ соображеній вывести общія слѣдствія, соотвѣтственныя настоящимъ требованіямъ просвѣщенія; вотъ что должно дѣлать современнымъ философамъ".

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ напечатанія данной статьи И. В. К. умеръ, пріѣхавъ по дѣламъ въ Петербургъ. Его философскіе взгляды, выраженные въ указанныхъ немногихъ статьяхъ, похожихъ скорѣе на черновые наброски, были встрѣчены полнымъ недоумѣніемъ большинства общества. О немъ говорятъ лишь рѣдкіе изслѣдователи его сочиненій и тѣ, впрочемъ, не усматриваютъ въ нихъ ничего больше, кромѣ сколка съ воззрѣній Шеллинга. Между тѣмъ философія Шеллинга имѣетъ не болѣе отношенія къ И. В. К., чѣмъ философія языческихъ философовъ къ воззрѣніямъ отцовъ церкви. Къ философіи Шеллинга, какъ и ко всей западной философіи, И. В. К. относился отрицательно, и трудно думать, что это съ его стороны одно лишь недоразумѣніе. Если Шеллингъ и И. В. К. проповѣдуютъ интуицію въ противовѣсъ раціональному познанію, то тѣмъ не менѣе ихъ представленія объ инстуиціи существенно различны. Ученіе объ интуиціи И. В. К., какъ можно съ несомнѣнностію полагать, представляетъ собою переводъ на философскій языкъ ученія св. отцовъ церкви о вѣрѣ, какъ способѣ познанія истины. Недаромъ И. В. К. называетъ вѣру „актомъ высшей разумности", а также рекомендуемое имъ „цѣльное мышленіе" — „первоестественнымъ" и „первоизданнымъ", объясняя обыкновенную въ человѣкѣ рознь отдѣльныхъ духовныхъ силъ грѣхопаденіемъ. „Гармонія душевныхъ силъ,—какъ говоритъ И. В. К. (въ своихъ отрывкахъ, изданныхъ послѣ его смерти вмѣстѣ съ другими сочиненіями Кошелевымъ),—пріобрѣтается по мѣрѣ внутренняго стремленія къ нравственной высотѣ и цѣльности и изчезаетъ вмѣстѣ съ этимъ стремленіемъ, оставляя въ умѣ одну наружность своей формы". Стоитъ сопоставить это ученіе съ ученіемъ св. отцовъ церкви объ опытномъ богопознаніи, какъ, напр., св. Исаака сиріанина, творенія котораго были излюбленнымъ чтеніемъ И. В. К., чтобы убѣдиться въ основательности нашего взгляда.

Литература. Проф. *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ* въ „Отеч. Зап." (1862. №№ 1—3); *Д. И. Писаревъ*, „Русскій Донъ-Кихотъ" (Сочиненія II, Спб. 1894 г); † проф. *Ѳ. А. Терновскій*, Два пути духовнаго развитія („Труды Кіевск. Дух. Акад." 1864 г.); проф. *П. Г. Виноградовъ*, И. В. К. и начало московскаго славянофильства („Вопр. фил. и психол." 1891 г.); *П. М. Ласкѣевъ*, Два

проекта православно-христіанской философіи („Христ. чтеніе“ 1898 г.) [См. также въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1905 и 1907 гг].

П. Ласкѣевъ.

Кирѣевъ Александръ Алексѣевичъ—генералъ отъ кавалеріи, извѣстный „свѣтскій“ богословъ, писатель, изъ потомственныхъ дворянъ, родился въ 1833 г. въ Москвѣ. Его мать, Алябьева, происходитъ отъ того Алябьева, который былъ близкимъ помощникомъ кн. Д. М. Пожарскаго въ дѣлѣ изгнанія поляковъ изъ Россіи. Родители предназначали его на дипломатическое поприще и готовили ко вступленію въ московскій Университетъ, къ чему и самъ Александръ Алексѣевичъ стремился. Но въ 1849 году, по приказанію Императора Николая I, Кирѣевъ былъ назначенъ пажомъ Высочайшаго Двора. Въ 1853 году онъ вышелъ изъ Пажескаго корпуса и, поступивъ въ конную гвардію—въ тотъ же полкъ, гдѣ служилъ когда-то и А. С. Хомяковъ,—оставался въ немъ до 1862 года, когда былъ назначенъ адъютантомъ къ Великому Князю Константину Николаевичу, которому было поручено управленіе Царствомъ Польскимъ. Съ 1856 до 1859 г. А. А. Кирѣевъ, оставаясь въ полку, былъ вольнымъ слушателемъ с.-петербургскаго Университета. Съ 1864 до 1869 г. онъ былъ однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ земцевъ московской губерніи. Съ 1872 по 1877 г. состоялъ секретаремъ с.-петербургскаго „Общества любителей духовнаго просвѣщенія“. Съ этого времени онъ сблизился съ главными руководителями старокатоличества — Дёллингеромъ, Лангеномъ, Рейнкенсомъ, Мишо и др., съ которыми велъ и ведетъ оживленную переписку.

Литературную дѣятельность свою А. А. Кирѣевъ посвятилъ преимущественно разработкѣ вопросовъ политическихъ и богословскихъ—первыхъ съ точки зрѣнія славянофильства, вторыхъ съ точки зрѣнія древней вселенской церкви.

[Во внутренней политикѣ А. А. Кирѣевъ держится строго славянскихъ взглядовъ, исповѣдуя то положеніе, что „свободный совѣтъ принадлежитъ народу, а рѣшеніе царю“. Въ международныхъ отношеніяхъ онъ является убѣжденнымъ защитникомъ славянства, о чемъ писалъ немало (см., напр., брошюру „Россія и славяне“). Впрочемъ, такова священная традиція всей этой фамиліи, въ которой братъ Александра Алексѣевича—Николай Кирѣевъ, выдающійся славянофилъ, кровію запечатлѣлъ свою преданность славянскому дѣлу, ибо въ 1876 г. положилъ свою жизнь на войнѣ за единокровныхъ и единовѣрныхъ славянъ. Равно его сестра—извѣстная писательница О. А. Новикова (вдова ген.-лейтенанта И. Новикова попеч. спб. учебн. округа брата русскаго посла въ Вѣнѣ) имѣла несомнѣнное вліяніе на политику Англіи и много способствовала тому, что въ близкое къ славяно-турецкой войнѣ время (1867—1868 гг.) англійскій курсъ, благодаря Ольгѣ Алексѣевнѣ, принялъ направленіе, благопріятное Россіи и славянству.]

Первымъ литературнымъ трудомъ А. А. Кирѣева была брошюра, озаглавленная: „Избавимся ли мы отъ нигилизма?“ Она была представлена Императору Александру II въ 1879 году и одобрена имъ, а напечатана потомъ въ Аксаковской „Руси“. Большинство другихъ сочиненій А. А. Кирѣева, написанныхъ на русскомъ языкѣ—характера критическаго и полемическаго; наиболѣе крупныя — полемика съ † Вл. С. Соловьевымъ („Славянофильство и націонализмъ“), † проф. А. Ѳ. Гусевымъ, † проф. кн. С. Н. Трубецкимъ („Споръ съ западниками настоящей минуты“), † К. Н. Леонтьевымъ („Народная политика, какъ основа порядка“), публицистомъ В. В. Розановымъ, преосвящ. Сергіемъ (Страгородскимъ, нынѣ архіепископомъ финляндскимъ), проф. В. А. Керенскимъ и др. Перу А. А. Кирѣева принадлежитъ также много статей и брошюръ по старокатолическому вопросу; о вѣротерпимости, отзывы о всѣхъ старокатолическихъ международныхъ конгрессахъ; статьи объ условіяхъ сближенія церквей; о расторженіи браковъ (въ Англіи и по поводу новаго закона объ этомъ въ Россіи); Res tua agitur: „объ догматизмѣ“; „религіозныя задачи Россіи“; энциклика Льва XIII о соединеніи церквей, объ уніи (противъ † Вл. С. Соловьева); о вселенскомъ соборѣ и о помѣстномъ (русской церкви); рѣчи въ торжественныхъ собраніяхъ Славянскаго Благотворительнаго Общества; критика на сочиненіе проф. Губера (объ орденѣ іезуитовъ); критическія замѣтки на „Московскій Сборникъ“ К. П. Побѣдоносцева; статьи объ условіяхъ примиренія съ Польшею [гдѣ считается возможнымъ удо-

влетворяющее рѣшеніе *только* на основаніи этнографическомъ; къ такому убѣжденію А. А. Кирѣевъ давно пришелъ, когда во время службы въ Варшавѣ, при В. К. Константинѣ Николаевичѣ—близко, de visu, познакомился съ польскимъ вопросомъ], по поводу событій японской войны и друг.

Еще въ молодыхъ годахъ А. А. Кирѣевъ сблизился съ вожаками славянофильства. Хомяковъ, Кирѣевскіе, Аксаковы, Самаринъ и другіе представители этого направленія были постоянными посѣтителями дома его родителей и сильно вліяли на воспріимчивую душу юноши. А. А. Кирѣевъ и нынѣ служитъ вѣрой и правдой той же славянофильской идеѣ, съ которой тогда познакомился. Посему, въ продолженіе долгихъ лѣтъ А. А. Кирѣевъ былъ дѣятельнымъ членомъ „Славянскаго Благотворительнаго Общества"; принималъ близкое участіе въ редакціи „Извѣстій" этого Общества, начиная съ 1883 г. и напечаталъ въ нихъ, между прочимъ, „Принципы славянофильства", вызвавшіе горячую полемику въ нѣмецкой прессѣ, нѣсколько статей „по вопросу о классическомъ образованіи" и статьи: „Россія и славяне", „Россія въ началѣ XX столѣтія".

Изъ брошюръ и статей Александра Алексѣевича на иностранныхъ языкахъ слѣдуетъ отмѣтить: [Brief an J. T. Ossinin (въ 1872 г., отвѣтъ противъ „Moniteur de Rome"); дѣятельная переписка (въ 70-хъ годахъ XIX ст.) поитальянски съ итальянскими богословами либеральнаго направленія]; „Lord Halifax and the Reunion of the Churches": „Réponse à M-r Naville sur le nouoveau dogme du 1870" [цѣлая серія писемъ поанглійски (въ органѣ „Anglo - Continental Society") къ Мейрику объ иконопочитаніи]; „Zur papstlichen Unfehlerbarkeit". Послѣдняя брошюра переведена на языки: русскій, англійскій, французскій, греческій и польскій. А. А. Кирѣевъ состоитъ постояннымъ сотрудникомъ „Revue Internationale de Théologie", гдѣ онъ помѣстилъ много переводныхъ и оригинальныхъ статей; старается знакомить иностранную публику съ произведеніями русскихъ богослововъ и съ этою цѣлью написалъ на страницахъ названнаго журнала наприм.. подробные отзывы о сочиненіяхъ проф. Глубоковскаго, Бриллiантова и др.

Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, касающихся религіозныхъ вопросовъ, А. А. Кирѣевъ заявилъ себя православнымъ мыслителемъ, освѣдомленнымъ въ Свящ. Писаніи, церковныхъ канонахъ и святоотеческихъ твореніяхъ [почему еще въ 1903 г. былъ избранъ почетнымъ членомъ московской Духовной Академіи, а въ 1906 г. назначенъ членомъ Высочайше учрежденнаго Присутствія при Св. Синодѣ по предварительной разработкѣ вопросовъ для помѣстнаго Всероссійскаго Собора и о ходѣ дѣлъ на немъ давалъ отчеты какъ въ русской литературѣ, такъ и въ „Revue Internationale de Théologie".

Вся — продолжительная и неутомимая—дѣятельность А. А. Кирѣева является идейнымъ служеніемъ, которое опредѣлялось чистыми побужденіями даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда представляется намъ нѣкоторымъ увлеченіемъ (напр., въ старокатолическомъ вопросѣ) или направлено на защиту спорныхъ для насъ положеній, напр., о дуеляхъ.]

Свящ. *Н. В. П—въ* (и *Н. Н. Г.*).

Кисель Адамъ Григорьевичъ изъ Брусилова низкеницкій, воевода кіевскій, крупный дѣятель XVII в. Онъ происходилъ изъ русскихъ бояръ кіевскаго великокняжескаго періода. Родоначальникъ его былъ (—по словамъ королевской грамоты отъ 5 февр. 1646 г.—) кіевскій воевода, князь Святолдъ или Свентолдичъ. Адамъ Григ. Кисель родился около 1580 г. и неустаннымъ своимъ трудомъ и стараніемъ, при необыкновенныхъ способностяхъ, вскорѣ занялъ видное и вліятельное положеніе въ польской Рѣчи Посполитой и въ обществѣ. Со временемъ онъ составилъ себѣ огромное состояніе, владѣлъ обширными помѣстьями, массою селъ, хуторовъ, мельницъ и другихъ угодій на Волыни, въ Черниговщинѣ, Полтавщинѣ и въ кіевскомъ воеводствѣ.

Въ 1617 г. встрѣчается онъ подъ Бушей, 1619 г. подъ Орышиномъ, 1620 г. подъ Цецорой, 1621 г. вновь въ хотинскомъ походѣ, 1628 г. начальникомъ хоругви подъ Гнѣвомъ въ битвѣ противъ Густава-Адольфа. Адамъ Григ. Кисель пользовался особеннымъ расположеніемъ польскаго королевича, впослѣдствіи короля Владислава IV. Во время безкоролевья послѣ смерти Жигмонда III былъ онъ избранъ т. наз. „каптуровымъ" судьею,

въ сеймѣ же 1631 и 1632 гг. выступилъ ревностнымъ и энергичнымъ защитникомъ православія. По сей причинѣ искало въ немъ и православное казачество своего законнаго защитника, полагаясь на его громадный авторитетъ и большое вліяніе. Съ 1633 г. остается онъ при дворѣ короля Владислава IV въ качествѣ „королевскаго дворянина". Въ томъ же году участвуетъ и въ войнѣ съ Москвою. Король жалуетъ ему городъ Кобыщъ и Козарградъ, также и богатое староство Носовское. 1634 г. выступаетъ онъ на „генеральномъ сеймѣ" въ качествѣ „комиссара при королѣ". Вскорѣ возведенъ въ черниговскіе подкоморьи. 1637 г. Адамъ Григ. Кисель подавилъ казацкій мятежъ, что король ставитъ ему въ особенную заслугу. Въ 1638 г. заступается онъ съ усердіемъ за казаковъ, но безуспѣшно, такъ какъ Павлюко и товарищей казнили въ Варшавѣ. Съ 1638 г. дѣятельность Киселя получаетъ больше дипломатическое направленіе. 1639 г. онъ дѣлается каштеляномъ черниговскимъ и сенаторомъ, каковаго достоинства даже кіевскій митрополитъ не могъ добиться. 1638—1645 гг. участвовалъ онъ въ коммиссіяхъ по разграниченію съ московскимъ государствомъ. 1645 г. возведенъ онъ въ каштеляне кіевскіе, и посылается посломъ въ Москву. 1648 г. онъ является уже воеводою брацлавскимъ. Между тѣмъ поднимаетъ Богданъ Хмельницкій возстаніе на Украйнѣ. Послѣ разгрома подъ Корсунемъ возложено на Киселя вести, въ качествѣ коммиссара польской Рѣчи Посполитой, переговоры съ Хмельницкимъ. На конвокаційномъ сеймѣ, созванномъ послѣ смерти Владислава IV, участвуетъ и Кисель. Здѣсь рѣшено учредить особую коммиссію для переговоровъ съ Хмельницкимъ, съ Киселемъ во главѣ. На сеймѣ, созванномъ для избранія новаго короля, играетъ онъ виднѣйшую роль, обнаруживая съ одной стороны свой ораторскій талантъ, съ другой же свои здравые политическіе взгляды. И новый король Янъ-Казиміръ отличаетъ его своимъ особеннымъ довѣріемъ. Посольство Киселя къ казакамъ окончилось однако неудачно. Послѣднія неудачи растроили его здоровье. Онъ 1649 г. назначенъ кіевскимъ воеводою. Между тѣмъ польская шляхта начала относиться къ нему съ завистію и подозрѣніемъ, что въ 1650 г. обнаружилось на сеймѣ, гдѣ Кисель самоотверженно ратовалъ за православіе. Въ 1651 г. онъ участвуетъ въ заключеніи бѣлоцерковскаго договора. Тѣмъ и кончается его политическая дѣятельность. Остальное время, съ 1652 г., Адамъ Кисель провелъ со своею супругою Анастасіею Григоріевною изъ Новоселокъ Богушевичевной въ своихъ имѣніяхъ, вдали отъ всякихъ общественныхъ дѣлъ,

Адамъ Григ. Кисель былъ человѣкомъ набожнымъ и построилъ много церквей и монастырей. Онъ умеръ 3 мая 1653 г. и былъ похороненъ въ родовомъ имѣніи Низкеницахъ въ сооруженной имъ церкви. Но впослѣдствіе его тѣло было вырыто и выброшено изъ могилы; въ церкви остались только богатый барельефный гробъ, эпитафія и бюстъ Адама.

Память о Киселѣ сохранилась до настоящей поры въ Кіевѣ въ наименованіи „Киселевской" бывшей замковой горы, гдѣ стоялъ замокъ, въ которомъ онъ проживалъ.

Источники и литература. Семейные документы и преданія, Архивъ Южно-Западной Россіи I—IV; Акты Южно-Западной Россіи. *Niesiecki*, Korona Polska II; *Stupnicki*, *Michałowski*; Памятники Кіевской Коммиссіи. I—II; *Ив. Новицкаго и Рудльфа Отмана* біографическія сочиненія [*И. П. Новицкій* въ „Кіевской Старинѣ" 1885 г., сент.—дек. Проф. *Д. Багалѣй* въ „Словарѣ" Брокгауза и Эфрона XXIX полут., стр. 155—156].

Свящ. *Діонисій Кисель-Киселевскій.*

Кислевъ, евр.—Kislev, греко-слав. *Хаслевъ*, Χασλέβ, или Хаселевъ, Χασελεῦ (Неем. **1**,1. Захар. **7**,1. 1 Макк. **1**,54. **4**,52)—названіе девятаго мѣсяца древнееврейскаго и (современно-еврейскаго) церковно-гражданскаго года, падающаго на послѣднюю треть нашего ноября и первую половину декабря. Подобно другимъ названіямъ еврейскихъ мѣсяцевъ, имя Кислевъ или Хаслевъ заимствовано изъ ассиро-вавилонскаго календаря: 9-й мѣсяцъ здѣсь назывался Kislimu, позже Kislivu. 25-го числа Кислева со временъ Маккавеевъ у евреевъ празднуется праздникъ Ханукка (отъ гл. chanach—обновлять, посвящать) или Обновленія (τὰ ἐγκαίνια у Ін. **10**,22) въ память очищенія и освященія іерусалимскаго храма Іудою Маккавеемъ (1 Макк. **4**,59. 2 Макк. **10**,5—8).

Свящ. *А. Глаголевъ.*

Киссонъ (извилистый) современный Мукатта,—одна изъ палестинскихъ рѣкъ, протекающая по Ездрилонской равнинѣ вдоль сѣверо-восточной подошвы Кармила и впадающая въ Средиземное море ниже Птолемаиды, сѣвернѣе Геѳа. Киссонъ питается водами сѣвернаго склона горъ Самарiйскихъ и Кармила, юго-западнаго склона Гилбоя, западнаго склона малаго Ермона и Θавора и большей части нижнегалилейской горной страны. Но гдѣ слѣдуетъ искать начало рѣки — въ точности до сихъ поръ неизвѣстно. Одни указываютъ его на западной сторонѣ Θавора, другiе — на западномъ склонѣ Самарiйской горной страны, въ потокахъ Мегиддонской долины. Не смотря на обилiе своихъ притоковъ, Киссонъ не отличается многоводiемъ; онъ полонъ воды только зимою и весной въ перiодъ дождей, на что и указываетъ въ своей пѣсни Девора, называя его „быстрымъ", „увлекающимъ" трупы враговъ (Суд. **5**,21); въ лѣтнее же время рѣка очень незначительна. Въ Свящ. Писанiи Киссонъ извѣстенъ какъ мѣсто побѣды Деворы и Варака надъ войсками Сисары, полководца Iавина асорскаго (Суд. **4**,7, **5**,21. Пс. **82**,10), и какъ мѣсто избiенiя пр. Илiею жрецовъ Вааловыхъ.

Свящ. *А. Петровскiй.*

Кислое—Θаворъ (I. Нав. **19**,12) см. „Кесулловъ" въ „Энц." IX, 562.

Кистеръ (Küster отъ латин. custos, стражъ) — одна изъ низшихъ церковныхъ должностей протестантской церкви. Такъ называется церковный служитель, на обязанности котораго лежитъ наблюденiе за церковными зданiями (ключи отъ послѣднихъ хранились у него) и за цѣлостiю священныхъ сосудовъ и принадлежностей богослуженiя. Кромѣ того, кистеръ долженъ былъ пѣть при богослуженiи псалмы и обучать этому народъ, особенно монашество. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на нихъ же лежало обученiе дѣтей начаткамъ лютеранскаго вѣроученiя. Въ этомъ направленiи состоялся цѣлый рядъ опредѣленiй протестанскихъ соборовъ на протяженiи XVI и XVII вѣковъ. Обязанность учительства болѣе всего касалась кистеровъ деревенскихъ церквей, гдѣ найти учителя было труднѣе, чѣмъ въ городѣ. Такъ, по Missner. Visitat Abschied 1540 г. кистеръ долженъ былъ учить пѣть псалмы, 10-ти заповѣдямъ, символу вѣру и малому катихизису. Саксонскiе General-Artikeln 1557 г. обязываютъ деревенскаго кистера во всѣ воскресные дни послѣ полудня и однажды на недѣлѣ объяснять дѣтямъ катихизисъ и обучать ихъ пѣнiю псалмовъ. Нѣкоторыя изъ реформатскихъ церковныхъ общинъ смотрѣли на должность кистера, какъ на переходную ступень къ званiю проповѣдника, и въ этихъ случаяхъ кистерами назначалось богословски образованное лицо. Въ обязанности обучать юношество катихизису и пѣнiю псалмовъ лежитъ начало связи должности кистера съ учительскою. Связь эта не утратилась и до послѣдняго времени, когда школа стала почти независимой отъ церкви и учителя смотрятъ на исправленiе обязанностей кистера, какъ на что-то принижающее. Кистеръ находился въ полномъ подчиненiи у пастора и вмѣстѣ съ нимъ пользовался нѣкоторыми общественными льготами: — имѣлъ право пасти свой скотъ на приходскомъ пастбищѣ; было освобожденъ отъ обязанности кормить пастуха, давать ему ночлегъ и т. п. Въ Россiи, по уставу евангелической церкви, кистеръ, хотя и называется церковнымъ служителемъ, но къ духовенству не причисляется и служитъ по вольному найму. См. *Laake*, Kantor, Küster und Organistenamt in seinen Rechtverhältnissen, Бернбургъ 1884.

А. Коржавинъ.

Кисъ см. „Саулъ".

КИТАЙ.

I. Китайская религiя (конфуцiанство, таоизмъ, буддизмъ). Говоря нашимъ языкомъ, въ философiи и практикѣ Китая съ глубокой древности была развита идея макрокосма и микрокосма—мiра великаго и малаго. Мiръ произошелъ отъ соединенiя неба (янъ) съ землею (инъ)—начала активнаго съ пассивнымъ, силы съ матерiей. Каждый брачный союзъ есть повторенiе и отраженiе въ маломъ этого акта мiротворенiя. Мужъ это—небо, жена—земля. Обязанность малаго отражать въ себѣ великое. Каждый мужчина обязанъ жениться,—этимъ онъ и подражаетъ небу, безпрерывно умножающему жизнь, и исполняетъ велѣнiя неба и свои

обязанности передъ государствомъ и семьею: небу онъ содѣйствуетъ въ его производительной дѣятельности, государству же даетъ гражданъ, семьѣ, обнимающей не только наличныхъ живыхъ членовъ, но и умершихъ предковъ, онъ доставляетъ почитателей и служителей, ибо онъ будетъ производить членовъ, которые моложе всѣхъ живущихъ теперь и жившихъ нѣкогда, а обязанность младшихъ почитать старшихъ и служить имъ. Семейное право тщательно разработано въ Китаѣ. Нельзя жениться на близкихъ родственникахъ, нельзя невѣстѣ и жениху носить одну фамилію (въ Китаѣ считается 100 фамилій или родовъ), должно жениться въ раннемъ возрастѣ. Взаимоотношеніе членовъ въ семьѣ строго регламентировано, и правонарушеніе членовъ,—однихъ по отношенію къ другимъ,—карается очень строго.

Съ точки зрѣнія китайскаго умозрѣнія государство есть разросшаяся семья. Прототипъ Срединной монархіи можно отыскивать въ каждомъ семействѣ китайцевъ. Въ государствѣ полновластный владыка—императоръ, въ семьѣ—глава дома; императоръ отвѣтственъ передъ небомъ за нестроенія въ государствѣ и за преступленія своихъ подданныхъ, а отецъ семейства отвѣтственъ передъ государствомъ за поведеніе своей семьи.

Образно Китай можно представить подъ видомъ огромнаго родословнаго дерева, въ которомъ, по воззрѣніямъ китайцевъ, живы не только теперь дающія листву и цвѣтущія вѣтви, но въ которомъ и корни и вѣтви, повидимому переставшія жить, живутъ особою, невидимою жизнію. Почитаніе предковъ, т. е. распространеніе пятой заповѣди на загробный міръ, имѣетъ мѣсто въ Китаѣ въ такихъ широкихъ размѣрахъ, въ какихъ не существуетъ нигдѣ болѣе. Души умершихъ живы, и между ними и живущими существуетъ тѣсная связь. Живые обязаны почитать умершихъ и приносить имъ вещественныя приношенія (чай, фрукты, вино, яства), а умершіе за это содѣйствуютъ благополучію живыхъ. Не трудно видѣть, какъ этотъ культъ предковъ логически и практически связанъ съ государственными принципами и семейными началами Китая. Умершіе имѣютъ нужду въ почитаніи живыхъ, вслѣдствіе чего они заинтересованы въ томъ, чтобы ихъ родъ не угасалъ, чтобы китайское государство не погибало. Въ этомъ заинтересованы и живые, потому что для каждаго изъ нихъ придетъ день, когда онъ пріобщится къ предкамъ и будетъ имѣть нужду въ памятованіи о немъ потомковъ. Отсюда понятна настоятельная необходимость брака, потребность имѣть сына (жертвы приносятся мужчиною—главою семьи), отсюда же понятно развитіе института наложницъ, первою цѣлію котораго является восполненіе безплодія супруги. Живые въ Китаѣ все дѣлаютъ съ благословенія и разрѣшенія умершихъ. Они руководятся въ этомъ тѣмъ простымъ правиломъ, что не должно дѣлать ничего неугоднаго той силѣ, отъ которой зависишь въ своемъ благополучіи и которая желаетъ тебѣ блага.

Древнѣйшія религіозныя вѣрованія Китая получили свои опредѣленія и неизмѣнный видъ въ священныхъ книгахъ, собраніе которыхъ приписывается *Конфуцію*. Конфуціемъ назвали его католическіе миссіонеры, настоящее же имя его Цзы и онъ принадлежитъ къ роду Кунъ; отсюда Кунъ-цзы, Кун-фу-цзы, Confucius. Конфуцій родился около 550 г. до р. Хр., 2-хъ лѣтъ лишился отца, 15-ти лѣтъ склонилъ свой умъ къ ученію, 19-ти лѣтъ женился, 24-хъ лѣтъ лишился матери и въ теченіе трехлѣтняго траура (собственно 27-мѣсячнаго),—надобно полагать,—выработалъ программу своего ученія и государственной дѣятельности. Конфуцій не выдавалъ себя ни за пророка, посланнаго небомъ, ни за новатора, открывшаго новыя истины силою собственнаго мышленія. „Мое ученіе,—говорилъ онъ,—есть то, котораго держались наши предки и которое передали намъ; я ничего не прибавилъ къ нему и ничего отъ него не отнялъ; я излагаю его въ первоначальной чистотѣ; оно неизмѣнно,—его издало само небо. Я только, какъ земледѣлецъ, бросаю полученныя мною сѣмена неизмѣненными въ землю“.

Религіозная мысль обыкновенно вращается, какъ около двухъ полюсовъ, около идей о Богѣ и безсмертіи человѣка. О Богѣ ученики Конфуція не могли въ сущности узнать отъ него ничего, но немного они услышали отъ него и по вопросамъ о смерти и загробномъ существованіи. „Я ничего не знаю о жизни, какъ я могу знать что-либо о смерти“, говорилъ онъ. Спрошенный о томъ, гдѣ живутъ умершіе предки, онъ отвѣтилъ:

„они исчезли съ земли; обсуди это, и ты поймешь, что значитъ скорбь". Любопытно то, что онъ отвѣтилъ на вопросъ о значеніи и цѣли почитанія предковъ. „Мнѣ представляется,—сказалъ онъ,—неудобнымъ говорить объ этомъ вопросѣ ясно. Еслибы я сказалъ, что предки чувствительны къ оказываемымъ имъ почестямъ, что они видятъ, слышатъ и знаютъ, что происходитъ на землѣ, то пришлось бы безпокоиться, чтобы души, исполненныя сыновней любви, не пренебрегали бы заботою собственной жизни и не предались бы всецѣло служенію тѣмъ, отъ кого они ее получили, и не стали бы служить своимъ предкамъ такъ, какъ будто тѣ были въ этомъ мірѣ. Если же я, напротивъ, скажу, что умершіе не знаютъ что дѣлаютъ живые, то пришлось бы безпокоиться о томъ, чтобы живые не пренебрегли обязанностями сыновней любви и не обратились бы къ заботамъ исключительно о самихъ себѣ, разорвавъ такимъ образомъ священныя цѣпи, которыя связываютъ одинъ родъ съ другимъ. Итакъ, продолжай оказывать своимъ предкамъ должныя почести такъ, какъ еслибы они были свидѣтелями всѣхъ твоихъ дѣйствій, и не пытайся изслѣдовать это болѣе".

Не будемъ разсуждать, а будемъ дѣйствовать. Древніе учили объ обязанностяхъ культа, о необходимости исполнять обряды. Къ этому своихъ послѣдователей призываетъ Конфуцій. „Если не соблюдать издревле установленныхъ обрядовъ, то все перемѣшается, и возникнутъ иестроенія". Итакъ, должно знать и исполнять обряды. Но Конфуцій далекъ отъ обожествленія обрядовъ. „Въ дѣлѣ обрядовъ,—говорилъ онъ,—строгая бережливость предпочтительнѣе пышности, молчаливая скорбь предпочтительнѣе пустой помпы". О жертвахъ предкамъ онъ сказалъ: „жертва дѣлается пріятною для тѣхъ, отъ кого мы получаемъ существованіе, не по ея стоимости, а по расположенію, съ которымъ она принесена".

Образъ поведенія человѣка, его обязанности къ себѣ, людямъ и міру опредѣляются его природою. Согласно Конфуцію, человѣкъ по природѣ добръ. По конфуціанской теоріи нравственность человѣка должна заключаться не въ препобѣжденіи влеченій собственной природы, не въ борьбѣ съ нею, не въ попыткахъ подняться выше ея, но только въ исполненіи естественныхъ стремленій. Человѣку присущи и духовность и чувственность: обѣ эти стороны его природы равносущественны. Духъ не имѣетъ цѣли только въ себѣ, но и чувственность не только служебный органъ. Здоровые чувственные инстинкты здороваго человѣка должны быть удовлетворяемы сами по себѣ. Не должно быть крайностей. „Всякая добродѣтель лежитъ въ серединѣ. Если держаться середины—это значитъ исполнять законъ. Середина есть основаніе всего, а основаніе есть всеобщій законъ. Если середина и равновѣсіе налицо, то небо и земля находятся въ мирѣ, и все удается. Мудрый всегда держится середины, а глупецъ пренебрегаетъ ею". Прежде всего, истинную середину человѣкъ долженъ сохранять въ себѣ самомъ, наблюдая равновѣсіе между отдѣльными стремленіями, воздерживаясь отъ аффектовъ и сохраняя душевный покой, довольствуясь своимъ жребіемъ и оставаясь невозмутимымъ при всѣхъ превратностяхъ судьбы. Добродѣтель человѣка должна обнаружиться въ его отношеніяхъ въ семьѣ. Добродѣтельный человѣкъ долженъ характеризоваться сыновнимъ благочестіемъ. Почтеніе къ родителямъ есть первая обязанность человѣка въ этомъ мірѣ—хронологически, потому что прежде всего человѣкъ вступаетъ въ сношенія съ родителями, и — этически, потому что больше всего человѣкъ обязанъ своимъ родителямъ. Существуетъ,—говорилъ Конфуцій, — три сорта сыновняго благочестія—памятовать о родительскихъ милостяхъ и любви, не позабывать о понесенныхъ ими трудахъ, это—малое сыновнее благочестіе; проникнуться человѣколюбіемъ и сознаніемъ справедливости, это — среднее: стараться всѣхъ другихъ людей сдѣлать отцепочтительными, это — великое сыновнее благочестіе". Каждый по Конфуцію обязанъ имѣть друзей. „Дружба, — говорилъ онъ, — есть установленное небомъ отношеніе, которымъ обусловливается исправленіе характера. Дружба намѣчаетъ путь людей, и на ней зиждутся ихъ высшіе принципы". Чиновникъ долженъ съ полною тщательностію исполнять приказанія государя, независимо отъ того, будутъ ли они согласны или несогласны съ его собственными взглядами. „Всякій служащій государю, знатный или незнатный, богатый или бѣдный, ни при какихъ обстоятельствахъ своей жизни не долженъ произ-

ходить возмущеній". Это, такъ сказать, правила дисциплинарныя. Но Конфуцій требовалъ, чтобы въ основѣ ихъ лежалъ моральный принципъ, забота о благѣ государства. „Служа государю, должно заботиться не о томъ, чтобы непремѣнно повыситься, а о томъ, чтобы уступать дорогу болѣе способнымъ людямъ". Для государя, по Конфуцію, обязанность заключается въ устроеніи блага подданныхъ. На вопросы, что нужно для народа, Конфуцій отвѣчалъ: „обогатить его" и потомъ: „научить". Голоднаго нельзя учить и сытаго нельзя предоставлять собственнымъ страстямъ.

Таково ученіе, которое Китай называетъ Ю, или конфуціанскимъ, и на которомъ утверждается весь его строй.

Кромѣ конфуціанства, на китайской почвѣ возникъ и развился **таоизмъ** и тамъ широко распространился буддизмъ.

Слово „Тао" или „Дао", собственно значитъ „дорога", „путь". Книги таоизма опредѣляютъ его образно и многообразно. Основателемъ таоизма былъ старшій современникъ Конфуція **Лаодзи**. Лаодзи говорилъ: „еслибы я былъ одаренъ благоразуміемъ, я шелъ бы по великому Тао... Великій путь совершенно равенъ, но люди любятъ ходить по тропинкамъ... Тао больше, чѣмъ путь. Это—путь и путникъ вмѣстѣ Это — вѣчная дорога, которую проходятъ существа и предметы. Ея не создало никакое существо, такъ какъ оно само есть сущее. Оно все и ничто, причина и слѣдствіе. Все происходитъ изъ Тао, пребываетъ въ Тао и возвращается въ Тао... Тао наполняетъ вселенную своимъ величіемъ, хотя оно такъ утонченно, что вполнѣ помѣщается на концѣ паутинной нити. Оно заставляетъ солнце и луну идти по ихъ пути и даетъ жизнь мельчайшему насѣкомому; безформенное, оно—источникъ всякой формы; беззвучное, оно—источникъ всѣхъ звуковъ; невидимое, оно—основа всякаго видимаго предмета; бездѣйствующее, оно—причина всякаго дѣйствія, оно—безлично и безстрастно, безжалостно достигаетъ своихъ цѣлей и однако всюду распространяетъ благоденствіе". Позволительно думать, что мы будемъ недалеки отъ мысли философа-отшельника, если руководясь приведенными и подобными опредѣленіями Тао, резюмируемъ ученіе о немъ такимъ образомъ. Тао, это—естественные законы бытія и вмѣстѣ осуществленіе ихъ въ бытіи. Законы бытія, это—премудрость, осуществленіе ихъ, это—благо. Отсюда мораль: должно осуществлять естественные законы, должно жить согласно съ природою.

Но горе въ томъ, что кромѣ природы естественной явилась природа искусственная. Если у меня мало на головѣ волосъ, то это—природа естественная, а если я прикрою парикомъ этотъ недостатокъ, то это будетъ природа искусственная. Въ философіи Лаодзи замѣчательно подробно и основательно выяснено, что не только появленіе природы искусственной есть признакъ паденія и зла, но и разсужденіе о природѣ естественной является уже зловѣщимъ симптомомъ. Таоистскій философъ Сыма-цянъ передаетъ слѣдующій разговоръ Конфуція съ Лаодзи. На сообщеніе Кофуція, что основа „И-кингъ" (—книга перемѣнъ) есть разсужденіе о человѣколюбіи и справедливости, Лаодзи сказалъ: „нынѣ справедливость и человѣколюбіе только пустой звукъ. Они лишь прикрываютъ жестокость и смущаютъ сердца людей. Никогда не было большихъ смутъ, чѣмъ теперь. Голубь не купается каждый день, чтобы выглядѣть бѣлымъ, и ворона не красится каждое утро, чтобы казаться черною". Смыслъ словъ Лаодзи тотъ: еслибы голубь началъ купаться, а ворона краситься, то это было бы признакомъ того, что они утратили естественную окраску. То же и съ людьми. Еслибы всѣ люди были человѣколюбивыми, почтительными и преданными, то никто не толковалъ бы объ этихъ качествахъ, коихъ никогда и не называли бы. Еслибы всѣ люди были бы добродѣтельными, то самыя названія пороковъ не были бы извѣстны. Рѣчь о добродѣтели, это—первая ступень нравственнаго регресса, который Лаодзи изображаетъ въ слѣдующей схемѣ: когда исчезаетъ Тао (безсознательное осуществленіе добродѣтели), является добродѣтель (сознательное осуществленіе ея возможно въ человѣкѣ только при пониманіи порока); когда исчезаетъ добродѣтель, является снисхожденіе (съ терпѣніемъ, но безъ любви оказываемое добро); когда исчезаетъ снисхожденіе, приходитъ справедливость (нравственность смѣняется правомъ), когда исчезаетъ справедливость, приходитъ при-

личіе, т. е. попросту лицемѣріе. Переставъ быть справедливыми, люди продолжаютъ еще дѣлать усилія казаться справедливыми. Лаодзи не идетъ далѣе, но остающаяся ступень нравственнаго паденія понятна сама собою. Человѣкъ становится на нее, когда сбрасываетъ съ себя послѣдній покровъ стыдливости и, не прикрываясь никакими фразами, рветъ и отнимаетъ у себя все то, что только можетъ, для удовлетворенія своего эгоизма. Изъ схемы Лаодзи вытекаетъ, что существованіе высшаго добра возможно тогда, когда не будетъ изученія добродѣтели и не будетъ борьбы, напряженій и усилій въ ея осуществленіи. Мудрецъ становится на послѣднее мѣсто, т. е. не пробиваетъ себѣ дороги, и потому занимаетъ первое. Не должно бороться, не должно противодѣйствовать событіямъ, самое большее—нужно примѣняться къ нимъ. Пассивность и самоотреченіе, вотъ — принципы, выдвигаемые Лаодзи. Примѣняя ихъ къ правителямъ, онъ говорилъ: „мудрый правитель помнитъ, что «народъ» растетъ, а не создается человѣческими руками". И еще Лаодзи сказалъ о правителяхъ: „тотъ, кто приметъ на себя безчестіе страны, называется ея властителемъ, а тотъ, кто приметъ на себя ея бѣдствія, называется царемъ міра". Лаодзи приписываютъ изреченіе: „воздавай за зло добромъ". Сущность добра въ человѣкѣ онъ полагалъ въ состраданіи, умѣренности и смиреніи. Будучи сострадательнымъ, я могу быть храбрымъ; будучи умѣреннымъ, я могу быть щедрымъ; будучи смиреннымъ, я могу начальствовать надъ людьми.

Не трудно видѣть, что въ ученіи Лаодзи заключалось много началъ, которыя должны были направлять его послѣдователей къ мысли о пустынножительствѣ и отщельничествѣ. Хотя самъ Лаодзи нигдѣ и ни въ чемъ не высказывался противъ государства, но его теорія естественной природы явно ведетъ къ пассивной революціи. Государство, конечно, представляетъ собою не естественную, а искусственную природу: въ природѣ нѣтъ ранговъ, нѣтъ темницъ, уголовнаго кодекса,— все это искусственно. Но, по теоріи Лаодзи, искусственную природу должно препобѣждать не силою, а отступая передъ нею.

Въ ученіи Лаодзи китайская мысль поднялась до наибольшей духовной высоты и въ развитіи этого ученія она ниспустилась до самыхъ низменныхъ и грубыхъ заблужденій и суевѣрій. Изъ отшельниковъ таоизма выродился классъ таоистскихъ жрецовъ — грубыхъ шарлатановъ, продавцевъ напитка безсмертія, изгонителей демоновъ. У таоистовъ существуетъ воззрѣніе, что Лаодзи въ сущности вѣченъ, что онъ неоднократно воплощался на землѣ. Не только Лаодзи не могъ умереть, но неудобно умирать и для многихъ жрецовъ таоизма, ибо для самой наивной вѣры должно представляться страннымъ, что смерть можетъ овладѣвать продавцами напитка безсмертія. Таковые, по таоизму, живыми переселялись на небо. Пантеонъ таоизма страшно обширенъ. Кромѣ множества святыхъ изъ таоистовъ,— звѣзды, воздухъ, море, земля, горы, рѣки, провинціи, города, деревни имѣютъ своихъ боговъ частныхъ. Почитаются животныя, напр., змѣя. Почитаются даже неорганическіе предметы. Одною изъ своеобразныхъ спеціальностей таоистовъ является знаніе геомантіи. Таоистскіе жрецы знаютъ наилучшія мѣста для могилъ.

Буддизмъ принятъ въ Китаѣ въ его сѣверной формѣ. Будда въ существованіи и одного міра видѣлъ великое зло, а сѣверные буддисты насчитываютъ существованіе десяти міровъ и не тяготятся этимъ. Высшіе изъ этихъ міровъ—міръ бодисатвъ и міръ буддъ или нирвана. Бодисатвы—это люди, достигшіе высокой степени блаженства (покитайски—пусахъ), они должны подвергнуться еще одному воплощенію, чтобы стать буддами (совершенными — покитайски Фо; отсюда *названіе китайскаго буддизма религіей* **Фо**). Существовало много буддъ, и будда Шакіамуни не сразу достигъ своего величія, прежде чѣмъ родиться отъ Маіи, а въ предшествовавшій вѣкъ онъ спустился съ неба на землю на бѣломъ слонѣ о шести клыкахъ. Кромѣ буддъ людей („макуши буддъ") школа махаяна знаетъ еще „діани буддъ" или буддъ созерцанія. Они вдохновляютъ и руководятъ буддъ человѣческихъ. Важнѣйшій изъ Діани-буддъ Амитабха пользуется великимъ почитаніемъ въ Китаѣ. Онъ представляетъ собою божество погребальное и завѣдуетъ подземнымъ раемъ—Сукховати. Отъ его взгляда родилось божество Авалокитес-

вара, называемое въ Китаѣ и представляемое здѣсь обыкновенно въ образѣ женщины Кванъ-йинъ, которое пользуется еще бо́льшею популярностію, чѣмъ Амитабха. Сострадательная богиня, – она обѣщала проявляться во всѣхъ безчисленныхъ мірахъ, чтобы спасти ихъ обитателей. Съ цѣлію спасенія она посѣщала и ады. Вотъ одна изъ популярныхъ молитвъ, съ которою обращаются къ ней: „пусть всевидящая и всемогущая Кванъ-йинъ въ силу своего обѣта придетъ сюда на наши молитвы и избавитъ насъ отъ трехъ препятствій“ (нечистыхъ помысловъ, словъ и поступковъ). Стараясь всѣхъ привести въ рай Амитабхы, Кванъ-йинъ заботится и о земномъ благополучіи людей. Она считается подательницею дѣтей, и ея изображенія, указывающія на это ея значеніе, весьма сходны съ изображеніями мадоннъ. Славословія въ честь ея, или вѣрнѣе—заклинанія ея именемъ, повидимому, должны помогать въ самыхъ различныхъ случаяхъ. „Слава доброй сострадательной Кванъ-йинъ. Еслибы я былъ брошенъ на груду ножей, они не повредили бы мнѣ! Еслибы я былъ поверженъ въ огненное озеро, оно не сожгло бы меня! Еслибы я былъ окруженъ голодными духами, они не тронули бы меня! Еслибы я былъ отданъ во власть демоновъ, они не коснулись бы меня! Еслибы я былъ превращенъ въ животное, и тогда я попалъ бы на небо! Слава сострадательной Кванъ-йинъ“. Большое значеніе имѣетъ еще у китайцевъ Майтрейя (Ми-ли-фо)—Будда будущаго, къ которому обращаются ихъ упованія уже въ настоящемъ. Китайскій буддизмъ имѣетъ сложную іерархію, но въ собственномъ Китаѣ нѣтъ однако папы по образу Далай-ламы въ Тибетѣ. Имѣется много китайскихъ монастырей; есть и женскіе.

Прослѣдить развитіе буддизма на китайской почвѣ и оцѣнить его значеніе является дѣломъ чрезвычайно труднымъ. Съ внѣшней стороны эта исторія чрезвычайно проста. Въ II-мъ вѣкѣ до р. Хр. въ Китаѣ явились восемнадцать буддійскихъ миссіонеровъ, которымъ удалось привлечь на свою сторону послѣдователей, но которые потомъ подверглись преслѣдованію со стороны конфуціанъ и таоистовъ. Въ I-мъ вѣкѣ до р. Хр. буддійская пропаганда продолжалась, а въ I-мъ вѣкѣ по р. Хр., именно въ 61 г., императоръ Минг-ти сталъ на сторону буддизма, согласно китайской легендѣ,—вслѣдствіе того, что ему явился во снѣ самъ Фо. Минг-ти отправилъ посольство въ Индію для полученія наставленій относительно буддизма, и изъ Индіи явились жрецы, буддійскія книги, идолы и изображенія и священныя реликвіи (кости Будды). Послѣ этого буддизмъ постепенно утвердился прочно въ Китаѣ, хотя у буддистовъ возникали столкновенія съ конфуціанами и таоистами. Возникаютъ они порою и теперь. Но это—внѣшняя, такъ сказать, экзотерическая исторія буддизма; а онъ имѣетъ еще и эзотерическую исторію. Повидимому, таоизмъ явился дважды плагіаторомъ по отношенію къ буддизму. О Лаодзи повѣствуютъ, что онъ подобно греческимъ мудрецамъ путешествовалъ по разнымъ странамъ. Это—совершенно исключительное сказаніе, потому что китайцы по вопросу о пользѣ посѣщенія иноземныхъ странъ, повидимому, досель держатся воззрѣнія, которое такъ формулировалъ одинъ китайскій императоръ: „я слыхалъ, что варвары (въ составъ которыхъ этотъ императоръ великодушно заключалъ и европейцевъ) научились кое-чему отъ китайцевъ, но я никогда не слыхалъ, чтобы китайцы научились чему-либо отъ варваровъ“. Но философія Тао обнаруживаетъ такое поразительное сходство съ индійскою, что все заставляетъ думать, что тѣмъ или инымъ путемъ Лаодзи прежде познакомился съ послѣднею, а потомъ уже составилъ первую. Это—первое предположительное (за отсутствіемъ историческихъ доказательствъ) вліяніе буддизма на Китай. Вторичное—именно вліяніе ритуала и канонической системы сѣвернаго буддизма на таоистическое устройство должно утверждать уже не предположительно, а положительно. Таоитскіе обряды — подражаніе буддійскимъ съ нѣкоторыми варіаціями. Даже магія таоистовъ, можетъ быть, развилась не безъ буддійскаго вліянія. Только у таоистовъ преимущественно жрецы являются магами, волшебниками и заклинателями, а буддисты раздаютъ заклинательныя формулы и заговоры для самостоятельнаго употребленія всѣмъ. Рабочій утромъ, прежде чѣмъ приступить къ работѣ, сжигаетъ бумажку съ заклинаніями. Да и ученые, выказывающіе по внѣшности презрѣніе къ буддизму, на самомъ дѣлѣ находятъ нужнымъ знать и

употреблять заученныя наизусть магическія изреченія буддистовъ. Даже въ китайской пагодѣ видятъ вліяніе буддизма; ея устройство символизируетъ буддійское представленіе вселенной; нижній этажъ — земля, площадка надъ нимъ—небо, высшіе этажи—это рядъ буддійскихъ небесъ, въ которыхъ обитаютъ духи, бодисатвы и будды.

Ю, таоизмъ и Фо въ настоящее время три государственныя религіи Китая. Въ теоріи и на словахъ между ними не рѣдки столкновенія. Иногда эти столкновенія и не ограничиваются словами. Не рѣдко таоисты иронизировали надъ конфуціанами. Конфуціане не оставались въ долгу. Настроенные раціоналистически, они часто осмѣивали мистицизмъ таоистовъ и буддистовъ, но съ наибольшею враждой, кажется, они относились къ буддистамъ. Буддійскія молитвы за умершихъ они объявляли оскорбленіемъ для умершаго, ибо эти молитвы implicite содержатъ въ себѣ признаніе, что умершій былъ дурной человѣкъ и самъ по себѣ не заслуживаетъ небеснаго блаженства.

Однако, вообще и Фо, и Ю, и таоизмъ мирно уживаются между собою. Это ясно можно видѣть въ отношеніяхъ къ нимъ императоровъ, въ каковыхъ отношеніяхъ, конечно, отражается и настроеніе всего Китая. Встрѣчая новый годъ, императоръ отправляется прежде всего въ шаманскій храмъ. Теперь царствуетъ манджурская династія, сохранившая шаманство, какъ вѣру своихъ предковъ. Шаманство есть вѣра въ духовъ и въ возможность воздѣйствовать на духовъ кудесническими средствами, которыми располагаютъ лишь нѣкоторыя лица—шаманы. Отдавъ дань шаманизму, императоръ приноситъ жертву въ храмѣ предковъ по конфуціанскому обряду, далѣе отправляется на поклоненіе идолу Фо (сдѣланному изъ сандальнаго дерева и считающемуся современнымъ Буддѣ); послѣ этого онъ заѣзжаетъ въ таоитскій храмъ вѣтра. Здѣсь нужно видѣть не просто терпимость и не государственный тактъ, а осуществленіе политеистическаго обычая, котораго держались всѣ народы древности, кадившіе не только своимъ, но и всевозможнымъ чужимъ богамъ. Презрительное отношеніе китайскаго сановника къ Фо, это—рефлексія позднѣйшаго времени и довольно исключительное явленіе въ родѣ скептически презрительнаго отношенія къ почитанію персидскаго Митры въ Римѣ со стороны Лукіана, который говорилъ: „что это за богъ, который не знаетъ погречески и даже не понимаетъ, когда пьютъ за его здоровье?!". Многіе русскіе XI вѣка и многіе инородцы нашихъ дней живутъ по двумъ вѣрамъ—языческой и христіанской. Для китайца жить по тремъ вѣрамъ представляется дѣломъ несравненно болѣе удобнымъ, чѣмъ ходить путями двоевѣрія для нашихъ инородцевъ; каждая изъ китайскихъ государственныхъ религій имѣетъ свою сферу, въ которой преобладаетъ ея вліяніе. Конфуціанство регулируетъ правила семейнаго, общественнаго и государственнаго поведенія, оно освящаетъ традиціонный строй китайской жизни, но таоизмъ—уже потому, что онъ самъ возникъ и выросъ на китайской почвѣ,—не можетъ идти противъ китайскаго строя, а буддизмъ вообще по существу не касается формъ общежитія. Далѣе, таоизмъ служитъ человѣку при различныхъ практическихъ нуждахъ,—при болѣзняхъ, начатіяхъ дѣла, путешествіяхъ. Здѣсь главнымъ образомъ дѣло сводится къ обману таоистскихъ жрецовъ, но рядомъ со сверхестественными и безполезными пособіями они могутъ подавать и полезныя лекарства и полезные совѣты. Въ буддизмѣ находитъ удовлетвореніе китайская забота объ умершихъ близкихъ и любимыхъ людяхъ. Разумъ и совѣсть китайца, конечно, заставляютъ его понимать и чувствовать, что умершій имъ любимый человѣкъ имѣлъ недостатки и грѣхи и что хорошо бы было найти какое-либо средство ихъ загладить и восполнить:—и вотъ является буддизмъ съ своею теоріей возможности облегченія участи усопшихъ при помощи жертвъ, дѣяній и молитвъ живыхъ. Такъ, у китайцевъ недостаточность и неполнота одной религіи восполняется другими, но несомнѣненъ фактъ, что если изъ данныхъ религій ни одна не можетъ удовлетворить человѣка, то никакимъ образомъ не можетъ удовлетворить его и вся ихъ совокупность. Синкретизмъ религіозный—явленіе постоянное, но никогда не дававшее благихъ результатовъ. Изъ нѣсколькихъ невѣрныхъ объясненій физическаго явленія не можетъ получиться научной истины и

изъ нѣсколькихъ невѣрныхъ принциповъ поведенія не можетъ составиться идеальной этики.

Литература. Важнѣйшія иностранныя сочиненія о китайскихъ религіяхъ указаны въ „Иллюстрированной исторіи религіи" *Шантени де-ля-Соссей,* I, стр. 53—83. Важнѣйшими въ настоящее время должны быть названы труды и переводы *J. Legge*'a. Весьма удобочитаемою и снабженною хорошимъ указателемъ является книга *A. Réville*'я, La Religion chinoise, 1889 (болѣе 700 стр.). На русскомъ языкѣ свѣдѣнія о китайской религіи можно получать изъ слѣдующихъ самостоятельныхъ и переводныхъ изданій: о. *Іакинѳа* (Бичурина), Китай въ гражданскомъ и нравственномъ отношеніи; проф. *Васильева,* Религіи Востока (капитальный, но не имѣющійся въ продажѣ трудъ); *Георгіевскаго,* Первый періодъ китайской цивилизаціи. Принципы жизни Китая. Важность изученія Китая. Миѳическія воззрѣнія и миѳы китайцевъ; проф. *С. С. Глаголева,* Религіи Китая; *Беттани и Дугласа,* Великія религіи Востока. Книга о почитаніи родителей (перев. *Д. П. Кониссн* въ „Вопрос. философ. и психол." 1896 г. кн. 5—6); *Конфуція,* „Средина и постоянство" (перев. *Кониссн* ibid. 1895 г. кн. 4). *Кониссн,* Лао-Цзы, *Лао-Цзы*-Тао-Те-Кингъ (перев. *Кониссн). М. Мюллера,* Религіи Китая. *Цвѣткова,* О сектѣ дасовъ («Труды членовъ пекинской миссіи», т. III). Затѣмъ изложеніе китайскихъ вѣрованій находится въ общихъ трудахъ по исторіи религій: анонимнаго автора „Истор. религ. и тайныхъ обществъ"; архимандр. *Хрисанѳа* († еписк. Ретивцева), *Мензиса, Шантени.* Наконецъ, китайскимъ религіямъ всегда удѣляется мѣсто и въ общихъ сочиненіяхъ о Китаѣ [† Арх. *Іакинѳъ* (о немъ см. «Энц.» VI, 11—12), Описаніе религіи ученыхъ, Пекинъ 1906. *Кондратъ Крымскій,* Изложеніе сущности конфуціанскаго ученія, Пекинъ 1906. Для обзора китайской литературы см. очеркъ *Wilhelm Grube* y Paul Hinneberg, Die Kultur der Gegenwart I Theil, VII Abt. (Berlin und Leipzig 1906), S. 313—359. *П. Фоссовъ,* Религіозныя воззрѣнія китайцевъ, Спб. 1908 г.].

С. Глаголевъ.

II. История христіанства въ Китаѣ.

Исторія христіанства въ Китаѣ далеко еще не изучена и памятники, касающіеся ея, еще не собраны. Доселѣ наука располагаетъ только крайне скудными и разрозненными источниками: краткими замѣтками позднѣйшихъ сирійскихъ и армянскихъ хронистовъ, отрывочными извлеченіями изъ китайскихъ лѣтописей, случайными сообщеніями путешественниковъ и нѣсколькими надписями. Поэтому дать полную картину постепеннаго распространенія и прошлыхъ судебъ христіанства въ Китаѣ—въ настоящее время невозможно. Преданія, возникшія въ то время, когда для христіанъ каждой страны хотѣли указать родоначальника въ лицѣ какого-нибудь Апостола (мысль, высказанная еще Иринеемъ и Оригеномъ), пріурочиваютъ начало христіанства въ Китаѣ то къ Апостолу Ѳомѣ, то къ Варѳоломею, то къ Ѳаддею или ученику его Аггею и даже Андрею. Свидѣтельства сирійскихъ и греческихъ лѣтописей о проповѣди въ Китаѣ Варѳоломея (см. Le Quien, Oriens Christ. II), Ѳаддея или Аггея (*Ios. S. Assemani,* Bibl. Orient. III, стр. 3, 11, 16, 17, 20, 25) и Андрея (Софроній въ De vitis apostolorum: Appendix 1 ad Hieron. Catal. scr. eccl. стр. 224 по изд. Фабриція) слишкомъ темны и обязаны своимъ возникновеніемъ старому географическому заблужденію, смѣшивавшему Китай съ Индіей или даже съ Персіей; они не нашли себѣ защитниковъ въ исторической литературѣ, тогда какъ мысль о первоначальномъ распространеніи христіанства въ Китаѣ Ап. Ѳомою долгое время защищалась учеными (*Ant. de Gouvea,* Jornadae Arcebispo de Goa I, 1; *La Crose,* Hist. du Christianisme des Indes I, 38; *N. Frigavtius,* De Christ. expedit. apud Sinas I, 124; *Athan. Kircher,* China illustrata II, 57, VII, 91; *De Premare,* Lettres edific. et. curieuses des missiones etrangères XIX, 449 и особенно *P. Huc,* Le Christianisme en Chine I, Парижъ 1857, ср. *Andr. Müller,* Hebd. observ. Sinic., стр. 10, и *Lud. Le Comte,* Memoires de la Chine II, 140). Но извѣстія о проповѣди Ап. Ѳомы въ Китаѣ, хотя и болѣе многочисленны, однако также поздни, спутанны и неопредѣленны, какъ и извѣстія относительно другихъ Апостоловъ, почему со времени Ренодо (Sur les ancien. relations des Indes et de la Chine, стр. 230) фактъ проповѣди Ап. Ѳомы въ Китаѣ оспаривается большинствомъ ученыхъ (Ф. Куплетъ, Брюзъ, Безобръ и др.). О существованіи христіанства въ Китаѣ до IV вѣка свѣдѣній не сохранилось. Мало достовѣрный писатель Арнобій (II, 50; ср. „Энц." I, 1046—1047) упоминаетъ въ числѣ народовъ, принявшихъ христіанство, и серовъ, т. е. китайцевъ.

Сирійскіе памятники свидѣтельствуютъ, что христіанство процвѣтало въ IV вѣкѣ въ сосѣднемъ китаю Харазанѣ (Ass., Bibl. Or. III, стр. 426). Изъ списка епископовъ, изданнаго Guidi („Zeitschr. d. d. Morgen. Ges." XLIII, 388—414), видно, что въ Гератѣ уже въ 430 г. былъ епископъ, а въ 588 г. митрополитъ; въ 577 г. былъ епископъ въ Самаркандѣ (?), въ 553 въ Мервудѣ. Амръ Ибнъ Матта тирханскій (писатель 1-й половины XIV в.; см. о немъ *Райтъ*, Краткій очеркъ ист. сирійской лит., стр. 182—183 и др.) каѳедру митрополита китайскаго по древности ставитъ непосредственно вслѣдъ за каѳедрою индійской, древность которой доказана Ла-Крозомъ (см. Ass., Bibl. Or. II, гл. 42, стр. 458). Болѣе важное свидѣтельство Эбедъ-iешу (Абдишо; см. Райтъ op. cit.. 22), что Аха, католикосъ Селевкіи (съ 416 г.: Райтъ, 32—33) поставилъ митрополитовъ въ Самаркандъ и Шину, т. е. Китай. Тоже сдѣлали и три его преемника. Отсюда Эбедъ-iешу дѣлаетъ выводъ, что китайцы еще задолго до V вѣка были обращены въ христіанство и имѣли у себя пресвитеровъ и епископовъ (см. Ass., Bibl. Or. III, часть II, гл. IX, § 17, стр. 521). Особенно успѣшна была проповѣдь христіанства въ Китаѣ несторіанскихъ миссіонеровъ. По свидѣтельству Прокопія (De Bello goth. IV, 17), несторіанскіе персидскіе миссіонеры проникли въ Китай и вывезли отсюда въ царствованіе Юстиніана шелковичнаго червя въ греческую имперію. Самый цѣнный и обстоятельный матеріалъ о дальнѣйшей исторіи христіанства въ Китаѣ даетъ знаменитый китайско-сирійскій христіанскій памятникъ, открытый въ 1625 году въ Синанфу, западной столицѣ Китая.

Памятникъ этотъ — громадная (5 × 10 футовъ) гранитная доска, съ китайско-сирійскою надписью, разлагающейся по своему содержанію на три части: 1) обширное введеніе богословско - историческаго характера, 2) китайская надпись съ хронологическою датой и перечисленіемъ участниковъ по сооруженію памятника и 3) сирійская надпись, перечисляющая 60 проповѣдниковъ христіанства и лицъ, сооружавшихъ памятникъ, также съ датой. Объ этомъ памятникѣ существуетъ обширная иностранная (лучшее изслѣдованіе: *Wylie*, On the Nestorian Tablet of Se-gan-Foo) и русская литература (*Спасскій*, Описаніе древняго христіанскаго памятника, открытаго въ Китаѣ въ 1625 году; Историческій очеркъ христіанской проповѣди въ Китаѣ въ „Тр. Кіев. Дух. Акад." 1860 г. ч. II, 112—172; *З. Ѳ. Леонтьевскій* далъ переводъ надписи; проф. *Ан. А. Спасскій*, Сиро-халдейскіе христіане въ „Бог. Вѣстн." 1898 г., май, 227; *егоже*, Древнѣйшій памятникъ христіанства въ Китаѣ, ibid. 1901 г., іюль—августъ, 609—625; *Робертсонъ и Герцогъ*, Ист. хр. ц. I, 686 и особенно *С. С. Слуцкій*, Древнѣйшій христіанскій памятникъ въ Китаѣ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" 1901 г., январь, стр. 151—165; лучшее изданіе *Pautier*, L'inscription Syro-Chinoise de Sin-gan-Fou, Парижъ 1888). Подлинность надписи, оспаривавшаяся, начиная съ Вольтера и Дидро, многими учеными, считавшими ее поддѣлкой іезуитовъ, въ настоящее время не допускаетъ никакихъ сомнѣній. Надпись въ первой своей части рисуетъ судьбы христіанства въ Китаѣ болѣе чѣмъ за полтора столѣтія (635—781 г.). Въ царствованіе Тай-сутъ (второй императоръ 13-й фамиліи Танъ, царствовавшій въ 627—650 г.) въ 9-й Чинъ-куань (636 г.) прибылъ въ Чань-Нянь A-lo-pen (по Assemani = искаженное сирское Яб=алаха = Ѳеодоръ), неся писанія. Императоръ торжественно встрѣтилъ его, велѣлъ перевести священныя книги и черезъ 3 года издалъ указъ, повелѣвающій распространять христіанство въ имперіи, построить сирійскій храмъ въ столицѣ и собрать туда 21 священника.

Христіанство продолжало распространяться и при его преемникѣ Као-Цунѣ (650—684 г.), но при дальнѣйшихъ государяхъ оно подверглось преслѣдованіямъ, пока священникамъ Лохану (глава священниковъ = Іоаннъ), Кили и другимъ не удалось въ 713 г. убѣдить императора Хуэнь-цуня (712—757 г.) въ высотѣ христіанскаго ученія. Покровительство императоровъ христіанству продолжалось и все послѣдующее время, кончая царствованіемъ Куэнь-чуна (780—805 г.), современника самой надписи. За это время изъ Сиріи въ Китай,— по свидѣтельству надписи,—приходили и новые проповѣдники. По сирійскому тексту, памятникъ былъ воздвигнутъ, во дни отца отцовъ господина Хананъ-Іисуса, каѳоличе-

скаго патріарха (Іоаннъ Іисусъ католикосъ † 778 г., за три года до основанія памятника, о чемъ не знали, по предположенію Ассемани, въ Китаѣ за дальностью разстоянія), и Адама, пресвитера, хорепископа и папы китайскаго, 1092-й годъ греческой эры" (781 по р. Хр.). Сообщаемые памятникомъ факты подтверждаются и другими извѣстіями, относящимися къ тому же времени. Несторіанскіе писатели сообщаютъ, что несторіанскій католикосъ Сéлиба-Зехà (713—729 г.; см. Райтъ 130) возвелъ китайскую каѳедру на степень митрополіи *Ass.*, Bibl. Or. III, часть II, стр. 426); ср. *Yule*, Cathey and the Way thither, I, London 1866, prelim. essay, стр. XCI); съ этимъ вполнѣ гармонируетъ извѣстіе памятника о покровительствѣ христіанству императора Хуэнь-цуня (712—757 г.) и о прибытіи новой миссіи въ 715 году изъ Сиріи. О несторіанскихъ миссіонерахъ, оставившихъ памятникъ вѣроученія, говорится и въ китайской книгѣ Кунь-юй-ту (см. Труды членовъ русск. дух. миссіи въ Пекинѣ, т. III, статья „Христіанство въ Китаѣ"). Для дальнѣйшей исторіи христіанства приходится довольствоваться отрывочными замѣчаніями арабскихъ и сирійскихъ писателей. Повидимому, много было сдѣлано для миссіи въ Китаѣ при католикосѣ Тимоѳеѣ I (съ мая 780 до 819—823 г.; см. Райтъ 135—137 и др.), ревностно распространявшимъ христіанство въ средней Азіи, такъ что въ христіанство будто-бы обратился и самъ хаканъ тюрковъ (Ass., Bibl. Or. III, I. 160. II, 478—482). Миссіонеръ Субхальешу, посланный при немъ въ прикаспійскія области, отправился оттуда въ глубь средней Азіи и дошелъ до Китая. Въ Китай Тимоѳей послалъ митрополитомъ какого-то Давида (*Mosheim*, Hist. Eccl. Tartar., часть I, стр. 13—16; *Thomas Margensis*, Hist. Monastica, кн. I, гл. XX; *Renaud G.*, Ancienn. relat. des Indes et la Chine, стр. 319). Около этого же времени въ Китаѣ появились и манихеи. Манихейство было очень распространено между сосѣдними съ Китаемъ народами. По свидѣтельству Масуди, между тугузгурами и уйгурами (см. *G. Flugel*, Mani, Лейпцигъ 1862, стр. 381), а по свидѣтельству Бируни (Chronol. изд. Sachau 1878 г.)—и между восточными турками, тибетцами и индусами. Болѣе всего распространяли манихейство въ Китаѣ уйгуры. Въ „Исторіи династіи Танъ", по переводу Іакинфа (I, 415), сказано, что уйгурскіе манихеи (Мони) въ первый разъ прибыли въ Китай въ 806 г.; но архим. Палладій, ссылаясь на ту же „Исторію дин. Танъ" говоритъ, что манихеи были извѣстны въ Китаѣ уже въ VI вѣкѣ, что въ 768 г. въ столицѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ были построены монастыри для уйгурскихъ Мони (Восточный сборникъ I, стр. 51; ср. проф. *В. Бартольдъ*, О христіанствѣ въ Туркестанѣ въ домонгольскій періодъ въ „Запискахъ восточнаго отдѣл. Импер. Русск. Археол. Общ." т. VIII, вып. 1—11, Спб. 1893, 1—33; это цѣнное изслѣдованіе В. Бартольда издано въ нѣмецкой переработкѣ д-ра *Рудольфа Штубе*, Тюбингенъ и Лейпцигъ 1901). Упоминаемые въ открытой въ 1895 году китайской надписи „Kara Balgassun" Moni суть манихеи, а не несторіане (см. R. E. v. Herzog-Hauck XII³, 224). Несомнѣнно все же, что манихейство было гораздо менѣе распространено въ Китаѣ, чѣмъ несторіанство. И послѣ Тимоѳея I, преемники его, багдадскіе католикосы, также называвшіеся Тимоѳеями, продолжали посылать въ Китай матрановъ или митрополитовъ до конца XIII в., о чемъ свидѣтельствуютъ сказанія вышеупомянутаго Амръ-Ибнъ Матта тирханскаго. Такъ какъ въ несторіанской церкви, какъ и въ другихъ восточныхъ церквахъ, титулярныхъ епископовъ не существовало, то назначеніе особыхъ митрополитовъ для Китая указываетъ на значительные успѣхи здѣсь христіанства. На это же намекаетъ и повышеніе китайскаго митрополита въ іерархическомъ рангѣ: въ IX вѣкѣ онъ ставится не послѣ митрополита индійскаго, но на первомъ мѣстѣ послѣ шести первенствующихъ митрополитовъ несторіанской церкви. Въ девятомъ же вѣкѣ китайскому митрополиту было дозволено католикосомъ не являться лично къ нему, а лишь письменно извѣщать его о состояніи церкви въ Китаѣ чрезъ каждые шесть лѣтъ. Абульфараджъ (см. „Энц." I, 82—83), путешествовавшій по Китаю въ серединѣ IX вѣка, говоритъ, что онъ видѣлъ въ городѣ Тагонѣ много христіанскихъ монаховъ, посланныхъ сюда католикосомъ (Le-Quien, Oriens Christ. т. II, гл. XIII, стр. 1268; ср. *Aellius*, Not. in Abulphar., стр. 76). Ибнъ-Багобъ, бывшій въ

Китаѣ во второй половинѣ IX в., разсказываетъ, что мятежникъ Байхи умертвилъ въ г. Канъ-фу (Кантонъ) множество христіанъ за то, что они не хотѣли измѣнить законному императору, и что императоръ китайскій показывалъ ему изображеніе Ноя, Моисея и Христа, къ которымъ онъ относился съ благоговѣніемъ. (*Eus. Renaud.*, Annal. подъ 851 или 877 г. по другому изданію и въ Encien. relat. des Indes et de la Chine, стр. 51. 63 и 72). О положеніи христіанства въ Китаѣ въ дальнѣйшее время до завоеванія его татарами во второй половинѣ XIII в. свѣдѣній почти не сохранилось, но можно думать, что христіанство здѣсь продолжало существовать. Это (помимо факта назначенія китайскихъ митрополитовъ) косвенно доказывается силою несторіанской пропаганды за это время, обратившей въ несторіанство около 1007 года многочисленное сосѣднее Китаю племя хераитовъ и вообще успѣвшей сдѣлать новыя завоеванія среди сосѣднихъ Китаю народовъ, что повело, между прочимъ, къ созданію легенды о пресвитерѣ Іоаннѣ (см. „Энц." VII, 92—97 а также Исторію Монголовъ *Рашидъ-ед-дина* въ „Трудахъ вост. отдѣл. Имп. Арх. Общ." ч. V, стр. 94, Спб. 1858; † проф. *Н. Ѳ. Красносельцевъ*, Западныя миссіи противъ татаръ язычниковъ, Казань 1872, стр. 8 — 98; *Бартольдъ* loc. cit.). О силѣ несторіанской пропаганды свидѣтельствуютъ и несторіанскія надписи въ Семирѣченской области XII—XIV в. (см. проф. *Д. А. Хвольсонъ*, Syrische Grabinschriften aus Simirjetschie въ „Mém. de l'Acad. Imp. des Sc. de St. Pètersb." VII серія, т. XXXIV, № 4; *Его же* Syrisch-Nestorien Grabinschriften... ibid. VII серія, т. XXXVII, № 8, 1890; *Егоже*, Syrisch-Nest. Grabinschr... neue Folge, Спб. 1897; *Райтъ-Коковцевъ* op. cit., 136; *С. С. Слуцкій* и *Ѳ. Е. Коршъ*, Древности восточныя, Москва 1889 и 1891. т. I, стр. 3—66, 67—72 и 176—194). Продолжало существовать христіанство въ Китаѣ и тогда, когда восточные татары завоевали Китай подъ предводительствомъ Кублая (1259—1302 г.) и основали тамъ монгольское государство со столицею въ г. Ханъ-Балыкѣ (Пекинѣ). Источникомъ свѣдѣній служатъ теперь, кромѣ восточныхъ писателей,—и западные миссіонеры. Сирійскія лѣтописи сообщаютъ, что Коблай, уважавшій предпочтительно предъ другими религіями христіанскую, имѣлъ въ своей столицѣ Ханъ-Балыкѣ митрополита, подчиненнаго несторіанскому католикосу. По кончинѣ этого митрополита († 1279 г.), католикосъ Іоаннъ Деньга прислалъ по просьбѣ ильхана Коблая митрополитомъ Симеона Варъ Калина, архіепископа харазанскаго города Товзы. За неповиновеніе католикосу этотъ Симеонъ былъ скоро сосланъ, а на его мѣсто назначенъ пекинскій монахъ, уйгуръ по національности, Муркосъ, предпринявшій путешествіе изъ Ханъ-Балыка чрезъ Тибетъ и восточный Туркестанъ въ сѣверную Месопотамію вмѣстѣ съ другимъ монахомъ. Описаніе этого путешествія, сообщающее цѣнныя свѣдѣнія объ исторіи христіанства въ Китаѣ, издано въ 1888 г. въ Парижѣ Беджаномъ (2 изд. 1895; см. Райтъ, 210 — 212). Но Муркосу не пришлось возвратиться въ Китай, такъ какъ онъ былъ избранъ—по смерти католикоса Іоанна Деньги его преемникомъ подъ именемъ Ябъ-алахи III (1281—1317 г.) и послалъ въ Китай митрополитомъ Варъ-Сергія вмѣсто себя. Варъ-Сергій съ подчиненными епископами и монахами неутомимо и съ большимъ успѣхомъ распространялъ несторіанство въ Китаѣ и построилъ тамъ много великолѣпныхъ церквей. Онъ былъ послѣднимъ несторіанскимъ митрополитомъ въ Китаѣ, и управлялъ китайскою митрополіей до конца XIII вѣка (см. Bibl. Orient. II, стр. 259 и 557 ibid. Абдульфараджъ; *Mosheim*, Hist. Tartar., часть I, § XIX; Oriens christ., т. III, гл. XIII). Западные путешественники, бывшіе въ концѣ XIII вѣка въ Китаѣ, сообщаютъ новыя подробности. Вильгельмъ Рубрухвисъ, бывшій въ 1253—1254 г. у великаго хана Менгу, брата Кублая, сообщаетъ, что въ 15 городахъ, лежавшихъ по главной китайской дорогѣ, онъ видѣлъ много несторіанъ; что несторіанскій епископъ жилъ въ г. Сегинѣ (вышеупомянутомъ Сиканфу), что у несторіанъ былъ и митрополитъ, зависѣвшій отъ багдадскаго католикоса, но въ то же время каѳедра его была праздною (см. Средневѣковыя путеш., посѣщавшія Россію въ „Чтен. въ Общ. ист. и древн." 1864 г., кн. 3, стр. 179—180, ср. Oriens Christ. II, гл. XIII, стр. 1263). Марко Поло, описавшій путешествіе въ Ханъ-Балыку своихъ отца и дяди въ 1260 году и свое собственное въ 1280—

1295 г.г., говоритъ, что въ имперіи Кублая христіане составляли значительную партію, которая подъ предводительствомъ племянника Кублая Наяна сдѣлала даже неудачную попытку оружіемъ получить преобладаніе и что самъ Кублай благосклонно относился къ христіанству. При осадѣ Синанфу Кублаю помогали бывшіе съ нимъ христіанскіе мастера. Въ городѣ Синанфу,— добавляетъ по этому поводу Марко,—были христіанскія церкви несторіанъ, построенныя митрополитомъ Варъ-Сергіемъ, посвященнымъ по приказанію великаго хана въ 1288 г. католикосомъ багдадскимъ. Повидимому, несторіанскіе храмы были въ Китаѣ многочисленны, ибо Марко Поло подчеркиваетъ, какъ исключеніе, тотъ фактъ, что въ одномъ городкѣ былъ только одинъ (una solum ecclesia) несторіанскій храмъ (см. Путешествіе Марко Поло въ „Чтен. въ Общ. ист. и др.“ 1861—1862 г.г.). Іоаннъ Монте-Корвино, прибывшій въ Ханъ-Балыку въ 1291 г., сообщая о результатахъ своей миссіи въ донесеніи папѣ отъ 8 января 1305 года, пишетъ между прочимъ, что... „императоръ монгольскій оказываетъ многія благодѣянія христіанамъ“, что „несторіане такую силу имѣютъ въ этихъ странахъ, что не дозволяютъ, чтобы христіанинъ какого-либо другого обычая имѣлъ хотя бы маленькій молитвенный домъ или проповѣдывалъ какое-либо другое ученіе, кромѣ христіанскаго. „Въ 1909 году въ Китаѣ было 38 анатолійскихъ викаріатствъ и двѣ апостольскихъ префектуры съ 801.621 католиками, 915 европейскими миссіонерами и 409 туземцами и 4.839 церквами и часовнями. Іоанну удалось обратить въ католичество одного изъ царей этой страны несторіанина Георгія, потомка Ванъ-хана (см. Іоаннъ Пресвитеръ: „Энц.“ VII, ст. 92—97). и большую часть его народа, но, когда Георгій умеръ (1299 г.), братья его вмѣстѣ съ народомъ обратились въ прежнюю схизму Монте-Корвино самыми мрачными красками рисуетъ нравственное состояніе несторіанъ и враждебное отношеніе ихъ къ католикамъ, но, повидимому, эти отрывки далеко не безпристрастны, а враждебное отношеніе было вызвано чуть ли не самимъ Монте-Корвиномъ, такъ какъ вообще несторіане очень терпимо относились ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ и сами призывали къ монголамъ священниковъ разныхъ исповѣдѣній (см. Бартольдъ op. cit., 11). Монте-Корвино началъ ожесточенную борьбу съ несторіанскимъ духовенствомъ, окончившуюся въ его пользу. Въ 1305 году императоръ далъ повелѣніе „проповѣдывать однимъ францисканцамъ, несторіанамъ же, какъ еретикамъ и гонителямъ невинныхъ, не только воспрещено было учить, но и велѣно удалиться изъ имперіи“. (*Mosheim*, Hist. Tart. eccl. часть II, § 31). Еще ранѣе титулъ митрополита китайскаго былъ соединенъ съ титуломъ индійско-малабарскаго митрополита. Сильный ударъ христіанству къ Китаѣ нанесла смѣна династій. Монгольская династія смѣнилась въ 1369 г. китайскою династіей Минъ. Вмѣстѣ съ монголами должно было пасть и все, чему они покровительствовали, а особенно христіанство, которое держалось въ Китаѣ главнымъ образомъ среди монголовъ и благодаря ихъ благосклонности. Католическіе миссіонеры были изгнаны; изгнанію, преслѣдованіямъ и насиліямъ подвергались и несторіане, а ихъ храмы были разрушены. Послѣ этого христіанство продолжало существовать въ Китаѣ лишь тайно. Еще болѣе сильнымъ ударомъ для китайскаго христіанства было паденіе несторіанской, сирійско-халдейской церкви, отъ которой оно получило начало. Не смотря на свои успѣхи, несторіанство въ Китаѣ не могло сдѣлаться основой національной жизни; оно было лишь наноснымъ явленіемъ, державшимся постояннымъ приливомъ свѣжихъ силъ изъ Сиріи. Но, когда нашествіе Тимура почти смело съ лица земли сирійское несторіанство, источникъ, питавшій китайское христіанство, изсякъ, а за нимъ исчезло и оно само. Возобновившіе католическую миссію въ Китаѣ въ XVI вѣкѣ іезуиты нашли здѣсь лишь слабые слѣды христіанства (Christ. exped. apud. Chinas, кн. I, гл. IX, стр. 121 сл. *Dugald,* Description de la Chine I, стр. 175; *Andr. Müller*, Chataia, стр. 58); и малочисленные христіане въ это время такъ погрязли въ языческихъ суевѣріяхъ, что многіе путешественники не могли отличить ихъ отъ язычниковъ и утверждали, что въ Китаѣ нѣтъ никакого слѣда христіанства (*Eus. Renaud,* Relationes antiquae Indorum et Sinarum, стр. 270).

III. Инославныя миссіи въ Китаѣ. Миссіонерское дѣло въ Китаѣ—государствѣ съ 400 милioннымъ населеніемъ, разсѣяннымъ на 18 почти самостоятельныхъ провинцій,—соединено съ особенными трудностями, каковы: трудный языкъ, гордое самодовольство его обитателей, консерватизмъ ихъ и ненависть къ иностранцамъ, неразрывная связь всей государственной и общественной жизни съ конфуціанствомъ и господствующій надъ всѣмъ культъ предковъ.

Католическая миссія здѣсь явилась много раньше протестантской. Уже въ XIV вѣкѣ здѣсь была французская миссія (Іоаннъ Монте-Корвино), погибшая въ 1370 г. Возстановлена она была іезуитами Франциском Ксавье († 1552 г.) и его преемниками, отправившимися на португальскую колонію Макао. Особенно замѣчателенъ изъ его преемниковъ Маттео Риччи (1582—1610 г.). Благодаря своимъ математическимъ познаніямъ, онъ достигъ высшихъ государственныхъ должностей и пользовался благосклонностію самого императора. Его миссіонерскій методъ состоялъ въ приспособленіи христіанства къ мѣстной религіи: проповѣдуемое имъ христіанство мирилось и съ культомъ предковъ и съ почитаніемъ Конфуція, требуя только почитанія распятія, иконъ и т. п. Подобнымъ образомъ дѣйствовали и его преемники, ставшіе нужными людьми для Китая своими техническими знаніями. Особенно успѣшно пошла дѣятельность іезуитовъ послѣ указа императора Кванги (Канхи), дозволившаго принимать христіанство своимъ подданнымъ. Въ концѣ XVII вѣкѣ въ Китаѣ было уже около 30 тысячъ христіанъ. Съ 1630 г. появились многочисленныя доминиканскія и францисканскія миссіи, также усвоившія приспособительный методъ. Когда папа послалъ легатовъ для искорененія неблаговидныхъ миссіонерскихъ пріемовъ, миссіонеры посадили одного легата въ тюрьму, другого изгнали изъ Пекина. Преемникъ императора Канхи († 1723 г.) Юнгъ-Чингъ, считая опаснымъ вмѣшательство папы, запретилъ христіанство. При послѣдовавшемъ гоненіи число христіанъ быстро уменьшилось. Изъ всѣхъ орденовъ остались одни іезуиты, придерживавшіеся (не смотря на папскую буллу) прежней практики. Уничтоженіе ордена іезуитовъ и рядъ гоненій на христіанъ совершенно подорвали дѣло католической миссіи. Снова начинаетъ оно рости послѣ мира въ Нанкинѣ (1842 г.), по которому Китай вынужденъ былъ дозволить католическую религію. По пекинскому миру (1860 г.) католикамъ возвращены были даже ихъ прежнія церковныя владѣнія. Католическая миссія опирается на вооруженную силу европейскихъ государствъ, особенно Франціи, крупныя суммы, благодаря дипломатическому давленію, выплоченныя Китаемъ миссіи за преслѣдованіе христіанъ, дали возможность широко развить дѣло, но вызвали и особенное недовольство народныхъ массъ, чему способствовали еще возвышеніе духовныхъ лицъ въ роли мандариновъ и подсудность христіанъ только суду католическаго духовенства. Во время боксерскаго возстанія 1900 года погибло 35 европейскихъ католическихъ миссіонеровъ и около 20.000 туземцевъ христіанъ. Число христіанъ послѣ 1900 года уменьшилось. До этого возстанія христіанъ католиковъ въ Китаѣ насчитывалось 762.758 съ 942 европейскими миссіонерами, а послѣ возстанія — 720.540 съ 904 миссіонерами.

Протестанская миссія явилась въ Китаѣ только послѣ мира 1842 года, открывшаго для европейцевъ 5 гаваней. Въ окрестностяхъ этихъ гаваней и дѣйствовали протестантскіе миссіонеры, хотя и не особенно успѣшно: число христіанъ до 1862 г. не достигало и трехъ тысячъ. Гораздо успѣшнѣе пошло было обращеніе съ 1862 г., когда была дана религіозная свобода. Благодаря главнымъ образомъ неутомимому миссіонеру Гудсону Тэйлору и его „Внутренней Китайской миссіи (China-inland-Mission), миссіонерскіе пункты явились во всѣхъ 18 китайскихъ провинціяхъ и число христіанъ протестантовъ дошло въ 1900 году до 200.000 (въ томъ числѣ въ Манджуріи около 40.000). Протестантскихъ миссіонерскихъ обществъ въ Китаѣ насчитывается до 40 съ 1800 миссіонерами (1100 мужчинъ и 700 женщинъ) и съ 2079 школами. Во время возстанія 1900 года протестантская миссія пострадала еще больше католической. Тысячи христіанъ и 187 миссіонеровъ были убиты, имущество миссій было разграблено. Насколько виновны сами миссіонеры, — судить трудно, но во всякомъ случаѣ болѣе

виновата католическая миссія, всегда вплетавшая въ свои дѣла политику, чѣмъ протестантская. Особенно виновенъ католическій нѣмецкій епископъ Анцеръ, хвалившійся тѣмъ, что пріобрѣтеніемъ Кіао-Чао Германія обязана ему. Несомнѣнно также, что главнымъ виновникомъ возмущенія были не миссіонеры, а нехристіанская политика захватовъ европейскихъ государствъ, оскорблявшая національную гордость китайцевъ. Послѣ подавленія возстанія убытки, причиненныя миссіямъ, были возмѣщены и дѣло миссіи опять было поставлено на прочную почву. Особенно притязательными оказались при этомъ католическія миссіи. [О протестантскихъ и католическихъ, а частію и о другихъ христіанскихъ миссіяхъ въ Китаѣ см. еще брошюру Marinepfarrer *Albert Klein*'a, Die evangelische und die katholische Mission in China: ein kurzes Wort zur Orientierung,Gütersloh 1905.].

IV. Русская православная миссія въ Китаѣ. Изъ Россіи въ Китай христіанство впервые было занесено еще въ XIII вѣкѣ нѣсколькими тысячами русскихъ плѣнниковъ, потомки которыхъ, составлявшіе особый отрядъ еще въ 1331 г., впослѣдствіи совершенно исчезли въ громадной имперіи. Въ 1681 году въ Даурію была отправлена миссія изъ игум. Θеодосія и чернаго попа Макарія съ братіей, снабженная отъ тобольскаго митрополита Павла особою инструкціей. Въ завоеванномъ русскими казаками г. Албазинѣ была православная церковь. Но ни одно изъ указанныхъ событій не имѣло важныхъ послѣдствій для распространенія христіанства въ Китаѣ,—и прочное основаніе русской миссіи тамъ положено было нѣсколько позднѣе. Именно, когда въ 1685 году г. Албазинъ былъ снова взятъ китайцами,—часть русскихъ плѣнныхъ, въ числѣ 45 человѣкъ съ нѣсколькими женщинами и дѣтьми, пожелала принять китайское подданство и, уходя изъ Албазина въ Пекинъ, насильно увела съ собою русскаго священника Максима Леонтьева, захватила также церковную утварь и иконы. По прибытіи въ Пекинъ плѣнникамъ, по распоряженію императора Канхи (или Кванги), былъ отданъ участокъ земли въ с.-в. углу города, буддійское капище и кладбище за городомъ; сами же они были зачисленны въ войска. Капище было передѣлано въ часовню св. Николая Чудотворца, и о. Максимъ открылъ въ ней богослуженіе. Нужда въ храмѣ заставила о. Максима обратиться къ тобольскому митрополиту съ просьбою объ открытіи церкви. Митроп. Игнатій въ 1695 г. прислалъ съ верхотурскимъ свящ. Григоріемъ и діакономъ тобольскаго собора Лаврентіемъ Ивановымъ антиминсъ для освященія церкви въ честь Софіи Премудрости Божіей, а также богослужебныя книги, сосуды, миро и свою грамоту, въ которой, привѣтствуя невольника, повелѣлъ молиться о китайскомъ ханѣ. Церковь была освящена въ 1696 г.. и о. Максимъ дѣятельно продолжалъ свой апостольскій подвигъ еще долгое время († 1711 или 1712 году). Албазинцы, получившіе въ жены китаянокъ изъ разбойничьяго приказа, скоро было совсѣмъ забыли своего пастыря и церковь,—и дѣлу русской миссіи грозила опасность. Тогда тобольскій митрополитъ послалъ обличительную грамоту (1711 г.), и это образумило албазинцевъ. Въ тоже время торговыя сношенія Россіи съ Китаемъ увеличились и русскимъ гостямъ по Нерчинскому договору (1689 г.) дозволено было торговать на особомъ подворьѣ, въ южной части города. Такія событія скоро дошли до свѣдѣнія Петра I, и онъ задумалъ дѣло миссіи поставить довольно широко; съ этою цѣлью, по совѣту съ п. Адріаномъ, 18 іюня 1700 г. царь издалъ указъ, коимъ повелѣлъ по дѣламъ распространенія христіанства въ Китаѣ писать митроп. кіевскому (Варлааму Ясинскому), чтобы онъ нашелъ для занятія митрополичьей каѳедры въ Тобольскѣ человѣка добраго и ученаго, который бы могъ успѣшно вести дѣло, а митрополиту повелѣвалось избрать 2—3 молодыхъ людей для изученія китайскаго и монгольскаго языковъ, чтобы они впослѣдствіи могли распространять христіанство въ Китаѣ, поддерживать его среди русскихъ поселенцевъ и „своимъ благимъ житіемъ хана китайскаго и ближнихъ его людей и обще ихъ народъ привести къ тому святому дѣлу“. Этимъ указомъ обезпечивалось на будущее время существованіе миссіи и въ тоже время опредѣлялись и ея задачи: 1) быть посредницею между Россіей и Китаемъ, 2) поддерживать христіанство среди русскихъ поселенцевъ и, по возможности, привлекать къ христіанству китайцевъ и 3) доставлять драгомановъ,

каковыми, дѣйствительно, до самаго послѣдняго времени были члены пекинской миссіи. По полученіи согласія отъ китайскаго хана на принятіе русской миссіи, послѣдняя была утверждена въ 1712 г. и, въ составѣ архимандрита Иларіона (Лежайскаго, восп. кіев. Дух. Акад.)., іером. Лаврентія, іеродіак. Филиппа и 7 причетниковъ, была отправлена въ Пекинъ, куда и прибыла въ 1715 году. Члены этой миссіи получили щедрое вспомоществованіе отъ хана Канхи и были опредѣлены на службу съ жалованіемъ 428 р. 70 к. въ годъ на всѣхъ.

О дѣятельности первой миссіи мало сохранилось свѣдѣній; составъ ся скоро разстроился: архимандритъ черезъ годъ 9 мѣс. умеръ, 4 члена вернулись въ Россію, а въ Пекинѣ остался только одинъ священникъ съ причтомъ изъ 3 человѣкъ. Дѣло миссіи однако не умерло; предположено даже было въ противовѣсъ католикамъ основать епископію. Переговоры по этому дѣлу были поручены капитану Измаилову, прибывшему въ Пекинъ въ 1720 г. вмѣстѣ съ новымъ архимандритомъ Антоніемъ (Платковскимъ). Но это посольство успѣха не имѣло, и прибывшій къ границамъ Китая съ грамотою отъ Сената пекинскому инородческому Приказу Иннокентій (Кульчицкій, см. „Энц.“ V, 942—944), назначенный (5 марта 1721 г.) на епископство въ Пекинъ, не былъ допущенъ въ Китай по проискамъ іезуитовъ. Послѣ вторичной неудачной попытки утвердить каѳедру (1725 г.), пришлось назначить начальникомъ миссіи архим. Антонія съ тѣмъ, чтобы онъ взялъ съ собою священника, діакона и трехъ учениковъ иркутской монгольской школы и изъ кіевской Академіи, которымъ данъ былъ приказъ изучать бытъ и нравы Китая. Не смотря на то, что, по смерти хана Канхи, пропаганда была запрещена, по Кяхтинскому договору (1728 г. § 5) дозволено было жить одному русскому священнику и другимъ, которые могли прибыть изъ Россіи, на посольскомъ дворѣ, гдѣ и устроена была церковь во имя Срѣтенія Господня. Съ этого же времени опредѣлено было впредь посылать чрезъ каждыя 10 лѣтъ архимандрита, 2 іеромонаховъ, іеродіакона, 2 причетниковъ и 4 учениковъ изъ среднихъ дух.-учеб. заведеній. Всѣмъ членамъ платилось жалованье, но никто изъ нихъ не имѣлъ права уѣзжать изъ Пекина до окончанія срока.

Новая миссія (1729 г.) расположилась въ посольскомъ подворьѣ, гдѣ съ этого времени и жила по 1863 г., когда она вернулась на прежнее свое мѣсто. Такъ устроилась русская миссія въ первое время, а потомъ она продолжала свою дѣятельность, руководствуясь сначала грамотами тобольскихъ и иркутскихъ архипастырей, затѣмъ—наказами министерства иностранныхъ дѣлъ и, наконецъ, окончательно отдѣлившись отъ дипломатической миссіи, перешла въ вѣдѣніе Св. Синода. Миссіонерская дѣятельность пекинской миссіи, къ сожалѣнію, еще долгое время не была плодотворна. Этому способствовало, то обстоятельство, что въ составѣ членовъ миссіи въ XVIII ст. преобладали малороссы (Лежайскій, Платковскій, Иларіонъ Трусъ, Николай Цвѣтъ, Шишковскій), не отличавшіеся усердіемъ. Въ первое время своего пребыванія они готовы были посвятить себя апостольской дѣятельности, но у нихъ не хватало энергіи, и часто члены миссіи предавались пьянству, картежной игрѣ и пр. Само правительство посылало далеко не лучшихъ людей, да и сами миссіонеры смотрѣли на свое пребываніе въ Пекинѣ, какъ на ссылку или, въ лучшемъ случаѣ, какъ на переходную ступень къ занятію высшей должности. Миссія часто бѣдствовала, получая отъ правительства жалованье на нѣсколько лѣтъ „мягкою рухлядью“. Все это гибельно отражалось на дѣлахъ миссіи: паства сократилась, зданія требовали ремонта. Правда, въ миссію Амвросія Юматова (1755—1771 г.), бывшаго учителя піитики въ славяно-греколат. Академіи, церкви и другія зданія были ремонтированы, и имъ было крещено 200 албазинцевъ, но скоро опять все пришло въ упадокъ,—тѣмъ болѣе, что миссіонеры больше были заняты дипломатіей. Для постановки дѣла на практическую почву, начальникъ 8-й миссіи Софроній Грибовскій предлагалъ завести русскія школы для обученія молодого китайскаго поколѣнія, а въ миссію присылать молодыхъ лицъ, окончившихъ, по крайней мѣрѣ, духовную Семинарію, чтобы они могли изучать китайскій языкъ. Проектъ однако не былъ осуществленъ, и въ началѣ XIX вѣка церковь посѣщало только одно семейство старшины русской роты, прочіе же албазинцы превратились въ совершенныхъ манчжуровъ. Церковь Срѣтенія не имѣла никакихъ украшеній, а Успенская была ветха.

Въ такомъ положеніи принялъ русскую миссію Іакинѳъ Бичуринъ („Энц." VI, 11—12) и передалъ ее своему преемнику съ 1818 г. архимандриту Петру Каменскому. При Каменскомъ была устроена школа для албазинцевъ, при чемъ для привлеченія къ занятіямъ имъ платили по 3 р. въ мѣсяцъ; на школу отпускалось 1.500 р., а на всю миссію 16.250 р. Въ миссію, организованную при Азіатскомъ Департаментѣ въ 1839 г., были приглашены и студенты с.-петербургской Духовной Академіи для изученія Китая,— и она, дѣйствительно, много сдѣлала для науки, давъ замѣчательныхъ синологовъ. Тогда же астрономомъ Гошкевичемъ было положено начало астрономическимъ наблюденіямъ при русскомъ подворьѣ. На новый и и вѣрный путь вступила русская миссія, когда начальникомъ ея сталъ архим. Гурій Карповъ (впосл. епис. таврическій), переведшій на китайскій языкъ Евангеліе. Въ то же время политическими событіями русская миссія была выведена изъ спячки. По Тяньзыньскому договору (1858 г.) была разрѣшена пропаганда во внутреннихъ областяхъ Китая и миссіонерамъ позволено выѣзжать, когда и куда угодно. Пользуясь этимъ, русская миссія по новой инструкціи (1859 г. § 1) отступила отъ обычной системы преувеличенія числа христіанъ и поддержки христіанства только среди албазинцевъ. Расходы по содержанію миссіи были возложены всецѣло на русское правительство; изъ ея вѣдѣнія изъяты были всѣ свѣтскія дѣла по дипломатической части, а затѣмъ и сама она была переведена на сѣверное подворье. Все это благопріятно повліяло на дѣятельность пекинской миссіи,— тѣмъ болѣе, что она имѣла такихъ выдающихся членовъ, какъ—архим. Палладій Каѳаровъ († 1878 г.) и іеромонахъ Исаія Пешкинъ († 1871 г.). Архим. Палладій долгое время былъ занятъ обработкою „Китайско-русскаго словаря" (изд. въ 1889 г. П. С. Поповымъ); а о. Исаія работалъ надъ устройствомъ миссіи на новомъ ея мѣстѣ и, въ то же время, явился дѣятельнымъ и убѣжденнѣйшимъ проповѣдникомъ. Онъ много дѣлалъ для успѣха миссіи, положивъ твердое начало переводу богослужебныхъ книгъ на китайскій языкъ, составленіемъ двухъ словарей: одного общаго содержанія, другого спеціально богословскаго и церковнаго. Онъ же положилъ начало распространенію православія среди китайцевъ за предѣлами Пекина, окрестивъ нѣсколько китайскихъ семействъ (1868 г.) въ деревнѣ Дунь-динь-анѣ, гдѣ потомъ была выстроена церковь во имя Иннокентія иркутскаго. Переводъ богослужебныхъ книгъ и отдѣльныхъ пѣснопѣній быстро подвигался впередъ. До 1860 года были сдѣланы переводы со славянскаго языка „молитвы Господней", „Символа вѣры", утреннихъ и вечернихъ молитвъ и послѣдованія ко св. причащенію, теперь же, благодаря трудамъ архим. Палладія и особенно о. Исаіи дѣло перевода богослужебныхъ книгъ настолько было успѣшно, что въ 1866 г. позволено открыть богослуженіе на китайскомъ языкѣ, хотя и съ нѣкоторыми сокращеніями. Слѣдующая миссія, во главѣ съ архим. (потомъ митрополитомъ кіевскимъ) Флавіаномъ (Городецкимъ), занята была учено-издательскою дѣятельностію. Его помощники іеромонахи Алексѣй Виноградовъ (оконч. курсъ въ Спб. Дух. Акад.) и Николай Адоратскій (изъ казан. Дух. Ак., историкъ миссіи въ Пекинѣ) занялись собираніемъ и провѣркою прежнихъ переводовъ и они же принимали участіе при переводѣ Октоиха. Благодаря дружной работѣ, богослужебныя книги были изданы въ 1884 г. въ 20 томахъ. Держась инструкціи 1863 г., русская миссія направила свою дѣятельность на поддержаніе православія среди албазинцевъ и обращенныхъ китайцевъ и на улучшеніе церковнаго пѣнія, проповѣди и преподованія въ школахъ. Однако, все это мало способствовало распространенію православія въ Китаѣ; недостатокъ же средствъ препятствовалъ развитію болѣе широкой дѣятельности. Впрочемъ, при преемникѣ Флавіана архим. Амфилохіи Лутовиновѣ (1884—1895 г.) православное служеніе, кромѣ пекинскихъ подворій и деревни Дунь-динь-анъ, совершалось еще въ Ханькоу, Тяньцзинѣ, Калганѣ и Ургѣ. Школа при подворьѣ состояла изъ мужского и женскаго отдѣленія; въ томъ и другомъ обучалось до 60 человѣкъ въ возрастѣ отъ 6 до 16 лѣтъ. Нравственный уровень пасомыхъ пекинской миссіи, по свидѣтельству миссіонеровъ, часто не возвышается надъ нравственностію языческаго большинства, вслѣдствіе постояннаго вліянія этого послѣдняго. Женщины христіанки выходятъ замужъ за язычниковъ и навсегда

пропадаютъ для православія; мальчики, по выходѣ изъ школы, уподобляются своимъ отцамъ язычникамъ.

Во время извѣстнаго боксерскаго движенія (1900 г.) русская миссія спасалась въ зданіи англійскаго посольства. Мятежниками были сожжены: русскія церкви въ Калганѣ, дер. Дунъ-динь-анѣ, въ Пэйтахо, въ Пекинѣ сѣв. подворье. Изъ имущества миссіи, кромѣ церковной утвари, ничего почти спасти не удалось. Особенно важна была потеря типографіи, гдѣ погибо до 30.000 вырѣзанныхъ на деревѣ китайскихъ значковъ и досокъ съ текстомъ богослужебныхъ книгъ: погибли вмѣстѣ съ архивомъ миссіи (съ 1863 г.) нѣкоторые цѣнные, неизданные труды архим. Палладія и о. Исаіи. Паства потеряла изъ 1.000 до 300 убитыми и, кромѣ того, многіе отреклись отъ Христа. Но вскорѣ же для русской миссіи наступили и болѣе свѣтлые дни: 25 мая 1902 г. бывшій начальникъ миссіи архим. Иннокентій (Фигуровскій) назначенъ былъ епископомъ въ Китай съ наименованіемъ „Переяславскій“. Затѣмъ, 10 іюня того же года, утверждены были и новые штаты и оклады: во главѣ миссіи долженъ быть епископъ и при немъ состоять 2 іеромонаха или священника, 1 іеродіаконъ и 2 причетника. Изъ суммъ государственнаго казначейства на содержаніе ихъ постановлено ежегодно отпускать 10.000 руб. и 6.800 руб. въ распоряженіе епископа. При миссіи же должны быть 3 іеромонаха, 1 священникъ, 1 катехизаторъ и 3 учителя китайскаго языка. Послѣ возвращенія миссіи изъ Шанхая, куда она выѣзжала на время послѣ своего освобожденія международными войсками, ею возстановленъ на мѣстѣ разрушеннаго подворья первоклассный (съ 1864 г.) Успенскій монастырь. Здѣсь же построены церковь Успенія, трапеза, корпусъ для братскаго общежитія, школа, гдѣ въ настоящее время обучается 30—40 мальчиковъ, домъ съ церковію св. Иннокентія иркутскаго для епископа, церковь Всѣхъ Святыхъ на мѣстѣ погребенія китайскихъ мучениковъ-христіанъ, метеорологическая станція, пріютъ; на кладбищѣ достраивается церковь св. Серафима саровскаго. Въ послѣднее время въ подворьѣ жили: настоятель монастыря, архимандритъ, 7 іеромонаховъ, 1 іеродіаконъ, 3 монаха, 3 рясофорныхъ, 10 послушниковъ, 2 священника и 2 діакона изъ китайцевъ. При миссіи въ 1902 году учреждены женская община со школою для дѣвочекъ, помѣщающаяся въ зданіяхъ на особомъ монастырскомъ дворѣ. Въ своемъ вѣдѣніи миссія имѣетъ, кромѣ того Срѣтенскую церковь при дипломатической миссіи, церкви въ Ургѣ (съ 1860-хъ г.), г. Ханькоу (съ 1884 г.), Пэйтахо (съ 1901 г.), на станціи Манчжурія (съ 1902 г.) и въ Харбинѣ (съ 1903 г.); затѣмъ—миссіонерскія отдѣленія: Тапнское (1904 г.), Хайларское, Тяньцзинское съ вагономъ-церковью (съ 1904 г.), Юнпинфуское съ церковью и школой для мальчиковъ, Шанхайское съ церковью и школой для мальчиковъ, молитвенный домъ и мужскую школу на 30—40 мальчиковъ въ Пекинѣ при кирпичномъ заводѣ и пекинское подворье съ воскресной школой въ Петербургѣ (Воронежская ул., д. № 110, съ 1903 г.).

Въ видахъ устройства церковно-приходской жизни на строго каноническихъ началахъ въ г. Харбинѣ въ 1904 г., по иниціативѣ еп. Иннокентія, было учреждено „Братство Православной Церкви въ Китаѣ“, отъ членовъ котораго требовалось строгое соблюденіе всѣхъ церковныхъ постановленій истинно-христіанская жизнь и постоянное общеніе въ молитвахъ и собесѣдованіи. Братство имѣло свои отдѣленія на ст. Хань-даохецзы, Манчжурія, Пограничная и Цицикаръ; съ 25 марта 1904 г. братство издаетъ „Извѣстія Братства Православной Церкви въ Китаѣ“, дающія всѣ свѣдѣнія о мѣстной православной церкви. Наконецъ, съ проведеніемъ Сибирской ж. д. на многихъ ея станціяхъ были построены такъ называемыя церкви-школы, которыхъ въ послѣднее время на территоріи Китая насчитываютъ до 10. Всѣ они находятся въ вѣдѣніи миссіи. Въ 1904 г. при нихъ было школъ 7, обучалось до 330 мальчиковъ и до 200 дѣвочекъ. Школы принадлежатъ министерству финансовъ; священнослужители состояли при нихъ, какъ законоучители, остальное преподаваніе велось учителемъ или учительницей. Упомянутыя церкви на станціяхъ, равно какъ и церкви въ Новомъ Харбинѣ и въ усадьбѣ Стараго Харбина—приходскія. Во время послѣдней войны были упразднены церкви въ г. Дальнемъ, Ляоянѣ и часовня въ с. Юнь-цзи-коу. (Хубейск. провинц.). Предположено возстановить цер-

ковь въ дер. Дунь-динь-анѣ, Калганѣ и вновь построить въ Урулицахъ (провинція Синьцзянъ). Война нисколько не отразилась на успѣхѣ миссіонерства и въ послѣдній годъ было обращено до 65 язычниковъ-китайцевъ.

Главная заслуга пекинской русской миссіи заключается въ томъ, что, во-первыхъ, она своими переводами священныхъ и богослужебныхъ книгъ отвѣтила религіозно-нравственнымъ потребностямъ не только китайцевъ, но и родственныхъ имъ корейцевъ, японцевъ, манчжуровъ и др.; во-вторыхъ, она воспитала въ своей средѣ лучшихъ синологовъ и чрезъ нихъ обогатила науку.

Литература. I) О несторіанствѣ въ Китаѣ, кромѣ упомянутой въ текстѣ литературы, см. еще статьи въ новыхъ журналахъ: „Oriens christianus", изд. въ Римѣ съ 1901 г. Антономъ Баумштаркомъ; „Bessarione" тамъ же съ 1 марта 1896 и „Revue de l'Orient chrétien" съ Recucil trimestriel съ 1898 г. во Франціи; *Samuel Giamil* Genuinae relationes inter sedem Apostolicam et Assyriorum orientalium etc., Римъ 1902: *Brockelmann* въ „Archiv für Religionswiss." VI, стр. 198 сл.; *Chabot* въ „Revue critique" 1902 г., nouv. serie, т. 54, стр. 441 сл. Китайскіе эмигранты въ семирѣченской области Туркестанскаго края и распространеніе среди нихъ христіанства въ „Прав. Собесѣдн." за 1879 г., мартъ, стр. 56 сл.; іером. *Алексій* (Виноградовъ), Китайская библіотека и ученые труды, Спб., 1889—1891 въ 5 книгахъ; *его же*, Исторія Библіи на Востокѣ, Спб. 1881—95. II) О миссіяхъ западныхъ—*Henrion*, Histoire général des missions catholique depuis le XIII siècle.., Paris 1846, 4 тома; *Hahn*, Gesch. d. Kath. Miss., Köln 1857—1863 въ 5 томахъ; *Kalkar*, Den katholske Missionshistorie, Копенгагенъ 1862, а нѣм. пер.—Эрлянгенъ 1867; Missiones Catholicae, изд. въ Римѣ съ 1886 г.; China Miss. Handbook, Шанхай 1896; *Broomhall*, Martyred Missionaries of C. I. M., Лондонъ 1901: *Schlatter*, Die chinesische Fremden und Christen ver. folgung im Sommer 1900, Базель 1901; *Prof. D. Warneck* въ R. E. v. Herzog-Hauk-XIII, 116—117, 162—164: *E. H. Parker*, China and Religion, Лондонъ 1906; *J. B. Piolet*, La religion catholique en Chine, Парижъ 1906, † проф. *Н. Ѳ. Красносельцевъ*, Западныя миссіи противъ татаръ язычниковъ, Казань 1872, стр. 98—129; *Робертсонъ* и *Герцогъ*, Исторія христ. церкви II, 1036; *Л. Ранке*, Римскіе папы, ихъ церковь и государство въ XVI и XVII ст., Спб. 1869, II, 243 сл.; о. *Алексій* (Виноградовъ), Миссіонерскіе діалоги мисс. Риччи съ китайскимъ ученымъ; *его же*, Труды западной миссіи въ Китаѣ. [*J. Brucker* у Vakant et Mangenot въ Dictionnaire de la théologie catholique II, col. 2364—2391: art. „Chinois rites" „The Jewish Encyclopedia" IV, p. 33—38. *W. E. Soothill*, A Mision in China. *M. Chiu*, Untersuchung über Zivilisation, Moral und Evangelium in China, Berlin 1907. *D. MacGilivray*, A Century of Protestant Missions in China. 1807—1907, London 1907. Prof. *Michael*, Handlexikon I, München 1907, Sp., 898—901. *Henri Cordier*, Dictionnaire bibliographique des ouvrages relatifs à l'empire Chinois (Paris 1879) и въ The Catholic Encyclopedia III (London 1908). p. 663—688. Rev. *A. H. Smith*, The Uplift of China. London 1907. Handbooks of English Church Expansion 3. Chinaby Rev. *E. R. Norris*, London 1908. Rev. *P. J. Maclagan*, Christianity und the Empire in Rome and in China въ „The Hibbert Journal" VII, 3 (April 1909), p. 639—648. Проф. прот. *Т. И. Буткевичъ*, О миссіяхъ католической и протестантской, Спб. 1908. стр. 95—96]. III) О миссіи русской—*П. Шумахеръ*, Наши сношенія съ Китаемъ 1567—1805 г. въ „Русскомъ Архивѣ" 1879 г., № 6; *Мартенсъ*, Россія и Китай, Спб. 1881; *Труссевичъ*, Посольскія и торговыя сношенія Россіи съ Китаемъ 1689—1881, Спб. 1889: Труды членовъ Росс. дух. миссіи въ Пекинѣ ч. I (1852 г.); ч. II (1853 г.), ч. III (1857 г.) и ч. IV (1866 г.); *Н. Бантышъ-Каменскій*, Дипломатическое собр. дѣлъ между Россіей и Китайскимъ госуд. съ 1619 по 1792, Казань 1882; Сборникъ договоровъ Россіи съ Китаемъ, Спб. 1889; О православ. духовной миссіи въ Китаѣ въ „Прав. Обозрѣніи" за 1884 г., сентябрь; *А. Ивановскій*, Богослужебныя книги правосл. церкви на китайскомъ языкѣ въ „Христ. Чтеніи" за 1885 г.; іером. *Николай* (Адоратскій), Православная миссія въ Китаѣ за 200 лѣтъ ея существованія въ „Прав. Собес." за 1887 г, (см. здѣсь подробное указаніе и другой неупомянутый у насъ литературы); Православіе и устройство церковныхъ дѣлъ въ Дауріи, Монголіи и Китаѣ въ XVII и XVIII вв. въ „Прав. Благовѣст." за 1896 г.; Къ вопросу о двухсотлѣтнемъ юбилеѣ китайской миссіи въ „Прав. Благов." за 1898 г.; Страница изъ исторіи православной миссіи въ Китаѣ въ „Богосл. Вѣстникѣ" за 1897 и 1898 гг. *И. Коростовецъ*, Письма изъ Пекина миссіонера въ Китаѣ и антиевропейское движеніе; *его-же*, Китайцы и ихъ цивилизація, гл. VI и XVIII, Спб. 1898; архим. *Авраамій* Пекинское сидѣніе, „Христ. Чтеніе», январь 1901 г. (и другія его сообщенія тамъ же послѣ); *С. Архангеловъ*, Наши заграничныя миссіи (Спб.); „Извѣстія братства правосл. церкви въ Китаѣ", выпуски I и 2 (Харбинъ, 1904), выпускъ 3 и слѣд. (Пекинъ 1904 и слѣд.) и другія изданія братства; „Приб. къ Церк. Вѣдом." 1905 № 47: Энц. Словарь Брокгауза и Ефрона статья „Китай», гдѣ указана и другая литература;

см. также *Межовъ*, Русская истор. библіографія VI, Спб. 1886, стр. 262—263. [Архим. *Іакиновъ*, Китай въ гражданскомъ и политическомъ состояніи I—IV (Спб. 1848) † архим. *Софроній*, Извѣстія о китайскомъ, нынѣ манчжурско-китайскомъ государствѣ, Москва 1861. Матеріалъ для исторіи Россійской духовной миссіи въ Пекинѣ, изд. подъ ред. проф. *Н. И. Веселевскаго*, вып. I, Спб. 1905: архим. *Петръ*, Записка объ Албазинцахъ 9 января 1831 года въ Пекинѣ, Пекинъ 1906; *А. А. Берсъ* въ „Миссіонерскомъ Обозрѣніи" 1906 г. № 7—8; Русская духовная миссія въ Китаѣ въ 1905 г. въ «Прибавл. къ Церк. Вѣдомостямъ» № 1 за 6 января 1907 г., стр. 32—34; протоіерей *Е. К. Смирновъ*, Очеркъ историческаго развитія и современнаго состоянія русской православной миссіи, Спб. 1904 (и по-англійски: A Short Account of the Historical Development and Present Position of Russian Orthodox Missions, London 1903) въ VIII-й главѣ стр 83—84. Ср. еще объ архим. Софроніи Грибовскомъ, бывшемъ въ 1794—1808 начальникомъ русской миссіи въ Пекинѣ, въ «Журналахъ совѣта кіевской Духовной Академіи» за 1905—1906 г., Кіевъ 1907 г. стр. 486—489. Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Св. Синода, напр., т. XXVI, Спб. 1907. «Прибавл. къ Церк. Вѣдом,» 1908 г. № 9, стр. 443—445. (1909 г., № 12, стр. 579—581]. Труды православныхъ миссій Восточной Сибири, Иркутскъ 1883. † Еп. *Мелетій*, Древнія церковныя грамоты Восточно-Сибирскаго края и свѣдѣнія о Даурской миссіи. Казань 1875; *его-же*, Пустынникъ Варлаамъ, основатель скита на границахъ китайской Монголіи, въ Чикайскихъ горахъ за Байкаломъ, изд. 4-е, Рязань 1901; *его-же*, Православіе и устройство церковныхъ дѣлъ въ Дауріи (Забайкальѣ), Монголіи и Китаѣ въ XVII и XVIII столѣт.; Историческое изслѣдованіе, Рязань 1901. Прот. *Ал. П. Мальцевъ*, Православныя церкви и русскія учрежденія за границею. Спб. 1906, стр. 279—299.

С. Троицкій.

Китронъ—городъ въ колѣнѣ Завулоновомъ. Сыны Израилевы хотя и подчинили себѣ этотъ городъ, но жителей его—хананеевъ не изгнали, и хананеи продолжали жить между ними, платя имъ дань (Суд. **1**, 30).—У І. Нав. **19**, 15, вмѣсто *Китрона*, употреблено названіе „Каттафъ" (См. „Каттафъ" въ „Энц" IX, 267—268).

Прот. *П. Елеонскій.*

Киттимъ, киттимская земля, киттимскіе корабли. — Киттимъ — имя одного изъ сыновей Іавана,—внука Іафета (Быт. **10**, 4, 1 Пар. **1**, 7), происшедшаго отъ него народа (Иса. **23**, 12) и населяемой имъ страны (Числ. **24**, 24. Иса. **23**, 1. Іер. **2**, 10. Іез. **27**, 6: Дан. **11**, 30). Но гдѣ она лежала, какія земли входили въ ея составъ, — все это составляетъ предметъ разногласія между учеными. Одни, сближая Киттимъ съ извѣстнымъ изъ финикійскихъ источниковъ финикійскимъ городомъ Кегъ на островѣ Кипрѣ, разумѣютъ подъ Киттимомъ финикійскую колонію на этомъ островѣ, самый островъ [см. „Кипръ" въ „Энц." выше стлб. 63—67], а равно всѣ острова и сѣверныя берега Средиземнаго и Егейскаго морей. Подобнаго взгляда держались уже Іосифъ Флавій (Древности **1**, 6: 1) и Епифаній кипрскій. „Названіе Киттимъ употреблялось, — замѣчаетъ послѣдній,—о кипрянахъ, родосянахъ и македонянахъ, такъ какъ они были кипрскаго или родосскаго происхожденія" (Толкованіе на кн. пр. Іереміи въ „Хр. Чт." 1879 г., январь—февраль, и отд.). Изъ новѣйшихъ экзегетовъ данное мнѣніе раздѣляется Гезеніусомъ (Thesaurus, p. 509), Кнобелемъ (Kurzgefasste Exegetische Handbuch XII, S. 12), Римомъ (Handwörterbuch I, S. 234), изъ русскихъ—іеромонахомъ (епископомъ) Платономъ Рождественскимъ (Древній Востокъ при свѣтѣ откровенія, стр. 150), іеромон. Ѳаддеемъ (Единство кн. пр. Исаіи, стр. 116), З. Рагозиной (Древнѣйшая исторія Востока: исторія Ассиріи, стр. 97. 305—306, ср. стр. 489). Въ пользу подобнаго пониманія указываютъ, между прочимъ, на то, что у пр. Исаіи и Іезекіиля (мѣста см. выше) Киттимъ ставится въ самое ближайшее отношеніе къ финикіянамъ, разсматривается, какъ главная станція въ ихъ морской торговлѣ. Другіе принимаютъ Киттимъ въ болѣе узкомъ значеніи,—разумѣютъ подъ нимъ или только островъ Кипръ (*Hengstenberg*, Die Geschichte Bileams, S. 199 ff. *Schrader*, Die Keilinschriften und das Alte Testament, S. 85—86) или (согласно 1 Макк. **1**, 1. **8**, 5, гдѣ Александръ македонскій называется вышедшимъ изъ земли Киттимъ, и Персей, сынъ македонскаго царя Филиппа III,—царемъ киттимскимъ)—Македонію (*Михаэлисъ*; см. у *De Geer*, Dissertatio de Bileamo, p. 125); наконецъ, нѣкоторые, принимая во вниманіе пророчество, о „корабляхъ киттимскихъ" Валаама (Числ. **24**, 24)

и Даніила (**11**, 29, 30), видятъ въ данномъ названіи указаніе не только на Македонію, но и на послѣдующія царства, въ частности на римское (*Bochart*; см. *De Geer*, ibid., p. 125).

Совершенно иной взглядъ высказанъ недавно въ русской литературѣ преосв. Серафимомъ (Мещеряковымъ) въ изслѣдованіи „Прорицатель Валаамъ". По его словамъ, Киттимъ не могъ обозначать первоначально (въ устахъ Моисея и Валаама) ни острова Кипра, ни тѣмъ болѣе—далекихъ береговъ Балканскаго и Итальянскаго полуострововъ. Все это было неизвѣстно Валааму и Моисею. Напротивъ, очень вѣроятно, что оба они разумѣли подъ Киттимомъ могущественное около ихъ времени царство Хета, лежавшее къ сѣверо-западу отъ Харрана въ отрогахъ хребтовъ Амануса и Тавра, т. е. въ сѣверной Сиріи, Киликіи, Ликаоніи, Каппадокіи, Арменіи до рѣки Ховара и озера Ванъ, а затѣмъ, вообще, всѣ страны, лежащія къ сѣверо-западу. Это предположеніе оправдывается у автора слѣдующими данными. LXX читали и понимали Киттимъ почти сходно съ Хеттеи, именно Χεττιίν (3 Цар. **10**, 29 4 Цар. 7, 6). Въ ассирійскихъ клинообразныхъ надписяхъ очень часто упоминается земля Хатти, Хета. Данное имя встрѣчается уже въ цилиндрической надписи Тиглатъ-Пилезера I (около 1000 лѣтъ до р. Хр.) и съ этого времени вплоть до Ларгаддона, исчезая при его сынѣ Ассурбанипалѣ. Изъ сравненія относящихся къ данному вопросу надписей видно, что Хеттеи жили къ западу отъ средняго Евфрата до Оронта. Съ постепеннымъ неуклонно продолжающимся завоеваніемъ обитаемой Хеттеями области со стороны ассиріянъ со времени Тиглатъ-Пилезера II (745—742 г.) имя Хатти было отнесено въ своемъ приложеніи дальше на западъ, и даже филистимскій Азотъ назывался именемъ города Хиттимъ. При Сеннахиримѣ имя Хатти переносится на прибрежныя страны Ханаана и Палестины, равно какъ на Едомъ, Моавъ и Аммонъ. Далѣе, и по египетскимъ надписямъ земля Хатти называлась Китти, Хиттимъ, Киттимъ, а живущій въ ней народъ занималъ господствующее положеніе въ сѣверной Сиріи и далѣе на западѣ въ Малой Азіи. Что библейскій Киттимъ тожественъ съ Хиттимъ, Киттимъ египетскихъ памятниковъ и Хатти ассирійскихъ, это утверждаетъ 1 Макк. **13**, 5, гдѣ македонскій царь Персей называется βασιλεὺς Κιττιέων, и 1 Мак. **1**, 1, гдѣ говорится, что Александръ македонскій вышелъ изъ земли Киттимъ; но извѣстно, что онъ вышелъ (а не приплылъ на корабляхъ со стороны Киттима, какъ въ евр. чтеніи) изъ Малой Азіи и, какъ разъ, чрезъ средину бывшей земли Хатти, египетскаго Хиттимъ. Затѣмъ, въ пользу даннаго предположенія говоритъ сходство въ національности Киттимъ (Быт. **10**, 4) съ Хатти, или Хита. Библейскій Киттимъ называется потомствомъ Іафета; равнымъ образомъ и по египетскимъ и клинообразнымъ надписямъ Хатти, Хиттимъ не можетъ быть отнесенъ къ семитической расѣ, а скорѣе къ іафетитской, такъ какъ имена его городовъ, царей очень сходны съ греческими. Если принять, наконецъ, во вниманіе, что царство Хиттимъ сдѣлалось съ XIII в. мишенью грозныхъ и свирѣпыхъ ассирійскихъ царей и въ результатѣ распалось отъ ихъ сокрушительныхъ набѣговъ, при чемъ часть хеттеевъ спаслась отъ свирѣпыхъ сыновъ Ассура на острова и полуострова Греціи и Италіи, то станетъ совершенно ясно, почему слово Киттимъ у пророковъ Исаіи, Іезекіиля и Даніила какъ бы обнимаетъ всѣ острова и прибрежныя страны Средиземнаго моря (стр. 225—228, прим. 3).

Какъ ни остроумно предположеніе автора, но признать его справедливымъ не представляется возможнымъ. И прежде всего Хатти ассирійскихъ надписей и Кити, Хиттимъ египетскихъ не тожественны съ библейскимъ Киттимъ уже потому одному, что они не принадлежатъ къ происшедшей отъ Іафета расѣ. Если судить по ихъ физіологическимъ признакамъ, воспроизведеннымъ на египетскихъ памятникахъ: большой носъ, малый подбородокъ, широкія щеки съ выдающимися скулами, желтаго цвѣта безбородое лицо, черные волосы, собранные въ три, ниспадающія на спину пряди (*Sayce*, Patriarchal Palestine, стр. 46—47), то естественнѣе думать, что они относятся къ монгольской, хамитской расѣ. По мнѣнію нѣкоторыхъ,—это народъ, родственный китайцамъ (іером. [епископъ] *Платонъ* [Рождественскій], Древній Востокъ при свѣтѣ откровенія, стр. 137; ср. стр. 510—511). Ни откуда, далѣе, не видно и ничѣмъ

нельзя доказать, что во время нашествія ассиріянъ „часть Хатти, Киттимъ спаслась на острова Греціи, Италіи", сообразно съ чѣмъ послѣднимъ и было усвоено имя „Киттимъ". По мнѣнію ученыхъ, Хатти ассирійскихъ надписей и Хиттимъ египетскихъ тожественны не съ Киттимъ, а съ извѣстнымъ Библіи народомъ „Хеты" (Быт. **23**, 10. Числ. **13**, 30. Втор. **7**, 1). Имя этого народа, дѣйствительно, произносится у LXX смягченно, и о немъ-то, а не о Киттимѣ, говорятъ 3 Цар. **10**, 29 и 4 Цар. **7**, **6**.

Свящ. *А. Петровскій.*

Кифа—[арамейское כֵּיפָא, а евр. только во множ. ч. כֵּפִּים Іер. **4**, 29 и Іовъ **30**, 6.; ср. *P. de Lagarde*, Üebersicht über die im Aramäischen, Arabischen und Hebräischen übliche Bildung der Nomina, Göttingen 1889, S. 58]—„камень",—имя, данное Іисусомъ Христомъ Симону, сыну Іонину, при первой встрѣчѣ съ нимъ (Ін. **1**, 42), повторенное послѣ исповѣданія имъ своей вѣры во Христа, какъ Сына Божія (Мѳ. **16**, 16—18), и указывающее на твердость вѣры и характера. И дѣйствительно, жизнь Ап. Петра свидѣтельствуетъ, что онъ отличался этими чертами характера. По одному слову Іисуса Христа онъ послѣдовалъ за нимъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Андреемъ и былъ неотлучнымъ Его ученикомъ и спутникомъ (Мѳ. **4**, 18—20, Лк. **5**, 10—11, Мрк. **1**, 16—18). Впослѣдствіи, когда по случаю бесѣды Господа о Себѣ, какъ о хлѣбѣ жизни, многіе изъ учениковъ хотѣли оставить Его, и Онъ спросилъ Апостоловъ: „Не хотите ли и вы отойти отъ Меня"? Петръ отвѣчалъ: „Господи! къ кому намъ итти? Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни" (Ін. **6**, 68). По сошествіи Св. Духа, Петръ является во главѣ Апостоловъ и, сильный вѣрою,—распространяетъ Евангеліе между іудеями и язычниками (Дѣян. **1—4**, **8—11**, **15**). Подъ именемъ Кифа Ап. Петръ извѣстенъ въ посланіяхъ Ап. Павла (I Кор. **1**, 12, **3**, 22, **9**, 5, **15**, 5 Гал. **2**, 9).

Свящ. *А. Петровскій.*

КИШИНЕВСКАЯ ЕПАРХІЯ.

1. Историческій очеркъ. Епархія фактически существуетъ съ конца сентября 1812 года, когда бывшій экзархъ молдовлахійскій, митрополитъ Гавріилъ (см. очеркъ о немъ въ „Энц." IV, 8—11) со всѣмъ штатомъ своего духовнаго управленія прибылъ изъ Яссъ въ Кишиневъ. 30 сентября были сдѣланы первыя распоряженія къ устройству епархіальнаго управленія, 2 октября открыта духовная дикастерія. Но оффиціально епархія ведетъ начало только съ 21 августа 1813 г., когда былъ Высочайше утвержденъ докладъ Синода объ учрежденіи кишиневской епархіи, согласно представленію митрополита Гавріила („Киш. Еп. Вѣд." 1871 г. № 19; 1878 г. № 7). Первымъ кишиневскимъ преосвященнымъ былъ митрополитъ *Гавріилъ* (Бануленко-Бодони), скончавшійся 30 марта 1821 г. (см. „Энц." IV, 8—11; „Киш. Еп. В." 1890 г. №№ 9—12; 1891 г. № 10; 1899 г. №№ 18—20; 1900 г. № 4; 1902 г. № 17). За нимъ слѣдовали: 2) *Димитрій* (Даніилъ Сулима); онъ родился 1772 г. въ харьковской губ. и принадлежалъ къ извѣстному въ Малороссіи дворянскому роду; отецъ его былъ протоіереемъ; образованіе получилъ въ харьковскомъ коллегіумѣ и „екатеринославской" (полтавской) Семинаріи; здѣсь выдѣлился необычайною памятью: зналъ значеніе всѣхъ словъ латинскаго лексикона; по окончаніи семинарскаго курса въ 1795 г. остался въ Семинаріи учителемъ; 24 ноября 1794 г. рукоположенъ былъ во священника въ г. Полтавѣ и назначенъ префектомъ Семинаріи, въ 1800 г. произведенъ въ протоіерея, въ 1806 г. перешелъ къ адмиралтейскому собору въ г. Николаевъ. Какъ выдающійся дѣятель, вообще обращалъ на себя вниманіе общества, а экзархомъ Молдавіи и Валахіи митрополитомъ Гавріиломъ (Бануленко-Бодони) былъ вызываемъ въ Яссы—сначала для временныхъ порученій, а потомъ, когда овдовѣлъ, остался викаріемъ митрополита. Хиротонисанъ во епископа бендерскаго и аккерманскаго 16 іюля 1811 года, съ пребываніемъ въ монастырѣ Голіа, гдѣ и былъ по декабрь. Затѣмъ наступилъ двѣнадцатый годъ, вызвавшій нѣкоторое измѣненіе границъ Россіи; молдовлахійскій экзархатъ закрылся: изъ уступленной Турціею (по договору 5 мая 1812 г.) Россіи бессарабской области образована была кишиневская епархія; преосвященный

остался викаріемъ у митрополита Гавріила, занявшаго кишиневскую каѳедру, а по его смерти назначенъ архіепископомъ кишиневскимъ 18 (11) іюня 1821 г. Въ бытность епископомъ бендерскимъ преосвященный Димитрій положилъ много труда на благоустройство монастырей въ Бессарабіи и завелъ много школъ при монастыряхъ и въ уѣздахъ. Преосвященный составилъ русско-молдавскій букварь и словарь, перевелъ на молдавскій языкъ краткій катихизисъ, инструкцію приходскимъ и монастырскимъ благочиннымъ. Псалтырь, Общую Минею, Служебникъ, Требникъ, Молебникъ, Святительское поученіе, Службы св. Симсону, св. Владиміру князю, св. князю Александру Невскому, св. княгинѣ Ольгѣ, наставленіе объ обязанностяхъ монашествующихъ, панихидный реестръ, инструкцію для болгарскихъ колонистовъ, водворенныхъ въ Бессарабіи, и переводилъ другія разныя оффиціальныя бумаги; вообще,—по словамъ біографа,—оставилъ „многочисленные переводы богослужебныхъ книгъ, каноновъ и акаѳистовъ святымъ, замѣчательныхъ твореній отцовъ церкви, учебныхъ книгъ, правительственныхъ указовъ и распоряженій“. Его переводы иногда редактировалъ или просматривалъ митрополитъ Гавріилъ. Въ епархіи,—по отзыву біографовъ,—преосвященный Димитрій оставилъ о себѣ память, какъ о „самомъ заботливомъ отцѣ и истинномъ святителѣ, который съ пламенною ревностью утверждалъ православіе въ пасомыхъ, строго хранилъ уставы церкви и отеческія преданія“; къ подчиненнымъ онъ былъ строгъ и взыскателенъ, но къ себѣ самому еще болѣе; былъ доступенъ и, говоря вообще, отличался „святостію и важностію“. Скончался 4 августа 1844 г. („Киш. Е. В.“ 1867 г.: 1870 г. №№ 10 и 11; 1894 г. № 16; 1907 г. № 6; 1908 г № 40). Отрывки изъ его „замѣтокъ и бумагъ“ напечатаны въ „Кишин. Е. В.“ 1884 г. №№ 15 и 17 (записи на календарѣ—о пребываніи государя въ Кишиневѣ), письма его къ митрополиту московскому Филарету въ „Христ. Чт.“ 1898 г. № 8, письма м. Филарета къ нему—въ „Кишин. Е. В.“ 1895 г. № 23.—3) *Иринархъ* (Поповъ), назначенный епископомъ кишиневской каѳедры 12 ноября 1844 г. (см. Очерки вологодской епархіи и воронежской: острогожское викаріатство, въ „Энц.“ III, 713—714 и 847). Въ Кишиневѣ онъ въ 1845 г. получилъ архіепископство; 17 марта 1858 г. переведенъ на подольскую каѳедру: скончался на покоѣ въ рязанскомъ Троицкомъ монастырѣ 25 сентября 1877 г. въ глубокой старости („Киш. Е. В.“ 1877 г. № 20; 1882 г. № 11). Письма его къ митрополиту моск. Филарету напечатаны въ „Христ. Чт.“ 1898 г. № 7.—4) *Антоній* (Алексѣй Андреевичъ Шоковъ), сынъ діакона харьковской епархіи, магистръ кіевской Академіи, былъ съ 1823 г. учителемъ полтавской Семинаріи, съ 1825 г. баккалавромъ, профессоромъ и инспекторомъ кіевской Академіи, при чемъ въ 1829 г. принялъ священство и назначенъ къ Царсконстантиновской церкви въ Кіевѣ, въ 1834 г., какъ вдовый, принялъ монашество, въ 1836 г. назначенъ ректоромъ полтавской семинаріи, въ 1841 г. перемѣщенъ во псковскую, 2 апрѣля 1850 г. хиротосанъ во епископа вольскаго, викарія саратовской епархіи, и въ томъ же году, за упраздненіемъ этого викаріатства, назначенъ епископомъ старорусскимъ, викаріемъ новгородской—с.-петербургской митрополіи, въ 1853 г. получилъ оренбургскую каѳедру, 17 марта 1858 г. переведенъ въ Кишиневъ, въ 1861 г. получилъ архіепископство, скончался 13 марта 1871 г. (скоропостижно). Всюду онъ отличался особымъ попеченіемъ о духовно-учебныхъ заведеніяхъ, немало жертвовалъ въ пользу бѣдныхъ духовнаго званія. Въ свое время имъ были изданы „Слова и рѣчи на разные случаи“. Служеніе на кишиневской каѳедрѣ совпало съ эпохою преобразованій, которыя и выполнены были при его участіи („Кишиневскія Епар. Вѣд.“, 1868 г. № 3; 1871 г №№ 6—9; 1897 г. № 16; 1898 г. №№ 4, 5; 1909 г. №№ 25—26. *К. Я. Здравомысловъ*, Іерархи новгородской епархіи, Новгородъ 1897. „Христ. Чт.“ 1883 г. № 5).—5) *Павелъ* (Лебедевъ), извѣстный духовный ораторъ и дѣятель, назначенъ былъ на кишиневскую каѳедру въ 1871 году; 23 іюля 1879 г. получилъ архіепископство, 16 іюля 1882 г. назначенъ экзархомъ Грузіи (см. Очеркъ грузинскаго экзархата въ „Энц.“ IV, 730—731), скончался въ Казани въ 1892 г. („Киш. Е. В.“ 1871 г. № 18; 1881 г. №№ 17, 23; 1882 г. №№ 7, 8 и сл.; 1892 г. № 9).—6) *Сергій* (Ляпидевскій).

переведенъ въ Кишиневъ изъ архіепископовъ казанскихъ 21 августа 1882 г., а 12 января 1891 г. переведенъ въ Херсонъ (о немъ см. Очеркъ казанской епархіи въ „Энц.“ VII, 721—722); скончался митрополитомъ московскимъ.—7) *Исаакій* (Положевскій), переведенъ въ Кишиневъ изъ Томска 12 января 1891 г. и 21 ноября того же года переведенъ былъ въ Астрахань, но туда не отправился, вышелъ на покой и скончался въ 1894 г. (о немъ см. Очеркъ енисейской епархіи въ „Энц.“ V, 436; „Киш. Е. В.“ 1891 г. №№ 7, 9, 13—14).—8) *Неофитъ* (Николай Васильевичъ Неводчиковъ), изъ дворянъ екатеринославской губ., родился въ Петербургѣ въ 1822 г., получилъ образованіе въ екатеринославской Семинаріи и московской Дух. Академіи, которую окончилъвъ 1844 г. Около 6-ти лѣтъ состоялъ секретаремъ при А. С. Стурдзѣ, съ 1850 г. былъ преподавателемъ въ кишиневской Семинаріи, въ 1858 г. рукоположенъ во священника къ Благовѣщенской церкви при сиротскомъ домѣ женскаго благотворительнаго общества въ Одессѣ, съ 1861 г. былъ преподавателемъ въ одесской Семинаріи, съ 1864 г.—инспекторомъ, съ 1868 г., по выходѣ изъ Семинаріи, состоялъ законоучителемъ одесскаго коммерческаго училища и одесской 2-й прогимназіи, въ 1876 г. получилъ санъ протоіерея, 17 мая 1880 г. принялъ монашество и 10 августа былъ хиротонисанъ въ Одессѣ во епископа елисаветградскаго, второго викарія херсонской епархіи; 6 августа 1883 г. назначенъ епископомъ туркестанскимъ, а 21 ноября 1892 г. архіепископомъ кишиневскимъ. Въ бытность преподавателемъ кишиневской Семинаріи составилъ статью о началѣ и распространеніи христіанства въ кишиневской епархіи, въ Одессѣ принималъ участіе въ изданіи мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостей и издавалъ подъ своей редакціей „Одескій воскресный листокъ“, — еженедѣльное общедоступное изданіе; въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ напечаталъ двѣ статьи о Стурдзѣ (1854 и 1855 гг.), сотрудничалъ въ дѣтскихъ журналахъ А. О. Ишимовой „Лучи“ и „Звѣздочка“, помѣщая статьи религіозно-нравственнаго содержанія и стихотворенія, за подписью Диктіодисъ (переводъ фамиліи Наводчиковъ на греческій языкъ); печатался также въ „Библіографическихъ Запискахъ“, въ „Русскомъ Архивѣ“ и „Кишиневскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“. 26 го января 1898 года уволенъ по преклонности лѣтъ на покой. Серія его духовныхъ стихотвореній напечатана въ №№ 19—21 „Киш. Еп. Вѣд.“ за 1908 г. („Киш. Е. В.“ 1893 г. №№ 5 и 13 и 1908 г. № 18).—9) *Іаковъ* (Иванъ Андреевичъ Пятницкій), уроженецъ калужской епархіи, по окончаніи курса московской Дух. Академіи въ 1870 г. остался въ Академіи помощникомъ секретаря совѣта, въ 1872 г. назначенъ смотрителемъ мещевскаго Дух. Училища, калужской еп., въ 1873 г. перешелъ въ преподаватели виоанской Семинаріи, въ 1878 г. получилъ степень магистра, въ 1886 г. принялъ монашество и, по производствѣ въ священныя степени, назначенъ ректоромъ виоанской Семинаріи, 28 апрѣля 1891 г. хиротонисанъ во епископа балахнинскаго, викарія нижегородской епархіи, 29 сентября 1892 г. назначенъ епископомъ уманьскимъ, третьимъ викаріемъ кіевской епархіи, 16 января 1893 г.—епископомъ чигиринскимъ, вторымъ викаріемъ, 26 января 1898 г.—епископомъ кишиневскимъ, 12 августа 1904 г. архіепископомъ ярославскимъ („Киш. Е. В.“ 1898 г. №№ 4 и 6; 1904 г. № 18) [въ 1906 г. былъ членомъ Предсоборнаго Присутствія и состоялъ предсѣдателемъ III-го его отдѣла о реформѣ церковнаго суда 25 января 1907 г. переведенъ на симбирскую каѳедру].— 10) *Владиміръ* (Филаретъ Синьковскій), уроженецъ таврической епархіи, образованіе получилъ въ одесской Семинаріи, въ 1867 г. рукоположенъ былъ во священника къ церкви мѣстечка Каховка, днѣпровскаго у., въ 1875 г. перешелъ въ алтайскую миссію, въ 1882 г. — въ киргизскую, въ 1890 г. опредѣленъ помощникомъ начальника алтайской и киргизской миссій, принялъ монашество и возведенъ въ санъ игумена. Онъ перевелъ на киргизскій языкъ и напечаталъ первоначальныя свѣдѣнія о православной вѣрѣ для новокрещаемыхъ киргизовъ, Евангеліе отъ Матѳея, первоначальныя молитвы, житіе великомученика Евстаѳія, три части вѣроучительной книги протоіер. Поспѣлова и чинъ обращенія магометанъ. Обратилъ къ православной вѣрѣ 285 магометанъ и язычниковъ. Въ 1891 г. возведенъ во архимандрита и хиротонисанъ во епископа бійскаго, викарія

томской епархіи, въ 1893 г. назначенъ епископомъ владикавказскимъ, 12 августа 1904 г. кишиневскимъ („Киш. Е В." 1904 г. №№ 17—19 и 1908 г. №№ 44 и 46) [и въ „Энц." III, 545—549, гдѣ помѣщенъ и портретъ преосвящ. Владиміра, который по всеподданнѣйшему Св. Синода докладу, Высочайше утвержденному 16 сентября 1908 г., назначенъ архіепископомъ донскимъ и новочеркаскимъ: см. „Церк. Вѣдомости", 1908 г., № 39. стр. 297—298].

11) *Серафимъ* (въ мірѣ Леонидъ Михайловичъ Чичаговъ,—изъ костромскихъ дворянъ, потомокъ адмираловъ В. Я. и П. В. Чичаговыхъ. внукъ послѣдняго. Родился 9 іюня 1856 г.; въ 1875 г. окончилъ Пажескій Его Величества корпусъ по первому разряду и произведенъ офицеромъ гвардейской конной артиллеріи [см. и у *Д. М. Левшина,* Пажескій корпусъ за сто лѣтъ. гдѣ во 2-мъ томѣ (Спб. 1902) есть архимандритскій портретъ преосв. Серафима]. Въ 1877—1878 гг., въ чинѣ поручика, участвовалъ въ турецкой кампаніи, событія которой описалъ въ популярныхъ книжкахъ, подъ заглавіемъ: „Доблести русскихъ воиновъ. Примѣры изъ прошлой войны. Описаніе отдѣльныхъ солдатскихъ подвиговъ 1877—1878 (вып. I—II, изд. 3-е, Спб. 1891). За отличіе на войнѣ награжденъ орденами: св. Анны 4 ст. съ надписью „за храбрость", свв. Станислава и Анны 3-ихъ ст., съ мечами и бантомъ. Съ этихъ поръ быстро растетъ его карьера, сопутствуемая литературною извѣстностію среди военнаго міра. Въ 1880 г. онъ состоитъ адъютантомъ при товарищѣ генералъ-фельдцейхмейстера графѣ А. А. Баранцовѣ и, по порученію Императора Александра II, составляетъ: „Дневникъ пребыванія его въ Дунайской арміи 1877—1878 гг." (Спб. 1885), выдержавшій три изданія (3-е 1903 года) и удостоенный вниманія Фердинандомъ, кн. болгарскимъ, разрѣшившимъ помѣстить портретъ автора въ національномъ музеѣ гор. Софіи. Въ 1881 г. командируется во Францію для изученія техники военнаго дѣла, результатомъ чего былъ трудъ о французской артиллеріи, переведенный на французскій языкъ и снискавшій автору орденъ Почетнаго Легіона. Принимаетъ участіе въ разрѣшеніи вопросовъ о вооруженіи крѣпостей на западной границѣ и въ дѣлѣ вооруженія болгарской арміи, за что награжденъ Александромъ, кн. болгарскимъ, орденомъ св. Александра 2 ст., со звѣздою. Въ это же время издаетъ въ „Русской Старинѣ" „Записки адмирала Чичагова (Пав. Вас.), заключающія то, что онъ видѣлъ и что, по его мнѣнію, зналъ" (1886 г., т. 50—52, 1887 г., т. 55 и 1888 г., т. 58—60) и статью: „Адмиралъ П. В. Чичаговъ. Записки о событіяхъ его жизни и времени Императора Павла I" (ibid., 1883 г., т. 38, стр. 487—506). Въ 1891 г., уже въ чинѣ полковника гвардіи и адъютанта Вел. Кн. Михаила Николаевича, выходитъ въ отставку, переѣзжаетъ въ Москву и, не безъ вліянія о. Іоанна Сергіева (Кронштадтскаго), энергично готовится на служеніе св. церкви, не оставляя литературныхъ занятій, плодомъ которыхъ въ этотъ періодъ явились: „Что служитъ основаніемъ каждой науки" (М. 1890), „Медицинскія бесѣды", ч. I—II (М. 1892), III—IV (М. 1895) и „Краткое изложеніе медицинскихъ бесѣдъ" (М. 1892). Въ 1893 г. рукоположенъ въ священника къ московской синодальной церкви 12-ти Апостоловъ, реставрируетъ на свои средства храмъ и основываетъ общество Бѣлаго Креста, имѣющее задачею призрѣніе офицерскихъ дѣтей. Въ 1895 г. протопресвитеромъ военнаго и морскаго духовенства опредѣленъ къ церкви для частей, заведеній и учрежденій артиллерійскаго вѣдомства московскаго военнаго округа, на старомъ Ваганьковѣ, и опять на собственныя средства реставрируетъ этотъ храмъ, принадлежавшій Румянцевскому Музею и въ теченіе 30-ти лѣтъ стоявшій закрытымъ. Овдовѣвъ въ 1898 г., принимаетъ монашество и причисляется къ братіи Троице-Сергіевой лавры. Въ 1899 г. опредѣленъ настоятелемъ первоклассного Спасо-Евфиміевскаго Суздальскаго монастыря, возведенъ въ санъ архимандрита и назначенъ благочиннымъ монастырей владимірской епархіи. Здѣсь въ пятилѣтнее служеніе заявилъ себя заботливымъ реставраторомъ этого древняго монастыря, приведшимъ его въ лучшее состояніе и обратившимъ особенное вниманіе на арестантское отдѣленіе—извѣстную Суздальскую крѣпость, отремонтировавъ ее, устроивъ библіотеку для узниковъ и исходатайствовавъ освобожденіе для нѣкоторыхъ изъ нихъ (См. „Воскрес. День" 1908 г., № 43). По Высочайшему повелѣнію отъ

Серафимъ Епископъ Кишиневскій и Хотинскій

22 ноябр. 1902 г. принимаетъ видное участіе въ подготовительныхъ работахъ къ торжеству прославленія извѣстнаго старца Серафима Саровскаго, напечатавъ предъ этимъ: „Краткое содержаніе лѣтописи Серафимо-Дивѣевскаго монастыря съ жизнеописаніемъ основателей А. С. Мельгуновой, о. Серафима Саровскаго и подвижниковъ обители" (М. 1896). Послѣ событій прославленія св. мощей, 19 іюля 1903 г. награжденъ лично Государемъ Императоромъ драгоцѣнною митрой. 14 февр. 1904 г. назначается настоятелемъ Воскресенскаго Ново-Іерусалимскаго монастыря и за одинъ годъ своего настоятельства реставрируетъ величественный соборъ его. За это время составляетъ: „Житіе Евфимія преподобнаго священно - архимандрита Суздальскаго чудотворца" (Спб. 1904), а еще раньше: „Зосимова пустынь во имя Смоленской Божией Матери, владим. губ., александров. уѣзда. Лѣтописный очеркъ" (М. 1899). Въ 1905 г. хиротонисанъ во епископа сухумскаго, а въ 1906 г. переведенъ на орловскую каѳедру, гдѣ [въ тревожныя времена „освободительной смуты "энергически трудился надъ оживленіемъ и устроеніемъ церковной жизни для чего] при немъ организованы и учреждены церковно-приходскіе совѣты. Въ сессію 1907—1908 г. былъ присутствующимъ членомъ въ Св. Синодѣ [и много потрудился здѣсь—особенно—по церковно-приходскому вопросу, о которомъ читалъ и спеціальный докладъ, напечатанный въ „Прилож. къ Церк. Вѣдом." 1908 г.. №№ 18, 19 и 21]. По всеподданнѣйшему докладу Св. Синода, Высочайше утвержденному 16 сент. 1908 г., назначенъ епископомъ кишиневскимъ и хотинскимъ. въ Бессарабію, по которой, въ 1877 г., шелъ походомъ до румынской границы.—*П. Т—скій*).

Викаріатство. При открытіи кишиневской епархіи изъ бывшаго молдавлахійскаго экзархата въ нее вошелъ и бывшій викарій экзархата, епископъ „бендерскій и аккерманскій" 1) *Димитрій* (Сулима); съ назначеніемъ его въ 1821 г. архіепископомъ кишиневскимъ викаріатство упразднилось (см выше стлб. 526—527). Возстановлено было викаріатство по докладу Синода, Высочайше утвержденному 10 декабря 1868 г. („Киш. Е. В." 1893 г. № 6 и 1908 г. № 39). Епископомъ викаріемъ назначенъ былъ 2) *Петръ* (Платонъ Алексѣевичъ Троицкій); сынъ священника владимірской губ., окончилъ курсъ кіевской Духовной Академіи со степенью магистра и былъ съ 1835 г. профессоромъ въ кіевской Семинаріи; лишившись жены, онъ 10 апрѣля 1852 г. принялъ монашество, былъ рукоположенъ во священныя степени и затѣмъ назначенъ инспекторомъ, а потомъ ректоромъ Семинаріи съ настоятельствомъ въ Кіево-Пустынно-Николаевскомъ монастырѣ. 15 іюля 1858 г. назначенъ настоятелемъ посольской церкви въ Константинополѣ, а въ 1860 г. переведенъ въ Аѳины. 29 мая 1869 г. былъ хиротонисанъ во епископа аккерманскаго, викарія кишиневской епархіи. Скончался 10 октября 1873 г., 61-го года, и погребенъ въ Курковскомъ монастырѣ, котораго онъ былъ настоятелемъ. Часть его бумагъ хранится въ церковно-археологическомъ музеѣ при кіевской Дух. Академіи („Киш. Е. В." 1873 г. № 20; 1885 г. №№ 15 и 16; 1908 г. № 42). Послѣ его кончины викаріатство опять упразднилось и снова было возстановлено въ 1882 г. Викаріемъ назначенъ былъ 16 октября преосвященный 3) *Августинъ* (Гуляницкій); 30 сентября 1887 г. онъ былъ переведенъ епископомъ аксайскимъ, викаріемъ донской епархіи (см. Очеркъ донской епархіи въ „Энц." V, 12—13, и особо въ „Энц." I, 119; „Киш. Е. В." 1908 г. №№ 43, 44, 47 и 49, біографія съ портретомъ). Послѣ него викаріемъ назначенъ преосвященный 4) *Аркадій* (Филоновъ), изъ епископовъ муромскихъ, викаріевъ владимірской епархіи („Киш. Е. В." 1900 г. №№ 1, 2, 5, 9; 1907 г. № 51—52 съ портретомъ; 1908 г. № 48 съ портретомъ, 51—52; 1909 г. №№ 1, 2, 7, 13—14; I. Пархомовичъ, „Преосв. Аркадій", Кишиневъ 1909; см. Очеркъ владимірской епархіи въ „Энц". III, 600): 12 октября 1907 г. уволенъ на покой, но по преклонности лѣтъ не могъ выѣхать въ означенный ему для пребыванія Курковскій монастырь и скончался въ Кишиневѣ 11 сентября 1908 г.; погребенъ въ Николаевскомъ придѣлѣ каѳедральнаго собора. Памятникомъ двадцатилѣтняго епископства его на аккерманскомъ викаріатствѣ остался заботливо имъ устроенный „псаломщическій классъ". Нынѣ священствуетъ на аккерманскомъ викаріатствѣ преосвящен-

ный 5) *Никодимъ* (Николай Васильевичъ Кротковъ) сынъ священника костромской епархіи, онъ, по окончаніи мѣстной Семинаріи въ 1889 г., былъ рукоположенъ во священника въ 1890 г.; овдовѣвъ, поступилъ въ кіевскую Академію, въ которой на 4-мъ курсѣ принялъ монашество, и по окончаніи академическаго курса въ 1900 г. назначенъ былъ смотрителемъ владикавказскаго Духовнаго Училища, въ 1902 году возведенъ въ санъ игумена и назначенъ и. о. инспектора кутаисской Семинаріи, въ 1902 г.—ректоромъ ардонской (тогда миссіонерской) Семинаріи, съ возведеніемъ во архимандрита, въ 1905 г. перемѣщенъ въ псковскую Семинарію, 11 ноября 1907 г. хиротонисанъ во епископа аккерманскаго („Киш. Е. В.“ 1907 г. №№ 46 и 47).

II. Статистическій обзоръ. Православнаго *населенія* въ 1906 г. было 1.524.160 д., родившихся 78.257, умершихъ 46.706, браковъ 19.671. Всѣхъ *церквей* въ епархіи (зданій) 1.087, въ томъ числѣ каменныхъ 781, деревянныхъ 267 и кирпичныхъ 37; приходскихъ церквей 909, приписныхъ 82, соборовъ 13, монастырскихъ 44, домовыхъ 20, кладбищенскихъ 16, единовѣрческихъ 3; 50 двуклирныхъ, 1 трехклирная и 1 четырехклирная. Изъ числа приходовъ 45 имѣютъ прихожанъ мужескаго пола менѣе 200, 1 приходъ—свыше 4.300, наибольшее число приходовъ имѣютъ прихожанъ мужескаго пола отъ 300 до 700. Церкви въ большинствѣ очень просты и скромны, но зато нѣтъ почти ни одной населенной мѣстности, въ которой бы не было храма. *Духовенства*: 35 протоіереевъ, священниковъ 991, діаконовъ 55 и псаломщиковъ 1.051. *Монастырей* 19: мужскихъ 14 и женскихъ 5; изъ нихъ 3 мужскихъ и всѣ женскіе именуются *скитами*. Кромѣ того, *архіерейскій домъ* въ Кишиневѣ и *епископальный домъ* въ Измаилѣ. *Монашествующихъ*: 6 архимандритовъ, 3 игумена, 1 игуменья, 69 іеромонаховъ, 35 іеродіаконовъ, 4 схимника, 4 схимницы, 146 монаховъ, 227 монахинь, 115 послушниковъ и 80 послушницъ. *Церковныхъ школъ* въ 1907 г. было 606, въ томъ числѣ 8 двухклассныхъ, 176 грамоты, 408—одноклассныхъ; 8 воскресныхъ и 6 второклассныхъ, кромѣ того, 2 образцовыхъ при Семинаріи и женскомъ Училищѣ. *Учащихся* было 31.000, церковныхъ *братствъ* 7, *церковно-приходск. попечительствъ* 67, *богадѣленъ* при церквахъ 3. *Библіотекъ* при церквахъ 96 и окружныхъ благочинническихъ 10. *Раскольниковъ* въ районѣ епархіи до 29.000 душъ, *сектантовъ* свыше 1.600, *римскокатоликовъ* до 15.000, *армяногрегоріанъ* свыше 2.600, *протестантовъ* до 64.000, *евреевъ* свыше 252.000.

III. Епархіальное управленіе. Во главѣ управленія епархіею стоитъ *епархіальный преосвященный*. Преосвященному *викарію* предоставлено назначеніе и перемѣщеніе псаломщиковъ согласно ихъ прошеніямъ, утвержденіе въ должности церковныхъ старостъ, дѣла по прошеніямъ о возстановленіи пропущенныхъ и объ исправленіи неправильно записанныхъ метрическихъ актовъ разрѣшеніе на вступленіе въ бракъ лицамъ въ тѣхъ степеняхъ родства, въ которыхъ разрѣшать бракъ право предоставлено епархіальнымъ преосвященнымъ, разрѣшеніе браковъ не достигшихъ совершеннолѣтія (до полугода).

Консисторія состоитъ изъ шести членовъ изъ коихъ 4 штатныхъ и 2 сверхштатныхъ. *Благочинныхъ* надъ церквами 34, надъ монастырями 1. Благочинные получаютъ по 300 р. жалованья отъ духовенства, а въ измаильскомъ уѣздѣ по 500 р. отъ казны. У благочинныхъ имѣются помощники: у 28-ми по одному, а у 6-ти по два. Для разбора незначительныхъ недоразумѣній, возникающихъ среди духовенства изъ-за раздѣла братскихъ доходовъ и пользованія подцерковною землей, нанесенія обидъ другъ другу и свѣтскимъ лицамъ, существуютъ съ 1871 г. *благочинническіе совѣты*, въ составъ которыхъ входятъ: благочинный, его помощникъ, духовный слѣдователь, духовникъ и два выборныхъ священника. Совѣты дѣйствуютъ по правиламъ, напечатаннымъ въ № 23 „Киш. Е. Вѣд.“ 1893 г. Въ 1903 г. совѣтовъ было 108. Въ 1903 г. было 4 *съѣзда* депутатовъ духовенства: 1 общеепархіальный и 3 училищно - окружные. *Епархіальный училищный совѣтъ* имѣетъ 8 уѣздныхъ отдѣленій. *Епархіальное попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія* состояло изъ 3-хъ членовъ, изъ городскихъ священниковъ, при секретарѣ—протодіаконѣ.

VI. Духовноучебныя заведенія и церковныя школы. *Кишиневская Духовная Семинарія* имѣла въ 1908 году 478 воспитанниковъ и при пяти классахъ — параллельныя отдѣленія; въ семинарскомъ зданіи помѣщалось 166 воспитанника, остальные — у родственниковъ и на частныхъ квартирахъ. Учреждена Семинарія вмѣстѣ съ образованіемъ епархіи и на первыхъ порахъ, по особому Высочайшему повелѣнію, въ виду удовлетворенія особливыхъ мѣстныхъ нуждъ, была предназначена для образованія не только духовнаго, но и свѣтскаго юношества. Семинарская библіотека имѣетъ до 10.000 книгъ (до 5.000 названій). При Семинаріи имѣется *трехсвятительское братство* для вспомоществованія воспитанникамъ; въ 1908 г. оно израсходовало свыше 1.600 р. Содержаніе Семинаріи стоитъ до 150.000 р.

(«Киш. Е. В». 1871 г. № 19; 1878 г. № 1; 1883 г. №№ 9, 15; 1888 г. №№ 4, 6 и др.; 1890 г. № 1, 2, 19; 1892 г. № 12: 1895 г. №№ 19—24; 1902 г. №№ 16—23; 1903 г. № 10; 1905 г. № 15, 21).

Кишиневское Духовное Училище имѣло въ 1908 г. 356 учениковъ; параллельныя отдѣленія были при всѣхъ классахъ, кромѣ приготовительныхъ; въ училищѣ два приготовительные класса — старшій и младшій. Библіотека имѣетъ до 800 названій (до 1.600 книгъ). Содержаніе стоило въ 1907 г. свыше 57.000 р.

Измаильское Духовное Училище имѣло въ 1903 г. 119 воспитанниковъ, въ библіотекѣ до 2.200 названій (и книгъ), содержаніе обошлось въ 22.000 р. („Киш. Е. В.“ 1909 г. №№ 25—26 и 31).

Единецкое Духовное Училище имѣло 220 воспитанниковъ; съ сентября 1903 г. параллельное отдѣленіе оставлено только при 3-хъ классахъ; библіотека имѣла свыше 800 названій, содержаніе обошлось въ 40.000 р. Открыто 4 сент. 1869 г. въ г. Бѣльцахъ, въ м. Единцы переведено съ 1 августа 1874 г.

(„Киш. Е. В.“, 1894 г. №№ 23, 24; 1909 г. № 28).

Епархіальное женское училище основано въ 1864 г. преосвященнымъ Антоніемъ, преобразовано изъ трехкласснаго въ шестиклассное въ 1872 г., имѣетъ нынѣ съ 1898 г. параллельныя отдѣленія во всѣхъ классахъ; въ 1908 г. въ училищѣ было 616 воспитанницъ (въ томъ числѣ 20 иносословныхъ и 21 приходящихъ); библіотека имѣла до 3.800 названій (до 5.600 томовъ); содержаніе обошлось въ 120.000 р.

При училищѣ имѣется образцовая *школа* и *пенсіонная касса*, съ 1906 г. открытъ 7-й, дополнительный классъ.

(„Киш. Е. В.“ 1875 г. №№ 1, 2, 8—10 23; 1877 г. №№ 1, 10—13; 1882 г. № 19; 1906 г. №№ 16—19 и 1909 г. №№ 3 и 29 въ приложеніи).

Училища при монастыряхъ (5 при мужскихъ и 5 при женскихъ) имѣютъ цѣлію подготовлять сиротъ и дѣтей бѣдныхъ родителей къ поступленію въ духовныя училища. Во всѣхъ 10 такихъ училищахъ въ 1903 г. воспитывалось 56 мальчиковъ и 80 дѣвочекъ. Въ пособіе на содержаніе школъ монастырямъ отпускается изъ доходовъ съ имѣній заграничныхъ монастырей въ Бессарабіи 6.200 р. Училища эти существуютъ съ 1878 г. и находятся въ завѣдываніи епархіальнаго попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія. Въ учебномъ отношеніи они съ 1894 г. преобразованы въ церковно-приходскія.

Церковныя школы одноклассныя главною массой располагались при церквахъ отъ-части при монастыряхъ, при Семинаріи, женскомъ училищѣ и второклассныхъ школахъ. 8 школъ имѣли миссіонерское направленіе. Изъ числа учившихся въ церковныхъ школахъ 31 000 дѣтей 737 не принадлежали къ православному исповѣданію: раскольники, сектанты, католики, протестанты, армяне и даже евреи. При 50 женскихъ школахъ производилось обученіе рукодѣліямъ. На содержаніе школъ изъ казны поступило до 119.000 р. и разныхъ мѣстныхъ средствъ до 50.000 р.

„Киш. Е. В.“ 1909 г. №№ 1—2.

V. Просвѣтительныя, благотворительныя и взаимно-вспомогательныя епархіальныя учрежденія. *Кишиневское христорождественское братство* открыто въ 1899 г. съ миссіонерскими цѣлями и дѣятельность свою обнаруживаетъ въ изданіи и распространеніи русско-молдавскихъ листковъ религіозно-нравственнаго содержанія, славяно-молдавскихъ молитвосло-

вовъ и религіознопросвѣтительнаго журнала на молдавскомъ языкѣ „Луминъ торюлъ“ (просвѣтитель), въ наблюденіи за религіозно-нравственными чтеніями и собесѣдованіями со старообрядцами и сектантами и въ заботѣ объ учрежденіи школъ съ миссіонерскимъ направленіемъ. Въ 1907 г. братство считало въ своемъ составѣ 26 членовъ, записало въ расходъ свыше 10.000 р. и въ остатокъ къ 1908 г. 21.394 р.

(«Киш. Е. В.» 1900г. № 1—3; 1905 г. №№ 10—12, прилож.; 1906 г. №№ 4, 20, 23—26 и 1908 г. № 36 въ приложеніи).

Бендерское александровское братство.

(см. «Киш. Е. В.» 1897 г. №№ 7—9.

Покровское богородичное братство при Введенской церкви въ с. Введенскомъ (Тамуръ), аккерманскаго у., содержитъ устроенную имъ богадѣльню на 150 душъ обоего пола; богадѣльня обезпечена неприкосновеннымъ капиталомъ въ 60.000 р. и 450 дес. земли; основано въ 1872 г. („Киш. Е. В.“ 1881 г. № 1).

Александроневское братство въ г. Кишиневѣ, при каѳедральномъ соборѣ, завѣдываетъ *богадѣльнею* въ оградѣ кишиневской кладбищенской церкви; въ 1903 г. въ богадѣльнѣ на призрѣніи было 190 душъ обоего пола. Братство основано въ 1865 г. („Киш. Е. В.“ 1884 г. № 6).

Богородичное кишиневское при Вознесенскомъ соборѣ.

Вознесенское аккерманское при соборѣ.

Владимірское въ с. *Чичмъ*, измаильскаго у.

Церковно-приходскія попечительства главною задачею ставятъ изысканіе средствъ на построеніе новыхъ церквей; въ другихъ отношеніяхъ ихъ дѣятельность не выдѣляется. Въ 1906 г. всѣ попечительства израсходовали на поддержаніе и украшеніе церквей до 200 р. и на школы и благотворительныя учрежденія въ приходѣ до 200 р.

Бессарабское церковно-археологическое общество открыто 4 апрѣля 1904 г. по иниціативѣ преосвященнаго Іакова („Киш. Е. В.“ 1904 г. № 8; уставъ—№ 7; отчетъ за первый годъ—1905 г. № 7; см. 1906 г. № 27 и 1908 г. № 37, прил.). Къ 1909 г. общество располагало остаточнымъ капиталомъ свыше 1.500 р., при расходѣ въ 1907 г. въ 58 р.

Епархіальный комитетъ православнаго миссіонерскаго общества существуетъ съ 1880 г. За 25 лѣтъ комитетъ собралъ до 65.000 р., которые и переданы почти всѣ на нужды сибирскихъ миссій („Киш. Е. В.“ 1905 г. № 4). Въ 1908 г. собрано до 2.900 р., къ 1909 г. записано въ остатокъ 5.108 р. („Кишин. Е. В.“ 1909 г. № 21, прил.).

Миссіонерскій комитетъ кишиневской епархіи существуетъ съ 1892 г.

Епархіальный отдѣлъ православнаго палестинскаго общества открытъ 2 января 1897 г., въ 1908 г. имѣлъ 39 членовъ, записалъ на приходъ до 2.000 р., которые и были отосланы въ Палестинское Общество („Киш. Е. В.“ 1897 г. № 3; 1909 г. № 18 въ приложеніи).

Епархіальное попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія въ 1907 г. имѣло на приходѣ до 5.300 р., въ расходѣ свыше 4.000 р.; въ остаткѣ къ 1908 году было попечительскихъ свыше 62.000 р. и частныхъ сиротскихъ суммъ свыше 50.000 р. („Киш. Е. В.“ 1905 г. № 19; 1908 г. №51—52).

Кромѣ попечительства, организована по благочинническимъ округамъ изъ особыхъ суммъ выдача постоянныхъ пособій (до 60 р. въ годъ); въ 1903 г. такихъ пособій выдано было 860 лицамъ свыше 9.000 р.

Эмеритальная касса духовенства епархіи къ 1908 году имѣла капитала до 426.000 р. Касса существуетъ съ 1889 г., въ 1900 г. уставъ кассы былъ переработанъ. Нынѣ дѣйствующій уставъ утвержденъ въ 1907 году. Въ 1907 г. поступило на приходъ свыше 40.000 р. („Киш. Е. В.“ 1881 г. № 1—проектъ устава; 1898 г. №№ 3, 7, 10; 1905 г. №№ 20 и 21; 1908 г. №№ 1 и 46 въ прил.).

Общество взаимнаго вспомоществованія духовенства епархіи, дѣйствующее при эмеритальной кассѣ, учреждено въ 1894 г., въ 1897 г. свои правила переработало, нынѣ дѣйствующія правила утверждены въ 1907 г., въ 1907 г. имѣло на приходѣ свыше 51.000 р., въ расходѣ свыше 52.000 р., въ остаткѣ къ 1908 г. свыше 6.000 р. („Киш. Е. В.“ 1897 г. № 20—

правила 1908 г. №№ 46 и 47, прил. и 1907 г. № 17, прил.).

Въ епархіи заведено, что—въ случаѣ смерти (или лишенія способности къ работѣ) священника—производится единовременный сборъ въ пользу его семейства со всѣхъ священниковъ по 1 рублю; въ случаѣ смерти діакона или псаломщика—со всѣхъ діаконовъ и псаломщиковъ по 25 к.

Ссудная касса духовенства, учрежденная въ 1903 г., записала въ 1907 г. на приходъ 1%-наго сбора съ церквей епархіи до 3.000 р. и % на ссуды свыше 1 000 р., всего, исключая возврата ссудъ, свыше 6.600 р.; къ 1908 г. имѣла наличными до 500 р. и въ ссудѣ 21.000. („Киш. Е. В.“ 1908 г. № 7).

Строительный комитетъ, учрежденный въ 1903 г., завѣдуетъ дѣлами о постройкѣ, покупкѣ и ремонтѣ церковнопричтовыхъ домовъ. Средства комитета слагаются изъ ежегодныхъ отчисленій изъ свѣчного завода по 10.000 р. и сбора съ церквей по 10 к. за бракъ и 2 к. за крещеніе, а съ духовенства въ двойномъ размѣрѣ. Въ 1906 г. поступило 10.331 р. осталось къ 1907 г. 450. р.

Епархіальный свѣчной заводъ, состоящій въ вѣдѣніи епархіальнаго духовенства съ 1883 г., имѣлъ къ 1908 г. наличности: денегъ свыше 56.000 р., имущества на 15.000 р., въ матеріалахъ и въ долгу свыше 300.000 р. Заводъ имѣетъ одну центральную и 18 окружныхъ лавокъ („Киш. Е. В.“ 1905 г. № 18). Въ 1907 г. заводъ получилъ чистой прибыли свыше 66.000 р. и выдалъ изъ нея на нужды епархіи свыше 55.000 р. („Киш. Е. В.“ 1906 г. № 46 и 1908 г. № 3 и № 41 въ приложеніи).

Епархіальная типографія открыта 26 октября 1906 г. съ цѣлію главнымъ образомъ для печатанія священныхъ и богослужебныхъ книгъ на молдавскомъ языкѣ, а также листковъ, брошюръ и книгъ религіозно-нравственнаго содержанія на русскомъ, молдавскомъ, а со временемъ на болгарскомъ, гагаузскомъ и малорусскомъ языкахъ („Киш. Е. В.“ 1906 г. № 40). Въ епархіальной типографіи печатаются и Епархіальныя Вѣдомости.

VI. Монастыри. Въ прежнее время въ Бессарабіи было много монастырей и скитовъ, мужскихъ и женскихъ, „до 40“. Такое большое ихъ число объясняется, съ одной стороны, религіозностью мѣстнаго населенія и особымъ расположеніемъ и уваженіемъ къ монашеской жизни, а съ другой - обиліемъ свободныхъ земель. Большинство монастырей къ настоящему времени, однако, прекратило свое существованіе, частію до присоединенія Бессарабіи къ Россіи, частію же послѣ. Въ числѣ послѣднихъ болѣе извѣстныхъ: *Вережаны*; *Гиртонъ* (*Гертонъ*), женскій скитъ въ оргѣевскомъ у., упраздненный въ 1812 г. („Киш. Е. В.“ 1898 г. № 16); *Гитичка*; *Городищи*, въ оргѣевскомъ у., прежде скитъ, а съ 1815 г. городищенскій монастырь, въ 70 в. отъ Кишинева, упраздненъ въ 1892 г. („Киш. Е. В.“ 1883 г. № 16; 1898 г. № 17); *измаильскіе* монастыри Николаевскій мужской и Успенскій („Киш. Е. В.“ 1898 г. № 24); *Каратуры*; *Косовцы* (*Косоуцы*), въ ясскомъ цынутѣ, основанъ въ 1729 г., до 1812 г. былъ скитомъ („Киш. Е. В.“ 1883 г. № 16): *Ломаново*, въ 55 в. отъ г. Бѣлецъ, при Днѣпрѣ, основанъ въ 1728 г. монахиней Елизаветой на землѣ заграничнаго молдавскаго монастыря Рокитосы („Киш. Е. В.“ 1883 г. № 16); *Печешты* (*Фынтына Домни* или *Доамней*), женскій скитъ въ оргѣевскомъ у., упраздненъ въ 1815 г. („Киш. Е. В.“ 1898 г. № 16); *Пештеры*; *Попоуцы*, женскій скитъ въ оргѣевскомъ у., упраздненъ въ 1815 г. („Киш. Е. В.“ 1898 г. № 17); *Пояна*, мужской скитъ въ сорокскомъ у., упраздненъ въ 1816 г. („Киш. Е. В“. 1898 г. № 17); *Рудь* или *Руди* Троицкій мужской скитъ, въ хотинскомъ у., въ 105 в. отъ Хотина, при Днѣстрѣ, основанъ въ 1772 г. купцомъ Симеономъ Дочуломъ („Киш. Е. В.“ 1883 г. № 16); *Рызана* (*Резина*), женскій скитъ въ 95 в. отъ Кишинева, основанъ въ 1770 г. священникомъ Романомъ Перетятковичемъ, упраздненъ въ 1829 г. („Киш. Е. В.“ 1881 г. № 3; 1883 г. № 16; 1898 г. № 17); *Сорока*-николаевскій мужской скитъ, въ 50 в. отъ г. Бѣлецъ, при Днѣстрѣ, основанъ въ 1752 г. бояриномъ Емандакіемъ Руситомъ. Нынѣшніе монастыри кишиневской епархіи съ внѣшней стороны имѣютъ ту особенность, что они почти не имѣютъ ограды; это просто группа келлій,

разбросанныхъ безъ всякаго плана; среди келлій помѣщаются и гостинницы; свобода входа и выхода, при такихъ условіяхъ, почти не ограничена. Всѣ монастыри заштатные.

Гербовецкій Успенскій мужской монастырь имѣетъ мѣстно чтимую *икону* Божіей Матери, пребывающую, впрочемъ, свыше полугода, въ зимнемъ сезонѣ, въ церкви архіерейскаго дома. Монастырь имѣетъ 536 дес. земли, *пріютъ* для сиротъ духовнаго званія со *школою*; расположенъ при д. Гербовцѣ въ оргѣевскомъ у., въ 60 в. отъ Кишинева, построенъ въ 1730 г. молдавскимъ бояромъ Армашемъ Константиномъ Каркузомъ и названъ Гербовецъ потому, что первый настоятель Іоанникій былъ горбатъ („Киш. Е. В.“ 1883 г. № 16).

Гиржавскій Вознесенскій мужской монастырь, состоящій въ непосредственномъ вѣдѣніи епархіальнаго архіерея, имѣетъ свыше 2.600 дес. земли, *пріютъ* для сиротъ духовнаго званія со *школою*. Расположенъ въ оргѣевскомъ у., въ 50 в. отъ г. Оргѣева и 68 в. отъ Кишинева. Основанъ въ 1849 г. монахомъ Иннокентіемъ (Сеовымъ), постриженнымъ въ Яссахъ, уроженцемъ с. Каларашъ, на принадлежавшемъ ему участкѣ земли, въ видѣ скита, а преобразованъ въ монастырь въ 1818 г. При обмежеваніи въ 1811 г. земли за скитомъ осталось 2.084 дес., почти сплошь покрытой лѣсомъ. Значительная часть земли пожертвована была родственниками основателя изъ фамиліи Бадю. Монастырь благоустроенъ настоятелемъ Спиридономъ (Филиповичемъ, 1818—1846 г. г.). Послѣ его кончины въ 1846 г. переданъ въ непосредственное управленіе епархіальнаго архіерея („Киш. Е. В.“ 1885 г. № 5—7; 1883 г. № 16).

Добрушскій мужской монастырь имѣетъ до 2.200 дес. земли, *пріютъ* для сиротъ духовнаго званія со *школою*; въ 100 в. отъ Кишинева, въ оргѣевскомъ у., у ручья Добруши, основанъ въ 1783 г. іеромонахомъ Іоасафомъ; до 1817 г. былъ скитомъ („Киш. Е. В.“ 188 г. № 16). Принадлежитъ побратскому монастырю.

Каларашевскій Успенскій мужской монастырь, въ сорокскомъ у., въ 180 в. отъ Кишинева, при р. Днѣстрѣ, основанъ въ 1782 г. купцомъ хаджи Маркомъ; до 1812 г. былъ скитомъ („Киш. Е. В.“ 1883 г. № 16); принадлежитъ монастырю св. Саввы въ Яссахъ.

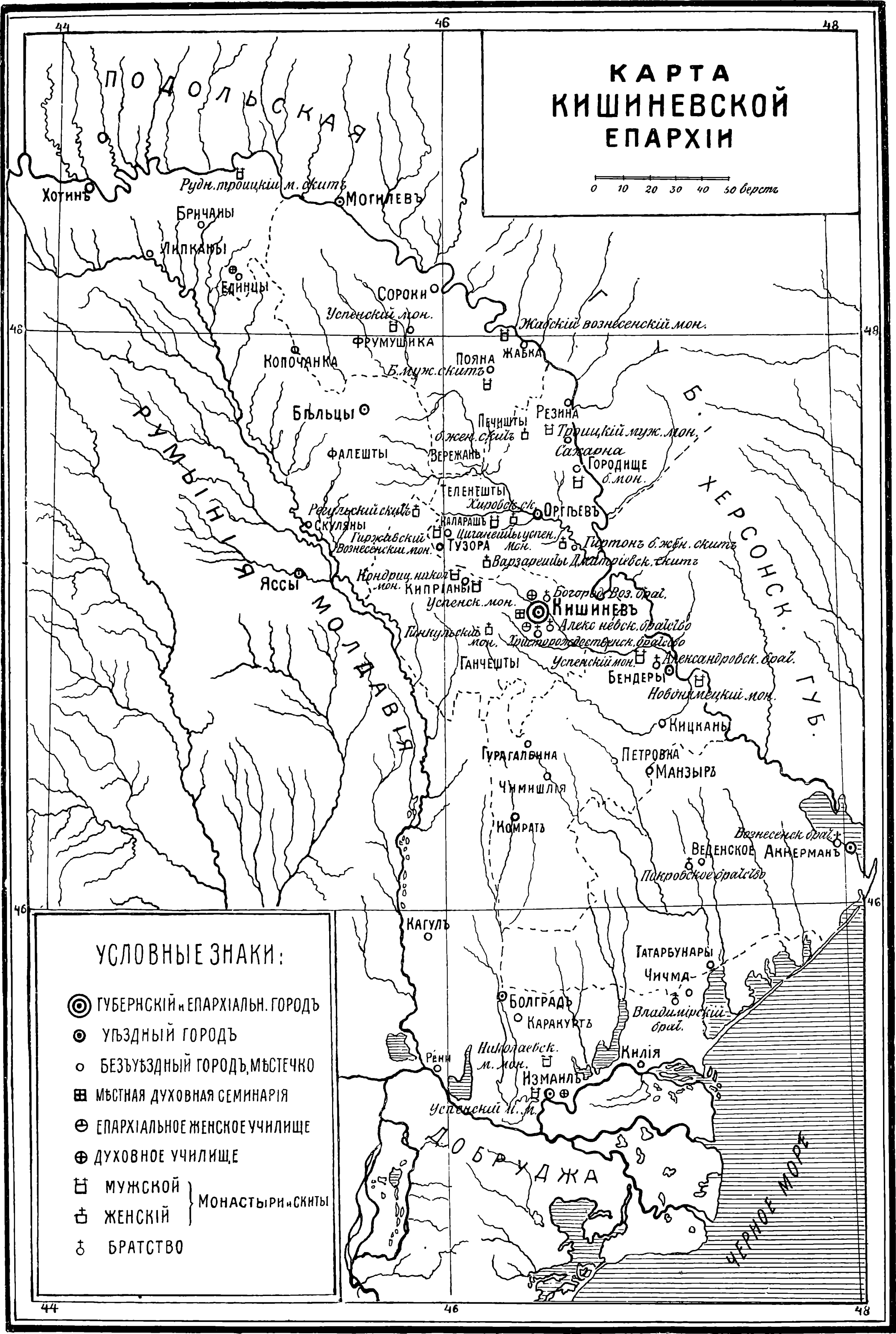
Курковскій (Куртевскій) мужской Рождествобогородичный (Димитрія Солунскаго) монастырь имѣетъ до 3.500 дес. земли, *пріютъ* для сиротъ духовнаго званія со *школою*. Расположенъ въ 40 в. отъ Кишинева, въ оргѣевскомъ у. Основанъ монахомъ Іоанномъ Куркою (или Куртемъ, или Куртю), около половины XVIII в. До 1810 г. числился скитомъ. Состоитъ въ непосредственномъ вѣдѣніи викарія кишиневской епархіи. („Киш. Е. В.“ 1896 г. № 7—10; 1883 г. № 16).

Сахарнянскій Троицкій мужской монастырь расположенъ на берегу Днѣстра при с. Сахарнѣ, оргѣевскаго у. „на трехъ хорошо выровненныхъ и обложенныхъ камнемъ уступахъ, между тремя какъ бы разсѣвшимися горами“, въ 85 в. отъ Кишинева. Годъ основанія неизвѣстенъ. Монастырь обновленъ былъ въ 1777 г. іеромонахомъ Варѳоломеемъ. До 1813 г. именовался скитомъ („Киш. Е. В.“ 1873 г. № 6 и 7; 1883 г. № 16).

Фрумошика-Успенскій или *Фрумошьскій мужской монастырь*, въ 50 в. отъ Кишинева, оргѣевскаго у., основанъ жителемъ с. Олишканъ Ефремомъ Юркою въ 1807 г., названіе получилъ отъ молдавскаго слова „фрумосъ“ — красивый; до 1813 г. былъ скитомъ („Киш. Е. В.“ 1883 г. № 16; 1906 г. № 21. 22).

Шабскій (Жабскій) Вознесенскій мужской монастырь имѣетъ *пріютъ* для сиротъ духовнаго званія со *школою*; расположенъ въ 125 в. отъ Кишинева и въ 40 в. отъ г. Сорокъ, при р. Днѣстрѣ, у горы Блохи, близъ сс. Жабки и Вошки (нынѣ Сенатовки), прежде именовался Жабскимъ. Основанъ въ первой половинѣ XVI в. Переименованъ изъ скита въ монастырь въ 1812 г. („Киш. Е. В.“ 1876 г. № 18; 1882 г. № 13—17, 19—22; 1871 г. № 7; 1883 г. № 6).

Монастырь *Новонямецкій Вознесенскій* при с. Кицканахъ, бендерскаго у., въ 58 в. отъ Кишинева получаетъ изъ доходовъ отъ находящихся въ Россіи имѣній лавры 12.500 р., состоитъ въ непосредственномъ завѣдываніи епархіальнаго начальства. Значился приписаннымъ къ за-



КАРТА
КИШИНЕВСКОЙ
ЕПАРХІИ
0 10 20 30 40 50 верстъ
ПОДОЛЬСКАЯ
Хотинъ
Рудн. троицкій м. скитъ
Могилевъ
Бричаны
Липканы
Единцы
Сороки
Успенскій мон.
Фрумушика
Жабскій вознесенскій мон.
Жабка
Копочанка
Б. муж. скитъ
Пояна
Бѣльцы
Резина
Печишты
б. жен. скитъ
Троицкій муж. мон.
Сахарна
Фалешты
Вережаны
Городище
б. мон.
Теленешты
Хировскій ск.
Оргѣевъ
Регульскій скитъ
Скуляны
Калараш
Гиржавскій Вознесенскій мон.
Циганешты успен. мон.
Тузора
Гиртонъ б. жен. скитъ
Варзарешты Димитріевск. скитъ
РУМЫНІЯ
Яссы
Кондриц. никол. мон.
Кипріаны
Успенск. мон.
Богород. Воз. брат.
Кишиневъ
Алекс. невск. братство
Ганкульскій мон.
Христорождественск. братство
Ганчешты
Успенскій мон.
Александровск. брат.
Бендеры
Новонямецкій мон.
МОЛДАВІЯ
ХЕРСОНСК. ГУБ.
Кицканы
Гурагальбина
Петровка
Манзыръ
Чимишлія
Комратъ
Вознесенск. брат.
Веденское
Аккерманъ
Покровское братство
Кагулъ
Татарбунары
Чичма
Болградъ
Владимірскій брат.
Каракуртъ
Николаевск. м. мон.
Кілія
Рени
Измаилъ
Успенскій м. м.
ДОБРУДЖА
ЧЕРНОЕ МОРЕ
44
46
48
УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ:
ГУБЕРНСКІЙ И ЕПАРХІАЛЬН. ГОРОДЪ
УѢЗДНЫЙ ГОРОДЪ
БЕЗУѢЗДНЫЙ ГОРОДЪ, МѢСТЕЧКО
МѢСТНАЯ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРІЯ
ЕПАРХІАЛЬНОЕ ЖЕНСКОЕ УЧИЛИЩЕ
ДУХОВНОЕ УЧИЛИЩЕ
МУЖСКОЙ
ЖЕНСКІЙ
Монастыри и скиты
БРАТСТВО

граничной Нямецкой лаврѣ („Киш. Е. В.“ 1880 г. № 19—22; 1887 г. № 11).

Кипріяновскій Успенскій въ с. Кипріанахъ, кишиневскаго у., въ 25 в. отъ Кишинева приписанъ съ 1698 г. — Зографскому Георгіевскому монастырю на Аѳонѣ („Киш. Е. В.“ 1883 г. № 16); получаетъ изъ доходовъ съ монастырскихъ имѣній 60.00 р.

Кондрицкій-Николаевскій мужской скитъ, въ кишиневскомъ у., отъ Кишинева въ 25 в., основанъ въ 1783 г. іеромонахомъ Іосифомъ на землѣ Кипріяновскаго монастыря, у рѣчки Каторга („Киш. Е. В.“ 1883 г. № 16).

Суручанскій Георгіевскій мужской скитъ, въ 15 в. отъ Кишинева, при рѣчкѣ Сурчи, основанъ въ 1793 г. черногорскимъ іеромонахомъ Іосифомъ („Киш. Е. В.“ 1883 г. № 16).

Цыганештскій Успенскій мужской скитъ, въ 35 в. отъ Кишинева въ оргѣевскомъ у., близъ р. Икила и с. Цаганештъ, построенъ въ 1741 г. молдавскимъ бояромъ Луппомъ Дѣукою („Киш. Е. В.“ 1883 г. № 16).

Кромѣ того, *измаильскій епископальный домъ*, въ г. Измаилѣ, въ 250 в. отъ Кишинева, съ приписаннымъ къ нему *Ѳерапонтіевскимъ скитомъ*.

Гинкульскій первоначально Параскевіинскій женскій монастырь, въ 50 в. отъ Кишинева, въ кишиневскомъ у., основанъ въ 1678 г. молдавскимъ помѣщикомъ Михаиломъ Гинкуломъ по желанію дочери, въ монашествѣ Параскевы; прежде былъ скитомъ, въ 1816 г. переименованъ въ монастырь („Киш. Е. В.“ 1900 г. № 10; 1883 г. № 16).

Женскіе скиты: *Варзарештскій Димитріевскій*,—имѣетъ школу для сиротъ духовнаго званія; расположенъ въ оргѣевскомъ у., въ 62 в. отъ Кишинева; основанъ монахомъ Варлаамомъ, но когда,—неизвѣстно („Киш. Е. В.“ 1883 г. № 16).

Кошелевскій женскій скитъ имѣетъ *пріютъ* для сиротъ духовнаго званія со *школою*, при р. Черной, на скалѣ, въ 110 в. отъ Кишинева, въ сорокскомъ у., основанъ въ 1790 г. въ монахинею Митродорой („Киш. Е. В.“ 1883 г. № 16).

Речульскій женскій скитъ имѣетъ *пріютъ* для сиротъ духовнаго званія со *школою*, въ 50 в. отъ Кишинева, въ оргѣевскомъ у., при рр. Икилѣ и Речулѣ, основанъ въ 1798 г. священниками с. Пашканъ Іоанномъ Харею и Леонтіемъ Баріякомъ съ жителями Ив. Рошкомъ и Самсон. и Конст. Стратонами („Киш. Е. В.“ 1883 г. № 16).

Таборскій женскій скитъ имѣетъ *школу* для сиротъ духовнаго званія, въ 35 в. отъ Кишинева, въ оргѣевскомъ у., при р. Ватичѣ, основанъ въ 1779 г. Даріемъ Карпомъ („Киш. Е. В.“ 1883 г. № 16).

Хировскій женскій скитъ имѣетъ *пріютъ* для сиротъ духовнаго званія со *школою*, въ оргѣевскомъ у., въ 35 в. отъ Кишенева.

Кромѣ того, упоминается еще нынѣ уже не существующій *Каратурскій Благовѣщенскій женскій скитъ*, въ 90 в. отъ Оргѣева, въ оргѣевскомъ у., при Днѣстрѣ, основанный, въ 1771 г. монахами Гудіиломъ и Рафаиломъ („Киш. Е. В.“ 1883 г. № 16).

С. Рункевичъ.

Кишиневскія Епархіальныя Вѣдомости стали выходить 1 іюля 1867 г., два раза въ мѣсяцъ, по цѣнѣ 6 р., обычными тетрадями въ цвѣтной обложкѣ.

Первый № вышелъ подъ редакціей ректора семинаріи архимандрита *Варлаама* (Чернявскаго, впослѣдствіи епископа минскаго) и профессора семинаріи *М. Скворцова*. Съ 1 февраля 1906 г. выходятъ еженедѣльно. Первый годъ изданія былъ подписной, а не гражданскій, и закончился іюнемъ 1868 г., а съ 1 іюля 1868 г. нумерація пошла на новый годъ, съ № 1; но съ концомъ года этотъ неудобный порядокъ былъ измѣненъ и въ 1869 г. 1 января вышелъ № 1. Первое время журналъ печатался въ двухъ параллельныхъ текстахъ на русскомъ и молдаванскомъ языкахъ. Статьи безъ перевода появлялись, какъ рѣдкое исключеніе, и при томъ только въ приложеніи. Въ 1869 г. статьи безъ перевода стали появляться и въ самомъ журналѣ, все въ болѣе и болѣе значительномъ количествѣ: переводились только статьи преимущественно назидательныя и общедоступныя, да продолженіе прежнихъ. Съ этимъ сталъ нѣсколько мѣняться и характеръ печатаемаго матеріала: появились, видимо, кандидатскія диссертаціи новыхъ преподавателей изъ студентовъ Академіи, или же,

быть можетъ, магистерскія прежнихъ; характеръ журнала дѣлался все болѣе книжнымъ, научнымъ. Стали появляться также историко-статистическіе матеріалы, миссіонерскія статьи. Съ 1872 г. переводы прекратились. Съ № 2 редакторомъ остался одинъ Скворцовъ.

Михаилъ Ивановичъ Скворцовъ, сынъ извѣстнаго профессора — протоіерея И. М. Скворцова; по окончаніи кіевской Академіи въ 1849 г. онъ служилъ въ Одессѣ инспекторомъ Дух. Училищъ и—съ 1853 г.—въ Елисаветградѣ ректоромъ Дух. Училища; въ 1866 г. перешелъ въ кишиневскую Семинарію преподавателемъ философскихъ предметовъ, а послѣ преобразованія Семинаріи въ 1870 г. занялъ должность помощника инспектора. Скончался 1 декабря 1871 г. Въ „Киш. Е. В.“ имъ напечатано (1867—1871 гг.) объясненіе воскресныхъ апостоловъ въ порядкѣ годичнаго круга („Киш. Е. В.“ 1871 г. № 23). Съ № 13 за 1870 г. сталъ подписываться вторымъ редакторомъ *П. Цаховскій*, съ № 22 за 1871 г. сдѣлавшійся единоличнымъ. Съ № 2 за 1872 г. къ нему присоединился *М. Ганицкій*, оставшійся съ № 3 за 1875 г. также единоличнымъ.

Михаилъ Антоновичъ Ганицкій, сынъ священника кіевской епархіи, по окончаніи курса кіевской Дух. Академіи въ 1867 г. поступилъ на службу въ кишиневскую Семинарію, въ 1883 г. перешелъ въ законоучители кишиневскихъ гимназій, а въ іюнѣ 1885 г. назначенъ ректоромъ Семинаріи и возведенъ въ протоіереи; скончался 18 сентября 1886 г., („Киш. Е. В.“ 1886 г. № 19). Его самостоятельное редакторство продолжалось недолго. Уже съ № 5 за 1875 г. онъ вернулся на прежнее мѣсто второго редактора и оставался на немъ до конца 1880 г. Первымъ же редакторомъ сталъ священникъ

Хрисанѳъ Ивановичъ Бочковскій; уроженецъ полтавской епархіи, сынъ причетника, онъ по окончаніи въ 1861 г. кіевской Академіи поступилъ преподавателемъ въ кишиневскую Семинарію, въ 1864 г. принялъ священство, въ 1887 г.; выслуживъ пенсію, оставилъ учебную службу, всецѣло посвятивъ себя епархіальной дѣятельности, съ 1893 г. былъ каѳедральнымъ протоіереемъ, скончался 21 октября 1903 г. („Киш. Е. В.“ 1903 г. № 22). При немъ вторыми редакторами, послѣ Ганицкаго, были: *Л. Шпановскій* въ 1881 г. №№ 1—14, *П. Чудецкій*, съ № 17 за 1881 г. по № 8 за 1883 г. и *М. Епури* съ № 11 за 1883 г. по № 10 за 1885 г.

Макарій Ивановичъ Епури, сынъ псаломщика кишиневской епархіи, по окончаніи курса кіевской Академіи въ 1873 г. назначенъ преподавателемъ кишиневской Семинаріи, въ 1885 г. назначенъ смотрителемъ кишиневскаго дух. училища, скончался въ ночь съ 22 на 23 октября 1901 г. („Киш. Е. В.“ 1903 г. № 23). Съ № 18 1887 г. протоіерея Бочковскаго замѣнилъ преподаватель семинаріи

Авксентій Георгіевичъ Стадницкій; сынъ священника кишиневской епархіи, по окончаніи семинарскаго курса въ 1880 г. онъ былъ годъ учителемъ единецкаго духовнаго училища, въ 1881 г. поступилъ въ кіевскую Академію и по окончаніи академическаго курса въ 1885 г. назначенъ былъ преподавателемъ въ кишиневскую Семинарію. Въ 1895 г. за сочиненіе: „Гавріилъ Банулеско-Бодони, экзархъ молдовлахійскій (1808—1812 г.г.) и митрополитъ кишиневскій (1813—1821), Кишиневъ 1894“, удостоенъ степени магистра богословія. Затѣмъ онъ рѣшилъ принять монашество и былъ назначенъ инспекторомъ новгородской духовной Семинаріи; постриженъ въ Петербургѣ 30 декабря 1895 г. съ именемъ Арсеній. Послѣ этого былъ ректоромъ новгород. Семинаріи, инспекторомъ и ректоромъ московской Духовной Академіи, 28 февраля 1899 г. хиротонисанъ во епископа волоколамскаго, оставаясь ректоромъ Академіи; 5 декабря 1903 г. назначенъ на псковскую каѳедру, въ 1904 г. получилъ въ кіевской Академіи степень доктора церковной исторіи за „Изслѣдованія и монографіи по исторіи молдавской церкви“ (Спб. 1904), удостоенныя въ 1906 г. Академіею Наукъ Уваровской преміи. Въ концѣ 1905 г. назначенъ былъ предсѣдателемъ Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ, съ оставленіемъ на псковской каѳедрѣ, съ 20 февраля 1907 г. оставилъ должность въ Комитетѣ по случаю избранія членомъ Государственнаго Совѣта, при чемъ возведенъ въ архіепископа (о немъ см. „Киш. Еп. Вѣд.“ 1896 г. № 2; 1899 г. № 7; 1904 г. №№ 23 и 24). [Въ 1906 г. былъ членомъ Предсоборнаго Присутствія и

состоялъ въ немъ предсѣдателемъ V-го Отдѣла—о реформѣ духовно-учебныхъ заведеній]. Съ его редакторства „Кишиневскія Епарх. Вѣдомости“ получили болѣе жизненный характеръ; появилось много статей назидательнаго содержанія, стали разрабатываться практическіе вопросы епархіальной жизни—о расколѣ, сектантствѣ, библіотекахъ, церковной школѣ, содержаніи духовенства, церковно-свѣчной операціи и т. п. Самъ редакторъ напечаталъ въ „Киш. Еп. Вѣд.“ за время своего редакторства множество статей. Важнѣйшія: о церковномъ чтеніи (1887 г.), о постѣ по ученію св. Василія в. (1887 г.), поѣздка въ Новонямецкій м-рь (1887 г.), дѣятельность перваго всероссійскаго миссіонерскаго противураскольническаго съѣзда въ Москвѣ въ 1887 году (1887 г.), Іосифъ Рабиновичъ, какъ представитель новаго еврейскаго толка (1887 г.), мѣры къ развитію просвѣщенія въ Бессарабіи по присоединеніи ея къ Россіи въ 1812 году (1888 г.), попытка открытія перваго женскаго училища въ Бессарабіи (1888 г.), краткій очеркъ исторіи происхожденія и образованія пѣснопѣнія православной церкви съ его богослужебной и музыкальной стороны, I—IX вв. (1888 г.), о заслугахъ св. Владиміра для просвѣщенія Россіи (1888 г.), записка И. С. Аксакова о бессарабскихъ раскольникахъ (1888 г.), характеръ церковнаго чтенія, пѣнія и исполненія церковныхъ пѣснопѣній въ древней христіанской церкви (1888 г.), обычай двуименности въ древней Руси (1888 г.), матеріалы для исторіи кишиневской Семинаріи (1888, 1890 и 1892 г.г.), состояніе раскола и сектантства въ Бессарабіи (1888—1891 г.г.), о священныхъ одеждахъ священнослужителей (1889 г.), происхожденіе обычая гаданія накануне св. Андрея (1889 г.), семидесятипятилѣтіе кишиневской Семинаріи (1889 г.), о дѣятельности митрополита Гавріила по управленію молдовлахійскимъ экзархатомъ, 1808—1812 г.г. (1889 г.), по вопросу о почитаніи дней воскресныхъ и праздничныхъ въ Бессарабіи,—матеріалы для біографіи митрополита Гавріила (1889 г.), объ иконѣ Божіей Матери, именуемой Троеручицею (1890 г.), о христіанскомъ мирѣ (1890 г.), объ отношеніи между вѣрою и знаніемъ (1890 г.), Амфилохій, епископъ хотинскій (1890 г.), разборъ книги „Исторія молдавской и сочавской митрополіи и митрополичьей каѳедры въ Яссахъ, Константина Ербичяну“ (1890 г.), страданія св. великомученика Іоанна Новаго, глаголемаго сочавскаго, мученнаго въ Бѣлградѣ (Аккерманѣ), съ историческими примѣчаніями (1891 г.), воззваніе митрополита Гавріила, перваго архипастыря Бессарабіи, къ духовенству ввѣренной ему паствы (1891 г.), бессарабская старина: о причинахъ нежеланія жителей бессарабской области строить церкви (1891 г.), дѣятельность второго миссіонерскаго противураскольническаго съѣзда въ Москвѣ въ 1891 году (1891 г.), архимандритъ Анѳимъ, игуменъ кипріановскаго монастыря (1892 г.), бессарабская экзаршеская типографія при кишиневскомъ архіерейскомъ домѣ (1892 г.), матеріалы для исторіи кишиневскаго архіерейскаго дома (1892 г.), матеріалы для исторіи инославныхъ исповѣданій въ Бессарабіи (1892 г.), разборъ изданной П. Н. Батюшковымъ книги „Бессарабія“, историческое описаніе, Спб. 1892 (1892 г.), пятисотлѣтіе памяти преподобнаго Сергія Радонежскаго (1892 г.), учрежденіе викаріатства для Бессарабіи (1893 г.), воззваніе Амфилохія, епископа хотинскаго, къ архимандриту Кіево-Печерской лавры Зосимѣ (1893 г.), прописаво-измаильская епархія (1893 г.), пастырское наставленіе Гавріила, митрополита кишиневскаго и хотинскаго, соборянамъ о достойномъ исполненіи ими своихъ обязанностей (1893 г.), историческій очеркъ благороднаго пансіона, учрежденнаго при кишиневской Семинаріи въ 1814 году (1895 г.), объ образованіи характера, какъ цѣли воспитанія (1900 г.). Кромѣ того, напечатано въ „Вѣдомостяхъ“ немало мелкихъ статей, касающихся преимущественно румыно-русскихъ отношеній. Отдѣльными изданіями—кромѣ упомянутыхъ уже диссертацій магистерской и докторской, — вышли слѣдующіе труды преосвященнаго Арсенія: 1) Дневникъ студента-паломника на Аѳонъ, Кіевъ 1886; 2) Положеніе православнаго духовенства въ Румыніи, Кишиневъ 1889; 3) Румыны, получившіе образованіе въ русскихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, Кишиневъ 1891; 4) Журналъ секундъ-маіора фонъ-Раана о войнѣ при завоеваніи Молдавіи и Валахіи въ 1787—1790 г.г., съ историческими и топографическими примѣчаніями, Кишиневъ

1892; 5) Архимандритъ Андроникъ, игуменъ Новонямецкаго монастыря въ Бессарабіи, Кишиневъ 1895; 6) Изъ современной церковной жизни въ Румыніи, Сергіевъ Посадъ 1891; 7) Въ странѣ священныхъ воспоминаній,—описаніе путешествія во Св. Землю, совершеннаго лѣтомъ 1900 г. со студентами московской Духовной Академіи и нѣкоторыми профессорами, Москва 1902. Слова и рѣчи печатались въ „Кишиневскихъ Еп. Вѣдомостяхъ", „Новгородскихъ Еп. Вѣд.", „Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ", „Богословскомъ Вѣстникѣ", „Церковныхъ Вѣдомостяхъ" и „Псковскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ".

Съ № 1-го 1896 г. редакторомъ сталъ ректоръ Семинаріи, протоіерей *Александръ Васильевичъ Яновскій*; сынъ священника волынской епархіи, по окончаніи курса петербургской Дух. Академіи въ 1873 г. былъ преподавателемъ таврической Семинаріи, съ 1874 г.—по избранію духовенства—смотрителемъ кременецкаго Дух. Училища, съ 1883 г. инспекторомъ подольской Дух. Семинаріи, съ 1886 г. — ректоромъ кишиневской Семинаріи, 26 октября 1905 г. уволенъ по прошенію отъ духовно-учебной службы и 31 октября опредѣленъ настоятелемъ Покровской церкви въ г. Одессѣ; оставилъ въ Кишиневѣ самыя добрыя о себѣ воспоминанія („Кишин. Еп. Вѣд." 1905 г. № 23). Съ № 23 за 1905 г. редакторомъ сталъ преподаватель семинаріи *Іосифъ Пархомовичъ*.

За 40 лѣтъ „Киш. Е. В.", кромѣ сообщеній и замѣтокъ изъ текущей дѣйствительности, дали значительное количество статей по многимъ отраслямъ богословскихъ знаній.

По *Священному Писанію*: Екклезіастъ Соломона (1868—1869 гг.), 53 гл. пр. Исаіи (1898 г. №№ 16—17), Книга Іова (1888 г. съ № 16 въ приложеніи), Книга Притчей Соломоновыхъ (1869 г. съ № 12), Псалмы 15, 39, 44, 67, 71, 88, 94, 108, 109 (1880—1882 гг.), Пѣснь Пѣсней (1870 г. съ № 16), Евангеліе отъ Матѳея (1868—1871 гг.), объясненіе Апостола по церковному кругу (1867—1871 гг.), Посланіе Ап. Павла къ галатамъ (1869 г.), богословскія замѣтки, содержащія толкованія отдѣльныхъ мѣстъ и выраженій (1886 г. съ № 17).

Отрывки изъ *святоотеческихъ* твореній: изъ Августина (1897, 1899 гг.), Ефрема Сирина (1898, 1900 гг.), Іоанна Златоуста (1897—1899 гг.), Тихона Задонскаго (1897, 1900 гг.).

Изъ *евангельской исторіи*: о состояніи человѣческаго рода предъ пришествіемъ Спасителя (1870 г.), Іисусъ Христосъ—переводъ соч. Прессансэ (1868—1870 гг.), изображеніе Іисуса Христа (1908 г. № 31—32). Отъ Геѳсиманіи до Голгоѳы (1884 г, съ № 5).

Изъ *церковной исторіи*: Іаковъ, братъ Господень (1898 г. №№ 20—21), Іустинъ философъ и его апологія (1870—1871 гг.), соч. Иринея ліонскаго противъ ересей (1870 г. съ № 8), праздники въ первые три вѣка (1884 г. съ № 7), Пятидесятница (1887 г. №№ 17—19), внѣшній видъ Іисуса Христа и нѣкоторыхъ святыхъ (1869 г. №№ 8—10), преп. Анна Кашинская (1909 г. №№ 23. 24. 27), св. муч. Христофоръ и его изображенія (1908 г. №№ 37. 38, въ прил.), преп. Нилъ сорскій (1908 г. №№ 20. 21. 27—30), краткій историческій очеркъ развитія церковнаго пѣнія (1908 г. №№ 15—16. 22—23. 31—32 въ прил.), очеркъ исторіи пѣнія (1888 г. №№ 21—22), духовное образованіе въ Россіи (1880— 1881 гг.), австрійское священство (1884 г. съ № 13), протопопъ Аввакумъ (1869 г. съ № 19), Амвросій бѣлокриницкій (1884 г. съ № 13), Анатолій Мартыновскій (1899—1903 гг.), архим. новонямецкій Андроникъ (1894 г. №№ 17 — 21, 23; 1895 г. № 5), Екатерина II (1897 г. №№ 3—7), Иннокентій Борисовъ (1900 г. № 24; 1901 г. №№ 1—2), Иннокентій Веніаминовъ (1898 г. №№ 8—9), о. Іоаннъ кронштадтскій (1909 г. №№ 1. 2. 8), м. молдавскій Іосифъ II (1902 г.), м. Іосифъ Сѣмашко (1868 г. №№ 11—12 въ прилож.), Станиславъ Ожеховскій (1870 г. съ № 11), Паисій Величковскій (1883 г. №№ 4, 8; 1898 г. №№ 18—24), Серафимъ саровскій (1902—1903 гг.), Софроній, патр. іерус. (1868—1869 гг.).

По *богословію*: сборникъ догматическихъ отрывковъ (1867—1871 гг.), о бракахъ (1875 г. №№ 12—16), объ антихристѣ (1896 г. №№ 13—16), обязанности къ другимъ (1869 г.), семейная нравственность христіанъ (1886 г. съ № 14), о любви къ Богу (1868 г. №№ 5—10), обязанности въ отношеніи къ внѣшнему благополучію

(1869 г. съ № 11), христіанское отношеніе къ женщинѣ (1908—1909 г. г.), исповѣдь (1909 г. №№ 11. 17; 1907 г. №№ 10. 12).

По *проповѣдничеству*: Іоаннъ Златоустъ, какъ проповѣдникъ (1867—1868 гг.), уроки проповѣдничества въ исторіи евангельской и апостольской (1888 г. №№ 1—12), учительство мірянъ (1893 г. №№ 17—19), катихизическія поученія (1886 г. въ прилож.).

По предметамъ *воспитанія и обученія*: о нравственномъ воспитаніи дѣтей по Іоанну Златоусту (1868 г. съ № 21), сельскій священникъ и народная школа (1876 г. съ № 10), законоучитель въ церкви и его ученики (1876 г. №№ 9—11), обученіе закону Божію въ народной школѣ (1882 г. № 24; 1883 г. съ № 1), родной языкъ (1879—1880 гг.).

Изъ *церковной практики*: отвѣты на недоумѣнные вопросы (1892—1894 гг.). церковно-свѣчной вопросъ въ Россіи (1895 г. №№ 1—5).

Изъ *миссіонерской области*: обличеніе древнерусскихъ суевѣрій (1878 г. съ № 8), мѣстныя суевѣрія (1873 г.), о мѣрахъ противъ развитія сектантства (1894 г), исторія русскихъ раціоналистическихъ сектъ (1894 и 1895 гг.), бесѣды и матеріалы о старообрядчествѣ (1897, 1898, 1900 гг.).

Путешествія: Аѳонъ (1886 г. съ № 16), аѳонскій русскій Пантелеймоновскій монастырь (1868—1870 гг. историч. акты).

Наибольшее мѣсто занимаетъ, во всякомъ случаѣ, *мѣстная исторія*. Не повторяя цитатъ, упомянутыхъ въ очеркѣ исторіи епархіи, слѣдуетъ указать, какъ болѣе значительныя, статьи: о происхожденіи молдаванъ (1898 г. №№ 11—15), изъ исторіи румынъ (1884, 1885 гг.), православное духовенство въ Румыніи (1889 г. №№ 18—21), румыны, получившіе образованіе въ русскихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ (1891 г. №№ 9—12), молдовлахійскіе господари и ихъ историческое значеніе (1884—1885 гг.), бессарабская старина (1891 1897 гг.), былое Бессарабіи (1903 г, №№ 10—20), матеріалы по исторіи Бессарабіи (1879 г. съ № 2, 1892 г. №№ 4, 12), историческій очеркъ благороднаго пансіона при кишиневской Семинаріи (1895 г. №№ 19—24), журналъ секундъ-маіора Раана при завоеваніи Молдавіи и Валахіи (1892 г. №№ 1—12 въ прилож.), хотинская епархія (1890 г. № 21), молдовлахійскій экзархатъ (1884 г. № 12, 1893 г. № 6), проилаво-измаильская епархія (1893 г. № 20), молдавское книгопечатаніе (1907 г. №№ 2—5), бессарабскія богослужебныя книги на румынскомъ яз. (1908 г. №№ 29—32. 39), молдавскій языкъ и молдавское церковное пѣніе (1907 г. № 27—28; 1908 г. № 46; 1909 г. № 17), молдавскій журналъ Люминъ-торюлъ (1908 г. №№ 3. 8. 15. 20), народные обычаи въ Бессарабіи (1870 г.), католическая пропаганда въ Буковинѣ (1887 г. №№ 13—15), викаріи кишиневской епархіи (1908 г. №№ 39—52), с. Киперчены (1870 г. съ № 5), имѣнія въ Бессарабіи, принадлежащія заграничнымъ монастырямъ (1890 г. №№ 4—7), монастыри въ Бессарабіи, упраздненные (1898 г. въ №№ 16—17), гиржавскій (1875 г. №№ 5—7), измаильскіе (1898 г. № 24), курковскій (1896 г. съ № 7), новонямецкій (1880 г. №№ 19—22), шабскій (1871 г. № 7), 1872 г. №№ 13—22, 1876 г. № 18), чудотворныя иконы—гербовецкая (1893 г. №№ 9—10; 1896 г. № 21, 1908 г. № 38), нямецкая (1896 г. № 4), изъ исторіи молдавскаго книгопечатанія въ Бессарабіи (1907 г. №№ 3 и слѣд.), о мѣстоположеніи древняго Орхея (1907 г. №№ 9—11), древнѣйшія церкви бессарабской губерніи (1907 г. №№ 43—45. 50; 1909 г. №№ 9. 10. 13. 18. 19. 22. 23), лѣтопись церкви с. Ходжи-Курды (1908 г. №№ 19. 29—30), П. А. Крушеванъ (1909 г. №№ 24. 28). Духовныя *стихотворенія* печатались въ 1893, 1894 и 1908 гг. въ особомъ изобиліи. Въ 1892 г. напечатанъ очеркъ 20-лѣтія „Вѣдомостей" (№№ 18, 20, 22—24). Заслуживаютъ также вниманія статьи: главнѣйшія проблемы этики въ философскомъ освѣщеніи (1908 г. №№ 19—23), типы духовенства въ современной беллетристикѣ (1907—1908 г. г.), объ „Іудѣ" Андреева (1908 г. №№ 15—17), воспоминанія изъ семинарской жизни (1908 г. №№ 5. 7. 13. 27—30. 51—52), о псаломщическихъ курсахъ (1908 г. №№ 22—23. 36. 37), по соціализму и рабочему вопросу (1907 г.). Въ послѣднее время въ приложеніи къ „Вѣдомостямъ" издаются назидательные листки христорождественскаго братства съ переводомъ на молдаванскій языкъ.

Съ № 5 за 1906 г. „Киш. Е. В.“ превратились, согласно постановленію съѣзда духовенства, въ еженедѣльное изданіе (1906 г. далъ 48 №№) и стали отдавать свои страницы преимущественно духовно-публицистическому матеріалу, столь вообще оживившемуся въ ожиданіи Собора. Умѣлое веденіе хозяйственной части даетъ возможность редакціи, при 975 подписчикахъ, покрывать расходъ по изданію объемистыхъ тетрадокъ епархіальнаго органа и выдавать гонораръ сотрудникамъ, разсчитываемый по пяти разрядамъ, отъ 6 р. 24 к. до 31 р. 20 к. за листъ („Киш. Е. В.“ 1908 г. № 9).

С. Рункевичъ.

Кишій — левитъ изъ племени Мерари. Онъ упомянутъ въ Библіи, какъ отецъ Еѳана, одного изъ пѣвцовъ, служившихъ при скиніи со временъ Давида до построенія Соломонова храма. При отправленіи своего служенія пѣвцы размѣщались въ извѣстномъ порядкѣ, слѣдуя опредѣленному уставу. Еѳанъ сынъ Кишія, становился по лѣвую сторону главнаго пѣвца Емана (1 Пар. **6**, 31, 32, 44).

Прот. *Н. Е.*

Кишіонъ—городъ въ колѣнѣ Иссахаровомъ, данный левитамъ (І. Нав. **19**, 20, **21**, 28). Очень можетъ быть, что *Кишіонъ* находился при потокѣ *Киссонъ*, протекавшемъ въ своей верхней части по удѣлу Иссахарову, и далъ этому потоку свое имя. Въ 1 Пар. **6**, 72 вмѣсто *Кишіонъ* неправильно поставлено *Кедесъ* (См. „Кедесъ 3“ въ „Энц.“ IX, 361).

Прот. *Н. Елеонскій.*

Кіевскій роспѣвъ сохранился въ рукописяхъ и печатныхъ нотныхъ книгахъ юго-западнаго происхожденія XVII и XVIII вв. По характеру своихъ напѣвовъ кіевскій роспѣвъ представляетъ собою въ значительной части не самостоятельный роспѣвъ, а лишь особую редакцію великорусскаго знаменнаго роспѣва, при томъ — скорѣе малаго, чѣмъ большого знаменнаго. Кіевскій роспѣвъ внесенъ цѣликомъ въ такъ наз. южнорусскіе ирмологіоны. Въ великой Россіи появился лишь въ XVII в., когда въ Москву переселились пѣвцы изъ Кіева, и когда такъ наз. „кіевское знамя“ (см. ниже), т.-е. нотно-линейная система, вошла въ употребленіе на Руси. Самое названіе было присвоено только въ великой Россіи. При своемъ появленіи здѣсь кіевскій роспѣвъ былъ пѣніемъ одноголоснымъ. Въ такомъ видѣ вошелъ въ нотныя печатныя книги 1772 г. Спеціальное изслѣдованіе о кіевскомъ роспѣвѣ принадлежитъ протоіерею *І. Вознесенскому.*

А. Преображенскій.

Кіевское знамя. Такъ назывались нѣкогда линейныя церковныя ноты, появившіяся первоначально въ Кіевѣ и подъ именемъ „кіевскаго знамени“ перешедшія въ Великороссію и замѣнившія собою прежніе крюки или безлинейные нотные знаки. Эта замѣна нотныхъ знаковъ крюковыхъ линейными произошла въ періодъ общихъ преобразованій русскаго церковнаго пѣнія въ половинѣ XVII в., когда русская церковь, ставши въ близкія отношенія съ православными греко-славянскими церквами, вмѣстѣ съ напѣвами послѣднихъ, приняла отъ нихъ и новую линейную систему музыкальныхъ знаковъ. Линейная система нотаціи во 2-й половинѣ XVI в. уже была извѣстна славянскимъ землямъ, какъ доказываетъ псалтырь Іоанна Гуса, напечатанная линейными нотами. Въ концѣ того же вѣка познакомилась съ линейными нотами и южно-русская церковь. Въ первой половинѣ XVII в. обученіе церковному пѣнію въ школахъ православныхъ юго-западныхъ братствъ совершалось уже систематически по учебникамъ написаннымъ кіевскимъ, т.-е. линейнымъ знаменемъ, которое тогда хорошо было извѣстно всей южной Руси—малой, бѣлой и червонной. Въ великой Россіи „кіевское знамя“ стало извѣстно около половины XVII в. Чрезъ южно-русскихъ выходцевъ, принесшихъ съ собою и напѣвы и нотныя книги и утвердилось въ ней покровительствомъ патр. Никона и царя Алексѣя Михайловича, особенно же въ началѣ XVIII в. покровительствомъ имп. Петра І. Перемѣна нотаціи произошла не вдругъ и не безъ борьбы между защитниками и противниками той и другой системы. И доселѣ сужденіе о сравнительномъ достоинствѣ этихъ системъ нотаціи различно (см. стат. *Ст.*

В. Смоленскаго въ журналѣ „Прав. Собесѣдникъ“ за 1887 г., стр. 242—243), а равно понынѣ крюковая нотація не вышла изъ употребленія у приверженцевъ старины. Причиною перемѣны системы нотописанія въ самой южной Россіи было не столько внѣшнее вліяніе, сколько, главнымъ образомъ, удобство линейной нотописи для школьнаго обученія. Линейныя ноты, представляя для обучающихся раздѣльнѣе и нагляднѣе, чѣмъ крюковыя, двѣ стихіи пѣнія—высоту и продолжительность звуковъ, а съ другой стороны—имѣя гораздо меньшее количество знаковъ, содѣйствовали скорѣйшему нотному обученію въ школахъ и болѣе быстрому усвоенію и воспроизведенію мелодій. Причиною перехода отъ безлинейныхъ нотъ къ линейнымъ въ Москвѣ, а затѣмъ и въ великой Россіи, по замѣчанію прот. Д. В. Разумовскаго, послужили: 1) примѣръ южно-русскихъ пѣвцовъ, явившихся въ Москвѣ съ линейною системою; 2) совершенство самой линейной системы въ педагогическомъ отношеніи; 3) господство ея въ хорѣ государевыхъ пѣвчихъ дьяковъ и подъяковъ; 4) покровительство линейной нотописи патр. Никона и царя Алексѣя Михайловича и наконецъ, личный примѣръ Петра I и другихъ особъ царствующаго дома. Что касается теперь вопроса о томъ, откуда заимствовала южнорусская церковь линейную нотную систему, то на этотъ вопросъ историки не даютъ точнаго отвѣта: одни говорятъ, что она пришла изъ западной Европы, хотя изображеніе нотъ ея совсѣмъ непохоже на изображеніе нотъ западно-европейскихъ; другіе говорятъ, что она есть чисто русское изобрѣтеніе. Но вѣроятнѣе полагать, что линейная система перешла въ южную Россію и собственно въ Кіевъ, какъ центръ музыкальной образованности того времени, еще ранѣе въ XVI в., въ не вполнѣ усовершенствованномъ видѣ изъ западной Европы, когда тамъ развилась такъ называемая мензуральная (mensurabilis-измѣримый) теорія въ видѣ точнаго измѣренія и обозначенія длины и времени звука*) и продолжая здѣсь разработываться, выдѣлилась уже какъ самостоятельный продуктъ русской изобрѣтательности. Въ настоящее время линейныя церковныя ноты, по формѣ своего начертанія, въ отличіе отъ нотъ итальянскихъ—круглыхъ, называются квадратными и употребляются исключительно въ церковно-богослужебныхъ нотныхъ книгахъ синодскаго изданія.

Н. Вознесенскій, Кіевскій роспѣвъ. Прот. *Д. В. Разумовскій*: Церковное пѣніе въ Россіи; Теорія и практика церковнаго пѣнія. Музыкальный словарь *Римана* въ переводѣ *Юргенсона*.

Протоіерей *А. Митропольскій.*

Кіевъ былъ матерію городовъ русскихъ и купелію крещенія русскаго народа.

Поселеніе на мѣстѣ нынѣшняго Кіева относится къ числу самыхъ древнихъ поселеній. Оно находилось въ странѣ скиѳовъ, къ числу которыхъ относилось и племя роксолановъ, принимавшее участіе въ войнахъ Митридата Понтійскаго и бывшее союзникомъ даковъ въ войнѣ ихъ съ Траяномъ. Яснѣе выступаютъ русскіе славяне со своими опредѣленными названіями въ слѣдовавшій за скиѳскимъ періодъ владычества готовъ, народа германскаго происхожденія, который, двинувшись въ концѣ II вѣка по р. Хр. изъ Скандинавіи, въ III и IV вв. владѣлъ всѣмъ югомъ нынѣшней Россіи. Историкъ готовъ Іорнандъ, писатель VI в., въ числѣ подчиненныхъ готамъ народовъ упоминаетъ венетовъ, дѣлившихся на антовъ и скловеновъ (славянъ), и рокосовъ или роксолановъ, изъ коихъ послѣдніе у византійскихъ писателей носятъ названіе россовъ, соотвѣтствующихъ лѣтописнымъ полянамъ. Во времена господства готовъ въ Поднѣпровьи встрѣчается названіе готскаго города Данпарштадта, т. е. днѣпровскаго города, подъ которымъ ученые разумѣютъ Кіевъ.

---

*) Старинное мензуральное нотное письмо выражало длительность тона приблизительно размѣрами нотной головки:

обращенный внизъ хвостикъ долженъ былъ наглядно обозначать отягченіе, удлиненіе ноты; наоборотъ, обращенный кверху хвостикъ служилъ какъ бы нагляднымъ показателемъ ихъ большей подвижности. Въ XIV в. введены были въ употребленіе бѣлыя нотныя головки, извѣстныя теперь у насъ подъ именемъ итальянскихъ нотъ круглыхъ или овальныхъ.

Въ концѣ IV в. готское царство было разрушено гуннами, которые провластвовали въ Поднѣпровьи до 468 года. Ихъ смѣнили хазары, которые подчинили себѣ славянскія племена, обитавшія въ южной Руси, и содѣйствовали торговымъ сношеніямъ кіевской Руси съ востокомъ. Но въ IX и X вв. поднѣпровская Русь имѣла уже собственныхъ князей, и ея главный городъ назывался уже Кіевомъ. По словамъ арабскаго писателя Ибнъ-Хаукала, „царь (одного племени Руссовъ) живетъ въ городѣ, называемомъ Куяба, который больше Болгара". Другой арабскій писатель аль-Массуди упоминаетъ даже имя русскаго царя Дира, рядомъ съ которымъ наша начальная лѣтопись славитъ имя другого кіевскаго князя Аскольда, давшаго имя кіевскому урочищу „Аскольдова Могила".

Около 882 г., по сказанію нашей лѣтописи, явились въ Кіевъ наслѣдники новгородско-норманскаго князя Рюрика Олегъ и Игорь и, убивъ Аскольда и Дира, завладѣли Кіевомъ. Тѣла Аскольда и Дира погребены въ Кіевѣ: Аскольда на горѣ, гдѣ нынѣ урочище „Аскольдова Могила", а Дира—„за святою Ориною", т. е. за Чушнинскимъ монастыремъ, который впослѣдствіи основанъ былъ Ярославомъ I недалеко отъ нынѣшняго Кіево-Софійскаго собора, на юго-западъ отъ него. Овладѣвъ Кіевомъ, Олегъ сказалъ своей дружинѣ: „се буди мати градомъ русскимъ", т. е. сдѣлалъ его столицею своего русскаго государства. Вскорѣ онъ покорилъ своей власти сосѣднія славяно-русскія племена и, собравъ большое ополченіе изъ подчиненныхъ и союзныхъ ему разныхъ племенъ, на 2000 ладьяхъ предпринялъ морской походъ на Царьградъ. Подъ стѣнами его онъ заключилъ договоръ съ греческими царями Львомъ и Александромъ, которые обязывались давать дань какъ столицѣ Олега Кіеву, такъ и подвластнымъ ему городамъ. По народному преданію, сходному со скандинавскими сагами, Олегъ умеръ, согласно предсказанію жрецовъ, отъ яда змѣи, выползшей изъ черепа любимаго имъ коня. Онъ умеръ около 912 г. и погребенъ на Щекавицѣ: „есть же могила его до сего дне,—говоритъ лѣтопись,—словетъ могила Олегова".

По смерти Олега, Кіевъ со всѣми подвластными ему землями перешелъ къ Игорю Рюриковичу, который продолжалъ объединеніе русскихъ земель въ одно государство и предпринималъ два похода на Царьградъ, въ 941 и 944 годахъ, заключивъ въ 945 г. договоръ съ греками. Въ этомъ договорѣ есть указаніе и на крещеную Русь. Въ числѣ пословъ Игоря, отправленныхъ имъ въ Царьградъ для заключенія договора, были и христіане, которые въ соборной цареградской церкви клялись своею кіевскою церковію пророка Иліи, а также крестомъ и грамотою. Вслѣдъ затѣмъ, для обмѣна договора, пришли въ Кіевъ, вмѣстѣ съ русскими, и греческіе послы. На слѣдующій день Игорь призвалъ греческихъ пословъ, и „приде на холмъ, гдѣ стояше Перунъ, покладоша оружье свое, и щиты, и золото, и ходи Игорь ротѣ, и люди его, елико поганыхъ Руси; а хрестеяную Русь водиша ротѣ въ церкви св. Ильи, яже есть надъ ручаемъ конецъ Пасынчѣ бесѣды и Козарѣ, се бо бѣ сборная церкви; мнози бо бѣша варязи хрестеяни". Въ числѣ русскихъ пословъ Игоря упоминается и посолъ Боричъ, по всей вѣроятности давшій названіе Боричеву взвозу въ Кіевѣ. Въ 945 г. князь Игорь звѣрски убитъ былъ древлянами, къ которымъ онъ отправился для сбора дани и производства суда и расправы между жителями.

Послѣ Игоря владѣтелями Кіева и всей русской земли остались вдова его Ольга и малолѣтній сынъ Святославъ. Первымъ дѣломъ Ольги было, по обычаямъ того времени, отомстить древлянамъ за смерть Игоря. Прежде чѣмъ разгромить древлянъ въ ихъ гнѣздѣ, она предварительно два раза истребляла древлянскихъ пословъ въ Кіевѣ, однажды въ банѣ, а другой разъ въ ямѣ, при чемъ лѣтописецъ, разсказывая объ этой мести, указываетъ нѣкоторыя подробности положенія и устройства Кіева. Верхній Кіевъ въ это время былъ обведенъ крѣпостію,—и Ольга имѣла здѣсь два терема или дворца, одинъ въ городѣ, т. е. въ крѣпости, а другой каменный внѣ града, за св. Богородицею (т. е. Десятиннымъ храмомъ св. Владиміра), надъ горою, съ которой былъ видѣнъ Боричевъ взвозъ. Слѣдовательно, этотъ взвозъ лежалъ приблизительно тамъ, гдѣ нынѣ проходятъ улицы „Андреевскій спускъ" и „Черная грязь". Въ виду Боричева взвоза, между Подоломъ и Днѣпромъ и параллельно съ послѣднимъ, протекала р. Почайна, которая служила пристанью для судовъ, при-

ходящихъ по Днѣпру къ Кіеву, чѣмъ-то въ родѣ константинопольскаго Золотаго Рога, съ которымъ впослѣдствіи сравнивала ее сама Ольга.

Но, справивъ кровавую тризну по своемъ мужѣ, Ольга вскорѣ приняла христіанство, совершила поѣздку въ Константинополь со своимъ священникомъ Григоріемъ и съ почетомъ принята была византійскимъ императоромъ. По возвращеніи въ Кіевъ, она построила при своемъ теремѣ, около нынѣшней Десятинной церкви, деревянный Софійскій храмъ, сгорѣвшій въ 1017 году. По свидѣтельству лѣтописи, св. Ольга положила первые зачатки гражданскаго устройства въ своемъ государствѣ, именно: регулировала взиманіе дани и оброковъ и княжеское право охоты (перевѣсища и ловища) и установила погосты.

Сынъ и преемникъ св. Ольги Святославъ не былъ крещенъ. Онъ былъ нрава суроваго и воинственнаго и мечталъ только о битвахъ и завоеваніяхъ. Усмиривъ древлянъ, покоривъ вятичей и побѣдивъ хазаръ, косоговъ и ясовъ, Святославъ предпринялъ войну съ Болгаріею и, вытѣсненный оттуда византійскимъ императоромъ Іоанномъ Цимисхіемъ, погибъ на возвратномъ пути въ Кіевъ въ битвѣ съ подстерегавшими его печенѣгами.

Послѣ смерти Святослава, часть покоренныхъ Русью племенъ отложилась отъ нея, а нѣкоторые сосѣди стали грабить Русь или увеличивать насчетъ ея свои собственные предѣлы. Но младшій сынъ Святослава Владиміръ, по смерти старшаго брата своего Ярополка, объединилъ всѣ русскія земли подъ своею властью, усмирилъ отложившихся радимичей и вятичей, отражалъ набѣги печенѣговъ и ятвяговъ, воевалъ съ подкарпатскими славянами или бѣлыми хорватами, съ поляками и камскими болгарами, а въ заключеніе рѣшился вступить въ борьбу съ Византіей, чтобы возстановить славу русскаго оружія и добиться отъ грековъ почетнаго мира. Для этого онъ предпринялъ походъ на греческія владѣнія въ Тавридѣ или нынѣшнемъ Крыму и въ частности на Херсонесъ или Корсунь, близь нынѣшняго Севастополя. Эта война получила великое значеніе въ нашей исторіи: она сопровождалась крещеніемъ Владиміра и окончательнымъ водвореніемъ православной вѣры на Руси.

До принятія христіанства князь Владиміръ отличался свойственною язычникамъ жестокостію и особливою ревностію къ идолопоклонству. Онъ пытался поддержать упадавшее славяно-русское язычество, воздвигая идольскіе истуканы и приносилъ имъ обильныя жертвы, даже человѣческія: „и нача княжити Володимеръ въ Кіевѣ единъ,—говоритъ лѣтопись,—и постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго: Перуна деревянна, а главу его серебренну, а усъ златъ; и Хорей, и Дажбога и др. Жряху имъ наричуще я боги, привожаху сыны своя и дщери, и жряху бѣсомъ, оскверняху землю требами своими, и осквернися кровми земля русска“. Холмъ этотъ, внѣ двора теремнаго, очевидно, былъ тотъ же, на которомъ стоялъ Перунъ и при Игорѣ, вѣроятно низверженный св. Ольгою. Возстановивъ идолослуженіе и языческое жертвоприношеніе, Владиміръ хотѣлъ привлечь къ нему и кіевскихъ христіанъ. Въ 983 г., послѣ удачнаго похода на ятвяговъ, Владиміръ велѣлъ принести богамъ человѣческую жертву. Кіевляне бросили жребій на своихъ дѣтей и жребій палъ на сына одного крещеннаго варяга, не бывшаго на вѣчѣ. Варягъ не отдалъ своего сына на жертву идоламъ и вмѣстѣ съ нимъ убитъ былъ разъяренною толпой. Православная церковь причислила ихъ къ лику святыхъ, подъ именами Ѳеодора и Іоанна, и празднуетъ память ихъ 12 іюля.

Сталкиваясь въ своихъ походахъ и завоеваніяхъ съ различными вѣрами и знакомясь съ представителями ихъ въ самомъ Кіевѣ, Владиміръ, какъ человѣкъ любознательный и умный, естественно могъ задаваться вопросомъ о томъ, какая же изъ этихъ вѣръ есть истинная. Это религіозное раздумье Владиміра и выражено въ позднѣйшемъ сказаніи о посольствахъ къ Владиміру отъ разныхъ народовъ, съ предложеніемъ отъ каждаго изъ нихъ Владиміру своей вѣры. А непосредственное знакомство съ греческою вѣрой и вообще съ христіанскимъ просвѣщеніемъ и жизнію въ Корсуни рѣшило его выборъ въ пользу православной греческой вѣры, которую онъ и принялъ во взятомъ имъ Херсонесѣ. Тамъ же онъ вступилъ въ бракъ съ греческою царевною Анною, заключивъ мирный договоръ съ греками.

Возвратившись въ Кіевъ съ православ-

нымъ духовенствомъ, Владиміръ крестилъ все свое семейство и началъ ревностно вводить новую вѣру въ русской землѣ. При помощи своей дружины, среди которой и въ прежнее время встрѣчались христіане, Владиміръ сокрушалъ и сожигалъ идоловъ, а Перуна велѣлъ привязать къ конскому хвосту, подъ ударами палокъ стащить его съ холма по Боричеву взвозу и бросить въ рѣку. Когда тащили идола по Боричеву, его сопровождала народная толпа, которая плакала, смотря на поруганіе своего прежняго

Соборъ св. Владиміра въ Кіевѣ.

бога и даже провожала его по Почайнѣ и Днѣпру. Особые воины приставлены были для того, чтобы отталкивать Перуна отъ берега, еслибы онъ присталъ къ нему. На одномъ изъ мѣстъ остановки идола,—по позднѣйшимъ преданіямъ,—основанъ Выдубицкій монастырь.

Народъ поколебался въ своей прежней вѣрѣ, видя ничтожность и безсиліе своихъ боговъ и,—наставляемый привезенными изъ Корсуня священниками,—склонялся къ принятію крещенія. Тогда Владиміръ велѣлъ собрать кіевлянъ, преимущественно жившихъ на Подолѣ, на берегу Почайны и здѣсь совершить надъ ними крещеніе. Прибылъ на берегъ и самъ князь съ духовенствомъ и со своими новокрещенными дружинниками и боярами. Судя по многочисленности крещаемыхъ, которые притомъ-же раздѣлены были на особыя группы мужчинъ и женщинъ, крещеніе кіевлянъ совершалось на большомъ разстояніи, именно: между нынѣшнею Кіевоподольскою Борисоглѣбскою (Рождество-Предтеченскою) церковію и бывшимъ устьемъ Почайны около нынѣшняго крещатицкаго источника или нижняго памятника св. Владиміру.

Тотчасъ же послѣ всенароднаго крещенія кіевлянъ, Владиміръ повелѣлъ строить церкви, особенно на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стояли идолы. На перуновомъ холмѣ князь поставилъ деревянную церковь во имя своего святого покровителя Василія. Въ Вышгородѣ имъ сооружена была деревянная церковь св. Василія, на Берестовѣ—такая же церковь Петропавловская. Но самый величественный храмъ, и при томъ каменный, Владиміръ воздвигъ во имя Пресв. Богоро-

дицы на мѣстѣ мученической кончины варяговъ Θеодора и сына его Іоанна. Для построенія храма князь призвалъ греческихъ мастеровъ. Въ немъ помѣщены были мощи, иконы и церковная утварь, привезенныя изъ Корсуня. Храмъ этотъ строился въ теченіи 5 или 6 лѣтъ; освященіе его сопровождалось великими пирами, которые князь давалъ дружинѣ и гражданамъ, а также богатою раздачей милостыни нищимъ и убогимъ. Князь назначилъ на содержаніе храма и его причта десятую часть отъ нѣкоторыхъ своихъ доходовъ, отчего храмъ этотъ и сдѣлался извѣстенъ болѣе подъ именемъ Десятиннаго. Здѣсь св. Владиміръ и погребенъ былъ († 1015 г.) рядомъ съ супругою своею Анной.

Со времени принятія св. Владиміромъ православной вѣры, открывается широкій просторъ вліянію Византіи на Русь не только въ церковномъ и просвѣтительномъ, но и въ художественномъ, бытовомъ и государственномъ отношеніяхъ. Появляется сплоченная церковная іерархія, которая давала внутреннее объединеніе всему государству и тѣмъ усиливала его и во внѣшнемъ отношеніи, разливая въ то же время свѣтъ духовнаго просвѣщенія по всей Руси. При всеобщемъ крещеніи кіевлянъ и непосредственно послѣ него, кіевская Русь довольствовалась священнослужителями изъ Херсонеса Таврическаго и составляла какъ бы часть херсонской епархіи, но въ 991 году получила изъ Царяграда и своего митрополита, который поставилъ епископовъ по важнѣйшимъ городамъ русскимъ. Сама государственная власть великаго князя кіевскаго, будучи поддерживаема и освящаема православною церковію, получила особый священный характеръ и прочность. Опираясь на православіе, св. Владиміръ рѣшилъ, что прочность государственной власти не должна зависѣть отъ воинственной и своевольной дружины, какъ то было прежде, а должна опираться на правильное гражданское устройство; этимъ и объясняются рѣшимость св. Владиміра распустить свою дружину и культурный характеръ его княженія.

Къ сожалѣнію, идея государственнаго единства Руси встрѣтила непреодолимую преграду для своего развитія въ удѣльно-вѣчевомъ укладѣ русской государственной жизни, все болѣе и болѣе дробившемъ Русь на мелкіе удѣлы и постепенно ослаблявшемъ ее въ государственномъ отношеніи.

Еще при жизни своей св. Владиміръ раздалъ города и области своего государства въ удѣлы своимъ сыновьямъ, которыхъ лѣтопись насчитываетъ до 12-ти, оставивъ въ личномъ своемъ управленіи область кіевскую. По кончинѣ св. Владиміра, между сыновьями его, рожденными отъ разныхъ женъ, изъ-за великокняжескаго стола начались междоусобія, жертвою которыхъ прежде всего сдѣлались младшіе сыновья Владиміра, святые мученики Борисъ и Глѣбъ, вѣроломно умерщвленные старшимъ изъ Владиміровичей Святополкомъ Окаяннымъ. Междоусобія прекратились въ 1025 году раздѣломъ русской земли по Днѣпру между Ярославомъ I кіевскимъ и Мстиславомъ Чермнымъ черниговскимъ. Когда же въ 1036 году умеръ Мстиславъ, то Ярославъ I еще разъ соединилъ въ своихъ рукахъ всѣ русскія области, за исключеніемъ полоцкаго удѣла, и сталъ единодержавнымъ властителемъ Руси.

Въ самый годъ смерти Мстислава, когда Ярославъ I отлучился въ Новгородъ, печенѣги воспользовались его отсутствіемъ и въ большомъ числѣ подступили къ Кіеву. Ярославъ поспѣшилъ на помощь Кіеву съ варягами и новгородцами и вошелъ въ стольный свой городъ. Въ это время укрѣпленія Кіева занимали собою небольшое пространство нынѣшняго верхняго или стараго города, такъ называемое Андреевское его отдѣленіе, обнесенное землянымъ валомъ, который шелъ отъ нынѣшней Андреевской церкви на югъ до оврага, отдѣлявшаго нынѣшнюю Трехсвятительскую церковь отъ Михайловскаго монастыря, отсюда поворачивалъ, мимо нынѣшняго реальнаго училища, на Большую Житомірскую улицу, а затѣмъ отправлялся по сѣверной сторонѣ опоясываемаго имъ пространства и по-за Десятинною церковію выходилъ къ той же Андреевской церкви, отъ которой и начался. Въ укрѣпленіи были ворота: сѣверо-восточныя на вершинѣ Боричева взвоза или нынѣшняго Андреевскаго спуска, южныя—тамъ, гдѣ Трехсвятительская улица, начинаясь отъ Андреевской церкви, выходитъ къ Михайловскому монастырю, и западныя—по нынѣшней Десятинной улицѣ, передъ пересѣченіемъ ея Большою Житомірскою улицей. Вышедши изъ послѣднихъ воротъ, Яро-

славъ I далъ рѣшительную битву печенѣгамъ и нанесъ имъ полное пораженіе; во время бѣгства много ихъ потонуло въ Сѣтомли, гдѣ-то около нынѣшняго вокзала, и въ ближайшихъ рѣчкахъ.

На мѣстѣ этой побѣды и въ память ея, Ярославъ въ слѣдующемъ 1037 году заложилъ „градъ великій Кіевъ“, присоединивъ къ прежнему городу значительное пространство на западъ и сѣверо-западъ отъ него, и, обнесши это пространство стѣною и валомъ, устроилъ на западной сторонѣ этого укрѣпленія каменныя Золотыя Ворота, съ такою же церковію Благовѣщенія на нихъ, которыя весьма напоминаютъ собою донынѣ сохранившіяся древнія врата Кіево-Печерской лавры, съ Троицкою церковію на нихъ. Золотыми они названы отъ золоченой главы на церкви.

Среди новаго укрѣпленія Ярославъ заложилъ каменную каѳедральную церковь св. Софіи и украсилъ ее золотомъ, серебромъ, драгоцѣнными камнями, дорогими сосудами, мозаикою, фресками и иконами, изъ коихъ чудотворная икона св. Николая Мокраго и доселѣ хранится на хорахъ Кіево-Софійскаго собора. Близъ Кіево-Софійскаго собора Ярославомъ I сооружены были еще два каменные храма съ монастырями при нихъ: одинъ на западѣ отъ собора, передъ Золотыми воротами, во имя св. покровителя своего св. великомученика Георгія, гдѣ нынѣ Георгіевская церковь, а другой—на юго-западѣ отъ Софіи, во имя ангела супруги Ярославовой Ирины, близъ нынѣшняго Ириниинскаго памятника. Въ 1039 году окончено было обновленіе и совершено освященіе Десятинной церкви, сильно пострадавшей отъ пожара 1017 года. Для себя Ярославъ построилъ во Владиміровомъ городѣ „великій дворъ“.

При Ярославѣ I пріѣхали къ намъ изъ Греціи церковные пѣвцы, которые научили русскихъ осмогласному или такъ называемому демественному пѣнію. Много также заботился Ярославъ и о распространеніи книжнаго просвѣщенія среди русскаго народа: поручалъ церковнослужителямъ обучать дѣтей грамотѣ и учреждалъ училища, собиралъ писцовъ для списыванія болгарскихъ рукописей, при чемъ иногда поручалъ переводить прямо съ греческаго или исправлять болгарскіе переводы, и даже самъ списалъ нѣкоторыя священныя книги и принесъ ихъ въ даръ созданному имъ храму св. Софіи. При Ярославѣ и съ его поощренія появилось и стало распространяться на Руси монашество, много содѣйствовавшее книжному просвѣщенію. Въ послѣдніе годы княженія Ярослава I преподобный Антоній Печерскій положилъ начало знаменитой впослѣдствіи Кіево-Печерской обители. Ярославъ I началъ также приводить въ систему дѣйствовавшее въ то время обычное русское право и составилъ сборникъ „Русскую Правду“, которая продолжала редактироваться и при его преемникахъ. Съ именемъ Ярослава извѣстна также радакція церковнаго устава, заимствованнаго изъ византійскихъ источниковъ.

При Ярославѣ I Кіевъ былъ славенъ не только на Руси, но и далеко за ея предѣлами. Ярославъ I Мудрый вступилъ въ семью христіанскихъ западно-европейскихъ государей и породнился съ нѣкоторыми изъ нихъ. Дожилъ онъ до глубокой старости и умеръ на 76 году отъ рожденія, въ 1059 году, въ Вышгородѣ, откуда тѣло его перевезено въ Кіевъ и положено въ Софійскомъ соборѣ въ мраморной гробницѣ, украшенной рѣзьбою въ византійскомъ духѣ.

Но Ярославъ I возстановилъ единство русскихъ земель только для того, чтобы укрѣпить ихъ за своимъ собственнымъ семействомъ, а не для того, чтобы водворить на Руси единодержавіе. Послѣ его смерти, всѣ его княжества раздѣлили между собою три оставшіеся въ живыхъ его сына. Образовались три самостоятельныя княжества—кіевское, черниговское и переяславское, при чемъ два послѣднія признавали лишь старшинство кіевскаго князя; но старшинство это было больше почетно, чѣмъ дѣйствительно, и основывалось лишь на родовомъ счетѣ старшинства среди братьевъ, а не на принципѣ государственнаго единства и зависимости. Да и эти старшіе князья встрѣтили протестъ еще со стороны многочисленныхъ своихъ племянниковъ, требовавшихъ на свою долю удѣловъ въ государствѣ. Напрасно старшіе князья выдвинули и пытались отстаивать принципъ такъ называемаго изгойства, въ силу котораго дѣти князя, умершаго при жизни своего отца, должны были лишаться права на наслѣдство и оставаться только служилыми князьями. Борьба съ князьями-

Изображенiе Великаго Князя Ярослава съ семьею на фрескѣ Кiево-Софiйскаго собора, по рисунку 1651 года, сохранившемуся въ копiи конца XVIII в. въ собранiи короля Станислава Августа, нынѣ въ библiотекѣ Академiи Художествъ въ С.-Петербургѣ.

изгоями продолжалась около полустолѣтія и, наконецъ, разрѣшилась въ пользу послѣднихъ на Любечскомъ съѣздѣ князей въ 1097 году, гдѣ собравшіеся постановили: „пусть каждый владѣетъ своей вотчиной“. Послѣ Любечскаго съѣзда князь кіевскій уже не есть князь всего русскаго государства, а только незначительнаго удѣла, занимавшаго около $^2/_3$ нынѣшней кіевской губерніи, около половины волынской и небольшой южный отрѣзокъ минской губерніи. А между тѣмъ столица этого удѣла Кіевъ, по традиціи, все еще считалась стольнымъ городомъ всей Руси, вслѣдствіе чего и князь его считался старѣйшимъ и самымъ почетнымъ въ родѣ. Каждому князю и княжескому роду хотѣлось захватить Кіевъ и основать въ немъ свою династію. Борьба за Кіевъ ведется главнымъ образомъ между тремя княжескими вѣтвями: между Ольговичами черниговскими, между потомками Мономаха отъ старшаго сына его Мстислава князьями волынскими и смоленскими и, наконецъ, между могущественнымъ родомъ князей суздальско-ростовскихъ, потомками младшаго сына Мономаха, Юрія Долгорукаго. Въ эту борьбу по временамъ вмѣшивались и потомки Изяслава полоцкаго и нѣкоторые другіе княжескіе роды. Но ни одна княжеская династія не могла прочно установиться на кіевскомъ престолѣ и смѣнялась одна другою.

А той порой въ южныхъ степяхъ Россіи на смѣну печенѣговъ явились новые кочевники половцы, которые не опускали случаевъ вторгаться въ русскія владѣнія и грабить ихъ и даже приглашаемы были самими русскими князьями для участія и помощи въ ихъ междоусобныхъ войнахъ. Это хищническое племя, развлекая силы русскихъ князей въ разныя стороны и ослабляя ихъ, въ свою очередь не мало подготовило Кіевъ къ окончательному его паденію и покоренію татарами.

Среди этой борьбы область кіевская и въ особенности городъ Кіевъ сильно страдали. Два раза русскіе князья, ожесточенные междоусобною борьбой, разрушали городъ. Такъ, въ 1169 году рать, присланная изъ Ростова Андреемъ Боголюбскимъ, взяла приступомъ Кіевъ, который былъ отданъ на разграбленіе ей: два дня побѣдители грабили и жгли дома, убивали гражданъ, грабили церкви, выносили иконы, снимали колокола. Четверть вѣка спустя Кіевъ былъ вновь разрушенъ и разграбленъ во время борьбы Рюрика Ростиславича съ Романомъ Мстиславичемъ. Рюрикъ, соединившись съ Ольговичами, а также съ Кончакомъ и другими половецкими ханами, взялъ Кіевъ приступомъ и, вмѣсто платы за ихъ услуги, отдалъ городъ на разграбленіе союзнымъ войскамъ. Послѣ этого второго разоренія богатство и значеніе Кіева упали еще больше. Старшіе въ родѣ князья уже не стремятся, какъ прежде, занять кіевскій столъ, а посылаютъ или младшихъ изъ князей, или даже просто намѣстниковъ некняжескаго рода.

Не смотря, однако, на постепенное паденіе Кіева и кіевской земли, внутреннія духовныя силы князей и народа, оживляемыя православною вѣрою, отличаются замѣчательною свѣжестію и бодростію, которыя долго еще задерживали окончательное паденіе Кіева и обезпечивали будущее возстановленіе русскаго государства. Именно въ это время княжескихъ усобицъ и нападеній кочевниковъ православная вѣра и христіанская культура Византіи глубже и всестороннѣе охватываютъ всѣ слои русскаго народа, вслѣдствіе чего дотатарскій періодъ въ исторіи Кіева въ культурномъ отношеніи является блестящимъ періодомъ исторіи древней Руси. О высотѣ духовно-нравственной жизни въ это время свидѣтельствуетъ уже одно то, что въ непродолжительный сравнительно удѣльный періодъ является въ Кіевѣ цѣлый рядъ христіанскихъ князей-рыцарей, блаженныхъ мужей и женъ, преподобныхъ и святыхъ угодниковъ Божіихъ и безчисленный сонмъ преподобныхъ печерскихъ, въ числѣ которыхъ были люди всѣхъ сословій, не исключая и низшаго класса народа. Получаютъ особенное развитіе славяно-русская письменность и литература, блестящимъ отзвукомъ которой является знаменитое „Слово о полку Игоревѣ“. Всѣ виды искусства перешли изъ Византіи въ Россію и особенно въ Кіевъ и здѣсь начинали усвояться и русскими мастерами, какъ-то: фрески, мозаики, иконопись, производство перегородчатыхъ эмалей и чеканка монеты съ славяно-русскими надписями.

Внутреннее благочестіе находило естественное выраженіе для себя въ построеніи

храмовъ Божіихъ и монастырей, въ украшеніи ихъ и въ установленіи церковныхъ празднествъ. Монастыри и церкви строились иногда монашествующими лицами и общинами, какъ, напр., въ извѣстной мѣрѣ, Кіево-Печерскій монастырь, Гнилецкій или Глушецкій монастырь Пречистыя за мѣстечкомъ Китаевымъ, близъ с. Пирогова[1]), и, можетъ быть, монастыри Стефанечъ, въ нынѣшнихъ Липкахъ, гдѣ нынѣ 1-е епархіальное женское училище, и Германечъ Спасскій на Берестовѣ, названный такъ отъ имени своего игумена. Иныя церкви, особенно на Кіевоподолѣ, строились мѣстнымъ торгово-промышленнымъ населеніемъ и пріѣзжими купцами, какъ, напр., Новгородская божница или Михайловская церковь гдѣ-то около нынѣшняго Кіевоподольскаго Успенскаго собора, и, можетъ быть, Турова божница около нынѣшней Рождество-Предтеченской или Борисоглѣбской церкви. Небольшой храмъ Іоанна Предтечи, пристроенный къ сѣверо-западному углу великой лаврской церкви и нынѣ входящій въ ея составъ, сооруженъ былъ на средства боярскаго сына Захаріи, а Никольская церковь на Аскольдовой Могилѣ сооружена была на дворѣ нѣкоего Ольма и возлѣ нея были пещеры, съ начертанными на стѣнѣ именами подвижниковъ „Ивана грѣшнаго“ и „Ѳеофила“, открытыя въ 1853 году. Но большинство храмовъ и монастырей этого времени, особенно каменныхъ, построено великими князьями кіевскими и отъ части удѣльными. Каждая изъ вѣтвей Ярославова рода, заявлявшая притязанія на кіевскій престолъ, достигнувъ его, основывала „отніе“ (отеческіе) родовые храмы и монастыри и какъ бы соперничала съ другими вѣтвями въ церковномъ строительствѣ. Укажемъ главныя княжескія вѣтви, владѣвшія Кіевомъ, и построенныя ими здѣсь церкви и монастыри.

Старшій изъ оставшихся въ живыхъ сынъ Ярослава Мудраго Изяславъ, сдѣлавъ пристройки галлерей и другой башни къ Софійскому собору, построилъ въ Вышгородѣ новую деревянную церковь во имя святыхъ Бориса и Глѣба, а въ самомъ Кіевѣ—Димитріевскій монастырь, находившійся въ оградѣ нынѣшняго Златоверхо-Михайловскаго монастыря. Супруга Изяслава построила Николаевскій женскій монастырь, въ которомъ приняла монашество мать преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго. Сынъ Изяслава Ярополкъ-Петръ основалъ въ Димитріевскомъ монастырѣ каменную церковь св. Петра. Другой сынъ Святополкъ-Михаилъ Изяславичъ вблизи Димитріевской и Петровской церквей соорудилъ каменную церковь во имя архангела Михаила, существующую и доселѣ въ Златоверхо-Михайловскомъ монастырѣ, и положилъ здѣсь мощи св. великомученицы Варвары, полученныя имъ отъ византійскаго императора.

Другой сынъ Ярослава I Святополкъ черниговскій, овладѣвъ Кіевомъ, уступилъ землю подъ постройку великой церкви Печерской лавры, самъ копалъ рвы для ея фундамента и далъ на ея сооруженіе 100 гривенъ золота. Ему принадлежитъ также постройка въ Кіевѣ монастыря св. Симеона на Копыревѣ концѣ, вверху нынѣшняго Вознесенскаго спуска. Внукъ его Всеволодъ Ольговичъ, захвативъ въ 1139 г. Кіевъ, передъ смертію своею, послѣдовавшею въ 1146 году, принялъ иночество съ именемъ Кирилла и, вѣроятно, завѣщалъ супругѣ своей Маріи Мстиславовнѣ построить Кирилловскую церковь и монастырь, гдѣ нынѣ помѣщаются Кирилловскія богоугодныя заведенія. Сынъ Всеволода Ольговича Святославъ II Всеволодовичъ въ 1184 г. построилъ и освятилъ церковь св. Василія на великомъ Ярославовомъ дворѣ, которую мы отожествляемъ съ нынѣшнею Трехсвятительскою церковію, близъ Михайловскаго монастыря; но самъ онъ погребенъ былъ въ Кирилловскомъ монастырѣ Изъ этого же рода происходилъ князь—инокъ Никола Святоша, которому преданіе приписываетъ построеніе св. вратъ Кіево-Печерскаго монастыря и надъ ними—Троицкой церкви.

Продолжительнѣе всѣхъ владѣла Кіевомъ и больше оставила въ немъ по себѣ памятниковъ третья, наиболѣе даровитая вѣтвь Ярославова рода, ведущая начало свое отъ Всеволода Ярославича. Самъ Всеволодъ Ярославичъ, еще не будучи великимъ княземъ кіевскимъ, въ 1070 г. основалъ внѣ Кіева Выдубицкій монастырь, возлѣ котораго находился и его загородный „Красный дворъ“, а въ званіи великаго князя кіевскаго построилъ въ верхнемъ Кіевѣ, въ

---

[1]) О Гнилецкомъ монастырѣ см. „Церковныя Вѣдомости“ 1904 г., № 11, стр. 386.

Андреевскомъ отдѣленіи его, Андреевскій Янчинъ монастырь для дочерей своихъ Янки (Анны) и Евпраксіи. Сынъ его Владиміръ Мономахъ соорудилъ въ Вышгородѣ каменную Борисоглѣбскую церковь, куда и перенесъ торжественно мощи святыхъ страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, и еще,—можетъ быть,—каменную церковь Спаса на Берестовѣ. При немъ же построена была въ 1121 г. въ Кіевѣ церковь св. Іоанна на Копыревѣ концѣ, гдѣ нынѣ помѣщается кіевская Дух. Семинарія. Сынъ Владиміра Мономаха Мстиславъ построилъ въ Кіевѣ Ѳеодоровскій монастырь на сѣверо-востокъ отъ Десятинной церкви и вблизи его свой княжій дворъ. Въ этомъ монастырѣ началось мученіе св. князя-инока Игоря Ольговича, убіеннаго кіевлянами въ 1146 г., а икона Богородицы предъ которою молился этотъ князь, нынѣ находится въ Богословскомъ придѣлѣ великой лаврской церкви. Тотъ же князь, Мстиславъ Владиміровичъ, положилъ основаніе церкви Пресв. Богородицы Пирогощей, которую отожествляютъ съ нынѣшнимъ Кіево-подольскимъ Успенскимъ соборомъ. Отъ третьяго сына своего Ростислава Мстиславъ Владиміровичъ имѣлъ, между прочимъ, внуковъ Рюрика и Мстислава Храбраго. Первый, т. е. Рюрикъ, построилъ въ Кіевѣ церковь св. Василія „на новомъ дворѣ“ и обвелъ каменною стѣной Выдубицкій монастырь; а сыну Мстислава Храбраго Мстиславу Удалому приписываютъ построеніе каменной Крестовоздвиженской церкви на мѣстѣ Васильевской св. Владиміра, гдѣ нынѣ стоитъ Андреевская церковь.

Кромѣ того, въ великокняжескій періодъ исторіи Кіева получили начало Николаевская Іорданская церковь, около нынѣшней Іорданской церкви, извѣстная по совершившемуся въ ней чуду надъ половчиномъ, и Межигорскій монастырь, существующій и донынѣ, а равно упоминаются монастыри св. Мины, Лазаревскій, Воскресенскій и Космо-Даміанскій, неизвѣстно гдѣ находившіеся.

Если перечислить древніе храмы и монастыри кіевскаго великокняжескаго періода по времени ихъ основанія, то окажется, что большая часть ихъ основана въ началѣ этого періода. Разгоравшіяся все болѣе и болѣе княжескія междоусобицы препятствовали созиданію и украшенію храмовъ Божіихъ, а печенѣжскіе и половецкіе набѣги совершенно оторвали кіевскую Русь отъ непосредственнаго общенія съ источникомъ тогдашней культуры Византіею. Въ разгаръ княжескихъ усобицъ нѣкоторые князья, не надѣясь удержать за собою Кіевъ, или же, стремясь унизить его и возвысить свои собственные удѣлы, увозили съ собою изъ Кіева его святыни. Такъ, Андрей Боголюбскій, уходя изъ Вышгорода на сѣверъ, взялъ отсюда съ собою чудотворную икону Богородицы, называемую теперь, Владимірскою. Сынъ его Мстиславъ Андреевичъ, взявъ въ 1169 г. Кіевъ приступомъ, унесъ изъ него на сѣверъ много святынь и сокровищъ. Вѣроятно, въ это время унесена была изъ Кіева и чудотворная икона св. Николая Добраго, находящаяся нынѣ въ новосильскомъ Свято-Духовскомъ монастырѣ, тульской епархіи. Въ самомъ концѣ XII вѣка изъ Вышгорода перенесены были въ Смоленскъ мощи святыхъ страстотерпцевъ Бориса и Глѣба. Даніилъ Романовичъ Галицкій, устраивая свой городъ Холмъ, принесъ сюда изъ Кіева и Овруча иконы и колокола. Въ концѣ первой четверти XIII вѣка перенесенъ былъ изъ Кіева, черезъ Смоленскъ, Ригу, Кесь (Венденъ) и Новгородъ, въ рязанскую землю образъ св. Николая Зарайскаго [1]).

Но рѣшительный ударъ Кіеву нанесенъ былъ татарами въ 1240 г.

Еще за годъ до разоренія Кіева Батыемъ — ханъ Менгу, двоюродный братъ Батыя, подошелъ къ Кіеву съ черниговской стороны и изъ „Песочнаго городка“, около нынѣшняго села Вигуровщины, „соглядалъ“ Кіевъ, удивлялся его красотѣ и величію и предлагалъ тогдашнему великому князю кіевскому Михаилу Всеволодовичу сдаться, обѣщая пощаду, но получилъ рѣшительный отказъ. Осенью слѣдующаго 1240 года Батый двинулся со всею своею ордою на западъ и прежде всего обрушился всѣми своими силами на Кіевъ, откуда бѣжалъ въ Венгрію великій князь Михаилъ Всеволодовичъ. Кіевъ взялъ себѣ Даніилъ Романовичъ Галицкій и оставилъ для защиты города боярина своего Дмитра. Приблизитель-

---

[1]) См. объ иконѣ св. Николая Зарайскаго въ 1-мъ томѣ „Трудовъ десятаго археологическаго съѣзда въ Ригѣ 1896 г.“ (Москва 1989 г.).

но въ ноябрѣ Батый перешелъ черезъ Днѣпръ и приступилъ къ Кіеву съ юга, со стороны Лядскихъ воротъ, и стѣнобитными машинами началъ разбивать городскія стѣны. Послѣ нѣсколькихъ сутокъ непрерывной работы, стѣны были пробиты, и татары прорвались въ великій градъ Ярославовъ; но кіевляне, упорно отбиваясь отъ татаръ, отступили чрезъ Софійскія ворота въ древній городъ Владиміровъ. Отдохнувъ день и ночь, татары напали на это послѣднее укрѣпленіе. Снова началась „брань велика". Населеніе съ наиболѣе дорогимъ изъ имущества укрылось въ Десятинную церковь; но хоры не выдержали тяжести, и стѣны рухнули: „и прiятъ бысть сице градъ воими". Взятіе Кіева произошло, по однимъ извѣстіямъ, 6 декабря, а по другимъ 19-го ноября. Особенно пострадали храмы и зданія, стоявшіе на пути побѣднаго шествія татаръ, по нынѣшней Десятинной улицѣ, тогда какъ Кіево-Софійскій соборъ, Златоверхо-Михайловскій монастырь и Трехсвятительская церковь, стоявшіе въ сторонѣ отъ этого пути, сохранились почти въ цѣломъ видѣ.

Послѣ Батыева разгрома, Кіевъ навсегда потерялъ свое прежнее значеніе столицы русскаго государства и сошелъ на степень областныхъ городовъ, хотя и продолжалъ имѣть для русскаго народа обаяніе средоточія древнихъ русскихъ святынь и памятниковъ и долго еще считался каѳедрою для всероссійскихъ митрополитовъ, служившихъ знаменемъ духовнаго единства русскихъ земель. Бывшій великій князь кіевскій Михаилъ Всеволодовичъ въ 1243 г. потребованъ былъ Батыемъ въ орду на поклонъ ему и тамъ замученъ былъ вмѣстѣ съ бояриномъ своимъ Ѳеодоромъ. Кіевскими князьями становятся преемственно владиміро-суздальскіе князья Ярославъ Всеволодовичъ и сыновья его Александръ и Андрей; но они ограничивались только титуломъ кіевскаго князя, тогда какъ на самомъ дѣлѣ Кіевъ перешелъ въ непосредственную зависимость отъ татаръ, которые управляли имъ чрезъ своихъ намѣстниковъ, носившихъ названіе князей. Изъ такихъ служилыхъ татарскихъ князей кіевскихъ упоминаются Димитрій Друцкій, Святославъ, Иванъ, Владиміръ Ивановичъ, Станиславъ около 1320 г. и Ѳеодоръ, упоминаемый въ 1331, 1361 и 1362 годахъ.

Въ это время непосредственной зависимости Кіева отъ татаръ кіевскіе митрополиты, хотя и продолжали считать Кіевъ своею митрополіей, но вели странническую жизнь, тяготѣя больше къ сѣверу Россіи, чѣмъ къ югу, и, наконецъ, вовсе переселились на сѣверъ, во Владиміръ и Москву, на жительство. Св. Алексій митрополитъ при своемъ постановленіи въ 1364 г. исходатайствовалъ у царьградскаго патріарха постановленіе, „чтобы сей преосвященный митрополитъ русскій и всѣ его преемники пребывали и находилися во Владимірѣ, имѣя здѣсь постоянное и неотъемлемое мѣстожительство, такъ, чтобы Кіевъ, если онъ останется цѣлъ, былъ собственнымъ престоломъ и первымъ сѣдалищемъ архіерейскимъ, а послѣ него и вмѣстѣ съ нимъ—святѣйшая епископія Владимірская была бы вторымъ сѣдалищемъ и мѣстомъ постояннаго пребыванія и успокоенія митрополитовъ". Но отъ окончательной гибели Кіевъ спасло литовско-русское государство.

Литовское племя, арійскаго происхожденія. жило да и теперь живетъ въ нынѣшнихъ гродненской, виленской, ковенской и отъ-части въ смежныхъ съ ними губерніяхъ и, врѣзываясь острымъ клиномъ между русскими и польскими землями, часто безпокоило ихъ своими набѣгами, но въ просвѣщеніи и гражданственности уступало своимъ сосѣдямъ и подчинялось имъ. Сначала литовцы, пользуясь усобицами русскихъ князей, распространили свою власть на сосѣднія славянорусскія племена, обитавшія въ нынѣшнемъ сѣверо-западномъ краѣ Россіи, и сроднились съ ними по народности и вѣрѣ. Ко времени завоеванія Кіева и южной Руси Батыемъ, образовалось уже довольно сильное литовско-русское государство, считавшее себя естественнымъ наслѣдникомъ какъ всей южной Руси, такъ и въ частности Кіева, разоренныхъ татарами и лишившихся своихъ русскихъ князей. Съ другой стороны, имѣя частыя военныя столкновенія съ католическими рыцарскими орденами и особенно съ католическою Польшей, литовцы ассимилировались съ ними и особенно съ поляками въ государственномъ устройствѣ, религіи и народности. Въ 1386 г. состоялась между Литвою и Польшею государственная сдѣлка, въ силу которой оба государства соединялись подъ властію одного

государя, при чемъ великіе князья литовскіе обязывались принимать католическую вѣру и распространять ее въ своемъ государствѣ. Вслѣдствіе этого литовско-русское государство постепенно становится польско-литовскимъ государствомъ.

Этотъ двойственный до противоположности характеръ вліяній, воздѣйствовавшихъ на литовское племя, бывшій одною изъ коренныхъ причинъ внутренняго разложенія его и внѣшняго упадка, въ послѣдствіи времени отразился и на судьбахъ Кіева съ того времени, когда онъ поступилъ подъ литовскую опеку. Въ XV вѣкѣ учреждена была въ Кіевѣ бискупская каѳедра. Сначала Кіевомъ управляютъ литовско-русскіе князья православнаго исповѣданія на правахъ удѣльныхъ князей; потомъ эти кіевскіе удѣльные князья замѣняются воеводами литовско-русскаго же происхожденія, частію католиками, но больше православными; наконецъ, кіевскіе воеводы безразлично назначаются изъ литовцевъ и поляковъ, но непремѣнно изъ католиковъ, которые принимаютъ рѣшительныя мѣры къ ополяченію Кіева.

Въ 1362 г. Кіевъ взятъ былъ великимъ княземъ литовскимъ Ольгердомъ, который назначилъ удѣльнымъ княземъ кіевскимъ одного изъ старшихъ сыновей своихъ Владиміра. Желая возстановить митрополичью каѳедру въ Кіевѣ, Владиміръ Ольгердовичъ призналъ и постоянно поддерживалъ посвященнаго для Литвы митрополита Кипріана и устранилъ избраннаго въ Москвѣ на митрополію Діонисія, задержавъ его въ Кіевѣ, гдѣ онъ и скончался. Правилъ Владиміръ своею землею вполнѣ самостоятельно и чеканилъ монету со своимъ именемъ и гербомъ литовскимъ, но съ прибавленіемъ татарской тамги. Но такая самостоятельность Владиміра не понравилась преемнику Ольгерда, великому князю Витовту, который, поэтому, въ 1392 г. предпринялъ походъ противъ Владиміра за то, что послѣдній, „бывши въ Кіевѣ, не всхотѣ покоры учинити и челомъ ударити“, и въ 1395 г. вывелъ его изъ Кіева и далъ ему незначительный копыльскій удѣлъ, передавъ кіевское княженіе Скиргайлу Ольгердовичу; однако, тѣло Владиміра погребено было въ Печерскомъ монастырѣ.

Новый князь кіевскій Іоаннъ Скиргайло также оставался православнымъ и былъ преданъ русской народности, которая платила ему искреннею любовію. Польскій историкъ замѣчаетъ, что князь этотъ „больше старался объ умноженіи святыни по греческому обряду, нежели о распространеніи католической вѣры, потому что съ первоначальнаго возраста онъ воспитывался среди русскихъ“. Скиргайло скоропостижно умеръ въ 1397 г. и погребенъ въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ.

По смерти Скиргайла, Витовтъ не отдалъ Кіева никому изъ князей, а управлялъ имъ чрезъ своихъ намѣстниковъ. Первымъ такимъ намѣстникомъ или воеводою кіевскимъ былъ его ближайшій сподвижникъ и родственникъ, служилый князь Иванъ Ольгимунтовичъ Гольшанскій, изъ рода котораго происходила св. Іуліанія Гольшанская. Пользуясь междоусобіями татарскихъ хановъ, Витовтъ вмѣшался въ татарскія дѣла и тѣмъ вызвалъ татарскія нападенія на Кіевъ. Въ 1399 г. Темиръ-Кутлукъ (Тамерланъ) напалъ на Кіевъ и взялъ съ него окупъ въ 3.000 рублей серебра и особо съ Печерскаго монастыря 30 рублей. Въ 1416 г. военачальникъ Темиръ-Кутлука Эдигей снова напалъ на Кіевъ, воевалъ около Кіева и монастырь Печерскій пограбилъ и пожегъ.

Въ 1435 г. Свиргайло Ольгердовичъ, сторонникъ русской партіи въ Литвѣ, ведя борьбу съ братомъ своимъ польскимъ королемъ Ягайломъ Ольгердовичемъ и съ великимъ княземъ литовскимъ Казиміромъ Кейстутьевичемъ и потерявъ сраженіе, нашелъ себѣ убѣжище въ Кіевѣ и держался здѣсь до 1440 г. Въ этомъ году новый великій князь литовскій Казиміръ Ягайловичъ возстановилъ кіевскій удѣлъ и отдалъ его князю Олельку (Александру), сыну бывшаго кіевскаго князя Владиміра Ольгердовича.

Олелько Владиміровичъ оказалъ большую услугу русской православной церкви, предотвративъ первую попытку церковной уніи съ Римомъ и изгнавъ изъ Кіева принявшаго Флорентинскую унію лжемитрополита Исидора. Олелько призналъ власть московскаго митрополита св. Іоны и далъ кіевской митрополіи грамоту, которою обезпечивалась неприкосновенность доходовъ кіевской митрополіи и освобождались отъ княжескаго суда жители митрополичьихъ земель. Онъ умеръ въ 1455 году и погребенъ въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ.

Сынъ его Симеонъ Олельковичъ получилъ Кіевъ лишь въ пожизненное владѣніе, а не на правахъ наслѣдственной вотчины. Онъ возстановилъ великую церковь Кіево-Печерскаго монастыря, лежавшую въ развалинахъ со времени Эдигеева нашествія на Кіевъ въ 1416 г., „украсилъ ее иконнымъ писаніемъ и обогатилъ златомъ, и сребромъ, и сосуды церковными“. Онъ умеръ въ 1471 г., а погребенъ въ возобновленной имъ великой церкви Кіево-Печерскаго монастыря.

По смерти Симеона Олельковича, Казиміръ Ягайловичъ рѣшилъ назначать въ Кіевъ не князей, а воеводъ. Первымъ воеводою кіевскимъ назначенъ былъ Мартынъ Яновичъ Гаштольдъ, котораго кіевляне не пустили въ городъ, „яко не токмо не князь бѣ, но болѣе яко ляхъ бѣ“, и просили короля назначить правителемъ Кіева Михаила Олельковича, или другого князя православной вѣры. Но Казиміръ не уважилъ просьбы кіевлянъ: Гаштольдъ отправленъ былъ на воеводство съ литовскимъ войскомъ и долженъ былъ начать свое управленіе съ того, что взялъ приступомъ главный городъ своей области. А въ 1472 г. казненъ былъ въ Кіевѣ, передъ воротами кіевскаго литовскаго замка, князъ Михаилъ Олельковичъ, по обвиненію въ заговорѣ противъ Казимира Ягайловича. Съ тѣхъ поръ Кіевъ навсегда лишился своихъ удѣльныхъ князей и управлялся велико-княжескими намѣстниками или воеводами. До начала XVII вѣка эти воеводы назначались изъ литовско-русскихъ вельможъ и не рѣдко были православными, какъ, напр., Иванъ Ходкевичъ (1482 г.), Юрій Михайловичъ Монтовтовичъ (1507—1508 гг.), Андрей Якубовичъ Немировичъ (1514—1539 гг.), князь Юрій Ивановичъ Дубровицкій (1542 г.), Григорій Александровичъ Ходкевичъ (1554 г.) и князь Константинъ Константиновичъ Острожскій (1557—1608 гг.).

При воеводѣ Иванѣ Ходкевичѣ, союзникъ великаго князя московскаго Іоанна III крымскій ханъ Менгли-гирей съ многочисленными конными полчищами явился въ 1482 г. на берегахъ Днѣпра, овладѣлъ Кіевомъ и произвелъ въ немъ такое страшное опустошеніе, какъ никогда прежде. Для возобновленія города и его заселенія вызвано было, по повелѣнію Казиміра, до 20.000 народа изъ поднѣпровскихъ и другихъ западно-русскихъ областей, особенно же изъ Сѣверщины и Бѣлоруссіи. Этому пестрому, сводному населенію Кіева великій князь литовскій Александръ Казиміровичъ подтвердилъ въ 1494 г. Витовтову грамоту, обезпечивавшую права мѣщанъ, а около 1499 г. представилъ кіевскимъ мѣщанамъ самоуправленіе по магдебургскому праву въ томъ объемѣ, въ какомъ пользовались имъ жители столичнаго города Вильны. Въ силу этого права, кіевскіе мѣщане становились неподсудными мѣстному воеводѣ и судились собственнымъ магистратомъ и войтомъ. Городскіе промыслы, торговля и занятія были или вовсе освобождены отъ пошлинъ, или обложены умѣренною податью въ пользу государства и воеводы. Сверхъ того, кіевскіе мѣщане получили право безпошлинной торговли во всѣхъ земляхъ и городахъ великаго княжества литовскаго. Обязанности, возложенныя на мѣщанъ, состояли въ томъ, что они должны были, по призыву воеводы, ѣздить въ погоню за татарами, держать полевую сторожу на татарскихъ шляхахъ (путяхъ) и „отправовати оборону и сторожу“ въ кіевскомъ замкѣ. Съ теченіемъ времени права эти расширялись болѣе и болѣе, въ виду пограничнаго, опаснаго положенія Кіева и необходимости образованія для него самообороны. Пользуясь этими правами, предпріимчивые кіевляне достигли значительной степени благосостоянія и даже богатства и развили въ себѣ достаточно силы и воинственности для защиты отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Въ то же время на югѣ отъ Кіева возникаетъ запорожское казачество для войны съ невѣрными, которое окончательно сложилось и устроилось къ исходу XVI столѣтія.

Вмѣсто старыхъ укрѣпленій до татарскаго періода на верхнемъ городѣ, въ литовскій періодъ исторіи Кіева вновь выстроенъ былъ укрѣпленный замокъ на нынѣшней горѣ Киселевкѣ, господствующей надъ Подоломъ и названной такъ по имени послѣдняго польскаго воеводы въ Кіевѣ Адама Киселя. Здѣсь жили литовско-русскіе удѣльные кіевскіе князья, имѣя загородные дворцы, одинъ на нынѣшнемъ Печерскѣ, а другой за Днѣпромъ, около села Вигуровщины. Здѣсь же на Киселевкѣ кіевскій воевода Мартинъ Гаштольдъ принималъ вене-

ціанскаго посла Контарини. Въ это время замокъ былъ деревянный, и внутри его ограды находился домъ воеводы. По разрушеніи этого замка Менгли-гиреемъ въ 1482 г., новый замокъ построенъ былъ на мѣстѣ стараго лишь въ первомъ десятилѣтіи XVI в. Онъ занималъ всю вершину Киселевки и состоялъ изъ 133 участковъ или деревянныхъ „городень“, изъ коихъ каждую городили земяне или жители извѣстныхъ волостей. На стѣнахъ выдавались 15 шестиугольныхъ трехъ этажныхъ башенъ съ бойницами, а въ двухъ башняхъ помѣщались выѣзжія ворота: одни *воеводскія*, обращенныя на сѣверъ къ горѣ Щекавицѣ, а другія—*драбскія* (солдатскія), обращенныя на юго-западъ къ горѣ Клинцу и къ нынѣшней Андреевской церкви. Небольшая площадка предъ этими воротами, находившаяся внѣ замковыхъ укрѣпленій, на уступѣ горы, составляла лобное мѣсто, на которомъ приводились въ исполненіе смертные приговоры. Внутри крѣпостныхъ стѣнъ тѣснились многочисленныя постройки: домъ воеводы и ротмистра, дома для помѣщенія солдатъ, пороховой и артиллерійскій склады, подворья монастырей Печерскаго и Никольскаго и дома знатныхъ лицъ изъ мѣщанъ и земянъ. Кромѣ этихъ зданій, въ замкѣ находились: три православныя церкви, изъ коихъ одна св. Николая,—можетъ быть, еще уцѣлѣвшая отъ до татарскаго періода,—другая, извѣстная впослѣдствіи подъ названіемъ Покровской, а также католическая каплица.

Торговая и промышленная жизнь преимущественно сосредоточивалась на Подолѣ, который застроенъ былъ неровными и тѣсными улицами. Нѣкоторые ремесленники, напр., *кожемяки* и *гончары*, жили въ особыхъ кварталахъ или улицахъ, удержавшихъ эти названія и до настоящаго времени. Всѣ дома были деревянные, невзрачные и плохіе. Деревянные же были церкви и монастыри, за исключеніемъ каменнаго Успенскаго собора. Изъ другихъ подольскихъ монастырей и церквей, до нашествія Менгли-гирея на Кіевъ, упоминаются только Флоровскій женскій монастырь и Борисоглѣбская „небеси подобная церковь“. Но въ описаніи кіевскаго замка 1545—1552 г.г. перечисляются еще подольскія церкви: Воскресенская, Набережно-Никольская, Николо-Притиская, существующія и доселѣ, Спасская, бывшая на нынѣшней Спасской улицѣ, и какая-то Аѳанасьевская. Среди Подола находился также и армянскій кварталъ со своею Рождество-Богородичною церковію, гдѣ нынѣ православная Покровская церковь, и генуэзскій торговый дворъ.

Что касается верхняго или стараго Кіева, то и онъ не запустѣлъ совершенно послѣ Батыева разоренія. Здѣсь уцѣлѣли древнія церкви св. Софіи, въ которой въ 1497 г. положены были мощи священномученика Макарія, митрополита кіевскаго, убитаго въ этомъ году татарами, Златоверхо-Михайловскій монастырь, упоминаемый въ 1398 г. и небольшая церковь на Золотыхъ воротахъ. Въ 1289 г. упоминается Іоанно-Богословскій монастырь, можетъ быть, тотъ самый, который основанъ въ 1121 г. при Владимірѣ Мономахѣ, на Копыревѣ концѣ. До Менгли-гиреева разоренія, 1482 г., существовала и Десятинная церковь, въ которой находился древній образъ Богородицы, около 1500 года перенесенный въ Минскъ, и нынѣ находящійся въ минскомъ Петропавловскомъ каѳедральномъ соборѣ. Въ описаніи кіевскаго замка 1545—1552 г. г., въ числѣ другихъ церквей, упоминаются древняя Воздвиженская церковь, стоявшая на мѣстѣ нынѣшней Андреевской, и Спасская—на нынѣшней Большой Житомірской улицѣ при соединеніи ея съ Мало-Владимірскою, кажется, находившаяся въ непосредственномъ завѣдываніи кіевскихъ митрополитовъ, которая „обвалилась“ около 1585 г. Въ позднѣйшихъ документахъ упоминаются еще на старомъ городѣ древняя Васильевская или Трехсвятительская и Никитская церкви.

По окраинамъ Кіева и внѣ его процвѣтали въ литовскій періодъ исторіи Кіева Печерскій и Пустынно-Никольскій монастыри и упоминаются въ описаніи кіевскаго замка 1545—1552 гг. церковь Николы Межигорскаго въ Петровцахъ и Выдубицкій монастырь. Изъ нихъ Печерскій монастырь продолжалъ существовать послѣ разоренія Кіева Батыемъ, и братія его собиралась для богослуженія въ малую Іоанно-Предтеченскую церковь; а въ 1288 г. Печерскій монастырь отпустилъ къ брянскому князю Роману Михайловичу три иконы, а именно Печерской Божіей Матери, съ предстоящими Антоніемъ и Ѳеодосіемъ, копія съ которой и доселѣ хранится въ Кіево-Печерской лаврѣ,

св. Николая и святыхъ Аѳанасія и Кирилла [1]).

Съ 1569 г. во внутренней жизни литовскаго государства произошелъ рѣшительный переломъ въ пользу польской народности и католичества, вслѣдствіе провозглашенія въ этомъ году насильственнаго соединенія Литвы съ Польшею въ государственномъ отношеніи. Поляки теперь получили право селиться на жительство во всѣхъ областяхъ и городахъ литовскаго государства и занимать въ немъ государственныя должности, а, слѣдовательно, привносить съ собою и увеличивать польско-католическую стихію. Прямымъ послѣдствіемъ государственной уніи Литвы съ Польшею была и церковная унія южно-русской церкви съ католическою, провозглашенная въ Брестѣ въ 1596 году, не смотря на несогласіе на нее со стороны громаднаго большинства русскаго населенія, вельможъ и духовенства съ нѣсколькими епископами. Православные признаны какъ бы несуществующими передъ закономъ, и достояніе русской православной церкви стало расхищаться уніатами и католиками. Первый уніатскій митрополитъ Михаилъ Рагоза († 1599 г.) чрезъ своего намѣстника Яна Хруслинскаго занялъ полуопустѣвшій Кіево-Софійскій соборъ и Выдубицкій монастырь. Около 1605 года къ Кіево-Софійскому собору была приписана Софійская слобода, т. е. старый или верхній городъ съ его полуразрушенными и отъ-части надстроенными церквами Десятинною, Васильевскою и Воздвиженскою, вскорѣ переименованною въ Симеоновскую [2]), которыя поэтому и стали считаться уніатскими церквами. Въ 1604 г. королевскимъ указомъ отдана была кіевскому латинскому бискупу часть Кіевоподола за канавою, къ горѣ Щекавицѣ, подъ которою находился и дворецъ бискупа; а бискупъ, вслѣдъ затѣмъ, отнялъ у магистрата и все пространство со дворами до Іорданскаго озера, присовокупивъ къ нему и все урочище Кожемяки. Земли эти носили тогда названіе Бискупщины. Урядники бискупа заняли замокъ на Кудрявцѣ, принадлежавшій православнымъ митрополитамъ и вступили въ управленіе всѣми митрополичьими угодьями. Польское правительство поддерживало всячески кіевскихъ доминиканъ, подтверждая и расширяя ихъ прежнія права, и дало имъ возможность выстроить въ Кіевѣ, въ концѣ XVI или въ самомъ началѣ XVII в., новый великолѣпный костелъ, въ значительной части изъ матеріаловъ древняго православнаго Борисоглѣбскаго храма въ Вышгородѣ.

Но Кіевъ сохранилъ еще значительныя силы для сопротивленія польско-католическимъ покушеніямъ. На рубежѣ этого періода кіевскимъ воеводою въ теченіе свыше 50 лѣтъ (1557—1608 гг.) былъ могущественнѣйшій въ то время въ польско-литовскомъ государствѣ защитникъ православія и русской народности князь К. К. Острожскій, который не допускалъ особеннаго развитія католичества и польщины въ Кіевѣ, возстановлялъ его древніе храмы и вообще покровительствовалъ русской народности и православію въ Кіевѣ. По словамъ уніатскаго митрополита Ипатія Поцѣя, князь К. К. Острожскій былъ схизматикъ и притѣснялъ его, митрополита: не допускалъ до визитацій, поотбиралъ маетности, не дозволялъ ему пріѣзжать въ Кіевъ и жить здѣсь. Съ другой стороны, князь К. К. Острожскій вызвалъ изъ родоваго гнѣзда своего г. Острога въ Кіевъ въ 1599 г. старца Аѳанасія, а въ 1605 г. другого старца Василія Красовскаго „Чорнобрівця", поручивъ первому возстановить Межигорскій, а второму Кирилловскій монастыри. Да и независимо отъ князя Острожскаго, сами кіевскіе мѣщане, а особливо запорожскіе казаки, готовы были грудью постоять за свою вѣру и народность. Около 1599 г. гетманъ Самойло Кушка построилъ на Подолѣ Добро-Николаевскую церковь; въ 1602 г. кіевскіе мѣщане Онисимъ Ходковичъ и другіе построили Кіево-Подольскую Рождество-Предтеченскую церковь на мѣстѣ стараго доминиканскаго костела, перенесеннаго за Днѣпръ.

Послѣ смерти князя Острожскаго († 1608 г.), уніаты и католики начинаютъ смѣлѣе и рѣшительнѣе дѣйствовать въ Кіевѣ. Послѣ князя Острожскаго и до возстанія Богдана Хмельницкаго, въ кіевскіе воеводы назна-

[1]) См. „Историко-археологическій очеркъ Брянска" въ „Трудахъ Кіевской Дух. Академіи" за январь 1901 г.

[2]) О Воздвиженско-Симеоновской церкви см. статью проф. *С. Т. Голубева* въ „Трудахъ Кіевской Дух. Академіи" за декабрь 1904 г.

чались исключительно польско-католики, которые старались ограничивать права кіевскаго магистрата, притѣсняли православныхъ и покровительствовали польско-католикамъ. Въ первой половинѣ XVII вѣка появляются въ Кіевѣ католическіе монастыри бернардинскій и іезуитскій. „А въ Кіевѣ,—говорить лѣтопись самовидца,—тежъ утискъ немалый церквамъ Божіимъ старожитнымъ чинили такъ воевода кіевскій Тышкевичъ, на тотъ часъ будучій, яко тежъ езуиты, доминиканы, бернардины и иные законы, наѣздами права митрополиту утискуючи и науки школъ заброняючи". Тышкевичъ, между прочимъ, упразднилъ въ кіевскомъ замкѣ православную церковь св. Николая.

Но чѣмъ сильнѣе была опасность для православія и русской народности отъ уніи и католичества, тѣмъ сильнѣе было и противодѣйствіе имъ со стороны православныхъ кіевлянъ. Съ 1610 г., когда ярко обозначился характеръ церковной уніи, кіевоподольскіе священники, по настоянію кіевскихъ мѣщанъ, перестали ходить на соборное богослуженіе въ Кіево-Софійскій соборъ и стали ходить для этой цѣли въ Кіево-Подольскій Успенскій соборъ, а запорожскіе казаки умертвили двухъ представителей уніатскаго митрополита въ Кіевѣ, Антонія Грековича и Іоанна Юзефовича. Усиливается построеніе новыхъ храмовъ Божіихъ, какъ, напр., Кіево-Богоявленскаго монастыря и церквей Васильевской казацкой (возлѣ Флоровскаго монастыря), Ильинской и Свято-Духовской на Подолѣ, Златоустовской на старомъ городѣ и пр. Особенную же черту этого времени составляетъ соединеніе православныхъ кіевлянъ разныхъ сословій и классовъ общества въ церковныя братства, имѣвшія главною цѣлію противодѣйствовать уніатамъ и католикамъ. Юридическое основаніе для этихъ братствъ коренится въ магдебургскомъ правѣ, въ силу котораго кіевскій воевода князь К. К. Острожскій еще въ XVI вѣкѣ разрѣшалъ братствамъ *замковыхъ* ремесленниковъ кіевскихъ имѣть особенную денежную кассу („скринку") братскую и сытить „канунъ" (медъ) къ извѣстнымъ годовымъ церковнымъ праздникамъ. Тѣмъ болѣе кіевскіе мѣщане, не зависѣвшіе отъ кіевскаго воеводы, должны были имѣть свое церковное братство. Оно учреждено было при Кіевоподольскомъ Успенскомъ соборѣ, а потомъ перенесено, въ качествѣ. всесословнаго, въ Богоявленскій училищный монастырь, основанный въ 1615 г. Совокупными усиліями разныхъ сословій и классовъ общества, соединившихся въ церковное братство около Богоявленскаго училищнаго монастыря, въ 1620 г. возстановлена была въ Кіевѣ православная іерархія; а въ 1632 г. она разрѣшена была и польскимъ правительствомъ. Возвращены были православнымъ Кіево-Софійскій соборъ, Выдубицкій монастырь и церкви верхняго Кіева Трехсвятительская и Воздвиженско-Симеоновская и возобновлена Спасская церковь на Берестовѣ. Когда же снова усилились притѣсненія православнымъ южно-руссамъ со стороны польско-католиковъ, то въ 1648 г. послѣдовало извѣстное возстаніе Богдана Хмельницкаго противъ поляковъ, приведшее къ возсоединенію въ 1654 г. Кіева съ московскимъ государствомъ.

Со времени возсоединенія Кіева съ Россіей Кіевъ и Малороссія, пользуясь полною свободой вѣроисповѣданія и развитія своей русской народности, постепенно закрѣпляются за русскимъ государствомъ и даютъ послѣднему перевѣсъ въ роковой борьбѣ Польши и Россіи за преобладаніе и даже существованіе, снабжаютъ сѣверную Россію своими учеными и распространяютъ въ ней просвѣщеніе, преимущественно духовное; а съ другой стороны—постепенно приравниваются во внутреннемъ устройствѣ и управленіи къ остальнымъ частямъ русскаго государства.

Тотчасъ по присоединеніи Кіева къ Россіи въ 1654 г. начинаются почти непрерывныя войны изъ-за него съ одной стороны съ Польшею и съ переходившими на ея сторону частями малороссійскаго казачества, а съ другой—съ татарами и турками, назначавшими иногда своихъ гетмановъ для западной, правобережной Украины. Во время этихъ войнъ и смутъ въ самой Малороссіи Кіевъ становится самымъ важнымъ пограничнымъ опорнымъ пунктомъ для военныхъ силъ Россіи, а потому сильно укрѣпляется московскими людьми. Въ 1654 г. по занятіи Кіева русскими войсками, московскій воевода князь Ѳедоръ Семеновичъ Куракинъ, оставивъ замокъ на Киселевкѣ, сталъ возобновлять древнія укрѣпленія верхняго Кіева Владиміровы

и Ярославовы и распространилъ ихъ въ слѣдующемъ 1655 г. Въ это время построенъ былъ форпостъ или земляной валъ противъ Печерскихъ (прежнихъ Лядскихъ) воротъ старо-кіевской крѣпости, надъ „Хрещатою долиною", около нынѣшняго института благородныхъ дѣвицъ. Въ 1665 г. обведенъ землянымъ валомъ Златоверхо-Михайловскій монастырь съ восточной, южной и западной сторонъ.

Послѣ взятія Чигирина турками въ 1678 г., когда угрожала опасность самому Кіеву, московскія и казацкія войска, собравшіяся подъ Кіевомъ, въ 1679 г., обвели великій градъ кіевскій многими крѣпкими валами, при чемъ прибавили тогда къ старому городу, съ юга, значительное пространство, оградивъ его новымъ крѣпостнымъ валомъ по Крещатицкой сторонѣ, начиная отъ Михайловскаго монастыря, мимо костела, по Михайловскому переулку и Мало-Подвальной улицѣ. Въ то же время казацкія войска, подъ наблюденіемъ гетмана Ивана Самойловича, сдѣлали земляной валъ около Печерскаго монастыря. Къ 1682 г. и „Кіевъ нижній градъ", т. е. Подолъ, обнесенъ былъ насыпью съ деревянными стѣнами и нѣсколькими воротами. Въ 1706 г. Петръ I, въ виду предстоявшей рѣшительной битвы со шведскимъ королемъ Карломъ XII, самъ лично заложилъ новую Печерскую крѣпость, которую тогда же начали строить малоруссніе казаки подъ смотрѣніемъ гетмана Мазепы. Сюда съ 1711 г. перешли на жительство начальники города и губерніи и перенесена губернская канцелярія. Въ 1713 г., въ виду предстоявшей опасности отъ турокъ, казацкія войска стояли подъ Кіевомъ и дѣлали укрѣпленіе отъ Печерской крѣпости по-надъ Лыбедью до стараго или верхняго города и Подола. Часть этого укрѣпленія, идущая отъ Печерска, по-надъ Лыбедью, до стараго города, съ прибавленіемъ особой крѣпостцы „Скородумъ" надъ Крещатицкимъ источникомъ, обозначена на одномъ чертежѣ 1718 г.; другая же частъ его, примыкая на нынѣшнемъ Львовскомъ базарѣ къ древнему Ярославову валу, шла по нынѣшней Бульварно-Кудрявской улицѣ, огибала астрономическую обсерваторію и погостъ нынѣшней Вознесенской церкви, оттуда шла по горѣ до угла Подвальнаго и Кудрявскаго переулковъ и по послѣднему доходила опять до Ярославовыхъ укрѣпленій. Въ это же время проложенъ былъ и Александровскій спускъ отъ Печерска къ Крещатицкой улицѣ и Подолу. Укрѣпленія эти окончены были въ 1716 г. и возобновлены, по случаю русско-турецкой войны, въ 1730 годахъ фельдмаршаломъ Минихомъ, который къ прежнимъ укрѣпленіямъ прибавилъ, повидимому, новый валъ отъ погоста нынѣшней Вознесенской церкви по южной сторонѣ Юрковицы, спускающійся мимо Іорданской церкви къ Днѣпру, какъ это видно на планѣ Кіева 1745 г.

Благодаря укрѣпленіямъ Кіева, населеніе его увеличивается и раздвигается въ разныя стороны; вслѣдствіе чего увеличивается и число храмовъ Божіихъ. Храмы возобновлялись и строились и казацкими чинами, и духовенствомъ, и мѣщанами, и кромѣ того — бывшими въ Кіевѣ московскими войсками, воеводами и генералъ-губернаторами, и — наконецъ — самими русскими государями, которые, со временъ Петра I, нерѣдко навѣщаютъ Кіевъ и даже имѣютъ здѣсь свои дворцы.

Гетманъ Мазепа построилъ каменныя церкви въ монастыряхъ женскомъ Вознесенскомъ на Печерскѣ, Пустынно-Никольскомъ, что нынѣ военный Николаевской соборъ, и въ Кіево-Подольскомъ Богоявленскомъ училищномъ монастырѣ, обнесъ каменною оградой Кіево-Печерскій монастырь и въ 1704 г. выстроилъ двухэтажный корпусъ для кіевской Академіи. Кіевскій полковникъ Григорій Карповичъ Коровка или Вольскій соорудилъ каменную Рождество-Предтеченскую церковь на Подолѣ. Другой кіевскій полковникъ Константинъ Мокіевскій построилъ церкви Борисоглѣбскую въ Вышгородѣ и Ѳеодосіевскую и Воскресенскую на Печерскѣ. Стародубскій полковникъ Михаилъ Миклашевскій воздвигнулъ каменныя церкви Георгіевскую и Преображенскую въ Выдубицкомъ монастырѣ; кіевскій митрополитъ Варлаамъ Ясинскій началъ возобновлять Кіево-Софійскій соборъ и испросилъ себѣ каменное зданіе кіевскаго по-доминиканскаго костела, образовавъ изъ него православный Петропавловскій монастырь, а также возобновилъ, при содѣйствіи генеральнаго судьи войска запорожскаго В. Кочубея, древнюю Трехсвятительскую церковь. Особенно много построено было храмовъ монастырями или для себя,

или для своихъ подданныхъ. На Печерскѣ, который тогда принадлежалъ Кіево-Печерскому и отъ-части Пустынно-Никольскому монастырямъ, кромѣ Спасской на Берестовѣ, Θеодосіевской и Воскресенской церквей, были еще приходскія церкви для монастырскихъ подданныхъ ветхая Пятницкая гдѣ-то за лаврою, около нынѣшней Воскресенской, Вознесенская, оставшаяся по перенесеніи около 1712 г. Петромъ I Печерскаго женскаго монастыря на Подолъ, на мѣстѣ нынѣшняго арсенала, Іоанно-Богословская за бывшимъ женскимъ Печерскимъ Воздвиженскимъ монастыремъ, Звѣринецкая, Кловская на Печерскомъ подворьѣ, гдѣ нынѣ Кіевское 1-е женское епархіальное училище и Владимірское на Печерскѣ съ 1755 г., впослѣдствіи перенесенная на Новое строенье. Въ концѣ XVII вѣка Кіево-Братскій монастырь перенесъ свою старую деревянную церковь на мѣсто древней Крестовоздвиженской церкви и переименовалъ ее въ Андреевскую. На мѣстѣ древняго Копырева конца стояло теперь митрополичье село Кудрявецъ, съ приходскою церковію, извѣстною впослѣдствіи подъ именемъ Вознесенской. Кирилловскій монастырь построенъ на развалинахъ древней Никольской церкви, извѣстной по чуду съ половчиномъ, деревянную „церковь св. Николая Іорданскаго“, при которой вскорѣ учреждены были два женскихъ Іорданскихъ монастыря Николаевскій и Богословскій. Во второй половинѣ XVII вѣка появляются приходскія церкви Царе-Константиновская и Введенская въ Плоскомъ участкѣ и Покровская на мѣстѣ бывшаго армянскаго костела—въ подольскомъ участкѣ. Въ 1692 г. мѣщанинъ Петръ Гудима построилъ вмѣсто деревянной каменную Ильинскую церковь на Подолѣ, а въ 1748 г. Артемъ Кожемяка—такую же Воздвиженскую церковь на Кожемякахъ.

Со времени возсоединенія Кіева съ Россіей, и московскіе люди, патріархи и сами государи стали созидать или возобновлять въ Кіевѣ храмы. Московскіе ратные люди во второй половинѣ XVII вѣка построили для себя свои церкви при всѣхъ крѣпостныхъ воротахъ верхняго Кіева: Троицкую при Лядскихъ или Печерскихъ воротахъ, въ которой помѣщена была икона Богородицы, прежде находившаяся на Золотыхъ воротахъ; Срѣтенскую или Скорбященскую, съ иконою Богородицы Всѣхъ Скорбящихъ Радости, при Львовскихъ или Ивановскихъ воротахъ; Георгіевскую на мѣстѣ древней Ярославовой, при Золотыхъ воротахъ, и надстроили Десятинную церковь при воротахъ Кіевскихъ, ведущихъ на Подолъ. Кромѣ того, до 1699 г. существовала на Печерскѣ,—вѣроятно, для части московскихъ войскъ,—Покровская церковь, которая въ этомъ году перенесена была полковникомъ кіевскаго полка Михаиломъ Сухаревымъ въ Печерское отдѣленіе Старо-Кіевской крѣпости и просуществовала здѣсь до 1787 года. Въ 1676—1690 г.г. Межигорскій монастырь обновленъ былъ иждивеніемъ, его постриженца, московскаго патріарха Іоакима Савелова. Около 1715 г. кіевскимъ генералъ-губернаторомъ Дим. Голицынымъ построена нынѣшняя каменная церковь Пустынно-Никольскаго монастыря. Наконецъ, нынѣшняя Андреевская церковь, на мѣстѣ обвалившейся деревянной, заложена была въ 1744 г. лично императрицею Елизаветою Петровной и сооружена на ея средства.

Ближайшимъ послѣдствіемъ политическаго и гражданскаго возсоединенія Малороссіи и Кіева съ Россіею было постепенное уничтоженіе особенностей въ церковномъ и гражданскомъ управленіи Малороссіею и пріобщеніе ея къ результатамъ исторически выработавшихся въ Россіи гражданственности и просвѣщенія. Послѣ окончательнаго присоединенія Кіева къ Россіи, въ 1686 году, послѣдовало подчиненіе кіевской митрополіи московскому патріарху вмѣсто цареградскаго. А политическая неустойчивость нѣкоторыхъ малорусскихъ гетмановъ XVII в. и особенно измѣна Мазепы Петру I-му въ 1709 г. подали поводъ къ ограниченію нѣкоторыхъ правъ Малороссіи и особенно права избранія гетмана вольными голосами. Гетманство возстановлялось въ 1728 и 1750 годахъ. Но послѣдній гетманъ К. Г. Разумовскій своими домогательствами возстановленія прежнихъ правъ Малороссіи и учрежденія наслѣдственнаго гетманства въ его родѣ достигъ прямо противоположныхъ тому результатовъ. Императрица Екатерина II въ 1764 г. упразднила малороссійское гетмантство и рѣшила уравнять Малороссію съ остальными частями Россійской имперіи. Въ 1775 г. уничтожена была безпокойная Сѣчь Запорожская, служившая прежде для охраны южныхъ русскихъ границъ, а теперь ставшая анахро-

низмомъ. Въ 1783 г. упразднено и малороссійское казачье войско, съ переименованіемъ начальствующихъ лицъ въ соотвѣтственные гражданскіе чины Россійской имперіи. Съ изданіемъ въ 1785 г. городового положенія, оно было распространено и на Кіевъ, хотя и съ сохраненіемъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ особенностей, обусловливавшихся магдебургскимъ правомъ. Въ 1786 году и въ Малороссіи введены были духовные штаты, вслѣдствіе чего въ Кіевѣ и его окрестностяхъ монастырскія земли взяты у монастырей въ казну или отданы кіевскимъ мѣщанамъ, сокращено число монашествующихъ лицъ и закрыты монастыри Межигорскій, Кирилловскій, женскій Іорданскій Богословскій, Кіево-Софійскій, съ обращеніемъ храма его въ каѳедральный соборъ и Петропавловскій, вскорѣ, впрочемъ, переданный кіевскимъ грекамъ; но за-то прибавилась около этого времени новая Щекавицкая церковь на одномъ изъ загородныхъ кладбищъ, отведенныхъ послѣ чумы 1769—1771 г.г. Самый Кіево-Подолъ Екатерина II предполагала перенесть на Печерскую и Кловскую возвышенности, но не успѣла, привести въ исполненіе этого предположенія.

Сынъ и преемникъ Екатерины II Павелъ I, желая исправить мнимыя неправды своей великой матери, возстановилъ прежнія права и привилегіи города Кіева и, сдѣлавъ Кіевъ губернскимъ городомъ для нѣкоторыхъ частей правобережной Украйны, недавно перешедшихъ къ Россіи отъ Польши, усилилъ польскій элементъ въ Кіевѣ и предоставилъ полякамъ извѣстную долю самоуправленія. Въ 1797 г. онъ перенесъ изъ г. Дубно, волынской губерніи, въ Кіевъ ярмарку, извѣстную подъ названіемъ Контрактовъ. Въ 1799 г. построенъ былъ на Печерскѣ польско-католическій костелъ, взамѣнъ котораго впослѣдствіи построенъ нынѣшній костелъ близъ Михайловскаго монастыря. Эти права г. Кіеву и полякамъ подтверждены были и преемникомъ Павла Александромъ I. Облагодѣтельствованные кіевляне въ 1802 г. соорудили каменный памятникъ съ фонтаномъ надъ Крещатицкимъ источникомъ, называемый обыкновенно нижнимъ памятникомъ св. Владиміру, и учредили тамъ ежегодно „торжественнѣйшій крестный ходъ“ 15 іюля, совершаемый и доселѣ. Но магдебургскія права Кіеву, равно какъ и привилегіи полякамъ, отмѣнены были императоромъ Николаемъ I.

Въ 1811 г. городъ Кіевъ постигло большое несчастіе. Въ этомъ году страшный пожаръ истребилъ всю наиболѣе тогда заселенную и наилучше отстроенную часть города Кіево-Подолъ, отъ котораго остались только груды развалинъ. Отъ кіевоподольскихъ церквей Спасской, Васильевской, Казацкой и Свято-Духовской не осталось и слѣда. Правительство приняло самое дѣятельное участіе въ судьбѣ города; на отстройку Братскаго монастыря было опредѣлено 200.000 рублей. Но этотъ же пожаръ содѣйствовалъ и послѣдующему улучшенію Кіевоподола. Въ слѣдующемъ 1812 году утвержденъ новый, правильный планъ для Кіевоподола, существующій и доселѣ, и съ того времени стали умножаться каменныя постройки въ этой части города. Въ томъ же году открыта была въ Кіевѣ первая высшая гимназія, помѣщавшаяся на Кловѣ, гдѣ нынѣ 1-е епархіальное женское училище.

Въ царствованіе императора Николая I настала очередь для переустройства, возобновленія и расширенія нагорныхъ частей Кіева. Съ 1830 года началась постройка крѣпости на Печерскѣ, вслѣдствіе чего сломано много частныхъ домовъ, а домовладѣльцамъ отведены новыя мѣста для построекъ близъ рѣчки Лыбеди и тамъ положено основаніе новой части города, Лыбедской или такъ называемому Новому строенью. Въ 1833 г., по распоряженію генералъ-губернатора графа В. В. Левашова, распланировано урочище Кловъ или Липки, стало застраиваться частными домами и вскорѣ образовало особую и самую лучшую, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, аристократическую дворцовую часть города. Въ 1834 г. утверждено положеніе объ устройствѣ Кіева, имѣвшее цѣлію украшеніе города правильными и прочными зданіями, исправнымъ состояніемъ домовъ, заборовъ, мостовъ, публичныхъ зданій, садовъ и пр., и въ томъ же году открытъ кіевскій Университетъ св. Владиміра. Въ 1831 г. планированіе распространилось на древніе валы стараго Кіева, который поэтому совершенно началъ измѣняться къ лучшему. Въ 1838 г. послѣдовало открытіе кіевскаго института благородныхъ дѣвицъ. Въ 1845 г. необычайнымъ разливомъ Днѣпра затопило и

почти разрушило два квартала Плоской части или Заканавья, вслѣдствіе чего домовладѣльцы этихъ кварталовъ стали переселяться частію на сѣверную часть стараго или верхняго Кіева около Житомірской дороги, частію на возвышенности Юрковицы между Щековицкимъ кладбищемъ и Кирилловскими богоугодными заведеніями и образовали новые кварталы съ правильными улицами. Въ 1849 г. начата постройка огромнаго красиваго зданія кадетскаго корпуса. Въ 1853 г. оконченъ и освященъ цѣпной мостъ черезъ Днѣпръ и открытъ памятникъ св. Владиміру на уступѣ горы ниже Михайловскаго монастыря. Въ 1856 г. окончена постройка новаго каменнаго театра недалеко отъ Золотыхъ воротъ.

Въ послѣдующее царствованіе императора Александра II, въ 1857 г. освящены оконченныя къ этому времени присутственныя мѣста на старомъ городѣ, учреждено множество учебныхъ заведеній разныхъ вѣдомствъ, открыто Свято-Владимірское Братство и нѣсколько ученыхъ обществъ, въ томъ числѣ историческое св. Нестора при Университетѣ и церковно-историческое и археологическое съ музеемъ при кіевской Духовной Академіи, возведено новое укрѣпленіе, по новой системѣ, на Лысой горѣ, окончены и освящены Императорскій дворецъ въ Липкахъ, желѣзный мостъ черезъ Днѣпръ и желѣзно-дорожный вокзалъ; основана городская публичная библіотека, открытъ памятникъ графу Бобринскому и пр. Съ проведеніемъ двухъ желѣзнодорожныхъ линій Кіево-Брестской и Курско-Кіевской, связавшихъ Кіевъ съ югомъ и сѣверомъ Россіи, городъ быстро сталъ обстраиваться прекрасными домами и общественными зданіями, чему много способствовали открывшіеся къ тому времени банки и кредитныя учрежденія, а также новое городовое положеніе, введенное въ Кіевѣ съ 1871 года. Въ числѣ новыхъ сооруженій слѣдуетъ упомянуть зданіе городской думы, построенное въ 1878 г. Устроенъ также городской водопроводъ.

При Государѣ Императорѣ Александрѣ III, въ 1888 году торжественно отпраздновано въ Кіевѣ 900-лѣтіе крещенія русскаго народа и открытъ памятникъ Богдану Хмельницкому. Въ 1891 г. утвержденъ проектъ памятника Императору Николаю I, открытаго въ 1896 г. Къ удобствамъ кіевской жизни въ это царствованіе учреждены были: адресный столъ, городская желѣзная дорога съ постепеннымъ примѣненіемъ къ ней электрической тяги, электрическое освѣщеніе, мало-по-малу распространяющееся и на второстепенныя улицы, городская общественная канализація.

Въ нынѣшнее царствованіе Императора Николая II учреждены въ Кіевѣ политехническій Институтъ за городомъ, религіозно-просвѣтительное Общество съ собственнымъ зданіемъ на старомъ городѣ, церковно-учительская школа на Лукьяновкѣ, построены городской музей общества изящныхъ искусствъ, народный домъ на Троицкой площади, обширныя Дегтяревскія богадѣльни и новый театръ на мѣсто прежняго, сгорѣвшаго, и устроена кіевская гавань.

Рядомъ съ постепеннымъ ростомъ города выростали въ немъ и новые храмы Божіи и монастыри, или же перемѣщались прежніе на новыя мѣста, и возстановлялась священная старина Кіева. Перемѣщены были на новыя мѣста и вновь отстроены церкви: Владимірская съ Печерска и Троицкая со стараго города въ Лыбедскую часть или на Новое строенье, Златоустовская со стараго города на Галицкую площадь и здѣсь построена вся изъ желѣза, а Вознесенская—съ Вознесенскаго спуска на Львовскую улицу. Построены на старыхъ мѣстахъ, вмѣсто прежнихъ обветшавшихъ церквей и часовень, фонтанъ Сампсона на толкучемъ Кіевоподольскомъ рынкѣ въ 1807 г., Николаевская церковь на Аскольдовой Могилѣ въ 1810 г., Десятинная въ 1842 г., Введенская за Канавою около 1892 г. Вновь воздвигнуты церкви преимущественно на окраинахъ Кіева: Ольгинская на Печерскѣ и Димитріевская на Байковой горѣ въ 1839 г. Особенно много построено церквей со времени царствованія Александра II. какъ-то: Ѳеодоровская на Лукьяновкѣ, Александро-Невская въ Липкахъ, Маріинско-Благовѣщенская на Новомъ строеніи, Макаріевская на Верхней Юрковицѣ, Деміевская, Куреневская и Шулявская на соименныхъ имъ предмѣстьяхъ Кіева и Платоповская на предмѣстьи Соломенкѣ. Но самою большою и величественною изъ новопостроенныхъ церквей является Владимірскій соборъ на Бибиковскомъ бульварѣ, художественно росписанный и отдѣ-

ланный во всѣхъ частностяхъ. Онъ заложенъ еще въ 1862 г., но внутреннее убранство его закончено въ 1896 г., въ которомъ онъ и освященъ былъ торжественно въ присутствіи Государя Императора Николая II и Государыни Императрицы Александры Θеодоровны.

Кромѣ соборныхъ и приходскихъ церквей, въ послѣднее время устроено въ Кіевѣ множество домовыхъ церквей при разныхъ учебныхъ, общественныхъ и благотворительныхъ учрежденіяхъ.

Со времени царствованія Императора Александра II вновь учреждены въ Кіевѣ и его предмѣстьяхъ Введенская женская община Краснаго Креста съ Введенскою же церковію на Печерскѣ, недавно обращенная въ монастырь, монастыри мужской Троицкій Іонинъ близъ Выдубицкаго монастыря и Покровскій женскій, основанный Великою Княгинею Александрою Петровной, съ которымъ соединенъ и возстановленный въ 1884 г. древній Межигорскій монастырь, и возстановленъ древній Гнилецкій мужской монастырь Пречистыя на урочищѣ Церковщина, принадлежащемъ Кіево-Братскому монастырю, за Китаевомъ. Построено новое зданіе кіевской Дух. Семинаріи на Кудрявцѣ, на предполагаемомъ мѣстѣ древняго Іоанновскаго монастыря на Копыревѣ концѣ, съ Іоанно-Богословскою церковію.

Вмѣстѣ съ умноженіемъ новыхъ храмовъ, и древніе храмы Кіева мало-по-малу возстановляють свою прежнюю красоту. Открыты и возстановлены древнія фрески и мозаики въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, Златоверхо-Михайловскомъ монастырѣ, въ храмѣ бывшаго Кирилловскаго монастыря и въ Спасской на Берестовѣ церкви. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ вліяніемъ изученія древняго устройства православныхъ храмовъ, возникаетъ и усиливается стремленіе расписывать новые или возобновляемые храмы, по образцу древнихъ храмовъ, священными настѣнными изображеніями и замѣнять прежніе высокіе многоярусные иконостасы болѣе или менѣе низкими алтарными преградами.

Литература. Обозрѣніе Кіева въ отношеніи древностей *Фундуклея* (1847). Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи г. Кіева (Кіевъ 1884). Собраніе сочиненій *Мих. Ал. Максимовича*, т. II (Кіевъ 1877). Монографіи по исторіи западной и юго-западной Россіи проф. *Вл. Б. Антоновича*, т. I (Кіевъ 1885). Историко-топографическіе очерки древняго Кіева проф. *Н. И. Петрова* (Кіевъ 1897). Публичныя лекціи по геологіи и исторіи Кіева профессоровъ *П. Я. Армашевскаго* и *Вл. Б. Антоновича* (Кіевъ 1897). Кіевъ въ 1654—1855 годахъ, проф. *Вл. Ст. Иконникова* въ „Кіевской Старинѣ“ за 1904 годъ и особыми оттисками. [Проф. *Н. И. Петровъ,* Новооткрытый альбомъ видовъ и рисунковъ достопримѣчательностей Кіева 1651 года въ „Трудахъ Кіевской Духовной Академіи“ 1905 г., № 7, стр. 431—472. *Я. И. Смирновъ,* Рисунки Кіева 1651 года по копіямъ ихъ конца XVIII вѣка (Москва 1908), листъ. *Л. С. Мацѣевичъ*), Къ матеріаламъ для исторической топографіи Кіева: † прот. *П. Г. Лебединцевъ,* Кіевъ за 60 лѣтъ предъ симъ въ „Трудахъ Кіев. Дух. Академіи“, 1909 г., № 2, стр. 311—314; 314—336].

Н. Петровъ.

Кіевская митрополія—епархія.

I. Историческій очеркъ образованія кіевской митрополіи — епархіи. Кіевская митрополія—епархія окончательно образовалась, съ характеромъ епархіальнаго института, какимъ она остается доселѣ, только въ 1685—86 г. Правда, кіевская митрополія существовала и раньше 1685—86 г., но тогда она занимала совсѣмъ иное положеніе въ русской церкви, чѣмъ какое занимаетъ теперь, равно какъ и самый внутренній характеръ ея тогда былъ совсѣмъ иной. Со времени своего первоначальнаго учрежденія и до половины XV в. кіевская митрополія была епархіею митрополита кіевскаго и всея Россіи, т. е. единаго митрополита, управлявшаго всею русскою церковію, которая находилась тогда въ зависимости отъ константинопольскаго патріарха. Съ половины XV в. и до 1685—86 г. кіевская митрополія—епархія была епархіею митрополита, который назывался по прежнему митрополитомъ кіевскимъ и всея Россіи, но управлялъ одною только западно-русскою православною церковію, существовавшею отдѣльно отъ сѣверо-восточной русской церкви и находившеюся подъ властію вселенскаго патріарха. Въ 1685—86 г. кіевская митрополія—епархія, подчинившись московскому патріарху, котораго въ 1721 г. замѣнилъ Св. Синодъ, вошла въ составъ всероссійской православной церкви и окончательно приняла внѣшній, такъ и внутренній видъ, дѣлавшій ее подобною другимъ нашимъ епархіямъ. Впрочемъ, въ томъ и дру-

гомъ отношеніи она и теперь имѣла свои довольно значительныя особенности, которыя сохраняла до самого конца XVIII в. Только уже въ концѣ XVIII в. (съ 1797 г.) кіевская митрополія—епархія вполнѣ приняла свой нынѣшній видъ, при чемъ сдѣлалась во всемъ одинаковою съ другими епархіями русской церкви, за исключеніемъ нѣкоторыхъ чисто мѣстныхъ и внѣшнихъ особенностей въ бытѣ и положеній духовенства, равно какъ и въ жизни мірянъ.

II. Границы и составъ кіевской митрополіи—епархіи. Кіевская епархія за время своего существованія 1685-6—1797 г. состояла изъ двухъ половинъ. Одна изъ нихъ—большая и главная—находилась въ предѣлахъ русскаго государства и была расположена частію на правомъ (западномъ) берегу р. Днѣпра, а большею частію на лѣвомъ (восточномъ) берегу этой рѣки въ предѣлахъ нынѣшнихъ черниговской и полтавской губерній; эта половина кіевской митрополіи—епархіи называлась тогда *собственною кіевскою епархіей*. Другая же—меньшая часть кіевской епархіи находилась въ предѣлахъ польско-литовскаго государства, за границею Россіи, почему и называлась *заграничною*. Заграничную часть кіевской епархіи въ XVII—XVIII вв. составляли монастыри и приходскія церкви. Заграничные монастыри кіевской митрополіи—епархіи въ XVII—XVIII вв. раздѣлялись на нѣсколько группъ, а именно: 1) *литовскую*, называвшуюся еще иначе *виленскимъ старшинствомъ*, потому что всѣми монастырями этой группы завѣдывалъ *виленскій старшій*, т. е. игуменъ Св.-Духовскаго монастыря; 2) *слуцкую архимандрію*, называвшуюся такъ, потому что всѣми монастырями этой группы управлялъ архимандритъ слуцкаго Св.-Троицкаго монастыря, называвшійся намѣстникомъ кіевскаго православнаго митрополита; 3) *бѣлорусскую*; 4) *подлясскую*; 5) *полѣсскую* и 6) *украинскую*, называвшіяся такъ по мѣсту нахожденія монастырей, которые составляли ту или другую группу. Такимъ образомъ, заграничные монастыри кіевской митрополіи—епархіи XVII—XVIII вв. были разсѣяны по всему пространству Западной Руси, входившей въ составъ польско-литовскаго государства. Число этихъ монастырей было не всегда одинаково, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ со временемъ превращались путемъ разныхъ насилій на унію. Всего изъ нихъ сохранилось въ православіи до конца XVIII в. 36 обителей. Всѣ онѣ имѣли чрезвычайно важное историческое значеніе, ибо служили свѣточами, оплотомъ и центромъ непрерывно продолжавшейся въ теченіе XVII—XVIII в. в. борьбы Западной Руси за вѣру православную и народность русскую. Въ частности, много значило то, что эти монастыри принадлежали именно къ епархіи кіевскаго митрополита, который, живя въ Россіи, хотя и не могъ имѣть непосредственнаго архипастырскаго надзора за ними, но въ то же самое время могъ сильно защищать и, дѣйствительно, защищалъ ихъ отъ преслѣдованій со стороны латино-уніатовъ, для чего пользовался содѣйствіемъ и нашего правительства. Кромѣ монастырей, заграничную часть кіевской митрополіи—епархіи XVII—XVIII вв. составляли эще приходскія церкви, которыя находились преимущественно на Полѣсьѣ, въ предѣлахъ нынѣшней минской епархіи. Здѣсь было нѣсколько (до 100) церквей приходскихъ, составлявшихъ 6 протопопій: 1) слуцкую, 2) мозырскую, 3) петриковскую, 4) пинскую, 5) туровскую и 6) давидгородецкую. Въ вѣдѣніи же кіевскаго митрополита въ XVIII в. находилась и польская православная церковь въ Варшавѣ, извѣстная въ исторіи кіевской митрополіи—епархіи XVII—XVIII вв. подъ именемъ *варшавской капелланіи*. Собственная кіевская митрополія—епархія въ XVII—XVIII вв. находилась только отчасти на правомъ (западномъ) берегу р. Днѣпра, а преимущественно она была расположена на лѣвомъ берегу его въ предѣлахъ нынѣшнихъ черниговской и полтавской епархій. Границы и территоріальный составъ кіевской митрополіи — епархіи въ XVII — XVIII вв. весьма часто мѣнялись и иногда довольно существенно. Такъ, съ 1685-6 до 1701 г. кіевская митрополія обнимала собою на правомъ берегу р. Днѣпра почти всю территорію нынѣшней кіевской епархіи (небольшая только часть этой территоріи, приблизительно на 25 верстъ около Кіева, находилась тогда въ предѣлахъ Россіи, а остальное пространство принадлежало Польшѣ), всю территорію нынѣшней полтавской епархіи и значительную часть нынѣшней

черниговской епархіи. Въ 1701 г. было учреждено переяславское коадъютарство (викаріатство), въ составъ котораго вошли всѣ церкви Переяславскаго полка (на лѣвомъ берегу р. Днѣпра) и запустѣлые монастыри—Каневскій и Трехтемировскій (на правомъ берегу р. Днѣпра). Въ 1715 г. во владѣніе переяславскаго коадъютора, пользовавшагося извѣстными правами самостоятельности въ отношеніи къ кіевскому митрополиту, были переданы на правой сторонѣ р. Днѣпра церкви Корсунскаго и Богуславскаго полковъ, т. е. каневскаго, черкасскаго и звенигородскаго уѣздовъ нынѣшней кіевской губерніи. Впослѣдствіи территорія кіевской митрополіи—епархіи терпѣла въ теченіе XVIII в. еще болѣе значительныя перемѣны. Такъ, напр., въ 1756 г. отъ нея были перечислены въ переяславскую епархію церкви крыловской и новомиргородской протопопій, находившихся на правой сторонѣ р. Днѣпра. Въ 1776 г. нѣкоторые монастыри и церкви кіевской митрополіи—епархіи, находившіеся въ южныхъ предѣлахъ нынѣшней полтавской губерніи, были отдѣлены въ составъ новообразованной тогда славянской и херсонской епархій. Въ 1777 и 1778 гг. многіе монастыри и церкви кіевской митрополіи—епархіи были перечислены въ переяславскую епархію. Въ 1785 г., по случаю уравненія границъ кіевской митрополіи—епархіи съ границами кіевскаго намѣстничества, территоріальный составъ кіевской митрополіи—епархіи совершенно измѣнился. Въ 1790 годахъ территорія кіевской митрополіи—епархіи также измѣнялась болѣе или менѣе значительно, хотя она по прежнему оставалась почти цѣликомъ на лѣвомъ (восточномъ) берегу р. Днѣпра. Наконецъ, только 1 сентября 1797 г. кіевская митрополія—епархія была образована въ нынѣшнемъ ея видѣ и составѣ. Съ этого времени кіевская митрополія—епархія вся находится на правомъ берегу р. Днѣпра и совпадаетъ съ границами кіевской губерніи. Въ 1844 г. къ кіевской митрополіи—епархіи былъ причисленъ отъ волынской епархіи г. Бердичевъ съ уѣздомъ. Съ того времени составъ и границы кіевской епархіи остаются безъ перемѣнъ.

III. Іерархія кіевской митрополіи—епархіи. Кіевскою митрополіей—епархіей, со времени ея образованія, именно какъ епархіи, управляли слѣдующіе архипастыри: 1) *Гедеонъ князь Святополкъ Четвертинскій, митрополитъ кіевскій, галицкій и всея Малыя Россіи* (1685—1690 г.). Онъ происходилъ изъ древняго и славнаго русскаго рода князей Четвертинскихъ, ведущаго свое происхожденіе отъ св. Владиміра чрезъ его правнука кн. Святослава Изяславича. Митр. Гедеонъ принадлежалъ къ 10 колѣну этого рода и назывался въ мірѣ Григоріемъ Захаріевичемъ старшимъ. Время рожденія его неизвѣстно. Воспитывался онъ, вѣроятно, въ одной изъ православныхъ школъ, существовавшихъ на Волыни: острожской или луцкой. Въ самомъ концѣ 50-хъ или же въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ XVII в. Гедеонъ Святополкъ Четвертинскій былъ избранъ епископомъ луцкимъ и острожскимъ. Архіерейское служеніе его въ Луцкѣ продолжалось болѣе 20-ти лѣтъ и было исполнено многихъ славныхъ и самоотверженныхъ трудовъ и подвиговъ его на пользу православія и русской народности въ Зап. Россіи. Какъ человѣкъ образованный и чисто русскій, Гедеонъ былъ убѣжденнымъ противникомъ происходившаго тогда въ Польшѣ усиленнаго окатоличенія и ополяченія западно-русскаго народа. Значеніе Гедеона особенно возвысилось съ того времени, когда въ 80-хъ годахъ XVII в. онъ остался единственнымъ православнымъ епископомъ въ Польшѣ. Благодаря своему положенію и своимъ заслугамъ, Гедеонъ сдѣлался тогда духовнымъ главою и руководителемъ всего западно-русскаго православнаго народа въ его борьбѣ за вѣру и народность; кромѣ того, онъ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ той идеи, народившейся уже давно, но теперь только вполнѣ сознанной, что Западная Русь однѣми своими силами не въ состояніи отстоять свою самостоятельность и что для этого ей необходима помощь со стороны единовѣрной и единоплеменной Россіи. Эту идею Гедеонъ открыто высказывалъ во время своихъ сношеній съ правительствомъ Россіи и понятно, что всѣмъ этимъ успѣлъ нажить себѣ множество противниковъ въ Польшѣ. Его начали тѣснить, преслѣдовать судебными процессами, отнимать имѣнія и даже угрожать его свободѣ и жизни. Все это и заставило Гедеона въ 1684 г. оставить Польшу и переселиться въ Россію, именно въ Малороссію, гдѣ онъ былъ радушно принятъ гетманомъ Ив. Самойлови-

чемъ, съ которымъ былъ въ дружбѣ, а затѣмъ и породнился. Въ 1685 г. Гедеонъ былъ избранъ въ санъ кіевскаго митрополита, при чемъ онъ согласился принять посвященіе отъ московскаго патріарха и подчиниться его власти, чего не желали сдѣлать остальные представители высшаго малороссійскаго духовенства. 8 ноября 1685 г. Гедеонъ былъ посвященъ патр. Іоакимомъ въ московскомъ Успенскомъ соборѣ въ санъ митрополита. Кіевскою митрополіей—епархіей онъ управлялъ до 1690 г., въ каковомъ году 6 апрѣля скончался. 2) *Варлаамъ Ясинскій, митрополитъ кіевскій, галицкій и Малыя Россіи* (1690—1707 г.). Изъ воспитанниковъ, профессоровъ и ректоровъ кіевской Коллегіи онъ былъ избранъ сначала (въ 1684 г.) архимандритомъ Кіево-Печерской лавры, а потомъ (въ 1690 г.) въ кіевскіе митрополиты. Варлаамъ управлялъ кіевскою митрополіей — епархіей до лѣта 1707 г., когда скончался. Былъ онъ очень умный архипастырь, талантливый администраторъ, выдающійся духовный писатель и покровитель просвѣщенія (см. о немъ подробно „Энц.“ III, 147—148). 3) *Іоасафъ Кроковскій, митрополитъ кіевскій, галицкій и Малыя Россіи* (1708—1718 г. см. о немъ въ „Энц.“ VII, 177—180).

Въ теченіи времени около 1718—1722 г., послѣ смерти митр. Іоасафа Кроковскаго, кіевская митрополичья каѳедра оставалась, по разнымъ обстоятельствамъ и соображеніямъ, свободною. Епархіальнымъ управленіемъ вѣдала въ это время духовная консисторія, а ставленниковъ посвящалъ епископъ переяславскій Кириллъ Шумлянскій, коадъюторъ кіевской митрополіи, или же греческіе архіереи, проживавшіе тогда въ Кіевѣ.

4) *Варлаамъ Ванатовичъ, архіепископъ кіевскій и галицкій* (1722—1731 г.), родился въ Ярославлѣ, находившемся въ Западной Руси, бывшей подъ польскимъ владычествомъ. Образованіе свое онъ получилъ въ кіевской Академіи, гдѣ учился до „философіи“ а монашеское постриженіе принялъ въ Тихвинскомъ монастырѣ новгородской епархіи. Впослѣдствіи онъ служилъ духовникомъ при новгородскомъ архіепископѣ Ѳеодосіи Яновскомъ и флотскимъ оберъ-іеромонахомъ. Изъ оберъ-іеромонаховъ флота былъ сдѣланъ 2 февраля 1719 г. архимандритомъ Тихвинскаго монастыря, откуда въ началѣ 1722 г. былъ избранъ и 14 мая того же года посвященъ въ санъ кіевскаго архіепископа. Предоставленіе Варлааму только архіепископскаго, а не митрополичьяго сана было обидно не столько ему, сколько всей кіевской митрополіи и даже всей вообще Малороссіи. Это дѣло устроилъ, кажется, Ѳеофанъ Прокоповичъ, который самъ желалъ занять кіевскую митрополичью каѳедру, но его не желалъ отпустить изъ Петербурга императоръ Петръ I. Изъ-за этого, или же по другимъ какимъ-либо болѣе важнымъ обстоятельствамъ, между Ѳеофаномъ Прокоповичемъ и Варлаамомъ установились съ первыхъ же лѣтъ служенія послѣдняго въ Кіевѣ недружелюбныя отношенія, которыя для Варлаама закончились трагическою развязкой. Дѣло происходило такъ. Варлаамъ вообще отличался характеромъ твердымъ и рѣшительнымъ. Своею митрополіей—епархіей онъ управлялъ крѣпкою рукой. Различныя представленія и отвѣтныя доношенія его Св. Синоду также звучатъ твердостію, иногда даже рѣзкимъ тономъ. Не разъ Варлааму приходилось получать за это внушенія отъ Св. Синода, или—правильнѣе—отъ Ѳеофана Прокоповича. Послѣдній, видимо, искалъ и ждалъ случая, чтобы раздѣлаться съ непокорнымъ архіереемъ. Скоро такой случай представился въ доносѣ кіевскаго войта Димитрія Полоцкаго, который давно уже враждовалъ съ Варлаамомъ, о неслуженіи этимъ послѣднимъ молебна въ одинъ изъ высокоторжественныхъ дней. Указомъ 3 августа 1730 г. Варлаамъ вмѣстѣ со всѣми членами кіевской консисторіи былъ взятъ изъ Кіева и доставленъ въ Москву, гдѣ его предали суду. Варлаамъ во все время суда велъ себя вполнѣ достойно и спокойно. По рѣшенію суда онъ былъ лишенъ сана и священства и, въ качествѣ простого монаха, былъ сосланъ въ Кирилло-Бѣлоезерскій монастырь на всегдашнее пребываніе тамъ. Только черезъ 10 лѣтъ, послѣ воцаренія императрицы Елисаветы Петровны, 15 декабря 1741 г. Варлаамъ былъ возвращенъ изъ ссылки и возстановленъ въ санѣ. Варлаамъ самъ пожелалъ жить на покоѣ въ Тихвинскомъ монастырѣ, гдѣ принялъ схиму съ именемъ Василія и скончался въ 1751 г. Отъ него осталось весьма много любопытныхъ распоряженій подъ именемъ „архіерейскихъ универсаловъ“, характеризующихъ его,

какъ хорошаго администратора, и современное ему состояніе кіевской митрополіи—епархіи. Послѣ удаленія съ каѳедры до назначенія ему преемника епархіальнымъ управленіемъ въ Кіевѣ вѣдала консисторія, а посвященіе ставленниковъ было поручено Св. Синодомъ греческому коринѳскому митрополиту Митрофану, жившему въ Кіевѣ съ 1728 г. 5) *Рафаилъ* (*въ мірѣ Михаилъ*) *Заборовскій* (*сначала архіепископъ, а потомъ*) *митрополитъ кіевскій, галицкій и Малыя Россіи* (1731—1747 г.), родился въ м. Заборовѣ (подъ Львовомъ) въ Галиціи около 1676 г. Отецъ его былъ католикъ, а мать—православная. Онъ обучался сначала въ заграничныхъ школахъ, а затѣмъ, послѣ смерти отца, отправился въ Кіевъ, гдѣ учился въ Академіи въ классѣ философіи, и, наконецъ, перешелъ въ Москву, гдѣ въ заиконоспасской Академіи окончилъ свое образованіе. Послѣ принятія монашества, Рафаилъ былъ назначенъ учителемъ риторики въ той же московской Академіи. Впослѣдствіи онъ служилъ оберъ-іеромонахомъ во флотѣ, а въ 1723 г. былъ опредѣленъ архимандритомъ Троицкаго Калязина монастыря въ Твери, при чемъ одновременно былъ и ассессоромъ Св. Синода. 15 августа 1725 г. Рафаилъ былъ посвященъ въ санъ епископа псковскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ членомъ Св. Синода, а 13 апрѣля 1731 г. былъ переведенъ въ Кіевъ съ званіемъ архіепископа; 11 іюня 1743 года Рафаилъ былъ удостоенъ званія *митрополита*; скончался 22 октября 1747 г. на 71 г. отъ роду. 16-лѣтнее управленіе его кіевскою митрополіей — епархіей отмѣчено, помимо благочестивой жизни, ревностными и неутомимыми заботами о благѣ всей епархіи и особенно кіевской Академіи. Рафаилъ весьма значительно улучшилъ не только внѣшній бытъ Академіи, но и внутреннее устройство ея. Въ благодарность за это кіевская Академія приняла и долго послѣ того носила названіе *Могило-Заборовской*. Рафаилъ отличался исключительно щедрою благотворительностію на дѣла просвѣщенія и украшенія кіевскихъ святынь. Предъ смертію онъ самъ указалъ себѣ преемника въ лицѣ тогдашняго архимандрита Кіево-Печерской лавры, который и былъ, дѣйствительно, назначенъ. 6) *Тимоѳей* (*въ мірѣ Тихонъ Ивановичъ*) *Щербацкій, митрополитъ кіевскій, галицкій и Малыя Россіи*, родился въ 1698 г. въ м. Трипольѣ и былъ сынъ малороссійскаго мѣщанина Ивана Щербака. Въ малолѣтнемъ возрастѣ онъ былъ взятъ въ пѣвческую придворную капеллу императора Петра I; по возвращеніи въ Кіевъ, поступилъ въ кіевскую Академію, гдѣ и окончилъ свое образованіе. Послѣ принятія монашества въ Кіево-Софійскомъ каѳедральномъ монастырѣ, Тимоѳей въ теченіи многихъ лѣтъ, при архіепископахъ—Варлаамѣ Ванатовичѣ и Рафаилѣ Заборовскомъ, былъ каѳедральнымъ писаремъ кіевской митрополіи-епархіи. Въ 1737 г. онъ былъ назначенъ игуменомъ лубенскаго Мгарскаго монастыря, откуда въ томъ же году былъ переведенъ игуменомъ Кіево-Выдубицкаго монастыря. Черезъ два года послѣ того, въ 1739 г., Тимоѳей былъ опредѣленъ архимандритомъ Кіево-Михайловскаго монастыря, откуда 14 апрѣля 1740 г. былъ избранъ братствомъ Кіево-Печерской лавры въ архимандриты ея. Послѣ смерти Рафаила Заборовскаго, по его предуказанію, Тимоѳей былъ избранъ кіевскимъ митрополитомъ и 10 марта 1748 г. посвященъ въ С.-Петербургѣ въ придворной церкви. 22 октября 1757 г. Тимоѳей былъ переведенъ на московскую каѳедру и въ Москвѣ 18 апрѣля 1767 г. скончался, будучи первымъ изъ русскихъ архіереевъ отпѣтъ по чину священническаго погребенія, послѣ чего то же самое начали дѣлать у насъ и въ отношеніи ко всѣмъ вообще нашимъ архипастырямъ. Продолжительное предварительное служеніе въ должности каѳедральнаго писаря благопріятно отразилось на административной архіерейской дѣятельности Тимоѳея, которая одинаково была направлена къ устроенію дѣлъ епархіи въ обѣихъ ея частяхъ—собственной и заграничной. Замѣчательны реформы, проведенныя Тимоѳеемъ въ отношеніи заграничныхъ монастырей кіевской митрополіи—епархіи и кіевской Академіи. Тимоѳей пытался завести при своемъ митрополитскомъ домѣ особую типографію, но это ему не удалось и даже, въ связи съ нѣкоторыми другими обстоятельствами, послужило причиною перемѣщенія его на московскую архіерейскую каѳедру. 7) *Арсеній* (*въ мірѣ Алексѣй*) *Могилянскій, митрополитъ кіевскій, галицкій и Малыя Россія* (1757—1770 г.).

При этомъ архипастырѣ въ 1767 г. кіевскимъ митрополитамъ было запрещено писаться въ титулѣ митрополитомъ и *Малыя Россіи* на томъ основаніи, что Малороссія обнимала не одну только кіевскую митрополію, но также и черниговскую и переяславскую епархіи. Управленіе Арсеніемъ кіевскою митрополіей—епархіей было ознаменовано, между прочимъ, защитою со стороны этого архипастыря мѣстныхъ особенностей и привилегій кіевской епархіи. Замѣчательны также заботы его объ улучшеніи быта кіевской Академіи, которая имѣла въ немъ усерднаго покровителя и внимательнаго начальника. Заслуживаетъ еще упоминанія участіе Арсенія М. въ составленіи пунктовъ малороссійскаго, въ частности, кіевскаго духовенства, выражавшихъ его pia desideria по вопросу объ улучшеніи быта и положенія его и представленныхъ въ 1767 г. въ Екатерининскую коммиссію по составленію новаго уложенія (прочія біографическія свѣдѣнія см. въ „Энц.“ I, 1071). Со времени Арсеній М., именно съ 1767 г. кіевскіе архипастыри именуются *митрополитами кіевскими и галицкими*. 8) *Гавріилъ* (*въ мірѣ Григорій Θеодоровичъ*) *Кременецкій* родился въ 1707 г. въ г. Носовѣ, кіевскаго полка, гдѣ отецъ его занималъ должность городского старшины; воспитывался сначала въ кіевской Академіи, откуда въ 1732 г. перешелъ въ харьковскій Коллегіумъ, незадолго предъ тѣмъ открытый и прекрасно устроенный бѣлгородскимъ епископомъ Епифаніемъ Тихорскимъ; закончилъ свое образованіе въ московской Академіи (куда поступилъ въ 1733 г.), подъ руководствомъ земляка и друга его отца, Стефана Калиновскаго. Въ 1736 г. послѣдній, будучи уже архимандритомъ Александро-Невскаго монастыря въ С.-Петербургѣ, вызвалъ изъ Москвы въ числѣ другихъ молодыхъ ученыхъ и Григорія К., который много потрудился надъ устройствомъ вновь заведенной тогда Александро-Невской Семинаріи. Въ 1739 г. онъ принялъ монашество и былъ назначенъ ректоромъ Александро-Невской Семинаріи. Въ 1748 г. Гавріилъ былъ назначенъ архимандритомъ Новоспасскаго монастыря въ Москвѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ Св. Синода, а въ слѣдующемъ 1749 г. произведенъ въ санъ епископа коломенскаго; 19 сентября 1755 г. переведенъ въ Казань, между прочимъ, съ спеціальною цѣлію умиротворенія здѣшней епархіи, гдѣ предъ тѣмъ происходили важные безпорядки, по случаю волненій мѣстныхъ татаръ, бывшихъ недовольными дѣятельностію христіанскихъ миссіонеровъ. Архипастырское служеніе Гавріила въ Казани сопровождалось извѣстнымъ успѣхомъ, въ награду за что онъ 25 іюля 1762 г. и былъ переведенъ въ С.-Петербургъ въ санѣ архіепископа, а отсюда 22 сентября 1770 г. уже въ санѣ митрополита—былъ перемѣщенъ на кіевскую каѳедру. Въ Кіевѣ въ то время происходила сильная моровая язва, почему Гавріилъ въ дѣйствительное управленіе кіевскою митрополіей-епархіей вступилъ уже только въ 1772 г. Довольно продолжительное архипастырское служеніе Гавріила въ Кіевѣ было сопряжено съ весьма значительными затрудненіями, въ виду происходившихъ тогда политическихъ событій, особенно вслѣдствіе оживившейся тогда враждебной въ отношеніи къ православно-русскому населенію Западной Россіи дѣятельности католическо-уніатскаго духовенства. Гавріилъ былъ щедрымъ меценатомъ кіевской Академіи, въ пользу которой завѣщалъ весьма значительный капиталъ. Гавріилъ скончался 9 августа 1783 г. 9) *Самуилъ* (*въ мірѣ Семенъ Григорьевичъ*) *Миславскій* (1783—1796 г.) родился 24 мая 1731 г, отъ священника с. Полошекъ Глуховскаго полка и образованіе свое получилъ въ кіевской Академіи; по окончаніи академическаго ученія, 12 іюня 1754 г. принялъ монашество и былъ опредѣленъ учителемъ своей родной Академіи. Самуилъ обладалъ выдающимися способностями ума и характера, почему уже въ 1757 г. 7 ноября онъ былъ опредѣленъ префектомъ Академіи, а въ 1762 г. сдѣланъ былъ и ректоромъ ея, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита Кіево-Братскаго монастыря. 12 августа 1768 г. Самуилъ былъ назначенъ настоятелемъ Кіево-Никольскаго пустыннаго монастыря; въ томъ же году былъ вызванъ въ С.-Петербургъ на чреду священнослуженія, гдѣ 28 декабря 1768 г. хиротонисанъ во епископа бѣлградскаго и обоянскаго. Впослѣдствіи съ 24 сентября 1771 г. Самуилъ былъ епископомъ крутицкимъ и членомъ Св. Синода, съ 17 марта 1776 г. архіепископомъ ростовскимъ, а 22

сентября 1783 г. былъ назначенъ кіевскимъ митрополитомъ. Въ управленіе Самуила кіевскою митрополіей-епархіей произошли многія и весьма важныя событія и перемѣны въ жизни этой послѣдней. Особенно замѣчательна реформа 1786 г., когда въ кіевской митрополіи-епархіи, равно какъ и въ другихъ малороссійскихъ епархіяхъ, были введены штаты. Въ награду за содѣйствіе правительству Екатерины II въ проведеніи этой важной реформы Самуилъ получилъ въ свое управленіе Кіево-Печерскую лавру, при чемъ именно съ него кіевскіе архипастыри стали именоваться священно-архимандритами этой лавры. При Самуилѣ въ 1785 г. было возстановлено переяславское коадъюторство кіевской митрополіи-епархіи, при чемъ первому (возстановленному) коадъютору Виктору Садковскому было поручено завѣдываніе исключительно заграничною частію кіевской митрополіи-епархіи. Самуилъ дѣятельно помогалъ коадъютору своимъ руководствомъ и своими совѣтами. Какъ бывшій ученикъ, учитель и затѣмъ ректоръ кіевской Академіи, онъ съ большимъ вниманіемъ относился къ этой послѣдней, въ бытность свою кіевскимъ митрополитомъ, и много хорошаго сдѣлалъ для ея внѣшняго и—особенно—для внутренняго благоустройства. Наконецъ, при Самуилѣ кіевская митрополія-епархія получила новый, нынѣшній свой видъ и составъ. Это послѣдняя перемѣна въ жизни кіевской митрополіи-епархіи вызвала новыя заботы со стороны кіевскаго архипастыря, но онѣ всею своею тяжестію пали на преемника Самуила. 10) *Іероѳей Малицкій* управлялъ кіевскою митрополіей-епархіей съ 1796 г. по 1799 г. (см. о немъ подробно въ „Энц.“ VI, 360—361). 11) *Гавріилъ* (*въ мірѣ Григорій Григорьевичъ*) *Банулеско-Бодони* — управлялъ кіевскою митрополіей-епархіей съ 1799 по 1803 г. (см. о немъ подробно въ „Энц.“ IV, 8—11). 12) *Серапіонъ Александровскій* (1803—1822) родился въ городѣ Александровѣ, владимірской губерніи, 22 іюля 1747 г.; образованіе получилъ въ троице-сергіевской Семинаріи, гдѣ съ 1770 г. былъ учителемъ. 8 февраля 1771 г. онъ принялъ монашество и въ январѣ 1772 г. былъ опредѣленъ на должность проповѣдника въ московскую славяно-греко-латинскую Академію. 15 марта 1775 г. Серапіонъ былъ назначенъ игуменомъ московскаго Кресто-Воздвиженскаго монастыря и вмѣстѣ членомъ московской консисторіи; 27 января 1776 г. былъ перемѣщенъ игуменомъ Знаменскаго московскаго монастыря, а 17 февраля 1779 г. произведенъ въ архимандрита Богоявленскаго московскаго монастыря. Въ 1782 г. Серапіонъ былъ вызываемъ въ С.-Петербургъ на чреду священнослуженія, въ 1785 г. былъ назначенъ духовнымъ цензоромъ въ Москвѣ и 6 мая 1788 г. былъ назначенъ первымъ викаріемъ московской епархіи съ званіемъ дмитровскаго епископа. Въ 1799 г. Серапіонъ былъ переведенъ епископомъ въ Калугу, но прежде чѣмъ онъ отправился туда, его перемѣстили на казанскую епархію, откуда 11 декабря 1803 г. онъ былъ назначенъ кіевскимъ митрополитомъ. Серапіонъ управлялъ кіевскою митрополіей-епархіей 18 лѣтъ, отличался ровнымъ, кроткимъ и добрымъ характеромъ. Былъ онъ также чрезвычайно аккуратнымъ архипастыремъ, что̀ особенно видно изъ его рукописнаго дневника, веденнаго имъ регулярно изо дня въ день и содержащаго въ себѣ весьма много исключительно-любопытныхъ данныхъ для характеристики самого автора и для состоянія кіевской митрополіи-епархіи его времени. 24 января 1822 г. Серапіонъ, по болѣзни, былъ уволенъ отъ управленія епархіею, а 14 сентября 1824 г. умеръ, 80 лѣтъ отъ роду, въ Кіевѣ. 13) *Евгеній* (*въ мірѣ Евѳимій Алексѣевичъ*) *Болховитиновъ* (1822—1837 г.г.), ознаменовавшій свое управленіе кіевскою митрополіей-епархіей многими учеными трудами, между прочимъ, и по исторіи кіевской епархіи и г. Кіева, равно какъ и рѣдкою административною дѣятельностію (см. о немъ подробно въ „Энц.“ V, 188 — 191). 14) *Филаретъ* (*въ мірѣ Ѳеодоръ Григорьевичъ*) *Амфитеатровъ* (1837—1857 г.) родился въ 1779 г. отъ священника орловской губерніи. Окончилъ курсъ сѣвской Семинаріи и, послѣ принятія монашества, былъ учителемъ и затѣмъ ректоромъ нѣсколькихъ Семинарій—сѣвской, уфимской и тобольской. Въ 1813 г. онъ былъ вызванъ въ С.-Петербургъ и назначенъ ректоромъ здѣшней Академіи, въ 1816 г. былъ сдѣланъ ректоромъ московской Академіи. За отличную дѣятельность и ревностную службу въ двухъ академіяхъ Филаретъ былъ удостоенъ степени доктора богословія. Рукоположенный въ

1819 г. въ санъ епископа, онъ занималъ последовательно каѳедры: калужскую (1819—1825 г.), рязанскую (1825—1828 г.), казанскую (1828—1836 г.) и ярославскую (1836—1837 г.). 18 апрѣля 1837 г. Филаретъ изъ архіепископовъ ярославскихъ былъ назначенъ кіевскимъ митрополитомъ; управлялъ кіевскою епархіей 20 лѣтъ и скончался 21 декабря 1857 года. Еще въ 1841 г. онъ принялъ схиму съ именемъ Ѳеодосія. Филаретъ памятенъ Кіеву и кіевской епархіи своею кротостію, благочестіемъ, строгимъ подвижничествомъ и любовію къ монашеству. 15) *Исидоръ* (*въ мірѣ Іаковъ Сергѣевичъ*) *Никольскій*, назначенный на кіевскую митрополію 1 марта 1858 г., управлялъ ею около 2 лѣтъ и 1 іюля 1860 г. былъ переведенъ на с.-петербургскую митрополію (см. о немъ подробно въ „Энц." V, 1071—1073). 16) *Арсеній* (*въ мірѣ Ѳеодоръ Павловичъ*) *Москвинъ* управлялъ кіевскою митрополіей-епархіей съ 1860 до 1876 г. (см. о немъ подробно въ „Энц." I, 1071—1073). 17) *Филоѳей* (*въ мірѣ Тимоѳей Григорьевичъ*) *Успенскій* (1876—1882 г.) родился въ 1808 г. въ семьѣ діакона с. Закобякина, ярославской губерніи; по окончаніи курса въ ярославской Духовной Семинаріи, въ 1828 году поступилъ въ московскую Духовную Академію, гдѣ въ 1832 году окончилъ высшее образованіе со степенью магистра богословія и въ томъ же году былъ постриженъ въ монашество. Въ сентябрѣ того же 1832 года Филоѳей былъ назначенъ баккалавромъ по каѳедрѣ словесности въ московской Духовной Академіи, а черезъ годъ (въ октябрѣ 1833 г.) былъ перемѣщенъ на каѳедру герменевтики и библейской археологіи. Въ 1838 г. былъ опредѣленъ на должность инспектора с.-петербургской Духовной Академіи, гдѣ въ 1839 г. былъ возведенъ въ санъ архимандрита. Въ 1842 г. Филоѳей былъ назначенъ ректоромъ харьковской Духовной Семинаріи, изъ которой въ томъ же году былъ переведенъ ректоромъ въ виѳанскую Семинарію, а въ 1847 г. въ московскую Духовную Семинарію. Черезъ два года послѣ того Филоѳей былъ хиротонисанъ (въ 1849 г.) во епископа дмитровскаго, викарія московской епархіи. Впослѣдствіи онъ былъ епископомъ костромскимъ (1853—1857 г.) и тверскимъ (1857—1876 г.), при чемъ въ 1861 г. былъ сдѣланъ архіепископомъ. 5 мая 1876 г. Филоѳей былъ назначенъ кіевскимъ митрополитомъ и управлялъ кіевскою епархіей до 29 января 1882 г., когда послѣ продолжительной и весьма тяжкой болѣзни, происшедшей, между прочимъ, вслѣдствіе сильнаго потрясенія страшнымъ событіемъ 1 марта 1881 г., скончался. Управленіе кіевскою епархіей Филоѳея, пока онъ былъ здоровъ, отличалось твердостію и справедливостію, а жизнь этого іерарха была исполнена строгихъ монашескихъ подвиговъ. 18) *Платонъ* (*въ мірѣ Николай Ивановичъ*) *Городецкій* (1882—1891 г.) родился 2 мая 1803 г. и былъ сынъ священника посада Погорѣлаго Городища, зубцовскаго уѣзда, тверской губерніи; послѣ обученія въ мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ тверской епархіи, закончилъ свое образованіе въ с.-петербургской Духовной Академіи въ 1827 г. со степенью магистра богословія и тогда же былъ назначенъ профессоромъ орловской Духовной Семинаріи, откуда въ 1829 г. былъ переведенъ въ с.-петербургскую Духовную Академію баккалавромъ сначала греческаго языка, а затѣмъ богословскихъ наукъ. Въ 1830 г. онъ принялъ монашество и былъ назначенъ инспекторомъ Академіи; въ слѣдующемъ 1831 г. былъ возведенъ въ санъ архимандрита, а въ 1837 г. былъ назначенъ ректоромъ костромской Духовной Семинаріи. Въ 1839 г. Платонъ былъ переведенъ въ Вильну настоятелемъ Св.-Духовскаго первокласснаго монастыря, при чемъ здѣсь принималъ участіе въ возсоединеніи литовскихъ уніатовъ съ православною церковію, будучи дѣятельнымъ сотрудникомъ митр. Іосифа Сѣмашко. Въ 1843 г. Платонъ былъ хиротонисанъ въ санъ епископа ковенскаго и назначенъ вторымъ викаріемъ литовской епархіи; въ 1848 г. перемѣщенъ на рижскую архіерейскую каѳедру, гдѣ въ 1850 г. былъ возведенъ въ санъ архіепископа. 17-лѣтнее управленіе Платона рижскою епархіей было ознаменовано заботами его о возвышеніи православно-русскаго знамени въ Остзейскомъ краѣ; съ этою цѣлію имъ была устроена Духовная Семинарія въ Ригѣ для образованія православнаго духовенства и принимались дѣятельныя мѣры къ уничтоженію различныхъ стѣсненій православнаго мѣстнаго (латышскаго) населенія со стороны протестантско-нѣмецкихъ владѣльцевъ. Такая

чисто русская дѣятельность Платона въ Ригѣ вызвала противъ него недовольство въ средѣ господствовавшаго нѣмецкаго класса, и въ 1867 г. онъ неожиданно былъ переведенъ изъ Риги въ Новочеркасскъ — донскимъ архіепископомъ. Послѣ 10-лѣтняго управленія донскою епархіей Платонъ въ 1887 г. былъ переведенъ въ Одессу, откуда 4 февраля 1882 года былъ назначенъ кіевскимъ митрополитомъ. Почти десятилѣтнее управленіе Платона кіевскою епархіей было всецѣло посвящено имъ энергичнымъ заботамъ о благоустройствѣ епархіи со стороны административной, о принятіи мѣръ къ предотвращенію сильнаго распространенія штундистской секты, заботамъ о сиротахъ и бѣдныхъ. Особенно энергичною была дѣятельность Платона на первыхъ порахъ управленія его кіевскою епархіею. Въ послѣдніе годы силы его, подъ вліяніемъ старческихъ лѣтъ и перенесенныхъ болѣзней, значительно ослабѣли, а вмѣстѣ съ тѣмъ ослабѣла и обычная энергія его. Платонъ умеръ 1 октября 1891 г. Онъ оставилъ въ Кіевѣ память о себѣ, какъ объ архипастырѣ добромъ, простомъ и общедоступномъ 19) *Іоанникій* (*въ мірѣ Іоаннъ*) *Рудневъ* (1891—1900 г.). Общія біографическія свѣдѣнія о немъ и, въ частности, о его управленіи кіевскою епархіей см. въ „Энц.“ VI, 771—778). 20) *Θеогностъ* (*въ мірѣ Георгій Ивановичъ) Лебедевъ* (1900—1903 г.) родился въ тверской епархіи въ 1830 г., первоначальное образованіе получилъ въ мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Въ 1849 г. онъ поступилъ въ с.-петербургскую Дух. Академію, въ которой и окончилъ курсъ ученія въ 1853 г. съ званіемъ магистра богословія. 14 марта 1853 г. принялъ монашество, а 31 октября того же года былъ назначенъ ректоромъ кирилловскаго Дух. Училища новгородской епархіи, гдѣ служилъ до 1856 г. Впослѣдствіи онъ исполнялъ должности: профессора с.-петербургской Дух. Семинарій (1856—1857 г.), инспектора новгородской Семинаріи (1857—1861 г.), ректора орловской (1861—1864 г.) и каменецъ-подольской (1864—1866 г.) Дух. Семинарій, при чемъ еще въ 1858 г. былъ возведенъ въ санъ архимандрита. Хиротонисанный 22 января 1867 г. во епископа балтскаго, Θеогностъ около семи лѣтъ (съ небольшимъ промежуткомъ 1870—1874 г., когда онъ управлялъ астраханскою епархіей), посвятилъ на служеніе каменецъ-подольской епархіи, гдѣ заявилъ себя, какъ добрый, внимательный къ нуждамъ паствы и энергичный архипастырь. Въ 1878 г. Θеогностъ былъ назначенъ епископомъ владимірской епархіи, которою затѣмъ управлялъ въ теченіи 14 лѣтъ, будучи возведенъ здѣсь въ санъ архіепископа. Управленіе Θеогноста владимірскою епархіей,—по свидѣтельству непосредственныхъ наблюдателей, — было расцвѣтомъ архипастырской его дѣятельности (подробности см. въ „Энц.“ III, 596—597). Въ 1892 г. была возстановлена самостоятельная новгородская архіерейская каѳедра, на которую 21 ноября того же года былъ назначенъ Θеогностъ. Возведенный здѣсь въ 1895 г. въ званіе члена Св. Синода, онъ немало потрудился въ Новгородѣ надъ организаціей самостоятельнаго епархіальнаго управленія. Дѣятельность его здѣсь особенно ознаменовалась оживленіемъ мѣстнаго св.-софійскаго братства, увеличеніемъ числа церковно-приходскихъ школъ и—больше всего—обновленіемъ и украшеніемъ св. Софіи новгородской, освященіе которой, послѣ обновленія, совпало съ назначеніемъ Θеогноста на кіевскую митрополичью каѳедру. Кіевскою епархіей Θеогностъ управлялъ съ 13 августа 1900 года до 22 января 1903 г. Не смотря на свой преклонный возрастъ и ослабленное здоровье, Θеогностъ въ Кіевѣ, какъ и вездѣ раньше, старался все дѣлать самъ, при чемъ послѣ окончанія широкихъ начинаній своего предшественника, обращалъ особенное вниманіе на церковно-приходскія школы, внушая духовенству необходимость заведенія не только мужскихъ, но и женскихъ школъ. Посреди занятій 21 января 1903 г. въ С.-Петербургѣ Θеогностъ и скончался. 21) *Флавіанъ* (*въ мірѣ Николай Николаевичъ*) *Городецкій*, нынѣ управляющій кіевскою епархіей съ 1 февраля 1903 года, происходитъ изъ дворянъ орловской губерніи, родился въ 1840 г.; первоначальное образованіе получилъ въ орловской Гимназіи, откуда поступилъ въ московскій Университетъ на юридическій факультетъ. Обладая отъ природы выдающимися способностями, онъ съ жаромъ принялся за изученіе наукъ избраннаго имъ факультета, усердно слушалъ лекціи про-

Высокопреосвященный

Флавіанъ,

Митрополитъ Кіевскій и Галицкій.

фессоровъ и въ то же время съ искреннею вѣрой и глубокимъ смиреніемъ исполнялъ всѣ христіанскія обязанности. Глубокая религіозная настроенность и искреннее стремленіе къ возможному осуществленію высшаго идеала христіанской жизни располагали молодого студента, при мысли о своей будущности, къ предпочтенію иночества предъ мірскою жизнію. Посему, выйдя изъ Университета до окончанія курса, онъ въ апрѣлѣ 1861 г. поступилъ въ Николаевскій Пѣсношскій монастырь, московской епархіи, откуда потомъ перешелъ въ московскій Симоновъ монастырь и здѣсь 10 декабря 1863 г. былъ опредѣленъ въ число штатныхъ послушниковъ, а 17 февраля 1866 г. принялъ монашество и 18 февраля былъ посвященъ во іеродіакона. Въ 1867 г. былъ перемѣщенъ въ Спасо-Преображенскій монастырь въ г. Казани и здѣсь 9 апрѣля того же года былъ рукоположенъ въ іеромонаха. Въ 1868 г. былъ причисленъ къ братству таврическаго архіерейскаго дома. Во время служенія въ симферопольской епархіи, онъ исправлялъ различныя порученія начальства: совершалъ богослуженіе и христіанскія требы въ Ѳедоро-Стратилатской церкви м. Алушты, ялтинскаго уѣзда, былъ инспекторомъ классовъ и законоучителемъ таврическаго епархіальнаго женскаго Училища (съ 23 марта 1871 г.) и настоятелемъ бахчисарайскаго скита. 6 іюня 1873 года въ жизни владыки произошла важная перемѣна: въ этотъ день онъ былъ назначенъ членомъ Пекинской духовной миссіи. Дѣятельность іеромонаха Флавіана въ этой новой должности была весьма плодотворна, отличаясь истинно апостольскимъ духомъ. Сознавая всю необходимость усвоенія китайскаго языка для успѣшнаго веденія просвѣтительной дѣятельности среди китайцевъ, онъ, тотчасъ по прибытіи въ Пекинъ, со всею ревностію принялся за изученіе китайскаго языка. Довольно скоро овладѣвъ не только устною, но даже и письменною китайскою рѣчью, онъ принялъ на себя, по порученію начальника миссіи, отвѣтственный трудъ перевода на китайскій языкъ книгъ религіозно-нравственнаго содержанія, исполняя въ то же время обязанности священнослужителя при миссіи. Были составлены имъ нѣкоторыя самостоятельныя сочиненія, цѣнныя по содержанію, полезныя въ дѣлѣ просвѣщенія язычниковъ и имѣвшія благотворное значеніе для китайцевъ-христіанъ. Капитальнѣйшимъ же трудомъ іеромонаха Флавіана было приведеніе въ порядокъ оставленныхъ ему архимандритомъ Палладіемъ (Каѳаровымъ) матеріаловъ для китайско-русскаго словаря. 2 января 1879 года іеромонахъ Флавіанъ былъ назначенъ начальникомъ той же Пекинской миссіи, съ возведеніемъ въ санъ архимандрита. Просвѣтительная дѣятельность миссіи съ того времени стала замѣтно возрастать, такъ что не проходило года безъ того, чтобы китайская православная паства не увеличилась на нѣсколько новокрещенныхъ. Благодаря заботамъ начальника миссіи, богослуженіе въ ней стало совершаться на китайскомъ языкѣ. Для большаго успѣха въ миссіонерскомъ дѣлѣ архимандритъ Флавіанъ считалъ необходимымъ имѣть въ числѣ своихъ сотрудниковъ духовныхъ лицъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ. Съ этою цѣлію онъ въ 1882 г. отправлялся лично къ преосв. Николаю въ Японію для предоставленія ему къ рукоположенію достойнаго кандидата на священство изъ китайцевъ. Между тѣмъ десятилѣтніе непрерывные труды и лишенія необходимо требовали отдыха для поправленія ослабленнаго здоровья. 25 октября 1883 г. архимандритъ Флавіанъ испросилъ у Св. Синода увольненіе отъ службы въ Пекинѣ. Китайцы христіане чувствовали, что они болѣе не увидятъ своего духовнаго отца, къ которому подѣтски привязались. Потому они не желали отпускать его отъ себя. Узнавъ о предстоящемъ отъѣздѣ архимандрита Флавіана въ Россію, православные китайцы толпою явились къ нему и умоляли его не оставлять ихъ: Въ то же время они обратились къ русскому посланнику въ Китаѣ съ коллективною просьбою объ оставленіи архимандрита Флавіана у нихъ навсегда;—фактъ особенно примѣчательный, если припомнить обычную непріязнь китайцевъ къ европейцамъ-христіанамъ. Но просьбы православныхъ китайцевъ не могли быть уважены потому, что увольненіе архимандрита Флавіана уже совершилось и ему былъ назначенъ преемникъ. По возвращеніи въ Россію, архимандритъ Флавіанъ вступилъ, согласно своему желанію, въ братство Александро-Невской лавры въ Петербургѣ. Вскорѣ онъ былъ назначенъ епископомъ.

29 января 1885 г. совершилось нареченіе, а 2 февраля была хиротонія архимандрита Флавіана въ епископа аксайскаго, викарія донской епархіи. На Дону владыкѣ Богъ привелъ прослужить весьма недолго, не смотря на то, что онъ заявилъ себя въ теченіи весьма короткаго времени кипучею энергіей, особенно во время объѣздовъ приходовъ обширной епархіи. 29 іюня 1885 г. послѣдовало Высочайшее соизволеніе на перемѣщеніе преосв. Флавіана на каѳедру епископа люблинскаго, викарія холмско-варшавской епархіи. Хорошо узнавшій, по достоинству оцѣнившій и искренно полюбившій его членъ Св. Синода архіепископъ варшавскій Леонтій не усумнился призвать именно его на помощь себѣ въ окраинной епархіи, которая была переполнена бывшими уніатами, недавно обратившимися въ православіе. Архіеп. Леонтій, дѣйствительно, встрѣтилъ въ немъ энергичнаго помощника и наилучшаго исполнителя своихъ начинаній и мѣропріятій въ отношеніи къ такъ наз. упорствующимъ. 14 декабря 1891 г., послѣ назначенія архіеп. Леонтія на каѳедру московской митрополіи, владыка, какъ уже испытанный въ борьбѣ съ полонизмомъ и съ католическою пропагандою въ краѣ, былъ назначенъ епископомъ холмскимъ и варшавскимъ. Къ этому времени онъ уже близко и хорошо зналъ свою епархію. Принятыми имъ мѣрами Флавіанъ въ значительной степени содѣйствовалъ умиротворенію и успокоенію своей паствы. 15 мая 1892 г. онъ былъ возведенъ въ санъ архіепископа, а въ 1895 г. ему былъ пожалованъ орденъ св. Владиміра 2 ст. Въ то же самое время высокопреосв. Флавіанъ принималъ непосредственное и дѣятельное участіе въ высшемъ церковномъ управленіи, будучи вызываемъ для присутствованія въ Св. Синодѣ (въ 1892 и 1894 гг.). Памятникомъ архипастырской попечительности владыки о церковно-религіозныхъ нуждахъ православнаго населенія Варшавы осталась крестовая Преображенская церковь варшавскаго архіерейскаго дома, на расширеніе и украшеніе которой онъ употребилъ изъ собственныхъ средствъ до 11.000 рублей, за что 2 октября 1893 г. ему была выражена Св. Синодомъ признательность. Управленіе холмско-варшавскою епархіей высокопреосв. Флавіанъ продолжалъ болѣе 6 лѣтъ, послѣ чего онъ былъ призванъ къ руководству церковными дѣлами на другой окраинѣ Россіи. 21 февраля 1898 г. высокопреосв. Флавіанъ былъ назначенъ архіепископомъ карталинскимъ и кахетинскимъ, съ званіемъ члена Св. Синода и экзарха Грузіи, при чемъ ему былъ пожалованъ, при Высочайшемъ рескриптѣ, бриллiантовый крестъ для ношенія на клобукѣ, какъ видимый знакъ особеннаго Монаршаго вниманія къ понесеннымъ владыкою „миссіонерскимъ трудамъ въ Китаѣ, равно какъ и къ многотрудному и многополезному служенію его въ холмско-варшавской епархіи“. Прибывъ въ Тифлисъ, высокопреосв. Флавіанъ, при первомъ своемъ служеніи въ Сіонскомъ каѳедральномъ соборѣ, обратился къ своей новой паствѣ съ воодушевленною рѣчью, въ которой высказалъ свое „горячее желаніе послужить на пользу св. церкви грузинской для спасенія душъ“ своихъ пасомыхъ. Своими трудами на пользу церкви, а также своею отзывчивостію на все доброе, пониманіемъ нуждъ паствы, своею опытностію, доступностію и „умѣніемъ выслушать просителя“ высокопреосв. Флавіанъ въ самое короткое время успѣлъ снискать себѣ въ Грузіи уваженіе и любовь. Яркимъ выраженіемъ этихъ чувствъ духовенства и паствы грузинской явилось поднесеніе ими своему экзарху 18 февраля 1899 года, по случаю его тезоименитства, иконы Божіей Матери, покровительницы Грузіи, съ лампадою для нея, и адреса. Въ то же самое время полезная и выдающаяся дѣятельность высокопреосв. Флавіана въ Грузіи вызвала достойную оцѣнку со стороны общества и высшей власти. Въ 1898-99 гг., высокопреосв. Флавіанъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Духовныхъ Академій—казанской и с.-петербургской, а 6 мая 1900 г. былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго съ грамотою. Служеніе высокопреосв. Флавіана на грузинской каѳедрѣ было, однако же, весьма непродолжительно: 10 ноября 1901 г. онъ былъ назначенъ архіепископомъ харьковскимъ и ахтырскимъ вмѣсто скончавшагося архіепископа Амвросія (Ключарева), съ оставленіемъ притомъ въ званіи члена Св. Синода. Во главѣ харьковской епархіи высокопреосв. Флавіанъ стоялъ также недолго:—всего 14 мѣсяцевъ, но и за это короткое время владыка снискалъ себѣ въ Харьковѣ любовь и

уваженіе въ средѣ какъ духовенства, такъ и паствы, что особенно ярко обнаружилось во время прощанія его съ харьковскою паствой. Въ бытность свою харьковскимъ архіепископомъ, высокопреосв. Флавіанъ 28 декабря 1902 г. благословилъ, между прочимъ, доброе начало „учрежденія въ Харьковѣ религіозно-просвѣтительнаго общества"; результатомъ этого добраго начинанія были организація особенныхъ проповѣдническихъ кружковъ для веденія религіозно-просвѣтительныхъ чтеній въ различныхъ пунктахъ г. Харькова и выработка устава братства. Въ бытность свою харьковскимъ архіепископомъ, 8 декабря 1902 г. высокопреосв. Флавіанъ былъ избранъ и утвержденъ въ званіи почетнаго члена кіевской Духовной Академіи. Между тѣмъ 21 января 1903 г. скончался въ С.-Петербургѣ кіевскій митрополитъ Θеогностъ. 25—27 января высокопреосв. Флавіанъ, по порученію Св. Синода, совершилъ погребеніе почившаго кіевскаго архипастыря. Уже въ это время духовенство кіевской епархіи и вся вообще кіевская паства выражали горячее желаніе имѣть своимъ архипастыремъ высокопреосв. Флавіана, насладившись величественнымъ совершеніемъ имъ богослуженія. Желаніе кіевской паствы исполнилось,—и 1 февраля 1903 г. высокопреосв. Флавіанъ былъ назначенъ митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ и священно-архимандритомъ Кіево - Печерской Успенской лавры. Дѣятельность владыки по управленію кіевскою епархіей на глазахъ у всѣхъ. Она отличается тѣми же качествами, какія явилъ владыка во время прежняго продолжительнаго своего служенія въ различныхъ мѣстахъ нашего отечества. Съ рѣдкою доступностію, гуманностію и добротою соединяются въ этой дѣятельности твердость и полное безпристрастіе. Особенное вниманіе высокопреосв. Флавіанъ обратилъ на состояніе сектантства въ кіевской епархіи и на дѣятельность мѣстной миссіи. Между прочимъ, въ 1904 г. имъ, съ разрѣшенія Св. Синода, учрежденъ особый миссіонерскій комитетъ, который, подъ личнымъ предсѣдательствомъ и руководствомъ архипастыря направляетъ дѣятельность миссіи не столько мѣрами бюрократическими — циркулярами, указами и взысканіями, сколько общимъ обсужденіемъ мѣръ лучшаго содѣйствія духовенству путемъ изданія и разсылки брошюръ, листковъ и т. п. Обращено также вниманіе и на усиленіе надзора за дѣятельностію приходскаго духовенства, съ каковою цѣлію значительно увеличенъ составъ благочинническаго института и уменшенъ объемъ благочинническихъ округовъ. Въ изданныхъ чрезъ посредство консисторіи и особенно миссіонерскаго комитета распоряженіяхъ своихъ, равно какъ и въ опубликованномъ 1 сентября 1905 года окружномъ посланія къ духовенству кіевской епархіи, высокопреосв. Флавіанъ преподалъ цѣлый рядъ практическихъ указаній и совѣтовъ, касательно пастырской дѣятельности духовенства кіевской митрополіи—епархіи, въ виду быстро и сильно измѣнившихся условій жизни и положенія православной церкви въ нашемъ отечествѣ. За свою продолжительную ревностную службу высокопреосв. Флавіанъ 6 мая 1906 г. награжденъ знакомъ ордена св. Александра-Невскаго съ брилліантовыми украшеніями.

Викаріатства кіевской епархіи. Вопросъ о викаріатствѣ въ кіевской епархіи былъ возбужденъ очень рано, въ самомъ началѣ существованія кіевской митрополіи—епархіи. Уже второй кіевскій митрополитъ, послѣ образованія кіевской епархіи, Варлаамъ Ясинскій началъ хлопотать о назначеніи ему помощника. Послѣ долгихъ переговоровъ и переписокъ съ московскимъ правительствомъ, въ 1700 г. былъ назначенъ Варлааму Ясинскому помощникъ въ лицѣ *Захаріи Корниловича*, который получилъ наименованіе коадъютора и долженъ былъ жить въ Переяславлѣ—Полтавскомъ. Впрочемъ, какъ Захарій Корниловичъ, такъ и его преемникъ Кириллъ Шумлянскій (съ 1715 г.) не были въ собственномъ смыслѣ слова викаріями, такъ какъ они пользовались въ извѣстныхъ отношеніяхъ большею самостоятельностію, чѣмъ настоящіе викаріи, и жили внѣ Кіева и далеко отъ него. Въ скоромъ времени переяславское коадъюторство и совсѣмъ отдѣлилось отъ кіевской митрополіи—епархіи, составивъ особую самостоятельную епархію. Только уже въ 80-хъ годахъ XVIII в. снова было возстановлено переяславское коадъюторство, но съ особою цѣлію. Переяславскій коадъюторъ (знаменитый Викторъ Садковскій) долженъ былъ завѣдывать заграничною частію кіевской епархіи—митропо-

поліи, или, точнѣе говоря,—всѣми переяславскими монастырями и церквами, находившимися въ Польшѣ. Въ теченіи конца XVII в. и всего XVIII в. кіевскіе митрополиты пользовались помощію и услугами греческихъ іерарховъ, которые почти постоянно проживали въ Кіевѣ и помогали кіевскимъ митрополитамъ тѣмъ, что совершали богослуженія и—особенно—рукополагали ставленниковъ.

Первое викаріатство въ кіевской митрополіи—епархіи было учреждено въ 1799 г. съ именемъ *чигиринскаго*. Впослѣдствіи были учреждены въ Кіевѣ еще два викаріатства:—въ 1874 г. *уманьское* и въ 1884 г. *каневское*. Долгое время *чигиринское* викаріатство было неразрывно соединено съ настоятельствомъ въ *Кіево-Михайловскомъ* монастырѣ, а *уманьское* съ настоятельствомъ въ *Кіево-Братскомъ* монастырѣ. Теперь іерархическое положеніе кіевскихъ викаріевъ не связано ни съ наименованіемъ, ни съ мѣстопребываніемъ ихъ. Распредѣленіе занятій между кіевскими викаріями по управленію епархіею устанавливается кіевскимъ митрополитомъ.

Чигиринское викаріатство занимали слѣдующіе епископы: 1) *Ѳеофанъ Шіяновъ* (1800—1807 г.), бывшій впослѣдствіи полтавско - переяславскимъ епископомъ († 1811 г.). 2) *Ириней Фальковскій* (1807—1823 г.); въ 1812 г. онъ былъ назначенъ смоленскимъ епископомъ, но скоро возвратился, по собственному желанію, на чигиринское викаріатство, на которомъ и оставался до самой своей смерти [см. „Энц.“ V, 1023—1024]. 3) *Аѳанасій Протопоповъ* (1823—1826 г.), бывшій впослѣдствіи тобольскимъ архіепископомъ († 1842 г.). 4) *Мелетій Леонтовичъ* (1826—1828 г.), скончавшійся 29 февраля 1841 г. въ санѣ харьковскаго архіепископа. 5) *Кириллъ Куницкій* (1828—1835 г.), скончавшійся на покоѣ 16 апрѣля 1836 г. 6) *Владиміръ Алавдинъ* (1835—1836 г.), бывшій впослѣдствіи тобольскимъ архіепископомъ († 20 мая 1845 г.). 7) *Иннокентій Борисовъ* (1836—1841 г.), скончавшійся въ 1858 г. въ санѣ архіепископа херсонскаго и таврическаго [см. „Энц.“ V, 954—962]. 8) *Іеремія Соловьевъ* (1841—1843), впослѣдствіи бывшій нижегородскимъ епископомъ и скончавшійся въ 1868 г. на покоѣ [см. „Энц.“ VI, 311—312]. 9) *Варлаамъ Успенскій* (1843—1845 г.), впослѣдствіи бывшій тобольскимъ архіепископомъ и скончавшійся на покоѣ въ Бѣлгородѣ, курской губерніи. 10) *Аполлинарій Вигилянскій* (1845—1853 г.), скончавшійся въ Кіевѣ чигиринскимъ викаріемъ. 11) *Антоній Амфитеатровъ* (1858—1859 г.), скончавшійся (8 ноября 1870 г.) въ санѣ казанскаго архіепископа [см. „Энц.“ I, 889—891]. 12) *Серафимъ Аретинскій* (1859—1865 г.), скончавшійся въ санѣ воронежскаго архіепископа [см. „Энц.“ III, 846]. 13) *Порфирій Успенскій* (1865—1877 г.), скончавшійся (въ 1885 г.) въ званіи настоятеля моск. Новоспасскаго ставропигіальнаго монастыря. 14) *Іоаннъ Ждановъ* (1878—1883 г.), скончавшійся 14 января 1883 г. въ званіи чигиринскаго епископа въ Кіевѣ. 15) *Виталій Іосифовъ* (1883—1885 г.), скончавшійся въ Кіево-Троицкомъ монастырѣ во время управленія калужскою епархіею. 16) *Іеронимъ Экземплярскій* (1885—1890 г.), скончавшійся въ 1905 г. архіепископомъ варшавскимъ. 17) *Ириней Орда* (1890—1892 г.), скончавшійся въ 1894 г. въ санѣ орловскаго епископа. 18) *Іаковъ Пятницкій* (1892—1898 г.), нынѣ архіепископъ ярославскій [см. въ Очеркѣ кишиневской епархіи выше стлб. 530]. Всѣ вышепоименованные епископы съ званіемъ чигиринскихъ викаріевъ соединяли настоятельство въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ. 19) *Димитрій Ковальницкій* (1898—1902 г.), нынѣ архіепископъ херсонскій и одесскій, до назначенія своего чигиринскимъ викаріемъ бывшій профессоромъ (1867—1895 г.) и инспекторомъ (1895—1898 г.) кіевской Духовной Академіи. 20) *Платонъ Рождественскій* (съ 1902 г. до 7-го іюня 1907 г.), уроженецъ курской губерніи; окончилъ курсъ въ курской Дух. Семинаріи (въ 1886 г.), послѣ чего 4 года былъ сельскимъ священникомъ въ родной епархіи; овдовѣвъ, поступилъ (въ 1891 г.) въ кіевскую Дух. Академію, по окончаніи курса въ которой, былъ оставленъ профессорскимъ стипендіатомъ для приготовленія къ занятію каѳедры въ Академіи, 1896—1898 г. былъ и. д. доцента, 1898—1902 г. инспекторомъ и профессоромъ въ званіи архимандрита и съ 1902 г. ректоромъ Академіи въ званіи чигиринскаго епископа, второго викарія кіев-

ской митрополіи - епархіи. Преосвященные чигиринскіе — Димитрій Ковальницкій и Платонъ Рождественскій соединяли съ званіемъ чигиринскаго викарія настоятельство въ Кіево-Братскомъ монастырѣ и ректорство въ Академіи. Онъ издавалъ съ 1906 г. журналъ „Церковь и Народъ". 7-го іюня 1907 г. преосвящ. Платонъ назначенъ архіепископомъ Сѣверо-Американскимъ. 21) 3 января 1908 года второй викарій, епископъ уманьскій *Агапитъ*, сдѣланъ первымъ викаріемъ и наименованъ чигиринскимъ, что было вполнѣ согласно съ вѣковою традиціею, въ силу которой первый кіевскій викарій всегда именовался чигиринскимъ и былъ настоятелемъ Кіевскаго Златоверхо-Михайловскаго монастыря. 16 сентября 1908 г. преосв. Агапитъ назначенъ епископомъ владикавказскимъ и моздокскимъ. 22) 14 октября 1908 г. первымъ викаріемъ кіевской епархіи, епископомъ чигиринскимъ и настоятелемъ Кіевскаго Златоверхо-Михайловскаго монастыря назначенъ вдовый протоіерей каѳедральнаго Кіево-Софійскаго собора Павелъ Григорьевичъ Преображенскій, съ принятіемъ монашества и съ оставленіемъ прежняго имени *Павла*. Онъ—сынъ священника ярославской епархіи, род. въ 1843 г., въ 1869 г. окончилъ курсъ кіевской Дух. Академіи съ званіемъ кандидата богословія, былъ и. д. секретаря кіев. Дух. Академіи 1869—1870 г., преподавателемъ кіев. Дух. Семинаріи 1870—1889 г., священникомъ Кіево-Подольской церкви св. Николая Добраго 1883—1903 г., съ 1888 г. протоіерей, состоялъ благочиннымъ кіево - подольскихъ церквей 1885—1892 г., членомъ кіевской духовной консисторіи 1892—1908 г., законоучителемъ кіево-подольской женской гимназіи вѣдомства Императрицы Маріи съ 1889 г., каѳедральнымъ протоіереемъ Кіево-Софійскаго собора 1903—1908 г. и членомъ многихъ обществъ просвѣтительныхъ и благотворительныхъ въ г. Кіевѣ, имѣетъ знаки отличія до ордена св. Анны 1 ст. (1906 г.) включительно. Хиротонисанъ во епископа 26 октября 1908 года въ С.-Петербургѣ.

Уманьскими викаріями кіевской митрополіи-епархіи были слѣдующіе епископы: 1) *Филаретъ Филаретовъ* (1874 — 1878 г.), бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ и ректоромъ кіевской Дух. Академіи, скончался въ званіи рижскаго епископа 23 февраля 1883 г. 2) *Михаилъ Лузинъ* (1878—1883 г.), бывшій также и ректоромъ кіевской Дух. Академіи, а передъ тѣмъ долгое время (1859—1878 г.) служившій въ московской Дух. Академіи въ званіи баккалавра, профессора, инспектора и ректора; онъ имѣлъ высшую степень доктора богословія и извѣстенъ многими учено-богословскими трудами, въ особенности „Толковымъ евангеліемъ"; † 1887 г. въ званіи курскаго епископа. Филаретъ Филаретовъ и Михаилъ Лузинъ съ званіемъ уманьскихъ епископовъ соединяли настоятельство въ Кіево-Братскомъ монастырѣ. 3) *Поликарпъ Розановъ* (1884—1888 г.), скончавшійся въ званіи епископа екатеринбургскаго и ирбитскаго [см. „Энц". V, 346—347]. 4) *Ириней Орда* (1888—1890 г.), переименованный въ 1890 г. въ епископа чигиринскаго и скончавшійся епископомъ орловскимъ. 5) *Іаковъ Пятницкій* (1890—1892 г.), переименованный въ 1892 г. въ епископа чигиринскаго и служащій нынѣ въ санѣ ярославскаго архіепископа. 6) *Анатолій* (1892—1883 г.), скончавшійся на покоѣ въ московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ. 7) *Іоанникій Надеждинъ* (1893—1896 г.), скончавшійся на покоѣ въ Кіево-Печерской лаврѣ (см. о немъ „Энц." I, 1097 — 1099). 8) *Сергій Ланинъ* (1896—1902 г.), скончавшійся въ санѣ ярославскаго архіепископа 5 августа 1904 г. и оставившій по себѣ добрую память въ Кіевѣ своею энергичною дѣятельностію на пользу епархіи. 9) *Агапитъ Вишневскій* съ 7 апрѣля 1902 г. (см. выше стлб. 621). Съ 1883 г. до 1898 г. уманьскіе викаріи были настоятелями Кіево-Никольскаго Пустыннаго монастыря, а съ 1898 г. они управляли Кіево-Михайловскимъ монастыремъ. 10) 3 января 1908 г. вторымъ викаріемъ кіевской епархіи, епископомъ уманьскимъ и настоятелемъ Кіево-Братскаго Богоявленскаго монастыря назначенъ преосвящ. *Ѳеодосій Олтаржевскій*, избранный 19 декабря 1907 г. совѣтомъ кіевской Дух. Академіи ректоромъ сей послѣдней. Онъ—сынъ протоіерея кіевской епархіи, род. 1 дек. 1857 г., окончилъ въ кіевской Дух. Акад. 1893 г., былъ учителемъ уманьскаго Дух. Училища 1893—1895 г., 1895 г. постриженъ въ монашество въ Кіево-Печерской лаврѣ,

14 сент. 1895 г. іеромонахъ, 5 дек. 1895 г. смотритель кіево-подольскихъ Дух. училищъ, 1898 г. инспекторъ кіевск. Дух. Сем., 1899 г. ректоръ волынск. Дух. Сем. и архимандритъ, 1900 г. магистръ богословія, 1901 г. ректоръ кіевск. Дух. Сем., 4—30 ноября 1903 г. епископъ елисаветградскій, викарій херсонск. еп., 18 іюля 1905 г. епископъ чистопольскій, первый викарій казанской епархій. 27 авг. 1905 года, согласно прошенію, по болѣзненному состоянію, уволенъ на покой, впредь до выздоровленія, съ назначеніемъ мѣстопребыванія ему въ Григоріево-Бизюковомъ монастырѣ херсонской епархіи, въ декабрѣ 1905 г. епископъ прилуцкій, викарій полтавской епархіи. 6 мая 1908 г. награжденъ орденомъ св. Анны 1 ст.

Каневское викаріатство кіевской митрополіи-епархіи со времени его учрежденія занялъ 1) преосвященный *Сильвестръ* (*въ мірѣ Стефанъ Васильевичъ*) *Малеванскій* (1885—1905 г.). Сынъ священника волынской епархіи, преосв. Сильвестръ родился 9 января 1828 г. и получилъ образованіе въ волынской Духовной Семинаріи, полный курсъ которой, съ званіемъ студента, окончилъ въ 1847 г. Въ слѣдующемъ году онъ былъ опредѣленъ священникомъ въ село волынской епархіи и служилъ до 1852 года; овдовѣвъ, въ 1853 г. поступилъ въ кіевскую Дух. Академію, гдѣ въ 1857 г. окончилъ курсъ первымъ магистромъ и тогда же былъ опредѣленъ на службу въ родной Академіи въ званіи учителя богословскихъ наукъ. Дальнѣйшая служба преосв. Сильвестра протекала въ одной родной Академіи, въ которой онъ занималъ послѣдовательно должности баккалавра, экстраординарнаго профессора, инспектора, ординарнарнаго профессора и, наконецъ, съ 1883 г. ректора Академіи. Въ 1862 г. онъ былъ возведенъ въ санъ архимандрита, а 20 января 1885 г. былъ хиротонисанъ въ санъ епископа каневскаго, какимъ назначенъ 22 декабря 1884 г. Въ 1873 г. преосв. Сильвестръ получилъ высшую ученую степень доктора богословія. Преосвящ. Сильвестръ извѣстенъ въ богословской наукѣ весьма многими учеными трудами, изъ которыхъ капитальнѣйшимъ является „Опытъ православно-догматическаго богословія“ въ пяти томахъ. Особенно замѣчательна служба преосв. Сильвестра въ кіевской Духовной Академіи, которой онъ отдалъ большую часть своей многолѣтней жизни (41 годъ) и лучшія силы своего ума. Въ 1898 г. преосв. Сильвестръ уволился отъ должности ректора кіевской Дух. Академіи, оставшись первымъ викаріемъ кіевской митрополіи—епархіи и сохранивъ за собою управленіе Кіево-Пустыннымъ Никольскимъ монастыремъ (съ 1883 г. до 1898 г. онъ управлялъ Кіево-Братскимъ монастыремъ). Преосв. Сильвестръ состоялъ почетнымъ членомъ всѣхъ четырехъ Академій и многихъ другихъ ученыхъ и благотворительныхъ учрежденій въ Россіи. 14 апрѣля 1906 г. преосвящ. Сильвестръ совсѣмъ уволенъ на покой [и проживалъ въ предоставленныхъ ему митрополичьихъ келіяхъ Кіево-Софійскаго каѳедральнаго собора, гдѣ и скончался въ ночь на 12 ноября 1908 г.; см. о немъ брошюру „Памяти Преосвященнаго Сильвестра“, Кіевъ 1909, по оттиску изъ „Трудовъ кіевской Духовной Академіи“ 1909 г., № 1, стр. 136—201). 2) 12 мая 1906 г. на мѣсто Сильвестра Высочайшимъ повелѣніемъ назначенъ епископомъ каневскимъ *Иннокентій Ястребовъ* съ настоятельствомъ въ Кіево-Пустынскомъ Никольскомъ монастырѣ. Уроженецъ астраханской епархіи, онъ кончилъ казанскую Дух. Академію въ 1892 г., а въ 1893 г. опредѣленъ и. д. доцента по каѳедрѣ калмыцкаго языка, въ 1898 г. — по полученіи степени магистра богословія—утвержденъ доцентомъ, въ 1902 г. постриженъ въ монашество и въ 1905 г. возведенъ въ санъ архимандрита].

IV. Статистическій обзоръ. Кіевская епархія занимаетъ *пространство* въ 44.778 квадр. верстъ, *населенія* въ епархіи всего 3.559.229 обоего пола, въ томъ числѣ *православныхъ* до 3.107.256 душъ обоего пола; въ 1904 г. родившихся православныхъ было 161.187, браковъ 25.794, умершихъ 96.653, присоединившихся отъ римско-католичества 73, лютеранства 9, реформатства 4, раскола 40, сектантства 158, еврейства 132; *храмовъ* въ кіевской епархіи всего 1.707, въ томъ числѣ соборныхъ 14 (при нихъ теплыхъ 2), при монастыряхъ мужскихъ 30, при женскихъ 20, приходскихъ одноклирныхъ 1.325, двухклирныхъ 2, трехклирныхъ 1, при казенныхъ и богоугодныхъ заведеніяхъ церквей, имѣющихъ причтъ—30, не имѣющихъ причта—5, домовыхъ 5, кладбищен-

скихъ 11, въ томъ числѣ имѣющихъ причтъ 2 и не имѣющихъ причта 9, ружныхъ 1 (св. Ап. Андрея Первозваннаго въ Кіевѣ), единовѣрческихъ 2 и приписныхъ 135; изъ всего числа храмовъ въ епархіи насчитывается деревянныхъ 1.454 и каменныхъ 251; часовень и молитвенныхъ домовъ 115. *Духовенства* въ кіевской епархіи въ 1904 г. на дѣйствительной службѣ состояло: протоіереевъ 67, священниковъ 1.365, діаконовъ 185, псаломщиковъ 1.398. Въ числѣ показанныхъ священно- и церковно-служителей, окончившихъ полный богословскій курсъ Академіи или Семинаріи было протоіереевъ 67, священниковъ 1.276, діаконовъ 11, и псаломщиковъ 46; остальные получили образованіе частію въ низшихъ классахъ Духовныхъ Семинарій, частію — въ Учительской Семинаріи и уѣздныхъ Духовныхъ Училищахъ, нѣкоторые же, впрочемъ, весьма немногіе — въ церковно-приходскихъ школахъ.

Монашествующаго духовенства въ епархіи въ 1904 г. было всего 1.498 лицъ, изъ нихъ монаховъ 395, послушниковъ 64, монахинь 393 и послушницъ 646; по штату положено монаховъ 106 и монахинь 66.

Школъ церковныхъ въ 1904 г. въ епархіи было 1855 съ 113.802 учащихся (въ томъ числѣ 22.956 дѣвочекъ). Школы распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: церковно-учительская школа 1, второклассныхъ 12, двухклассныхъ 51, одноклассныхъ 1.298, школъ грамоты 493, образцовыхъ 4—при Семинаріи Духовной, при Семинаріи Учительской и при двухъ женскихъ Училищахъ духовнаго вѣдомства.

Церковныхъ библіотекъ: 1 епархіальная, 48 окружныхъ при благочинническихъ округахъ, 1.270 при церквахъ. *Народныхъ библіотекъ-читаленъ* 2.

Больницъ при монастыряхъ было 1 и при церквахъ 1, въ которыхъ содержалось до 1.016 лицъ.

Богадѣленъ было при церквахъ 6, въ которыхъ содержалось до 414 лицъ.

Церковно - приходскихъ попечительствъ въ епархіи было 415, которыя располагали въ теченіи 1904 г. до 52.000 руб., собиравшихся почти исключительно посредствомъ добровольныхъ пожертвованій.

Старообрядцевъ разныхъ согласій въ епархіи было до 12.107 человѣкъ, *сектантовъ—штундистовъ* разныхъ толковъ до 7.026 человѣкъ.

V. Епархіальное управленіе. Кіевская духовная консисторія въ 1904 г. состояла изъ 7 членовъ, изъ нихъ 4 было штатныхъ и 3 сверхштатныхъ. Каждый изъ членовъ завѣдуетъ порученнымъ ему разрядомъ дѣлъ. Подъ начальствомъ секретаря консисторіи находится канцелярія, состоящая изъ 7 столоначальниковъ, казначея, регистратора, архиваріуса и 43 писцовъ, большею частію вольнонаемныхъ. *Благочинныхъ* въ епархіи 79 надъ приходскими церквами и два архимандрита надъ монастырями. *Сотрудниками* благочинныхъ надъ приходскими церквами являются въ каждомъ округѣ: помощникъ благочиннаго, духовный слѣдователь, цензоръ проповѣдей, миссіонеръ и два члена строительнаго комитета, завѣдующаго причтовыми постройками, которыя производятся на казенный счетъ. Кромѣ того, при благочинныхъ кіевской епархіи существуютъ особые *благочиннические совѣты*, учрежденные въ 1868 г. Они состоятъ изъ благочиннаго, какъ предсѣдателя, помощника благочиннаго и одного члена, по выбору духовенства и съ утвержденія архіерея. Благочиннические совѣты занимаются предварительнымъ разсмотрѣніемъ дѣлъ, возникающихъ по взаимнымъ недоразумѣніямъ и жалобамъ членовъ причта другъ на друга (главнымъ образомъ, изъ-за раздѣла доходовъ отъ земельныхъ угодій), провѣряютъ клировыя и исповѣдныя вѣдомости, обыскныя и метрическія книги церквей мѣстнаго округа, назначаютъ пособія вдовамъ и сиротамъ изъ суммъ, находящихся въ распоряженіи епархіальнаго попечительства. Благочинническіе совѣты оказываютъ громадную пользу епархіальной власти въ разрѣшеніи разныхъ сложныхъ и запутанныхъ вопросовъ—преимущественно—матеріальнаго свойства и въ то же время пользуются исключительною любовію со стороны духовенства.

VI. Духовно-учебныя заведенія. Въ кіевской епархіи существуютъ слѣдующія духовно-учебныя заведенія: Духовная Семинарія, 4 мужскія Духовныя Училища и 2 женскихъ. *Кіевская Духовная Семинарія* въ нынѣшнемъ ея устройствѣ и характерѣ получила свое начало съ 1817 года. До того времени въ Кіевѣ существовала одна школа—*Старая Академія*, совмѣщавшая

въ себѣ курсы низшаго, средняго и высшаго образованія. Въ началѣ XIX в. рѣшено было преобразовать всѣ духовныя школы, въ томъ числѣ кіевскую Академію. Эту послѣднюю рѣшено было раздѣлить на три отдѣльныя учебныя заведенія, соотвѣтствующія Училищу, Семинаріи и Академіи, по новому преобразованію. Но сразу эту реформу въ отношеніи кіевской Академіи оказалось трудно провести. Тогда было рѣшено въ 1817 г. преобразовать Семинарію и Училище. Они были помѣщены временно въ зданіяхъ Старой кіевской Академіи. Открытіе преобразованной кіевской Академіи, по разнымъ соображеніямъ, было отложено на два года. Оно состоялось 28 сентября 1819 г., когда Семинарія и Училище были переведены въ зданіе, находившееся на берегу Днѣпра и бывшее извѣстнымъ подъ именемъ „бурсы". Зданіе это было и ветхо и тѣсно. Въ 1832 г. Семинарія была выведена изъ него и помѣщена въ зданіяхъ бывшаго греческаго Петропавловскаго монастыря, каковыя зданія нарочито для этой цѣли были расширены и обновлены. Съ того времени Семинарія оставалась въ означенномъ помѣщеніи до конца XIX в. Но тѣснота зданій и крайнія неудобства, происходившія отъ нахожденія его на базарной (толкучей) площади, давно всѣмъ бросались въ глаза. Съ переходомъ приснопамятнаго митр. Іоанникія на кіевскую каѳедру, онъ обратилъ самое серьезное вниманіе на неудобство зданій Семинаріи, въ которой онъ когда-то служилъ ректоромъ, и задумалъ построить новое (лучшее и на болѣе удобномъ мѣстѣ) зданіе для Семинаріи. По его указанію, духовенство начало производить сборы на задуманную постройку. Митр. Іоанникій благословилъ закладку новаго зданія Семинаріи на возвышенной площади (Кудрявцѣ), принадлежащей кіевскому митрополичьему дому и уступленной епархіальному духовенству въ долгосрочную аренду, но не дожилъ до окончанія постройки зданія. Главный трудъ по устройству этого послѣдняго вынесъ на своихъ плечахъ сотрудникъ почившаго митрополита также почившій преосв. Сергій (Ланинъ), бывшій тогда уманьскимъ епископомъ, викаріемъ кіевской епархіи. Кіевская Семинарія—одна изъ многолюдныхъ въ Россіи; она имѣетъ параллельныя отдѣленія при всѣхъ 6 классахъ. При Семинаріи для вспомоществованія бѣднымъ воспитанникамъ существуетъ Петропавловское братство, поддерживаемое добровольными взносами епархіальнаго духовенства.

Кіево - подольское Духовное Училище получило начало одновременно съ Духовною Семинаріей, т. е. 27 октября 1817 г. До осени 1891 г. оно помѣщалось въ зданіяхъ Старой кіевской Академіи вмѣстѣ съ преобразованною кіевскою Духовною Семинаріей, одновременно съ которою же оно было перемѣщено и въ зданіе на берегу рѣки Днѣпра. Въ этомъ послѣднемъ зданіи оно оставалось до 1902 г., когда, послѣ соединенія его съ богуславскимъ Духовнымъ Училищемъ, оно было помѣщено въ зданіяхъ кіевской Духовной Семинаріи на Подолѣ.

Кіево - софійское Духовное Училище образовалось посредствомъ выдѣленія его изъ Кіево-подольскаго Духовнаго Училища. Главною причиной этого выдѣленія послужила крайняя тѣснота зданій, въ какихъ должно было помѣщаться кіевское Духовное Училище. Въ 1837 г. рѣшено было половину этого училища выдѣлить въ особое помѣщеніе, какимъ было избрано зданіе, находящееся около Софійскаго каѳедральнаго собора и построенное кіевскимъ митрополитомъ Арсеніемъ Могилянскимъ въ 1763—1767 г. Домъ, въ которомъ было помѣщено Кіево-софійское Духовное Училище, первоначально предназначался для монашескихъ келій и въ немъ помѣщался штатъ митрополичьяго дома. Но когда митр. Филаретъ Амфитеатровъ избралъ для себя постоянное мѣстожительство въ лаврѣ, то домъ этотъ оставался свободнымъ и былъ уступленъ митрополитомъ для Училища. Въ немъ впослѣдствіи были произведены значительныя передѣлки, но не смотря на это, зданіе не можетъ быть признано вполнѣ удовлетворяющимъ своему нынѣшнему назначенію.

Училища *черкасское, уманьское и богуславское* были открыты въ 1818 г. Два первыя изъ нихъ и доселѣ существуютъ въ уѣздныхъ городахъ кіевской губерніи—Черкассахъ и Умани, отъ которыхъ получили и названіе свое. Богуславское же Духовное Училище, существовавшее до 1902 г. въ мѣст. Богуславѣ, каневскаго уѣзда, въ этомъ послѣднемъ году, какъ сказано было раньше, соединено съ Кіево-

подольскимъ Дух. Училищемъ и переведено въ Кіевъ. Зданія его остаются пока свободными и предназначаются для *епархіальной богадѣльни*, которую рѣшено устроить въ память митр. Іоанникія и на устройство которой собрано уже болѣе 120.000 руб. денегъ.

Женскія училища духовнаго вѣдомства. Въ кіевской епархіи существуютъ два женскія Училища, которыя оба находятся въ г. Кіевѣ и предназначаются для воспитанія дочерей духовенства кіевской епархіи. Они образовались путемъ раздѣленія одного Духовнаго Училища, которое существовало въ Кіевѣ первоначально. Это послѣднее Училище было открыто 15 октября 1861 г., при живомъ и главномъ участіи извѣстнаго каѳедральнаго протоіерея І. М. Скворцова. Одно помѣщалось первоначально въ соборномъ Кіево-софійскомъ домѣ, откуда въ 1863 г. было переведено въ Липки, въ зданіе, которое нѣкогда принадлежало Кіево-Печерской лаврѣ, а потомъ поступило въ вѣдѣніе гражданскаго начальства и служило помѣщеніемъ для первой кіевской Гимназіи, а въ 1862 г. снова было уступлено духовному вѣдомству подъ Училище для дѣвицъ духовнаго званія. Перестроенное и обновленное въ 1862—1863 г., зданіе Училища вмѣстѣ съ церковью было освящено 22 сентября 1863 г., а въ 1865 г. расширено. Со времени своего открытія Училище было принято подъ покровительство Императрицы Маріи Александровны и въ 1866 г. получило уставъ, которымъ опредѣлялись права учащихъ и учащихся. Съ теченіемъ времени зданіе Училища сдѣлалось замѣтно тѣснымъ, по причинѣ наплыва ученицъ. Въ виду этого отъ Училища были отдѣлены параллельные классы, помѣщенные въ особо выстроенномъ зданіи на усадьбѣ бывшей Васильевской (Трехсвятительской) приходской церкви. Со временемъ эти параллельные классы совершенно отдѣлились отъ основныхъ и образовали самостоятельное учрежденіе. До 1893 г. управленіе женскими Училищами духовнаго вѣдомства носило въ значительной степени домашній, неустановившійся характеръ. На это обратилъ вниманіе почившій митр. Іоанникій, по инціативѣ котораго Училища были преобразованы въ 1893 г. по общему плану, съ тою только особенностію, что кіевскія женскія Училища духовнаго вѣдомства остались по прежнему подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Императрицы. Оба Училища теперь имѣютъ благоустроенныя зданія, одинаковое управленіе въ видѣ особаго училищнаго совѣта и (въ послѣднее время) 7-классные курсы обученія.

VII. Просвѣтительныя, благотворительныя и взаимовспомогательныя епархіальныя учрежденія. а) Во главѣ просвѣтительно-благотворительныхъ учрежденій кіевской епархіи, по справедливости, должно быть поставлено *Свято-Владимірское братство.* Это братство, подобно древнимъ православнымъ западнорусскимъ братствамъ, учреждено было съ цѣлію противодѣйствія латино-польской пропагандѣ въ Юго-Западномъ краѣ Россіи, такъ энергично заявившей себя въ концѣ 50-хъ и въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ XIX в. Положительною задачей его было содѣйствіе успѣхамъ православія и церковно-народнаго образованія въ Юго-Западномъ краѣ. Свято-Владимірское братство было открыто 15 іюля 1864 г. Благодаря энергичной дѣятельности своихъ первыхъ членовъ, оно скоро привлекло живое сочувствіе общества къ себѣ, собрало обширный кругъ членовъ и жертвователей и открыло свою дѣятельность въ широкихъ размѣрахъ, по возможности удовлетворяя самымъ разнообразнымъ нуждамъ преимущественно Юго-Западнаго края въ духѣ основной своей идеи. Братство заботилось о поддержаніи и преуспѣяніи возникшихъ тогда церковно-приходскихъ школъ, снабжая ихъ книгами и другими учебными принадлежностями, заводя при школахъ библіотеки, помогая учителямъ и т. п.; братство оказывало пособіе бѣднѣйшимъ церквамъ утварью и другими церковными принадлежностями, заботилось объ открытіи церковно-приходскихъ братствъ, объ искорененіи пьянства, помогало иновѣрцамъ, желавшимъ принимать православіе. Съ теченіемъ времени эта широкая благотворительная дѣятельность братства стала постепенно сокращаться. Въ послѣдніе годы вниманіе братства сосредоточилось на устройствѣ и поддержаніи братской школы и пріюта, равно какъ и на содѣйствіи евреямъ и другимъ иновѣрцамъ, при принятіи ими православія, денежными пособіями, помѣщеніемъ готовящихся къ кре-

щенію въ пріютѣ и обученіемъ ихъ молитвамъ и догматамъ православной церкви. При братствѣ существуетъ епархіальная библіотека, начало которой въ 1896 году положилъ бывшій каѳедральный протоіерей П. Г. Лебединцевъ пожертвованіемъ своей библіотеки. Братство содержитъ также читальню, ведетъ религіозно-нравственныя чтенія по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, издаетъ и распространяетъ въ народѣ поучительные листки путемъ безплатной раздачи и разсылки. При содѣйствіи Владимірскаго братства, въ 1904 г. были обращены въ православіе: 66 евреевъ, 4 магометанина и, кромѣ того, присоединены къ православію: 3 греко-уніата, 13 католиковъ, 2 лютеранина, 5 поповцевъ, 2 безпоповца и 1 молоканинъ. Братство имѣетъ собственный домъ, въ которомъ помѣщаются всѣ вышеуказанныя учрежденія его.

б) *Религіозно-просвѣтительное общество*, возникшее въ 1893 году, по примѣру петербургскаго такого же общества. Главною задачей религіозно-просвѣтительнаго общества служитъ распространеніе просвѣщенія среди народа въ духѣ православной вѣры, равно какъ и содѣйствіе къ вразумленію заблуждающихся (сектантовъ) и, по возможности, возвращенію ихъ въ православіе. Мысль объ учрежденіи въ Кіевѣ религіозно-просвѣтительнаго общества съ такими задачами первоначально возникла въ небольшомъ кружкѣ мѣстныхъ священниковъ, сознавшихъ недостаточность раздѣльной церковно-просвѣтительной дѣятельности пастырей и находившихъ необходимымъ создать изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ такое общество, которое бы путемъ внѣбогослужебныхъ собесѣдованій, чтеній въ разныхъ пріютахъ, мастерскихъ, ночлежныхъ домахъ сообщало народу здравыя и истинно-христіанскія понятія о вѣрѣ и нравственности. Мысль эта получила полное одобреніе и благословеніе митр. Іоанникія, а также весьма сочувственно была встрѣчена бывшимъ тогда кіевскимъ генералъ-губернаторомъ гр. А. П. Игнатьевымъ и лучшимъ кіевскимъ обществомъ. При такихъ счастливыхъ условіяхъ, общество было открыто въ 1893 г. и сразу же завоевало широкія симпатіи въ Кіевѣ своею энергичною и благотворною дѣятельностію. Величайшую поддержку юному обществу оказала и кіевская Духовная Академія въ лицѣ славныхъ своихъ профессоровъ — И. И. Малышевскаго († 1897 г.), В. Ѳ. Пѣвницкаго, А. А. Дмитріевскаго и др. Кіевская же Духовная Академія дала обществу и двухъ предсѣдателей—бывшаго профессора протоіерея І. Н. Королькова и преосв. Платона, б. епископа чигиринскаго, ректора Академіи, нынѣ архіеп. С.-Американскаго. Расцвѣтъ дѣятельности общества падаетъ на время предсѣдательства въ немъ преосвящ. Сергія, бывшаго епископа уманьскаго, викарія кіевской епархіи. Въ теченіи своего 12-лѣтняго существованія общество, кромѣ веденія противосектантскихъ собесѣдованій, публичныхъ богословскихъ чтеній для образованной публики и церковныхъ бесѣдъ для простого народа, построило еще храмъ и школу въ одной изъ отдаленнѣйшихъ и малокультурныхъ частей г. Кіева—Юрковицѣ и собственный величественный домъ съ церковію и обширнымъ заломъ для чтеній, освященный 17 октября 1903 г.

в) *Кіевскій Комитетъ Православнаго миссіонерскаго Общества* открытъ 14 сентября 1870 г. Комитетъ имѣетъ своею задачей оказывать матеріальную помощь россійскимъ православнымъ миссіямъ въ дѣлѣ обращенія живущихъ въ предѣлахъ Россіи нехристіанъ въ православную вѣру и утвержденія обращенныхъ въ истинахъ ея и въ правилахъ христіанской жизни. Значительное денежное пособіе Комитетъ оказываетъ кіевскому Св.-Владимірскому братству на миссіонерскія нужды его. Комитетъ во всемъ дѣйствуетъ по указаніямъ и распоряженіямъ „Православнаго Всероссійскаго Миссіонерскаго Общества". Ближайшее завѣдываніе дѣлами Комитета сосредоточено въ особомъ распорядительномъ совѣтѣ, предсѣдателемъ котораго состоитъ митрополитъ кіевскій (Флавіанъ), а товарищемъ — преосв. викарій (Агапитъ, епископъ чигиринскій).

г) *Кіевскій Отдѣлъ Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества* открытъ 6 декабря 1902 г. съ цѣлію оказывать матеріальную помощь „Палестинскому Обществу" въ его заботахъ о поддержаніи православія въ Св. Землѣ и о распространеніи просвѣщенія въ духѣ православной церкви среди бѣднаго населенія православныхъ арабовъ. Кіевскимъ Ко-

митетомъ за короткое время его существованія собраны довольно значительныя денежныя пожертвованія на это доброе дѣло, организованы во многихъ мѣстахъ кіевской епархіи чтенія о православномъ Востокѣ, которыми въ самомъ Кіевѣ завѣдуетъ особая коммиссія. Отдѣлъ имѣетъ свою небольшую библіотеку, которая помѣщается въ читальнѣ кіевскаго Св.-Владимірскаго братства. Предсѣдателемъ отдѣла состоитъ митрополитъ кіевскій (Флавіанъ), а товарищемъ одинъ изъ преосвященныхъ викаріевъ его.

д) *Кіевскій Отдѣлъ Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III* открытъ 14 марта 1902 г. и съ того времени ежегодно устраиваетъ торжественныя публичныя собранія съ чтеніями въ память императора Александра III, привлекающими многочисленную публику. Отдѣлъ владѣетъ небольшою безплатною библіотекой, которая помѣщается въ читальнѣ кіевскаго Св.-Владимірскаго братства. Почетнымъ предсѣдателемъ отдѣла состоитъ митрополитъ кіевскій (Флавіанъ), дѣйствительнымъ — одинъ изъ его викаріевъ.

е) *Епархіальное попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія.* Дѣлами его завѣдуетъ комитетъ изъ 4 священниковъ подъ предсѣдательствомъ одного изъ членовъ консисторіи Сотрудниками состоятъ всѣ благочинные епархіи. Оно располагаетъ капиталомъ до 140.000 рублей; въ теченіи 1904 г. поступило въ распоряженіе попечительства до 105.000 рублей, которые почти всѣ и расходовались. Главнымъ источникомъ попечительскихъ средствъ служатъ кружечный сборъ по церквамъ епархіи и добровольныя пожертвованія духовенства по подписнымъ листамъ. Главный предметъ расходовъ попечительства составляетъ выдача денежныхъ ежегодныхъ и единовременныхъ пособій заштатнымъ, больнымъ и пострадавшимъ отъ пожара священно-церковно-служителямъ, а также ихъ вдовамъ и сиротамъ. Сумма спеціальнаго кошельковаго 1% сбора расходовалась исключительно на леченіе въ больницахъ и на призрѣніе въ Кіево-Кирилловскихъ богоугодныхъ заведеніяхъ тяжко и неизлечимо больныхъ священно-церковнослужителей епархіи и членовъ ихъ семействъ. Въ распоряженіи попечительства находится спеціальный капиталъ до 120.000 рублей, образовавшійся изъ 50.000 рублей, пожертвованныхъ митр. Іоанникіемъ въ день 50-лѣтняго юбилея его служенія, и изъ собранной духовенствомъ по этому поводу суммы. Капиталъ спеціально предназначенъ на устройство богадѣльни для престарѣлыхъ и заштатныхъ священно-церковнослужителей, а также вдовъ и сиротъ духовенства. Богадѣльню предполагается помѣстить въ приспособленныхъ для того зданіяхъ бывшаго богуславскаго Духовнаго Училища, съ устройствомъ при ней начальной школы для дѣтей лицъ, которыя будутъ призрѣваться въ пріютѣ.

ж) *Кіевскій епархіальный свѣчной заводъ.* Онъ открытъ былъ въ 1890 г. съ цѣлію снабженія церквей епархіи свѣчами изъ чистаго пчелинаго воска по возможно дешевымъ цѣнамъ, а также ради предохраненія дорогихъ иконостасовъ и прочихъ церковныхъ украшеній отъ порчи копотью и дымомъ, которыми отличаются свѣчи, приготовляемыя частными предпринимателями изъ разныхъ суррогатовъ воска. Кіевскій епархіальный свѣчной заводъ, долгое время находившійся въ неустойчивомъ положеніи, на твердую почву былъ поставленъ митр. Іоанникіемъ. Съ того времени онъ началъ постепенно развиваться и къ концу жизни митр. Іоанникія достигъ уже того состоянія, въ какомъ находится теперь. Нынѣ заводъ имѣетъ свое помѣщеніе, ежегодно выдаетъ изъ своихъ средствъ довольно значительныя суммы на нужды духовно-учебныхъ заведеній и другихъ учрежденій епархіи и, кромѣ того, уплачиваетъ долгъ епархіи центральному управленію за старое зданіе Семинаріи въ размѣрѣ 212.000 рублей.

з) *Комитетъ по образованію пожарнаго капитала духовенства* кіевской епархіи учрежденъ въ 1893 г., по инціативѣ митр. Іоанникія, съ цѣлію уменьшенія издержекъ по ежегодному страхованію церковныхъ и причтовыхъ зданій, а также для образованія въ будущемъ капитала, процентами съ котораго можно было бы покрывать всѣ убытки отъ пожаровъ въ епархіи, такъ чтобы со временемъ церкви кіевской епархіи могли быть свободны отъ обязательныхъ взносовъ за страхованіе церковныхъ и причтовыхъ зданій. Комитетъ принимаетъ

на страхъ церковныя и причтовыя зданія по слѣдующей весьма умѣренной расцѣнкѣ: 1) по 1 р. — 1 р. 50 к. отъ тысячи за зданія каменныя, крытыя желѣзомъ; 2) по 2 р. — 2 р. 50 к. за деревянныя, крытыя желѣзомъ; 3) по 2 р.—3 р. за деревянныя, крытыя досками, и 4) по 4 р. за деревянныя, крытыя соломой. Комитетъ въ настоящее время располагаетъ капиталомъ до 237.000 рублей.

и) *Взаимовспомогательное общество духовенства кіевской епархіи* открыто въ 1893 г., по иниціативѣ митр. Іоанникія, въ видахъ вспомоществованія заштатнымъ священно-церковнослужителямъ и семействамъ умершихъ членовъ причта. Оно начало свои операціи съ 1 января 1904 г. Въ теченіи 1904 г., при поступленіи 117.611 руб. 81 коп., израсходовано было на выдачу пенсій 91.715 руб. 66 коп. Къ первому января 1905 г. общество располагало капиталомъ въ 285.619 руб. 47 коп. Въ самое послѣднее время при обществѣ открыто спеціальное отдѣленіе—*похоронная касса*, участники которой, за извѣстные взносы, пріобрѣтаютъ право на выдачу ихъ семействамъ опредѣленнаго единовременнаго пособія, въ случаѣ ихъ смерти.

VIII. Монастыри кіевской епархіи.

Въ самомъ Кіевѣ и ближайшихъ къ нему окрестностяхъ находятся слѣдующіе монастыри.

1) *Никольскій Пустынный Слупскій или Столповый*, иначе называемый *монастырь Николая Малаго*,—одинъ изъ древнѣйшихъ монастырей въ Кіевѣ. Онъ находится въ Печерской части г. Кіева, въ недалекомъ разстояніи (около версты) отъ Печерской лавры, на пути отъ этой послѣдней въ г. Кіевъ. Мѣстность, занимаемая теперь монастыремъ, начала освящаться построеніемъ на ней храмовъ Божіихъ, или учрежденіемъ монашескихъ обителей съ самыхъ первыхъ временъ христіанства въ Россіи. По сказанію нашей первоначальной лѣтописи, въ нижней половинѣ нынѣшней монастырской усадьбы, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперъ находится Аскольдова могила и гдѣ, по преданію, Аскольдъ былъ убитъ Олегомъ, нѣкто Олма построилъ храмъ во имя святителя Христова Николая. Нѣкоторые думаютъ, что вблизи этого храма впослѣдствіи св. великою княгиней Ольгою былъ учрежденъ женскій монастырь, гдѣ была пострижена въ монашество мать препод. Ѳеодосія печерскаго. Съ теченіемъ времени на томъ же самомъ мѣстѣ, или рядомъ съ женскою Св.-Николаевскою обителью образовался мужской монастырь во имя святителя Николая. Сохранилось преданіе, что въ 1113 г. кіевскій великій князь Мстиславъ Владиміровичъ, охотясь въ поздній часъ въ той мѣстности, гдѣ нынѣ находится Пустынно-Никольскій монастырь, заблудился въ чащѣ дремучаго лѣса. Разыскивая дорогу, онъ увидѣлъ яркій свѣтъ, который, какъ оказалось, исходилъ отъ образа св. Николая. Образъ этотъ стоялъ на высокомъ пнѣ дерева, у той самой дороги, которую искалъ князь. Въ память этого событія князь построилъ на мѣстѣ явленія образа храмъ во имя св. Николая и при немъ учредилъ мужской монастырь. Впослѣдствіи, во время нашествія на Кіевъ татаръ, монашескія обители, существовавшія на мѣстѣ нынѣшняго Пустынно-Никольскаго монастыря, наравнѣ съ другими кіевскими монастырями и церквами, вѣроятно, подверглись раззоренію. Но съ теченіемъ времени онѣ были возобновлены. По крайней мѣрѣ, въ началѣ XV в. мы снова видимъ здѣсь Никольскій мужской монастырь, находившійся уже на мѣстѣ нынѣшней Аскольдовой могилы. Въ теченіи XV—XVIII в.в. Пустынно-Никольскій монастырь былъ однимъ изъ самыхъ значительныхъ и славныхъ монастырей въ Кіевѣ и въ юго-западной Руси вообще. Особеннымъ внѣшнимъ благостостояніемъ монастырь пользовался въ XV—XVI в.в. Съ конца XVI в. и особенно въ первой половинѣ XVII в., когда православная вѣра въ юго-западной Россіи начала сильно притѣсняться польскимъ правительствомъ, католиками и уніатами, стали значительно сокращаться и владѣнія Пустынно-Никольскаго монастыря. Но съ половины XVII в., когда Кіевъ снова перешелъ подъ власть Россіи, прежнія потери Пустынно-Никольскаго монастыря въ значительной степени были вознаграждены новыми пріобрѣтеніями, хотя, впрочемъ, и теперь благосостояніе его немного сравниться съ тѣмъ, какимъ оно было прежде. До конца XVII в. Пустынно-Никольскій монастырь находился въ нижней половинѣ нынѣшней усадьбы его,—тамъ, гдѣ теперь находится Аскольдова могила. Здѣсь именно мы видимъ его

на планѣ г. Кіева, изданномъ въ 1638 г. печерскимъ монахомъ Аѳанасіемъ Кальнофойскимъ. Здѣсь же видѣлъ Пустынно-Никольскій монастырь и Павелъ Алеппскій, описатель путешествія отца его—антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію, во второй половинѣ XVII в. Въ концѣ XVII в. и въ началѣ XVIII в. въ жизни Пустынно-Никольскаго монастыря произошли важныя событія. Въ 1690—1696 г.г. малороссійскій гетманъ Іоаннъ Мазепа, съ разрѣшенія московскихъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, на горѣ, подъ которою до тѣхъ поръ находился монастырь, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ такъ наз. „виноградъ“ и гдѣ, по свидѣтельству митрополита кіевскаго Сильвестра Коссова, были видны въ его время (1635 г.) „фундаменты“ древняго Никольскаго монастыря, построилъ каменную церковь во имя святителя Николая (что нынѣ военный Никольскій соборъ), а также трапезную церковь во имя Покрова Пресв. Богородицы и келіи для братіи. Тогда Пустынно-Никольскій монастырь былъ перенесенъ съ нижней части своей усадьбы въ верхнюю, при чемъ прежняя деревянная монастырская церковь была обращена въ кладбищенскую. Въ 1713—1715 г.г. кіевскій губернаторъ кн. Д. М. Голицынъ на мѣстѣ прежней часовни — столба (słup'а) построилъ небольшую каменную церковь во имя святителя Николая, которая внѣшнимъ своимъ видомъ напоминала столбъ и потому въ памятникахъ называлась *столбовой или слупскою* (откуда и одно изъ историческихъ наименованій монастыря); въ эту же церковь былъ перенесенъ и образъ святителя Николая, находившійся прежде въ часовнѣ. Въ концѣ XVIII в. начинается цѣлый рядъ неблагопріятныхъ событій, которыя привели древнюю „славную и преславную“ обитель къ сильному обѣднѣнію и оскудѣнію, такъ что одно время она едва было совсѣмъ не прекратила своего существованія. Прежде всего, въ 1786 г. у Пустынно-Никольскаго монастыря наравнѣ съ другими обителями г. Кіева, были отобраны въ казну почти всѣ его обширныя имѣнія, вмѣсто которыхъ ему было назначено штатное казенное содержаніе въ количествѣ 2.317 руб. 50 коп., 1 подъячій, 24 штатныхъ служителя и нѣсколько не совсѣмъ удобныхъ угодій. Вскорѣ послѣ того, именно въ 1811 г., по случаю сильнаго пожара, истребившаго всю Подольскую часть г. Кіева, монахини Кіево-Флоровскаго монастыря, зданія котораго также сгорѣли, были переведены въ зданія Пустынно-Никольскаго монастыря, а братія послѣдняго была временно помѣщена въ Печерской лаврѣ. Въ слѣдующемъ году флоровскихъ монахинь вывели изъ Пустынно-Никольскаго монастыря, но зданія его, однакоже, были отведены для временнаго помѣщенія военноплѣнныхъ и больныхъ воиновъ въ помощь кіевскимъ госпиталямъ, при чемъ въ монастырѣ должны были совершаться богослуженія для больныхъ инвалидовъ. Только около 1817 г. братія Пустынно-Никольскаго монастыря получила возможность возвратиться въ свою обитель и принялась было за возстановленіе ея зданій, но, къ сожалѣнію, въ 1827 г. монастырь подвергся сильному пожару, произведшему большія опустошенія. Впрочемъ, всѣ эти превратности и бѣдствія были еще ничто по сравненію съ тѣмъ, что ожидало монастырь въ ближайшемъ будущемъ. Въ концѣ 1830 г. было сдѣлано правительственное распоряженіе о томъ, чтобы зданія Пустынно-Никольскаго монастыря (кромѣ лавокъ при оградѣ) и соборную церковь его, построенную гетманомъ Іоанномъ Мазепою, сдать въ военно-инженерное вѣдомство съ тѣмъ, чтобы церковь была обращена въ военный соборъ, а въ монастырскихъ зданіяхъ были размѣщены арестантскія роты, назначенныя для производства работъ по расширенію кіевской крѣпости. Тогда въ началѣ 1831 г. братія монастыря переселилась на свое подворье, въ деревянныя келіи, находившіяся около церкви св. Николая такъ наз. столбоваго, или слупскаго. Монастырь рѣшился было обратиться къ правительству съ просьбою объ ассигнованіи на устройство обобранной обители до 376.233 руб. Но въ отвѣтъ на это ходатайство получилось распоряженіе о совершенномъ закрытіи монастыря и о распредѣленіи его монаховъ по другимъ обителямъ. Тогда монастырь отказался отъ своего прежняго ходатайства и обязался собственными средствами устроиться. И только сильное ходатайство митрополита Евгенія (Болховитинова) и губернатора Левашова спасли древній и славный прежде монастырь отъ совершеннаго закрытія. Съ

того времени и доселѣ Пустынно-Никольскій монастырь существуетъ безъ особенныхъ перемѣнъ. Въ немъ двѣ церкви: I) одна наверху трехпрестольная, съ главнымъ придѣломъ во имя св. Николая, и II) другая—внизу на Аскольдовой могилѣ во имя св. Николая, съ круглымъ куполомъ древнегреческой архитектуры, построенная въ 1809—1813 г. Съ 1884 г. Пустынно-Никольскій монастырь управляется архіереями, викаріями кіевской епархіи. Съ 1860-хъ годовъ находящаяся въ усадьбѣ монастыря Аскольдова могила получила значеніе аристократическаго кладбища для богатыхъ жителей г. Кіева.

2) *Златоверхо-Михайловскій* монастырь находится въ части такъ наз. Стараго Кіева, именуемой „Михайловскимъ отдѣленіемъ". Первоначально онъ назывался *Димитріевскимъ* по соборной Димитріевской церкви, построеной въ 1062 г. в. кн. кіевскимъ Изяславомъ (въ крещеніи Димитріемъ) Ярославичемъ. Сынъ его—Ярополкъ-Петръ построилъ въ томъ же XI в. другую церковь во имя св. Петра, по которой и самый монастырь въ XII в. назывался *Петровскимъ*. Въ XIII в. монастырь снова назывался *Димитріевскимъ*. Димитріевскій-Петровскій монастырь, какъ основанный и поддерживаемый князьями, отличался богатствомъ и въ XI в. конкурировалъ съ Печерскимъ монастыремъ. Но уже въ XII в. онъ подпалъ подъ власть послѣдняго. Еще въ 1108 г. великій кіевскій князь Святополкъ-Михаилъ (сынъ Изяслава Ярославича и братъ Ярополка Изяславича) около прежнихъ церквей—Димитровской и Петровской — построилъ новую каменную церковь во имя Архангела Михаила. По уничтоженіи Димитровской и Петровской церквей (что могло случиться во время Батыева нашествія на Кіевъ) монастырь сосредоточился около Святополковой-Михайловской церкви и получилъ отъ нея свое новое названіе, съ которымъ ясно выступаетъ съ конца XIV в. Къ этому времени монастырь совершенно оправился отъ раззоренія татарами и обстроился. Но въ 1482 г. крымскій ханъ Менгли-гирей снова раззорилъ Михайловскій монастырь, который долго послѣ того находился въ запустѣніи и завѣдываніи отдѣльныхъ лицъ. Въ 1520 годахъ монастырь былъ возстановленъ и началъ постепенно оправляться. Въ началѣ XVII в. имъ хотѣли овладѣть уніаты, но православные отстояли монастырь; послѣдній съ 1620 г. до 1633 г. служилъ резиденціею кіевскихъ митрополитовъ Іова Борецкаго и Исаіи Копинскаго, которые содѣйствовали благоустройству обители. Іовъ Борецкій построилъ деревянную трапезную церковь во имя св. Іоанна Богослова. Въ началѣ XVIII в. разными благотворителями были устроены боковые придѣлы Святополковой-Михайловской церкви—Варваринской и Екатериненской, а также каменная трапезная церковь во имя св. Іоанна Богослова. Въ 1850-хъ годахъ были устроены въ Михайловскомъ монастырѣ архіерейскій домъ съ церковію во имя св. Николая и гостинница съ церковію во имя иконы Смоленской Божіей Матери. Съ 1734 г. Михайловскій монастырь управлялся архимандритами (до того же времени игуменами), а съ 1799 г. и доселѣ архіереями-викаріями кіевской епархіи. Главную святыню Михайловскаго монастыря составляютъ мощи св. великомученицы Варвары, присланныя—по первоначальному преданію—греческимъ императоромъ въ даръ в. к. кіевскому Святополку-Михаилу, женатому на его дочери.

Въ вѣдѣніи Михайловскаго монастыря находится *скитъ Өеофанія*, расположенный на юго-западъ отъ Кіева, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ него. Сначала это была загородная дача архіереевъ—настоятелей монастыря, названная первымъ изъ нихъ Өеофаномъ (Шіановымъ)—„Өеофаніею". Теперь это—весьма благоустроенный скитъ со многими храмами и кладбищемъ для умирающей братіи Михайловскаго монастыря. 11 іюля 1908 г. торжественно, въ присутствіи 3 митрополитовъ и болѣе 40 епископовъ, монастырь отпраздновалъ 800-лѣтіе со дня основанія соборнаго храма.

3) *Братскій Богоявленскій* монастырь находится на Подолѣ, на площади, расположенной среди послѣдняго. Онъ основанъ „братствомъ" кіевскимъ на мѣстѣ, подаренномъ братству въ 1615 г. дворянкою Галшкою (Еленою) Гулевичевною Лозкиною. Въ 1620 г. братство начало строить Богоявленскую соборную церковь, кромѣ которой тогда же существовала еще Благовѣщенская церковь,—быть можетъ, домовая, находившаяся въ домѣ, который былъ пожертвованъ Галшкою Гулевичевною. Въ 1630-хъ годахъ кіевскій митрополитъ Петръ Могила обстро-

илъ монастырь и, сверхъ прежде бывшихъ въ немъ храмовъ, устроилъ церковь трапезную двухэтажную съ престоломъ во имя св. князей Бориса и Глѣба. Онъ же передалъ Братскому монастырю отнятыя имъ отъ уніатовъ Воздвиженскую и Трехсвятительскую (теперь Васильевскую) церкви со всѣми имѣніями, принадлежащими имъ. Въ 1650-хъ годахъ, во время казацкихъ войнъ съ поляками, монастырь подвергался опустошеніямъ и, наконецъ, сгорѣлъ. Обновленіе его началось только въ 1680-хъ годахъ, когда Кіевъ перешелъ подъ власть Москвы. Нынѣшняя Богоявленская каменная церковь монастыря построена гетманомъ Іоанномъ Мазепою въ 1693 г. Въ теченіи XVIII в. монастырь терпѣлъ матеріальную нужду. Изъ мѣстныхъ архипастырей этого вѣка особенно заботился о немъ Рафаилъ Заборовскій, ради бывшей въ монастырѣ Духовной Академіи. Рафаилъ Заборовскій построилъ нынѣшнюю конгрегаціонную академическую церковь. Въ 1785 г., во время введенія въ Малороссіи монастырскихъ штатовъ, монастырь былъ закрытъ, но въ 1799 г. онъ снова былъ возстановленъ, съ перемѣщеніемъ въ него штата сгорѣвшаго въ 1795 г. Гамалѣевскаго монастыря. Въ 1811 г., во время страшнаго пожара на Кіево-Подолѣ, монастырь сильно обгорѣлъ, и только къ 1826 г. окончилось его возобновленіе, при помощи казеннаго денежнаго пособія. Въ Братскомъ монастырѣ, со времени его основанія и доселѣ, помѣщается кіевская Духовная Академія (см. о ней статью проф. Н. И. Петрова ниже стлб. 678—694).

4) *Выдубицкій св. Георгіевскій* монастырь находится на югъ отъ Печерской лавры, верстахъ въ двухъ отъ нея, на живописномъ горномъ уступѣ, гдѣ,—по лѣтописному сказанію,—*выдыбалъ* (отсюда и названіе монастыря) идолъ Перуна, низвергнутаго крещеными кіевлянами. Въ монастырѣ находятся три церкви: I) древняя Михайловская, заложенная княземъ Всеволодомъ Ярославичемъ въ 1070 г., когда онъ управлялъ еще Переяславомъ. Освященіе церкви совершилось только въ 1088 г. При церкви былъ тогда же устроенъ монастырь, около котораго находился красный Всеволодовъ дворъ. Въ концѣ XII в. Михайловской церкви, стоявшей надъ самымъ Днѣпромъ, угрожала опасность обвалиться, отъ чего предохранилъ ее кіевскій князь Рюрикъ Ростиславичъ, построившій каменную опорную стѣну. Въ XV или XVI в. восточная часть Михайловской церкви, кажется, обрушилась въ Днѣпръ, причемъ и самый монастырь, повидимому, опустѣлъ. Монастырь былъ возстановленъ около 1585 г., но скоро послѣ того имъ завладѣли уніаты; древняя Михайловская церковь была возстановлена митроп. Петромъ Могилою въ 1630-хъ годахъ. II) Соборная Георгіевская церковь, заложенная въ 1696г. стародубскимъ полковникомъ Мих. Миклашевскимъ и оконченная въ 1701 г. III) Трапезная Покровская церковь, построенная тогда же и тѣмъ же Миклашевскимъ.

5) *Троицкій общежительный мужской монастырь* находится рядомъ съ Выдубицкимъ, на горѣ, у подошвы которой расположенъ этотъ послѣдній. Онъ основанъ въ 1864 году старцемъ іеромонахомъ Іоною, скончавшимся въ санѣ архимандрита и настоятеля монастыря. По имени своего основателя и самый монастырь извѣстенъ въ народѣ подъ названіемъ „Іонина". Въ монастырѣ соблюдаются строгіе общежительные порядки и чинное богослуженіе. Братство монастыря состоитъ изъ лицъ преимущественно крестьянскаго происхожденія. Монастырь пользуется исключительною любовію народа. Въ монастырѣ два храма: одинъ малый, устроенный основателемъ монастыря, и другой соборный во имя Св. Троицы, построенный въ послѣднее время.

6) *Екатерининскій греческій мужской монастырь* находится на Подолѣ, на площади посреди этого послѣдняго, по сосѣдству съ Братскимъ монастыремъ. Онъ основанъ въ 1748 г. около Екатерининской церкви, построенной въ 1741 г. на усадьбѣ грека Астаматія Николаева для проживавшихъ въ Кіевѣ грековъ монахами синайскаго монастыря, въ вѣдѣніи котораго онъ и находится. Въ 1786 г. для Екатерининскаго греческаго монастыря была испрошена архимандрія второго класса.

7) *Флоровскій Вознесенскій женскій монастырь* находится на Подолѣ, у подошвы горы Киселевки и отъ-части, расположенъ на самой этой горѣ. Онъ существовалъ, вѣроятно, еще въ XV в. и пережилъ Менгли-гиреево опустошеніе Кіева въ 1482 г. По документамъ, онъ становится извѣстнымъ съ половины XVI в. До начала сороковыхъ годовъ

XVII в. монастырь находился во владѣніи Іакова Гулькевича и его потомковъ. 17 августа 1651 г. монастырь былъ истребленъ пожаромъ, но скоро обновился. Въ 1711 г., по волѣ императора Петра I, къ Флоровскому монастырю былъ присоединенъ Вознесенскій женскій монастырь, находившійся до того времени противъ западныхъ вратъ Печерской лавры. Въ 1718 г. монастырь снова былъ опустошенъ пожаромъ, отъ котораго постепенно оправился, благодаря особенно щедрымъ жертвамъ жившей въ обители во второй половинѣ XVII в. княгини Натальи Борисовны Долгоруковой (монахини Нектаріи). Въ 1811 г. монастырь еще разъ былъ опустошенъ пожаромъ. Существующія теперь въ монастырѣ церкви—Вознесенская, Казанская, Тихвинская и Троицкая кладбищенская—и др. зданія устроены въ XIX в.

8) *Покровскій женскій монастырь* находится въ Лукьяновской части Кіева, на склонѣ Кудрявской горы, за новою Вознесенскою приходскою церковію. Монастырь основанъ 20 іюля 1889 года вел. кн. Александрою Петровной, названною въ монашествѣ Анастасіею. Въ монастырѣ нѣсколько храмовъ: I) Соборный во имя св. Николая, заложенный въ 1896 г. и доселѣ еще строющійся; II) Покровскій съ придѣлами во имя прор. Иліи и всѣхъ святыхъ; III) трапезная церковь во имя св. Архистратига Михаила. При монастырѣ имѣется образцовая безплатная больница и лѣчебница имени императора Николая II, устроенная основательницею монастыря, съ церковію во имя преп. Агапита врача и другою во имя Б. М. Всѣхъ Скорбящихъ Радости. Съ 1894 г. въ вѣдѣніи Покровскаго монастыря состоитъ.

9) *Межигорскій Преображенскій монастырь*, находящійся на берегу р. Днѣпра, въ нѣсколькихъ верстахъ выше Кіева, въ долинѣ, окруженной съ трехъ сторонъ горами. Межигорскій монастырь былъ основанъ не позже XII в., подвергался много разъ опустошеніямъ, послѣ которыхъ возстановлялся, въ XVII в. считался козацкимъ монастыремъ, въ 1687 г. получилъ отъ патр. Іоакима, своего бывшаго постриженника, права ставропигіи, въ 1786 г. былъ обращенъ въ военный госпиталь и до послѣдняго времени находился въ большомъ запустѣніи. Теперь онъ постепенно возстановляется и украшается.

10) *Введенскій женскій монастырь* находится на Печерскѣ на углу Московской и Рыбальской улицъ, въ 1901 году преобразованъ изъ женской общины, которая была учреждена 4 марта 1878 года, по прошенію вдовы капитана Матрены Александровны Егоровой. Въ монастырѣ имѣется домовая церковь во имя Введенія во храмъ Б. М., съ придѣломъ во имя св. великомуч. Димитрія Солунскаго.

Кромѣ этихъ собственно кіевскихъ и пригородныхъ монастырей имѣются еще въ кіевской епархіи слѣдующія иноческія обители.

1) *Корсунскій Свято-Онуфріевскій монастырь* (*мужской*) находится въ каневскомъ уѣздѣ недалеко отъ м. Корсуня, на островѣ р. Роси, называемомъ Валковскимъ, такъ какъ окруженъ древнимъ валомъ. Время происхожденія монастыря въ точности неизвѣстно, но восходитъ не ранѣе XVI в. Гетманъ Сагайдачный и жена Богдана Хмельницкаго были замѣчательными благодѣтелями монастыря, но особенно полковникъ Гуляницкій и его жена своими щедрыми пожертвованіями содѣйствовали благоустройству монастыря, который потому въ XVII и XVIII в.в. назывался иногда даже Гуляницкимъ. Въ XVIII в. (до 1768 г.) имъ владѣли уніаты.

2) *Виноградскій Успенскій* (*мужской*) находится въ черкасскомъ уѣздѣ надъ Ирдынскими болотами, окруженными лѣсами. Первоначальный монастырь, основаніе котораго относится къ половинѣ XVI в., назывался Ирдынскимъ Преображенскимъ и находился въ 4-хъ верстахъ отъ нынѣшняго, на берегу р. Ирдыни, на мѣстѣ называемомъ Монастырище. Въ первой половинѣ XVII в. этотъ первоначальный монастырь былъ раззоренъ поляками или татарами, и братія его, удалившись за Днѣпръ, положила основаніе Золотоношскому Преображенскому монастырю. Гетманъ Богданъ Хмельницкій возстановилъ Ирдынскій монастырь, надѣливъ его многими угодьями. Въ 1668 г. монастырь снова былъ раззоренъ, при чемъ братія его удалилась опять въ Золотоношскій монастырь. До второй половины XVIII в. Ирдынскій монастырь находился въ запустѣніи и имъ владѣли иногда уніаты. Только съ этого времени монастырь сталъ устраиваться на нынѣшнемъ своемъ мѣстѣ, гдѣ до того вре-

мени былъ виноградный монастырскій садъ, давшій настоящее названіе монастырю.

3) *Жаботинскій Св.-Онуфріевскій монастырь* (*мужской*) находится въ черкасскомъ уѣздѣ недалеко отъ м. Жаботина при ручьѣ Жабянкѣ, впадающемъ въ рѣку Тясминъ. Время основанія его съ точностію неизвѣстно. Въ XVIII в. онъ прославился особенно доблестною борьбой братіи его за православіе противъ католичества и уніи.

4) *Матренинскій Св.-Троицкій монастырь* находится въ чигиринскомъ уѣздѣ средн густого лѣса, извѣстнаго подъ названіемъ Матронина. Время основанія его съ точностію неизвѣстно. Нѣкоторые относятъ его первоначальное происхожденіе даже къ дотатарскому времени. Матренинскій монастырь дѣлается извѣстнымъ со времени половины XVI в. Въ XVII в. онъ пользовался покровительствомъ гетмановъ малороссійскихъ, но много терпѣлъ отъ татарскихъ набѣговъ. Сожженный и раззоренный татарами во второй половинѣ XVII в., онъ къ концу этого вѣка былъ возстановленъ. Въ первой половинѣ XVIII в. Матренинскій монастырь былъ обновленъ и устроенъ, при дѣятельномъ участіи переяславскихъ епископовъ, особенно Кирилла Шумлянскаго. Въ началѣ второй половины XVIII в. здѣсь дѣйствовалъ знаменитый игуменъ Мелхиседекъ Значко-Яворскій, бывшій однимъ изъ главныхъ виновниковъ возстановленія православія на Украинѣ и прозванный отъ поляковъ „схизматицкимъ царемъ".

5) *Медвѣдовскій Св.-Николаевскій* (*мужской*) *монастырь* находитсявъ чигиринскомъ уѣздѣ на островѣ, образуемомъ р. Тясминомъ близъ с. Медвѣдовки. Онъ дѣлается извѣстнымъ съ половины XVII в., когда пользовался покровительствомъ и благодѣяніями малороссійскихъ гетмановъ. Въ началѣ XVIII в. вслѣдствіе татарскихъ раззореній, Медвѣдовскій монастырь почти совсѣмъ было опустѣлъ. Съ 20-хъ годовъ XVIII в. началось постепенное возстановленіе его. Во второй половинѣ XVIII в. онъ былъ наибольшимъ (по количеству братіи) и главнымъ среди украинскихъ монастырей, которыми руководили его игумены,—особенно извѣстный Виссаріонъ,—въ борьбѣ съ католичествомъ и уніей.

6) *Мошногорскій Вознесенскій мужской монастырь* находится въ черкасскомъ уѣздѣ среди горъ и лѣсовъ. Основаніе его относится къ половинѣ XVII в. Въ XVII и XVIII в.в. онъ много терпѣлъ отъ татаръ, поляковъ и уніатовъ, послѣдніе изъ которыхъ одно время и владѣли монастыремъ.

7) *Богуславскій Николаевскій женскій* (*съ 1904 г.*) *монастырь* находится въ каневскомъ уѣздѣ на правомъ берегу р. Роси близъ м. Богуслава. Первоначальный Богуславскій монастырь, находившійся на другомъ мѣстѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ Богуслава, и называвшійся Рождество-Богородичнымъ, былъ основанъ богуславскимъ полковникомъ около 1580 г. Въ концѣ XVI в. онъ былъ уже раззоренъ татарами. Въ 30-хъ годахъ XVII в. монастырь былъ возобновленъ отступникомъ отъ православія богуславскимъ старостою Янушемъ Острожскимъ и населенъ базиліанами (уніатскими монахами). Когда Богданъ Хмельницкій завладѣлъ Богуславомъ, то прогналъ уніатовъ и передалъ монастырь православнымъ инокамъ. Около 1700 г. малороссійскій полковникъ Самусь возобновилъ Богуславскій Рождесто-Богородичный монастырь, который вскорѣ послѣ того былъ раззоренъ Орликомъ, извѣстнымъ соперникомъ Мазепы. Неизвѣстно, когда именно монастырь потомъ былъ возстановленъ и, по имени новопостроенной здѣсь церкви во имя святителя Николая на нынѣшнемъ мѣстѣ, сталъ называться Николаевскимъ. Но скоро Богуславскій монастырь былъ обращенъ въ унію и занятъ базиліанами. Въ 1768 г. православные изгнали базиліанъ изъ Богуславскаго монастыря, который былъ населенъ монахами, пришедшими изъ Молдавіи и изъ-за Днѣпра. До самаго конца XVIII в. монастырь находился въ бѣдственномъ состояніи. Въ концѣ 1904 г. онъ изъ мужскаго обращенъ въ женскій монастырь.

8) *Лебединскій Св. - Николаевскій женскій монастырь* находится въ чигиринскомъ уѣздѣ недалеко отъ с. Лебедина. Основанъ онъ въ 1770-хъ годахъ монахинями, вышедшими изъ молдавскаго Калигурскаго Успенскаго монастыря, послѣ раззоренія его турками. Устройству монастыря много содѣйствовали мѣстные владѣльцы и, между ними, особенно князь Любомірскій.

9) *Чигиринскій Св.-Троицкій женскій монастырь* находится недалеко отъ Чигирина надъ р. Тясминомъ. Первоначально онъ былъ мужскимъ. Время его происхожденія съ точ-

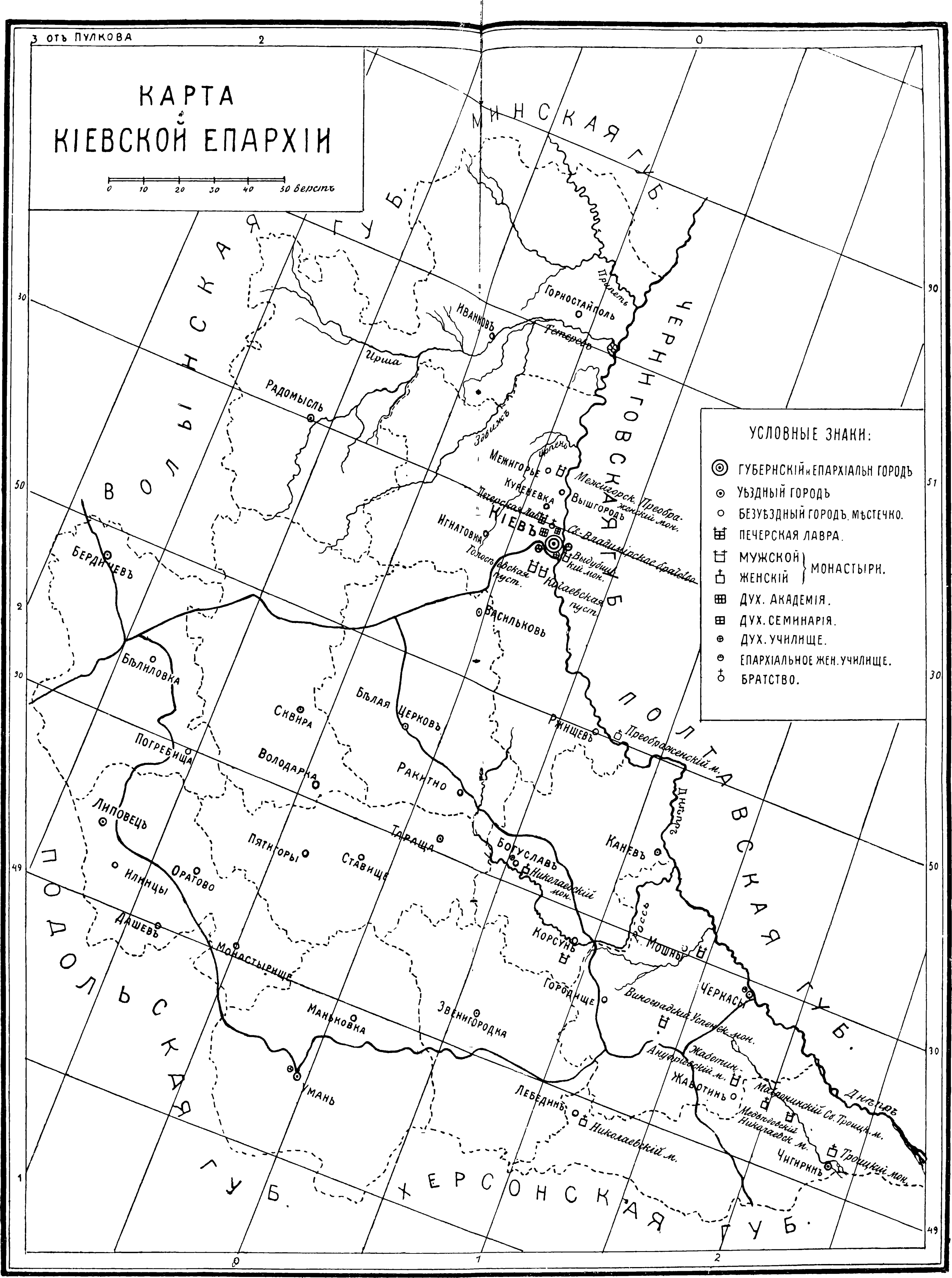
ностію неизвѣстно. Въ XVII в., при митр. Іосифѣ Нелюбовичѣ-Тукальскомъ, онъ былъ резиденціею кіевскаго митрополита. Въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII в.в. онъ подвергался много разъ раззореніямъ отъ татаръ и поляковъ. Около 1730 г. монастырь былъ возстановленъ и скоро послѣ того былъ обращенъ въ женскую обитель. Одно время монастырь былъ во владѣніи уніатовъ. Съ окончательнымъ переходомъ монастыря подъ власть кіевскаго митрополита, монастырь обстроился и достигъ извѣстнаго благосостоянія, въ какомъ находится и нынѣ.

10) *Ржищевскій Преображенскій женскій монастырь* находится въ кіевскомъ уѣздѣ надъ р. Днѣпромъ около м. Ржищева. Первоначально онъ былъ мужскимъ монастыремъ, и происхожденіе его скрывается въ неизвѣстной глубокой древности. Въ XVII в., послѣ нѣкотораго процвѣтанія, монастырь былъ раззоренъ „врагами святаго креста" и долго находился въ бѣдственномъ положеніи. Одно время имъ владѣли латиняне и уніаты. Только въ XIX в. монастырь былъ возстановленъ и обстроился. Въ 1852 г. онъ былъ обращенъ въ женскій монастырь.

IX. Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости начали издаваться съ 1861 года. Иниціаторомъ учрежденія ихъ и вмѣстѣ первымъ редакторомъ ихъ былъ *П. Г. Лебединцевъ*, въ то время священникъ Кіево-Подольскаго Успенскаго собора и законоучитель второй Гимназіи въ Кіевѣ, а впослѣдствіи бывшій каѳедральнымъ протоіереемъ въ Кіевѣ. Программа была взята въ готовомъ видѣ программы „Херсонскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей". П. Г. Лебединцевъ желалъ изданіе К. Е. В. сдѣлать независимымъ отъ кіевской духовной консисторіи, что̀ ему въ значительной степени и удалось, — впрочемъ, послѣ упорной борьбы, во время которой протоіерея Лебединцева сильно поддерживалъ кіевскій митрополитъ Арсеній. Борьба затихла съ тѣхъ поръ, какъ прот. Лебединцевъ былъ назначенъ членомъ консисторіи, гдѣ, при поддержкѣ митр. Арсенія, скоро сдѣлался всесильнымъ. Протоіерей П. Г. Лебединцевъ былъ дѣятельнымъ редакторомъ К. Е. В., въ которыхъ при немъ принимали участіе такія выдающіяся ученыя силы, какъ М. А. Максимовичъ. Ѳ. Г. Лебединцевъ (братъ редактора), Е. М. Крыжановскій, прот. Н. А. Ѳаворовъ и др. Первое редакторство прот. П. Г. Лебединцева продолжалось 13 лѣтъ. Участіе редактора въ извѣстной коммиссіи по преобразованію духовнаго суда въ 1870—1873 г. и обнаруженная имъ солидарность съ митр. Макаріемъ (Булгаковымъ) поколебали исключительно добрыя отношенія митр. Арсенія къ прот. П. Г. Лебединцеву, который,—должно думать,—подъ вліяніемъ этого, съ 1 января 1874 г. уволился отъ должности редактора К. Е. В. Оригинальный умъ и сильный характеръ перваго редактора К. Е. В. замѣтно отражались на содержаніи и направленіи епархіальнаго органа, который имѣлъ *исключительно мѣстный колоритъ*. Среди другихъ преимуществовали статьи мѣстнаго церковно-историческаго характера, что не нравилось многимъ... На первыхъ порахъ протоіерей П. Г. Лебединцевъ думалъ К. Е. В. сдѣлать частнымъ и свободнымъ органомъ, т. е. необязательнымъ для выписки въ монастыри и церкви кіевской епархіи. Но подписка шла очень туго, такъ что редакція вынуждена была просить епархіальное начальство объ установленіи обязательной выписки К. Е. В. Митр. Арсеній, еще раньше согласившійся на обязательность подписки на К. Е. В., въ 1850 г. въ отвѣтъ на домогательство редакціи объ усиленіи надзора за обязательностію подписки въ епархіи, устроилъ своего рода плебисцитъ, допустивъ приходскому духовенству высказаться о желательности или нежелательности выписывать К. Е. В. Но желающихъ выписывать,—особенно на свой, а не на церковный счетъ,—оказалось такъ мало, что К. Е. В. грозила опасность совсѣмъ прекратить свое существованіе. Тогда митр. Арсеній 26 ноября 1870 г. пришелъ на помощь редакціи и велѣлъ выписку К. Е. В. оставить обязательною, попрежнему, но съ тѣмъ только, чтобы въ уплатѣ за нихъ $^1/_3$ священники приняли на свой собственный счетъ, а двѣ остальныя части на счетъ церковный. При заявленіи желанія или нежеланія выписывать К. Е. В. нѣкоторые священники дѣлали весьма рѣзкій отзывъ о содержаніи епархіальнаго органа. Съ 1874 г. до 1878 г. редакторомъ-издателемъ К. Е. В. былъ протоіерей *Алексѣй Михайловичъ Колосовъ*, бывшій предъ тѣмъ баккалавромъ

кіевской Духовной Академіи, законоучителемъ и ректоромъ черниговской Духовной Семинаріи, а во время редакторства состоявшій приходскимъ священникомъ въ Кіевѣ. Редакторство его было весьма непродолжительно. 26 октября 1878 г., по распоряженію митр. Филоѳея, послѣдовавшему въ отвѣтъ на ходатайство ректора кіевской Духовной Академіи, епископа Михаила (Лузина), право изданія К. Е. В. было передано Академіи. Редакціею К. Е. В., по порученію Совѣта Академіи, занимались профессора: И. И. Малышевскій, А. Д. Вороновъ, Н. И. Петровъ и др. Академія привнесла много новаго въ изданіе К. Е. В., которыя стали выходить еженедѣльно и въ большемъ сравнительно съ прежнимъ форматѣ (въ 4-ю долю листа). Но самая главная особенность, какую пріобрѣли К. Е. В., съ переводомъ въ Академію, заключалась, безъ сомнѣнія, въ содержаніи и направленіи изданія. Освободившись отъ консисторіи, которая обязана была доставлять новой редакціи одни только оффиціальныя свѣдѣнія, К. Е. В. въ лицѣ своихъ редакторовъ и сотрудниковъ начали свободно и непринужденно, — иногда прямо критически, — обсуждать не только событія текущей церковно-общественной жизни, но даже и распоряженія своего епархіальнаго начальства. Понятно, что это многимъ было весьма непріятно. Но пока былъ живъ митр. Филоѳей, расположенный къ Академіи, всё молчали. Со вступленіемъ въ управленіе кіевскою митрополіею-епархіей митр. Платона, громко заговорили среди духовенства (особенно—близкаго къ консисторіи) относительно, будто бы, ненормальнаго направленія К. Е. В. Съѣздъ епархіальнаго духовенства, бывшій въ первой половинѣ октября 1882 г., также выразилъ недовольство К. Е. В. и ихъ направленіемъ и даже высказался за отобраніе ихъ отъ Академіи. Вѣроятно, это съѣзду было подсказано другими... Въ числѣ недовольныхъ былъ и самъ основатель и первый редакторъ К. Е. В. протоіерей П. Г. Лебединцевъ, находившійся въ тѣни при митр. Филоѳеѣ и снова сдѣлавшійся всесильнымъ при митр. Платонѣ. Этотъ послѣдній, вскорѣ послѣ вступленія въ управленіе кіевскою митрополіею-епархіей, обратился съ любопытнымъ предложеніемъ (писаннымъ въ оригиналѣ рукою прот. П. Г. Лебединцева) къ ректору кіев. Дух. Академіи преосв. Михаилу. „По ходатайству бывшаго митрополита кіевскаго Арсенія, опредѣленіемъ Св. Синода, изъясненнымъ въ указѣ отъ 8 января 1861 г.,—писалъ митр. Платонъ преосв. Михаилу, — разрѣшено кіевскому епархіальному начальству издавать К. Е. В. по представленной программѣ, каковыя Вѣдомости до 1874 г. выходили подъ непосредственнымъ наблюденіемъ сего начальства и за его цензурой. Но по представленію вашего преосвященства, предмѣстникъ мой, преосвященный митрополитъ кіевскій Филоѳей, резолюціей своей отъ 20 октября 1878 г., право изданія К. Е. В. предоставилъ кіевской Духовной Академіи, безъ испрошенія на сіе разрѣшенія Св. Синода. По вступленіи моемъ въ управленіе кіевскою епархіею, статьи, предназначенныя для помѣщенія въ К. Е. В., не были мнѣ представляемы на разсмотрѣніе и, какъ оказалось, онѣ издаются безъ предварительной цензуры, тогда какъ парагр. 177—180 академическаго устава Академіямъ предоставлено право имѣть собственную цензуру только для періодическихъ трудовъ ученаго содержанія. Пожелавъ же ближе ознакомиться съ содержаніемъ сихъ Вѣдомостей, я усмотрѣлъ, 1) что онѣ, наполняясь большею частію перепечатками изъ другихъ изданій и корреспонденціями о современной приходской и общественной жизни, не представляютъ ни поученій лучшихъ проповѣдниковъ, которыя могли бы служить образцами для сельскихъ священниковъ, ни матеріаловъ для исторіи кіевской епархіи, и 2) что въ этомъ изданіи, которое должно служить органомъ епархіальнаго управленія и защищать его интересы предъ обществомъ, помѣщаются иногда заявленія о подвѣдомственныхъ епархіальному начальству лицахъ и учрежденіяхъ такого рода, оглашать которыя въ печати было только въ интересахъ недоброжелателей церкви и духовенства. Таковы, напр., сообщенія о безпорядочномъ содержаніи больничнаго отдѣленія при Кіево-Флоровскомъ монастырѣ, которое, будто бы, служитъ логовищемъ голодныхъ и оставленныхъ безъ всякаго попеченія послушницъ (№ 9 за 1879 г.); о состояніи и процвѣтаніи церковно - приходскихъ училищъ кіевской

епархіи на бумагѣ (№ 7 за 1880 г.); о невыдачѣ приходскимъ священникомъ невѣстѣ предбрачнаго свидѣтельства изъ желанія тѣмъ угодить помѣщику и ксендзу и тому подобныхъ обстоятельствахъ, не обслѣдованныхъ, сомнительныхъ, или вовсе несправедливыхъ. Встрѣчаются даже статьи, направленныя къ порицанію дѣйствій самаго епархіальнаго управленія въ кіевской епархіи; таковы, напр., „Эпизодъ изъ приходской жизни“ (№ 10 за 1882 г.) и „Путевыя впечатлѣнія отъ береговъ Днѣпра до береговъ Роси по пути въ Кіевъ“ (№ 19 за 1882 г.), изъ коихъ въ первой статьѣ выставляются въ неблаговидномъ свѣтѣ распоряженія по опредѣленію на священническія мѣста въ кіевской епархіи, а въ послѣдней статьѣ — заботливости каменецъ-подольскаго преосвященнаго о благоустройствѣ церквей подольской епархіи противопоставляются неблаговидность храмовъ сельскихъ въ кіевской епархіи и нерадѣніе о семъ духовенства, соединенное съ пренебреженіемъ свят. мѣстъ, обращенныхъ яко бы „въ мерзость запустѣнія“. Въ заключеніе митр. Платонъ, въ удовлетвореніе желанія духовенства и для устраненія отмѣченныхъ недостатковъ, предлагалъ ректору Академіи посылать всѣ статьи, касающіяся кіевской епархіи, для предварительной цензуры протоіерею П. Г. Лебединцеву, возстановить прежній форматъ К. Е. В., помѣщать въ нихъ по преимуществу образцы лучшихъ проповѣдей и статьи церковно-историческаго характера, касающіяся описанія кіевской епархіи. Въ случаѣ непріемлемости такихъ предложеній, митр. Платонъ предлагалъ Академіи передать редакцію К. Е. В. въ вѣдѣніе кіевской дух. консисторіи. Академія на этотъ разъ выдержала себя и подчинилась поставленнымъ ей условіямъ, какъ ни непріятны и тяжелы они ни были. Къ тому же скоро перемѣнился и ректоръ Академіи. Послѣ описаннаго прискорбнаго случая, Академія продолжала въ лицѣ своихъ профессоровъ держать редакцію К. Е. В. до 1886 года, при чемъ въ теченіи всего этого времени со стороны протоіерея П. Г. Лебединцева велась непрерывная негласная борьба, направленная къ отобранію редакціи К. Е. В. отъ Академіи. Когда же въ 1886 г. съѣздъ духовенства, не безъ посторонняго вліянія, рѣшилъ издавать К. Е. В. въ видѣ одного только оффиціальнаго отдѣла, Академія, само собою разумѣется, отказалась отъ редакціи его. Тогда 18 сентября 1886 г. редакторомъ К. Е. В. былъ назначенъ ключарь Кіево-Софійскаго каѳедральнаго собора, бывшій прежде того (1873—1882 г.) ректоромъ черниговской Духовной Семинаріи, протоіерей *Василій Михайловичъ Розовъ*. Онъ оставался редакторомъ К. Е. В. до своей смерти, послѣдовавшей въ 1890 г. Послѣ его смерти редакцію К. Е. В. снова взялъ въ свои руки протоіерей П. Г. Лебединцевъ. Теперь К. Е. В. приняли свой прежній видъ и по внѣшности, и по количеству выпусковъ (2 раза въ мѣсяцъ), и по характеру содержанія (преимущественно мѣстнаго церковно-историческаго). Второе редакторство протоіерея П. Г. Лебединцева было непродолжительно (1890—1894 г.). 3 января 1894 г. Св. Синодомъ былъ утвержденъ въ должности редактора К. Е. В. протоіерей *Павелъ Антоновичъ Троцкій*, бывшій законоучитель кіевскаго кадетскаго корпуса, а во время редакторства состоявшій настоятелемъ Кіево-Срѣтенской приходской церкви. При немъ К. Е. В., сохраняя свой прежній видъ, получили преимущественно церковно-практическое направленіе, хотя попрежнему въ нихъ часто помѣщались проповѣди и статьи мѣстнаго церковно-историческаго характера. Съ 6 февраля 1897 года редакція К. Е. В. раздѣлилась, при чемъ редакторомъ оффиціальной части былъ назначенъ секретарь кіевской духовной консисторіи *Николай Васильевичъ Соловьевъ*. Послѣ смерти протоіерея П. А. Троцкаго († 5 іюня 1900 г.), по иниціативѣ бывшаго викарія кіевской епархіи преосвященнаго Сергія, епископа уманьскаго, была составлена новая программа К. Е. В., которая вмѣстѣ съ проектомъ увеличенія объема, количества выпусковъ (52 №№ вмѣсто прежнихъ 26 №№) и увеличенія подписной платы была представлена въ Св. Синодъ, который и утвердилъ все это. Тогда же 13 февраля 1901 года редакторомъ неоффиціальной части К. Е. В. назначенъ профессоръ кіевской Духовной Академіи, протоіерей *Ѳ. И. Титовъ*, а помощникомъ редактора утвержденъ законоучитель 4-й Гимназіи священникъ *І. И. Троицкій*. По новой программѣ, К. Е. В. должны заключать въ себѣ отдѣлы: 1) ру-



3 ОТЪ ПУЛКОВА
КАРТА
КІЕВСКОЙ ЕПАРХІИ
0 10 20 30 40 50 верстъ
МИНСКАЯ ГУБ.
ВОЛЫНСКАЯ ГУБ.
ЧЕРНИГОВСКАЯ ГУБ.
ПОЛТАВСКАЯ ГУБ.
ПОДОЛЬСКАЯ ГУБ.
ХЕРСОНСКАЯ ГУБ.
УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ:
ГУБЕРНСКІЙ и ЕПАРХІАЛЬН. ГОРОДЪ
УѢЗДНЫЙ ГОРОДЪ
БЕЗУѢЗДНЫЙ ГОРОДЪ, МѢСТЕЧКО.
ПЕЧЕРСКАЯ ЛАВРА.
МУЖСКОЙ
ЖЕНСКІЙ
МОНАСТЫРИ.
ДУХ. АКАДЕМІЯ.
ДУХ. СЕМИНАРІЯ.
ДУХ. УЧИЛИЩЕ.
ЕПАРХІАЛЬНОЕ ЖЕН. УЧИЛИЩЕ.
БРАТСТВО.
Горностайполь
Припеть
Иванковъ
Тетеревъ
Ирша
Радомысль
Здвижъ
Ирпень
Межигорье
Межигорск. Преображенскій жен. мон.
Куреневка
Вышгородъ
Китаевская
КІЕВЪ
Св. Владимірское братство
Игнатовка
Голосѣевская пуст.
Выдубицкій мон.
Китаевская пуст.
Васильковъ
Бердичевъ
Бѣлиловка
Сквира
Бѣлая Церковь
Ржищевъ
Преображенскій м.
Погребища
Володарка
Ракитно
Днѣпръ
Липовецъ
Пятигоры
Ставище
Тараща
Богуславъ
Николаевскій мон.
Каневъ
Илинцы
Оратово
Дашевъ
Монастырище
Корсунь
Рось
Мошны
Городище
Виноградскій Успенск. мон.
Черкасы
Маньковка
Звенигородка
Жаботин
Ануфріевскій м.
Жаботинъ
Мотронинскій Св. Троицк. м.
Медвѣдовскій Николаевск. м.
Умань
Лебединъ
Николаевскій м.
Чигиринъ
Троицкій мон.

ководящія статьи по вопросамъ церковно-приходской жизни и практики, или образцовыя поученія; 2) миссіонерскій отдѣлъ; 3) церковно-историческій, посвященный систематической разработкѣ исторіи кіевской епархіи-митрополіи; 4) текущая епархіальная жизнь; 5) обозрѣніе иноепархіальной жизни, и 6) отзывы, или обозрѣнія новѣйшихъ сочиненій въ области богословской, преимущественно церковно-практической литературы. За время 44-лѣтняго существованія К. Е. В., въ нихъ было помѣщено немало солидныхъ статей богословскаго, или церковно-историческаго и церковно-практическаго содержанія. Существуютъ въ печати спеціальные *указатели неоффиціальнаго отдѣла К. Е. В.*— первый за 1861—1870 гг. (напечатанъ въ приложеніи къ К. Е. В. за 1870 г.) и второй за 1871—1895 гг., напечатанный отдѣльно въ 1896 г. Въ послѣднее время главное вниманіе редакціи обращено на то, чтобы К. Е. В. были, по возможности, самымъ полнымъ и точнымъ выразителемъ жизни кіевской епархіи — жизни современной и прошедшей.

Литература. Систематическихъ спеціальныхъ трудовъ, относящихся къ исторіи кіевской митрополіи—епархіи и обнимающихъ болѣе или менѣе полно свой предметъ, немного. Ихъ всего можетъ быть названо два: 1) м. *Евгеній* (Болховитиновъ), Описаніе Кіево-Софійскаго собора и кіевской іерархіи, съ присовокупленіемъ разныхъ грамотъ и выписокъ, объясняющихъ оное, также плановъ и фасадовъ Константинопольской и Кіевской Софійской церквей и Ярославова надгробія, Кіевъ 1825 и 2) проф. прот. *Ѳ. И. Титовъ*, Русская православная церковь въ польско-литовскомъ государствѣ въ XVII и XVIII вв., томъ II: Кіевская митрополія—епархія въ XVII—XVIII вв., Кіевъ 1905 г. Изъ трудовъ, освѣщающихъ предметъ съ одной какой-либо стороны, заслуживаютъ особаго вниманія слѣдующіе: 1) проф. *С. А. Терновскій*, Изслѣдованіе о подчиненіи кіевской митрополіи московскому патріарху, Кіевъ 1873 (сначала было напечатано въ V томѣ первой части „Архива Юго-Западной Россіи“, въ видѣ предисловія къ актамъ, относящимся къ дѣлу о подчиненіи кіевской митрополіи московскому патріарху и напечатаннымъ въ томъ же томѣ, а затѣмъ и отдѣльно), 2) † проф. *Ф. А. Терновскій*, Очерки изъ исторіи кіевской епархіи въ XVIII столѣтіи, на основаніи документовъ синодальнаго архива, Кіевъ 1879. 3) *Е. М. Крыжановскій*, Собраніе сочиненій его, т. I, Кіевъ 1890; здѣсь напечатано нѣсколько небольшихъ очерковъ Крыжановскаго, относящихся къ исторіи кіевской митрополіи-епархіи, изъ коихъ особенную цѣнность представляетъ статья подъ заглавіемъ: „Кіевская Духовная Консисторія въ XVIII в.“ (стр. 440—487). 4) *М. А. Максимовичъ*, Собраніе сочиненій, т. II, Кіевъ 1877; здѣсь напечатано нѣсколько мелкихъ, но цѣнныхъ изслѣдованій, замѣтокъ и т. п. произведеній, относящихся преимущественно къ исторіи монастырей и церквей г. Кіева и кіевской митрополіи-епархіи. Кромѣ того, множество статей, содержащихъ въ себѣ или сырые матеріалы, или же научно обработанныя свѣдѣнія по исторіи кіевской митрополіи-епархіи, напечатано въ кіевскихъ изданіяхъ и журналахъ, а именно: 1) въ „Архивѣ Юго-Западной Россіи“, части первой; 2) въ „Матеріалахъ архива кіевскаго губернскаго правленія“, изданныхъ *А. Андріевскимъ* въ нѣсколькихъ томахъ; 3) въ „Чтеніяхъ въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца“ при Университетѣ св. Владиміра; 4) въ „Чтеніяхъ въ Церковно-Историческомъ и Археологическомъ Обществѣ“ при кіевской Духовной Академіи; 5) въ „Актахъ, относящихся къ исторіи кіевской Духовной Академіи въ XVIII в.“ изданныхъ Академіею подъ редакціею особой коммиссіи; 6) въ „Трудахъ кіевской Духовной Академіи“ (академическомъ журналѣ); 7) въ „Кіевской Старинѣ“ и, наконецъ, 8) въ „Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“. Въ 60-хъ годахъ прошедшаго столѣтія въ Кіевѣ существовалъ даже особый комитетъ, учрежденный для историко-статистическаго описанія кіевской епархіи. Къ сожалѣнію, кіевскій комитетъ подобно большинству такихъ комитетовъ, существовавшихъ тогда въ другихъ епархіяхъ, не оставилъ по себѣ почти никакихъ слѣдовъ своей дѣятельности. По крайней мѣрѣ, не смотря на самые тщательные поиски, мы не могли разыскать даже тѣхъ матеріаловъ, какіе были собраны означеннымъ комитетомъ. Въ самое послѣднее время „Историческое Общество Нестора Лѣтописца“ при Университетѣ св. Владиміра собрало матеріалы для историко-статистическаго описанія церквей и монастырей епархій Юго-Западнаго края Россіи, между прочимъ, и кіевской епархіи. Собранные имъ матеріалы, присланные въ отвѣтъ на предложенныя программы, хранятся въ Центральномъ архивѣ при Университетѣ св. Владиміра. Еще никѣмъ не использованные матеріалы для исторіи кіевской митрополіи-епархіи находятся въ архивахъ и библіотекахъ: 1) Кіево-Софійскаго собора, 2) кіевской Духовной Академіи, 3) Кіево-Печерской лавры 4) кіевской духовной консисторіи, 5) Кіевскомъ Центральномъ архивѣ при Универ-

ситетѣ, 6) московскомъ Главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, 7) московскомъ Архивѣ министерства юстиціи, 8) московской Синодальной (бывшей патріаршей) библіотекѣ и 9) въ Синодальномъ архивѣ въ С.-Петербургѣ.

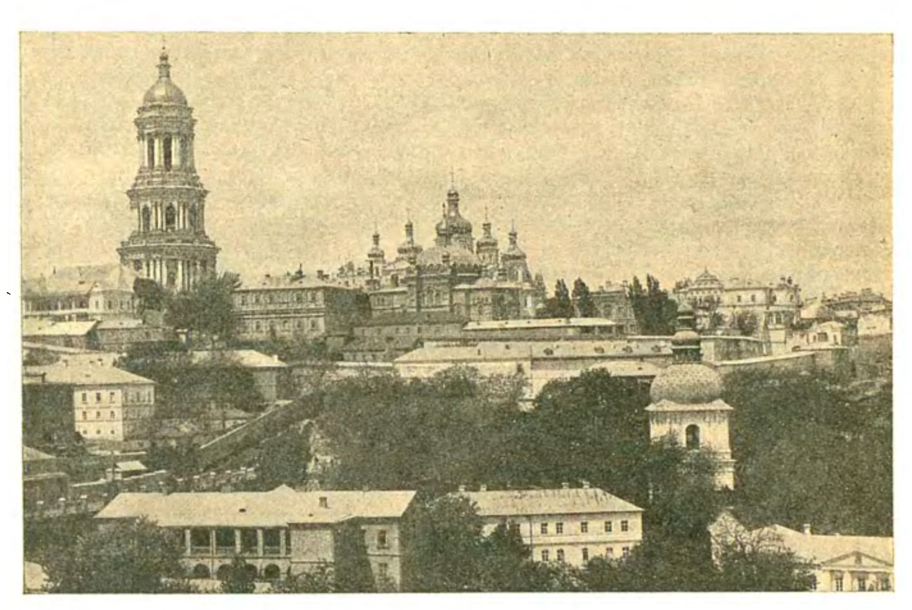
Протоіерей *Ѳ. Титовъ*.

Кіево-Печерская лавра.

1) Мѣсто ея въ ряду другихъ русскихъ монастырей и значеніе ея въ исторіи русской церкви и русскаго народа. Кіево-Печерская лавра, по справедливости, занимаетъ выдающееся мѣсто среди всѣхъ иноческихъ обителей православной Россіи. Такое положеніе ея создалось на почвѣ не одной только исторической традиціи, но и дѣйствительнаго значенія, какое имѣлъ въ исторіи Россіи этотъ монастырь. Кіево-Печерской лаврѣ принадлежитъ, безспорно, пальма первенства въ ряду всѣхъ русскихъ монастырей, существовавшихъ, прежде и теперь существующихъ, не только потому, что она была дѣйствительно первымъ истинно-русскимъ народнымъ монастыремъ (въ собственномъ смыслѣ этого слова) въ Россіи, по времени своего происхожденія, но также и по суммѣ того духовнаго блага, какое она принесла русскому народу и какое неизмѣримо превосходитъ заслуги всѣхъ другихъ позднѣйшихъ русскихъ монастырей на пользу русскаго народа и государства. Правда, и позднѣйшіе наши монастыри, несомнѣнно, сослужили свою великую службу для русскаго народа. Но всѣ они трудились, если можно такъ выразиться, на полѣ, уже отъ-части воздѣланномъ, или, по крайней мѣрѣ, значительно очищенномъ отъ сорныхъ травъ. Первоначальники же Кіево-Печерской лавры были первыми ратаями на великомъ русскомъ полѣ, первыми работниками на поприщѣ духовнаго образованія и воспитанія русскаго народа въ самомъ широкомъ, даже всеобъемлющемъ смыслѣ этого выраженія. Позднѣйшіе монастыри,—даже тѣ изъ нихъ, которымъ, волею Божіею, было указано трудиться въ необитаемыхъ странахъ великой Россіи, среди непроходимыхъ болотъ и лѣсовъ,—имѣли уже передъ собою готовый образецъ въ видѣ подвижнической жизни и дѣятельности первоначальнаго русскаго монастыря—Кіево-Печерской лавры. Одинъ этотъ примѣръ значительно облегчалъ ихъ трудъ особенно въ нравственномъ отношеніи. Заслуги и слава Кіево-Печерскаго монастыря воодушевляли позднѣйшихъ русскихъ иноковъ въ ихъ высокомъ служеніи обществу, возбуждали и усиливали ихъ энергію, освѣщали имъ путь къ достиженію высокой цѣли ихъ призванія. Особенно замѣчательна всеобъемлемость подвига и служенія, которыми пріобрѣла пальму первенства во всѣхъ отношеніяхъ среди русскихъ иноческихъ обителей и создала свою славу Кіево - Печерская лавра. Всѣ позднѣйшіе монастыри прославились своею дѣятельностію преимущественно на одномъ какомъ-либо поприщѣ: или учительномъ, или просвѣтительномъ, или миссіонерскомъ, или церковно-политическомъ, а Кіево-Печерская лавра, особенно въ первый періодъ своего существованія, была одинаково славна во всѣхъ этихъ отношеніяхъ. *Она была тогда истиннымъ средоточіемъ христіанско - просвѣтительной дѣятельности среди русскаго народа, центромъ всей русской христіанской образованности.* Кіево-Печерская лавра сіяніемъ высокихъ нравственныхъ подвиговъ, явленныхъ передъ русскимъ народомъ ея первыми иноками, оказала могучее содѣйствіе христіанскому солнцу, взошедшему надъ русскою землей при св. кн. Владимірѣ, для разсѣянія того тумана, той тьмы, которая окружала тогда русскую землю, освѣщенную пока на однѣхъ только вершинахъ ея. Благодаря такому исключительному своему положенію среди русскихъ монашескихъ обителей и значенію, Кіево-Печерская лавра произвела глубокое и неотразимое впечатлѣніе не только на современниковъ ея происхожденія, но и на отдаленныхъ потомковъ ихъ. Та величайшая сила человѣческаго духа, какую явили міру первые русскіе монахи, лучшіе во всѣхъ отношеніяхъ представители святой Руси, въ подземномъ, пещерномъ кіевскомъ монастырѣ, неудержимо влекла и теперь влечетъ сотни тысячъ русскаго народа въ Кіево-Печерскую лавру на поклоненіе ея многочисленнымъ и замѣчательнымъ святынямъ. Сила эта нисколько не умалилась и не ослабѣла даже и въ то время, когда внѣшность Кіево-Печерской лавры утратила было на время свою первоначальную красоту, когда монастырскіе храмы и стѣны лежали въ развалинахъ, когда сама лавра вмѣстѣ съ Кіевомъ и со всею Запад-

ною Русью находилась подъ чуждымъ владычествомъ. Наоборотъ, въ періодъ чуждаго владычества въ Юго-Западной Руси (сначала татарско-монгольскаго, а потомъ польско-литовскаго) слава и сила нравственнаго обаянія Кіево-Печерской лавры сіяли для русскаго народа еще ярче и сильнѣе прежняго: тогда она была истиннымъ фокусомъ, въ которомъ слились лучшіе и сильнѣйшіе лучи русской народной вѣры, нравственности и образованности. И нынѣ Кіево-Печерская лавра является славнѣйшимъ и любимѣйшимъ среди всѣхъ русскихъ монашескихъ обителей мѣстомъ паломничества для нашего благочестиваго русскаго народа. Самый Кіевъ свое высокое значеніе „русскаго Іерусалима" имѣетъ въ глазахъ русскаго народа благодаря именно Кіево-Печерской лаврѣ и ея святынямъ.

2) Основаніе и первоначальное устройство Кіево-Печерской лавры. Основаніе Кіево-Печерской лавры положилъ въ половинѣ XI в. преп. Антоній. Онъ былъ уроженецъ города (нынѣ мѣстечка) Любеча черниговской области. Отправившись на православный Востокъ, онъ посѣтилъ Аѳонскую гору, въ одномъ изъ монастырей которой принялъ иноческое постриженіе. По возвращеніи въ Россію, преп. Антоній задумалъ основать свой монастырь и мѣсто для него избралъ въ 3 верстахъ отъ (тогдашняго) города Кіева внизъ по теченію р. Днѣпра на высокомъ берегу его. Здѣсь онъ сначала поселился одинъ въ пещерѣ, которую выкопалъ для себя священникъ сосѣдняго великокняжескаго села Берестова Иларіонъ и которая оставалась свободною, послѣ избранія Иларіона въ 1051 г. кіевскимъ митрополитомъ. Слава о подвигахъ преп. Антонія распространилась среди окрестнаго населенія, и къ нему начали собираться люди, искавшіе мѣста для уединенныхъ подвиговъ. Въ числѣ другихъ къ преп. Антонію явился (около 1055—1056 г.г.) преп. Ѳеодосій, который и сдѣлался настоящимъ устроителемъ Кіево-Печерской лавры. Преп. Ѳеодосій родился въ г. Василевѣ (нынѣ Васильковѣ) кіевской обла-



Кіево-Печерская лавра.
Общій видъ съ южной стороны.

сти. Когда онъ былъ еще въ малыхъ лѣтахъ, родители его переселились въ Курскъ, гдѣ преп. Θеодосій провелъ свое дѣтство и юность. По смерти отца, Θеодосій остался на попеченіи матери, которая горячо любила своего сына и желала видѣть его наслѣдникомъ отцовскаго имѣнія. Но самъ преп. Θеодосій, по природному расположенію, стремился къ удаленію отъ міра. Нѣсколько попытокъ его бѣжать изъ-подъ родительскаго крова въ Кіевъ были предупреждены и разстроены матерью. Но въ концѣ концовъ преп. Θеодосію все-таки удалось тайно уйти въ Кіевъ. Здѣсь онъ явился къ преп. Антонію, который, послѣ непродолжительнаго колебанія (въ виду особенной молодости просившаго), принялъ его въ свое братство. Между тѣмъ самъ преп. Антоній, всегда стремившійся къ уединенію и созерцательной подвижнической жизни, оставилъ первоначальную пещеру, которая приняла видъ подземнаго, пещернаго монастыря, и удалился на ближайшую гору, гдѣ ископалъ для себя новую пещеру. Скоро около него образовалось новое небольшое монашеское братство, которое вело подвижническую жизнь въ пещерахъ, извѣстныхъ теперь подъ именемъ *ближнихъ*, или *Антоніевыхъ* пещеръ. Надъ прежнимъ братствомъ, оставшимся въ пещерахъ, въ которыхъ первоначально подвизался преп. Антоній и которыя теперь извѣстны подъ именемъ *дальнихъ* или *Θеодосіевыхъ* пещеръ, преп. Антоній поставилъ игуменомъ Варлаама. Когда же этотъ послѣдній былъ взятъ вел. кн. Изяславомъ въ игумена для устроеннаго имъ Димитріевскаго монастыря, то пещерное братство избрало, съ согласія преп. Антонія, своимъ игуменомъ преп. Θеодосія. Въ это время въ монастырѣ было всего 20 иноковъ, которые, по происхожденію своему, принадлежали преимущественно къ высшимъ классамъ русскаго общества. Преп. Θеодосій сталъ принимать въ монастырь всѣхъ вообще русскихъ людей, не исключая и простыхъ, подъ условіемъ искренняго расположенія ихъ къ монашеской жизни, и скоро собралъ до 100 иноковъ. Преп. Θеодосій ввелъ въ своемъ монастырѣ строгій уставъ, по образцу греческаго такъ наз. Студійскаго. Преп. Θеодосій, съ благословенія преп. Антонія и съ разрѣшенія вел. кн. Изяслава, перенесъ монастырь на близлежащую гору, на то мѣсто, гдѣ онъ и нынѣ находится. Послѣднія свои заботы о благоустройствѣ Кіево-Печерской лавры преподобные Антоній и Θеодосій выразили тѣмъ, что въ 1073 г. заложили каменную церковь во имя Успенія Пресв. Богородицы. Въ 1073 г. скончался преп. Антоній, а 3 мая 1074 г. умеръ и преп. Θеодосій. Устройство великой монастырской церкви продолжали преемники преп. Θеодосія—игумены печерскіе: Стефанъ, Никонъ и Іоаннъ. Строили ее греческіе мастера, которые привезли съ собою и икону Успенія Божіей Матери, составляющую донынѣ величайшую святыню Кіево-Печерской лавры. Въ 1077 г. церковь была готова вчернѣ и въ такомъ видѣ оставалась до 1083 г. Въ этомъ послѣднемъ году явились греческіе мастера, которые начали украшать церковь мозаикою, фресками и иконами. Въ писаніи иконъ для великой лаврской церкви принималъ участіе и русскій ученикъ греческихъ мастеровъ—преп. Алипій иконописецъ. Къ 1089 г. церковь была вполнѣ окончена и 14 августа того же года была освящена кіевскимъ митрополитомъ Іоанномъ. Съ освященіемъ великой церкви, закончилось первоначальное устройство Кіево-Печерской лавры.

3) Краткій очеркъ исторіи Кіево-Печерской лавры. Въ теченіи многовѣковаго, болѣе чѣмъ восьмисотлѣтняго своего существованія Кіево-Печерская лавра, раздѣлявшая общую историческую судьбу русской церкви и русскаго народа, претерпѣла много важныхъ перемѣнъ, въ результатѣ которыхъ и явилось нынѣшнее ея состояніе. Съ этой стороны исторія Кіево-Печерской лавры можетъ быть раздѣлена на слѣдующіе періоды: 1-й) 1089—1240 г., 2-й) 1240—1362 г., 3-й) 1362—1687 г., 4-й) 1687—1786 г. и 5) 1786 до настоящаго времени. 1) Въ теченіи перваго періода своего существованія Кіево-Печерская лавра, находясь подъ защитою великихъ князей и пользуясь любовію всего русскаго народа, продолжала внутренно развиваться и съ внѣшней стороны возрастать и укрѣпляться. Неизвѣстно въ точности, когда и при какихъ обстоятельствахъ (—по традиціи самой Кіево-Печерской лавры при вел кн. Андреѣ Боголюбскомъ и по его почину—), она уже въ это время пріобрѣла права патріаршей ставропигіи и наименованіе лавры, а игумены ея—

званіе архимандритовъ. Тогда же, частію путемъ покупки, но преимущественно путемъ доброхотныхъ пожертвованій отъ князей и другихъ благотворителей, Кіево-Печерская лавра пріобрѣла большія недвижимыя имѣнія и другія обширныя средства. Обиліе средствъ давало ей полную возможность проявлять широкую общественную благотворительность и въ то же время устраиваться самой. Послѣ 1106 г. бывшимъ черниговскимъ княземъ Николою Святошею, постригшимся въ Кіево-Печерской лаврѣ, былъ устроенъ въ ней больничный монастырь съ церковію во имя Пресв. Троицы; въ 1108 г. въ Кіево-Печерской лаврѣ была устроена каменная трапеза; во второй половинѣ XII в. монастырь былъ обнесенъ кругомъ каменною стѣной. Кромѣ того, въ 1109 г. на погостѣ великой церкви у юго-западнаго угла ея было погребено тѣло княжны Евпраксіи, дочери в. к. Всеволода Ярославича, и надъ ея прахомъ была построена часовня. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Кіево-Печерская лавра, раздѣляя судьбу Кіева, подвергалась бѣдствіямъ и раззореніямъ, вслѣдствіе междуусобныхъ войнъ русскихъ князей, или же нападеній иноземныхъ враговъ. Такъ, напр., 20 іюня 1096 г. половцы вторглись въ монастырь, ограбили церковь и обитель. Въ 1240 г. Батый совершенно раззорилъ Кіево-Печерскую лавру, превративъ обитель въ развалины. Нѣкоторые думаютъ, что послѣ Батыева погрома уцѣлѣли только стѣны великой церкви, маленькій храмъ Предтеченскій, пристроенный къ ней, и еще Троицкая церковь на святыхъ воротахъ. 2) Въ теченіи слѣдующаго періода (1240—1362 г.) Кіево-Печерская лавра находилась, кажется, все время, въ запустѣніи подобно тому, какъ и самъ Кіевъ въ то время опустѣлъ. Монахи печерскіе жили въ окрестныхъ лѣсахъ и пещерахъ, собираясь въ монастырь только для слушанія службы, которая совершалась въ маломъ уцѣлѣвшемъ храмѣ обители. 3) Съ переходомъ Кіева и съ нимъ Кіево-Печерской лавры подъ власть сначала великихъ князей литовскихъ, а затѣмъ, послѣ соединенія Литвы съ Польшею въ 1386 г., польскихъ королей, Кіево-Печерская лавра начала постепенно оправляться, обстраиваться и возстановлять свое прежнее внутреннее и внѣшнее устройство. Постепенное возстановленіе Кіево-Печерской лавры совершилось среди многихъ неблагопріятныхъ условій. Попрежнему продолжались разрушенія ея татарами, напр., въ 1399 и 1416 г. Въ 1470 г. великая церковь Кіево-Печерской лавры была возстановлена изъ развалинъ намѣстникомъ кіевскимъ княземъ С. А. Олельковичемъ, а въ 1480 г. кн. Ю. С. Гольшанскій жалованною грамотой подтвердилъ права Кіево-Печерской лавры на владѣніе нѣкоторыми землями. Кіево-Печерская лавра начала было устрояться, но не надолго. 1 сентября 1482 г. татарскій ханъ Менгли-гирей раззорилъ Кіевъ и вмѣстѣ съ нимъ Кіево-Печерскую лавру, которая послѣ того опять запустѣла. Въ XVI в., благодаря возникновенію на югѣ Россіи козачества, которое приняло подъ свою защиту и Кіево-Печерскую лавру, послѣдняя снова начала постепенно, хотя и медленно, поправляться и устраиваться. Матеріальное положеніе ея,— особенно при обильныхъ жертвахъ въ пользу ея со стороны разныхъ благотворителей изъ среды западно-русскихъ ревнителей православія, — было въ это время, можно сказать, даже удовлетворительное. Больше всего она терпѣла теперь отъ произвола и вмѣшательства въ ея внутреннія дѣла со стороны польскихъ королей и вообще правительства польскаго. По этой причинѣ открылось широкое поле для всякихъ искательствъ, интригъ и борьбы изъ-за доходнаго архимандричьяго мѣста въ Кіево-Печерской лаврѣ со стороны разныхъ шляхтичей, которые искали этого сана, привлекаемые не внутреннимъ расположеніемъ къ монашеству или желаніемъ потрудиться на пользу монастыря, а исключительно „духовнымъ хлѣбомъ“, т. е. богатствомъ его. Оттого среди архимандритовъ Кіево-Печерской лавры въ XVI в. стали появляться иногда недостойныя лица, производившія въ обители разные безпорядки. Съ конца XVI в., когда въ Западной Россіи была введена церковная унія, начались усиленныя попытки латино-уніатской партіи привлечь Кіево-Печерскую лавру на сторону уніи. Къ счастію, въ это же время на архимандричьемъ мѣстѣ Кіево-Печерской лавры появляются выдающіеся ревнители и борцы за православіе (напр., Елисей Плетенецкій, Захарія Копыстенскій, Петръ Могила и др.), благодаря чему Кіево-Печерская лавра является теперь однимъ изъ главнѣйшихъ свѣтильни-

ковъ и оплотовъ православія въ Западной Руси и центромъ борьбы за вѣру и народность русскую. Такимъ направленіемъ дѣятельности Кіево-Печерской лавры обусловлено было появленіе въ ней просвѣтительныхъ учрежденій въ видѣ типографіи, школы и др., равно какъ оживленіе книгоиздательства, имѣвшаго полемическій характеръ. Важное значеніе для Кіево-Печерской лавры въ ея борьбѣ за свою самостоятельность и за православіе имѣло еще и то обстоятельство, что она во все это время была ставропигіею патріаршей, т. е. находилась подъ защитою константинопольскаго патріарха. Съ 1654 г., т. е. со времени присоединенія Малороссіи къ Московскому государству, обозначается начало новаго направленія въ жизни и дѣятельности Кіево-Печерской лавры. Она въ лицѣ своихъ архимандритовъ начинаетъ теперь принимать дѣятельно участіе въ церковно-политической жизни Кіева и всего Юго-Западнаго края, постепенно переходившаго фактически и юридически подъ власть Россіи. Въ слѣдъ за подчиненіемъ кіевской митрополіи московскому патріарху и присоединеніемъ Кіева къ Россіи (въ 1685—1686 г.), Кіево-Печерская лавра была сдѣлана (въ 1868 г.) ставропигіею московскаго патріарха и тогда началась новая жизнь Кіево-Печерской лавры. 4) Ровно въ теченіи столѣтія (1687—1786 г.) она живетъ подъ управленіемъ своихъ архимандритовъ, избираемыхъ (за рѣдкими исключеніями, напр., Іосифа Оранскаго) братіею, и подъ высшею властію сначала московскаго патріарха и его мѣстоблюстителя, а затѣмъ Св. Синода. Не смотря на то, что въ это время ей пришлось перенести нѣсколько опустошительныхъ пожаровъ, особенно пожаръ 1718 г., когда всѣ храмы и зданія (кромѣ Троицкой церкви на св. вратахъ), древнія грамоты, драгоцѣнности, богатая библіотека и архивъ ея сдѣлались жертвою огня,—не смотря на это, Кіево-Печерская лавра въ теченіи XVIII в. обновилась, обстроилась, украсилась и значительно увеличила свои имущества и средства. 5) Въ 1786 г. Кіево-Печерская лавра приведена на штатное положеніе, когда многія имѣнія ея были отобраны въ казну, и поставлена подъ управленіе кіевскаго митрополита, получившаго званіе священноархимандрита Кіево-Печерской лавры. Съ того времени начался новый періодъ въ исторіи Кіево-Печерской лавры, продолжающійся доселѣ, при чемъ теперь, не смотря на значительное сокращеніе средствъ, вслѣдствіе отобранія имуществъ въ казну, благочестивое усердіе государей и благоговѣйное уваженіе всего православнаго русскаго народа къ лаврской святынѣ даютъ возможность Кіево-Печерской лаврѣ поддерживать внѣшнее благолѣпіе и благосостояніе славной обители на высотѣ, соотвѣтствующей ея великому историческому значенію.

4) Храмы Кіево-Печерской лавры и ихъ святыни.

I) *Соборная, или великая церковь.* Построена она была, при извѣстныхъ уже намъ обстоятельствахъ, греческими мастерами въ византійскомъ стилѣ XI в. Въ 1470 и 1722—1729 г.г. она была возобновлена, при чемъ хотя первоначальный планъ ея и былъ удержанъ, но фасадъ подвергся измѣненію, особенно карнизы, фронтоны и главы на куполахъ. Въ это же и въ другое время къ первоначальной церкви были сдѣланы пристройки съ сѣверной и южной сторонъ ея. Въ послѣднее время церковь капитально ремонтирована—въ 1879—1880 г.г., снаружи, и въ 1890-хъ годахъ, внутри. Кромѣ главнаго Успенскаго престола, въ ней имѣются еще придѣльные: а) внизу: 1) Михайловскій, 2) Богословскій, 3) Трехсвятительскій, 4) Стефановскій, 5) Предтеченскій (въ сѣверо-западномъ углу); б) вверху: 1) Андреевскій, 2) Преображенскій, 3) Антоніевскій и 4) Θеодосіевскій. Главнѣйшую святыню великой церкви и вообще Кіево-Печерской лавры составляетъ чудотворная икона Успенія Божіей Матери, помѣщающаяся надъ царскими вратами. Въ великой же церкви Кіево-Печерской лавры находятся: икона Пресв. Богородицы, именуемая Игоревскою, такъ какъ предъ нею молился кн. Игорь Ольговичъ предъ убіеніемъ его кіевлянами въ 1147 г., и св. мощи въ особыхъ ракахъ: св. кн. Владиміра (глава), св. митр. Михаила, преп. Θеодосія (подъ спудомъ), всѣхъ печерскихъ угодниковъ (частицы) и архидіакона Стефана; подъ поломъ въ Стефановскомъ придѣлѣ лежитъ нетлѣнное тѣло митр. тобольскаго Павла (Конюскевича), а подъ поломъ главнаго (средняго) храма погребены тѣла нѣкоторыхъ архимандритовъ Кіево-Печерской лавры и князей—ея покро-

вителей; на погостѣ около церкви также погребены были тѣла многихъ архимандритовъ и др. именитыхъ людей.

II) *Трапезная во имя преп. Антонія и Өеодосія церковь,* находящаяся рядомъ съ великою церковію, по правую сторону ея, построена въ 1893—1895 г. г. на мѣстѣ Петропавловской, первоначально устроенной еще въ домонгольскій періодъ и возстановленной въ 1720 г.; въ началѣ XX стол. эта церковь внутри расписана живописью; рядомъ съ нею, въ одномъ зданіи, помѣщается братская трапеза, художественно расписанная. III) При митрополичьемъ домѣ находящаяся *церковь во имя св. Михаила перваго кіевскаго митрополита* въ началѣ XX стол. перестроена на мѣстѣ прежней, построенной въ 1840 г. въ примыкавшемъ къ настоятельскому дому одноярусномъ зданіи, служившемъ до того времени парадной столовой въ большіе праздники Кіево-Печерской лавры. IV) *Троицкая церковь* на святыхъ вратахъ, устроенная въ домонгольскій періодъ и возобновленная гетманомъ И. С. Мазепою въ концѣ XVII в.; замѣчательна особенно иконопись этой церкви, представляющая любопытный памятникъ южнорусской церковной росписи самаго начала XVIII в. V) *Николаевская церковь* въ т. наз. больничномъ монастырѣ, находящемся въ сѣверо-западномъ углу лаврской усадьбы и основанномъ въ домонгольскій періодъ; сама церковь построена въ XVIII в.; въ въ ней находятся чтимыя иконы св. Николая и великомуч. Варвары стариннаго письма. VI) *Больничная церковь во имя иконы Божіей Матери: „Утоли моя печали"* находится надъ вышеупомянутою Николаевскою церковью и устроена въ 1861 г. во второмъ этажѣ большого зданія, построенномъ въ 1860 г. VII) *Церковь во имя всѣхъ святыхъ на т. наз. экономическихъ воротахъ* Кіево-Печерской лавры построена въ 1698 г. гетманомъ И. С. Мазепою. VIII) *Церковь во имя иконы Божіей Матери Всѣхъ Скорбящихъ Радости* устроена въ 1865 г. въ верхнемъ этажѣ каменнаго зданія страннопріимной больницы, которая находится за оградою Кіево-Печерской лавры, во дворѣ. IX) *Крестовоздвиженская церковь* надъ входомъ въ ближнія пещеры Кіево-Печерской лавры устроена въ 1700 г. X) *Церковь во имя всѣхъ печерскихъ преподобныхъ,* построенная въ 1839 г. въ концѣ галлереи, ведущей въ вышеозначенную Крестовоздвиженскую церковь. XI) *Срѣтенская церковь,* деревянная, при келіи блюстителя ближнихъ пещеръ, устроенная въ 1854 г. XII, XIII и XIV) *Антоніевская, Введенская и Варламовская церкви,* находящіяся подъ землею въ ближнихъ пещерахъ, при чемъ первыя двѣ изъ нихъ были устроены еще въ домонгольскій періодъ, а послѣдняя въ 1691 г. кіевскимъ митрополитомъ Варлаамомъ Ясинскимъ, бывшимъ архимандритомъ Кіево-Печерской лавры. XV) *Рождество-богородичная церковь,* устроенная въ 1696 г. кіевскимъ полковникомъ Константиномъ Мокіевскимъ, на вершинѣ холма, при дальнихъ пещерахъ, на мѣстѣ прежней деревянной, устроенной еще въ домонгольскій періодъ. XVI) *Церковь во имя зачатія св. Анны,* построенная въ 1809—1811 г. надъ входомъ въ дальнія пещеры, на мѣстѣ прежней Зачатіевской же церкви, построенной въ 1679 г. XVII, XVIII и XIX) *Благовѣщенская, Христорождественская и Өеодосіевская церкви,* устроенныя, вѣроятно, еще въ домонгольскій періодъ (о Благовѣщенской ц. это несомнѣнно извѣстно).

Пещеры Кіево-Печерской Лавры. Величайшую достопримѣчательность Кіево-Печерской лавры, благоговѣй ночтимую русскимъ народомъ, благодаря почивающимъ здѣсь св. мощамъ печерскихъ угодниковъ составляютъ пещеры ея — ближнія и дальнія. Происхожденіе ихъ намъ извѣстно. Кіевскія пещеры устроены, подобно лабиринту, настолько разнообразно и сложно, что человѣку, незнакомому съ ихъ расположеніемъ, весьма трудно найти выходъ изъ нихъ безъ опытнаго проводника. Пещеры эти не суть произведеніе природы, но дѣло рукъ древнихъ печерскихъ подвижниковъ, тѣла которыхъ въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій почиваютъ здѣсь нетлѣнными. Кіевскія пещеры съ древнѣйшаго времени производили неотразимо сильное впечатлѣніе на посѣтителей ихъ. Посему онѣ часто бывали предметомъ горячей полемики между православными и латино-уніатами. Главнымъ предметомъ полемики служило нетлѣніе мощей, находящихся въ кіевскихъ пещерахъ. „Не качество почвы причиною этому,—доказыва-

ли обыкновенно православные полемисты XVII в., — другія тѣла, тамъ же положенныя, превращались въ прахъ, но печерскіе угодники удостоены нетлѣнія за святость своей жизни и особенную любовь къ Богу". Начатое преп. Антоніемъ и Θеодосіемъ, пещерное подвижничество продолжалось послѣ нихъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Печерскіе подвижники отнюдь не были „пещерными людьми", какъ думаютъ иные. Наоборотъ, печерскіе подвижники были носителями и воплотителями началъ высшаго нравственнаго совершенства, выразителями побѣды духа надъ плотію. Пещерное подвижничество отнюдь не было ничего недѣланіемъ; наоборотъ, оно было выраженіемъ и плодомъ высшаго напряженія сильной, высокой и чистой религіозно-нравственной жизнедѣятельности, содержаніе которой составляли: постоянная молитва, строгій постъ, изнурительные тѣлесные труды и непрерывная борьба духа со зломъ и страстями. Съ давняго времени, когда кіевскій Печерскій монастырь былъ выведенъ на поверхность земли и перенесенъ на настоящее свое мѣсто, пещеры кіевскія сдѣлались кладбищемъ иноковъ. Въ теченіе восьми столѣтій, вслѣдствіе землетрясеній и другихъ причинъ, кіевскія пещеры подвергались и нѣкоторымъ перемѣнамъ, но въ большей своей части онѣ сохранились до насъ почти въ первобытномъ своемъ видѣ. Теперь въ кіевскихъ пещерахъ, приведенныхъ въ настоящій свой видъ, заботами митрополитовъ— Петра Могилы, Евгенія Болховитинова и др., кромѣ перечисленныхъ церквей, находятся въ особыхъ нишахъ, расположенныхъ по обѣ стороны подземныхъ корридоровъ, св. мощи печерскихъ угодниковъ. Въ ближнихъ пещерахъ почиваютъ мощи 73 святыхъ угодниковъ и 30 мироточивыхъ главъ, а въ дальнихъ пещерахъ—мощи 45 святыхъ угодниковъ и также 30 мироточивыхъ главъ.

Ризница Кіево-Печерской лавры. Одну изъ важныхъ достопримѣчательностей Кіево-Печерской лавры составляетъ ризница. Эта послѣдняя съ давняго времени помѣщается въ юго-западномъ углу великой лаврской церкви, въ особомъ отдѣленіи. Въ ней хранятся древнія вещи церковной утвари и драгоцѣнности, пожертвованныя Кіево-Печерской лаврѣ въ разное время русскими царями и царицами, императорами, малороссійскими гетманами, русскими вельможами и духовными лицами. Здѣсь собрано и содержится въ образцовомъ порядкѣ множество драгоцѣнныхъ евангелій, крестовъ, чашъ, панагій, саккосовъ, ризъ, митръ, архіерейскихъ жезловъ и др. вещей. Наиболѣе древними вещами въ лаврской ризницѣ являются евангеліе рукописное и кадильницы отъ XVI в., а всѣ прочія вещи относятся къ XVII и XVIII вв.

5) Типографія Кіево-Печерской лавры. Въ особомъ зданіи, находящемся къ востоку отъ великой лаврской церкви, прямо противъ алтаря ея, и построенномъ въ 1720 г., помѣщается типографія Кіево-Печерской лавры, представляющая одинъ изъ важнѣйшихъ органовъ замѣчательной и высокоблаготворной для всего русскаго народа православнаго и даже для всего вообще православнаго христіанства просвѣтительной дѣятельности Кіево-Печерской лавры. Типографія эта была заведена архимандритомъ Елисеемъ Плетенецкимъ (1595—1624 г.), который пріобрѣлъ стрятинскую типографію, оставшуюся послѣ смерти шляхтича Θеодора Балабана († 24 мая 1606 г.). Вопросъ о началѣ книгопечатанія въ типографіи Кіево-Печерской лавры доселѣ остается открытымъ. Со временъ м. Евгенія Болховитинова въ наукѣ преобладаетъ мнѣніе, что первыми книгами, напечатанными въ типографіи Кіево-Печерской лавры, былъ „Часословъ съ Богомъ"... 1617 г. и Анθологіонъ 1619 г. Но это мнѣніе, поскольку оно отожествляется съ мнѣніемъ о началѣ вообще типографіи Кіево-Печерской лавры, основано на шаткихъ и слабыхъ аргументахъ. Необходимо замѣтить, что традиція Кіево-Печерской лавры начало книгопечатанія въ типографіи ея отодвигаетъ до 1608 г. и даже до 1606 г. Эта традиція имѣетъ основанія—и теоретическія, и фактическія (въ видѣ нѣкоторыхъ указаній, находящихся въ лаврскомъ архивѣ). Типографія Кіево-Печерской лавры была учреждена ея основателемъ и поддержана первоначальными ея дѣятелями съ тою цѣлію, чтобы, какъ они сами говорили,—„отклонить православныхъ отъ черпанія воды отъ чуждыхъ ученій и предоставить имъ для питія воду отъ своихъ студенецъ и источникъ, и чтобы вѣчно и непорушно соблюсти отече-

ское благочестіе и церковное правило". Эта высокая цѣль достигалась типографіей Кіево-Печерской лавры посредствомъ печатанія и распространенія среди православнаго народа частію полемическихъ сочиненій, защищавшихъ православную вѣру отъ различныхъ обвиненій и нападокъ на нее со стороны латино-уніатовъ, на польскомъ, какъ государственномъ тогда въ краѣ, и на старо-русскомъ языкахъ, большею же частію и преимущественно церковно-богослужебныхъ книгъ и свято-отеческихъ твореній, доставлявшихъ православному народу здравую и чистую духовную пищу и утверждавшихъ его въ благочестіи. Эту высокую цѣль типографія Кіево-Печерской лавры преимущественно преслѣдовала и осуществляла отъ начала своего существованія до 1688 г., при чемъ во все это время она вмѣстѣ съ самою лаврой находилась подъ благословеніемъ константинопольскаго патріарха и подъ дѣйствіемъ (до 1654 г. фактическимъ и до 1686 г. только юридическимъ) правъ и законовъ польско-литовскаго государства. Съ конца XVII в. и въ теченіи XVIII в. просвѣтительная дѣятельность типофіи Кіево-Печерской лавры выражалась въ печатаніи и распространеніи среди православнаго русскаго народа преимущественно и даже почти исключительно церковно-богослужебныхъ книгъ на славянскомъ и отъ-части на греческомъ и другихъ иностранныхъ языкахъ. Во все это время типографія Кіево-Печерской лавры, состоя подъ непосредственнымъ управленіемъ архимандритовъ съ ихъ „капитулою", или позднѣе духовнаго собора, независимыхъ отъ кіевскихъ митрополитовъ, находилась „подъ благословеніемъ" и вѣдѣніемъ сначала московскихъ патріарховъ, а потомъ съ 1721 г. Св. Синода, которые особенно внимательно слѣдили за тѣмъ, чтобы типографія Кіево-Печерской лавры „не печатала никакихъ книгъ, кромѣ церковныхъ прежнихъ изданій, и эти послѣднія печатала въ совершенномъ согласіи съ великороссійскими и московскими образцами". Эта опека, — должно сказать, — сильно и безъ нужды стѣсняла типографію Кіево-Печерской лавры. Въ такомъ положеніи типографія Кіево-Печерской лавры находилась до 1786 г. Ставъ 10 апрѣля 1786 г., вмѣстѣ съ Кіево-Печерской лаврой, подъ власть кіевскихъ митрополитовъ, получившихъ теперь званіе священно-архимандритовъ Кіево-Печерской лавры, типографія ея уже въ слѣдующемъ 1787 г. получила важное право печатать, кромѣ славянскихъ церковно-богослужебныхъ книгъ, разныя сочиненія на русскомъ и другихъ разныхъ иностранныхъ языкахъ. Это право, выразившееся реально въ открытіи т. наз. академической типографіи при типографіи Кіево-Печерской лавры, внесло значительное оживленіе въ дѣятельность лаврской типографіи. Съ того времени, подъ высокимъ покровительствомъ и сильною защитою своихъ священно-архимандритовъ, типографія Кіево-Печерской лавры начала постепенно расширяться и во всѣхъ отношеніяхъ совершенствоваться, пока не достигла современнаго своего состоянія. Теперь типографія Кіево-Печерской лавры занимаетъ довольно обширное $2^1/_2$ этажное зданіе (два этажа по фасаду, отъ великой церкви, и три этажа со стороны Днѣпра), въ нижнемъ этажѣ котораго помѣщается паровикъ, дающій отопленіе для всего зданія и приводящій въ движеніе машины, станки печатные и токарные, въ срединѣ— нѣсколько (7) усовершенствованныхъ скоропечатныхъ машинъ и ручныхъ станковъ, и въ верхнемъ—сушильня, литографія, хромолитографія и ксилографія. И теперь типографія Кіево-Печерской лавры печатаетъ преимущественно церковно-богослужебныя книги, которыми пользуется значительная часть церквей нашего отечества и всего православнаго славянскаго міра, равно какъ и книги Св. Писанія, церковно-историческія, нравоучительныя и отъчасти учебныя пособія. Немалую часть своихъ издѣлій, которыя по красотѣ шрифта, изяществу отдѣлки и добротѣ бумаги равняются изданіямъ лучшихъ нашихъ типографій и даже превосходятъ ихъ, Кіево-Печерская лавра безвозмездно жертвуетъ бѣднымъ церквямъ не только въ Россіи, но и въ Греціи, Болгаріи, Сербіи, на Аѳонѣ и пр.

6) Библіотека и архивъ Кіево-Печерской лавры. На юго-западъ отъ великой церкви Кіево-Печерской лавры находится большое, высокое и красивое зданіе, представляющее главную лаврскую колокольню. Колокольня Кіево-Печерской лавры построена въ 1731—1745 г.г. по проэкту архитектора Шейдена. Высота ея съ крестомъ равняется 46 саж. Снаружи она украшена колоннами

различныхъ архетектурныхъ орденовъ: дорическаго, іоническаго и коринөскаго. Внутри колокольня состоитъ изъ нѣсколькихъ ярусовъ. Верхніе ярусы заняты колоколами. Въ самомъ нижнемъ ярусѣ помѣщается теперь архывъ Кіево-Печерской лавры. Дѣла, хранящіяся въ этомъ архивѣ, начинаются только съ 1718 г. Болѣе раннія дѣла погибли въ пожарѣ и только нѣкоторые древніе документы уцѣлѣли, преимущественно, въ видѣ копій. Архивъ подраздѣляется на нѣсколько отдѣловъ и находится въ порядкѣ. Въ одномъ изъ среднихъ ярусовъ колокольни Кіево-Печерской лавры, представляющемъ довольно просторное и свѣтлое помѣщеніе, находится теперь *библіотека* Кіево-Печерской лавры, перенесенная сюда сравнительно недавно съ хоръ великой церкви, гдѣ она помѣщалась прежде. Библіотека Кіево-Печерской лавры сравнительно новаго собранія. Древнее собраніе книгъ ея, очевидно, погибло въ огнѣ во время пожара 1718 г. Нынѣшняя библіотека, образовавшаяся преимущественно по завѣщаніямъ настоятелей, ученой братіи Кіево-Печерской лавры и нѣкоторыхъ стороннихъ жертвователей, состоитъ изъ довольно значительнаго числа печатныхъ книгъ и рукописей. Всѣхъ рукописей въ библіотекѣ Кіево-Печерской лавры насчитывается теперь до 429 №№. Онѣ поступали сюда частію изъ филіальныхъ библіотекъ, существовавшихъ при монастыряхъ—больничномъ, ближнихъ и дальнихъ пещеръ и уцѣлѣвшихъ отъ пожара 1718 г., большею же частію написаны были уже послѣ этого года. По языку рукописи библіотеки Кіево - Печерской лавры раздѣляются на славяно - русскія (276), латинскія (133), польскія (4) и греческія (2), по матеріалу—на пергаментныя (3) и бумажныя (412), по времени написанія—на рукописи XIV в. (2), XV в. (5), XVI в. (до 40) и прочія XVIII и XIX в.в., по содержанію—на относящіяся къ Свящ. Писанію, толкованію его и библейской исторіи (18), къ литургикѣ и каноническому праву (66), къ основному богословію и философіи (47), къ догматическому богословію, нравоученію и аскетикѣ (64), къ обличительному и сравнительному богословію (17), къ патристикѣ (74), къ проповѣдничеству (11), къ словеснымъ наукамъ (43), къ грамматикѣ и языкознанію (3), къ исторіи гражданской и церковной, всеобщей и русской (65) и къ духовному образованію (9). Печатное и рукописное собраніе библіотеки Кіево-Печерской лавры имѣетъ каталоги писанные; кромѣ того, существуетъ печатное описаніе рукописей (проф. Н. И. Петрова), а для печатныхъ книгъ печатный каталогъ.

7) Просвѣтительныя и ремесленныя заведенія Кіево-Печерской лавры и благотворительная дѣятельность ея. Кіево-Печерская лавра на свой счетъ содержитъ двухклассную церковно-приходскую школу, въ которой безмездно обучаются дѣти. При ней существуютъ также слѣдующія ремесленныя заведенія: 1) живописная школа; 2) позолотное отдѣленіе той же школы; 3) мастерскія: слесарная, малярная, столярная, переплетная и словолитня (для типографіи). Кіево-Печерская лавра, исполняя завѣтъ своихъ основателей и устроителей—преп. Антонія и Өеодосія, ведетъ доселѣ весьма широкую общественную благотворительность: содержитъ больницу, страннопріимницу, кормитъ ежедневно множество бѣдныхъ, жертвуетъ щедро на общественныя нужды; напр., за время русско-японской войны (1904 и сл. г.г.) Кіево-Печерская лавра пожертвовала государству и обществу въ общемъ на сумму болѣе 100.000 рублей.

8) Монашескія пустыни, находящіяся въ вѣдѣніи Кіево-Печерской лавры. Въ вѣдѣніи Кіево-Печерской лавры находятся теперь пустыни: I) *Китаевская*, II) *Преображенская* и III) *Голосѣевская*, расположенныя подъ Кіевомъ. I) Китаевская пустынь находится въ 9 верстахъ отъ Кіево-Печерской лавры внизъ по теченію р. Днѣпра, на правомъ берегу его. По традиціи Кіево-Печерской лавры, основаніе этой пустыни относится къ домонгольскому времени и приписывается кн. Андрею Боголюбскому, прозывавшемуся „Китаемъ". Окружающія Китаевскую пустынь горы усѣяны пещерами, похожими на пещеры Кіево-Печерской лавры. Въ XVII в. въ Китаевѣ несомнѣнно существовалъ небольшой скитокъ. Въ 1716 г. кіевскій военный губернаторъ кн. Д. М. Голицинъ возобновилъ пустынь, построивъ въ ней деревянную церковь во имя преп. Сергія Радонежскаго и при ней братскія деревянныя келліи. Въ 1767 г. на мѣстѣ обветшавшей деревянной церкви была устроена нынѣшняя каменная Троицкая церковь съ двумя придѣлами—во имя преп.

Сергія и св. Димитрія Ростовскаго. Въ 1835 г. здѣсь была построена теплая церковь во имя 12 Апостоловъ при братской трапезѣ и каменная колокольня, а въ 1845 г. каменный двухъэтажный братскій корпусъ. До 1870-хъ годовъ Китаевская пустынь служила мѣстомъ погребенія умершихъ иноковъ Кіево-Печерской лавры. А когда китаевское кладбище оказалось недостаточнымъ, то новое кладбище было устроено въ одной верстѣ къ западу отъ Китаева, въ мѣстности, называемой Кругликъ. Для молитвы объ усопшихъ здѣсь была устроена въ 1873 г. каменная церковь во имя Преображенія Господня и съ того времени положено основаніе II) *Преображенской пустыни*. Нѣсколько раньше того, въ 1869 г. былъ устроенъ деревянный храмъ во имя иконы Пресв. Богородицы „Взысканіе погибшихъ" на островѣ Жуковѣ, въ 4 верстахъ отъ Китаева, при лаврскомъ хуторѣ, находящемся здѣсь. III) Въ 3 верстахъ на сѣверо-западъ отъ Китаевской пустыни находится *Голосѣевская пустынь*. Первоначально въ этомъ мѣстѣ, среди уединенной и живописной лѣсной дачи, находился хозяйственный хуторъ Кіево-Печерской лавры. Еще митр. Петръ Могила обратилъ вниманіе на особенную красоту мѣста, построилъ здѣсь церковь во имя одного изъ св. угодниковъ родной ему Молдавіи— Іоанна Сочавскаго и при ней домъ для себя, развелъ садъ и положилъ основаніе небольшому пустынному скиту. Преемники Петра Могилы заботились о поддержаніи послѣдняго, особенно архим. Зосима Валькевичъ, которому, по увольненіи его въ 1786 г. отъ управленія Кіево-Печерской лаврой, Голосѣевская пустынь была дана въ пожизненное завѣдываніе. Въ 1845 г. митр. Филаретъ (Амфитеатровъ), особенно любившій эту пустынь, построилъ въ ней нынѣшнюю каменную Покровскую церковь съ двумя придѣлами — во имя св. Іоанна Сочавскаго и трехъ святителей. Въ настоящее время Голосѣевская пустынь служитъ мѣстомъ для лѣтняго пребыванія священно-архимандритовъ Кіево-Печерской лавры — кіевскихъ митрополитовъ.

9) Управленіе Кіево-Печерской лавры. Со времени своего устройства, Кіево-Печерская лавра, состоя подъ главнымъ начальствомъ кіевскихъ митрополитовъ, находилась въ непосредственномъ распоряженіи своихъ архимандритовъ, избиравшихся монашескимъ братствомъ. Но уже во второй половинѣ XII в. Кіево-Печерская лавра, по сохранившейся въ ней традиціи, пріобрѣла себѣ права ставропигіи великокняжеской и независимости отъ кіевскихъ митрополитовъ. Во второй половинѣ XV в. Кіево-Печерская лавра сдѣлалась ставропигіею константинопольскаго патріарха и продолжала управляться архимандритами, которые избирались вольными голосами братіи и представителей свѣтскаго общества. Въ 1685 г. Кіево-Печерская лавра временно была поручена власти кіевскаго митрополита, подчинившагося тогда московскому патріарху. Но въ 1688 г. Кіево-Печерская лавра снова была изъята изъ-подъ власти кіевскихъ митрополитовъ и признана ставропигіею московскаго патріарха, а съ учрежденіемъ Св. Синода переименована была въ ставропигію его. Въ 1786 г. Кіево-Печерская лавра была подчинена кіевскимъ митрополитамъ, которые стали съ того времени называться священно-архимандритами ея. Теперъ къ Кіево-Печерской лаврѣ высшая правительственная и распорядительная власть принадлежитъ священно-архимандриту, которому помогаетъ Духовный Соборъ, состоящій изъ высшихъ членовъ лаврской братіи, вѣдающій преимущественно судебными и хозяйственными дѣлами и имѣющій всѣ права присутственныхъ мѣстъ. Во главѣ Духовнаго Собора стоитъ намѣстникъ, носящій санъ архимандрита и имѣющій общій надзоръ и руководство по всѣмъ частямъ управленія Кіево-Печерской лавры.

Литература. Источники: 1) для древнѣйшаго періода исторіи Кіево-Печерской лавры главнымъ источникомъ служитъ *Кіево-Печерскій патерикъ*. Онъ представляетъ собою сборникъ нѣсколькихъ сказаній о жизни и подвигахъ печерскихъ угодниковъ. Начало составленію его положилъ авторъ первоначальной лѣтописи, а затѣмъ продолжали его Симонъ, епископъ владимірскій, и архим. Поликарпъ. Кіево-Печерскій патерикъ первоначально хранился въ рукописи, а затѣмъ въ 1635 г. былъ напечатанъ на польскомъ языкѣ Сильвестромъ Коссовымъ, бывшимъ впослѣдствіи кіевскимъ митрополитомъ. Впослѣдствіи онъ нѣсколько разъ издавался на славяно-русскомъ языкѣ. О самомъ Кіево-Печерскомъ патерикѣ существуетъ литература: а) *М. Викторовъ*, Составители Кіево-Печерскаго патерика и позднѣйшая

его судьба; историко-литературный очеркъ, Воронежъ 1876 г.; b) проф. *Н. И. Петровъ*, О происхожденіи и составѣ славяно-русскаго печатнаго пролога, Кіевъ 1875; c) *Яковлевъ*, Древне-кіевскія религіозныя сказанія, Варшава 1875; d) акад. *А. А. Шахматовъ*, Кіево-Печерскій патерикъ и Печерская лѣтопись въ „Извѣст. Отдѣл. русск. яз. и словесн. Императ. Акад. Наукъ", Спб. 1897 г., ч. II, кн. 3, стр. 795—844 и другія произведенія того же автора, посвященныя Кіево-Печерскому монастырю и его основателямъ; e) *Д. И. Абрамовичъ*, Изслѣдованіе о Кіево-Печерскомъ патерикѣ, какъ историко-литературномъ памятникѣ, Спб. 1902 и мн. др. статьи, помѣщавшіяся въ духовныхъ журналахъ, напр. „Странникѣ" и др. 2) Нѣкоторыя свѣдѣнія первоисточныя по исторіи Кіево-Печерской лавры за древнѣйшее время даетъ наша *первоначальная лѣтопись*, равно какъ и другіе источники по исторіи русской церкви, ибо судьба Кіево-Печерской лавры была тѣснѣйшимъ образомъ связана съ судьбами всей древне-русской церкви. 3) Для дальнѣйшей исторіи Кіево-Печерской лавры за время ея нахожденія въ польско-литовскомъ государствѣ (XV и XVI вв.) нѣкоторыя свѣдѣнія можно находить въ документахъ, сохранившихся въ *архивѣ западно-русскихъ уніатскихъ митрополитовъ*: см. печатное „Описаніе документовъ архива западно-русскихъ уніатскихъ митрополитовъ 1470—1700 гг." I, Спб. 1897. [II, 1701—1839, гг. Спб. 1907.] 4) Подобные же документы, касающіеся въ особенности имущественныхъ владѣній Кіево-Печерской лавры находятся въ кіевскомъ Центральномъ архивѣ, при Университетѣ св. Владиміра въ Кіевѣ. 5) Документы по исторіи Кіево-Печерской лавры за XVII в., во множествѣ сохранились въ московскихъ архивахъ, преимущественно въ слѣдующихъ: a) въ *Главномъ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ*, особенно въ отдѣлахъ его—польскихъ и малороссійскихъ дѣлъ; b) въ *Архивѣ Министерства Юстиціи*, особенно въ отдѣленіяхъ его,—столбцовъ и книгъ Малороссійскаго приказа и c) въ Синодальной (бывшей патріаршей) библіотекѣ. 6) За то же время и отъ-части за начало XVIII в. документы по исторіи Кіево-Печерской лавры сохранились въ архивѣ Св. Синода. 7) Исторія Кіево-Печерской лавры съ 1718 г. можетъ быть вполнѣ возстановлена на основаніи архива самой лавры, о которомъ у насъ была выше рѣчь. 8) Нѣкоторые документы по исторіи Кіево-Печерской лавры за XVIII в. и отъ-части за болѣе раннее время сохранились и въ другихъ кіевскихъ архивахъ, напр., Губернскаго Правленія, Казенной Палаты и др. 9) Нѣкоторые документы по исторіи Кіево-Печерской лавры были напечатаны въ различныхъ изданіяхъ, напр., a) въ „Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ" за 1870 г. „Матеріалы для исторіи Кіево Печерской лавры", b) въ примѣчаніяхъ къ изслѣдованію проф. *С. Т. Голубева*: „Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники", т. I, Кіевъ 1883, c) въ различныхъ томахъ „Архива Юго-Западной Россіи", изданныхъ Кіевскою Археографическою Коммиссіей, и d) въ различныхъ томахъ „Актовъ Южной и Западной Россіи" и др. изданіяхъ. Пособія: a) по исторіи Кіево-Печерской лавры существуютъ слѣдующія спеціальныя сочиненія: 1) М. *Самуила* (Миславскаго), Краткое историческое описаніе Кіево-Печерской лавры, изд. Кіевъ 1791, 1795, 1801, 1805 и 1817; 2) М. *Евгенія* (Болховитинова), Описаніе Кіево-Печерской лавры, Кіевъ 1826, 1831, 1837 гг.; 3) *П. П. Л.*, Кіево-Печерская лавра въ ея прошедшемъ и нынѣшнемъ состояніи въ „Кіев. Стар." 1886 г., а отд. изд. первое 1886 г. и второе 1894 г. 4) D-r. *Leopold Götz*, Das Kiever Höhlekloster, als Kulturzentrum der vormongolischen Russlands, Passau 1904—Л. К. Гётцъ, Кіево-Печерскій монастырь, какъ культурный центръ домонгольской Россіи [часть передана порусски А. В. Звѣревымъ въ „Душеполезномъ Чтеніи" 1906 г., № 10, стр. 278—289]. Здѣсь излагается исторія Лавры до 1240 г. и во второй части его выясняется значеніе Лавры для русской церкви и государства въ домонгольскій періодъ (см. подробный отзывъ о немъ у о. проф. Ѳ. И. Титова, Критико-библіографическій обзоръ новѣйшихъ трудовъ по исторіи русской церкви, вып. IV, Кіевъ 1905, стр. 1—22). 5) Кромѣ того, съ исторіей Кіево-Печерской лавры можно познакомиться по общимъ систематическимъ курсамъ исторіи русской церкви, особенно въ трудахъ проф. *Е. Е. Голубинскаго*, Исторія русской церкви т. I, половины 1 и 2 (вышли уже вторымъ изданіемъ) и М. *Макарія*, Исторія русской церкви I—XII тт., при чемъ свѣдѣнія по исторіи Кіево-Печерской Лавры можно находить почти во всѣхъ томахъ ея въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ. 6) Изъ спеціальныхъ церковно-историческихъ изслѣдованій, посвященныхъ другимъ вопросамъ, но содержащихъ въ себѣ цѣнныя свѣдѣнія по исторіи Кіево-Печерской лавры, можно указать на слѣдующія: a) проф. *Пл. Н. Жуковича*, Сеймовая борьба православнаго западно-русскаго дворянства съ церковной уніей (до 1609 г.), Спб. 1901 (особенно отд. I, гл. гл. IX—X, и отд. II); b) проф. *С. Т. Голубева*, Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники (опытъ историческаго изслѣдованія), т. I, Кіевъ 1883 (особенно гл. IV, стр. 241—412, гдѣ описывается состояніе Кіево-Печерской лавры въ XVI в. и дается очеркъ дѣятельности ближайшихъ предшественниковъ Петра Могилы по Кіево-Печерской архимандріи — Никифора Тура, Елисея Плетенецкаго и За-

харіи Копыстенскаго, равно какъ и первоначальной дѣятельности самого Петра Могилы по управленію Кіево-Печерской лаврой) и с) *В. Эйнгорна*, Очерки изъ исторіи Малороссіи въ XVII в. I: Сношенія малороссійскаго духовенства съ московскимъ правительствомъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича, Москва 1899 (здѣсь въ различныхъ главахъ изображается церковно-политическая дѣятельность архимандрита Кіево-Печерской лавры Иннокентія Гнезеля, равно какъ сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія и о состояніи самой Кіево-Печерской лавры). Свѣдѣнія о Кіево-Печерской лавры по части археологической и топографической можно находить почти во всѣхъ „описаніяхъ Кіева", при чемъ особеннаго вниманія заслуживаетъ статья, посвященная Кіево-Печерской лаврѣ и находящаяся въ извѣстномъ „Описаніи Кіева" *Н. Закревскаго*, Москва 1868; менѣе обстоятельныя, но все же цѣнныя свѣдѣнія имѣются у *Похилевича*, *Фундуклея* и др. Самыя обстоятельныя и точныя свѣдѣнія по части топографіи Кіево-Печерской лавры находятся въ сочиненіи проф. *Н. И. Петрова*, Историко-топографическіе очерки Кіева, Кіевъ 1897. Выясненію значенія Кіево-Печерской лавры въ исторіи русской церкви, русскаго народа и, въ частности, русскаго монашества, кромѣ упомянутаго изслѣдованія Л. К. Гётца, посвящены еще журнальныя статьи и сочиненія: 1) † проф. *П. Ѳ. Николаевскаго*, Кіево-Печерскій монастырь въ древней Россіи („Христ. Чтен." 1876 г.); 2) проф. *С. И. Смирнова*, Значеніе Печерскаго монастыря въ начальной исторіи русской церкви и общества („Богословскій Вѣстн." 1896 г., кн. 10); 3) † проф. *П. С. Казанскаго*, Исторія православнаго русскаго монашества отъ основанія Печерской обители до основанія лавры св. Троицы, Москва 1853. Съ вопросомъ о пещерахъ Кіево-Печерской лавры можно познакомиться по слѣдующимъ статьямъ: 1) *І. Новицкаго*, Іоганнъ Гербиній, виленскій пасторъ полов. XVII в., и его подземный Кіевъ „Вѣстн. Запад. Россіи" 1871 г.); 2) *І. В.*, Кіевскія пещеры („Домашняя Бесѣда" 1872 г.) и др. Вопросъ о св. мощахъ печерскихъ угодниковъ, ихъ нетлѣніи и чудесахъ разсматривается въ старыхъ и новыхъ трудахъ: 1) *Silwestra Kossowa*, Paterikon abo Zywoty s's'. oycow Pieczarskich, K. 1635; 2) *Athanasiusza Kalnofoyskiego*, Τερατουργημα libo çuda.. K. 1638 (разборъ ихъ см. у С. Т. Голубева, Кіевскій митрополитъ Петръ Могила и его сподвижники т. II, Кіевъ 1898, гл. III, стр. 268—309) и 3) *Ѳеофана Прокоповича*, Разсужденіе о нетлѣніи мощей св. угодниковъ Божіихъ въ кіевскихъ пещерахъ, Кіевъ 1876 г., изд. 3 и 1905 г. изд. 4-е). Съ вопросомъ о началѣ книгопечатанія въ Кіево-Печерской лаврѣ и ея типографіи можно познакомиться по слѣдующимъ статьямъ: 1) *П. Троицкаго*, Типографія Кіево-Печерской лавры („Труд. Кіев. Дух. Академіи", 1865 г., кн. 5—6); 2) † *П. А. Гильтебрандта*. Кіевскія и Волынскія старопечатни („Древн. и Нов. Россія" 1880 г., т. I, 1—4, стр. 183—188); 3) проф. *С. Т. Голубева* (кромѣ IV гл. I т. изслѣдованія о кіевскомъ митрополитѣ Петрѣ Могилѣ еще) статья „О началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ" въ „Кіев. Стар." 1882 г., т. II, кн. 6, стр. 382—400; 4) *Н. Каманина*, Къ исторіи Кіево-Печерской лаврской типографіи („Кіев. Стар." 1894 г. т. XLVI, кн. VIII, стр. 276—278); 5) Докладъ синодальный о возобновленіи въ кіевской митрополіи типографіи („Чтен. въ Импер. Общ. Ист. и Древн. Рос. при Моск. Университ." 1861 г., кн. 3-я, отд. V, стр. 17—21) и 6) Процессъ по дѣлу объ учрежденіи типографіи при кіевской митрополіи („Времен. Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Рос." кн. 22-я, Москва 1885 г., отд. III стр. 1—6). Съ вопросомъ о живописи и иконномъ росписаніи Кіево-Печерской лавры можно познакомиться по статьямъ проф. *Н. И. Петрова*, Объ упраздненіи стѣнописи Кіево-Печерской лавры, Кіевъ 1901. Съ библіотекою Кіево-Печерской лавры и, въ частности, съ рукописнымъ собраніемъ ея можно познакомиться по труду проф. *Н. И. Петрова*, Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ городѣ Кіевѣ, выпускъ II, Москва 1897, стр. 3—129. Другія, болѣе мелкія статьи и замѣтки по исторіи Кіево-Печерской лавры въ различныхъ отношеніяхъ см. у † *В. В. Звѣринскаго*, Матеріалы для историко-топографическаго изслѣдованія о православныхъ монастыряхъ въ Россійской имперіи съ библіографическимъ указателемъ, т. II, Спб. 1892, № 871, стр. 175—182.

Протоіерей *Ѳ. Титовъ*.

Кіевская Духовная Академія.

Кіевская Академія была старѣйшимъ въ Россіи высшимъ учебнымъ заведеніемъ. Она неразрывно связана была съ Кіево-Братскимъ училищнымъ монастыремъ и вмѣстѣ съ нимъ основана въ 1615 году дворянкою Галшкою (Еленою) Гулевичевною Лозкиною, которая пожертвовала въ этомъ году на вѣчныя времена,—какъ она пишетъ: „дворъ свой власный на всемъ и з пляцомъ... на монастырь ставропигіонъ патріаршеское общего житія по Василію Великому, такъ же тежъ и на школу детемъ такъ шляхетскимъ, яко и местскимъ, а при томъ и на гостинницу странныковъ духовныхъ... И обы тежъ тая фундація скутокъ свой брала, теды заразъ въ той дворъ и на его пляцъ ду-

ховныхъ и свецкихъ православныхъ, а меновите благовѣрного священноинока отца Исаія Купинского и прочіихъ 3 черцовъ, такъ же тежъ и школу впровадиламъ и впроважаю", и проч.

Но Галшка Гулевичевна была лишь одною изъ многихъ другихъ личностей, сознавшихъ назрѣвшія потребности южнорусской народности и церкви въ борьбѣ съ латино-польскою пропагандой, усилившеюся въ юго-западной Руси со времени присоединенія ея отъ Литвы къ Польшѣ въ 1569 году и провозглашенія церковной уніи съ Римомъ въ 1596 году. Къ концу того же 1615 года или, по меньшей мѣрѣ, въ началѣ слѣдующаго года около основанныхъ Галшкою Гулевичевною Лозкиною учрежденій появляется всесословное церковное братство, которое беретъ подъ свою защиту и покровительство помянутыя учрежденія, устраиваетъ въ домѣ жертвовательницы или около него Благовѣщенскую церковь и полагаетъ основаніе новому обширному храму Богоявленія Господня. Вскорѣ въ число кіевскихъ братчиковъ записался славный запорожскій гетманъ Петръ Конашевичъ „Сагайдачный" со всѣмъ своимъ войскомъ, на средства котораго, главнымъ образомъ, и начала строиться, съ 1620 г., Богоявленская церковь Братскаго монастыря. Въ это время іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ, прибывъ въ Россію для сбора милостыни, посѣтилъ и Кіевъ и остановился въ страннопріимномъ домѣ Братскаго монастыря. Имѣя полномочіе отъ константинопольскаго патріарха, патріархъ Ѳеофанъ возстановилъ южно-русскую православную іерархію, прерванную уніею, двухъ изъ новопоставленныхъ іерарховъ, Борецкаго и Копинскаго, посвятилъ въ Братской, вѣроятно, Благовѣщенской церкви и далъ Братскому монастырю право патріаршей ставропигіи, водрузивъ крестъ „при церкви святыхъ Богоявленій и Благовѣщенія". Въ слѣдующемъ 1621 году патріархъ Ѳеофанъ, прощаясь съ Кіевомъ и Братствомъ, благословилъ послѣднее своимъ кипариснымъ крестомъ, который донынѣ хранится надъ царскими вратами Богоявленской братской церкви. Въ 1622 году умеръ гетманъ Сагайдачный, отдавъ передъ смертью для новосозидаемаго храма большой золоченый серебряный крестъ, обсаженный 9-ю камнями, и,—по древнимъ свидѣтельствамъ, „погребенъ въ монастыри братства кіевскаго", или „погребенъ при церкви школы

1) Великая Богоявленская церковь Кіево-Братскаго монастыря.
2) Главный корпусъ Кіевской Духовной Академіи.

словенское, въ мѣстѣ, на Подолѣ честно, въ дому братства церковного", вѣроятно при Благовѣщенской церкви, а не Богоявленской, которая продолжала еще строиться. Къ 1625 году храмъ съ престолами „Богоявленія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, иже на Іордани, Благовѣщенія Пречистой Его Матери и преподобныхъ отцовъ Антонія и Θеодосія Печерскихъ" былъ вчернѣ оконченъ, имѣлъ пять куполовъ, но не былъ покрытъ желѣзомъ и не украшенъ честными иконами, вслѣдствіе чего кіевскіе братчики обратились къ царю Михаилу Θеодоровичу съ просьбою о пособіи на окончаніе достраивающейся церкви. Вѣроятно, около этого же времени построена была братская трапеза съ алтаремъ святыхъ Бориса и Глѣба, упоминаемая К. Саковичемъ въ его „Дезидерозусѣ" 1625 года. Въ 1629 году обыватели воеводства кіевскаго исходатайствовали у короля Сигизмунда III утвержденіе существованія и правъ кіевскаго братства милосердія по чину Василія великаго и при немъ богадѣльни и церкви.

Что же касается братской школы, прародительницы кіевской Академіи, то она учреждена была въ одно время съ основаніемъ Кіево-Братскаго монастыря, т.-е. въ 1615 году, и на первый разъ составлена была, повидимому, изъ учениковъ кіевскихъ церковно-приходскихъ школъ и особенно изъ школьниковъ кіевоподольской Воскресенской церкви. Преподаваніе и курсъ наукъ въ этой школѣ были такіе же, какіе и въ болѣе раннихъ южно-русскихъ школахъ— львовской, виленской, острожской, могилевской и другихъ, съ преобладаніемъ языковъ греческаго и славяно-русскаго. Но такъ какъ Греція сама въ это время находилась въ упадкѣ и подъ чужеземнымъ игомъ и не только не могла быть источникомъ научнаго просвѣщенія, но,—въ лицѣ лучшихъ представителей своихъ,—сама заимствовала его съ запада Европы, то и кіевская школа съ преобладающимъ грекославянскимъ направленіемъ и характеромъ не могла успѣшно соперничать съ латинопольскими, стоявшими на уровнѣ современныхъ научныхъ и педагогическихъ требованій. Это вполнѣ сознавалъ воевода молдавскихъ земель Петръ Могила, самъ получившій образованіе въ латино-польскихъ школахъ. Поэтому, сдѣлавшись въ 1627 г. архимандритомъ Кіево-Печерской лавры, онъ задумалъ основать въ ней монастырское училище по образцу тогдашнихъ латинопольскихъ коллегій и академій и отправилъ нѣсколько молодыхъ людей въ латинопольскія и заграничныя школы для довершенія образованія и приготовленія къ учительству. Училище открыто было въ 1631 г. въ лаврѣ, въ Больничномъ лаврскомъ монастырѣ, съ благословенія константинопольскаго патріарха Кирилла и кіевскаго митрополита Исаіи Копинскаго; но на первыхъ же порахъ,—по кознямъ уніатскаго митрополита Іосифа Вельямина Рутскаго,—возбудило неудовольствіе и даже открытое возмущеніе кіевскаго общества и казаковъ противъ себя, учителей его и самого Петра Могилы за ихъ яко бы приверженность къ протестантству и социніанству. Въ томъ же году и Богоявленское Братство просило Петра Могилу перевести учрежденную имъ коллегію въ Братскій монастырь и соединить ее съ прежнею Богоявленскою школой,— и Петръ Могила, для успокоенія кіевскаго общества и козаковъ, долженъ былъ дать согласіе на эту просьбу, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы ему быть пожизненнымъ опекуномъ, блюстителемъ и защитникомъ Братской церкви, монастыря, школъ и всего къ нимъ принадлежащаго.

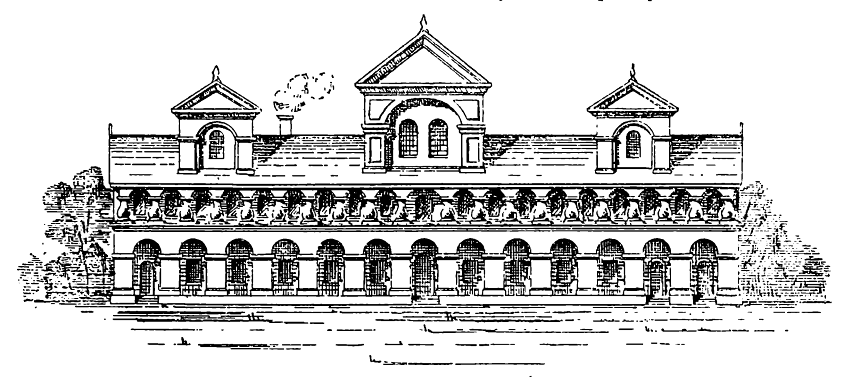
Въ 1632 году Петръ Могила сдѣлался кіевскимъ митрополитомъ, оставаясь вмѣстѣ и священно-архимадритомъ лавры. Принявъ въ свою опеку и попечительство Богоявленскій Братскій монастырь и Коллегію, онъ задумалъ было сдѣлать свою коллегію Академію, т.-е. высшимъ учебнымъ заведеніемъ, отъ котораго зависѣли бы другія низшія коллегіи или учебныя заведенія. Но польское правительство не разрѣшило Академіи; да и въ самой кіевской Коллегіи дозволило преподавать науки только по логику включительно, безъ богословскихъ наукъ. Тѣмъ не менѣе и въ этихъ тѣсныхъ рамкахъ кіевобратская Коллегія сразу же стала въ учебномъ отношеніи въ уровень съ соотвѣтствующими ей латинопольскими, особенно іезуитскими и піарскими (т.-е. католическаго монашескаго ордена „піаровъ") Коллегіями.

Напрасно, впрочемъ, польскій историкъ кіевской Академіи А. Яблоновскій усили-

вается доказать, будто бы кіевская Коллегія, переименованная потомъ въ Академію, будучи учреждена по примѣру латинопольскихъ Коллегій и Академій, была проводникомъ польской культуры не только въ южную Русь, но и въ Великороссію, куда съ XVII в. весьма часто вызывались кіевскіе ученые. Прежде всего нужно замѣтить, что латинопольская ученость носила тогда формальный, схоластическій характеръ, не давала какого-либо новаго содержанія культуры, а служила для кіевскихъ ученыхъ лишь средствомъ къ научной разработкѣ своего русскаго содержанія и своей православной вѣры. Да и это латинопольское образованіе не было исключительнымъ, національнымъ достояніемъ поляковъ, а заимствовано ими съ запада Европы, куда впослѣдствіи стали непосредственно обращаться и кіевскіе ученые.

Сдѣлавшись патрономъ Богоявленскаго Братства и Коллегіи, Петръ Могила снабжалъ монастырь земельными участками и угодьями, отобралъ отъ уніатовъ Трехсвятительскую и Воздвиженскую церкви съ принадлежавшими имъ землями и угодіями, передавъ ихъ Богоявленскому училищному монастырю, а по смерти отказалъ ему значительную часть своего движимаго и недвижимаго имущества.

При Петрѣ Могилѣ въ Кіево-Братскомъ монастырѣ, кромѣ Коллегіи, были: Благовѣщенская церковь при входѣ въ монастырь съ юго-запада новыми академическими воротами, Богоявленская церковь въ срединѣ монастыря и монастырская трапеза съ Борисоглѣбскимъ алтаремъ на мѣстѣ нынѣшней трапезы.



Старый корпусъ Кіевской Духовной Академіи, устроенный на средства гетмана И. С. Мазепы въ 1703—1704 гг., до реставраціи его при митрополитѣ Рафаилѣ Заборовскомъ въ 1735 г.

Послѣ смерти Петра Могилы († 1646 г.), со времени возстанія Богдана Хмельницкаго противъ поляковъ, Братскій монастырь и Коллегія переживали тяжелую пору, а иногда подвергались и опустошеніямъ. Въ 1653 и 1655 годахъ Кіево-Братскій монастырь, повидимому, оставался въ прежнемъ положеніи, какъ это можно видѣть изъ описанія его у архидіакона Павла алеппскаго. Въ 1655 году онъ даже обогатился новою святыней. Въ іюнѣ этого года Кіево-Братскій игуменъ и ректоръ Коллегіи Лазарь Барановичъ привезъ изъ Бѣлоруссіи чудотворную икону Богородицы и помѣстилъ ее въ Богоявленскомъ храмѣ Братскаго монастыря.

Въ 1658 году гетманъ Иванъ Выговскій, измѣнивъ Россіи и предавшись на сторону Польши, Гадяцкимъ договоромъ съ поляками выговорилъ, между прочимъ, слѣдующіе пункты: „6) Академіи въ Кіевѣ быть съ преимуществами, равными Краковской, съ тѣмъ однако-жъ, чтобъ здѣсь не было ни профессоровъ, ни учениковъ исповѣданія аріанскаго, кальвинскаго и лютеранскаго; прочія же всѣ школы католицкія, какія дотолѣ были въ Кіевѣ, вывести въ другія мѣста, гдѣ нѣтъ русскихъ жителей; 7) дозволить и другую Академію завесть на томъ же основаніи, гдѣ способнѣе усмотрится,

въ томъ мѣстѣ другимъ иновѣрнымъ школамъ также не быть". Но измѣна Выговлкаго привела только къ междоусобной сойнѣ между самими козаками, во время второй въ 1658 году Братскій монастырь къ храмами Богоявленскимъ и Благовѣщенскимъ и со школами истребленъ былъ пожаромъ. Можетъ быть, въ связи съ этими смутами и пожаромъ стоитъ перенесеніе чудотворной Купятицкой иконы Богородицы, около 1658 года, изъ Братскаго монастыря въ Кіево-Софійскій соборъ, гдѣ она находится и доселѣ. Но,—что важнѣе всего,—само русское правительство стало теперь подозрительно смотрѣть на кіевскую Коллегію. Когда получено было въ Москвѣ челобитье о возобновленіи и поддержаніи кіевскихъ школъ, то московское правительство дало знать тогдашнему кіевскому воеводѣ боярину Шереметеву, что лучше бы тѣхъ школъ не заводить, если то „кіевскимъ жителямъ противъ ихъ вольностей будетъ не въ оскорбленіе". Но просвѣщенный вельможа Шереметевъ отвѣчалъ, что упразднить ту школу никакъ нельзя, потому что кіевскимъ жителямъ будетъ то въ великое оскорбленіе. Поэтому московскимъ правительствомъ сдѣлано было только ограниченіе, чтобы въ ней обучались кіевскіе жители, а изъ непріятельскихъ и другихъ городовъ никого не принимать, дабы отъ сего не произошло смуты и всякаго дурна. Ученіе въ Коллегіи возобновилось приблизительно съ 1660—1661 учебнаго года, но Богоявленскій храмъ не возобновлялся до 1671 года. Единственнымъ храмомъ въ монастырѣ оставалась трапезная Борисо-Глѣбская церковь, въ которой въ 1662 году временно помѣщена была чудотворная Братская икона Богородицы, въ этомъ году чудесно переселившаяся въ Кіево-Братскій монастырь изъ разореннаго въ то время татарами Вышгорода,

По Андрусовскому договору 1667 года, Кіевъ оставленъ во владѣніи московскаго государства только на два года; но въ дѣйствительности онъ навсегда уже сдѣлался достояніемъ Россіи и въ XVII вѣкѣ тщательно оберегался московскими войсками. Подъ охраною ихъ и подъ покровительствомъ Россіи, съ 1671 года началъ возстановляться Богоявленскій храмъ Братскаго монастыря.

Въ 1686 году, по договору Россіи съ Польшею, Кіевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Богоявленскій училищный монастырь отошли навсегда къ Россіи. Кіевская Коллегія, не стѣсняемая болѣе ограниченіемъ преподавать науки не далѣе логики, съ 1689 года вводитъ въ кругъ своихъ наукъ богословіе, первымъ преподавателемъ котораго былъ здѣсь Іоасафъ Кроковскій. Она получаетъ также разрѣшеніе принимать въ среду своихъ студентовъ и иностранцевъ, устанавливаетъ у себя нѣкоторые академическіе порядки, перенятые у заграничныхъ латино-польскихъ академій, и испрашиваетъ у русскихъ государей царское жалованье, утвержденіе прежнихъ своихъ правъ и преимуществъ и пожалованіе новыхъ, съ переименованіемъ изъ Коллегіи въ Академію. Въ связи съ преподаваніемъ полнаго курса философіи и богословія нужно поставить учрежденіе или возстановленіе Іоасафомъ Кроковскимъ студенческаго братства или конгрегаціи, раздѣлявшейся на старшую подъ именемъ Благовѣщенія Пресв. Богородицы, къ которой принадлежали студенты богословія и философіи, и младшую подъ именемъ Зачатія Пресв. Богородицы, къ которой принадлежали остальные ученики низшихъ классовъ. Конгрегаціонная Благовѣщенская церковь устроена была надъ монастырскою трапезною Борисоглѣбскою церковію, въ верхнемъ ярусѣ ея, и оставалась здѣсь до 1740 года. Въ 1693 году гетманъ Мазепа окончилъ постройкою нынѣшнюю величественную Богоявленскую церковь Братскаго монастыря, а въ 1704 г. выстроилъ для Академіи каменный корпусъ, съ деревянною, кажется, надстройкой въ полтора этажа. Въ послѣдствіи времени кіевскій митрополитъ Рафаилъ Заборовскій (1731—1747 гг.) замѣнилъ верхній деревянный этажъ мазепинскаго академическаго корпуса каменнымъ, въ которомъ, — по плану архитектора Шейдена, — устроилъ огромный конгрегаціонный залъ, съ колоннами и хорами съ обѣихъ сторонъ, и академическую Благовѣщенскую конгрегаціонную церковь, тогда какъ бывшая надъ трапезою прежняя конгрегаціонная церковь обращена была подъ академическую библіотеку. Для помѣщенія бѣдныхъ студентовъ существовала особенная бурса внутри монастыря. Въ 1719 году митрополитомъ Іоасафомъ

Кроковскимъ построена была новая деревянная бурса гдѣ-то на южной сторонѣ Кіево-Братскаго монастыря, а въ 1760-хъ годахъ, по обветшаніи этой бурсы и пожарѣ ея, новая каменная бурса построена была на берегу Днѣпра, гдѣ недавно помѣщалось Кіево-Подольское Духовное Училище.

Вмѣстѣ съ постройкою новыхъ зданій, для Кіево-Братскаго монастыря и Академіи, начинается быстрое оживленіе внутренней и внѣшней жизни Академіи. Кіевскіе ученые уже не довольствуются теперь одною польско-латинскою схоластическою наукой, а обращаются иногда непосредственно на западъ Европы и исчерпываютъ науку изъ болѣе свѣжихъ источниковъ. Таковъ былъ особенно Ѳеофанъ Прокоповичъ II, закончившій свое образованіе въ Римѣ. Во время заграничной своей жизни онъ познакомился съ сочиненіями нѣкоторыхъ представителей такъ называемой эпохи возрожденія и, можетъ быть, и протестантской науки и является въ Россіи представителемъ эпохи возрожденія. Всѣ его уроки и лекціи по политикѣ, риторикѣ, философіи и богословію, преподанные въ кіевской Академіи, отличаются сравнительною живостію, даже страстностію и захватывающимъ интересамъ, и впослѣдствіи нашли себѣ рьяныхъ почитателей и послѣдователей въ средѣ академическихъ профессоровъ. Но могущественное вліяніе на дальнѣйшія судьбы русской науки Ѳеофанъ Прокоповичъ оказалъ составленнымъ имъ „Духовнымъ Регламентомъ“, въ которомъ онъ хотѣлъ ослабить господствовавшее тогда латино-польское схоластическое образованіе и оживить его новымъ духомъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ думалъ даже основать новую Академію съ Семинаріями, на новыхъ началахъ, но не имѣлъ возможности осуществить своего намѣренія, а потому кіевская Академія попрежнему удерживала за собою первенствующее положеніе, постепенно и мало по малу дѣлая уступки и новымъ требованіямъ „Духовнаго Регламента“. Съ одной стороны, она получаетъ большую извѣстность и за границей и цѣлыми сотнями привлекаетъ въ свои стѣны заграничныхъ воспитанниковъ православнаго исповѣданія, а съ другой — даетъ массу образованныхъ людей для всѣхъ слоевъ общественной жизни Малороссіи и, наконецъ, снабжаетъ сѣверную Россію и русское правительство просвѣщенными дѣятелями на разныхъ поприщахъ церковно-общественной дѣятельности и особенно на духовно-просвѣтительномъ поприщѣ. Въ первой и отчасти во второй половинѣ XVIII вѣка всѣ духовныя школы Россіи получали своихъ наставниковъ и начальниковъ преимуще-

Старый корпусъ Кіевской Духовной Академіи, построенный въ 1703—1704 гг. на средства гетмана И. С. Мазепы и реставрированный митрополитомъ Рафаиломъ Заборовскомъ, по проекту архитектора Штейна, въ 1735 г.

ственно изъ Кіева. Изъ Кіева же иногда посылались учителя и къ заграничнымъ сербамъ. А учителя и начальники духовно-учебныхъ заведеній были первыми кандидатами на церковно-іерархическія должности архіереевъ, архимандритовъ и т. п.

Но уже одно это сильное отвлеченіе ученыхъ силъ отъ кіевской Академіи нѣсколько ослабляло ея собственныя силы. Къ тому же, кіевская Академія, дотолѣ пользовавшаяся особыми правами и привилегіями, съ конца царствованія Петра I подвергается различнымъ ограниченіямъ въ своихъ правахъ. Со времени изданія „Духовнаго Регламента" въ 1721 году, на кіевскую Академію начинаютъ смотрѣть не какъ на представительницу свободныхъ ученій, а какъ на епархіальную школу имѣющую своимъ назначеніемъ приготовлять кандидатовъ на священнослужительскія мѣста въ епархіи, и, слѣдовательно, какъ на сословную школу. Правда, кіевская Академія отстаиваетъ свободу ученія для заграничныхъ и иносословныхъ учениковъ; но зато дѣти духовенства все болѣе и болѣе укрѣпляются за духовнымъ сословіемъ, обязательно принуждаются обучаться въ кіевской Академіи въ надеждѣ полученія священства, а впослѣдствіи и оканчивать въ ней полный курсъ ученія. Какъ особое сословіе, бѣлое и черное духовенство въ Малороссіи „рѣшительными пунктами" 1728 года лишено было законнаго права вновь пріобрѣтать недвижимыя имущества, послѣдствіемъ чего были расхищеніе и почти полный упадокъ духовныхъ особенно монастырскихъ и архіерейскихъ недвижимыхъ имуществъ. Въ связи съ этимъ запрещеніемъ стоитъ и запрещеніе поступать въ духовное званіе, съ одной стороны, членамъ козацкой старшины и козакамъ безъ вѣдома полковой старшины и даже гетмана, а съ другой —и посполитымъ или крестьянамъ, по мѣрѣ закрѣпленія ихъ за малорусскими помѣщиками. Кіевская Академія все болѣе и болѣе становилась сословнымъ духовно-учебнымъ учрежденіемъ, хотя въ ней, по старымъ традиціямъ, и продолжали еще учиться дѣти мѣстныхъ разночинцевъ. Послѣдній элементъ значительно ослабѣлъ въ виду открытія на сѣверѣ Россіи академическаго Университета и академической гимназіи и особенно московскаго Университета (въ 1755 г.), куда дѣти дворянъ стали поступать теперь большими массами. Сама кіевская Академія, съ царствованія Екатерины II, стала разсматриваться и оцѣниваться свѣтскими людьми по нормѣ Университетовъ и другихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній. Является цѣлый рядъ проектовъ о преобразованій кіевской Академіи въ Университетъ, для малорусскаго шляхетства, съ богословскимъ факультетомъ. Въ кіевскую Академію вводятся новыя науки и новые методы преподаванія, вслѣдствіе чего кіевскіе воспитанники посылались въ московскій Университетъ и въ учительскую Семинарію, для приготовленія къ учительству въ родной Академіи. Подобнымъ экспериментамъ подвергались низшіе и средніе классы кіевской Академіи, въ которые введены были свѣтскія науки, естественная исторія, математика, архитектура, живопись и проч., съ указаніемъ при томъ опредѣленныхъ руководствъ и пособій. Кругъ наукъ увеличился значительно, но уровень ихъ преподаванія сильно упалъ противъ прежняго: указаніе опредѣленныхъ учебниковъ и пособій стѣсняло и даже дѣлало невозможнымъ свободное чтеніе академическихъ лекцій. Счастливое исключеніе представляло изъ себя только богословіе, которое теперь стало расчленяться на составныя свои части и спеціализировать ихъ, какъ это мы видимъ въ инструкціи 1763 года, въ которой намѣчаются будущія науки академическаго богословскаго образованія: нравственное богословіе, Свящ. Писаніе, ученіе объ отцахъ и учителяхъ церкви, основное богословіе, всеобщая церковная исторія и др. Со второй половины XVIII вѣка появляются и печатные труды кіевскихъ ученыхъ по православному и догматическому богословію, какъ напр., Чтенія Ѳеофана Прокоповича, изданныя Самуиломъ Миславскимъ, Compendium theologiae Иринея Фальковскаго и др.

Незавидно было, съ конца XVII вѣка, и матеріальное положеніе Кіево - Братскаго монастыря и Академіи. Лучшія имѣнія Братскаго монастыря остались за польскою границей и навсегда имъ были потеряны, а остальные имѣнія не только не приращались, а постоянно расхищались представителями другихъ сословій, лишались прежнихъ доходовъ и облагались общегосударственными налогами и повинностями. Независимо отъ земельныхъ имуществъ, Братскій монастырь и Академія получали царской руги по 80 руб.

въ годъ, пособія изъ войскового скарбу по 200 руб., которое съ 1728 года прекращено было и возобновлено въ 1741 году, и митрополитанской консоляціи до 200 руб. въ годъ изъ вѣнечныхъ пошлинъ по кіевской епархіи, остававшихся въ распоряженіи епархіальнаго архіерея. Но всѣхъ этихъ средствъ далеко недостаточно было для содержанія монастыря и Академіи. Въ 1742 г. кіевская Академія чрезъ своего митрополита ходатайствовала предъ Св. Синодомъ, хотя и безплодно, объ уравненіи ея содержанія съ московской Академіей. Что же касается крупныхъ, экстраординарныхъ расходовъ по ремонту прежнихъ и постройкѣ новыхъ зданій въ монастырѣ и Академіи, то они обыкновенно производились насчетъ сбора милостыни отъ доброхотныхъ дателей. Съ 1766 года, по ходатайству кіевскаго генералъ-губернатора, на кіевскую Академію, въ замѣнъ прежнихъ денежныхъ пособій, стало отпускаться изъ казны по 500 руб. въ годъ, а съ 1786 года, по отобраніи монастырскихъ имуществъ въ казну по 9.000 руб., изъ коихъ 500 рублей должна была выдавать на содержаніе переяславской Семинаріи. Съ 1797 г. она получила на свое содержаніе по 12.000 р., а съ 1812 года по 24.000 руб. Кромѣ того, съ 1771 года, благодаря введенію кредитныхъ билетовъ и установленію кредитныхъ учрежденій, при Академіи образуется изъ пожертвованій отдѣльныхъ лицъ собственный неприкосновенный капиталъ, который къ къ 1841 году возросъ до 253.516 руб. 75 коп.

Въ страшный пожаръ 1811 года сильно пострадали отъ огня какъ монастырь, такъ и Академія: всѣ деревянныя постройки сгорѣли до тла; два купола на большой церкви обрушились; колокола на Братской колокольнѣ расплавились. Тотчасъ послѣ пожара наскоро исправлена была монастырская трапеза, въ которой поставленъ былъ иконостасъ сгорѣвшей кіевоподольской приходской Свято-Духовской церкви, вслѣдствіе чего и сама эта церковь стала называться вмѣсто Борисо-Глѣбской, Свято-Духовскою. Дальнейшее возстановленіе монастыря и Академіи произведено было насчетъ государственнаго пособія и закончено уже въ 1826 году.

Въ 1819 году кіевская Академія преобразована по проекту духовныхъ Академій, Высочайше утвержденному въ 1814 году и стала въ рядъ другихъ Духовныхъ Академій петербургской и московской, къ коимъ съ 1842 года присоединилась казанская. Вмѣстѣ съ ними она испытала и послѣдующія преобразованія въ 1869 и 1882 годахъ. По послѣднему уставу Духовныхъ Академій 1881г. казеннокоштныхъ воспитанниковъ полагается 120 человѣкъ. Но, сверхъ казенныхъ окладовъ, кіевская Дух. Академія имѣетъ еще до 40 постоянныхъ студенческихъ стипендій. Кромѣ того, въ эту Академію, какъ самую южную, обыкновенно направляются молодые люди изъ южныхъ православныхъ странъ, желающіе получить академическое образованіе, какъ, напр., южные славяне, греки, арабы, сирійцы и т. п., съ назначеніемъ для нихъ временныхъ стипендій отъ духовнаго и свѣтскаго привительства, такъ что число всѣхъ воспитанниковъ кіевской Дух. Академіи вмѣстѣ со своекоштными, доходитъ почти до 200 человѣкъ. Съ 1874 года ректоры Академіи, состоящіе вмѣстѣ и настоятелями Кіево-Братскаго монастыря, носятъ епископскій санъ и считаются викаріями кіевской епархіи.

Въ 1872 году при кіевской Дух. Академіи учреждены Церковно-Историческое и Археологическое общество и Церковно-Археологическій музей, помѣщающійся въ нижнемъ этажѣ стараго мазепинскаго корпуса академическаго. Въ музеѣ въ настоящее время насчитывается до 32.000 №№ предметовъ, кромѣ рукописей и книгъ. Онъ составился главнымъ образомъ изъ частныхъ коллекцій, пожертвованныхъ въ музей бывшими ихъ владѣльцами или ихъ наслѣдниками. Таковы: коллекція русскихъ иконъ, свыше 200, начиная съ XIV вѣка, пріобрѣтенная для музея бывшимъ ректоромъ Академіи епископомъ Филаретомъ (Филаретовымъ) у московскаго мѣщанина А. Сорокина, коллекціи кипрскихъ и вообще классическихъ древностей, монетъ и рукописей покойнаго начальника русской миссіи въ Іерусалимѣ архимандрита Антонина (Капустина), коллекціи иконъ и другихъ священныхъ древностей извѣстныхъ русскихъ паломниковъ А. Н. Муравьева и преосвященнаго Порфирія (Успенскаго), коллекціи Е. П. Демидовой, княгини Санъ-Донато, Н. А. Леонардова, В. Н. Фальковскаго и др. Музей получилъ большую извѣстность не только въ Россіи, но и заграницей. На содержаніе музея и общества не получается никакой

казенной субсидіи; но изъ добровольныхъ взносовъ и пожертвованій членовъ общества составился неприкосновенный капиталъ до 13.500 руб., проценты съ котораго и составляютъ теперь постоянный и главный доходъ общества и музея. [Необходимо добавить умолчанное авторомъ этой статьи о самомъ себѣ, что своимъ процвѣтаніемъ и достойною извѣстностію Церковно-Археологическій музей при кіевской Дух. Академіи (чуть ли не) больше всего обязанъ самоотверженнымъ трудамъ, научной энергіи и многостороннимъ знаніямъ заслуженнаго ординарнаго профессора этой Академіи Николая Ивановича Петрова. См. о немъ и у проф. *І. А. Бродовича*, Тридцатилѣтіе Церковно-Археологическаго музея въ „Трудахъ Кіевской Духовной Академіи" 1903 г., № 2, стр. 231—253.—*Н. Г.*].

Литература. 1) Исторія Кіевской Академіи іеромонаха († митр.) *Макарія* (Булгакова), Спб. 1843 г.; 2) Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ Академіею † *В. И. Аскоченскаго,* въ трехъ частяхъ (Кіевъ 1855—1856 гг.); 3) Кіево-Братскій училищный монастырь *Н. Ѳ. Мухина* (Кіевъ 1893); 4) Исторія Кіевской Духовной Академіи проф. *С. Т. Голубева,* вып. I (Кіевъ 1886); 5) Кіевская Академія во второй половинѣ XVII столѣтія проф. *Н. И. Петрова* (Кіевъ 1895); 6) Кіевская Академія въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія (рѣчь) *С. Т. Голубева* (Кіевъ 1901) [и ср. у *него же* въ „Трудахъ Кіевской Духовной Академіи 1906 г., № 12, стр. 537—540 въ примѣчаніи]; 7) Кіевская Академія въ первой половинѣ XVIII столѣтія *Д. К. Вишневскаго.* (Кіевъ 1903); 8) Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи, серія II (1721—1795 гг.), изд. подъ редакціей *Н. И. Петрова*, т. I, ч. 1 и 2 (Кіевъ 1904); 9) Кіевская Академія съ половины XVIII в. до преобразованія ея въ 1819 году *В. Серебренникова* (Кіевъ 1897); 10) Юбилейный сборникъ Кіевской Духовной Академіи 1869 г. (Кіевъ 1869); 11) Akademia Kijowsko-Mohilanska *А. Яблоновскаго*, Krakow 1899—1900 гг. (тенденціозная) [12) проф. *Н. И. Петровъ,* Кіевская Академія въ гетманство Кирилла Григорьевича Разумовскаго (1750—1765 гг.) въ „Трудахъ Кіев. Дух. Акад." 1905 г., № 5, стр. 51—93].

Н. Петровъ.

Кіонъ, св. мученикъ кандавальскій, III—IV столѣтія. Родомъ изъ селенія Кандавала, онъ вмѣстѣ съ Ѳеодоромъ, Міакомъ и Іуліаномъ въ царствованіе имп. Максиміана (286—308 г.) претерпѣлъ многообразныя мученія; наконецъ, всѣ они были изрублены на куски и сожжены. *Память ихъ 4 сентября.*

АА. SS. Boll. сентябрь II, 207 (при Максиміанѣ Галеріи); Минологій Василіевъ (Ὠκεανός); Никодимовъ Συναξαριστής (Кентиріонъ); Макар. Ч.-Минея; прологъ. По Іеронимову мартирологу, мученики пострадали въ Никомидіи.—*Сергій.*

Хр. Л—въ.

Оглавленіе X-го тома

„Богословской Энциклопедіи".

К.

(Продолженіе).

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦІЙ

X-го тома „Богословской Энциклопедіи".

Дополненія и поправки [1].

ТОМЪ I.

Стлб.:	Строки:	Напечатано:	Нужно:
769	15 сн.	867 году	767 году.

ТОМЪ II.

952		См. превосходное жизнеописаніе Франциска Борджіа par *P. Suau* (въ коллекціи „Les saints“ изданія парижскаго книгопродавца Lecoffre'a).	
1116	8—9 св.	Кириллъ *іерусалимскій*	Кириллъ *александрійскій*
1123	21 св.	1841 г.	1844 г

ТОМЪ V.

28	10 св.	См. еще *P. Aurelio Palmieri* O. S. A., Dositeo patriarca greco di Gerusalemme (1641—1707), Firenza 1909.	

---

[1]) Редакція усерднѣйше проситъ сотрудниковъ и читателей сообщать (по адресу: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, домъ № 180, кв. 5) всякаго рода исправленія, дополненія, недоумѣнія, замѣчанія и пожеланія касательно содержанія „Богословской Энциклопедіи“ редактору ея профессору Николаю Никаноровичу Глубоковскому, которому принадлежатъ нижеслѣдующія addenda и corrigenda (за исключеніемъ подписанныхъ именами самихъ авторовъ). При этомъ для освѣдомительной оріентаціи заявляется, что „Богословская Энциклопедія“, основанная и по пятый томъ включительно веденная покойнымъ († 1904, VIII, 22) проф. А. П. Лопухинымъ, въ дальнѣйшемъ продолженіи ставитъ своею главнѣйшею задачей сообщеніе строго точныхъ фактическихъ указаній при научномъ освѣщеніи ихъ по каждому вопросу съ возможною обстоятельностію, но безъ излишней пространности, умѣстной лишь въ изслѣдованіяхъ и спеціальныхъ трактатахъ. Ничуть не претендуя быть символическою выразительницей православія, „Богословская Энциклопедія“, однако, ведетъ свое дѣло и разсматриваетъ всѣ вопросы съ православной точки зрѣнія, сохраняя полную объективность въ тщательномъ и научномъ освѣдомленіи. Соотвѣтственно этому напередъ должны быть приведены всѣ необходимыя фактическія данныя (съ перечисленіемъ первоисточниковъ), потомъ уже представлены главнѣйшія научныя толкованія, объясненія и гипотезы и въ заключеніи—собственныя соображенія и выводы самого автора статьи. Это условіе имѣетъ силу не только для историческихъ, библейско-богословскихъ и под. статей, но и для чисто теоретическихъ, напр., этическихъ, догматическихъ и др. При каждой статьѣ—въ концѣ—прилагается указатель литературы предмета (печатаемый петитомъ): тутъ приводятся по возможности всѣ важнѣйшіе (именно „всѣ важнѣйшіе“, а не „всѣ“ вообще или „важнѣйшіе“ по выбору!) русскіе труды, а изъ иностранныхъ самые главные и такіе, гдѣ можно найти болѣе подробныя библіографическія свѣдѣнія, при чемъ желательно, чтобы особо выдѣлялись (краткими замѣтками) лучшія сочиненія, которыя наиболѣе полезны для подробнаго научнаго ознакомленія съ даннымъ вопросомъ. Въ исключительныхъ случаяхъ сжато излагается историческій ходъ литературнаго обсужденія извѣстнаго вопроса или предмета, но въ статьяхъ о писателяхъ (особенно русскихъ и вообще православныхъ) представляется возможно полный перечень всѣхъ (вообще, или хоть всѣхъ важнѣйшихъ) трудовъ съ обозначеніемъ существующихъ библіографическихъ указателей къ нимъ.—Въ интересахъ взаимнаго удобства, для сокращенія и облегченія редакторской работы редакція, вполнѣ надѣясь на дѣятельное сочувствіе задачамъ „Энциклопедіи“, усердно проситъ всѣхъ сотрудниковъ — постоянныхъ и случайныхъ—писать статьи и замѣтки четко (съ достаточными разстояніями между строками) и непремѣнно лишь на однѣхъ четныхъ (оборотныхъ) страницахъ, гдѣ необходимы и поля; каждая статья должна начинаться обязательно съ новой четвертины.

Петръ Емельяновичъ Задерацкій. Къ стлб. 633—634 въ V томѣ „Энц.“: здѣсь статья о протоіереѣ Петрѣ Ем. Задерацкомъ — духовномъ писателѣ—изложена очень неполно, а кромѣ того въ концѣ ея допущена ошибка—въ томъ, что приписано ему изданіе V выпуска „Славянскаго Ежегодника“—въ Кіевѣ—въ 1882 г., не смотря на то, что въ началѣ самой же статьи „Энц.“ сдѣлано указаніе о кончинѣ протоіерея П. Е. Задерацкаго въ 1848 г. Исправляемъ то и другое.

Протоіерей П. Е. Задерацкій родился въ 1818 г.—въ той части тогдашней Кишиневской епархіи (*Очаковская область*: города Одесса, Тирасполь и Ананьевъ съ ихъ уѣздами), которая отошла въ 1837 г. къ новоучрежденной епархіи херсонской и таврической. Поэтому онъ сначала учился въ кишиневской Дух. Семинаріи, въ которой дошелъ до философскаго класса, а въ 1837 г. поступилъ въ богословскій классъ новой херсонской Семинаріи, которая основалась въ Одессѣ, каѳедральномъ городѣ новой епархіи херсонской и таврической. (Впослѣдствіи *херсонская* Семинарія въ Одессѣ переименована была въ *одесскую* Д. Семинарію, какое названіе удерживаетъ и доселѣ; тогда какъ херсонская Дух. Консисторія, находясь тоже въ Одессѣ, удержала по прежнему названіе *херсонской* Д. Консисторіи, по имени епархіи—*херсонской*). — По окончаніи богословскаго класса въ 1839 г.—въ Одессѣ, П. Е. Задерацкій поступилъ въ число студентовъ кіевской Д. Академіи ІІ-го курса и въ 1843 г. выпущенъ изъ Академіи со степенью *младшаго кандидата*. По свидѣтельству одного своего академическаго товарища († кіевскаго каѳедр. протоіерея Петра Гаврил. Лебединцева), „Задерацкій въ Академіи пользовался репутаціей даровитаго студента и знатока греческаго и французскаго языковъ, и еще будучи студентомъ, приготовилъ для печати нѣсколько сочиненій, изъ которыхъ *два* помѣщены были въ журналѣ „Москвитянинъ“, издававшемся проф. М. П. Погодинымъ. Дѣйствительно, въ 40-хъ гг. прошлаго вѣка, и профессора и студенты кіевской Академіи помѣщали свои статьи—одни въ „Москвитянинѣ“ Погодина, а другіе—въ петербургскомъ „Маякѣ“ *Степана Онис. Бурачка*, генерала по инженерной части, но ревностнѣйшаго защитника православія и старыхъ русскихъ идеаловъ. Къ числу статей Задерацкаго, помѣщенныхъ въ „Москвитянинѣ“, и относится та, которая упомянута въ „Бог. Энц.“, именно: „Болгаре, поселенцы Новороссійскаго края и Бессарабіи“—1845 г., № 12-й. Предметъ статьи этой былъ хорошо знакомъ для Задерацкаго, какъ уроженца Новороссіи, обучавшагося много лѣтъ въ Бессарабскомъ Кишиневѣ.—Скоро по окончаніи академическаго курса, осенью 1843 г., Задерацкій принялъ санъ священства и назначенъ былъ на приходъ въ г. Кіевѣ—къ Старо-Кіевской Свято-Троицкой церкви и сдѣлался здѣсь преемникомъ своего тестя 80-ти-лѣтняго старца протоіерея Андрея Масненкова, который служилъ при этой церкви еще съ 1796 года и въ 1843 г. вышелъ за штатъ. Сдѣлавшись приходскимъ священникомъ въ Кіевѣ, о. П. Е. Задерацкій, по словамъ того же товарища своего † о. П. Г. Лебединцева, горячо принялся за дѣло пастырскаго своего служенія. Кромѣ частаго богослуженія, онъ проповѣдывалъ слово Божіе почти при каждомъ воскресномъ и праздничномъ богослуженіи; а дома всѣ досуги свои посвящалъ духовно-литературнымъ занятіямъ. Труды эти,—продолжаетъ П. Г. Лебединцевъ,—скоро усилили зародившуюся въ немъ еще въ Академіи грудную болѣзнь, которая прекратила земные дни его 24-го декабря 1848 г.—По смерти о. П. Е. Задерацкаго, — говоритъ о. П. Г. Лебединцевъ,—осталось значительное число рукописныхъ его проповѣдей и другихъ духовно-литературныхъ сочиненій. Къ сожалѣнію, они пошли по рукамъ знакомыхъ, и большинство ихъ не разыскано. Протоіерею П. Г. Лебединцеву удалось найти только два сочиненія о. П. Е. Задерацкаго, которыя и напечатаны имъ въ „Кіевскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ“, съ сообщеніемъ приведенныхъ нами выше біографическихъ свѣдѣній объ ихъ авторѣ.

Первое сочиненіе называется: „Замѣтки о Старо-Кіевской Свято-Троицкой церкви“ („Кіев. Еп. Вѣд.“ 1864 г., №№ 2 и 3). Въ этихъ „Замѣткахъ“ тщательно собрано и записано все, что относится къ исторіи этой церкви и хранящейся въ ней иконѣ Божіей Матери, благоговѣйно чтимой кіевлянами. Описанъ также здѣсь подробно и

синодикъ Троицкой церкви, очень интересный въ археологическомъ отношеніи. Въ немъ помѣщенъ цѣлый рядъ рисунковъ (около 30), довольно замысловатыхъ по изобрѣтенію и исполненію. Рисунки эти представляютъ нѣчто цѣлое и систематическое: это цѣлый трактатъ или живое наглядное поученіе о состояніи душъ по смерти и о необходимости и пользѣ церковнаго поминовенія у сопшихъ.— Рисунки въ синодикѣ относятся къ первой половинѣ 19-го вѣка. Каждый изъ нихъ снабженъ стихотворнымъ объясненіемъ, иногда очень обширнымъ [1]).

[1]) Для примѣра приведемъ описаніе нѣкоторыхъ картинъ — изъ первыхъ и послѣднихъ: 1) изображеніе священника въ церковномъ облаченіи, предъ жертвенникомъ, съ раскрытою книгою въ рукахъ. Надъ этою картиною, на хартіи, которую развиваетъ ангелъ, написано:

„Архіерей свѣтъ Іаковъ, братъ Божій,
Усопшимъ душамъ путь молитвенъ дать гожій:
Въ службѣ бо души кія поминаютъ,
Радости оныхъ многихъ поспѣшаютъ“.

Рамою этой картинѣ служатъ двѣ меньшія, овальныя. На правой: Авраамъ упокоявающій души на лонѣ своемъ. Онъ представленъ съ открытою пазухою, изъ которой выставляются маленькія головки человѣческія (это души); справа и слѣва, спѣшатъ и толпятся въ лоно Праотца нагіе маленькіе человѣчки—(тоже души).

Подъ картиною подпись:

„Праведныхъ души со Авраамомъ вѣрнымъ
Обогатятся здѣ блаженствомъ безмѣрнымъ.
Всякая душа тамо поспѣшайся,
Прелести міра всячески ошайся“ (sic).

На лѣвой сторонѣ: изображенъ святитель, въ мантіи, въ клобукѣ, съ архіерейскимъ жезломъ, стоитъ на берегу. Къ нему, съ отчаяніемъ, простираетъ руки пловецъ на доскѣ, стоящій на колѣняхъ, весь въ черномъ одѣяніи; подпись:

„Завѣта мертвыхъ кто не исполняетъ,
Душѣ изъ муки злы тѣхъ не освобождаетъ,
Митрополитъ се благъ Лука являетъ:
Яко человѣкъ въ мукахъ пребываетъ“.

2) На предпослѣдней картинѣ—черепъ человѣческій, лежащій на крестообразно сложенныхъ костяхъ (символъ смерти). На этой картинѣ три надписи: двѣ на самой картинѣ, а третья подъ нею.

Верхняя надпись:

Зри, человѣче, и познавай, чія сія глава?
По смерти твоей—твоя такова.
Глаголю сія зрящему на мя:
Убо бѣхъ, якоже ты; ты же будеши, яко же азъ.
Сія глава сама о себѣ сказуетъ:
И подобіе свое намъ показуетъ.

Средняя надпись: Кости зракъ
Смерти знакъ.
Зри се всякъ:
Будешь такъ.

„Изъ среднихъ картинъ—интересны семь рисунковъ, представляющихъ наглядную повѣсть о послѣдствіяхъ неправеднаго стяжанія ботатства, роскошной жизни, жестокосердія и не памятованія смерти.—Подпись подъ первой картиной начинается такъ: „Горе тѣмъ человѣкомъ, здѣ роскошно живущимъ, а о себѣ и о душахъ своихъ не радящимъ, грабящимъ, насилующимъ и при своемъ животѣ церквамъ Божіимъ, ни служителямъ церковнымъ не подающимъ!..“

Другое сочиненіе о. Петра Задерацкаго напечатано (въ „Кіев. Еп. Вѣд.“ 1865 г. №№ 2, 3 и 5) подъ заглавіемъ: „Замѣтки объ исповѣди. (Изъ записокъ духовника)“. Въ примѣчаніи къ этому сочиненію † прот. П. Г. Лебединцевъ говоритъ, что она найдена въ числѣ бумагъ, полученныхъ изъ Нижняго-Новгорода отъ одного изъ академическихъ товарищей покойнаго Задерацкаго. Оно сохранилось въ довольной цѣлости, но все таки—не кончено. Въ рукописи оно называется „Ручникъ“—т. е. ручная книга духовника. Какъ видно изъ предисловія, авторъ предназначалъ своей работѣ широкій размѣръ. Но и то, что изъ нея напечатано, можетъ принести большую практическую пользу для священно-служителей—и потому вполнѣ заслуживало бы изданія отдѣльной брошюрой.

Теперь поведемъ рѣчь по поводу кіевскаго „Славянскаго Ежегодника“ 1882 г. У протоіерея П. Е. Задерацкаго былъ сынъ **Николай Петровичъ Задерацкій**. Онъ окончилъ курсъ въ кіевскомъ Университетѣ по историко-филологическому факультету и былъ учителемъ кіевской 2-й Гимназіи. Былъ страстнымъ любителемъ славянской филологіи. Былъ членомъ и секретаремъ кіевскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества. Съ 1876 г. Общество это основало свой литературный органъ подъ заглавіемъ „Славянскій Ежегодникъ“ и выпускало его ежегодно въ видѣ отдѣльнаго сборника. Редак-

ція „Славянскаго Ежегодника“ поручена была Ник. Петр. Задерацкому, который помѣстилъ въ немъ массу своихъ статей, замѣтокъ и матеріаловъ какъ относительно современной жизни славянскихъ племенъ, такъ и по славянскимъ древностямъ. Вообще Н. П. Задерацкій съ величайшею ревностію трудился на учено-литературномъ поприщѣ. Очевидно, онъ унаслѣдовалъ любовь къ литературѣ отъ своего отца. Но къ несчастію, онъ унаслѣдовалъ отъ отца своего и расположеніе къ чахоткѣ, отъ которой скончался въ іюлѣ 1880 г.—При своей жизни онъ издалъ *четыре* выпуска „Славянскаго Ежегодника“. Смерть его задержала дальнѣйшій выходъ этого сборника,—и только въ 1882 г. вышелъ *пятый* выпускъ подъ редакціей молодого кіевскаго ученаго слависта А. В. Стороженко, магистра кіевскаго Университета. Въ первомъ, изданномъ послѣ смерти Ник. Петр. Задерацкаго выпускѣ „Славянскаго Ежегодника“ новый редакторъ его, естественно, счелъ себя обязаннымъ посвятить первое слово памяти прежняго редактора-трудолюбца. Во главѣ выпуска А. В. Стороженко напечаталъ матеріалъ для біографіи Н. П. Задерацкаго,—и здѣсь довольно распространился объ отцѣ его—протоіереѣ П. Е. Задерацкомъ, провелъ ту мысль, что именно онъ внушилъ своему сыну склонность къ литературнымъ занятіямъ, такъ какъ самъ былъ не только большимъ любителемъ литературы, но и оставилъ въ своихъ рукописяхъ очень талантливые опыты литературныхъ произведеній... Рукописи эти разсматривалъ г. Стороженко,—и вотъ тутъ случился съ нимъ курьезъ, который мы въ свое время отмѣтили въ газетѣ „Новое Время“ (въ одномъ изъ декабрьскихъ №№ 1883 г. или январскихъ—1884 г. фельетонъ подъ заглавіемъ: „Литературный курьезъ“). Въ бумагахъ протоіерея П. Е. Задерацкаго г. Стороженко нашелъ нѣчто въ родѣ сатирическаго очерка, написаннаго очень бойко и остроумно, въ которомъ описанъ какой-то *Живановъ*... Г. Стороженко пришелъ въ восхищеніе отъ талантливости очерка—и на этомъ основаніи сталъ доказывать, какими большими литературными способностями владѣлъ протоіерей Задерацкій и какъ жаль, что его сатирическій талантъ не могъ проявиться въ печати. Что же оказалось?—Оказалось, что этотъ очеркъ, найденный г. Стороженко въ бумагахъ протоіерея Задерацкаго, есть буквальный списокъ съ одного изъ знаменитыхъ „Губернскихъ Очерковъ“ извѣстнаго нашего сатирика Щедрина (М. Е. Салтыкова), появившихся первоначально въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ М. Н. Каткова въ 1857 г.—именно списокъ съ очерка подъ заглавіемъ: „Обманутый подпоручикъ“; только у Щедрина подпоручикъ этотъ называется *Живновскій*, а въ рукописи, найденной г. Староженко, онъ переименованъ въ *Живанова*.

Вотъ причина, почему въ статейку „Бог. Энц.“ о протоіереѣ Задерацкомъ попало упоминаніе о кіевскомъ „Славянскомъ Ежегодникѣ“ 1882 г. Онъ упомянутъ здѣсь по ошибкѣ, какъ трудъ протоіерея Задерацкаго; а на самомъ дѣлѣ авторъ замѣтки хотѣлъ указать на него, какъ на *матеріалъ для біографіи* протоіерея Задерацкаго... Но этотъ матеріалъ—оказывается—*фальшивый*.

Левъ Мацѣевичъ.

892	5 сн. и сл.	Римская церковь никогда не вносила въ Индексъ книги, благопріятствующія ученію о непорочномъ зачатіи, а въ XVII вѣкѣ въ пользу этой доктрины были три папскія рѣшенія: —Павла въ 1616 г., воспрещающее опровергать ее даже въ церковныхъ собесѣдованіяхъ; Григорія XV въ 1621 г., распространяющее этотъ запретъ и на частныя бесѣды; Климента VIII въ 1661 г., назначающее нарушителямъ этихъ запретовъ каноническія наказанія. См. въ двухтомномъ сочиненіи Mgr. *Malou*, L'Immaculée Conception de la Bienheureuse Vierge Marie, Buxelles 1857.

ТОМЪ VI.

205	25 сн.	См. еще т. VI, 1023; VII, 902; IX, 764; „Zeitschrift für Assyriologie“ 1908, November, S. 125—136: *S. Daiches*, Kommt das Tetragrammaton in den Keilinschriften? *G. E. Moore*, Notes on the Name Jahweh въ „Amer. Journ. of Sem. Lang. and Liter.“, July 1909, p. 312—318; Rabbiner Prof. Dr. *G. Kein*, Der älteste christliche Katechismus und die jüdische Propaganda-Literatur (Berlin 1909), S. 44—49: Schem hammephorasch.
343	32 св.	См. еще т. IX, 764; „The Journal of Theological Studies“ X, 40 (July, 1909), p. 481—496: Sir *H. H. Howorth*, The Influence of St. Jerome on the Canon of the Western Church.
811	17 св.	См. еще т. VIII, 862; IX, 765; *Theodor Innitzer*, Johannes der Täufer, nach der heil. Schrift und der Tradition dargestellt (ср. *Paul Krüger* въ „Literarisches Zentralblatt“ 1909, 12, 378—379).
940—941.		См. еще т. VII, 905—906; *Chrys. Baur*, O. S. B., S. Jean Chrysostome et ses oeures dans l'histoire litteraire, Louvain (Paris) 1907; русскія статьи и изданія (напр., Спб. профф. о. С. А. Соллертинскаго, А. И. Пономарева, Н. И. Сагарды въ „Церк. Вѣст.“, „Христ. Чтеніи“ и въ оттискахъ отсюда), кіевскаго проф. Д. И. Богдашевскаго въ „Трудахъ Кіев. Дух. Академіи“ по случаю 1500-ти лѣтія со дня кончины св. Іоанна Златоуста (14 сентября 1907 г.); ср. и *A. Palmieri*, San Giovanni Crisostomo nella letteratura russa, Roma 1908.
1004	2 сн.	См. еще магистерскую диссертацію проф. *А. П. Дьяконова*, Іоаннъ Ефесскій и его церковно-литературные труды, Спб. 1908.

ТОМЪ VII.

85	3 св.	См. еще т. IX, 765; *M. Ihm*, Cassian und Pseudo-Rufln въ „Hermes“ XLIII (1908), 3, 478—480.
196	20 св.	См. еще т. VIII, 863; *P. Fournier*, Études sur Joachim de Flore et ses doctrines, Paris 1909.
367	17 сн.	См. еще т. VII, 909; IX, 765; *Joh. Frey*, Der slavische Josephusbericht über die urchristliche Geschichte nebst seinen Parallelen kritisch untersucht, Dorpart (Leipzig) 1908; † Prof. Dr. *W. Fell*, Der Bibelkanon des Flavius Josephus въ „Biblische Zeitschrift“ VII (1909), 1, 1—16; 2, 113—122, а о трудѣ *A. Bosse* см. „Theologische Literaturzeitung“ 1909, 16, 454—455.
452	21 сн.	См. еще у проф. *Пл. Н. Жуковича*, Жизнеописаніе митроп. Іосифа Вельямина-Рутскаго, составленное митр. Рафаиломъ Корсакомъ, и сочиненіе Рутскаго объ улучшеніи внутренняго строя уніатской церкви въ „Христ. Чтеніи“ 1909 г., № 8—9, стр. 1089—1108.
892	25 св.	См. еще т. VIII, 863; IX, 765; *А. И. Миловидовъ*, Русскій календарь въ Сѣверо-Западномъ краѣ, его исторія и значеніе, Вильна 1908; *L. Schram*, Kalendariographische und chronologische Tafeln, Leipzig (Hinrichs) 1908.

ТОМЪ VIII.

64	4 сн.	См. еще *G. Esser*, Nochmals das Indulgenzedikt des Papstes Kallistus und die Bussschriften Tertullians въ „Katholik“ 1907, 8, 184—204.
175—176		См. еще т. VIII, 864; IX, 766; очеркъ проф. *В. Д. Попова* въ „Трудахъ Кіевской Дух. Академіи“ 1909 г., № 9, 10 и слѣд., а также обширную иностранную литературу по случаю исполнившагося въ 1909 году 400-лѣтія со дня рожденія Кальвина.
235	4 св.	См. еще Матеріалы для исторіи камчатской епархіи въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ за 1909 г., №№ 5, 6.
245	18 сн.	См. еще Rev. *L. Norman Tucker*, Western Kanada (въ Handbooks of English Church Expansion).

590	1 сн.	См. еще т. XI, 767; † *И. О. Синани*, Исторія возникновенія и развитія караимизма, ч. I—II (Симферополь 1888. Спб. 1890); проф. *В. И. Протопоповъ*, Караимы въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ 1909 г., № 5, стр. 640—658.	
686	22 сн.	См. еще т. IX, 768; *A. Mertens*, De Hierarchie in de eerste eeuw des chistendoms, Amsterdam 1908 (ср. *P. Alberts*, S. J. въ „Theologische Revue“ 1909, 12, 367 — 368); проф. *В. Н. Мышцынъ*, Устройство христіанской церкви въ первые два вѣка, Сергіевъ Посадъ 1909 (докторская диссертація, о которой ср. отзывы профф. *А. А. Спасскаго* и *А. И. Покровскаго* въ „Журналахъ Совѣта московской Дух. Академіи“ за 1909 г.).	

ТОМЪ IX.

22	13 сн.	Каролинговы или—вѣрнѣе—Карловы книги.	
30	4 сн.	См. еще *С. Масловъ*, Каванье Мелетія Смотрицкаго на честный погребъ о. Леонтія Карповича, Кіевъ 1908.	
69	1 сн.	Для Лукреція Кара см. новѣйшее изданіе Б р и г е р а.	
71	18 сн.	См. еще *A. Audollent*, Carthage romain (146 avant J. Ghr.—698 après J. Chr.), Paris 1901 (V) XXXII—850 стр., съ библіографіей (p. XIII—XXXII) и тремя картами.	
78	12 сн.	О карѳагенскихъ соборахъ см. статью † проф. *Т. В. Барсова* въ „Христ. Чтеніи“ 1876 г., II, стр. 405—439; 1877 г., II, 683—708.	
125	20 сн.	См. еще у *P. Sophr. Pétridès* въ „Revue d'Orienf Chrétien“ 1892, VII, p. 218—244.	
151	18 св.	См. еще т. IX, 769; работу † о. *П. А. Матвѣевскаго*, Катакомбы, Спб. 1867 (оттискъ изъ журн. „Странникъ“, 1867 г., май, стр. 49—77); книгу *В. П. Мордвинова*, Путеводитель православныхъ поклонниковъ по городу Риму (Спб. 1875); *Г. Буасье*, Катакомбы (переводъ Е. Д. Векиловой съ предисловіемъ В. Эрна), Москва 1907 (ср. „Гермесъ“ 1907 г., № 5, стр. 107—108).	
180	28 св.	См. еще т. IX, 769; Prof. Dr. *Henrich Kihn*, Patrologie II (Paderborn 1908), S. 441—449, а равно изд. катенъ *Никифоромъ Ѳеотоки*: Σειρὰ ἑνὸς καὶ πεντήκοντα ὑπομνηματιστῶν εἰς τὴν Ὀκτατεύχον καὶ τὰ τῶν Βασιλείων, т. I—II, Ἐν Λειψίᾳ τῆς Σαξονίας 1772—1773; акад. *Ѳ. И. Успенскій*, Константинопольскій серальскій кодексъ восьмикнижія (Софія 1907). *M. Faulhaber*, Katenen und Katenenforschung въ „Byzant. Zeitschrift“ 1906, 3—4, S. 383—395.	
180	12 сн.	См. еще *E. G. Gardner*, Saint Catherine of Siena: a Study in the Religion, Literature and History of the 14th Century in Italy, London 1908.	
192	5 сн.	1506 г.	1566 г.
202	2 сн.	См. еще Dompred. Priv.-Doz. *A. Lang*, Der Heidelberger Katechismen (Leo Juda's und Micron's Kleine Katechismen, sowie die zwei Vorarbeiten Ursins), mit einer historisch-theologischen Einleitung herausgegeben, Leipzig 1907 (ср. *Ferdinand Cohrs* въ „Theologische Litereturzeitung“ 1908, 23, 651—653).	
218	14 сн.	См. еще „Христ. Чтеніе“ 1844 г., II, стр. 223—267: „Исповѣданіе вѣры каѳолическія апостольскія восточныя церкви Петра Могилы“; ср. также Historia catechismi Russorum у *Hofmann*'а въ изданіи „Правосл. Исповѣданія“ (Breslau 1751).	
231	12 св.	См. еще у о. *Тамарати*, Исторія картвельскаго (грузинскаго) католичества (погрузински), Тифлисъ 1902, и у проф. *А. С. Хаханова* въ „Богосл. Вѣстникѣ“ 1901, II, стр. 163—180.	
231	16—32 св.	Нужно такъ: **Католическая церковь**... „прилагается, а по существу не можетъ быть усвояемо римской церкви, ибо означаетъ только единую истинную каѳолическую церковь, почему это названіе употребляется нами лишь условно—согласно неправильному ходячему литературному обычаю“.	
237	18 св.	*болѣе* 20	*до* 20
239	17 сн.	Праздникъ Сердца Іисусова переходящій.	

239	6 сн.	Преображеніе и Срѣтеніе празднуются и у римско-католиковъ 6 августа и 2 февраля.
240	3—5 св.	Но въ Римскомъ мартирологѣ именно о Пасхѣ сказано, что это solemnitas solenmitatum.
245	4 св.	1883 1803
252	23 св.	„Католическій соціализмъ“ называется на западѣ „христіанскою демократіей“, а для библіографіи (къ стлб. 267) см. еще „Communisme“ и „Democratie“ въ Словарѣ *Vacant* et *Magenot*, vol. III (col. 574—596), IV (p. 271—321).
321	18 сн.	Дюшенъ *не* „полагаетъ, что 1-й вселенскій соборъ имѣлъ дѣло съ четыренадесятниками“, а защищаетъ совершенно обратное мнѣніе.
339	15 сн.	Первое научное изданіе. Первое изданіе.
339	5 сн.	Переводы Квинтиліана на русскій языкъ — полный *А. Никольскаго* (2 тома, Спб. 1834) и X-й книги — *В. А. Алексѣева* (Спб. 1896). См. также изслѣдованіе г-жи *М. А. Холоднякъ*, Квинтиліанъ, какъ педагогъ, въ журналѣ „Образованіе“ 1895 г., стр. 541.
353	19—22 св.	Разумѣются католическіе святые *François de Sales* и *Françoise de Chantal*.
395	8 сн.	См. еще въ книгѣ † *А. И. Георгіевскаго*, Галлы въ эпоху Кайя Юлія Цезаря (Москва 1865), стр. 118 сл.
513	15 сн.	См. еще Prof. *A. Deissmann*, Johann Kepler und die Bibel, Marburg 1894.
569	8 св.	Ср. еще въ „Христ. Чтеніи“ 1863 г., III, стр. 357—368: „Латиняне на островахъ греческаго архипелага“; изслѣдованія *Спиридона Віагиса* о латинскихъ епископахъ на іонійскихъ островахъ въ аѳинскомъ журналѣ Ἁρμονία.
722—754		Къ литературѣ κοινή для статьи проф. *С. И. Соболевскаго* (которая въ переводѣ на новогреческій языкъ *Гр. Хр. Папа-Михаила* перепечатана въ александрійскомъ журналѣ Ἐκκλησιαστικὸς Φάρος за 1909 г.): Prof. Dr. *Ludwig Hahn*, Rom und Romanismus im griechisch-römischen Osten. Mit besonderer Berücksichtigung der Sprache. Bis auf die Zeit Hadrians. Leipzig 1909. *Gustav Adolf Gehard*, Untersuchungen zur Geschichte der griechischen Briefes, 1 Heft: Die Anfangsformel (Tübingen 1903). *Joseph Vogeser*, Zur Sprache der griechischen Heiligenlegenden (München 1907). Griechische und süditalienische Gebete, Beschwörungen und Rezepte des Mittelalters, herausgegeben und erklärt von *Fritz Pradel* (въ Religionsgeschichtliche Versuche und Vorarbeiten, herausg. von A. Dieterich und R. Wünsch III, 3), Giessen 1907 (со статьей проф. *А. Тумба* о греческомъ языкѣ молитвъ). † Прот. *Д. Т. Меѳорскій*, Нужда исправленія церковно-славянскихъ богослужебныхъ и учительныхъ книгъ (Спб. 1904). О Grammatik der griech. Papyri *Mayser*'а см. Prof. *A. Thumb* въ „Archiv für Papyrusforschung“ IV, 3—4. Prof. *Jean Psichari*, Essai sur le Grec de la Septente, extrait de la „Revue des Etudes juives“, Avril 1908, p. 161—208 (Paris 1908), гдѣ имѣется (p. 161—163) и подробная библіографія (ср. объ этомъ трудѣ у *Jacob Wackernagel* въ „Theologische Litaturzeitung“ 1909, 8, 227—228). *P. Kretschmer*, Κοινή und spätere Gräcität въ „Glotta“ I (1909), 4, 357—363. *Joseph Huby*, S. J., Le Grec du Nouveau Testament d'après les traveaux recents въ „Etudes“ XLVI, 118 (20 Janvier 1909), p. 249—252. *Henry St. John Thackeray*, A Grammar of the Old Testament in Greek according to the Septuagint, vol. I: Introduction, Orphorgaphy and Accidence (Cambridge 1909). *J. H. Moulton*, A Grammar of New Testament Greek, vol. 1, 3 изд. Edinburg 1908 (ср. Rev. *G. C. Richards* въ „The Journal of Theological Studies“ X, 38: Jannary, 1909, p. 283—290). *A. Boatti*, Grammatica del greco del N. T., con raffronti all' atticò, all' ellenistico ed al moderno, ai Settanta, alle inscizioni, ai papyri, part. I: Fonologia e morfologia (Rom 1908). *A. T. Roberson*, A Short Grammar of the Greek New Testament, New York (London) 1908 (но см. *A. Debrunner* въ „Theologische Literaturzeitung“ 1909, 8, 228—229)

Prof. *Ad. Deissmann*, Licht von Osten, 2-е изд. (Tübingen 1909), а для 1-го ср. *Paul Fiebig*, Das Griechisch der Mischna въ „Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft" IX (1908), 4, 297 — 314. *Frederick Owen Norton*, A Lexicographical and Historical Study of διαθήκη from the Earliest Times to the End of the Classical Period, Chicago (The University of Chicago Press) 1908. *Charles Bray Williams*, The Participle in the Book of Acts, Chicago (The University of Chicago Press) 1909. Prof. Dr. *Emil Wendling*, Die Entstehung des Marcus—Evangeliums: philologische Untersuchung (Tübingen 1908). *Dav. Heinr. Müller:* Die Bergpredigt im Lichte der Strophentheorie (Wien 1908); Das Johannes-Evangelium im Lichte der Strophentheorie (Wien 1909). Rev. *R. Martin Pope*, Studies in Pauline Vocabulary въ „The Expository Times" 1909 г., октябрь и слѣд. Rev. *A. J. Wilson*, Emphasis in the New Testament въ „The Journal of Theological Studies" X, 40 (July, 1909), p. 575—579. *H. P. Hatch*, Some Illustrations of New Testament Usage from Greek Inscriptions of Asia Minor въ „Journal of Biblical Literature" XXVII (1908), p. 134—146 (объ ἀγάπη, ἀναστρέφομαι, εὐσχήμων,—μόνως, ἡγεμών, κυριακός, νομικός, ξέστης, ὁ ἐπὶ τοῦ κοιτῶνος, ὁ καί, οἰκοδεσπότης, σὺν καί, τίτλος, υἱὸς πόλεως и о собств. именахъ). Объ отдѣльныхъ словахъ и реченіяхъ: ἐνεργεῖσθαι *John Ross* и Rev. Prof. *J. B. Mayor* (въ „The Expositor" 1909, I, 75—77; II, 191—192); ποταμοφόρος въ „Biblische Zeitschrift" VI (1908), 171; VII (1909), I, 48; κόφινος, σπύρις, σαργάνη † Dr. *F. J. A. Hort* (въ „The Journal of Theological Studies" X, 40: July, 1909, p. 567—571); προσκαρτέρησις въ Еф. VI, 18 Rev. *E. L. Hicks* (ibid., p. 571—572); ἁρπαγμός въ Филипп. II, 6 *J. Ross* (ibid., p. 573—574). *M. K. Margolis*, The Particle ἤ in the Old Testament въ „Amer. Jurn. of Sem. Lang. and Liter.", July 1909, p. 257—275; Rev. *Artur Carr*, The Meaning of ὁ κόσμος in James III. 6 въ „The Exporitor" 1909, X, p. 318—325. Prof. *Hermann Diels*, Elementum: eine Vorarbeit zum griechischen und latlinischen Thesaurus (Leipzig 1899). *A. Lemonnyer*, A propos du sens divers de Στοιχεῖον въ „Revue des sciences philosophiques et théologiques" 1907, p, 505—506. *H. A. Kielmann*, Der Ἄρτος ἐπιούσιος: eine sprachwissenschaftliche Untersuchung (Kreuznach 1883). *Eb. Nestle*, Ἐπιούσιος in Hebrew and Aramaic въ „The Expository Times" XXI, 1 (October 1909), p. 43. Rev *W. T. Whitley*, Technical Language in the New Testament въ „The Interpreter" VI, 1 (October 1909).

ТОМЪ X.

37	11 св.	См. еще *Siegm. Hellmann*, Pseudo-Cyprian: De XII abusivis saeculi въ „Texte und Untersuchungen" XXXIV, 1, Leipzig 1909 (ср. и у Jos. Denk въ „Theologische Revue" 1909, 16, S. 480—483).	
55	24—32 св.	См. въ „Русской Исторической Библіотекѣ", изд. Императорскою Археографическою Коммиссіею, томъ VI (подъ ред. † проф. А. С. Павлова), изд. 2 (Спб. 1908), № 17 на стлб. 159—164, гдѣ по рукописи Моск. Син. б-ки XVI в. № 222, л. 2 напечатано „Поученіе Кипріана, митрополита кіевскаго и всея Руси, игуменомъ, и попомъ, и діакономъ, и ко монахомъ, и ко всѣмъ православнымъ христіаномъ", но въ отрывкѣ Стоглаваго собора и на Московскомъ соборѣ 1503 (см. Акты Арх. Экспед. т. I, № 383, стр. 486) это произведеніе усвояется митр. Петру († 21 декабря 1326 г.). Ср. и у *Н. К. Никольскаго* въ „Христ. Чтенія" 1909 г., № 8—9, стр. 1110.	
66	14 св.	Лаеирѣ	VIII, Латурѣ
66	18—19 св.	Авлеатомъ	XI, Авлетомъ (81—58,55—52 г.г.)
160	14—13 сн.	іеродіаконъ	архидіаконъ
160	11 сн.	утверждаемыхъ	утверждаемыя
179	23 св.	*Кипнашъ*	*Киннамъ*
183	30 св.	Патинская	Латинская
209	28 св.	мясо, бѣлки	мясо бѣлки,

279	5 св.	См. еще *Joseph Mahe*, S. J., La sanctification d'après saint Cyrille d'Alexandrie въ „Revue d'histoire ecclésiastique" X, (1900), I, p. 30—59; p. 469—492. *Jos. Sickenberger*, Fragmente der Homilien des Cyrill von Alexandrien zum Lukasevangelinm въ „Texte und Untersuchungen" XXXIV, 1, Leipzig 1909 (ср. „Theologische Revue" 1909, 16, 483—485); *J.Scharnagle*, S. Cirilli XVII homilae sive epistulae paschalis interpretatio quae vulgo Arnobii junioris dicitur latina, Wien 1909.	
325	20 св.	См. еще *А. Князевъ*, Св. равноапостольные Кириллъ и Меѳодій, просвѣтители славянъ, и вліяніе ихъ подвиговъ на народное образованіе (съ изображеніемъ гравир. Л. Сѣряковымъ), Спб. 1866.	
377	17 сн,	См. еще статью: Кириллъ II, бывшій іерусалимскій патріархъ, въ „Оренбургскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ" 1877 г., № 19, стр. 642—644; № 20, 662—666 изъ „Церковнаго Вѣстника" 1877, № 3, часть неоффиц., стр. 2—4: „Еще по дѣлу о патріархѣ іерусалимскомъ Кириллѣ".	
388	4 св.	*30*	*35*
388	10 сн.	слова „надо думать"—опустить!	
389	4 св.	Нѣсколько лѣтъ назадъ монастырь былъ опустошенъ большимъ пожаромъ.	
389	30 св.	См. еще: 1) Житія святыхъ, чтимыхъ православною церковію, составл. преосвящ. *Филаретомъ (Гумилевскимъ)*, † архіеп. Черниговскимъ, февраль (Спб. 1900), стр. 34—41. 454—455; 2) *Л. И. Денисовъ*, Православные монастыри Россійской Имперіи (Москва 1908), стр. 582, № 565 (здѣсь указана нѣкоторая литература, но цифровыя данныя невѣрны: 1507 г. вмѣсто 1517-го о времени поставленія пр. Кирилломъ келліи; 1537 г. вмѣсто 1532-го — времени кончины преподобнаго; 1649 г. вмѣсто 1648-го—времени открытія его мощей...); 3) *Софія Дестунисъ*, Житія святыхъ составл. по Четь-Минеямъ и другимъ книгамъ, февр. (Спб. 1904), стр. 25—27 (монастырь ошибочно показанъ отстоящимъ отъ Бѣлозерска въ 15 верстахъ; повторена ошибка о 1649 г., какъ времени открытія мощей пр. Кирилла); 4) Минеи-Четьи на русск. языкѣ, кн. VI (Москва 1905), стр. 60—63 (тоже ошибка о 1649 г.).—*А. Бронзовъ*.	
414	5 св.	по богословію.	по богословію).
435	11 св,	Мцхэтскому	Мцхетскому
435	18 св.	Хтанесъ	Ухтанесъ
435	25 св.	См. еще у кн. *И. А. Джавахова*, Исторія церковнаго разрыва между Грузіей и Арменіей въ началѣ VII в. въ „Извѣстіяхъ Академіи Наукъ", VI серія, № 5—6.	
499	7 св. 23 сн.	*Шантени*	*Шантепи*
499		О китайской религіи см. еще въ Transactions of the Third International Congress for the History of Religions, Oxford 1908.	
511	211 св.	См. еще *Sauberzweig-Schmidt*, Drei Jahrzehnte deutscher Pioniermissionsarbeit in Süd-China 1852—1882, Buchh. der Berl. Miss. 1908.	

Къ стлб. **618**, 22 стрк. св. Кромѣ того, въ бытность кіевскимъ митрополитомъ, высокопреосв. Флавіанъ принимаетъ живое участіе въ высшемъ церковномъ управленіи, для чего ежегодно въ теченіе этого времени былъ вызываемъ въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Св. Синодѣ. Въ качествѣ члена послѣдняго, онъ принималъ участіе въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ коммиссіяхъ, напр., по бракоразводному вопросу (въ 1907г.), по вопросу объ устройствѣ внутренней миссіи (1908 г.), о коренной реформѣ церковнаго управленіи въ грузинскомъ экзархатѣ (1908 г.). Въ 1908 г. лѣтомъ, по порученію Св. Синода, высокопреосв. Флавіанъ руководилъ 4-мъ всероссійскимъ миссіонерскимъ съѣздомъ въ Кіевѣ въ качествѣ почетнаго предсѣдателя его. Въ 1906 г. высокопреосв. Флавіанъ былъ членомъ Высочайше учрежденнаго Предсоборнаго Присутствія. Лѣтомъ 1909 г. высокопреосв. Флавіанъ, по порученію Св. Синода, совершалъ торжественныя богослуженія въ Полтавѣ, въ Высочайшемъ присутствіи Государя Императора, по случаю празднованія 200-лѣтія Полтавской побѣды 27 іюня 1709 г. 28 іюня 1909 г., во время посѣщенія г. Кіева Государемъ Императоромъ, высокопреосв. Флавіанъ Всемилостивѣйше пожалованъ драгоцѣнною панагіей, украшенною бриллiантами.—Проф.-прот. *Ѳ. Титовъ*.

Къ статьѣ „Кіево-Печерская Лавра“: 1) Трапезная Антоніево-Θеодосіевска ковь недавно росписана внутри художественною живописью (къ стлб. 655, 11— 2) О церкви при митрополичьемъ домѣ (вмѣсто п. III на стлб. 655, 15 св.) такъ: III) *Благовѣщенская церковь при митрополичьемъ домѣ*, начатая построй 1904 г. и оконченная въ 1905 г. Она построена иждивеніемъ митрополита Флав мѣстѣ прежней, которая была построена въ 1840 г. въ примыкавшемъ къ наст скому дому одноярусномъ зданіи, служившемъ до того времени парадною столо большіе праздники Кіево-Печерской лавры. Вновь построенная Благовѣщ церковь, замѣнившая вмѣстѣ съ тѣмъ и Крестовую церковь, находившуюся въ с митрополичьемъ домѣ, состоитъ изъ двухъ этажей и хоръ, въ коихъ устроен дующіе 4 престола: 1) главный, во второмъ этажѣ, въ честь Благовѣщенія Богородицы, освященъ 30 октября 1905 г.; 2) въ нижнемъ этажѣ,—во имя свя Михаила, перваго митрополита кіевскаго, освященъ 1 ноября 1905 г.; 3) на справа—во имя святителя Флавіана, патріарха Цареградскаго, освященъ 2 1905 г., и 4) на хорахъ слѣва—во имя святителя Митрофана, перваго епископа нежскаго, освященъ 4 ноября 1905 г.

3) О библіотекѣ добавить (къ стлб. 672,6 св.): Въ 1908 г. вышелъ изъ первый томъ систематическаго каталога книгъ библіотеки Кіево-Печерской составляемаго нынѣшнимъ библіотекаремъ лавры игуменомъ Михаиломъ стянскимъ). Первый томъ каталога обнимаетъ 4.294 названія книгъ богосло содержанія. Въ 1909 г. лаврская библіотека значительно и существенно гатилась, благодаря тому, что высокопр. Флавіанъ, митрополитъ кіевс священноархимандритъ Лавры, передалъ Лаврѣ свое обширное и цѣнное ное собраніе. Это послѣднее собраніе содержитъ въ себѣ свыше 8.298 на и 15.088 томовъ книгъ богословскаго, церковно-историческаго, историческаго, л турнаго, юридическаго, философскаго и педагогическаго содержанія. Въ со этомъ имѣются очень цѣнныя изданія, какъ, напр., Полиглотта, патрологія и др. Очень богатъ въ немъ отдѣлъ историческій и особенно русскій церковно рическій. Замѣчателенъ также отдѣлъ сочиненій по церковному пѣнію. Высо освященный митрополитъ Флавіанъ построилъ, на собственныя средства, каменный двухъ-этажный флигель (между домами митрополичьимъ и намѣстнич для помѣщенія пожертвованной имъ Лаврѣ своей библіотеки. Въ верхнемъ помѣщается самая библіотека, а нижній этажъ занятъ лаврскою читальней, для рой пріобрѣтена и приведена въ порядокъ новая библіотека.

4) О Китаевской пустыни добавить (къ стлб. 673, 5 св.): Въ 1904 г. пост и въ томъ же году освящена церковь во имя препод. Серафима Саровскаго братской богадѣльнѣ Кіево-Печерской Лавры, находящейся въ Китаевской пус Рядомъ съ богадѣльнею помѣщается лаврскій свѣчной заводъ, выдѣлывающій выя свѣчи для потребностей Лавры и перенесенный сюда изъ прежняго пом нія при самой Лаврѣ въ одномъ изъ корпусовъ нынѣшняго лаврскаго гостеп наго двора.—Проф.-прот. *Θ. Титовъ.*

[Спб. 1909, X, 20—вторникъ.]

2007087031